А. Степанов
ЧИСЛО
И КУЛЬТУРА
А. Степанов
ЧИСЛО И КУЛЬТУРА

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

[В 2002 г. на издание этой книги был получен грант Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ, проект 02-06-87085), и в 2004 она вышла в издательстве "Языки славянской культуры", Москва (в отредактированном виде, т.е. несколько отличном от варианта на сайте).]

-
- ЧИСЛО И КУЛЬТУРА.
- ОГЛАВЛЕНИЕ1.4.2.1 СССР и СНГ 1.4.2.2 Территориально-политическая структура новейшей ЕвропыП.1. Вывод и решение уравнения из первой главы П.1.2 Как мы узнаем об общих решениях основного уравнения из первой главы?П.2. Системы со значимым порядком расположения элементов. Золотое сечение: западная и восточная парадигмы П.3. Германия в послеялтинскую эпоху и ныне АННОТАЦИЯ
- Вместо Предисловия, или Новое бессознательное
- 1.2. Теоретическая модель
- 1.3. Тройственные структуры
- 1.4. Кватерниорные структуры
- 1.4.2. Политические тетрады
- 1.4.3. Другие разновидности тетрад
- 1.5. Системы с иной логической структурой
- 1.6. Итоги первой главы
- 3.2 Российская федерация в СССР. Англия в Соединенном королевстве Великобритании и Северной Ирландии. Чехия в Чехословакии
- 3.3 Краткая историческая справка
- c, cx, cx2, cx3, cx4, cx5, …
- c, cx, cx2,
- 3.4. Биполярные партийные системы
- 3.5. Особые случаи бинарных систем: партийная система послевоенной Италии, процент участвующих в голосовании
- 3.6. Кватерниорные партийно-политические системы
- 3.7 Президентские и губернаторские выборы, иные сопутствующие отношения
- 3.8 Национальные большинство и меньшинство, национальные автономии и т.д.
- 3.9 Несколько чуть более сложных случаев. Варианты кватерниорных систем
- 3.10 Выборы в Государственную Думу России 19 декабря 1999 г. Замечания о Европе

- 3.11 Подводим итоги
- ПРИЛОЖЕНИЯ
- а)
- а)
- Рис. 1
- лимитроф
- Социальная стратификация и массовое сознание
- Что, собственно, произошло 11 сент. 2001 г.?
- Если не средний класс, то что?
- 1. Теоретическая модель (начало)
- 2. Предварительная верификация модели на реальных системах
- 3. Современная Россия, часть первая
- 4. Средний класс
- 5. Современная Россия, часть вторая
- 6. Характеристики пятикласовой идеологемы
- 7. Развитие теоретической модели
- 8. Альтернативы для России
- Заключение
- Приложение
- Литература
- ОБ АВТОРЕ

ЧИСЛО И КУЛЬТУРА.

Рациональное бессознательное в языке, литературе, науке, современной политике, философии, истории.

© Степанов А.И., 2001

[В 2002 г. на издание этой книги был получен грант Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ, проект 02-06-87085), и в 2004 она вышла в издательстве "Языки славянской культуры", Москва (в отредактированном виде, т.е. несколько отличном от варианта на сайте).]

ОГЛАВЛЕНИЕ

1.4.2.1 СССР и СНГ 1.4.2.2 Территориально-политическая структура новейшей ЕвропыП.1. Вывод и решение уравнения из первой главы П.1.2 Как мы узнаем об общих решениях основного уравнения из первой главы?П.2. Системы со значимым порядком расположения элементов. Золотое сечение: западная и восточная парадигмы П.3. Германия в послеялтинскую эпоху и ныне

АННОТАЦИЯ

Понятия под- и бессознательного, в частности коллективного бессознательного, известны, кажется, всем, как и толкования с помощью них ряда феноменов культуры, социально-политической жизни. Сны, мифы, сказки, организация первобытных племен, иные иррациональные проявления становились инструментом познания человеческого поведения, культурологических закономерностей, включая и современные. В отличие от подобных подходов, в книге формулируется понятие *рационального бессознательного*. Что стоит за этим сочетанием слов? – Вещи, собственно, общеизвестные и предельно простые.

Во-первых, мы, гордясь нашей разумностью, в конечном счете не знаем первоистоков рациональности. Например, какие силы ответственны за умение совершать тривиальные логические действия наподобие счета, элементарных комбинаторных манипуляций (сюда же и классификаций), за чувство меры, пропорциональности и т.п.? Мы постоянно пользуемся такими разумными способностями – и в повседневности, и в науках. Исчерпывающих же объяснений им, вероятно, не удастся дать никогда, поскольку всякое исследование так или иначе использует упомянутые операции, тем самым сводя объяснения к тавтологии, порочному кругу. Зато известно, что зачатками счета обладают не только первобытные люди, но и животные. Простейшая логика обладает дочеловеческими корнями и опирается на сферу неосознанного, бессознательного.

Во-вторых, для нас интересней развитие рациональных

способностей. Для обществ современного типа характерна всеобщность школьного обучения. Что прежде всего изучается в школах? – Арифметика и письмо. Первая – то, о чем непосредственно речь, но и в письме задействованы операции разложения на элементы (буквы, слова, предложения), последующего соединения, подчинение обязательным правилам. В старших классах удельный вес математических и математикоподобных дисциплин (физика, химия) отнюдь не снижается. Не лишенная грандиозности картина – из поколения в поколение, в разных странах независимо от языка, идеологии, социальной и религиозной принадлежности на протяжении лет, вдобавок в самом нежном и восприимчивом возрасте, мы осваиваем в сущности одни и те же предметы, тем самым вырабатывая устойчивую привычку к элементарным логическим действиям. Но это пол-дела.

Что далее происходит с обилием аксиом, теорем, приемов и формул, которые были пройдены в школе? – Большинство из них забывается, вытесняясь в полу- или полностью бессознательную сферу. Но прошли ли школьные годы бесследно? – Ответ "нет" нареканий, полагаю, не вызовет. Независимо от профессии, склонностей нам не удается уйти от стереотипов, от наработанных в детстве стандартов мышления. Вкупе мы все таковы, и элементарно-математическое становится тем, что всех нас роднит – помимо, поверх или, наоборот, "из-под низа" реального многообразия. В частности на таком основании и предложено понятие нового бессознательного – рационального и коллективного по природе. Указанная особенность общественной психики, согласно гипотезе, ответственна за множество черт как культуры (особенно массовой), так и социально-политической жизни. Те же резоны наделяют нас правом изучать целый ряд культурологических инвариантов, форм социальной организации и т.д. с помощью элементарно-математических методов, что, собственно, и оказывается главным предметом книги.

В первой главе исследуются предпосылки широкоизвестных представлений, в которых задействованы целые числа. Имеются в виду те числа, которые обладают не случайной, а внутренне необходимой природой, без которых немыслим смысл упомянутых представлений, – так сказать, имманентные, культурообразующие числа. Почему, например, в языке и в грамматике мы предпочитаем придерживаться модели трех лиц местоимений: Я – Ты – (Он, Она, Оно), – трех родов (мужского – женского – среднего), трех времен (прошлое – настоящее – будущее)? Почему та же цифра фигурирует и в других, не менее внутренне обязательных и целостных представлениях:

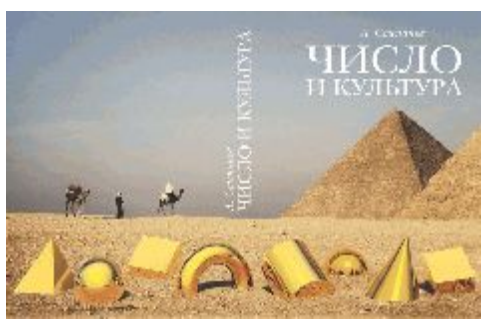
трехмерность пространства в классической физике, три класса современных западных обществ (богатый, средний и бедный), три ветви власти (законодательная, исполнительная и судебная)? В других случаях аналогичную структурообразующую роль берет на себя число "четыре" – скажем, размерность пространства-времени в теории относительности. Список примеров см. в *Оглавлении*. Характерная культурная роль принадлежит, конечно, не только двум названным числам, и в настоящей главе объясняется их генезис.

Тема второй главы – закономерности политического состояния массовых социумов в результате революций под соответствующими номерами. Что общее есть у стран, прошедших через одну политическую революцию, через две, через три, четыре и т.д. – каковы их политические достижения? Очевидно, что каждая из крупных политических революций рано или поздно заканчивается и ей на смену приходит относительно стабильное состояние. Следовательно, у нас есть право исследовать всякий массовый социум с той точки зрения, как будто его революции – уже за спиной (вплоть до следующей). В этот период поведение социума, его самосознание подчиняются неким стабильным, самосогласованным правилам, поскольку же социум – массовый, постольку данные законы и правила не могут быть иными, кроме наипростейших (массовое сознание – хрестоматийный образец примитивности). Область прошлого выступает в форме ярких пятен, поп-знаний о пережитых революциях, и это общее знание – мощнейший формообразующий фактор.

К примеру, у США до сих пор за спиной две основные революции: война за независимость (одновременно и антифеодальная революция) и Гражданская война (в рамках которой решался вопрос политического будущего). В Англии – то же количество: Великая английская и Славная революции. США и Британия – традиционные образцы либеральных режимов. Февральская революция 1917 г. в России (также вторая по номеру – после 1905-07 гг.), аналогично, принесла с собой социально-политическое освобождение, но вскоре произошедшая третья, Великая Октябрьская, заложила фундамент тоталитаризма. "Национальная революция" 1932-33 гг. в Германии – тоже третья по номеру (после революций 1848 и ноября 1918), с в принципе схожим, тоталитарным итогом (напротив, после ноября 1918 г. в Германии – Веймарская республика, отличавшаяся вполне либеральными в целом чертами). Поскольку закономерности, выявленные на историческом материале множества стран, оказываются достаточно четкими, а их объяснения – довольно простыми, постольку выводы возможно использовать и для

прогнозов: что следует ожидать от той или другой страны после очередной революции.

В третьей главе изучаются различные социально-политические пропорции и причины их появления. При этом больше всего внимания уделяется электоральным процессам. Почему одна партия (один кандидат в президенты, в губернаторы) получает на выборах такой-то процент голосов, а другая – отличный? Какие силы ответственны за фактические достижения? – На данном этапе исследования автор отказывается от известных электоральных теорий, предлагая собственную, кардинально более простую. Расчеты проводятся без привлечения результатов социальных опросов, без цифр о социальной, национальной, религиозной структуре социума, а опираясь на характерные признаки общественного сознания в процессе предвыборной гонки. Сравнение с эмпирическими данными показывает хорошую работоспособность предложенной модели, а также ее пригодность для описания выборов в весьма различных, казалось бы, странах: как издавна демократических, так и посттоталитарных. Общей чертой двух типов стран является образованность населения и, значит, подведомственность законам рационального бессознательного.



ЧИСЛО И КУЛЬТУРА.

Рациональное бессознательное в языке, литературе, науке, современной политике, философии, истории.

© Степанов А.И., 2001

[В 2002 г. на издание этой книги был получен грант Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ, проект 02-06-87085), и в 2004 она вышла в издательстве "Языки славянской культуры", Москва (в отредактированном виде, т.е. несколько отличном от варианта на сайте).]

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вместо Предисловия, или Новое бессознательное
Глава 1. Число и культура, или Симплексы в языке, науке, литературе, политике, философии
1.1 Введение
1.2 Теоретическая модель
1.3 Тройственные структуры

(лица местоимений; род: "мужской – женский – средний"; "прошлое – настоящее – будущее"; трехчастное членение времени у Конфуция, зороастрийцев; система грамматических времен в немецком языке; степени сравнения прилагательных и наречий: "положительная – сравнительная – превосходная"; артикли: "определенный – неопределенный – значимое отсутствие"; два главных и второстепенные члены предложения; "небо – земля – преисподняя" (рай – земля – ад); "тело – душа – дух"; "геосфера – биосфера – ноосфера"; "разум – чувство – воля"; три уровня "Я" у К.Ясперса; "больше – меньше – равно"; "числа рациональные – алгебраические иррациональные – трансцендентные"; "действительные числа – комплексные – кватернионы"; богатый – средний – бедный классы современного общества; дворянство – духовенство – третье сословие абсолютистской Франции; идеальное устройство в "Государстве" Платона: "правители – стражи – третье сословие"; сословное деление в царской России; три вида государственной службы: "военная – статская – придворная"; три ветви государственной власти: "законодательная – исполнительная – судебная"; институт трипартизма: "бизнес – профсоюзы – правительство"; суд: "обвинение (прокурор) – защита (адвокат) – судья (с заседателями или присяжными)"; образы правления: "автократия – олигархия – демократия"; типы законной власти по М.Веберу; стандартная классификация политических течений: "либерализм – консерватизм – радикализм" (варианты: "либерализм – консерватизм – марксизм", "либерализм – марксизм – национализм"); "правые – левые – центр"; Запад – Восток – "третий мир"; идеологема "третьего пути"; мир-системный анализ:

"экономическое ядро – полупериферия – периферия"; русская идеологема XIX в.: "православие – самодержавие – народность"; государственная идеология Таиланда и кхмерского Сангнума: "нация – религия – монархия"; А.Фергюссон: "эпохи дикости – варварства – цивилизации"; К.Ю.Томсен: "каменный – бронзовый – железный века"; "палеолит – мезолит – неолит"; "Древность – Средневековье – Новое время"; "Москва – Третий Рим"; "Третий рейх"; "Третье Откровение"; классическая система литературных родов: "лирика – эпос – драма"; "трагедия – комедия – драма"; литературный процесс: "автор – читатель – критик"; ингредиенты эстетического объекта по М.М.Бахтину: "автор – герой – слушатель"; треугольник Фреге: "действительный предмет – имя – смысл" (денотат – знак – десигнат); Ф. де Соссюр: "langage – langue – parole" (нем.: "Rede – Sprache – das Sprechen" или "Sprache – Sprachtum – Sprechart"); психическая структура личности по З.Фрейду: "подсознание – сознание – сверх-Я"; "вера – надежда – любовь"; сферы морального закона у Фомы Аквинского: "естественный закон – позитивный – божественный"; Агриппа фон Неттесхайм, миры, окружающие человека: "естественное царство стихий – небесный мир звездного свода – интеллигибельный мир"; тройки Я.Бёме; "истина – добро – красота"; высшие познавательные способности по Канту: "рассудок – разум – способность суждения"; "наука – искусство – философия"; Гегель: "всеобщее – особенное – единичное", "бытие – ничто – становление", "качество – количество – мера", "сущность – явление – действительность", "право – мораль – нравственность", "семья – гражданское общество – государство", "тезис – антитезис – синтезис"; стили жизни по С.Кьеркегору: "эстетический – этический – религиозный"; три основные парадигмы философии Нового времени у А.Н.Уайтхеда: "идеализм – материализм – дуализм"; большие человеческие расы: "белая – желтая – черная" (европеоидная – монголоидная – негроидная); этническое ядро американской нации: "англичане – ирландцы – немцы"; основные группы европейских народов: "романская – германская – славянская"; наиболее крупные мировые религии: "христианство – ислам – буддизм"; главные монотеистические религии: "христианство – ислам – иудаизм"; три ведущие ветви христианства: "католичество – православие – протестантизм"; ключевые религиозно-философские компоненты культуры традиционного Китая: "конфуцианство – даосизм – буддизм"; тройки героев народных сказок; пифагорейская классификация живых разумных существ: "бог – человек – существо, подобное Пифагору"; Паскаль: "Бог Авраама, Исаака, Иакова, а не бог философов"; римское право: "tres facuint collegium" (трое

составляют коллегию); число три у протоиранцев, китайцев, первобытных народов; структура моногамной семьи: "муж – жена – дети"; трехмерное физическое пространство; резюме)

1.4 Кватерниорные структуры
1.4.1 Предварительный список примеров

(четырехмерное релятивистское физическое пространство; агрегатные состояния вещества: "твердое тело – жидкость – газ – плазма"; фундаментальные физические взаимодействия: "сильное – электромагнитное – слабое – гравитационное"; "золотой век – серебряный – бронзовый – железный"; первоэлементы натурфилософии: "земля – вода – воздух – огонь"; четыре канонические Евангелия; четверки у А.Шопенгауэра, А.Бергсона; четырехмерное время у М.Хайдеггера; "Древность – Средневековье – Новое время – Новейшее"; общественно-экономические формации в марксизме: "рабовладение – феодализм – капитализм – коммунизм"; четвертый тип политических течений: большевики; "Три мушкетера" А.Дюма: "Атос – Портос – Арамис – д'Артаньян"; "Братья Карамазовы" Достоевского: три законных сына и один незаконный; "Золотой теленок" Ильфа, Петрова: "Козлевич – Балаганов – Паниковский – Бендер"; годовой цикл: "весна – лето – осень – зима"; страны света: "восток – юг – запад – север"; суточный цикл: "утро – день – вечер – ночь"; деление суток в немецком языке; четвертый литературный род; кватернионы К. Юнга; "рай – чистилище – ад – земля"; учение о Софии в русской религиозной философии; тетрады масскульта; "Трое в лодке, не считая собаки" Дж.К.Джерома; Beatles; симплексы)

1.4.2 Политические симплексы
1.4.2.1 СССР и СНГ
1.4.2.2 Территориально-политическая структура новейшей Европы
1.4.3 Другие разновидности тетрад

1.5 Системы с иной логической структурой
1.6 Итоги первой главы
Глава 2. Революции, "революции", общество. Логические циклы новейшей политической истории
Глава 3. Золотое сечение и другие пропорции в политике
3.1 Теоретическая модель. Послевоенное мировое сообщество: США и СССР
3.2 Российская Федерация в СССР. Англия в Соединенном королевстве Великобритании и Северной Ирландии. Чехия в Чехословакии
3.3 Краткая историческая справка
3.4 Биполярные партийные системы
3.5 Особые случаи биполярных систем: партийная система послевоенной Италии, процент участвующих в голосовании
3.6 Кватерниорные партийно-политические системы
3.7 Президентские и губернаторские выборы, иные сопутствующие отношения
3.8 Национальные большинство и меньшинство, национальные автономии и т.д.
3.9 Несколько чуть более сложных случаев. Варианты кватерниорных систем
3.10 Выборы в Государственную Думу России 19 декабря 1999 г. Замечания о Европе.

3.11 Подводим итоги
Приложения
П.1. Вывод и решение уравнения из первой главы
П.1.1 Несколько иной вывод основного уравнения из главы 1
П.1.2 Как мы узнаем об общих решениях основного уравнения из первой главы?
П.2. Системы со значимым порядком расположения элементов. Золотое сечение: западная и восточная парадигмы
П.3. Германия в послеялтинскую эпоху и ныне
Литература

Начало формы
Конец формы

Посвящается моей школе №30 в С.-Петербурге и особенно учительнице математики Г.С. Климовицкой.

Вместо Предисловия, или Новое бессознательное

Способность забывать, по заверениям врачей и психологов, – счастливая наша способность. Особый случай – почти специальное, намеренное забывание, когда из здравой памяти и дневного сознания вытесняется и сам акт забвения. Блокировка. По словам поэта: "Я забыл, что я забыл. Я забыл, ЧТО я забыл".(1) Психоаналитики в терапевтических целях помогают пациенту обнаружить скрытое в глубокой и темной пещере, вынести его на свет, по сю сторону порога сознания. Аналитическая психология, что важнее для нас, терапией не ограничивается. С первых стадий своего развития она выдвинула гипотезы не только о строении и механизмах психики, но и применила их к исследованию культуры, социума. Индивидуальное подсознание влияет на сознание человека, его мышление, язык, поведение, с его решающим участием протекают процессы творчества, интуиции, воображения, рождаются религиозные, художественные и даже научные образы. Бессознательное обладает как индивидуальной, так и коллективной природой (версия К. Юнга) и по-прежнему управляет культурой, ответственно за исторические феномены, регулирует здоровые и болезненные состояния, будучи своего рода прочной и питательной почвой, в которой прячутся корни как личной, так и общественной жизни. Таким образом, за генезис и формообразующую, креативную силу человеческой деятельности в значительной мере отвечают, согласно фрейдистской и юнгианской теориям, факторы под- и бессознательного.

С другой стороны, современные общество и культура идентифицируют себя в качестве рациональных ("слишком рациональных", по мнению многих). Применительно к науке и технике данное утверждение – общее место. Но и в отношении к экономическому, а также политическому устройству мы гордимся его целесообразной разумностью (а не, скажем, традиционностью, священностью) или сетуем на дефицит таковой. Даже нынешнее искусство понимается и санкционируется с помощью декларативных манифестов, интеллектуальной критики, искусствоведения; концептуальные схемы непосредственно вторгаются в саму плоть художественных произведений. Если и возникает намерение оградить какую-то область от экспансии чрезмерно рациональных методов, мы считаем долгом это

систематически *обосновать*, построить теорию, вступив на ристалище, где судят в основном по рациональным же правилам. Так произошло, в частности, с порывами Шопенгауэра, Ницше, Риккерта отстоять свободу "иррациональной" и/или неповторимой человеческой воли в истории и науке о ней.

Рассудочная активность продолжается как минимум десятки тысяч лет. Она не только обладает долгой историей, но и прошла через множество ключевых этапов, образовала целый ряд относительно обособленных друг от друга, послойных "отложений" – "археологических", "геологических" пластов – разных типов рациональности. Правдоподобно, что рациональность последних веков, т.е. Нового и Новейшего времени, оказалась беспрецедентно тотальной, превзойдя по своим интенсивным (накал) и экстенсивным (широта охвата) параметрам предшествующие периоды. Она, эта новая рациональность, качественно отличается от предыдущих и своим историзмом, и позитивным (позитивистским) уклоном. Что стало при этом со старым рациональным? Всё ли сохранилось в нашей ясной и твердой памяти, в нашем сознательном оперативно-логическом, мыслительном инструментарии?

Это в традициях нынешнего рационального, тронутого одновременно скептицизмом и прожектерством, по-шпенглеровски "фаустовского" человека – не только искать причины, надежные основы всего, но и не удовлетворяться ни одним из конечных найденных объяснений. Каждое из них всякий раз вновь подвергается критическому "кантовскому" анализу, рефлексии и ревизии; и мы спускаемся по лестнице дурной бесконечности от первичных наблюдаемых фактов к их основам, основам основ и т.д. Здесь не могли остаться не поставленными и вопросы о фундаменте и корнях самого рационального мышления, современного рационально организованного социума. Один из кажущихся естественным ответов XX в.: истоки рациональности следует искать в до- и внерациональном, эволюционные первопредпосылки институтов модернистского общества – в организации и верованиях первобытных родов и племен. Так сказать, причина бытия рациональности – в его не- или добытии. Помимо Фрейда и Юнга, лепта в такой подход внесена классиками культурологии, антропологии: Морганом, Тейлором, Леви-Брюлем, Леви-Стросом, Фрезером, Голосовкером и рядом других.(2)

Подобный ответ обладает одним неподдельным достоинством: он позволяет – хотя бы пока – оборвать лестницу названной дурной бесконечности, вручает право претендовать на специфическую *окончательность* объяснений. Действительно,

наука современного типа не только считает себя продуктом исторического развития, – она включает время, развитие (прогресс или, реже, регресс) в свой собственный метод, состав; она сама продуцирует изменчивость, не будучи в состоянии надолго остановиться, как сказано, и в перетекании от следствий к причинам, причинам причин… Древняя статика после Галилея, Декарта, Ньютона превращается в частный – и "бедный" – случай динамики. История становится эмпирической, позитивной наукой, последовательно изживая из собственного трактующего инструментария следы всяческого ахронизма в форме мифов, Священной истории, преданий или телеологии, извечных законов. "Начало" истории либо не существует, либо недостижимо, ее нижний предел последовательно отодвигается во все более далекое прошлое. Из философии и наук выброшена дискредитированная "вечная" метафизика (Кант, неокантианцы и, скажем, Карл Поппер). Эволюционный и даже прогрессистский подходы завоевали биологию, науки о культуре и обществе. Если отвлечься от идеологической заинтересованности и инвективной заостренности Рене Генона (что сам он, правда, навряд ли бы одобрил), то в его работах довольно точно схвачены характеристические черты современного образа мысли (см., напр., [95]).

В отличие от позитивных наук, психоанализ, этнология (3) обращаются к ахроническим субстанциям: к мифу (сначала древнегреческому), как Зигмунд Фрейд, к герметическому или религиозно-философскому знанию (алхимии, йоге, тибетским доктринам), подобно Карлу Юнгу, или к принципиально непрогрессивной, зиждущейся на всегда древних верованиях и представлениях первобытной общине, как, скажем, у Леви-Строса. Апелляция к сущностно вневременным, вернее, к идентифицирующим себя в качестве таковых, стихиям для обоснования современного динамичного, пребывающего в постоянном становлении и обновлении сознания, нынешнего исторического, прогрессистского социума приносит определенное удовлетворение модернистскому человеку, как бы останавливает и успокаивает беспрестанный бег его мыслей и чувств. Названные концепции разжигают наше воображение, несомненно впечатляют, но вот убеждают ли?

Что здесь настораживает? Во-первых, тот же Фрейд оперирует не столько самим греческим мифом, сколько его современной, адаптированной интерпретацией, преломленной сквозь современный же рассудок (А.Ф.Лосев в "Диалектике мифа" по аналогичному поводу отмечал: греческая мифология, пантеон выдуманы последующими исследователями, см. [190].(4)) Не

только аналитики, но и массы обычных людей, входя в жизнь, воспитывая свой ум, память, воображение, знакомятся с мифами, сказками или былинами во вполне осовремененной версии, а нынешние дети и вовсе смотрят рекламные ролики, черепашек-ниндзя, Вольтронов, трансформеров или гоняют Змея Горыныча по дисплею компьютера. Аналогично, Юнг, конечно, не из цеха алхимиков и использует не столько их собственные, аутентично-невнятные категории, сколько транскрибированные современным же пониманием. Не иначе обстоит и с культур-антропологами, в связи с чем можно напомнить замечание Теодора Адорно в работе "К логике социальных наук" о роковой опасности для социологии: впасть в несоответствие методов и предмета исследования (в картине как примитивных общин, с одной стороны, так и индустриального общества, с другой), вызвать противоречие между структурой и объектом социологии [417, S. 598]. Таким образом, непросто избавиться от впечатления, что в имплицитных указанным концепциям объяснениях генезиса и природы современной рациональности (в культуре ли, в социуме) мы встречаемся с незаметно или искусно вмонтированной тавтологией, idem per idem, когда в процессе доказательства используется то, что еще предстоит доказать, и модернистская рациональность объясняется в конечном счете через нее саму. Вопрос о первичности яйца или курицы оставлен неразрешенным. Ситуация напоминает ту, которую в начале века Эдмунд Гуссерль [115] подверг нелицеприятной критике (напомним, что в ответ на тогдашние претензии психологии занять место некоей сверхнауки, матери всех наук, не исключая и логику, Гуссерль остроумно заметил: а не использует ли заведомо психология, как наука, ту самую логику, происхождение и природу которой она силится объяснить?).

Во-вторых, истолкование рационального (эмпирического, теоретического) с привлечением вне- и иррациональных феноменов не вполне безобидно. Внесение в аппарат рациональной науки мифологических, религиозных, герметических образов и категорий, глубоко инородных ей, нарушает ее чистоту, размывает конститутивную критериальную строгость. С одной стороны, психоанализ, структурная антропология действительно привлекают своей "объемностью", "полнотой", т.е. смешанным статусом – на стыке науки, искусства, религии, – будоража воображение и по-своему убеждая. Но такое убеждение в конечном счете оказывается скорее софистическим, чем настоящей доказательной строгостью наук рациональных. Поэтому, с другой стороны, здесь должны быть отмечены и явственные черты, роднящие их с паранауками (это не осуждение,

лишь констатация). Кстати, сам Юнг не стеснялся открыто называть собственную аналитическую психологию то "западной йогой", то "алхимией XX века" [391, с. 20].

Каков же выход? Остаться ли вместе с позитивистскими социологией, культурологией и в конце концов отказаться от объяснений многих действительно реальных вещей? Или привлекать-таки методы упомянутых "художников от науки", разрабатывая ниву имагинации, герменевтической искусности, изощренности, но, увы, не последовательно строгого рассудка читателя? Из двух возможностей более обещающей кажется третья. Объяснения рациональных моментов в сознании, языке, социуме, в их формах и структурах возможны и без выхода за границы рационального мышления. Специфически современная рациональность может исследоваться с помощью рациональности принципиально иного, более древнего, типа, – но с таким расчетом, чтобы не впасть в вышеупомянутое противоречие между предметом и методом исследования. Т.е. из всего состава старо-рационального должно быть отобрано и использовано только то, что не противоречит новой рациональности, подразумевается последней, на что получены ее санкции.

В чем плюсы предлагаемого подхода? Во-первых, старо-рациональное не менее "статично", сущностно ахронично, чем перечисленные миф, герметические учения или первобытный социум. Поэтому упоминавшееся достоинство играющей с "иррациональностью" культурологии, социологии: прерывание дурной бесконечности в поисках оснований современной изменчивой, открытой рациональности, а также преодоление антиметафизического духа, соответствующей "нищеты" позитивистских наук, – в данном случае сохраняется. В математической сфере к примерам типологически древнего, "фундаменталистского" знания могут быть отнесены, скажем, счет и комбинаторика, арифметические и геометрические пропорции, теоремы пифагорейского цикла (о прямоугольном треугольнике, об иррациональности ряда радикалов, первоначально $\sqrt{2}$), свойства треугольников, многоугольников, многогранников, диофантовы уравнения и др. Во-вторых, мы не покидаем в данном случае пределов рациональности как таковой, избегаем ее эрозии под воздействием атакующей паранаучности или эмпатической художественной образности.

Да, нам по-прежнему не удается избавиться от модернизации типологически старого знания: наше понимание Фалеса Милетского, Пифагора, Эвклида, Герона, математических построений халдейских магов, египетских и индийских жрецов, китайских даосов, разумеется, отлично от аутентичного. Однако

оно обладает как минимум не меньшей, а иногда и большей точностью и обязательностью. Мы не контаминируем, не наносим ущерба ни старому знанию (неадекватной современной интерпретацией), ни рациональности новой (привнесением в нее давно или исходно чуждых ей категорий). Обе стороны: и объясняющее, и объясняемое, – в данном случае синхронно упрочиваются, выигрывают, а значит, в выигрыше и их общее дело. Несмотря на модернизацию языка описания, обозначений, инструментальных методик, здесь, несомненно, сохраняется и преумножается главное: логическая чистота и критериальная строгость. Старое знание – и в историческом, и в систематическом планах – было и остается основанием рациональности современного, позитивного типа, мало того – оно сосуществует с последней по настоящий период. Если рационализированная интерпретация мифа, герметизма или первобытного социума является искажением их собственной ментальности, стержневой самоидентификации,(5) то применительно к архаической рациональности такого, к счастью, не происходит: к примеру, как и тысячелетия назад, мы загибаем пальцы при счете. Она, эта древняя рациональность, никогда, собственно, не умирала (скажем, геометрию Эвклида изучали и в Древних Греции, Риме, и в средневековье, и ныне), традиция – не прерывалась.

Совсем иначе, понятно, обстоит с той же греческой мифологией. С чего бы это мне, современному русскому или китайцу, мыслить в категориях Эдипа, Электры или Одиссея и полагать, будто Эдип – это я в отношениях с собственным отцом или "отцом народов" Сталиным, Мао Цзэдуном? Почему мне непременно считать, что некое нигредо средневековых алхимиков отражает момент трансформации моей личной или социально-политической жизни? Если так полагал кажущийся мне полоумным алхимик, это его личное дело; разве это основание, чтобы я отождествлял себя с прячущимся за толстыми стенами мрачного замка затворником? В отличие от древнего рационального, в частности математического, знания, в таких процедурах присутствует очевидная произвольность, факультативность, апелляция к ярким, но внутренне не обязательным примерам и феноменам. Метафора становится едва ли не главным инструментом познания. Санкции со стороны современного разума на подобную процедуру могут быть как получены, так и может быть отказано в них – в зависимости от субъективных вкусов и предпочтений. Да и не требуется ли для того, чтобы всерьез сравнить себя с чуждой личностью, предварительно стать шизофреником; чем в принципе отличается

мнение о себе как об Эдипе от убеждения, что я – Наполеон или Навуходоносор?

Повторим, толкование ново-рационального (культуры и социума) через типологически старое, но по-прежнему рациональное, конечно, не может претендовать на объяснение рационального вообще, рациональности как таковой – иначе мы вновь попадем в капкан тавтологии, скрытых подтасовок и неизбежных противоречий. Поэтому целесообразно сузить поставленную задачу и исследовать природу и формы главным образом модернистской рациональности – на фоне и методами рациональности принципиально иной ("древней", "архаической"). В конечном счете наш основной интерес – прежде всего мы сами, наши культура и общество.

Разумеется, следует обстоятельнее пояснить, каковы права на отделение статической старой рациональности от специфически современной – позитивистской, лабильной. Этой цели, на наш взгляд, в состоянии послужить следующие соображения.

Прежде всего, возвратимся к поставленному выше вопросу: все ли из старо-рационального сохраняется в твердой и ясной памяти современного человека, в его активном оперативно-логическом арсенале? В средней школе мы изучаем множество математических приемов и теорем. Что происходит с ними затем в нашем сознании? Кое-что из них, безусловно, сохраняется и проносится через всю сознательную жизнь (так, большинству из нас удается правильно сосчитать собственную зарплату или причитающиеся проценты по банковским вкладам). В отношении же к другим секторам наблюдаются интересные странности.

Люди гуманитарного склада стремятся как можно скорее забыть кошмар школьных уроков арифметики, алгебры, геометрии, стереть из памяти малейшие следы детских мучений и неудач. Даже косвенный намек на некие формулы, выкладки воспринимаются ими как дерзкое покушение на честь и достоинство, как угроза их сегодняшней самоидентификации, самоуважению. Что с того, что тому же юристу, филологу приходится так или иначе использовать в своей профессиональной деятельности элементы, скажем, сложно-комбинаторного мышления? – То же самое в более строгой и компактной форме, т.е. в виде формулы, вызывает протест: "Это не имеет ко мне, к моему предмету ни малейшего отношения!".(6)

Не менее любопытная ситуация и с представителями точных, технических отраслей. Тот же инженер, изучив в Вузе несколько разделов относительно современной, так называемой высшей, математики и, возможно, используя кое-что из них в своей повседневной работе, давно забыл, например, что точка

пересечения медиан треугольника отсекает одну треть их длины. "С какой стати я должен помнить об этом? Какое отношение это имеет ко мне? Да, факты подобного простейшего рода в конечном счете лежат в основаниях моей собственной профессии, но на практике мне это совершенно не нужно!" – Случайная встреча с подобными элементарными истинами воспринимается в лучшем случае как некий фокус, занимательный казус или вызывает снисходительную улыбку как ностальгическое воспоминание о давно забытых милых детских забавах.

По-своему занятен и психологический комплекс тех, кто вынужден помогать своим детям в учебе. "Папа, у меня задачка не выходит!" – Папа отрывается от футбольного матча по телевизору, приосанивается и надевает очки: "Та-а-ак, посмотрим" (оставим в стороне ответ "Спроси у мамы", рассмотрим случай "хорошего" папы). Папа, конечно, основательно подзабыл правила обращения с цепными дробями. Если он не справится с задачей для третьего класса, на его голову в глазах сына падет черный позор, авторитет будет подорван. Если пример все же удастся осилить, то это будто бы само собой разумеется: "Папа заканчивал институт, он владеет даже высшею математикой". Подобная семейная игра – с заведомо не нулевой суммой, в которой можно многое проиграть, но, увы, мало что выиграть. На приглашение к играм подобного сорта в другой ситуации мы наверняка бы ответили: "Это нахальное шулерство!" Но кто по-настоящему знает и помнит рассматриваемое старо-рациональное (за исключением горстки узких специалистов)? – Наверное, школьные преподаватели. Однако мы относимся к ним едва ли не со снисхождением, а в ультрасовременной Америке предпочитают не жениться на учительницах, и учитель после 15-летнего стажа не дает показаний в суде.

Таким образом, можно констатировать вытеснение старо-рационального из области "нормального" взрослого мира, с поля актуальной культуры, общественной жизни. Проиллюстрированное на уровне персональных реакций – так сказать, в аспекте онтогенеза – воспроизводится и в коллективно-историческом, филогенетическом плане: стремительно изменяющиеся, уходящие вперед наука, культура, социум тщательно забывают, а то и рубят собственные "хвосты". В связи с чем, вероятно, допустима следующая гипотеза: наряду с тем бессознательным, которое изучают психоаналитики, культур-антропологи (и которое мы рассматривать отказались), существует и так называемое *новое бессознательное*, слагающееся из задвинутого в темный чулан или "отработанного" рационального. Подобно богатой соками почве, оно питает ныне

живущие культурные и социальные организмы и при этом является продуктом тысячелетий социокультурного мира предшествующих поколений. Она, эта почва, заодно служит и основанием современных цветущих форм деятельности, сознания, социальной организации. Наша способность забывать и даже намеренно изгонять из памяти, психически блокировать все "ненужное" и/или неприятное ответственна за упомянутую изоляцию, формирование нового бессознательного. Чему способствует и всеобщее устоявшееся мнение: "Школьное знание, школа – это одно, а взрослая, т.е. серьезная, настоящая, жизнь – совершенно другое", – и это становится еще одной предпосылкой каждодневного, самовоспроизводящегося отделения старого рационального от современного. Старо-рациональное – нечто пассивное, неизменяемое, искусственное; ему учат в огороженных резервациях, т.е. в школах, тогда как новое – истинная сфера приложения наших сил, область подлинных, свободных, невыдуманных интересов.

Бессознательное, в данном случае новое бессознательное, – здесь мы полностью солидарны с аналитической психологией – решающим образом влияет на человеческое воображение, интуицию, кредо (априорные, необсуждаемые предпосылки), на интеллектуальные, эстетические, социальные плоды развивающейся современной реальности. Однако на сей раз, в отличие от психоаналитического бессознательного, оно оказывается вполне рациональным по природе и, значит, подлежащим рассудочному анализу. Термины "новое бессознательное" и "рациональное бессознательное" поэтому отныне будут использоваться как синонимы.

Рациональное бессознательное слагается не только из некогда пройденного в школе, а затем полностью или наполовину забытого. В него входят и те разделы старо-рационального, с которыми нам, возможно, никогда не доводилось знакомиться, но которые, однако, принадлежат тому же единому корпусу, с необходимостью связаны с тем, что изучалось. О таких разделах у нас нет никаких, даже смутных, воспоминаний, и все же они дают знать о себе на уровне спонтанных догадок,(7) на уровне, так сказать, "априорного предзнания". В состав рационального бессознательного может быть включено и то, что забыто современной культурой в целом, и, тем не менее, остающееся ее негласной, но обязательной предпосылкой.

Это и понятно: обыкновение забывать присуще не только индивидам, но и целым народам, цивилизациям. Ведь процесс сохранения любого из положений рациональной культуры требует непрестанной работы; воспроизводство – результат не

только постоянных усилий, но и новых жертв (не говоря об ординарных финансовых затратах, каждый может вспомнить, скажем, о собственных слезах, когда заставляли заучивать таблицу умножения). Прежние математические достижения теряют и сами математики. В качестве примера можно привести одну из бытующих версий, почему на протяжении трех веков не удавалось доказать большую теорему Ферма, формулировка которой элементарна.(8) Стоит ослабить пристальное внимание – и целые области рационального попадают на периферию поля интеллектуального зрения, а не то и в "слепую зону".

Исключительно высокая формообразующая роль рационального, в нашем случае старо-рационального, обязана не только пресловутому технократизму индустриального общества, глубокому проникновению рациональных парадигм и в гуманитарное, в социально-политическое мышление, в реальное поведение. Наши эвристическая деятельность, историческое творчество в значительной степени подпадают под юрисдикцию платоновской схемы: достижение нового знания есть "припоминание". При встрече – в научных теориях, в произведениях искусства, в политических и государственных конструкциях – с элементами старо-рационального происходит акт "узнавания", осуществляется своеобразное освобождение из плена забвения, "орфическое воскрешение", вызывается соответствующий "катарсис". Причем, возрождается, прорывается на поверхность тот инфрауровень нашей ментальности, который освящен непререкаемым авторитетом, когда последний еще существовал для нас: для нас лично (учителя, родители), для нас вместе (патриархальное общество, мудрецы, Учителя с большой буквы). Как при всяком выныривании существ из глубин "внутреннего моря" подсознательного, мы испытываем как восторг, так и страх, цепенея перед химеричностью, нуминозностью.

Не только этим обусловлен регулятивный статус старо-рационального. Если миф обладал экзистенциальною силой, располагал не только познавательной, но и самопознавательной, идентифицирующей функцией, то он был, во-первых, разным для разных эпох и народов и, во-вторых, недостаточно по современным меркам организованным, систематичным, самосогласованным: одни его части могли противоречить другим или вообще с ними не соотноситься. Совсем иначе в сфере старо-рационального: оно куда более систематично, универсально, логически согласовано, что придает ему конститутивную прочность, устойчивость. Поэтому оно гораздо лучше отвечает привычкам современных человека и общества. Последнее резко

повысило свою коммуникативную связность по сравнению с предшествующими эпохами, они оба стали более чуткими и менее терпимыми к противоречиям, нестыковкам, произвольности. Внутреннее равновесие – и модернистского человека, и социума – в большей мере достигается на дорогах не мифа, а обязательного, "естественного" старо-рационального. Именно к последнему во многом переходит та экзистенциальная, "спасительная" (и/или "избавительная", компенсаторная) роль, которую психоанализ отводил иррациональному бессознательному.

Но инвентаризация рационального бессознательного еще не закончена. Наряду с тем, что мы знали, да забыли, с тем, что большинство конкретно никогда не изучало, и с тем, что оказалось заброшенным культурою в целом, существуют и другие сектора. Вдоль одного из них мы скользнули в сноске о теореме Ферма – это то, что по каким-то причинам так и осталось ненайденным, неэксплицированным соответствующей культурой. На каком основании мы можем судить о реальности неоткрытого, наделяя его вдобавок статусом рационального? – На помощь приходит компаративистика, т.е. сравнительная культурология: например, европейцам вплоть до Нового времени были неизвестны ни алгебра, ни отрицательные числа, ни нуль, тогда как арабы, индийцы, китайцы уже веками работали с соответствующими понятиями. Европейское средневековье не забывало ни натурального ряда, ни дробей, но чем оказывались для него отрицательные числа и нуль? – Последние принадлежали, во-первых, к кругу рациональных понятий, во-вторых, понятий тесно логически сопряженных с привычными положительными числами и, в-третьих, европейцами еще не освоенных.

О существовании соседних с действующими, но, тем не менее, никогда не открытых рациональных областей говорит и лауреат Нобелевской премии по физике американец Е.Вигнер.(9) Заметим, что и в мифах существовала не только популярная, экзотерическая часть, но и скрытая, эзотерическая: либо сознательно оберегаемая жрецами, либо неизвестная даже им самим (поэтому исследования никогда не прекращались, к ним привлекались достижения служителей и других, иноземных культов).

В специфическую подзону рационального бессознательного можно выделить те случаи, когда мы пользуемся несобственно рациональными, скажем, технологическими, инструментальными, определениями для каких-нибудь вещей, операций, не стремясь или до поры будучи не в состоянии выяснить их чисто

рациональную природу. Так было, в частности, на протяжении двух с половиной тысячелетий в математике, пользовавшейся построениями с помощью циркуля и линейки (инструментальный критерий). Лишь в XIX в. сформулирована полная совокупность логических условий, стоящих за подобной инструментальностью. Чем были такие условия до упомянутой формулировки? Сказать, что открытие данной области еще не состоялось, неточно: дескрипция через циркуль-линейку по-своему удовлетворительна и достаточна, – но ее собственно рациональная основа долгое время оставалась полулатентной.

Следует указать и на так называемое межцивилизационное старо-рациональное, т.е. на то, что ни одной из исторических цивилизаций в полном объеме известно не было, но что, тем не менее, находило воплощение: одна цивилизация разрабатывала одну логическую интенцию, другая – вторую, но они обе – как две стороны медали некоего общего рационального. Один из таких прецедентов применительно к Востоку и Западу будет затронут в *Приложении 2*. В подобных случаях можно говорить о своеобразном немом диалоге, комплементарности и определенном рациональном, логическом единстве человеческой культуры в те века, когда ее ветви, казалось, почти не пересекались. Почему межцивилизационное рациональное мало-помалу открывается нам? – Вероятно, потому, что в XX в. мы стали особенно активно изучать достижения иных, в частности древневосточных, культур и превращать их плоды в *свое* достояние и, что важнее, появился субъект со смешанным самосознанием и самоидентификацией, (10) тогда как методы элементарной математики, универсальные для всех эпох и народов, были заранее готовы.

К особому подвиду рационального бессознательного относится то, что связывает между собой различные дисциплины. Для иллюстрации воспользуемся словами Е.Вигнера из доклада "Непостижимая эффективность математики в естественных науках".

"Встретились как-то раз два приятеля, знавшие друг друга со студенческой скамьи, и разговорились о том, кто чем занимается. Один из приятелей стал статистиком и работал в области прогнозирования изменения численности народонаселения. Оттиск одной из своих работ статистик показал бывшему соученику. Начиналась работа, как обычно, с гауссова распределения. Статистик растолковал своему приятелю смысл используемых в работе обозначений для истинных показателей народонаселения, для средних и т.д. Приятель был немного привередлив и отнюдь не был уверен в том, что статистик его не разыгрывает.

– Откуда тебе известно, что все обстоит именно так, а не иначе? – спросил он. – А это что за символ?

– Ах, это, – ответил статистик. – Это число π.

– А что оно означает?

– Отношение длины окружности к ее диаметру.

– Ну, знаешь, говори, да не заговаривайся, – обиделся приятель статистика. – Какое отношение имеет численность населения к длине окружности?" [73, с. 182].

Подобных примеров можно привести в изобилии, и неясность связи современных концепций со старо-рациональными не всегда обусловлена только тем, что соединительная цепочка умозаключений длинна. Упомянутая неясность порой принципиальна. Так, кстати, обстоит дело в самой арифметике. С тех пор как К.Гёдель доказал в 1931 г. теоремы о неполноте, из которых, в частности, вытекает, что не существует полной формальной теории, где были бы доказуемы все истинные теоремы арифметики, точки над i оказались расставлены: различные разделы арифметики существуют относительно независимо друг от друга.(11) Так мы их и проходим в школе – перескакивая от одной темы к другой.

Как знать, не этой ли логической "фрагментарности" генетически самого архаического раздела математики обязана его особая описательная сила. Ведь будучи "фрагментарным", он оказывается наиболее гибким, способным накладываться на поверхности самых разных явлений. Включая в себя, наряду с эксплицированными жесткими логическими стержнями, полускрытые имплицитные сочленения, он, в сущности, использует возможности не только сознательного рационального, но и бессознательного или полусознательного, воспроизводя тип древнего знания, мудрости, в их отличии от установок специфически современной науки. Сходным образом – смешивая вполне логичные и иррационально-имагинативные положения – поступал и миф, правда, противоположно ставя акцент на втором компоненте. К мифам, мифологемам – в частности идеологическим, научным – прибегает ряд современных исследователей для объяснения феноменов модернистского социума. Но если мы идентифицируем себя в качестве рациональных существ, по крайней мере в пределах науки, не предпочтительнее ли апеллировать не к мифу, а к его комплементарно-альтернативному дополнению, к той же арифметике? Для этого необходимо лишь научиться свободно читать на ее языке, вернее, отказаться от "отвычки" так поступать применительно к самым разным явлениям, в том числе в культуре и социуме. Именно к такому варианту мы обратимся в

предложенной книге. Арифметика не менее (скорее более) привычна, чем миф, и при этом не является столь вызывающе иррациональной.

Собственно говоря, упоминания о роли неосознанных, неконтролируемых факторов применительно к рациональному, особенно к процессу открытия новых рациональных истин, встречаются достаточно часто. К сожалению, они по преимуществу принадлежат периферии науки, ее анекдотам, таким, как рассказ о яблоке, упавшем на макушку Ньютона и высекшем из его головы закон всемирного тяготения. Более внятные сведения приводит А.Пуанкаре, поделившийся историей поиска доказательства одной из своих замечательных теорем.

"Случаи внезапного озарения, мгновенного завершения длительной подсознательной работы мозга, конечно, поразительны. Роль подсознательной деятельности интеллекта в математическом открытии можно считать, по-видимому, бесспорной," [262, с. 29], – резюмирует А.Пуанкаре, опираясь на ставшие к тому времени трюизмом психоаналитические положения и вслед за тем указывает на сопутствующие эстетические переживания: "Мы определенно носим в себе ощущение математической красоты, гармонии чисел и формы, геометрического изящества. Все эти чувства – настоящие эстетические чувства, и они хорошо знакомы всем настоящим математикам" [там же, с. 32]. Не правда ли, рациональное здесь мало похоже на плоскую и сухую материю, наподобие перемещений костяшек на счетах (кстати, и в последнем иные видели "завораживающий" смысл, не уступающий общению с экраном PC)? Пуанкаре отметил очень важный момент, который не раз нам пригодится: бессознательный фундамент рационального включает в себя эстетическое измерение, позволяющее схватывать определенные целостные феномены "мгновенно", помимо расчетов и выкладок. Череда примеров, иллюстрирующих роль бессознательно-имагинативных факторов в научных открытиях, изобретениях, приводится и в книгах [74; 73, с. 180]. В таких случаях нас интересует не столько психология творчества (настоящая работа – не психологическая), сколько факт, что у рационального – глубокая и разветвленная корневая система, уходящая значительно ниже порога сознания, проникающая в области, далекие от сформулированного рационального.

Завершая путешествие по контурной карте рационального бессознательного, поставим еще пару штрихов. Во-первых, заметим, что о рациональном бессознательном можно говорить и затрагивая наши врожденные способности к математике, к логике. В качестве врожденных, они, само собой, еще не

осознаны, но при этом имеют-таки отношение к рациональности. Кстати, по уверениям детских психологов, математические способности распространены более других. Во-вторых, применяя к рациональному бессознательному эпитет "новое", мы, конечно, немного слукавили. Возможно, нет для человека ничего более старого под луной, и К.Юнг вносил в список коллективных архетипов и архетип числа. Другой вопрос, что мы решили выделить специфически рациональные архетипы в самостоятельный класс и подключили сюда позднейшие процессы превращения в бессознательное того, что еще недавно было не просто достоянием нашего сознания, а буквально отскакивало от зубов. Вояж по названной области можно было бы и продолжить, упомянув, скажем, о поведенческом ("массово-бихевиористском") или "физиологическом" аспектах, но пунктуальность, начиная с некоторого порога, становится врагом убедительности. Поэтому недосказанное перенесем на потом, в текст содержательных глав, тем более, что прикладные задачи позволят определеннее и "рельефней" понять, как конкретно работает механизм рационального бессознательного.

После Э.Дюркгейма это общепризнанный факт: разум обладает социальной природой. Культура также коллективна по генезису, статусу. Насколько это корректно, настолько оправданно и возвращение долга – проведение рационального, если угодно, рационалистического, исследования общества и культуры. С одной стороны, специфически научная социология, культурология и не могут быть иными, поскольку рациональна наука вообще. С другой – мы предлагаем рассматривать современные общества и культуру под знаком рациональности даже бессознательного, образного, имагинативного, т.е. имеем дело как бы с "рациональностью в квадрате". Нет, здесь не высказывается претензия на сквозную, тотальную рациональность социокультурной стихии: ведь известны ограниченная вменяемость человека, его слишком часто сомнительная разумность. Но следует двойной чертой подчеркнуть: и в культуре, и в обществе существует обширный класс явлений, которые принято считать иррациональными, спонтанными, необязательными, существующими по инерции, тогда как они подчиняются самым строгим рациональным закономерностям, получают от них санкцию и основание. Мы просто этого не замечаем, забыли и даже намеренно предпочитаем от этого отворачиваться.

Догадливый читатель, вероятно, сообразил по приведенным примерам, что из всего массива старо-рационального, которое предстоит привлечь для анализа (в том числе модернистских

социума и культуры), автор отдает предпочтение классу математических истин, а не, скажем, архаической или средневековой натурфилософии или метафизике. Отчего? – Не только потому, что математика является самой "чистой" наукой, менее прочих опирающейся на набор постоянно расширяющихся и обновляющихся эмпирических данных и, следовательно, меньше зависит от "обстоятельств прогресса". И не только потому, что она отличается наибольшей строгостью, самодостаточностью. И даже не только по причине ее универсальности или из-за того, что натурфилософию и метафизику в школе не преподают. Для нас важнее, что элементарное математическое знание, как никакое другое, располагает подтверждающими санкциями со стороны и современной науки, оно – неотменимо. Мы не совершаем принципиальной методологической ошибки, применяя старо-математические критерии к анализу модернистских культуры и социума, ибо последние, в качестве рациональных, не только зиждутся на названном старом (исторически и систематически), но и сосуществуют с ним. Немаловажен и социокультурный аспект.

Индустриальные, постиндустриальные общества – это общества *образованные*, по крайней мере, если под последним прилагательным понимать обязательность среднего образования. Что прежде всего изучается в школе? – Арифметика и письмо. Первая – непосредственно наш предмет, но и второе включает сходные признаки: аналитическое разложение предложений на слова, слов – на буквы, использование символических обозначений (для звука или для понятия), последующее осмысленное комбинирование, манипуляция ими, использование правил. Разве это не логические операции?(12) В последующих классах удельный вес математики и других точных дисциплин не снижается.

Как сказываются столетия и даже тысячелетия изучения в школах одной и той же арифметики, геометрии, статики? Изменялись все другие науки, рождались и гибли государства, империи, менялись идеологии, даже религии, а в этом – за исключением косметических модификаций, форм подач – все оставалось практически тем же. "Люди боятся времени, а время боится пирамид"? – Но не идет ли в данном случае речь о материале еще более прочном, чем каменные блоки циклопических сооружений? Разные страны и века изучают разные языки, вдохновляются разными художественными произведениями, исповедуют разные же конфессии, но в одном мы неизменно едины и постоянны: в своей верности фундаментальным логическим началам. Если разум порой и

впадает в сон, то, пробудившись, возвращается к прежней тропе. Модернистское общество – посредством тотального образования – еще более приобщилось к фактору старо-рационального.

Как сказался воплотившийся проект Просвещения на жизни общества и культуры? – Удельный вес элементарно-логических единиц резко возрос. Примеры техники и экономики тривиальны. Об изменениях в самих точных науках речь пойдет в разделе 1.1. Но и в областях, на первый взгляд, далеких от математики, накапливаются сходные явления. Так, русские футуристы, включая В.Хлебникова, прибегают к разложению и рекомбинации слова. Кубисты, в лице, скажем, Пикассо, представляют реальные фигуры в виде совокупности правильных геометрических тел. Супрематист К.Малевич рисует "Черный квадрат", который, по признанию столпов Баухауса, дает толчок новой архитектуре, конструктивизму. Пуантилисты разлагают игру цветовых рефлексов на элементарные компоненты. Толкуя о новом искусстве, Василий Кандинский объяснял "нашу внутреннюю родственность с примитивами", т.е. "стремление к целям, которые в главном основании уже преследовались, но позже были позабыты", не столько внешним – бессмысленным и пустым – подражанием, сколько типологическим сходством нынешнего момента с ситуацией первых, первобытных художников [146]. В общественных науках протекают аналогичные процессы, и никого уже не возмущает, когда, скажем, историк Ф.Бродель, политологи И.Валлерстайн, С.Роккан закладывают в основание своих концепций элементарные логико-геометрические схемы. Читатель, если хочет, может вспомнить и эскапады К.Леонтьева против того, что наступающая эпоха необратимо утрачивает "цветущую сложность" прежней культуры и общественного устройства, на смену которой приходит Молох профанного, с его точки зрения, упрощения и "механического смешения" [181]. Мы принялись вздыхать о "естественности" и "органичности" в контексте расширяющегося индустриального общества, когда "игра" уже была сделана; при этом, скажем, "зеленые" заказывают компьютерные расчеты последствий промышленных выбросов. Ностальгия о старом – составной элемент современной рациональности.

Не раз упоминавшиеся в эпистемологическом плане аналитическая психология и этнология (антропология) также не чужды сходным тенденциям. Одна из излюбленных категорий первой – "комплекс" – заимствована из точных наук, а архетип К.Юнг сравнивал с системой осей кристалла, которая преформирует кристалл в растворе, будучи неким невещественным полем, распределяющим частицы вещества [391, с.

[14]. Немецкие издатели Леви-Строса, ссылаясь на Ноймана, подчеркивали в примечании, что определение социальных структур должно быть настолько строгим, исчерпывающим и простым, чтобы сделать возможным математическое обращение [434, S. 645-646]. При этом сам Леви-Строс: "Модели могут быть осознанными или неосознанными, в зависимости от плоскости, в которой они выполняют свою функцию" [idem, S. 647]. Вслед за двумя названными течениями, мы обращаем внимание на фактор бессознательности, типологическую "архаичность", а также "математикообразность". Единственное, что хотелось бы изменить, – это радикально переставить акценты, перенести центр тяжести на рациональный ингредиент в его собственном виде, по крайней мере применительно к проекциям на современность. Тем самым речь идет об усилиях, направленных на то, чтобы, не пренебрегая упомянутыми важными открытиями XX в., все же вернуть примат строгого дискурса над условно-художественной образностью, вера в осуществимость чего, возможно, и является эндонаучной утопией, но служить сразу двум господам опасней вдвойне. Так, действительно ли удается объяснить, что происходит или происходило с политическими сообществами с помощью заимствования из психоанализа-психиатрии приема постановки диагнозов: истеричность, мистический шаманизм, "демонизм" Гитлера [237], паранойя Сталина, бестиальность, "одержимость" немцев и русских [там же, с. 364], шизофреничность или невротичность современного социума? Не суть ли подобная диверсификация, несмотря на ее неоспоримо "завораживающий" эффект, не более чем "алхимическое" называние, псевдообъяснение, неизбежно заканчивающееся тупиком? Напротив, обратный процесс – "математизация", как мы только что видели, вполне аутентична тем же психоанализу и этнологии.

Не менее знаменательны с данной точки зрения и изменения в языке, который можно рассматривать с двух позиций – как непосредственно формирующий фактор и под знаком психоанализа: определенные слова и выражения суть значимые "проговорки", свидетельствующие о стоящей за ними "скрытой" реальности. Но прежде чем начать настоящий пассаж, целесообразно еще раз расширить актуальную сферу элементарно-рационального. Ведь в школе мы изучаем не только математику, но и физику, химию, построенные на аналогичных началах.(13) Поэтому дальнейшее изложение пойдет с учетом и такой информации.

В качестве эпиграфа к знаменитой книге Виктора Клемперера "Язык Третьего рейха. Записная книжка филолога" [155] избраны

слова Франца Розенцвейга "Язык – это больше, чем кровь", и рефреном в ней звучит дистих Ф.Шиллера "язык сочиняет и мыслит за тебя".(14) По поводу широкого использования глагола "aufziehen" в нацистской пропаганде Клемперер отмечает: "Здесь проступает одно из внутренних противоречий LTI (15): подчеркивая всюду органическое начало, он ‹LTI›, тем не менее наводнен выражениями, взятыми из механики, причем без всякого чувства стилевого разрыва".

С начала XX столетия во всех культурных языках возрастает количество технических терминов, соответствующей лексикой захлестываются и весьма далекие от техники сектора. Несмотря на то, что, согласно Клемпереру, "рациональная систематизация им ‹нацистам› была чужда и они подсматривали тайны у органического мира" [с. 128], тот же процесс не обошел стороной и Германию, где после 1933 г. состоялся настоящий прорыв в упомянутом направлении [с. 197].

К означенной теме имеет непосредственное отношение и повсеместное наступление с начала XX в. неологизмов и аббревиатур. На стр. 116-118 В.Клемперер приводит некоторые из них: Knif (= kommt nicht in Frage, об этом не может быть и речи, это невозможно), Kaknif (= kommt auf keinen Fall in Frage, об этом ни в коем случае не может быть речи, это абсолютно невозможно), Hersta der Wigru (= Herstellungsanweisung der Wirtschaftsgruppe, технические условия хозяйственной группы. Выражение из экономического словаря), вероисповедная формула BLUBO (= Blut und Boden, кровь и почва), последовательность Lastwagen – Laster – LKW (с. 290-291, речь идет о грузовике.(16)) Русские ЖЭКи, универмаги, универсамы, НДР ("Наш дом – Россия"), ЯБЛоко, ЛДПР принадлежат той же группе (ряд можно неограниченно продолжать: комсомол, страхделегат, хозрасчет, Газпром, ВНП, РС (пи – си), НАТО, ЕС, СНГ).

Источником потока аббревиатур стали страны, лидирующие в торговой и промышленной сферах, т.е. Англия и Америка, – отмечает Клемперер. – Особую склонность к усвоению сокращений проявила Советская Россия (Ленин поставил в качестве главной задачи индустриализацию страны и выдвинул США как образец в этой области). Неологизм (например, "новояз") купирует и сращивает слова (в данном случае "новый язык"), аббревиатура и вовсе оставляет от слов по одной букве, заменяя реальное словосочетание его обозначением – разве не сходные приемы в ходу и у математиков? В современном письменном языке активно используются иконографические знаки: дорожные указатели, эмблемы фирм, спортивных соревнований (например, пять скрещенных колец Олимпийских игр). К символам охотно

прибегает и математика: Δ для треугольника, □ для пустого множества, □ для квантора существования… В.Клемперер с осуждением констатирует и "культ цифр" в языке[с. 277], смешение количества и качества, подмену первым второго: "Смешение количества (Quantum) и качества (Quale) – американизм самого дурного пошиба" [с. 266]. При этом исследователя интересовало не только то, что язык открывает, но и что он скрывает, имплицитно подразумевает.

Г.Ч.Гусейнов в сходном ключе обращается к советскому языку, также отдавая предпочтение обличительному регистру. "Что произошло с современным русским языком? Почему ‹…› миллионы людей льнут к нижним горизонтам здравого смысла?" [113,с. 64], – вопрошает он. При этом подчеркивается значение языка: "Язык предстает ключевым средством адаптации личности к социальной среде, формирования того ценностного и защитного поля, которое обеспечивает гомеостаз в сколь угодно сложной общественной системе" [там же, с. 65], – и отмечается: "Язык создает своеобразный "континуум хозяина жизни" – только не внешней, в виде природы, премудростей техники и науки, но внутренней, в виде души, разума, всякого рода концепций и интуиций" [там же]. (Читатель вправе попутно включить счетчик словам наподобие "гомеостаза", "континуума", "защитного поля" при обсуждении, казалось бы, гуманитарной проблемы.)

Далее: "Идеологический человек исходит из ряда общих и не всегда сформулированных представлений. Во-первых, это всепоглощающая уверенность в достижимости нового мира, в котором новый человек создает новое общество. Во-вторых, это представление о необходимости и возможности демократизации языка, конкретизированное в виде *упрощения* языка" (курсив мой. – *А.С.*), – такие черты так или иначе присущи каждой стране (в том числе и Америке), особенно если речь заходит об осуществлении глобальных проектов. В России одной из важных ступеней рационального упрощения языка стала реформа правописания 1918 г. Среди следствий проведенного социолингвистического эксперимента в нашей стране называется "недоверие к истине текста и уважение к истине подтекста", т.е. Г.Ч.Гусейнов, как и В.Клемперер, обращает внимание не только на то, что новый язык открывает, но и что он скрывает, подразумевает. Гусейнов приводит и некоторые конкретные особенности нового языка, в частности, требование давать предварительное определение словам и жесткую антонимичность: "Именно словесный фетишизм форсирует одно из аксиоматических для всех носителей языка психологических свойств – антонимическую интенцию ‹…›. С целью сохранения

баланса ‹…› носитель языка в ответ на прозвучавшие слова автоматически подписывает антоним, своего рода словесный упор, первичное отрицательное определение предмета разговора" [с. 69]. Но разве не так же поступает и нормативная логика (см. ее дефинитивность, мышление в оппозициях)? – отметим мы со своей стороны.

Теперь отвлечемся от идеологической инвективности, не входящей в цели нашей работы, и обратимся к простой констатации широкого использования, в частности в социальном словаре, математического, технического и иного рационалистического лексикона. Включить рычаги (влияния); установка на (нем. Einstellung); поле притяжения (например, СвДП находится в поле притяжения ХДС); ‹общественные› слои, классы, круги; большинство – меньшинство; правые – левые – центр; орбита (группа А находится в орбите влияния группы В); нагрузка (на правительство, на бедных); направление (реформ); движение (общественное); напряжение (психологическое, социальное); система (политическая); энергия (социальная, политическая); маховик ("раскручивается маховик перестройки"); воздействие (на В.В.Жириновского); треугольник (администрация – партком – профком в советские времена); потенциал (высокий, низкий); двигатель ("свобода – двигатель торговли"); нейтрализовать (противника); разделение и баланс (властей); пропорции (общественные). Иллюстрациями можно заполнить тома. Едва ли кого удивит, скажем, фраза: "Вектор (вариант: равнодействующая) исторического развития направлен на", – и далее имя предмета, на который, по мнению автора предложения, направлено такое развитие. Не вызовет смущения и более развернутая пропозиция: "Чем ниже уровень жизни населения, чем более высока доля живущих ниже черты бедности, тем шире электорат коммунистов", – после которой разве что остается записать математическую формулу. В качестве самостоятельного упражнения читатель уже подчеркнул "механические, математические" слова в приведенных цитатах Г.Ч.Гусейнова, теперь для разнообразия выберем наудачу предложение из одной респектабельной современной исторической монографии. Ф.Бродель: "Турецкий *натиск в сторону* Сирии и Египта затем *отодвинул центр* османской экономики к Алеппо и Александрии Египетской, создав, таким образом, на *протяжении* XVI в. своего рода *сдвиг* к невыгоде Стамбула и османского *пространства*, которое *качнулось к югу*" [62, с. 484; курсив везде мой. – *А.С.*]. Даже там, где историк непосредственно не оперирует цифровыми данными, таблицами и графиками, содержание его высказываний опирается на формообразующий каркас элементарного

рационального.

Мы согласны с Клемперером и Гусейновым, что язык не только открывает, но и скрывает, подразумевает: характерный лексикон или глоссарий – лишь надводная часть айсберга. Но что же тогда в 9/10 его подводной части? Не идет ли речь в данном случае о том же последовательно рациональном, погруженном ниже поверхности сознания, т.е. о рациональном бессознательном? В этом редко отдается ясный отчет, но на то оно и бессознательное, а значит, неподотчетное. Не только язык, но и математико-механические идеи сочиняют и мыслят за нас.

Ролан Барт в работе "Нулевая степень письма" – в нашем ракурсе, кстати, можно отметить характер названия этого гуманитарного сочинения – говорит о трех измерениях литературной Формы: языке, стиле, письме [37, с. 309]. "Язык представляет собой совокупность предписаний и навыков, общих для всех писателей одной эпохи. Это значит, что язык, подобно некоей природе, насквозь пронизывает слово писателя ‹…›, он похож на абстрактный круг расхожих истин ‹…›. Язык – это площадка, заранее подготовленная для действия, ограничение и одновременно открытие диапазона возможностей ‹…›, нераздельная собственность всех людей. ‹…› Социальным объектом он является по своей природе, а не в результате человеческого выбора" [там же]. В отличие от языка, стиль – индивидуальное достояние: "Специфическая образность, выразительная манера, словарь данного писателя – все это обусловлено жизнью его тела и его прошлым, превращаясь мало-помалу в автоматические приемы его мастерства" [с. 310]. "Язык действует как некое отрицательное определение, он представляет собой исходный рубеж возможного, стиль же воплощает Необходимость, которая связывает натуру писателя с его словом" [с. 311]. В обоих случаях "энергия писателя имеет лишь орудийный характер и уходит в одном случае на перебор элементов языка, и другом – на претворение собственной плоти в стиль, но никогда на то, чтобы вынести суждение или заявить о сделанном выборе, означив его. Между тем, всякая форма обладает также и значимостью, вот почему между языком и стилем остается место для еще одного формального образования – письма. Любая литературная форма предполагает общую возможность избрать известный тон или, точнее, как мы говорим, этос, и вот здесь-то наконец писатель обретает отчетливую индивидуальность, потому что именно здесь он принимает на себя социальные обязательства, ангажируется" [с. 312]. Но и письмо предоставляет лишь мимолетную свободу: "свободу, остающуюся свободой лишь в момент выбора, но не после того, как он совершился" [с. 313].

Иначе, ""письмо" – это опредметившаяся в языке идеологическая сетка, которую та или иная группа, класс, социальный институт и т.п. помещает между индивидом и действительностью, понуждая его думать в определенных категориях, замечать и оценивать лишь те аспекты действительности, которые эта сетка признает в качестве значимых" [38, с. 15].

В работе Р.Барта для нас любопытен не только ее предмет, но и характер мышления. Не будем пока говорить об очевидном "пифагорейском" аспекте: три области, или три измерения. Но сама установка на окончательный ("статический") результат, в чем придется не раз убеждаться впоследствии, есть одна из типических черт старо-рационального. "Детерминизм": свобода ускользает даже от письма, коль выбор его уже осуществился. Поэтому оправдана и "объективация": "Язык и стиль – объекты, письмо – функция" [37, с. 312].

Специальное внимание Барт уделяет политической разновидности. Например, в марксистском письме констатируется "употребление особой лексики, столь же специфической и функциональной, как в технических словарях; даже метафоры подвергаются здесь строжайшей кодификации", а ряд выражений "уподобляются алгебраическому символу, которым обозначают целую совокупность сформулированных ранее постулатов, выносимых, однако, за скобки" [с. 317], т.е. дело не исключительно в лексике. Не только марксистский, но и "любой политический режим располагает своим собственным письмом ‹…›; письмо представляет всякую власть, и как то, что она есть, и то, какой она хотела бы выглядеть, – вот почему история различных видов письма могла бы стать одной из лучших форм социальной феноменологии" [там же]. Со своей стороны отметим, что современные власти обычно предпочитают поворачиваться своей разумной и доступной для большинства стороной ("демократия"(17)) – и это еще один из каналов распространения простейших форм рациональности.

В той же работе Барт указывает на наличие в письме черт "таинственности" и "нуминозности": "В глубине письма всегда залегает некий "фактор", чуждый языку как таковому, оттуда устремлен взгляд на некую внеязыковую цель. Этот взгляд вполне может быть направлен на само слово и заворожен им, как это имеет место в литературном письме; но в таком взгляде может сквозить и угроза наказания – тогда перед нами политическое письмо" [с. 315]. Или: "Корни письма ‹…› уходят во внеязыковую почву, письмо прорастает вверх, словно зерно, а не тянется вперед, как линия; оно выявляет некую скрытую сущность, в нем заключена тайна; письмо антикоммуникативно, оно устрашает"

[там же]. Литературоведческое исследование не только использует очевидно рациональные (старо-рациональные) подходы, но и добирается до темных "мифологических" корней. В другой работе Р.Барт [36] анализирует подразумеваемое в языке, поскольку к непосредственно денотативному смыслу прикрепляется бездонный объем коннотаций. Понятие подтекста, в свою очередь, в арсенале у многих.

Коль речь шла о "механичности, математичности" современного языка, нелишне вспомнить и о мнении А.Бергсона [51]: природа комизма – в автоматизации живого. Комичны ли современные общество и культура? – Утвердительный ответ, по-видимому, не вызовет бурных протестов. Веселая или горькая ирония, сарказм, эпатаж – характерные приемы как в современной литературе, так и в политике ("сарафанная" история с президентом единственной сверхдержавы, выходки Ельцина или наш заливистый смех при телерепортажах из Думы – конечно, не единственные иллюстрации). "Нелепость" – лишь самое поверхностное впечатление от комизма, М.М.Бахтин сумел увидеть в нем глубокую онтологическую вертикаль [41]. Данное обстоятельство не следует упускать из вида и когда мы приступим к конкретным культурологическим и политологическим изысканиям, обнаруживая едва ли не на каждом шагу проявления простейших математических закономерностей. Комично ли общество, подчиняющееся таковым? – Вероятно. Но и трагично – см. выше: нуминозность, таинственность. В противоположность Бергсону, автоматизация ("омертвление") живого нередко вызывает не смех, а страх – ср. средневековый миф о Големе или современный о зомбировании. Тут же и восхищение: каждый может вспомнить свое детское ликование перед механической птичкой или говорящей куклой. Ирония и самоирония, соответствующее отстранение или остранение не вредят математизированным концепциям; комическое и трагическое, в свою очередь, суть модификации эстетического, о котором применительно к математике уже говорилось устами А.Пуанкаре. Нуминозность ли, комизм как alter ego математики, возможно, звучат не менее дико, чем "панмонголизм" В.Соловьева, взятый эпиграфом к "Скифам" А.Блока, но существу дела это все-таки отвечает.

Элементарное рациональное пронизывает все науки, не исключая гуманитарных, и даже наш быт, превратившись в современную разновидность здравого смысла. Когда мы проводим классификации, осуществляем простейшие констатации (например: "чем выше моя зарплата, тем больше уважения выказывает мне жена"), мы апеллируем к древнему или

школьному первообразу. Готовясь к любовному свиданию, мы "определяем координаты", назначая время и место встречи, пересчитываем наличность в кармане. Я по-прежнему настаиваю на сопряженности рациональных и "эмпатических" операций. Так, скажем, автомобиль, телевизор – устройства, построенные на объективных физических законах, но каждый механик отлично знает, что целый ряд неисправностей можно обнаружить лишь при соответствующем *отношении* к аппарату, при установлении с ним своеобразного "интимного" контакта: его гладят, "уговаривают". Но и обратно; в свое время Возрождение буквально кинулось на поиск простых математических закономерностей в самых разных областях культуры: теория перспективы,(18) Леонардо да Винчи инициирует исследование о золотом сечении, (19) Николай Кузанский уверен, "что математика лучше всего помогает нам в понимании разнообразных божественных истин" [230:I, с. 64], а Декарт и Спиноза строят свои философские системы на манер эвклидовой геометрии. О том, что произошло позже, речь пойдет в разделе 1.1.

В чем, собственно, пафос всего *Предисловия*? В социологии, политологии – не только имплицитно, но и вполне открыто – давно и успешно эксплуатируются математические методы и приемы, в том числе типологически сходные с элементарными старо-рациональными. См., например, формулу для "эффективного числа партий": $N = 1 / \Sigma p_i^2$, где p_i – доля голосов, полученных *i*-той партией [432], или выражение для численности представительных органов власти, полагающее, что она прямо пропорциональна кубическому корню из количества избирателей [441]. Родом из школы представление о периодических процессах; через посредство экономики, первоначально с подачи Н.Кондратьева, идея цикличности проникла и в социологию, политологию, культурологию (сводный перечень наиболее употребительных циклов с разным периодом приведен, например, в [62, с. 67]; один из относительно свежих результатов: В.Л.Цымбурский обнаруживает длинный, 150-летний, цикл в военном искусстве [368]). Шире: математическое моделирование социально-политических процессов – обыкновенное явление современной науки. В ряде разделов по изучению культуры – в языкознании, литературоведении, культурологии, этнологии – наблюдаются сходные процессы, достаточно вспомнить русскую формальную школу, рациональную составляющую структурализма или выделившуюся в самостоятельную дисциплину математическую лингвистику. Не ломимся ли мы в открытую дверь, порываясь защитить то, что и само обладает увесистыми кулаками? Да, по телу наук об обществе и культуре

проходит водораздел между точной и гуманитарной установками, но разве по-своему не плодотворно сосуществование двух больших парадигм? Напряженная конкуренция между ними не прекращается, "рынок", возможно, не будет окончательно поделен никогда. Входило ли в наши намерения подготовить очередной удар по "гуманитарности"?

Нет, дело совершенно не в этом. Цель *Предисловия* была троякой. Во-первых, хотелось показать, что между определенным сортом точных подходов (условно: "старо-рациональных"), с одной стороны, и гуманитарных – даже тех, которые откровенно манифестируют "иррациональность", – с другой, не существует непреодолимой границы. Первые могут брать на себя функции вторых: см. бессознательность, "таинственность", нуминозность, комичность.(20) Число, логическая схема – не обязательно спутники только голого позитивизма. Во-вторых, следующая из поставленных целей – предуведомить читателя, почему, собственно, одни и те же элементарно-рациональные закономерности будут встречаться в самых разных областях действительности, в разных конкретных науках: ведь старо-рациональное, ставшее источником всех современных наук и продолжающее служить первичным – с детства – фундаментом сознания современного человека, синкретично и в силу этого специфически универсально. Нет, речь не о новоявленной версии "метанауки", скорее – об "*инфра*-". В-третьих, для нас принципиально важен акцент именно на *старо*-рациональном или на том новом, что так или иначе воспроизводит генетические черты старого. Такое "старое" – хотя вследствие нетактичных применений оно не раз дискредитировано – все же сохраняет, на наш взгляд, свою объяснительную и креативную способность. Мало того, особенно в последнее столетие (см. всеобщее среднее образование) оно ее существенно нарастило. Термин "рациональное бессознательное" звучит как оксюморон, однако отныне, надеюсь, данное понятие для читателя не пусто. В дальнейшем мы будем пользоваться им как рабочим.

То, о чем пойдет речь, в сущности элементарно и должно быть внятно любому, кто не без толку отсидел на школьной скамье. Если оно до сих пор не вошло в научный обиход, то в основном из-за упомянутой "бессознательности", хотя, возможно, важен и один забавный момент.

Еще в ранние годы К.Юнг разработал один тест. Ведущий произносит какое-то слово, и нужно быстро назвать другое, ассоциирующееся. В ответ на некоторые из слов испытуемые иногда надолго замолкали, "отключались", заикались, отвечали не одним словом, а целой речью и т.д. Из этого Юнг сделал

вывод, что подобные нарушения в реагировании связаны с наличием заряженных психической энергией "комплексов". Стоило слову-стимулу "дотронуться" до такого комплекса, как у испытуемого появлялись следы легкого эмоционального расстройства [391, с. 11]. Не таковым ли, предположительно, окажется отзыв ряда гуманитариев (а именно они составляют репрезентативное большинство и делают погоду в социологии, политологии, культурологии) при упоминании, не к ночи будет сказано, биссектрисы или периодической непрерывной дроби? И обратно: не сходно ли отреагируют иные из математиков, скажем, на "нераздельность и неслиянность"?(21). Подведение под одну крышу точных и гуманитарных понятий – нередко есть провокация, эпатаж, несмотря на то, что современный гуманитарный инструментарий, язык, как было отмечено, буквально нашпигован заимствованиями из математики, механики и т.п.

Соответственно, междисциплинарность настоящего исследования – от математики с физикой до литературоведения и культурологии с политологией – обусловливает проблемы при выборе языка изложения. Рассчитывать ли при использовании терминологии на читателя, одинаково хорошо знакомого с категориями из разных областей? Аналогично с математическими выкладками: для представителей точных профессий последние абсолютно тривиальны, зато для них чужд предмет приложения – культурология, политология. Для выходцев из гуманитарных отраслей – в точности наоборот. В итоге – поскольку избранное направление еще не превратилось в устоявшееся: специалистов нет, – не оставалось ничего другого, как апеллировать к гипотетическому "усредненному" образовательному уровню, подробно поясняя практически все: гуманитариям – математическое, подготовленным в математике – гуманитарное. Судить не мне, насколько такую линию удалось провести, не преступая порога приличий.

В книге – три основные главы, в которых используются разные методы сообразно различным разделам элементарной математики, иначе говоря, организация материала – систематическая. Наш интерес к элементарному, т.е. к "старому", рациональному применительно к современным – или дожившим до нас – явлениям, как, по-видимому, ясно из сказанного, также не столько исторический, сколько систематический, и роль попутно упоминаемых исторических обстоятельств прежде всего иллюстративная. Эпоха масс, представляется, всколыхнула не только человеческие инстинкты, но и не менее архаические рациональные комплексы, с "укрощением" которых (и первых, и

вторых) уже не справляется ни переживающая кризис религия, ни нынешние – куда более выдохшиеся и бессильные – мифы. В XX в. этот процесс достиг апогея, поэтому феномены Новейшего времени занимают в книге наибольшее место. Внимание к истории, древности, в свою очередь, – легитимная часть современной культуры, самосознания. Человек проводит интенсивные археологические раскопки, прорываясь к нижним пластам, отправляется в экспедиции к дикарям, расшифровывает прописьмена, чтобы спросить, кто мы есть, каков фундамент, на котором стоим. В том же контексте пребывает и предлагаемое исследование – о рациональных, логических корнях, существующих очень давно или "всегда" и лишь обнаженных последней эпохой.

Упомянутые главы достаточно независимы друг от друга. Несмотря на то, что определенные связующие нити между ними существуют, твердого общего фундамента – нет. С одной стороны, такова плата за общность: широта предмета исследования поверх наличных границ между дисциплинами обусловливает известную дифференциацию применяемых методов. С другой – сходное положение в старо-рациональном вообще, в частности в арифметике, – см. выше: фрагментация разделов последней, отсутствие сквозной и единой логической базы. Побочным эффектом исследования "старо-рациональных" структур в обществе и культуре и оказывается методологическая фрагментация такого исследования. Количество глав, т.е. количество примеров типичных конкретных подходов, в общем-то случайно. Мы исходили из принципа обыкновенной психологической достаточности ("пока"), убедительности. В этом смысле книга лишена всяких претензий на полноту – она говорит хотя и о многом, но лишь кое-что, вдобавок в специфическом ракурсе – и, кроме того, принципиально открыта для продолжений "et caetera", скажем, для применений тех разделов арифметики, которые еще не использованы. Поэтому читатель, во-первых, может обращаться к главам практически в произвольном порядке (с *Предисловием* все же желательно ознакомиться прежде) и, во-вторых, – насколько ему не изменит воображение и память об элементарной математике – продолжать читать открытую книгу общества и культуры и после того, как наш текст оборвется.

Выражаю благодарность Б.Е. Лихтенфельду, Н.И. Николаеву, Б.В. Останину, В.И. Эрлю за ценные замечания, сделанные по прочтении рукописи, госпоже Доротее Якоб из Мюнхена за великодушную поддержку, без которой завершение работы над книгой оказалось бы затруднительным, а также Д.Г. Буслаеву за

бескорыстную техническую помощь.

Примечания

1 Л. Аронзон, стихотворение "Запись бесед", см. [27].

2 И здесь, и впоследствии аналитическая психология и антропология рассматриваются не столько в качестве специальных, самостоятельных наук (которым действительно удалось получить ценные результаты), сколько в их эпистемологической функции, или проекции: когда центральные положения и методы данных дисциплин используются для исследования феноменов современных культуры и социума. Так, Бертольд Шварк пишет о Леви-Стросе: он "вынес убеждение, что за общественными отношениями, в том виде, в каком они нам являются, стоят неосознанные связи, структуры. Это бессознательное находит отражение в стремлении народов запечатлеть социальную действительность в символах" [438, S.642], – и далее: "Леви -Стросс не ограничивает исследование формальных структур исключительно рамками этнологии. Он видит в этнологии удачный теоретический подход также и как ключа к социальным отношениям вообще" [там же].

3 В англосаксонских странах этнологию принято называть антропологией.

4 Тот, кто пытался читать аутентичные, "непричесанные" народные сказки, например, из сборника Афанасьева, поймёт, о чем идет речь: не обладая терпением и квалификацией специалиста, осилить их стоит великих трудов.

5 Греческий миф адаптируют и корректируют те, кто сам не верит ни в Зевса, ни в Сфинкса, не совершил ни одной гекатомбы; Карл Юнг не посвящал годы переливанию меркурия из алхимической колбы в пробирку и не жаждал одарить человечество философским камнем, избавить металлы от порчи; этнограф же, проводящий полевые испытания среди дикарей, периодически связывается с руководством по спутниковому телефону и помнит, что улетит домой на вертолете.

6 Так было не всегда. Во II в. до н.э. индийский поэт Пинтала пользовался так называемым "треугольником Паскаля" (чья природа комбинаторна) для решения вопросов поэзии [199, с. 298]. У Омара Хайяма также встречается этот треугольник. По некоторым свидетельствам, и в византийскую филологию включались математические, в том числе комбинаторные,

методы. Не подобная ли критериальная и аналитическая строгость способствовала успеху Кирилла и Мефодия при создании славянского алфавита?

7 Не ведая того, в своих современных занятиях мы то и дело воспроизводим то, что было сделано очень давно, о чем можно прочесть в специальных трудах по истории той или иной – возможно, не "нашей" – науки, хотя бы оно и было выражено на языке других категорий.

8 Ферма не лукавил, когда утверждал, что нашел очень простое и изящное доказательство – ведь во всех остальных случаях его сообщения были подтверждены. Неужели математический гений более поздних ученых иссяк? – Нет, данная версия математиков о причинах неудач в доказательстве состоит в том, что необратимо утрачен особый ракурс мышления, присущий эпохе Ферма, отчего и не удавалось подыскать необходимых приемов, подходов. Соответственно, нет полной уверенности, что если бы и в других разделах мы потеряли то, чем сейчас уверенно – и не особенно задумываясь, автоматически – пользуемся, то нам непременно удалось бы восстановить утраченное. Каждый сектор рационального раскрывает свои врата в особом социально-историческом, культурном, цивилизационном контексте и при других условиях может оказаться недосягаемым.

9 "Один из моих студентов выразил удивление по поводу того, что для проверки своих теорий мы отбираем лишь крайне незначительное число данных. – Представим себе, – сказал студент, – что мы хотим создать теорию, пригодную для описания явлений, которые казались нам имеющими первостепенное значение. Можем ли мы заранее утверждать, что построить такую теорию, имеющую мало общего с существующей ныне, но тем не менее позволяющую объяснить столь же широкий круг явлений, нельзя? – Я вынужден был признать, что особенно убедительных доводов, исключающих возможность существования такой теории, нет" [73, с. 182-183]. Сказанное о новой науке, без сомнения, справедливо и применительно к старой.

10 Таковой отсутствовал в массе еще несколько десятилетий назад. Скажем, Р.Киплинг, будучи несомненным знатоком Востока (Индии), оставался до кончиков ногтей англичанином, патриотом, подчеркивая несоединимость двух стихий: "Запад есть Запад, Восток есть Восток". Тогда как с 1960-х гг. – условно, с революции хиппи – начинается повальное увлечение Востоком на Западе (занятие йогой, ушу и т.п. с тех пор почти атрибут поколений, а обзаведение собственным гуру – голливудская мода). То, что Запад через технику, шоу-бизнес, TV, Internet, в

свою очередь, пришел на Восток, по-видимому, не требует доказательств.

11 Теорема о невозможности полной аксиоматизации арифметики означает, что не только не известна, но и в принципе отсутствует конечная непротиворечивая система логических утверждений, из которой могут быть дедуктивно выведены все истинные положения арифметики. То же относится ко всем концепциям, включающим арифметику в качестве своей существенной части.

12 Чтобы не вдаваться в градацию действующих систем письма – иероглифического и алфавитного, – они приведены здесь без различия, "чохом". Исторически последовательный процесс проникновения логики в развивавшееся письмо освещается в специальных монографиях, например, у И.Фридриха [350]. В данном контексте, вероятно, уместно упомянуть и о гипотезе, объясняющей культурный взрыв в Древней Греции, включая ее математику и философию, тем, что греки, переняв от финикийцев алфавитное письмо, приобрели вкус к букету интеллектуальных приемов. Иероглифичность, в свою очередь, не препятствует "математичности" – ведь и математика использует символы для целых слов: + вместо плюс, ∞ вместо бесконечности и т. д., – а в современных компьютерах мы обращаемся с "иконками". Добавим и мнение О.Шпенглера: "Язык знаков математики и грамматика словесного языка в конечном счете обладают одинаковой структурой. Логика всегда представляет собою своего рода математику, и наоборот" [380, с. 206].

13 В школьной физике проходится не только статика, но и кинематика, динамика. Пусть сказанное ранее о специфической "статичности" старо-рационального не вводит в заблуждение читателя, которому не стоит видеть в подключении сюда всей школьной механики очевидное противоречие. Дело в том, что мы изучали в детстве лишь простейшие случаи кинематических и динамических процессов (движение равномерное, равноускоренное или равнозамедленное), обходящиеся без применения высшей математики, для которых достаточно аппарата арифметики и элементарной алгебры (линейные и квадратные уравнения), т.е. не выходили за рамки той же "статической" идеологии. Аналогично, в химии мы пользовались химическими формулами и уравнениями, опирающимися на тривиальную комбинаторику.

14 "die Sprache, die fuer dich dichtet und denkt"; см. [378, с. 151].

15 Lingua Tertii Imperii (лат.) – язык Третьего рейха.

16 Сам В.Клемперер указывает, что к сходным приемам – правда, в специфических случаях – прибегала и древность. Так, опознавательным шифром и символом первохристианских общин, знаком их религиозного сообщества, служило слово ichtos: с одной стороны, по-гречески "рыба", с другой – аббревиатура от "Иисус Христос Сын Божий, Спаситель" (вместо слова нередко использовался иконический знак рыбы).

17 Так было не всегда: раньше важнее была величественность власти, ее сакральность, а Иван Грозный умел покорять сердца своевольными милостью и насилием.

18 Зритель обычно не осознает (или не обращает специального внимания), что изображение на картине построено согласно строгим математическим (геометрическим) закономерностям, реагируя главным образом эстетически: восприятие "правдоподобности", "реалистичности", "красоты". Если для художника прямая перспектива – сознательный рациональный прием, то на зрителя она действует скорее по бессознательным каналам (очередной пример рационального бессознательного). Уже в наши дни Б.В.Раушенбах вносит существенное дополнение, построив аналитическую теорию обратной перспективы [269 – 271] и тем самым доказав, что каноны и средневековой религиозной живописи зиждутся на строгих математических началах.

19 Об этом см. в гл. 3.

20 Тогда как обратный процесс – гуманитаризации точного знания – в большинстве случаев малоуместен. Лишь в качестве каверзы можно представить, скажем, "аффективную" механику, в которой столкновение движущихся по своим траекториям материальных шаров описывалось бы в категориях драматической борьбы и катарсиса и последующего разрешения конфликта. Демокриту, оперировавшему взаимной симпатией и антипатией атомов, мы это "прощаем", любому современному автору – нет.

21 За ответами далеко ходить не надо. Примечательный в данном ракурсе диалог с оппонентами-философами состоялся у Б.В.Раушенбаха, после того, как он осмелился сравнить некоторые догматические качества Троицы с чертами общеизвестного математического объекта [272 – 275].

Начало формы
Конец формы

Глава 1. Число и культура, или Симплексы в языке, науке, литературе, политике, философии

1.1. Введение

Феномен числа, особенно натурального числа, зачастую играет роль явного или латентного позвоночника различных культурных и общественных представлений. С давних времен до новейших устоявшиеся целостные образы и концепты языка, мифологии, философии, литературы, гуманитарных и естественных наук, социологии и политологии организуются согласно простейшим логическим принципам, имеющим недвусмысленно-цифровое выражение. Три грамматических лица и три времени (прошлое, настоящее, будущее); три поколения богов в систематизации Гесиода и три части мироздания (небо, земля, преисподняя) архаической космологии; тройка богатырей русских былин и три сына (дочери) сказочного царя, купца, мельника или крестьянина. Классическая физика после Декарта исходит из модели трехмерного пространства и, рационализируя взгляды древних, говорит о трех агрегатных состояниях вещества: твердое, жидкое, газообразное. Не отстают и общественно-политические науки. Со времен Аристотеля принято различать три основные формы государственного правления: автократию, олигархию, демократию. Каноническая либеральная доктрина предписывает сбалансированное распределение полномочий между таким же количеством ветвей государственной власти: законодательной, исполнительной и судебной. Одна из самых распространенных классификаций типов массовых политических идеологий и сил выделяет либеральное течение, консервативное и радикальное (вариант: социалистическое),(1) а социологи и масс-медиа видят в западном обществе совокупность богатого, среднего и бедного классов. Классическая немецкая философия, аналогично, группирует множество ключевых категорий в триады: истина-добро-красота, тезис-антитезис-синтезис, бытие-ничто-становление и др.

Разумеется, в концептуально-организующей роли выступает не только тройка. В историософии индийских "Вед" и Платона вырождающееся человечество последовательно проходит через четыре этапа, или "века": золотой, серебряный, бронзовый и последний, железный, который завершится окончательной катастрофой. Натурфилософия греков предлагала список первоэлементов, состоящий из земли, воды, воздуха и огня. Родом из праистории доживший до нас способ географической

ориентации, прочерчивающий направления по четырем странам света, или деление годового цикла на сезоны: весна, лето, осень, зима. В свою очередь, марксистская теория усматривала в отрезке цивилизованной истории череду таких общественно-экономических формаций: рабовладение, феодализм, капитализм, коммунизм.

Любопытно, что четырехчастное логико-числовое членение нередко появляется на том же предметном поле, на котором прежде действовало тринитарное, однако для этого приходится прибегать к переинтерпретации. В начале XX в. релятивистская механика предпринимает ревизию ньютоновской, после чего трехмерная физическая реальность заменяется четырехмерной. В том же XX в. традиционный перечень агрегатных состояний вещества: твердое тело, жидкость, газ, – дополняется четвертым видом, плазмой. В XVI в. католическая Церковь принимает догмат о чистилище, превратив прежнюю тройку (рай, земля, ад) в четверку. Сходные процессы, в чем предстоит убедиться впоследствии, происходят в литературе, политике, философии.

Мы, конечно, не ставим задачу привести во *Введении* сколько-нибудь полный реестр образов и концептов, структура которых во многом обязана формообразующей силе числа. К тому же, набор подобных конституирующих чисел не исчерпывается тройкой и четверкой. Так, монистическое и дуалистическое мировоззрения апеллируют к числам 1 и 2. Конструктивное обсуждение темы еще впереди, однако контуры исследуемого предмета полезно представить уже на постановочном этапе.

Чтобы вручить читателю правильный компас, вероятно, следует заранее предупредить, что целью предстоящего изложения ни в коем случае не является тривиальная констатация тех или иных чисел, фигурирующих в языке, искусстве, философии, науке, политике. Она, собственно, ничего не дает. Не входит в наши намерения и присоединяться к психологическому направлению в толковании функции различных чисел в индивидуальном и коллективном сознании. Точки зрения К.Юнга, Дж.Миллера, Ж.Пиаже учитываются лишь в качестве иллюстративных и рамочных и, значит, периферийных. Также следует с самого начала твердо заявить, что предлагаемая работа не пристраивается в хвост сонма "пифагорейских", нумерологических изысканий, объединенных под общим флагом паранауки. Если прибегнуть к этикеточной кодификации характера предстоящего исследования, то наиболее релевантным будет определение его как логико-культурологического или, в значительной части, логико-политологического. Нас занимают вопросы, почему в разных случаях выступают различные

конституирующие числа,(2) как связано соответствующее число с внутренним логическим устройством образа или концепта и, наконец, какие факторы ответственны за то, что на одних исторических этапах общество отдает предпочтение таким-то конструктивным числам, а на других – иным. Особенностью предлагаемой модели является то, что она может использоваться и для прогнозов. Поскольку применяемый подход – через числа – не вполне традиционен для наук, в которых доминируют гуманитарные методы (культурологии, политологии), постольку уместно сказать несколько предварительных слов о связи числа с жизнью общества.

Генезис первых представлений о числе не удается проследить ни историкам, ни этнологам. Начальные навыки счета присущи самым первобытным народам. Так, внезапно застигнутые цивилизацией аборигены Австралии и островов Полинезии (образцовый репрезентант обществ позднего палеолита), умели считать и до встречи с европейцами. Правда, их счет не заходил дальше трех и обнимал собой отнюдь не любые предметы. Аналогично, "сходство числительных у индоевропейских народов показывает, что названия чисел у предков этих народов появились еще в те далекие времена, когда они говорили на одном языке" [142, с. 11], а к XXX в. до н.э. в Европе относятся свидетельства уже достаточно развитых навыков счета (на лучевой кости молодого волка были обнаружены 55 зарубок, расположенных группами по 5, после 25 – длинная черта [там же, с. 12]). Существуют основания полагать, что способность считать – достояние и дочеловеческих стадий. По крайней мере специалисты по поведению животных, этологи, свидетельствуют, что кошки в состоянии учитывать своих котят по принципу "раз, два, много", проявляя беспокойство, если такая контрольная проверка не сходится. Следует оговорить, что кошачий счет распространяется исключительно на котят, не затрагивая прочих предметов. Зато вороны, эти, по выражению популярной телепрограммы, "бакалавры пернатого царства", охватывают процедурой подсчета значительно более широкий круг (например, ведут учет людям, проникшим на их территорию), и верхняя граница количества простирается у них до семи или десяти. Историки математики и культуры констатируют, что на разных этапах эволюции человек умел считать до трех (раз, два, много), до четырех (раз, два, три, много), до семи, сорока, десяти тысяч. При этом обращается внимание на следующие два момента. Во-первых, освоение каждой последующей ступени развития в среднем занимало существенно меньше времени, чем предыдущей, т.е. прогресс ускорялся. Во-вторых, операция счета

последовательно освобождалась от жесткой связи с конкретными предметами, т.е. движение шло в направлении универсализации. Со временем счет "очищается", становится все более гибким и самостоятельным. Особый интерес для нас представляет, как обстояло дело с числом у древних греков, т.к. в античности мы усматриваем истоки собственной цивилизации.

Фалесу изначально известен факт неограниченности натурального ряда, а Эвклид доказывает теорему уже значительно более сложного содержания – об отсутствии верхнего предела последовательности простых чисел. Пифагор полагает число краеугольным камнем мироздания (хрестоматийная максима: "числа правят миром"), и пифагорейская школа не только устанавливает множество собственно математических истин, но и применяет элементарно-математические подходы к философии, натурфилософии, космологии, искусству – в частности, к музыке, скульптуре, архитектуре, – даже к религии. Пифагорейские общины энергично вмешиваются и в политику, но в конце концов оказались разгромленными. Влияние пифагорейцев на другие школы огромно, проходя красной нитью через Платона, Аристотеля, александрийских грамматиков, неоплатоников. Один из историков античности, А.И.Зайцев, имеет все основания утверждать: культура греко-римского мира в целом предстает нам в пифагорейской подсветке [128]. Карл Поппер, обязанный своей всемирной известностью политологическому труду "Открытое общество и его враги", в рамках своей основной профессии занимается специальными исследованиями математизированных социально-политических воззрений Платона, см. [260]. Сам же Платон полагал: "Точно так же никто, не познав ‹числа›, никогда не сможет обрести истинного мнения о справедливом, прекрасном, благом и других подобных вещах и расчислить это для себя и для того, чтобы убедить другого" ("Послезаконие" [251:III, 978, b]).

На чем остановился эллинский мир в своих знаниях о числе? В нашу задачу, конечно, не входит детальный обзор античной арифметики, учения о четности и нечетности, фигурных числах, пропорциях и т.д. Отметим лишь, что греки и римляне уверенно оперировали с положительными целыми числами и дробями, т.е. с числами рациональными, и столкнулись с иррациональностью некоторых радикалов. Отрицательные числа, нуль, бесконечность, числа трансцендентные – понятия более поздние. К особенностям античного подхода относится тесная увязка арифметических знаний с логикой, гносеологией, применение их к философии, искусству, естественнонаучным областям, к наукам о языке,

литературе и обществе.

Ренессанс возвращает активный и живой интерес к непосредственному использованию математических инструментов в самых разных отраслях знаний и деятельности, Новое время осуществляет грандиозный прорыв в области математизации наук о природе. Считавший себя платоником Галилей (кстати, как и Кеплер, Коперник) выдвигает в "Пробирщике" тезис "Книга природы написана на языке математики", Декарт предлагает геометрический метод как для философии, так и для физики ,(3) а Ньютон и Лейбниц разрабатывают для решения физических задач новый математический аппарат, не известный ни античности, ни средневековью. Но у такого успеха обнаруживается и теневая сторона. С одной стороны, резко возросли концептуальные, эвристические возможности физики, она превращается в эталон строгих и точных наук. С другой же – названный прорыв оказался слишком специализированным, односторонним. Это обусловлено не только специфической "материалистичностью", "механистичностью" избранной установки исследования, но и не в последнюю очередь особенностями самого возобладавшего математического аппарата – дифференциального и интегрального исчислений, – накладывающего на изучаемые объекты крайне стеснительные требования, в частности, континуальности, бесконечной делимости. За новое знание пришлось заплатить чересчур высокую цену.

Именно с тех пор ведет отсчет фатальное расщепление на науки о природе, с одной стороны, и гуманитарные, социальные, с другой. После провала наивных, хотя и по-своему героических, попыток распространить достижения механики на философские, социальные, искусствоведческие, антропологические вопросы, превратить механические принципы в универсальный ключ к мирозданию и мировоззрению (так называемый механицизм) упомянутый разрыв стал очевидным и, как полагали, непреложным. Неоправданная, если не сказать неправедная, экспансия новых точных наук вызвала ответно-симметричную реакцию: из философии, истории, искусства и искусствоведения, из гуманитарных и социальных наук изгоняются сознательные математические приемы, включая те, что традиционно применялись в них на протяжении веков и тысячелетий.(4) Появление малейших признаков математики в гуманитарном или обществоведческом контексте оказывалось достаточным поводом, чтобы подвергнуть автора остракизму, обвинить в паранаучности, изгнать из корпорации серьезных ученых. Отдельные исключения, попытки протянуть друг другу руки – попытки, отметим, большей

частью робкие и неудачные – не отменяют этого правила.

Нам еще не раз на протяжении книги, по разным поводам придется возвращаться к означенной теме, пока же упомянем несколько частных моментов. Революция в точных науках, в математике, разумеется, не сводилась только к созданию дифференциального и интегрального исчислений. Переосмыслению подверглись и сами представления о числе. Последнее все более отчуждается от качества, формы, выражает исключительно количество (хочется добавить: "пустое количество"), отторгается и от логики, теряет внутреннюю обязательность и, так сказать, экзистенциальный стержень. Число становится голо-акциденциальным, лишаясь причастности субстанциальной существенности. Нельзя сказать, что такая редукция всегда неоправданна. Скажем, у Ивана в кармане 3 рубля, у Петра – 10, а у Сергея – 110 руб. 53 коп. В таких случаях именно количественный аспект занимает первое место по значимости, и количество пребывает вне рамок имплицитной необходимости: с тем же успехом у Ивана могло бы быть 300 руб., а у Сергея – 500 тыс. долга. Аналогично, длина Нила составляет 6 671 км, а Невы только 74. Но существуют и принципиально иные ситуации, и со второй половины XIX в. они становятся все более заметными.

В таблице Менделеева номер элемента детерминирует его химические свойства, т.е. число фиксирует внутреннее *качество* объекта. Сходную описательную роль играют номера орбит электрона в модели атома Резерфорда – Бора. Когда ученые утверждали, что физическое пространство трехмерно, тем самым они придавали числу 3 обязательное значение. Когда их мнение изменилось в пользу четырех-, вернее, 3+1- мерности, место одной обязательности заняла другая. За каждой из цифр стоит целый список фундаментальных черт физической реальности, а также тип использованной теоретической модели, целое мировоззрение. Никто не скажет, что подобными цифрами мы можем свободно играть, не погрешив против логики, не нарушив идентичности исследуемого предмета. Но сейчас нас интересуют не столько естественные науки как таковые, сколько статус определенных чисел.

На то, что числу присуще выражать не только величину, или количество, но и качество, указывает О.Нейгебауэр: "Вообще представление, что понятие числа неизбежно должно быть количественным понятием, совсем не так уж непосредственно истинно. Я хочу этим сказать, что существуют первобытные языки, в которых нет числительных вообще, но имеющиеся числительные зависят от характера перечисляемых предметов ‹…›

При этом числительные присоединяются к исчисляемым предметам как прилагательные, выражающие свойство, а следовательно качество. Таким образом, в этих языках вовсе не стремятся к тому, чтобы отметить то, что обще трем живым предметам с тремя какими бы то ни было другими и охарактеризовать эту общность отвлеченным числительным. Для восприятия человека, стоящего на этой ступени, совершенно не представляет интереса констатирование того факта, что такое абстрактное свойство может быть приписано как некоторому одному кругу предметов, так и некоторому другому. Его интересует лишь то, что один определенный тип предметов встречается в тройном виде" [224, с. 98-99].(5)

Не следует полагать, что данный уровень осознания бесповоротно исчез. Во-первых, ребенок в процессе персонального развития вначале учится считать не абстрактные, а вполне конкретные вещи, испытывая затруднения при переходе от одних к другим; для него в момент счета существенно, что пересчитываемые предметы – это вкусные конфеты, а не "неинтересные" деревья за окном. Во-вторых, и современный взрослый интуитивно ощущает, что, скажем, число т р и – в представлении ли о трехмерном пространстве, трех грамматических лицах, трех былинных богатырях – является носителем качества, смысла соответствующего концепта или образа, но при этом совершенно не отдает отчета, почему во всех этих случаях фигурирует одно и то же число. Сама постановка такого вопроса в культуре, где число воспринимается в функции акциденциального, как результат замера величины, выглядит несущественной и наивной. В результате тройки в модели социальных классов (богатого, среднего, бедного), в системе грамматических лиц, размерности физического пространства и т.д. кажутся *различными* тройками, а если и обращается внимание на сходство, то описание этого факта выглядит не менее беспомощным, чем в первобытную эпоху: мы называем определенные числа, в частности тройку, "замечательными" или "магическими", но разве подобная этикетка заслуживает ранга объяснения? В постпервобытный период положение было другим, но не менее проблематичным.

Пифагорейцы обнаруживали в числах от единицы до десяти набор неких имманентных, обязательных свойств. Так или иначе того же подхода придерживалось и средневековье: например, теологи настаивали, что Божественных Ипостасей должно быть именно три, схоласты, опираясь на авторитет Аристотеля, говорили о трехзвенности силлогизма (двух посылках и заключении), о четырех основных видах логических суждений:

общеутвердительного, общеотрицательного, частноутвердительного, частноотрицательного, – и Михаил Пселл для мнемонической иллюстрации отношений контрарности и контрадикторности предложил в XI в. так называемый логический квадрат. В комплементарной теневой области средневековой культуры пребывали алхимики, астрологи, каббалисты. Первые, используя положения неоплатоников, связывали ряд чисел – единицу, двойку, тройку, четверку, семерку и др. – с метафизикой, полагая обязательным наличие, к примеру, семи металлов. Сходным образом астрологи почитали принципиальным существование именно семи известных тогда планет. Значительную дань теологии и алхимии отдал, как известно, Ньютон. Любопытно, что обладавший сильнейшим стремлением к логической точности Кант уже в другую эпоху пытается обосновать трехмерность физического пространства (его подход, как показало время, оказался хотя и не исчерпывающим, но отнюдь не пустым) или логическую обязательность факта тех же семи планет (что тут же было опровергнуто астрономией, открывшей восьмую планету).

В античных и средневековых исследованиях, не исключая сферы спекуляций о числах, очень трудно отделить зерна от плевел. Вдаваться в их хитросплетения, предварительно не дистанцировавшись от них, по всей видимости, даже контрпродуктивно – это вопрос интеллектуальной гигиены: слишком велика вероятность заразиться, повлекшись по пути в никуда. Поэтому большинство ответственных математиков Нового времени радикально перерубило канат, обратившись к вышеупомянутому акциденциальному, чисто количественному числу. Более того, число как таковое подспудно вытесняется на периферию математики, становящейся главным образом символьной: в центре внимания оказываются заимствованная у арабов и интенсивно развивающаяся новыми европейцами алгебра, а затем и дифференциальные уравнения. Хотя натуральные числа не полностью утрачивают свою конституирующую "качественную" роль – например, квадратные, т.е. второй степени, алгебраические уравнения отличаются по своему поведению и методам решения от линейных, кубических, четвертой степени и т.д., отчасти сходным образом обстоит дело и с дифференциальными уравнениями разных порядков, – но этот момент не педалируется, не становится предметом пристального интереса. В целом же назначение подобных чисел практически сводится к чисто указательному, индексному, а в обозначениях, индексах, в сущности, нечего обсуждать.

Аналогичный процесс элиминации натурального числа и

связанных с ним элементарных операций вплоть до XIX в. наблюдался и в естественных науках, особенно в физике. Последняя, как мы помним, была радикально геометризована и, кроме того, опираясь на экспериментальный фундамент, поставила во главу угла *измерение*. Какая величина получится, подскажет природа, вопрос о числах – апостериорный, не имеющий конститутивного значения для модели как таковой. Одновременно: никогда еще пропасть, отделяющая точные науки от гуманитарных, не становилась столь непреодолимо широкой и глубокой, как в этот период.

Ситуация начинает постепенно или скачкообразно меняться с середины XIX и особенно в XX в. Во-первых, протекает революция в самой математике, обратившейся лицом к простейшим фундаментальным аспектам действительности. Возникают новые области: теория множеств, топология, математическая логика, высшая алгебра, изучающая строение объектов самой различной природы. Во-вторых, в естественных науках возникает встречный интерес к простейшим структурам: о физике, химии см. *Предисловие*, в биологии – Мендель открывает генетический код, представляющий собой обыкновенную комбинацию признаков. Элементарные дискретные и комбинаторные операции проникают и в искусство: впрочем, о кубистах, которые "по-топологически" представляли реальные фигуры в виде совокупности правильных геометрических тел, о пуантилистах с их разложением воспринимаемого цвета на исходные компоненты и о поэтах-футуристах, включая математика В.Хлебникова, широко использовавших приемы разложения и рекомбинации слова и, в свою очередь, давших толчок возникновению нового литературоведения, формальной школе, речь уже шла. От формальной же школы – прямая дорога к структурализму, распространившемуся на многие еще недавно чисто гуманитарные науки: не только на литературоведение, но и на искусствоведение, этнологию, культурологию. Вместе с возвратом на новом витке к древним логическим методам все чаще преодолевается разрыв между естественными и гуманитарными дисциплинами.

К данному вопросу предстоит возвращаться, но это целесообразнее в контексте более предметных исследований, когда появится возможность снабжать отвлеченные положения конкретными иллюстрациями. Пока же ограничимся несколькими частными замечаниями, необходимыми для текущего раздела.

Для раскрытия тем первых двух глав нам потребуется далеко не весь корпус арифметических и алгебраических знаний, объединенных рамками элементарной математики и,

соответственно, в том или ином виде известных древним, являющихся атрибутом современного массового сознания. Прежде всего будут востребованы представления о целых числах, навыки комбинирования. Собственно говоря, сам счет есть одна из простейших комбинаторных операций, когда мы вправе отвлечься от различий рассматриваемых предметов друг от друга, а значит, и от порядка их размещения, следования. Подобное абстрагирование от различий – "все единицы одинаковы" – может быть как сознательным, что отвечает достаточно высокой ступени развития, так и автоматическим, "естественным". Например, имеет ли значение для вороны, что первого приблизившегося к ней человека зовут Джон Смит и у него длинный аристократический нос, а второго – Иван Петров и у него нос картошкой? Ворона не знакома ни с тем, ни с другим, и оба в равной мере – источник опасности. Однако запомнить, что людей двое, в высшей степени целесообразно: даже если один из них удалился, второй может подстерегать из укрытия, чтобы запустить камнем. Сходное "абстрагирование" полезно и на этапе беглого "экспресс-анализа", когда необходимо оперативно оценить ситуацию: так кошка, вернувшись с охоты, проверяет, все ли котята на месте, и не нужно ли кого-либо из них поискать.

Элементарные процедуры, аналогичные счету, играли исключительно важную роль в процессе выживания человека, обладая, без преувеличения, экзистенциальной значимостью. Первобытные племена, вступавшие в натуральный обмен, скажем, шкурок зверей на плоды, раскладывали их кучками в два параллельных ряда, устанавливая взаимно-однозначное соответствие между разнородными товарами, выявляя их общий эквивалент. Впоследствии в дело вступили более абстрактные предметы: счетные камешки, палочки, зарубки, загибаемые пальцы. Соответствующий психомоторный, "бихевиористский" аспект не исчез до сих пор: мы тыкаем пальцем в пересчитываемые вещи, фиксируя количество указательных движений, или по-прежнему используем загибание пальцев. В средние же века абацисты спорили с алгоритмиками, как следует проводить вычисления: с помощью вспомогательных предметов (счетной доски, абаки, по которой передвигались счетные марки) или посредством письменной записи, выполняемой по определенному общему правилу [199, с. 5]. Тогда победили алгоритмики.

В 1920 – 30-е гг. Г.Динглер проводит исследование экспериментальных корней абстрактных математических понятий. Так, понятие плоскости координируется с ремесленной технологией изготовления шлифованных поверхностей. "Три

стальные поверхности ‹…› шлифуются друг о друга до тех пор, пока не станут полностью подходить друг к другу" [120, с.108]. Вообще же, "эксперимент является чем-то вроде очищения, изоляции одного-единственного действия, которое в общем процессе переживания не воспринимается непосредственно" [там же, с.105]. Обращается также внимание на повторяемость, воспроизводимость. В свою очередь, и счет, и комбинаторные перестановки суть однозначные, воспроизводимые операции, становление которых произошло в процессе длительной практики. Причем, операции более простые и универсальные, чем собственно ремесленные, и понятия о них сложились значительно раньше геометрических.

В счете и, шире, комбинаторных действиях, помимо их экзистенциального значения и психомоторности, существенны и другие аспекты. Прежде всего, таким элементарным интеллектуальным манипуляциям в равной мере подвержены как неживые, так и живые объекты, как "материальные", так и "духовные": души предков, боги подведомственны такому же учету. Собственно, в анимистическую праэпоху, когда крепли навыки счета, соответствующие границы и не проводились: человек внимал шепоту мудрых дубов и дубрав, присваивал имена собственные копьям и топорам, а боги рекли посредством природных явлений, то и дело оказываясь средь людей. Срубив дерево или убив медведя, перед ними извинялись как перед духами или людьми.

То же взаимно-однозначное соответствие между различными предметами или действиями ("услугами"), выявление общего эквивалента, которые устанавливались в процессе натурального обмена, торговли, применялись и в сфере морали и права. Око за око, зуб за зуб – один из простейших принципов связи между мерами преступления и наказания, но уже на родовой ступени развития возникают и более гибкие обычаи, в частности, вено, выкуп, "несимметричное" возмещение ущерба, когда определенные проступки перед личностью, родом, общиной погашаются соразмерным воздаянием качественно иным, чем ущерб. Со временем такие обычаи превращаются в свод строгих прописанных или запоминаемых правил. Деятельность юристов и судей – один из примеров сложного комбинаторного мышления.

Некорректно, когда числа, комбинаторику, вслед за прочей математикой, пытаются оттеснить в область наук исключительно о природе, но не о духе, видя в них воплощение "механистичности". Это несомненная модернизация, обязанная вышеупомянутому конфликту между адептами точных и гуманитарных наук. В том же смысле "механистична" поэзия,

использующая рифмы, строфы и ритм, но при этом почитавшаяся древними в качестве *божественной* речи – так говорят сами боги, так надлежит говорить с ними и о них. А так называемый треугольник Паскаля, состоящий из целых чисел и природа которого комбинаторна, использовался индийцем Пинталой (II в. до н.э.) при решении вопросов поэзии [199, с.298]. Наряду с предметной, психомоторной, морально-юридической импликациями комбинаторики и числа, значим и эстетический аспект. Поэзия – лишь одна из иллюстраций, читатель без труда вспомнит и о музыке (нотный строй, ритм), архитектуре (комбинация конструктивных, декоративных единиц), орнаментах и т.д.

Понятие числа, по авторитетному мнению ряда исследователей – среди которых и П.А.Флоренский(6) – неопределимо, оно относится к кругу первичных категорий. Идентичной точки зрения придерживается логик С.Папер, говоря о нередуцируемости числа к логике, см. [247, с.630]. Математик Л.Брауэр отстаивает ту же позицию, понимая число как исходную интуицию, см. [70, с.121]. Т.е. невозможно объяснить, что такое число, можно лишь научить и научиться им пользоваться. А.Ф.Лосев, в свою очередь, утверждает: "Число есть смысл самого смысла" [191, с.87]. Древние предпочитали приписывать числу чрезвычайно высокий онтологический статус: "Число есть ближайшее к Первоединому (по Плотину) или даже входит в него (по Проклу)" [там же, с.134]. Ничто не вынуждает нас разделять эту точку зрения, однако вновь: Первоединое не поддается исчерпывающему ноуменальному описанию, напротив, служит исходной идеей.

Рациональная неопределимость числа отнюдь не лишает его концептуальной энергии – такова же ситуация и с рациональностью вообще: "Почти всеми философскими направлениями признается проблематичной "рациональность рациональности"" [337, с.58]. Немецкий профессор И.Веттерстен уделяет этому вопросу специальное внимание и приводит соответствующий обзор [449]. В ряде школ "корни рационального погружаются в почву иррационального" [337, с.60]. Таким образом, рациональность "иррациональна" как по логическому, так и по историческому происхождению, что не препятствует ее использованию в науке. Аналогично обстоит и с числом, истоки которого неопределимы и могут быть описаны лишь в "поэтических" категориях. Так, у О.Шпенглера в главе "О смысле чисел" читаем: "Происхождение чисел сродни происхождению мифа. Первобытный человек возводил в божества, numina, не поддающиеся определению впечатления природы ("чужое"),

заклиная их с помощью разграничивающего их имени. Так же и числа суть нечто разграничивающее природные впечатления и тем самым заклинающее их. Именами и числами человеческое понимание приобретает власть над миром" [380, с.206]. И еще: "Каждая философия росла до сих пор в связи с соответствующей математикой(7) ‹…› существование чисел можно назвать мистерией, и религиозному мышлению всех культур не остался чужд его отпечаток" [там же, с.205]. "То, что выражается в мире чисел, но не в одной только его научной формулировке, есть стиль души" [с. 208]. И дальше: "Глубокое внутреннее переживание, действительное пробуждение Я, делающее младенца развитым человеком, членом принадлежащей ему культуры, знаменует начало числового, как и языкового, понимания" [с.209]. Напомним, что и язык, по крайней мере алфавитное письмо, очевидным образом опирается на разложение речи на дискретные единицы (буквы, слова, предложения) и их расстановку. Подобное происходит также в слоговом и в иероглифическом письме. Отсылки в сходном ключе могли бы быть и продолжены.

Счет, комбинаторика и им подобные операции изначально вольно дышали и в социальной сфере. Имеется в виду не тривиальный коммуникативный аспект (арифметические предложения как часть языка, составной компонент идентичности групп, социально инициированной личности), а социальность в буквальном смысле. Кошка проявляет задатки счета лишь применительно к собственным детям, ворона – высокоорганизованное стайное существо. Аналогичным образом, человек издревле оттачивает свои логико-математические способности применительно к собственным коллективам. Счет родства, колен своих предков в библейские времена – недостижимый образец для наших современников (исключение – аристократические фамилии, но этот фактор теперь не принято принимать во внимание). Процесс начался значительно раньше. Что иное происходило, когда первобытный род или племя делились по строго означенным признакам на группы – скажем, взрослых мужчин, женщин, подростков, детей или формировались мужские союзы, состоящие по отдельности из молодых холостяков, стариков, вождей, отличившихся воинов и т.д.? Нередко они жили в разных строениях, располагались в различных зонах стоянки. Организация, таким образом, заключалась в членении целого во имя последующей регуляции, целенаправленной комбинации. И.Н.Лосева отмечает: "В фокус его ‹первобытного человека› внимания попадает преимущественно сфера внутригруппового и межгруппового общения" [192, с.71] и цитирует В.Я.Проппа: "Первобытное мышление не знает

абстракций. Оно манифестируется в действиях, в форме социальной организации, в фольклоре, языке" [там же, с.65]. Не отрывается от гуманитарной реальности в частности и число. С тех пор как минула пора промискуитета, регламентируются брачные отношения – вплоть до возникновения тройственной моногамной семьи: муж, жена, дети, – или по-мусульмански полигамной: согласно рекомендациям Корана, число жен не должно превышать четырех. Метод расстановки участников используется в коллективных охотах, баталиях, спорте (например, одна из систем в футболе: 4 – 3 – 3).

Сходные явления наблюдаются и применительно к крупным объединениям: древнеиндийское общество делится на касты (со строго детерминированными правилами социальной принадлежности в случае межкастовых брачных союзов), европейское – на сословия (одно из них непосредственно выступало под номером – "третье"). Сюда же следует отнести и упоминавшуюся градацию в современных западных обществах: богатый, средний и бедный классы. Аналогичную функцию выполняет политическое членение: в США это республиканцы, демократы и "индифферентная" группа ("независимые"), в послевоенном мировом сообществе – Запад, Восток и "третий, неприсоединившийся мир".

Всякий раз, когда человек имеет дело с комбинаторными операциями и числом, речь идет не только о внесении соответствующего порядка, но и о разрешении предшествующих неопределенности и/или конфликта, возможно, драмы. Посредством арифметических и арифметикоподобных действий в формируемую реальность вносится мера, гармония, находится способ решения тех или иных жизненно актуальных задач, устранения противоречий. Собственно, в избавлении от противоречий и состоит одна из главных целей математической деятельности. Отношение равенства – выражение психологического равновесия, баланса интересов; конечная последовательность арифметических или алгебраических шагов – всякий раз свидетельство преодоления зависшей неопределенности, достижение так или иначе понимаемого идеала, своеобразный "катарсис". "Драматургическое" измерение арифметики неустранимо, хотя зачастую оно скрывается за завесой формализма и воспоминаний о школьной зубрежке.

Надежные элементарно-математические навыки имеют непосредственное отношение и к здравому смыслу – этой, по выражению А.Бергсона, "добродетели гражданина в свободных странах" [50, с. 163]. Здравомыслие, по крайней мере современное, едва ли представимо без умения считать. А.Бергсон прямо ставит

здравый смысл, который "в практической жизни – то же, что гений в науках и искусствах" [там же, с.164], в зависимость от образования, при этом ставя акцент на его античной модификации [с.166]. Подобной разновидности интеллектуальности не чужды любые сферы занятий, в частности и "философский метод ‹…› близок к приемам здравого смысла" [с. 167], а значит, в конечном счете, к простейшим "правильным" операциям. В условиях всеобщего образования арифметический образец входит в фундамент обыденного сознания, способствуя обнаружению "золотой середины" между интеллектом и волей, мыслью и действием, рассудком и чувством. Чем бы мы конкретно ни занимались, мы с головой погружены в эту среду, и если не всегда ее замечаем, то лишь потому, что она безусловно привычна и "стерта". Нет, тот, кто попытается вынести элементарно-математические действия за скобки "наук о духе", социальных наук, исповедуя пуристическую гуманитарность, рискует упустить нечто непренебрежимо важное, присущее человеку и человеческим коллективам с самых древних времен до новейших. Дистинктивная, т.е. различительная, способность, специфическая точность и строгость, привычно ассоциируемые с числом, отнюдь не чужды ни общественной, ни культурной жизни.

Если нам предстоит заниматься числовым аспектом культурной реальности – независимо от того, что подвергается счету: измерения физического пространства, области времени (прошлое, настоящее, будущее), высшие ценности (истина, добро, красота), главные персонажи литературных произведений, социальные классы, сословия в ту или иную эпоху, – если, кроме того, наличие соответствующих количеств должно получить объяснение в рамках единой модели, то в дальнейшем придется отвлекаться от конкретной природы составных элементов. Но после построения абстрактной модели последуют ее испытания на реальных системах, и мы будем просто обязаны вторгнуться в сферу предметных отношений. При этом количество конститутивных компонентов оказывает существенное влияние на поведение изучаемых систем, их свойства и, что для нас важнее всего, на их смысл. Вслед за Ю.М.Лотманом, один из исследователей утверждал: "Число – универсальный символ культуры, а не только ее элемент" [264, с.106]. Поэтому наше исследование будет носить логико-числовой, логико-семантический характер. Помимо того, количество элементов, участвующих в организации системы, традиционно соотносится с ее *формой*. Скажем, П.А.Флоренский, обращая внимание на особенности культурного переворота начала XX в., подчеркивал

возрастающее значение форм и именно под знаком числа, прежде всего натурального ("Пифагоровы числа": [346, с. 632-646]).

Одни и те же формы то и дело оказываются присущими феноменам из совершенно разных предметных областей, см. выше: например, трехсоставный паттерн в размерности физического пространства, в грамматике (лица местоимений, области времени), в социально-политической структуре ("правые-левые-центр", ветви власти) и т.д. Подобный изоморфизм, гомологию невозможно объяснить в рамках канонических дисциплин, поскольку непосредственные каузальные связи отсутствуют. Поэтому нередко прибегают к методу аналогий. Соответствующих прецедентов не счесть, в частности, хорошо разработана тема "Достоевский и Эйнштейн", т.е. ассоциативные связи между литературой и физикой. В свою очередь, вслед за релятивистской теорией в литературоведении вводится понятие "хронотоп" (о координации этих явлений с числом – см. раздел 1.4.1). Мышление аналогиями порой эвристически ценно, но не дает объяснений. Зато оно активно использует ту самую операцию абстрагирования от "материального" наполнения составных элементов и апелляцию к формам, о которых недавно шла речь. Нашей задачей становится выявление общего математического фундамента представлений из разных секторов культуры – под знаком числа.

Процедура счета, что также следует отметить, тесно связана с определенными логическими действиями, в частности родо-видового объединения и разделения. В нынешних школах, особенно после внедрения калькуляторов, больше внимания уделяют инструментальной стороне и меньше содержательной. Но чтобы считать, совершать арифметические действия, прежде необходимо убедиться в правомочности этого. Поскольку впоследствии нам придется не раз использовать в качестве само собой разумеющегося родо-видовые манипуляции в проекции на число, стоит с самого начала договориться, о чем идет речь. Воспользуемся примером из старого гимназического курса.

На скотном дворе две лошади, три коровы, семь свиней и пять скамеек. Сколько крупных животных? – Пять. Сколько парнокопытных (к таковым относятся коровы и свиньи)? – Десять. Сколько животных? – Тринадцать. Сколько инвентарных единиц, т.е. предметов вообще? – Восемнадцать. Одна и та же ситуация описывается разными числами в зависимости от того, под каким углом рассматривается, какие таксоны мы выделяем. Ныне подобная обстоятельность выродилась до поговорки-совета "не складывай корову с лошадью". Столь тривиальное отступление потребовалось, дабы избежать недоразумений в дальнейшем.

Теперь мы, вероятно, достаточно оснащены, чтобы приступить к конкретным исследованиям культуры и общества и, возможно, в состоянии пережить без наркоза встречу с сугубо математическим разделом. Впрочем, напоследок парочка замечаний. В *Предисловии* шла речь о рациональном бессознательном современного человека, и последнее связывалось со всеобщим школьным образованием, в котором львиную долю занимают математические и математикоподобные дисциплины. Теперь уместно обратить внимание на следующий нюанс.

О.Шпенглер имел все основания указывать на различный стиль математик разных веков и цивилизаций и на тесную внутреннюю связь этого стиля с характером мышления, философии, мировоззрения, см. выше цитату о "стиле души". Разностилевыми, в частности, являются математика античности, с одной стороны, и Нового времени, с другой. При этом то, что на протяжении школьных лет мы изучали под маркой элементарной математики, несмотря на некоторую модернизацию в подаче, было открыто, "доведено до кондиции" или имплицитно подразумевалось античностью и является античным по духу, тогда как впоследствии, вступив во взрослую жизнь, мы имеем дело не только с другой математикой (те, кто ее изучает под названием высшей), но и шире – с совершенно иным интеллектуальным продуктом, будь он обязан точным наукам технологической эры или гуманитарным, из которых изгнан чуждый "механистический" компонент. В результате наша рациональность расщеплена на два этажа не только по признаку сознательности (т.е. принадлежности к современности) и бессознательности (то, что вытеснено ниже порога внимания, см. *Предисловие*), но и по *стилевому* критерию. В коллективном бессознательном сосредоточено рациональное содержание одного большого стиля, условно говоря античного, а в сознательной сфере – другого, если воспользоваться дефиницией Шпенглера, соответствующего "фаустовскому человеку".

На протяжении всей первой главы, да и книги в целом, исследуется рациональное бессознательное – следовательно, античное по стилю. Я отдаю себе полный отчет, что это несколько парадоксально: изучая прежде всего современные культурные и политические явления, отвечающие эпохе масс, в применяемых методах анализа мы вынуждены обращаться к античному пласту. (8) Такой подход, по всей видимости, выглядит необычно, тем не менее он адекватен своему предмету. Для облегчения понимания элементарно-математические положения переведены на современный математический язык, но в этом также, на наш

взгляд, отсутствует некорректность: ведь таково и преподавание в школе, и наше рациональное бессознательное является, так сказать, "квазиантичным", т.е. таким, каким оно предстает в восприятии современного человека. Процесс всякого извлечения содержаний из бессознательного вызывает инстинктивное психологическое сопротивление, и этот фактор – наряду с инородностью, "неканоничностью" стиля исследования – должен учитываться при восприятии всего нижесказанного.

Из статуса рационального бессознательного вытекает такое очевидное следствие: вряд ли на всем протяжении книги и, в частности, первой главы речь пойдет о чем-то действительно новом. Предмет изучения – скорее забытое старое: забытое нашей культурой в целом (так сказать, филогенетическое забвение) или лично читателем (онтогенетический аспект). Поэтому нередко будет возникать эффект дежавю, который, надеюсь, не очень помешает чтению. Если о коллективном бессознательном надежнее всего свидетельствуют мифы, то знание о его рациональном компоненте – тоже своеобразный миф, который, по выражению неоплатоника Салюстия, сообщает о том, что, возможно, не было никогда, но есть всегда. В том же смысле следует понимать рассматриваемые числовые закономерности: хотя в конкретно предлагаемой форме они в чем-то оригинальны, знание о них так или иначе присуще всем и всегда, и основная задача только в том, чтобы внести в эти знания систематичность, отделив от них излишние и неуместные, по нашему мнению, мистические наслоения.

Человек, вернее, большие человеческие коллективы постоянно формируют стереотипы – в идеологии, науке, политике, философии, популярных литературных произведениях и т.д. Во-первых, стереотипы – это то, что всякий раз, на каждом этапе не является новым, а, напротив, широко и хорошо известно. Во-вторых, они – в качестве продукта коллективного, массового сознания – пребывают на границе сознательной и бессознательной психической сфер. Будучи наиболее простыми и удачными, не противоречащими сами себе и, значит, устойчивыми представлениями (что применительно к стереотипам тавтологически верно), своего рода организующими или "нервными" центрами культуры, ее мифологемами, они в значительной мере подчиняются рациональным принципам – как раз тем, которые разделяют современные образованные массы. В ряде случаев подобные стереотипы имеют облик предрассудков, т.е. априорных суждений. После Х.-Г.Гадамера к ним также следует относиться серьезно и не квалифицировать как заведомо ложные и потому неинтересные для науки положения. "По

Гадамеру, предрассудки в гораздо большей степени, чем рефлексия, суждения и т.п. составляют историческую действительность бытия человека. Они законны, неизбежны, коренятся в объективных исторических условиях. И дело, следовательно, отнюдь не в том, чтобы отбросить эти предрассудки: их надо осознать, учесть, привести, так сказать, во взвешенное состояние" [89, с. 16]. Выявление рациональной основы общественных стереотипов, предрассудков, мифологем в их взаимодействии с культурой и социальной реальностью и составляет тему книги в целом; в настоящей главе предстоит исследовать одну из разновидностей таких основ, а именно ту, за которую ответственны целое число и комбинаторика. В свою очередь, подразделение объектов на составные компоненты и последующая манипуляция ими – неизменный признак всякого познания; воспользуемся для удобства словами одного из аналитиков: "Таким образом, в отражении ‹т.е. в познании. – *А.С.*› происходит установление границ в представленном материале, выделение объектов, объединение их в классы, их перебор, комбинирование и конструирование из них новых объектов" [110, с. 143].

Примечания

1 В послевоенные десятилетия пользовалось успехом и такое членение: либерализм – марксизм – национализм.

2 Например, каковы основания, что система грамматических лиц включает в себя именно 3 лица, а не, скажем, 8 или 17, что физическое пространство в одну эпоху считалось трехмерным, затем четырехмерным, десятимерным и т.д.

3 Одновременно Декарт "арифметизирует", или "алгебраизирует", геометрию посредством метода координат.

4 Так, по наблюдению Уайтхеда, писатели последних столетий специально тренируют умы, чтобы воспитать в себе незаинтересованность в науке [336, с. 134].

5 В подстрочном примечании переводчик С.Лурье поясняет: "Все эти явления надо, разумеется, объяснять тем, что в сфере первобытных культур речь идет прежде всего об индивидуально известных множествах, увеличение или уменьшение которых воспринимается как присоединение или недостаток определенных индивидуумов. Таким образом, речь идет не о "меньшей способности к абстракции", а о совершенно ином

направлении интересов по сравнению с нами".

6 "Числа вообще оказываются невыводимыми ни из чего другого, и все попытки на такую дедукцию терпят решительное крушение, а, в лучшем случае, когда повидимому к чему-то приводят, страдают petitio principii" [345, с. 595].

7 В свою очередь, в основе всякой математики как безусловно данный элемент лежит число [там же, с. 205].

8 О генезисе и типе различных разделов элементарной математики существуют и иные мнения. "Если наши геометрические курсы в значительной мере восходят к греческой математике, то наша арифметика имеет, несомненно, индийское происхождение" [координаты книги утеряны, остался лишь номер страницы: 183]. Как бы то ни было, независимо от первоисточников, античность прекрасно владела арифметикой, и для того, чтобы подчеркнуть разностильность современного "сайентистского" мышления, с одной стороны, и рационального бессознательного, с другой, не обязательно вдаваться в подробности, тем более, что в их оценках среди специалистов отсутствует единодушие. Когда в дальнейшем будут востребованы те сектора арифметических знаний, которые не были знакомы ни грекам, ни римлянам, это будет специально оговариваться.

1.2. Теоретическая модель

Теперь, вероятно, достаточно подготовлена почва для более предметного разговора. Содержание настоящего раздела покажется иным из читателей отвлеченным, а то и скучным. Но это неизбежная и, надеюсь, краткосрочная скука, которую следует перетерпеть. Те, для кого приведенные выкладки тривиальны, могут прочесть данный раздел "по диагонали", подробности адресованы тем, кто основательно подзабыл школьную математику, хотя для них – см. *Предисловие* – такое чтение способно оказаться затрудненным вдвойне. Уже на старте необходимо выравнять шансы двух разрядов читателей. Сходный мотив ответствен и за выбор смешанного, индуктивно-дедуктивного пути изложения: каждая из абстракций по возможности снабжена иллюстрациями. Чтобы не злоупотреблять терпением, часть выкладок вынесена за рамки раздела, и поначалу допустимо лишь бегло ознакомиться с ним. Впоследствии, следуя ссылкам, его можно использовать как справочный материал.

Выше упоминались некоторые из совокупностей тесно сопряженных друг с другом понятий. Таковы лица местоимений в языке, глагольные времена, составные члены триад немецкой классической философии, измерения физического пространства и др. Подобные группы отличаются своеобразным качеством целостности, и сейчас предстоит рассмотреть их более аккуратно.

Для удобства обозначим любую из таких совокупностей, или систем, через S. Каждая из систем S состоит из определенного числа элементов или, что то же, разбивается на эти элементы. Последние могут быть самыми разнообразными: ветви государственной власти (законодательная, исполнительная, судебная), грамматический род (мужской, женский, средний), измерения физического пространства (три в ньютоновской механике и четыре в релятивистской). Таким образом, мы отвлекаемся от конкретной природы составных элементов; нам важно лишь то, что они вообще существуют и что в каждой системе S их определенное количество. Обозначим это количество через M. Вообще говоря, заранее неизвестно, какова именно величина M – в разных случаях она различна, – ее-то и предстоит выяснять. Итак, система S состоит из M элементов.

Пока использована не вся информация. Мы видим, что элементы, из которых состоит система, не изолированы друг от друга, а каким-то образом взаимодействуют, связаны между собой, находятся в определенных реальных и/или логических

отношениях. Никто ведь не станет всерьез утверждать, что, скажем, прошлое, настоящее, будущее суть изолированные друг от друга хронологические категории. Ради общности не будем строить никаких предположений о предметном характере упомянутых отношений: в каждой из систем S он, очевидно, свой. Пока достаточно и того, что связи, отношения явно наличествуют. Попробуем их пересчитать.

Если элемент a1 связан с элементом a2, мы говорим об одном отношении между двумя элементами. Если элемент a1 сопряжен еще и с элементом a3 , то фиксируется второе отношение. Аналогично, если элементы a2 и a3 также корреспондируют между собой, то имеется третье отношение и т.д. Обозначим общее количество связей в системе S через k и отныне будем говорить, что она состоит из M элементов и k отношений.

Определение свойств систем класса S еще не закончено. Ранее упоминалось такое качество как "целостность", постараемся с ним разобраться.

Важно, что система S в известном смысле является *полной*, т.е. включает в свой состав все значимые для себя элементы. Скажем, если кантовская система высших человеческих ценностей состоит из истины, добра, красоты, то имеется в виду, что нет других высших ценностей, сопоставимых по значению с названными, к ним не сводимых, но при этом не внесенных в список. Этот список по-своему исчерпывающ.

Если бы существовала хотя бы еще одна самостоятельная высшая ценность, которую мы забыли привести, то рассматриваемую систему не удалось бы полагать полной. Сходным образом, если бы помимо трех лиц местоимений мы пользовались еще каким-то независимым четвертым, то у нас не было бы прав именовать соответствующую грамматическую совокупность полной. Указанное обстоятельство математики иногда выражают так: система S состоит из M и *только из* M элементов. Определенную трудность для читателя может представлять разве что один нюанс: качество полноты системы следует полагать *ранее* предъявленного количества элементов M ("ранее" – не обязательно во времени, а в плане логического предшествования).(1) Сама же величина M, во-первых, бывает в разных списках различной и, во-вторых, выступает в качестве логически производной.

Система S является, кроме того, *замкнутой* или относительно замкнутой. Что это означает? – Смысл очень прост: составные элементы системы находятся в фактически и/или логически значимых связях только между собой и ни с чем внеположным. По крайней мере, никакие посторонние влияния не должны быть в

состоянии изменить внутреннюю организацию, собственное строение системы, последняя должна быть независима от них. Все конституирующие связи принадлежат самой системе S ("все свое ношу с собой"). Будь это не так, она оказалась бы лишенной самодостаточности, логической прочности, произвольно перестраиваясь под воздействием тех или иных привходящих факторов.

Скажем, если ученые утверждают, что физическое пространство обладает тремя (или четырьмя) измерениями, то в обоих случаях предполагается, что физические события полностью вписываются в систему названных измерений. Заведомо исключается возможность непредусмотренного влияния из "ниоткуда": из неучтенных измерений или невесть из каких краев. В противном случае нам то и дело приходилось бы становиться свидетелями появления своеобразного deus ex machina. Отнюдь не случайно Ньютон сопровождал построение механики упорной борьбой с тем, что считал суевериями, т.е. с верой во вмешательство духов, ангелов или даже самого Бога в нынешнее течение физических процессов. Не стоит забегать чрезмерно вперед, но физическое пространство выступает как нечто самодостаточное, логически изолированное.

Подобным предположением пользуются не только физики. Когда правоведы говорят о государственной власти, о разделении ветвей, считается само собой разумеющимся, что обязательные для всех решения исходят только от легальных, перечисленных в теории и в законе ветвей. Известна и иная точка зрения: некоторые люди склонны подозревать, что президенты, парламенты, суды – не более, чем крикливо размалеванная декорация, за которой "на самом деле" скрываются могущественные кукловоды (масоны, мафия, клубы заговорщиков-толстосумов, а то и пришельцы из космоса). Однако в юридическом плане такое мнение признается ничтожным, и совокупность законных инстанций наделяется самодостаточностью. Из последней не вытекает, что государственная власть свободна от влияния со стороны общества, прессы, групп интересов, текущих событий, но сам принцип разделения властей из-за этого не ставится под вопрос, – будучи закреплен в конституции, он обладает солидным запасом прочности, у него всегда семь футов под килем.

Условие замкнутости формулируется так: в системе S действует k и *только* k значимых для нее отношений. Нетрудно заметить, что свойства полноты и замкнутости взаимно дополняют друг друга: то, чем служит полнота применительно к поэлементному составу системы, выступает как замкнутость

применительно к ее отношениям. Оба свойства принадлежат априорной эвристической установке, логически предшествующей и предметному содержанию, и самому количеству составных компонентов и отношений.

Системы S, наряду с полнотой и замкнутостью, подчиняются и другим ограничениям: такие системы, хотя и часто встречаются, довольно особенные. Их третье свойство назовем *связностью*, подразумевая под этим, что в системе нет изолированных или полуизолированных элементов. Каждый элемент связан со всеми другими посредством заданных в системе отношений.

Это приходится специально оговаривать, потому что, вообще говоря, возможна и отличная ситуация. Лишь часть элементов системы могла бы взаимодействовать между собой, тогда как другая никак не связана с первой. В таком случае две части оказались бы изолированными друг от друга, и система S распалась бы на две самостоятельные подсистемы. Подобная картина нас не устраивает, коль скоро мы взялись исследовать "целостности".

Под связностью понимается даже нечто большее. Представим себе случай, когда подавляющее большинство элементов системы пребывают во всесторонних связях между собой, а один – если и не абсолютный отшельник, то поддерживает контакт лишь с каким-то, допустим, одним же элементом из большинства, а остальные игнорирует. Тогда речь шла бы не о полной изоляции, а об ущербности, бедности связей, т.е. "полуизоляции". Нам это также не подходит, и если система S претендует на целостность, она обязана демонстрировать ее по всем критериям, во всех своих составляющих. Допустимо говорить о "сквозной", или "тотальной", связности, о воплощении тезиса "все связаны со всеми". В дальнейшем, именуя систему S *целостной* (вариант: *холистичной*), мы будем считать, что она обладает тремя перечисленными свойствами: полноты, замкнутости, связности.

Строго говоря, на систему следует наложить еще одно ограничение, допускающее ряд эквивалентных формулировок, из которых выберем, например, "*простоту*". Чуть позднее мы подробнее поясним характер этого требования, сейчас же, чтобы не тормозить изложение, двинемся дальше.

В каждом из отношений задействован один или несколько элементов, т.е. элементов в системе не меньше, чем отношений: $M \geq k$ (M больше или равно k). Каждый элемент, не являясь изолированным, в свою очередь, участвует в одном или в нескольких отношениях, т.е. отношений не меньше, чем элементов: $M \leq k$ (M меньше или равно k). Объединив два условия, получим:

$M = k$

(1)

В дискретных целостных системах число элементов равно числу отношений.

Элементы системы связаны между собой (физически, логически, в любом интересующем плане) попарно, тройками, группами по четыре и т.д. При изучении реальных систем часто сосредоточивают внимание лишь на определенном классе отношений элементов между собой. Скажем, выбирая в качестве базовых попарные (бинарные) отношения, все остальные (взаимодействия одновременно по три, по четыре и т.д.) считают логически производными от бинарных. Так поступают, например, в классической физике, ставя во главу угла взаимодействие пар материальных точек, а к более сложным случаям переходят с помощью обыкновенного наложения, суперпозиции. Дело, конечно, не в физике как таковой, – аналогичные предположения используются в самых разных областях, где так или иначе задействован рассудок. По сходному пути пойдем и мы, выбирая в качестве конституирующей лишь одну из разновидностей отношений, однако уже не обязательно бинарных.

Обозначим через n кратность отношений, заданных таким образом в системе, т.е. количество элементов, участвующих в каждом отдельном отношении, или взаимодействии. Если отношения бинарны, то $n = 2$; если тринитарны, то $n = 3$ и т.д. Сказанное – достаточно сильное логическое ограничение на систему, но, как вскоре предстоит убедиться, ее прецеденты встречаются чуть не на каждом шагу. Что, собственно, имеется в виду?

Во-первых, мы отвлекаемся от того, что, например, один элемент может вступать в *многообразные* отношения с другим, и в момент анализа берем только *одно* отношение: либо "генерализируя", "редуцируя" разнообразие и сводя его к одному "интегральному" сорту, либо рассматривая систему в некоем одном, специальном аспекте и под таким углом зрения априорно интересуясь только одним сортом. Подобные рамки суть заведомое упрощение многих реальных систем, но ведь сложное обычно познается посредством простого. Во-вторых, мы унифицировали отношения в смысле их кратности: например, если какая-то подгруппа элементов взаимодействует попарно, точно так же обязаны взаимодействовать и другие подгруппы. Если речь идет о тринитарном взаимодействии, таково оно для всех секторов. Подобная унификация есть не что иное, как требование *логической однородности* рассматриваемой системы:

все ее части подчиняются одному и тому же принципу. Если бы было иначе, мы бы не знали, какой стратегии исследования придерживаться, и нам пришлось бы по-отдельности изучать, что происходит при одной кратности отношений (в одной подгруппе), а что при другой, т.е. мы все равно методологически вернулись бы к исходным простейшим случаям. Генерализация, редукция, выделение специального аспекта, унификация, достижение логической однородности – все это разные пути к выполнению одного и того же условия, выше названного *простотой*. Благодаря последней мы и можем определить кратность отношений n и считать ее одинаковой в рамках всей системы. Отныне у нас есть основание именовать такие совокупности не только *целостными (полными, замкнутыми, связными),* но и *простыми*.

В результате, чтобы определить количество отношений k, нужно пересчитать все возможные группы, состоящие из n элементов. Это одна из стандартных для элементарной математики процедур, и для сверки читатель может заглянуть в начало любого краткого курса комбинаторики, например, в [235]:

k = CMn,
(2)
где CMn – число сочетаний из M элементов по n.
Подставив формулу (2) в условие (1), получим:

M = CMn.
(3)
Ни один из курсов комбинаторики не обходится и без выражения для числа сочетаний [там же, с. 517]:

Cmn = M! / (M – n)! n!,
(4)
где знак факториала (!) означает перемножение всех чисел от единицы до стоящего перед факториалом значения (например, M! = 1·2·3·…·M).

Объединив условие (3) с формулой (4), получим уравнение:

M = M! / (M – n)! n!,
(5)
в котором величина n выступает в качестве параметра.

Решать данное уравнение предстоит уже в следующих разделах, а другой, для кого-то, возможно, более убедительный, вывод вынесен в *Приложение 1*.

Примечания

1 Поскольку составляемой модели предстоит работать с весьма элементарным, генетически древним (см. Предисловие) срезом культуры, постольку уместна ссылка на Аристотеля, на его мнение, что целое предшествует частям, см. [25, с. 379]. Или проще: представим себе ситуацию, когда мы собираемся составить некий заведомо полный список, но еще не знаем ни из каких единиц он будет состоять, ни сколько таких единиц потребуется.

1.3. Тройственные структуры

Вначале рассмотрим систему грамматических лиц. Когда мы мысленно отвлекаемся от конкретных предметов, вернее от их персональных имен, употребляются соответствующие родовые слова, местоимения. И в фило-, и в онтогенетическом планах это уже довольно высокая степень абстракции. В "Начатках русской грамматики" А.Ветухова (Харьков, 1909) читаем: "Местоимение есть замена одного из имен (существительного, прилагательного и числительного); это своего рода *формула обобщения, алгебраический знак, раскрываемый подстановкой конкретной величины"* (курсив мой. – А.С.; цит.по: [346, с.686]). Из всего разнообразия затем выделяется отдельный класс личных местоимений, и грамматических лиц при этом оказывается три. В "Столпе и утверждении истины" П.А.Флоренский замечает: "Насколько мне известно, нет языка, где число грамматических лиц было бы иное, чем три" [345, с.806], – но относится к такому факту как к очевидно исходному, в дальнейшем используя его в целях, далеких от тех, что поставлены в настоящей работе. Мы же, убедившись в том, что рациональный подход в данном случае уместен (уже до нас здесь основательно поработала логика), попробуем проанализировать.

В какой реальной, логической ситуации происходит конституирование грамматических лиц, иными словами, типов личных местоимений? – Выглядит правдоподобным, что такой ситуацией послужил и служит до сих пор *диалог*. Здесь нет нужды думать о чем-то концептуально высоком, скажем, о такой замысловатой черте литературно-художественной речи как диалогичность (М.М.Бахтин обнаружил ее в романах Достоевского [40] и даже утверждал, что диалогично само понимание [84, с. 123]). Мы имеем в виду нечто гораздо более элементарное, знакомое и древним людям, и нынешним детям. Простым вещам труднее всего присваивать наименования, пусть это обозначается как "тривиальный диалог" или "диалог как таковой". С общения матери с младенцем по существу и начинается речь, да и затем, на протяжении жизни, диалог продолжает оставаться ядром, костяком, обрастающим плотью языка, он в значительной мере ответствен и за само мышление. Диалог играет роль своеобразного прототипа или матрицы – нам незачем строить слишком обширных предположений, достаточно, что применительно к личным местоимениям.

Диалог по сути и по названию задает *бинарное* отношение

между реальными или воображаемыми участниками, n = 2. Для него необходимо как минимум два человека, и даже если мы разговариваем сами с собой, то общаемся с мысленным образом другого или своим alter ego (в последнем случае говорят о внутреннем диалоге). Первые два лица – Я и Ты (англ. I and You, нем. Ich und Du) фиксируют двух наиболее активных участников обобщенного диалога. Все остальное оказывается возможным выразить с помощью всего одного – третьего – дополнительного лица. Почему?

Прежде всего, процедура формирования лиц опирается на саму возможность распределить реальных участников беседы по типам – в зависимости от занимаемой ими речевой позиции. Причем, чтобы результат оказался практически полезным, количество типов должно быть конечным. Подобные условия обычно специально не оговариваются, оставаясь само собой разумеющимися. Кроме того, система грамматических лиц с самого начала ориентирована на по-своему исчерпывающее описание диалогической ситуации, т.е. предполагает, что все неучтенное, постороннее должно быть исключено. На нашем языке: строящаяся совокупность должна обладать в своих рамках качествами полноты и замкнутости.

Все лица связаны между собой живыми логическими нитями, т.е. следует констатировать качество связности. Наконец, грамматики стремятся схватить диалог как концептуально единую и простую картину, т.е. выполнено и четвертое условие для систем S. Диалогическая дуальность отношений лиц, n = 2, соответствует и тому, что лица конституируются посредством попарного сопоставления друг с другом, значит, аналитическая процедура зиждется на бинарной, аристотелевой логике. В таком случае остается лишь взять ранее составленное уравнение (5) и подставить в него значение n = 2.

Учитывая интересы тех, кто подзабыл школьную математику, проведем выкладки максимально подробно:

$$M = M! / (M - 2)! 2!$$

Двойка под факториалом в знаменателе правой части – это единица, умноженная на 2, т.е. равна 2. Второй сомножитель в знаменателе представляет собой произведение чисел от 1 до (M – 2), а M! в числителе есть то же, но дополнительно умноженное на (M – 1) и M. Сократив одинаковые сомножители в числителе и знаменателе, получим:

$$M = M (M - 1) / 2.$$

Если количество элементов в системе отлично от нуля и от

бесконечности (а это не очень сильные допущения: нам редко хочется думать о диалоге, в котором совсем нет участников, а актуально бесконечное число лиц лишено практического смысла), то можно также сократить сомножители М в правой и левой частях уравнения. Поэтому

(М – 1) / 2 = 1, откуда М = 3.

Если ситуация диалога мыслится как целостная и простая, для ее описания требуется три логические позиции, или лица.

Обратим внимание на несколько немаловажных моментов. Во-первых, деление на три компонента в данном случае не является обобщением эмпирических фактов: в реальной беседе могут принимать участие и два субъекта, и четыре, и пять… Тем не менее действующая языковая модель оказалась трехсоставной, логических мест в ней закреплено именно три: так, как будто картина двух собеседников дополняется воображаемым третьим, или так, что в примерах с множеством участников третий, четвертый, пятый и т.д. объединяются в одну таксономическую группу, выступающую под единой шапкой собирательного третьего лица.

Во-вторых, чтобы прийти к искомому результату, нам не пришлось рассматривать сложный и во многом темный процесс тех эпох, когда формировался язык, в частности вычленялись лица, т.е. самого "позитивного" механизма формообразования мы не касались. По-видимому, это был бы заведомо непродуктивный путь: вдаваться в конкретные детали лингвистического развития, особенно если имеется в виду праистория, затем обобщать полученные данные по разным народам. Напротив, логико-феноменологический подход быстро приводит к цели, хотя, конечно, не стоит забывать, что за ним – настоящая бездна коллективной речевой практики далеких тысячелетий.

В-третьих, в тринитарной классификации грамматических лиц чувствуется рука достаточно изощренного в логике мастера, что заставляет вспомнить: первая теоретическая грамматика родилась в эллинистической Александрии II – III вв. до н.э., стоявшей на плечах блестящих греческих философов и ученых, и все европейские грамматики воспроизводят ее образец.(1) След упомянутого "логического искусства", даже "искусственности", различим до сих пор. Если для первых двух лиц (в единственном числе, именительном падеже) существуют единственные репрезентанты: Я и Ты, – то у третьего нет однозначно-единственного представителя. Понятие о нем отвлеченно и выступает "по-пифагорейски" под номером. Навряд ли ребенок, уже прекрасно умеющий говорить и, следовательно, правильно

употреблять лица, сумел бы догадаться без школьных штудий, что Он, Она, Оно суть одно и то же грамматическое лицо.

Античные грамматики не использовали, конечно, никаких выражений с факториалами. К тому же результату нетрудно прийти и без них – методом непосредственного перебора. Воспользуемся им для проверки. В системе S, состоящей из элементов *a1 , a2 , a3*, заданы бинарные отношения. Каково количество таких отношений? – Элемент *a1* связан с *a2* , запишем первую пару (*a1 , a2*). Но *a1* связан и с *a3*, что соответствует паре (*a1 , a3*). Наряду с ними существует и третья пара – (*a2 , a3*). И никаких других пар нет, т.е. количество отношений k равно трем. Поскольку элементов в системе также три, M = 3, постольку выполнено ключевое условие (1). Мы, однако отдали предпочтение более общему выражению, т.к. это предоставляет ряд преимуществ, в чем впоследствии еще предстоит убедиться.

Итак, практическое многообразие бесед, в которых могут принимать участие любое количество человек, спроецировано в грамматике на одну нормативную модель, представленную тремя лицами. Поскольку в реальных разговорах субъекты постоянно меняются местами: адресат сообщения Ты превращается в ответной реплике в Я, Он активизируется до Ты или Я, – постольку всякий раз рассматривается синхронический речевой срез. Такова плата за эссенциальную логичность.

Ситуация почти калькируется применительно к грамматическим родам: *мужскому, женскому, среднему*. Совокупность конечного количества родов по-прежнему является логически полной, замкнутой, связной: ведь данная классификация заранее ориентирована на исчерпывающую дескриптивную полноту ("список полон"), критериальный признак деления самостоятелен, свободен от посторонних влияний ("замкнутость"), и, наконец, каждый род определяется в сравнении, противопоставлении другим, т.е. ситуация логически связна. На рассматриваемой совокупности задана, кроме того, "сексуальная" оппозиция, исходно – противоположность двух главных родов: мужского и женского, n = 2. Целостность и простота, соответственно, достигаются привнесением всего одного дополнительного рода: не-мужского и не-женского, т.е. среднего. И это невзирая на то, что объектов, которым не удается приписать ни мужские, ни женские черты, существует множество самых разных сортов.

В одних языках – например, в русском, немецком – упомянутое членение применяется не только к личным местоимениям, но и к существительным, в других – скажем, английском – у существительных нет родов, но личные

местоимения и в них подразделяются по родам. Более точную информацию можно почерпнуть у лингвистов: "Индоевропейская трехродовая система трактуется как результат преобразования более древней двухклассовой системы; А.Мейе полагал, что род развивался из оппозиции одушевленность-неодушевленность, К.К.Уленбек – из оппозиции активность-пассивность" (Виноградов В.А. Род // Языкознание. Большой энциклопедический словарь. – М., 2000; с. 418). Кроме того, сообщается, что категорию рода считают '"палеонтологической' категорией, уходящей корнями в особенности древнего мифологического мышления", а также то, что "в современных языках встречаются как трехродовые системы , так и двухродовые (в романских, иранских)". Здесь не место для обсуждения конкретных причин реализации двухродового деления в определенных группах языков (один из вариантов логики двухчастности – см. Приложение П.2.1), ведь мы заняты исключительно числами, и всего родов, как и полагается, в лингвистических теориях три.

Хронологический план реальности, в свою очередь, претендует на дескриптивную самостоятельность. Отражая порядок, в котором события следуют друг за другом, тем самым он устанавливает дуальные отношения между ними: событие A предшествует событию B, n = 2. Каноническая система времен в результате оказывается представленной тремя основными элементами: *прошлым, настоящим* и *будущим*. Такие компоненты часто интерпретируются как самостоятельные части, или области, времени, связанные теми же бинарными отношениями "раньше/ позже". Иногда прибегают к менее привычному толкованию: например, М.Хайдеггер, вслед за Гегелем ("Философская пропедевтика", § 102 [91, с. 173-174]), говорит о времени как о "сфере тройного простирания" [355, с. 93], "время оказывается трех измерений" [там же, с. 92]. Но в обоих случаях M = 3. Читатель уже хорошо понимает, почему, и, вероятно, нет нужды в подробной прогонке сквозь модель.

К трехчастному членению времени прибегал Конфуций, сформулировавший "закон трех стадий": Стадия Беспорядка, Кратковременное Успокоение, Великое Подобие или Равновесие [305, с. 382]. Китайские священные книги отталкивались от сходных соображений: в период правления хороших императоров "каждые три года устраивался экзамен заслуг ‹для чиновников›, и после трех экзаменов незаслуживающие продвижения разжаловались, а заслуживающие двигались по лестнице вверх" [там же, с. 383]. В свою очередь, учение зороастризма, самой древней из мировых религий откровения, утверждало, что история делится на три эры: "Творение" (утверждение добра – в прошлом), "Смешение"

(упадок, борьба с Ариманом – настоящее) и "Разделение" (добро снова отделено от зла и последнее окончательно уничтожено – в будущем) [58, с.36-37]. При этом у истории есть не только начало, но и конец [там же, с. 36], т.е. зороастрийцы обеспечивали "компактность" системы эр за счет физической конечности времени. Эсхатологизм, следует сказать, не является непременным условием трехчастности – достаточно и *логической* компактности ("мысленной обозримости") времени как системы. Однако вернемся к грамматике.

На языковых примерах удобно проиллюстрировать еще один занятный факт – появления *нескольких* логических ступеней членения, *неоднократного* применения бинарной логики к феноменам, которые стяжают качество внутренней целостности. Как поступать, если мы не намерены отказываться от холистичности своих представлений, если сохраняем верность "здравой" бинарной логике, но при этом не удовлетворены степенью аналитической тонкости, достигнутой в результате трехчастности? Как повысить степень дифференцированности системы понятий, не изменив логической последовательности? В таких случаях названную процедуру применяют *повторно*.

Возвратимся к личным местоимениям. Если Я и Ты наглядно представлены в событии диалога как источник и адресат реплики, обладают предметной определенностью, то третье лицо, как мы помним, несколько "расплывается", ему не присуща такая же четкость и ясность. Можно предположить: всякий раз не являясь активным участником диалога, пребывая в этом смысле в стороне, третье лицо может рассматриваться как нечто отдельное, самостоятельное. При этом оно по-своему целостно, отражая, так сказать, "нарративно-эпическое" единство охватываемых им предметов. Следовательно, к нему в свою очередь может быть применена операция, ведущая к трехсоставности – к третьему лицу подходят с категорией рода, и оно распадается на Он, Она и Оно (англ. He, She, It, нем. Er, Sie, Es). Собирательное же местоимение в третьем лице (в единственном числе) в языках просто отсутствует. Совокупность личных местоимений предстает в грамматике в следующем виде:

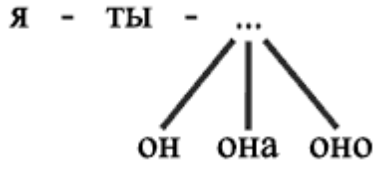


Рис. 1-1

Со сходной ситуацией мы сталкиваемся, обращаясь к временным грамматическим категориям некоторых языков. Если русский удовлетворяется тремя временами глаголов: прошлым, настоящим и будущим, – выражая более тонкие смысловые оттенки с помощью иных лексических средств, то, скажем, в немецком обстоит по-другому. Отправляясь от тех же представлений о тринитарности времени (см. Гегель, Хайдеггер), автоматически подразумевая ту же бинарную логику, немецкая грамматика указывает, однако, не на три, а на шесть различных временных форм. Не вдаваясь в детали: три прошедших времени (Imperfekt, Perfekt, Plusquamperfekt),(2) одно настоящее (Praesens) и два будущих (Futurum I и Futurum II). Типологизированная хронологическая реальность при этом имплицитно подразделяется на две относительно самостоятельные части: на временную область, от нас уже не зависящую (таковой является прошлое), и на область еще не устоявшейся реальности, на которую мы в состоянии оказывать влияние, т.е. настоящее с будущим.

Коль возникает потребность в более точной логической фиксации отношений предшествования (ибо в прошлом и будущем, в свою очередь, одно событие наступает раньше другого), то к двум указанным областям снова может быть применена та же логическая процедура, ведущая к тринитарности. При этом прошлое, соответственно, оказывается представленным тремя временами (повторим: Imperfekt, Perfekt, Plusquamperfekt), и совокупность настоящего-будущего также тремя. Выбор, какое именно из двух последних времен: настоящее или будущее, – нуждается в дополнительном уточнении, возможно осуществить исходя из следующих мотивов. Настоящее, в котором мы пребываем, которому являемся непосредственными свидетелями, уже в силу этого достаточно определенно. События в настоящем, если взгляд говорящего не перемещается вместе со временем, одновременны. Будущее, напротив, всегда несколько "туманно", протяженно, и в его рамках действует отношение предшествования. Поэтому дополнительному аналитическому расщеплению должно подвергнуться именно оно – однако уже не на три, а только на две единицы, ведь одно из трех логических мест уже занято настоящим. Вновь прибегнем к схеме:

Рис. 1-2

Хотя система содержит по списочному составу шесть конструктивных позиций, она конституирована очевидными бинарными отношениями и, значит, логической трехсоставностью.

Интерпретация совокупности временных форм в сущности не изменится, если вместо двух использованных областей: зависящей от субъекта и не зависящей, – оперировать грамматическими категориями *абсолютного* и *относительного* времени (абсолютное, напомним, выражает отношение между моментом речи и моментом действия; относительное – между моментами двух действий). В любом случае структурирование осуществляется на двух дескриптивных ступенях.(3)

В английском языке, придерживающемся стандартного различения прошлого, настоящего и будущего (Past, Present, Future, M = 3), при анализе глаголов дополнительно выделяют не одну, как в немецком, а три оппозиции: активный и пассивный залог (Active и Passive), простые и континуусные формы (для выражения законченного или длящегося действия, Simple и Continuous), перфектные и неперфектные (действия, завершающиеся перед каким-то выделенным моментом, или нет). Тогда для определения общего количества форм исходную тройку необходимо умножить на 2 не один раз, как в немецком, а три: 3 x 2 x 2 x 2 = 24. С учетом того, что четыре формы обычно не употребляются, окончательный результат – двадцать.(4) Классификации, впрочем, варьируются, иногда говорят и о шестнадцати [59, с. 558]. Однако сказанное, конечно, не отменяет исходной, конституирующей трехчастности.

Обратим внимание на несколько немаловажных деталей. Прежде всего, в языке воплощены существенно типологизирующие тенденции, и каждое из времен – результат несомненного обобщения по определенному признаку. Если время разбить на отдельные моменты и всякий раз их указывать, то без инструмента грамматических времен возможно и обойтись. Вместо фразы "Он вышел из дома, идет по улице и вскоре придет к нам" допустимо воспользоваться ее заместителем: "В 10.20 он

выходит из дома, в 10.25 идет по улице, в 10.30 приходит к нам", – использующим всего одно грамматическое время. В некоторых ситуациях так и поступают, однако язык предоставил в наше распоряжение и иное удобное средство экспрессии. Обобщение неотрывно от абстрагирования, и каждая из грамматических форм действительно отвлекается от различий конкретных хронологических моментов, пребывающих в ее рамках.

Проф. О.Нейгебауэр приводит контрастное сравнение: "Примитивные языки устроены ничуть не проще, чем языки культурных народов, стоящих на высшей ступени развития. Наоборот, в этих языках, например, глагол несравненно более богат формами, чем в языках культурных народов. Причина этого явления заключается в том, что языку первоначально чужд какой бы то ни было принцип экономии; он стремится как можно более подробно охарактеризовать каждое отдельное явление. Примитивный язык не удовлетворен столь общим способом обозначения, как, например, настоящее или прошедшее время. Он пытается еще охарактеризовать, было ли прошедшее однократным или длительным, продолжается ли оно и в настоящее время или нет, было ли оно обычным или имело известную интенсивность, направлено ли оно на какой-либо предмет или, наоборот, имеет источником этот предмет и т.д. Для выражения этих возможностей создают особые соответственные формы" [224, с. 99]. Однако по мере развития языки все более стяжают качество рациональности, используют типизацию.

Интродукция логики в разные области языка, во-первых, побуждает его носителей и в дальнейшем придерживаться довольно строгих правил: "стихийно" складывающаяся совокупность времен уже отличается внутренней последовательностью, – во-вторых, предоставляет право теоретикам, т.е. грамматикам, формулировать такие правила в еще более чеканном виде, устанавливая обязательные каноны. В-третьих, оказывается, что не совершаем криминала и мы, исследуя логичную систему с помощью логики же, хотя и в специальной математической форме. Почему времен столько, а не другое количество, и что за этим стоит? – Грамматики не дают ответа на подобный вопрос, зато он становится центральным в настоящей концепции. Сказанное относится, конечно, не только к временам.

Речь, очевидно, идет о явлениях не естественного, а *искусственного* происхождения: язык создан людьми, по крайней мере, возник в процессе их деятельности. Это итог длительных коллективных усилий; его возможности становятся

"естественными" для нас вслед за подражанием родителям и обучением в школе, где мы осваиваем плоды ученых размышлений грамматиков. Мы постигаем его *систематичность* и впредь стараемся не совершать *ошибок*.

Со своей стороны, мы подвергаем анализу не реально-исторический процесс формирования живых языков, который действительно в значительной мере стихиен, подвержен влиянию привходящих факторов, и не пытаемся заглянуть в академические кабинеты грамматиков – ни первый, ни вторые, конечно, не руководствуются излагаемой теоретической программой. Однако в результате развития языки добиваются качеств, позволяющих достаточно полно репрезентировать окружающий мир, а также достигают собственной самосогласованности, целостности, избегая, насколько возможно, серьезных внутренних противоречий. На рациональную последовательность языка и пытались указать последние примеры, вытаскивающие на свет число как скрытого вдохновителя и организатора.

Мы твердо знаем со школы: у прилагательных и наречий есть три степени сравнения – *положительная, сравнительная, превосходная*. Почему три? Почему один цветок мы называем красивым, второй кажется нам красивей, третий – самым красивым, тогда как для четвертого, пятого и т.д. специальные грамматические формы не обнаруживаются? И почему на данном факте настаивают все курсы грамматики? "Самый красивый" завершает сравнительный ряд, и теория помещает прилагательные "красивейший", "наикрасивейший", "наинаикрасивейший" на одну и ту же, третью ступень в функции разновидностей.

Не в том ли дело, что нормативный список изначально конституируется и трактуется как полный, логически исчерпывающий? Поскольку же мы имеем дело с операцией сравнения, суть которой бинарна ($n = 2$), то всего логических мест – именно три ($M = 3$).

Грамматика буквально нашпигована структурами подобного сорта. Открыв учебник немецкого языка для начинающих, мы узнаем о глагольных формах Aktiv, Passiv и Stativ [207, с.131-132]. В английском и немецком, использующим замечательный инструмент артиклей, вариантов оказывается также три: артикль определенный, неопределенный плюс значимое отсутствие артикля (отсутствие именно значимое, так как, вообще говоря, существительное неотрывно от артикля, и если последнего нет, в это обычно вкладывается определенная мысль). (5) Артикли играют роль своеобразного логико-семантического индекса при существительных, придавая выражению необходимую точность.

Последний пример интересен сразу в нескольких отношениях. Во-первых, артикли исходно – и безотносительно к нашей модели – апеллируют к той области смыслов, которая регулируется логико-числовыми законами. О чем свидетельствует и этимология: скажем, неопределенный немецкий артикль *ein* по форме полностью совпадает с числительным *один*, определенный артикль *der* – с одноименным указательным местоимением *этот, mom*(6) (последнее, в свою очередь, родом из жеста, из указания пальцем, т.е. подразумевает по сути то же законченное движение, которое издавна используется и при счете). Сказанному соответствует и прагматика. Например: "Неопределенный артикль *ein* означает один из возможных, и его задача – выделять любую, еще не названную вещь из некоего семейства" [28, S. 50]. Семейство, выделение отдельного члена – разве не логико-числовая операция перед нами?

Во-вторых, артикль – определенный, неопределенный, отсутствие – относит следующее за ним существительное к одному из трех логических классов (за образование *трех* классов, кстати, ответственна оппозиция индивидуального и генерализованного, реализующаяся в артикле, $n = 2$ [416, S. 130]), и выбор между ними является процедурой тривиальной, в сущности не более сложной, чем счет "раз, два, три". Такой выбор не только реально предшествует подысканию конкретно-нужного слова, но и психологически способствует ему. Поэтому носители языка уже с детского возраста не совершают ошибок (затруднения могут встретиться, например, при употреблении рода: мужского, женского, среднего,(7) – но не в этом).

В-третьих, вопрос об артикле – не только и во многом не столько грамматический, поскольку выбор зачастую осуществляется исходя из *семантических* мотивов: артикль – эффективное смыслопорождающее орудие. Поэтому когда за указанный вопрос берутся грамматики, вместо ясности у них на выходе груды правил, которые вдобавок в реальной речи то и дело нарушаются. Чем толще учебник, тем пространней свод правил, об артикле написаны целые монографии (напр., [425]). Подобные объяснения будто специально предназначены для того, чтобы окончательно запутать иностранного ученика, вывесив на дверях табличку: "Оставь надежду всяк сюда входящий". Единственный (Ingo Jacob из Мюнхена), кто сумел мне доходчиво объяснить, в чем тут суть, и дал ключ к пониманию, не был профессиональным филологом. Загадка оказалась простейшей и, кстати, к грамматике как таковой, ее кондуитам, в сущности, отношения не имеющей. Это с помощью артиклей или тех смыслов, что они вызывают, следовало бы объяснять многое в

грамматике, а не наоборот. Почему же решение ускользает от специалистов? Не оттого ли, что перед нами яркий образец того "само собой разумеющегося", которое проваливается сквозь ячейки профессиональных сетей, сколь бы густо они ни усеивались регламентациями? Короче, мы столкнулись с одним из видов элементарного рационального, часто остающегося неосознанным, бессознательным, см. *Предисловие*. Подобное действительно нелегко разъяснить: попробуйте втолковать смысл "раз, два, три" тому, кто о счете пока представления не имеет.

Не только для отдельных слов, их форм, но и для фразы классическая теория заготавливает тяготеющую к тринитарности классификацию. Синтаксические разделы вводят понятие о подлежащем и сказуемом (современные лингвисты и семиотики предпочитают более строгие термины: субъект, предикат, см., напр., [316, с. 173-180]), которые называются главными членами предложения, но наряду с ними наличествует и группа других, объединенных под общей шапкой второстепенных. Если позвоночник высказывания образует отношение между двумя первыми элементами (n = 2), то в распространенном предложении появляется и совокупность третьих (M = 3). Ситуация отчасти напоминает таковую с личными местоимениями на фоне диалога. Как и там, в реальных случаях может фигурировать и меньшее, и большее, чем три, количество членов. "Идет дождь", "Дождит",(8) "Начавшийся сегодня утром дождь идет до сих пор" – что, казалось бы, свидетельствует о трехчастности? Теория, тем не менее, выделяет тройку логических мест.

Сказанного, вероятно, достаточно для того, кто не составляет лингвистический трактат, хотя язык усеян и множеством других, не только тринитарных, структур. К предмету настоящего раздела, однако, относятся именно последние.

В ряде древних мифологических представлений заложено трехсоставное строение мироздания: знакомые европейцам небо – земля – преисподняя; Небо – Поднебесная – Земля у китайцев [194, с. 21]; Небо – Солнце – Земля у индийцев [там же, с. 43].(9) При этом вселенная предполагалась существующей и конечной. Являясь "всем", она обнимает собой все бытийственное, т.е. обладает качеством полноты. Отсутствие чего бы то ни было вне рамок вселенной исключает любые посторонние влияния, что означает замкнутость. Установка на освещение всесторонних отношений между составными частями, наличие взаимных влияний, возможность переходов с одного уровня на другой эквивалентны предпосылке связности. Напомним, что каждый элемент связан с каждым, – но разве не пребывает в существенных отношениях

земля с небом, с преисподней, а преисподняя, в свою очередь, не бросает вызов небесам, не вступает с ними в борьбу или диалог? Нужно отдать должное творцам мифов: уже на архаической стадии они обеспечивали определенное концептуальное единство взгляда – как своего собственного, так и у слушателей, – что совпадает с логической унифицированностью, простотой. Наконец, образ каждой из областей вселенной возникает в результате сравнения одной с другой, контрастного противопоставления, что подразумевает действие в системе бинарных отношения (n = 2).

Люди то обращались за помощью к благим небесным богам, то старались умаслить подземных, дабы умерить их ненасытные аппетиты. Известно и о перманентно-спорадических схватках небесных и инфернальных существ, или воинств, во имя решения принципиальных вопросов устройства вселенной. Отголоски сражений Ормузда с Ариманом, Бога с дьяволом доносятся и со страниц позднейших романов ("Здесь дьявол с Богом борются, а поле битвы – сердца людей," – утверждали Гофман в "Элексире сатаны" и Достоевский в "Братьях Карамазовых"). Небеса и преисподняя порой заключают и мирные пари: об Иове ли, о Фаусте. Подобные борьба и пари, очевидно, суть *бинарные* отношения. Т.е. выполнены все необходимые условия.

Мироздание, чтобы его лучше представить, расчленялось человеком на составные компоненты, и в конечном счете, – если не нарушать внутреннюю последовательность, – оно и должно быть разделено именно на три таких компонента, M = 3. (Исследователи показывают исторически последовательную картину формирования представлений о трех бытийственных областях, согласно которой вначале возникло разграничение между обыкновенной земной и таинственной мифологической сферами, а последняя затем разделилась на положительно и отрицательно заряженные части, т.е. на Рай и Ад [141, с. 38], но хронологическая развертка не отменяет логичности конечного результата.)

Разумеется, никто не решал никаких уравнений, тем более в общем виде, древний дискурс такого не требовал. Однако процесс создания и многовековой трансляции мифа привел к тому же итогу – как будто соответствующее уравнение действительно решено. Под нынешним математическим формализмом, позволяющим легко и быстро совершать логические операции, пребывают тысячелетия глубоких и трудных размышлений, которые мы нередко забываем по достоинству оценить. Напротив, историки математики, упоминая, скажем, о вавилонянах, решавших свои астрономические задачи(10) (которые сводились,

как теперь понятно, к квадратным алгебраическим уравнениям) путем словесных рассуждений, без привлечения отсутствовавшего тогда формализма, выражают глубокое почтение и недоумение: как это им удавалось? Теперь непросто представить масштаб интеллектуального подвига, который был совершен. Впрочем, в настоящем случае, в чем мы убедились, достаточно и линейного уравнения или непосредственного перебора, т.е. ситуация в принципе проще. Как бы там ни было, и в те древнейшие эпохи человек умел быть рационально последовательным.

При этом будет честным признаться, что как раз это мы весьма облегчаем себе задачу, затрагивая, как и прежде, исключительно числовой аспект упомянутых моделей мироздания (их тринитарность), абстрагируясь от главного, "онтологического". Вдобавок не включаемся в обсуждение их содержательной справедливости: скажем, возможно, не всем обязательно разделять убеждение в существовании Поднебесной, если это не КНР и не ноосфера над ней.

Родом из первобытных времен точка зрения, что у человека, наряду с телом, существует душа (психея, тень-двойник). Представление о "теле – душе" сохранялось и в раннехристианский период. Однако христианство, взраставшее в позднеэллинском ареале, активно впитывало и его рациональные положения. В одном из Посланий ап. Павла используется уже троичная схема: к телу-душе добавлен дух (1 Фес. 5, 23).

В последующие века теологи предприняли специальные исследования, состоялись бурные дискуссии, и верх одержала трихотомная антропологическая модель. Неуместно вдаваться в существо богословских споров (это не только нетактично, но и концептуально неаутентично), поэтому зададимся исключительно частным вопросом: почему частей оказалось три?

Рассуждения христианских ученых в значительной мере опирались на методы древнегреческих философов, приводились ссылки на них, поэтому логический, логико-числовой подход в данной проблеме не является посторонним. Оставив в стороне пифагорейцев, вообще считавших душу числом [296, с. 196], можно вспомнить о Платоне, который полагал, что бессмертная душа занимает промежуточное положение между высшим царством идей и низшим миром становления и исчезновения и ей, следовательно, свойственны как разум, так и страсти [там же]. От такого представления уже недалеко до теологического. Но сказанное не снимает вопроса: почему же частей именно три?

Во-первых, не идет ли здесь речь о постижении человеческой природы в ее полноте, в ее независимости, неизменности с момента Творения? Разве не связаны все стороны человека друг с

другом? Чтобы лучше понять эссенциальную сущность человека в различных проявлениях, она подразделяется на конечное количество элементов, причем, каждый из них определяется в сопоставлении с другими. Типичная бинарная операция, n = 2, которой отвечает и исходная древняя дихотомия "тело-душа". Но тогда M = 3 ; теологи, несомненно, последовательны и логичны.

Наряду с религиозной антропологической трихотомией, можно упомянуть не менее распространенную философскую, поскольку способности человека, его природу принято подразделять на *разум, чувство* и *волю*. Судя по месту, отведенному рациональной способности, данная тройка – плод зрелого дискурса. И действительно, философы формулируют и начинают использовать ее после ожесточенных гносеологических споров, – в частности между французскими логицистами(11) и английскими эмпиристами, – после выяснения отношений между размышлением и опытом. У Канта уже достигнут искомый баланс, и триада выступает в своем полном виде. Практически без изменений она перешла и в современную психологию, см. три компонента аттитюда в психологической литературе: *когнитивный, аффективный, конативный*. (Характерно, что даже тогда, когда исследователи абстрагируются от деятельно-волевого начала, тринитарность все-таки сохраняется, см. у Николая Кузанского: "Вселенская природа как круг универсума прежде всего свертывает в себе три сферы областей и природ – интеллектуальных, рациональных и чувственных" [230:I, с. 255].)

В XX столетии антропоморфическая тринитарность была перенесена – mutatis mutandis – и на планету в целом, поскольку с подачи В.И.Вернадского и Тейяра де Шардена стало принято говорить не только о *геосфере* и *биосфере* Земли, но и о ее *ноосфере,* M = 3. Впрочем, данное членение было предварено делением реальности на *физический мир, органический* и *надорганический* (культура, социальность) или не менее распространенным смежным кластером *природа – общество – Бог*.

К антропографической тематике следует отнести и концепцию К.Ясперса [404] о трех различных уровнях человеческого Я. Первый уровень – это Я эмпирическое, которое имели в виду, например, Гоббс и французские материалисты, т.е. тело, предмет изучения биологии и психологии. Наряду с этим, человек может быть описан и как "сознание вообще" (такому взгляду отдавала предпочтение рационалистическая философия Нового времени). В роли "сознания вообще" человеческое Я отрывается от своего эмпирического определения, от природы, игнорируя также различие между разными Я. Следуя неокантианцам, Ясперс называет второй уровень Я предметным

сознанием, в котором дано общезначимое предметное знание в категориях. Если эмпирическое Я действительно и существует во времени, то второе, трансцендентальное Я – лишь *значимо*, а не действительно, оно вневременно. "Сознание вообще" явно походит на рассудок немецкого идеализма и, вслед за Кантом, Фихте, Гегелем, подвергается критике за ограниченность. Поэтому Ясперс приводит и третий, более высокий уровень Я – разум, или дух, который сопряжен с "целостностью мышления, деятельности, чувства". Приведенная схема, очевидно, не очень далеко ушла от прежних трихотомий. Если потребуется, читатель сам справится с ее анализом.

Вместе с внедрением регулярного оппозиционного мышления в разных областях культуры, не исключая самой математики, неизменно происходило образование троек логических единиц. Возьмем такую знакомую вещь как сравнение величин. Говоря "пять больше, чем два", мы осуществляем простейшую *бинарную* операцию, в подобных утверждениях всегда фигурируют пары величин, n = 2. Сколько всего типов таких отношений должно существовать? – В этом "всего" заранее инсталлированы качества полноты и замкнутости. Связность также обеспечена, т.к. разные виды отношений не изолированы друг от друга, составляя логически компактный пакет. Разновидностей в результате оказывается три: *больше, меньше, равно*. Читатель, вероятно, обратит внимание на то, что в данном примере функцию элементов приняли на себя отношения (отношения сравнения), но это не собьет нас с толку, ибо в системах S количества элементов и отношений совпадают, см. условие (1). С отношениями больше-меньше-равно мы по сути встречались применительно к времени: раньше-позже-одновременно.

Формирование тройственности холистических структур, коль скоро конституированы бинарные отношения, требовало порой веков и тысячелетий. Личные и коллективные драмы, подлинные революции духа сопровождали этот процесс, и не надо думать, что все было гладко у самих математиков. Об одной истории утверждения тройственности, вероятно, стоит рассказать.

О том, что существуют целые и дробные числа, знали еще до первых цивилизаций Египта и Междуречья. Свойства названных чисел продолжали выяснять и впоследствии (так, Фалес доказал бесконечность натурального ряда, Эвклид – неограниченность ряда чисел простых, от эпохи к эпохе совершенствовались приемы обращения с правильными и неправильными дробями и т.д.). Вплоть до античности люди не без оснований думали: помимо натуральных и дробных чисел, никаких других нет. Эти числа были привычны, их происхождение освящено мифологическими

авторитетами вроде Прометея, Гермеса, они удовлетворяли потребностям практики: с их помощью можно выразить любую величину (длину палки, площадь участка земли, размер урожая…). Причем, как выражаются сейчас, с любой – сколь угодно высокой – степенью точности, тогда же без затей предполагали: точно. Феноменальные достижения раннегреческой математики, впервые открывшей строгое доказательство как таковое (об этом много написано, см., напр., [142] или [128]), не просто двигались истинным вдохновением, но и сопровождались подлинным апофеозом числа, способного, казалось, взять любые преграды. Пифагорейцы утверждали: "Числа правят миром", – и построили на этом полуфилософию-полурелигию.

Какой же должна была быть их реакция, когда греческий математик Гиппазий, взяв прямоугольный треугольник с двумя катетами размером по единице (простейший объект для теоремы самого Пифагора) очень изящно и совершенно строго доказал, что длина гипотенузы этого треугольника не выражается никаким – ни целым, ни дробным – числом? Предположение о представимости такого числа (теперь мы записываем его как $\sqrt{2}$) в виде дроби приводило к логическому противоречию, что равносильно для математиков смертному приговору. Гипотенуза есть, она предъявлена, но ее длину невозможно записать "никаким" числом. Имеют ли тогда числа право претендовать на управление целым миром, если им не удается справиться даже с простейшею ситуацией? Нетрудно представить чувства, охватившие пифагорейцев и других математиков, шок – вероятно, слишком мягко. Никакие усилия не помогали найти выход из положения и спасти репутацию.

Потрясение оказалось настолько глубоким, что побудило пифагорейцев вообще отказаться от чисто арифметического способа рассуждений, впредь ограничиваясь наглядной геометрией и даже алгебраические по характеру задачи решая геометрическим способом (так называемая геометрическая алгебра).(12) Остальные математики также постарались подальше отойти от места крушения колосса и в дальнейшем огибать опасную зону на почтительном расстоянии. Любопытный и по-своему знаменательный исторический факт: на протяжении двух тысячелетий математики знали о доказательстве Гиппазия, но предпочитали о нем поменьше упоминать, спасаясь солидарным полуумолчанием от "парадокса".

Помимо $\sqrt{2}$, было найдено немало других чисел с аналогичными свойствами – $\sqrt{3}$, $\sqrt{5}$ и т.д.,(13) – доказательства строились по уже известному алгоритму. Лишь в Возрождение – в

обстановке крушения авторитетов, традиций, в эпоху великих открытий, в контексте принципиально новых математических задач (собственно алгебраических) и методов их решения – был не только чрезвычайно расширен класс таких чисел, но и с ними научились подобающим образом обходиться. Впрочем, название, ставшее термином, сохранило печать былых драм: числа *иррациональные*, явный оксюморон (как может число противоречить разуму?).

Как бы там ни было, человек узнал о существовании двух классов чисел: рациональных и иррациональных. В их отношении между собой выступает операция сравнения, но уже не по величине, как раньше (больше-меньше), а по признаку соизмеримости, т.е. наличия или отсутствия общей меры. Всякий раз таким образом сопоставляется пара чисел, пара классов, т.е. данное отношение – бинарно, n = 2. На этом история не закончилась.

Развитие математики и механики выявило особую роль такого часто встречающегося числа как π, затем открыли другое замечательное число, получившее обозначение *e* (одна из важнейших постоянных математического анализа).(14) В конце XVIII в. И.Ламберт и А.Лежандр доказали, что число π не может быть рациональным, а во второй половине XIX в. выяснилось, что π и *e* не только иррациональные, но и *трансцендентные*. Существование класса трансцендентных чисел как таковых впервые установил французский математик Ж.Лиувилль в 1844 г., теорему о трансцендентности числа π доказал Ф.Линдеман в 1882 г., аналогичную теорему о числе *e* – Ш.Эрмит в 1873 г.

Вообще в данный период – в канун и вместе с европейскими революциями 1848 г. – в математике происходит много ярких событий, так или иначе имеющих отношение к теме книги, что, возможно, не удивительно: начиналась подлинная революция в математике, предварившая великие потрясения и открытия конца XIX – начала XX вв. в физике, философии, искусстве, политике и др. Но об этом речь впереди, а в настоящем контексте упомянем немецкого ученого Р.Дедекинда, обосновавшего теорию действительных чисел и предложившего строгий аксиоматический метод введения чисел иррациональных (так называемые дедекиндовы сечения). Однако сейчас нас интересуют числа трансцендентные.

Что они собой представляют? По определению – это те, которые не могут быть корнем никакого многочлена с целыми коэффициентами, т.е. числа неалгебраические, что навряд ли много скажет нематематику. Противопоставление классов алгебраических и неалгебраических (трансцендентных) чисел,

тем не менее, исключительно важно, поскольку с алгеброй принято связывать саму нашу логику. Впоследствии такие логики и были формализованы в алгебраическом виде (математическая логика). В таком случае, быть числом неалгебраическим как бы означает "быть нелогичным", что, собственно, и запечатлелось в названии: *трансцендентные* (снова, и еще более сильный, оксюморон: казалось бы, что "потустороннего" может быть в длине окружности? Но математики знают, о чем говорят).

Пропасть между алгебраическими и трансцендентными числами подчеркивается теорией множеств, ставшей еще одним достижением XIX в., особенно второй половины – Б.Больцано, Г.Кантор, Р.Дедекинд. Хотя алгебраических чисел – рациональных и иррациональных – существует бесконечное количество, но их множество, как выражаются, *счетно*. Это означает, что все такие числа – не на практике, конечно, а в принципе – можно пронумеровать, т.е. их "столько же", сколько чисел в натуральном ряду. Чисел же трансцендентных неизмеримо, качественно "больше". Их множество несчетно и, как говорят в таких случаях, имеет мощность континуума (т.е. трансцендентных чисел "столько же", сколько точек на непрерывной прямой). Возможность что-то пронумеровать – верный признак логичности, о чем же тогда свидетельствует отсутствие подобной возможности?

В прежней среде действительных чисел, но по-новому, была по сути развернута интеллектуальная драма, сходная с той, что некогда произошла при первой исторической встрече с иррациональными числами. К счастью, во второй раз математики оказались более подготовленными в морально-психологическом плане. Посмотрим, что у нас осталось в итоге.

Числа действительные (иначе их называют вещественными) делятся, во-первых, на рациональные и иррациональные, во-вторых, – на алгебраические и трансцендентные. В обоих случаях речь идет о характерной оппозиции: за числами одного сорта признается качество своеобразной "логичности", за числами другого сорта – нет. Сравнение в обоих контрастных противопоставлениях производится попарно, т.е. кратность отношений двойная, $n = 2$. Если свести вместе обе классификации, построенные над полем действительных чисел, то получится, что последнее состоит из чисел рациональных (целых и дробных), алгебраических иррациональных (наподобие $\sqrt{2}$) и трансцендентных. Их разделение фиксирует скачкообразное убывание специфической "логичности" (мы уже знаем, в каком смысле). Изобразим классификацию на рисунке:

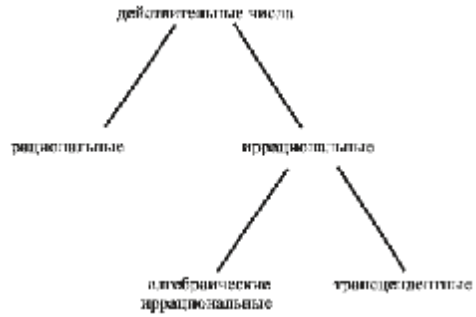


Рис. 1-3

Почему в итоге получилось три непересекающихся класса действительных чисел, т.е. почему M = 3? – Во-первых, в системе задано бинарное отношение сравнения (n = 2); во-вторых, совокупность названных классов мыслится в качестве законченной и целостной. Откуда нам известно последнее? – От самих математиков, ибо они доказали так называемую теорему о полноте, утверждающую, что других классов действительных чисел не существует, сюрпризы с появлением новых не повторятся.

Наверное, стоит извиниться перед читателем за столь длинный и сложный пример, но все же он, надеюсь, короче, чем сама эта история длиной в 2,5 тысячи лет. Данным пассажем можно было бы и пренебречь, но беда в том, что впоследствии (в главе 3) нам еще придется встретиться с иррациональными числами и оттого неплохо бы знать, что за ними стоит. Пока же, коль все равно затрачены время и силы, грех не воспользоваться этим и не сформулировать некоторые полезные выводы, которые пригодятся для понимания и других паттернов.

Во-первых, мы имели случай лишний раз убедиться, что предлагаемая модель – элементарно-математическая по форме, культурологическая по функции – способна работать "поверх" (или "из-под низа") достаточно сложного концептуального материала. Простейшие числа – два и три – справляются с описанием итога длительной работы перворазрядных ученых, причем в данном примере – как раз в области чисел.

Во-вторых, хотелось дать получше почувствовать одну из особенностей нашей модели: она дескриптивна, мы не затронули и тысячной доли содержательного богатства идей упомянутых ученых (как ранее не пытались всерьез выяснить, что

представляют собой, скажем, тело-душа-дух или небо-земля-преисподняя). В специальные работы мы практически не вникали, интересуясь лишь "сухим остатком" (для нас это количество элементов). Тем не менее наши выводы совпали с положениями самой математической науки.

В-третьих, небесполезно нагляднее показать не только подспудность схемы n = 2, M = 3, но и драму ее воплощения. Сейчас трудно установить, сколько тысячелетий или десятков тысячелетий потребовалось человеку, чтобы прийти к трехсоставности мироздания, трем лицам, трем временам и т.д., но исторические факты из последнего примера предоставляют шанс догадаться, сколько усилий стоит за подобными, казалось бы тривиальными, вещами. Как после этого мы должны к ним относиться? Достаточно ли мы их ценим?

Наконец, возник повод на новом материале напомнить о принципиальной неотделимости чисел и науки о них от мифологической подоплеки. Флером неизбывной загадочности окутано не только их первоначальное происхождение, но пуповина не была и не будет перерезана никогда. Это касается не только ранних, исторически не вполне достоверных этапов развития: у египетских жрецов, халдейских магов, индийских и китайских мудрецов, у склонных к мистериям пифагорейцев. Впоследствии получили широкую известность и веками тревожили воображение математиков задачи о трисекции угла, удвоении куба, квадратуре круга (и обратно: циркулятуре квадрата). Окончательно с ними разобрались сравнительно недавно, в прошлом веке, и, как выяснилось, проблемы непосредственно связаны с иррациональными и трансцендентными числами. Значение таких задач, как считалось, выходит далеко за границы математики, затрагивая саму тайну жизни и спасения,(15) что можно сравнить разве что с ролью философского камня и гомункулуса у средневековых алхимиков. Многозначительные предания складывались и вокруг не столь отдаленных математических событий. Вероятно, самое яркое из них – о большой, или великой, теореме Ферма, теснейшим образом связанной с соизмеримостью и несоизмеримостью чисел. Вокруг нее периодически поднимается ажиотаж, особенно на переломных исторических отрезках.

О мифологических или легендарных моментах в своей науке современные математики если и говорят, то не без застенчивости и главным образом в кулуарах: дисциплина требует точности и обязательности, а не игривости. Но подобная пуристская поза имеет и изнанку: в отличие от прежних эпох, между числом и мифом, вообще "живою культурой" возведена китайская или

берлинская стена. Гуманитарии платят математикам (представителям точных наук) той же монетой, обороняя от них собственную заповедную вотчину, что становится одной из неотъемлемых черт трагедии современного духа, т.е. попросту отсутствия взаимного понимания, ментальной расщепленности.

В заключение экскурса по математике приведем (без обсуждения) еще одну тройку. Наряду с действительными числами, о которых речь только что шла, со школы известны и комплексные. В 1843 г. ирландец У.Гамильтон открыл еще один тип – кватернионы (записывающиеся в виде $a + ib + jc + kd$, где a, b, c, d – вещественные числа), а Фробениус доказал: все алгебры соответствующего сорта исчерпываются только *тремя* – алгеброй вещественных чисел, алгеброй комплексных чисел и алгеброй кватернионов [238, 154].

Тринитарные структуры широко распространены и в социальной области. В современных развитых странах принято различать *богатый, средний* и *бедный* классы (M = 3); в основу деления положен элементарный критерий уровня доходов: выше или ниже. Подобное сравнение бинарно, n = 2. При этом общество признается единой системой, строение которой рационально.

Раскрывая генезис названного членения, специалисты по XX в. обращают внимание, что еще в начале столетия осевой линией социального напряжения был конфликт между богатством и бедностью и что лишь десятилетия последовательных усилий правительств позволили сформировать представительный средний класс, превратившийся в залог общей стабильности. Мало того, и век, и даже полвека назад в массовом сознании доминировала иная, "марксистская" схема членения. Потребовались настойчивая пропагандистская работа и целый ряд реформационных шагов, чтобы внушить народам веру в справедливость чисто денежного подхода, утвердить стандарты общества потребления. Усилия увенчались успехом, и пропасть между богатыми и бедными заполнилась многочисленным средним классом, подставившим плечо системе в целом, разделившим с богатыми заинтересованность в сохранении status quo (поэтому подобное устройство зачастую называют "обществом двух третей"). При этом и бедные – за исключением политических маргиналов – в большинстве признают обязательность общей картины, т.к. проникнуты той же консюмеристской идеологией.

Причины бедности как явления, т.е. причины существования бедного класса, обычно ищут в сфере позитивных фактов: в особенностях института собственности, системы оплаты труда, в несовершенстве социальных программ, дефектах воспитания и

образования рекрутов бедности и даже во врожденных психологических чертах, не исключая национальной и расовой принадлежности. На наш взгляд, нет ничего более далекого от существа вопроса. Названные и подобные им обстоятельства в состоянии дать лишь одно объяснение: почему именно эти, а не иные, субъекты (индивиды, группы) оказались среди бедных, тогда как прочие вкушают достаток или богатство. Сам факт наличия бедного класса такими подходами если и затрагивается, то только по касательной: ведь если данному субъекту и удастся преодолеть предпосылки собственной бедности, в ряды бедных непременно попадет другой. Феномен бедности неискореним по совершенно отличной причине.

Его корни, так сказать, в головах, в организующей силе самой идеологии потребления, побуждающей людей делиться по толщине кошелька, согласно ординарному критерию "больше/меньше", n = 2. Если общество признается при этом целостным – а это также удается внушить: "Мы – одна нация", – то социальных классов автоматически три, и значит, один из них неизбежно подпадает под рубрику бедного. Технологический прогресс, повышение ВНП на душу населения без смены самой парадигмы в состоянии повлиять разве что на конкретные признаки бедности: очевидно, что уровень жизни, скажем, американских бедных вполне сравним, если не выше, чем у вполне респектабельных граждан из не столь процветающей страны. Зато последние куда благополучнее в собственном статусе, пользуются уважением и самоуважением, утверждаясь на фоне бедных соотечественников.

Нас, впрочем, не интересуют детали: ни исторический путь западных обществ, ни изыскания социологов. Важен лишь конечный итог: социальная система трехчастна, и теперь мы не удивляемся, почему.

Коль поднят вопрос о социальных структурах, несправедливо обойти вниманием доиндустриальную эпоху. Деление на сословия: *дворянство, духовенство* и весьма неоднородное *третье*, – классическое для абсолютистской Европы, особенно для Франции, вплоть до Великой революции. Из трех, господствующими признавались два, они воплощали в себе светскую и духовную ипостаси государства. Хотя отношения между папским престолом и монархами на международной арене, между Церковью и светскими властями в пределах каждой из стран не всегда отличались безоблачностью, их совместная деятельность признавалась необходимым условием для сохранения *христианского* характера государства и общества. Без покровительства небес, без помазания не мыслились полномочия королей и императоров. Без благодати Церкви, без исповеди и

причастия каждого из людей ждала вечная погибель. Но дела земные – в компетенции трона и светских властей, по крайней мере, с тех пор, как везде, за исключением собственно Рима, светские владыки отстояли свои права. Телами распоряжается одна сторона, душами – другая. Первые два сословия и институализировали сии непреложные истины. Социальный фундамент составляла, таким образом, неразрывная пара, n = 2. Поэтому в обществе в целом сословий должно было быть именно три, M = 3.

Еще Платон в "Государстве" полагал идеальным устройством наличие трех сословий: *правителей, стражей* и так называемое *третье сословие*, куда включались крестьяне, ремесленники, торговцы и т.д. Разделению социальных функций отвечала специализация трех добродетелей: мудрости, мужества и послушания, – в полном согласии с тем, что человеческая душа состоит из трех частей: разумной, вожделеющей и растительной. (16) Несмотря на то, что абсолютистский социальный канон предметно отличался от платоновского, он ничуть не менее последователен и, следовательно, трехсоставен.

Европейское средневековье придерживалось близкой модели. Вот что пишет известный отечественный медиевист А.Я.Гуревич: "Рассуждая об общественной жизни, средневековые богословы и писатели прибегали к обобщенным абстрактным схемам ‹…› Наиболее распространенной и авторитетной была схема тройственного деления общества в зависимости от функций, которые выполняют члены того или иного разряда – ordo. Согласно этой схеме общество представляет собой иерархическое сочлененное единство, все компоненты которого служат целому. Эти компоненты суть ordo людей, которые молятся (oratores), ordo людей, которые сражаются (bellatores), и ordo людей, которые трудятся (laboratores), или, более конкретно, пашут землю (aratores). Если под первыми разумелось духовенство и монашество, а под вторыми – рыцари, министериалы и прочие воины, то в состав третьего разряда попадали и крестьяне, и ремесленники, и купцы" [111, с. 198].

Сословное членение христианских государств можно усовершенствовать – ведь третье сословие абсолютистской Франции, как, впрочем, и в проекте Платона, в средневековых теориях, получилось пестрым, как Ноев ковчег. И прецедент более детального регламента не преминул родиться. Согласно Уложению 1762 г., в России было введено пять сословий. Два первых их них совпадали с французскими, тогда как другие три: купечество, мещанство, крестьянство, – соответствовали французскому третьему:

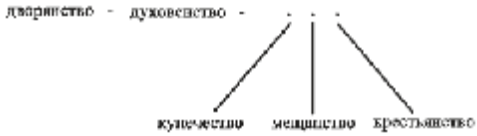

дворянство - духовенство - . . .
купечество
мещанство
крестьянство

Рис. 1-4

Деление третьего сословия на три части подспудно существовало и раньше. Й.Хейзинга ссылается на незамысловатые миниатюры в календаре-часослове с фигурами усердного хлебопашца, прилежного ремесленника, деятельного торговца [360, с. 63], в России же данное представление было институализировано (следы социальной тройственности наблюдались в Росии и до 1762 г.: согласно петровской табели о рангах, различались три вида государственной службы – *военная, статская, придворная*, но в подробности едва ли целесообразно вдаваться).

Схема на рис. 1-4 полностью идентична той, что отражает систему личных местоимений (рис. 1-1). Логическое членение при этом тринитарно. Русское сословное уложение повторяло грамматические азы, само став своеобразной "грамматикой" общества вплоть до 1917 г. Россия пришла к абсолютизму позже законодателей европейских социально-политических мод и, учтя концептуальную "недостаточность" французской модели, ее нормативную "грубость", внесла несомненное усовершенствование – причем, в канун Великой французской революции, вообще отменившей сословия. Ирония: "Телега получилась прекрасной, жаль только, другие пересели на паровоз", – представляется неуместной, поскольку мы заняты исключительно числами, а перед ними равны все, не исключая – см. классы богатый, средний и бедный – и нынешних водителей человечества.

Что стоит за предписанием либеральной доктрины о разделении и балансе властей: *законодательной, исполнительной* и *судебной*? У этой идеи, ближайшие истоки которой восходят к Дж.Локку, Ш.Монтескье, к школе естественного права, довольно долгая предыстория.

Непосредственно она родом из эпохи Просвещения, считавшей рассудок мерилом всего, в частности полагавшей, что государственное управление должно быть *рациональным*. Подход не слишком оригинальный: той же мысли придерживался и Платон, равно как и заключения, что разумное управление способны осуществлять только разумные, образованные люди и потому руководить обществом следует философам. Два тысячелетия спустя настоящее предложение очень понравилось английским и французским философам, которые не только

подхватили эстафету, но и многое привнесли от себя. Проект Просвещения предполагал широкое распространение образования, а где знания, разум – там должна быть и власть ("Знание – сила", – утверждал еще Ф.Бэкон). Как философы делятся знаниями с остальными, так и монарх во имя Разума, Справедливости должен поделиться властью с лучшими из подданных.

Первоначально речь шла не об отлучении королей от государственного кормила, а только о разделении полномочий между государем и собранием ученых мудрецов, умеющих придумывать и толковать законы на все случаи жизни. Подобная версия и поныне питает розовые мечты интеллигенции о просвещенном правлении, под сенью которого процветают высокие науки и искусства, а невежество посажено под крепкий замок.

Фактическое разделение власти между монархом и законодательным органом существовало еще до Локка и французских просветителей. Правда, в дореволюционной Франции парламент обладал скорее законосовещательными, чем полноценными законодательными полномочиями – и в этом смысле напоминал Сенат в России, который вдобавок не был выборным, не представлял всех сословий. Но на Британских островах со времен Великой английской революции, начавшейся с выхода из повиновения "Долгого" парламента [35], последний обрел должный вес. Пользуясь словами Ф.Броделя: "Разделение политической власти между парламентом и монархией в 1660 г., в момент Реставрации и в еще большей степени после Декларации прав 1689 г., было по преимуществу началом разделения, имевшего долговременные последствия" [62, с. 617]. Но в новых исторических условиях – в эпоху разума и Просвещения – требовался не отдельный и оттого, возможно, случайный, прецедент, а *общее правило*. Это правило необходимо сформулировать и прописать, чтобы с ним всегда можно было бы свериться и, следовательно, избежать нарушений. Вклад английских и особенно французских просветителей, собственно, и заключался в возведении разделения властей в рациональный и общеобязательный принцип.

История вопроса полна трогательных подробностей. Философы пытались убедить монархов, как своих, так и чужих, уступить долю власти добровольно. Французские просветители вступают в оживленную переписку с русской Екатериной II, Великой, с прусским Фридрихом II, тоже Великим. Из переписки, естественно, ничего толком не вышло. Как отмечает один из биографов Фридриха II [436, S. 179], последний разделял с

Гельвецием, Гольбахом, Руссо и другими властителями дум симпатию к народному просвещению, но при этом не присоединялся к мнению, что просвещенное или способное к просвещению общество должно быть гарантом проведения политических преобразований, что оно должно ограничивать полномочия самодержца, чтобы воспрепятствовать всякому нанесению вреда. "Это был именно тот пункт, в котором Фридрих II вступил в противоречия с французскими идеологами и радикальными немецкими просветителями" [там же]. Таким образом, на деле разум не всегда оказывался всемогущим, что, впрочем, не препятствовало его уверенному царствованию в рамках доктрины. Значит, допустимо судить согласно рациональным критериям и о ней самой.

Идея разделения властей предельно не нова – наряду с приведенными примерами, существуют и более почтенные по возрасту. Еще в первобытных племенах полномочия распределялись между вождем и шаманом (жрецом, колдуном), в средневековой Европе – между Церковью и королями, а в Византии действовало специальное учение о *симфонии* двух властей: духовной и светской, – в их общем служении Божьему Замыслу. Либерализм, однако, внес качественные коррективы. Свобода совести, отделение Церкви от государства – лозунги, начертанные на его знаменах. Разделению предстояло пройти по телу оставшейся единственно общеобязательной светской, государственной власти. В первом варианте, как сказано, – разбить полномочия между монархом и законодательным органом, парламентом, с таким расчетом, чтобы ограничить произвол, который всегда противен Разуму и Справедливости. С самого начала, таким образом, присутствовала бинарная оппозиция, $n = 2$.

Пали или отошли в тень монархии, но принцип не только выжил, но и расцвел. Зрелый вид он принял в США, и до сих пор действующую там систему разделения и баланса властных ветвей предъявляют в качестве образца для политических недорослей.

И все-таки почему ветвей три? С одной стороны, государственная власть рассматривается как самостоятельный, целостный феномен, с другой – его можно и нужно делить на счетное количество компонентов. Причем, членение осуществляется согласно "здравой", т.е. бинарной, логике: каждая из ветвей призвана ограничивать любую другую. "Вся эволюция системы "сдержек и противовесов" в США вращается вокруг конфронтации исполнительной и законодательной властей", – конкретизирует обозреватель [339, с. 48]. Ergo: $M = 3$, см. модель. Для чего же потребовалось столько предварительных слов? – Из

осторожности, поскольку априори неясно, насколько корректен в подобных вопросах чисто рациональный подход. Скажем, если власть священна или зиждется исключительно на традициях, любое обсуждение неуместно: ее либо принимают, либо становятся святотатцем. К примеру, рыцарственный православный монарх Николай I воспрещал не только хулу, но и одобрение того, что идет от престола (от одобрения до хулы – один шаг, главное – не рассуждать).

И еще одно. Хотя один из ведущих юристов ФРГ, К.Хессе, и утверждает, что принцип разделения властей – не естественно-правовая догма, а *исторически сложившийся принцип* [там же], исторические реалии в состоянии бросить свет не более чем на обстоятельства его открытия и принятия, но никак не на рациональную суть. Так, теорема Пифагора была доказана в определенных культурно-исторических условиях, затем два с половиной тысячелетия транслировалась в обществе, признававшем ценность такой трансляции, но отсюда вовсе не вытекает, что ее сущность и смысл являются историческими. Подобные вопросы, впрочем, выходят за пределы компетенции правоведов. Но и обратно: использованный здесь подход навряд ли в состоянии удовлетворить запросы представителей юридической науки. В логико-числовом контексте мы отвлеклись от наиболее репрезентативных философских обоснований целостности системы государственной власти, от учения о правовом государстве, скажем в версии Канта.(17) Сфера права автономна по отношению к этической сфере (как морали, так и нравственности), и как раз в ее строгих рамках совокупность трех ветвей обретает концептуальную полноту, замкнутость, связность. В поставленные же нами цели не входило раскрытие предметного содержания идеи трех властей: мы по-прежнему заняты самыми простыми вещами – числами. К проблеме структуры государственной власти предстоит вернуться в разделе 1.4.2.

Институт трипартизма: *бизнес – профсоюзы – правительство*, – соответствующие комиссии призваны разрешать конфликты между собственниками и наемными работниками. Трехсторонние соглашения "сыграли роль стабилизирующего фактора в периоды чрезвычайных экономических ситуаций, совпавших с пребыванием у власти ориентированных на общественный диалог социал-демократических сил" [291, с. 126]. В ведущих европейских странах такие соглашения сегодня не заключаются, зато в России в 1992 г. создана Трехсторонняя комиссия по регулированию социально-трудовых отношений [там же]. Своей стабилизирующей силой данный механизм обязан его характерной "полноте" и "логичности".

Если трипартистский принцип в области социального партнерства, как сказано, факультативен, то совершенно иначе обстоит дело с судом: уголовным, гражданским, арбитражным. В нем две соревнующиеся стороны, представленные обвинением и защитой (прокурором и адвокатом) или двумя тяжущимися субъектами, n = 2, но данный орган венчает третья сторона – судья с заседателями или присяжными, итого M = 3. Культурологи, в частности Й.Хейзинга [361], А.И.Зайцев [128], отмечают, что суд как феномен воспроизводит древнюю структуру *агона*, призванного выявлять волю богов и судьбы. Следовательно, и агон воплощает в себе ту же общую схему n = 2, M = 3, которая, в свою очередь, обогащается артикулированными соревновательными, игровыми мотивами. То веяние, которое древние идентифицировали как волю богов, их окончательный приговор, на наш взгляд, исходит от качества "завершенности", присущего подобным тринитарным конструкциям.

К характерной тройке принято сводить и перечень основных образов правления: *автократия, олигархия, демократия*. Еще Платон создает теорию закономерного чередования государственных устройств: вслед за приходящей в упадок аристократией появляется тимократия (правление корыстной клики), ее сменяет олигархия, уступающая место демократии, которая в конце концов вырождается в тиранию [296, с. 154]. Аристотель в "Политике" различает три основных типа "правильных" конструкций: монархия, аристократия, полития, – и три "ошибочных": тирания, олигархия, демократия. Полития, т.е. смешение демократии и олигархии, – правление лучших и наилучшая, по мнению Аристотеля, форма устройства. Н.Макиавелли в "Государе" идет по той же стезе, называя три положительных типа государственного устройства: монархию, правление знати, народную власть, – и три отрицательных: тирания, олигархия, анархия, – но при этом склоняется к иным, по сравнению с Аристотелем, предпочтениям.

Здесь нет нужды апеллировать к развернутым оценкам упомянутых образов правления – они зависят от политических взглядов и меняются от эпохи к эпохе, от партии к партии, от автора к автору. Сам XX век превозносил то отеческий и вдохновенный вождизм, то справедливую демократию,(18) то компетентное управление элитой (меритократия). Мы же стараемся держаться подальше от зыбкой почвы идеологий, занимаясь самыми простыми, но обязательными вещами, оголяя все и вся до логического каркаса, т.е. числа. В буквальном смысле автократия – власть одного, олигархия – нескольких, демократия

– многих (репрезентативного большинства), для наших целей вполне достаточно подобных редуцированных понятий. Критерий "один – несколько – много" очевидно ответственен за все членение.

Отношение "больше/меньше" нам прекрасно знакомо, являясь бинарным (n = 2), поэтому не вызывает недоумений итоговая трехчастность системы (M = 3). На то, что список изначально нацелен на исчерпывающую полноту, вряд ли стоит тратить слова.

Читатель, несомненно, заметит, что современные демократические системы используют и олигархические, и автократические элементы. В крупных странах власть большинства не может быть прямой – не считая редко пускаемого в ход института плебисцита, – поэтому она оказывается представительной ("олигархичность" парламентов). Единоначалие используется как в исполнительной власти, так и в армии. Поэтому – по образцу разделения и баланса властных ветвей – можно говорить о равновесии упомянутых форм, общедемократический характер которых все же выдерживается благодаря институту выборов и климату гражданского общества. Но эти детали не имеют прямого касательства к рассматриваемой модели.

В последней главе "Основных социологических понятий" [72] Макс Вебер различает три типа легитимной власти: *традиционную* (вера в святость издавна сложившихся традиций), *рациональную* (вера в легальность существующих порядков и тех, кто в них призван осуществлять власть) и *харизматическую* (вера в святость, героизм, недосягаемое совершенство лидера или вождя). Перечень безусловно претендует на целостность. Будучи основан на широко известном противопоставлении республик монархиям в Европе Нового времени, он дополняется таким злободневным феноменом как тоталитарное государство, в результате чего обретает "исчерпывающую полноту". В качестве ремарки: И.Валлерстайн считает "ужасным наследием" XIX в. разделение общества на *экономику, политику, культуру*, называя их "святой троицей" основных социальных дисциплин (см. [353, с. 26]).

Без преувеличений, политология усеяна тройственными структурами и классификациями. С XIX в. стало классическим деление политических течений, идеологий на *либеральные, консервативные, радикальные*. На первый взгляд, эти понятия суть результат обыкновенного обобщения наблюдаемых явлений.

Рождение приведенной совокупности типов произошло едва ли не на наших глазах, начавшись с либеральных проектов

общественного переустройства в Англии,(19) ее заокеанских колониях и во Франции времен Великой революции. Традиционалистская, консервативная реакция на критический и деятельно-преобразующий напор либералов не заставила себя долго ждать: в трудах Э.Берка, Ж. де Местра, других апологетов самодержавия формулируются ее принципиальные положения, параллельно формируются реальные политические движения. Сам термин "консерватизм" утвердился в 1830-е гг. и со временем стал пониматься шире, чем монархический легитимизм. Как бы там ни было, историческое столкновение либералов и консерваторов, их борьба за умы и сердца людей, концептуальная и политическая конфронтация между ними являются, очевидно, бинарным отношением, $n = 2$.

Дальнейшее, собственно, было предопределено. После череды кровавых конфликтов либералы и консерваторы умерили претензии друг к другу, научившись договариваться, но вскоре на арену выступило третье крупное политическое течение – социалисты, чей проект общественного переустройства отличался гораздо большей радикальностью, чем либеральный. Строго говоря, о радикалах было известно и раньше (скажем, "бешеные" времен Великой французской революции), но их не воспринимали всерьез, решительно отрицая за подобной позицией какие бы то ни было резоны. Однако в 1830-е и особенно 1840-е гг. новое течение заявило о себе в полный голос, обзавелось собственной – по-своему убедительной – доктриной. Движение стремительно расширяло свою социальную базу, сколачивало региональные, национальные и общеевропейские организации. Контрастная пара "либералы-консерваторы" несколько померкла перед лицом нового грозного – и общего – соперника. Независимо от того, кто именно: либералы или консерваторы, – стояли у власти в той или иной стране, социалисты не только находились в оппозиции к правительству, но и явно намеревались перехватить пальму первенства. Отношения $n = 2$, будучи заданными исходным противостоянием либералов и консерваторов, распространились и на систему с новым политическим актором.

Теоретическое разделение течений на либеральные, консервативные, радикальные(20) подразумевает репрезентативность, полноту классификации, т.е. то, что в его рамках может быть описан любой серьезный политический феномен. С учетом факта $n = 2$, наличие трех ингредиентов ($M = 3$) недоуменных вопросов не вызывает. XX век немного подпортил картину, но он ломал устоявшиеся представления не только в политике, и это предмет разговора в разделе 1.4.

Стоит заметить, что канонически-трехчастное политическое членение коррелирует со стандартным хронологическим паттерном. Если программа консерваторов зовет "назад" (как минимум, "оставаться на месте"), высоко ставя заветы и традиции *прошлого*, зрелые либералы предпочитают говорить об относительно осторожных (нереволюционных) реформах, ценя прежде всего *настоящее* или непосредственно близкое будущее, то радикалы обращаются к общественным слоям, остро не удовлетворенным status quo, и выдвигают лозунги решительных перемен во имя светлого, пусть и не совсем близкого, *будущего*.

Представляется беспредметной дискуссия, является ли данная трехсоставная классификация изобретением ("измышлением") теоретиков или же основных типов политических течений действительно три и политологам лишь оставалось запротоколировать сей позитивно-реальный факт. Верно и то, и другое и ни то, ни другое в отдельности; в возрождении спора рационалистов и эмпириков нет ни малейшей потребности. Человеческий рассудок изначально не оторван от реальности, а эмпирические факты – это не реальность как таковая, т.к. прошли обработку сознанием, и распределение политических течений по типам – несомненно, результат обобщения. Мало того, сами реальные течения суть продукт целенаправленной общественной деятельности, в которой рассудку отведено отнюдь не последнее место. В настоящем контексте уместно вспомнить о понятии коллективного по природе рационального бессознательного из *Предисловия*. Рациональное начало – посредством как явных, так и скрытых каналов – буквально растворено в политической стихии, пронизывая ее насквозь от рядового партийца до съездов и авторов знаменитых программных доктрин. Трудно не согласиться, что политика – это не только разум, но и чувства, воля масс, т.е. она еще и иррациональна, но из этого вовсе не следует, что она должна противоречить элементарной логике. А именно о ней и речь: $n = 2$, $M = 3$. Подобные трехчастные схемы во многом *тавтологически* справедливы. Нелишне заметить, что деление на либералов, консерваторов, радикалов (социалистов) осуществлялось примерно в том же контексте, что и разделение властей: эпоха Просвещения миновала, но ее проект осуществляется до сих пор.

Возможно, самым существенным в механизме связи таких рациональных схем с реальной действительностью является то, что они превращаются в элемент *идеологии*, реальная идентификация и самоидентификация политических акторов осуществляется с опорой на них. Виртуальная схема, овладевая

массами, превращается в политический факт. Тем не менее, споры о степени реальности деления на либералов, консерваторов, радикалов, на Запад, Восток, "третий мир" и т.п., см. [354, с. 34], – не отнести ли их к наваждениям или иллюзиям, призванным прикрыть какие-то иные противоречия, – не прекращаются до сих пор. Однако поскольку некое представление разделяется множеством людей, оно превращается в действительное, по крайней мере в качестве феномена общественного сознания.

Другой распространенной разновидностью тринитарного членения ведущих политических идеологий, призванного охватить и опыт XX в., служит деление на *либерализм, марксизм* и *национализм*. У И.Валлерстайна задействована тройка *консерватизм – либерализм – марксизм* и приведена несколько отличная версия последовательности их появления на исторической сцене, см. [там же, с. 35-36]. При этом И.Валлерстайн отмечает: "В политической практике каждая идеологическая партия старалась свести политическую сцену к дуальной форме, провозглашая фундаментальное сходство противостоящих ей идеологий" [447, p. 5]. "В основе этого лежала реальная взаимосвязь всех трех идеологий, как углов треугольника, каждые два из которых были в чем-то сходны друг с другом при противопоставлении с третьим" [446], [354, с. 36]. Читатель самостоятельно справится с анализом таких таксономий, ибо в принципе они ничем не отличаются от уже рассмотренных.

Навряд ли также покажется трудным разложить по полкам стандартное представление о политическом спектре как совокупности *правых, левых* и *центре*(21) . Данными понятиями непрестанно жонглирует журналистская и предвыборная риторика, по крайней мере в Европе и России. В США, где прочное место в общественном сознании принадлежит *республиканцам* и *демократам*, третью разновидность предпочитают называть *независимыми*. В качестве независимых идентифицируется небольшая часть конгрессменов, но картина изменится, если брать политическую структуру не власти, а общества. В этом случае, наряду со сторонниками республиканской и демократической партий, следует указать на самую многочисленную группу, не голосующую ни за тех, ни за других. Последняя оказывается калейдоскопически пестрой и включает в себя как сторонников мелких партий, так и воздерживающихся от активного выбора политической позиции вообще (абсентеизм).

Аналогичной структурой отличалось и послевоенное мировое сообщество в целом, делившееся на капиталистический *Запад*,

коммунистический *Восток* и *"третий, неприсоединившийся мир"*. В "третьем мире" проживает подавляющее большинство человечества, и несмотря на то, что с начала 1960-х гг. он был организационно представлен единым Движением неприсоединения, его члены придерживались самых разных политических и экономических взглядов. За трехчастность во всех этих случаях ответственны как априорная полнота, целостность составляемого списка, так и бинарный принцип сравнения, заложенный в основание классификаций, а с неоднородностью третьих звеньев нам уже приходилось встречаться: будь то третье лицо местоимений, второстепенные члены предложения или третье сословие в идеальном государстве Платона и абсолютистской Франции.

Обсуждая предпосылки политической брутальности, Конрад Лоренц приходит к следующему выводу: "Оно ‹человечество, общество› не потому агрессивно и готово к борьбе, что разделено на партии, враждебно противостоящие друг другу, оно структурировано именно таким образом потому, что это представляет раздражающую ситуацию, необходимую для разрядки социальной агрессии" [185, с. 29]. Допустимо продолжить дискурс в том же ключе, поставив вопрос: не потому ли возможна упомянутая разрядка, что политическое структурирование – несомненно *рациональный* выход коллективным страстям, а всякая рациональность, особенно если ей сопутствует переживание *целостности*, умеряет первоначально неорганизованную стихию, вводит ее в нормативные рамки? Структурирование начинается с дихотомии ($n = 2$), и К.Лоренц цитирует: "Если бы какое-то вероучение на самом деле охватило весь мир, – пишет Эрих фон Хольст, – оно бы тотчас же раскололось по крайней мере на два резко враждебных толкования (одно истинное, другое еретическое), и вражда и борьба процветали бы, как и раньше: ибо человечество, к сожалению, таково, каково оно есть" [там же]. По сходному поводу К.Юнг не раз говорил о необходимой канализации коллективной психической энергии в регламентированных формах, которые *не противоречат нашему сознанию*, и если в подобных каналах образуются закупорки, человек вступает в войну с самим собой (см. [391, с. 210]). Впрочем, даже такой войне не обязательно быть горячей, ибо она, в свою очередь, может вестись по писаным или, скорее, неписаным правилам. Добавим лишь, что с регуляцией бессознательной психической энергии удобнее справляться посредством бессознательных же направляющих сил, и, коль ослабла функция религии, вполне уместна помощь *бессознательных* рациональных комплексов (неосознанных

исходно или ставших таковыми в современных условиях).

Как побочный эффект центральной, подчинившей себе все другие оппозиции XX в. – противостояния либеральной и социалистической доктрин (в таком "глобальном" виде она предстает, в частности, у Ф.Хайека [356]) – выступает идеологема так называемого *"третьего пути"*. В ее орбиту оказались вовлечены различные страны от Швеции до Ливии, и теперь, на гребне очередной левой (социалистической, социал-демократической) волны в Европе, она, кажется, обретает второе дыхание. По крайней мере, мэр Москвы и один из видных федеральных политиков Ю.М.Лужков поспешил присягнуть этой идее во время визита в лейбористскую Британию [212]. "Третий путь" придает концептуальной системе логическую завершенность, не лишенную и эсхатологических отголосков. О последних у нас еще будет случай поговорить.

Созданная И.Валлерстайном школа занимается исследованием самых общих закономерностей развития современной мир-системы (СМС). Отправляясь от факта неравномерности распределения богатств по разным регионам планеты, а в теории – от французской исторической школы "Анналы", прежде всего Ф.Броделя, И.Валлерстайн использует дескриптивную модель, опирающуюся на понятия о *центре (ядре)* мир-системы, ее *периферии* и *полупериферии*, занимающей промежуточное положение по степени индустриализации, концентрации капитала, уровню жизни населения [444, 445], см. также [353]. Данная тройка, представляющая собой геометрический парафраз идеологемы о первом (Запад), втором (Восток) и "третьем" мирах, по-прежнему опирается на дистинктивную силу, присущую и числу, при этом И.Валлерстайн постоянно подчеркивает, что речь идет о принципиально целостной системе.

Как и в случае с богатым-средним-бедным классами, каждое из звеньев, включая иерархически нижнее, периферию, неистребимо; феномен отсталости, бедности стран неустраним: если каким-то из них и удается пробиться ближе к ядру, то только за счет других [353, с. 46]. Мир-системная модель концептуально поддерживает и репродуцирует саму себя, диктуя свою волю и логику реальной действительности. И это ей удается благодаря спекулятивно-априорному характеру самой дескрипции.

Стоит сказать несколько слов об известной русской идеологеме XIX – начала XX в.: начиная с С.С.Уварова, министра народного просвещения при Николае I, основными столпами государства признавались *православие, самодержавие* и *народность*. Как известно, диада "Церковь – монархия" составляла

главный нерв высшей политической жизни со средневековья, а в варианте жрец или шаман, с одной стороны, и царь или вождь, с другой, уходила вглубь тысячелетий. С.С.Уваров, прошедший штудии немецкой классической философии, не только дополняет былую пару в духе нового времени (напомним, народ – фигурант Великой французской революции, Отечественной войны 1812 г., учений просветителей и немецких романтиков, имя "народ" – на устах Войны за независимость Соединенных Штатов, их конституции, а также декабристских обществ в России), но и придает расширенной таким образом группе характерную логическую завершенность. Уже в XX в. Таиланд перенимает триадную формулу – см. государственная идеология "трех принципов": чат, сатсана, манакесат (нация, религия, монархия) [10,с. 71], – а затем к ней присоединяется и кхмерский Сангнум: джати, сасана, махахшатр [там же, с. 80].

В начале раздела была затронута система философских и грамматических времен, теперь обратимся к иным темпоральным классификациям. В XVIII в. эволюционизм проникает в представления о человеческом обществе, и в 1768 г. шотландский философ А.Фергюссон подразделяет историю на эпохи *дикости, варварства* и *цивилизации*, различающиеся между собой характером хозяйства и степенью развития отношений собственности. Аналогичные взгляды развивались французскими просветителями, в частности Антуаном Кондорсе, стремившимся детально описать общественное устройство в каждую из таких эпох [246, с. 6].

Зачем вообще делить историю на счетное число единиц? – По-видимому, для того, чтобы лучше ее понять. Деление и последующее соединение (ср. анализ и синтез) позволяет увидеть в ней *систему*, причем систему *рациональную*.

Почему эпох именно три? – Не объясняется ли это тем, что исследователи стремились предложить целостную классификацию? По пунктам: "полную", т.е. охватывающую все этапы реальной истории; "замкнутую", ибо история на глазах превращалась в самостоятельную дисциплину и ее методологический инструментарий был призван объяснять развитие как эндогенное (в том числе в гносеологическом смысле: все исторические феномены являются предметом исторической науки, и все объяснения должны принадлежать ей самой, а не, скажем, мифу или другим наукам, будь то теология или механика); "связную", поскольку эпохи определялись в отношении между собой и история никогда не прерывалась, etc. Далее: история становилась действительно наукой – и не только потому, что стала открыто прибегать к эмпирическим методам, в

частности археологическим, документальным, собирая свидетельства с их по возможности точными датировками, уже не удовлетворяясь задами Священного Писания. Она превращалась в науку, поскольку избрала в качестве проводника рассудок, рационально-логический инструментарий, который поставила выше любых авторитетов и откровений.(22)

Каким образом статуировались названные эпохи? – По принципу большей или, напротив, меньшей степени развитости. Такая операция сравнения бинарна, n = 2, и значит, эпох должно быть три и именно три. Бессмысленно искать подтверждений или опровержений последнего факта в рамках самой истории, например, ожидая, что какой-то исследователь эмпирически, с наглядными свидетельствами на руках докажет, что не было эпохи дикости или что эпохе цивилизации преемствует некая "сверхцивилизация". Подобные классификации самодостаточны, они априорно, тавтологически справедливы. Отказаться в таких случаях от трехчастности невозможно, не покусившись на саму исходную установку. Не потому ли они столь заразительны, и идея Фергюссона была тут же с энтузиазмом подхвачена?

При этом возникает видимый парадокс. Прежняя категориальная и грамматическая классификация включала три области времени: прошлое, настоящее, будущее, – т.е. покрывала всю хронологическую ось. Наука история будущее не рассматривает, но конституирующих звеньев, тем не менее, у нее оказывается не одно (прошлое), не два (прошлое вместе с настоящим, своеобразный перфект), а опять-таки три! Из целостности и бинарности в любом случае вытекает трехчастность – независимо от предмета, который наделяется названными свойствами.

В 1836 г. датчанин Кристиан Томсен рассматривает уже исключительно глубокую древность, и в его классификации появляются *каменный, бронзовый, железный* века [246, с. 6]. Нет, вероятно, необходимости объяснять, почему их снова три. Вызывает улыбку простодушное замечание специалиста: "Томсен ‹…› обосновал *археологическим материалом* систему трех веков" [там же; курсив мой. – *А.С.*]. Подобным материалом можно разве что *наполнить* рациональную схему, происхождение которой отнюдь не в археологии, которая принадлежит всем и никому в отдельности, ибо родом она из того рационального бессознательного, иллюстрациями которого мы только и заняты. Самый длинный каменный век впоследствии был разделен на древний каменный, т.е. *палеолит*, средний – *мезолит* и новый каменный век, *неолит*, каждый из которых, в свою очередь, отличался своим типом хозяйства и применяемыми орудиями.

Приведенные схемы эвристичны, феноменологичны, и по-прежнему лишен смысла вопрос, *на самом ли деле* система такова. Если кто-то предложит модель с другим количеством звеньев, он должен либо отказаться от логики, либо же – а это, о чем будет сказано в своем месте, возможно – использовать принципиально иную ее разновидность.

В XVIII – первой половине XIX вв. доминировали "здравые" рациональные подходы, и историческое членение европейского мира на *Древность* (тогда – прежде всего античность), *Средневековье* и *Новое время* было растворено в крови у историков. Трехчастность по-прежнему строго выдерживалась.

Время, таким образом, поддается операции логического замыкания. В таком контексте число три иногда выступает как *порядковое*, а не количественное. Об идеологеме "третьего пути" – не капиталистического и не социалистического, а некоего среднего – речь уже шла. Она, добавим, обладает древними параллелями. По словам Р.Генона, ""Путь Середины" называет его тайная даосская доктрина" [95, с. 3]. "Средний путь" считал этически наилучшим и Аристотель, а в Англии второй половины XVI в. во время царствования Елизаветы I сложилось учение "среднего пути", т.е. промежуточного между римским католицизмом и континентальным протестантизмом (см. "Наука и жизнь", 1993, № 8). Порядковая нумеративность не нарушает общей логики, высвечивая ее важный нюанс: пригодность для несинхронных, исторически последовательных феноменов.

"Москва – Третий Рим", – утверждала русская политическая теория XV – XVI вв. Автор теории, игумен псковского Елизарова монастыря Филофей, сформулировал ее в своих посланиях периода правления великого князя Ивана III, стремясь вдохновить последнего на деяния, достойные начертанной исторической роли. Два предшествующих Рима – собственно Рим и Византия – послужили отправным пунктом концепции. Теперь, после занятия Константинополя турками, остро встал вопрос о преемнике, о новой великой империи. Но нас интересует не столько исторический антураж, сколько логика. Так вот, на основе былой эмпирической пары был построен канон, обладающий характерной логической окончательностью: не только "Москва – Третий Рим", но и "*четвертому не быть*".(23) Московские цари были включены в сквозную династическую линию, восходящую к Цезарю,(24) мало того – они были призваны завершить череду звеньев списка, воплотив в себе саму вечность.

Возможно, не стоило бы приводить столь специальный пример, если бы идеологема "Третьего Рима" не воскресла в XIX и начале XX вв. в трудах многих русских писателей,

преимущественно – славянофильски настроенных. До сих пор авторы самых разных ориентаций пользуются для украшения собственных текстов понятием "Третий Рим" как общеизвестным. (25) Некоторые историки высказывают подозрение, что данной триаде довелось оказать стимулирующее воздействие на идеологические постулаты нацистской Германии.

Мифологема "Третьего рейха" (Drittes Reich) обладает той же специфической "окончательностью", ибо речь шла о *тысячелетнем* Третьем рейхе, о той милленаристской эре, которая есть преддверие конца света. Непосредственно восходя к средневековым мистическим учениям о трех царствах (заимствовав от них и сам термин), представление о Третьем рейхе образовывало единый паттерн с двумя предшествующими германскими империями: Священной Римской и недавней Германской (1871 – 1918). Таким образом, в эмпирически-акциденциальную смену явлений была по-историософски внесена железная логика, высшая финалистская целесообразность.

Само выражение "Drittes Reich" – слепок названия книги немецкого искусствоведа и историка культуры Меллера ван ден Брука "Das dritte Reich", 1923 (кстати, ван ден Брук в сотрудничестве с Д.Мережковским подготовил и издал первое собрание сочинений Достоевского на немецком языке в 22 тт., а позднее переключился на философию истории и политическую публицистику консервативно-революционной ориентации). К.Юнг, в свою очередь, констатировал: "Никто не называл королевство Карла Великого, ни державу Вильгельма Первым и Вторым Рейхом. Только немцы назвали себя Третьим Рейхом. Потому что это имеет глубокое *мистическое* значение: в каждом немце выражение "Третий Рейх" вызывает в его бессознательном библейские ассоциации" [237, с. 346]. В.Клемперер снабжает бытовыми подробностями: "На экзаменах для ремесленников часто задают коварный вопрос "Что будет после Третьего рейха?" Если простодушный или замороченный ученик ляпнет: "Четвертый рейх", то какие бы знания по специальности он ни показал, его безжалостно проваливают как недостойного ученика партии. А правильный ответ таков: "После него не будет ничего, Третий рейх – это вечный рейх немецкой нации"" [155, с. 143-144]. Логическая замкнутость и полнота триад, разворачивающихся на хронологическом материале, нередко окрашивается в хилиастические тона.

Можно отметить и общее тяготение национал-социалистической идеологии к употреблению тринитарных формул: "один народ, одна империя, один фюрер", "Kinder, Kirche, Küche" ("дети, церковь, кухня" – о месте женщины в обществе)

[373].(26)

"Третий Рим", "Третий рейх" – эти понятия имеют древние прототипы. Из гесиодовской "Теогонии" мы узнаем не только о трех божественных династиях, но и о том, что возглавляемая Зевсом третья принесла с собой рациональный, гармонический миропорядок, крушение которого равносильно катастрофе. От средневековых сект до Д.Мережковского мы слышим о последнем "Третьем Откровении" (после первых двух: закона Моисея и учения Иисуса Христа), об "эпохе Святого Духа", когда третья Божественная Ипостась явит себя столь же наглядно, как первые две. Именно подобные – хотя, разумеется, и не настолько четко выраженные – моменты мы имели в виду, когда упоминали об эсхатологических коннотациях идеологемы "третьего пути". Сказанного, вероятно, достаточно, чтобы понять специфику работы порядкового числа три, поэтому вернемся к "синхроническим" образцам.

Реестр политических триад можно продолжить, но следует отдать должное и другим областям. В экскурсии по вербальной сфере в начале раздела основное внимание было уделено грамматике, теперь обратимся к более крупным единицам словесного творчества. Рассмотрим членение на литературные роды и виды.

Начиная с "Поэтики" Аристотеля художественные произведения принято делить по родам: на *эпос, лирику, драму*. В истории эстетики эту классификацию обосновывали по-разному. Обоснование, предложенное Гегелем и разделявшееся В.Белинским [390, с. 298], исходит из предмета изображения: в эпосе это объективное бытие, в лирике – внутренний мир субъекта, в драме – единство объекта и субъекта. Драма, в свою очередь, подразделялась классической эстетикой на три вида: *трагедию, комедию* и собственно *драму*, в узком значении:

Рис. 1-5

Приведенная классификация основывается на контрастном

противопоставлении вначале родов друг с другом, затем видов, т.е. отталкивается от того же бинарного принципа. Установка на исчерпывающую полноту приводит к трехчастному строению, в данном случае "двухэтажному", по сути повторив – mutatis mutandis – образцовый паттерн личных местоимений. К указанной эстетической таксономии придется впоследствии обратиться еще раз.

Попутно упомянем и о *законе трех единств* классицизма [390, с. 360-361], разработанном применительно к драме французскими теоретиками Ж.Шапленом, д' Обиньяком и нашедшем окончательное выражение в "Поэтическом искусстве" Буало. Никола Буало, отталкиваясь от Аристотеля и Горация, настаивал, что интеллект в искусстве должен преобладать над эмоциями. При этом писателям надлежало придерживаться правила соблюдения трех единств: места, времени, действия, – что, кстати, вполне соответствовало и взглядам механики той эпохи.

Коль речь зашла об искусстве, литературный процесс в его целом до сих пор представляют три фигуры: *автор, читатель, критик*, – поскольку на базе исходной оппозиции "писатель – читатель" (n = 2) взрастает и третий фигурант, призванный толковать произведение, давать ему эстетическую, социальную и идейную оценку, M = 3. М.М.Бахтин (выступивший под фамилией Волошинова) обнаруживает сходную конструкцию в самом произведении, т.к. эстетический объект "является выразителем ценностно-иерархического взаимоотношения трех конституирующих его форму ингредиентов – *автора, героя* и *слушателя*" [85, с. 224].

Вклад в коллекцию троек вносит и семиотика. Еще стоикам удалось открыть, что у всякого высказывания есть два предмета: во-первых, вещь или факт реального мира (стоики называли его "телом"), во-вторых, некая мыслительная сущность, состоящая из представлений, понятий и эмоций человека (она именовалась "лектон"), см. [188, с. 38-39] или [187]. В современной терминологии первому предмету соответствует экстенсионал, или денотат, второму – интенсионал, или десигнат. В XX веке швейцарский лингвист Фердинанд де Соссюр, исследуя природу языковых знаков, вводит оппозицию означаемого и означающего [315]. Непосредственно данные термины взяты из "Грамматики Пор-Рояля" [306, с.24], и, что не менее важно, Соссюр последовательно разрабатывал идею системности и алгебраического характера языка [там же, с. 15]. Затем один из основоположников логической семантики, немецкий логик и математик Готлоб Фреге констатирует наличие триединства *предмета*, его *имени*, а также *смысла*, т.е. денотата, знака, десигната [315, с. 85-91]. Треугольник

Фреге (M = 3) взрастает на почве предшествующих оппозиций (n = 2):

Рис. 1-6

Самому же Ф. де Соссюру принадлежит формулировка французской триады *langage – langue – parole*; в русском переводе: *речь – язык – говорение* или *языковая деятельность – язык – речь*, в немецком: *Rede – Sprache – das Sprechen* или *Sprache – Sprachtum – Sprechart*[306, с. 25-27]. В свою очередь, симиотику в целом принято подразделять на три составные части: *синтактику, семантику* и *прагматику*.

Еще средние века прекрасно знали о явлении бессознательного. Основатель психоанализа З.Фрейд превращает феномен подсознания в краеугольный камень своей концепции. Несмотря на то, что главным предметом исследования становится иррациональная сфера, наука о ней отнюдь не чужда здравой логике. Соответственно, вслед за последовательно проведенной оппозицией индивидуального подсознания и сознания, после выявления их взаимодействий (n = 2), Фрейд приходит к выводу о важности третьего конструктивного звена – так называемого Сверх-Я (суперэго). Итоговая психическая структура личности приобрела, таким образом, трехсоставность (M = 3): *подсознание* (ид, бессознательное Оно, область инстинктивных влечений), *сознание* (сознательное Я, эго, сдерживающее импульсы Оно и следующее принципу реальности) и *Сверх-Я* (суперэго, носитель социально-нравственных норм, исполняющее роль критика, цензора) – см., напр., [403, с. 196].

Характерными тройками пестрит и теология. Не говоря о таких из них как *вера – надежда – любовь* согласно ап. Павлу (1 Кор. 13, 13), в качестве примера можно привести совокупность трех сфер морального закона по Фоме Аквинскому,

представление о которых перешло к неотомизму [297, с. 372-373]. Каждому человеку дан *естественный закон* стремления к счастью; над ним возвышается *позитивный закон*, т.е. официальное установление религиозных и светских властей; и наконец, тот и другой основываются на вечном *божественном законе*, едином для всех времен и условий.

С подачи религиозных и натурфилософских концепций сходные группы понятий проникают в философию Нового времени. Так, немецкий мистик Агриппа Неттесхаймский в книге "De occulta philosophia" (1510) выдвигает учение о трех мирах, окружающих человека: о естественном царстве стихий, небесном мире звездного свода, а также интеллигибельном мире, т.е. мире душ, живущих внутри всех вещей (spiritus mundi). Якоб Бёме использует в "Авроре, или Утренней заре в восхождении" [421], рус. пер. [48], целый букет трехзвенных интуиций: "Святая, Святая, Святая Троица"; "драгоценное дерево, растущее в прекрасном саду и состоящее из философии, астрологии, теологии"; "люди же созданы из природы, звезд и стихий" и т.д.

Но мы воздержимся от услуг мистиков, судья которым Господь Бог и их собственная совесть, отдав предпочтение более светскому образу мысли. Мыслители Ренессанса нередко усматривали предпосылки тройственности реальных структур в подобии земного устройства божественному. Так, Иоганн Кеплер считал, что земной мир является отображением Св. Троицы, тому же обязана трехмерность пространства, сам Бог подвергался математическому (геометрическому) анализу: "единое Божество есть сфера, центром которой является Бог Отец, поверхность, или внешняя сторона, соответствует Богу Сыну, а радиусы между ними – Святому Духу", см. [349, с. 156].(27) Т.е. рациональный дискурс (мы отвлекаемся здесь от "наивности" подобных воззрений с точки зрения нашего современника) опирался на метод аналогий, который отправлялся от авторитетных тогда теологических положений, но ведь генеалогия христианских троек восходит к дохристианским, в частности платоновским, неоплатоновским, аристотелевским, главное – что там и там по возможности придерживались одного и того же последовательно строгого рассудка. Просвещение, с его светской самоидентификацией, уже не нуждалось во внешних авторитетах, при этом "эпоху Просвещения, взятую в целом, можно охарактеризовать как тип культуры, имеющий своим основанием *тринитарную форму мышления*" [там же; курсив мой. – *А.С.*]. Теперь обратимся к немецкой классической философии, триады которой образуют едва не сплошную линию фронта.

Начнем с предложенной Тетенсом и поддержанной Кантом

триады *истина – добро – красота*, отражающей законченную систему высших человеческих ценностей. Если два первых члена – истина и добро – входили в список трансцендентальных понятий еще схоластики, т.е. были издавна легитимными в философии, то понятие красоты, важное для античных философов,(28) впоследствии было подвергнуто остракизму, идентифицируемое в качестве "прелести", т.е. дьявольского наваждения. В эпохи рационализма и Просвещения ситуация стремительно изменяется, науки одна за другой подвергаются секуляризации, добиваются концептуальной автономности от религии, теологии. Формируются светские истина и мораль. В это время складывается тенденция подчинять все универсальному разуму, включая искусство: см. примат интеллекта в эстетической теории Н.Буало. А Французская революция пытается ввести религию Разума.

Даже младшим современникам Канта, первым немецким романтикам и предромантикам, приходилось буквально таранить – "Sturm und Drang" – крепостные стены классицизма, единственного, как считалось, законного представителя литературы и красоты вообще. Классицизм не считал себя одним из возможных течений, он носил эполеты "единственно правильного" искусства. Строгая регламентация касалась не только разграничения жанров, но и стилистических норм: "правильное" письмо – лишь у античных классиков, у Корнеля, Расина. В конце концов экспериментам плеяды романтиков (доходившим даже до создания открытых – намеренно "незавершенных" – текстов, подобных "Люцинде" Ф.Шлегеля)(29) удалось одержать верх, был создан новый литературный язык, хотя победа была куплена ценой многих загубленных судеб.

Во-первых, Кант, в сущности, предвосхитил последующие исторические коллизии. Строго разграничив суверенные области истины, добра, красоты, тем самым он наделил последнюю самостоятельными правами. И штюрмеры, и романтики не раз ссылались на теорию Канта в подтверждение того, что красота подчиняется собственным критериям, не сводимым ни к директивам рассудка, ни к предписаниям морали. Триумвират высших ценностей состоит из равнодостойных членов. Во-вторых, выступив против метафизики, Кант ограничил юрисдикцию философии как таковой. Философия вообще и означенная триада в частности не должны пытаться взгромоздиться на трон, принадлежащий только Богу. Очертив пределы компетенции философской и вообще человеческой мысли, Кант подал пример высокой личной ответственности, самоограничения (не удивительно ли: философ ограничивает сферу действия

философии?).

В деле реабилитации красоты у Канта, конечно, были предшественники и последователи. В 1785 г. Карл Филипп Мориц издает "Опыт объединения всех изящных искусств и наук под понятие совершенного в себе", где, в частности, говорится: "Красота сама для себя является главной целью", "Истинная красота состоит в том, что вещь довлеет лишь самой себе, являет завершенное в себе целое" (цитаты приведены в [331, с. 360]). Ц.Тодоров описывает ситуацию тех времен: прежде литература должна была учить, наставлять, затем становится более важным, чтобы она просто нравилась. "К концу XVIII в. идея прекрасного выльется в формулу о самодостаточной, неинструментальной природе произведения. Если раньше прекрасное отождествляли с полезным, то отныне его сущность стали связывать с отсутствием утилитарной цели" [там же].

Заслугой Канта, однако, было то, что он не только поддержал этот революционный эстетический порыв, но и вписал его в более широкий – в том числе традиционный – культурный контекст, федерализовав различные суверенные ценности в единых универсальных рамках. Но сейчас для нас важнее более частный факт: система высших ценностей, насколько она постижима интеллектом, оказывается замкнутой на саму себя, т.е. целостной. Данная триада действительно организована согласно элементарному принципу n = 2, но подобная простота досталась недешево. У неокантианцев та же группа предстает в виде *познавательного, этического, эстетического* или же *логики, этики, эстетики* в качестве самостоятельных разделов философии. Связь между последними становилась темой специальных исследований, например, И.Кон: "Эстетическая ценность представляется телеологическим восполнением логической и этической" [160, с. 225], "Необходимость эстетического основана на той незавершенности, характере стремления, который присущ как познанию, так и нравственному поведению" [там же, с. 226].

Система высших познавательных способностей, согласно Канту, состоит из *рассудка* (познающего законы природы), *разума* (познающего законы свободы), а также *способности суждения*, которая осуществляет связь между двумя первыми способностями и опирается на свои отличительные априорные принципы. Здесь, очевидно, мы встречаемся с проекцией на рационально-гносеологическую плоскость заданной задолго до Канта оппозиции "природа – разум" ("тело – душа"), n = 2, и, следовательно, получаем в итоге M = 3. К.Рормор, обсуждая эпистемологическую позицию одной из так называемых фундаменталистских ветвей философии, в частности Канта,

отмечает: "*Диадическое* отношение между субъектом и объектом, познающим и познаваемым уступает место *триадическому* отношению между субъектом или тем, кто знает, объектом, как он явлен, и объектом, как он есть. Последнее различие между объектом, как он явлен, и объектом, как он есть, описывается разными способами – как различие между явлением и реальностью или между явлением и сущностью, или, иначе, между представлением и тем, что представлено. Все эти выражения на разном языке обращены к одному *триадическому* отношению" [278, с. 86; курсив мой. – *А.С.*].

Читателю не составит труда самостоятельно справиться с такой общеупотребительной тройкой как *наука, искусство, философия*, призванной охватить область сознательного духовного творчества. Вообще, тема триад в философии была начата задолго до Канта, присутствуя у Платона и Аристотеля. Неоплатоник Прокл в "Началах теологии" построил на триадическом методе всю онтологию. Ступени триады: 1) пребывание в себе, 2) выступление из себя, т.е. эманация, 3) возвращение из инобытия обратно в себя. Но теперь уделим внимание Гегелю, поскольку у него интересующий нас мотив достиг апогея.

Исследователи констатируют: "Гегель раскрыл на всех уровнях наличие *трех* элементов, составляющих Понятие: *Всеобщего, Особенного* и *Единичного*. Гегелевская система, как целое, имеет три больших раздела, соответствующих составным элементам Понятия. Всеобщее здесь представлено логикой, наиболее абстрактным компонентом, Особенное представлено философией природы, и Единичное, сфера человеческого общества, представлено философией права" [335, с. 41; курсив мой. – *А.С.*].(30)

Звенья триады всеобщее – особенное – единичное отличаются друг от друга по объему этих понятий, или, пользуясь словарем семиотиков, по экстенсионалу. Классы предметов, обозначаемые данными терминами, связывает между собой простейшее бинарное отношение "шире" или, напротив, "уже" (по существу "больше/меньше"). Очевидно, что понятие всеобщего шире понятия особенного, последнее шире единичного; отношение "шире" транзитивно, т.е. единичное, в свою очередь, пребывает под крышей всеобщего. Поскольку список названных понятий заведомо нацелен на исчерпывающую завершенность, полноту, постольку трехзвенность вытекает автоматически (с отношением типа "больше/меньше" мы уже неоднократно встречались). Не иначе обстоит и с гегелевской системой, взятой как целое (см. только что приведенную цитату), ибо свойством своеобразной

"законченности" великий философ наделял не только общественно-историческое развитие (знаменитый "конец истории"), но и свою собственную концепцию, поднятую до уровня "венца", логического "конца" философии.

Гегель оперирует целым рядом троек понятий, каждая из которых возникает из первоначальной оппозиции или антиномии, а затем достигает характерной логической полноты. Это и *бытие – ничто – становление,* и *качество – количество – мера, сущность – явление – действительность, право – мораль – нравственность, семья – гражданское общество – государство,* три формы самосознания духа: *искусство – религия – философия*. Рассмотрим подробнее одну из них, а именно *тезис – антитезис – синтезис*.

Логическому противопоставлению, дуальной системе ответов "да – нет" уже не одно тысячелетие. Гегель, создавая всеобъемлюще-синтетическую философию, считал своим долгом избежать эклектизма, продумать все до основ, подведя под общую конструкцию надежный аналитический фундамент. Для надлежащего осмысления потребовался и новый инструмент исследования, т.е. новая логика. Нет, старая логика не была разрушена, она по-прежнему конституировалась утверждением и отрицанием, ответами *да* и *нет*, на нашем языке отношением с кратностью n = 2. Но Гегель стремился к полноте и завершенности не только философского здания в целом, но и метода мышления, т.е. логики. В результате и родилась названная триада. Почему система трехчленна? – Потому, что она обладает качеством целостности, и потому, что в ее основу заложен принцип отрицания, n = 2. Для того, чтобы связать всю тройку с помощью дуальной операции, был придуман специальный закон – "отрицания отрицания".

Подобная – так называемая диалектическая – логика впоследствии обросла различными казуистическими измышлениями, выхолостившись в марксизме-ленинизме едва не в схоластику. Но вина за это, по-видимому, не на Гегеле. Он же столь глубоко проник в корни дискурсивного мышления, что по сути оказался мостом в следующий, двадцатый, век, в совсем другую, во многом альтернативную интеллектуально-культурную парадигму, но это уже тема следующего раздела.

В скобках отметим, что тройственный логический ритм повторен и в экономической теории Маркса, в хрестоматийных формулах *товар – деньги – товар, деньги – товар – деньги*, в которых на материале оборотных процессов репродуцирован цикл тезиса, антитезиса и синтезиса. Иерархия "производительные силы – производственные отношения – надстройка" – родом из социального раздела доктрины. Современные экономисты

оперируют как само собой разумеющимися такими группами экономических субъектов как *собственник – работник – менеджер, производитель – торговец – потребитель*, всякий раз отталкивающихся от соотнесенности соответствующих пар, порой их противопоставления, подчеркивания противоречий между ними. Этнология XX в., исследуя мифы первобытных племен, обращает внимание не только на их *антиномичность*, но и на воплощенную функцию *медиации*. Даже тогда, когда авторы стремятся оппонировать рационалистическому, "механистическому" духу, им не удается избежать тех же черт, и С.Кьеркегор утверждает, что ищущий истину человек последовательно проходит через *эстетический, этический* и венчающий *религиозный* стили жизни.

Не обходятся без тринитарности и при классификации философских течений. Например, А.Н.Уайтхед видит в философии Нового времени три ведущие парадигмы: *идеализм, материализм, дуализм*. Вот как он пишет об этом: "Она ‹философия Нового времени› колебалась некоторым сложным образом между тремя крайними точками. На одной из них находились дуалисты, выдвигавшие материю и дух на равных, а на других – два типа монистов, одни из которых помещали дух внутрь материи, а другие – материю внутрь духа" [336, с. 113]. Т.е. названная тройка произведена из исходной оппозиции "дуализм – монизм". Марксизм же ставил акцент на дилемме "материя – дух" ("основной вопрос философии"), и тогда пара материализм – идеализм превращалась в тройку за счет разделения идеализма на объективный и субъективный.

Типологические тройки понятий фигурируют в самых разных областях науки, искусства, обыденных представлений. Назовем очередную из них – *три большие человеческие расы*: белая, желтая, черная на повседневном языке; европеоидная, монголоидная, негроидная в антропологических терминах. Читатель, уже смирившийся с прежними тройственными структурами, на сей раз может возмутиться: "Это подмена! Ранее брались действительно *логичные* тройки, подпадающие или способные подпадать под дедуктивную математическую модель, но приведенный пример – явно не тот вариант, это сама эмпирическая реальность! Последняя – эвентуальна, рас могло бы быть сколько угодно – пять, десять, сто, – и чистая случайность, что их оказалось именно три. Никакой логической необходимости здесь не заключено". – Попробуем не спешить.

Во-первых, представление о трех расах сложилось лишь к середине XVIII в., т.е. в контексте уверенно утвердившихся рациональных наук. К тому времени европейцы познакомились

практически со всей обитаемой планетой, и из широкого антропологического разнообразия, включая цвет кожи, которое им довелось увидеть, никак не вытекало, что основных биологических типов действительно три. Чтобы прийти к подобному результату, должен всерьез поработать рассудок, причем рассудок достаточно специфический, соответствующий нормам своей эпохи (о том, что тогда безраздельно господствовала бинарная логика, вероятно, не стоит напоминать). На базе тройственного членения затем возникли более дробные классификации – "дерево" разветвилось.

Во-вторых, ныне три большие человеческие расы выступают на фоне, когда целый ряд антропологов такого деления не признают. В разных версиях позитивистских классификаций человеческих рас различное количество, но всегда значительно больше трех. Т.е. ничего "эмпирически очевидного" в упомянутом членении нет, результат зависит от применяемого аналитического подхода.

Чем же отличается вторая группа ученых от сторонников представления о трех больших расах? – Позитивисты подчеркивают неприятие всего того, что ими именуется "метафизикой". Декларируя верность опытным фактам, они гонят прочь спекуляцию, т.е. любые формы априорного знания и мышления. Такая позиция, в свою очередь, уязвима для критики: она является ничем иным, как *априорной* исследовательской установкой, предметом веры, идеологии. И впоследствии, в их конкретной работе, позитивистам, разумеется, не удается обойтись без рассудка, который всякий раз априорен. Позитивизм стал одним из рафинированно-рациональных критических течений в науке, его исповедуют те, кто получил хорошее образование, набил руку в университетских диспутах, но теперь, исходя из личных и корпоративных вкусов, предпочитает жестко ограничивать компетенцию "объективно-идеалистических", объективно-логических построений. По конкретно другому, но контекстуально сходному поводу А.Н.Уайтхед замечал: "Фактичность есть абстракция, полученная в результате ограничения мышления чисто формальными отношениями, маскирующимися под саму реальность ‹…› А конкретный мир тем временем проскальзывает сквозь ячейки научной сети" [336, с. 352]. Как бы то ни было, позитивистски настроенные антропологи отказываются использовать интуитивное представление об управляемых разумом целостных системах, поэтому представление о трех больших расах ими отвергается.

В нашу задачу не входит вмешиваться в профессиональный спор антропологов, достаточно уяснить, что рассматриваемая

тройка – продукт не опыта как такового, а рассудка. Причем, рассудка, как сказано, специфического, опирающегося на переживание целостности (представленный список рас является по-своему полным) и элементарное противопоставление одной расы другой, n = 2. Мы по-прежнему не вдаемся в вопрос, релевантно ли представление о трех расах, как ранее не ставили подобный вопрос применительно к телу-душе-духу, прошлому-настоящему-будущему, истине-добру-красоте и т.д. Однако мнение о трех расах стало атрибутом общественного сознания и в качестве такового автоматически является реальным. Всякий раз, когда в обыденной речи употребляются слова "белый", "чернокожий", "азиат", по сути осуществляется выбор из вариантов "раз, два, три", в который волей-неволей вкладывается определенная логика. Покров привычки мешает нам это осознать, и данный пример – одна из ярких иллюстраций рационального бессознательного.

Любопытно, что почти в тот же период, когда канонизировалось представление о трех расах, промелькнул и призрак четвертой: краснокожие. На другом краю земли, за океаном, в стране Эльдорадо, оказалось, живут ни на кого не похожие люди. Несмотря на то, что понятие о четвертой расе впоследствии было опровергнуто рядом ученых (индейцы, как выяснилось, – выходцы из Азии, монголоиды), оно сыграло симптоматическую роль в формировании образа Америки, в которой все не так, как везде: где много плодородной земли, где золотом усыпаны обочины дорог, где люди свободны и делают, что хотят, не придерживаясь стандартных норм и законов. В Америке все может быть, в том числе и четвертая раса.

Подобное мнение – о крае, в котором может быть все, что угодно, – существовало еще разве что о Сибири, шире – России, даже у вполне серьезных людей.(31) Оставим за скобками: Америке обычно отводилась роль аксиологически положительного полюса Земли, тогда как Сибири, России – чаще отрицательного,(32) – пока для нас важно, что в этих краях, казалось, привычный разум может быть не пригоден. По Москве бродят медведи, русские сидят у самовара под развесистой клюквой – такие картинки порождал даже просвещенный XIX век. Не только обыватели, но и философы, политологи, до сих пор склонны верить, что в России может происходить черт-те что – от величайших злодейств до непонятных чудес, явно вопреки элементарным законам рассудка. Занятно, что и сами обитатели Америки и России нередко усваивают европейский взгляд на собственные страны: последние исключительно особенны, – и тем самым, вслед за европейцами, уподобляются в данном вопросе

детям и дикарям, полагающим, что реальность, в сущности, необеспеченна и неустойчива, в любой момент может произойти нечто совершенно неожиданное. Самый высокий индекс цитирования в современной России – у строк великого русского поэта, почти не выезжавшего из Германии: "Умом Россию не понять ‹…› У ней особенная стать". Если люди думают о себе, что они – исключение из общих правил, то они и станут, уже являются таковым: ведь подавляющему большинству прочих людей присуще считать себя нормальными, само их сообщество и составляет, определяет эту норму. Данное наблюдение еще пригодится, когда речь пойдет о США и СССР, ибо мнению об "особенности" удалось надолго закрепиться и превратиться, так сказать, в тавтологически верное. Но это материал нижеследующих разделов, в этом же предпочтение отдано обыкновенному здравому смыслу.

Наряду с моделью трех рас, можно привести более частные антропографические модели, важные для общественного сознания соответствующих регионов. Так, США – многонациональное государство, но демографическую ситуацию здесь описывают следующим образом: "Ядро американского населения, понятие "американская нация" составили *три* группы лиц – *английского, ирландского* и *немецкого* происхождения. Их кровь потекла в венах тех, кто стал на американской земле фермерами или миллионерами-предпринимателями, клерками банков или президентами. Сейчас, по статистике, выходцы из каждой из этих групп насчитывают до 50 миллионов, то есть вместе составляют более половины всего населения Америки" [164]. Представление о ведущей роли данных единиц в истории и общественной жизни США успешно функционировало вплоть до последних десятилетий (о схеме, приходящей на смену, см. раздел 1.4.2). В Европе – сходная структурная картина, поскольку основными группами коренных народов здесь считаются *романская, германская* и *славянская*. В Киевской Руси в IX – XII вв. сформировалась единая древнерусская народность, но к XIII – XV вв. на ее основе возникают *русский, украинский* и *белорусский* народы. Великая, Малая и Белая Русь – важнейшие составные части Российской империи, фактор триединства – один из ключевых как для бывшего СССР, так и для складывающегося Евразийского союза (см. раздел 1.4.2).

Не менее любопытен и вопрос о конфессиях. Нет, религий в их существе мы не намерены трогать, ведь сами они идентифицируются помимо рассудка и даже вопреки ему (тертуллианово "верую, ибо абсурдно"). Но в качестве общественных групп, предметов исторической науки и массового

сознания они вполне подчиняются рациональным критериям. Так, общеизвестно, что существуют три основные мировые религии: *христианство, ислам* и *буддизм*. Их называют мировыми не только за распространенность, но и для того, чтобы отличить от предшествующих племенных, подчеркнуть тот факт, что они обращаются ко всем, независимо от национальной принадлежности ("нет ни эллина, ни иудея" ап. Павла). Список полон, базируется на попарном сравнении, поэтому тринитарен.

Практически каждый назовет и главные монотеистические религии: *христанство, ислам, иудаизм*. Такая группа конституируется на основании отличного признака – веры в единого Бога-личность, поэтому разнится по составу с предшествующей. Однако принцип построения тот же, звеньев по-прежнему три.

В свою очередь, христианство представляют как совокупность трех ведущих направлений: *католичество, православие, протестантизм*. Так было не всегда. Разделение двух первых ветвей, схизма, состоялось (условно) в 1054 г., протестантизм же вычленился из католичества в ходе Реформации XVI в. В это время утверждался в правах и светский рассудок. Третья конфессиональная разновидность организационно и догматически наиболее неоднородна, но с третьими элементами так уже бывало не раз. Вероятно, не потребует комментариев, почему исследователи раскладывают культуру цивилизованного Китая на три ключевых религиозно-философских компонента: *конфуцианство, даосизм, буддизм*.

Усилиями В.Гумбольдта и немецких романтиков поднимается волна реабилитации народной культуры (прежде фольклор третировали как низкий, не заслуживающий внимания, и только с XVIII в. к нему обращаются серьезные ученые – И.И.Винкельман, И.Г.Гаман, И.Г.Гердер). Филологи разных стран не только собирают сказания и былины, но и пересказывают их для современных читателей, сознательно адаптируя и вводя в собранный материал систематическое начало.(33) К тому же кругу следует отнести и стилизацию или подражание фольклору. В результате всем с детства знакомы самые различные тройки – три богатыря русских былин: Илья Муромец, Добрыня Никитич, Алеша Попович, – три сына (дочери) сказочного царя, купца, мельника или крестьянина, три дворца: золотой, серебряный, медный, – три дороги ("витязь на распутьи") и т.д.

В "Повести временных лет" [253] сама Русь поставлена перед судьбоносным выбором из трех религий – в тот инициационный период, когда страна воспринимала от Византии не только православие, но и рационально-светские эллинские начала.

Читатель вправе вспомнить и знаменитый роман М.Павича "Хазарский словарь" [242], где художественно-условная, но духовно убедительная Хазария поставлена перед проблемой избрания собственной веры из тех же христианства, ислама, иудаизма.

Вариантов троек не счесть – независимо от того, серьезное или комическое впечатление они теперь производят. В ряду таковых, например, тибетская мифологема "третьего глаза" [267] (34) и пифагорейская классификация живых разумных существ. По свидетельству Ямвлиха, переданному Аристотелем, пифагорейцы хранили в строжайшей тайне следующее разделение: названные существа подразделяются на три вида – бог, человек и существо, подобное Пифагору [347, с. 141]. Тот же Пифагор утверждал, что в жизни есть три пути, разделяющиеся наподобие греческой буквы ипсилон. По одному из них идут добивающиеся славы, по другому – стремящиеся к выгоде, по третьему – те, кто действованию противопоставил созерцание, единственно дающее истинное познание мира и ведущее к праведной жизни (см. [360, с. 484]). Тринитарная формула использовалась и для концептуальной борьбы с янсенистским рационализмом, по крайней мере Паскаль в "Мыслях" настаивает: "Бог Авраама, Исаака, Иакова, а не бог философов" (в данном случае тройка составлена не из понятий, а из библейских образов, вдобавок взятых в их "естественно-хронологической" последовательности – три поколения, – чтобы подчеркнуть "органичность", а не спекулятивную абстрактность системы). Одно из положений римского права – tres faciunt collegium, трое составляют коллегию, т.е. собрание, решения которого могут быть признаны авторитетными.

По сообщению Мэри Бойс, "число "три" было священно для протоиндоиранцев, оно и сейчас является организующим началом во многих обрядах зороастризма и брахманизма" [58, с. 10], "число "три" чрезвычайно важно во всех зороастрийских обрядах и положениях" [там же, с. 64]. Каменные алтари "имели трехступенчатое основание, уравновешивавшееся трехступенчатой же верхушкой" [там же]. Пророк Зороастр был трижды женат, первые жены родили ему трех сыновей и трех дочерей [с. 41]. Загробный суд возглавляет Митра, по обеим сторонам которого восседают Сраоша и Рашну, держащий весы правосудия [с. 37]. Основная триада зороастрийской этики: благая мысль, благое слово, благое дело [с. 42]. Вся жизнь же возникла от одного первоначального растения, животного и человека [с. 29]. (35)

Подобной склонностью отличались и древние китайцы. Например, в гаремы императоров эпохи Ин и Чжоу входили:

первая жена, три вторых жены, девять третьих, двадцать семь четвертых и 81 наложница. Воистину божественный порядок.

О.Нейгебауэр говорит, что древние изображали множества посредством известных небольших групп (таково изображение при помощи пальцев) и что обыкновенно это служит поводом к образованию системы. "Там, где возникает такая систематика, троичность образует почти всегда глубокий водораздел. Обычно это происходит в той форме, что на первых порах троичность воспринимается просто как символ множественности. Красивой иллюстрацией к этому является египетское письмо, в котором для изображения множественного числа первоначально просто повторяли три раза соответствующее иероглифическое изображение. В более позднем письме отсюда получились три черточки (совпадающие с числовым знаком для трех) как детерминатив множественного числа" [224, с. 100]. В той же работе отмечено, что исторически первыми натуральными дробями были 1/2, 1/3, 2/3 и долгое время существовали только они [там же, с. 124]. В Египте процедурам последовательного деления пополам или на три части уделяли особое внимание.

В данном контексте уместно напомнить, что первобытный человек на протяжении тысячелетий умел считать лишь по принципу "раз, два, много", затем с огромным трудом освоив еще одну ступень – "раз, два, три, много". И, кто знает, не дожил ли до сих пор на нашем психологическом дне этот порог, – иначе откуда в нас склонность приписывать тройке черты "всего": "три – это всё, конец"? Впрочем, человек пережил определенную эволюцию, и теперь такое "всё" воспринимается не столь буквально, отражаясь в использованной модели как свойство относительной целостности соответствующих систем.

П.А.Флоренский в "Столпе и утверждении истины" отводит значительное место проблеме троичности, оперируя множеством примеров. "Число три, – пишет Флоренский, – свойственно всему тому, что обладает *относительной самозаключенностью*, – присуще *заключенным в себе* видам бытия" (курсив мой. – *А.С.*), – и добавляет: "Положительно, число три являет себя всюду, как какая-то основная категория жизни и мышления" [345, с.595]. Оставим на совести автора преувеличение из последней реплики, хотя в его эпоху так считали многие (например, Люттих: число три – "самое любимое из всех замечательных чисел" [там же, с. 598]). Но замечание об "относительной самозаключенности", "заключенности в себе" вещей, строение которых описывается числом три, интересно. Проблема целостности пронизывает как лейтмотив всю русскую философию, по крайней мере начиная с Н.Н.Страхова [318], однако наше внимание к ней – в более

специфическом ракурсе. Ведь в использованной модели на системы S наложены условия полноты, замкнутости, шире – целостности, которые являются ничем иным, как математическим парафразом "самозаключенности" П.А.Флоренского. Свойство связности последним специально не оговаривалось, но по существу активно использовалось во всех рассуждениях и примерах. Иная ситуация с кратностью отношений, т.е. с величиной n.

В нашей модели без предварительного условия n = 2 тройственности строения (M = 3) не достигнуть. Мало того, не менее целостным системам, но при другом значении n – в чем предстоит убедиться в следующем разделе – соответствуют и другие M. Да, на практике изменить величину n не так-то легко, для этого требуется коренным образом изменить взгляд на вещи, в известном смысле преобразиться самим. В пределах каждой большой культурной парадигмы кратность n остается *инвариантной*.

Почему П.А.Флоренский, несмотря на свое математическое образование, не обратил внимание на фактор кратности отношений, на то, что она не всегда остается незыблемой? – Вероятно, потому, что был воспитан в традициях классической культуры, для которой мышление в оппозициях (n = 2) не только характерно, но и считалось синонимом правильного мышления вообще. Для эпох-наследниц рационализма и Просвещения не свойственно было также заглядывать и в слишком отдаленное прошлое (когда использовались различные числовые структуры), горизонт за спиной ограничивался главным образом античностью, минуя обычно при этом и "темное" средневековье. И тем более оказался во многом непредставимым девиантный XX век, когда – как мы вскоре увидим – накатился вал иных форм сознания. Тем не менее, опыт П.А.Флоренского представляется исключительно ценным в качестве образца честного и серьезного исследования.

Из копилки П.А.Флоренского можно позаимствовать пример структуры моногамной семьи: *муж, жена, дети*, – в которой третий член, как это часто бывает, является составным.(36) Однако я наотрез отказываюсь следовать за Флоренским к его главной цели – обоснованию Троичности Божества. С.Н.Булгаков, в значительной мере опиравшийся на платонизм и того же Флоренского, в одном из разделов "Трагедии философии" ссылается на образцы триединства, приводившиеся отцами Церкви (корень – ствол – крона дерева, способности человеческой души: ум – воля – память, сознание – познание – желание и др.), отмечает важные и для нас моменты: "Двоица ‹субъект – объект›

не останавливается на двойственности, а ведет к троице" [66, с. 95], – но мы не последуем и за ним. Прежде всего потому, что Троичность Божества, фигурируя в Символе Веры, вряд ли нуждается в каких бы то ни было рациональных обоснованиях. Фидеистический факт Троичности догматически предшествует и логике, и числу. Русский неокантианец А.И.Введенский, выступая с критикой Н.О.Лосского, утверждал: истинность христианского учения доказывается не метафизикой, а верой [71, с. 30 и след.], и замена метафизики логикой, математикой положения дел не меняет.

Культуроведы, впрочем, отыскивают тройки главных божеств у язычников: в Древнем Египте, Вавилоне, Индии. Христианские теологи приводят жизненные примеры, строение которых приблизительно изоморфно Трем Ипостасям, пользуясь, таким образом, приемом индуктивного наведения. Но рассматриваемая дедуктивная модель – несмотря на то, что формально ей очень несложно сработать – в этих случаях не при чем. Когда Б.В.Раушенбах в "Вопросах философии" выступил с репликой, в которой в качестве образца тройственного математического объекта, обладающего качествами "нераздельности и неслиянности", называлась система трех ортов системы координат [272], реакция не заставила себя долго ждать. Потребовались специальное письмо [273] и повторное выступление [274] (с уточнением [275]), чтобы отмежеваться от приписанных намерений *объяснить* отношения между Лицами. И здесь мы вплотную подошли к завершающей настоящий раздел иллюстрации. Поговорим о трехмерности физического пространства.

Представление о том, что у тел есть длина, ширина, высота (вариант: глубина) – родом из праистории. Несомненно, это уже *рациональное* представление, свидетельствующее об определенном уровне абстракции и "исправлении" окружающих предметов. Последние мысленно приводятся к правильной форме прямоугольного параллелепипеда, в то время как природные тела свести к трем размерам обычно нелегко: какова, скажем, длина у угловатого или круглого камня? Таким образом, названная прамодель получена путем не обобщения эмпирических данных, а скорее – отвлечения от них и последующего искусственного конструирования. Оставим историкам и этнологам судить, на каком эволюционном этапе человек приходит к такому результату и как это связано с его ремесленной, архитектурной, религиозной деятельностью: некоторые из украшений, хижины, жертвенники и святилища-храмы, параллелепипедные могилы. С палеолита наблюдается тяга к геометрически правильным

фигурам, в последующие времена она только усиливается. Древние иранцы очерчивали место богослужения в виде *прямоугольника* (проведенные борозды-линии ограждали от действий злых сил [58, с. 13]). В более поздней греческой легенде – см. делосская задача – упоминается *кубический* жертвенник (который и надлежало удвоить во имя спасения от мора). Наши пращуры, однако, не пересчитывали количество упомянутых размеров, не видя в том ни малейшего смысла.

Ситуация радикально меняется в Древней Греции. Платон, следуя за пифагорейцами, приводит список фундаментальных геометрических объектов: точка, линия, поверхность, тело, – и пронумеровывает их от единицы до четырех, см. [103]. С современных позиций, Платон поступил не вполне справедливо, поскольку точка нульмерна и существу дела отвечало бы, если нумерация начиналась с нуля, переходя затем к одномерной линии, двумерной поверхности и, наконец, трехмерному телу. Числа "нуль" греки, впрочем, не знали. Аристотель исправляет "ошибку" Платона, выкинув точку из перечисления и обойдясь-таки цифрами от единицы до трех.

Именно Аристотель ввел само собой разумеющееся теперь деление на роды, виды, подвиды, а также утвердил форму силлогизма: *две посылки*, большая и малая, и *заключение* (еще одна триада). Он любил "тяжелые" обобщения и призывал "принимать саму природу в качестве нашего руководителя, а число три мы берем из природы как один из ее законов". "Величина, делимая одним способом, – это линия, делимая двояко – поверхность, трояко – тело. Других никаких величин нет, потому что три – это всё, и "тремя способами" – то же самое, что "всеми способами"".(37) Или: "Тело ‹…› определяется протяженностью в трех направлениях. Другие величины делимы в одном или двух направлениях" [там же]. Аристотель придерживается строгой бинарной логики (n = 2).(38) Разве дихотомическая "делимость", выбранная им в качестве определяющего критерия, не является одним из конкретных образцов бинарных отношений? Аристотель также апеллирует к интеллигибельной полноте, ко "всему". Но тогда трудно не согласиться, что такое "всё" – это три и "три – это всё", M = 3. Сам великий грек, разумеется, не решал соответствующего уравнения, обходясь интуицией и умозрением. Мы же, экономя усилия и не будучи столь же уверены в безошибочной силе собственного ума, подставляем себе костыли уравнения, отталкиваясь от формальных операций.

О размерности физического пространства в современном значении греки еще не говорили, это удел Нового времени.

Декарт применяет геометрический метод не только к философии, но и к физике; с тех пор метод координат прочно обосновался в последней. Сам Декарт использовал исключительно прямоугольные координаты, поименованные в его честь "декартовыми", вдобавок ограничивался плоской картиной. Но уже с Эйлера система трех координатных осей или ее эквиваленты становятся каноническими при решении всевозможных физических задач.(39) Такую физику обычно называют ньютоновской, или классической; к трижды протяженному пространству теперь и предстоит обратиться.

И.Кант в молодые годы пишет работу "Мысли об истинной оценке живых сил и разбор доказательств, которыми пользовались г-н Лейбниц и другие знатоки механики в этом спорном вопросе, а также некоторые предварительные соображения, касающиеся силы тел вообще", где высказывается предположение: "Трехмерность происходит, по-видимому, оттого, что субстанции в существующем мире действуют друг на друга таким образом, что сила действия обратно пропорциональна квадрату расстояния" [147, с. 71]. То есть вопрос о размерности – похоже, впервые – ставится как проблема, однако путь к ее решению: через эмпирику, – не приводит к убедительному результату. Из предпосылки трехмерности действительно вытекает упомянутая обратная пропорциональность, о чем известно даже студентам, но не обратно: ни из каких частных физических законов, любой их совокупности невозможно вывести столь общее свойство модели как трехмерность.

Уже в XX в. Поль Эренфест в статье "Каким образом в фундаментальных законах физики проявляется то, что пространство имеет три измерения?"(40) перебирает целый ряд физических свидетельств трехмерности, но при этом не обнаруживается ни одного, которое в состоянии исчерпывающе объяснить: пространство трехмерно потому-то и потому-то. Тот же П.Эренфест в книге [389] приводит цитату из "Физического словаря" иезуита Ф.Полиана (1761): "ФИЗИКА. Эта наука имеет предметом тело в его естественном состоянии, т.е. вещество длинное, широкое и глубокое. Рассматривать, может ли Всемогущий отнять у тела его длину, ширину и глубину, – значит желать остановить развитие физики. Мы верим, что Он это может; однако мы, как физики, воздержимся заниматься таким вопросом. Тело, лишенное своих трех измерений и сохранившее только требование протяженности, было бы объектом скорее метафизики, нежели физики" [389, с. 180]. Объяснение физической трехмерности ускользает и от философов, и скажем, Г.Е.Горелик [103], которому мы благодарны за обстоятельный обзор, в конце

концов вынужден, несмотря на предпринятые усилия, оставить проблему открытой.

Не устраивают исследователей и физиологические объяснения. Какие органы чувств ответственны за пространственную ориентацию? – Бинокулярное зрение и стереоскопический слух, вестибюлярный аппарат, включающий три "улитки". Они поставляют согласованную информацию: окружающая реальность – трехмерна, по крайней мере, так мы толкуем. Но разве физики XX в., обратившиеся к моделям с иной размерностью и с успехом применяющие их на практике, – инопланетяне, у которых чувства устроены иначе, чем у остальных?

Если вопрос о трехмерности не принадлежит ни физике, ни философии, ни физиологии, то чьей компетенции он подлежит, какой науки? Как ни странно, оказывается, ничьей, никакой, ни одной из них не удалось отыскать релевантных подходов. Между тем, речь идет о вещи наипростейшей – раз, два, три. В чем же дело? – Здесь вновь придется сослаться на *Предисловие*, на пассажи об элементарном рациональном, пребывающем в плену у бессознательного. Похоже, именно данный фактор заставляет плутать в трех соснах, так как знание о самом простом нередко проваливается сквозь сито современных, или относительно современных, наук, сквозь щели между ними, и без возвращения к элементарному при исследовании качеств общераспространенных моделей не обойтись.

Итак, почему ньютоново пространство трехмерно? Во-первых, оно, как тотальное "вместилище", обнимает собой все физические объекты, явления, и ничто из физического не ускользает от него. Ранее мы обозначали подобное качество эпитетом "полнота". То, что вмещает в себя все остальное, автоматически полно. Во-вторых, физический мир автономен, свободен от влияния любых нефизических факторов. Заведомо такова установка, и сам Ньютон приложил серьезные усилия, чтобы оградить физическую реальность от вмешательства "духов" и избавить науку от суеверий. Для обоснования автономности даже от Бога физики той поры иногда обращались к услугам деизма: да, Господь некогда создал мир, но Его творение настолько совершенно и разумно, что теперь нет ни малейшей необходимости вмешиваться в происходящее. Лаплас, представляя свою космогоническую теорию (модель Канта-Лапласа) Наполеону, восклицает: "В гипотезе Бога не нуждаюсь!" Даже католик А.Полиан, как мы помним, радикально выносит за скобки физики вероятность влияния Бога на пространство.(41) Подобное свойство физической реальности вообще и пространства в

частности на нашем языке называлось логической "замкнутостью". В-третьих, пространство существенно связно, нет ни одного сектора, направления, которые были бы изолированными от других (в том числе: в пространстве отсутствуют "карманы", т.е. зоны, доступные с одних направлений и недоступные с других).

В науке тех лет к исследованию подходили исключительно со "здравой", т.е. бинарной (n = 2), логикой: любое физическое взаимодействие сводится к взаимодействию пар (тел, материальных точек), а более сложные случаи полностью сводятся к обыкновенной – арифметической, алгебраической, векторной – сумме парных взаимодействий (такой подход называется принципом суперпозиции). "Сила – сила" (сила действия равна силе противодействия), "сила – тело" (если на тело действует сила, то оно движется с ускорением),(42) а если тело предоставлено самому себе, с ним не происходит ничего интересного, оно движется без изменений, ни на что не влияя. Будь то закон всемирного тяготения или закон Кулона – всюду в основу положено взаимодействие пар (здесь: массивных или заряженных тел). Классическая физика абсолютно последовательно придерживалась подобной стратегии от начала и до конца, и было бы странно, если бы она вдруг отказалась от нее применительно к самому пространству, его измерениям. Такой отказ означал бы нарушение рационального единства картины, ее эклектизм, т.е. в нашей терминологии – невыполнение требования логической "простоты".

Но тогда разве могло бы пространство оказаться иным, чем трехмерное, M = 3, см. модель? С методологической установкой классической физики отлично согласовывалась и привычная апелляция к опыту – причем, к опыту "здравому", опирающемуся на обыкновенные ощущения: глаза, уши (см. перцептуальные корреляты трехмерности). Это физики XX в. сошли с наезженной колеи и начали ставить сверххитроумные опыты, зачастую применяя к их анализу, так сказать, "странную" логику. Но это уже другая, во многом девиантная эпоха, материал раздела 1.4. Пока же мы в XVIII – XIX вв., на которых и зиждется классика.

Физика тех времен не ставила вопрос о размерности реального пространства, т.к. вопроса в этом, собственно, не было, настолько трехмерность очевидна. Всякое обсуждение просто избыточно, ибо ничего нового не в состоянии принести – мы только что убедились, что все необходимые и достаточные предпосылки трехмерности были без остатка растворены в содержательных физических подходах. Мало того, любое обсуждение проблематизирует, что опасно: под знак вопроса мог

(и, как понятно XX веку, даже должен был) быть поставлен сам фундамент, ракурс взгляда. Это юный Кант чуть было не совершил нетактичности. П.Эренфест вступил в обсуждение, когда не только тронулась река, но встали дыбом и берега.

Классическая модель отличалась предельной последовательностью. Если факт трехмерности вне подозрений, то из него автоматически вытекает все то, что требовала наша модель. Для простоты воспользуемся декартовой системой координат и будем считать элементами оси. Их, соответственно, три, M = 3. Любая пара осей, в свою очередь, определяет координатную плоскость (истина, отлично известная уже Эвклиду: через две пересекающиеся прямые можно провести одну и только одну плоскость). Каждая из координатных плоскостей представляется либо объединением двух осей, либо образована вращением одной в направлении другой – в обоих случаях речь идет о парном отношении осей, или элементов, n = 2. Таких отношений, т.е. координатных плоскостей, тоже три, ср. условие M = k из раздела 1.2. Ход рассуждений абсолютно не изменится, если в качестве элементов выбрать координатные плоскости, тогда каждая из осей – их пересечение, т.е. опять-таки *бинарное* отношение. Таким образом, элементы и отношения в данном случае логически симметричны, взаимозаменимы, и философы могли бы говорить о субстантивации ("институционализации") отношений и десубстантивации элементов. Если, как это нередко делалось, к физической размерности идти через число степеней свободы, то вновь – и поступательных, и вращательных степеней у образцового недеформируемого тела по три. Классическая физика представляла собой грандиозное здание, в котором все архитектурные элементы строго пригнаны друг к другу.

Итак, трехмерность не выступала в классической парадигме в качестве *физического* факта – последний предполагает возможность эмпирической и/или теоретической проверки. Как поставить эксперимент, да и зачем? – Данные чувств и тысячелетние традиции не давали поводов сомневаться. Трехмерность настолько очевидна, что не нуждалась и в теоретическом обосновании. Что, собственно, могло послужить отправной точкой дедукции? Какие-то из физических законов, предметных теорий? – См. выше. Метафизика, скажем, в духе Аристотеля, тоже уже была не в чести. Жена Цезаря вне подозрений, а трехмерность пространства служила не только женой, но и alter ego классической физики. Это в привычку XX века вошло исследование подноготной различных моделей, он стал требовать их верификации и даже выявления их условности. Условным, ограниченным определенными мировоззренческими

рамками оказался и тезис о трехмерности. Вскоре предстоит убедиться: другое значение параметра n приводит к отличной и физической размерности.

Трехмерность физического пространства, не являясь ни физическим, ни физиологическим, ни философским фактом (Е.Кассирер, имея в виду, что пространство не может быть полностью отнесено ни к материальному, ни к идеальному мирам, называл его "логическим ни то, ни сё" [289, с. 44]), представляет собой очень простое общее свойство действовавшей рациональной модели, причем настолько общее, что оно не могло быть обосновано внутри нее самой (только "растворено"). Мы постарались не вдаваться в конкретное содержание понятий физических измерений – это компетенция действительно физиков, – занимаясь более частным вопросом: почему таких измерений в данной парадигме три, а не иное количество. Сходным образом мы поступали и раньше.

Вообще, в физике, включая современную, достаточно много образцов тройственных структур. Ограничимся указанием лишь еще одной из них – деления физической реальности на *макро-, мезо-* и *микромиры*. Каждая из областей отличается неустранимой спецификой и описывается своей группой теорий: макромир – общей теорией относительности, мезомир – ньютоновской физикой, а явления микромира подпадают под компетенцию квантовой механики, теории элементарных частиц и т.д. Бинарный критерий "больше/меньше" ответствен за классификацию в целом.

Рассмотрено множество троек тесно сопряженных друг с другом понятий и образов. Череду примеров можно практически неограниченно продолжать, курсируя по самым различным областям науки, культуры, общественной жизни. Некоторые из них всплывут по ходу дальнейшего изложения, но нашей целью не является энциклопедический свод. Надеюсь, читатель сумел убедиться в работоспособности предложенной модели и, главное, в том, что дистинктивная и синтетическая сила числа в значительной мере ответственна за формирование соответствующих ментальных структур. Всякий раз, когда мы апеллируем к целостности, когда опираемся на бинарную логику, возникает силуэт триады. Каузальная связь столь тесна, что справедливо и обратное: как только встречается какой-либо образец тринитарности, есть серьезные основания полагать, что его подкладкой служит мышление в оппозициях.

Реальный процесс возникновения троек, правда, редко отправляется от полностью осознанной процедуры. Интуиция, обращение к аналогиям обычно играют более важную роль, и

тройки реплицируются "сами собой", друг от друга, демонстрируя транзитивное единство различных конкретных представлений о действительности, с одной стороны, и бессознательность происходящего, с другой. Однако сам выбор трехсоставного модуля – даже если за ним стоит не более чем подражание, – способствует как стяжанию качества целостности, так и имманентной "здравой" логичности (последний фактор часто обнаруживает себя в позднейших интерпретациях).

Триадная форма – один из неотъемлемых элементов культурной традиции, в связи с чем, вероятно, уместно напомнить о механизме, затрагиваемом А.Геленом. В работе "Образ человека в свете современной антропологии" Арнольд Гелен в частности констатирует: "Похоже, что в традиции заключено нечто необходимое для нашего психического (innere) здоровья" Ведь в результате экспериментирования на протяжении долгих времен в традиции поведения, ценностей и значений были заложены основы, которые не должны надолго ставиться под вопрос, которые не вызывают подозрений, поскольку они воплощены в реальных привычках. Кроме того, наше согласие с другими в рамках общих традиций становится действительно бесконфликтным. "Высокая культура, – сказал как-то Ницше, – требует держать многие вещи непроясненными," – она, таким образом, требует традиций, которые не объясняют себя, а просто уважаются в силу ценности вечно неизменного. Это огромное облегчение, когда мы сбрасываем с себя груз нашей склонности различать и принимать решения. И далее: только на основе само-собой-разумеющегося, привычного, неподведомственного критике и контролю можно импровизировать со сложными решениями или даже с полным сознанием ответственности и риска предпринять духовный или моральный эксперимент. Напротив, в нашу пожирающую традиции эпоху мы вынуждены беспрерывно выдумывать, чему покоряться теперь" [424, S. 622-623]. Поэтому Гелен называет традиции основным условием нервного здоровья и считает, что они суть "таблица умножения" культуры.

Если триадность – один из строительных кирпичей культурной традиции, то приведенная цитата интересна и тем, что наводит на дополнительные мотивы попадания рационального в круг бессознательного, те мотивы, которые в *Предисловии* специально не оговаривались. Рациональное – а число три и сопутствующая ему логика, несомненно, являются одним из модусов такового – выводится из-под контроля сознания, во-первых, во имя "экономии мышления" (один раз или многократно нечто хорошо продумав, не обязательно вечно тащить груз дискурса на себе, достаточно просто следовать заданному

образцу), во-вторых, значим психологический фактор – то чувство облегчения, о котором упоминает Гелен. С психологическим тесно связан экзистенциальный: нечто здраво-логичное, интериоризируясь, становится существенным залогом ментальной идентичности человека, позитивно влияя и на его психическое здоровье. Немаловажен и социальный момент: см. согласие между людьми, если они принадлежат одной и той же традиции. Благодаря Гелену удается подчеркнуть эвристическую роль бессознательных логико-числовых структур (пока применительно к триадам, но это справедливо и в отношении других). Отталкиваясь от них как от безусловно-незыблемого, мы получаем возможность совершать скачки в предметно отличные области культуры, предпринимать рискованные интеллектуальные путешествия, не теряя направления, т.к. внутренний компас нам уже не изменит.

Читатель вправе выразить недоумение: если априорная, бессознательная триадическая форма действительно играет столь конструктивную роль, то всё, что было написано от *Предисловия* по сю пору, очевидно деконструктивно, поскольку нацелено в прямо противоположную сторону – числовые структуры деавтоматизируются, автор поднимает полог (если не сказать подол) традиции, раскрывая ее рационально-анатомическую подоплеку. Сокровенное не только просвечивается рентгеном, но вдобавок оказывается условным (зависимым от параметра), тем самым во многом лишаясь своей живой творческой силы. Что движет автором?

Возможно, прежде всего ощущение, что после многовекового хождения в качестве разменной монеты традиция стерлась. Если она еще не полностью утратила свой креативный, живой регулятивный статус, то ее смысл существенно девальвирован, налицо склеротические тромбы. Поэтому без реабилитационной терапии со стороны рассудка не обойтись. Кроме того, к числу традиционных относятся не только тройственные структуры, и в новейший период альтернативы явно наращивают свой удельный вес и значение (это тема следующих разделов). В таком случае полезно обзавестись критерием, позволяющим более-менее однозначно выбирать между различными традиционными установками. Наконец, вполне в привычках нашей эпохи – прибегать к герменевтическому истолкованию, к выведению из тени на свет латентного семантического содержания, а также возводить эмпирическое многообразие структур, в данном случае троек, к единому концептуальному первообразу. Совсем не обязательно во всем соглашаться с теоретиком неоконсерватизма А.Геленом и лелеять традиции за одно только то, что они есть.

Из того, что триады отличаются во многом рационально-бессознательным статусом, вытекает ряд следствий. Пока ограничимся лишь одним из них: *ахроничностью*. Ведь обе составляющие – и элементарно-рациональное ("архаически" рациональное, "вечное"), и бессознательное (пребывающее там же, где мифы, сны, архетипы) – обладают названным свойством. Даже когда мы имеем дело со временем, его ускользающая текучесть преодолевается посредством "схватывания целиком", благодаря чему продуцируются понятия прошлого – настоящего – будущего, Древности – Средневековья – Нового времени и т.д. Подобная черта существенно сказывается на поведении триад.

Во-первых, они обыкновенно претендуют на отражение самой сути постигаемых феноменов " сути "последней", вневременной и/или эсхатологической. Во-вторых, реальное формообразование занимало порой столетия и даже тысячелетия, пока человек, наконец, не приходил к соответствующей тринитарности и к ее обоснованию задним числом. Логическая сила триады в равной мере направлена и в будущее и потому нередко используется в целях антиципации и проектирования. Примеры "третьего пути", "Третьего Рима", "Третьего рейха", идеального государства Платона и синтетического "конца истории" Гегеля – отнюдь не единственные. По крайней мере последнюю гегелевскую идеологему недавно воспроизвела в "Конце истории?" Ф.Фукуяма [352], а С.Хантингтон, за полвека привыкший к дескриптивной модели Запад – Восток – "третий мир", пытается ностальгически воскресить ее и после крушения СССР: сохранив Запад в качестве цивилизационной единицы, он придумывает ему нового противника, исламско-китайского кентавра [357]. Вне- и сверхличная схема живет самостоятельной жизнью, захватывая в плен и продвинутые умы.

Если бы перед нами стояла только редукционистская задача доказать работоспособность применяемой математической модели, указание такого количества прецедентов было бы, вероятно, избыточным. Однако попутно хотелось приступить к решению и обратной задачи – к демонстрации того, что число обладает способностью оперировать качествами: различать их и объединять. И тогда каждый очередной пример привносит новый – надеюсь, небесполезный – оттенок. Как уже отмечалось в разделе 1.1, современная интерпретация числа обычно сосредоточивается на его чисто количественных возможностях и, следовательно, акциденциальных (из того, что сумка весит 3 кг, мало что вытекает; с тем же успехом она могла бы весить 5, 10, 16 кг). Специфическая внутренняя обязательность, экспрессивность числа как формы, гештальта, непосредственно воспринимавшаяся

древними, в Новое время купирована и отдана на откуп паранаукам либо бытовым предрассудкам.

В статье "Судьбы математики в истории познания нового времени" К.А.Свасьян упоминает о двух противоположных тенденциях – пифагорейской и "сциентистской" и о том, что историю математики и других наук принято делить на два периода: догалилеевский (самое позднее, с античности до XVII в.) и после. Постгалилеевская наука элиминирует пифагорейско-платоническую проблематику из круга легальных воззрений. Те традиции, которые развивались "Пифагором, Парменидом и Эмпедоклом через Платона и дальше неоплатоников, Дионисия Ареопагита, Августина, Боэция, Эриугены и еще Экхарта, Кузанца, Фичино, Бруно и уже в самом преддверии нового мира – Кеплера, Бёме, Паскаля, Коменского, Генри Мора и Новалиса, Баадера, Шеллинга и Окена" обращены "рационалистическими наследниками "в шелуху"" [289, с. 41-42]. Воздержимся от вмешательства в философский спор о двух познавательных парадигмах и тем более от того, чтобы встать по одну из сторон баррикады – сциентизм уверенно отражает нападки как демонстрацией достижений, так и горячими отповедями.(43) Поставленные в книге задачи гораздо скромней – найти ту область, где релевантны типологически догалилеевские подходы, тогда как новые, напротив, полностью или полу-бессильны.

Уместно еще раз вспомнить о сказанном в *Предисловии*: не только древний, средневековый, но в своей массе и современный человек изучает элементарную, т.е. "пифагорейскую", математику, а не постгалилеевскую высшую. Последняя внятна лишь специалистам, но и они осваивают ее в сравнительно зрелом возрасте, на базе элементарной. Поэтому когда речь заходит об описании *исторических* социо-культурных феноменов, а также современных массовых, более чем странно применять к ним математический аппарат, а вместе с ним и всю когнитивную установку Нового времени. Это неаутентично, да и просто комично ("не интегрируйте Аристотеля!"). То, что сциентизм поставил "пифагорейски-платоновскую" спекуляцию вне закона, нам только на руку – тем в большей степени она погружается в ту рационально-бессознательную сферу, которая здесь и служит предметом. Именно в этом смысле мы говорим о числе как форме – пока применительно к одному из них, тройке.

На стыке XIX – начала XX вв. Ф.Ф.Зелинский [130], подчеркивая важность Ренессанса ("первого Ренессанса") для романских народов и констатируя, что народы германские прошли через период активного освоения античного наследия позже, лишь в XVIII – XIX вв. ("второй Ренессанс"), высказывал

сожаление, что славяне, в частности Россия, до сих пор не пережили аналогичную инициацию. В связи с чем ставилась задача радикальной эллинизации славянской культуры, образования, результатом которой должно было стать не только духовное возрождение, но и подлинное приобщение к европейской семье. Концепция *третьего*, на сей раз славянского, *Ренессанса* пребывает в скрытой полемике не только с государственническими версиями славянофильства и последующим евразийством (с важной для них идеологемой "Третьего Рима"), но и с западничеством – поскольку за основу европейской идентичности принимался общий античный (прежде всего греческий, т.е. восточно-античный) фундамент. В данном случае интересно не то, что перед нами очередной – по-своему не менее убедительный, чем другие, – вариант спекулятивно-логической тройки, а то, что данная утопия филолога-классика в известном смысле осуществилась. Уже школьная реформа Александра II придала импульс именно в указанном направлении. Школа советская, хотя и отказалась от гимназий, изучения латыни и греческого, но в преподавании точных дисциплин, в первую очередь математики, продолжила и даже приумножила дореволюционные традиции. Образование стало вдобавок всеобщим. Таким образом, если не в собственно гуманитарной, то в логико-математической проекции эллинизация славянского ареала состоялась. Нет нужды напоминать, сколь высокую роль в античной культуре играла сквозная "пифагорейски-платоновская" линия. В следующем разделе у нас появится возможность убедиться, как в эпоху Александра II и особенно в XX веке в российском политическом устройстве, истории и культуре скачкообразно возрастает формообразующая сила числа – по-прежнему "качественного", "догалилеевского", числа как гештальта. Мало того, к настоящему времени наблюдается сближение стихийно складывающихся европейских и евразийских общественно-политических структур.

Постгалилеевская наука, сводившая число к результату измерения или вычисления, способствовала расширению пропасти между естественными и гуманитарными дисциплинами. Ведь последние, не отказываясь от логики, обращаются преимущественно с неизмеряемыми реалиями. Под ошеломительным напором естественных наук гуманитары отдали все права на число, даже на то, которое теми воспринималось как мусор ("шелуха" в словоупотреблении К.А.Свасьяна). Но качественная, логически обязательная грань числа не исчезла, лишь стала неявной, уйдя в тень, растворившись как в гуманитарных, так и в естественнонаучных представлениях.

Подобное "качественное" число не только исторически предшествовало расколу единой когнитивной платформы на механицистскую и органицистскую половины, но и до сих пор, т.е. систематически, пребывает вне этой надуманной партийно-эпистемологической конфронтации. Оно непосредственно связано со здравым смыслом, воображением, не чуждо суггестии и дидактике, а также повседневно-естественному, "живому" разуму. Извлечь его из-под спуда, вернуть отнятое достоинство – пока применительно к числу 3 – и составляло для нас одну из важнейших задач.

И последнее. Как, вероятно, убедился читатель, речь шла о вещах чрезвычайно простых. В дальнейшем от этого также не придется отказываться. "О простом – просто" требовали еще классические греки; об элементарно-математическом по существу уместнее всего говорить на том же самом языке. Поэтому в предложенной модели использовались исключительно тривиальные представления, которые были внятны и древним, и большинству наших современников: числа "раз, два, три", элементарные комбинации. Если непосредственно формулы комбинаторики – продукт Нового времени, то такая "новизна" относится лишь к математической *технике,* соответствующие же операции совершались и тысячелетия назад. Таким образом, и в этом случае нам не пришлось отступать от заявленного "архаического" рационального. Кроме того, в современных школах комбинаторику преподают именно в такой подаче, и в нашем сознании, в рациональном бессознательном она лежит на одной полке с другими разделами элементарной математики.

Строя рациональные модели природных, социальных или культурных явлений, их часто выдают за саму реальность. В этом случае явно или завуалированно фигурирующему в представлении, модели числу приписывается способность организовывать реальность. Порой даже складывается впечатление, что число в состоянии предвосхищать действительные процессы, что кодифицируется в качестве его "мистической" силы. Нет ничего более далекого от фактического положения дел. Те закономерности, которые описываются числом – в частности тройкой – суть несобственная, превращенная форма строгого дискурса, спрессованного в компактный пакет и в дальнейшем транслируемого в подобном "контейнерном" виде. (44) До тех пор, пока мы не отступим от соответствующего рационального представления, от принятого способа размышлений, он, а вместе с ним и число, не теряет своей актуальности как встроенный логический блок.

Следовало бы отметить и другие немаловажные особенности

означенных структур, но методически целесообразнее обратиться к ним несколько позже, когда в нашем распоряжении окажется не только тринитарность и когда новые иллюстрации позволят предметней представить механизм регуляции, игру коллективно-психологических и социально-политических стихий, которые так или иначе опираются на каркас числа.

Примечания

1 Если быть более точным, начало грамматике как научной дисциплине положили софисты в V – IV вв. до н.э. В обучении языковым специальностям грамматика и риторика занимали ведущее место (в свою очередь, искусство речи – предпосылка успеха в общественно-политической жизни). Своей вершины грамматика достигает уже в эллинистическую эпоху. Стоики создают систему и терминологию грамматики, которая благодаря римлянам без существенных изменений дошла до наших дней. Глава Александрийской библиотеки Аристарх Самофракийский (ок. 217 – 145 гг. до н.э.), чье имя стало нарицательным для хорошего критика, занимается исследованием текстов античных авторов (Гомер, Гесиод, Эсхил, Софокл, Аристофан…), системы знаковых обозначений, а также грамматических принципов, которые затем легли в основу всех европейских грамматик. Автором первой греческой грамматики, сыгравшей в филологии ту же роль, что"Начала" Эвклида в геометрии, был ученик Аристарха Дионисий Фракийский, собравший воедино все накопленные к тому времени результаты исследований. Его грамматика служила учебником вплоть до эпохи Возрождения. В Риме начало научной грамматике положил Кратес из Маллоса (он прибыл в Рим в 169 г. до н.э. и читал лекции о проблемах грамматики). Первую основополагающую книгу по грамматике латинского языка составил крупнейший римский филолог, историк, философ, энциклопедист Марк Теренций Варрон [169, с. 256-257]. Реммию Палемону (первая половина I в.) принадлежит первый учебник латинской грамматики (в настоящее время утрачен), см. [296].

2 Imperfekt – простое прошедшее; Plusquamperfekt – предпрошедшее, для событий, которые произошли еще раньше; Perfekt – совершенное время.

3 Русские глаголы, заметим в скобках, зависят не только от времени, но и от вида: совершенного или несовершенного

(пришел – приходил), – т.е. вторая ступень латентно присутствует и в русской грамматике.

4 Soars L amp; J. New Headway. Upper-Intermediate. Oxford University Press.1998. P. 8.

5 Или используется образная сила традиции, но в детали нецелесообразно вдаваться.

6 Определенный артикль и исторически произошел от названных указательных местоимений [422, S. 332].

7 В немецком, в отличие от английского, артикли делятся и по родам.

8 Такой неологизм использован при переводе одного из стихотворений Верлена; если не нравится, возьмите фразу "Моросит ".

9 Согласно же греческой мифологии, три брата: Зевс, Посейдон и Аид, – разделили между собой вселенную, став повелителями соответственно земли, моря и подземного царства.

10 Что было нужно им как в религиозных, так и в практических целях: для предсказания небесных явлений, прогнозов о разливах рек, ведения календаря…

11 Так иногда называют тех, кто, переосмысливая Платона, настаивал на существовании врожденных идей и ставил логику, разум во главу угла во всех последующих построениях.

12 Греция, как и другие традиционные культуры, еще не придерживалась современной щепетильности в вопросе об авторстве, и происхождение многих истин возводилось к уже признанным авторитетам (тем самым повышался авторитет этих истин). Поэтому теорему о √2 нередко приписывали Пифагору; по сообщению Прокла: "Он же открыл теорию иррациональных и конструкцию космических фигур (= правильных многогранников)" [347, с. 141].

13 Первым теоремы о √3, √5, √7 доказал, по-видимому, Тететус – см., например, "Исповедь математика" Г.Харди [358]. Там же приведено доказательство о √2 ; эта теорема занесена Г.Харди в список первокласснейших.

14 Обозначением π впервые воспользовался английский математик У.Джонсон (1706), оно стало общепринятым после одной из работ Л.Эйлера 1736 г. [199, с. 307]. Уже тот факт, что некоторое постоянное и считающееся известным число записывается не цифрами и знаками математических операций, а посредством условной буквы, о многом свидетельствовал.

15 Одна из красивых легенд гласит: на острове Делос разразился губительный мор (по некоторым версиям: чума), и оракул, чтобы остановить смерть, посоветовал увеличить объем кубического жертвенника вдвое, не нарушая его формы. Несмотря

на видимую простоту, задача оказалась сложнее загадки Сфинкса, с которой Эдипу все-таки удалось справиться. На протяжении веков математики бились с этой задачей, пока П.Ванцель в 1837 г. не доказал, что с помощью циркуля и линейки она в принципе не решаема. Впрочем, Менехм в IV в. до н.э. решил ее с помощью конических сечений. Математики любят рассказывать эту историю, см. [13, 171, 172].

16 Аналогично, согласно психологии Аристотеля, различаются три части души в соответствии с тремя главными особенностями живых существ: растительная (питающаяся), ощущающая (чувственная) и мыслящая. С такой точкой зрения солидарен и Фома Аквинский, поскольку форма человека, т.е. душа, включает в себя три способности: вегетативную (подобно растениям), сенситивную (подобно животным) и интеллектуальную (роднящую человека с высшими существами), см., напр., [34, с. 158].

17 О философии права можно почитать, например, у С.В.Лёзова [180], Ю.С.Пивоварова [249].

18 По крайней мере, если верить приписываемому то У.Черчиллю, то Б.Шоу афоризму: "Демократия – самая ужасная форма правления, если не считать всех остальных".

19 Основоположником идейно-политической доктрины либерализма считается Дж.Локк (1632 – 1704).

20 В распространенном таксономическом варианте последнее звено выступает под именем своего наиболее крупного представителя – социализма, что, впрочем, не влияет на логику.

21 См. также набор стандартных вариантов при голосованиях: "за", "против", "воздержался".

22 Об этапах превращения истории в науку говорится, в частности, в "Очерках науки и философии" А.Н.Уайтхеда [336, с. 350-351].

23 Воспользуемся словами Филофея, приведенными в "Очерках по истории русской культуры" П.Милюкова: "Церковь старого Рима пала неверием аполинариевой ереси", – пишет Филофей Ивану III, – "второго же Рима – константинопольскую церковь иссекли секирами агаряне. Сия же ныне третьего нового Рима – державного твоего царствия – святая соборная апостольская церковь – во всей поднебесной паче солнца светится. И да ведает твоя держава, благочестивый царь, что все царства православной христианской веры сошлись в твое единое царство: один ты во всей поднебесной христианам царь: Блюди же и внемли, благочестивый царь, что все христианские царства сошлись в твое единое, что два Рима пали, а третий стоит, а четвертому не быть; твое христианское царство уже иным не

достанется". "Таким образом, русский царь должен был соблюсти единственный, сохранившийся во всем мире, остаток истинного православия – нерушимым до второго пришествия Христова", – подводит итог П.Милюков [206, с. 23].

24 При обосновании не сбрасывалось со счетов, что в жилах русских князей текла немалая часть крови византийских династий, в частности, племянница последнего византийского императора Константина XI, Зоя, была женой Ивана III.

25 См., например, одну из свежих публикаций ""Вторая Европа" или "Третий Рим"?" А.С.Панарина в "Вопросах философии" [243].

26 Названную склонность демонстрировали, конечно, не только национал-социалисты: "свобода, равенство, братство" масонов и Великой французской революции или выклики и лозунги типа "мир, труд, май" в СССР.

27 Ср.: Ксенократ, Прокл, Пселл уподобляли Божество равностороннему треугольнику [230:I, с. 466].

28 Впрочем, тогда красота играла не вполне самостоятельную роль, выступая совместно с добром под общей шапкой "калокагатии" (virtu или virtus – ренессансный аналог). Об отсутствии четкой границы между красотой и моральностью свидетельствовало и то, что прекрасное лицо могло считаться признаком прекрасной души. "Добродетель", "благо" – корреляты подобного синкретического понятия.

29 Свойство открытости, принципиальной "незавершенности" художественного текста – наряду с подчеркнутым нарушением вышеупомянутого правила трех единств – не очень согласуется, конечно, с качествами полноты, замкнутости, присущим системам изучаемого нами типа. В ту эпоху открытый текст был революционным, призванным взорвать бастион классицизма. Однако впоследствии – уже во втором и третьем поколениях немецких романтиков – целостность, связность и завершенность возвращаются в художественное произведение, но уже на новой почве. Сложились новые нормы, против которых пришлось бороться последующим литераторам.

30 Композиция "Философской пропедевтики" также опирается на сквозную тройственность [91].

31 Например, Гуннер Бруберг из Лундского университета рассказывает в одном из докладов поучительную историю о том, что в XVIII в. на Оби были как будто найдены ископаемые останки неизвестного огромного зверя с длинными клыками и когтями. Сообщение об этом вызвало активную полемику среди ученых-натуралистов, продолжавшуюся десять лет, делались доклады, составлялись трактаты, велась оживленная переписка. Многие

считали, что зверь – нечто среднее между моржом и бегемотом, другие – что он тот самый Кит из Книги Иова. Эта история "послужила примером того, что от Сибири ожидали чего угодно, как будто бы там отменялись законы природы", – подводит итог Г.Бруберг [64, с. 31].

32 Разумеется, не всегда. Русский Ф.М.Достоевский, устами Свидригайлова, использует эзоповское выражение "уехал в Америку" по отношению к смерти, самоубийству.

33 По аналогичному поводу еще Геродот отмечал: богов грекам сотворили Гомер и Гесиод [169, с. 36].

34 Парный орган обычного зрения здесь, очевидно, интерпретирован в духе 1 = 2, и значит, должен существовать, хотя бы в потенции, еще один глаз – орган прямого усмотрения "последних" истин. (Один из рецензентов отреагировал на настоящую сноску критически: если 1 = 2, то почему тогда нет "третьей руки", "третьего уха"и – восходя к сарказму – "третьего яйца"? Не слишком ли увлекся автор условностью, тогда как представление о "третьем глазе" имеет твердое основание – в наличии соответствующей чакры? – К экспертам по чакрам я не принадлежу, зато абсолютно уверен, что если бы у творцов мифологем возникла потребность осмыслить совокупность рук в качестве целостной и законченной, то без "третьей руки" обойтись бы не удалось. Две руки необходимы для достижения высот искусности в ремесле, но, мол, существуют Мастера, сверхзатейливые произведения которых с помощью только двух рук создать невозможно. Они и пользовались "третьей рукой", понимаемой уже не столько физически, сколько духовно: как напряжение всей воли и сил, как призвание Провидения или непосредственное участие Бога. Аналогично, в итоге упорных упражнений на развитие слуха у наиболее продвинутых индивидов рождается фигуральное "третье ухо", позволяющее улавливать звуки роста травы, движений человеческой души, слышать музыку небесных сфер и – как предел – внимать дыханию и словам самого Господа Бога. "Третье яйцо" может потребоваться для немыслимых эротических подвигов, зачатия сверхчеловека, небожителя. Для нас в таких случаях важен логический каркас (холистичность и 1 = 2), т.е. технология, на основе которой продуцирование мифологем, подобных "третьему глазу", может быть поставлено на поток.)

35 У читателя есть возможность сравнить с тремя частями души по Платону: растительной, вожделеющей, разумной, – или со школьным делением живого мира на растения, животных и человека.

36 Один из рецензентов счел долгом заметить, что если бы

схема моногамной семьи последовательно подчинялась разрабатываемой модели, то и детей должно было бы быть обязательно трое (ср. рис. 1-1, 1-4, 1-5), однако в действительности их может быть один, два, десять, ни одного. На наш взгляд, критика основана на недоразумении. Членение третьего элемента на три составляющих возникает исключительно там, где выполнены все необходимые условия из раздела 1.2, а именно условия целостности и логичности. В реальной жизни на совокупность детей эти требования не налагаются, поэтому их количество имеет право быть в самом деле любым. Ситуация в корне меняется, когда присутствует намерение представить ее как типологически значимую, и у сказочного царя с царицей тогда оказываются именно три дочери или сына.

37 Аристотель. О небе. 268 a, b. См. [25].

38 Собственно, как раз Аристотель наиболее полно и четко сформулировал ее законы, и до сих пор как синоним бинарной логики используется дефиниция "аристотелева".

39 Если требуется большая историческая точность, методом координат – при изучении конических сечений – пользовался еще Аполлоний во II в. до н.э. [87, с. 271]. К исследованию различных линий на плоскости данный метод применен в 1630-х гг. Ферма (1601 – 1655) и Декартом (1596 – 1650). Лизье (1323 – 1382) в "Latitudines Formatum" впервые на Западе использует абциссу и ординату для описания функций. Систематическое развитие метода координат в пространстве дано Эйлером в 1748 г.

40 Ehrenfest P. Proc. Amsterdam acad., 1917, vol. 20; см. републикацию в [103].

41 Еще Аверроэс, придерживавшийся идеи совечности бытия Бога и бытия материи, ограничивал компетенцию Бога лишь сопредельными, ближними к Нему, сферами. Вселенная же развивается по своим, никому не подвластным законам, и миропорядок – имманентное структуро- и формообразующее дело самой материи, см. [264, с. 155-156].

42 Источником и объектом приложения всех сил являются материальные объекты, сила – не более, чем мерило их взаимодействия. Говоря о парности, вполне можно обойтись без понятия силы, но в подробности вряд ли стоит вдаваться.

43 См., например, Р.Фейнман: "Они вечно топчутся на обочинах науки, все время порываясь сообщить нам что-то, но они никогда не понимали всей глубины и сложности наших проблем".

44 Ср. с мнением Николая Кузанского: "Число есть не что иное как развернутый рассудок. Можно признать, что число

является началом тех вещей, которых касается рассудок" [230:I, с. 190].

1.4. Кватерниорные структуры

1.4.1. Предварительный список примеров

Вернемся к теоретической модели, а именно к уравнению (5) раздела 1.2. Выпишем это уравнение заново:

$$M = M! / (M – n)! n!$$

(5)

По-прежнему рассматриваются целостные (полные, замкнутые, связные) и простые системы, т.е. системы класса S, состоящие из M элементов, но в величину кратности отношений n на сей раз внесем изменения. Пусть теперь имеются в виду не прежние бинарные ($n = 2$), а тринитарные отношения: $n = 3$. Как это достигается на практике, позднее увидим на конкретных примерах, пока же займемся чисто формальным аспектом. Каким станет количество элементов M, если кратность отношений $n = 3$? Подставим последнее значение в уравнение (5):

$$M = M! / (M – 3)! 3!$$

Раскрыв значения факториалов в правой части, получим:

$$M = 1·2· 3·…·(M – 3)(M – 2)(M – 1)M / 1·2· 3·…·(M – 3)·1· 2· 3$$

После сокращения одинаковых сомножителей в числителе и знаменателе:

$$M = M(M – 1)(M – 2) / 6$$

(6)

В правой и левой частях уравнения стоят одинаковые сомножители M. Если количество элементов M было бы бесконечно большим, правая и левая части уравнения тоже были бы бесконечно большими, т.е. равенство соблюдалось бы. Но о таком странном случае $M = \infty$ (M равно бесконечности); и о том, есть ли у него вообще какой-нибудь смысл, мы поговорим в разделе 1.5. Пока же будем искать решения среди конечного числа составных элементов, тем более, что алгебра, как и логика, не любят иметь дело с актуальными бесконечностями.

Если бы в системе совсем не было элементов, т.е. $M = 0$, то правая и левая части уравнения также обратились бы в нуль, и

следовательно, их равенство было бы обеспечено. Значит, M = 0 входит в состав конечных решений. Но это опять-таки странный случай: какую систему мы изучаем, если элементы отсутствуют? Поэтому и нулевой вариант будет рассмотрен значительно позже.

Физики, наделенные острым чувством реальности и мыслящие не только строго, но и трезво, встречая среди решений какого-нибудь своего уравнения бесконечности и нули, обычно их тут же отбрасывают. О таких случаях говорят: *не имеет физического смысла*, – или именуют нулевое решение *тривиальным*, не несущим полезной информации. Сплошь да рядом так поступают и математики.

Пока у нас нет серьезных оснований отличаться от физиков и математиков, поэтому системы с бесконечным и нулевым количеством элементов и отодвинуты в сторону. Из осторожности все же воздержимся называть такие системы не имеющими реального смысла или тривиальными: быть может, в обществе и культуре найдутся соответствующие прототипы. Но в любом случае оставим их на потом и поищем другие, менее экзотические, решения.

Если величина M конечна и отлична от нуля, у нас есть право ее сократить, поскольку она стоит как сомножитель в обеих частях уравнения:

$$(M - 1)(M - 2) = 6.$$

Это квадратное алгебраическое уравнение, и чтобы найти корни, нужно раскрыть скобки и привести все к стандартному школьному виду:

$$M2 - 3M - 4 = 0.$$

Уравнению удовлетворяют два значения:

$$M = 4$$
$$M = -1$$
(7)
(8)

Второй корень (M = – 1) выглядит настораживающе и, вроде, противоречит здравому смыслу: может ли реальная система состоять из минус одного элемента? Пока оставим его в покое. Решение же M = 4 смотрится вполне респектабельно, за него стоит ухватиться покрепче. Но прежде еще одно математическое замечание.

Уравнение (5) может быть решено в общем виде, пригодном для любых величин n (нас интересуют прежде всего целые неотрицательные). Подробности вынесены в *Приложение 1.2*, здесь же

приведем окончательный результат. Осуществляя поиск среди действительных и конечных значений M, приходится различать две главных разновидности систем S: с четной и нечетной кратностью отношений n.

Если n – *четное*, то существуют только два общих решения:

$$M = 0$$
$$M = n + 1.$$
(9)

Если n – *нечетное*, то общих решений – три:

$$M = 0$$
$$M = -1$$
$$M = n + 1$$
(10)

Вариант M = 0 сопутствует всем возможным (целым неотрицательным) n,(1) в этом смысле его можно считать *"универсальным"* решением. Мы видели, что оно встречалось и при n = 2, и при n = 3, но пока мы его отодвинули в сторону по соображениям "тривиальности".

Решение M = – 1 фигурирует только при *нечетных* n (но при этом всех нечетных), и поэтому ему возможно присвоить эпитет *"полууниверсального"*. Но и его оставим до поры вне обсуждения из-за трудностей с интерпретацией.

Зато общее решение M = n + 1 в самом деле похоже на правду. Во-первых, системы S с бинарными отношениями (n = 2), как удалось убедиться в предыдущем разделе, обладают тройственной структурой (M = 3), т.е. условие M = n + 1 выполнено. Во-вторых, системы того же класса с тринитарными отношениями (n = 3) подразумевают кватерниорность, или тетрарность, строения: M = 4, см. решение (7), – т.е. условие M = n + 1 тоже выполнено. Наконец, в-третьих, при целых n и количество элементов M всегда оказывается целым, тем самым удовлетворяя чувству реальности (что такое нецелое, например дробное, число элементов в системе, трудно представить). Теперь попробуем посмотреть, как парадигма n = 3, M = 4 реализуется на практике.

Начнем с релятивистской модели физического пространства. Последнее, как известно, четырехмерно, и его часто называют пространством-временем. Учитывая, что четвертое, "хронологическое" измерение (соответствующая координата записывается как $i\ c\ t$, где t – текущее время, c - вещественная постоянная, i – мнимая единица) казалось и до сих пор многим кажется необычным, для записи размерности такой физической

модели нередко используют форму 3 + 1, говоря о 3 + 1- мерном пространстве-времени. Хотя теория относительности исторически не первой, конечно, выдвинула образец семантически кватерниорных структур, удобнее начать именно с нее: о ней все наслышаны, да и логика в ней достаточно четко артикулирована.

Упомянутая физическая модель – так же, как и классическая, – демонстрирует собственную целостность. Это *научная, физическая* модель, и остается в силе все сказанное в разделе 1.3 о предпосылках научности как таковой, об априорной установке физика (теоретика или экспериментатора). Свойства полноты, замкнутости, связности неотъемлемы от всякой настоящей теории, они предшествуют созданию конкретной модели, являясь, если угодно, ее догмой. Релятивистский образ пространства по-прежнему логически полон, замкнут и связен, в нем нет места вторжению иных, нефизических по сути реальностей. Причины всех физических событий – в самом физическом мире, только такими могут быть объяснения физика, исключительно в этом направлении он проводит поиск.

Какая же кратность отношений заложена в релятивистской модели? – Перед ответом на данный вопрос – несколько слов об эпистемологической установке.

Среди важнейших источников своей теории Эйнштейн не раз называл труды австрийского физика и философа, одного из основателей эмпириокритицизма Эрнста Маха.(2) Этот мыслитель, анализируя предпосылки физического опыта и теорий, пришел к выводу о принципиальном участии в них человека. Нам не дано знать, как устроен мир без нас или помимо нас. Нет, Мах не настаивал на абсурдной мысли, будто вне нас ничего не существует. Вопрос об "объективности" и "субъективности" был вынесен за скобки, и Мах интересовался *знанием* о реальности. Обойтись без понятия субъекта в отдельности ("Я") и без понятия вещи (или объекта), использовав вместо них контаминированные "ощущения" (сам Мах называл их "элементами") в качестве единственно фундаментальной реальности, – такова, вкратце, была идея.(3)

Начиналась революция в философии, и вскоре целый ряд перворазрядных мыслителей выдвинул концепции, краеугольным камнем которых оказались понятия, так или иначе напоминающие "опыт", "комплекс ощущений", "элементы" эмпириокритицизма. "Событие" неокантианцев, "жизнь" или "жизненный порыв" Бергсона, "феномен" Гуссерля, "экзистенция" Хайдеггера и т.д. аналогично фундировали "субъект-объектные" реалии. К этому вопросу еще предстоит возвращаться, пока же ограничимся Махом, тем более и по времени, и по фактам именно

он – предшественник Эйнштейна.

Если Мах прав, то как должен поступать добросовестный физик-теоретик? Последний по-прежнему хочет мыслить логично и просто, он вдобавок прошел отличную школу классической физики. Значит, для него само собой разумеется, что физическую реальность надлежит раскладывать на простейшие пары соответствующих компонентов (переход к более сложным случаям – посредством принципа суперпозиции, т.е. обычного наложения). Однако после Маха это представляется уже недостаточным: теория говорит не о самой реальности, а о нашем *знании* о реальности. Можно ли учесть указанное обстоятельство в самой теории? Оказалось, возможно, и Эйнштейн вводит особым образом конституированного *наблюдателя*, тесно связанного с системой отсчета, внутрь своей "критической" теории, корректирующей классическую. Отныне физическая модель предполагает выяснение взаимодействий уже не пар логических элементов, как прежде, а троек, т.е. величина n приобретает значение, равное трем, $n = 3$. Отсюда, как установлено, непосредственно вытекает $M = 4$.

Конечно, я далек от утверждения, что именно таким был ход мысли Эйнштейна: дедуктивно от философии к физике. Даже точно известно, конкретно он был иным. Ведь хотя мы и имеем здесь дело с рациональным фактом (размерность физического пространства – натуральное число), его предпосылки по-прежнему оставались в значительной мере за порогом сознания и раскрывались скорее с помощью интуиции. Кроме того, никакую физическую теорию невозможно напрямую дедуцировать из какой бы то ни было философии: физика по-своему самодостаточна. В частности, Мах не мог подсказать, *как именно* следует вписать названного наблюдателя (если бы мог, речь шла бы о нем, а не об Эйнштейне), а в этом и состояло зерно новой физической модели. Поэтому сказанное выше – не что иное, как реконструкция, сведенная до "сухого остатка", до "эссенциальной свертки", ибо главный интерес нашего текста – не релятивистская теория и не физика вообще, а только числа, их роль в культуре, одним из секторов которой служит наука.

Момент бессознательности оказался существенным и в настоящем случае. Эйнштейн отталкивался, как от непреложного, от факта трехмерности обычного классического пространства, не задаваясь "излишним" (см. раздел 1.3) вопросом, почему его, собственно, следует считать трехмерным. Четырехмерность же вытекала автоматически за счет "сращивания" пространственных и временных характеристик в процессе идеализированного измерения, осуществляемого модельным наблюдателем. В конце

концов предпосылки четырехмерности оставались неясными самому Эйнштейну, см. его запись: "Объяснить, почему континуум очевидным образом ограничен четырьмя измерениями" [386, с. 872]. Но то, что размерность новой физической реальности на единицу больше, чем у прежней, было уверенно констатировано.

Как бы там ни было, "третий элемент" (в дополнение к стандартным для классической физики логически одновременно взаимодействующим парам) – наблюдатель со связанной с ним системой отсчета – занял законное место в этой канонизированной теории. Почти сразу вслед возникшая квантовая механика выдвинула сходное понятие – *экспериментатор*, принципиальное участие которого должно учитываться при анализе опыта и в теории. Конкретно экспериментатор, конечно, не совпадает с наблюдателем (квантовая и релятивистская механики – разные ветви, с разным фундаментом), но и он выступает в роли соответствующего "третьего" в каждом отдельном физическом акте, о котором мы хотим знать. Известный физик и философ К.Ф.Вайцзеккер приводит слова Гейзенберга: "Разрыв между субъектом и объектом в квантовой теории более невозможен" [70, с.118], – скептически оценивает старую физическую установку: "Объективность классической физики – что-то вроде полуправды" [там же], – и в свою очередь сославшись на "элементы", "ощущения" Маха [с. 119], добавляет: "Знание, действительно, более фундаментальное понятие, чем материя" [с. 123]. Е.Вигнер приводит сходные мнения фон Неймана и того же Гейзенберга: "Понятие объективной реальности , таким образом, испарилось, превратилось в прозрачную ясность математики, описывающей не столько поведение элементарных частиц, сколько уровень наших знаний об этом поведении" [73, с. 162]. Аналогично и философы, представители science of science уверенно отмечают ту же особенность физики XX века, говоря о проникновении тринитарности в логику, о ее тринитарно-бинарном, или бинарно-тринитарном, характере.

Интродукция субъекта в теорию присуща и так называемому антропному принципу последних десятилетий. Физическая реальность, насколько она в состоянии нам открыться, такова, чтобы мы могли ее познать, предварительным условием чего является само существование человека. Физический мир, значит, устроен так, чтобы в нем мог зародиться и пребывать его венец, человек; такая установка используется даже для определения величин фундаментальных констант.

Как и в большинстве феноменов авангардистской культуры, в

новейшей физике вообще и в теории относительности в частности происходит воскрешение генетически архаических черт. К таковым принадлежит, например, упомянутое сближение объекта с субъектом. Культурологи не раз отмечали эту особенность: первобытный, античный, средневековый человек часто не в состоянии отделить действительную ("объективную") реальность от продукта своего ума и/или воображения, подменяя одно другим,(4) – в Новейшее время субъект, его точка зрения вновь включаются в построение концептуальной картины. Родом из архаической старины и смешение пространства со временем: расстояние между двумя точками (городами, деревнями) было издавна принято измерять в днях пути, а не в "объективных" километрах или милях. Резонность поговорки "новое – хорошо забытое старое" подтверждается и в настоящем случае, хотя старое, конечно, никогда не возвращается точно в том виде, каким было прежде.

Но обсуждение релятивистской теории еще не закончено. В списке трех взаимодействующих в ней основных элементов – двух мировых точек и наблюдателя (системы отсчета) – последний пребывает несколько особняком. Мировые точки кажутся "настоящими", "объективными" физическими объектами, подобными геометрическим или материальным точкам классической физики, а наблюдатель – "сомнительным", непривычным. Впрочем, мы уже сталкивались со сходными прецедентами "обособления" в предыдущем разделе, просто не заостряли на нем внимания. Вспомним: третье грамматическое лицо на фоне первого и второго; настоящее время ("мгновение") по сравнению с протяженными, полубесконечными прошлым и будущим; в тройке монотеистических религий (христианство – ислам – иудаизм) две первые – мировые, тогда как третья – племенная; в тройке религий мировых (христианство – ислам – буддизм) две первые, соответственно, монотеистические, а третья – политеистична. Два из трех сыновей Ноя: Сим и Хам, – помещены в центр ветхозаветной оппозиции "праведность-неправедность", дают начало народам Ближнего Востока, третий же, Иафет, в данном отношении "отстранен". Для таких ситуаций, когда один из трех элементов несколько дистанцирован, "отгорожен" от двух других, допустимо использовать запись 2 + 1.

В релятивистской теории подобной структурой обладают сами логические отношения, т.е. n = 2 + 1. Любопытно, что упомянутая внутренняя семантическая ступенька не "смазывается" до конца: среди четырех измерений пространства-времени одно из них пребывает, как сказано, чуть особняком: M

= 3 + 1. Это "дополнительное" измерение и вызывает наибольшие сложности в восприятии у людей, привыкших мыслить классически, исходя из того, что они называют здравым смыслом (хотя и ньютовская физика зиждется на искусственной познавательной установке, требующей существенного отвлечения от бытового повседневного опыта, во многом даже противоречащей ему. Куда более "здравомысленной" в этом плане была физика Аристотеля. Однако и физики, и масса выпускников средних школ за столетия привыкли к классическому подходу, он трансформировал былой здравый смысл. Ничуть не менее "здравым", однако, является и релятивистский подход, подпитываемый, в чем вскоре предстоит убедиться, множеством смежных и при этом вполне привычных представлений).

Как и в случае классического трехмерного пространства, нам не удастся указать ни точное время, ни единственного автора специальной теории относительности. После М.Борна [60] стало традицией называть четырех главных авторов: Лоренца, Пуанкаре, Эйнштейна, Минковского. Первые два, пребывая у истоков теории, впоследствии отстаивали ее "номиналистическое" толкование (четырехмерность и все эффекты наподобие сокращений времени и расстояний – лишь удобный расчетный прием).(5) Последние два настаивали на "реализме": физический континуум *действительно* четырехмерен. В нашем контексте нет нужды вмешиваться в мировоззренческую дискуссию. Да, разница между 3 и 4, разумеется, принципиальна, но мы предпочитаем использовать настоящие цифры лишь для индексации двух разных внутренне обязательных парадигм. Специальная теория относительности вскоре была дополнена общей, использующей аналогичную четырехмерность, а также соответствующей космологией.

Все наслышаны не только о революции в физике, которую, по мнению публики, начал Эйнштейн, но и о конфликтности ее протекания. Именно по данному поводу Эйнштейн позже проговорил: "Это драма, драма идей". Но к родовым недостаткам нашего логико-культурологического метода относится его принципиальное "равнодушие": мы и раньше не особо вдавались в бурление страстей, в чувства и судьбы людей, отдавая предпочтение голым цифрам, этой линии намерены придерживаться и впредь. Тринитарная логика и, следовательно, кватерниорность (M = 4) поддерживались плеядой замечательных ученых, последовательно занимали командные плацдармы – не будем вдаваться в нюансы атрибуции, ведь цифрам безразлично, кто их выдумал, они всегда плод *коллективной* работы.

Попутно отметим, что релятивистская теория (сращивание синхронических и диахронических характеристик реальности) оказала влияние и на гуманитарные дисциплины: литературоведение, см. понятие *хронотопа* у М.М.Бахтина [96], политологию – понятие *хронополитии*, см., напр., [139].

Аналогично "расширению" пространства (переходу от трех- к 3+1-мерности) физика поступила и с традиционно трехзвенным списком агрегатных состояний вещества: твердого, жидкого, газообразного,(6) – дополненного в XX в. еще одной, "маргинальной" фазой – плазмой. Система агрегатных форм приобрела с тех пор новый канонический вид:

твердое тело – жидкость – газ ¦ плазма.

Мы и в дальнейшем будем использовать значок разделительной линии ¦ для выражения известной семантической обособленности одной подгруппы от другой. Как и в предыдущем физическом примере, не все ученые принимают новацию о четвертом звене.

Сходные структурные тенденции не обошли стороной и квантовую механику. По крайней мере современные теории поля, элементарных частиц, космогонические теории утверждают наличие *четырех* типов фундаментальных физических сил, или взаимодействий: *сильного, электромагнитного, слабого* и *гравитационного*. Если первые три относятся к специфически квантовым и так или иначе поддаются концептуальному объединению, то последнее подпадает под разряд релятивистского, ибо не только проходит по ведомству общей теории относительности, но и ожесточенно сопротивляется осмыслению с помощью квантовомеханических методов. Полный список демонстрирует знакомую логическую структуру:

сильное – электромагнитное – слабое ¦ гравитационное.

На этом прервем экскурс в физическую область, ведь многие читатели – гуманитарии.

Обратим внимание на одну важную логико-культурологическую особенность. В разделе 1.3 упоминалось, что

на смену антропоморфической дихотомии тело – душа в надлежащий период пришла трихотомия тело – душа – дух, как бы "надстроенная" над первой. Сходным образом, вслед за наиболее древним делением мира на земной и потусторонний (край духов и мертвых) сформировалась трехчастная онтологическая модель: небо – земля – преисподняя. Из первоначального предложения просветителей разделить государственную власть между монархом и парламентом родилась концепция трех ветвей: исполнительной, законодательной и судебной. На плечах оппозиции означаемого и означающего возводится треугольник Фреге. Средневековая пара истина и добро в Новое время превращается в тройку за счет красоты. Качество логической дихотомности переходило снаружи вовнутрь (ведь M – это общее количество элементов в системе, т.е. выражает ее *внешние* очертания, тогда как n – это количество элементов в подсистемах, связанных одним общим отношением, т.е. говорит о *внутреннем* устройстве системы). Если в первых примерах $M = 2$, то во вторых $n = 2$ и, значит, $M = 3$. Кратность деления на более высоких ступенях развития переносилась с элементов на отношения, тем самым "интериоризируясь".

Не иначе произошло и с релятивистским пространством, пришедшим на смену классическому: тринитарностью отныне отличалась структура не элементов, измерений ($M = 3$), а отношений ($n = 3$). Новая механика – релятивистская и квантовая – оказалась не только наследницей, но и своеобразной "надстройкой" над старой, подо что подведено основание: принцип соответствия, дополнительности.

И все же навряд ли разные поколения когнитивных парадигм уместно проецировать на шкалу прогресса или регресса. Наряду с энтузиазмом, охватившим творцов принципиально новых теорий и досужую публику, наряду с распахиванием невиданных интеллектуальных и технических горизонтов, множество вполне серьезных, компетентных ученых испытывали и продолжают испытывать томительную ностальгию по утраченным векам ясного, взвешенно-рационального взгляда на мир, по эпохе "просвещения", апогеем и "акме" которой казался XIX в., с его стройно-классическим, "гармоничным" отношением к реальности и его господствующей парадигмой $M = 3$. Кроме того, семантическая кватерниорность была присуща и архаичным моделям.

Индийские "Веды", Платон (вместе с ним все античное Средиземноморье) придерживались своеобразного представления о глобальном историческом цикле (см., напр., [260:I, с. 119]). Его можно назвать доктриной неумолимого регресса, поскольку вслед

за блаженным *золотым* веком приходит менее благородный *серебряный*, за ним – еще более сомнительный по духовным достоинствам *бронзовый*, но все они бледнеют на фоне кровавого и беспощадного, отбросившего все высокое и святое *железного*. Последний завершает не только цикл, но и земную историю как таковую, поскольку является преддверием тотальной катастрофы. Следовательно, полный список веков:

золотой – серебряный – бронзовый ¦ железный.

Указанное представление сохраняется в индуизме (весь цикл именуется в нем Манвантарой) и современной эзотерике [95, с. 15]. Образ "темного" железного века под названием Кали-юга на волне массового молодежного интереса к восточным учениям превратился в 1960-е гг. в элемент западной поп-культуры. Та же типологизация используется и в более скромном, не столь глобалистском обличьи: ахматовское деление "веков" русской поэзии на золотой ("пушкинский"), серебряный (начало XX в.) и бронзовый (1960-е годы) не только вошло в обиход мало-мальски образованного человека (особенно наименование второго звена), но и легло в основу официальной научной терминологии. Еще больший культурный ареал захвачен косвенным влиянием этой схемы, оказывающейся подкладкой многих общеупотребительных историологических доктрин. Но в последнем нам еще предстоит убедиться.

Не только время, но и материя подвергалась аналогичному членению. Согласно индоевропейским мифам и последующей натурфилософии, например, Эмпедокла (ок. 490 – ок. 430 гг. до н.э.), корни всего сущего представлены четырьмя неизменными элементами, или первовеществами: *землей, водой, воздухом* и *огнем*.(7) Ныне школьные учебники ссылаются на такую архаическую модель, усматривая в ней предвосхищение современных взглядов на агрегатные формы вещества (твердое тело – жидкость – газ – плазма). Не берусь судить насчет "предвосхищения" (возможно, наоборот, это XX век деградировал до архаики), но упомянутая четверка явно мыслится как М = 3 + 1. Даже Гегель в "Философии природы" счел допустимым возродить и защищать теорию четырех элементов.

Подобные четверки формируются и в христианский период. Один из примеров – четыре канонических Евангелия(8): первые три обладают сходным повествовательным характером и

именуются "синоптическими", последнее заметно отличается от них своим "философическим" духом. (Важная деталь: перу автора четвертого Евангелия, Иоанна, принадлежит, согласно церковной традиции, и завершающая книга Нового Завета – *Откровение,* или Апокалипсис, – формулирующая учение о конце света.) Однако не будем вдаваться в архаические кватернионы (ряд из них еще всплывет в последующем изложении), возвратимся в нашу эпоху.

В 1813 г. А.Шопенгауэр публикует докторскую диссертацию "О четвероякоом корне достаточного основания", на которую публика и специалисты ответили гробовым молчанием. Однако в 1847 г. потребовалось второе издание, а после революции 1848 г. в Германии Шопенгауэр шел нарасхват [379, с. 5 – 8]. Среди источников его философии называют традиции Канта, Платона, древнеиндийской брахманистской и буддийской литературы (в частности "Упанишад"). Здесь не место подробному обсуждению, поэтому ограничимся ссылкой на учение Аристотеля и перипатетиков о четырех причинах – Шопенгауэр же рассматривает четыре формы закона причинности, четыре способа соединения "формы" и "материи". Обращаясь к закону достаточного основания, он выделяет следующие основные модификации: три "духовно-душевных" (для логических отношений, математических, психологических) и одну "телесную" (для физических объектов). Аналогично, поддержана Шопенгауэром и кантовская схема различных видов отрицания: формально-логического, математического, антиномически-диалектического и реального [там же, с.14]. Некогда и пифагорейцы, если верить Платону, считали предпосылкой подлинного, целостного знания его четвероякость. Однако "философия пессимизма" – не атрибут современного общественного сознания, и ее автору, похоже, еще не удалось провести самобытные, достаточно четкие грани в собственных тетрадах, поэтому ограничимся сказанным, упомянув напоследок о ревнивом и безуспешном соперничестве Шопенгауэра с его старшим современником, Гегелем, до самой смерти последнего (1831 г.).

В философии жизни А.Бергсона [49] ключевое понятие длительности подразделяется на четыре аспекта: три "душевных" (*сознание, память, дух*), а также *материю*. Структура 3 + 1 запечатлена вполне определенно. Бергсону удалось стать одним из кумиров первой половины XX столетия, серьезно повлияв, в частности, на модернистскую беллетристику – так называемую "литературу потока сознания" (Джойс, Пруст). Субъект и объект у Бергсона, как мы помним, нераздельны, и в образах упомянутого художественного течения факты внешней и внутренней жизни – изображение как реальных событий, так и восприятий, фантазий

– следуют вперемежку и вперемешку, увлекаемые общим поступательным потоком или движением "по спирали" (тогда как реализму предшествующего столетия было присуще отделять действительную фактуру от "психологии"). Во французском "новом романе" (после Второй мировой войны) фигура с картины на стене могла зримо шагнуть в физически-реальную комнату и выйти наружу под дождь. Искусство и жизнь, мысль и материя, субъект и объект представлены в новом сознании в виде единого сплава, своеобразно преломляя древний магический, мифологический опыт. С тех пор виртуализация человеческого сознания лишь возросла.

Возможно, нелишне упомянуть об одной интересной детали, связанной с утверждением кватерниорных представлений. Четвертое релятивистское измерение, "хронологическое", появилось за счет инсталляции в модель наблюдателя, т.е. специфического "субъекта". Для физики это не имеет значения, но для историков культуры любопытный факт: в конце XIX – начале XX вв. экзальтированная образованная публика любила поговорить о "четвертом измерении" пространства, которое считалось обиталищем спиритических духов. Именно такого рода публике А.Эйнштейн во многом обязан своим превращением в 1918 г. в поп-героя, после эксперимента, подтвердившего один из прогнозов ОТО ("Эйнштейн доказал, что всё относительно", – упоенно повторяли газеты и дамы, и подобная "кухонная" версия для культуролога не менее, если не более, значима, чем система тензорных уравнений). Связь "субъектности-духовности" со временем реализована и у Бергсона, поскольку жизнь и душа схватываются понятием "длительность". "Чистое изменение, истинная длительность есть нечто духовное", – утверждал философ. Еще в "Исповеди" бл. Августина читаем: "Мне кажется, что время есть не что иное, как растяжение, но чего? не знаю; может быть, самой души" [3, с. 192]). Человек активно осваивал время в качестве непосредственно конструктивного, "строительного" фактора (в экономике, политике, в науках, философии, в быту), и лавинообразно рос удельный вес четырехсоставных представлений.

М.Хайдеггер же, на которого мы уже ссылались в связи с его схемой трехмерного времени, предлагает также и четырехмерную. "Подлинное время – четырех измерений" [355, с. 92]. Наряду с прошлым, настоящим и будущим, он вводит более фундаментальную категорию "подавания". "Время не есть. Время дано", – поясняет философ [там же, с. 93]. Но перейдем к примеру, который оставил более незабываемый след и лег в основу массовой идеологии.

Марксистская доктрина гласит, что последовательность трех классовых общественно-экономических формаций цивилизованного социума – *рабовладельческой, феодальной, капиталистической*, – должна смениться четвертой, *коммунистической*. Исследователи не раз замечали, что с тремя первыми коррелировало стандартное историческое деление на европейские античность, средневековье и Новое время. Историзм дополняется у Маркса футуристическим проектом, из-за чего и произошло расширение традиционно трехзвенного списка до четырехзвенного. Впрочем, в разделе 1.3 установлено: логическая кратность деления не зависит от изучаемого предмета, – так и здесь: даже если не рассматривать будущее, оставшись в собственных рамках истории (прошлое до настоящего), применение соответствующей логики все равно приведет к кватерниорности. Классификация XIX в. *Древность – Средневековье – Новое время* дополняется еще одной таксономической единицей – *Новейшим временем*. Констатировав в обоих случаях наличие строения M = 3 + 1, прибегнем к помощи нашей теоретической модели. Что имели в виду создатели упомянутых градаций, какую логику они в них инсталлировали?

Прежде всего, перед нами, очевидно, культурно- или социально-политические *концепты, теории*. Несмотря на то, что время сверху не ограничено (по крайней мере, так гласит гипотеза открытого, или прогрессивного, времени), история, подобно всякой науке, склонна придавать своему предмету целостный, концептуально законченный вид. Что иное может означать намерение *понять* историю, как не представить ее единую связную картину, внести в нее строгий рациональный порядок? Даже у историков-археологов, архивистов, т.е. "эмпириков", возникает нужда в *систематизации* добытого материала, в его *классификации* – в противном случае даже специалист-эрудит утонет в безбрежной хаотической стихии фактов. Но наиболее сильное стремление к дискурсу присуще тем разделам исторической науки, которые стараются встать над чистою описательностью, голой констатацией, т.е. *историологическим* направлениям.

В предыдущем разделе мы видели, каким образом подобная установка претворяется в логически трехсоставные схемы (M = 3): периоды дикости – варварства – цивилизации, каменный – бронзовый – железный века, палеолит – мезолит – неолит, Древность – Средневековье – Новое время" Это происходило за счет применения бинарного отношения "раньше/позже", n = 2. Что нового привносит марксизм?

Он тоже изучает историю (социальную историю), причем, в высшей степени рациональными методами: его интересуют точные научные закономерности. Придерживаясь строгих фактов, не чужд он и объективности, возможно даже больше, чем другие: история *материальна*. Но в отличие от предшествующих направлений, марксизм не ограничивается исследованием, т.е. фиксацией реальных событий, процессов (того, что есть или было), – он стремится принять в истории *активное, преобразующее* участие. "Прежние философы изучали мир, а дело в том, как его *изменить*". Назван и коллективный субъект, которому надлежит осуществить преобразования – пролетариат, усвоивший марксистское учение. В еще более контрастном виде названные особенности проступили в ленинской версии: ведущим творческим субъектом становится одушевленная учением и железно организованная партия, ленинизм добивается радикальнейшего слияния слова и дела, мысли и поведения.

Не правда ли, знакомая теоретическая ситуация: присутствие "субъекта", эйнштейновского наблюдателя сходным образом (хотя и без всяких проектов) изменяет "объективную" физическую реальность. Марксизм и особенно ленинизм, в сущности, предваряют релятивистскую теорию, по крайней мере некоторые из ее конституирующих черт. Логическая четырехсоставность в этих рамках вполне органична.

Конкретней к ней можно подойти и через Гегеля, поскольку диалектику марксизм-ленинизм заимствовал у него. Триаде "тезис – антитезис – синтезис" присваивается методический статус, она интериоризируется в логику, n = 3, и появление кватерниона, M = 4, неизбежно. Востребованной оказалась и гегелевская идея о "конце истории", поскольку в марксизме история конечна, коммунизм же – ее последняя, высшая фаза, прерывающая тысячелетия социальной несправедливости и воплощающая вековую мечту.

Структурно сходно обстоит и в "расширенной" историологической классификации: Древность – Средневековье – Новое время – Новейшее. Хотя о будущем, о действенном проекте как таковом на сей раз речь не идет (Новейшее время – это все же не будущее, а ближайшее прошлое и настоящее), но и в этом случае по существу задействован преобразующий субъект – наш современник, который не только изучает историю, но и *делает* ее. Его участие в историческом процессе – реальное (что совершенно понятно), но и, что интересней, идеальное: даже применительно к прошлому он не просто бесстрастно и "объективно" рассматривает его, а вступает в активное конструирование: *концептуализация* исторической картины, *виртуализация*,

парадигматизация. Тот "странный" дух, который принес с собой постмодернизм, "играющий" с фактами, выстраивающий из них "экзотические" комбинации, не стесняющийся своей откровенной заинтересованности ("факты – лишь сырье"), шокирует представителей старой "классической" школы, но он является законным продуктом – одновременно причиной и следствием – названного представления. Мы, современники, трансформируем историю, включая "неизменяемое" прошлое, но еще и не на такое способен нынешний человек, превратившийся, согласно В.И.Вернадскому, даже в геологический фактор. Авангардистское смешение объекта с субъектом по-прежнему возвращает мысль к "догалилеевской" стадии (пусть и в новой подаче), мифологизирует, идеологизирует, но в нашем контексте важнее другое: если в качестве одного из конституирующих элементов модели задействован и субъект, то M = 4, см. выше. (Марксизм интересовался главным образом социально- экономической историей, его задачей было изменить социально-политический строй, поэтому и четверка соответствующая: общественно-экономические формации, рабовладение – феодализм – капитализм – коммунизм. Схема Древность – Средневековье – Новое время – Новейшее лишена подобной специализированной заряженности и оттого отличается большей "нейтральностью": периоды, по крайней мере на уровне терминологии, не несут на себе столь тенденциозной нагрузки, говорится лишь о различных хронологических отрезках. Но это уже нюансы, в которые мы вправе не вдаваться, ибо заняты исключительно числами, в данном случае M = 4.)

Чуть выше был упомянут ленинизм, поэтому нелишне напомнить и об изменениях, внесенных в традиционный список типов политических сил: либералы, консерваторы, радикалы (социалисты). К концу XIX – началу XX вв. данная классификация уже устоялась в Европе, и каждый из типов подпирался вполне репрезентативными политическими течениями. Российским социал-демократам был хорошо знаком европейский политический опыт, который подвергся серьезному научному осмыслению в качестве "объективного", от каждого из традиционных политических движений были заимствованы и приумножены его самые сильные, эффективные черты. Однако осуществлялось, как сказано, не только осмысление, но и *трансформация* (как минимум – адаптация к российским условиям). Последняя оказалась настолько существенной, что было объявлено о создании партии принципиально "нового типа"; в 1903 г. партия большевиков обособляется от социал-демократов европейского типа (меньшевиков). В статье [310] уделено

специальное внимание семантике большевизма, основной вывод: ленинская дефиниция "партия нового типа" – отнюдь не завышенная самооценка и не метафора, ее следует воспринимать буквально. Феномен большевизма рассмотрен в общекультурном контексте начала XX в., в частности параллельного ему возникновения авангардизма в искусстве, той же релятивистской теории (смысловая перекличка заходит столь далеко, что оказалось возможным говорить о "темпоральной" природе русского коммунизма). С точкой зрения, предполагающей принципиальную "выделенность" большевизма, его противопоставленность предшествующим политическим течениям, согласуются мнения многих авторов. Питирим Сорокин: "Коммунисты и фашисты в политике – аналоги модернистов в изобразительном искусстве" [305, с. 462]. Г.Померанц: "Утопия не может быть понята как движение от одного этапа истории к другому; это попытка выпрыгнуть из истории,(9) осуществить абсолют" [257, с. 198]. Конрад Лоренц указывал на социально-исторический аспект: если изменения в нормах поведения, передаваемых от отца к сыну, больше некоторого критического значения, возникает сильное искушение напрочь отбросить отцовскую культуру и на ее месте построить совершенно новую (и/или воскресить архаическую) [186, с. 48]. Именно такая ситуация сложилась в России в начале XX столетия и стала движущим импульсом к возникновению авангарда в политической сфере. Так или иначе, прежний список типов политических сил оказался расширенным за счет четвертого звена (M = 4):

либералы – консерваторы – радикалы ¦ большевики.

Русские коммунисты кардинально раздвинули границы возможного в политике, по существу открыли принципиально новую область, недоступную традиционным течениям. Их "сверхпредельный" опыт позволил создать первое в мире тоталитарное государство и указал путь их оппонентам-последователям: итальянскому фашизму, немецкому национал-социализму.(10)

Кватернионы порождались большевизмом как из рога изобилия, но здесь мы уже забегаем вперед, поскольку тему многочисленных политических тетрад XX в. предстоит обсуждать в разделе 1.4.2. Тем более, что названная структурная

особенность отличает не один большевизм и не только тоталитарные политические феномены.

Четырехсоставный паттерн формировался и в художественной литературе. В 1844 г., в канун европейских революций 1848 г., вышел в свет один из самых популярных романов А.Дюма – "Три мушкетера". Для выявления структуры произведений, выделения архетипов Мария-Луиза фон Франц настаивает на необходимости подсчета количества главных персонажей [349, с. 47]. Хотя непосредственно этот методический совет относится к архаическим сказкам, он, по всей видимости, не менее уместен по отношению и к художественным текстам современной эпохи, особенно "культовым", сумевшим стать знаменитыми, поскольку роль числа в коллективном сознании по сравнению с древностью лишь возросла. Тогда придется заметить, что, вопреки названию, главных героев в "Трех мушкетерах" не три, а четыре.

Первые три из них демонстрируют ряд общих черт с традиционными фольклорными тройками, в том числе с тройкой богатырей русских былин. При этом самый могучий и простодушный Портос оказывается семантической параллелью Ильи, справедливый и благородный Атос – Добрыни, а хитроватый Арамис заставляет вспомнить об Алеше Поповиче, побеждавшем врагов не столько силой, сколько лукавством и выдумкой. Сходство усиливается, поскольку и Арамис, и Алеша наделены двойною – военно-героической и смиренно-клерикальной – природой: Алеша Попович – родом из духовного звания, Арамис – в перспективе аббат. Архаическая тройка обладала концептульно-образным единством и законченностью, поэтому и стала каноном, но Дюма присоединяет к ней дополнительного главного персонажа. Тип д'Артаньяна был неведом народной традиции, но – несмотря на первоначальные коллизии (знакомство д'Артаньяна с остальными начинается со ссоры, дуэли) – ему удалось прочно вписаться в исходную тройку, придав ей новую энергичную целостность ("один за всех и все за одного").

Почему автор выбрал название "*Три* мушкетера", на первый взгляд явно противореча ткани произведения? Существует множество гипотез, но в настоящем контексте достаточно одной: тройка в ту пору прочно ассоциировалась с неразрывным единством (см. раздел 1.3), и именно его А.Дюма хотел образно подчеркнуть. Принцип тройного единства, элохим, был исключительно важен и для средневековой алхимии и, что еще интересней, был настолько прочен, что *не нарушался даже при прибавлении единицы* [264]. Дюма по существу репродуцирует

ментальный опыт алхимиков в чудесных пертурбациях своих героев, культурные связи порой оказываются неожиданными и парадоксальными. Нам, впрочем, теперь известно, что четверкам присуща ничуть не меньшая целостность, и к заслугам Дюма следует отнести, что он сумел дать это остро почувствовать читателям разных стран.

Объяснение превращения тройки в четверку может быть и корректнее. Почему, начнем с этого, прежде канонизировались именно тройки героев, например, почему в русских былинах действуют *три* богатыря? – Вспомнив о разделе 1.3, мы тотчас отыщем ответ: исходно хотелось создать логически компактную ("дружную") группу – если угодно, по пунктам: полную, замкнутую, связную, – и при этом каждая из фигур во имя индивидуации должна контрастно отличаться от другой. Подобное противопоставление бинарно, $n = 2$. Итого, следовательно, $M = 3$. Ситуация вполне характерна для *эпоса*, когда речь идет о высоких (не чета нам, нынешним) образцах, но главное: события и герои – в далеком прошлом, возможно, не вполне достоверном; психологически слушатель или читатель отделен от недосягаемых в своем достоинстве идеалов. Дюма же пишет хотя и исторический, но при этом *авантюрный* роман. Его ключевая задача по-прежнему – не столько точно придерживаться действительной исторической ткани (преподаватели истории не рекомендуют ссылаться, сдавая экзамены, на Дюма), а психологически *вовлечь* читателя в происходящее. Со сверхзадачей вовлечения Дюма блистательно справился, но тем самым в корпус повествования введен самый натуральный *субъект*: кем конкретно его ни считать – то ли это сам автор с его феерической фантазией, то ли мы, читатели, дыщащие с автором в унисон, не будучи в силах оторваться от неостановимого потока событий. Ситуация, кардинально отличная от установки адресатов эпоса: $n = 3$ и, значит, $M = 4$.

Еще менее, чем в других случаях, автор авантюрного романа может быть заподозрен в теоретически обоснованном выборе именно этого, а не другого, числа ведущих героев. Речь снова идет хотя и о рациональном, но бессознательном, интуитивном факте; уместно говорить о *художественной правде*, но не о выкладках. А.Дюма, можно сказать, выступает в роли своеобразного Наполеона (кстати, своего кумира, которому всю жизнь старался подражать), по своей воле ставящего историю на дыбы. Будучи *историческим* романистом (пуристы поправят: квазиисторическим), он предвосхитил переход от троек к четверкам в смежных исторических областях. Напомним, "Манифест Коммунистической партии" Маркса и Энгельса вышел

в свет в 1848 г., дополнение древности-средневековья-Нового времени Новейшим – продукт еще более поздний. Каждый превращал в тетраду предмет своего главного интереса: литератор – группу персонажей, социальные философы – общественные формации, историки – периодизацию.

Не обязательно обращение к образцу приключенческой беллетристики, даже если он до сих пор является достоянием масс. Достоевский, чье отношение к тексту Дюма продрейфовало от восхищения до безоговорочного осуждения, выводит в своем последнем романе аналогичную группу. Наряду с тремя законными сыновьями, или братьями, Карамазовыми (Дмитрием, Иваном, Алексеем), мы встречаемся и с гипотетическим четвертым – Смердяковым. Достоевский, знавший толк в авантюристах-революционерах и игроках, но в зрелом возрасте отдавший предпочтение консервативным, традиционным ценностям, в конце концов распознал духовную подоплеку д'Артаньяна, четвертых элементов вообще. Распознал – и отверг. Автор наделяет Смердякова, персонажа с говорящей фамилией, максимально одиозными чертами: холуй и бастард, на фрейдовский манер убивающий своего отца и господина. Здесь навряд ли уместно вдаваться в скрытую полемику между двумя вариантами четверок, между двумя версиями структур 3 + 1, ибо, несмотря на свое активное неприятие романа Дюма, вообще новаций накатывающейся "бодрой" эпохи, Достоевский все равно по сути повторил ту же четверку, а как раз она нас и интересует. Прогрессистская и консервативная революции нередко не так далеки друг от друга, и не только в литературе.

Схема 3 + 1, помимо Достоевского и Дюма, выступает – в комически переосмысленном виде – в одном из излюбленных советских романов, "Золотом теленке" Ильфа и Петрова. Литературоведы метко фиксируют параллели между простовато-честным, физически сильным Балагановым и Портосом, благородно-щепетильным Козлевичем и Атосом, лукавым Паниковским и Арамисом и, наконец, между двумя венцами хрестоматийных четверок [117]. Агеласты могут сколь угодно возмущаться жульнической натурой О.Бендера, но это не отобьет у читателя охоты читать, повседневно сверяться, ощущая наличие внутренне правдивого стержня. Позднее мы вернемся к логической подоплеке "Золотого теленка", теперь же, чтобы не терять темпа, обратимся к новым примерам.

Мы были бы не правы, если бы полагали логические кватернионы чем-то "экзотическим". Напротив, многие из них банально-повседневны.

Списку времен года – весна, лето, осень, зима – уже не одно

тысячелетие. Годовой цикл в данном случае подвергнут квантиодромии, что можно представить как композицию двух дихотомий, М = 2 х 2, где первой двойке отвечает оппозиция восходящей и нисходящей ветвей цикла (весны-лета, с одной стороны, и осени-зимы, с другой), а второй – дополнительное уточнение степени или же оппозиция "начало-конец" ветви. Вполне аналогично тому, как в школе при изучении тригонометрических функций делят круг на квадранты:

Рис. 1-7

Настоящий пример позволяет подчеркнуть одну из важных особенностей кватерниорных представлений – их *полисемантичность*. Речь о том, что их смысл нередко разлагается не одним, а *несколькими* способами, за каждым из которых стоит своя собственная интерпретация. При этом, в отличие от символа, раскладывающегося, согласно А.Ф.Лосеву, в бесконечный семантический ряд [189], логические структуры репрезентируются конечным количеством герменевтических вариантов, обычно небольшим. В связи с чем укажем еще одно основание системы сезонов.

Представление о временах года сложилось в ту анимистическую или гилозоистическую эпоху, когда человек был склонен считать природу живой. ""Природа" не существует в мифологическом сознании как внешний мир, противостоящий человеку, она еще не вычленяется как объект, не мыслится противоположной человеку, она присутствует только в опыте и воспринимается через опыт, границы между нею и человеческой общностью четко не проведены", – констатирует аналитик [192, с. 69], добавляя: "Здесь познаваемое совпадает с внутренним миром субъекта" [там же].(11) Впечатление подобной "живости" веками поддерживалось поэзией и сохранилось до наших дней. К

годовому циклу, соответственно, применяется оппозиция "жизнь-смерть" или сопряженная с ней "бодрствование-сон". Наиболее актуальный для человека период – жизнь, бодрствование, – в свою очередь, подвергается логическому членению согласно бинарному принципу "раньше/позже", что приводит, как нам известно, к трихотомии, подобной "началу-середине-концу". В результате система четырех времен предстает в форме композиции дихотомии и трихотомии:

Рис. 1-8

В данном случае зима, олицетворяющая собой смерть или сон природы, семантически противостоит трем остальным – "живым", "активным" – сезонам, и всю структуру можно записать в виде М = 3 + 1 (ср. предыдущий вариант М = 2 х 2).

Пространственно-солярная классификация также тетрарна. Представление о четырех странах света сходным образом допускает по меньшей мере две интерпретации. Во-первых, это результат двух дихотомий полного круга, М = 2 х 2 (корреспондирующий с антропоморфным различением правой и левой сторон, передней и задней). Во-вторых, в случае более тесной привязки к солнцу, четыре выделенные направления утрачивают свою равноценность, ибо вдоль трех из них (восток, юг и запад) солнце(12) ежедневно описывает дугу, а в последнем не появляется никогда, М = 3 + 1:

восток – юг – запад ¦ север.

Север – край небытия солнца, тепла, и не случайно оттуда приходит зима (жителям южного полушария придется смириться: культурные доминанты задаются не ими). Различение четырех направлений изначально не сводится к чисто формальному-

геометрическому, "картографическому", а исполнено экзистенциально важного смысла. "Эти линии образовывали своего рода сеть, причем сеть *силовую*, от которой в жизни людей много зависело", – справедливо отмечает В.Б.Иорданский [141, с. 39] и добавляет: "Ее символами в очень многих культурах стали знаки креста, ромба или круга, замыкающего горизонт".

Не стоит оставлять без внимания и суточный цикл. Различение света и тьмы, дня и ночи, очевидно, является здесь исходным. Ночь отведена для сна, день – для бодрствования; если требуется, можно противопоставить дневное и ночные светила. (13) Но если время сна не предназначено для практической деятельности и не нуждается в более детальной градации (в выяснении, что раньше – что позже), то со светлым периодом суток ситуация совершенно иная, т.к. возникает необходимость более точного указания времени. Отношение "раньше/позже" приводит к тринитарному членению:

Рис. 1-9

Структура М = 3 + 1 достаточно очевидна, но в словоупотреблении разных народов она работает по-разному.

Если в русском языке не возникает проблем, и каждому времени суток отведены собственные часы, то в английском – несколько иначе. Согласно учебнику [59], английское утро (morning) простирается с полуночи до полудня, день (afternoon) – с полудня до шести часов, вечер (evening) – с шести до полуночи, т.е. данные три единицы покрывают собой весь суточный цикл. Ночь же (night) в языке скорее сохранила свое первоначальное значение темного времени суток вообще, оказываясь, таким образом, наложением evening и morning, т.е. четвертый элемент – чуть ли не логический плеоназм, четырехсоставность будто готова выродиться в коллективных мозгах до трехсоставности. (Добавим, ночь в английской речи дополнительно выделена и во фразеологической плоскости: например, yesterday morning / afternoon / evening, но: last night.)

В немецком же языке, в котором схема 1-9 сохраняет свою актуальность, действует и более дробное членение, поскольку день, наиболее плотное средоточие человеческих дел, дополнительно подразделяется на три структурные единицы: Vormittag (предполдень), Mittag (полдень), Nachmittag (послеполуденный период):

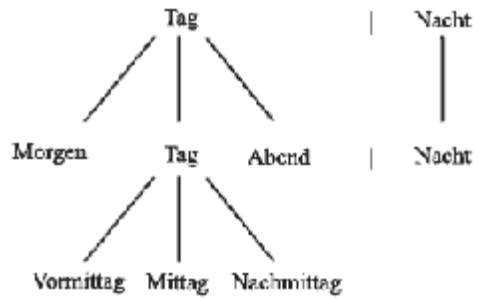


Рис. 1-10

Третья ступень логического членения приводит к шестисоставному делению суток M = 5 + 1: Morgen, Vormittag, Mittag, Nachmittag, Abend "Nacht. Наличие семантической грани, которой отвечает разделительная черта, дополнительно фундируется грамматическими средствами: первые пять единиц – мужского рода, ночь – женского, – и с помощью предложного управления (am Morgen, am Vormittag, …, am Abend, но: in der Nacht). Однако здесь мы вышли за рамки четырехсоставных структур, оказавшись в теме раздела 1.5.

В любом случае, когда мы употребляем выражения "утром", "днем", "вечером", "ночью", используется экспрессивная сила логико-числовых структур, и это еще один из примеров того несомненно рационального, но при этом полу- или бессознательного, о котором с самого начала идет разговор.

Теперь у нас достаточно навыков, чтобы обнаружить следы логически составного характера одного из предшествующих примеров. Возвратимся к четверке героев Балаганов – Паниковский – Козлевич – Бендер. Для начала придется вспомнить, что "Золотой теленок" – вторая часть дилогии и что главных героев в первой части, "Двенадцати стульях", – *два*: И.М.Воробьянинов и тот же О.Бендер. Бывший предводитель дворянства Воробьянинов – осколок старого мира. Его облик, способ мышления, унылость, приверженность стереотипам

олицетворяет собой этот мир, представляя собой яркую аллегорию обветшавшей традиции как таковой. Ведущая пара персонажей спаяна общим делом, но его поступательное продвижение, как и сама интрига романа, невозможны без неистощимой выдумки и энергии авантюриста, лишенного отцовских корней ("сына турецкого подданного"(14)). В результате удается проследить семантическую связь между двумя частями дилогии, ибо Балаганов, Козлевич, Паниковский – представители, несомненно, традиционных же характеристических типов (напомним об их аналогии Портосу, Атосу, Арамису из "Трех мушкетеров", Илье Муромцу, Добрыне Никитичу, Алеше Поповичу русских былин), тогда как О.Бендер – по-прежнему "авангардист". Структурная связь двух романов относительно центральных персонажей тогда предстает в следующем виде:

Рис. 1-11

Традиционный блок, имевший в "Двенадцати стульях" одного релевантного представителя, в "Золотом теленке" расщепляется натрое, тогда как авангардистский сохраняет свою идентичность. За этими феерически смешными произведениями стоят отнюдь не шуточные размышления авторов. Размышления, во-первых, художественные – ибо им по-своему удалось воссоздать генезис литературных четверок, выведя их из по существу архаических пар (ведь Бендер – Воробьянинов очевидно перекликаются с такими двойками как Дон Кихот – Санчо Панса, средневековые Арлекин и Пьеро, незабываемые Холмс и Ватсон.., а Ильф и Петров переосмысливают комплементарную оппозицию персонажей в металитературном и шире – социокультурном – ключе: авангард и традиция). Во-вторых, "культурологическая алгебра" в данном случае выходит далеко за рамки литературы.

В упоминавшейся статье "Прекрасная политика" [310]

указывалось на наличие семантической корреляции между типами политических течений, с одной стороны, и соответствующими группами литературных персонажей, с другой. При этом "тяжеловесный", не склонный к сантиментам Илья Муромец, пролежавший до тридцати лет на печи, напоминает добропорядочный, преисполненный долга, тяжелый на подъем консерватизм; прямолинейный и честный Добрыня Никитич – требующий справедливости радикализм; тогда как двойственный по природе Алеша Попович – склонный к компромиссам либерализм. Четвертый герой – будь то д'Артаньян или Бендер – по многим параметрам совпадает с исторически бодрым, энергичным, полным энтузиазма четвертым же типом политических сил, большевизмом, по крайней мере в его "симпатизирующей" интерпретации. В таком аспекте дилогия Ильфа и Петрова должна быть поставлена в ряд тех умных раннесоветских произведений, в которых исповедовался утопический (хотя и не без трагедии) оптимизм и которым удалось уловить в свои сети тот неукротимый дух, покоривший сердца миллионов простых людей и интеллигентов Востока и Запада. "Время – вперед!" – можно повторить вслед за В.Катаевым, "Клячу истории загоним!" – за Маяковским. На вершине славы убивает д'Артаньяна вражеское ядро, проигрывает после победы превратившийся в управдома О.Бендер, но бессмертна любовь к ним читателей. Не здесь ли лежит разгадка той не раз очерченной тайны, почему Ильфу и Петрову, их романам удалось прожить сквозь страшные сталинские годы, хотя других беспощадно карали за куда менее острые произведения? Теперь известно, что советская цензура обладала математически точным инквизиторским чутьем и практически не совершала ошибок.

Но кто о чем, а нас по-прежнему интересуют исключительно числа. Когда мы имеем дело с четверками, являющимися результатом композиции двух дихотомий (M = 2 x 2, например, одна из интерпретаций времен года, стран света) или дихотомии и трихотомии (времена суток, персонажи "Золотого теленка"), предложенная математическая модель непосредственно к ним не применима. Составной характер противоречит требованию специфической целостности, условию сквозных отношений n = 3. Однако унифицированная модель в данном контексте не является самоцелью, куда важнее, во-первых, что каждая из тетрарных форм отпирается тем или иным логико-арифметическим ключом, и во-вторых, их культурно-психологическое значение, восприятие.

И тогда необходимо заметить: каждый из кватернионов в процессе функционирования и трансляции все же обретает надлежащую целостность, логически-композиционные швы – в тех

представлениях, где они были, – постепенно "замазываются", уже не препятствуя воздействию общей четырехсоставной конструкции как неразрывно-единого блока.(15) Различные кватернионы вступают между собой в диалог, ассонируют – независимо от своего генезиса. В свою очередь, это позволяет нам впредь работать с семантикой четырехзвенных систем "поверх" конкретной алгебры, которая за ними стоит: с четверками как композиционными, так и исходно неразрывными, как с архаическими, так и новейшими.

Чтобы проверить правомерность этого тезиса, сравним между собой различные образцы уже знакомых нам четвертых элементов.

Четвертое "мнимое", "хронологическое" измерение релятивистского пространства и раскаленная плазма, где вещество начинает утрачивать свою идентичность, поскольку электроны срываются со своих орбит; гравитационные силы, не поддающиеся известным квантовомеханическим методам и управляющие дыханием чудовищно огромной, родившейся в начале всего и обреченной смерти вселенной.

Кровавый и беспощадный железный век, отбросивший все святое и являющийся кануном гибели человечества. Первоэлемент огонь – сходный с тем, который, согласно Гераклиту, сжигает дотла одряхлевший мир, расчищая дорогу новому, допустимо надеяться лучшему, эону. Четвертое Евангелие, от Иоанна, сообщает о механизме первоначального происхождения мира и объединено общим (в соответствии с церковным преданием) авторством с *Апокалипсисом*, видением глобальной катастрофы, которая приведет к окончательной гибели зла и торжеству добра, преодолению времени.

Коммунизм: "Весь мир насилья мы разрушим до основанья, а затем мы наш, мы новый мир построим", – возвещает интернациональный коммунистический гимн. "Мы на горе всем буржуям мировой пожар раздуем, мировой пожар в крови. Господи, благослови", – вторит ему вдохновенный А.Блок. "Коммунизм – светлое будущее человечества", утопическая жизнь после конца истории, победа над тысячелетиями социального гнета и несправедливости. Новейшее историческое время – мировые войны, тоталитарные режимы, человек почти повсеместно с корнями вырван из традиционного образа жизни и переживает беспрецедентное отчуждение, фрустрацию, страх, но это и эпоха невиданного технологического могущества, надежд на наступление всеобщего благоденствия и порядка.

Четвертый политический тип – "партия нового типа", которой впервые удалось воплотить вековую коммунистическую мечту,

ценой десятков миллионов погубленных жизней. Партия, пришедшая во всеоружии новейших политических технологий, на острие мысли своей эпохи. Как никакая другая – вплоть до вырождения – она умела ценить фактор времени, всякий раз опережая и упреждая политических соперников. В разгар революции гениальный Ленин буквально *по часам* чувствует изменение политической обстановки. За партией не только историческое мессианство; она работала со временем как со строительным фактором, жертвуя, если нужно, синхроническими, "пространственными" измерениями ("Выиграть время", – объяснял Ленин задачи НЭПа). "Оседлать историю", "время работает на нас" – из большевистского лексикона и практики. Ленин в политике совершает революцию, во многом сходную с той, что в физике связана с появлением релятивистской теории, – один из выводов работы [310]. Политическая авантюра вначале возводит СССР до уровня сверхдержавы, затем низвергает в крушение.

Самый юный участник четверки друзей-мушкетеров, д'Артаньян, придуманный автором в преддверии революции 1848 года, в период томления Франции по возвращению наполеоновского блеска и славы, захвытывает сердца современников и потомков. Наивный и бедный провинциал в конце концов получает маршальский жезл, но дело не столько в приключениях и успехах – их было достаточно в литературе и до Дюма. Романист совершает почти невозможное – придумывает принципиально новый художественный тип, дополняющий инстинктивно узнаваемую традиционную тройку и пробуждающий в душах читателей дотоле дремавшие струны. Не радостно ли, когда они встают из небытия, готовя нас к преисполенной активности жизни в исторически новых, т.е. современных, условиях, и дух авантюры способен поддержать и вселять в души яркие надежды?

Достоевский, которому на собственном опыте был знаком этот прекраснодушный дух, взламывающий былые традиции, уповающий на рукотворные чудеса (за спиной – и петрашевский период, и фигуры петербургских мечтателей), вначале вспыхивает навстречу роману Дюма, но затем, по размышлении (за плечами и каторга, и работа над "Бесами"), меняет отношение на диаметрально противоположное: презрение и брезгливость, прогноз катастрофы. Смердяков, повесившийся подобно Иуде, – отповедь поклонникам д'Артаньяна и одновременно вторая, теневая сторона сопряженного с ним ментального комплекса. Если угодно, это упреждающий ответ будущим коммунистам. Дело не в пророчествах – ментально-логическая сила числа ахронична, и математически верное хоть два тысячелетия назад

всегда останется верным. Для того, чтобы апеллировать к этой силе, совсем не обязательно использовать алгебраические значки – результат можно узреть и путем внутреннего опыта, точной рефлексии.

Но точка зрения Достоевского – лишь одна из экспертных оценок. Смердяков вовсе не мешает симпатизировать д'Артаньяну, возможно, даже наоборот: несколько плоский и ходульный четвертый тип из авантюрного романа обретает под пером Достоевского дополнительную онтологическую глубину, а такая смесь чревата любовью. "Четвертые" амбивалентны – таков предварительный итог, грех и подвиг, насилие и счастье часто следуют рука об руку, а перед нами как раз и поставлена задача собирать смыслы, связанные с этим числом.

Остап Бендер – комический вариант четвертого типа, но вспомним и о солярных четверках.

Зима, север, ночь, в отличие от комплементарных им троек, являются олицетворением смерти, сна – природы или солнца. Они способны и страшить, и манить, восхищать, о чем свидетельствует поэзия последних тысячелетий, и было бы незаслуженно ее игнорировать.

Вывод напрашивается сам собой: каждый из перечисленных четвертых элементов – по существу "девиация", ведет за границы "нормального" опыта, соразмерного человеку в его "дневном", земном бытии. Он распахивает область своеобразного инобытия, прекрасного и/или ужасного, проникновение куда связано с неизбежным риском. Но ведь и наука, философия, искусство, политика с середины XIX и особенно с начала XX в. конструировали подобные же "пограничные" или запредельные ситуации, при этом авангард воскрешал давно забытую, делигитимизированную, как казалось, архаику. С соответствующим ментальным "расширением" вполне согласуется и расширение троек до четверок: последнее звено нередко идентифицируется как логически последовательный и вместе с тем преисполненный отчаянной смелости шаг в неизведанное тире эпатирующе незаконное. Впоследствии мы встретимся и с иными вариантами тетрад – так сказать, "естественных", без упомянутого семантического надрыва, – но пока мы препарируем эти.

В настоящем контексте, вероятно, уместен еще один пример. В разделе 1.3 анализировалось классическое представление о трех литературных родах: эпосе, лирике, драме. В XIX в. жанровые границы расшатываются, претерпевают существенные подвижки, но точки над i в данном процессе расставил век XX – прежде всего теми литературными течениями, которые решительно порывали с

предшествующей традицией как в своей художественной практике, так и в декларациях, манифестах. Эти течения называют авангардистскими, и одним из первых их образцов может послужить русский футуризм.

Именно его ветвь в лице ЛЕФа поднимает лозунг "Пушкина – с парохода современности", тогда как еще недавно оставалась вне подозрений исповедная формула А.Григорьева "Пушкин – это наше всё". Футуристы, вдохновленные лавинообразным преображением мира под воздействием технической индустрии, взрыва инженерной и научной мысли, накатывающегося вала "восстания масс", подхватили у них эстафету в эстетической плоскости, став рупором и правофланговым новейших идей о необходимости коренной переделки жизнеустройства практически во всех областях. В самой литературе, в поэзии они внедряют технологические подходы, оставив томление по божественному вдохновению, по Музам и по Пегасу оставшимся далеко в хвосте розовым и голубым пассеистам. Подобный "конструктивизм" установки дает толчок созвучным по настрою литературоведам – левому крылу ОПОЯЗа, Р.Якобсону, впоследствии заложившим краеугольные камни в фундамент филологического структурализма. Как известно, футуристы оказались близки и авангардистским политическим утопиям – будь то левой ("анархо-синдикализм" В.Хлебникова, "большевизм" Маяковского) или правой (итальянец Ф.Т.Маринетти, приезжавший, кстати, в Россию). Но сейчас речь о более частных вещах.

Среди феерии футуристических новаций нас интересует одна – кардинальные перемены в системе литературных родов. Например, что представляют собой поэмы "Облако в штанах" (1919 – 20) или "Про это" Маяковского? Их центральная тема – любовь, канонический предмет стихотворной лирики со времен Алкея и Сапфо. Но в данном случае лирическим чувствам поэтического героя не уместиться в эмпатических рамках партикулярных людей, им не достаточно ни интимного интерьера, ни пленяющего пленэра. Материализовавшись – в том числе в вирулентных (малярия, лепрозорий) и отчужденно-технических (телефон, моторы, Бруклинский мост) образах, – они вышагивают на арену улиц, городов, длинных верст континентов от Гренландии через Париж, Берлин до Аляски, самой истории литературы от Гомера, Овидия до Бурлюка с Северяниным. Размах, несомненно, эпический, и сами объективированные события переживаний и размышлений подобны перемещению и столкновению армий в масштабах, ничем не уступающим илиадовским. Значит, названные поэмы – не только лирические,

но и эпические, если под эпосом понимать описание исторически крупных, в предъявленных произведениях современных, событий. Согласно Гегелю и Белинскому, предмет эпического изображения – объективное бытие, лирики – внутренний мир субъекта, но здесь они не просто перекликаются, а оказываются неотрывными одно от другого. Предметом драмы Гегель с Белинским считали единство объекта и субъекта, поэмы Маяковского удовлетворяют и данному требованию. Можно указать и на более специфические признаки: наличие диалогов, своеобразную "сценичность" (литературоведы, обнаруживая слияние трагических, комических и собственно драматических черт, ссылаются на "театральность" очень многих футуристических актов и текстов).

Итак, "Облако в штанах", "Про это" лиричны, эпичны, драматичны одновременно, не могут быть сведены ни к одному из стандартных литературных родов в отдельности. Читатель не может не ощутить пропущенного сквозь бурлящее эстетическое горнило внутреннего единства поэм, т.е. дело и не в простой комбинации. Традиционная художественная материя подвергнута столь радикальной переплавке и трансформации, что, очевидно, следует говорить о появлении нового, четвертого литературного рода, пусть специалисты подыщут, если нужно, название. Не менее убедительные в этом отношении иллюстрации можно извлечь из творчества В.Хлебникова, А.Крученых и др.

Похоже, в еще более строго очерченных эстетических рамках четвертый литературный род предъявлен в одном из поставангардистских, постструктуралистских течений – московском концептуализме, в частности, у Д.А.Пригова. Еще задолго до рождения названной школы гуманитарная мысль испытала влияние релятивистских идей и сформулировала положение о принципиальной зависимости характера художественного произведения от принятой эстетической (поэтической) установки, от "лирического героя", от "автора-в-произведении". Концептуализм перевел эту теоретическую пропозицию в методический, технологический план, сознательно конструируя своего лирического героя, варьируя его в зависимости от поставленных целей. Лицо автора, так или иначе проглядывающее сквозь любой поэтический текст и определяющее, подобно системе отсчета, его конститутивные черты, оказывается здесь не более, чем переменчивой, искусственной "позой" – "позой лица" в дефиниции Д.А.Пригова.

Если упомянутые поэмы Маяковского по размерам напоминают эпические (так сказать, четвертый литературный род с креном в сторону эпоса), то Пригов 1970 – 80-х гг. более известен как автор множества коротких стихотворений.

Последние обязаны своей "лиричностью", конечно, не только размеру, но и "наивно-доверительной" интонации, искусно сконструированной простоте лирического, простите за тавтологию, героя ("Поэзия, прости Господи, должна быть глуповатой", – можно повторить вслед за Пушкиным). Инструмент взрывного (по-японски: "смех от живота") комизма вскрывает панцирь настороженного и преисполненого скепсиса современного читателя, обнажая по-детски нежную, не помнящую греха сердцевину души. Перед нами исповедальная и философская лирика.

Лапидарность (там, где она присутствует) не мешает поэтическим текстам Пригова быть и эпическими. Их формальными персонажами оказываются сверхдержавы, президенты и генсеки, мифологические (Махроть Всея Руси) и поднятые на мифологический пьедестал (Милицанер) существа. Пригов откликается на сообщения о всех сколько-нибудь значимых общественных и политических событиях, создав концентрированный ньюэпос последних десятилетий. Если изначальный гомеровский эпос приводил в гармонически-стройный порядок религиозно-мифологические представления греков, стал преддверием последующей философии, то приговская поэзия, как представитель "конца" культуры, вернее, ее постапокалиптического этапа, приходит во всеоружии метафизики и философско-критических учений минувших тысячелетий, сама превратившись в своеобразную "постфилософию", сверхсистему (или уже не-систему, неомиф) с выверенной до последнего грана аналитической и эстетической логикой. Возможно же, прав один из тонких ценителей, предположивший, что аутентичной единицей в творчестве Пригова служит не отдельное стихотворение, а цикл, сборник, и сравнивший эффект от них с результатом ковровой бомбардировки. В любом случае наличие эпической ипостаси не вызывает сомнений.

Но сомнений нет и в наличии драматического измерения: априорная нацеленность на исполнение с рампы или – в традициях уличного театра – с любого сподручного возвышения (ср. "обращения", вывешивавшиеся на электрических столбах). Исследователи попутно ссылаются на режиссерский отрезок в биографии Пригова, на его собственное исполнительское мастерство, на синтетические – музыкально-поэтические – действа. Настоящими, а не формальными персонажами приговских текстов становятся обретшие плоть и шагнувшие в индивидуальное и коллективное сознание мифологемы, идеи, концепты из самых разных культурных областей (искусства,

философии, политики, науки), и их столкновение преисполнено напряженного драматизма – с по-федровски заломленными руками, возведенными к небу очами, с по-шекспировски злодейскими убийствами и жертвенной самоотверженностью. Перед нами оживает и приходит в движение скелет и сочная плоть той "драмы, драмы идей", о которой некогда обмолвился А.Эйнштейн. Нарочитой трагичности ничуть не противоречит превалирующая комедийность от то и дело возникающих идеологических и литературных "кентавров", из-за парадоксально-неожиданных встреч и сопоставлений. Во многом таким, оправданно заподозрить, является и современное сознание, тысячекратно умножившее контрасты александрийского расцвета и упадка, превратившееся в свалку, где с благородной царской короны свисает использованный памперс. Инициированный футуристами эксперимент в области литературных родов доведен в поэзии Пригова до логического предела, и четвертый род представлен в ней в кристаллически твердом и ограненном обличьи.

Если с известной долей условности говорят о синкретическом единстве трех родов на долитературной, архаической стадии (ныне оно порой наблюдается в поэзии графоманов), то в настоящем случае то же единство достигается на изощренной синтетической ступени "сверх- или постлитературы". Значимая еще для романтиков и футуристов проблема "народности искусства" (преодоление противоречий между элитарной и массовой культурой) получает здесь своеобразное разрешение: лирический герой Пригова подчеркнуто профаничен, доверительно открыт для потока информации с телевизионных экранов и газетных страниц, сам поэтический слог стилизует версификационную неумелость. Но, разумеется, как и у незабвенного Вен. Ерофеева, это лишь мнимая, раешная неискушенность, спорадически выдающая фундаментально-глубокие познания того же лирического героя в философии (от античности через Канта к XX в), литературе, истории. Пригов приглашает к чтению всех – от сантехника до университетского профессора, режиссируя тот "пир на весь мир", который описывал М.М.Бахтин, и заодно возвращая "золотой век" из бахтинских же сатурналий. "Золотой век", правда, парадоксально тождествен окружающему железному.

Освоение четвертого измерения по-прежнему связано с эстетическим и ментальным риском. Онтологически-социальная ли утопия Маяковского (речь шла, по мнению Ю.А.Карабчиевского [149], ни много, ни мало, о физическом воскрешении, о бессмертии)(16) или рекреативная сфера

народной смеховой, карнавальной культуры, превратившаяся под пером Пригова в полноценную вселенную с демиургически строгими законами – в обоих случаях это полные опасности игры с Создателем, не исключено, титаническое восстание против Него. Но с этих пор знак вопроса, стоящий над системой четырех литературных родов, на мой взгляд, должен быть окончательно перечеркнут – главным образом потому, что авангард от *изображения* мира (задача старого искусства) перешел, согласно, в частности, Б.Гройсу [108, с. 67], к его *трансформации*, т.е. включил в свою эстетическую установку активного субъекта.

Одним из первых, кто привлек внимание в современной науке к кватерниорным структурам, был К.Юнг. Ссылки на них повторяются, как рефрен, в разных работах, а в "Попытке психологического истолкования догмата о Троице" [394,с. 5-108](17) эта тема становится основной. Поскольку вопросами религии как таковой мы условились не заниматься, постольку в дальнейшем под "Троицей" будет пониматься не одноименный догматический феномен, а чисто культурный, точнее – юнговский: так сказать, Троица в голове и на устах Юнга, без попыток соотнесения двух понятий-омонимов.

К.Юнг наделяет троичные и кватерниорные структуры самым глубоким, архетипическим статусом, т.е. для психологии самым фундаментальным, и совершает экскурс в историю дохристианских религий. Упоминаются тройка вавилонских божеств (Ану, Бел и Эа), древнеегипетская теология (Осирис – Гор – Исида, триединство "бог – фараон – ка"), манихеи, высказывается гипотеза, что соответствующие идеи стали достоянием эллинистического синкретизма и через Филона и Плутарха были переданы христианству [394, с. 15]. Миф о Мардуке, вавилонском боге солнца по прозвищу "Господин" (Бел), еще раньше оказал "всеобъемлющее", "поразительное" воздействие на представления израильтян. Спутники Мардука – четыре пса. "Число четыре может означать здесь целостность, как и в случае с сыновьями Гора, четырьмя серафимами из видения Изекииля и четырьмя символами евангелистов: тремя животными и одним ангелом ",(18) – констатирует Юнг [там же, с. 12]. "Истинность и нуминозная сила мифологемы значительно подкрепляется доказательством ее архетипического характера. Архетип есть то, во что верят всегда, повсюду и везде, и если он не распознается сознательно, то появляется сзади "in his wrathful form", в своем гневном обличьи, как "Сын хаоса", аки тать в нощи: вместо Спасителя является Антихрист" [с. 15].(19)

Юнг продолжает: "К дохристианским "источникам" Троицы мы должны причислить и математико-философские спекуляции

греческого духа. Греческий дух, как известно, заметен уже в Евангелии от Иоанна, текст которого явно отмечен влиянием гностицизма, а позднее, в греческой патристике, он начинает амплифицировать и гностически интерпретировать архетипические содержания Откровения Наверное, наибольший вклад в формирование греческого духа внес Пифагор со своей школой, и один из аспектов Троицы основывается на числовой символике" [там же].

Опустим пассаж об онтологической драматургии числа, изложенной по Аристотелю (De coelo, I, 1, 268a, 10) и "Философии греков" Целлера (Die Philisophie der Griechen, I, S. 292), а также о ее репродуции в средневековой натурфилософии. Впрочем, кое о чем можно упомянуть. Адресуясь к Макробию (Commentarius in Somnium Scipionis, I, 6, 8), Юнг пишет: "Таким образом, тройка означает развертывание Единого и познаваемого. Тройка есть "Единое", сделавшееся познаваемым(20) Вот почему тройка действительно оказывается подходящим синонимом для процесса развития во времени и, таким образом, составляет параллель к самооткровению Бога как развернутого в триаду абсолютного Единого".

Из греков Юнг больше всего внимания уделяет Платону, его "Тимею". "Один, два, три – а где же четвертый?" – спрашивает автор диалога у пифагорейца Тимея. Далее следует интересная для истории вопроса, но слишком пространная цитата, которую целесообразнее использовать не здесь, а в главе 3, и в совершенно иной связи. Четверица "занимала умы и алхимиков на протяжении более тысячелетия", – констатирует Юнг. Платон же, отдавая отчет в кватерниорности мировой души и мирового тела, дважды пытался написать тетралогию, но оба раза четвертое сочинение оставалось незавершенным.

Юнг касается и проблемы Марии, объявленной в 431 г. на Эфесском соборе theotocos (Богородицей). Это был необычайно актуальный вопрос, многие в тот период были склонны "преувеличивать" роль матери Иисуса. Эпифаний им отвечал: "Честь и почет Марии, Отцу же, Сыну и Святому Духу поклонение: да не поклоняется никто Марии" [там же, с. 28]. Юнг приходит к выводу: "Нет сомнений, что учение о Триединстве первоначально соответствовало *патриархальному общественному устройству*. При этом, впрочем, мы не можем с уверенностью установить, стала ли эта идея продуктом социальных условий или же, наоборот, была первична и сама революционизировала общественное устройство" [с. 50].

"В высшей степени вероятно, что активизация того или иного архетипа зависит от изменения статуса сознания, требующего

какой-то новой формы компенсации" [с. 51]. Далее читаем: "Традиционно изображение Царя славы в мандале в сопровождении окружающей его четверичности, выраженной четырьмя символами евангелистов (включая четыре времени года, четыре ветра, четыре реки и т.д.)" [с. 55]. Мария, будучи орудием рождения Бога и оставаясь человеческим существом, оказалась вовлечена в драму Троицы [с. 62]. "Святой Дух и Логос сливаются и растворяются в человеческом понятии Софии (Премудрости), а затем в "Sapientia" средневековой натурфилософии, в которой сказано: "В лоне матери покоится премудрость отца"" [с. 63].

Возможно, не стоило бы прибегать к столь обильному цитированию, если бы не необходимость подчеркнуть приоритет Юнга в данном вопросе. Кроме того, нелишне показать, как те же самые, что и у нас, проблемы обсуждаются на совсем другом языке.

Не только Платон, но и Гете отдавал отчет в проблематичной актуальности четвертой фигуры. Юнг цитирует "Фауста":

Троих с собою взяли мы,
Четвертый не хотел идти:
Сказал, важней он всех других
И вечно думает о них,

и высказывает гипотезу, что упомянутый "четвертый" есть само гетевское мышление [с. 66].

Но все же обычно "в распоряжении сознания находятся три из четырех функций ориентации", а одна часть застревает в бессознательном и формирует тень [с. 67 – 68]. Недостающая функция противостоит высшей или главной функции, подобно алхимической "тени солнца" ("черному солнцу").

Платон склонился к троичности, тогда как более "древняя греческая философия предпочитала мышление четверичное. У Пифагора главная роль отводится не триаде, а тетраде: в так называемой Пифагорейской клятве говорится о четверице, тетрактрисе, которая "содержит корни вечной природы", душа имеет квадратную форму [с. 68].

"Четверица (Quaternität) есть архетип, встречающийся практически повсюду. Она есть логическая предпосылка всякого *целостного суждения*" (курсив Юнга). "Тройка – это не естественная, а искусственная схема порядка" [с. 69]. По той же "причине имеется четыре психологических аспекта психической ориентации, помимо которых не остается ничего существенного, о чем стоило бы говорить" [там же].

Уже "средневековая иконология, вышивая по ткани древних спекуляций о theotocos (Богородице), изготовила кватернарный

символ в своих изображениях коронования Марии и украдкой подсунула его на место Троицы" [с. 73]. Юнг предсказывает дальнейшее повышение статуса Марии, и действительно, в ноябре 1950 г., уже после смерти Юнга, папа Пий XII провозглашает догмат о Вознесении Марии на небо во плоти.(21) Мария – Царица небесная и земная (логическое восстановление архетипической ситуации).

На страницах 73-74 читаем: "Начиная с "Тимея", четвертое означает "реализацию", т.е. переход в, по сути своей, иное состояние – а именно в состояние мирской материальности, которая, как авторитетно утверждается, подчинена "князю мира сего". Ведь материя – диаметрально противоположна духу". Вместе с повышением сакрального статуса Девы Марии "в метафизическую область включается материя, а вместе с ней и разлагающий принцип мира: зло".

Сатана изображен Данте трикефальным (трехглавым), "так, по аналогии с Антихристом, обрисовывается некая инфернальная Антитроица, некая подлинная "umbra trinitatis"". В греческой мифологии Геката, покровительница ночной нечисти и колдовства (отождествлялась с богиней луны Селеной, богиней подземного царства Персефоной, богиней Артемидой), порой представлялась не только с факелом в руках, со змеями в волосах, но и трехликой (женское и инфернальное начала в данном случае выступали совместно). "Гностики же представляли дьявола то как несовершенного демиурга, то как сатурнического архонта Иалдабаофа" [с. 76].

Результат Юнг отражает с помощью схемы:

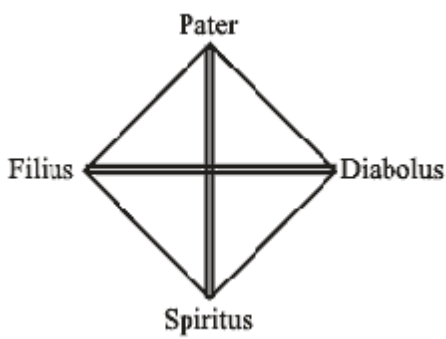


Рис. 1-12

(Дьявол – либо ангел, либо даже, как у некоторых мистиков, – первый сын Отца.) "Ритм здесь трехшаговый, но символ – четверица" [с. 77]; ср. n = 3, M = 4 в нашей модели.

В скобках можно отметить, что задачу реабилитации, т.е. спасения, падшего ангела ставил еще Ориген, затем ее надолго оставили все, кроме маргиналов-сектантов. Лишь после того, как Великая французская революция прорывает высокую плотину табу, "эпоха свободомыслия" придает названной проблеме новую этико-онтологическую актуальность (далекую, разумеется, от церковного христианства). Презревший и Бога, и черта XX век в толковании извечных вопросов предпочел и вовсе отключиться от старых названий, четверицы сыплются из него в иных номинациях.

Юнг пытается объяснить временную утрату дееспособности древних кватерниорных структур: "Пифагорейская четверица была природным, *естественным фактом*, архетипической формой созерцания, но отнюдь не *моральной проблемой*, а тем более – *божественной драмой*. Поэтому ее постиг "закат". Она была чисто природным и потому нерефлектированным созерцанием духа, еще не вырвавшегося из плена природы. Христианство провело борозду между природой и духом, позволив человеку забегать мыслью не только по ту сторону природы, но и *против* природы, выказывая тем самым, можно сказать, *божественную свободу* духа. Вершиной этого взлета из природных глубин является троическое мышление, парящее в платоновском поднебесном пространстве" [с. 79; курсив всюду Юнга]. "Четвертый остался "внизу" – в качестве архетипической идеи четверицы или натурфилософской герметической спекуляции".

Юнг испытывает слабость к алхимии, не изменяет этой склонности и здесь. Франкфуртский врач и алхимик Герард Дорн: четверка – удвоенная двойка, а двойка создана на второй день творения (Бог не сказал после него: "Это хорошо"). "Четверица, стало быть, от дьявола". Binarius – дьявол раздора и одновременно женский элемент (четные числа считаются женскими как древним Западом, так и Востоком). Не случайно, что Ева первой поддалась совращению змием ("Мужчина сотворен Богом, женщина – обезьяной Бога"). Дьявол – тень Бога, "подражающий дух" в гностицизме и греческой алхимии.

Даже крест – символ избавляющего человечество страдания Божества – невозможен без четырех, значит, без "князя мира сего" [с. 81].

Юнг ищет и социально-бытовые причины перехода от четверки к тройке. Для всякой вещи есть своя противоположность: напротив дня – ночь, напротив лета – зима.

"Но для цивилизованного человека нет, пожалуй, зимы, потому что он может защититься от холода; нет грязи, потому что он может помыться; нет греха, потому что он может благоразумно отделиться от других людей Природный человек, напротив, обладает цельностью, которая могла бы его восхитить – но ничего достойного восхищения в этом, собственно говоря, нет: это все та же вечная бессознательность, все те же болото и грязь" [с. 82]. Крест – это тяжкое бремя на плечах перед погибелью.

И троица, и четверица – в первую очередь проекции неких психических процессов: "процесс дифференциации сознания, растянувшийся на несколько тысячелетий" [с. 84]. Юнг утверждает: "Наглядные модели физиков покоятся, в конечном счете, на тех же архетипических основаниях, что и спекуляции теологов , психология, в свою очередь, опирается на те же самые основания" [с. 92]. "Троица с несоизмеримым четвертым есть (одно из) умозрений такого духа" [с. 93].

"Символы троичности и четверичности сравнительно часто встречаются в сновидениях", свидетельствуя об их опытно-воспринимаемом и при этом бессознательном статусе. "Лишь когда грезящий начинает понимать, что четверка содержит намек на целостность его личности, он осознает, что все эти банальные мотивы сновидения являются, так сказать, теневыми изображениями более значительных вещей. Особенно хорошо помогает придти к такому прозрению, как правило, четвертая фигура: она не лезет ни в какие рамки, предосудительна, внушает страх или необычна, инородна в каком-то ином смысле, как в хорошем, так и в плохом, напоминая Мальчика-с-Пальчика рядом с его нормальными братьями. Само собой разумеется, ситуация может быть и обратной: три странные фигуры и одна нормальная" [с. 95].

Юнг говорит и о сопряженности кватерниорных структур с включением "субъекта" в мировоззренческую модель (или неотделением от нее): "Четверица выступает символом самости, которая в индийской философии наделяется первостепенным значением и занимает место Божества" [с. 96]. С подобным мы уже неоднократно встречались – и в физике XX в., и в марксизме, и в литературе"

Юнг делится плодами своей психоаналитической практики: "Большинство символов, если они не представляют собой человеческой фигуры, но обладают геометрической или числовой природой, в порядке общего правила имеют четверичный характер. Но есть и троичные или троические символы, которые, впрочем, насколько мне известно по опыту, относительно редки. Случаи такого рода, внимательно мной исследованные,

отличаются чем-то таким, что не назовешь иначе как "средневековой психологией". Я не хочу сказать этим, что они отсталы, да и вообще не делаю никакого оценочного суждения – просто обращаю внимание на одну своеобразную проблему: бессознательность и соответствующая ей примитивность наличествует в подобных случаях в таком большом объеме, что некая спиритуализация представляется необходимой компенсацией. Тогда спасительным элементом выступает троица, которой недостает четвертого элемента, подлежащего безусловному отвержению" [там же]. "Троица именно в силу своего умопостигаемого характера выражает необходимость духовного развития, требующего самостоятельности мышления Троица также и архетип, чья доминирующая сила не только поощряет духовное развитие, но и при случае навязывает его" [с. 99].

Четвертый Латеранский собор предал анафеме четверицу – правда, не с Марией, Софией, материей или сатаной, а с отдельной от Лиц Троицы сущностью Бога в качестве четвертой ипостаси. Аналогично, ""творение", т.е. материя, не включается во всеобъемлющую формулу Троицы, по крайней мере эксплицитно" [с. 102]. "Здесь же речь идет о самостоятельности тварного создания, наделенного автономией и вечностью: о падшем ангеле. Он есть четвертая, сопротивляющаяся фигура символического ряда" [там же]. Юнг говорит об имморализме, присущем как самым древним религиям (не исключая первых образов Яхве), так и новейшем: "по ту сторону добра и зла". Четвертый элемент присутствовал в религиозной культуре очень давно – как "тень", "низшая личность", неполноценная функция и слагался из "непокорства". Символ четверицы очевидным образом исходит от Анимы, женской фигуры, олицетворяющей бессознательное, – добавляет Юнг в "Психологии и религии" [391, с. 173], – "четверица является более или менее непосредственным образом Бога, проявляющего себя в творениях" [там же].

В работе "Символ превращения в мессе" [394, с. 235-348] Юнг замечает, что Новый Иерусалим имеет форму квадрата, в Китае же небо считали круглым, зато землю – квадратной. Из четырех частей состоял философский камень средневековья. В Каббале женской части все же удается воссоединиться с мужскою: Яхве и София (Шехина) состоят в священном браке. Стр. 333: "Крест означает *устроение*, противопоставленное хаосу бесформенного множества". Достаточно много примеров кватерниорности Юнг приводит в другой работе – "Психология и религия" [391,с. 129-202].

Во вступительной статье к "Архетипу и символу" А.М.Руткевич подводит итог: *"В бессознательном нынешних европейцев происходит замена Троицы четверицей"*, тогда как

прежде "земное, темное, женское начало – четвертый элемент – был исключен из символа веры христиан и низвергнут "во тьму внешнюю". Сейчас он возвращается" [391, с. 21].

Не без учета "Божественной комедии" Данте католическая Церковь со временем изменила воззрения на строение мироздания: взамен традиционной трехчастности (рай – земля – ад) была принята четырехчастность. Загробный мир, противостоящий земному, делится на три основные зоны – к раю и аду добавляется "промежуточное" чистилище:

Рис. 1-13

О сложности перехода к новой структуре свидетельствует уже то, что догмат о чистилище пришлось принимать дважды: в 1439 г. и подтверждать его в 1562.

Восточная Церковь не согласилась, как известно, с новациями о чистилище и Деве Марии. Вторжение кватерниорности в общественную культуру произошло на территории России несколько позже и, так сказать, в более секулярных (и нередко более катастрофических) формах. А в русской религиозной философии конца XIX – начала XX вв., с легкой руки переживавшего католические пристрастия В.Соловьева, тема Софии стала одной из центральных.(22) Кстати, перу В.Соловьева, в молодости испытывавшего восторг перед Достоевским, принадлежит и знаменитая "Легенда об Антихристе", ныне некоторыми считающаяся сбывшимся пророчеством о вскоре последовавшем историческом катаклизме. Ожидание социальной катастрофы и даже болезненное влечение к ней было свойственно многим деятелям "серебряного века", особенно из круга символистов: от Блока до Мережковского ("Грядущий хам").

Поле образцов тетрарных представлений необозримо, и невозможно заглянуть во все его уголки. Обратим внимание на один немаловажный момент.

Логические структуры М = 3 + 1 в подаче К.Юнга и русской

религиозной философии, разворачиваясь на гностическом и теологическом материале, способны создать впечатление "эзотеричности" или "экзотичности" подобных структур. К.Юнг, извлекая на свет подоплеку коллективного бессознательного, намеренно ставит акцент на будоражащей "необычности". Нам, людям ординарным, мало что известно о темной, искаженной реальности собственных снов, искусство их толкования всегда почиталось делом шаманов, гадателей и священников. Аналогично, лишь считанные единицы из нас могут похвастаться компетентностью в загадочных вопросах алхимии. Тенденциозный подбор примеров у Юнга, похоже, преследует заднюю мысль: сам автор стремится сыграть роль многомудрого авгура или мистагога. Не разделяя подобных стремлений, остается лишь поблагодарить К.Юнга за ценные материалы при объяснении *психологического переживания* чисел, однако цели нашего текста прямо противоположны. Мы отдаем предпочтение не эзо-, а экзотеричности, и не столько психологическому насыщению семантики числовых структур, сколько их обыкновенному "школьному" логическому содержанию.

Поскольку логика, особенно ее элементарные положения, не чужды коллективным мозгам и поведению, постольку социо-культурное пространство должно быть буквально усеяно образцами схемы M = 4. Что и происходит. И если в этом далеко не всегда отдается отчет, то только из-за обыкновения не обращать внимания на привычное и простое. Да простят меня за витиеватый оборот, но основная сложность настоящего текста заключается в необходимости объяснять тривиальное. Впредь будем придерживаться той же избранной линии, отдавая предпочтение банально-экзотерическим иллюстрациям перед глубокомысленными эзотерическими. Такая стратегия, кажется, лишь подчеркнет значение структур M = 4 в организации общественного сознания и общественной жизни.

К сожалению, не удастся найти у Юнга критерия, когда пользоваться троичными, а когда четверичными формами. В нашей модели, напротив, таковой присутствует: если n = 2, то M = 3; если n = 3, то M = 4. Кватернионы могут быть результатом логической композиции, но и в этом случае прозрачен вложенный в них рациональный смысл. Юнг констатирует последний исторический переход – от предпочтений "классических" форм M = 3 к "новейшим" (они же и архаические) M = 4, – но не снабжает достаточно внятными указаниями на причины. В концепции Юнга значимость триад и тетрад обусловлена их "архетипичностью", что производит впечатление не объяснения, а дескрипции, описания. Между тем, по мере того как логика стала

занимать все более важное место в сознании человека – вначале в простейшей, бинарной разновидности, n = 2, – это неизбежно вело к росту удельного веса тринитарных представлений, M = 3. Историческое продолжение рациональной тенденции вызвало потребность учитывать дополнительные факторы: тринитарность интериоризируется, n = 3, порождая четверичность строения, M = 4. Переход от M = 3 к M = 4 скачкообразен и, значит, реализуется как преображение парадигмы, как "революция". Новейшие кватерниорные структуры, на первый взгляд, повторяют архаические, последние вновь востребуются культурой, но при этом переинтерпретируются, будучи гальванизированными новым, не столь отягощенным мифологическими коннотациями рассудком. Названные процессы протекают в значительной степени ниже порога сознания, но бессознательность не отменяет рациональности (см. *Предисловие*). Троичность и четверичность оттого и оказываются "архетипами", т.е. формами, действующими везде и всегда, что речь идет о *разумных* человеческих существах.

Несмотря на высказанные замечания, во-первых, трудно не быть признательным Юнгу за саму постановку вопроса, за то, что он привлек внимание культурологии к дискретным единицам, к числу. Во-вторых, возможно, самое смешное – что все мы, включая самых рационально и позитивно настроенных, похоже, постоянно тащим на плечах ворох культурно-психологических ассоциаций, налипших на число, даже такие дикие как "бинариус" – сатана и женщина в одном лице.

В заключение вводного реестра имеет смысл подтвердить самую широкую распространенность кватернионов, ибо современный масскульт буквально нашпигован ими. Возьмем ли мы кинофильмы из советского "золотого фонда": "Неуловимые мстители" (три главных героя-подростка мужского рода и одна девушка), "Белорусский вокзал" (из четырех встретившихся фронтовых друзей один так и остается загадочным, не раскрыв своей послевоенной судьбы), "Свой среди чужих, чужой среди своих" Н.Михалкова (четверка друзей-героев Гражданской войны, на одного из которых, Егора, падает подозрение в предательстве, но в конце выясняется его невиновность), "Джентльмены удачи" (три действительных уголовника и один подставной), – или итальянский вестерн "Кеома" (один честный брат против трех, ставших бандитами), английский историко-приключенческий сериал "Кавингтон Кросс" (три брата + сестра),- каждый из них заслуживает вопроса, чему они обязаны своим специфическим воздействием на зрителя. Голливудом производство аналогичных групп персонажей поставлено на конвейер, достаточно упомянуть

такие сериалы для тинэйджеров как "Конан" (*Conan;* компания из Зебана, Отли, Байю и Конана), "Новые приключения Робин Гуда" (*The new adventure of Robin Hood*, где, наряду с Робином Гудом, Мылышом Джоном, монахом Туком, выступает и женщина Марион).(23) В популярном в России сериале "Крутой Уокер. Правосудие по-техасски" (*Walker. Texas Ranger*) действует четверка друзей: ветеран CD, темнокожий Тревет, помощник прокурора Алекс Кейхел и, наконец, непобедимый Уокер.(24) Кино в США принято считать выражением "подсознания американского общества", его "мечты".

"Трое в лодке, не считая собаки" Джерома К. Джерома (*Three men in a boat (to say nothing of the dog)*) представили читателю в 1899 г. тройку милых повес, которых сопровождает еще один одушевленный персонаж, снабженный характером и биографией, чья зоологическая принадлежность вынесена в название.Четвертая фигура полузаконна, – резонно заключит глубокомысленный аналитик, сославшись при этом, возможно, и на странность английской языковой привычки деления суток, где четвертой части суток, ночи, не отведено ни одного самостоятельного часа, отчего ее как бы можно и не считать. Спустя более полувека Британия решила укрепить свой вклад в мировую сокровищницу кватернионов: легендарная ливерпульская четверка, Beatles – один из культов последних десятилетий. (Дотошный читатель самостоятельно поставит на выделенное четвертое место Дж.Леннона.)

С середины XIX и особенно с начала XX в. наблюдается настоящий взрыв интереса к дискретным структурам. Историки науки свидетельствуют о возрождении древней ("демокритовской") атомистики в трудах Максвелла и Больцмана 1850 – 70-х гг.; в конце XIX – начале XX вв. молекулярно-кинетическая теория обретает полноправное гражданство в науке. В 1856 – 63 гг. австрийский монах Грегор Мендель формулирует алгебраические законы биологической наследственности, в 1900 г. М.Г. де Фриз, К.Э.Корренс, Э.Чермак-Зейзенегг их переоткрывают, а школа Т.Моргана выясняет их цитологические механизмы. Клеточные и хромосомные теории занимают центральное место в новой биологии. В 1854 г. выходит работа английского математика и логика Джорджа Буля "Исследование законов мышления", в которой последнее предстает в дискретной, алгебраической форме; шотландец Огастес Морган независимо приходит к аналогичным идеям. В периодическом законе Д.И.Менделеева (1869) порядковый номер химического элемента определяет набор его свойств. Излишне, по-видимому, напоминать об открытии квантов света Планком, Эйнштейном,

поскольку о квантовой механике, о теории элементарных частиц (и значит, косвенно о номерах энергетических уровней и подуровней) речь уже шла. Один из основателей топологии, А.Пуанкаре, активно обсуждает вопрос о простейших фундаментальных структурах в геометрии, в физике, в частности о размерности физического пространства, о его роде.

Отзываясь на новейшие веяния, П.А.Флоренский пишет статью "Пифагоровы числа", начинающуюся словами: "С началом текущего века научное миропонимание претерпело сдвиг, равного которому не найти, кажется, на всем протяжении человеческой мысли; даже скачок от Средневековья к Возрождению теряет в своей значительности, будучи сопоставлен с мыслительной стремниной нашего времени. Слово *революция* кажется слабым, чтобы охарактеризовать это событие культуры: мы не знаем, еще не знаем как назвать его. Увлекаемые вырвавшимся вихрем, мы не имеем и способов достаточно оценить скорость происходящего процесса, как не выработали еще в себе категорий сознания, которыми можно было бы выразить общий смысл совершающегося" [346, с. 632]. Далее Флоренский называет два главных нерва новых веяний – это внимание к форме (форме целого) и к прерывно-цифровым ("пифагорейским") аспектам строения.(25)

С тех пор отмеченные тенденции только укрепились. Начиная, как минимум, с К.Шеннона, даже информация обретает свою количественную, дискретную меру, современная техника отдает все большее предпочтение цифровым технологиям.

Означенный процесс алгебраизации и/или арифметизации не обошел стороной и науки о языке (лингвистика Ф. де Соссюра, фонология Н.Трубецкого, семиотика), искусстве ("формальная школа" в литературоведении, структурализм), первобытном мифе и обществе (Леви-Брюль, Леви-Строс и др.). Об этом уже упоминалось в разделе 1.1, но сейчас нас интересует более специальный аспект. Однако прежде – еще одно отступление.

Рассматриваемые системы класса S – будь то из предшествующего раздела или из настоящего – хорошо известны науке и носят в топологии наименование *симплексов* (от лат. simplex – простой). Прообразом двумерных симплексов служит треугольник, трехмерных – тетраэдр (треугольная пирамида):

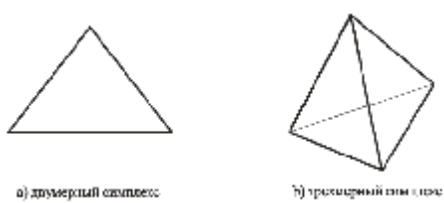


Рис. 1-14

Для изображения тройственных систем (т.е. двумерных симплексов) ранее уже использовались треугольники, в частности треугольник Фреге (рис. 1-6); та же фигура является одним из иконографических символов Троицы. Треугольник способен служить наглядной схемой и для прочих триад.

В качестве элементов (в принятой терминологии) могут быть выбраны вершины треугольника, в качестве отношений между элементами – его стороны. Каждая из сторон соединяет пару вершин, будучи, таким образом, *бинарным* отношением (n = 2). Каждая из вершин треугольника соединена соответствующими сторонами с каждой, т.е. система связна. Количества вершин и сторон совпадают: M = k, ср. уравнение (1) из раздела 1.2, – каждое из них равно трем.

С ничуть не меньшим основанием можно назначить элементами стороны треугольника; в таком случае роль отношений сыграли бы пересечения сторон, т.е. вершины. Каждое из пересечений, очевидно, бинарно, по-прежнему n = 2. Система в этом плане логически симметрична, инверсивна.

Подобное разложение треугольника не противоречит холистичности его восприятия. Один из исследователей науки напоминает о платоновской традиции целостного, интуитивного постижения геометрических истин: "Хотя треугольник и сложен из отрезков прямых, его свойства не дедуцируются из свойств прямой как таковой. Интуиция треугольника так же неделима, как неделимы слоги в известном рассуждении Платона из "Теэтета"" [152, с. 29], – и далее, ссылаясь на Платона, Аристотеля, Прокла, отмечает наличие и эстетического аспекта.

Если тройственные структуры ассоциируются с двумерными симплексами, то рассматриваемые в настоящем разделе четверичные – с симплексами трехмерными. Тетраэдр – также замкнутый геометрический объект, в котором каждая тройка его вершин соединена соответствующей гранью, т.е. в системе конституированы *тринитарные* отношения, n = 3. Аналогично предшествующему примеру, в качестве элементов могут быть выбраны вершины, отношений – грани пирамиды, но с равным успехом и наоборот, поскольку любая из вершин представляет собой пересечение трех и именно трех граней. Система по-прежнему логически инверсивна. Числа вершин и граней в

тетраэдре совпадают (M = k), каждое из них равно четырем.

Помимо двумерных и трехмерных, топология оперирует симплексами произвольной размерности, n – мерными, где n может быть как больше, так и меньше двух или трех. В n – мерном эвклидовом пространстве симплексом называется замкнутая фигура n измерений, обобщающая понятия треугольника и тетраэдра. Пока мы, впрочем, сосредоточили внимание на тройственных и кватерниорных системах, хотя в нашем распоряжении есть и общее решение для различных n, M – выражения (9), (10), – которым отвечают симплексы произвольных размерностей.

В XX в. возник такой эффективный раздел математики как *комбинаторная топология* (см., напр., [258] или [14]). Геометрические объекты произвольной формы разбиваются на простейшие составляющие, симплексы. И наоборот: из последних, как из деталей конструктора, могут быть собраны фигуры произвольной конфигурации. Т.е. не только системы S, симплексы обладают элементарно-комбинаторной природой, но и используя такие системы как готовые блоки, "кирпичи", из них можно строить всевозможные сочетания. Так называемый симплекс-метод применяется, в частности, в экономике.

С середины XIX и особенно в XX в. наука, культура проявляют все бóльшую склонность к интеллектуальным операциям подобного сорта, воспроизводя тем самым древний алфавитный принцип: слова состоят из слогов, из букв, комбинируя слова, можно составлять фразы, абзацы, текст в целом. (О коррелятивности алфавитного и числового принципов упоминалось в разделе 1.1.) Многообразие химических веществ изображается в форме соединений химических элементов (записываются формулы, для реакций составляются уравнения). С начала XX в. сами эти элементы, атомы представляются в виде сочетаний элементарных частиц (теперь утверждают, что и последние могут быть разложены на кварки). Не отставала и биология – учения, разгадывающие генетический код, открыто говорят о четырехбуквенном алфавите А – Г – Т – Ц (если угодно, еще один образец кватернионов XX в.). Сходные "блочные" тенденции присущи и технике, логике, культурологии (структурализм) и даже искусству (например, пуантилизм по отношению к цвету, кубизм по отношению к форме, концептуализм применительно к иделогемам, мифологемам, штампам сознания).

Анализируемые семантико-числовые системы также суть своего рода "блоки", "кирпичи", отформованные индивидуальным и, главное, коллективным сознанием в ходе функционирования

культуры. Затем из них составляются более затейливые конструкции. Их особенностью пока является то, что процесс конструирования и строительства осуществляется не столько осмысленно, сколько полу- и бессознательно, "автоматически", как в муравейнике. Сама полу- или бессознательность названных структур способствует восприятию их в качестве готовых "неразложимых" единиц. Существует множество причин, способствующих "затемнению" семантико-числовых систем как в элитарной, так и в массовой культуре, политике, частично они уже обсуждались. Но именно благодаря указанному "затемнению" они действуют хотя и через нас, но независимо от нашей сознательной воли, будучи в такой проекции "объективными". Их назначение – служить априорными предпосылками познавательных моделей, общественной жизни, так сказать, своеобразными образцовыми "матрицами".

Итак, простые холистические системы, с которыми мы имеем и будем иметь дело во всей первой главе, по существу оказались симплексами, элементарными единицами смысла. До сих пор мы не использовали такое название только по одной причине: симплексы – топологические, т.е. континуальные, объекты, и чтобы корректно применять настоящий термин, пришлось бы говорить о семантическом континууме, проверять его строгие математические условия. Это, пожалуй, чересчур. Поэтому, несмотря на то, что современная математика считает геометрическими предметы самой разной природы (например, "точкой" может служить и функция, и множество, и бесконечное пространство), мы не пойдем по ее стопам и в дальнейшем будем использовать понятие "симплекс" в переносном, метафорическом значении. При этом постоянно имея в виду, что речь идет все же о логических, а не о геометрических объектах. Для предпочтения чисто логических, арифметических интерпретаций перед геометрическими существуют и дополнительные причины. Мы рассматриваем генетически "старо-рациональное" (см. *Предисловие*), а "античность строго различала арифметику и геометрию, традиционно приписывая первой более высокий гносеологический статус" [152, с. 32]. Кроме того, геометрическая наглядность (треугольник, тетраэдр) порой способна оказывать медвежью услугу и уводить процесс понимания по ложному пути. Математика этим не грешит, а менее искушенный читатель может ненароком попасться в ловушку.(26) Итак, потребовалось немало усилий, чтобы ввести в текст всего одно дополнительное слово, зато теперь мы подготовлены к тому, чтобы обратиться к сфере политики – к *политическим симплексам*.

Примечания

1 Что такое нецелая или неположительная кратность отношений (ведь она есть количество одновременно взаимодействующих элементов), нам неизвестно. Поскольку кратность n обычно конституирует логику систем класса S, мы будем рассматривать только "логичные" случаи: n – целое неотрицательное (впоследствии лишь однажды, и в очень специальном контексте, придется отступить от данного правила).

2 Вот пара образцов высказываний А.Эйнштейна: "Что касается меня лично, то я должен сказать, что мне, прямо или косвенно, особенно помогли работы Юма и Маха" [307:II, с. 197]. В письме Корнелиусу Ланцшоу от 24.01.1938: "Я начал со скептического эмпиризма, более или менее подобного эмпиризму Маха", см. [124, с. 82].

3 Если бы в наши цели входил исторический обзор, следовало бы упомянуть и предтечу геометродинамики Уильяма К.Клиффорда (1845 – 1879), который еще в 1875 г. писал, что последовательность ощущений, составляющих человеческое сознание, является реальностью, см. [158, с. 122].

4 Скажем, представление о леших – проекция уверенной в себе или разгоряченной фантазии.

5 Так и Коперник в свое время "номиналистически" толковал свою гелиоцентрическую систему: в ней более удобны расчеты, хотя "на самом деле" в центре пребывает, конечно, Земля, как это и предписывает обладающая стажем в полтора тысячелетия и одобренная Церковью теория Птолемея.

6 Эта классическая тройка, по крайней мере ее "школьная" реконструкция, обладает, по всей видимости, аналитически-"тактильным" генезисом: материя более или, напротив, менее плотная. Такое сравнение бинарно ($n = 2$), поэтому полный список и состоял из трех позиций ($M = 3$).

7 Из греков так думал не один Эмпедокл. Еще Фалес придерживался модели четырех элементов, хотя и сводил их к одному, воде (по мнению других, о четырех элементах Фалес не знал, зато знал его современник Ферекид) [370, с. 156]. Аналогично Анаксимандр, выбрав в качестве первоначала бескачественный и беспредельный "апейрон", при описании происхождения вселенной утверждал, что из пребывающей в центре мироздания земли родились вода, воздух, огонь. У Гераклита в роли первоначала выступает огонь, однако из него возникают и в соответствии с определенной мерой (rhythmos) в него возвращаются воздух, вода и земля.

8 Это количество не случайно, богословы, св. Ириней настаивали, что их должно быть именно столько, "ни больше, ни меньше", – хотя аргументация, разумеется, была далека от той, что используется в настоящей работе.

9 О конце старой истории и начале принципиально новой твердил сам марксизм-ленинизм.

10 Говоря о большевизме и СССР, мы невольно коснулись дополнительной темы. Компартия была в стране единственной, три прочих политических типа на политической сцене отсутствовали – справедливо ли говорить о четырехсоставности? Для ориентации в таких случаях предназначено стандартное различение порядковых и количественных числительных. Большевизм сохранял за собой свой логически четвертый номер, идеологически самоутверждаясь с помощью критики "буржуазных" либералов, "реакционеров"-консерваторов и "оппортунистов", т.е. социалистов, социал-демократов, однако тоталитарное государство предполагало наличие единственной партии. Тем и отличается порядковое числительное от количественного, что во втором в наличии, "материально" предъявлены все единицы, тогда как в первом "физически" присутствует лишь один элемент, а предшествующие – только мысленно, идеально. Вряд ли уместны подробности, достаточно отметить, что две разновидности не так и далеки одна от другой и при надлежащих условиях переходят друг в друга. Вместе с "перестройкой" в СССР порядковое числительное применительно к типам партий вновь превратилось в количественное.

11 Новейшая мысль, как мы видели, также взламывает перегородку между человеком и природой, субъектом и объектом. Т.е. если рассматривать историю культуры в целом, понятие и переживание "объективности" оказывается скорее исключением, чем правилом. Нелишне заметить, что это же относится и к числу, А.Ф.Лосев: "Число гораздо глубже самого разделения на субъект и объект , оно применяется (и не может не быть применяемо) в областях бытия, в которых еще нет разделения на субъект и объект или уже нет" [191, с. 85].

12 Ладья египетского Ра, колесница греческого Аполлона или "глаз бога".

13 Человек до сих пор использует солнечные и лунные календари, подчеркивая неразрывную связь двух главных небесных тел с организацией времени, по звездам же вносятся коррективы.

14 По признаку проблематического отцовства ср. Смердяков.

15 Упомянутых "швов" можно было бы избежать и иначе. Тетрарные паттерны, составные в одной герменевтической

проекции (четыре сезона, четыре времени суток, главные герои "Золотого теленка"), допускают переинтерпретацию во вполне холистическом ключе, все же возвращаясь под сень испытываемой модели. Так, отмечалась родовая черта архаического сознания – неразрывность объекта с субъектом; следовательно, "объективный" хронологический критерий "раньше/позже" вместе со взглядом субъкта дают искомое n = 3 и, значит, M = 4. Аналогично, Ильф и Петров, подобно А.Дюма, создают авантюрный роман, активно вовлекая читателя ("книга о нас и для нас"), ergo M = 4, см. пассаж о "Трех мушкетерах".

16 Ср. Н.Ф.Федоров, К.Э.Циолковский, А.Платонов.

17 Более ранний вариант – под названием "О психологии идеи Троицы" – вышел в 1940/41 г. в Ежегоднике общества "Эранос".

18 В иконографической традиции авторы канонических Евангелий изображались следующим образом: Марк – лев, Лука – агнец, Иоанн – орел, Матфей – человек. Именно оппозицию терио- и антропоморфности и имел, по-видимому, в виду К.Юнг.

19 Случай творчества Юнга по-своему любопытен и характерен, хотя его "странные" признаки свойственны не только ему. В качестве недвусмысленно модернистского писателя и исследователя, К.Юнг поднимает актуальнейшую для модернизма тему тетрад (логические предпосылки последних уже обсуждены, они коренятся в специфически новейшем мышлении или, как минимум, подпираются им). С другой стороны, Юнг – психоаналитик, предпочитающий искать основу современных культурных феноменов в архаической древности. Поэтому для иллюстрации актуальных для новейшего человека процессов он использует "экзотические" мифологические или мифологизированные примеры. На выходе – достаточно необычный результат: с современным читателем говорят о том, что его интересует и волнует, на "птичьем" языке категорий средневековья, других праэпох. Нельзя сказать, что это неприятно; каждый может сказать теперь о себе "я не так-то прост, проблематикой, подобной моей, занимались великие авторитеты прошлого". Параллельно, кстати, Юнг избавляется от необходимости действительно объяснять, почему кватерниорным структурам удается затрагивать потаенные струны души современного человека, почему они так актуальны для нас. Всякие настоящие, т.е. логические (в частности, математические), предпосылки по существу вневременны (при соблюдении соответствующих условий верны везде и всегда); у Юнга в качестве эрзаца такого "последнего" объяснения выступают, как сказано, мифологические комплексы. В нас никогда не перестает

звучать этот мотив: если нечто существует очень давно, тем самым оно и верно. Пусть это не подлинное обоснование, зато суггестивно эффективное. Признаюсь, что и я не вполне равнодушен к "магическому" очарованию юнговских текстов, но все же твердо заявляю: этот язык, этот метод – не наш. И приношу свое извинение за то, что пассаж о Юнге не только несколько инороден, но, возможно, и избыточно длинен. Однако приоритет Юнга в постановке вопроса следует по достоинству обозначить, заодно, возможно, небесполезно коснуться насущных проблем на совершенно ином, по сравнению с нашим, языке (в надежде, что возникнет надлежащий "стереоскопический эффект").

20 Ср. такое "Единое" с целостностью из нашей модели и "познаваемость" как коррелят возможности анализа, т.е. разложения холистической системы на отдельные элементы.

21 О предшествующих событиях читаем в комментариях к "Осени Средневековья" Й.Хёйзинги: "Представления о непорочном зачатии Девы Марии ее матерью св. Анной (не смешивать с непорочным зачатием Девой Марией Иисуса!) были распространены в Западной Европе еще в раннее Средневековье. Благодаря такому чудесному рождению Мария оказывалась почти так же неподвластной первородному греху, как и Иисус. Эти воззрения, популярные в массах, вызывали возражения ряда теологов и были приняты в качестве полноправного догмата в католицизме (но не в православии!) в 1854 г." [360, с. 487].

22 Одно время допускал, что София – четвертое Лицо Троицы, С.Н.Булгаков [65, с. 212-213]. Позже эта позиция была отвергнута и самим Булгаковым, и Церковью, см. [363, с. 78-79]. П.А.Флоренский в "Столпе и утверждении истины" называет Софию-Премудрость "как бы четвертым лицом" (см. об этом [377, с. 135]). Можно напомнить, что амбивалентность четвертой фигуры была понята уже гностиком Валентином, который считал, что София – это тварный мир (который пал), следовательно, в Софии есть как высший (небесный), так и низший ("сатанинский") аспект.

23 В классической версии, в отличие от сериала, Марион пребывала на второстепенной позиции, т.е. речь шла о тройке; четверка – результат новейшей переинтерпретации. У искусствоведов есть также возможность поиграть с алгеброй персонажей, столкнув легенду о Робин Гуде (Марион – его жена) с фольклорным циклом о Робине и Марион, влюбленных друг в друга пастухе и пастушке. Распутный рыцарь домогается Марион, но Робин с крестьянами спасает ее от преследований. Простонародные смекалка и правда противостоят в этом случае притеснениям со стороны власть имущих. Нетрудно связать

подобную двойку с "окончательной" четверкой (см. структурные образцы времен суток, стран света, сезонов или "Золотого теленка").

24 Два последних примера позволяют подсветить одну любопытную особенность: четверки представляются в форме 3 + 1 не одним, а несколькими способами. В "Робине Гуде", наряду с упомянутым вариантом "три мужчины и женщина", не менее правомочен и более традиционный, где особое место принадлежит Робину Гуду как первому среди равных (подобно д'Артаньяну или О.Бендеру). В "Крутом Уокере" допустимо выделять как самого Уокера, так и Алекс Кейхел (она – единственная женщина), Тревета (он – единственный темнокожий) или CD Паркера (единственный старик).

25 В разделе 1.3 у нас была возможность увидеть как сам Флоренский оперирует с тройственными холистическими системами.

26 Так, скажем, система трех ортов трехмерного пространства замкнута не геометрически, а только логически, алгебраически, исчерпывающим образом представляя пространственную модель. Обсуждение связи двух типов замкнутости затевать здесь вряд ли уместно.

1.4.2. Политические тетрады

Кватерниорные принципы формообразования уверенно распространяются в Новейшее время – см. выше, впоследствии список примеров будет продолжен – в науке (в частности, в физике), литературе, философии, идеологии (например, марксизм), культурологии и психологии (К.Юнг и др.). Они нередко приходят на смену триадам эпохи рационализма, оказываясь, с одной стороны, носителями "пострационалистического" духа ("расширенное" сознание, проникновение в необычные области реального и ментального опыта) и с другой – наследниками дорационалистических стадий культурного развития. По мере того как школьное обучение охватывает все более широкие общественные слои (вплоть до обязательного среднего образования), растет значение логико-числовых структур в организации социальной жизни, коллективного сознания и бессознательного, см. *Предисловие*. Поскольку же в большинстве развитых стран этот экстенсивный процесс хронологически совпадает с формированием "новейших" кватернионов, постольку естественно возрастание удельного веса четырехсоставных структур.

Вообще, упомянутая эпоха отличается достаточно специфическими особенностями. Практически исчезает, например, культурная пропасть, отделявшая высшие классы от низших. Помимо роста социальной мобильности, вырабатываются общие стереотипы, возникает феномен поп-культуры. Последние достижения науки мгновенно популяризируются, становясь достоянием – разумеется, в адаптированной подаче – самых широких кругов. То же происходит с философскими теориями, художественными произведениями. Конвертация целых секторов элитарной культуры в массовую осуществляется практически без задержек, по крайней мере в виде экспресс-выжимок и эрзацев. Мало того, сами творцы интеллектуальных продуктов в новейший период по существу ангажируются количественно репрезентативными группами, их запросами и интересами: социальный заказ, рыночный спрос, поддержка со стороны идеологов и/или масс-медиа. Социализация культурного производства позволяет говорить о соучастии, или "соавторстве", масс, и на признание, распространение может рассчитывать только то, что так или иначе переводимо в систему общих, следовательно элементарных, критериев.

Сказанное о культуре крещендо верно и по отношению к

политике. С XIX и особенно в XX в. эта сфера тоже превращается в массовую. Всеобщее избирательное право, феномены массовых партий, революции снизу, гражданское общество апеллируют к сознательной активности коллективного субъекта. Как никогда, становятся важными рациональная доходчивость объяснений и поставленных целей. В этот период – независимо от того, идет речь о демократических или тоталитарных странах – политические субъект и объект чрезвычайно сближаются, поскольку власть имущие не в состоянии обойтись без широкой поддержки и, в отличие от патриархальных, феодально-абсолютистских обществ, им требуется уже не безгласный и не пассивный народ. Будучи одним из видов организации антропогенной среды, политическая сфера всегда отличалась смешанным субъект-объектным характером (объективным по результатам, по воздействию на отдельных индивидов и группы и тривиально субъективным, ибо политику делают люди). В Новейшее время подобный статус лишь укрепляется, фактический субъект управления расширяется, и кроме того, в политических процессах интенсифицируется рациональная мотивация – по причине как повышения среднего уровня образования, так и секуляризации, снижения роли традиции. Пусть иные авторы сетуют на засилье расхожих стереотипов, примитивность господствующих представлений – именно стереотипы, вернее их логический каркас, отныне станут предметом нашего изучения. Простота нередко оказывается синонимом фундаментальности, и это тавтологически справедливо применительно к политической жизни новейшей эпохи – распространенность в данном случае и означает существенность, значимость.

Конечно, не стоит переоценивать степень рациональности масс, даже в школьных логических рамках. Но отныне и предрассудки нуждаются в рациональных оправдательных санкциях, т.е. правятся на оселке элементарных логических начал. В результате общественное сознание подгоняется под рациональные клише даже тогда, когда руководствуется по видимости "иррациональными" мотивами – неомифологическими, идеологическими, утопическими, эмпатическими. Это касается классов, стран, блоков, человечества в целом. Сказанное в *Предисловии* о роли коллективного по природе рационального бессознательного кажется наиболее релевантным в проекции на политику эпохи масс, особенно в XX столетии. Логико-числовые структуры кристаллизуются по сути автоматически из-за их имманентности психике социума, из-за того, что последний смело судит обо всем исходя из усвоенных им правил, критериев и солидарно действует, как минимум потенциально способен

действовать, в соответствии с собственным мнением. Весь перекрестный общественный диалог протекает сквозь узлы подобной интеллектуальной кристаллической решетки, согласно ей выстраиваются и "объективные" политические результаты.

Не беда, что общество обычно не отдает себе в этом отчет – ведь речь идет хотя и о рациональных, но по-прежнему полу- или бессознательных процессах. Фактор бессознательности лишь усиливает "объективность", т.е. неизбежность, происходящего. Подобные заявления, чтобы не остаться голыми декларациями, нуждаются в эмпирической проверке, что и станет центральной темой раздела. Изложение построим по смешанному хронологически-систематическому принципу.

Первая мировая война ознаменовалась столкновением двух враждующих блоков. В Антанту входило более двадцати государств, однако ядро этой коалиции, представленное мощными мировыми империями, составляли 4 главных страны: *Британия, Франция, США* и *Россия*. Первые три заметно отличались от четвертой в цивилизационном, конфессиональном (западное и восточное христианство), политическом (конституционная демократия и самодержавие), стадиальном (модернизационном) планах. Мало сказать, что Антанта одержала верх над блоком, вначале замысливавшимся как Тройственный союз, а затем выступившим в форме союза прежде всего австро-германского. В ходе и результате войны качественная особенность и обособленность четвертой ведущей части Антанты была резко подчеркнута: в России произошла Октябрьская революция, внедрена марксистская идеология.(1)

Власть перешла к большевикам, которые еще в 1903 г. противопоставили себя традиционным политическим течениям: либеральным, консервативным, собственно социалистическим (последние в России были представлены меньшевиками и эсерами). Политические авангардисты, т.е. четвертый политический тип, одержали верх над широкой коалицией партий ("белое движение" включало весь политический спектр: от либералов-кадетов и других сторонников Февральской революции до консерваторов-монархистов и социалистов – тех же эсеров и меньшевиков). О кватернионах марксизма на доленинской стадии шла речь в разделе 1.4.1, о советском же государстве, о комплексе его четырехсоставных структур предстоит самостоятельный разговор.

Если структура основных участников Первой мировой войны, ее тетрарность еще может подвергаться сомнениям: ведь большевистская Россия заключила сепаратный мир с *Германией, Австро-Венгрией, Болгарией, Турцией*(2) 3 марта 1918 г., т.е. за

полгода до окончания войны (боевые действия, правда, все равно продолжались: русские "белые" и "зеленые" не прекращали сопротивления), а США вступили в войну с существенным опозданием, лишь в апреле 1918, – то следующее историческое событие уже не дает повода для разночтений.

Антигитлеровская коалиция, столь драматически складывавшаяся в ходе Второй мировой войны в противовес странам "Оси" (ось "Рим – Берлин – Токио"), была представлена теми же основными участниками, по-прежнему являвшимися мировыми империями (колониальными или "модернистскими", претендующими на мировые лидирующие позиции): *Британией, Францией, США* и *СССР*. Несмотря на первоначальное поражение Франции (оружие, впрочем, не складывали Сопротивление и де Голль), ключевой послевоенный раздел Германии и на некоторое время Австрии был осуществлен с учетом французских стратегических интересов: Германия, как известно, была разделена на 4 оккупационные зоны – *американскую, британскую, французскую* (так называемая Тризония) и *советскую* - с ясной структурой 3 + 1: четвертая зона, в отличие от трех других, была "красной".

Франция в качестве великой мировой державы с самого начала включена и в число пяти постоянных членов Совета безопасности ООН; при этом пятый постоянный член Совета, Китай, выступал, так сказать, во вспомогательной роли "остальных", будучи до 1972 г. представленным лишенным реального веса Тайванем. Таким образом, применительно и к данной ситуации допустимо говорить о ведущей структуре 3 + 1.

Ядро нынешнего Европейского союза составляет отчетливо выделяющаяся четверка наиболее населенных и экономически мощных государств, европейских участников "большой семерки" (G7): *ФРГ, Франция, Италия* и *Британия*, – т.е. три континентальных страны и одна морская, занимающая двойственную – европейскую, но и проамериканскую, атлантическую – позицию, декларируемую в качестве "особых отношений" Британии со США. Фактор континентальности ("теллурократичности") или, напротив, талассократичности, значение которого не раз подчеркнуто специалистами-историками и геополитиками, нашел свое выражение, в частности, в характере исторического пути этих стран в XX в. Во всех трех континентальных государствах яркую роль сыграли "авангардистские" политические течения: фашистские, национал-социалистические, коммунистические, – тогда как в талассократической Британии они никогда не имели весомого значения. Культурологи, например Й.Хёйзинга [361], отмечают

заметную акцентированность состязательного, агонального, конкурентного элементов в английской культуре и общественной жизни Нового времени, становящихся важным источником универсально-игровой стихии (по-шекспировски: "Весь мир – театр") – по сравнению с более серьезным, "агеластическим" континентальным типом сознания. Впрочем, не обязательно настаивать на выраженной семантической обособленности Британии, поскольку прежде всего нас интересует сам факт М = 4 и упоминания о "большой четверке" в Европе являются общим местом в политологических и журналистских текстах. Более аккуратно, однако, интегральная структура ЕС описывается формулой 3 + 1 и "остальные", с учетом других, менее влиятельных государств.

Исторически стремительно возрастает экономическое и политическое значение Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР). Политологи уверенно называют состав принадлежащих к нему великих держав: *США, Россия, Китай* и *Япония* (см., напр., [93, с. 167]), – у каждой из которых за плечами великие завоевания, наличие высоких амбиций, потенциала. Несмотря на то, что экономическое присутствие России в АТР останется относительно скромным в расчете на ближайшую перспективу [15], в политическом и, следовательно, имагинативно-логическом плане ситуация именно такова. В связи с вступлением России в АТЭС (Азиатско-Тихоокеанское экономическое сообщество) у ряда некрупных стран даже возникли опасения, что в организации создастся всесильное "политбюро" в составе США, Китая, Японии и России [98]. Конституирующая структура М = 4 наблюдается и в настоящем случае.

Традиционно разделение мирового сообщества на индустриальный Север и развивающийся Юг. Если рассматривать Север в качестве самостоятельной подсистемы, то в нем выделяются следующие единицы: *США* (или контролируемый ими блок – Североамериканская зона свободной торговли, НАФТА), *ЕС, Япония* (с ее вероятными спутниками), а также *СНГ*. По издавна принятому критерию "Запад – Восток" четвертое, семантически обособленное место принадлежит, очевидно, СНГ (для этого же блока характерны и наиболее острые экономические и политические проблемы). По признакам же культуры, расовой и конфессиональной принадлежности на типологически четвертую позицию претендует Япония (три преимущественно христианских образования с европеоидным населением и одно синтоистски-буддистское, монголоидное). Нам, впрочем, уже доводилось встречаться с трансформацией внутреннего строения систем в зависимости от угла зрения, от

ключа интерпретации, и это по-прежнему остается второстепенной деталью, тогда как в центре внимания пребывает сам факт кватерниорности. Идентификация Севера в качестве самостоятельной подсистемы (образованность населения, передовые технологии, интенсивные исторические контакты, наличие "империалистического" опыта, т.е. вкуса к лидерству, а теперь и общая демократическая принадлежность) несколько лет назад побудила Н.Н.Моисеева предложить проект "Северный обруч" [214], однако нас, как и ранее, занимают исключительно числа: М = 4. Хотя на полях допустимо отметить юнговскую "проблематичность" четвертого звена, его "непокорство".

Несложно проследить семантический генезис данной четверки. Тогда стоит обратить внимание, что она пришла на смену ведущему в предшествующие десятилетия делению "Запад – Восток" и в недрах Запада затем актуализировалось более дробное членение. Итоговая схема идентична тем, что приводились в разделе 1.4.1:

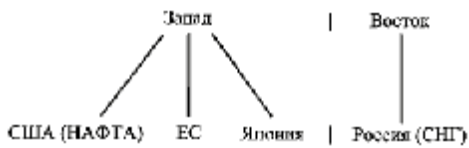


Рис. 1-15

На огромной Азиатской континентальной платформе, в свою очередь, фиксируют наличие следующих крупнейших территориальных единиц, цивилизаций, или исторически традиционных миров-экономик: *Индия, Китай, исламский мир* и *Россия (СНГ)*. Согласно Ф.Броделю, азиатские миры-экономики с 1400 г. объединятся в один супермир-экономику [62, с. 539], для допетровской России экономические связи с исламскими странами (Персией, Турцией), Индией и Китаем были важнее, чем с Европой. Ныне три специфически "восточных" элемента и один заметно вестернизированный образуют структуру 3 + 1. Ощутимая семантическая грань между ними станет нагляднее, если принять во внимание деление мирового сообщества на Север и Юг. Тогда Китай, Индия, исламский конгломерат относятся к Югу, а Россия – к Северу.(3) Амфифильная, западно-восточная, натура России – феномен того же логического рода (хотя и не масштаба), что и амфифильность – европейская, но и

проамериканская позиция – Британии на фоне континентальных ФРГ, Франции, Италии в ядре современного ЕС. С учетом ресурсов континентальной Азии – демографических, территориальных, сырьевых, – ее перспектив (не следует также сбрасывать со счетов, что уже сейчас представители всей четверки являются обладателями ядерного оружия и его ареал расширяется), значение данного сверхрегиона со временем будет только возрастать. Некогда Ф.Бродель отмечал: ""Третий мир" может прогрессировать, только тем или иным способом сломав современный мировой порядок" [62, с. 559], сходные высказывания нередки и у И.Валлерстайна. В нашем контексте в упомянутых "порядке" и "сломе" уместно выделить их логико-числовую часть, и тогда переход от тринитарных стереотипов к кватерниорным, к воплощению последних на практике, включая Азию, представляется актуальным.

В России, СНГ пересекаются азиатская континентальная стуктура 3 + 1 (точнее, 3 + 1 и "остальные" – с учетом Индокитая, Непала, Бутана) с изоморфной ей структурой урбанизированного, образованного Севера, и в обеих суперсистемах России принадлежит типологически обособленное, четвертое место (и там, и там она – "белая ворона"). Это дополнительно заставляет задуматься о предпосылках ее двойственной идентичности и о причинах сложностей в выборе исторической ориентации, союзников и соперников. Но это же, по-видимому, хотя бы отчасти объясняет, почему Россия объективно обречена быть не до конца понимаемой и своими активистскими мировыми ("западными"), и великими азиатскими партнерами, вызывая порой оправданные с их точки зрения подозрения в "двуличии".

Политическое строение М = 4, в частности 3 + 1, повторим, – характерный продукт современного образа мысли и действий. В одних случаях – обе мировые войны, большевизм, ЕС, АТР, развитый Север – такой факт не требует пояснений. В других – как в примере с континентальной Азией – уместен небольшой комментарий: ведь речь, вроде, идет о генетически древнейшем феномене, чья историческая глубина исчисляется тысячелетиями.

По происхождению сама система здесь действительно старая, но приведенное представление о ней (кватерниорное) – современно. Достаточно вспомнить, что до середины XIX в. термин "цивилизация" был призван описывать существенно отличные реалии, чем сегодня. Он использовался как антоним состоянию варварства или применялся к исторически умершим образованиям. В значении поныне сосуществующих культурно-исторических типов названное понятие не употреблялось, тем

более оно не могло служить инструментом идентификации и самоидентификации соответствующих групп народов. Броделевские же миры-экономики – и вовсе интеллектуальный плод последней четверти XX века. Мало того, сам феномен единого человечества сложился лишь к концу XIX столетия, огромные политические и экономические блоки, растянувшиеся по параллелям и меридианам, – результат века XX, начиная с мировых войн. Еще сто лет назад китаец вполне мог не догадываться об общности своего статуса и своих интересов, скажем, с персидским мусульманином, не видеть единства континентальной Азии в ее контрасте с Западом, простодушно полагая английскую королеву вассалом своего императора. Потребовались совместные усилия теоретиков XX в. и масс-медиа, десятилетия идеологической борьбы с империалистами – колониализмом и постколониализмом, – чтобы прийти к осознанию резонов азиатской солидарности, увидеть в континентальной Азии четверку упомянутых цивилизаций. Таким образом, хотя сам материал в данном случае обладает действительно архаическими корнями, способ его логической обработки – модернистский. Перечисленные четыре единицы – не столько прошлое, сколько злободневное настоящее и проект, руководство к действию, исходящие из понимания ощутимой общности стоящих проблем и путей их эффективного решения.

Четырехсоставные структуры спонтанно продуцируются в политическом котле XX века в самых разных масштабах, в самых различных областях. 30 декабря 1922 г. было провозглашено создание СССР в составе: *РСФСР, УССР, БССР* и *ЗСФСР*. Если России, Украине, Белоруссии присуща общая этническая, конфессиональная и культурная принадлежность, значительная историческая общность, то Закавказская федерация занимала по отношению к ним особое, отличительное положение, М = 3 + 1. (Не будем судить, случайно ли именно грузин, т.е. выходец из типологически четвертого элемента, был вынесен на политическую вершину конструкции в ее совершеннолетнюю пору, но о четверке центральных идеологических персонажей тех времен: *Марксе, Энгельсе, Ленине, Сталине*, трех учителях и верном ученике, "отце народов", – в скобках уместно упомянуть.) Забегая вперед, заметим, что современные проекты Евразийского союза от Солженицына до Назарбаева и Лукашенко предполагают объединение прежде всего четырех государств: *России, Украины, Беларуси, Казахстана*, – с той же прозрачной структурой 3 + 1, поскольку четвертая страна, Казахстан, отличается от тройки первых по этническим, конфессиональным, экономическим параметрам, принадлежа, кроме того, сразу двум достаточно

автономным субмирам – славянскому и центральноазиатскому (ср. Британия – между ЕС и США; СНГ – на перекрестке вестернизированного Севера и континентальной Азии). К СССР, Евразии мы вскоре вернемся, но прежде отметим, что подобное формообразование – отнюдь не исключительный признак нашей страны.

Соединенное королевство Великобритании и Северной Ирландии состоит из трех исторических национальных областей: *Англии, Шотландии, Уэльса*, – и автономной части, *Северной Ирландии*. Последняя образована в результате гражданской войны и англо-ирландского договора 1921 г. Т.е. в первой четверти XX в. Великобритания обрела структуру 3 + 1, или – с учетом небольших острова Мэн(4) и Нормандских островов, для которых установлен особый режим, – 3 + 1 и "остальные". После референдумов 1997 г. Шотландия [294] и Уэльс обзаводятся собственными законодательными ассамблеями, в Северной Ирландии возрождается стормонт (парламент), на повестке дня парламент даже собственно Англии [210],(5) т.е. наличное деление закрепляется. При этом в Северной Ирландии (Ольстере) на протяжении четверти века не прекращались вооруженные конфликты, что достаточно резко выделяло ее на фоне трех остальных единиц (подробнее о сути кофликта см. [240]). В настоящее время по инициативе правительства лейбористов заключен четырехсторонний договор между Великобританией, Ирландией, протестантской и католической общинами Северной Ирландии, согласно которому в управлении последней принимает участие и Ирландия; на референдуме 22.05.1998 договор одобрен 71% жителей провинции [209]. Такой двойственный статус дополнительно подчеркивает необычность четвертого элемента.

В 1993 г. Конгресс США ратифицирует договор о создании Североамериканской зоны свободной торговли, НАФТА [220], призванной стать ответом на консолидацию европейцев. Членами нового блока становятся три государства: *США, Канада* и *Мексика*. При этом второе из них, Канада, сталкивается со все более обостряющейся проблемой сепаратизма: за последние два десятилетия в одной из богатейших провинций, франкофонном *Квебеке*, уже дважды выставлялся на референдум вопрос о независимости [47]; в последний раз, 30 октября 1995 г., сепаратистам не хватило лишь шести десятых процента голосов (по сравнению с референдумом 1980 г. продвижение вперед почти на десять процентов) [321]. При этом сторонники отделения заявляют, что борьба будет вестись до победы и что последний по времени референдум – не последний по счету [45, 46]. В связи с чем

не будет преувеличением предположить: хотя в настоящий момент НАФТА состоит из трех элементов, в ее дверь стучится кватерниорность. К проблеме Квебеке будет случай вернуться в главе 3, поскольку ситуация с ним математически логична и в иной проекции, теперь же зададимся следующим вопросом: как дело обстоит с ведущим государством блока, со США?

В разделе 1.3, при обсуждении паттерна трех больших человеческих рас, упоминалось, что с заокеанским континентом связано представление и о четвертой – "*краснокожие*". Несмотря на то, что подобное обыденное представление не поддержано многими антропологами – индейцы оказались монголоидами, т.е. входят в состав классической тройки, – оно до сих пор остается расхожим, поддерживая кватерниорный стереотип. См., скажем, К.Ясперс: "Расы: белые, черные, монголы, индейцы, – заселяли вплоть до нового времени земной шар Американский континент был заселен одной расой – индейцами" [404, с. 51]; "Индейцы обладают резко выраженными специфическими расовыми признаками" [там же, с. 69].

В том же разделе отмечалось: ядро американской нации составили три наиболее многочисленные этнические группы, численностью около 50 млн. чел. каждая – англичане, немцы, ирландцы. В условиях этнической и расовой эмансипации последних десятилетий представление о "настоящих американцах" радикально расширилось. Одновременно США сталкиваются с новым явлением: ряд иммигрировавших групп отказываются от ассимиляции, отдавая предпочтение географически компактному проживанию и сохранению прежней идентичности. В связи с чем у некоторых политологов (напр., [304]) складывается твердое мнение: еще недавно считавшаяся классической модель "плавильного котла" (melting pot) для исходно различных национальностей в США уже не срабатывает, и ей на смену приходит модель "крупно нарезанного салата". При этом на этнической карте США выделяют четыре самые большие общины: наряду с *белым населением – афроамериканцы, латиноамериканцы, выходцы из ЮВА (Юго-Восточной Азии)*. Имея в виду психологически значимую оппозицию "белые – цветные", в данном случае можно говорить о расовой схеме 1 + 3, или 3 + 1, однако для нас по-прежнему важнее сам факт M = 4, т.е. то, что общественное сознание склонно структурироваться согласно новейшему кватерниорному образцу.

Формирование тетрарных структур происходит не только в этнической, или расовой, плоскости, заслуживает внимания и культурно-территориальное деление. Со времен покорения "дикого Запада" в США актуальна оппозиция "Запад – Восток".

Восточное побережье – исторически первый район заселения, ранее других достигший высокой ступени развития, именно отсюда – волна за волной – началось пионерское освоение Запада. В настоящий период высокоразвитым является и последний, превратившийся в своеобразного конкурента – в экономической и культурной областях – более старого Востока. Разнятся превалирующие внешнеторговые ориентации: Восток по-прежнему тяготеет к мировому Атлантическому экономическому центру, к традиционным контактам с Европой, Запад – к более молодому и динамичному Азиатско-Тихоокеанскому. К.Юнг указывает и на ощутимые психологические различия между жителями Востока и Запада [237, с. 351]. Как бы то ни было, значение названной оппозиции, конечно, выходит за рамки географической, она стяжала статус коллективно-мифологической, подогреваемой голливудскими вестернами, и известна далеко за пределами США.

Не менее существенным в этом аспекте является членение по линии Север – Юг. Между индустриальным Севером и аграрным Югом полтора века назад разразилась Гражданская война, о которой не устают напоминать школьные программы, американская литература и кинематограф. Расистским Югом северяне пугали детей на всех континентах, в ответ получая, наряду с кличкой "янки", стереотип нахального, лишенного корней и прочных устоев субъекта, в душе, как правило, адвоката. В настоящее время указанная оппозиция воспринимается скорее с юмором, однако между двумя регионами сохранились не только климатические контрасты, но и специфические акценты в образе жизни, характере общественных предпочтений. Истоки различий исследователи обнаруживают еще на эмбриональной стадии развития страны, – например, Ф.Бродель: "Противостояние, сталкивавшее Север и Юг, было сильно выраженной структурной чертой, которая с самого начала отмечает историю Соединенных Штатов", – плюс слова очевидца тех лет: "На Юге есть больше богатства для малого числа людей; на Севере – больше общественного благосостояния, больше частного благополучия, счастливого среднего достатка, больше населения"" [62, с. 419].

Осталось лишь перемножить 2 x 2, чтобы получить результирующую матрицу M = 4, обладающую, подчеркнем еще раз, не только географической, но и коллективно-ментальной валентностью.(6) Роль же общественного сознания в политике и в культуре – включая такую ключевую его характеристику как размерность, – по-видимому, не вызывает сомнений. Ранее, в частности, упоминалось поставленное на конвейер голливудское производство четверок ведущих персонажей, что, в свою очередь,

уже не первое десятилетие оказывает неоспоримое влияние на психику подрастающих поколений во всем мире, на выработку ими соответствующих собственных матриц. С учетом данного фактора, а также веса США, структура М = 4 получает дополнительный импульс и в мировой политике – даже там, попутно отметим, где самой Америке это позитивно невыгодно.

Постепенно мы обогатим копилку примеров, теперь же стоит выполнить обещание, обратившись к СССР и Евразии. Эта тема представляет для нас особенный интерес, поэтому выделим ее в самостоятельный подраздел:

1.4.2.1 СССР и СНГ

Конституционное устройство и переустройство СССР завершилось в общих чертах к 1940 г. Какова семантика данной системы? СССР ушел от первоначального варианта объединения четырех республик (РСФСР, УССР, БССР и ЗСФСР), что, однако, не означало отказа от той же логики. Рассмотрим общеизвестные и значимые как для массового советского человека, так и для коммунистического Кремля группы республик.

Во-первых, это совокупность трех славянских государств: РСФСР, УССР, БССР, – традиционно и устойчиво связанных теснейшими узами (Великая, Малая и Белая Русь). Во-вторых, с тех пор, как расформирована Закавказская федерация, регион представляли три союзные республики: Азербайджан, Армения, Грузия. С 1940 г. в составе Союза и три балтийские государства, с тем же статусом союзных республик: Латвия, Литва, Эстония, – воспринимавшиеся компактно как "Прибалтика". Для всех трех групп (трех групп по три) характерна относительно одинаковая стадиально-историческая ("модернизационная") принадлежность, индустриальный или смешанный индустриально-аграрный экономический уклад. На этом фоне Средняя Азия существенно отличалась: не только по своим этническим, конфессиональным, культурным параметрам, по срокам совместного проживания, активного взаимодействия с Россией, но и в модернизационном плане. Первоначально регион был чисто аграрным, даже с существенной долей не оседлого земледелия, а кочевого скотоводства. (Так, в начале XX в. городское население Средней Азии составляло 17,7% [268, с. 152], к 1930-м гг. пропорция практически не изменилась.) Собственное общественное сознание Средней Азии, восприятие ее со стороны, экономический статус в

сравнении с другими производили впечатление чего-то особенного, едва не экзотического, что, вероятно, и побудило тогдашнее руководство СССР оформить это политически, отделив Туркестан от России (но оставив, разумеется, в нерушимом Союзе). Группа из пяти среднеазиатских республик при этом мыслилась и "работала" как нечто компактное. Мы вскоре вернемся к этому вопросу, но сказанное позволяет заметить: в структурировании СССР принимали конструктивное участие *славянская, закавказская, прибалтийская* группы, а также *среднеазиатская* - с отчетливой схемой 3 + 1.

Уйдя от первоначально простой, непосредственной схемы 3 + 1 (согласно конституции 1922 г.: РСФСР, УССР, БССР и ЗСФСР), Советский Союз, усложняясь и развиваясь, отнюдь не отказался от той же идеи, лишь выразив ее на более опосредованном и даже высоком – "мета" – уровне. При этом Молдавия, а с 1940 по 1956 гг. и Карело-Финская ССР, играли роль "остальных", пребывая в некоторой степени "на обочине", не только географической. (Значение "остальных" в разных системах – например, в ЕС это страны, не принадлежащие к большой европейской четверке – достаточно велико, хотя и специфично. Но поговорить об этом в рамках раздела вряд ли удастся. Ограничимся пока одним: "остальные" как бы сглаживают концептуальную резкость тех схем, которые заложены в соответствующие политические каркасы, придают им своеобразную "мягкость", "компромиссность", "гуманность".)

При изучении семантического строения СССР в его классический период обращает на себя внимание одна деталь. Это строение опиралось на действительно существующие экономические, исторические, культурные реалии при разделении системы на конструктивные элементы и построении их отношений между собой. В его основу был заложен действительно весьма эффективный и "прогрессивный" по критериям XX в. принцип 3 + 1 (3 + 1 и "остальные"), что, вероятно, в немалой степени способствовало достижениям СССР, превращению его в сверхдержаву (что ни в коем случае не могло бы произойти при полном произволе в государственно-политическом конструировании). Настоящая схема была в высокой степени работоспособной для управления огромной многонациональной страной, но при этом у нее был и серьезный принципиальный изъян, который со временем привел к остановке в развитии, а затем и к крушению: она была чересчур идеологичной, в значительной мере оторванной от экономических и демографических реалий.

Так, валовой внутренний продукт всех трех республик

Прибалтики в ее лучшие годы составлял лишь 4% от общего продукта СССР, население – менее 2,8%. Тем не менее в общественном сознании, идеологии, в общесоюзном управлении прибалтийской группе была присвоена та же "политическая валентность", что и, скажем, группе славянской, качественно превосходившей прибалтийскую по экономическому объему, размеру территории, численности населения. То, что самая мощная из республик, РСФСР, была поставлена в один семантический ряд, наряду и наравне с несоизмеримо меньшими другими, объективно приводило к перекачке не только политического внимания, но и материальных ресурсов от России к этим другим. Дело не в "несправедливости" подобного положения (известно, что в мировых ценах небольшое положительное сальдо в торговом обмене союзных республик с Россией имелось лишь у Азербайджана, тогда как у прочих оно было существенно отрицательным), – главное, на наш взгляд, в другом: резко снижалась эффективность системы в целом. Специалисты по задачам оптимизации свидетельствуют: если в стратегию развития системы заложен принцип равнения на среднее, а не на высшее, это не способствует высоким темпам развития. Но иначе при существовавшем государственно-политическом устройстве быть не могло – в силу самой логики наличествовавшего строения (а не только потому, что в Политбюро сидели "неподходящие" персоны – вопрос в том, из чего они исходили, какою логикой руководствовались).

И все-таки регионально-политическое деление Советского Союза было не столь произвольным, как это порой приписывают авторы из разных политических лагерей. Как, исходя из гипотезы совершенно произвольных членений, объяснить не только успехи, но и длительную прочность СССР? Одной диктатурой? – Но никакое насилие не спасет, если стоит на зыбком фундаменте. Политическая интуиция Сталина демонстрировала зачастую удивительную точность и тонкость (в рамках, разумеется, тех стандартов, эпохи). Здесь были не только восприняты наиболее острые, "прогрессивные" тенденции, действующие в современном развитом мире (3 + 1), но и точно определено, где следует отступить от заданной схемы, обратиться к другой, в своих конкретных условиях не менее обязательной. Это нашло, на наш взгляд, выражение в принципах разделения Средней Азии.

Почему упомянутый регион был разделен на 5 союзных республик? Большая часть соответствующей территории вообще никогда не обладала собственной государственностью, здесь в основном доминировало племенное, клановое разделение (например, казахские жузы), а не национальное, отвечающее

более высокой исторической ступени.Тем не менее "искусственное", "навязанное из Москвы" членение оказалось настолько прочным, что устояло и в нынешний смутный период, обойдясь без серьезных территориальных претензий одного государства к другому. (Признание территориальной целостности друг друга, нерушимости существующих границ подтверждено на совещании среднеазиатских государств 23 апр. 1992 г. в Бишкеке [279].) Напомним, что в 1930-е гг. Средняя Азия была чисто аграрной, пребывающей на родовой и феодальной ступенях коллективного сознания, общественных отношений, жизненного уклада. Могли ли ей подойти абсолютно те же логические принципы, что демонстрировали эффективность и жизненность на материале стран индустриальных, характерно массовых социумов, т.е. принципы 3 + 1, отличающиеся известным "авангардистским" оттенком?

Как мы помним, Средняя Азия была включена в общую конструкцию СССР, ее внешняя роль вполне укладывалась в функционирование коммунистического государства, но подходили ли те же ключевые решения для *внутреннего* государственно-политического устройства данного региона? Полагаю, Сталину потребовалась не одна бессонная ночь, анализ в том числе горького (басмаческое движение) опыта по стабилизации региона, взбудораженного более крупным, общим политическим катаклизмом, чтобы прийти к тому, к чему он пришел. Навряд ли теперь возможна реконструкция его хода мысли, но любопытно, что результаты здесь совпадают с результатами современных теоретиков.

Что отличает аграрные общества от индустриальных? – Ведущей производительной силой и ценностью первых является земля, во вторых центр тяжести материальных и психологических ценностей смещается в сторону промышленного производства, производительность которого лишь косвенно связана с площадью территории (индустриальные общества делят в первую очередь не землю, а рынки, в них доминирует специфически урбанистическая психология). Средства коммуникации аграрной эпохи качественно уступают таковым эпохи индустриальной, поэтому реальное, значимое для общества сообщение (торговое, транспортное, информационное) осуществляется в них в основном с непосредственными соседями по территории. Человек из аграрного мира не приобрел еще характерной для индустриальных, массовых обществ подвижности: географической, социальной, исторической, культурной. Этот человек является оседлым в прямом и переносном значениях, будучи привязанным к дому предков (унаследованному участку

земли), к тому роду, сословию, к которым принадлежит от рождения, к традициям, историческому укладу, не устремившись еще по пути того, что принято именовать прогрессом. (Кочевой скотоводческий уклад, в общем, не нарушает данного положения, ибо кочевник гонит стада "по кругу", по столетия назад заведенным и определенным местам, строго соблюдая деление на пастбища свои и чужие, – см. циклические сезонные перекочевки в течение года, напр. [105, с. 117].) Преобладающая значимость территории, практическое внимание главным образом к непосредственным соседям – эти факторы действуют не только в реальности, но и в умах, обусловливая наличие соответствующих ментальных, логических матриц.

Видный ориенталист А.Е.Лукьянов [194, с. 21] приводит в качестве последних членение, свойственное традиционной культуре Китая и Индии, а именно деление на *центральное, северное, южное, западное* и *восточное* племена (итого 5). В таком виде воспринимается мир, такие формы диктуются заведенным образом жизни. С.Ю.Баранов обнаруживает множество подобных (с точностью до "картографического наклона") структур в истории войн и союзов от древнего Востока до новой (но не новейшей) Европы: повсюду формируются "естественные" (для того человека), относительно автономные и крупные регионы, чье строение подразумевает наличие пяти основных частей.(7) Но не в подобных ли исторических, типологических условиях пребывала и Средняя Азия 1930-х гг.? Не это ли удалось угадать И.В.Сталину, разделившему регион на *Узбекистан, Казахстан, Таджикистан, Киргизию* и *Туркмению*? Не станем судить, как в других отношениях, но в плане количества составных элементов здесь была продемонстрирована адекватность, – так же, как в применении к государственно-территориальному устройству Средней Азии критериев, отличных от принятых в других группах (напомним, каждая из славянской, закавказской, прибалтийской групп была представлена тремя союзными республиками).

Вполне допустимо, что на многих среднеазиатских жителей 1930-х годов их государственное строительство могло производить впечатление чего-то далекого, порождения игр могущественного Кремля и местных коммунистических ханов. Но это не помешало впоследствии сформироваться новому для них национальному сознанию, и структура оказалась жизнеспособной. В процессе политического строительства исключительно важен фактор "естественности", т.е. того, что "все", по крайней мере репрезентативное большинство, готовы признать таковым, готовы в пандан прочувствовать соответствующую "семему", ощутить ее внутреннюю оправданность ("законность") и

даже по-своему вдохновиться ею (имагинативный момент).

Вообще, нам, вероятно, помогут в понимании происходящего – не только в мире, но и дома у нас – следующие соображения о соотношении структурных схем и человека. На мой взгляд, дело не только и даже не столько в том, чтобы "справедливо", "законно" разделить территории или зоны влияния. Дело не столько в том, чтобы удовлетворить противоречивые и часто маловразумительные пожелания максимально многих, а в том, чтобы функционирование, взаимоотношения существующих или вновь созданных территориальных субъектов оказались понятны, интересны большинству, чтобы порождаемые межсубъектными отношениями схемы отвечали строгой логике, продуктивной в соответствующих исторических условиях, чтобы олицетворение этих схем в конкретных живых субъектах ("персонажах") обладало архетипической глубиной, увлекало, затрагивало сердца миллионов, заставляло их в унисон трепетать. "Чтобы жизнь стала романом", от которого не оторваться.

Так, в середине XIX в. в урбанизированной, индустриализированной Франции появляется книга А.Дюма с необычным, "ненормативным" четвертым героем, д'Артаньяном, и этот образ сразу захватывает сердца других народов, пребывающих на сходной стадии развития и, значит, обладающих гомоморфным типом сознания, затем появляется множество подражаний (пусть и с разным аксиологическим знаком). Сознание традиционалистских обществ отлично, но и ему присущи собственные психические, логические матрицы. Каждой стране свойственно одушевлять ("гилозоизировать"), антропоморфизировать свой народ и другие, представлять их в виде "живых" субъектов. Если относительно компактная группа укладывается в одну из упомянутых матриц, в ней "сходятся концы с концами", и группа имеет серьезные шансы оказаться устойчивой.

Группы, подобные перечисленным компактным совокупностям советских республик: славянской, закавказской, прибалтийской, среднеазиатской, – носят в политологии наименование региональных ансамблей или топосов. Таким образом, СССР, несмотря на то, что отказался от первоначальной версии своего государственного устройства (РСФСР, УССР, БССР и ЗСФСР) в процессе дальнейшего государственного строительства все же сохранил и даже укрепил каркас кватерниорности – на сей раз по региональным ансамблям. Это соответствовало уже достигнутой ступени индустриализации СССР и задачам дальнейшего развития. Это перекликалось и с характером государственной идеологии, поскольку ленинизм, как мы

помним, исторически первым в партийно-политической сфере продуцировал тетрарную схему и впоследствии, по крайней мере в сталинскую эпоху, не сдавал достигнутых концептуальных рубежей. (Экстенсионал четырехсоставности, в том числе в политике, как мы уже знаем, существенно шире, чем большевизм; последний – лишь один из ее вариантов.) Как часто в кватерниорных моделях, четвертый элемент обладал "девиантным" характером: Средняя Азия действительно воспринималась как "экзотика" – по климатическим, этнокультурным, конфессиональным параметрам, образу жизни, ступени модернизации. Поэтому в сознании советского большинства допускалось отличие ее внутреннего строения от строения остальных региональных ансамблей. Саму же Среднюю Азию удовлетворяла ее пятисоставность, поскольку последней отвечала одна из фундаментальных архаических схем. Вскоре в регионе развернулась бурная модернизация: строительство железных дорог, каналов, заводов, приведение кочевых народов к оседлому образу жизни, стало обязательным школьное образование, интенсивно готовились местные специалисты, регион охвачен масс-медиа и современными формами социальной организации (тогда, разумеется, коммунистической). Это не могло не привести к переменам и в общественном сознании и, значит, в политике, но об этом чуть позже. В качестве резюме воспользуемся, как и прежде, символическим изображением:

славянский ансамбль

– -

Закавказье

– -

Прибалтика

|

Средняя Азия +

+ **"остальные"**

Рис. 1-16

Теперь обратимся к вопросу о будущем бывшего СССР – к структуре СНГ, или Евразии, какой она представляется согласно наличным тенденциям.

Выше упоминалось: разные проекты Евразийского союза (Солженицына, Назарбаева, Лукашенко) предполагают тесное взаимодействие прежде всего России, Украины, Беларуси и Казахстана. (У данного варианта – серьезные и экономические предпосылки: почти 90% товарооборота России со странами Содружества приходится на долю Украины, Беларуси, Казахстана [234].) В отличие от СССР, каждое из трех славянских государств выступает здесь в самостоятельной роли, а не в группе, "такой же", как прибалтийская, закавказская, среднеазиатская. За возросшую семантическую самостоятельность каждого из элементов тройки ответственны различные факторы. Это и возрастание центробежных тенденций по сравнению с СССР, рост национального самосознания украинцев, русских и белорусов. Не должен игнорироваться и акцент на противопоставлении славян, их относительно вестернизированных государств представителям народов Кавказа и Средней Азии. Казахстан, 30% населения которого составляют "русскоязычные", исходя из понятных, по-видимому, соображений (что выгоднее: быть в альянсе с более развитыми славянскими государствами или с головой погрузиться в центральноазиатский ареал, во-первых, значительно менее вестернизированный и, во-вторых, находящийся под влиянием нестабильного исламского мира?), неоднократно декларирует интеграционную позицию. Его президент, Н.А.Назарбаев, последовательно – значительно более последовательно, чем сама Россия во главе с Б.Н.Ельциным, – выступает за сближение в экономической, политической, гуманитарной областях (см., напр., [221]), инициирует проект Евразийского союза, переносит столицу из Алма-Аты в Астану, т.е. в русскоязычный регион, прилегающий к границам с Россией. Схема 3 + 1 на глазах кристаллизуется и в "периферийных" районах бывшего СССР, отделяющих славянские территории от большого мусульманского мира, т.е. на Кавказе и в Средней Азии в целом.

Традиционный состав трех закавказских государств: *Азербайджана, Армении, Грузии*, – энергично стремится пополниться новой государственной единицей. Вначале

названная тенденция находит выражение в появлении такого квазигосударственного образования как *Конфедерация народов Кавказа* (3 + 1). Союз малых народов данной зоны, с одной стороны, был призван защищать своих членов от всевластия "больших хозяев", т.е. традиционных с советских времен республик, с другой же – все эти члены придерживались четкой позиции: большому союзу (в какой бы форме он ни выступал: реставрированного СССР, нынешнего СНГ или некоей новой) – да; своим государственно-национальным хозяевам – нет, тем самым объективно выступая в роли скреп будущего блокового единства. Упомянутые "скрепы" сильны пока более отрицательными, протестующими, даже брутальными проявлениями, но это едва ли удивит читателя, знакомого со спецификой типологически четвертых звеньев вообще. Устранить же Конфедерацию народов Кавказа и тяготеющие к ней автономии "почему-то" никак не удается: ни в Южной Осетии, ни в Абхазии, ни в наиболее твердом костяке Конфедерации – Ичкерии, или Чечне.

Здесь и в самом деле проблемы. Прежде всего, логически четвертые политические элементы, если начинают свой рост, нередко демонстрируют удивительную стойкость. Уже приводился пример российских большевиков, одержавших победу в Гражданской войне над коалицией всех прочих партий (хотя на выборах в Учредительное собрание за большевиков было подано всего 24% голосов) и экспедиционными корпусами иностранных держав. В Северной Ирландии, четвертой единице Соединенного королевства, 25 лет вооруженной борьбы не позволили одержать верх над республиканцами-католиками, хотя их и меньше, чем протестантов-юнионистов. Аналогично и здесь: большая нация, грузины, терпит поражение в Абхазии, несмотря на то, что первоначально в самой Абхазии грузинское население значительно превосходит по численности абхазское. Еще раньше войска З.Гамсахурдиа не добиваются успеха в Южной Осетии. И, на первый взгляд, совсем уж странное впечатление производит провал военной акции огромной России в крошечной Чечне в 1994 – 96 гг. Впоследствии список примеров будет дополнен, и мы обсудим источник столь "неожиданных" сил.

С другой стороны, возможно ли было Грузии (применительно к Южной Осетии, Абхазии), России (по отношению к Ичкерии) и потенциально Азербайджану (Нагорный Карабах) с легкостью признать действие двойной юрисдикции над частью собственной территории? Что это за Конфедерация, чья земля – территория уже существующих государств? К сожалению, здесь не место, чтобы подобающе обосновать теоретическую допустимость такого варианта в условиях четырехзвенных конструкций, в этом плане

они весьма нетрадиционны. Придется обойтись аналогиями.

Уже СССР (воплотивший в своем территориально-государственном устройстве четырехсоставную схему) был в значительной мере "неканоническим" образованием, не сводившимся к обычным унитарным, федеративным или конфедеративным формам.(8) Статус единого государства и одновременно союза государств был по существу признан и со стороны мирового сообщества, выделившего для него в ООН квоту целых трех мест: наряду с СССР, ее членами были Украина и Белоруссия (РСФСР, как ни странно, в этом списке не значилась, что, очевидно, свидетельствовало, что извне СССР квалифицировался как "большая Россия"). Какое положение возникло в результате? – Есть СССР, и в качестве суверенной страны он является членом всемирной организации независимых государств (даже постоянным членом ее Совета безопасности). Территория СССР определена. Но почему-то на той же территории оказались еще два государства, с позиций международного права также признанные независимыми. Ситуация лишь кажется парадоксальной – с во многом устаревшей, далеко не во всех случаях пригодной точки зрения. Объяснения, почему это оказалось возможным – и внутри собственной парадигмы вполне логичным, – потребовали бы слишком обширной печатной площади и введения новых, здесь не используемых категорий, в том числе математических. Поэтому ограничимся сказанным: к подобному парадоксу "привыкли", даже прочувствовали его своеобразную внутреннюю правоту.

Сходным образом ныне обсуждается вопрос о членстве в ООН Евросоюза, при сохранении мест за всеми его отдельными членами. В свою очередь, два года назад кабинет лейбористов Великобритании заключает четырехстороннее соглашение по поводу Северной Ирландии (четыре стороны: правительства Великобритании и Ирландии, представители протестантской и католической общин в самой Северной Ирландии), согласно которому в управлении Ольстером принимают участие оба государства, и это позволяет остановить застарелый кровопролитный конфликт (не принимая в расчет немногочисленную маргинальную группу крайних экстремистов).

Таким образом, и перед Конфедерацией народов Кавказа не было абсолютного тупика, однако и Тбилиси, и Москва избрали тактику насилия, не только не добившись некорректно поставленных целей, но еще более усугубив проблему. Упомянутой же Конфедерации, ее возможному преемнику (т.е. некоему аналогичному территориально-политическому образованию) или ее наиболее деятельному представителю,

добивающейся полной независимости Чечне,(9) принадлежит в регионе место "четвертого", и это место неистребимо. В данном случае опять-таки идет речь о региональном ансамбле – кавказском, перестраивающемся, подчиняясь новейшим веяниям (за предыдущие десятилетия он пережил существенную модернизацию, по крайней мере усвоил арсенал индустриалистского образа мысли и методов), согласно кватерниорной матрице.

Азербайджан, Армения, Грузия входят в состав СНГ. При этом любопытно, что упомянутый четвертый элемент – будь то в широком значении (Конфедерация народов Кавказа) или в узком (Чечня) – занимает еще более последовательную интеграционную позицию, чем тройка ныне легитимных государств. Абхазия, чье недавнее преуспевание базировалось на курортной индустрии, на приезжих со всего Союза и на экспорте фруктов в республики СССР, отдает себе отчет в том, что одна Грузия не в состоянии обеспечить ее туристами и потребителями, и оттого заводила разговоры о присоединении к России или к союзу Россия-Беларусь. Южная Осетия стремилась воссоединиться с Северной, являющейся субъектом той же РФ. Нагорный Карабах, во времена Горбачева выступавший с инициативой непосредственного вхождения в СССР, до сих пор видит в российском факторе залог выживания. Даже Ичкерия, чьи отношения с Россией, кажется, безнадежно испорчены, демонстрирует достаточно неожиданное поведение. Во-первых, Джохар Дудаев не признавал законности роспуска СССР и даже предлагал отправленному в отставку М.С.Горбачеву убежище в Чечне как последнем бастионе Союза. Во-вторых, и нынешний президент Чечни, А.Масхадов, и столь радикально настроенный деятель как Ш.Басаев ("террорист", вторая по популярности фигура в республике), настаивая на государственной независимости, недвусмысленно высказываются за вступление в СНГ. Территория Чечни зажата между Россией и Грузией, "куда же мы денемся?" – раздаются комментарии чеченских политиков и полевых командиров. С.Радуев, командующий "Армии генерала Дудаева", даже предлагал выстроить отношения между Чечней и Россией по образцу российско-белорусского союза [159]. Подобные факты укрепляют во мнении: типологически четвертый элемент на Кавказе, борющийся за свои права против соответствующих канонических постсоветских государств в отдельности, в то же время ориентирован на достижение более широкого, блокового единства. Данный тезис пригодится впоследствии, пока же достаточно констатировать, что кавказский региональный ансамбль, пребывающий на стыке славянского и большого

мусульманского миров, во-первых, представляет собой единую, сопряженную с Россией систему [90] и, во-вторых, рано или поздно добьется, по-видимому, кватерниорности собственного государственно-политического строения.

Не лишено любопытства, что не только на Кавказе в целом, но и в его отдельных частях прослеживаются контуры четырехзвенных конструкций. Так, недавно самое крупное из государств региона, Грузия, еще с советских времен обладало упомянутым строением, поскольку, наряду с *основной территорией*, в ней существовали три автономии: *Южная Осетия, Аджария* и *Абхазия*. Не составит труда провести параллель с устройством Великобритании XX в., в которую, кроме Англии, входят Шотландия, Уэльс и Северная Ирландия, или с этно-территориальной структурой Испании, где, помимо *испанцев*, фигурируют *каталонцы, баски, галисийцы*, обладающие собственными историческими областями. Во всех этих случаях перед нами совокупность одного большого, "главного" звена и трех относительно малых, "вспомогательных", что, возможно, побудило бы нас к инверсивной записи 1 + 3. Однако в подобном приеме нет необходимости – не только из-за нежелания вдаваться в детали, но и потому, что обе модификации – и 3 + 1, и 1 + 3 – в значительной мере эквивалентны. Именно так их оценивал и К.Юнг: "три нормальных фигуры и одна странная" или же "три странных и одна нормальная". Оттого, по крайней мере в первом приближении, здесь выполняется закон семантической коммутативности: от перемены мест слагаемых сумма не меняется.

Между обретшей независимость Грузией и Южной Осетией, а также Абхазией в годы правления Гамсахурдиа был развязан вооруженный конфликт. Аджарию (половину ее населения составляют, кстати, *мусульмане*, другие основные национальные группы – *православные грузины, русские* и *армяне* [395], итого этно-конфессиональная структура M = 4) военные действия обошли стороной, что не означает отсутствия политических столкновений с Тбилиси.(10) Попытки унификации, "преодоления коммунистического наследия", т.е. ликвидации автономий, в результате потерпели провал,(11) и разграниченность, а вместе с нею и четырехсоставность формы, только укрепились.

Азербайджан, на первый взгляд, обладает отличным территориально-политическим строением. Его территория – также со времен СССР – состоит из двух географически разделенных частей: основной и Нахичевани, располагавшей статусом автономной республики. Наряду с ними, в пределах основной части, наличествовал и анклав Нагорно-Карабахской

автономной области, отличавшейся по этническому параметру (преобладающая доля армян). Подобное строение топологически описывается как два элемента плюс "дыра". Здесь нет возможности вдаваться в подробное обсуждение, но в одной из статей [197] нам уже доводилось обращаться к математическому анализу изоморфных ему структур на партийно-политическом материале (послевоенная Италия). Вывод таков: политическая система, состоящая из двух элементов и "дыры", социально-логически эквивалентна четырехзвенной системе. С соответствующими оговорками этот вывод можно перенести на территориально-политические системы, иллюстрацией чего служит, в частности, послевоенная Германия – с одной стороны, разделенная на четыре оккупационные зоны (M = 3 + 1), с другой – состоявшая из ФРГ, ГДР, а также анклавного Западного Берлина в роли упомянутой "дыры". Одно строение соответствовало другому, они сосуществовали. Не иначе обстоит и с рассматриваемым Азербайджаном: несмотря на то, что поверхностный взгляд не позволяет сразу заметить следов кватерниорности, последняя имплицитно присутствует и находит свою дорогу к реальности. Однако для нас данный вопрос остается побочным, т.к. мы по-прежнему заняты строением Евразии в целом.

Что происходит в постсоветском среднеазиатском регионе? – Этот обширный район в высокой степени автономен, самоорганизован, поэтому – как и Кавказ – способен к самостоятельному формообразованию. За годы советской власти он пережил значительную модернизацию и является не чисто сельскохозяйственным, а аграрно-индустриальным и даже индустриально-аграрным. Поэтому прежняя пятизвенная матрица ("центральное государство и четыре соизмеримых соседа") уже не вполне адекватна. И действительно, наблюдается характерная трансформация.

Прежде всего, в 1992 г. государства Средней Азии и Казахстан признают нерушимость существующих между ними границ, декларируют наличие общих интересов [279]. Во-вторых, часть стран региона: Казахстан, Узбекистан, Киргизстан, – еще на старте образовали так называемую "Алма-Атинскую тройку", создали единое экономическое пространство [412], связали себя сеткой договорных отношений. В-третьих, одно из государств, а именно Туркменистан, объявило об официальном нейтралитете. Значение этого нейтралитета, очевидно, не выходит за границы Средней Азии и ее южных соседей, поскольку Туркменистан вступил в СНГ, первым признал двойное гражданство с Россией. Но в своем собственном регионе Туркменистаном, по всей

видимости, избран путь "остальных" (напомним, отнюдь не бессмысленный, не деструктивный). Наконец, в-четвертых, остается Таджикистан.

Эта страна этнически отличается от соседей: ее коренное население – не тюрки, а представители индоиранской ветви индоевропейских народов. Это единственное из государств региона, широко открывшееся свежим демократическим ветрам из обновленной Москвы и попытавшееся допустить у себя многопартийность, за что заплатило кровавую цену гражданской войны. (Здесь уместно констатировать, что весь регион, по всей очевидности, не достиг состояния специфически массовых социумов, способных сравнительно благополучно для себя обзаводиться многопартийной системой. Хотя, собственно, и нигде, никогда подобный процесс не проходил вполне безболезненно. Зато – как и в советский период – в своих внешних функциях, на уровне межрегиональных, межгосударственных отношений субъекты региона ведут себя согласно современной, "индустриальной" логике.) Обе главные силы гражданской войны в Таджикистане отличались политической экзотичностью. Одной из сторон не удалось сорвать с себя ярлык коммунизма, дезавуированного самими московскими патронами (во всех остальных среднеазиатских государствах эта процедура прошла достаточно гладко, несмотря на сохранение, в основном, как руководящих персон, так и фактической однопартийности). Другая сторона таджикского конфликта представляла радикальное крыло Исламской партии Возрождения [255], вызывая ассоциации с мировым фундаменталистским течением, – хотя, как и ее противники, была всерьез заинтересована в поддержке Кремля.

Отметив, что и в других случаях типологически четвертый элемент обычно переживает переходный процесс в наиболее трагических формах, констатируем, что постсоветская Центральная Азия структурируется согласно принципу 3 + 1, точнее, 3 + 1 и "остальные". Напомним: Узбекистан, Казахстан, Киргизстан в качестве базовой тройки, Таджикистан – в функции "четвертого" (Таджикистан, после национального примирения, также принят в Центрально-Азиатский союз(12)), а нейтральный Туркменистан – в роли "остальных". Прежняя аграрная пятизвенность, не затрагивая списочного состава, на глазах трансформируется в соответствии с новыми – более отвечающими нынешним условиям – внутренними критериями. Заметим, все происходит как бы "само по себе", без каких бы то ни было – просто отсутствующих – стратегических планов. Относительная автономность региона, наличие общих интересов подтверждены

на встрече в Ашхабаде в январе 1998 г. [16,17].

Контуры кватерниорности прослеживаются и в странах в отдельности. Например, коренное население Кахахстана, переживающего, согласно аналитическому обзору Д.Трофимова ("Известия" от 6.06.1994), родоплеменной ренессанс, традиционно делится на три жуза: *Старший, Средний* и *Младший* (ареал Старшего – южный Казахстан, Среднего – центральный и восточный, Младшего – западный и северный). Различно их положение и на социально-политической карте. Так, в XIX в. ханы Младшего и Среднего жузов служили главными претендентами на общеказахское лидерство; в советский период на первый план выдвинулся Старший (Кунаев и Назарбаев – из него), тогда как выходцы из Среднего составляли научную и культурную элиту. Воинственный Младший жуз выдвинул из своих рядов самых ярких революционеров 1920-х гг. XX век кардинально изменил демографический облик, поскольку ныне в Казахстане проживает 30% (недавно до 40%) неказахского, главным образом *русского*, населения. Современное этно-политическое строение, следовательно, описывается формулой 3 + 1. Славянская (вернее, "русскоязычная") группа отличается более высоким уровнем образованности и профессиональной квалификации, в первую очередь с ней связаны надежды на модернизацию. Но те же "русскоязычные" территории оказываются источником наиболее острого риска: наличие сепаратистских настроений. Перевод Н.А.Назарбаевым столицы Казахстана из южной Алма-Аты в северную Астану (бывший Акмолинск, Целиноград) убивает, похоже, сразу нескольких зайцев.

Сделав шаг в сторону, за рамки СНГ, небезынтересно заметить, что след аналогичных конструкций обнаруживается и на южных границах Средней Азии – в Афганистане. Не в данном контексте обсуждать, внутренние ли, внешние факторы или их сочетание обусловили вступление этой страны в революционную полосу, но теперь основными силами в афганской гражданской войне оказались следующие. Согласно газетным сообщениям, "Северный альянс" объединяет войска президента Бархануддина Раббани (в его правительстве доминировали таджики-шииты), лидера узбеков Абдул Рашида Дустума и знаменитого полевого командира Ахмад Шаха Масуда (сменившего бывшего премьер-министра Хекматиара). Тройственный альянс противостоит четвертой силе, фундаменталистскому движению "Талибан", см. [384, 78, 184, 76]. На состоявшихся 14 марта 1999 г. в Ашхабаде переговорах талибы выразили согласие на сотрудничество опять же с тремя ведущими силами, отвергнув участие остальных [123]. При этом основными этническими группами в Афганистане

являются пуштуны (около 40% населения [там же], именно они составляют ядро движения "Талибан"), таджики, узбеки, хазарейцы, туркмены. С учетом "нейтральности" туркменов, активных сил по-прежнему M = 4. Соседями же Афганистана, так или иначе влияющими на конфликт, являются Пакистан, Иран, а также постсоветские Узбекистан, Таджикистан, Туркменистан. Последний – нейтрален, значит, и по данному признаку структура представляется "четыре плюс "остальные"".

Вероятно, полезно еще раз коснуться черт семантически четвертых элементов вообще – будь то большевизм в системе типов политических течений, Северная Ирландия в Великобритании, Квебек в НАФТА, Конфедерация народов Кавказа или Чечня в кавказском ансамбле, Таджикистан в постсоветской Центральной Азии, движение "Талибан" в Афганистане и др. Их отмеченный еще Юнгом "девиантный", "вирулентный", нарушающий нормы характер схватывается и текущей математической моделью. Решение M = 4, как мы помним, сопровождается "странным" решением M = – 1, см. (8). В разделе 1.5 будет более обстоятельно затронута семантика варианта M = – 1, здесь же, забегая вперед, достаточно отметить, что ему отвечает, метафорически выражаясь, определенная "негативация", "самоотрицание" системы, так сказать, "воля к самоуничтожению". В чистом виде этот мотив не реализован в кватерниорных политических системах, однако он сопутствует им в качестве более или менее отчетливой коннотации. Решение M = -1 появляется вместе с M = 4, тогда как в случаях M = 3 или M = 5 оно отсутствует. Поэтому трансформация тринитарных систем в тетрарные сопровождается развязыванием упомянутых "негативистских" тенденций, что безошибочно и фиксируется свидетелями и аналитиками. Пришедшее разрушение, "зло" принято адресовать ненормативному четвертому элементу (ведь до его рождения "все было в порядке"), тогда как с точки зрения используемой модели корректнее было бы говорить о неотъемлемых логико-ментальных особенностях новой системы в целом. Со временем острота противопоставления трех традиционных элементов четвертому может сглаживаться, кватерниорность входит в привычку, составляет новую норму, и момент "негативации" уходит на глубину, с которой его проявления превращаются в малозаметные. Сказанное, повторяю, станет понятнее после раздела 1.5, но – "дорога ложка к обеду" – упоминание о неотъемлемом коннотативном значении структур M = 4 позволяет, надеюсь, лучше понять и анализируемые политические кватернионы.

Подводя итог, семантическая структура складывающегося

СНГ, или Евразийского блока (дело не в названиях), представляется следующей. Совокупность "Россия, Украина, Беларусь и Казахстан" является его репрезентантом лишь в первом – хотя и важном, работающем – приближении. Более строго ту же структуру, на наш взгляд, удастся передать, если Россия, Украина, Беларусь сохранятся в качестве базовой тройки, тогда как место типологически "четвертого" окажется принадлежащим сразу двум составным элементам: постсоветским Центральной Азии и Кавказу. Оба региона (подсистемы, субблока, региональных ансамбля) – пограничные с большим миром ислама и, соответственно, "амфифильны". Они оба – не только географические, этнические, культурные, но и стадиально-модернизационные маргиналы по отношению к государствам славянским. Согласно мир-системным членениям, если славяне принадлежат зоне мировой экономической полупериферии, то Центральная Азия и Кавказ – периферии, т.е. вторые отделены от первых важной глобальной границей. Четвертых элементов здесь два – по той же, к сожалению, не объясненной в настоящем разделе, причине, по которой в ООН, наряду с СССР, пребывали УССР и БССР (т.е. с позиций международного права над соответствующими территориями по существу был признан двойной суверенитет: общесоветский и национально-республиканский) или по которой в управлении делами Северной Ирландии, легитимной части Соединенного королевства, стала принимать участие и Ирландия. Как и прежде, воспользуемся графическим изображением:

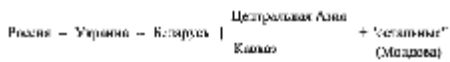


Рис. 1-17

Каждый из четвертых элементов, в свою очередь, располагает собственным кватерниорным строением (см. выше), им отличаются даже отдельные государства(13) . Здесь все пригнано друг к другу как в прецизионном механизме. Молдове по-прежнему, как и при СССР, отводится роль "остальных", она привязана к блоку фактором Приднестровья (к вопросу об этой стране нам, впрочем, предстоит возвратиться при изучении

структуры ЕС). Что касается Балтии – Латвии, Литвы и Эстонии, – эти государства не только не являются членами СНГ, но и выбрали совсем иной вектор движения – по направлению к ЕС и НАТО. И действительно, трансформация СССР в СНГ не оставляет бывшей советской Прибалтике другого логического места, кроме "остальных". В коллективно-психологическом плане принятие подобного варианта по сути означало бы понижение реального (пусть и не продекларированного) статуса, политико-аксиологическую маргинализацию (напомним, в СССР тройке прибалтийских республик принадлежала равноценная семантическая позиция как и у огромной по размерам совокупности славянских государств или как у всей Средней Азии). Напротив, Балтия, в чем вскоре предстоит убедиться, исключительно точно укладывается в паттерн новой Европы: невостребованный (или полувостребованный) элемент в одном блоке, она необходима в другом.

Вероятно, нелишне сопутствующее замечание: постсоветское пространство сбивается в семантически компактный блок во многом благодаря следующим факторам. С одной стороны, ключевая система самых крупных, модернизационно продвинутых, традиционно составляющих ядро исторического объединения славянских республик (России, Украины, Беларуси) является *тройкой*, с другой – в головах населения на всем постсоветском пространстве, не исключая, конечно, самих славян, уже век как утвердился *кватерниорный* политический стереотип. Последний совершает победное шествие по всей планете (см. выше, цепочка примеров вскоре будет продолжена), и тем более непонятно, что в состоянии прекратить его формообразующее действие там, где им давно пущены разветвленные и глубокие корни. Результатом сочетания тройки в реальности и четверки в душах и умах становится стремление дополнить тройку до четверки и на практике. Так при образовании молекул атомы объединяют свои внешние электронные орбиты, дополняя численность электронов до "полного списка", так ион захватывает извне недостающий электрон. Отсюда следует: если тройка славянских государств по каким-то причинам вдруг превратилась бы в четверку, ее интегрирующая сила тут же бы исчезла.

Призрак такого превращения надавно промельнул в связи с официальной просьбой Югославии принять ее в союз России и Беларуси. Если бы такой вариант (оставим в стороне степень его серьезности) был претворен в действительность, то это, по всей вероятности, ускорило бы присоединение к православно-славянскому альянсу Украины, но зато поставило бы бесповоротный жирный крест на консолидации остального

постсоветского пространства: и Центральная Азия, и Кавказ оказались бы "не нужны" и, что еще важнее, тесная славянская компания оказалась бы совершенно чуждой львиной доле двух упомянутых региональных ансамблей. Позитивистски настроенные аналитики справедливо указывают на неизбежное тогда фундирование этно-конфессиональных противоречий внутри СНГ, раскол по линии "славянско-православный мир и исламский". Мы же склоняемся видеть в том же факте очередное выражение "числовых" закономерностей: искомая четверка состоялась бы и без Центральной Азии и Кавказа, превратилась бы в "самодостаточную" целостность, соседствующую с другими, столь же самодостаточными.

Трансформация славянской тройки в четверку также мыслима и в свете порой обсуждающейся перспективы распада РФ на две части: западную (европейскую) и восточную (за Уральским хребтом). В этом случае снизился бы уровень опасений Украины потеряться рядом с огромной Россией, т.е. возможность восточно-славянской интеграции могла бы возрасти. При этом неизбежно повысился бы и уровень самодовлеемости славянского ансамбля (например, потому, что России было бы уже не до экспансии, дай Бог сохранить существующее). Одновременно снизилась бы степень притягательности России для государств Средней Азии и Кавказа. Тогда на постсоветском пространстве наблюдались бы три независимых друг от друга региональных ансамбля, каждый – с собственным кватерниорным строением. Подобный вариант, однако, до поры допустимо всерьез не рассматривать, т.к. он осуществим лишь при переходе нынешнего глубокого экономического и политического кризиса в хроническую форму, а России уже не однажды удавалось демонстрировать свои способности к внутренней мобилизации, к ответам на разнообразные исторические вызовы, причем, зачастую в безвыходных, казалось бы, ситуациях.(14) Чуть ниже мы коснемся более важных причин, по которым вряд ли оправданно ожидать реализации упомянутого "пессимистического" сценария. Здесь же остается заметить, что полное отделение пограничных с большим миром ислама стран Средней Азии и Кавказа от бывших славянских партнеров действительно не смогло бы предотвратить их экономической и политической маргинализации, "африканизации", что им и было обещано мир-системными аналитиками.

Зайдем с несколько другой стороны. Строго говоря, евразийской структуре M = 4 удалось бы реализоваться и без двойного экземпляра четвертого элемента, а только с одинарным. При этом, однако, неизбежно встал бы вопрос, куда деваться

"неоприходованной" части. У постсоветской Центральной Азии, собственно, даже теоретически не существует сколько-нибудь приемлемой альтернативы пребыванию в составе единого блока с Россией и остальными. Остаться одним в условиях глобализации мира? – Даже совокупный вес центральноазиатского ансамбля не позволяет надеяться на статус серьезного игрока, с интересами которого будут считаться. Позволить затянуть себя в пучину брожения соседнего исламского мира? – Такой участи не пожелает своей стране ни один ответственный политик. С этим ансамблем все более или менее понятно: объективные реалии рано или поздно заставят его присоединиться к евразийскому блоку, особенно вслед за стабилизацией России. А как обстоит дело с кавказским ансамблем?

Его географическое положение, соседство с Европой и Турцией в состоянии вселять в головы иных региональных политиков надежды на присоединение к ЕС и НАТО. При этом, как сказано, становление евразийского блока в принципе возможно и без Кавказа (структура М = 3 + 1 реализуема и без него). Согласен, на уровне отвлеченной гипотезы перспектива вступления в НАТО не исключена: заинтересованность в этом геополитически значимом, богатом энергоресурсами регионе со стороны ведущих членов альянса (особенно США) достаточно высока. Беда лишь в одном: членство в военных структурах – не самоцель ни для одной из кавказских республик. Если вскоре за тем оно не будет подкреплено приемом в богатую экономическую организацию (единственный мыслимый вариант – в ЕС), то эти государства, как бы помягче выразиться, разочаруются. Вопрос, могут ли у Европейского союза в ближайшие годы возникнуть практические планы включить в свой состав Азербайджан, Грузию, Армению и, возможно, подверстанную к ним Чечню, ничего, кроме улыбки, вероятно, не вызовет. Зачем это нужно ЕС? Готов ли этот тщательно заботящийся о собственном благополучии блок принять на себя ответственность за экономику и политику региона? Дай Бог в обозримую перспективу придать цивилизованный облик Турции и странам Восточной Европы, а заботы об еще более далеких от европейских стандартов народах на ближайшей повестке дня не стоят. Поэтому у кавказского ансамбля в конечном счете нет иного выбора помимо присоединения к евразийскому блоку (благо, дорога проторена). Нынешний же взаимный флирт некоторых стран Кавказа и отдельных представителей Запада – из области, кто кого сумеет перехитрить, сумев добиться временных дивидентов (впрочем, возвращаясь к серьезному тону, не стоит сбрасывать со счетов значение и обычных межгосударственных, интерблоковых связей,

т.е. поверх границ между крупными блоками). По завершении общеевразийского кризиса все встанет на свои места.

Прежде, чем продолжить анализ, стоит выполнить недавнее обещание, вкратце обсудив причины, по которым типологически четвертые элементы зачастую демонстрируют удивительную политическую стойкость, в том числе вопреки исходным раскладам сил. В качестве рабочих используем примеры русских большевиков в Гражданской войне, конфликта крошечной Чечни с огромной РФ или движения "Талибан" в Афганистане. Выводы нетрудно распространить и на другой материал.

По-прежнему придерживаемся гипотезы, что в эпоху масс главным творцом истории, возникающих политических форм являются упомянутые массы, причем по-школьному образованные и, значит, проникнутые элементарной логикой. Пусть, далее, некий регион – будь то страна или блок – по каким-то причинам приходит в движение, массы вдохновляются теми или иными идеями и, что более важно, усваивают, что от них на деле многое зависит. В когнитивном плане это означает формирование активного актора,(15) или "субъекта", который отныне встроен в "объективную" политическую реальность. Подобная ситуация – см. раздел 1.4.1 – подталкивает к утверждению кватерниорного стереотипа, последний получает дополнительную подпитку, если уже есть, чему подражать.

Разумеется, массы более чем далеки от подсчета, процесс протекает по бессознательным, имагинативным каналам, что, однако, не уменьшает, а увеличивает его мощь, возвышающуюся до ранга "предопределения", "рока" или "судьбы". Далее, как правило, возникает конфликт между "здравой" сознательно-идеологической установкой и подспудным велением M = 4. На практике четвертый элемент не легитимизирован, мало того, его репрезентант идентифицируется как "политический монстр", чему в самом деле дает серьезные поводы (см. примеры). По-своему естественная реакция – "монстр" должен быть устранен, такие не имеют прав на существование, и возможностей для победы над ним, кажется, более чем достаточно. Дальнейший сценарий стандартен: чем больше сил бросается на борьбу с "незаконным" четвертым элементом, тем больше, как на дрожжах, он растет, в конце концов, после множества перипетий, одерживая победу. В чем же дело?

На наш взгляд, именно в характере общественного сознания, в особенностях системы в целом. Последняя уже революционна, тем самым приняла тетрарный стереотип, отказаться от которого невозможно как от самоё себя, тогда как в реальности предпринимаются попытки избавиться от "четвертого". Без выхода

за рамки системы эта задача невыполнима, поскольку подобна усилиям по поднятию груза, на котором стоишь, или, что то же, мюнгаузеновскому вытягиванию себя за волосы из болота. Чем интенсивнее давление на четвертый элемент, тем активнее отдача, последняя неограниченно растет вместе с внешним воздействием, ибо питается не только собственными ресурсами, но и заимствованными у противников. Так, директивы Генерального штаба России в 1994 – 96 гг. становились известными чеченским боевикам раньше, чем федеральным войскам; на вооружении полевых командиров зачастую оказывалось русское оружие, которым не располагала регулярная армия. Но главное в таких условиях – "дух". Идеологически Россия полностью проиграла в собственных средствах массовой информации, тогда как для чеченцев война была исполнена высшего смысла.

Российское национальное государство, как ранее Грузия, полагавшее, что имеет противником одного из своих провинциальных субъектов, фактически вступило в схватку с самим собой, с конструктивным принципом 3 + 1, наиболее острым и последовательным олицетворением которого служила Чечня, семантически четвертое звено в кавказском ансамбле, последний же – "четвертый" в СНГ (см. рис. 1-17). По существу РФ боролась со складывающимся евразийским блоком, в часть которого ей предстоит превратиться, с его организацией 3 + 1, действующей на всем евразийском пространстве как в прошлом, так и в обозримом будущем. Такая борьба заведомо обречена – из-за "связанности рук", из-за того, что соперник больше тебя, в его рядах, вдобавок, ты сам. Чеченские лидеры тех лет не совершили подобной ошибки, изначально выступая не только за независимость, но и за блок, см. выше: будь то СССР, СНГ.(16) Ситуация достаточно типична, и "неожиданная" стойкость четвертых элементов всякий раз оказывается проявлением устойчивости кватерниорного паттерна в целом. Вывод полезен и применительно к другим, не столь драматическим процессам, его не стоит упускать из вида на протяжении последующего изложения.

Трансформация СССР в СНГ, или его преемника, приводит к изменению его политических свойств, о чем свидетельствует сравнение двух структур: рис. 1-16 и 1-17. Прежде всего, роль логически центрального ядра играет уже не совокупность трех региональных ансамблей: славянского, Закавказья, Прибалтики, – а трех государств: России, Украины, Беларуси.(17) Насколько последняя группа может считаться относительно целостной (полной, замкнутой, связной), настолько по отношению к ней

справедливо все сказанное о структурах n = 2, M = 3 (см. раздел 1.3). Стоит отметить отличие данной ситуации как от имперской, когда функция ядра принадлежит одной метрополии или, как в редкостном случае Австро-Венгрии, двум, так и от советской, когда ради построения интернационального коммунистического государства огромный славянский комплекс был подверстан в одну строку с несоизмеримо меньшими другими. Замена трех этнически и конфессионально разнородных ансамблей на тройку национальных государств отражает происходящее: возрастание общественно-психологического значения этнических и конфессиональных факторов (по сравнению с интернационалистским, атеистическим СССР), углубление межгосударственных границ (преодоление черт унитарности, присущих СССР), – что задает "деунифицирующий" тон всей системе. Необходимым условием формообразующей работоспособности России, Украины, Беларуси является, во-первых, сохранение за каждой статуса отдельного (суверенного) элемента и, во-вторых, обеспечение их логической равноценности. Вокруг последнего пункта развиваются специфические, хотя по-своему и естественные, коллизии ввиду фактических различий в площадях территорий, численности населения, размерах ВВП, а также исторической памяти. Проблема, известная и по ЕС – из-за наличия там европейского "кита", единой Германии – в СНГ, с учетом России, оказывается еще более острой, но, как и в ЕС, разрешимой. К этому мы вскоре вернемся.

Логика M = 3 в современной общественно-политической жизни оказывается недостаточной, принцип M = 4, в частности 3 + 1, ответствен за организацию множества реальных систем. Не является самодостаточной и совокупность трех славянских государств. Не будет преувеличением утверждать, что координация их усилий в рамках единого блока обретает целесообразность и смысл лишь в более широких рамках. Здесь не имеется в виду, конечно, совместная эксплуатация "периферии" (стран Кавказа и Центральной Азии) со стороны более модернизированной коллективной метрополии (России, Украины, Беларуси). Как и в ЕС, присоединение к группе более развитых северных стран менее развитых южных, а затем восточных, подразумевает не дискриминацию, а помощь в модернизации, в результате чего (расширение рынков, эффективное разделение труда, увеличение международного веса) остаются в выигрыше все участники. Не иначе обстоит и с евразийской системой, но в настоящем контексте мы обращаем внимание не столько на подобные "позитивистские" факторы,

сколько на формирующийся в результате паттерн M = 4, т.е. на механизм коллективного рационального бессознательного. Именно он логически замыкает систему, придает ей психологическую убедительность: изнутри (для стран-членов СНГ) и снаружи (со стороны иных государств и блоков).

В обсуждении вопросов об интеграции или, напротив, дезинтеграции СНГ принимают участие обычные граждане, масс-медиа, политологи. Со всех сторон задействовано множество аргументов. Одни, устремляя взгляд в прошлое, видят в никак не удающемся полном разводе проклятие сталинского наследия: коварный Сталин так разделил СССР, чтобы ни одна из частей не могла обходиться самостоятельно, а проведенные тогда границы в основном соответствуют нынешним. Другие, поворачиваясь лицом к будущему, апеллируют к отсутствию у интеграции приемлемых альтернатив. Такую перспективу диктует экономический императив, поскольку ни один из членов СНГ в отдельности, не исключая Россию с ее почти 150-миллионным населением, не располагает размерами рынка, достаточными для сбыта своей наукоемкой продукции, не только для обновления, но и сохранения промышленного потенциала. Не ждут местных товаров, кроме сырьевых, и надежные внешние рынки. При этом каждая из евразийских стран лишена достойной обсуждения вероятности быть принятой в любой из существующих или складывающихся политико-экономических блоков (согласно опросам семидесяти квалифицированных европейских экспертов, за 10 лет после падения Берлинской стены значительно снизилась эйфория по поводу возможностей расширения Евросоюза [211]). Тогда преференционный обмен внутри СНГ оказывается тривиальным условием выживания ныне и единственно возможной стартовой площадкой для экспортной экспансии впоследствии. 300 миллионов населения СНГ, похоже, есть минимальный порог для достижения общей конкурентоспособности, попадания в "высшую лигу" современного мира. Не иначе обстоит и с военной безопасностью (сохранением и развитием оборонных технологий), с международным политическим весом, от которого реально зависят те же правила международной экономической игры. Состояние культурной сферы, в свою очередь, пребывает в тесной корреляции с тиражами, количеством зрителей, слушателей. Наряду с подобными "отрицательными" условиями упоминают и "позитивные": предшествующие столетия совместной жизни выработали сходные общественные стереотипы – с одной стороны, сближающие новые суверенные государства друг с другом, с другой, контрастно отличающие их от внешних соседей.

Играет на руку даже сама география – общая зажатость между иноцивилизационными компактной Европой, динамичным Китаем, нестабильным исламским миром. Не сбрасывается со счетов и фактор подражания: образцы ЕС, НАФТА производят должное впечатление, которому со временем предстоит лишь усиливаться. Третья часть политологов, исходя из наличного на текущий момент положения в СНГ, высказывается скептически – например, директор Федерального института по изучению Восточной Европы из Кельна Х.Тиммерман [442].

В наши задачи не входит включаться в подобное обсуждение, в котором аргументы различной валентности сплетены как в гордиевом узле. В настоящем контексте становится куда более значимым факт живого интереса населения СНГ к проблеме, а также то, что на волне демократизации, восприятия нынешнего состояния как переходного рождается тот самый коллективный политический актор, активный политический субъект, о котором недавно шла речь. В складывающуюся "объективную" политическую реальность встроен дееспособный "субъект", и формирование тетрарной структуры на данном пространстве тогда в конце концов неизбежно. Евразийскому населению есть и кому подражать: кватерниорности вне СНГ, своему собственному прошлому, ибо за 70 лет СССР указанный стереотип буквально "въелся" в коллективное сознание и отказ от коммунизма – это отказ лишь от одной конкретной разновидности, а не от логического паттерна вообще, значительно более широкого по значению. Поэтому по окончании кризиса идентичности ответ на вопрос "кто мы и что" волей-неволей обопрется на тот же рационально-бессознательный, логико-числовой фундамент. "Собирание земель" в таком случае дело не только России, и вопрос вовсе не в "империализме" (русском или восточно-славянском)(18) – без "собирания" в конечном счете не удастся добиться идентичности никому, и, значит, поиск будет продолжаться, пока не будет достигнуто устойчивое, самосогласованное состояние.

Кто или что в состоянии этому помешать? Хаос в душах, умах (главный враг не только отдельных людей, но и народов – они сами)? – Он рано или поздно заканчивается. Могущественные внешние силы? – Но и сами они проникнуты тетрарным стереотипом, так, в частности, идентичность "индустриального Севера" базируется на той же структуре, требующей наличия (воссоздания) на евразийских просторах полноценного геополитического элемента (об этом шла уже речь). Единственное, что, не нарушая данный паттерн, могло бы послужить адекватной заменой интеграции СНГ, – это укрепление

России в отдельности при маргинализации остальных. Но это, мягко говоря, нонсенс, ибо сильная Россия тем более добилась бы того, в чем нуждается ее рациональное бессознательное, и подъем России – автоматически подъем СНГ в целом (экономический, политический или культурный – всего того, что обеспечивает "значительность" четвертого элемента). Запад, не перестав быть таковым, ни логически, ни психологически не в состоянии долго обходиться без весомой России, СНГ – в каком бы виде последние ни представали: вирулентном и/или в ипостаси партнера. Способен ли Запад в обозримый период отказаться от своего самосознания в форме "богатого Севера", и значит, М = 4 ? Насколько актуален механизм рационального бессознательного в образованных странах, насколько их население принимает существенное участие в политике (демократия), настолько можно быть уверенным в высказанных прогнозах, ибо это даже не прогнозы, а элементарный анализ констелляции реалий общественного сознания, его внутренней логики.

Обсуждение ситуации в СНГ еще не завершено. Ранее указывалось, что работоспособность СНГ как структурированной системы опирается на семантическое равноправие всех ее основных элементов: России, Украины, Беларуси, Средней Азии и Кавказа. Это, в частности, означает преодоление стереотипного представления о России как о метрополии – так как, независимо от того, насколько подобный стереотип отвечает современным фактическим реалиям, он тавтологически актуален в качестве компонента общественного сознания: как частично в самой России, так и в постсоветских национальных республиках. В таком случае "парад суверенитетов" играет не только деструктивную для интеграции, но и конструктивную роль, поскольку избавляет от укоренившихся предрассудков, расчищая почву для надлежащего будущего. При этом наиболее важной, похоже, оказывается модель отношений между Россией и Украиной – как вследствие места, занимаемого славянской тройкой в системе СНГ, так и из-за того, что названная модель становится своего рода "пробным камнем", олицетворением – pars pro toto, часть вместо целого – отношений России с остальными членами СНГ.(19)

Отнюдь не случайно, конечно, именно Украине выпадает подобная роль. По европейским меркам весьма крупное, 50-милионное государство, второе по величине в СНГ, лишь Украина в состоянии противостоять реальным или мнимым "имперским" поползновениям России, т.е. послужить материальным залогом новых – блоковых, а не унитарных – политических отношений внутри СНГ. Поэтому несмотря на то, что большинство

украинского населения "русифицировано" и националистические антироссийские настроения свойственны лишь меньшинству (в основном в западной части), в переходный период Украина занимает подчеркнуто "самостийную" позицию. Определенный вклад привносят, разумеется, и постсоциалистические иллюзии о волшебной палочке Запада и, значит, выгодности разрушения евразийской "империи" – сквозь подобный розовый период проходят все постсоветские страны, не исключая России. Этот этап оказывается неизбежно транзитным и исторически недолгим, т.к. вскоре с очевидностью выясняется, что идти навстречу паразитическим настроениям в широких масштабах богатый Запад не готов и внутренние проблемы необходимо решать за счет прежде всего собственных ресурсов – экономических, политических.(20) Как бы там ни было, нас интересуют не акциденциальные, преходящие обстоятельства, а логика СНГ. В этом случае Украине, я бы сказал естественно, принадлежит роль залога "неимпериалистичности" СНГ, роль знаменосца и гаранта суверенитетов.

Очень многое из происходящего ныне обязано складывающейся структуре СНГ, но это потребовало бы слишком обстоятельного обсуждения. При этом любопытно, что даже на переходном этапе возникают монтажные варианты, напоминающие о силе числовых паттернов. Не дожидаясь изменения позиции Украины, несколько стран СНГ прокладывают более скоростную дорогу к интеграции: Россия, Беларусь, Казахстан, Киргизстан заключают в 1996 г. Таможенный союз, M = 4.(21) В свою очередь, Украина, возглавляя партию "скептиков", формирует в рамках СНГ самостоятельную подсистему, заключив вместе с Грузией, Азербайджаном, Молдовой договор о более тесном сотрудничестве – ГУАМ [18], т.е. воспроизводит тот же самый паттерн.(22) Хотя, по справедливому замечанию Ив. Ильина, одинаковые цели, интересы еще не означают общих целей и интересов [138, с. 39], но первые являются необходимой предпосылкой вторых и мы фиксируем именно сходство, инвариантность структур.

Поскольку наша книга – не чисто политологическая (пока мы работаем, оставаясь в рамках единственного частного математического метода), не станем высказывать предположений, что конкретно может представлять из себя будущее СНГ. Сошлемся лишь, как на один из вариантов, на мнение директора Центра Восток – Запад университета имени братьев Дьюк и старшего научного сотрудника Brooking Institution Джерри Ф.Хау, опубликованное в русскоязычной "Нью-Йорк таймс" за июль 6 – 19, 1993 в статье "Ключ от нефтяной скважины": СНГ, по всей

видимости, ожидает судьба мягкой конфедерации (на манер ЕС), или конфедерации со свободной структурой.

Я отдаю себе полный отчет в том, что предложенный концептуальный подход столкнется с серьезными возражениями, в том числе методологическими. Прежде всего, на каких предпосылках базируется уверенность, что столь многофакторно сложные, преисполненные противоречий переходные процессы, в которых переплелись разнонаправленные амбиции и предрассудки множества национальных политических элит, партий, недавно обретших независимость и пришедших в движение народов, найдут разрешение в столь простых и логичных формах? Не правдоподобнее ли распространенное мнение, что исход в таких случаях непредсказуем? Ведь моменты политических бифуркаций – а историческая трансформация СССР в новый политико-экономический блок, несомненно, относится к таковым – суть источник неустранимой неопределенности. В психологической проекции – в такие периоды коллективные страсти, экспрессивное поведение берут верх над рациональными мотивами, и где гарантия того, что тестируемый механизм рационального бессознательного в конечном счете возобладает над разгоревшейся иррациональной стихией?

Такие сомнения и выводы – естественный результат аналитических методов, на которых они основываются, а именно позитивистски-каузального кредо. Если полагать, что политическое будущее определяется исключительно "материальными" реалиями прошлого и настоящего, что на него не влияют постоянно действующие ("ахронические") инварианты общественного сознания – речь опять о коллективном рациональном бессознательном, неотрывном от социума и до начала бифуркации, и во время нее, и по ее завершении, – то действительно невозможно избежать впечатления непредсказуемости. Сквозь мутный политический хаос ("агрегатное состояние", по терминологии американского исследователя Адамса), в который погружены пространства СНГ, тогда в самом деле затруднительно рассмотреть определенные горизонты. В главе 2 мы обратимся к специальному анализу подобных вопросов, пока же ограничимся элементарными соображениями.

Тривиальным свойством политических бифуркаций является то, что они рано или поздно заканчиваются (согласно афоризму Аббы Эбана, после того, как исчерпаны все другие возможности, нации и правительства начинают вести себя разумно). Разбушевавшаяся пассионарная стихия спадает, как волна половодья. Выход из бифуркации означает, что верх снова берут

рациональные общественные начала. Поэтому процесс политической трансформации в целом не только терминален, но и его результаты в конечном счете интеллигибельны, подчинены рациональным закономерностям. Мало того, последние должны быть простейшими, поскольку новое состояние опять-таки конституировано по-школьному образованным социумом.

Итак, вместо того, чтобы вдаваться в разнородные идеологизированные цели и в динамически изменчивые, в деталях непредсказуемые политические перипетии, сопутствующие бифуркации, т.е. нынешнему положению СНГ, мы берем два устойчивых политических состояния: предшествующее началу бифуркации (в данном случае это СССР, обладавший логически ясной структурой) и наступающее по ее завершении, т.е. вновь относительно стабильное. Исторический отрезок, на который приходится бифуркация, играет роль "черного ящика", вдаваться во внутреннее устройство которого нет нужды. К счастью, отсутствует и необходимость задаваться вопросом о сравнительной энергетике иррациональной пассионарной стихии, с одной стороны, и рационального бессознательного, с другой, – какой из двух факторов в переходный период влиятельнее. На входе и выходе "черного ящика" превалируют вполне рациональные формы организации.

При подобном подходе естественно оказывается, что рациональные начала в политике в конце концов (вплоть до следующей революции) берут верх над иррациональными, как сквозная, постоянно действующая сила – над импульсным историческим возмущением. Р.Якобсон некогда утверждал, что "социализированные части духовной культуры подвержены более строгим и единообразным законам, чем области, где господствует индивидуальное творчество".(23) Например, в фольклорной поэтике отбираются общие схемы; все, что не функционально, коллективом отвергается [134, с. 9]. Не следует ли распространить эти выводы и на такую область коллективного творчества как политика, точнее – на порождаемые ею наиболее общие и устойчивые формы? Коммунистический режим на евразийской территории, как нигде, действовал на протяжении жизни трех поколений (полный цикл непосредственно передаваемого опыта). Вместе с ним укоренялся кватерниорный политический стереотип, который шире и глубже коммунизма как такового, да и в самой России он привился задолго до 1917 г. (об этом ниже). Поэтому, на наш взгляд, небезосновательна уверенность, что и система-наследник СССР должна подчиняться тем же конструктивно-логическим принципам, стремительно распространяющимся в XX в. в самых разных областях политики и

культуры.

Насколько политические процессы управляются механизмом рационального (сознательного и бессознательного), настолько правомочна и гипотеза об их терминальности на каждом логически завершенном историческом отрезке. Такова аутентичная установка рационального бессознательного, т.е. старо-рационального по характеру, а вовсе не "модернистская", или "декадентская", модель бифуркации с принципиально открытым, непредсказуемым исходом. В главе 2, повторяю, аналогичные явления будут изучены на более широком предметном материале – разных стран, мирового сообщества в целом. Всякий раз логико-числовые закономерности оказываются весьма характерными, действующими поверх национальных и межцивилизационных границ. СНГ, представляется, не должно составлять исключения.

Самовозведение политических симплексов – вовсе не "бездушный" процесс, каковым порой принято считать все связанное с математикой и числом. За конечную кристаллизацию кватернионов ответствен не столько механизм теоретического и/или практического коллективного знания, сколько узнавания (чего-то знакомого), объединяющего и эмпатические, и рациональные стороны. Процесс протекает главным образом по бессознательным, имагинативным каналам, в которых узнавание более важно, чем знание. По сходному поводу М.М.Бахтин утверждал, что знание превращается в "узнание" в искусстве [342, с. 118], "становится ответственно обязующим меня "узнанием"" [там же, с. 119]. В свою очередь, разве в политике не значим эстетический аспект?

Если что и заслуживает поэтического наименования психической родины современного человека, общества, то прежде всего элементарная разумность – в обоих ее компонентах: простейшей рациональности и "детском" (школьном) онтогенетическом источнике, см. *Предисловие*. Тогда историческое стремление масс – так или иначе "дорога домой", едва ли не по-улиссовски. С единственным, вероятно, отличием: у Одиссея родина была далеко, у социума она ближе, чем самое близкое, ибо находится внутри. Что, разумеется, не означает: второй путь менее драматичен. Не хочу быть неправильно понятым, речь в данном случае не о пресловутой ностальгии по СССР, хотя и в нем, как мы помним, запечатлены кватернионы, и значит, на худой конец в дело идет и ностальгия. Она, однако, не столько ориентирует, сколько дезориентирует: как всякое прошлое, СССР безвозвратен, иной теперь и "строительный материал" (общество в целом, отсутствие в СНГ места Прибалтике). Мы же имеем в виду

дорогу не к исторической, тем более канувшей в Лету, родине, а к внеисторической – так как в принципе "ахронической", – к устойчивому психо-логическому инварианту, "идеалу". Конкретный облик "родины" изменяется, но для отмены структурного костяка идеала потребовались бы более глубокие перемены – в самой парадигме сознания, мирочувствия, присущей не одному СНГ.

И еще одно: иррациональная аффективная стихия в политике ни в какой из моментов не становится исчезающе малой, в переходные периоды она играет главную роль. Бесперспективно пытаться воздействовать на сошедшие с рельсов народы и политиков с помощью логических аргументов, рациональных увещеваний. Разум и эмоции вращаются на разных орбитах, и первому никогда не справиться со вторыми. Поэтому политические симплексы, неразрывные с бессознательным и эстетическим началами, суть практически единственный инструмент, который в состоянии решить данную задачу. Архетипы числа дислоцируются рядом с иррациональными архетипами, в смежной психологической области, они родственны образным архетипам. В Новейшее время архетипы числа, вернее, сопряженные с ними психо-логические комплексы, берут на себя "неомифологическую", имагинативную и, следовательно, регулирующую функцию. Именно на этом основании, а не на голых абстрактно-логических выкладках, зиждутся наши прогнозы. Число оказывается социально-политически, экзистенциально значимым, ибо современная социальная инициация включает соответствующую обязательную подготовку сознания.

Основной недостаток используемого логико-числового подхода – в том же, в чем и достоинство, – в "ахроничности". Оставаясь в рамках модели, не удается обосновать точные сроки предсказанных состояний. О хронологической протяженности исторической трансформации остается судить исходя из косвенных соображений. Поэтому воздержимся в настоящем контексте от определенных суждений, ограничившись предположением, что для преодоления центробежных тенденций на пространстве СНГ, для завершения политического строительства потребуется несколько десятилетий (ср. сходные процессы в Европе). Не менее существенным недостатком метода следует считать то, что, говоря о конечных результатах, он умалчивает о конкретных путях их достижения. Так, автор, которому уже в 1994 г. была известна приведенная схема семантического строения СНГ, однозначно оценил как ошибку начало военных действий в Чечне: согласно теории, поражение

было неизбежным. При этом, однако, оставалось неясным, как именно огромная Россия сумеет проиграть войну одному из своих крохотных субъектов. Аналогично, лишь в гадательном облике выступает конкретный сценарий утверждения СНГ в качестве правомочного элемента системы "богатого Севера" (опять же, казалось бы, вопреки наличному положению), интеграции СНГ согласно тетрарному образцу.

Продолжая ряд иллюстраций кватерниорных структур, имеет смысл обратиться и к сопряженной региональной системе, частично выходящей за границы СНГ, но попадающей в зону его ментально-политического влияния. С феноменом подобного – прямого или косвенного – "заражения" мы уже знакомы на примере Афганистана (см. выше: три основные военно-политические группировки "Северного альянса" и радикально-фундаменталистское движение "Талибан" в роли "четвертого"). Теперь обратимся к соседней области – району Каспийского моря.

Его самостоятельное экономико-политическое значение в качестве мировой энергетической, нефтегазовой кладовой, второй по запасам после Персидского залива, в последние годы интенсивно возрастает; скачкообразно возросла и степень самосознания населяющих его народов. В связи с распадом СССР в этом регионе произошли кардинальные политические перемены. В Каспийский бассейн входят следующие государства: Азербайджан, Казахстан, Россия, Туркменистан, а также Иран, – т.е. номинально пять элементов. Однако мы помним, что Туркменистан официально провозгласил нейтралитет и последовательно придерживается объявленной линии в отношениях со всеми соседями. Такова его позиция в постсоветской Средней Азии, подчеркнутое невмешательство демонстрируется по афганскому азимуту. Туркменистан соблюдает твердую политику нейтралитета и в Каспийском бассейне, поэтому и здесь, как и в Центральноазиатском ансамбле, им сознательно избрана неактивистская роль "остальных".

Оставшиеся четыре страны: три постсоветских и никогда не входивший ни в Российскую империю, ни в СССР Иран, – образуют структуру 3 + 1. С учетом Туркменистана, общая формула – 3 + 1 и "остальные":

Азербайджан – Казахстан – Россия ¦ Иран +
"остальные"

(Туркменистан)

Если оставаться в евразийских географических рамках,

резонен вопрос, в какой исторический момент политическая кватерниорность превращается здесь в актуальную. О том, что она является таковой с первой четверти XX века (большевизм, СССР, затем СНГ), мы уже знаем, но действительно ли это первые прецеденты? Вопрос о хронологических границах означенной схемы не менее важен, чем о территориальных. Если, скажем, во Франции выход коллективного политического актора ("народа") на политическую арену состоялся вместе с Великой революцией, что заложило основу будущей кватерниорности, то в России до революций было еще далеко. Тем не менее и до нее докатилась взрывная волна от событий во Франции. Война с Наполеоном, ставшая для России *Отечественной* войной, разбудила инициативу широких масс и вселила надежды на последующие социально-политические перемены. Надеждам, как известно, не суждено было сбыться, властям удалось "подморозить" страну. Потребовался еще один внешний толчок, чтобы сдвинуть ее с мертвой точки. Пользуясь случаем, выдвинем гипотезу о том рубеже русской истории, начиная с которого структура 3 + 1 приобрела определяющее формообразующее значение в сфере политики и культуры. Речь о Крымской войне 1853 – 56 гг.

Ее главными участниками были четыре империи: *Британская, Французская, Османская*, с одной стороны, и *Российская*, с другой. Конфликт обладал, таким образом, отчетливым строением 3 + 1, а с учетом крошечного Сардинского королевства, присоединившегося к союзникам в 1855 г., 3 + 1 и "остальные" (24). Несмотря на локальный характер конфликта, поражение вызвало в России исключительно глубокое потрясение, всколыхнувшее общество от самых верхних до нижних слоев. События произошли непосредственно вслед за европейскими революциями 1848 г., которые повсюду – в чем будет возможность убедиться в главе 2 – особенно во Франции, законодательнице революционных мод, радикально гальванизировали социумы в духе политической и, шире, ментальной кватерниорности. Россия не устраивала собственной революции, и соответствующие перемены пришли к ней извне.

По единогласному мнению историков, именно итогам Крымской войны Россия обязана завершением предшествующего большого этапа, называемого "феодально-абсолютистской, николаевской реакцией" или "эпохой чести и рыцарства", в зависимости от ценностных предпочтений. Отмена крепостного права в 1861 г., земская, судебная, военная, школьная и др. реформы ознаменовали период коренных преобразований, российской "перестройки" (самоназвание того процесса) XIX в. в социальной, экономической областях, привели к решительным

переменам в политической и культурной обстановке, развязыванию личной инициативы, затем к бурному индустриальному росту и внутренне-политическому размежеванию. Драматическая инициация России в функции "четвертого" продемонстрировала неадекватность аграрно-помещичьих, полицейских порядков новой исторической и политической обстановке, наступающей новой эпохе, разрушила статический ("бюрократически-мертвенный") дух, внесла деятельный динамизм в развитие российского государства. Хотя на главной, европейской сцене Россия с тех пор долго придерживалась сдержанной политики ("Россия сосредоточивается", – слова тогдашнего канцлера А.М.Горчакова), в смежных областях обстояло иначе. Вскоре были не только ликвидированы унизительные для России последствия Крымской войны, но и осуществлены значительные территориальные приобретения. Именно при Александре II завершается присоединение к России Кавказа (1864), Казахстана (1865), большей части Средней Азии (1865 – 81), расширяются дальневосточные пределы (включение Уссурийского и Амурского краев, 1858 – 60).

Культурные процессы не менее знаменательны. В самый канун и во время Крымской войны выходит на литературную арену Лев Толстой (в том числе с "Севастопольскими рассказами" 1855 г.). В 1859 г. возвращается из ссылки Достоевский, создающий свои гениальные романы: "Преступление и наказание" (1866), "Идиот" (1868), "Бесы" (1871" 72), "Подросток" (1875), "Братья Карамазовы" (1879 – 80). Что касается ранее упоминавшегося французского писателя – А.Дюма, автора трилогии о трех (вернее о четырех) мушкетерах (1844 – 50), то в 1858 г., спустя всего два года по окончании Крымской войны, он приезжает в Россию, принимается повсюду с восторгом, выпускает проникнутые теплой симпатией к русским путевые очерки "Из Парижа в Астрахань" (тт. 1 – 5, 1858). Культурный взрыв происходит и в музыке: П.И.Чайковский, "Могучая кучка". В науке Россия практически впервые выходит на передовые мировые рубежи: П.Л.Чебышев, Д.И.Менделеев (периодический закон открыт в 1869 г.). В том же году появляется труд Н.Я.Данилевского "Россия и Европа", в котором обосновывается не раз и нами использованная современная концепция цивилизаций ("культурно-исторических типов").

Россия не просто изменилась, она, похоже, стала совершенно другой. Спустя полвека на новом пути ее поджидали неслыханные испытания. Уже в совсем иной обстановке, в условиях не горячей, но холодной войны, преемник России, СССР,

проигрывал соревнование с западным блоком, в котором к восьмидесятым годам XX столетия наметилось явственное деление на три составных элемента: наряду со США – интегрирующийся Европейский союз и накопившая значительный экономический потенциал Япония (и другие восточные "страны-драконы"). Прямые исторические аналогии, разумеется, неуместны, но задать вопрос: что же в конечном счете инициировало современную "перестройку" в России? – в данном контексте, по-видимому, допустимо.(25)

С судьбами евразийского региона тесно связаны и другие политические четверки. Так, в разделе 1.3 упоминалась каноническая система трех образов правления: автократии, олигархии, демократии, – но что представлял собой в этой проекции советский режим? Автократию, со ссылкой на огромную власть генеральных секретарей? Однако последние большей частью не занимали высших государственных постов, а в годы так называемого "коллективного руководства" (Л.И.Брежнев) генсек в силу недееспособности и вовсе исполнял декоративные функции. В таком случае, вероятно, должна иметься в виду олигархия: Политбюро, ЦК, – но в чистом виде и эта версия не проходит, поскольку тут выступают партийные, а не государственные органы. Ленин же занимал пост Председателя СНК ("премьер-министра"), оставив высшие партийные должности соратникам. Остается вариант демократии: советы разных уровней, хотя и формировались на основе безальтернативных выборов, но при этом в самом деле располагали широким социальным представительством. Впрочем, только у записных коммунистов повернется язык назвать демократической советскую форму правления. На чередующихся исторических отрезках система власти в СССР поворачивалась то своей резко автократической ("культ личности"), то олигархической ("коллективное руководство"), то демократизированной (М.С.Горбачев, отчасти Н.С.Хрущев) стороной, но при этом никогда не происходило ее отождествления ни с одной из перечисленных разновидностей. Рискну высказать предположение, что советская политическая практика осуществила подлинную новацию, изобретя четвертую форму правления, беспрецедентную по многим параметрам. В свою очередь, и современные исследователи, изучая сопряженные исторические феномены, предпочитают оперировать четырехсоставными схемами – см., например, четыре концентрических круга организации социалистического лагеря: "внутренний" (РСФСР с вкраплениями автономий), "средний" ("союзные республики"), "внешний" ("страны народной демократии" – затем "соцстраны") и периферия ("страны

соцориентации" плюс экстерриториальные элементы типа зарубежных компартий) [284, с. 18]. Не обязательно ограничиваться одиозными примерами, в частности образцом "ложного" (ср. деспотия, тимократия, охлократия) четвертого типа, обратимся к менее эпатирующим иллюстрациям.

Вопреки ожиданиям многих, в постсоветской России коммунисты не сошли с политической сцены. На выборах в Государственную Думу в 1995 г. пятипроцентный барьер удалось преодолеть четырем партиям и избирательным объединениям: КПРФ, "Нашему дому – России", ЛДПР и "Яблоку". Заимствуя фразеологию из реалий ЕС, их называли "большою четверкой". Дело не столько в точном соответствии действительности цифры M = 4, опытному читателю не составит труда разнести упомянутые политические единицы по типам. КПРФ, наследница КПСС, попадает в графу ранее означенного четвертого логического типа (см. большевики); проправительственный "Наш дом – Россия" В.С.Черномырдина был сторонником экономических и политических реформ, так или иначе напоминающих либеральные; националистическая ЛДПР В.В.Жириновского тяготела к традиционной ячейке консерватизма (национализма); характер "Яблока" аналитики определяли как близкий к социал-демократии (см., напр., [21]). К следующим выборам может измениться конкретный перечень крупных политических партий, не исключены перемены и в их количестве, однако представленность в реальном политическом спектре всех четырех типов, или "кластеров", – факт, которому, по-видимому, существовать еще долго.(26) Указанное партийно-политическое состояние логично не только по признаку кватерниорности, но и в более тонком математическом аспекте (относительные размеры электоратов), но обсуждать это предстоит в третьей главе. Здесь же отметим, что журналистский термин "большая четверка" применялся в России и к регулярно проводившимся встречам президента, председателя правительства, председателей Совета Федерации и Государственной Думы. Идеологема M = 4 оказывается исключительно цепкой и внедряется в общественное сознание по различным радиусам политической жизни. В процессе разработки законодательства и выбора линии правительства по отношению к религиям неоднократно назывались следующие признанные традиционными для России конфессии: *православие, ислам, иудаизм* и *буддизм*. Приведем еще один пример актуализирующейся политической тетрады.(27)

Классическая – постлокковская и постгоббсовская – теория разделения властей предполагает наличие трех ветвей

государственной власти: законодательной, исполнительной, судебной. В России после октября – декабря 1993 г. исполнительная власть – в нарушение требуемого канонического баланса – резко повысила свой удельный вес. Затем стал наблюдаться процесс постепенного перераспределения исполнительных полномочий между президентом и премьер-министром (в итоге – 4). Вообще для Европы, в отличие от США, скорее правило, чем исключение, – разделение фигур главы государства (президента или монарха) и главы правительства. В большинстве европейских стран, да и в Японии, роль главы государства сводится к представительским функциям и моральному-интегрирующему влиянию. Однако во Франции со времен де Голля, перехода к V республике президент обладает решающими властными полномочиями. Президент Португалии, король постфранкистской Испании также являются фигурами не номинальными. Возможно, не покажется слишком смелой гипотеза, что мы являемся свидетелями процесса постепенного формирования еще одной структуры M = 4, сочетающей достоинства и, в меру способностей, купирующей недостатки как демократического, так и личного правления.

В одних случаях это происходит за счет компромисса между "реликтовыми" (монархия) и "новыми" (республиканское элементы) чертами, в других – см. V республика во Франции, современная Россия – в качестве феномена наиновейших, поставангардистских конструктов. О том, что авангард пребывает в интимном родстве с архаикой, впрочем, давно известно. Например, Р.Арон описывает упомянутый режим французской V республики следующим образом: "Это не парламентское правление (чистейшим образцом которого служит Великобритания) и не правление президентское (наиболее частый пример – США); это возвращение парламентской империи – избираемый на семь лет на основе всеобщего избирательного права император обладает прерогативами главы исполнительной власти и чрезвычайно свободно прибегает к референдумам" [26, с. 13], – и чуть ниже по существу признает наличие четырех ветвей власти, говоря о "возможном соперничестве между обеими главами исполнительной власти" [там же, с. 14], т.е. между президентом и премьером. Независимо от конкретных разновидностей и исторических источников, вероятно, есть смысл ввести коррективы в классически-либеральную теорию, зарезервировав места для *законодательной, исполнительной, судебной*, но также и *личной, общегосударственной* власти. Ю.С.Пивоваров, размышляя над книгой Ив. Ильина "О монархии и республике", приводит слова последнего: "Сущность права имеет

природу *сверх-юридическую*", – и указание на необходимость "не выходя из пределов науки, выйти за пределы юриспруденции" [249, с. 82]. "Надо, не порывая с научным материалом государственных законов, политических явлений и исторических фактов, проникнуть в их философский, религиозный, нравственный и художественный смысл и постигнуть их как состояния человеческой души и человеческого духа" [137, с. 109].

Со своей стороны мы бы дополнили перечень смыслов чисто логическим, математическим. Пока термин "четвертая власть" распространен главным образом применительно к прессе, подобный фигуральный стереотип готовит почву для усвоения более актуального четырехсоставного паттерна. Такой процесс, когда аллегория исполняет роль пробного шара, за которым следуют результативные, вполне обычен (см., например, четвертое измерение пространства – вначале как область спиритических духов, затем – в релятивистской механике).

Повторим, пуристическая модель трех ветвей на деле описывает скорее исключения, чем правило, хотя и поддерживается авторитетом США. Эту молодую, возникшую "на пустом месте" страну нередко называют "искусственной", "лабораторной", "страной из пробирки" – именно в подобных условиях было удобно воплотиться ходульной схеме Просвещения с тремя ветвями. США, отметим, качественно отличаются от Европы и по другим важным параметрам: в них, в частности, никогда не было влиятельных не только "авангардистских" политических движений, но и социалистических (последнему С.М.Липсет дает правдоподобное объяснение – потому что США, в отличие от других, не пережили феодализма [183]); нигде, кроме Америки, не реализована в столь чистом виде и двухпартийная парадигма (следовательно, с учетом многочисленной "индифферентной" группы M = 3). Исключение на практике должно, по всей видимости, быть таковым и в теории. Кстати, такой видный американский ученый как С.Хантингтон с сожалением вынужден констатировать, что американская политическая система – одна из самых архаичных в современном мире: "В Европе рационализация управления и централизация власти сопровождалась дифференциацией функций и появлением более специализированных правительственных институтов и учреждений", – при этом в европейских политических системах не были допущены дробление суверенитета и разделение властей. В США, напротив, "суверенитет был раздроблен, власть разделена, а властные функции переплетены в различных институтах" [428, p. 173, 181-182], цит. по [263, с. 131]. "По сей день президент США наряду с реальной властью несет и бремя символических функций", –

уточняет русский исследователь [там же].

Модель четырех ветвей обладает, как минимум, не меньшей логической обязательностью, чем комплементарная ей тринитарная. Поскольку она предполагает разделение функций между президентом (вар.: монархом) и главой правительства, при правильном устройстве ей, в частности, удастся разрешить противоречие между разнородными, трудносовместимыми требованиями к лидерам: их популярностью и компетентностью (или, по-веберовски, харизматичностью и рациональностью). Разделение ролей спасает от "контаминации", во многом снимает необходимость для умных, солидных кандидатов хотя бы на один из лидерских постов публично играть на саксофоне, танцевать рок-н-ролл, а впоследствии – во имя поддержания рейтинга – принимать не самые целесообразные решения. Качество управления имеет шанс возрасти. Исходя из реальности, в либеральный канон трех ветвей, в этот интеллектуальный продукт, чья свежесть исчисляется парой столетий, пора внести принципиальные коррективы.

Последняя тема заставила нас переступить политические границы Евразии, поэтому естественно рассмотреть, как обстоит дело с логико-числовыми структурами в устройстве современной Европы.

1.4.2.2 Территориально-политическая структура новейшей Европы

Некоторые из европейских кватернионов нам хорошо знакомы. Это и "большая четверка" ЕС (ФРГ, Франция, Италия и Британия), и территориально-государственное устройство Соединенного королевства Великобритании и Северной Ирландии (Англия, Шотландия, Уэльс, Северная Ирландия), этно-территориальная структура Испании (испанцы, баски, каталонцы, галисийцы с собственными историческими областями). В Швейцарии, при наличии трех государственных языков, существуют четыре крупные этно-лингвистические общины: немецкая, французская, итальянская, ретороманская. На политической арене ряда континентальных европейских стран в надлежащие периоды выступали мощные "авангардистские" течения – коммунистические, фашистские, национал-социалистические, – представители не раз упоминавшегося четвертого партийно-политического типа, контрастно противопоставленного трем традиционным. Партийно-политическая кватерниорность нередко реализуется и помимо варианта с "авангардистами", но эту тему целесообразно отложить до третьей главы, поскольку степень логичности подобных моделей столь высока, что допускает и более полное, более глубокое математическое описание (конечно, по-прежнему в рамках школьной программы). В настоящем подразделе зададимся вопросом, каково территориально-политическое строение Европы в целом, не удастся ли обнаружить закономерности, аналогичные тем, что были замечены в Евразии (СССР, СНГ)?

Европа, как и Евразия, еще не сказала последнего слова насчет своей архитектуры на новом этапе. Исторически резкий демонтаж военно-политического и экономического фронта между Западом и Востоком в этой части света – давно вступившей в эпоху масс, обладающей образованным населением – вызвал перегруппировку, объединение и распад государств. Не могло не претерпеть изменений и начатое ранее строительство Евросоюза. Завершение масштабного исторического перехода потребует, по-видимому, до нескольких десятилетий. При этом одни черты складывающейся системы практически не вызывают сомнений, о других приходится лишь догадываться. Мы не ставим целью в настоящем контексте предвосхитить структурные признаки ЕС

как организации, в большей мере нас занимает вопрос о строении Европы как политического, экономического, культурного целого, в рамках которого пребывают другие национально-культурные, политико-экономические целостности, и из них, как из блоков, выстраивается итоговая конструкция. Такое целое-Европа и складывающийся Европейский союз, разумеется, коррелируют между собой, читатель вскоре сможет самостоятельно оценить, в какой степени, а также судить о мере достоверности каждого из нижеследующих положений.

Европейский континент играет одну из ключевых ролей в установлении нового мирового порядка, в частности в формировании подсистемы "богатого Севера". В составе последнего – см. выше – четыре основные структурообразующие единицы: Северная Америка (НАФТА), Европа (ЕС), АТР (в данном аспекте прежде всего Япония) и, по преодолении кризиса, Евразия (СНГ). В каждой из названных политико-экономических единиц наблюдаются явные тенденции по кристаллизации собственной, внутренней кватерниорности. Напомним, театр большого АТР – арена квартета великих держав: США, КНР, России, Японии. НАФТА чревата трансформацией из тройки – США, Канада, Мексика – в четверку в случае суверенизации Квебека; характерные тетрады присущи и самим США. О структуре Евразии речь только что шла. Ядро ЕС, как не раз было сказано, составляет "большая четверка": ФРГ, Франция, Италия и Британия.(28) Сходное членение наблюдается и в ряде европейских стран по отдельности (см. выше). Теперь же, не отступая от фактов, обратимся к анализу территориально-политической организации Европы, ее строению по региональным ансамблям. Проведем их инвентаризацию.

Начнем с Восточной или, в другой номинации, Центральной Европы. Польша, Чехия, Венгрия – тройка католических стран, вплоть до 1989 г. принадлежавших по экономическому развитию и уровню жизни к форпосту социалистического лагеря, теперь же возглавивших движение в направлении к НАТО, ЕС. В журналистике и политологии за Польшей, Чехословакией, Венгрией было закреплено название "Вышеградской тройки", используем его в качестве отправного. Пребывая в промежуточной зоне между Западной Европой и Россией (Российской империей, СССР), упомянутые государства испытали влияние обеих сторон. До 1918 г. Венгрия, Чехословакия, часть Польши входят в состав Австрийской (с 1867 г. – Австро-Венгерской) империи и по окончании Первой мировой войны синхронно обретают независимость. По итогам Второй мировой войны во всех трех странах установлены коммунистические

режимы, состоялось включение в советский блок. 1989 г. – дружное участие в распаде социалистического лагеря, национально-демократические революции. Но прежде, чем продолжить описание характеристических черт названных государств, следует внести немаловажное уточнение.

По результатам референдума 1993 г. Чехословакия разделяется на два государства, и отныне политологи говорят как о само собой разумеющемся о Вышеградской группе как о *четверке*, а не о тройке (см., например, И.Я.Левяш [179,с. 61](29)). Словакия, как и Чехия, – также центрально-, или восточноевропейская католическая страна, до 1989 г. пребывавшая в составе социалистического лагеря, а до 1918 г. – Австро-Венгерской империи. Традиционно значимы ее связи с Венгрией: 10% населения современной Словакии – этнические венгры. Словакия индустриально менее развита, чем ее западная сестра Чехия, но дистанция между ними не фатальна. В годы правления В.Мечияра Словакия занимала менее последовательную "прозападную" позицию по сравнению с Польшей, Венгрией, Чехией, задержалась с реформами и оттого не оказалась в первой очереди на принятие в НАТО. Теперь произошла смена правительства, и разве смогут ближайшие экономические и внешнеполитические успехи последних трех стран, пожинающих плоды тесного сотрудничества с Западом, оставить равнодушными сердца словаков, всегда ревниво следивших за достижениями соседей? По этим причинам вполне оправданно говорить о Вышеградской группе как о четверке. Возможно, одно из государств действительно пребывает несколько особняком по отношению к остальным. Но это знакомая ситуация, формула 3 + 1 как раз и призвана описывать подобные случаи. Приведем, отчасти по необходимости повторившись, краткий перечень доминант, отвечающих ансамблю в целом.

Географическая компактность. Исповедуемый подавляющим большинством населения католицизм. Формирующее влияние Австрийской империи и одновременный выход из-под ее крыла (1918). В промежутке между двумя мировыми войнами – националистические правительства, исполнение роли "санитарного кордона" вокруг Советской России. Вторая мировая война – оккупация или подчинение фашистской Германией, затем полвека коммунистических режимов, принадлежность советскому блоку. 1989 г. – освобождение от тоталитаризма и новое обретение национальной независимости. Нынешний экономический статус – среднеразвитые индустриальные страны ("полупериферия" современной мир-экономики). Общность

географического положения и исторических судеб обусловливает амбивалентный "западно-восточный" национальный характер, одновременное психологическое притяжение и отталкивание по отношению к восточным и западным соседям-гигантам; гордость малых, испытавших покушения на свою идентичность наций (национальному сознанию поляков, венгров, чехов, словаков присуще настороженно-соревновательное отношение как к русскому, так и к немецкому мирам, что является предпосылкой контрастной самоидентификации). Наконец, ныне – период вспыхнувших исторических надежд ("Назад, в Европу!") и однотипность насущных проблем: коллизии демократизации, смены планового хозяйства на рыночное, необходимость радикальной модернизации промышленности и инфраструктуры, переориентация торговли с Востока на Запад. Сказанного, вероятно, достаточно, чтобы облечь в плоть представление о Вышеградском региональном ансамбле.

Южную часть Центральной Европы занимают православные государства. Следуя по карте: Румыния, Болгария, Греция, Кипр. (30) Казалось бы, что, кроме общей религии, способно объединять эти страны? Еще десятилетие назад Румыния и Болгария – составные части восточного блока с коммунистическими режимами, тогда как Греция – член НАТО, ЕС. Географически Кипр – вообще не Европа, а Азия, он входит в Британское Содружество. Вплоть до самого последнего времени здесь было невозможно говорить о достаточно серьезных проявлениях регионального ансамбля. Но переходные эпохи порой до неузнаваемости меняют политическую карту. Попробуем взглянуть на ситуацию повнимательнее. Румыния и Болгария, пережившие на рубеже 1980 – 90-х гг. демократические революции, хотя и оставались вплоть до недавних событий геополитически "незадействованными", явно выбрали европейское направление политического и экономического курса. Они стали кандидатами на вступление в ЕС и НАТО, пусть и из так называемой "второй очереди" – в отличие от северных соседей. Со своей стороны, Греция, ныне полноправный член и ЕС, и НАТО, лишь четверть века назад (июль 1974 г.) избавилась от диктатуры "черных полковников", позднее других (с 1981 г.) вошла в ЕС. "Проблемность" политического наследия объединяет Румынию, Болгарию с Грецией, а прежний геополитический барьер уже не стоит стеной между ними.

Пусть географы и относят Кипр к Западной Азии, но в политическом и экономическом планах он – в европейской орбите. Случайно ли заявка Кипра на вступление в ЕС вызывает вполне благожелательную реакцию у членов Союза и только ли

по причине лоббирования приема со стороны Греции? Кипр пребывает подчеркнуто в стороне от полувековых ближневосточных конфликтов, а его главный конфликт – по поводу его северной части – в сущности, проблема отношений между Грецией и Турцией, двух членов НАТО, действительного и ассоциированного членов ЕС. 78% населения Кипра – греки, он входит, повторим, в Британское Содружество. Поэтому оторвать Кипр от Европы, отдав его, вторя географам, Азии, едва ли удастся. Отдельная тема – характер коллизий, переживаемых Кипром, но они в значительной мере типичны для данного региона, о чем вскоре придется сказать.

Хрестоматийная оппозиция "Север – Юг" не так остра на европейской арене, как в мире, но все же до конца не стерта и здесь. Болгария и Румыния – экономически менее развиты, чем страны Вышеградского ансамбля; в свою очередь, Грецию относят к "бедным" Европы, направляя в нее поток субсидий по программам ЕС. Тип хозяйства в Болгарии, Румынии, Греции, не владеющих оригинальными наукоемкими технологиями, не отличающихся высоким научным потенциалом, во многом схож; удельный вес аграрного сектора, по меркам развитых северных стран, непропорционально велик. Сходные климатические условия трех государств благоприятствуют как сельской индустрии, так и туризму ("страны-курорты"). Сказанное в полной мере справедливо и применительно к Кипру. Общность положения, интересов, проблем и задач (прежде всего модернизация промышленности и инфраструктуры, инвестиции, глубокая интеграция в ЕС) – по-видимому, главная предпосылка формирования юго-восточного регионального ансамбля. При этом не стоит сбрасывать со счетов и культурно-психологические факторы, параллелизм исторических доминант.

Для последних выберем хронологический порядок перечисления, чтобы не ввязываться в неуместные дискуссии об удельном весе каждой из них. Все четыре страны обязаны своим православием Византии, в чьем культурно-политическом ареале они пребывали до ее конца в 1453 г. При этом историческая Греция – коренная часть Восточной Римской империи. Территория Болгарии в I в. н.э. завоевана Римом, а в 395 г. вошла в состав Византии. Кипр, в древности один из центров эгейской культуры, подпадает под власть Византии в том же 395 г. (в 648 г. завоеван арабами, в 965 г. – вновь Византией, в 1191 г. – крестоносцами). В процессе многовековых исторических пертурбаций подавляющее большинство греческого населения Кипра не утратило идентичности, сохранив язык, письменность, веру, память о традициях и корнях. Земли Румынии в начале II в.

н.э. становятся римской провинцией Дакией. В 271 г. Рим уходит, после чего даки, геты, славяне используют эту территорию как плацдарм для вторжений в пределы Восточной Римской империи; в IX – X вв. территория современной Румынии почти целиком входит в состав Болгарского царства, в X – XI вв. – Древнерусского. "Романский" язык Румынии – наследие исторически первого Рима, православие – Восточного, и хотя румыны не были покорены Византией, они находились с нею в активном экономическом, военно-политическом, культурном взаимодействии, впоследствии упрочив преемство посредством Болгарии и Древней Руси.

Вместе с падением Константинополя под натиском Османской империи вся четверка рассматриваемых государств разделила его судьбу, на несколько столетий попав под турецкое иго: с XV в. по 1829 г. – Греция, с конца XIV в. – Болгария. С 1879 г. последняя – самостоятельное княжество, хотя и турецкий вассал, с 1908 г. – независимое царство. Румыния попадает под османское иго в XVI в. В 1829 г. румынские княжества Валахия и Молдова добиваются автономии, в 1862 г. объединяются в единое государство (Румынское княжество), оставаясь вассалом Османской империи, в 1878 г. оно получает независимость (с 1871 г. – Румынское королевство). Кипр в 1571-1878 гг. принадлежит Турции, пока не отвоеван Британией (в 1878-1959 гг. – ее колония).

Фактор иноверного и иноязычного османского господства, а также сравнительного позднего (в XIX – XX вв.) обретения суверенитета не мог не оставить глубокого – и общего! – отпечатка в миронастроении всей группы перечисленных стран. Наряду с оппозицией "индустриальный Север – аграрный Юг", историческое наследие юго-восточного регионального ансамбля резко контрастирует с Вышеградской четверкой, вызревавшей, как сказано, под крылом не Османской, а Австрийской империи: во-первых, не иноверной (Венгрия, Чехия, Словакия, Польша – также католические), во-вторых, оставившей после себя значительно более высокий уровень промышленного развития, просвещения, трудовой морали.(31)

Подводя итог, приведем сводку конституирующих доминант юго-восточного регионального ансамбля. Общая дислокация в исторически "греческом" ареале – Восточном Средиземноморьи и бассейне Черного моря. Сходные климатические условия. Специфически "южный" тип хозяйств: высокий удельный вес аграрного сектора, дефицит высокотехнологичных производств, фундаментальных и оригинальных научно-технических разработок ("отсталость"). Сохранение реликтов

традиционалистского общества ("народной культуры"). Единая конфессиональная принадлежность: православие. Общая историческая судьба: факторы Византии и Османской империи, сравнительно позднее для Европы обретение независимости. Демократические режимы установлены лишь одно или несколько десятилетий назад. Сходство проблем, интересов, ближайших исторических задач и, по всей видимости, перспектив (ЕС, НАТО). Не достаточно ли сказанного для манифестации концептуального единства группы, состоящей из Румынии, Болгарии, Греции, Кипра, и, соответственно, формирующегося здесь – по мере осознания и институализации единства – регионального ансамбля?

Со следующим примером, к счастью, дело обстоит значительно проще. Речь о расположенной на юге Европы полосе романских государств: Италии, Франции, Испании, Португалии. Два первых их них обладают наиболее многочисленным населением, высокоразвиты, принадлежат "большой европейской четверке"; вторая пара занимает более скромную экономическую ступень и является в рамках ЕС дотационной. Сторонники скрупулезности могут применить на этом основании формулу 2 + 2, но мы не ставим себе подобной задачи, сосредоточившись не на различительных, а на интегрирующих признаках. Наряду с лингвистической и этнической корреляцией (романская группа языков, частичная соотнесенность со средиземноморской расой), обратим внимание на общую конфессиональную принадлежность (перечисленные страны – оплот католичества) и сходство климатических условий. Каждая из стран успела побывать в надлежащий период в статусе великой империи, память о чем бережно хранится до сих пор. Применительно к Италии – это, конечно, Римская империя, к политическим заветам которой уже в XX в. вдохновенно взывал Муссолини, величественная архитектура которой по настоящее время остается неиссякающим аттрактантом для индустрии туризма, а общепризнанное культурное наследие – одним из конструктивных залогов национальной идентичности итальянцев в качестве высокородных "новых римлян". На стыке Средневековья и Возрождения Венеция и Генуя строят собственные колониальные империи, становятся центрами европейской мир-экономики [62](32) . В неменьшей мере гордятся своим прошлым французы, которые на протяжении веков оставались одной из самых сильных и блестящих наций Европы, а затем возвели здание великой колониальной империи. В этом плане есть о чем вспомнить испанцам и португальцам, за спиной которых собственные колониальные империи, на их языках до сих пор говорят латиноамериканские страны.(33) По-

видимому, не менее, если не более, важным является то, что у всех перечисленных стран их имперское величие – в прошлом. Нет, не национальные комплексы, огорчения и даже не благоприобретенная мудрость интересуют нас в данной связи, а те исторические выводы, политические интенции, которые направлены в будущее.

Случайно ли президент де Голль, оказавшийся современником и даже соавтором крушения французской колониальной системы (именно он вбил решающий гвоздь в ее гроб, выведя войска из Алжира), выдвинул лозунг единой Европы (от Атлантики до Урала), приложил массу усилий для его воплощения в жизнь, заразил этой идеей не только прямых политических наследников, голлистов, но и нацию в целом? С тех пор Франция – один из главных моторов европейской интеграции, борец за "суверенитет" Европы практически во всех областях. Эту волю, направленную на строительство новой, европейской "империи",(34) полностью разделяют с Францией Италия, Испания, Португалия – в отличие от правительств и партий ряда северных стран, еще недавно испытывавших серьезные колебания по поводу целесообразности "слишком быстрого" и "слишком глубокого" сближения.

Ироничный читатель, возможно, заметит, что в рядах "евроскептиков" чаще всего были замечены наиболее богатые страны (Британия, Дания, нейтральные Швеция, Австрия и Швейцария), чей удел – быть донорами, а не акцепторами в общих финансах Союза, и перспектива "кормить евробюрократов", "южных и восточных лентяев" их не вдохновляла. Но ведь Францию и Италию такое соображение не останавливало. Тем более оно не могло остановить Испанию с Португалией, чей кошелек при общем бюджете пополняется. Но сейчас нас занимают не проблемы европейского объединения как такового – тем более, что позиции евроскептиков в новых условиях резко ослабли и локомотив интеграции выходит на проектный режим, – а конкретно романский ансамбль, факторы, ответственные за его консолидацию. Четверка упомянутых стран оказалась энтузиастом Союза и никак не может быть обвинена в евроскепсисе.

Какие еще признаки объединяют этот ансамбль? – Прежде всего, однотипность и тесная переплетенность историй. Как сказано, каждое из четырех государств обладает как минимум "дважды имперским" прошлым: первая империя – Рим, которому регион в целом обязан "романизацией", вторые империи – колониальные (у Франции в промежутке еще и империя Карла Великого). Вплоть до XVI в. Средиземноморье оставалось центром

Старого Света, – напоминает Ф.Бродель [62, с. 93]. Регион отличается и перекрестными связями. У Испании и Португалии за спиной "мавританский" период и последующая Реконкиста. В 1580 – 1640 гг. Португалия принадлежит испанской короне. Основным клиентом итальянской Генуи, которой, подобно Флоренции, принадлежало банкирское лидерство, был король Испанский, хозяин драгоценных металлов. Общие события пронизывают века, включая войну за Испанское наследство, когда французские войска сражались в Италии, итальянскую и испанскую кампании Наполеона, участие итальянских бригад в испанской Гражданской войне на стороне Франко.

Все четыре участника ансамбля отличались сильным феодализмом, в конфессиональной плоскости – они не только католики, но и бастион Контрреформации. Последняя – не только религиозное, но и значимое политическое, социальное, экономическое движение, по крайней мере если доверять знаменитому утверждению М.Вебера, что противник Контрреформации, протестантизм, послужил мощной предпосылкой возникновения капиталистической экономики. Италия же (бывшая с IX-X по XVI вв. в лице Венеции торгово-финансовым центром Европы) и богатейшая Испания постепенно перемещаются в разряд аутсайдеров. Франция, несмотря на то, что ее – наряду с Нидерландами, Англией, США – относят к "первому эшелону" модернизации, занимает его последний вагон, до сих пор испытывая проблемы с развитием наиболее динамичных, технологически продвинутых отраслей. Бродель говорит о "промышленном отставании Франции, очевидном с XIX в.", о том, что "процветавшая в XIII в. Франция, вознесенная на высоту сухопутными связями , утратила это преимущество в начале XIV в. из-за установления морской связи, через Гибралтар, между Италией и Нидерландами. Тогда же она оказалась за пределами важнейшего "капиталистического" кругооборота Европы" [62, с. 43-44]. Не обязательно пунктуально следовать сложным концептам историков – определенное технологическое отставание на романском юге Европы можно объяснять более простыми и естественными причинами: климатические условия благоприятствовали здесь сельскому хозяйству, и нормы прибыли в нем вплоть до недавнего времени хватало, чтобы не особенно интенсивно выталкивать производителей в направлении к промышленному производству. Как бы там ни было, для нас важны не причины, а следствия, сам status quo. Испания, Португалия, юг Италии и Франции до сих пор – относительно отстающие регионы, перед которыми поставлены задачи скорейшей модернизации, повышения уровня жизни,

преодоления традиционности местных укладов и изменения стереотипов общественного поведения.

В скобках констатируем наличие соответствующих коллизий и на политической сцене. XX век во всех четырех государствах – эпоха влиятельных тоталитарных движений. С 1922 по 1944 гг. в Италии установлен фашистский режим, в послевоенный период до рубежа 1980 – 90-х гг. коммунисты – вторая по величине политическая сила. В Испании 1939 – 1975 гг. – период правления Франко, его "фалангистов". В 1926 г. в Португалии установлена военная диктатура, в 1932 г. власть захватывает Салазар, лишь в 1974 г. происходит демократическая революция ("революция гвоздик"). Франции удалось сберечь демократию, но в 1936 г. для противостояния местным фашистам потребовалось создание специального Народного фронта, а после войны компартия Франции – одна из сильнейших в Европе. Т.е. и ей пришлось не понаслышке познакомиться с тоталитарной угрозой.

Пора подвести итог. Каковы конституирующие особенности стран региона? Общее географическое положение и сходные климатические условия. Лингвистическое родство (романская группа языков). Доминирующее католичество. Все четыре страны – ареал Римской империи; это, несомненно, *Западная*, а не Восточная, Европа (имеется в виду не тривиальная географическая, а историко-культурная принадлежность). Контрреформация. Благоприятные условия для сельского хозяйства и туризма. Общие проблемы преодоления слаборазвитости (для Испании, Португалии – целиком, для Италии, Франции – на юге). Великое историческое наследие (все – империи, и все – в прошлом), надежды обращены на единую Европу. Членство в ЕС, НАТО. Возникают ли сомнения, что это – региональный ансамбль?

К нему следует также отнести еще три страны: Андорру, Монако и Сан-Марино. Численность населения Андорры составляет 40 тыс. чел. (данные 1982 г.), денежные единицы – испанские песеты и французские франки, верующие – католики. В Новое и Новейшее время Андорра – под протекторатом Франции и Испании. В Монако проживает 27 тыс. чел. (1982), из них около 5 тыс. подданных Монако, монегасков, остальные – французы, итальянцы. В 1524 – 1641 гг. княжество Монако – под испанским господством, затем в основном под французским протекторатом (1793 – 1814 гг. – в составе Франции); современная денежная единица – французский франк. Сан-Марино – 20 тыс. населения (1983), религия – католичество, официальный язык – итальянский, денежная единица – итальянская лира, территория со всех сторон окружена Италией. Столь небольшие и не вполне

независимые государства, на наш взгляд, не способны нарушить конституирующую кватерниорность романского ансамбля и входят в него на правах "остальных".

Теперь поднимемся на север западного края европейского континента. Бенилюкс, экономический союз Бельгии, Нидерландов и Люксембурга, образованный в 1958 г. (начал действовать в 1960), – один из классических региональных ансамблей.

Значение ансамблей не сводится к их географическим размерам, чему данный пример – яркая иллюстрация. С IX – X вв. здесь располагался один из двух полюсов (наряду с Северной Италией) европейской экономической жизни; с 1500 г. Антверпен, с 1600 г. Амстердам – последовательно центры европейской мир-экономики [62].(35) В настоящее время Брюссель – место пребывания Еврокомиссии, Гаага – Международного суда, в Брюсселе же базируется штаб-квартира НАТО.

Рассматриваемые территории издавна связаны тесными историческими, политическими и экономическими узами. Наряду с современной Голландией, Бельгия и Люксембург – части исторических Нидерландов, в XV в. оказавшихся под сенью Испании. Революция 1566 – 1609 гг. приводит к независимости только северные провинции, т.е. нынешние Нидерланды, тогда как земли Бельгии и Люксембурга остались под владычеством испанских Габсбургов (с 1714 г. – австрийских Габсбургов). По решению Венского конгресса, с 1815 г. Голландия с Бельгией – вновь в составе единого Нидерландского королевства. Но двести лет раздельного существования оставили отпечаток, и в 1830 г. вспыхивает Бельгийская революция, приведшая к созданию независимой Бельгии. Великое герцогство Люксембург – в современных границах с 1839 г., до 1980 г. – в личной унии с Нидерландами. Итак, перед нами прежде единое государство, разные части которого волею судеб разведены, но поддерживают и в обозримый период будут поддерживать особо доверительные союзнические отношения.

Все три высокоразвитые конституционные монархии – члены НАТО, ЕС. Кто-то, возможно, обрадуется: наконец-то мы встретились не с надоевшей четверкой, а с тройкой. Но радость, увы, преждевременна.

Население Бельгии делится практически пополам: 56% фламандцев и 42% валлонов, которых разделяет языковой барьер – соответственно, нидерландский и французский языки, оба со статусом государственных. Компактное проживание каждой из групп – почва для сепаратистских тенденций. В Бельгии уже три десятилетия не прекращается процесс конституционного

переустройства, и унитарное государство на настоящий момент превратилось в федерацию трех регионов: Фландрии, Валлонии плюс столицы Брюсселя [52]. "Следующий этап конституционной реформы стартует в 1999 г., после июльских выборов в парламенты федерации и регионов. В преддверии этого исторического события фламандцы выдвинули условия, заведомо неприемлемые для валлонов. По сути Фландрия требует налоговой самостоятельности, а также передачи регионам полномочий в области здравоохранения, социального страхования, занятости, внешней торговли, сельского хозяйства и даже железнодорожного сообщения. В этом случае, по мнению экспертов, Бельгия фактически становится конфедерацией" [там же]. Существует целый пакет других свидетельств нарастающего обострения противоречий между общинами, т.е. потенциально данный ансамбль кватерниорен: Нидерланды, Люксембург, Фландрия и Валлония.

Если разделение Бельгии на два государства состоится, это позволит констатировать срабатывание тетрарного принципа; если нет, я, честно говоря, не увижу существенного ущерба изучаемой схеме. По другому конкретному поводу, – анализируя одну из разновидностей рациональных структур в поэзии, так называемые параллелизмы, – Р.Якобсон замечал: "Любые формы параллелизма есть некоторое соотношение инвариантов и переменных. Чем строже распределение инвариантов, тем более заметны и эффективны вариации" [402, с. 121-122]. Переводя в политологическую плоскость: если инвариантом служит кватерниорность структур, то его оправданная вариация способна лишь увеличить экспрессивность общей картины. И коль начато сравнение реального политического феномена, Европы, с художественным произведением – стихотворным текстом или картиной, – возможно, уместно вспомнить призыв Сальвадора Дали вносить "ошибки" в изображение(36) или сетование русского поэта 1960-х гг. Леонида Аронзона в его дневнике: "Не хватает ошибки" [рукоп.]. Подобный мотив не стоит упускать из внимания при анализе и других примеров: догматизм, скрупулезная рациональность во всякой детали не всегда уместны даже в теориях. С такой поправкой мы с чистой совестью квалифицируем Бенилюкс в качестве четверки, а не тройки. Если Бельгия не разделится, тем самым внеся вариацию, или "ошибку", в транзитивно тетрарную схему, для нашей концепции не будет особого вреда, достаточно и выявленной тенденции. На этой ноте оставим региональный ансамбль Бенилюкс и обратимся к следующему – Скандинавии.

Под скандинавской шапкой выступают Дания, Швеция,

Норвегия, Исландия и Финляндия, т.е. пять государств, а не четыре, поэтому требуется особая осторожность. Какова диспозиция в этом северном регионе? Вначале сравним участников по демографическому критерию.

Согласно данным 1985 г., население Швеции составляет 8,5 млн. чел., Дании – 5,1 млн. (1985), Финляндии – 4,9 млн. (1984), Норвегии – 4,1 млн. (1984), тогда как в Исландии проживает всего 230 тыс. чел. (1982). Четыре члена ансамбля демографически соизмеримы, пятый же, Исландия, уступает самому меньшему из них почти в двадцать раз. Наряду с географически уединенным, островным расположением Исландии, это семантически отдаляет ее от остальных, ставит в не совсем равное фактическое положение. Нам уже не раз приходилось встречаться с территориально-политическими системами, состоящими из большего, чем 4, числа элементов, и в действительности они редуцировались, сводясь к схеме "четыре плюс остальные". Так, например, оказалось при изучении строения СНГ в Центральноазиатском ансамбле: Узбекистан, Казахстан, Киргизстан, Таджикистан плюс политически нейтральный во всем регионе Туркменистан. Не такова ли ситуация и на скандинавском театре? Хотя вывод напрашивается сам собой, во избежание недоразумений обсуждение стоит продолжить.

Действительно ли с "физическими" – демографическими, территориальными, экономическими – единицами мы имеем дело в процессе текущего дискурса? Он имеет логико-семантическую направленность и оперирует со "значениями" элементов. Политические симплексы, формы выстраиваются из материала этих "значений". Поскольку речь об эпохе масс, о процессах коллективного возведения симплексов, постольку их прорабом оказывается не только элементарная логика (для определения связей между элементами), но и информация о самих элементах, в данном случае государствах. Последняя должна быть общеизвестной – как о прошлом стран (их истории), так и о настоящем, – т.е. общеизвестной для населений тех государств, которые принимают участие в создании регионального ансамбля, его сохранении, перестройке согласно современным критериям. Но самое главное даже не это: подобная информация не обходится без оценки, оценки значения той или иной страны – опять же в глазах тех, кто ответственен за формообразование, т.е. жителей рассматриваемого региона.

Влияют ли на результат коллективной оценки упомянутые "физические" факторы: демографические, территориальные, экономические? – Несомненно. В среднем, чем больше

государство, тем более значимым оно представляется. Строение ансамблей задается главным образом крупными, "заметными" странами, тогда как малым чаще достается вспомогательная, или второстепенная, роль "остальных". Но это лишь "в среднем". Поскольку строительным материалом в данном случае служат коллективные представления, "значения", последние могут иногда далеко отходить от "объективного", "физического" веса государства. Подобное может возникать по разным причинам. Например, Туркменистан по собственной инициативе избрал путь "неприсоединения", нейтралитета, добровольно отстранившись от активного участия в конструировании Центральноазиатского ансамбля в целом. В других условиях, напротив, относительно малая страна может оказаться подчеркнуто значимой для соседей и играть в общем "спектакле" заглавные роли. Она становится соизмеримой с другими главными персонажами – по крайней мере, в воображении народов, ответственных за политическое формотворчество в регионе.

На минуту вернемся к ситуации в Бенилюксе. В Люксембурге проживает всего лишь 400 тыс. чел. (1983). Для сравнения, в Нидерландах – 14,5 млн. (1985), в Бельгии – 9,9 млн. (1984). Несмотря на столь существенное отличие, Люксембург, на наш взгляд, занимает "полноправное" место в ансамбле (что косвенно подтверждается и названием последнего, составленного из первых слогов имен стран-участников). Исторический опыт этого региона таков, что заставил ценить физически меньшего партнера не менее остальных. Не исключено, что Люксембург, подобно "дяде честных правил" у Пушкина, просто заставил себя уважать: в 1842 – 1919 гг. он состоял в таможенной унии с Германией (в Люксембурге, кстати, два государственных языка: немецкий, французский), вероятность аналогичной "потери" в будущем повышает его имагинативную ценность в глазах партнеров по нынешнему ансамблю.(37) Но область причин (которые практически никогда не оказываются однозначными и, значит, оставляют осадок гадательности) – не наша стезя, для нас существенны следствия, факты. Поэтому мы, включая Люксембург в соответствующий ансамбль на правах полноценного члена, постарались избегать лишних деталей. В Скандинавии – применительно к Исландии – ситуация явно иная.

Численность населения острова Исландия, повторим, не достигает одной двадцатой средней величины по ансамблю. Исландия могла бы произвести более глубокое политическое впечатление на других участников и тем самым войти в ряды компактной четверки, если бы она, например, предъявила соизмеримый с остальными объем ВВП. Но это означало бы, что

по производительности труда, производству на душу населения Исландия должна была бы превзойти высокоразвитые Швецию, Данию, Норвегию, Финляндию как минимум на порядок! Напомним, что географические, демографические, экономические аргументы интересуют нас в данном случае не столько в их собственном значении, сколько в проекции на политику, на ее рациональное и имагинативное измерения, т.е. на сознание обществ, конституирующих облик и "внутренний смысл" ансамбля. Непосредственное отношение к этому имеет и историческая память народов.

Все пять стран в свое время побывали в рамках общих государств, что служит немаловажной предпосылкой единства всей группы. В 1397 г. заключается Кальмарская уния, объединившая под властью датских королей Швецию (с Финляндией) и Норвегию (с Исландией). Позднее уния распадается, и территории нынешних государств входят в более фрагментарные ассоциации. Швеция (с Финляндией) добивается независимости в 1523 г. По Кильскому договору 1814 г. Норвегия передана Швеции. Шведско-норвежская уния просуществовала до 1905 г. Исландия с IX в. заселяется норвежцами, в середине XIII в. (1262 – 64) став владением Норвегии, вместе с которой в 1397 г. переходит под власть Дании. В 1918 г. заключается датско-исландская уния, которая была расторгнута лишь в 1944 г.: согласно результатам референдума, Исландия становится суверенной республикой. Территория Финляндии занимается Швецией в XII – XIV вв., отторгается от нее в 1808 – 09 гг. в результате русско-шведской войны. Оставаясь на протяжении века в составе России, Финляндия занимает в ней особое, или обособленное, положение,(38) ныне в ней два государственных языка – финский и шведский. В конце 1917 г. советское правительство признает суверенитет Финляндии, и в 1919 г. в ней провозглашена республика. Столь тесная переплетенность историй скандинавских народов – залог их единства, но какое место в этой истории занимает Исландия? – Трудно удержаться от вывода: второстепенное.(39)

Исландия никогда не была активным самостоятельным игроком (фактор силы не должен сбрасываться со счетов). Она позже всех провозгласила независимость, при этом будучи занятой американскими войсками. Все вкупе сказанное – о географии, демографии, экономике и истории – позволяет с достаточно высокой надежностью отнести Исландию к структурной позиции "остальных", а к Скандинавскому ансамблю применить схему "четыре и остальные". Концептуальная кватерниорность, таким образом, воплощена и здесь. Для

полноты нелишне отметить, что во всех государствах ансамбля подавляющее большинство населения – лютеране.

Расставляя более тонкие акценты, можно констатировать, что Финляндия занимает несколько обособленное положение в ядре ансамбля на фоне Швеции, Дании, Норвегии: по этническому признаку (финны – из финно-угорской, а не индоевропейской группы народов), историческому (столетие в составе Российской империи, затем влияние СССР) и даже политическому (на политической сцене Финляндии в XX в. были заметны коммунисты, что для остальных стран региона не характерно). Поэтому дескриптивную формулу Скандинавского ансамбля допустимо представить в виде 3 + 1 и "остальные". Но это детали, в настоящем контексте не столь важные, главным остается конструктивный логико-политический факт M = 4. Осталось лишь уточнить, что кватернион сложился в XX в.: после расторжения унии Швеция – Норвегия в 1905 г., обретения независимости Финляндией в 1917 и Исландией в 1944.

Теперь замкнем кольцо региональных ансамблей, опоясывающее Европу, обратившись к Прибалтике в терминологии советского периода, или к Балтии, как теперь ее принято называть. О том, что три балтийские республики – Латвия, Литва, Эстония – представляют собой отдельный ансамбль, уже шла речь при анализе СССР: в строении последнего они также играли, как мы помним, самостоятельную конструктивную роль. Названные государства, в течение долгих веков испытавшие политическое и культурное влияние германского, российского и отчасти скандинавского миров, окончательно добились суверенитета в 1991 г., вместе с распадом СССР. Теперь в них проводятся интенсивные экономические и политические реформы, взят курс на вступление в НАТО, ЕС. В предъявленном виде ансамбль представляет собой, конечно, триаду, а не тетраду. Отклонение от правил? – Опять постараемся не спешить.

В результате распада СССР на берегах Балтийского моря образовался российский эксклав – Калининградская область, бывшая Восточная Пруссия, прилегающая к Балтии с запада. Ее население – русское, или "русскоязычное". Экономика страдает всем букетом российских болезней, что контрастирует с ситуацией как у непосредственных соседей – в Польше, Балтии, – так и тем более в неполностью потерявшей ностальгического интереса к своим прежним землям Германии. Железнодорожные и автомобильные коммуникации Калининградского эксклава с "материковой" Россией пролегают через балтийские территории. Прибалты (и немцы) пристально следят за ходом

калининградских дел. Вероятно, не будет преувеличением утверждать, что балтийские политики отдают себе ясный отчет: совокупный политический вес их государств, заинтересованность в них со стороны ведущих европейских игроков резко повысятся, если они выступят "в одном пакете" с Калининградской областью. На пути всего ансамбля в Европу, в ЕС тогда дружно вспыхнут зеленые светофоры.

Я понимаю, что столь откровенное высказывание в состоянии вызвать шквал возмущения. Подозрениями в тайных замыслах отторгнуть Калининградскую область от России была полна российская патриотическая пресса. Со своей стороны, либералы укоряли Кремль в бездействии, требуя принятия энергичных комплексных мер – политических, социальных, экономических, – призванных укрепить связи эксклава с остальной территорией. В противном случае в области назреют сепаратистские настроения. В итоге, и левые, и правые в России признают наличие соответствующей проблемы, нас же, как всегда, интересует не идеологическая упаковка, а исключительно структуры: Калининградская область есть нечто "особое". Даже если допустить наличие в каких-то кругах тайных замыслов по отделению калининградских земель, то это отвечает признакам "непроговоренности", "неэксплицированности" тех сил, которые в конечном счете ответственны за формирование и политических симплексов, т.е. сил рационального бессознательного. Если центробежные тенденции в эксклаве на настоящий момент латентны, тем же обычно отличается и бессознательное.

Но строго говоря, я не вижу повода ломать копья по затронутому вопросу. Разрабатываемая тема – логика региональных ансамблей, а не государств. Границы государств – один политический аспект, состав региональных ансамблей – другой, и эти аспекты в значительной степени независимы. Так, ранее в Бенилюксе было констатировано наличие потенциального кватерниона – несмотря на то, что Фландрия и Валлония остаются в пределах одного государства и их разделение в обозримый период, возможно, не состоится, – что не препятствует функционированию ансамбля по правилам тетрады, а не триады. Сходная ситуация не исключена и в балтийском регионе. Например, Калининградская область продолжает оставаться в составе РФ (при этом – см. раздел 1.4.2- – ей не отведено самостоятельного формообразующего места в структурах СНГ), но разве это непреодолимое препятствие для вхождения в Балтийский ансамбль, для осознания общих интересов с соседними постсоветскими республиками, проведения скоординированной инвестиционной, социальной, культурной

политики или принятия помощи по линии ЕС? Наличие общих типичных проблем, решение которых требует скоординированных усилий, оживленные экономические, культурные и гуманитарные связи, нарабатывающиеся годами повышенные взаимопонимание, уважение, неформальная доверительная обстановка ("особые отношения") – тот климат, который отличает большинство ансамблей. Если на Балтике сложится единство из Латвии, Литвы, Эстонии и Калининградской области, то структуры Европы здесь как бы наложатся на пространства Евразии, обеспечив их более тесную спайку.

Ситуация принадлежности отдельных регионов, даже стран сразу двум или нескольким большим системам имеет множество прецедентов. Так, В.Л.Цымбурский, анализируя балтийско-черноморскую систему (БЧС) XVI – XVIII вв., – кстати, также четырехсоставную, о чем, впрочем, ниже, – констатировал подобное положение, скажем, Швеции, входившей, с одной стороны, в упомянутую БЧС, а с другой – в Западную Европу [369, с. 60]. Подобной "расщепленной" принадлежностью отличалась и Турция. В.Л.Цымбурский употребляет для описания подобных ситуаций топологический термин склейки систем [там же, с. 64]. Так же обстояло дело с Чечней в СНГ (наложение территории РФ на кавказский ансамбль) или с Северной Ирландией (соуправление Великобритании и Ирландии). Что может препятствовать утверждению похожей схемы в случае с Калининградской областью?

Разве противоречит интересам России иметь своего "агента" в балтийском ансамбле и через его посредство – в Европе? Чем выше заинтересованность прибалтов и европейцев в Калининградском анклаве, тем прочнее они завязаны на Москву. Конечно, трудно представить, что у балтийского ансамбля есть шанс принять облик кватерниона в случае роста напряженности отношений между Россией и НАТО при одновременном принятии стран Балтии в состав НАТО. Калининградская область тогда превращается в бастион, и плодотворное взаимодействие поверх "фронтовых" границ становится практически невозможным.(40) При этом членство в Евросоюзе, с которым у России складываются позитивные отношения, практически ничему не препятствует.(41) В любом случае судьбы ансамбля завязаны на "большую политику": зависят от нее и оказывают обратное влияние.

С учетом сделанных поправок оправданно говорить о четырехчастном Балтийском ансамбле, состоящем из Латвии, Литвы, Эстонии и Калининградской области (3 + 1) – вне зависимости от того, произойдет отделение последней от России

или нет.

Не охваченным дискурсом пока остался центр Европы, южную часть которого занимают государства бывшей Югославии, а северную – германоязычные страны.

С 1945 г. Социалистическая Федеративная Республика Югославия(42) состояла из шести союзных республик: Сербии, Хорватии, Словении, Македонии, Черногории и Боснии и Герцеговины. Падение коммунистического режима на рубеже 1980 – 90-х гг. сопровождалось распадом страны. При этом Сербия и Черногория остались в рамках одного государства, сохранившего прежнее собирательное название – Югославия, тогда как всеми другими объявлен суверенитет. Запомним этот наличествующий на данный момент результат – существование пяти конструктивных элементов: Югославии, Хорватии, Македонии, Боснии и Герцеговины, а также Словении.

Земли перечисленных государств с VI – VII вв. заселены славянами. Сербы, хорваты, черногорцы и боснийцы-мусульмане говорят на одном языке – сербскохорватском (хорватскосербском), а у двух географических полюсов бывшей Югославии – юго-восточного, Македонии, и северо-западного, Словении, – свои языки, принадлежащие той же лингвистической группе. Единое государство объединяло названные народы и до 1945 г.: с 1918 г. они входят в Королевство сербов, хорватов и словенцев, с 1929 г. – в Югославию (часть заселенных словенцами земель, впрочем, оставалась у Австрии, другая часть в 1918 – 47 гг. – у Италии). Совокупность географических, этнолингвистических и исторических фактов позволяет констатировать определенное единство всего региона, но все же исторические пути его разных частей не полностью повторяют друг друга.

Обратим внимание на две доминанты, каждая из которых оставила глубокий след в национальном сознании и самоидентификации и в других, уже рассмотренных региональных ансамблях Европы: юго-восточном (Румыния, Болгария, Греция, Кипр) и Вышеградском (Венгрия, Чехия, Польша, Словакия). А именно: народы первого из них пережили турецкое иго, за спиной второго – опыт пребывания в Австрийской империи. Для бывшей Югославии значимы оба фактора.

В 1389 г., после поражения сербско-боснийских войск на Косовом Поле, Сербия попадает в вассальную зависимость от Османской империи, с 1459 г. – включена в ее состав. В 1463 г. та же участь постигает значительную часть Боснии, а в 1482 г. – Герцеговину. На Черногорию тень легла с 1499 г. Однако

Словения с начала XVI в. – под эгидой австрийских Габсбургов. Хорватия, согласно данному критерию, занимает промежуточное положение. В 1102 г. она входит в Венгерское королевство (сохраняя внутреннее самоуправление), с 1526 г. – под Габсбургами. При этом с конца XVI в. до начала XVIII б? льшая часть ее территории побывала во власти Османской империи. До сих пор сербы, македонцы, черногорцы, боснийцы, окончательно добившиеся свободы лишь в последней четверти XIX в., хранят память о турецком владычестве. Словенцы, соответственно, не сбрасывают со счетов габсбургское прошлое, продолжавшееся до 1918 г. Хорваты помнят о том и о другом. Такие факторы нельзя не учитывать при изучении положения дел в регионе, где сегодня история вновь ожила, при анализе настоящего новых независимых государств и их перспектив.

Упомянем и о конфессиональной окраске. Нынешняя Югославия (Сербия с Черногорией) и Македония преимущественно православны, большинство населения Словении и Хорватии исповедует католичество, в Боснии и Герцеговине проживают православные сербы, католики-хорваты и соизмеримая с ними по численности мусульманская община. Согласно религиозному признаку, сквозь регион пролегает культурный фронт между Западным Римом и Византией, не считая исторически более позднего исламского анклава. Как и во всех постсоциалистических государствах – в качестве реакции на десятилетия засилья интернационалистской атеистической идеологии – общественно-психологическое и политическое значение национальной и религиозной принадлежности возрастает.

На фоне соседнего, юго-восточного ансамбля (Румыния, Болгария, Греция, Кипр), культурная идентичность которого опирается на общую веру, православие, но этнически разнородного, югославский ансамбль демонстрирует обратную картину: этнолингвистическая однородность и конфессиональная гетерогенность. В таком контексте едва ли возможно считать случайностями как объединение южнославянских народов в одно государство в 1918 г., так и его распад в 1991. Впрочем, воздержимся от чрезмерной деталировки, нас по-прежнему занимает лишь один, весьма специальный аспект.

Взоры всех новых независимых государств после крушения коммунистических режимов с надеждой обращаются в сторону Запада, особенно его наиболее развитых представителей. Миллионы югославских рабочих еще ранее побывали на заработках в ФРГ (ныне в ФРГ проживает 850 тыс. югославов [81]), немецкая марка до сих пор имеет широкое хождение в регионе в

качестве эталонного платежного средства. Поэтому обозреватели не без оснований фиксируют "вторую волну германизации" – после упоминавшейся первой, австрийской.

Все страны региона сталкиваются с острыми экономическими проблемами, обязанными как характеристически "южному" (плюс "восточному") типу хозяйства, так и социалистическому наследству. Перед всеми стоят задачи ускоренной модернизации. Ансамбль, кроме того, отличается высоким конфликтным потенциалом. Война в Боснии, Сербии с Хорватией, события в Косово не покидали телеэкранов и газет всего мира. У Македонии возникает спор с Грецией по поводу собственного названия, и, поскольку на территории Македонии компактно проживает крупная община албанцев, не равнодушная к идеям Армии Освобождения Косово (АОК) и, возможно, планам строительства "Великой Албании", угроза межнациональных столкновений существует и здесь. Лишь одной стране бывшей Югославии удалось продемонстрировать надежный иммунитет к насильственным методам решения возникающих вопросов – Словении. Ее стычка с армией Сербии продлилась всего неделю, после чего (сербов в Словении практически нет, отсутствуют общие границы и словенцы показали свое единодушие) не возникает ни поводов, ни причин для новых конфликтов. В Словении осуществляются наиболее успешные экономические и демократические реформы, это государство – в первых рядах на вступление в ЕС и НАТО [232].

По совокупности параметров современная Словения занимает очевидно отличительное положение по сравнению с остальными четырьмя странами субрегиона. Но, по всей видимости, было бы опрометчиво применять к этому случаю знакомую схему "четыре и остальные": Словения явно не "остальная", чему препятствуют ее позиция и значение. На время оставим Югославский ансамбль на нынешней дискурсивной ступени, т.е. с номинальным наличием *пяти* конституирующих элементов: Югославии, Хорватии, Македонии, Боснии и Герцеговины, а также ускоренно выпадающей из общего фона Словении, – и обратим взгляд на их северных соседей.

Здесь расположены высокоразвитые ФРГ, Австрия, Швейцария и Лихтенштейн, т.е. германоязычные страны.(43) Этот ансамбль – кватернион? – Такая гипотеза малоправдоподобна: крошечный Лихтенштейн с населением в 26 тыс. чел. (1982) едва ли вправе претендовать на самостоятельную конституирующую позицию. Напомним, что в аналогичном случае, разбирая романский ансамбль, мы отнесли к основным конструктивным единицам лишь Италию, Францию, Испанию и Португалию, а

Монако, Андорру и Сан-Марино поместили в более скромную ячейку "остальных". Так что пока в нашем распоряжении тройка, а не четверка.

Если в экономической сфере у рассматриваемого ансамбля отсутствуют патологии – все его участники стоят в авангарде мирового развития, то в политической – ситуация не безоблачна. Вплоть до недавнего времени ФРГ была лишена возможности проводить полностью независимую внешнюю политику, без оглядок на старших партнеров по НАТО, отчего к ней, как и к Японии, применялся эпитет "экономический гигант, но политический карлик". В последнее десятилетие положение быстро меняется, "ФРГ играет во все более самостоятельную игру", центр тяжести ее политики все больше смещается к энергичной защите собственных интересов, а не "абстрактных общих интересов западного лагеря в целом" [114].

Послевоенная Австрия – с тех пор, как в 1955 г. восстановлена ее независимость, – нейтральное государство: бывшие союзники СССР, США, Великобритания, Франция служили гарантами нейтралитета, закрепленного и в Конституции страны. Поэтому Австрия последовательно воздерживалась от вступления в НАТО и ЕС (во все его предварительные варианты: Европейское объединение угля и стали, ЕЭС). Теперь лед сломан, уже несколько лет Австрия является членом ЕС, в национальных масс-медиа дискутируется вопрос о подключении к НАТО.

Традиции швейцарского нейтралитета еще глубже. Венский конгресс 1814-15 гг., установив близкие к современным границы Швейцарии, гарантировал ей "вечный нейтралитет". Страна не принимала участия ни в одной из мировых войн, до сих пор воздерживается даже от членства в ООН. Занятая Швейцарией историческая позиция позволила ей не только на протяжении почти двух веков избегать военных действий на собственной территории, но и извлекать полновесные экономические дивиденды из своего общепризнанного положения. Поэтому сейчас, когда в Европе по пальцам перечесть те страны, которые не стали членами ЕС или не выразили намерения вступить в него, Швейцария переживает мучительные колебания. На нее, во-первых, оказывают согласованное давление круги авторитетных европейских политиков, ее искушают участием в выгодных общеевропейских проектах (например, прокладкой через ее территорию трансъевропейской автомагистрали). Во-вторых, остаться одной, когда все кругом объединяются, по-прежнему пребывать на ступени национальной, а не общеблоковой, экономики, когда консолидация охватывает политическую и

экономическую сферы и транснациональные экономические гиганты диктуют все более жесткие правила игры – над своим будущим в такой ситуации, согласитесь, стоит задуматься. Масла в огонь подлил и недавний бойкот швейцарских банков со стороны ряда штатов США, ставший очередным драматическим эпизодом борьбы за первенство в мировых финансах и доказавший уязвимость одинокой Швейцарии [1]. В стране зреет общественное мнение, раздаются громкие голоса о необходимости вступления в ЕС. Адептам традиционной Швейцарии приходится уходить в практически безнадежную оборону, и, например, такой заслуженный швейцарский экономист как В.Футтеркнехт [423] вынужден переходить на повышенные интонации и полунормативную лексику,(44) отстаивая то, во что горячо верит: Швейцария во что бы то ни стало должна оставаться внеблоковой и нейтральной. На наш взгляд, не требуется пророческой прозорливости для прогноза: лед будет сломан и в этом случае.(45)

Политико-идеологические проблемы германского ансамбля обусловлены не только упомянутыми нейтралитетами, но и известными историческими коллизиями. С одной стороны, на протяжении веков эти территории были объединены в рамках Священной Римской империи (с конца XV в. – Священной Римской империи германской нации). Но каково отношение к ней современного местного населения? Если значение исторических противоречий между Австрией и Пруссией в борьбе за лидерство в империи (см., напр., [436]) для современных австрийцев и немцев едва ли стоит преувеличивать, то в самосознании швейцарцев факт обретения независимости от империи (фактической – с 1499 г., а по Вестфальскому миру 1648 – международно признанной) до сих пор – предмет гордости. Не стоит сбрасывать со счетов и последующий негативный опыт региона, когда гитлеровская Германия, злоупотребив памятью о Священной Римской империи, бросила тень на ее восприятие со стороны даже нынешних немцев, австрийцев. Поэтому древо единства германского ареала, обладающее глубокими историческими корнями, встречается с препятствиями естественного роста.

Такие конспективно обрисованные проблемы обычно именуются в специальной литературе кризисом идентичности. Подобный кризис в послевоенные полвека переживала Германия, самое крупное звено немецкого региона. Тем же термином можно воспользоваться для описания ситуации в ансамбле в целом, которому было непросто прийти к осознанию общности интересов, необходимости их последовательного отстаивания,

непросто настроить общественное мнение составных единиц (прежде всего ФРГ, Австрии, Швейцарии) на фактическую, пусть и непродекларированную, интеграцию и политическую активность. Но все же мы уверенно говорим о складывающемся региональном ансамбле – апеллируя к географической и культурно-языковой общности, как минимум к полувеку безусловно-демократической традиции, к высоким экономическим достижениям трех стран.

Названные проблемы германского ансамбля либо решаются, либо будут решены в обозримый период, но пока речь шла о *трех* его основных участниках, а не четырех. То самое исключение из правил, возможность возникновения которого ранее допускалась? – Навряд ли. Общий мировой и сквозной европейский принцип формообразования, если и способен допускать вариации, исключения, то их естественнее ожидать там, где это не столь уж и важно, на экономической и/или политической периферии, в "медвежьем углу", но не в самом сердце такого значимого для всего мира образования как ЕС. И значит, вероятность появления конструктивного четвертого элемента в настоящем случае достаточно, по всей видимости, высока. Здесь уместно возвратиться к бывшей Югославии.

Как мы помним, одно из пяти новых независимых государств, Словения, оказалось в южной системе, так сказать, выпадающим звеном, почти "белой вороной": доказанный иммунитет к силовым методам решения вопросов, успешные экономические и политические реформы, твердая заявка на вступление в ЕС и НАТО, благожелательно встреченная данными организациями. Если учесть, что эта самая западная часть бывшей Югославии с начала XVI в. по 1918 г., в период владычества Австрии, уже побывала в ареале германского мира, подверглась его формирующему влиянию, что она исповедует одну из западных разновидностей христианства, а не восточную и не ислам,(46) что она – вместе с остальными республиками – испытала "вторую волну" германского влияния, то не лишено резонов допущение, что Словения в состоянии перейти из состава югославского регионального ансамбля в ансамбль германский. Ведь в первом из них – один на глазах превращающийся в инородный "лишний" элемент, во втором, напротив, – недостающий. Воспользовавшись физической аналогией, мы сказали бы об отрицательно и положительно заряженных "ионах" и о захвате одним у другого избыточного "электрона", если бы слово "захват" не ассоциировалось в политике с насилием. В настоящем же случае подавляющее большинство населения и руководства Словении выражает недвусмысленную волю вступить в ЕС и завязать теснейшие связи с его самыми развитыми членами.

Европейские перспективы Словении представляются даже более благоприятными, чем у ряда других, ранее состоявшихся членов ЕС. Скажем, Греция и Португалия, уже два десятилетия входящие в Союз и одни из самых активных экономических акцепторов, до сих пор остаются во многом "проблемными". Польша, Чехия, Венгрия, оказавшиеся в "первой очереди" на прием в НАТО и ЕС, образуют вместе со Словакией свой собственный ансамбль, страдающий как целое генетическими болезнями недавнего социализма и своего восточного, "полупериферийного" экономического положения.(47) У Словении же возникает исторический шанс оказаться в германском ансамбле, все остальные участники которого – элита европейской и мировой экономики. То есть, наряду с преимуществами членства в ЕС, Словения вправе рассчитывать на плоды той менее формальной, зато "особой" близости ("entente cordiale"), которая устанавливается в рамках ансамблей. Разве не лестно для Словении сесть за один стол с такими партнерами? Разве не вспыхивает в словенских душах надежда, что и их страна, как новый союзник, вскоре взойдет на ту же ступень, которую занимают ФРГ, Австрия и Швейцария? Со своей стороны, германский ансамбль не менее заинтересован в "расширении", в обретении, как и у всех, логически и имагинативно необходимого четвертого звена.(48) Попутно с ансамбля снимается печать исключительно *национальной* интеграции, до сих пор вселяющей некоторые подозрения со стороны чутких соседей, да и самих демократически настроенных немцев, австрийцев, швейцарцев.

В связи со сказанным естественно предположить, что в ближайшей перспективе Словении предстоит быть "втянутой" в складывающийся германский ансамбль, тривиальным следствием чего станет кватерниорность строения как югославского, так и германского ансамблей. В контексте происходящего нелишне напомнить о давнем предупреждении К.Юнга: если сознание упорно не принимает во внимание опыт архетипов, архетипические образы могут самым катастрофическим образом вторгаться в реальность (а в ряду архетипов он числил и четверичные формы). Мы, со своей стороны, обращаем внимание не только на коллективно-психологический аспект, но и на рациональный, хотя и бессознательно-рациональный.

Насколько четко отрефлектированы такие моменты, движущие мотивы и импульсы западным обществом и политиками? Создается впечатление, что пока ощущается скорее общее "направление ветра", чем достигнуто четкое понимание "от и до". С одной стороны, ФРГ в числе первых (иные из аналитиков утверждают: "поспешно") официально признала распад СФРЮ,

новые независимые государства, справедливо заметив в этих событиях шанс для себя и для новой архитектуры Европы.(49) С другой стороны, поскольку и у Хорватии, наряду со Словенией, как представителя западной ветви христианства, бывшего владения Австрии, существуют определенные исторические основания – без задержки конвертирующиеся в современных условиях во вспышку надежд – на особую близость к германскому миру, то вполне ли определилась ФРГ с выбором, на какую из двух карт ей ставить? Если согласиться с тем, что в центре Европы действуют те же политические формообразующие начала, что и повсюду, т.е. кватерниорные, то обе карты сразу не могут стать выигрышными для германского ансамбля. Последнему "для полноты" не достает одного элемента, в югославском ансамбле "лишний" тоже один. Неопределенность, отсутствие решительной однозначности выбора со стороны самого влиятельного представителя германского ансамбля с такой точки зрения – политическая ошибка (впрочем, пока писался этот текст, "ошибка", похоже, на ходу исправлялась: правительство Туджмана все чаще подвергалось критике за свои настоящие и недавние (во время войны) действия, т.е. Запад и, что важнее всего, Германия отказывались от чрезмерного и "необусловленного" заигрывания с хорватским режимом – пусть главным образом и из опасения скомпрометировать себя, а не исходя из "политической алгебры", которая здесь предлагается).(50) Кватерниорный югославский ансамбль – теперь мы можем манифестировать его достаточно твердо: *Югославия, Хорватия, Македония*, *Босния и Герцеговина,* M = 4, – как субсистема Европы, не менее правомочен, чем остальные. Здесь действуют такие же могучие формообразующие силы .(51)

Попутно можно отметить, что нынешняя Союзная Республика Югославия состоит из *Сербии* и *Черногории* (вероисповедание – православие), однако в Сербии вплоть до недавнего времени существовали две автономии: северная *Воеводина,* на территории которой компактно проживает венгерское меньшинство (католическое), и на юге – край *Косово*, населенный преимущественно албанцами-мусульманами. Бывшие автономии заявляют о себе и в новых условиях, итого M = 4. Читатель самостоятельно определит, какая из названных единиц занимает обособленное положение и ответственна за членение согласно принципу 3 + 1.

Воздержимся от перечисления тех многочисленных ошибок, которые сделаны и, вероятно, еще будут сделаны как видными западными политиками, так и представителями бывшей Югославии – это увело бы в сторону от обсуждаемой темы.

Заметим лишь, что упомянутые "ошибки" в известном смысле неизбежны – ведь речь идет об исторических процессах (формирование политических симплексов), регулируемых, как не раз говорилось, хотя и вполне рациональными, но *бессознательными* механизмами. В чем еще проявлять себя фактору бессознательности, как не в неопределенности, заблуждениях, ошибках? Политики, как корпорация, оказываются их главным проводником. Уместно напомнить и о давнем историческом опыте – как ведущие русские, европейские и американские политики дружно попадали пальцем в небо в период Гражданской войны в России при обращении с тогдашним четвертым политическим типом, большевиками.(52) Современная русская политическая элита, мягко говоря, не лучше, чем западная, справляется с ориентацией в тех проблемах, которые принадлежат ее компетенции. Со временем все займет свое место. Подведем итоги последнего пассажа.

В центре Европы на глазах складываются два региональных ансамбля, каждый из которых обладает кватерниорным строением. Югославский ансамбль: Югославия, Хорватия, Македония, Босния и Герцеговина. Германский ансамбль: ФРГ, Австрия, Швейцария и Словения (плюс крошечный Лихтенштейн на правах "остальных").

Специально для любителей обертонов можно отметить, что в обоих случаях наблюдается та разновидность кватерниона (M = 4), которая отличается ощутимо "обособленным" семантическим статусом одного из элементов и подпадает под формулу 3 + 1. На фоне трех немецкоязычных, давно демократических, высокоразвитых государств выделяется славянская, постсоциалистическая, менее развитая Словения. По критерию размеров усматривается списочно иное, но структурно сходное членение. Население Австрии, по данным 1984 г., составляет 7,6 млн. чел., Швейцарии – 6,4 млн. (1983), Словении " 1,9 млн. (1981), тогда как в объединенной Германии проживает 76,0 млн. (1984 г.). Демографический, как, впрочем, и экономический, факторы свидетельствуют об отчетливо выделенном, доминантном положении Германии (что, конечно, не означает в современных условиях утраты оставшейся тройкой политического голоса в общих делах).

В югославском ансамбле лишь в Боснии и Герцеговине проживает равноценная с другими мусульманская община. Кстати, ситуация взаимодействия в Боснии трех политизированных этноконфессиональных групп: православной сербской, католической хорватской и мусульманской, – описывается (см. раздел 1.4.1) значением n = 3, ведущим,

согласно теории, к кватерниорности (M = 4) системы в целом. В этом смысле можно сказать, что Боснии принадлежит роль "сердца" ансамбля, от нее исходит его логически-структурирующая сила, здесь – "в Сараево" – хранятся ключи ко всему региону. Специфически конфессиональный оттенок конституирующего отношения n = 3 – причем, отношения между двумя наиболее консервативными ветвями христианства (православием и католичеством) и еще более традиционалистским исламом – отбрасывает тень на характер всего ансамблевого кватерниона, в котором будто "навеки" запечатлены самые глубокие, "сакраментальные" проблемы, наследие тех времен, когда сталкивались Константинополь и Рим, когда христианская Европа и исламский Восток выясняли "кто прав". В данном месте драма столкновения цивилизаций будто застыла, протягивая руки к современности. Четвертый элемент и в настоящем случае отличается "девиантностью" и даже брутальностью. Но на этом анализ структуры Европы не завершен.

Турция, член НАТО с 1952 г., ассоциированный член ЕС, уже десятилетиями заявляет о своем желании стать действительным членом, встречая полуопределенную реакцию "подождать". На хельсинкском саммите ЕС в декабре 1999 г. после многолетних споров и унижений эта страна, наконец, официально признана кандидатом в члены Союза, хотя "кандидатский стаж" может длиться неопределенно долго [398]. Другие мусульманские субъекты в последнее время также ищут свое место в Европе. Это сломавшая перегородки автаркической самоизоляции Албания, менее десяти лет назад избавившаяся от атеистического коммунистического режима, еще не вышедшая из полосы внутренних вооруженных волнений, оказывающая поддержку сепаратистским движениям албанцев югославского Косово, Македонии, что внушает некоторым аналитикам и журналистам подозрения в существовании планов создания "Великой Албании". Это Северный Кипр, с 1974 г. занятый турецкими войсками и в 1975 г. провозгласивший себя независимым (что, впрочем, до сих пор не признано международным сообществом) Турецким федеративным государством Кипр, с 1983 г. – Турецкой республикой Северный Кипр (ТРСК)(53) . Наконец, это упоминавшееся Косово, большинство населения которого составляют мусульмане-албанцы, ожесточенно борющиеся за суверенитет. Трудно избежать впечатления, что в Европе – под прямой или косвенной эгидой Турции – стремится образоваться исламский ансамбль, который в потенции располагает кватерниорной структурой.(54) Не вполне компактный,

находящийся на юго-восточной периферии Европы, он отличается (пока?) заметным вирулентным оттенком. Турция прикладывает все мыслимые и немыслимые усилия, чтобы закрепить свой европейский статус, не отстать от остальных в поиске естественных – и даже искусственно созданных – союзников. Касательно судьбы этого ансамбля – удастся ли ему легитимизироваться? будет ли он принят в ЕС? – на настоящей ступени анализа трудно прийти к обоснованным выводам. Поэтому прежде составим сводный реестр европейских региональных ансамблей – быть может, "с высоты птичьего полета" ситуация станет яснее?

В западной части европейского континента обнаружены следующие ансамбли: германский, романский, Скандинавия и Бенилюкс, – всего четыре. В более проблемной восточной: Балтия, Вышеградский ансамбль, юго-восточный, югославский и, наконец, исламский, – т.е. пять. Неохваченными остались Британия и Ирландия, вопрос о них требует заслуженного внимания.

Почему в данном случае нарушается общее правило: отсутствует не только тетрада, но даже триада? – Возможно, из-за географической изолированности Британских островов: не хватает соседей, нет и "полнокровного" ансамбля? Сравнительно недавно здесь существовала всего одна страна. Бросим взгляд на исторический ряд.

В конце XII в. Ирландия завоевана Англией, в 1801 г. в англо-ирландской унии ликвидированы остатки ее автономии. Волнения 1919 – 21 гг. приводят к заключению в 1921 г. договора, согласно которому Ирландии предоставляется статус доминиона. В 1949 г. Ирландия провозглашена республикой. С тех пор на Британских островах два государства, а не одно.

Отделенность проливом – не достаточное условие для логико-семантического обособления островов (сходные географические обстоятельства не мешают включению Кипра в состав юго-восточного ансамбля, Исландии – скандинавского, не говоря о том, что территория Турции разделена Босфором и Дарданеллами и ее ансамбль разбросан по мусульманским анклавам). В данном контексте, вероятно, уместно вспомнить об английской политической традиции последних веков – служить "балансиром" в континентальных европейских делах, попеременно присоединяясь то к одной, то к другой из складывавшихся коалиций. Со времен Столетней войны 1337 – 1453 гг. и войн с Голландией в XVII в. Англия последовательно воздерживалась от серьезных самостоятельных акций на континенте, ставя акцент на военно-морском предотвращении возможной высадки сухопутных сил европейских противников, а

также на расширении собственных владений в других частях света. Ей действительно удалось добиться исторической "равноудаленности" от любой из стран европейского континента, от складывающихся здесь долгосрочных альянсов. Политико-психологический интерес Британии, ее, так сказать, интенция до сих пор в значительной мере направлены не внутрь ЕС, а вовне.

Учитывая важность поднятой темы, целесообразно опереться на мнение специалистов-историков. В третьем томе "Материальной цивилизации"- ("Время мира") Ф.Бродель утверждает: "Между 1453 и 1558 г., между окончанием Столетней войны и отвоеванием Кале Франсуа де Гизом, Англия, сама в тот момент не осознавая, сделалась островом (да простят мне это выражение) – понимай: автономным пространством, отличным от континента. До этого решающего периода Англия, невзирая на Ла Манш, на Северное море, на Па-де-Кале, была "телесно" привязана к Франции, к Нидерландам, к Европе , вытесненная из Франции, она оказалась сведенной к самой себе" [62, с. 60], – и приводит высказывание Артура Юнга, сделанное около 1740 г.: "Его обитатели должны более думать о том, как себя защитить, нежели о том, чтобы распространить свои завоевания на континент. Им было бы весьма трудно оные сохранить, по причине отдаленности и превратностей моря" [там же, с. 361]. "Правило действовало и для европейцев применительно к острову", – добавляет Бродель. Присутствовали и иные факторы. Продолжим цитирование "Времени мира".

"Одновременно разрыв с континентом в 1529 – 1533 гг. был "продублирован" разрывом с Римом, что еще более усилило "дистанцирование" английского пространства. Реформация, как справедливо сказал Намье, была также и языком национализма. Англия стремительно ее приняла, а затем бросилась, или была брошена, в авантюру, имевшую многочисленные следствия: король сделался главой англиканской церкви, он стал папой в своем королевстве , а что еще больше ее подтолкнуло, так это то, что Британские острова, долгое время бывшие на краю света, у оконечности Европы, сделались после Великих открытий отправной точкой плавания к новым мирам. Конечно, Англия не преднамеренно отделилась от старого европейского "блокшива", имея в виду лучше открыться для мира, но результат оказался именно таким. И плюс к тому дополнительный залог отделения и самостоятельности – память прошлого, враждебность Европе, слишком близкой, которую не удалось бы выбросить из головы" [там же]. Наконец: "Англия ощущала себя подвергающейся угрозе со стороны политически опасной Франции, вскоре обретшей чрезмерные преимущества Испании, Антверпена с его

господствующими купцами, а позднее торжествующего Амстердама" [там же, с. 362].

Адресовав известные издержки тона описания Англии французскому происхождению историка, мы не вправе игнорировать саму аргументацию. Как сказано, в позиции Британии до сих пор заметны как определенная настороженность к европейскому континенту, так и живой политический интерес, направленный далеко за его границы.

Последнее относится не только к Британии. В Ирландии проживает 3,5 млн. чел. (данные 1983 г.), тогда как в США – 50 млн. ирландцев. Когда диаспора более, чем в четырнадцать раз превосходит по численности оставшихся, где же тогда "настоящая" Ирландия? Гордость разносторонними достижениями своей эмиграции (например, к ирландцам по происхождению относятся клан Кеннеди, президент США Б.Клинтон) – важнейший компонент национального сознания, особенно если учесть, что сама Ирландия принадлежит к "бедным" Европы.

Находят ли такие моменты выражение в современной политике? – В данном контексте сошлемся на перманентно декларируемые "особые отношения" со США со стороны британских официальных лиц, причем, дело не исключительно в декларациях, но и в подтверждении их на практике, в последовательной сдержанности британцев, с которой они подходят к решению проблем формирования общеевропейских институтов, независимых от США.(55)

В той же связи знаменателен и следующий факт. Почему в по-прежнему влиятельную Организацию по безопасности и сотрудничеству в *Европе,* ОБСЕ, входят – наряду с собственно европейскими странами, государствами бывшего СССР (более половины географической Европы – его территория) – также США (пусть на правах сверхдержавы) и дополнительно Канада? Канада формально остается доминионом Британии, поэтому? Но тогда отчего не плюс и Австралия, другой "белый", англоязычный крупный доминион? И здесь мы неизбежно должны обратиться к понятию "расширенной Европы", поскольку ни один политико-экономический блок в современных условиях, включая ЕС, не является строго изолированным. В границах такого расширенного понятия оказываются несколько "родственных" политико-экономических блоков в собственном, т.е. узком, значении: наряду с ЕС, также СНГ и "белая", англоязычная часть Северной Америки, НАФТА (определенная доля канадцев, впрочем, считает родным языком французский).(56)

Аргументация может быть и конкретнее. О том, что США не намерены покидать новую Европу, свидетельствует, скажем,

А.Г.Франк. "В июне 1990 г. бывший редактор "Foreign Affairs" Джеймс Чейс написал в деловом журнале "International Management": "Auf Wiedersehen, США. Европейский вызов станет реальностью" Европа поставила тезис Серван – Шрайбера с ног на голову. Сегодня США боятся экономической силы Европы и страшатся своего относительного экономического упадка" Приближаясь к 1992 г., независимо от того, возникнут или нет серьезные экономические проблемы, произойдет ли мировой спад, нет сомнений, какой будет реакция американцев, картина: крепость Европа, в которой господствуют мощные промышленные группы, способные вытеснить с рынка любого конкурента. Если бы это случилось, риск для США сильно бы увеличился" Вероятность того, что европейцы впоследствии создали бы собственную панъевропейскую систему безопасности, еще больше сократила бы власть и влияние США- Вашингтон до отчаяния хочет остаться в Европе. "США должны оставаться европейской державой в самом широком смысле, в политическом, военном и экономическом отношениях,- – сказал президент Буш" [348, с. 21-22]. Британии же Ла Манш зачастую кажется шире, чем Атлантический океан.

Опираясь на сказанное, займемся подсчетом "околобританских" элементов в упомянутой расширенной системе. В ОБСЕ входят два члена ЕС Британия и Ирландия, а также два представителя североамериканского континента: США и Канада. Всем им знаком опыт пребывания под британской короной, ныне все они – члены НАТО. Вновь четыре элемента! Конечно, трудно говорить в этом случае о региональном ансамбле в строгом смысле слова, но тенденцию нельзя не заметить. Несмотря на географическую, политическую "полуизолированность" Британских островов, не позволяющую сформироваться такому же ансамблю, как на континенте везде, на западных рубежах Европы формируется "квазиансамбль", по-своему связывающий ЕС и Америку.(57) Возможно, к нему следует отнести и одного из членов Британского Содружества Республику Мальту (в ней, кстати, два государственных языка: мальтийский, английский), но, имея в виду незначительность размеров этого государства – 318 тыс. чел. по данным 1982 г., – только в функции "остальных", что не в состоянии нарушить ведущей тетрарности.

Теперь накоплено достаточно информации, чтобы более квалифицированно подойти к вопросу об общей ансамблевой архитектуре Европы, о складывающихся контурах будущего ЕС. Возвратимся к реестру ансамблей. На западе: германский, романский, Скандинавия, Бенилюкс, а также британский

"квазиансамбль", лишь наполовину (по списочному составу) принадлежащий Европе и обеспечивающий своеобразную "полуоткрытость" ЕС на Западе. На востоке: Балтия, Вышеградский ансамбль, юго-восточный, югославский и лишь отчасти европейский по своему характеру исламский ("отчасти" относится не только к географии,(58) но и к цивилизационно-культурному фактору, к принятым в данном регионе нормам политических отношений). Несмотря на то, что в каждой из половин Европы формально по пять элементов, один из них обладает отчетливой спецификой "полу", принимая на себя роль, так сказать, медиатора в контактах с Северной Америкой, НАФТА, с одной стороны, и еще неотструктурированным, неустоявшимся исламским миром, его будущими коалициями, с другой. Я не хочу сказать, что по отношению к обоим географически крайним полюсам-ансамблям уместно применить категорию "остальных" (ведь Британия, не будем забывать, – одна из вершин "большой европейской четверки"), но изобрести сходный термин было бы, вероятно, уместно.

В качестве репрезентирующего понятия можно было бы условно – только для данного контекста – использовать слово "тень", учитывая, что через посредство британского ансамбля на ЕС как бы отбрасывается "тень" Северной Америки, а через исламский ансамбль – "тень" большого мусульманского мира (разумеется, и наоборот). В неменьшей мере подошло бы название, скажем, "сустав", или "шарнир", поскольку два упомянутых ансамбля подобны своеобразным гибким сочленениям ЕС с соответствующими смежными блоками: формирующимся североамериканским и, в более отдаленной перспективе, исламским. В сходных ситуациях нередко выступает термин "медиатор", но мы предпочитаем от него отказаться, т.к. иначе пришлось бы прибегать к дополнительным разъяснениям: да, британский ансамбль играет роль "посредника", медиатора в отношениях между ЕС и Северной Америкой, исламский – между ЕС и исламским миром, но в известном смысле и вся Восточная Европа, совокупность ее четырех ансамблей (прибалтийского, Вышеградского, юго-восточного, югославского) суть медиатор между ЕС и СНГ. Тогда мы были бы вынуждены проводить дифференцирующую границу между медиаторами разных сортов. В нашем случае, возможно, уместее применить не менее распространенное и более нейтральное понятие "лимитроф", учитывая, что два интересующих нас ансамбля представляют собой воплощенную, субстантивированную функцию пограничности. Тогда два региональных ансамбля: британский и исламский, – в дальнейшем будут выступать под именем

ансамблей-лимитрофов.

Если сказанное кажется убедительным, то пришла пора собирать урожай. Европа отчетливо делится на две части: Западную и Восточную (Центральную). Первая – преимущественный, за считанными исключениями, ареал германских и романских народов, бастион геополитического Запада и, если пользоваться категориями мир-системного анализа, принадлежит ядру капиталистической мир-системы, КМС. Вторая – зона славян, греков, угров, румын, в последние века находившихся в колониальной зависимости от соседствующих великих империй; эта зона более удалена от мировых финансовых и экономических центров и ныне стоит на более низкой ступени модернизации, относится к полупериферии КМС. Каждая из двух частей включает в свой состав четыре легитимных региональных ансамбля и один лимитрофный, т.е. может быть описана формулой "четыре плюс лимитроф". Формула Европы в целом предстает в следующем виде:

лимитроф + четыре ¦ четыре + лимитроф

В итоге общая европейская структура оказывается в логико-числовом отношении зеркально-симметричной (хотя в экономическом плане в настоящий момент наличествует градиент: от более высокого уровня жизни на Западе к более скромному на Востоке; о полной симметрии речь, разумеется, не идет).

Обратим внимание на один частный, но немаловажный момент. В той мере, в какой мы рассматриваем европейскую систему, ее западную и восточную половины в качестве "самодовлеющих", семантически относительно замкнутых единиц, их ансамблевое строение предстает строго кватерниорным, как и предписывается теоретической моделью. Однако в действительности современная Европа – не замкнутая, а *открытая* система, и это обстоятельство находит отражение в ее архитектуре: функция открытости субстантивируется в дополнительных, лимитрофных, звеньях, чья роль – быть преимущественным носителем связи ЕС со смежными блоками. Складывающаяся Европа интериоризирует, включает в свои рамки не только собственное "ядро", но и "оболочку", оказываясь Европой не только "an sich", но и "f?r sich". Физик в сходной ситуации мог бы вспомнить о феномене "присоединенной массы", лингвист – о приращении тезаврического значения слова или предложения благодаря контексту.

Если иметь в виду чисто логический, семантико-числовой аспект, то что побуждает многочисленные европейские народы,

продвигаясь сквозь коллизии, драмы и даже кровь, последовательно структурировать свои отношения таким общим, сквозным, сверху донизу(59) образом? Экзотические версии, наподобие руки провидения или гипотетического мирового правительства, означали бы объяснения obscurum per obcurius (неясного через еще более неясное), вдобавок оказались бы не более, чем нарративом, описанием, но никак не действительным объяснением, т.к. оставили бы за скобками причины, по которым множество различных национальных социумов санкционируют применение к себе одного и того же унифицирующего принципа. Полное впечатление, что перед нами разворачивается результат коллективных действий несколькосотмиллионных масс, воли каждой части которых капризны, стохастически разнонаправленны, но при этом они имеют-таки общую составляющую – рассудок. Как не вспомнить, что мы имеем дело с континентом, отличающимся *образованным* населением? И значит, все сказанное в *Предисловии* о рациональном коллективном бессознательном применимо и в настоящем случае. Бессознательный характер находит выражение в частности в том, что человек не отдает себе отчет, насколько он в массе разумен, однако плоды его деятельности в конце концов представляются таковыми.

По мере возможности мы старались избегать в процессе изложения любого – "демократически-прогрессивного" или "пещерного, империалистического" – идеологического крена, интересуясь исключительно бесстрастными числами. Это непросто, поскольку, по справедливому напоминанию С.Золяна, используемый при политических описаниях язык обыкновенно основывается на *прагматических*, а не информационных или когнитивных факторах [132, с. 96]. Тем не менее, каждый из использованных нами терминов, несмотря на иногда напрашивающийся оценочный довесок (лучше сказать: коннотацию), следует понимать все-таки без него, так сказать, на уровне "незаинтересованности": ведь основная задача заключалась в построении как раз информационного и когнитивного здания.

Чтобы закруглить тему, осталось сделать лишь несколько замечаний. При анализе строения СНГ (см. раздел 1.4.2-) одно из государств, объявившая о своем нейтралитете Молдова, осталось незадействованным в активных евразийских структурах, отчего было наделено статусом "остальных". Возможно, этого достаточно для настоящего дискурса, и реальное будущее данной страны сохранит соответствие упомянутому статусу. Но не обязательно.

Молдова длительное время разделяла историческую судьбу

Румынии, говорит (частично за исключением Приднестровья) на одном с ней языке, в последний раз была отделена от нее, в пользу СССР, лишь в 1940 г., а в настоящие годы в ней усилились настроения – особенно у некоторых политиков – вновь воссоединиться. Главное препятствие этому – позиция русскоязычного Приднестровья(60) , небольшого по территории, но главного индустриального района страны, с XVIII в. входившего в состав России. Кроме того, Румыния в ее нынешнем экономическом и политическом состоянии навряд ли годится на амплуа достаточно яркой приманки, т.е., помимо историко-культурных, другие мотивы к объединению по существу отсутствуют.

Ход дальнейших событий, очевидно, будет зависеть от сравнительных перспектив СНГ и ЕС. Если Румыния принимается в ЕС, устанавливает особо доверительные отношения со своими партнерами по ансамблю (Болгарией, Грецией, Кипром), весь регион демонстрирует качественное повышение своих экономических показателей, а СНГ продолжает оставаться в экономических и политических руинах, то исход понятен: никаких "остальных" на стыке СНГ и ЕС не останется, строгость общего строения лишь возрастет. Впрочем, необходимость настаивать именно на таком варианте отсутствует, тем более, что речь идет о периферийном по значению регионе – как для СНГ, так и ЕС, т.е. легкие вариации здесь вполне вероятны.

Перечисленные более сорока государств – это европейское "всё". Недавно казалось, что уже к 2000 г. ЕС объединит около тридцати государств [157], теперь речь не более, чем об отсрочке. "Максимально приблизить границы ЕС к географическим границам Европы", – формулирует задачу видный британский политик Крис Паттен [53]. При этом, согласно заявлению председателя Европарламента Хиль-Роблеса, "Евросоюз едва ли раздвинет свои границы дальше Румынии, Польши и стран Балтии" [261]. Общность ментальных стереотипов, заложенных в политическое строение ЕС и СНГ (и там, и там "многоэтажные" М = 4, построенные на национально-территориальной основе), создает дополнительные предпосылки взаимопонимания и конструктивного сотрудничества. На этой ноте и завершим изложение нашей точки зрения на логическую архитектуру "многоклеточных" СНГ и ЕС.

После того, как накоплено изрядное количество прецедентов рациональных структур в политической сфере, уместно вернуться к предпосылкам их появления. Несмотря на сказанное в *Предисловии* о рациональном бессознательном современных масс, несмотря на наличие специальной теоретической части (раздела

1.2), в конечном счете, возможно, остается неясным: каким образом такому абстрактному формально-логическому принципу как кватерниорность, удается столь последовательно управлять формообразованием реальных политических систем, состоящих из множества разных народов с оригинально-неповторимой судьбой? Ведь вряд ли речь шла о чем-то подобном кристаллической решетке твердого тела, в которой известно, чем обусловлена регулярность.(61) Едва ли мы встретились здесь и с чем-то аналогичным поэме, написанной четырехстрочными строфами.

В сознании даже доброжелательного читателя, готового в основном согласиться с проведенным эмпирическим анализом (сквозь складывающиеся региональные ансамбли действительно проступают ребра тетрад), может вспыхнуть конфликт между предъявленной эмпирической картиной, с одной стороны, и общепринятым теоретическим кредо, с другой: хрестоматийная ситуация "вижу, но не верю глазам".

Сомнения возникают как из-за конкретного "числового" характера обнаруженных закономерностей, вызывающих невольные ассоциации со спекуляциями нумерологов, так и, возможно, проникают в более глубокие методологические пласты: математические методы в обществоведении оправданны лишь на фрагментарном уровне либо представляют собой не более чем условное приближение, метафоры, тогда как основной тип научности здесь должен быть историческим, преимущественно гуманитарным, а не тем, что господствует в естественных науках, изучающих мертвую или, как минимум, не обладающую сознанием природу. С тем, что математика овладела экономикой, т.е. сферой материально-денежного обращения, еще можно смириться, но там, где властвуют воля, история и судьба, коллективные надежды и драмы, – коренная область духа, и значит, если здесь легитимна рациональность, то совершенно отличного типа. И тут на почве политологии мы попадаем в самую сердцевину связки проблем, бурно обсуждавшихся в первой четверти XX века в смежных науках: в философии и литературоведении.

Так, Г.Зиммель, видный представитель философии жизни, исследовал соотношение реальной человеческой действительности, с одной стороны, и нравственного закона, или долженствования, с другой. Прежде наиболее авторитетной считалась точка зрения Канта, согласно которой нравственный закон обладает трансцендентальным и, следовательно, безусловным, всеобщим характером (нравственный императив). Зиммель, опираясь на целостность такого феномена как жизнь,

радикально переосмысливает механизм названного взаимодействия. Для начала выпишем несколько цитат из работы "Индивидуальный закон: К истолкованию принципа этики".

"Жизнь протекает как действительность и долженствование не жизнь и долженствование противостоят друг другу, но действительность и долженствование, оба, однако, на основе жизни" [131, с. 221]. "Всякое долженствование есть функция соответствующей целостной жизни индивидуальной личности" [там же, с. 226]. "Согласно принципу, что каждый поступок есть продукт целого человека, отдельное действие нравственно определяется здесь именно всем человеком в целом, – не действительным, а должным человеком, который, так же как и действительный, дан вместе с индивидуальной жизнью" [там же, с. 223]. "Только долженствование и действительность, – но оба в качестве форм жизни – образуют коррелятивную противоположность, а не долженствование и жизнь" [там же, с. 237].

Если в этих пропозициях вместо специальных этических понятий подставить комплементарные политологические: нравственное долженствование заменить простейшим логическим (вполне освоенным и признанным современными массами в степени заведомо большей, чем нравственные нормы), а индивидуальную личность – коллективным политическим актором, т.е. образованным населением, – я готов, не колеблясь, подписаться под каждым из утверждений. Жизнь социумов берется тогда как целое, включающее в себя действительность, с одной стороны, и рациональное долженствование, с другой. Рациональное долженствование, прежде всего в элементарно-математической ипостаси, и созидаемая массами политическая реальность и/или ее восприятие, оценка (не сбрасывать со счетов и виртуализацию упомянутой реальности в условиях тотальных масс-медиа!) не противостоят друг другу, но являются двумя неразрывными функциями целостной жизни народов. При этом если универсальный нравственный закон руководит индивидуальным и коллективным субъектом лишь постольку-поскольку (последний зачастую подпадает под очарование различного рода партийной этики, конъюнктурно истолкованной классовой, национальной, конфессиональной и т.п. либо же вовсе закрывает глаза на далекие от насущных потребностей нравственные сентенции), то от признания истин наподобие 2 x 2 = 4 в массе не отказывается никто и никогда. То есть сказанное Георгом Зиммелем о нравственности и индивиде многократно вернее по отношению к рациональности и современным народам. Атрибут элементарной рациональности, перефразируя Зиммеля, ни в коей мере не противоречит тому, что мы рассматриваем

"одушевленные" системы. Помимо одушевленности, они обладают и отлично тренированной разумной способностью.

Для нас особенно существенна и зиммелевская поправка к Канту о статусе области, от которой исходит сила долженствования. Ни нравственный закон, ни, в нашей трактовке, закон рационально-математический не внеположны субъекту, не пребывают над ним, подобно "звездному небу над нами", – они коренным образом интериоризированы, внесены внутрь реального живого целого. Соответственно, отсутствует необходимость накладывать на социум сетку математического аппарата извне, со стороны объективирующего сознания исследователя – так, как мы поступаем, допустим, при изучении физических объектов. В нашем случае осуществляется апелляция к той силе, чья обязующая власть признана самим политическим актором, т.е. сила долженствования исходит изнутри него самого.

Типы научности – теперь прислушаемся к голосам неокантианцев В.Виндельбанда [75] и Г.Риккерта [277] – естественных наук и "наук о духе", т.е. идиографических и номотетических, действительно различны, различны и их предметы. И мы ни в коем случае не пытались уподобить обнаруженную политическую регулярность (в последних примерах – кватерниорность) регулярности той же кристаллической решетки. К изучению последней, повторим, подходят объективистски "со стороны", и носителем математического аппарата служат исследователи, а не твердое тело.(62) Предмет же политологии – поведение не только живых, но и разумных, а в Новейший период и образованных, субъектов. Именно за счет школьной образованности современных масс вновь выныривают строгие математические закономерности, которые на сей раз имеют источником не только сознание исследователя, но и сознание, поведение предмета его интереса. Не беда, что элементарно-математические начала в последнем действуют в значительной мере на *бессознательном* уровне, они все равно – его непреложное достояние. Бессознательность лишь усиливает безусловность, "автоматизм" регуляции. Последовательный риккертианец А.А.Смирнов утверждал: "В естественных науках предмет нам дан. В науках о духовном творчестве он, так сказать, задан, причем, задан нами самими" [299, с. 92-93]. Когда речь идет о политическом творчестве, о порождаемых им формах, предмет одновременно задан (нами, т.е. массовым обществом в целом) и дан (сравнительно небольшим группам в отдельности, отдельным индивидам, в конечном счете и политологу), таким образом, названная противоположность снимается.

Попутно отметим, что Г.Риккерт, главный разработчик идеи различения двух разновидностей наук и их предметов, отнюдь не гипостазировал противоположность гуманитарных и естественных наук. Так, например, языкознание он относил к пограничной области, подведомственной как точным "естественно-научным" методам, так и подходам индивидуализирующе историческим (последователи Риккерта уже однозначно идентифицировали лингвистику в качестве "естественнонаучной" дисциплины). Искусству – в частности, потому, что оно имеет дело с типами(63) , пользуется генерализацией, – Риккерт отказывал в праве быть предметом исключительно "наук о духе", признавая за ним лишь наглядность, но не истинную индивидуацию.(64) Психология – также естественная наука. Наконец, Риккерт констатирует: "Естественнонаучным методом может быть исследована вся совокупность научных фактов, а не только природных явлений" [276, с. 493-494]. Поэтому уместно ли недоумевать при вторжении математических – в данном прочтении "естественнонаучных" – установок в изучение социумов? Гуссерль и феноменологи, В.Дильтей вовсе отказывают в резонности делению наук на естественные и исторические. Возможно, лишь численным преобладанием историков в современной политологии объясняется то, что она – вопреки своим математически точным платоновско-аристотелевским истокам – до сих пор не превратилась в последовательно математизированную дисциплину.

Наиболее острые дискуссии о правомочности "естественнонаучных" подходов развернулись в 1920-х гг. в литературоведении. Споры вокруг так называемой формальной школы, в частности ОПОЯЗа (Р.Якобсон, Ю.Тынянов, В.Шкловский, Б.Эйхенбаум и ряд других), о степени оправданности применявшихся ею структурных, формально-логических методов длились не менее десятилетия, с обеих сторон выступили самые незаурядные мыслители.(65) Вот образец одного из высказываний; Г.Г.Шпет: "Футурист тот, у кого *теория* искусства есть *начало, причина* и *основание* искусства" [381, с. 44; курсив мой. – *А.С.*]. В.В.Виноградов, резюмируя, замечал, что успехи формальной школы литературоведения относятся исключительно к области поэзии, т.е. ритмически и фонетически систематической речи, а не прозы [83, с. 65-66]. (В скобках можно напомнить, что поэзия как литература значительно древнее прозы; "искусственная", сознательно ранжированная поэтическая речь почиталась божественной – которой пользуются боги и с которой надлежит обращаться к богам. Если, как это нередко

делается, уподоблять политическую реальность тексту, то он, будучи структурно строго организован – ср. ЕС, СНГ, – более корреспондирует с поэзией, нежели с прозой. В таком случае ЕС, СНГ предстают в облике своеобразных поэм, которые, посредством рациональной организации, ведут диалог с "божественным" началом в нас самих и в "пространстве".) А.Л.Слонимский говорил о заслугах формального метода: "Благодаря ему поэтика делается наукой – на равных правах с естествознанием" [298, с. 17].

Здесь не место вдаваться в подробности, хотя остается сожалеть, что подобного открытого (и нелицеприятного) столкновения противоположных позиций до сих пор почти не состоялось в политологии – по всей видимости, это было бы плодотворно, повысило бы степень зрелости последней науки.(66) Задействованные тогда концепты и дискурсы, представляется, могут быть с минимальными – порой "косметическими" – изменениями перенесены в область знаний об обществе. Как известно, упомянутая дискуссия не выявила победителей, хотя с тех пор структурный подход обрел полнокровную легитимацию. Крайности, однако, были отброшены. Чтобы не повторять ошибок, об одной из них стоит упомянуть.

В то время, когда формально-структурные методы только зарождались, в "героический" период течения, не обошлось без радикальных высказываний. В.Шкловский: "Содержание (душа сюда же) литературного произведения равна сумме его стилистических приемов" (работа "Розанов"); "В искусстве нет содержания" (""Тристрам Шенди" Стерна и теория романа"); "Обычное правило: форма создает под себя содержание" ("Связь приемов стихосложения с общими приемами стиля"), цит. по: [204, с. 265, 268]. Я не взял бы на себя ответственность за подобные – mutatis mutandis – высказывания применительно к политическим феноменам. Так, выше, конечно, не имелось в виду, что реальная политическая система, скажем ЕС, есть только сумма структур, кватернионов. Формально-семантическое строение – не более, чем "скелет", от которого достаточно далеко до действительного организма. Ни СНГ, ни ЕС, ни другие изучавшиеся системы, разумеется, не сводимы ни к сумме частей, ни к сумме имплицитных логических паттернов. В частности, каждый из региональных ансамблей обладает множеством тонких, неповторимо индивидуальных черт – культурных, исторических, экономических, – своей, если угодно, "душой", и наличие подобной неустранимой специфики игнорировать невозможно.

Не исключено, в настоящем случае было бы уместно воспользоваться "щадящими" методами анализа целостностей –

например, подобными тем, которые в литературоведении разрабатывал М.М.Бахтин. В "Проблемах творчества Достоевского" [40] он предложил схему живой *диалогичности*; адаптировав концепт соборности А.Хомякова [362], говорил о *хоровом* начале. В свою очередь, не подобны ли ЕС и СНГ таким образом составленному хору? Не протекает ли соответствующий содержательный – духовный, исторический, даже экономический – диалог между различными членами каждого из региональных ансамблей, между разными ансамблями внутри блока, наконец, между самими мировыми блоками? Однако в хоре, чтобы его звучание не превращалось в какофонию, происходит разделение по группам голосов, хор – *структурирован*. Наше исследование и направлено на выявление названных структур, что, разумеется, не означает, что хор сведен, или приравнен, к голой структуре.

В плане композиции и ЕС, и СНГ основаны на приеме "четверка плюс ее ритмическое повторение". В свою очередь, М.М.Бахтин в "Вопросах литературы и эстетики" [42] охарактеризовал в качестве композиционной формы роман. Последний, согласно работе "Автор и герой в эстетической деятельности" [43], "есть форма для овладения жизнью". Не служит ли аналогичному "овладению жизнью" со стороны причастных народов и политическая архитектоника – не только концептуальному, но и эмфатическому, экзистенциальному? Б.Христиансен накладывал на художественное произведение требование строгого единства стиля, одной из побочных функций которого является обеспечение твердой синтетической структуры целого [364, с. 210]. Принцип единства считался в ряду важнейших в неокантанской традиции. Не стоит ли и нам, вслед за ними, отметить логико-стилевой аспект ЕС, СНГ, последовательно придерживающихся единого организующего начала?

Из неокантианской философии перешло в русское литературоведение и понятие завершения (нем. Vollendung – окончание, совершенство): художественное, эстетическое завершение, завершающая функция и завершающие ценности. В свою очередь, в разрабатываемой концепции ему соответствует терминальность реальных политических процессов и специфическая законченность их логических результатов (старо-рациональное, собственно, и не бывает иным). Повторяющиеся политические симплексы задают своеобразный ритм (ср. "архитектура – застывшая музыка", а также сопоставление у О.Шпенглера архитектуры с математикой). М.М.Бахтин: именно ритм является тем фактором, благодаря которому оправдывается кантово определение произведения искусства: ""ритмизованное бытие" *целесообразно без цели*" [43, с. 105; курсив мой. – *А.С.*]. Такая

дефиниция – "целесообразность без извне заданной цели" – как никакая другая, пригодна и для описания организации политических систем.

К.Леви-Строс, обсуждая одну из работ Владимира Проппа, констатировал: "Сторонников структурного анализа в лингвистике и антропологии нередко обвиняют в формализме", но это несправедливо [178, с. 400]. "*Форма* определяется через свою противопоставленность инородному ей материалу; *структура* же не обладает отличным от нее содержанием: она и есть содержание в его логически организованном виде, причем сама эта организация рассматривается как факт реальной действительности" [там же]. Не допустимо ли повторить почти то же применительно к структурам в политике?

Опыт литературоведов полезен и чтобы уточнить характер предмета изучения. В 1921 г. Р.Якобсон писал: "Предметом науки о литературе является *не литература, а литературность*, т.е. то, что делает данное произведение литературным произведением" [402, с. 275]. Общепринятым в формальной школе стало мнение, что только изучение массовой литературной продукции может дать представление о сущности литературного развития и построении художественного произведения. Со своей стороны, и в предложенном политологическом дискурсе центральным предметом оказывается по сути не политика как таковая, а, так сказать, "политичность". Ныне, в эпоху масс, основные политические процессы являются массовыми; нами сознательно привлечены для анализа главным образом общеизвестные реалии (по крайней мере для населений соответствующих регионов), исходя из посылки, что именно общеизвестное наиболее значимо в процессах политического формообразования. Кроме того, задействована дополнительная процедура генерализации – за счет сосредоточения внимания *на общих чертах* современных стран, ансамблей, блоков, "суперсистем" (наподобие "Северного обруча" Н.Н.Моисеева), поскольку фактор унифицирующей массовости, образованности в перспективе приобретает все большую актуальность.

В каждом случае были обнаружены следы кватерниорности как одного из модусов простейшей рациональности – на самых разных уровнях и в разных проекциях: в системе северных индустриально развитых стран (только что упомянутый "Северный обруч"), в противостоящей "империализму" развивающейся континентальной Азии, в Европе, СНГ, АТР, НАФТА, региональных ансамблях и вплоть до отдельных стран. Список можно продолжить. Такая сквозная рациональность в значительной мере обязана зиммелевской целостности жизни,

целостности политических систем, ибо мы одновременно идентифицируем себя как, скажем, шведа, скандинава, европейца, представителя большой семьи развитых государств. Подобная последовательность вложенных друг в друга идентификаций порождает упомянутую "матрешку" кватернионов. Данный факт согласуется и с предложенной формальной теорией (раздел 1.2), первым требованием которой было условие целостности, холистичности. Именно поэтому на каждой реально-логической ступени воспроизводится один и тот же организующий стереотип.

Подобный механизм не нов, по крайней мере, прекрасно известен филологам. В начале XX века в "Эпических сказаниях" Жозеф Бедье переосмыслил причины появления "бродячих сюжетов", т.е. повторяющихся у разных народов. Бедье отказался от принятой до него точки зрения об обязательном заимствовании и настаивал на том, что определенные ситуации и впечатления в абсолютно несхожие эпохи, в совершенно различных странах могут порождать одинаковые формы выражения, что, вероятно, связано с неизменностью человеческой природы, которая не зависит от времени и пространства (см. [143]). Если политическая кватерниорность также транзитивна, "бродяча", то это не должно вызывать недоумений – в эпоху кока-колы, TV и PC, голливудских фильмов и клишированных новостей в мировой деревне устанавливается одинаковый климат. Упреки в подозрительной тривиальности обнаруженных схем необходимо решительно переадресовать самому современному обществу, особенностям общественного сознания, ходульной рациональности масс-культа, что не могло не сказаться и на сфере политики.

Крупнейший немецкий правовед и государствовед Карл Шмитт утверждал: "Метафизическая картина мира, созданная в определенную эпоху, имеет ту же структуру, которой обладает самоочевидно присущая этой эпохе форма политической организации" (цит. по: [249, с. 81]). В разделе 1.4.1 были рассмотрены примеры новейших кватернионов в физике XX века, литературе, масскульте. Навряд ли обязательно полагать, что они являются следствием параллельных политических процессов – обходя вопрос о курице и яйце, достаточно констатировать положительную обратную связь между ними. И доминанты культуры ("метафизическая картина мира"), и сфера политики порождаются коллективным сознанием, которое само – во избежание фатальной шизофренической расщепленности – согласовывает различные сектора. Современные политика и культура вкупе подчиняются велениям простейших рациональных мотивов, их критериям и инвариантам.

Еще один ответ, почему в политике реализуются дискретные формы: не только потому, что они типологически "архаичны", элементарны, но и потому, что конечная логическая дискретность в рамках существующих целостностей позволяет соответствующим политическим акторам проводить акт самоидентификации, в любой момент предлагая простой, по-своему логически исчерпывающий, внутренне непротиворечивый ответ на вопрос "что я есть". Логика подпитывает воображение, интуицию, социум самовоспроизводит себя в качестве рационального, реализуя экзистенциально значимый дельфийский завет "познай себя сам". Феномен нарушения идентичности, кризиса, трансформации из одной формы в другую (ЕС и, еще более, СНГ) заставляет вспомнить и о такой точке зрения: "Кризис – как бы объективный анализ, которому подвергает сама себя действительность недаром слово "кризис" означает "суд" и родственно слову "критика"" [7, с. 237].

Сказанное дает основания укрепиться во мнении: элементарно-математические закономерности – отнюдь не чуждое, не инородное звено в картине современного политического формообразования. Но почему привилегированное место принадлежит именно тетрарному принципу? Главное, собственно, было сказано раньше.

Новейшее время – помимо того, что оно есть эпоха масс и отличается образованностью населения, – обладает еще одной конститутивной характеристикой: человек современного типа живет, по нарастающей, не в естественной, а в *антропогенной* среде. Изменения в условиях жизни означают перемены в миропозиции. Реальность для нас неотрывна от плодов нашей деятельности, в ее образ интродуцирован коллективный субъект. Природа – физическая, биологическая, историческая – все менее ассоциируется с самостоятельным "грозным" объектом, естественная природа рекреативизируется (место отдохновения от груза урбанистических норм, но возвращение к ним всякий раз неизбежно) и превращается в предмет заботы, защиты, т.е. даже сохранение "первозданности" требует сознательных усилий.

Понятие объекта как того, что от нас не зависит, – продукт картезианской эпохи, канувшей в Лету. Человек ли, человекоподобный субъект – вновь сотворец реальности, каковым он считался на протяжении тысячелетий до нас (предки, боги, воплощенное Слово). На новом витке человечество возвратилось к архаическим установкам, не забыв при этом и недавно царившего в умах "объекта". Краеугольным камнем нынешнего мировоззрения становятся композитные субъект-объектные сущности. В науку о природе, физику XX в. шагнули

соответствующие понятия: "наблюдатель" релятивистской теории, "экспериментатор" – квантовой. В 1960-е гг. утверждается антропный принцип, согласно которому исследуемая природа тавтологически такова, чтобы ее было кому исследовать, т.е. чтобы мог существовать человек. "Всё суть язык", субъект-объектный по характеру, – один из концептуальных лозунгов столетия.(67) "Опыт" Маха, "длительность" Бергсона, "феномен" Гуссерля, "экзистенция" Хайдеггера, бытие как "событие" Бахтина, приобретшие популярность дзэн, йога, психоанализ фундируют аналогичную область. "В основе полуфилософских-полухудожественных концепций мира – каковы концепции Ницше, отчасти Шопенгауэра – лежит *живое событие отношения к миру*, подобное отношению художника к своему герою" [43, с. 155]. Творцом истории являются массы – верим мы с середины прошлого века, и победное шествие демократий укрепляет нас в этом кредо. Подобное вторжение так или иначе конституируемого субъекта – теоретически очищенного, обобщенного и/или коллективного – в наше представление о реальности дополняет обычное оппозиционное мышление, n = 2, еще одним логическим звеном, n = 3 и, следовательно, неизбежно приводит к формированию четырехсоставных паттернов, M = 4. Этот вопрос обсуждался в разделе 1.4.1. Добавим лишь, что вывод справедлив и применительно к политическому мышлению – с тех пор, как массы, идеология превратились в активный фактор. Отныне политика не воспринимается в качестве "объективного" явления, не зависимого от действующих акторов. И значит, M = 4, процесс самоконструирования политических форм – чтобы обрести самосогласованность, избежать непреодолимого внутреннего кофликта – приводит к образованию такого стандартного паттерна. Роль основного "конструктора" принадлежит образованным массам, под запросы и критерии которых подстраиваются политики, при этом, согласно Ф.Боасу, чем меньше общество знает о действующей рациональной модели, тем более она пригодна для структурного анализа, цит. по: [434, S. 647].

К.Юнг некогда отмечал, что "психическая эволюция человека не успевает идти в ногу с интеллектуальным развитием и что бурный рост сознания, связанный с развитием науки и техники, оставил бессознательное далеко позади" [237, с. 50]. Если это справедливо (не мне судить) применительно к общественной морали и иррациональному бессознательному, то по отношению к рациональному бессознательному социума положение представляется на порядок благополучнее.

По признаку "субъект-объектности" посткартезианская эпоха сродни докартезианской, поэтому новейшие кватернионы вступают в интимно-доверительный диалог с архаическими. Этому же соответствует современная "виртуализация" действительности, возвращающая к древней и средневековой позиции: реальный мир менее реален, чем мир второй, сконструированный [264, с. 71]. Страны света, времена года и суток – то, что упоминалось. Приводилась и четверка типологически первых цивилизаций: Древний Египет, Междуречье, Индия и Китай. По утверждению историков, кельтская Британия в V – VI вв. завоевывается племенами англов, саксов, ютов и фризов, M = 4. На этом алгебра не заканчивается, к VII – X вв. последние интегрируются в англосаксов, а после нормандского завоевания 1066 г. англосаксы плюс датчане, норвежцы, нормандцы образуют нацию англичан. М.А.Барг называет следующие движущие силы Великой английской революции [35]: 1) англикане, занимавшие роялистскую позицию, 2) пресвитериане, выступившие за ограничение прерогатив короля (Долгий парламент), 3) индепенденты, более радикальная группа буржуазии и нового дворянства (протекторат Кромвеля, парламент после "Прайдовой чистки"), 4) левеллеры, включая уравнителей, самая радикальная группа, с которой расправился Кромвель. О тетрарности политического строения Соединенного королевства Великобритании и Северной Ирландии XX в. речь также шла.

В.Л.Цымбурский в работе "Как живут и умирают международные конфликтные системы" рассматривает в качестве самостоятельной балтийско-черноморскую систему, БЧС. Она была одной из тех, что "выражают наличное на глубинном уровне напряжение между важнейшими геополитическими ролями, которые сведены на данном пространстве в одну конфигурацию" [369, с. 54]. Конкретно же, в XVI в. здесь "утверждается известная *четырехполярная* схема, обнаруживающая в последующие полтора века чрезвычайную свободу перераспределения конфликтного потенциала в отношениях между полюсами Польша – Швеция – Россия – Крым (Турция)", – констатирует автор [там же, с. 56]. Согласно Цымбурскому, XVI в. "в истории Западной Евро-Азии отмечен рождением *четырех* конфликтных систем, которые в совокупности своей определяли историю большинства здешних народов до конца тысячелетия" [там же, с. 55].

Политических кватернионов не счесть, их повсюду, без преувеличения, россыпи. В Таиланде традиционная триадная формула государственной идеологии (см. раздел 1.3): *нация, религия, монархия*, – превратилась в четырехсоставную после добавления принципа ратанаманун, т.е. *конституции* [10, с. 80].

Т.Хеберер, описывая этно-территориальную структуру Китая, всерьез обсуждает возможность его распада [426], цит. по: [359]. При том, что, по данным 1990 г., нацменьшинства в Китае составляют всего 91,2 млн. чел, т.е. 8,04% населения, зато районы их проживания – 64% всей территории Китая, и в этих районах ханьцы – национальное меньшинство. Самые многочисленные народности после *ханьцев – тибетцы, уйгуры, монголы,* итого М = 3 + 1 (или 1 + 3). Проблеме сепаратизма Тибета, Синьцзяна, Внутренней Монголии Пекин уделяет серьезнейшее внимание, включив, в частности, в договор с соседними Казахстаном, Киргизстаном, Таджикистаном, Россией обязательства о неподдержке националистических и фундаменталистских движений, идей "Великого Туркестана".

Проправительственная коалиция в Румынии 1993 г. состоит из трех общенациональных партий: социал-демократической, христианско-демократической, либеральной, – плюс партии этнических венгров [286]. В Камбодже 1980-х – начала 90-х гг. власть оспаривали "четыре политические группировки: стоявшие у власти в Пномпене с января 1979 г. продолжатели дела Коммунистической партии, объединенные сегодня в рядах Народной партии Камбоджи; сторонники Сианука, создавшие Национальный фронт за независимую, нейтральную, мирную и сотрудничающую Камбоджу (ФУНСИНПЕК) во главе с его сыном Риноритом; деятели прозападной ориентации во главе с Сон Санном (Буддийская либерально-демократическая партия) и, наконец, полпотовцы" [365]. С партийно-политическими кватернионами в разных странах мы подробнее познакомимся в третьей главе. Ранее в качестве прецедента характеристически четвертого звена в ряду основных типов политических течений назывался большевизм. Однако и последний в ходе истории XX в. подвергся семантическому расщеплению, при этом наиболее влиятельными мировыми разновидностями оказались: *ленинизм, сталинизм, троцкизм, маоизм* (три генетически русских течения и одно китайское). В СССР триединая формула идеалов Великой французской революции "свобода, равенство, братство" расширилась до тетрады, и развешанные на площадях транспаранты провозглашали свободу, равенство, братство, счастье. С.Хантингтон, определяя консерватизм в качестве автономной системы идей, имеющих всеобщую значимость, видит его базу в отстаивании ценностей справедливости, порядка, равновесия, умеренности [427, p. 455], цит. по: [256, с. 140]. Теоретик российской социал-демократии Б.Орлов предлагает дополнить традиционную тройку социал-демократических ценностей *свобода, справедливость, солидарность* четвертым звеном –

состраданием [23].

Коль скоро выше значительное внимание было уделено строению Европы, Евразии, Азии, нелишне упомянуть о коммуникациях между ними. Стратегические транспортные артерии обладают и политическим значением, поэтому от непосредственной темы раздела мы не уйдем.

С 1240 г. монголы открыли дорогу между Азией и Европой, но уже к 1340 г. оказался прерванным этот "монгольский [Великий шелковый] путь, путь свободной для Византии и Генуи торговли к востоку от Черного моря, вплоть до Индии и Китая. Мусульманский заслон разрезал эту торговую дорогу" [62, с. 74]. С тех пор исторически традиционным, действующим полтысячелетия, путем из Европы в Азию стал южный морской, со второй половины прошлого века – через Средиземное море и Суэцкий канал. Он остается самым разработанным и нагруженным и по настоящий период. Однако в последнее десятилетие интенсивно готовятся дополнительные. Во-первых, "новый шелковый путь" – через Закавказье, бывшую советскую Среднюю Азию в Китай. Европейский союз выделяет внушительное финансирование на разработку проекта, носящего наименование ТРАСЕК. В 1999 г. завершилось строительство автодороги Куляб – Калайкумб в Таджикистане. Этот участок "возрождает Великий шелковый путь и через территорию государств Центральной Азии свяжет Европу с Китаем и странами Азиатско-Тихоокеанского региона, а также с Пакистаном, Индией и портами Индийского океана" [414].

Третий путь – через Россию, ее железнодорожную сеть, через Транссиб (или БАМ). Наконец, в советские годы был проложен круглогодично действующий Северный морской путь – через Северный Ледовитый океан, по территориальным водам СССР, ныне – России. Теперь эту географически кратчайшую магистраль между Европой и Японией предполагается пустить в коммерческую эксплуатацию, открытую для всех государств. Таковы рабочие планы, и стратегических коммуникаций между Европой и Азией в результате станет четыре (повторим: южный морской, "новый шелковый", через БАМ, Северный морской путь). (68)

Насколько на политику влияют экономические доминанты, настолько уместно сказать и о них. "По данным американского журнала *Fortune*, главную роль среди пятисот крупнейших промышленных корпораций мира играют *четыре* комплекса: электроники, нефтепереработки, химии и автомобилестроения. Их продажи составляют 4 279 млрд. долл. или 79,8% общей активности пятисот "грандов"" [374]. В свою очередь, в России

аналитики выделяют по значению три традиционные с советских времен экономических комплекса: ТЭК (топливно-энергетический), ВПК (военно-промышленный), АПК (агро-промышленный), – и новейший банковский сектор, каждый из которых обладает широкими возможностями политического лоббирования [88]. Экономист и политик А.И.Лифшиц, строя прогнозы об экономическом развитии России, утверждает: "Основную часть прироста обеспечат сфера услуг и три крупных промышленных сектора", лидирующих, "в каждом из которых будут функционировать мощные финансовые группы, ориентированные на экспорт: оборонная промышленность, топливно-энергетический комплекс, металлургия" [182]. В данном контексте нет нужды выяснять, отражают ли подобные макроэкономические схемы действительность или выражают личное мнение авторов. В обоих случаях они значимы, т.к. широкоизвестны, оказывают влияние на реальность.

В том же духе, как при изучении структур ЕС, СНГ, "богатого Севера", континентальной Азии, можно было бы рассмотреть строение и мирового сообщества в целом, поскольку принципы однополюсности и многополюсности, на наш взгляд, не противоречат друг другу и способны сосуществовать. Такой дискурс, однако, потребовал бы многих страниц и поэтому не приводится.

Примечания

1 Марксистская идеология, будучи "своим другим" общего вестернизированного, индустриалистского образа мышления, не только противопоставляла Россию Западу (как носителя пролетарской идеологии – идеологии буржуазной), но и ставила на одну доску с ним: именно по признаку индустриальности, материализма (экономизма) сознания, своеобразному наднациональному универсализму (сопряженная пара "космополитизм – интернационализм"), – т.е. превращала Россию хотя и в противника Запада, но в своего противника, соперника в одной игре. Еще Н.Бердяев пришел к этому выводу: "Капитализм и социализм можно мыслить как две формы рабства человеческого духа у экономики".

2 Если угодно, можно занести в кадастр очередную четверку. Несмотря на то, что Тройственный союз (Германия, Австро-Венгрия, Италия) распался еще накануне войны, к австро-германскому альянсу присоединились Турция, вступившая в войну 16 (29) октября 1914, а затем, с 1 (14) октября 1915 г., Болгария.

3 Если взяться за реконструкцию архаической модификации континентальной азиатской четверки, то роль наименее развитого звена оказалась бы, разумеется, у Евразии – на фоне трех древних или, как в случае исламского мира, наследницы древних цивилизаций, до 1500 г. превосходивших по своим технологическим, экономическим, культурным достижениям любые существующие на Земле. Евразия вышла на историческую арену в виде единого самостоятельного элемента значительно позже – согласно Л.Н.Гумилеву, со времен Чингис-хана, – еще более определенно в период Российской империи и СССР. Индустриальная эпоха, реформы Петра I в России преобразили тетраду: схема "три развитые единицы и одна маргинальная" зеркально трансформировалась в вариант "три маргинальных и одна более развитая".

4 Формально о. Мэн даже не входит в состав Соединенного королевства, но связан с ним особой унией, предполагающей широкие права самоуправления.

5 Таким процессам сопутствуют перемены и в общественных настроениях, особенно у молодой части населения. В ходе опроса, проведенного в Англии после плебисцитов в Шотландии и Уэльсе, "лишь восемь процентов молодых англичан назвали

страну, в которой они живут, Великобританией. Зато 88 процентов опрошенных заявили, что они англичане, а вовсе не британцы" [409]. В группе старше 50 лет, впрочем, по-прежнему преобладает общебританская самоидентификация.

6 Структура M = 2 x 2 конкретно выглядит, конечно, иначе, чем M = 3 + 1, и производит впечатление архаической. Логическим генезисом собственно архаических структур типа M = 2 x 2, M = 2 + 2 (деления по странам света, членения годовых циклов и т. д.) мы вплотную не занимались и не занимаемся. Ключом к архаической разновидности четверок служит, очевидно, двоичное разбиение M = 2 (пары типа "да-нет", "добро-зло", "свет-тьма", "правое-левое" и т.п.), оно подведомственно описанию с помощью несколько иной, хотя и весьма близкой модели, всегда шествующей с рассматриваемой "под руку", см. Приложение 2. Здесь же, чтобы не городить огород, достаточно элементарного соображения: нынешняя эпоха создала благоприятные условия для формирования кватерниорных конструктов вообще (n = 3, M = 4), они и растут, как грибы после дождя, но одновременно и древние кватернионы дают свежие побеги. Если не вдаваться в специализированные культурно-исторические изыскания, результат, в проекции на современность, тривиально один: 3 + 1 = 2 x 2 = 2 + 2 = 4, о чем ведомо и первокласснику. Это была наша инициатива – ради дополнительной интриги попутно указывать на более тонкие семантические грани, в массовом же сознании функционально различные модификации ведут себя, как правило, идентично. Надеюсь, инициатива не окажется наказуемой, и читатель не потребует от нас в дальнейшем по каждому конкретному поводу расставлять все акценты. Поэтому в последний раз воспользуемся такой оговоркой, чтобы в дальнейшем к данной теме не возвращаться.

7 Результаты данных исследований были представлены в ряде докладов С.Ю.Баранова в "Русском философском обществе" Санкт-Петербурга в 1993 – 94 гг.

8 При желании можно было бы провести анализ и доказать, что и в данном аспекте речь шла о четвертом типе.

9 Чеченские идеологи ссылаются на прецедент так называемой Горской республики, образованной в 1919 г. и признанной рядом зарубежных стран, включая Османскую империю. Наследницей этого краткосрочного политического образования, по одной из версий, и объявляет себя Чечня [371].

10 Вплоть до того, что лидер Аджарии, Председатель Верховного Совета Аслан Абашидзе, обвинял грузинские спецслужбы в организации серии покушений на его жизнь [там же].

11 Тбилиси, в частности, проиграл Сухуми, хотя перед началом конфликта в Абхазии проживало всего 18% абхазов и 49% грузин (остальные – вся гамма бывшего Союза) [20].

12 В марте 1998 г. в Ташкенте подписан договор "О вечной дружбе между Узбекистаном, Казахстаном, Киргизстаном и Таджикистаном" и, что более важно, принято решение о присоединении Таджикистана к существовавшему с 1994 г. Центрально-Азиатскому союзу, состоявшему из Казахстана, Узбекистана, Киргизстана. В июле 1998 г. четверка объявила о создании новой региональной организации, Центрально-Азиатского экономического сообщества, ЦАЭС. Учрежден Центральноазиатский банк сотрудничества и развития, подписаны соглашения об общих принципах формирования рынка ценных бумаг, предусмотрено создание финансово-промышленных групп в химической, нефтегазовой и других отраслях. Декларация глав четырех государств была названа "примером для всех стран СНГ" [19, 57].

13 Помимо упомянутых Грузии, Азербайджана, Казахстана, тетрарность, похоже, просвечивает и в Украине. Ген. директор Института системных исследований и социологии Е.Черепанов утверждает: "Когда речь идет о сегодняшней Украине, можно говорить по меньшей мере о трех ее составляющих: Западная и Восточная Украина, а также – Новороссия" [372]. Одна из частей последней, Крым, при этом оказывается обособленной: географически (полуостров, соединенный с материком тонким перешейком), исторически (до 1783 г. здесь располагалось вассальное от Турции Крымское ханство; лишь в 1954 г. Крым выведен из РСФСР и передан УССР), политически (и прежде, и ныне единственная в республике автономия). Традиционная трехчастность имеет явную склонность к четырехчастности. Как и в ряде других случаев, строение 3 + 1 предметно меняется в зависимости от герменевтической проекции. С одной стороны, Западная Украина, бывший лимес Австро-Венгрии, позже других попавшая в границы общего с Россией государства, контрастно выделяется на фоне остальных областей, здесь наиболее сильны националистические и прозападные настроения, т.е. именно ей должно быть отведено место "четвертой". По другому признаку на ту же семантическую позицию претендует Крым, оказавшийся, повторим, в политической юрисдикции Киева только в 1954 г. В автономии остры сепаратистские тенденции, сопротивление распространению украинского языка и даже лозунги о возвращении в состав России. Однако нас, как всегда, интересуют не столько интерпретационные вариации, сколько сам факт M = 4.

14 Збигнев Бжезинский в книге "Геостратегия для Евразии" видит будущее России в расчленении даже "с запасом", на три части: европейскую, сибирскую, дальневосточную, – объединенные в "свободную конфедерацию", см. [161]. Мечтать не вредно, хотя, по-видимому, не всегда продуктивно, когда в научные концепции проникает чересчур много личного.

15 Даже если таких основополагающих коллективных акторов на политической арене не один, а, скажем, два, как в случае гражданской войны, то в конце концов (по окончании войны) все равно остается один, и нас как раз интересует не переходный процесс как таковой, а результат ("результат гражданской войны"), политические формы, которые сохранятся или возникнут по ее окончании. При этом даже в ходе гражданской войны каждая из противоборствующих сторон полагает себя единственно правомочной, т.е. в интенции в любом случае актуализирован единственный актор: "народ".

16 Нет нужды изменять эти строки, написанные до военных действий 1999 – 2000 гг. Очевидное отличие характера второй военной кампании от первой, в сущности, нимало не отменяет сказанного: по окончании войны все равно начнется политическое урегулирование, и если в его процессе на Кавказе не будет образован признанный "четвертый элемент", погасить конфликт не удастся. Он останется хронической язвой на теле России и СНГ, пока действующее политическое строение не придет в соответствие с реалиями общественного сознания ("особенность" и "обособленность" четвертого звена). Чечню надолго не уложить в общее ложе Российской Федерации – в тем большей степени, чем больше было насилия (вариант "окончательного решения вопроса" можно и не рассматривать: не та эпоха на дворе, участие мирового сообщества, да и у самой России не хватит духа на это). Даже если во главе нового режима будут поставлены устраивающие Москву руководители, республику придется наделить беспрецедентными правами (иначе население не успокоится). В отличие от дудаевского периода, в годы правления Масхадова была совершена-таки одна роковая ошибка: исламский фундаментализм, шариатское правление действительно неуместны в будущем евразийском блоке, не могут устроить никого ни из окружения Чечни, ни на Западе. Поэтому такой конкретный режим обречен, однако без политически нестандартного места Чечни или Северного Кавказа в целом проблему не решить. Не мытьем, так катаньем на Кавказе устанавливается кватерниорная структура, напомним: Азербайджан, Армения, Грузия и неуклонно пробивающийся, как трава сквозь асфальт, четвертый элемент.

17 Напомним, что, по мнению А.К.Франка, у Центральной Азии и Кавказа, в случае их отдельного существования, нет иных перспектив, кроме превращения в безнадежную экономическую периферию мира, "африканизации" [348, с. 15].

18 В рамках империй метрополия располагает полной собственной идентичностью и помимо колоний, до их приобретения, последние суть нечто "дополнительное", именно "владения".

19 Ср.: на встрече в Тбилиси президенты Украины и Грузии определенно высказались за СНГ "без фаворитов" [77].

20 В частности, не могут быть оценены иначе, чем нереалистические, расхожие надежды на вступление Украины в ЕС (см., напр.,[383]: по мнению некоторых украинских дипломатов, к 2010 г. желто-голубой флаг будет развиваться перед штаб-квартирой НАТО и перед зданием Европейской комиссии). "Мы хотим, чтобы за нами официально признали право претендовать на членство в ЕС", – заявляет замминистра иностранных дел Украины Е.Бершеда [397]. Несмотря на покровительство американской администрации (М.Олбрайт: "Украина – наш приоритет на постсоветстком пространстве"), дай Бог европейскому блоку в обозримый период суметь "переработать" более близкие ему и менее крупные страны Центральной Европы (задача не одного десятилетия) – на большее не хватит ни финансовых ресурсов, ни политико-психологических (без нарушения европейской идентичности). В следующем подразделе мы убедимся, что для Украины отсутствует в ЕС и логико-структурное место. (Конспективно, проблематичность принятия Украины в ЕС вдобавок обусловлена тем, что она "слишком большая": в своем нынешнем, т.е. экономически сложном, положении она не нужна ЕС, т.к. требует малоподъемных финансовых вливаний; когда и если ее экономический статус изменится к лучшему, она превратится в тем более нежеланную, ибо стяжает такой политический вес, который заставит "подвинуться" даже самых сильных. Захотят ли участники "большой четверки" ЕС собственными руками создать сопоставимого с каждым из них конкурента?) Другой вопрос, что у ЕС с СНГ, его членами, по всей видимости, должны установиться по-своему "особые", доверительные отношения, но таковые – как между двумя соседними, отчасти родственными блоками, а не по внутриблоковому образцу.

21 Киргизстан, без согласования с остальными членами Таможенного союза, позднее вступает во Всемирную торговую организацию, что отчасти противоречит договоренностям. Однако практически сразу вслед в союз принимается Таджикистан [233],

т.е. кватерниорность восстанавливается.

22 Вскоре к названной группе подсоединяется и Узбекистан, ГУАМ превращается в ГУУАМ. Однако Молдове, занимающей в СНГ в целом неактивистское место "остальных" (рис. 1-17), и в пределах названного альянса принадлежит несколько, так сказать, "вспомогательная" роль – ведь ГУУАМ образован для создания альтернативы России в сфере энергетического снабжения стран, а также для прокладки глобального транспортного корридора "Европа – Азия", и без Молдовы с ее природными (географическими и сырьевыми) ресурсами при решении обеих задач вполне можно обойтись, чего не скажешь о других членах группы. Знакомая структура M = 4 и "остальные".

23 Jakobson R. On Russian Fairy Tales. – Selected Writings, IV. The Hague – Paris, 1966, p. 91. Цит. по: [134, с. 8].

24 Собственный вес Сардинского королевства, включавшего Пьемонт и о. Сардиния, незначителен по сравнению с прочими участниками и, соответственно, скромен вклад в военно-политические силы союзников, но для самого королевства участие в данных событиях – знак важных процессов. Здесь не только реальное приобщение к процессам большой европейской политики, но и то, что Сардинскому королевству предстояло вскоре (1860 г.) стать ядром, вокруг которого произошло объединение Италии.

25 Читателя, надеюсь, не смущают отличия двух модификаций четверок: "три и один вместе" или же "три против одного". Они взаимодополнительны и теоретически беспрепятственно переходят одна в другую. Еще д'Артаньян хотя и в авантюрном, но эстетически (логически, "метафизически") точном романе Дюма начал знакомство с тремя будущими друзьями со ссоры, дуэли, что не помешало прочности будущего альянса. С недоразумений начинается и сотрудничество О.Бендера с Балагановым, Паниковским, Козлевичем. Чтобы не вдаваться в детали, доверимся результатам художественного эксперимента писателей.

26 Бывший мэр Москвы и один из лидеров русской социал-демократии Г.Попов видит реальную отечественную перспективу в сосуществовании на политической арене правого блока (одно из самоназваний – "либералы"), коммунистического, центристского (умеренная, компромиссная группировка российской бюрократии и капитала) и социал-демократов [259], итого M = 4.

27 Пока писалась эта книга, в России состоялись еще одни парламентские выборы (19.12.1999). На пороге ожидаемых значительных перемен (конец "эпохи Ельцина") правительству и Кремлю, применив беспрецедентные политические технологии,

удалось целенаправленно хаотизировать сознание избирателей. Политическая карта за два-три месяца предвыборной кампании претерпела существенные изменения. Вообще говоря, используемый нами метод исследования не предназначен для анализа быстропреходящих переходных состояний, но и в последних могут быть замечены определенные закономерности. 5%-ный барьер преодолели шесть партий и избирательных объединений. При этом три из них ("Единство", "Союз правых сил", "Блок Жириновского") на этапе предвыборных баталий квалифицировались в качестве проправительственных и прокремлевских, другие три ("Отечество – Вся Россия", КПРФ, "Яблоко") – оппозиционных: три против трех. Главная интрига предвыборной кампании заключалась в столкновении двух основных "политических мифологий", двух практически не зависящих друг от друга сюжетов. Подконтрольные государству средства массовой информации сосредоточились на откровенной "раскрутке" своих трех сторонников, тогда как остальные представлялись в виде некоего полуаморфного поля "неконструктивных" сил, далеких от реального дела. Напротив, независимые масс-медиа сохраняли в качестве главной мишени Кремль, "Семью", коррумпированный наличный режим. В результате обе предложенные избирателю картины оказались зеркально-подобными: повторим, "Единство", "Союз правых сил", "Блок Жириновского" и "деконструктивные силы" с одной точки зрения; ОВР, КПРФ, "Яблоко" и "кремлевское окружение" – с другой. Т.е.обе отличались структурной кватерниорностью! Таким образом, даже в процессе умышленной дестабилизации общественного сознания политтехнологам приходилось считаться с утвердившимся стереотипом (подробнее см. раздел 3.10).

28 В Европарламенте, места в котором распределяются пропорционально населению стран, Германии отведено 99 мандатов, Франции, Великобритании и Италии – по 87 [157]. Итого на четверку приходится 360 мест из общих 567, т.е. 63,5% ("контрольный пакет").

29 Данный автор, наряду с другими, использует и числовые формулы, впрочем, придерживаясь при этом номинальных количеств (согласно формальному списочному составу), без попыток обращения к логической семантике.

30 О православных государствах бывшей Югославии, географически более западных, речь пойдет ниже, поскольку там, на наш взгляд, существует самостоятельный региональный ансамбль. В современных условиях не только (и не столько) общая конфессиональная принадлежность ответственна за интеграцию в государства и в ансамбли.

31 Приведенный исторический экскурс в состоянии вызвать упреки в начале "от царя Гороха", тогда как заявленная тема – современная политика, ее ныне складывающиеся тенденции. В оправдание можно сослаться на привычку отечественных и европейских историков, считающих существенным для современности другого региона, России, и преемство от Византии, и триста лет татарского ига, хотя с окончания последнего прошло не сто лет, а все шестьсот. Позитивистски настроенный читатель вправе пропустить пассаж об истории: других аргументов – географических, экономических, культурных – вполне достаточно, чтобы говорить о наличном региональном ансамбле.

32 Так, Венеция располагает колониями с 1204 г., пока в 1572 г. не теряет Кипр, лучшее украшение империи, в 1540 г. – Негропонт, в 1669 г. – Кандию.

33 Вот как пишет о Португалии Ф.Бродель: "Историки тысячекратно исследовали успех Португалии: разве не играло небольшое лузитанское королевство первые роли в огромном космическом перевороте, который открылся географической экспансией Европы в конце XV в. и ее выплескиванием на весь мир? Португалия была детонатором взрыва. Первая роль принадлежала ей" [62, с. 136].

34 В прямом или переносном смыслах. О том, что в ЕС реконструируются "имперские" начала, говорил, в частности, Г.Гусейнов [112].

35 Амстердам сохраняет указанный статус вплоть до XVIII в., когда пальма первенства была перехвачена Лондоном.

36 Более полно его мысль звучит так: "Ошибка – от Бога. Поэтому не старайтесь исправить ошибку. Напротив, попробуйте понять ее, проникнуться ее смыслом, притерпеться к ней. И наступит освобождение", см. "Книжное обозрение" № 12 от 24 марта 1989..

37 Отчасти подобное явление наблюдалось, скажем, и на внутренней политической арене ФРГ послевоенных десятилетий, когда каждая из больших, "народных" партий – христианские демократы и социал-демократы – поочередно ухаживали за своим значительно меньшим партнером по коалиции – свободными демократами. Голос последних оказывался критически важным для обеспечения парламентского большинства, стабильности системы в целом.

38 Степень автономии Великого княжества Финляндского возрастает при Александре II: появление собственных парламента, валюты.

39 Подобные не отличающиеся внешней политкорректностью

термины употребляются в тексте без какого бы то ни было пренебрежительного оттенка. Все государства – члены ЕС равноправны, в том числе в рамках ансамблей. Другой вопрос, что на фоне формального равноправия разные страны обладают различным фактическим политико-аксиологическим весом, в разной степени влияя на реальное положение дел. В настоящем случае имеется в виду именно такая тривиальная градация.

40 Такая картина наблюдалась, в частности, на юге Восточной Европы во время холодной войны между Западом и Востоком: ансамбль из Румынии, Болгарии, Греции, Кипра в тех условиях был немыслим, и мы говорим о нем только теперь.

41 На одной из встреч в Евросоюзе В.В.Путин назвал Калининградскую область полигоном для отработки механизмов вступления России в ЕС (см. Варшавская А. Самая Западная Россия. – "Известия". 2000. 3 нояб.).

42 До 1963 г. она выступала под названием ФНРЮ.

43 В Швейцарии, хотя и проживают четыре этнолингвистические общины, принято три государственных языка, но по-немецки говорит 65% населения.

44 По крайней мере мне, наивно полагавшему, что я неплохо знаю книжный немецкий язык, при чтении объемистого труда В.Футтеркнехта удалось обогатить свой словарный запас множеством пикантных слов и выражений.

45 Президент Швейцарской Конфедерации Адольф Оги по этому поводу утверждает: "Стратегической целью Федерального Совета является присоединение к ЕС, но в настоящее время это оценивается нашим народом все еще весьма неоднозначно" [236].

46 Для сравнения, другая республика бывшей Югославии, – также исповедующая католичество и побывавшая под австрийским крылом, – Хорватия, в отличие от Словении, пребывает с конца XVI по начало XVIII в. под османским игом, несколько лет назад ведет кровопролитную войну с соседями, на протяжении почти десятилетия поддерживает сомнительный, с точки зрения европейских стандартов, политический режим (националистический авторитаризм Ф.Туджмана).

47 Польша, Чехия, Венгрия попали в упомянутую "первую очередь" более из желания НАТО поскорее "застолбить" этот освободившийся участок, вплотную примыкающий к бывшему СССР, возможному новому блоку на его территориях.

48 Не говоря о старых аргументах геополитиков: коренной интерес Германии в выходе к Средиземному морю, т.е. в обретении независимого пути к ближневосточной нефти.

49 Президент фонда "Политика" В.А.Никонов в заметке "Югославия и новый европейский порядок" писал: "Когда в начале

90-х годов Милошевич приезжал в США, президент Джордж Буш сравнил его с Линкольном, который снискал себе славу, предотвратив развал страны ценой гражданской войны. Но позже выяснилось, что ряд ведущих европейских держав хотели бы видеть своих исторических союзников и клиентов независимыми от единой Югославии, и Запад моментально сменил пластинку – Милошевич превратился из Линкольна в коммунистического диктатора, душителя меньшинств и парию Европы" [232].

50 Европейским Союзом Загреб не был включен в число даже потенциальных членов альянса, хотя в их рядах оказались гораздо более отсталые Румыния и Болгария [396], не говоря о Словении.

51 Теперь уже очевидно: во всех без исключения государствах югославского ансамбля идут либеральные экономические и политические реформы. Так, 24 января 2000 г. в Хорватии состоялись президентские выборы, подведшие черту под тоталитарным прошлым (поражение Хорватского демократического содружества, партии покойного Франьо Туджмана [399]). В том же году пал и режим С.Милошевича в Югославии. Ансамбль в целом вскоре впишется в общеевропейский контекст.

52 Хор прогнозов сходился в одном: большевистский режим не сможет удержаться больше нескольких недель, затем месяцев, лет. Качеству прогнозов соответствовал и выбор стратегии.

53 В процессе переговоров о судьбе Кипра лидер турок-киприотов Рауф Денкташ недавно отказался об собственной подписи под документом, предусматривающим создание на острове федерации, и настаивает на варианте конфедерации, т.е. на признании де-юре Турецкой Республики Северного Кипра. "В этом случае на целях объединения можно поставить крест", – комментирует кипрский дипломат [213], мы же со своей стороны фиксируем соответствующую исламскую единицу.

54 В рамках такой трактовки Косово отличается двойственной принадлежностью: не только к только что названному исламскому ансамблю, но и – в качестве края Сербии – к Югославии (см. выше тамошний кватернион). С прецедентами двойной принадлежности нам уже приходилось встречаться: см., в частности, Конфедерация народов Кавказа или Чечня на стыке славянского ансамбля (точнее, РФ) и кавказского (Азербайджан, Армения, Грузия) в СНГ, раздел 1.4.2c; Северная Ирландия на границе Великобритании и Ирландии, Калининградская область в роли "склейки" СНГ и ЕС.

55 Нередко в Британии говорят о "третьем пути" в вопросе европейской интеграции.

56 Когда затрагивается восприятие "неформальных"

целостностей, допустимо прислушаться и к поэтам. В Цюрихской речи 1922 г. Поль Валери выразил следующее понимание европейского пространства: Европа – там, куда проникла тройка "Иерусалим, Афины и Рим"; при этом Америка – "великолепное творение Европы". – P.Valery. Note (ou l' eropeen). In: idem. Oeuvres. V.1. Paris, 1975, p. 1000-1014.

57 Если доверять формообразующей силе принципа четырехсоставности (а нам еще придется вернуться к вопросу, почему это стоит делать), то реальной альтернативой "особых отношений" Британии с заокеанскими парнерами и, соответственно, образования упомянутого квазиансамбля могло бы служить лишь обретение кватерниорности без США и Канады. Это возможно, например, в случае разделения Великобритании за счет суверенизации двух субъектов из трех: Шотландии, Северной Ирландии или, что менее вероятно, Уэльса. Читатель самостоятельно оценит сравнительную степень предпочтительности для Британии обоих вариантов.

58 Ведь основная часть территории Турции, ключевого участника последнего ансамбля, лежит в Азии.

59 От занятия ЕС своего места в четверке "богатого Севера", от "большой четверки" в самом ЕС до кватерниорности подсистем Западной и Восточной Европ и каждого, даже самого малого, регионального ансамбля.

60 Хотя в Приднестровье принято три государственных языка: русский, молдавский, украинский, – языком "межнационального общения" служит первый.

61 Причем, в кристаллических решетках, возникших в естественных условиях, обычны сбои регулярности, так называемые дефекты, тогда как в фигурировавших политических системах серьезных "дефектов", вроде, не обнаружено.

62 Если не придерживаться – как "романтической" – знаменитой максимы Галилея: "Книга природа написана на языке математики", – пантеистически интродуцирующей математику внутрь естественных объектов.

63 От типичных характеров в романах до таксономии литературных родов, жанров, приемов.

64 Это согласуется с точкой зрения Аристотеля: "Поэзия говорит более об общем, а история о единичном" [24, с. 68].

65 С одним из обзоров можно познакомиться, например, по обстоятельным примечаниям Н.И.Николаева к собранию сочинений М.М.Бахтина [229].

66 Одним из немногих счастливых исключений служат работы Карла Манхейма [200].

67 Здесь же отношение к реальности как к тексту, кстати, в

высшей степени характерное и для Средних веков ("книга природы", "книга бытия"). По убеждению средневековых алхимиков, "реальный мир менее реален, чем второй, сконструированный" [264, с. 71].Что согласуется и с мнением Аристотеля: "Что позднее по происхождению, первее по природе", цит. по: [230:I, с. 486].

68 Взыскательные рецензенты выражают сомнение, что подобные практические четверки могут быть действительно подведомственны логической, логико-цифровой модели. В очередной и, надеюсь, последний раз обращаем внимание на их виртуальный характер. Во-первых, перечисленные стратегические коммуникации – плод совместных экономических интересов огромных масс людей Европы и Азии. Интересов осознанных, преломленных через воображение и претворенных в реальные действия. Это несомненный продукт коллективного сознания и бессознательного. Во-вторых, он подвергнут основательной концептуализации, например, со стороны журналистов. Если бросить беглый взгляд на карту железнодорожных и автомобильных путей, на эту гигантскую рыболовную сеть или паутину, то навсегда, вероятно, отпадет желание заниматься тривиальным подсчетом. Тем не менее, и в масс-медиа, и устами специалистов озвучен именно названный список, состоящий из четырех единиц. По-видимому, в такой форме он легче воспринимаем со стороны читателей газет, потребителей транспортных услуг, а также лучше укладывается в планы причастных к делу правительств.

1.4.3. Другие разновидности тетрад

Не странно, что именно в социально-политических процессах, за результаты которых ответственны элементарно образованные массы, фигурирует больше всего тетрад. Но создалось бы ложное впечатление, если бы остались в стороне другие сектора культуры и мы ограничились только сказанным в разделе 1.4.1.

Кватерниорные матрицы употребительны в психологии. Четверка основных психологических типов, или темпераментов: *сангвинический, холерический, флегматический, меланхолический*, – известна со времен Галена. Интерпретация XX в. (И.П.Павлов и его школа) полагает ответственными за такое членение особенности центральной нервной системы, точнее характер нервных реакций: сильных или слабых, быстрых или медленных. Комбинация двух пар противоположных признаков и приводит к структуре M = 2 x 2 (см., напр., [74, с. 96]). Не иначе поступает К.Юнг [392], выстраивая собственную классификацию. Различая экстравертов и интровертов, с одной стороны, мыслительный и эмоциональный типы, с другой, он приходит к той же таксономической схеме M = 2 x 2. Его деление на *мыслительный, чувствующий, ощущающий, интуитивный* типы, в свою очередь, коррелирует с делением человеческих способностей на *разум, чувство, волю* и *интуицию*.

Идентичный прием используется в натурфилософии Аристотеля для обоснования системы первоэлементов. За основу берутся две оппозиции стихий: теплое – холодное, сухое – влажное, – и затем выстраивается соответствующая "алгебра": теплое и сухое суть *огонь;* теплое и влажное – *воздух*; холодное и влажное – *вода*; холодное и сухое – *земля,* см.: [307:I,с. 55]. Четверка фигур силлогизмов, противоположных по качеству: *утвердительные* и *отрицательные*, – и по количеству: *общие* и *частные*, – конструируется сходным образом; роль вершин в логическом квадрате Михаила Пселла, соответственно, играют *общеутвердительное, общеотрицательное, частноутвердительное* и *частноотрицательное* суждения. К тому же способу неоднократно прибегал Кант (см., например, формы отрицания, повторенные Шопенгауэром, раздел 1.4.1).

Структуры M = 3 + 1 часто могут быть переосмыслены в духе M = 2 x 2, и наоборот. Так, Платон, придерживаясь только что упомянутого представления о четырех первовеществах: земле, воде, воздухе и огне (3 + 1), – в "Тимее" подразделяет их в парадигме двух пар: огонь и землю он считает семантически и

онтологически "первичными", "крайними", а воздух и воду – "средними", "производными" (2 х 2). Функциональная взаимозаменимость двух схем в большинстве случаев позволяет игнорировать различие между ними, сосредоточиваясь на более важном итоговом факте М = 4.

В политических примерах из раздела 1.4.2, аналогично, посредством незначительного смещения дискурсивного ракурса разновидность 3 + 1 может быть заменена на 2 х 2. Так, в совокупности четырех элементов системы индустриального Севера нередко различают двух военно-политических гигантов, с одной стороны (*США* и *наследника СССР*), и двух экономических, с другой (*ЕС* и *Япония*). Сходным образом трансформируема и большая европейская четверка – ФРГ, Франция, Италия и Британия, – поскольку популярные теории относят *Британию* и *Францию* к "первому эшелону модернизации", а *Германию* и *Италию* - ко второму. Экономическое и политическое "опоздание" сказалось на историческом наследии Германии и Италии (слабость их колониальных систем, необходимость "догоняющего развития", в XX в. – тоталитарные режимы). Не иначе обстоит и с четверкой основных цивилизационных элементов континентальной Азии, которую можно представить в виде двух пар: древнейших политеистических цивилизаций *Индии* и *Китая* и значительно более молодых, прошедших через монотеистическую инициацию *исламского мира* и *России.* В совокупности же ведущих типов массовых идеологических течений усматривается различие между исторически более ранней оппозицией либералы – консерваторы, с одной стороны, и продуктами более поздних технологических революций социалистами и большевиками, с другой (и социалисты, и большевики, к тому же, основывались на марксизме).

Самостоятельная и обширная тема – механизмы культурно-исторического взаимодействия схем М = 3 + 1 и М = 2 х 2. Не имея намерений входить в нее глубоко, ограничимся несколькими замечаниями.

Во-первых, и дихотомия, и трихотомия (а также их комбинации) – как в наглядно-геометрическом, так и в абстрактно-логическом, арифметическом обличьях – чрезвычайно старые операции (из эпохи до "осевого времени" Ясперса), которым в древности придавалось ключевое значение. Дроби 1/2, 1/3, 2/3 и 1/4 – исторически первые из известных дробей, и в Вавилоне, Древнем Египте у них были собственные имена (как и у натуральных чисел) [142]. Операция умножения любых чисел друг на друга осуществлялась в Египте методом удвоения, деления – обратным путем. Дихотомия – один из излюбленных методов в

античной математике и философии (вспомним хотя бы апории Зенона). Принцип исключенного третьего использовался математиками и философами задолго до Лейбница – в доказательстве от противного (в частности элеатами или в теореме об иррациональности √2).

Во-вторых, возможно, стоит отозваться на юнговские высказывания о "естественности" архаических четверичных представлений и, напротив, "искусственной редуцированности" более поздних тринитарных (подобные высказывания повторяются Юнгом во многих местах, например в [394, с. 69, 79]). Должен признаться, я не совсем понимаю, что точно имеется в виду под гальванизированным Просвещением противопоставлением естественности и искусственности. "Естественно" ли для нас, скажем, мыслить, повсюду применять нашу логику? В "естественном" представлении о четырех странах света, т.е. в совокупности двух определенным образом проведенных дихотомий полного круга, явно наблюдается присутствие логики, техники мышления. Именно из "правильной" квантиодромии круга вытекают понятия прямого угла, последующая теорема Пифагора, играющая одну из самых конструктивных ролей в точных науках, образы прямоугольников, параллелепипедов. Через условие равенства площадей прямоугольников произведению сторон кватерниорность инсталлируется и в модель трехмерного физического пространства (упоминавшаяся в разделе 1.3 обратная пропорциональность физических сил квадратам расстояний). Четверичность и тройственность нередко оказываются сопряженными, и судить, что здесь "естественно", а что "искусственно", предоставим тем, кто усматривает в этом смысл. Кстати, сами древние творцы "естественных" четырехсоставных представлений склонялись скорее к "искусственности" их происхождения и особо ценили искусственность и искусность, напрямую возводя происхождение соответствующих знаний к мифическим или реальным авторитетам. Сам сотворенный богами мир есть, несомненно, "искусственный" продукт.

В-третьих, и кватерниорность, и тройственность – продукты таких логических операций, которые воспринимаются как единый, законченный акт: кватерниорность – две "равноценные", "одноуровневые" дихотомии, тройственность – интериоризация двойственности: n = 2 и, следовательно, M = 3. С помощью названных логических приемов исследовались *целостные* системы: будь то полный круг горизонта, мироздание в целом (небо – земля – преисподняя) или логически завершенный отрезок пути.(1) Сами два этих метода истолковывались в

качестве "целостных", способных исчерпывающе объяснять явления и процессы.

Различны способы, которыми человек приходил как к тринитарным, так и к кватерниорным представлениям. Скажем, тройственная модель могла появляться в результате аналитического расщепления одного из звеньев предшествующей диады. На базе наидревнейшей оппозиции "тело – душа" посредством более тонкого различения манифестируется схема "тело – душа – дух". Из классической для Европы XIX в. тринитарной типологизации основных политических течений: либеральных, консервативных, социалистических, – в начале XX столетия рождается тетрарная, поскольку из социалистического движения выделяется самая радикальная часть, противопоставившая себя остальным – большевики, ленинизм. В тот же период физика приходит к модели четырехмерного пространства, что с внешней стороны выглядит как "сращивание" традиционно трехмерного пространства и одномерного времени, а изнутри – как интериоризация логической тринитарности: n = 3 и, значит, M = 4, см. раздел 1.4.1. В "Трех мушкетерах" Дюма каноническая тройка героев превращается в четверку за счет концептуально-эстетического "расширения". Четырехсоставность продуцируется и иначе – с помощью композиции дихотомии и трихотомии. Так, из пары "свет – тьма" путем деления натрое светлого времени суток рождается представление "утро – день – вечер – ночь"; из двух послевоенных геополитических полюсов "Запад – Восток" – последующая схема для индустриального Севера "США (НАФТА) – ЕС – Япония – СНГ"; а двойка главных героев первой части дилогии Ильфа, Петрова (И.М.Воробьянинов – О.Бендер) во второй части трансформируется в четверку (Балаганов – Паниковский – Козлевич – Бендер), см. рис. 1-11. Был упомянут и механизм 2 x 2.

Для каждой из названных структур характерна полисемантичность, и различные толкования не противоречат друг другу, отличаются комплементарностью. Далеко не всегда мы располагаем физической возможностью привести несколько герменевтических проекций, и практически всегда отсутствует возможность перечислить их все. После сказанного ранее мы, кажется, вправе апеллировать к приобретенному опыту читателя, со своей стороны ограничиваясь лишь отсылочными упоминаниями.

Четырехшаговая цикличность манифестируется атомной физикой. a – частицы, состоящие из двух протонов и двух нейтронов (M = 2 + 2), обладают наибольшей энергией связи и устойчивостью. В ряду атомных ядер по мере увеличения

количества нуклонов (нуклон – собирательное название для протона и нейтрона) свойство устойчивости повторяется периодически с шагом в четыре звена. Поэтому ядра подразделяют на четыре группы: 4p, 4p + 1, 4p + 2, 4p + 3, – где p – количество нуклонов, из которых состоит ядро [60].

В середине XX в. биология констатирует: хранителем и транслятором наследственной информации является ДНК, структурными "кирпичами" которой служат четыре азотистых основания, нуклеотида: аденин (А), гуанин (Г), цитозин (Ц) и тимин (Т) [74, с. 76]. С тех пор говорят о "четырехбуквенном генетическом алфавите" А – Г – Т – Ц. Расшифровка генетического кода привела к выводу о существовании определенных элементарных единиц – кодонов, триплетов, ибо из четырех букв алфавита составляются трехбуквенные слова, последовательность которых и определяет содержание "текста".

Нас по-прежнему не занимает проблема, выдумал ли человек, в настоящем случае физики и биологи, названную четырехзвенность или она присуща самой природе. В любом случае речь идет о *знании* о природе. Работа ученых отличается обстоятельностью, добросовестностью, и значит, здесь фигурирует *обоснованное, точное* знание. Последнее невозможно без предварительной постановки вопросов, и, как всегда, в каждом корректном вопросе имплицитно содержится ответ (известно, что наука отвечает не на любые вопросы, а только на "правильные"). Диалог человека с природой – во многом беседа со своим отражением в зеркале, так сказать, интервью, взятое у самого себя. Наши воля, мысли и чувства (в том числе "продленные" с помощью приборов) неотделимы ни от общества, культуры, ни от внешней среды, вместе с которыми мы существуем.

Аналогичный структурный прием используется и при описании человеческих чувств. До сих пор в языке сохранились названия для четырех вкусовых ощущений: *соленое, кислое, сладкое, горькое*, – прочие же зиждутся на комбинации (кисло-сладкое), изменении степени (солоноватое) или на сравнении с показаниями других органов чувств: нежный или острый, вяжущий, терпкий или свежий- Едва ли есть смысл задаваться вопросом, "на самом ли деле" существуют ровно четыре главных разновидности вкуса. Такова наша рефлексия, таков наш анализ. Кстати, первая конструктивная пара послужила отправной точкой для столь важного сначала для алхимии, а затем и для химии различения солей и кислот.

Если двустишие, или дистих (в арабской поэзии – бейт), историки литературы считают не только самым простым, но и

самым ранним феноменом поэтической речи, то затем у разных народов нашла широкое применение *четырехстрочная* строфа или четырехстрочие как законченное стихотворение. Организация текста осуществлялась с помощью метра, ритма и нередко рифмы. Теоретики литературы до сих пор описывают такую строфу в виде "алгебраических" формул типа *abba, aabb, abab*, где одинаковые символы означают созвучие. В данном случае речь явно о структурах М = 2 х 2. При этом любопытно: в период становления самобытной японской культуры наблюдается вырождение традиционной тетрады до триады – на смену древнекитайскому четырехстишному канону пришли трехстишные хокку.

В новелле "Как писать китайские стихи" ("Сто одна история о дзэн", 88 [252, с. 89]) читаем: "Знаменитого японского поэта спросили, как написать китайское стихотворение. Он объяснил так:

– Обычно китайское стихотворение состоит из четырех строк. В первой находится начальная фраза, во второй – ее продолжение, третья переходит от старого предмета к новому, а четвертая соединяет вместе три первые строки. Вот как это видно на примере известной китайской песни:

"Есть дочери в Киото у торговца шелком:
Лет двадцать старшей, младшей – восемнадцать.
Мечом способен зарубить солдат.
А девы эти – взглядом убивают."

Отметив, что в таким образом устроенном четверостишии содержатся признаки структур как М = 2 + 2, так и М = 3 + 1, возьмем теперь хокку. В другой новелле той же книги [252, с. 33-34]:

"Из сиянья пришел я –
Возвращаюсь в сиянье.
Что ж это?

До положенных каноном четырех строк в стихотворении недоставало еще одной, и ученик сказал: "Учитель, у нас не хватает строки". Победным львиным рыком ответил ему Хосин (мастер дзэн. – *А.С.*): "Ха – а!" – и ушел (из жизни – *А.С.*)". На подобной "незавершенности" принципиально настаивали, ссылаясь на "неуловимое очарование незавершенности" [там же, с. 23]. Аналогичное очарование ощущаем и мы, одновременно констатируя, что впечатление "незавершенности", "загадочности" трехстрочия не возникло бы у адресата, если бы отсутствовал фон "завершенной" модели четырех строк. По конкретно иному, но смежному поводу Р.Якобсон говорил об экспрессии "обманутого

ожидания", "несбывшегося предсказания" [402, с. 85].

В данном контексте, вероятно, уместно дополнить приведенный в разделе 1.4.2.2 пассаж о плодотворной "ошибке" (С.Дали, Л.Аронзон), открывающей порой совершенно неожиданные горизонты. Так, биологи полагают, что многоклеточные организмы в свое время возникли в результате сбоя, дефекта процесса "нормального" деления клеток. Ничем иным, как серией просчетов ведущих политиков России, Европы и США в первой четверти XX в. объяснялась победа большевиков в огромной стране, однако затем, вместе с укреплением СССР, сложился новый мировой порядок (Запад – Восток – "третий мир"), позволивший прервать цепочку мировых войн, что вряд ли стало бы возможным без глобальной институциализации мощного "маргинального" звена, объединившего и канализировавшего в приемлемом русле почти все активные "обиженные" государства. Механизм мутаций, "ошибок" особенно актуален в переходные эпохи, создающие обстановку интеллектуальной и психологической открытости ("открытости" самого будущего, ср. и нынешнюю ситуацию в мировой политике, когда старый порядок уже разрушен, а новый еще не до конца возник), однако в примере с хокку нас больше интересовала сопряженная "ментальная" открытость и именно в связи с отличным от заданного каноном количества строк: трех, а не четырех. Мы сами, впрочем, занимаемся как раз закрытыми, "законченными" (целостными) системами, и рассуждение об открытости используется лишь для контраста, для того, чтобы подчеркнуть, как сами древние, в настоящем случае японцы, моментально и остро реагировали на отклонение от четырехсоставного паттерна.

Одна из бытовавших в классической эстетике композиционных схем предполагала наличие в литературном произведении *завязки, развития (хода действия), кульминации* и *развязки*, таким способом представляя его законченный цикл. Впрочем, иногда последний предварялся установочной частью, *экспозицией*, в которой действие, собственно, еще не начиналось и которой достается роль своеобразного "нулевого звена" (к анализу "нулевых" звеньев мы обратимся в разделе 1.5). О наметившемся в XX в. четвертом литературном роде (помимо эпоса, лирики, драмы) шла речь в разделе 1.4.1.

В свою очередь, морфологические разделы грамматики резервируют четверку конструктивных частей слова: *приставка (префикс), корень, суффикс, окончание*. На деле, скажем, приставок в слове может вовсе не быть или присутствовать сразу несколько (например, в русском глаголе *вос-при*-нимать, немецком *an-er-*

kennen), однако в классификации она все же присутствует, причем в единичном количестве. Ф. де Соссюр говорит об алгебре морфем, напоминает, что "лишь значение позволяет отграничивать единицы" [306, с. 22]. Николай Кузанский усматривал четверицу в иерархическом строении языка: *буквы – слоги – слова – речь* [230:II, с. 452].

Для иллюстрации действия элементарно-математических законов мы и ранее неоднократно прибегали к лингвистическим, главным образом грамматическим, примерам. В статье "Поэзия грамматики и грамматика поэзии" Р.Якобсон для тех же целей считает уместным привести обширную цитату из "Марксизма и языкознания" Сталина (М., 1950). "Отличительная черта грамматики состоит в том, что она дает правила об изменении слов, имея в виду не конкретные слова, а вообще слова без какой-либо конкретности; она дает правила для составления предложений, имея в виду не какие-либо конкретные предложения, скажем, конкретное подлежащее, конкретное сказуемое и т.п., а вообще всякие предложения, безотносительно к конкретной форме того или иного предложения. Следовательно, абстрагируясь от частного и конкретного, как в словах, так и в предложениях, грамматика берет то общее, что лежит в основе изменений слов и сочетаний слов в предложениях, и строит из него грамматические правила, грамматические законы" В этом отношении грамматика напоминает геометрию, которая дает свои законы, абстрагируясь от конкретных предметов, рассматривая предметы, как тела, лишенные конкретности, и определяя отношение между ними не как конкретные отношения каких-либо конкретных предметов, а как отношение тел вообще, лишенных всякой конкретности" [401, с. 473]. Солидаризируясь с представлением об абстрагированном и обобщающем характере грамматических законов и даже с геометрической аналогией, чуть ранее Р.Якобсон прибегает к немаловажной оговорке: речь должна идти скорее о *топологической*, чем метрической геометрии, т.е. в таких случаях фигурируют наиболее общие структурные, структурно-логические закономерности, одной из разновидностей которых служат, в частности, числовые.

Аналогичное формо- или структурообразование осуществляется и в семантике. Если Ориген Александрийский (III в.) различал три смысловых уровня текста: *телесный* (буквальный, историко-грамматический), *душевный* (моральный) и *духовный* (аллегорический), то, согласно комментарию С.С.Аверинцева, Данте вслед за схоластами зрелого средневековья раздваивает третий оригеновский смысл, разведя *аллегорию* и *анагогию* (возведение души ввысь) и, таким образом,

превращая триаду в четверицу [6]. В.Л.Рабинович обращает внимание на данный факт и приводит в качестве доказательства строфу из "Пира" Данте [264, с. 86]:

Буквальный смысл учит о произошедшем;
О том, во что веруешь, учит аллегория;
Мораль наставляет, как следует поступать;
Твои стремления открывает анагогия.

В "Божественной комедии" Данте, напомним, фигурирует и чистилище, четвертая часть мироздания (см. раздел 1.4.1) – за несколько веков до принятия церковного догмата.

Кватерниорность нередко реализовалась и в старых социальных организациях. Согласно конституции Солона, афинское общество было разделено на четыре экономических класса. В Японии периода Эдо (XVII – первая половина XIX вв.) получило юридическое закрепление наличие следующих законных сословий: *самураев, крестьян, ремесленников* и *торговцев*. В Древней Индии множество каст делилось – по степени святости, чистоты – на четыре же большие категории, варны: *брахманов* (занимавшихся отправлением культа, наставничеством), *кшатриев* (правителей, воинов), *вайшьев* (торговцев, ростовщиков) и *шудров* (всех, кто занят физическим трудом: ремесленников, земледельцев, скотоводов, работников "сферы услуг" – брадобреев, прачек и проч.). Лишь представители первых двух, "благородных" варн наделялись правом землевладения (по данному признаку общая структура М = 2 + 2). Кроме перечисленных четырех, выделялась еще одна социальная группа – аварна ("вне варны"), составлявшая вместе с низшими шудрами категорию неприкасаемых и игравшая – в силу своей внеположности варновой системе – роль "нулевого" члена. (2)

На реставрации сходной социальной кватерниорности настаивал видный итальянский философ, певец "консервативной революции", член эзотерических обществ Германии Юлиус Эвола [382], предпринявший попытку критики фашизма справа. Утверждение "Сверхчеловеческой Духовности и Славы" означает власть первой касты; "героизма, верности, чести- – второй; деньги – основа власти торговцев, т.е. касты третьей; а труд (когда работа превращается в самоцель) – четвертой. Последователь Р.Генона, его "Кризиса современного мира", Эвола энергично вводил архаическую традицию в современную социально-политическую и культурную мысль.

Вероятно, не забыт и список четырех основных древнейших цивилизаций: *Египта, Междуречья, Индии (долина Инда) и Китая*

(долина Хуанхэ). По крайней мере, об этом можно прочесть, например, в "Смысле и назначении истории" К.Ясперса [404, с. 55]. В той же монографии предложена следующая периодизация мировой истории: "Человек четыре раза как бы отправляется от новой основы" – 1) от доистории, "прометеевой эпохи" (возникновение речи, орудий труда, умение пользоваться огнем), 2) от рождения великих культур древности, 3) от осевого времени, когда полностью формируется подлинный человек в его духовной открытости миру, 4) от научно-технической эпохи, чье преобразующее действие мы испытываем на себе [там же, с. 53].

О.Шпенглер, со своей стороны, строит типологию культур, зиждущуюся на явно кватерниорном каркасе [380, с. 189-200]. Хотя критики подозревают Шпенглера в несколько вольном обращении с историческим материалом, его логика характерна. В таблице "одновременных" духовных эпох фигурируют индийская, античная, арабская и западная культуры. В таблице "одновременных" политических эпох – культуры древнеегипетская, античная, китайская и западная. Основных хронологических этапов также четыре: Шпенглер оперирует терминами "весна, лето, осень, зима". Как обычно, не выясняем, прав Шпенглер или неправ, но поскольку его концепция сформулирована и привлекла общественное внимание – она существует как *культурный* факт, и нас интересует структура этого факта.

Рассматриваемые логико-числовые закономерности, в частности четверичность, во многом подобны вышеупомянутым грамматическим закономерностям. Те и другие организуют концептуальную модель изнутри, обеспечивают согласованность и непротиворечивость составных частей, в связи с чем можно говорить о ее *внутренней грамматике*. Р.Якобсон подчеркивал "необходимую, принудительную роль, принадлежащую в речи грамматическим значениям и служащую их характерной отличительной чертой" [401, с. 464], то же можно сказать о логико-числовых значениях. При этом, однако, не требует доказательств, что грамматически, т.е. внутренне-логически, правильным может быть и содержательно ложный или совершенно фантастический текст. Поэтому в данных рамках мы не ставим вопрос об эпистемологической адекватности моделей. Положение радикально меняется, когда изучается реальность заведомо антропогенного происхождения, за которую ответствен образованный актор – примерам чего служили, в частности, политические системы Новейшего времени. Элементарная логика становится в этом случае руководством к действию, и формирующаяся реальность волей-неволей выстраивается в

соответствии с нею, о чем уже говорилось в разделе 1.4.2. Но это особенный случай, а вообще говоря, ничто не препятствует применению логики и к "сомнительным" или к явно выдуманным предметам. Воспользуемся следующей иллюстрацией.

Теософы, рассуждая о легендарных атлантах, утверждают не только то, что нам предшествовала совершенно отличная порода людей (трех – четырехметрового роста, обладавшая "третьим глазом" и паранормальными способностями), но и то, что она делилась на следующие основные расы: *желтую, черную, красную* и *коричневую* [219]. Такая точка зрения, заметим, транслируется в многотиражных масс-медиа, оказывая воздействие на общественное сознание.

В Древнем Египте при бальзамировании умершего его внутренние органы складывали в четыре кувшина. Каждый кувшин был посвящен одному из четырех гениев египетского подземного мира, связан с одной из кардинальных точек и имел форму божества, которому посвящен [109, с. 165].(3) В храме Абу Симбел стояли изображения четырех главных богов, один из которых – бог загробного царства (три первых освещались солнцем в дни весеннего и осеннего солнцестояний, последний же всегда оставался во тьме).

После "экзотических" примеров тетрарных моделей, касающихся общественной жизни, было бы несправедливо обойти молчанием общепринятое представление. Реймон Фёрс: "Все действия людей имеют *экономический* аспект, *социальный* аспект, *культурный* аспект и, конечно же, аспект *политический*" (цит. по: [62, с. 9]; курсив мой – *А.С.*). Деление общественной реальности на четыре названных сферы, наличие самостоятельных наук о каждой из них – факт общеизвестный.

Традиционная с конца XVIII и весь XIX в. тройка высших человеческих ценностей "истина – добро – красота" в XX веке дополняется до четверки. По крайней мере, по мнению Питирима Сорокина, высказанному в "Социальной и культурной динамике", существуют следующие разновидности: 1) ценности, происходящие в результате когнитивной деятельности (*Истина*), 2) ценности эстетического удовлетворения (*Красота*), 3) ценности социальной адаптации и морали (*Добро*) и, наконец, 4) ценности, конституирующие все остальные в единое социальное целое (*Польза*). "Любую социально значимую человеческую активность можно объяснить посредством этих четырех поистине универсальных категорий" [305, с. 21].

Аристотель называл четыре основные причины действительности: *материя*, пассивная возможность становления; *активная форма*, которую приобретает материя; *действующая* и

целевая причины, которые связаны с формой. Буддизм формулирует учение о "четырех благородных истинах": существуют страдание, его причины, состояние освобождения, путь к нему. Будда переживает Четыре Чрезвычайных Прозрения, которые предопределили его решение оставить семью, роскошную жизнь во дворце и стимулировали поиск просветления: старый человек с выпавшими зубами, седыми волосами, согбенным телом (дряхлость); человек, лежащий у дороги, мучимый неизлечимым недугом (болезнь); труп (смерть); монах с бритой головой, одетый в оранжевую накидку (духовный поиск).

На существенности четверичного модуля в естественнонаучных, общественно-исторических, шире: культурных, – моделях настаивает в своих работах А.Е.Чучин-Русов. При этом он упоминает буддизм, приводит мнение пифагорейцев и неопифагорейцев, что четверица – "изначальное, всему предшествующее число, корень всех вещей, источник Природы и наиболее совершенное из чисел", ссылается на А.Ф.Лосева, К.Юнга, М.Хайдеггера [375, с. 108]. В своей ведущей роли четверица постепенно вытесняет троицу [там же].

Уже в Новое время европейцы разделили Мировой океан на четыре составных компонента, сообразно четырем странам света: океаны *Атлантический* ("западный"), *Тихий* ("восточный"), *Индийский* ("южный"), *Северный Ледовитый* ("северный"). Излишне напоминать, что подобное географическое деление единого водного зеркала представляет собой чистую условность, наглядное выражение именно культурной матрицы.

Мы не ставили себе целью перечислить в настоящем разделе все разновидности научных, социально-политических, культурных тетрад, да это и невозможно. Однако о механизме их работы, а также о логике, которая за ними стоит, читатель, надеюсь, сложил определенное мнение. После чисел 3 и 4 пора обратиться к другим формообразующим представлениям.

Примечания

1 Так, Зенон из Элеи рассматривал в апории "Стрела" каждую очередную половину ее пути как "пройденную", "законченную".

2 В Японии ей соответствовали парии – "эта" (букв.: "переполненные грязью"), которые занимались убоем скота, выделкой кожи, изготовлением обуви и доспехов.

3 Кувшин с человеческой головой (юг) содержал желудок и большие кишки, с головой собаки (север) – тонкие кишки, шакала (восток) – легкие и сердце, сокола (запад) – печень и желчный пузырь.

1.5. Системы с иной логической структурой

Среди решений составленного для систем S уравнения – уравнения (5) раздела 1.2 – фигурировали "странные" варианты $M = \infty$ и $M = 0$, см. разделы 1.3 и 1.4. Независимо от того, какова заданная кратность отношений n, формально допустимо, что системы настоящего типа могут состоять из бесконечно большого числа элементов или вовсе не содержать таковых, по-прежнему квалифицируясь в качестве целостных и простых. Ранее предпочтение отдавалось логически "здравым", "позитивным" решениям $M = 3$, $M = 4$, а такие ситуации отодвинуты в сторону, теперь же попробуем приглядеться и к ним.

Актуальные бесконечности логика не любит рассматривать, полагая их немыслимыми по существу. Например, алгебра отказывается использовать соответствующее понятие, ибо, где появляется бесконечность, там рано или поздно обнаруживаются противоречия, парадоксы. Поскольку в нашем случае рабочее уравнение – алгебраическое, постольку и здесь, следуя традиции, следовало бы сразу отбросить бесконечное решение как не имеющее реального смысла. Однако традиции в культуре могут не во всем совпадать с традицией в алгебре, поэтому из осторожности воздержимся заранее отказываться от бесконечности, а за информацией о ней обратимся к смежным разделам математики.

У идеи математической бесконечности долгая предыстория, обязанная, в частности, геометрии, проблеме континуума, но в основном эта история сводилась к тому, как на практике бесконечностей избегать. Архимед, одна из горных вершин античной математики (наряду с Пифагором и Эвклидом), использует при вычислении сложных площадей и объемов так называемый "атомистический" метод, метод неделимых, оперируя очень малыми, но все же конечными величинами .(1) Для обоснования своего подхода он вводит понятие числа, большего любого другого, но при этом определенного, и пишет специальный трактат – "Число песка" (о числе, равном количеству песчинок в пустыне). XVII в. подхватывает эстафету, и Иоганн Кеплер (1571 – 1630), Бонавентура Кавальери (1598 – 1647), Пьер Ферма (1601 – 1665), Блез Паскаль отдают дань учению о неделимых в его различных трактовках.

Европейская математика XVII – XVIII вв. развивалась в союзе с

механикой, астрономией, и уже до Ньютона, Лейбница была подготовлена почва для будущих дифференциального и интегрального исчислений. По выражению Лейбница, "после таких успехов науки недоставало только одного – нити Ариадны в лабиринте задач, именно аналитического исчисления по образцу алгебры". Представления об актуальных бесконечностях – будь то бесконечно малое или бесконечно большое – действительно внутренне противоречивы. Например, бесконечно малая величина – отличная от нуля и в то же время меньшая всякой конечной величины – по существу носит мистический характер, такова же и бесконечно большая. Поэтому им было противопоставлено понятие потенциальной бесконечности.

С историей вопроса читатель либо знаком, либо может познакомиться, например, по очерку Г.М.Фихтенгольца в "Основах математического анализа" [343]. Методы флюксий и квадратур Ньютона опираются то на потенциальные, то на актуальные бесконечности, и подвести последовательно строгий фундамент под новое исчисление Ньютону так и не удалось. Его великий континентальный соперник Лейбниц испытывал в вопросах обоснования не меньшие затруднения. Используя актуальные бесконечности, критикам он отвечал, что "бесконечно малые" величины могут быть заменены "несравнимо малыми", каковыми являются, например, пылинка по отношению к Земле или Земля по отношению к небесному своду. Возможный путь решения Лейбниц иногда видел в том, чтобы считать бесконечно малые "фиктивными", "идеальными" понятиями, и даже прибегал к помощи пасующей прагматической эвристики: "Я высоко ценю старательность тех, которые стремятся все доказать, вплоть до первоначальных положений, и сам нередко прилагаю к этому старания; однако я не советовал бы чрезмерной тщательностью ставить преграды искусству открытия или под этим предлогом отбрасывать наилучшие открытия и самим себя лишать их плодов"" (цит. по: [343, с. 432]).

В таких вещах таятся глубокие логические проблемы, "проклятые вопросы" мышления, и дело, конечно, не в том, что Ньютон и Лейбниц будто бы с ними "не справились" – заповедная дверь, или ящик Пандоры, вновь были открыты: еще Зенон из Элеи обнаружил сопутствующие формулы парадокса. В XIX в. Огюстен Луи Коши (1789 – 1857), опираясь на декартово понятие переменной величины и на понятие предела, вроде, подвел, наконец, платформу под матанализ и изгнал из него даже скрытую мистику. Матанализ давно и успешно применялся в механике, оптике, астрономии, стали привычными неалгебраические, трансцендентные кривые и уравнения.

Практические достижения, подпитываемые здоровым мировоззренческим позитивизмом, на первый взгляд, не давали поводов для беспокойства. Оставалось "совсем немного" – заполнить брешь в строгом обосновании действительного (вещественного) числа, в установлении непрерывности области таких чисел. Этот вопрос частично затрагивался в разделе 1.3.

Георг Кантор (1845 – 1918) разрабатывает основы теории множеств, оперирует актуальными бесконечностями разных сортов (счетными и несчетными). Формулируется понятие трансцендентной величины (уже не только кривой или уравнения). Проблема континуума, кажется, дрогнула под напором величайших умов. Но вскоре в теории множеств обнаруживаются неразрешимые противоречия – так называемые парадоксы теории множеств, которым уделили значительное внимание, скажем, Б.Рассел, К.Гедель. "Недоказуемость" или даже "доказуемость недоказуемости" вновь дали знать о себе.

Человек издавна чувствовал вибрирующий нерв, связанный с представлением бесконечности, – еще до рождения строгой рациональности. Это нашло отражение и в распространенном у древних народов мифологическом образе *хаоса*.

Почему хаос и бесконечность во многом синонимичны? – По-видимому, из-за "неорганизованности" бесконечности, из-за ее "всеохватности". В популярных брошюрах нередко приводится наглядный пример: если посадить обезьяну за пишущую машинку, то она, достаточно долго долбя по клавишам, в конечном счете наберет все необходимое, чтобы выбрать из него, скажем, "Войну и мир" Л.Толстого. А это еще не бесконечный хаос. Если же он подлинно бесконечен, он содержит в себе все, что только можно вообразить, – отсюда представление о *порождающем хаосе*.

Древние греки считали: "Вначале существовал лишь вечный, безграничный, темный Хаос. В нем заключался источник жизни мира. Все возникло из безграничного Хаоса – весь мир и бессмертные боги" [170, с. 17]. Такого мнения придерживалось и большинство греческих философов, и не только греческих: китаец Ван Чун (27 – ок. 104 гг.) утверждал, что мир возник в результате разделения хаоса. Хаос – это состояние, когда "ци" еще не разделилось; после разделения чистые частицы образовали небо, мутные – землю [307:I, с. 77]. К мысли о креативной функции хаоса склоняется и современная синергетика.

Какое отношение вызывал к себе хаос? – Его безликость, подавляющая непостижимость таят в себе источник не только рождения, но и катастрофической гибели. Гегель заявляет о присущем разумным грекам страхе перед бесконечностью;

платоновско-аристотелевская картина замкнутого космоса – выражение ограниченного мироощущения "грека вообще". С ним, правда, полемизирует Я.Э.Голосовкер: "Миф, и особенно эллинский миф, есть запечатленное в образах познание мира во всем великолепии, ужасе и двусмыслии его тайн ‹…› Напрасно иные из современных мыслителей полагают, что замкнутый космос античного человека исключает идеи бесконечности и бесконечной глубины этих тайн. Бесконечность ужасала богов Олимпа уже у Гесиода. Те страшные переплетенные корни земли и всесущего, пребывающие в вечной бездне Вихрей под Тартаром, вызывали у них трепет и отвращение. Сознание эллина с содроганием отворачивается от них. Но оно знало об этой бездне великой бесконечности, как знало и о бездне бесконечно малого, об анаксимандровом "апейрон", ‹…› в этих якобы наивных мифах скрыто предузнавание "законов" мира и грядущих открытий науки" [102, с. 14-15]. Попытки выйти за границы, отмеченные столбиками человеческого рассудка, всегда чреваты угрозами; предстающее – как всякое необжитое и "чужое", как темные углы в детстве – вызывает мистическую боязнь. Так некогда Маной решился заглянуть за край земли и расплатился безумием.

В христианском мировоззрении атрибут всесторонней бесконечности присваивался исключительно Богу – кто или что в состоянии положить Ему предел? Для преодоления дегуманизированности Бог был представлен как Личность, но и это не избавляло Его от непостижимости, нуминозности и иррациональной же безграничной любви. Напротив, мир тварный автоматически конечен и благодаря этому подведомственен инструментам мысли, воли и чувств. По мере секуляризации идея бесконечности вторглась в научный обиход – логически компактными, обозримыми, но при этом неограниченными по протяженности были признаны, в частности, пространство и время, вместилища всего существующего и происходящего. Элиминация Бога, или "гипотезы Бога", из науки сопровождалась заимствованием дискурсивных черт, которые прежде адресовались только Ему. По известному замечанию, идея Бога вытеснялась идеей бесконечного пространства. В постклассический период, однако, вместе с включением "наблюдателя" и гравитации в общей теории относительности, вселенная вновь обретает конечность во времени и пространстве, и бесконечности либо сохранились исключительно в укрощенно-латентном виде (из-за континуальности), либо, если появлялись, стали только мешать (проблема сингулярности). Иногда в физике рассматриваются объекты с бесконечным числом степеней свободы (в известном смысле бесконечномерные), но здесь

бесконечность скорее формальная, ибо обязана тому, что отсутствуют "выделенные" направления движения. В наиболее строгих же и логически самодостаточных концептах явно превалирует финитизм – как, скажем, в теории доказательств Д.Гильберта, исключающей обращение к абстракциям бесконечности, требующей содержательности рассуждений, их соотносительности с конкретными знаковыми комплексами и оттого лишенных неясностей и сомнений.

В рамках нашей культурологической модели бесконечномерные симплексы – главным образом нонсенс. И хотя мы до некоторой степени в состоянии представить систему с бесконечно большим числом элементов – например, совокупность лиц местоимений, порожденную ситуацией диалога (n = 2, см. раздел 1.3) и состоящую не из трех (M = 3), а из бесконечного количества логико-грамматических мест, – такой вариант очевидно лишен практического значения. Поэтому решение M = ∞ (бесконечности); в основном оставляем за скобками, впрочем, отдавая себе при этом отчет, что его формальное наличие соответствует некоему следу в интеллектуальном переживании той же ситуации диалога и потому дает знать о себе в виде более или менее глухой коннотации. Последняя привносит специфический "иррациональный" оттенок в контекст, формирует фон или почву, на которых зиждится и взрастает вполне рациональный симплекс (в данном случае M = 3). Образно выражаясь, решение M = ∞ играет роль своеобразного моста, соединяющего совершенно иррациональную, неинтеллигибельную стихию (не схватываемую никаким числом вообще) с царством логики и числа. Статус бесконечности в качестве "получисла" – уже числа, но при этом лишенного определенности, величины – способствует выполнению этой задачи, сравнимой по характеру с процессом творческого порождения.

Отчасти сходное положение и с решением M = 0, сопровождающим все прочие "здравые" варианты. Как мы помним (см. начало раздела 1.4.1), при любой положительной кратности отношений n, наряду с "нормальным" случаем M = n + 1, выступает и этот: M = 0, – из-за чего к нему был применен эпитет "универсального". Несмотря на то, что элементов в системе нет и, казалось бы, не о чем говорить, в свое время мы отказались принять его прозвище "тривиального". Пора обосновать наш отказ.

Исторически числу нуль не очень везло. Человек знал уже много разновидностей чисел, даже иррациональных, но нужды в нуле долгое время не испытывал. Его по существу не ведал ни

Древний Египет, ни Вавилон, не востребовала и античность. Зачем считать то, чего нет? (2) Нуль – действительно странное понятие.

Если счет или измерение имеют дело с реально существующими предметами, то в данном случае число уже есть, а предмета – нет. Нуль в роли представления и обозначения начал-таки проклевываться в Вавилоне – для фиксации отсутствующего разряда при записи количеств. Запись и подсчеты велись на разграфленных табличках, и если в каком-то столбце ничего не было, то, чтобы не путаться и чтобы туда случайно ничего не попало, место занимали специальным значком [142].(3) Греки при вычислениях на абаке применяли особый круглый камешек с отверстием посередине. Таковы первые свидетельства о формировании категории *значимого отсутствия*.

Это были еще робкие попытки, нуль не обладал сколько-нибудь отчетливой самостоятельностью. На протяжении тысячелетий развития процедуры счета он сумел дотянуться лишь до статуса *цифры*, значка, но не настоящего числа, т.к. без сопровождения других цифр не означал ровно ничего. Часто на его месте по-прежнему оставляли пустое место.

Первыми, кто понял нуль именно как отдельное, реальное число, были, по-видимому, индийцы (по другим версиям, индийцы заимствовали его у китайцев [142, с. 178]). Вообще индийские математики отличались немалым своеобразием. С одной стороны, математики всех древних цивилизаций во многом повторяли друг друга, хотя и использовали разную символику, опирались на разные критерии убедительности. Вероятно, справедливо, когда историки говорят, что науку в современном смысле слова, в частности математическое доказательство, придумала ранняя античность и возводят последнее к риторическим спорам [128]. Публичные диспуты в Древней Греции были исключительно престижны, искусству обоснования своей точки зрения долго и старательно обучались (у софистов, философов). Победе в споре – перед лицом судей, сограждан, богов – придавалось и судьбоносное значение. Полагают, что Фалес (либо Пифагор) первым придумал способ "неотразимой" аргументации, финитное "что и требовалось доказать" до сих пор несет след той эпохи. Но словесное доказательство и убедительное знание – отнюдь не синонимы. У ученых может быть мотивация, весьма отличная от тщеславия греков. Иные из индийских математиков, например, вообще старались тратить поменьше слов. Вместо текста они помещали в рукописи рисунок для изображения, скажем, некоей геометрической истины и подписывали его: "Смотри!" [142]. Такая "голая" подпись

сопровождает, среди прочих, чертеж, за которым стоит остроумнейшее, кратчайшее доказательство положения, называемого нами теоремой Пифагора. "Очевидность" в таких случаях становилась буквальной. Но сейчас речь об арифметике, а не геометрии.

Индийцы (по мнению других, китайцы) ввели понятие отрицательного числа, уже Брахмагупта (ок. 598 – 660) уверенно обращается с ними (отрицательное число трактовалось как коммерческий долг [307:I, с.76]). В I в. н.э. в Индии был введен особый знак для нуля, и последний приобретает абсолютное позиционнное значение [224, с. 59], т.е. становится "настоящим" числом. От индусов – через арабов – представление о нуле пришло в Европу, но было здесь окончательно легитимизировано, как полагают, только в XVII в., вместе с Декартом! (Сам Декарт, впрочем, еще считал отрицательные число и нуль "ненастоящими", "ложными" числами [87, с. 136].)(4) В контексте же индийской культуры нуль выглядит совершенно органично. Во-первых, как только что отмечалось, оригинальны индийская математика в целом, и, скажем, К.Бойер констатирует: "Индусы были сильны в ассоциации и аналогии, в эстетическом и связанном с воображением чутье (flair), в то время как арабы были более практически мыслящие и приземленные в своем подходе к математике" [420, p. 252], цит. по: [152, с. 28]. Европейцы узнавали о достижениях индийцев от арабов, присоединяясь к упомянутым практицизму и приземленности. Во-вторых, более конкретно: индуизм и буддизм издавна были озабочены проблемой значимого отсутствия, у них оно является одним из онтологически, гносеологически центральных – наряду с пустотой, нирваной, избавлением от миража материального мира (из многих словесных обозначений нуля, например "небо", "дыра", в конечном счете больше всего у индийцев привилось название "шунья", пустое). Совершенно иная ориентация у нас, считающих своей духовной родиной Европу.

Европейцы действительно – особенно после Ренессанса – переняли от античности "предметность", "материальность" сознания. При такой установке прав Пифагор, называвший первым числом конкретную, явленную единицу, из которой ведут свое происхождение все остальные числа.(5) Похоже, некогда лишь элеаты подумывали об альтернативном пути (к ним мы еще обратимся), но генеалогия европейской мысли насажена на вектор, идущий от Пифагора через Платона, Аристотеля, средневековье к Декарту. Да, в условиях новой эпохи, новых задач европейцы заимствовали индийские понятия отрицательных чисел и нуля, но последнее и поныне осталось для нас во многом

чужим!

Наличное представление о нуле по-прежнему несет тот след ментальной несамостоятельности, тем более нецентральности, которыми отличались древнезападные представления от Вавилона до Греции. Мы обращаемся с ним не как с "субстанциальным", а как со вспомогательным, "операционным" объектом.(6) Нуль может быть решением каких-то уравнений, но зачастую самым неинтересным ("бессодержательным", "тривиальным"). Нуль, кроме того, – точка, разделяющая положительную и отрицательную области на числовой оси. Подобная геометрическая нагрузка в европейском понимании нуля придает ему несколько "кургузый" оттенок.

Ко времени Декарта завершена алгебраизация числа, т.е. отрыв его от реальных предметов (Декарт, после Виета, – автор современной системы обозначений, в которой вместо чисел фигурируют отвлеченные буквы [118]). Нуль окончательно легитимизируется в Европе именно в эпоху Декарта, автора геометрического метода координат, и "геометрический" метод лежит у истоков европейского мировоззренческого рационализма, будучи основой философских трактатов и самого Декарта, и Спинозы. Отделение числа от действительного предмета (абстрагирование), т.е. во многом – выхолащивание его реального смысла, вкупе с геометризацией привело к замене этих предметов геометрическими образами: число есть точка. Нуль – такая же "точка", как и остальные числа. Геометрия предполагает сенсорную зримость, наглядность, и о каком же *"настоящем"* отсутствии тогда может идти речь? Европейцы с самого начала "материализовали" нуль. Кроме того, арифметика и геометрия вообще принципиально различны.

Геометрия – хотя и древняя, но гораздо более молодая отрасль знаний, чем арифметика. Геометрия возникла в период оседлого образа жизни человека, в эпоху земледелия, строительства домов и мелиоративных каналов. Истоков же арифметики мы просто не знаем. Однако известно, что древние египтяне, перед тем как осесть, уже обладали довольно развитыми навыками счета. В разделе 1.1 упоминалось, что зачатками счета располагают самые первобытные племена и даже животные (кошка, ворона). Способен ли наш разум, не теряя себя, не утрачивая идентичности в ходе поиска, добраться до анализа столь глубинных основ?

Геометрии уже в эпоху Эвклида удалось придать последовательно стройный рациональный облик – как выражаются математики, аксиоматизировать ее: сформулировать несколько ясных и строгих положений, из которых дедуктивно

выводятся все остальные истины. С арифметикой подобного, несмотря на множество попыток, проделать не удалось. Более того, как уже отмечалось, в 1931 г. К.Гедель – в теоремах о неполноте – доказал, что это в принципе невозможно: мы волей-неволей будем упираться в произвольные положения (если истинны они, то не менее истинны и диаметрально противоположные). Античность же не только строго различала арифметику и геометрию, но и традиционно наделяла первую более высоким гносеологическим статусом [152, с. 32] – именно из-за того, что геометрия слишком привязана к чувственной реальности.

Поместив нуль в геометрическую оправу, европейцы во многом выхолостили его реальное содержание, они до сих пор во многом воспринимают его как нечто "наглядное", "материальное", "позитивное". Весьма отдаленное отношение к логико-арифметическому нулю имеет, в частности, аутентичное для "геометризованных" дифференциального и интегрального исчислений понятие бесконечно малой величины, которая к нулю неограниченно стремится, но никогда не достигает. Европейцы добились высокой искусности в методах огибания проблемы, в избавлении от нулей и бесконечностей, например, при раскрытии так называемых неопределенностей. Индийцы же находят мужество не отводить глаза, и их интуиция нуля несравненно богаче.(7) Если прибегнуть к помощи психоаналитических трактовок, европейцы как бы инстинктивно защищаются от чуждой им ментальной сущности, а ведь ничто, как известно, не может быть сильнее предубеждения. Повторим, мы обращаемся с нулем операционно, он – не предмет нашей внутренней жизни. Чтобы избежать опасной инфекции, мы прикасаемся к нему посредством пинцета.

В некоторых моментах нуль все же занимает присущее ему особое, центральное положение. Так, начало координат обычно помещается в точке нуль. В нуле пересекаются или из него исходят все разнонаправленные координатные оси. Даже на графиках, когда по одной оси мы откладываем, например, силы, выраженные в килограммах, а по другой – расстояние в метрах, в нуле они пересекаются, т.е. утрачивается различие между различными физическими единицами измерений. Отсутствие килограммов и отсутствие метров изображается одной и той же точкой, понимается как одно и то же; между логически разнородными понятиями в нуле стираются границы. Но это все же *геометрический* образ, питающийся сенсорными источниками. С ноуменальным же отсутствием наши отношения не безоблачны.

Нет, я далек от намерений представлять европейцев в роли

малосведущих варваров. И в нашей культуре есть следы чего-то подобного индийской дороге. Так, античность и позднее средневековье разрабатывают так называемый *апофатический* метод в богословии. В отличие от катафатического, он предполагает определение сущности Божества посредством системы отрицаний, с помощью того, чем Божество **не** является, см., например, "Об отрицательной теологии" Николая Кузанского [230:I, с. 93-95]. Поскольку Господь сенсорно невоспринимаем и непознаваем в положительных, утвердительных категориях, постольку предлагается получить о Нем некоторое представление, прибегнув к последовательности отрицаний, перечислению отсутствующих в Нем качеств. Апофатические рассуждения некогда достигли весьма высокой степени изощренности, но все же не они определяют лицо современной культуры. Наука отдает явное предпочтение констатирующе-утвердительным пропозициям, на которых главным образом и зиждется. Впрочем, и в науке, даже в таком материалистическом разделе как физика, находится место для упомянутой "апофатичности".

В XIX в. в фундамент термодинамики был заложены три конструктивных "не": невозможно построить вечный двигатель (первое начало термодинамики), невозможен вечный двигатель второго рода (второе начало), невозможно достигнуть абсолютного нуля температур (теорема Нернста, называемая иногда третьим началом). Термодинамика, несмотря на свою стройность, аксиоматическое построение, – достаточно странная наука, остающаяся в значительной мере концептуально обособленной от прочих, "позитивных" физических отраслей. В отличие от механики, электромагнетизма и пр., она позволяет находить формы физических процессов, не вдаваясь в их конкретный механизм. Внимание к формам, принципы запрета перекочевали затем в релятивистскую механику (невозможно определить абсолютную скорость движения) и в квантовую (принцип неопределенности Гейзенберга, принцип Паули…).

Да, с XIX и начала XX вв. наши философы и ученые делают шаг в направлении к Востоку и средневековью, все больше понимают формообразующую роль запретов и "не". Собственно, если бы у европейцев вообще отсутствовала способность понимать подобные вещи, не состоялся бы и нынешний разговор – ведь автор также воспитан в европейском образе мысли. В таких случаях культурологи говорят о "встречном влиянии": в данном случае о движении европейцев навстречу индийцам.

Но все же протянутые руки друг друга еще не коснулись, дистанция между ориенталистским нулем и европейским

остается значительной. Так, упомянутые начала термодинамики вскоре были переинтерпретированы в утвердительном, позитивном ключе (первое начало – закон сохранения энергии, второе – принцип неубывания энтропии"), под бок термодинамики почти тотчас подставили механическую, статистически-молекулярную подпорку. Хотя компетенция рационально-эмпирической наглядности ограничивается (особенно в квантовой теории, то работающей с ненаблюдаемыми величинами, скажем волновой функцией, то применяющей модель "черного ящика", то мыслящей посредством парадоксов или всерьез занявшейся недавней пустотой. т.е. вакуумом), однако для рассматриваемого здесь понятия значимого отсутствия до сих пор не построен прочный собственный дом. Главные акценты поставлены на "здравых", утвердительных тезисах. Так происходит не только в физике, но она удобна для иллюстраций, поскольку явным образом использует математику.

Европейское отношение к нулю, повторим, исполнено коллизий. В физике это находит отражение, в частности, в проблеме сингулярностей. Взаимодействует ли частица сама с собой? – Многое свидетельствует в пользу утвердительного ответа, но тут-то и возникают логические трудности. Беда в том, что расстояние от частицы до нее самой равно нулю, а все фундаментальные силы обратно пропорциональны расстоянию (взятому в определенной степени). Деление на нуль приводит к бесконечному значению сил, а допускать бесконечности в реальность в физике не принято. Не иначе – в релятивистской космологии. Если вселенная возникла в результате "большого взрыва", то каким было ее исходное состояние? Ученые очень близко подошли к "началу" во времени (до 10 -45 сек), но войти в него не удается – мешают те же бесконечности ("сингулярности"). Сходными проблемами физика буквально пестрит: это и расходимость волновой функции (появление бесконечностей, которые преодолеваются с помощью искусственных, не обоснованных приемов), и недостижимость нуля температур (для этого потребовалась бы бесконечная энергия). Некогда и дифференциальное исчисление, как упоминалось, благоразумно использовало величины неограниченно малые, но все же отличные от нуля. Нет, что-то не в порядке в датском королевстве: нуля мы тщательно избегаем, а как только сталкиваемся с ним вплотную, немедленно получаем интеллектуальную встряску. По-видимому, стоит вывести список примеров за границы физики, чтобы найти общий язык и с гуманитариями.

Молчание – взятое не как бессмысленное состояние

бездумной и бессловесной твари, а в качестве значимого, семантически насыщенного акта человека – служит одной из важнейших категорий религиозной культуры. Так обстоит на Востоке, особенно в ареале, подвергшемся влиянию буддизма: в Китае, Корее, Японии (в частности, в дзэн-буддизме). Так раньше обстояло и на христианском Западе. Обет молчания принимался добровольно или накладывался священником как во искупление грехов, так и для накопления духовных сил в преддверии совершения чего-то важного, требующего мобилизации всех психических потенций. На Иоанна Златоуста, с молодости демонстрировавшего незаурядные поэтические способности, в монастыре был наложен запрет на их применение, вообще на употребление слов. Спустя несколько лет его внутренний дар настолько окреп, что запрет был снят, и Иоанн стал тем Златоустом, которого мы помним без малого два тысячелетия. Во имя молчания люди затворялись в кельях, уходили в пустыни. Для обитателей Афонского монастыря, цитадели исихазма, молчание было одним из важнейших духовных упражнений. Об укорененности языка в молчании, о вслушивании в тишину Истины говорил Аврелий Августин. Задачей христианина является понять "вечное Слово, пребывающее в молчании" (Исп., XI, 6, 8), что возможно лишь интуитивно. "Внутреннее слово, рождающееся из такого вслушивания, соотнесено не с одной-двумя интеллигибельными формами, но со всеми, весь мир схватывается в таком слове целиком и сразу, без перехода от одного к другому" (О Троице, XV, 16, 26, цит. по: [226, с. 122]).

Такое молчание – значимое отсутствие слов, "нуль" слов, логически предшествующий речи и ее завершающий. Безмолвие – спутник величественного (например, высоких звезд) и ужасного (когда мы утрачиваем способность произнести хоть слово). Оно отнюдь не бессодержательно и не тривиально: по крайней мере, когда мы охвачены бурею чувств, слов может быть либо слишком много (но все, так сказать, неподходящие), либо мы умолкаем перед стеною невыразимости (тогда молчание красноречивее слов). Об экспрессии молчания знал Древний Рим, и Цицерон в речи против Катилины говорил: cum tacent, clament, их молчание есть громкий крик. А Моисей, выведший древних иудеев из плена и подаривший им монотеизм, отличался, как мы знаем, косноязычием.

Не только йоги, буддисты или наши религиозные предки имели дело с многозначительным молчанием, оно – так сказать, в разбавленном виде – составляет наше повседневное окружение. Мы используем паузы между словами, предложениями, пробелы в письме, которые существенны для передачи смысла сообщений. В

литературе, начиная самое позднее с Лоренса Стерна, в качестве выразительных средств используются пустые страницы, отсутствующие главы (русский читатель, наверное, вспомнит и пропущенную главу в "Евгении Онегине" Пушкина). Тот же Стерн вводит в тело романа рисунки – не как сопутствующие, побочные иллюстрации, а в роли конструктивного звена последовательно текущей речи. Столкновение семантически разнородного: слов и графических схем, – прием, призванный вызвать из небытия не только общую основу искусств (литературы и живописи), языка и зрительных образов, но и обнажить саму возможность сочленения принципиально, казалось бы, разделенного (именно в нуле, как мы помним, должны пересекаться оси с разной физической размерностью). В литературе XX в. – модернизме, авангарде – сходные приемы получают заметное распространение (такой факт, в частности, приходилось отмечать на материале творчества Леонида Аронзона, самого значительного, как мне кажется, петербургского поэта 1960-х гг. [309]).(8)

Та же роль, которую играет молчание в контексте слов, принадлежит *недеянию* по отношению к действиям. "В то время как Господь творит мир "деланием", Дао производит его "недеянием"", – пишет компаративист А.Уоттс (цит. по: [129, с. 72], первоисточник [448, p. 36]). "Недеяние", т.е. "нуль действия" ("наблюдающая пассивность"), – одна из важнейших категорий культуры Индии, Китая, Японии. Мария-Луиза фон Франц отмечает: "Восточный принцип, заключающийся в том, чтобы "ничего не делать", который принимается в качестве осознанной установки, приносит успех там, где энергичное сопротивление обычно приводит к поражению. Наше эго отстраняется и как бы пропадает" [349, с. 187].

Любопытно, что вместе с вниманием к древним культам интерес к молчанию, пустоте, недеянию возрастает и в современных социумах. В 1960-е гг. в условиях очередной технологической, социо-культурной революции (начало перехода к информационному обществу) эти идеи становятся достоянием западной поп-культуры. Процесс возрождения протекает не только в профанической сфере. Самые серьезные ученые – в России это, например, С.С.Хоружий – исследуют упоминавшийся исихазм, соответствующие представления инсталлируются в синергетику. Ю.А.Урманцев, сравнивая тектологию А.А.Богданова с общей теорией систем, обсуждая источники развития, обращает внимание на "всевозможные дву-, одно-, *нол*ьсторонние действия между элементами системы" [338, с. 22]. (В скобках отметим: тектология, изучающая принципы организации природных и социальных объектов, кодифицируется Ю.А.Урманцевым в

качестве специфически "четвертой": "Тектология – междисциплинарная наука. Всего лишь четвертая в истории человечества после философии, математики и логики. Однако в отличие от последних тектология возникла тысячелетия спустя после их рождения. Она резко, качественно отличается и от философии, и от математики, и от логики – хотя бы по предмету, решаемым задачам, эмпирической природе" [там же, с. 15]). Древность и новейший период, духовно-религиозные комплексы и положения естественных наук, пребывающих на самом острие прогресса, в очередной раз встречаются, демонстрируя взаимное соответствие.

К древнеиндийской по генезису пустоте нам еще придется вернуться (*Приложение 2*), поскольку иногда она понимается глубже, чем просто отсутствие, т.е. нуль, но логически интериоризируется, превращается в метод мышления: "пустотное мышление".

Представление о нуле нередко используется в классификациях. Так, в языках с артиклями оно привлекается для описания значимого отсутствия артикля: "В случаях, когда артикль отсутствует, говорят о "нулевой форме" артикля или о "нулевом артикле"" [422, S. 304]. Таким образом, полный набор: артикль отсутствующий, неопределенный, определенный, – может быть представлен рядом (0, 1, 2), чья работа, впрочем, практически не отличается от схемы (1, 2, 3), соответствующей, скажем, системе личных местоимений (первое, второе, третье лица).

Представление о нуле оказывается полезным при описании и других грамматических реалий. В разделе 1.3 фигурировала система времен (прошлое – настоящее – будущее и их производные), опирающаяся на бинарное отношение предшествования или следования. Однако у глаголов существует и ранее неупоминавшаяся форма – *основная*, или *инфинитивная*. В отличие от остальных случаев, глагол здесь выступает в "ахронической" роли. Безотносительное ко времени действие служит своего рода фундаментом или "лоном" для тех же действий в "позитивных" временах (прошлом, настоящем или будущем). Подобный статус и выражается порядковым числом нуль: время в собственном виде еще (или уже) отсутствует, но его предварительное условие субстантивировано в самостоятельной форме.

В связи со сказанным, вероятно, имеет смысл возвратиться к системе общественно-экономических формаций марксистской теории. "История – борьба классов", и последовательность рабовладельческого строя, феодализма, капитализма

предлагалась в качестве иллюстрации данного тезиса. Согласно доктрине, вслед за тремя перечисленными наступает четвертая формация, коммунизм, с одной стороны, демонтирующий антагонистические классы, а с другой – прекращающий ток истории, олицетворяющий гегелевский "конец истории", ее преодоление, выход за ее рамки. Однако наряду с тремя классическими и эсхатологической четвертой формацией упоминалась еще одна. Родовой, первобытно-общинный строй отличался бесклассовою структурой, был *доисторическим*, и таксономическое описание ряда предстает в следующем виде:

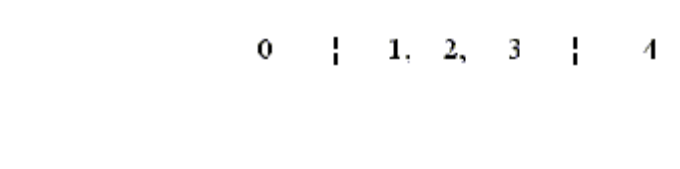


Рис. 1-18

Родовая ступень отличалась мифологическим, т.е. "ахроническим", самосознанием, за свою бесклассовость она заслужила наименование "первобытного коммунизма". Нулевые и четвертые звенья, ограничивая историю снизу и сверху, вступали между собой в семантическую перекличку, оказывались в определенной мере подобными (там и там "коммунизм"). Прав также тот, кто заметит в предъявленной последовательности пяти элементов композицию из двух тринитарных схем: общество бесклассовое (тезис) – классовое (антитезис) – снова бесклассовое (синтезис) на первой ступени; классовое, т.е. историческое, в свою очередь, делится по критерию раньше-позже ($n = 2$) на три этапа (рабовладение, феодализм, капитализм, $M = 3$), – однако для нас в данном случае более важен акцент на интимном родстве типологических нуля и четверки.

Нулевое решение, как ранее отмечалось, – универсально, т.е. сопровождает все другие решения. Родовые структуры, аналогично, всегда были и будут присущи любому обществу, любой формации. К ним относятся, скажем, семья, система родственных связей и даже мафиозные кланы. Система тесных личных контактов, по утверждениям антропологов, до сих пор воспроизводит структуру древней общины, деревни и включает в себя несколько десятков человек. Когда мы изучаем цивилизованные социумы, такие институты и неформальные общности обычно отодвигаются на второй план, выступая в качестве субструктур. Соответственно, упомянутая семантика

"нуля", привязанная к первобытной стадии, играет роль относительно глухой коннотации, сопутствующей более развитым и эксплицированным структурам.

По сути та же конструкция, что и в марксизме, свойственна и затрагивавшейся в разделе 1.4.1 совокупности главных персонажей "Братьев Карамазовых" Достоевского. Помимо трех законных сыновей (Дмитрия, Ивана, Алексея) и одного незаконного (Смердякова), к семье и совокупности главных героев может быть отнесен и их отец, Федор Карамазов. Фактор отца – порождающее, логически предшествующее или "установочное" начало; подобная "расширенная" система описывается той же схемой рис. 1-18. По критерию имморализма и "подлости" нулевой и четвертый элементы и в настоящем случае сопряжены. Таким образом, Достоевский вступает в полемическую перекличку не только с "Тремя мушкетерами" А.Дюма, но и с семантической подноготной коммунистического учения, отлично известного ему начиная с кружка Петрашевского и не упускавшегося из вида уже никогда. Дезавуировано не только типологически четвертое, но и нулевое звено, что соответствует неприятию автором не только утопически-социалистических, но и еще более распространенных просветительских мотивов – специфического возвышения первобытного состояния как "естественного". Руссоизм, заметим, был вполне усвоен марксизмом: доисторический родовой строй лишен угнетения, его люди, согласно Ф.Энгельсу [387], непринужденны, преисполнены достоинства, независимы и горды. Достоевскому, напротив, чужда и тень идеализации исходно-"естественного" состояния – будь то детство, природа, патриархальность. В его творчестве непредставимы произведения вроде "Детских годов Багрова-внука" С.Аксакова или "Детства" Л.Толстого – с розовой идиллией детства, деревни. Детство в полной мере причастно страданию, боли, смерти, вообще нулевые звенья – "проклятые", отталкивающ и ведомый природными инстинктами Федор Карамазов.(9) Да, семантически нулевой элемент есть порождающая почва, основа, предыстория всех последующих, но автором он осужден, разоблачает сам себя. Если в марксистской теории прекрасный идеал коммунизма воскрешает невинно-блаженное родовое общество, то у Достоевского гадкая четвертая фигура подло убивает почти столь же отвратительную нулевую ("одна гадина убивает другую гадину"). Указанный ментальный опыт стоит учесть при инвентаризации смыслов нулевых позиций.

Логически (но, разумеется, не оценочно) сходная ситуация наблюдается и в системе грамматических лиц некоторых языков.

В немецком, наряду с классической тройкой личных местоимений: ich, du, (er, sie, es) [русский эквивалент: я, ты, (он, она, оно)], см. раздел 1.3, – присутствует и *неопределенно-личное* местоимение **man**. Как и другие, оно выражает наличие обобщенно-личностного фактора, однако, в отличие от остальных, данный фактор лишен характерной определенности (о чем свидетельствует и этимология: местоимение man происходит от существительного Mann, исходно означающего "некий человек" [422, S. 583]). Подобный статус – личное местоимение уже есть, лицо же еще не оформлено – роднит названное местоимение с функциональной позицией первобытно-общинного строя в ряду общественно-экономических формаций марксизма, и следовательно, его тип описывается с помощью числа нуль. Однако приведенная коннотация – не единственная.

XX век выносит на первый план и другое имплицитное значение. Безликость, понятая как разновидность лица, позволяет использовать man для выражения процесса отчуждения (см. еще Гегель). Хайдеггерово Man (das Man) – на сей раз с большой буквы – используется в качестве имени той дегуманизированной, подавляющей индивида сущности, которая обретает самостоятельное бытие в новейший период и воплощает абстракцию человеческой общественности.(10) В роли специфически модернистского феномена, в роли не предпосылки, а конца всех лиц, Man явным образом претендует на четвертую типологическую позицию, и "расширенная" система личных местоимений, вернее сопряженных с ними понятий, приобретает следующий вид:

man	1P., 2P., 3P.	Man

Рис. 1-19

В данном случае нет нужды специально доказывать сопряженность нулевого и четвертого звеньев, как и того, что четвертый элемент аксиологически негативен (ср. Достоевский). В тех языках, где самостоятельное неопределенно-личное местоимение отсутствует, его функцию в сообщениях в состоянии брать на себя другие лексические единицы: в английском это существительное people, местоимение в третьем лице во множественном числе they или универсальный эрзац существительных и имен one, по-русски в качестве аналога Man могли бы выступать "Это", "Оно", хотя при переводах хайдеггеровских текстов обычно сохраняют оригинальное наименование Man.

Выше упоминалась инфинитивная форма глаголов. В качестве вневременной, она аналогично – как логически предшествует трем основным временам (прошлому, настоящему, будущему), так и следует вслед за ними. Согласно богословским прозрениям, Слово, или Логос, существует *от века*, предваряя сам акт Творения (см. "В начале было Слово" Евангелия от Иоанна или более подробные рассуждения бл. Августина). Второе Пришествие, установление Царства Божьего сопряжено с прекращением тока времени: "времени уже не будет" ап. Павла. Грамматическая герменевтика ассоциируется с теологической, и инфинитив стяжает функции не только типологически нулевого, но и четвертого звена.

Подобная схема воспроизводится с завидным постоянством. Наряду с упомянутыми (местоимение man, инфинитив, пары "первобытный коммунизм – посткапиталистический", "Федор Карамазов – Смердяков"), она реализуется в партийной идеологии XX в.: и большевизм, и национал-социализм в роли "четвертых" (после либерализма, консерватизма, социализма XIX в.) в условиях новейшей технологической эры стремятся возродить заветное праисторическое состояние, будь то "первобытный коммунизм" или священный рейх. Принятый в этих случаях оксюморон "цивилизованное варварство" объединяет два предельных состояния: конечное и начальное. Читатель, возможно, обратит внимание на известную стилистическую брутальность, порой сопутствующую основной форме глагола: мы используем ее в функции повелительного наклонения ("молчать!", "лежать!"), – тот же оттенок присущ и комплементарным

политическим феноменам.

Чтобы быть более точными, рассмотрим систему основных идеологических типов более подробно. Вслед за классической тройкой XIX в. либерализм – консерватизм – радикализм (социализм) на политическую арену XX выступили типологически "четвертые" – большевизм, нацизм (фашизм), фундаментализм , (11) гальванизирующие, соответственно, классовую, национальную и религиозную стихию. Но системе массовых партий как таковой хронологически предшествовала ситуация абсолютизма (количество партий и порядковый номер здесь M = 0):

допартийное состояние ¦ либералы, консерваторы, радикалы ¦ большевики,
нацисты (фашисты),
фундаменталисты

Общеизвестно, что в странах, где к власти приходили "четвертые", расцветал вождизм, который хотя и не полностью совпадает с монархией, но воспроизводит ряд ее черт; о соответствующих партиях говорят, что это уже и не партии вовсе, а нечто другое (т.е. "настоящие" партии в тоталитарных странах отсутствовали). Нулевое и четвертое звенья семантически перекликаются. Применительно ко всем примерам: при "расширении" сознания, при встрече с нулевым и четвертым элементами человек нередко переживает фрустрацию.

Нуль и бесконечность, семантику решений M = 0 и M = ∞ порой трудно оторвать друг от друга. Об этом, собственно, шла уже речь. Разбиение на крайне малые составные части ("дифференциалы") приводит к необъятно-огромному количеству таких частей, если берется нечто конечное, обыкновенное по размерам. Любой отрезок числовой оси состоит из несчетного множества точек. "Сингулярности" в физике – это сопряженные бесконечности и нули. Медитативное молчание, упражнения на представление пустоты были призваны на Востоке свидетельствовать о позитивно не существующих сущностях, обладающих, однако, непостижимо-колоссальным, всеохватным значением.(12) Мистический ужас, некогда вызывавшийся бесконечностью, нередко корреспондирует с переживанием отталкивающей "нечистоты" и нулевых форм. Приближение и к тому, и к другому преисполнено опасностями и требует незаурядного мужества. Мыслители Ренессанса зачастую апеллировали к образу круга, издавна служившему наглядной картиной идеи целостности, полноты, самодостаточности; при этом заключенных в круге направлений – бесконечное

количество, однако нет ни одного *выделенного* направления (M = 0). Подобные иллюстрации, конечно, не Бог весть как убедительны, но в свое время они пользовались успехом. В нашем контексте нули и бесконечности выступают в качестве целостных и простых, поскольку мы вообще рассматриваем только такие системы. Вероятно, они могли бы играть роль *само собой разумеющегося*, если бы мы были вскормлены индийской или японскою мамой или воспитаны в подходящем старом христианском монастыре.

"Странные" решения M = 0, M = ∞ сопровождают все остальные, "позитивные" решения M = n + 1, в частности M = 3, M = 4. Какой бы ни была конструктивная кратность отношений n, варианты M = 0, M = ∞ оставляют свой логический след в виде своеобразной универсальной коннотации (в известном смысле здесь преодолеваются границы и снимается противоположность между различными "позитивными" парадигмами M, например между M = 3 и M = 4). Если система организационно определена, то на переднем семантическом плане фигурируют "обычные" структуры – те же M = 3, M = 4, – тогда как бесконечность и нуль остаются в "подтексте". Если же выбор определенной величины n по каким-то причинам не совершен, то не складываются и соответствующие им структуры M = n + 1, – в этом случае бесконечности и нули оказываются единственными репрезентантами смысла. Такая ситуация в известной степени характерна, например, для *переходных* этапов, в процессе смены типа мышления, отказа социальной или когнитивной системы от одной величины n в пользу другой. Переход, таким образом, часто реализуется через период неопределенности, когда отсутствует любая из "позитивных" структур M = n + 1 и, следовательно, обнажается стихия M = 0, M = ∞. Подобное явление хорошо знакомо по социально-политическим революциям, коренным образом изменяющим структуру общества и при этом производящим впечатление исчезновения всего привычного, еще вчера казавшегося незыблемым и наступившего въяве хаоса. Сходные исчезновение и хаос присущи и культурным революциям – прежняя концептуальная опора рухнула, новая еще не возникла, и внутреннему зрению современников предстает разверзнутая бездна, либо вызывающая панику, либо побуждающая обратиться к услугам произвольного воображения со слабыми логическими корнями. В религиозных видениях переход от одного мира к другому сопровождается не только апокалиптической катастрофой, но и своеобразным "обнулением" прежней реальности: небеса (в современной транскрипции: пространство)

сворачиваются как свиток (Откр. 6, 11) и "времени уже не будет". Сказанное, возможно, и не нуждается в специальных иллюстрациях, поскольку свежа память о свойствах перехода к структурам M = 4 в обществе и культуре (см. раздел 1.4). Можно было бы сказать, что решения M = 0, M = ∞ исполняют роль своеобразного "лифта" от одной позитивной величины M к другой, если бы психологически процесс трансформации не воспринимался вначале как ничем не ограниченное падение и только затем как подъем к новому порядку.

После бихевиоризма, исследований по физиологии мышления трудно удержаться от искушения подойти к тем же решениям с точки зрения нашего организма, физического "переживания истины". В свое время "гипотеза о роли тела в познавательном процессе, высказанная Бергсоном в "Материи и памяти", произвела большое впечатление на Лосского, который затем опирался на нее при обосновании своей концепции интуитивизма" [55, с. 157]. С помощью каких ощущений нам удается прикоснуться к парадигмам M = 0, M = ∞ ? Если восприятие тройственности подпирают "трехмерный" вестибюлярный аппарат, бинокулярное зрение, стереоскопический слух, если кватерниорности соответствуют две пары оппозиций человеческой морфологии: правая-левая, передняя-задняя стороны, – то что в состоянии сыграть роль поддержки вариантов M = 0 и M = ∞ ?

Когда говорят об организованных ощущениях, обычно апеллируют к внешнему опыту. Но наряду с ним существует и опыт *внутренний*. Нет, здесь не имеется в виду все богатство последнего, человеческая способность имагинации, интроспекции, возможность мысленного манипулирования образами и категориями. Хотелось бы назвать нечто гораздо более тривиальное – своеобразное "первобытное" чувство. Что стоит за упоминаниями понимания *сердцем*, а не умом? И почему именно сердцем?

Роль этого органа человек определил в результате длительного самонаблюдения; на "мышлении сердцем" настаивали, в частности, исихасты, Григорий Палама, разрабатывавшие соответствующие специальные методы, а Игнатий Брянчанинов призывал: "Постараемся привести сердце в безмолвие, в этом сущность монашеского подвига" [135, с. 10-11]. На Востоке сердце считалось самостоятельным (шестым) органом чувств, "вместилищем мысли" (так говорил, в частности, Бай Юй Цзин). Анатомически сердце – мышечный мешок, состоящий из особых, но, упрощая, *гладких* мышц. В топологическом плане гладкие мышцы – почти то же, что круг или сфера(13):

направления для сокращения и растяжения в них бесчисленны и выделенного (в отличие от волокнистых и поперечно-полосатых) – ни одного. Я не делаю упор исключительно на сердечную мышцу, хотя ритм ее напряжений и пауз, похоже, во многом связан с мышлением. Процесс мышления всегда, по заверениям физиологов, сопровождается неосознанной мышечной деятельностью, и сейчас речь идет о гладких мышцах. По своей топологии они – самые древние, наследники стадии, когда еще отсутствовала специализация мышц. О том, что наше бессознательное хранит память о всем эволюционном развитии, включая уровень "амебы", неоднократно напоминал К.Юнг. Что является предпосылкой этого в физиологическом плане? Не хочу продолжать незрелое упражнение – что делать, если о встречах анатомов, топологов, психологов, культурологов я не слышал? – достаточно только упомянутой особенности данной разновидности мышц: $M = 0$ и $M = \infty$. Что имеется в виду, когда говорят о "нутряном" понимании, о понимании "всем существом"? Не будем вдаваться в подробности – той же топологической характеристикой $M = 0$ и $M = \infty$ отличается не только сердце, но и легкие, желудок(14) – ограничимся для примера только сердцем.

Слова – сколь бы стройно они ни были выстроены – сами по себе не способны достигнуть другого человека. В том, наверное, приходилось не раз убеждаться при объяснении задачки ли, теоремы двоечнику: единственной реакцией на все объяснения остается бессмысленное хлопание глазами, и ничто не в силах пробить брешь в железобетонной стене. Мы сами во многом такие же двоечники, когда держим свое сердце наглухо затворенным. Без участия сердца, без его предрасположенности вообще ничто невозможно понять. Напротив, даже для уяснения, что дважды два равно четырем, необходимо вспомоществование той *интуиции*, того амбивалентного ("мучительно-сладостного") "утробного чувства", которые ответственны и за наипронзительные озарения. Самое первое, еще неотчетливое и приблизительное, и самое последнее, окончательное понимание формируют эсхатологический акт, именуемый актом мышления.

Нет, я ни в коем случае не предлагаю эти сырые тезисы на роль *объяснения* структур $M = 0$ и $M = \infty$. Так же, как в примере с трехмерностью пространства, наши органы чувств – лишь скудная предпосылка, намек на действительное положение дел. В равной мере это относится и к названной разновидности "внутреннего чувства". Но коль речь зашла об анатомии, еще один пример.

Рассмотрим плод в материнской утробе. В пренатальный

период младенец не только пребывает внутри, в чреве матки, но и соединен с материнским организмом пуповиной. Схема, грубо говоря, такова:

Рис. 1- 20

Что внутри и что снаружи в рамках такого строения? Плод пребывает в утробе, т.е. внешним, "объемлющим" является мать. Но через посредство пуповины плод включает в себя то, что его окружает, и мать тогда оказывается "внутренним". Внутреннее и внешнее "перепутаны", слабо отличимы друг от друга.

В геометрии образцом ограниченного объекта, в котором внутреннее и внешнее совпадают, служит точка, т.е. *нульмерный* объект. Если бы перед геометром поставили задачу построить трехмерное тело, логически более всего напоминающее точку, он нашел бы строение рис. 1-20 одним из самых простых и удачных. (15)

Процесс зарождения и созревания новой жизни необыкновенен и в хронологическом плане. Биогенетический закон Эрнста Геккеля гласит: во внешних рамках в девять месяцев плод успевает преодолеть практически все ступени земной эволюции длиной в миллиарды лет (онтогенез повторяет филогенез). Большое умещается в малом; нечто похожее – но уже в интеллектуально-психологическом аспекте – продолжается и в детские годы: в течение трех первых лет мы накапливаем информацию, на порядки превосходящую по объему все, что удается вместить за десятилетия, проведенные в библиотечных залах.

Создатель новой философской антропологии А.Гелен указывает на сходные формообразующие черты в человеке вообще: "Скрещение или смешение того, что приходит изнутри и снаружи, заходит у человека неограниченно глубоко и, пожалуй, до самого ядра его сущности" [424, S. 615], – и в связи с этим

напоминает о концепции Портмана о "внематочной весне" (extra-uterine Fruehjahr). Согласно Портману, новорожденный младенец представляет собой нормализованную разновидность преждевременно рожденного ("недоноска"), поскольку на протяжении года после рождения не располагает ни сообразными движениями, ни средствами коммуникации (языком). Это означает, что процессы созревания и роста, которые должны были бы по-прежнему происходить в материнском теле, отныне открыты влиянию бесчисленных источников внешнего окружения. Гелен распространяет эту модель и на взрослых, определяя человека как "эмбриональное" существо [ibid, S. 616], вбирающее в себя реалии общественной жизни. К такому представлению непосредственно примыкает дефиниция человека как "половозрелого зародыша обезьяны", предлагаемая некоторыми биологами. Если наука современного Запада и не воскрешает непосредственно восточную парадигму сопряженной пары $M = 0$, $M = \infty$, то ряд ее черт все же воспроизводится.

Процедура сходного построения была отлично известна средневековому Западу. Религиозная практика полного препоручения человеком своей воли воле Господа – при том, что Его чаемые царство и образ "внутри нас" – конституируют изоморфную ситуацию: то, что внутри, оказывается всеобъемлющим внешним, а всеохватывающее внеположное (Бог на небесах) интериоризируется, будучи принято сердцем. При этом к европейской специфике относится то, что подобная встречная инверсия осуществлялась в первую очередь применительно к *волевым* качествам человека, а не столько к акцентированным сознательным или чувственным, как на буддийском Востоке. Как бы там ни было, данные начала (которым соответствует описание $M = 0$, $M = \infty$), доставляющие столько неудобств нашему рассудку, являются чем-то совершенно простым и обычным, хотя их постижение, возможно, легче дается детскому или мифологическому мышлению.

Образец младенца в утробе матери по существу взят в качестве отправного в индийской, в частности буддийской, гносеологии. Человеку не дано знать, что на самом деле происходит снаружи, в окружающем мире, ибо он узнает о нем сквозь пелену своих субъективных чувств и мнений; внешний мир есть "майя", т.е. призрак. То же справедливо применительно к внутреннему миру, т.к. мы познаем себя с помощью категорий, заимствованных из внешнего мира, из мнений других людей. Однако для буддистов это не основание для агностицизма. Есть еще один вариант постижения истины, а именно: не направлять свою мысль ни наружу, ни внутрь, а держать ее на стыке того и

другого, там, где они совпадают и где исчезает иллюзорная предметность. Открытые таким образом истины автоматически верны, и знание полностью адекватно реальности. Состояние нирваны, или освобождения от суеверий мира сего, от наваждений, в отличие от суждений о нем европейцев XIX в., не равноценно самоистреблению, а напротив, синонимично открытию бытия и знания в их предельной полноте. Существа, достигшие его, суть будды, или боги (бессмысленно спрашивать, сколько их: любое количество нулей в сумме дает тот же нуль, и они не поддаются позитивному пересчету). На этом пути достигается подлинное всемогущество, и, скажем, бодхисатвы, пребывающие в нирване, могут, не утрачивая идентичности, одновременно появляться в разных точках пространства и времени, ибо последние не более, чем наваждение, значимое лишь для "непросветленных". В этом случае не существует также отрыва теоретического знания от практического (т.е. умения), пропозиция "знание – сила" выступает в гораздо более буквальном смысле, чем у Ф.Бэкона, а гносеология в конечном счете оказывается тождественной онтологии. Неактивность здесь совпадает с активностью, способ мышления Индии существенно задействовал интуицию нуля (в отличие от европейцев, отдающих предпочтение предметной единице). Дзэн-буддизм, сходным образом, отказывается как от имманентизма, так и трансцендентализма в отдельности в пользу их совместности. Шуньята, или пустота, не имеет противоположностей [325, с. 231], снимается и противоположность объекта с субъектом [там же, с. 232]. Современный комментатор так говорит о татхате, т.е. о неназванных, неконцептуализированных вещах: "Татхата там, где Бог был еще в состоянии полного самоудовлетворения, когда Он еще не представил себе идею или не проявил еще волю для творения, когда Он еще не произнес Свое "Да будет свет"" [там же, с. 239].

С 1960-х гг. на Западе наблюдается всплеск интереса не только к восточным и архаическим учениям, но и к психоделическим опытам. Откликаясь на социальный заказ, Станислав Гроф предпринимает исследование человеческого бессознательного с помощью ЛСД. При этом осуществляется открытие области перинатальных переживаний (т.е. соответствующих пребыванию в утробе матери, рождению, первым месяцам жизни). Внутриутробному состоянию отвечают полный блаженный покой, ощущение слияния с матерью и космического единства (так называемое океаническое сознание). Здесь преодолевается дихотомия субъект-объект, испытываются сильные положительные эмоции: мир, спокойствие, радость,

безмятежность, – возникают особые чувства сокровенности, чистого бытия, трансцендирования времени и пространства [109, с. 104]. Подобный опыт невыразим, и в передаче его природы и значения ошибочны любые лингвистические символы и структуры языка. Он также преисполнен парадоксами и нарушениями "здравой" логики. Я и мир – существуют и не существуют одновременно, формы материальных объектов пусты, а пустота обладает формой. Вселенная есть "тайна, которую надо пережить, а не загадка, которую надо разгадать". Один из выводов гласит: "Стремление снова восстановить состояние тотального совершенства, однажды пережитого в материнской утробе, оказывается первичной мотивирующей силой каждого человеческого существа" [там же, с. 112]. Гроф обнаруживает явные параллели с положениями индийской культуры и использует для описания необычного для современных западных людей опыта аутентичные для Индии категории. Кто скажет после этого, что на полях, так или иначе сопряженных с нулем, не выстроен целый мир?

С семантикой нуля (и ассоциированной с ним бесконечности, хаоса) перекликаются и другие культурные явления. На протяжении тысячелетий в различных местах земли считалось необходимым периодическое проведение обрядов и празденств, призванных "обновить" окружающий мир, дать ему новое начало, для чего предварительно его нужно провести через его собственную противоположность. У многих древних племен и народов существовала традиция раз в год отказываться от строго регламентированных общественных отношений (снятие табу на ненормированные брачные связи, отмена охотничьих запретов и т.д.). Оргиастические акты служили восстановлению "постаревшей" жизни и повышению плодородия. У язычников-славян такое "освобождение" приходилось на праздник Ивана Купала, в Древнем Риме – на сатурналии, в средневековой Европе – на карнавалы. Европейская "карнавальность" подвергнута исследованию в одной из самых глубоких работ М.М.Бахтина [41]. В ходе праздненств исчезали границы между вещами: между сословиями, полами, людьми и животными (переодевание, изменение поведения), – практиковалась инверсия, т.е. превращение в противоположность: одежда выворачивалась наизнанку, уродливый нищий избирался царем карнавала и ему оказывались царские почести (ср. исчезновение границ между разнородным и тождественность противоположного и в нуле). Абсурдное действо обретало тотальный, космический смысл ("пир на весь мир") и трактовалось как возвращение "золотого века" (не из мифологемы четырех веков, а ближе к варианту Гесиода: в

доисторическом дозевсовом "золотом веке" у власти был Кронос, который и основал ахроническое царство справедливости и блаженства). Временн? я ограниченность карнавала, ореол "исключительности" побудили М.М.Бахтина отнести его всего лишь к рекреативной культуре, но таков же характер семантики и нуля, в обычных условиях пребывающей за кулисами жизни, в тени легальных нормативных структур и открыто выступающей на арену только в особые моменты.

Сказанное обладало бы сугубо историко-культурным значением, если бы не имело прецедентов и в новейший период. Молодежные движения 1960-х гг. актуализировали элементы не только вышеупомянутых индийского, архаического, психоделического сознаний, но и только что названного карнавального. Хиппи, эти "дети цветов", одевавшиеся нарочито асоциально и "карнавально", активно выступили против наличных ("лицемерных", "лживых") норм, соблюдая их с точностью до наоборот; сексуальная революция – тоже их вклад. Самые знаменитые лозунги студенческой революции 1968 в Париже: "Будьте реалистами – требуйте невозможного!" и "Запрещено только одно – запрещать". Дух 1960-х гг. при всей его утопичности и недооформленности отнюдь не был чистой эклектикой (буддизм, йога, шаманская психоделика, средневековый европейский карнавал, не говоря о маоизме, троцкизме) – во всех составных компонентах интуитивно верно уловлено наличие общего. И хотя у организационно пестрого и аморфного движения отсутствовала ясно артикулированная социально-политическая программа, хотя почти ни одна из заявленных целей, на первый взгляд, не оказалась достигнутой, на деле же изменилось едва ли не все, кардинально преобразилась сама атмосфера западных обществ. Поэтому революцию 1968 теперь сравнивают по последствиям с "настоящей" революцией 1848, затронувшей целый ряд стран и приведшей к фундаментальным сдвигам в общественном сознании и культуре (об этом см. главу 2).

Биологи утверждают, что человек использует лишь 5 – 7% возможностей собственного мозга, и задаются вопросом, зачем нужен такой большой "запас" (ср. сходная ситуация и с так называемой "скрытой массой" вселенной, составляющей 90% от общей). Это типичный образец европейски-позитивистского способа рассуждений: то, что непосредственно не вовлечено в активную, манипулятивно-отдифференцированную деятельность, то, что "нетехнологично", кажется нефункциональным, "ненужным". Подобные вопросы не возникают в альтернативной восточной культуре, и проблематичной в аспекте истинности и

значения по существу оказывается не бóльшая, а меньшая часть, откалькулированная и активированная. Воспользуемся словами специалиста. "Иначе *А.С.*› складывались отношения человека с миром на буддийско-даосском Востоке. Там думающие признавали источником сущего полноту непроявленного мира, Небытие, неявленное, ибо все явленное временно, частично. "Все вещи в Поднебесной рождаются из Бытия, а Бытие рождается из Небытия" (Даодэцзин, § 40). И это мало похоже на отношение к Небытию, Ничто на Западе. ‹…› В одном случае Ничто внушало ужас, как абсолютный конец, исчезновение, страшная бездна, в которой все исчезает. В лучшем варианте – это инертная материя, нуждающаяся в участии Кормчего или Нуса. В другом случае, Небытие – это потенция Света и Покоя, доступные просветленному уму. Это как бы до-бытие, а не после-бытие" [106, с. 92]. Напротив, греки и европейцы "в большей мере склонны доверять видимому миру, опираться на эмпирический опыт ‹…› Их не занимало несоответствие феноменального мира истинно-сущему" [там же]. Семантика нуля, как и бесконечности, – неудобный тест для рационалистического европейского и предшествующего ему античного (пифагорейского, платоновского, аристотелевского) подходов, исходящих из первичности интуиции "предметной" и "здравой" единицы, хотя за рамками рационализма накапливается все больше свидетельств и противоположного, воспользуемся словами К.Наранхо о Гете, о "вечном чреве творения, дающем жизнь всему живому на земле и влекущему его вперед, – том, что всегда вне творения и, тем не менее, в самом его центре" и оказывающемся альфой и омегой этого непрочного мира [223, с. 222-223].

Помимо двух приведенных, в разделе 1.4.1 появлялось еще одно, "полууниверсальное" решение M = – 1, сопровождающее все нечетные n. Система, состоящая из минус одного элемента? Не заведомо ли бессмысленна такая ситуация и не следует ли ее без колебаний отбросить?

С одной стороны, говоря в общем, цель математики в плане объекта исследования – не познание материального мира (в нашем случае социального, культурного), а построение дедуктивных схем, отчего, по справедливому замечанию В.Б.Губина, "в математике возможны и разрешены конструкции, которым ничто во внешнем мире не может соответствовать" [110, с. 145]. Не так ли обстоит и с вариантом M = – 1? С другой стороны, элементарная математика – не просто один из секторов науки: став в Новейшее время обязательным атрибутом общей культуры (см. *Предисловие*), тем самым она превратилась в активный *реальный* фактор. Отныне уже затруднительно сказать, что тому

или иному простому решению, в частности M = – 1, на деле ничего не соответствует. Если так и было когда-то, то в результате облечения элементарно-математических схем в плоть общественного сознания казавшиеся прежде абсурдными или беспредметными конструкции способны теперь наполниться отнюдь не фиктивным смыслом. Если угодно, абсурд или бессмыслица въяве шагнули в социальную и культурную жизнь, оказавшись одной из непренебрежимых разновидностей смысла. Поэтому, возможно, не стоит торопиться с категорическим выводом, отвергая с порога парадигму M = – 1.

До сих пор мы рассматривали самый общий случай систем класса S, состоящих из M элементов, не оговаривая заранее, какого именно рода эти элементы. В качестве таковых фигурировали и лица (лица местоимений), и классы (классы вещественных чисел), и части (области времени, сферы мироздания, политические течения"), и измерения физического пространства. Нам, кажется, действительно трудно представить, чтобы система состояла из минус одной части. Но, скажем, с количеством измерений обстоит совершенно иначе.

Математика, в частности топология, констатирует: размерность пустого множества равна минус единице, M = – 1. Это характерный интеллектуальный продукт Новейшего времени. Коли множество является пустым, казалось бы, отсутствует предмет обсуждения, но представление о нем тем не менее существует. Оно есть равноправный *симплекс*, простейший логический "кирпич", нисколько не низкосортней "кирпичей" другой формы.

Ситуация отсутствия элементов только что описывалась посредством значения M = 0. Но это справедливо, если элемент мыслится в качестве *части* системы. Теперь же мы апеллируем не к частям, а к *измерениям*. Нулевая размерность отвечает точке или счетному множеству точек, т.е. множеству отнюдь не пустому. Если же оно действительно пусто, его размерность составляет минус единицу.

Ничто как логически реальный объект фигурировало в апофатическом богословии, оно пробивало себе дорогу на протяжении всего XIX столетия – у Гегеля, Кьеркегора, Шопенгауэра и Ницше. Оно же служит одним из излюбленных понятий века XX, в частности экзистенциализма. Но философы мыслят полуобразно-полулогично, по крайней мере, достаточно далеки от воплощения лейбницевской мечты, что, вместо споров, некогда сядут за стол, чтобы с помощью вычислений сверить свои утверждения. Со времен древних греков такая перспектива не приблизилась, а скорее отдалилась. Не станем и мы

предпринимать излишне настойчивых попыток натянуть философское понятие на строгий каркас числа, хотя за констатацию сходства Ничто с пустым множеством нас, надеюсь, не будут очень корить: скорее всего, и сами математики дефинировали пустое множество не без влияния философов.

По сравнению с M = 0, случай M = – 1 представляется более сильным выражением факта отсутствия. Вещи не просто отсутствуют (тогда было бы M = 0), а их присутствие *запрещено*. Небытие в данном случае не акциденциально (предмет, возможно, просто вынесли за дверь и через минуту снова внесут), оказывается принципиальной альтернативой бытию, прямой противоположностью субстанциально единого, т.е. "отрицательным бытием". Перед перспективой реального существования вещи в системе как бы поставлен своеобразный "запирающий потенциал" – затрудняюсь, как философски правильно выразить подобный оттенок смысла. Некоторый свет на сравнительные качества структур M = 0 и M = – 1, вероятно, способны пролить две разновидности отрицательных местоимений: ср. фразу "некому верить, нечему удивляться" (M = 0) и "никому не верить, ничему не удивляться" (M = – 1). Возможно, здесь поможет контраст между категориями контрарности (не друг, а приятель, сосед) и контрадикторности (не друг, значит, недруг, враг).

Другие конкретные примеры также позволяют ощутить наличие негативирующего фактора: "запрета" или отрицания самое себя. Решение M = – 1 появляется при нечетных значениях n, т.е. вместе с четными M (ведь "нормальное" решение M = n + 1 при нечетных n становится четным), см. выражение (10) раздела 1.4.1. В частности, в системах с тринитарными отношениями (n = 3) и, следовательно, кватерниорных (M = 4) в качестве семантической подоплеки должно фигурировать и значение M = – 1.

Мы помним об образцах новейших кватерниорных систем. Скажем, в политике они связаны с выступлением большевиков на политической арене, Чечни на Кавказе, Северной Ирландии в Великобритании, движения "Талибан" в Афганистане и т.д. Момент отрицания в политике (M = – 1) – на фоне кватерниорности – находит разнообразные проявления. В тоталитарных государствах вообще и в СССР в частности прекращается свободная и открытая политическая жизнь, наложен запрет на оппозиционные организации. В послевоенной Италии, где коммунисты, т.е. "четвертый" тип, собирали на выборах большое количество голосов (вторая по силе партия после ХДП), ИКП подвергалась последовательному остракизму со

стороны христианских демократов, социалистов, либералов, изолировалась от участия в правительствах, к ней был приклеен ярлык "*антисистемной* партии". Кроме того, в этот период в управлении государством принимают активное участие нелегальные – внегосударственные и внепартийные – институты, мафия.(16) На французской политической сцене тоже были весомо представлены коммунисты. В момент перехода к V республике в стране возобладал вариант *отключения от "режима партий"* [22], т.е. функционирования государственной власти в значительной степени независимо от партийного механизма как такового (см. об этом в главе 2). В XX в. в мировом сообществе как системе, наряду с утверждением кватерниорности (совокупность основных членов Антанты, Антигитлеровской коалиции, затем четырех блоков индустриального Севера) нарастает опасность самоистребления, человечество впервые обретает возможность физически уничтожить само себя. "Негативирующий" момент свойственен, конечно, не только политике, ср., скажем, архаические представления: таинственная и "инфернальная" ночь на фоне утра, дня, вечера; зима (смерть природы) в сравнении с весной, летом, осенью. Даже в релятивистской теории, с ее "ненормальным" четвертым измерением, ощутимо присутствие чего-то с трудом поддающегося кодификации, но при этом едва ли не самоуничтожительного (как минимум, теория похоронила объективную физическую реальность, существовавшую не одно столетие). По разным поводам многие люди улавливают появление в воздухе "чего-то такого", имени которому не подыскать, пока или вообще.

Если бы на моем месте был религиозный философ или теолог, то, отталкиваясь от юнговской интерпретации четвертой ипостаси, он, возможно, констатировал бы наличие в кватерниорных системах явственного "сквозняка" – по направлению из преисподней или от женского начала мира, ибо форточка отныне настежь открыта. Решение $M = -1$, как флюгер, реагирует на этот сквозняк. Однако у нас, к сожалению, нет времени ждать религиозных философов и теологов.

По словам св. Отцов, "небытие не имеет энергии" [344], но это не означает, что оно незначимо или не может питаться заимствованной энергией. Тем более, что иные авторы употребляют по сходному поводу понятие "отрицательной энергии". "Ничто", если доверять современным трактовкам Св. Писания, послужило исходным материалом в акте сотворения мира ("сотворения из ничто"), хотя дефицит информации о примененной технологии оставляет простор для разноречивых

толкований такого "ничто": как в духе М = – 1, так и М = 0. В любом случае происхождение, скажем, из единицы, т.е. предметно данного, просто не может быть самопричинным, т.к. по существу является не рождением принципиально нового, а трансформацией уже наличного. Иное дело, когда речь идет о "непозитивных" нуле и минус единице. Однако вернемся к экспликациям более простым и понятным, более близким к почве современной культуры.

Под рукой у меня лишь самые скудные сведения о состоянии западной философии последних десятилетий, но, согласно отечественным комментаторам (см., напр., [104]), в философии Франции осуществляется дальнейшая радикализация небытия: "негатив" онтологизируется в еще большей мере, чем прежде. Еще Хайдеггер отличал страх от боязни: боязнь есть всегда боязнь некоего определенного сущего (грозы, воров, атомной войны), тогда как страх – когда "сущее в целом ускользает от нас". И остается Ничто. Страх поэтому мучительнее боязни, именно он привлекал философов-экзистенциалистов и наиболее глубоких психоаналитиков. Страх использовался как трамплин для прыжка в Ничто, для приближения к тайне бытия, к тайне смерти. Он же понимался и как своеобразная инициация, введение в абсолютную ночь, в обморок трансцендентного [там же]. Но в последнее время тема страха уступила место теме *паники*.

Понятие страха было параллельным понятию отчуждения (его мы уже касались). Эпоха постмодернизма смешивает стили и времена, и внутреннее становится внешним. Если страх представляет собой отчуждение, то паника – заглатывание и поглощение. Уже в страхе не было объекта, но все же маячил объект потенциальный, как бесконечность, как целое мира. Паника же вовсе не имеет предмета, человек уже не отчуждается от самого себя, на это ему не хватает времени. "Настало время апокалиптической логики", или логики после конца света: все революции состоялись, все идеологии показали себя. Если свобода – после Достоевского, Кафки – уже воспринималась в качестве невыносимого жребия, то теперь не найти того, кто взял бы ее от нас себе, воплотив наше "сверх-я". Паника искусительна, в ней хочется раствориться, исчезнуть. "Бог Пан воплощает в себе не только террор и ужас, он и соблазняет, и дарит наслаждение. Несправедливо было бы сводить панику только к Танатосу. Паника еще и эротична", – резюмирует Т.М.Горичева тексты Деррида, Фуко, Бодрияра.

В свою очередь, К.Юнг в статье "К психологии восточной медитации" говорит не только о пренатальной (внутриутробной, М = 0), но и доматочной (М = – 1, не индивидуальной) памяти

человека [393, с. 79]. Реалии последней освещены, например, в тибетской "Книге мертвых", описывающей жизнь души до биологического зачатия, но они запечатлены и в бессознательном. "Наша современная психология знает, что личностное бессознательное является лишь верхним слоем, покоящимся на фундаменте совсем иной природы. Он обозначается нами как коллективное бессознательное" [там же, с. 29-30]. Онтогенез повторяет филогенез, и где-то в глубине мы ощущаем, что происходило до нашего появления. Это достаточно характерная идея европейского XX в., абсолютно невозможная для XIX, но зато отлично укладывающаяся в тенденции Новейшего времени. В панике, в частности, человек теряет индивидуальность, т.е. приникает к тому же источнику. И хотя Юнг полагает, что "образы глубинного бессознательного имеют отчетливо мифологический характер" [там же, с. 30], но те же сущности частично схватываются и числом, которое, впрочем, тоже архетипично.

Самостоятельной разновидностью паттерна М = – 1 служит, в частности, и *бессмыслица*, предстающая не просто как отсутствие предметного смысла (тогда следовало бы говорить о "нуле" смысла, М = 0), а как более радикальное его отрицание, явный абсурд. Еще век назад такие вещи считались не заслуживающими обсуждения, зато с первой трети XX столетия они манифестированы видными течениями в литературе (дада, ОБЭРИУ…).

По разным поводам, в различных социо-культурных секторах нынешняя эпоха реализует потенции "негативного смысла", так или иначе соседствующие с паттерном М = – 1. В послевоенной Италии, как упоминалось, коммунисты кодифицировались в качестве "антисистемной партии". В ФРГ 1970-х гг. не пользовались успехом ни коммунистическая, ни национал-социалистическая идеологии, зато сформировалась партия "зеленых" (ПЗ). С самого начала она манифестировала себя в роли *"антипартийной партии"*. По словам В.П.Любина в работе "Политические партии на Западе и в России: сопоставимы ли понятия?", ПЗ, "провозгласив себя "антипартийной партией", первой уловила и использовала тенденцию постепенного охлаждения общества к дальнейшему развитию и совершенствованию партийной системы как выразителя интересов граждан" [196, с. 10]. Если социалистическое течение – родом из радикализма XIX в., "эры паровых машин", если авангардисты большевики и нацисты – продукт гипериндустриальной первой трети XX в., то "зеленые", как неорадикалы, оседлали постиндустриальную волну. Акцент

отрицания у них поставлен по-новому, но не менее кардинально, чем у предшественников. Теперь, впрочем, они подверглись "доместикации" и, взамен неисполнимых требований, осваивают чувство реальности.

Не стоит вышесказанное считать объяснением. Как и в случаях M = 0, M = ∞, позитивному европейскому интеллекту с трудом поддаются амплификации варианта M = – 1, поэтому обычно он сопротивляется рациональным формулировкам и выступает в виде более или менее глухой коннотации. Отметим лишь частную деталь: решение M = – 1, в качестве "полууниверсального", может рассматриваться в амплуа своеобразного "лифта", но на сей раз останавливающегося не на всех этажах, а только на четных (четное M, нечетное n).

Настоящий раздел начался с семантически наиболее сложных чисел, не пора ли заняться более "здравыми" ситуациями?

Возникла необходимость в очередной инъекции математики. Что будет, если кратность отношений в системе S окажется нулевой? В известном смысле подобная система "безотносительна", хотя величина n = 0 фиксирует отсутствие отношений как факт не только значимый, но и *определенный*, *конституирующий*. Если в уравнение (5) раздела 1.2 подставить значение n = 0, количество элементов M окажется равным 1. При нулевой кратности отношений простая холистическая система состоит из одного элемента.

Философы-элеаты утверждали, что существует Единое и кроме него ничего нет: M = 1. Не существуем даже мы, отличные от этого Единого и способные наблюдать его со стороны.(17) Поскольку вне Единого нет ничего и в самом Едином отсутствуют части, постольку оно не находится в отношениях ни с чем (n = 0). Столь странная на первый взгляд позиция строго обосновывалась, даже более строго, чем у прочих философов. Элеат третьего поколения Зенон довел в своих апориях самые очевидные, казалось бы, мнения: что у тел есть границы, есть части, что существует движение (переход от одного места к другому), – до явных противоречий. Хотя школа элеатов – один из истоков древнегреческой философии, их учение пребывает в ней несколько особняком, и по степени логического радикализма и характеру утверждений (по сути все эмпирически и чувственно воспринимаемое – заблуждение и иллюзия) сравнимо разве что с ранним буддизмом. При этом зеноновская логика была настолько безупречной, что никто не мог найти в ней изъянов (с точностью до языка, до сих пор). Когда Зенон доказал невозможность движения Кратилу, тому не осталось ничего другого, как демонстративно без слов приняться ходить взад и вперед. Силе

зеноновских тезисов удавалось противопоставить только вывод дискуссии за пределы речи и логики.

Элеаты произвели огромный фурор в Древней Греции, способствовали становлению последовательной логичности философствования. Тем не менее, их теория не была принята – из-за чрезмерных противоречий повседневной практике и здравому смыслу.(18) Материалистически настроенные греки (даже идеалисты) не могли с этим смириться и, не сумев справиться с элеатами, попросту отвернулись от них. Школа элеатов постепенно распалась. Европейцы, хотя и помнили элеатов, долгое время считали их философию – особенно апории Зенона – образцом интеллектуального эпатажа, парадокса, которые интересны из-за их поразительной яркости, но не заслуживают того, чтобы с ними считаться.

Элеатов иногда называют философской зарей монотеизма, параллельной его ближневосточной, чисто религиозной версии. Но мы обращаем внимание на другое: элеаты, в отличие от остальных, подступали к представлению о нуле. По крайней мере, отсутствие отношений они мыслили вполне конструктивно и даже доказывали его "апофатически" (от противного). Нет, элеаты в конечном счете не изменяли греческому духу предметности: нулевое значение у них по существу принимало только n, но не M, ведь M = 1. (Ср. индуистов, которые также признавали призрачными и ложными все "здравые" отношения, включая границы, части, движение, которые аналогично наделяли атрибутом действительного бытия только одно существо – Брахмана, но при этом последний *cnum*, т.е. не проявляет себя. Пробуждение же Брахмана означало всеобщий конец. У элеатов M = 1, у индуистов имплицитно M = 0.) Как бы там ни было, проблемы, которые поставил Зенон, всколыхнулись в Новейшее время, о них заговорили не только философы, но и логики, математики. Но не будем забегать вперед и рассмотрим пока более банальный пример.

В разделе 1.3 затрагивались хронологические представления, доставшиеся нам от предков и зафиксированные в языке: бинарное отношение сравнения ("раньше" или "позже") приводило к трехсоставной модели, т.е. к представлениям о прошлом, настоящем и будущем. Это не единственный способ осмысления времени. Возьмем обычную хронологическую ось.

В "Критике чистого разума" Кант отмечает коренную особенность времени: "Оно имеет только одно измерение" (A 31, B 47). Этот факт, впрочем, был прекрасно известен физикам. Ничем не ограниченный, неостановимый и свободный поток, текущее время – такой образ теперь более чем привычен, но он

окончательно утверждается в головах европейцев лишь в посткартезианскую эру.

Невозможность остановить этот поток, его всепронизывающий и при этом еще более "тонкий", чем у струящегося эфира, характер обусловливали загадочность названного феномена. Собственно, и феноменом-то он не являлся, пребывая в самих праосновах нашей способности отличать одно от другого, логически *предшествуя* способности различения. Мгновение, из череды которых, вроде, составлено время, *не дано*, оно всякий раз ускользает, придавая бытию оттенок специфической зыбкости. Именно на такое свойство отозвался Гете с его знаменитым "Остановись, мгновенье!" (известно, что последовало за подобной остановкой), и Гете смотрел в корень проблем.

Да, с помощью времени мы определяем, что раньше, что позже, но время как таковое предваряет эту логическую операцию. Т.е. бинарные отношения (раньше/позже) или тринитарные (как у Хайдеггера, вместе с подаванием) – это то, что накладывается на "готовое" время, тогда как само по себе оно существует *до* всяких конкретных градаций. Время – *безотносительно*, будучи фундаментальной предпосылкой логически последующих отношений. За подобным понятием стоит достаточно глубокое умозрение.

Так или иначе, безотносительность времени, конституированная в качестве его принципиального признака, означает n = 0 и, следовательно, M = 1, т.е. одномерность времени.

Математики, физики используют его геометрический образ – хронологическую, т.е. непрерывную числовую, ось. Во второй половине XIX в., как мы помним, с последней более-менее удалось разобраться. Появляется понятие трансцендентного числа, без которого и речи быть не может о континуальности; теория множеств вводит концепт несчетного множества (множества с мощностью континуума). Но тут-то и вспыхнули очередные проблемы, заставившие вспомнить об апориях Зенона. Математики и философы обнаруживают парадоксы в теории множеств, сходные с зеноновскими (в частности, о "множестве всех множеств", "парадокс брадобрея" и т.д.). В который раз выясняется, что даже самые простые из наших представлений зависают над пропастью "иррационального", внутренне противоречивого. Симплекс n = 0, M = 1, т.е. обычная ось, не является исключением. Что не мешает нам оперировать им как готовым "строительным кирпичом".

Если в точных науках рационалистической эпохи модель

неограниченной хронологической оси кажется вполне "естественной", то совсем иначе в сфере общего мировоззрения, включая его гуманитарный аспект. Согласно креативистским концепциям, время имеет начало и конец, ибо, будучи созданным, оно не конституируется самостоятельно как безотносительное (n = 0). В релятивистской космологии время также ограничено (рождение и конец вселенной), поскольку, связанное с пространством и гравитацией, оно не выступает в роли независимой сущности. Известна и модель циклического времени. А.Леруа-Гуран соотносит циклическую модель с мировосприятием оседло-земледельческих архаических коллективов, а линейную – подвижно-скотоводческих, см. [168, с. 141]. В качестве оторванных от земли "новых кочевников", люди из городов Нового времени отдали предпочтение линейности. Интересна эволюция взглядов и на социальное время. Мифы и сказки обычно избегают точных хронологических привязок, свидетельствуя о реальности "атемпоральной", в известном смысле когда времени нет (M = 0). Сквозной исторической упорядоченности (M = 1) предшествовала своеобразная "кусочная", "фрагментарная": древние историки привязывают материал к эпохальным событиям, царским династиям, устанавливая последовательность происходящего вокруг соответствующих вех, но не интересуясь абсолютной хронологией. Историзм в собственном смысле утверждается вместе с позитивистской моделью исторического развития, прогрессизмом. Представлению об универсальном одномерном времени имплицитна предпосылка открытого будущего, затем и унифицированного открытого общества, но обсуждение этого увело бы нас чересчур далеко. Отметим лишь частный момент.

В тот же период обретают самоценность деньги, становящиеся капиталом, подчиняющие себе общественное сознание. Финансовая шкала очевидно одномерна и не случайно завязывает ассоциативные связи с темпоральной шкалой.(19) "Время – деньги" – эту поговорку в развитых странах можно воспринимать почти буквально. В разделе 1.3 мы убедились, что троичное социальное деление на богатый, средний и бедный классы обязано сквозному финансовому критерию ("больше/меньше"). Теперь мы обращаем внимание на предпосылку такой социальной организации – осевой, одномерный характер тотальной коммерциализации, т.е. M = 1.

Двигаясь по направлению к логическому фундаменту бытия, предшествующему всяким конкретным явлениям, человек приходил, таким образом, к разным аспектам представлений о "пустоте". Мы наблюдали этот процесс и в модификации

отсутствия элементов M = 0 (сопряженной с вариантом M = ?), и в разновидности отсутствия отношений, n = 0. В версии M = – 1 речь шла о более радикальной интерпретации "небытия": будь то Ничто, паника, пустое множество или момент негативации в политических, научных, мифологических системах. Буддисты, специально медитирующие на "пустоте", порой добираются и до более глубокого семантического уровня, по существу интериоризируя структуру M = – 1, т.е. доводя ее до статуса n = – 1, тем самым превращая "пустотность мышления" в метод. Последняя тема, однако, выходит за рамки текущей главы. Прежде чем к ней квалифицированно подступить, потребуется предварительная подготовка; обсуждение ситуации n = – 1 вынесено в главу 3, вернее, в ту часть *Приложения 2*, которая отнесена к третьей главе.

Чтобы не слишком нагружать читателя математикой, при поиске общих решений основного дескриптивного уравнения в разделе 1.4.1. был опущен один особенный случай. Теперь восполним пробел. Подставим в уравнение (5) значение n = 1. В правой части – после сокращения одинаковых сомножителей в числителе и знаменателе – остается величина M, и уравнение вырождается в тождество M = M. Нам не удается определить конкретное количество составных элементов, точнее, при n = 1 оно может быть *любым*. Это действительно особый случай, когда кратность отношений в системе S равна единице. Каким реальным ситуациям он соответствует?

Один из естественных образцов такой системы: каждый элемент взаимодействует с самим собой и более ни с чем: n = 1. Система по существу семантически распадается, превращаясь в разрозненную совокупность частей. Тогда элементов действительно может быть сколько угодно: уберем ли мы какой-нибудь из них, внесем ли новый – остальные этого не почувствуют, будучи сосредоточены исключительно на себе. Абсолютная независимость элементов, их "равнодушие" друг к другу и обусловливают "автоматическое" тождество M = M. Встречаются ли такие ситуации в жизни? – Сколько угодно, но поскольку приведенная констелляция не представляется особенно интересной, ограничимся кратким примером – одной из возможных интерпретаций *монолога*.

В отличие от диалога с его конститутивным значением n = 2 (см. раздел 1.3), говорящий субъект здесь по-настоящему не апеллирует к другому лицу. Его речь самоценна, и адресат сообщения в конечном счете совпадает с источником: субъект произносит монолог ради самого себя, сам к нему и прислушивается. Значению n = 1 отвечает любая величина M, и,

скажем, душевнобольной или диктор на радио держит речь независимо от количества слушателей: ни одного или миллионы, – не реагируя на входящих и выходящих из комнаты, на отключения и подключения к станции. Если бы в основу грамматических лиц в языке был заложен паттерн монолога, а не диалога, то число лиц также оказалось бы любым.

Конечно, это не единственный вариант монолога. В ином случае говорящий не апеллирует даже к самому себе – своего рода свободная, несвязанная речь, неконтролируемый монолог, – и тогда $n = 0$ и, следовательно, $M = 1$. Впрочем, и без вычислений в таком случае очевидно, что субъект речи заведомо единственен. В настоящем контексте последний вариант оставляем за скобками, поскольку он по сути описан в предыдущем пассаже: парадигма $n = 0$, $M = 1$, – и если все же приведен, то только ради того, чтобы подчеркнуть: одна и та же по видимости ситуация кардинально преображается в зависимости от трактовки, и числа чутко реагируют на вложенный смысл.

Уместно еще одно замечание. Если при всех других кратностях отношений ($n \neq 1$) "крейсерское" значение M составляет $n + 1$ (не считая особых решений $M = 0$, $M = \infty$, $M = -1$), то при $n = 1$ обстоит совершенно иначе. Величина $M = 2$ оказывается одной из возможных, но с неменьшим основанием ее можно считать равной трем, четырем, десяти, миллиарду. С дихотомными системами ($M = 2$), таким образом, используемая модель не в состоянии справиться: дихотомия "необъяснима". Между тем последняя является самой древней логической операцией, мышление в оппозициях неотъемлемо от логического мышления как такового.

Читатель не ошибется, если отметит, что предложенная нами математическая модель сама зиждется на мышлении в оппозициях. В таком случае она не объясняет саму себя, своих собственных оснований. Это действительно так: мы выявляем семантику и структуру культурных и социальных систем исходя из *другого*, отталкиваясь от метода оппозиций. К твердо установленному решению $M = 2$ удается прийти только при внесении изменений в модель, см. *Приложение 2*.

До сих пор самыми большими из "замечательных" чисел, с которыми мы имели дело, были, в основном, 3 и 4 (бесконечность не в счет, т.к. ее трудно назвать настоящим числом). Но модель позволяет работать с любыми – сколь угодно большими – натуральными числами.

Собственно говоря, из-за решения $M = n + 1$ мы вступили на путь неограниченного роста конституирующего числа. В самом

деле, стоит принять в качестве базовой нормы какое-нибудь конкретное М, как может найтись некто, стремящийся "углубить" такое актуальное представление и присваивает ему статус *метода*. В результате былое М интериоризируется, превращаясь в кратность отношений n, и следовательно, новое М возрастает на единицу (М новое = Мстарое + 1). Трудно удержаться, чтобы не назвать подобное прогрессивное шествие "дурной бесконечностью", хотя человеческая культура, похоже, пока лишь дважды совершила соответствующий переход: от М = 2 к М = 3 и от М = 3 к М = 4.

В данном контексте естественно проверить следующий за кватерниорным *пентарный*, или *пятиричный*, паттерн (М = 5). Если система целостна и проста, то формально ему соответствует величина n = 4. Какой ход размышлений может за этим стоять? Для примера обратимся к физическим теориям.

Релятивистская и квантовая механики ввели, как мы помним (см. раздел 1.4.1), внутрь теории активного "субъекта" – наблюдателя или экспериментатора, – за счет чего прежнее конституирующее значение n = 2 (господствующее в механике классической) возросло до n = 3. Теория в результате "когнитивировалась", свидетельствуя отныне не об "объективной", независимой от модельного субъекта реальности, а о "субъект-объектной" (т.е. о реальности вместе со знанием о ней); на смену бинарной логике пришла тринитарная. Родственные тенденции существовали в других областях – скажем, в литературе это *"металитературность"*.

В отличие от реализма XIX в., модернистские и авангардистские течения ставят акцент не на изображении социальной и психологической действительности "как она есть сама по себе", а на ее трансформированном литературой образе. Соответственно, исходным материалом становится корпус прежних произведений, мифов, массовых представлений, писатели активно пускают в ход инструменты явного и скрытого цитирования, аллюзий. Оказавшись не столь жестко, как прежде, привязанными к сверхзадаче "зеркального" отражения объективной реальности, они вступают на почву более или менее свободной игры, вариации. От художника XX в. требуется уже не столько наблюдательность, сбор новых, еще не освещенных эмпирических фактов (все, что было возможно, уже описано, с новым справятся журналисты, социологи и психологи), сколько эстетическое мастерство, скачкообразно возрастает роль приема. Грубо говоря, модернист живет в области слов, которые если и отражают предметную область, то лишь опосредованно и условно, в зависимости от принятой установки. Но такова же среда

пребывания человека нашей эпохи вообще, ибо окружение отныне антропогенно, мало того, виртуально, и мы воспринимаем события сквозь призму масс-медиа, усвоенных истин, книг и доктрин. Такой процесс преображения характерен не только для литературы. Например, история из преимущественно эмпирической науки (сбор и систематизация книжных и материальных свидетельств былых времен) на глазах перемещалась в сторону теоретической, т.е. историологии. Более того: марксизм, концептуально упреждая происходящее, вводит в рамки теории обобщенного активно преобразующего субъекта (пролетариат) и анонсирует: "Прежние философы лишь объясняли мир, а дело в том, как его *изменить*". Для надлежащего изменения хода истории пролетариат должен усвоить "правильную" идеологию. Это учение оказывает глубокое влияние на взгляды XX в.

Ранее освещалось, как подобный концептуальный сдвиг способствовал переходу от тринитарных к кватерниорным структурам в различных областях, как вариативная парадигмальность (принципиальная зависимость от условной точки зрения, от установки) становилась атрибутом мировоззрения. Теперь попробуем проэкстраполировать указанную тенденцию. Отправным пунктом пусть послужит специальная теория относительности.

В зависимости от выбранной системы отсчета, от связанного с ней наблюдателя изменяются фундаментальные для физиков пространственно-временные свойства. Предваряя теорию, Эйнштейн ставит мысленный эксперимент, в котором выступают две эквивалентные (инерциальные) системы отсчета, движущиеся с разными скоростями. Наблюдатель в каждой из них осуществляет измерение расстояний между одними и теми же материальными телами и промежутков времени, за которые свет проходит эти расстояния. Результаты измерений оказываются различными, что становится принципиальным зерном, вместе с выводом: отныне следует отказаться от классических взглядов, согласно которым пространственно-временные параметры объективны, безотносительны к условиям их определения. Конспективно таков ход анализа. Если объективно единой картине ньютоновской физики ("единой истине") соответствовал единственный ("правильный") Наблюдатель, всеведущий Бог, то теперь наблюдателей может быть сколько угодно, сознанию каждого из них предстает свой собственный образ и, следовательно, от "всеведения" приходится отказаться. Сказанное, повторим, должно послужить исходным материалом для экстраполяции.

Строя модель, Эйнштейн сравнивает информацию (результаты измерений) у двух различных наблюдателей. Подобное сравнение возможно только в случае, если существует некто способный ее собрать, т.е. мысленно перенестись вначале к одному наблюдателю, затем к другому. Определенный "всеведущий" субъект, таким образом, латентно все-таки присутствует, и его роль исполняет теоретик (здесь: сам Эйнштейн). Путь, на который вступила модернистская культура вообще и релятивистская механика в частности, чреват, напомним, "дурной бесконечностью", и в принципе ничто не мешает нам шагнуть на следующую ступень гносеологического опосредования, "релятивизации". Для этого необходимо отказаться от "всеведения" и упомянутого теоретика, подчеркнув зависимость его представлений от принятой им аналитической установки, которых, вообще говоря, может быть сколько угодно. Это расхожее место модернистского мировоззрения, и при надлежащем такте обобщенного, абстрактного теоретика удастся ввести внутрь очередной концепции, совершив второй шаг в регрессии "наблюдателей"(20) . Мы не ставим себе задачи вторгаться в компетенцию физиков и гадать, как именно это корректно осуществить. Для нас важны исключительно числа и, значит, элементарный подсчет: наряду с интеллигибельной "объективной" реальностью, схватываемой классической физикой и подчиняющейся бинарной логике $n = 2$, наряду с "наблюдателем" физики релятивистской, дополнительно появляется модельный "теоретик", итого $n = 4$. Следовательно, $M = 5$.

Эпистемологически это означает еще более кардинальное дистанцирование человека от "объективной реальности", переход к изучению даже не *знания* о ней, а *"знания о знании"*. Такой статус не нарочито абсурден и имеет свои прецеденты. Так, средневековая схоластика избирала в качестве предмета исследования положения авторитетных учений: Святого Писания, святых Отцов, христианских и античных философов. Процедура непосредственного сопоставления с эмпирическими фактами была не в чести, и схоластика ничуть не стеснялась, заявляя, например, вслед за Аристотелем, что у женщин меньше зубов, чем у мужчин [307:I]. Высокое авторитетное знание считалось аксиологически более прочным, чем "низкая" материальная проверка. Подобные схоластические черты накапливаются и в современных науках, особенно гуманитарных – по мере того, как возрастают упомянутые "метакультурные" тенденции (согласно "Новой энциклопедии" Альберто Савинио, "оригинал – жалкая копия собственного портрета" [282, с. 10]).

Отдельный вопрос, имеет ли практический смысл переходить к конструктивному варианту n = 4, M = 5, а также насколько уверенно человек в состоянии оперировать кватерниорной логикой (n = 4), не утрачивая при этом ощущения целостности материала. Если такой распространенной способности нет, то пятиричная структура (M = 5) либо аутентична для особо "продвинутых" умов ("эзотерических"), либо же – для большинства остальных – попросту ненадежна, оказываясь "зыбкой" или рассыпающейся при более пристальном рассмотрении. Прибегнем к помощи иллюстраций.

В 1921 г. математик и лингвист Т.Калуца высказал мысль, что физическое пространство имеет пять измерений (см., напр., [205, с. 26]). Первые четыре из них совпадают с теми, что фигурируют в теории относительности и уравнениях тяготения. Наряду с гравитационными, в ту эпоху были хорошо известны электромагнитные поля, и стремление объединить две разновидности полей в рамках общей теории нашло выражение в присоединении к четырем измерениям еще одного. На вопрос, почему вдоль пятого измерения нет движения, физик О.Клейн отвечал, что это направление компактифицировано, т.е. замкнуто на само себя. Теория Калуцы-Клейна вначале была с энтузиазмом поддержана такими видными учеными как Дирак и Эйнштейн. Пятимерное пространство-время, M = 5, – с искусственно присоединенным дополнительным измерением, вдобавок не вполне равноценным четырем каноническим (компактифицированность) – один из интересных примеров пятиричных структур, который, однако, не устоял в процессе последующего развития науки: со временем в нем разочаровался, в частности, и Эйнштейн. Приведенный образец покажется многим слишком специальным, поэтому обратимся к более известным.

В разделе 1.4.1 упоминалось древнеиндийское ("Веды") и древнегреческое представление о *золотом, серебряном, бронзовом* и *железном* веках. Гесиод, однако, вставлял между бронзовым и железным *героический* век – тот самый, в котором действовали персонажи классических греческих мифов троянского и фиванского циклов, итого M = 5. Читатель без труда обнаружит инородность дополнительного звена на фоне четырех остальных. Это следует и из названий: "металлические" имена в первом случае и дополнительное "антропогенное" во втором, – и исходя из существа дела: к самостоятельной мифологеме четырех веков подключены совершенно иные истории. Гесиодовская попытка, предпринятая во имя обобщения, согласования разнородных мифов, грешит явным эклектизмом, за ней не видится прочной

интеллектуальной опоры; не случайно Платон вернулся к четырехчастной периодизации. Пятиричная структура не устояла.

Полупрозрачный пятый элемент фигурирует и в политических констелляциях. Так, в современном ЕС, наряду с признанной "большою четверкой" (ФРГ, Франция, Италия и Британия), присутствует еще одна большая страна – Испания. С 38 млн. жителей, она не слишком уступает Франции – 55,1 млн. (1985), Италии – 57 млн. (1984), Великобритании – 56,2 млн. (1983). Площадь территории Испании – 504 700 квадратных километров, лишь немногим меньше, чем у Франции (551 600 км2), и больше, чем у остальных. У Испании великое историческое прошлое, но наличный экономический потенциал не позволяет ей встать вровень с четверкой. Пятый член, если бы его удалось включить в "клуб элиты", оказался бы не вполне полноценным. Для такого включения, собственно, нет особого стимула. Из двенадцати входивших в ЕС государств на долю ФРГ, Франции, Великобритании, Италии было отведено по 81 месту в Европарламенте, т.е. всего на долю четверки 324. У остальных восьми стран – 194 места. И хотя на Испанию приходилось немногим меньше депутатских мест, чем у каждого члена "большой четверки", – 60, "контрольный пакет" был обеспечен и без нее. Аналогичная ситуация с Советом министров иностранных дел: у Германии, Франции, Британии, Италии по 10 голосов, т.е. 40 из 76; Испания с ее 8 голосами по-прежнему – не ключевое звено.

Сходным образом – и в ряде региональных ансамблей. В скандинавский ансамбль входит пять государств – Швеция, Дания, Норвегия, Финляндия и Исландия, – однако малой по населению и объему ВВП Исландии приходится удовлетворяться логическим местом "остальных", см. раздел 1.4.2.2. В постсоветской Средней Азии – столько же государств: Узбекистан, Казахстан, Киргизстан, Таджикистан и Туркменистан, – но последний сознательно избрал "нейтральную" в регионе позицию, которой последовательно и придерживается, см. 1.4.2.1. В системе континентальной Азии, наряду с Китаем, Индией, исламским миром, СНГ, присутствует и Индокитай, итого M = 5. При этом Индокитай уступает по экономическому и политическому значению четырем предыдущим и в перспективе, возможно, продемонстрирует большее тяготение к системе морских стран АТР. Как бы то ни было, пятое колесо оказывается если не лишним, то, так сказать, "запасным" и в настоящем случае. Читатель может вспомнить и о симметричной семантической структуре Европы (раздел 1.4.2.2), каждая из двух половин которой состоит из четырех "коренных" региональных

ансамблей и одного "пристяжного" ("лимитрофа"), принадлежащего европейской системе как бы "наполовину". В последние годы журналисты, по крайней мере российские, все чаще говорят о таком политическом феномене как "Шанхайская пятерка" (Китай, Россия, Казахстан, Киргизстан, Таджикистан), проводящей регулярные встречи на высшем уровне. Однако значение и устойчивость данного образования вряд ли стоит преувеличивать, его функции сводятся в первую очередь к регулированию пограничных проблем, взаимодействию в борьбе с сепаратизмом, к региональным экономическим проектам, но не находят отчетливого выражения в солидарных политических действиях по отношению к невходящим в группу странам.

Для понимания пятиричного паттерна русскому читателю может помочь и такой политический пример. На президентских выборах в России в июне 1996 г. основными претендентами считались Ельцин, Зюганов, Лебедь, Жириновский, Явлинский (амбиции остальных не относились к серьезным, каждый из них получил на выборах не более 1% голосов). Если Зюганов, Жириновский, Явлинский являлись руководителями парламентских партий (из "большой четверки"), если Ельцину была обеспечена поддержка парламентской НДР, то движению Лебедя на выборах в Думу в декабре 1995 г. не удалось преодолеть 5%-ный барьер. Благодаря политическим технологиям Кремля, ошеломляющей кампании в масс-медиа, на президентских выборах А.Лебедь неожиданно ворвался в круг канонических четырех. Впрочем, весь век данной пятерки продлился недолго – вплоть до второго тура президентских выборов. Пять лиц нередко фигурируют в еженедельно демонстрируемых по TV текущих политических рейтингах. Трудно избежать впечатления, что подобной структуре удается успешно схватывать зыбкие, быстро преходящие состояния общественного сознания, но, когда доходит до реального дела, она оперативно демонтируется, уходя в тень и забвение.

В нынешнем бундестаге ФРГ представлены пять партий: христианские демократы, СвДП, социал-демократы, "зеленые", а также ПДС (Партия демократического социализма). Социал-демократы и "зеленые" образуют правительственную коалицию, христианские демократы и свободные демократы (СвДП) были правящей коалицией накануне, теперь – организованная оппозиция. Наследница СЕПГ из Восточной Германии, ПДС выпадает из основного расклада, не будучи принятой ни в один из альянсов.

Пятый элемент не обязательно ущербен количественно. В джентльменский набор политически наиболее значимых держав и

блоков на международной арене обычно включают США (НАФТА), ЕС, Японию, Китай и Россию (СНГ), M = 5. Но, во-первых, ныне Россия, как и всё СНГ, переживает упадок сил и возможностей, т.е. пятерка в значительной мере выглядит как четверка. Во-вторых, когда Россия преодолеет кризис, на позицию "пятого колеса", похоже, отодвинется КНР. Эта огромная страна с отличной экономической динамикой является откровенно "белой вороной" в клубе мировой элиты – в цивилизационном, расовом, политическом отношениях, – не будучи достаточно интегрирована в него. Ее ценностные критерии неизменно квалифицируются как "экзотика". Вдобавок ей не свойственен тот универсалистски-наступательный, экспансионистский дух, который отличает четырех остальных фигурантов и который ответствен за их империалистическое прошлое и неоимпериалистическое (в прямом или переносном смысле) будущее. Китай – тоже "империя", но, по известному выражению Нидэма, "*неимпериалистическая* империя" [129], колоссальная региональная, а не мировая держава. По утверждениям иных аналитиков: в Китае "национальный эгоизм возведен в ранг закона", "Китай предпочитает быть котом, который гуляет сам по себе" [161]. В любом случае список из пяти участников, составленный согласно эмпирическим соображениям, представляется лишь номинальным, число 5 здесь – в значительной мере акциденциальное, далекое от манифестации логически обязательного смысла.

В разных ситуациях пятое звено дает знать о себе, но предстает либо не вполне "полноценным", либо инородным по статусу. Потенциально оно то и дело маячит – не без влияния наличной исторической стадии, присущей ей "пост- и метакультуры" (см. выше), – но всякий раз нечто мешает ему до конца состояться. В одном из образцов современного мифотворчества, нашумевшем "Пятом элементе" Люка Бессона, каноническая натурфилософская четверка первоэлементов (*земля, вода, воздух, огонь*) загадочно дополняется еще одним, *любовью* мужчины и женщины, но что-то недвузначно подсказывает: сопровождаемый торжествующими аккордами подобный пятый предмет имеет немного шансов стать плечо к плечу с пережившими тысячелетия остальными.

Пятерки нередко употребляет буддизм, но несколько, по европейским меркам, своеобразно. Скажем, Бодхидхарма (первый патриарх дзэн) утверждает: "*Четыре* состояния вещества: свет, твердое, жидкое и газообразное, – пусты (т.е. способны вмещать в себя что-либо), а *пять* скандх – не вещи. По-моему, Не-вещь – суть истинная реальность" [252, с. 18; курсив мой. – *А.С.*]. Учение Будды

различает и пять видов физического и психического строения человека: форма, чувствования, представления, устремления, сознание. Поскольку в последнем случае мы имеем дело со специфически архаическим интеллектуальным явлением, практически не интегрированным в современную культуру (в отличие от ряда других представлений буддизма), вероятно, не стоит пытаться обнаружить его внутренний смысл: с точки зрения исторической достоверности такие попытки сомнительны, с позиции значимости для нас (современное понимание древних, важное для организации наличного знания) практически бессодержательны. Так и, скажем, один из исследователей цивилизации майя Морис Коттерей расшифровал знаки и послания бога-короля Пакаля, обнаруженные при раскопках 1952 г. Согласно вычислениям Пакаля и Коттерея, мы существуем в "*пятом* солнечном круге – эре", и конец света наступит в 2012 г. [140]. Независимо от степени обоснованности заключений языческого бога и его толкователя, их едва ли удастся признать существенными для нас и, значит, достойными серьезного дискурса. Такие вещи неизменно квалифицируются как казус и заслуживают не более чем мимолетного любопытства (если вопрос, конечно, не входит в нашу специальность).

Самостоятельной областью, где пятерка пребывает уверенно, является область символики. Наряду с архаическими пентаграммами, последние превратились в государственные (например, США, СССР), блоковые (расположенные в круг пятиконечные звезды на флаге ЕС), военные символы (на погонах), но тут мы встречаемся не с арифметико-логическими, а образно-суггестивными, геометрическими реалиями, которые в настоящей главе не рассматриваются. В другом контексте мы коснемся их в третьей главе.

Историки математики, культурологи свидетельствуют о самых ранних этапах развития счета. Вначале – и эта ступень была наиболее протяженной – люди "отличали друг от друга совокупность двух и трех предметов; всякая совокупность, содержавшая большее количество предметов, объединялась в понятии "много". Впоследствии способность различать друг от друга небольшие совокупности развилась; возникли слова для обозначения понятий "четыре", "пять", "шесть", "семь". Последнее слово длительное время означало также неопределенно большое количество. Наши пословицы сохранили память об этой эпохе ("семь раз отмерь – один отрежь", "у семи нянек дитя без глазу", "семь бед – один ответ" и т.д.)" [87, с. 55-56]. Почти в обозримый период у многих народов роль "самого большого" числа досталась сорока: ср. в русском языке слово "сороконожка" означает

"многоножка", а "сорок сороков" (сорок сороков церквей в старой Москве) – много раз по многу, "много в квадрате". Практически одновременно формируются понятия о значительно более крупных числах. Если в нормальном быту большие числа, в общем, не требовались, то иное дело – военные баталии. Войска необходимо исчислить, и для крупных подразделений появляются понятия 10 000 и т.п., заимствованные русскими от татар. (Хотя, как напоминает Н.Н.Крадин [142, с. 144], подразделения в 10, 100, 1000 и т.д. человек отражали не столько действительное количество воинов, сколько социальный ранг боевой единицы, статус и титул ее предводителя. Т.е такие числа были лишены точной привязки к эмпирической реальности, скорее задавая ее имагинативно-семантический образ.) Превзошли же всех звездочеты, которые ввели в культурный обиход миллионы, миллиарды и даже бóльшие числа. Загадки неба и разгадывание велений судьбы требовали изрядных усилий.

Египтяне на стадии иероглифического письма имели обозначения для чисел вплоть до 107 (знак для 106 – поднявший в изумлении руки человек, для 107 – солнце), позднее – на стадиях иератического и демотического письма – верхний порог снижается до 1000 [142, с. 22]. Некоторые западные народы удовольствовались сравнительно невысокими верхними значениями: у ассиро-вавилонян и геродиановых греков это 10 000, у римлян – 1000. Древнерусские обозначения для 106 – тьма, 1012 – легеон, 1024 – леодр, 1048 – ворон, 1049 – колода. В Древней Индии фигурируют санскритские названия для чисел 10n , где n больше 50, но со временем имена самых крупных из них утрачиваются. Пристрастие с сверхогромному и сверхмалому в известной мере роднит нашу эпоху с почтенною древностью, но это не снимает вопроса, в каких целях древние египтяне и особенно индусы прибегали к поражающим воображение числам (если не считать их образным заместителем логической ситуации $M = \infty$, см. выше, или аналогом "числа песка" Архимеда). Скорее всего, они играли культовую роль.

Но не этому пути роста было предназначено стать магистральным. Уже Фалес знал о неограниченности натурального ряда, о ничем не ограниченной возможности все нового прибавления единицы. Именно тогда в имагинативно-образный состав прежних знаний ("мудрости") вторгается специфическая рациональность, научность; теория отделяется от синкретического знания. В этот период изобретены математические доказательства; неограниченность натурального ряда (затем и неограниченность последовательности простых чисел) строго *доказывается*. Процесс счета при этом

"десубстантивировался", отделялся от предметов, постепенно превращаясь в *операцию*. Споры о том, как толковать число и как проводить вычисления, продолжались в средневековье: знаменитые дискуссии между абакистами и алгоритмиками, см., напр., [199] (верх одержали последние, навсегда ли?).

Так или иначе, наше восприятие до сих пор сохраняет след об "очень большом числе", синониме "много", пребывающем на границе вообразимого. Еще несколько десятилетий назад сверхбогатого человека называли "миллионером". Теперь его место занял "миллиардер" (на горизонте, похоже, маячит и "триллионер"), за этой границей большинству из нас практически все равно, сколько именно у него миллиардов: один или сто. За каким-то пределом счет по сути начинается заново.

Последнее обстоятельство, впрочем, относится не только к очень большим, но и ко вполне обычным числам. Современная техника счета – единицами, десятками, сотнями, тысячами- – подразумевает строгую логическую периодичность. В ранних непозиционных и полупозиционных системах для записи первых чисел использовались вертикальные или горизонтальные черточки или зарубки: I , II, III, у некоторых народов и IIII. Потом требовалось введение нового знака. У римлян это V, четыре обозначалось как пять без единицы, IV. Так было до следующей пятерки: VI, VII, VIII и т.д. Историки математики говорят в связи с этим о пальцевой технике счета – на одной руке (база 5) или на двух (база 10). В современных вычислительных машинах применяется двоичное счисление, т.е. логический период состоит всего из двух позиций.

В процессе счета человек представляет любое, среди прочих и очень большое, число как определенную совокупность сравнительно компактных логических групп, с которыми удобно обращаться. Теперь у нас принята десятичная система, но, кроме пятиричной, известен счет дюжинами и вавилонская шестидесятиричная система, долгое время использовавшаяся астрономами разных стран. Нас, однако, интересует не "голое" число, а его роль в культурно-семантических комплексах.

Со структурами, состоящими более чем из трех – четырех элементов, нам уже доводилось встречаться. Напомним: определенно-личных местоимений в единственном числе оказалось 5 (а если добавить множественное число – 8); в немецком языке глаголы употребляются в 6 временах; сутки по-немецки состоят из шести же периодов (Morgen, Vormittag, Mittag, Nachmittag, Abend, Nacht); список основных литературных родов и видов включал также 6 позиций (эпос, лирика, драма, трагедия, комедия и снова драма, в узком значении). СССР состоял из 15

союзных республик, в складывающейся Европе как едином образовании – см. раздел 1.4.2.2 – фигурирует более сорока государств. Тогда же обращалось внимание: даже такие сравнительно небольшие системы по существу разбиваются на более мелкие логические единицы (по три, по четыре), с помощью которых мы и строим свое представление о целом.

Годовой цикл, состоящий из 12 месяцев, зиждется на сходной основе. Вначале, посредством двух дихотомий, мы выделяем четыре сезона, "квартала", затем каждый из них – вследствие применения бинарной операции "раньше/позже" – подвергается трихотомии. Произведение 4 х 3, или 2 х 2 х 3, и дает искомое 12. Для наглядности и удобства (12 = 4 х 3) на циферблатах механических часов цифры 3, 6, 9, 12 выделяются величиной или шрифтом. Мы представляем сложное через простое, более дробное семантическое членение – как комбинацию простейших. И числам 2, 3, 4, иногда 5 принадлежит особая роль.

Со времен поздней римской античности сложилась традиция преподавать в высшей школе *"семь свободных искусств"*, artes liberales, при этом они подразделялись на два цикла – *квадривий* (арифметика, геометрия, астрономия, музыка) и *тривий* (грамматика, реторика и диалектика). В Средние века, с V – VI вв., эти циклы утвердились в европейской схоластической школе, см., напр., [315, с. 22]. Семерка в данном случае предстает как 7 = 4 + 3, позднее квадривий преобразовался в реальные науки, тривий – в гуманитарные [там же].

В комментариях к русскому переводу "Осени средневековья" Й.Хейзинги читаем: "По средневековым воззрениям, идущим от Псевдо-Дионисия Ареопагита, ангельские существа составляют иерархию из девяти групп – три триады по три группы. Вся иерархия носила наименование "девяти чинов ангельских" (по латыни "чин" передается словом "ordo" – "порядок", "ряд", а также "сословие"). Нисходящий порядок этих чинов таков: Серафимы, Херувимы, Престолы; Господства, Силы, Власти; Начала, Архангелы, Ангелы. Земной порядок сословий полагали в Средние века отражением небесной иерархии" [360, с. 474]. Триад три, т.к. в системе установлено бинарное отношение "выше/ниже". В каждой триаде по три элемента, т.к. внутри нее действует самостоятельное отношение "выше/ниже". Девятизвенная система оказывается результатом произведения 3 х 3.

Самые древние уровни восприятия: трех (т.е. "много"), четырех (тоже "много"), – в качестве специфически *последних* чисел то и дело пробуждаются в нашей культуре. Так, "священное число" четыре в православной традиции интерпретируется как

"четыре последняя человеков" – четыре крайних предела человеческого бытия, к которым должны быть обращены все помыслы: смерть, страшный суд, ад, рай. То же отличает и католическую традицию [там же, с. 160, 486].

Числами буквально усеян культурный ландшафт: 7 греческих мудрецов, 7 чудес света и 7 радостей Девы Марии [там же, с. 488], 12 колен израилевых и 12 апостолов, 10 небесных тел Пифагора [169, с. 77], децемвиры Древнего Рима [там же, с. 190] и 10 категорий Аристотеля (последнее количество зачастую объясняют особенностями греческого языка). Современные варианты теории Суперобъединения (четырех фундаментальных физических взаимодействий: гравитационного, сильного, слабого, электромагнитного) используют модель десятимерного пространства-времени (см., напр., [205, с. 26]). Впрочем, шесть измерений компактифицированы или "свернулись" после того, как "пузырь" вселенной захлопнулся, т.е. 10 = 4 + 6.

В ряде случаев удается сравнительно легко обнаружить логические механизмы, стоящие за той или иной семантико-числовой структурой. 10 фундаментальных симметрий в классической механике и специальной теории относительности разбиваются на подгруппы: три параллельных переноса координат, три поворота координат, перенос начала отсчета во времени и переход от одной инерциальной системы к другой (у вектора скорости три компонента, значит, их три). Десятка в результате представлена как 10 = 3 + 3 + 1 + 3, а симметрии, или инварианты, согласно теореме Нетер, обусловливают известные законы сохранения (энергии, импульса, момента импульса-), подчеркивая надлежащую замкнутость системы.

10 заповедей Моисея, организующие поле человеческого поведения, многократно повторенные и отточенные в катехизисах, в свою очередь, латентно подразделяются на следующие подгруппы. Первая состоит из одного элемента и "эссенциально" статуирует единственность Господа Бога ("Я Господь Бог твой, да не будет других богов"). Три последующие заповеди говорят о должных формах человеческого почитания Божества: не сотвори себе кумира; не произноси имени Господа напрасно; чти субботу. Третья подгруппа – о нормах отношений людей в "физической" ("биологической") плоскости: чти отца и матерь твою; не убий; не прелюбодействуй. Последняя, четвертая, касается социально-имущественных императивов: не укради; не произноси ложного свидетельства на ближнего твоего; не желай ни дома, ни жены, ни раба ближнего твоего, ни вола, ни осла, ничего, что у ближнего твоего. Десятка в итоге предстает в виде 10 = 1 + 3 + 3 + 3, воспроизводя структуру гуманизированного

мироздания в целом: следуя снизу вверх – общество (включая институт собственности); человек, т.е. семья, личность; Церковь (религия) и, наконец, венчающий всю иерархию Бог. Кстати, ветхозаветный Господь наказывает человека за вину отцов до *третьего* и *четвертого* колен (по другим свидетельствам – до седьмого).

Сонет, состоящий из 14 строк, разбит построфно как 14 = 4 + 4 + 3 + 3, четверостишия рифмами – как 2 х 2. Венок сонетов (14 х 14) – еще более сложная, но не менее целостная конструкция.

Семерка в семи цветах радуги, согласно теориям зрения, – результат комбинаций трех базовых цветов, воспринимаемых человеческим глазом (синего, красного, зеленого). Общее количество таких комбинаций – три чистых цвета, три смеси по два, смесь всех трех – составляет 3 + 3 + 1.

Приняв аутентичную, т.е. древнюю, расстановку акцентов, мы обнаружим характерные внутренние членения и в ветхозаветной картине сотворения мира. В первые три дня были созданы неодушевленные вещи: в первый – небо и земля, свет отделен от тьмы; во второй " "твердь посреди воды", т.е. небо в собственном смысле слова; в третий – суша и море, а также растения. В последующие три дня Господь принялся за сотворение "одушевленных" вещей: в четвертый – трех родов светил (солнце, луна, звезды)(21); в пятый – пресмыкающихся, птиц и рыб, т.е. низший род "души живой"; в шестой – животных и человека. Шесть активных дней Творения, таким образом, могут быть описаны формулой 3 + 3. В седьмой день Бог почил и благословил этот день. Более поздние богословы решались заглянуть и в то, что логически предшествовало акту Творения – в существовавшее "от века", когда отсутствовало даже время, значит, и "дни" (Логос, или Слово, в частности, – родом из этой сферы). "Полная" формула в результате предстает в облике М = 0 + 3 + 3 + 1.

В форме 3 + 3 + 1 может быть представлена и совокупность основных типов идеологий, или политических партий. В первую группу попадают "традиционные", известные еще с XIX в. либералы, консерваторы, радикалы (социалисты), во вторую – "авангардистские", продукт XX в.: коммунисты, нацисты (разновидность: фашисты), фундаменталисты, – активирующие, соответственно, социальный (или классовый), национальный (или расовый) и конфессиональный аспекты общественной жизни. С учетом идеологии новейшего, постиндустриального типа, "зеленых" (см. выше) список приобретает заявленный вид.

С толкованием других случаев иногда возникают проблемы. В

одной их буддистских систематик (Бай Юй Цзин) фигурируют шесть первоэлементов, в порядке убывания "плотности": земля, вода, воздух, огонь, пространство, сознание [33, с. 124]. С одной стороны, этот ряд представляет собой расширение более древней четырехзвенной совокупности (тогда 6 = 4 + 2), с другой – первые три элемента репрезентируют вещество, вторые – ступени его "дематериализации" (в этом случае 6 = 3 + 3). Объективная реальность взята вместе с представленеием о ней, и не вполне ясна аутентичная интерпретация ряда в целом. Аналогично, лишь приблизительно удается справиться с продолжительностью недели в семь дней.

В иудеохристианской традиции таким был ритм рынка и ярмарок,(22) причем "есть немало культур, выделявших в этой неделе три "мужских" и четыре "женских" дня" [141, с. 42], т.е. 7 = 3 + 4 (23) (о теологическом обосновании именно такой продолжительности недели речь уже шла: шесть дней Творения и день отдыха, а шесть, в свою очередь, 3 + 3). Возможно, здесь нашло воплощение архаическое переживание семерки как "полного" числа, синонима "много" (см. выше) или задействована квантиодромия месяца. В.Б.Иорданский говорит о "трех", "четырех", "семи" и дополняющем их числе "пять". "Эти числа легли в основу наиболее разработанных числовых систем истолкования мира ‹…› Общественная мысль пришла к убеждению, что именно эти числа определяют организацию пространства, ритм времени, динамику движения событий. В числе "три" эта мысль увидела выражение оси, идущей от неба через центр земной плоскости в глубины земли (см. небо – земля – преисподняя, M = 3, вследствие отношения "выше/ниже", n = 2. – *А.С.*). И разве число "четыре" не соответствовало четырем сторонам света, а "семь" – совокупности вертикальной оси и горизонтальной плоскости, выражающей объемное видение космоса?" [там же]. Не менее неоднозначная ситуация и с паттерном семи греческих мудрецов. До конца в подобных случаях остается неясным, обнаружим ли хотя бы один твердый релевантный смысл или следует говорить о "расплывчатой" полисемантичности, даже отсутствии логически строгого смысла, ибо использованы не столько концептуальные, сколько экспрессивно-образные возможности числа.

По сходной причине "художественного" (эмпатического, гностического, мистического), а не логического характера мы отказываемся от работы с герметическими трактовками чисел. Ср. одна из них: единица олицетворяет Творца; двойка – Еву ("плохое" число, падение); тройка – Троицу; четверка – Троицу в действии; 5 – страдание; 6 – опасное число, выбор пути (человек чаще

склоняется к дьяволу); 7 – счастливый выбор; 8 – символизирует бесконечность; 9 – тайные науки, последнее число. Оставим подобные упражнения в распоряжении их поклонников, – тем более, повторим, нашу задачу составляет не объяснение смысла чисел с помощью чего-то другого (вследствие первичности чисел такие цели, по всей видимости, недостижимы), а ровно наоборот: полагая, что с числами человек так или иначе умеет обращаться, стараться с их помощью объяснять подведомственные социальные и культурные явления.

Вероятно, стоит также отметить: нередко "замечательные" числа являются логически заведомо производными, но неискушенному человеку это непросто заметить. Так, издавна считался знаменательным факт, что существует всего *пять* типов правильных многогранников: тэтраэдр, гексаэдр (куб), октаэдр, додекаэдр, икосаэдр. Это доказал еще Эвклид, а Платон считал поименованные фигуры "небесными телами". Не менее "таинственное" значение придавалось так называемому "поцелуйному" числу в математике, т.е. *двенадцати*: вокруг шара могут быть расположены 12 точно таких же шаров, касающихся центрального каждый в одной точке (та же величина – максимальное координационное число в кристаллографии). Оба числа – и 5, и 12 – в данных случаях обусловлены трехмерностью пространства и возможностями "комбинационного" размещения в нем, т.е. 5 и 12 – производные от M = 3 (интересующимся советую заглянуть в какой-нибудь из курсов стереометрии). В целом, здесь уместно обобщающее мнение одного из авторитетных исследователей культуры: "Христианский смысл *триады* достаточно известен. *Тетрада* же – это гностически открытый вариант *троицы*, переходящей в *четверицу*. Причем, совсем не безразлично, *что* прибавлено к *троице* – богоматерь или Люцифер. Четыре начала, четыре стороны света, четвероевангелие: 3 + 1. Числа 7, 3 и 4 порождают всевозможные сочетания, образуя и другие *магические числа*. *Магическое число* – в некотором смысле архетипическая полирегиональная реальность" [264, с. 106].

Формально возможно, применяя предложенную модель и решая соответствующее уравнение, исследовать социальные и культурные системы с любой, сколь угодно высокой степенью дифференцированности M. Но создается впечатление, что этого делать *не нужно*. Бинарных, тринитарных, кватерниорных (иногда еще и пятисоставных) паттернов в подавляющем большинстве случаев оказывается достаточно. Системы более сложные обычно представляются в виде их композиций. Приведенные примеры, надеюсь, наглядно подтверждают сказанное, причины же этого

заслуживают хотя бы краткого обсуждения.

Ни арифметика, ни логика не содержат какого бы то ни было ограничения чисел сверху, и поскольку мы изучаем не числа вообще, а только культурообразующие, постольку появление верхней границы, по всей видимости, обусловлено действием именно культурных или психологических механизмов.

В примечаниях к статье А.Ф.Лосева "Логическая теория числа", составленных В.П.Троицким, читаем: "По современным данным, предельное количество стимулов, запоминаемых в оперативной памяти человека, составляет 7 – 9 (J.Hayes); известное выражение Дж.Миллера "магическое число семь плюс или минус два" – о том же" [191, с. 134]. Почему в этом вопросе важен объем кратковременной, или оперативной памяти? – Эта память – необходимый участник акта представления, в котором совокупность характеристик предмета единовременно схватывается, выступает в качестве целого. После того, как акт понимания состоялся и сознание овладело составным (из M элементов) предметом, внимание может переключаться на другое: на иной предмет, на следующую логическую ступень, в рамках которой прежде освоенное выступает в виде логически и психологически компактного целого (самостоятельной единицы или системы). Приведенные ограничения означают, что в распоряжении человеческого рассудка не могут одновременно пребывать более девяти – а не то и семи, пяти – факторов: таковы особенности нашего восприятия и мышления. Феномены, за которые ответственно большее количество факторов, неизбежно кодифицируются в качестве семантически *составных*. Именно это становится предпосылкой вышеупомянутой композиционности, того, что, стремясь овладеть смыслом той или иной системы из M элементов, мы волей-неволей мысленно разбиваем ее на относительно автономные подсистемы, доступные одномоментному схватыванию.

В.П.Троицкий ссылается на Дж.Миллера, на его статью "Магическое число семь плюс или минус два. О некоторых пределах нашей способности перерабатывать информацию".(24) Начиная с работ лаборатории В.Вундта в конце 1870-х гг. опыты показывали, что человек, как правило, не может запомнить более шести одинаковых предметов, объектов, явлений, предъявляемых одновременно. О том же свидетельствуют более поздние эксперименты. Испытуемые обычно не совершали ошибок, когда изображение содержало четыре, пять, шесть одномоментно показываемых точек, семь – своеобразный рубеж. Если число точек превышает рубежное, ошибки становятся постоянными. Психологи выяснили, что человек по-разному реагирует на

количества – в зависимости от предмета. Так, статистически значимым рубежом служили 7 различных местоположений, 5 длительностей колебаний, 4 степени интенсивности. В одном опыте, в среднем, человек в состоянии различать только 6 звуковых типов, когда вероятность появления любого из них при очередном появлении одинакова. Самые высокие показатели "пропускной способности" сознания обычно приходятся в испытаниях на зрение.

Опираясь на эти данные, Б.А.Фролов заключает: "Если попытаться свести – с учетом разброса показателей из-за индивидуальных особенностей испытуемых – различия в эффективности разных органов чувств в разных операциях к какой-либо одной общей формуле, получится то самое выражение ‹…›, которое Дж. Миллер вынес в заголовок своей статьи: 7 ± 2 " [351]. Такой вывод, важная оговорка, справедлив применительно к актам различения по какому-нибудь одному признаку, в случае комплексности ситуация несколько изменяется. Далее Б.А.Фролов обращает внимание, что и в жизни люди спонтанно разбиваются на группы. Три, четыре, пять – устойчивая группа собеседников, но не более семи. "Социологи США, Польши и других стран эмпирически установили, что оптимальным числом структурных единиц, подчиненных одному человеку, является число, не превышающее семи: человек не может с равной эффективностью оперировать единицами, если этот предел оперативных возможностей превышен" [там же]. А.Матейко в "Условиях творческого труда" констатирует: "В коллективах, где насчитывается более 6 – 7 человек, уменьшается возможность индивидуального подхода друг к другу, члены таких коллективов начинают взаимно рассматривать себя как представителей подгрупп или категорий" [203, с. 54]. В результате Б.А.Фролов называет семерку пределом оперативных возможностей психики индивида и попутно указывает на ее палеолитические истоки, т.е. возводит к периоду, когда возник человек биологически современного типа.

Общее впечатление: Б.А.Фролов стремится во что бы то ни стало утвердить "магическое" число семь, тогда как в различных экспериментах фигурировали и более низкие значения порога устойчивого восприятия. Более сильные ограничения на названный порог накладываются у Жана Пиаже.

Этот классик современной психологии изучает процесс формирования индивидуального логического мышления. Представлению о числе как операции (операции счета) предшествует более синкретическая стадия – когда восприятие и операция еще не разделены. "Несомненно, что на этом уровне для

небольших совокупностей – из *двух, трех* или *четырех* элементов – уже возникает *одновременное восприятие целого и элементов*" [247, с. 504; курсив мой. – *А.С.*]. Подобная совместимость целостности и дифференцированности имеет самое непосредственное отношение к культурообразующим числам. Ж.Пиаже называет числа от 1 до 4 или 5 "наглядными", "примыкающими к пересчитываемым вещам" и уточняет, что они относятся более к восприятию, чем к операции [там же]. Указанный статус точно соответствует предмету нашего изучения: ведь мы рассматриваем не столько абстрактное число (результат операции счета), сколько число-в-культуре, т.е. не оторванное от фигурирующих в ней вещей – будь то главные персонажи литературных произведений, вокруг которых разворачиваются основные события, социальные классы, измерения физического пространства, области времени, лица местоимений и т.д. По сходному поводу Т.Адорно утверждал: "Общественное целое (Totalitaet) не ведет собственную жизнь поверх того, из чего оно состоит" [417, S. 599], – т.е. общество, вместе с его идеалами и организующими структурами, не отрывается от предметности и, следовательно, "наглядности". Верхним психологическим порогом различения, согласно Пиаже, служит 4 или 5.

Если таковы особенности индивидуального сознания, то они находят выражение и в сознании коллективном. Данные Ж.Пиаже свидетельствуют о более скромном индивидуальном верхнем пределе, чем у Дж. Миллера: напомним, у последнего "семь плюс минус два". Но, когда речь идет о проекции на культуру, тем более современную – и значит, демократическую, массовую, – по всей видимости, следует ориентироваться на вариант с более низким порогом, т.е. на вариант Пиаже.

Читателя, по-видимому, не удивляет, что при переходе от индивида к сообществу приходится снижать концептуальную планку. О том, что интеллектуальные возможности общества в целом заметно уступают таковым отдельного индивида, говорил К.Юнг. Например, в интервью Х.Никербокеру в 1938 г.: "Вы понимаете, что сто самых интеллигентных в мире людей составят вместе тупую толпу? Десять тысяч таких обладают коллективной интеллигентностью крокодила ‹…› Вследствие этого многомиллионная нация являет собой нечто даже нечеловеческое. Это ящерица, или крокодил, или волк" [237, с. 361]. И хотя мы не готовы разделить столь радикальное мнение, которое кажется полемическим (и не без умышленного эпатажа) преувеличением, вызванным опытом конкретного исторического периода, когда Юнг давал интервью, но с общим направлением вывода трудно не согласиться: массовое общество, так сказать,

"глупее" человека в отдельности.(25)

Обстоятельства механизма сохранения и трансляции культурно-идеологических представлений позволяют поставить мысленный эксперимент. Предположим, некий неординарный по одаренности индивид создал концепцию, зиждущуюся на одновременном схватывании сравнительно большого количества факторов: для определенности пусть девяти или семи. Примем ли ее мы, обыкновенные люди, чьи способности более ограниченны? Не произведет ли на нас такая концепция впечатление не только "заумной", надуманной, но и вовсе пустой, лишенной всякого смысла (зеркальная разновидность ситуации с "голым королем")? Даже если кто-то из нас втайне догадается о значительности концепции, само ее предъявление – вызывающий, оскорбительный факт, указывающий на нашу собственную немощь. Подобный интеллектуальный продукт подрывает нашу веру в себя, препятствует нашему самоутверждению, т.е. функционально *антигуманен* и *контркультурен*. Содержательный диалог с "продвинутым" индивидом, плодом его ума попросту не состоится, защитная реакция на него приведет к остракизму: осмеиванию или игнорированию. Следовательно, "слишком умная" концепция останется личным достоянием ее творца (возможно, горстки людей из его окружения), не превратившись в признанное культурное достояние. Заметим, процесс нашего общения с "гением" протекает не в логической плоскости, а в общественно-психологической: мы навешиваем на него ярлык чудака, а то и беспросветного идиота, окружив стеной изоляции. На роль подлинных авторитетов мы назначаем тех, чей способ мышления внятен репрезентативной группе людей, отвечает их возможностям и запросам.

Вопрос о размерах и свойствах названной репрезентативной группы разные социумы и эпохи решают по-разному. В современных, т.е. экзотерических, массовых, обществах (заметим, именно в тех, в которых число оказалось наиболее активным и важным) даже научные кланы составлены по принципу "каждой твари по паре". Планка отбора и подготовки научных кадров не поднята слишком высоко. Не раз доводилось слышать мнение, что в среднем современный ученый несколько деградировал по сравнению, скажем, со средневековым, но это не болезнь научного сообщества, а его генетическая особенность в эпоху масс. Во-первых, общество нуждается в большом *количестве* информации, к тому же стремительно обновляющейся. На качество, итог долгих раздумий спрос ограничен. Во-вторых, кто непосредственно заказывает музыку в обществах современного типа, включая науку, как не политики, банкиры, масс-медиа? Не

станем говорить о хрестоматийно-одиозных прецедентах вмешательства власть имущих в науку XX столетия: будь то искреннее возмущение советских вождей, что генетики, вместо решения поставленных партией великих народнохозяйственных задач, опустились до подсчета пятнышек на крыльях мух-дрозофил, что кибернетики вознамерились заменить сознательного пролетария машиной, или негодование нацистских фюреров по поводу "еврейских поползновений" в физике. Возьмем "нормальные", демократические страны. Обладает ли ученый шансом получить грант под "заумное" исследование? Политики и банкиры, в свою очередь, зависят от общественного мнения, т.е. от нас с вами, от профанов. Зависимость всех от вся обусловливает "равнение на посредственность", задает свойства социального заказа, накладывая на научный продукт априорное требование внятности многим – в том числе и по признаку семантической кратности. На фактор коренной зависимости свойств научного продукта от социального окружения и обстановки указывает, например, Ю.В.Чайковский: "Никакой гений с нуля школу не создает. Сам он может додуматься до чего угодно, но если общество не готово, оно его не услышит, а потому и не запомнит" [370, с. 151].

До сих пор социумам современного типа удавалось так или иначе справляться с историческими вызовами и даже быстро прогрессировать. Зачем им радикально меняться, изменять господствующие правила игры?

Как сказано, жесткая зависимость от масс наблюдается не всегда. Первые человеческие цивилизации столкнулись с исключительно сложными интеллектуальными задачами. Создание разветвленных мелиоративных сетей, предсказание наводнений (Нила, Тигра, Евфрата) требовали изощренных расчетов и тончайших астрономических измерений. Ориентация на мыслительные способности (необразованного) большинства в тех условиях была непродуктивной, и сформировались строго-иерархические государства с контрастно выделенной элитой – религиозной (жрецы), светской (чиновники и писцы). Такие государства сравнительно успешно решали возникающие проблемы, выигрывали соревнование с окружающими варварскими племенами. Знание при этом отличалось *эзотеричностью*.

В данном случае, как и в предыдущем, речь идет не о логике. Интеллектуальная элита *не доказывала* большинству превосходство сложных методов понимания над простыми, а *внушала* впечатление о превосходстве, периодически прибегая к поражающим воображение демоса демонстративным эффектам и,

когда нужно, не останавливаясь перед насилием. Элитарная парадигма, в противоположность эгалитарной, предполагает превентивное подавление (социальное, психологическое) интеллектуального большинства, а не меньшинства. Пока элитарным, эзотерическим государствам удавалось справляться с жизненно важными проблемами: от вызовов со стороны природных стихий или океана профанического невежества (слепой ярости орд дикарей и собственной черни) до препятствования вырождению элиты, со временем все более утрачивавшей способности репродуцирования живых древних смыслов и низводящей их до статуса ритуальных, механических повторений и, следовательно, совершавшей все больше ошибок, – до тех пор они процветали. Если и перед нынешним человечеством некогда встанут актуальные задачи, решение которых непостижимо для большинства, если воля последнего будет подавлена (например, катаклизмами), то переход к элитарности и эзотеричности – вариант запасной. Пока же эффективней оказывается массовая парадигма.

Мышление с помощью сложных, многофакторных семем не превращается в магистральный путь и по несколько иной причине. Возможно, какому-то из самых умных читателей порой удается подниматься до оперирования многомерными симплексами. Но тогда возникает вопрос, а *всегда ли* он готов проявлять столь недюжинные способности? Если это происходит лишь в минуты "особого просветления", а в другие часы он с трудом понимает себя, на такую способность можно махнуть рукой. Она – *ненадежна*. Мы, люди обыкновенные, создадим нечто более достойное внимания и работоспособное. Наши солидарность, взаимопонимание и сотрудничество чего-то да стоят. В среде нашего негласного всемирного братства таится, кроме того, непреходящая и вечно юная способность понимания в обход всякой нормативной логики, неотдифференцированная структура M = 0, которая даст фору всем супергениям, даже если бы они умели манипулировать одновременно и тысячей факторов. Мы вечно беременны продуктивным "непониманием", поэтому сильнее тех, чей мозг подобен совершеннейшим киберам будущего.

Итак, в проекции на культуру мы отдаем предпочтение более скромным индивидуальным способностям и, значит, варианту не Дж. Миллера (7 +/- 2), а Ж.Пиаже (4, может быть 5). О том же, похоже, свидетельствуют и эмпирические данные: см. разделы 1.3, 1.4 и настоящий.

Пифагорейцы, в свою очередь, считали "священными" числа от единицы до четырех. Правда, у них фигурировала и

"священная" десятка, но в таких случаях они любили применять особенную арифметическую операцию, заключающуюся в суммировании всех чисел до выбранного значения, и 10 = 1 + 2 + 3 + 4 [142, с. 70].(26) Десятка оказывалась логически производной от четверки, при этом -1 есть единица (монада), матерь всех чисел, 2 выражает линию, 3 – треугольник, 4 – пирамиду" [там же]. А.Ф.Лосев в работе "Логическая теория числа" аналогично отмечает: "Уже простейший эксперимент показывает, что мы способны иметь ясное и раздельное представление только о *трех – четырех предметах*" [191, с. 101]. В пользу подобного утверждения свидетельствуют и исторически первые дроби – 1/2, 1/3, 1/4, 2/3, – каждая из которых в Древнем Египте имела собственное название и обозначалась специальным иероглифом [142, с. 21], а не записывалась операционно, как у нас (в форме операции деления)(27) . Они воспринимались в качестве самостоятельных чисел и непосредственно опирались на "наглядность", "предметность". Исчез ли соответствующий уровень восприятия у современного человека?

Подведем итог. У нас нет нужды особо настаивать на наличии верхнего порога для культурно значимых представлений в четыре или пять синхронно мыслимых факторов. Такое утверждение лежит вне рамок предложенной модели, позволяющей оперировать с системами любой кратности. Но, с учетом мнения специалистов из других областей, напрашивается вывод, что самыми актуальными в практическом плане являются культурные представления, описываемые небольшими числами – чаще всего не превосходящими 4 или 5. Именно поэтому мы сочли возможным ограничить наше исследование преимущественно тринитарными и кватерниорными конструкциями (пятерок, впрочем, также коснулись).

Культурные представления, которые описываются другими числами, обычно предстают в виде логической композиции триад и тетрад. Ранее приводился пример 12 месяцев, т.е. частей годового цикла, – результата квантиодромии (четыре времени года) и последующей трихотомии каждого из времен. 12 зодиакальных созвездий – репрезентанты подобных частей на вращающемся небесном своде. Сходным образом К.Юнг, выделяя четыре основных типа мышления (логический, интуитивный, волевой, мистический) и три психологических установки (экстравертную, интровертную, ортодоксальную), строит таксономию на основании 4 x 3 = 12 психологических типов [392]. 12 колен израилевых, 12 апостолов, 12 рыцарей Круглого стола, по всей видимости, подражательны.(28) Аналогично, суточный цикл – после деления его на две половины (день – ночь) –

дополнительно разбивается на те же 12 частей, часов; а согласно старинному японскому счету сутки разделялись на отрезки по два часа каждый, т.е. всего 12, именовались они по знакам зодиака.

Шестерка зачастую предстает в виде 3 + 3 или 2 х 3: два скрещенных треугольника в звезде Давида; мифологические силовые линии между Востоком и Западом, Югом и Севером, верхом и низом – от зенита через центр земли в надир [141, с. 39], итого М = 3 х 2; совокупность шести первоэлементов у Бай Юй Цзина (три "вещественных" и три "дематериализованных"); шесть времен глаголов в немецкой грамматике. Та же шестерка может выступать и как "расширение" пятерки: ср. мифологему "шестого чувства".

В случае, если отношение между двумя критериями деления не мультипликативно, а аддитивно, из паттернов М = 3 и М = 3 + 1 образуется семиричная структура: 7 = 3 + 3 + 1. Такова ситуация, к примеру, с цветами радуги, с днями Творения и днем отдыха. 7 чудес света, 7 мудрецов, 7 планет, 7 металлов, семерка в волшебных сказках (скажем, шесть братьев-лебедей и их сестра) или в кинематографе ("Семь самураев" Куросавы, американский ремейк "Великолепная семерка"), похоже, суть отпечаток канонизации упомянутого количества и, значит, "окостенения", утраты некогда живого интеллектуального смысла (остался лишь эстетический и сакральный).(29)

Впрочем, применительно и к семи, и к двенадцати: "Иисус, согласно Августину, пожелал, чтобы апостолы были числом двенадцать. Это произведение трех на четыре. Три – число Троицы, но и души, устроенной по ее образцу. Четыре – число элементов и символ материальных вещей. Умножить три на четыре означает пропитать материю духом, объяснить миру истину веры через 12 апостолов. Четыре и три, сложившись, составят семь – число человеческое: человеческая жизнь имеет семь возрастов, а с каждым возрастом связывают одну из семи добродетелей ‹…› Семь таинств поддерживают человека в семи его добродетелях, противостоя власти семи смертных грехов. Число семь выражает гармоническое отношение человека к миру. 7 планет управляют судьбами людей. Созидая мир в семь дней, Бог хотел дать ключ к такому же числу тайн. Семь тонов григорианской музыки – чувственное выражение мировой гармонии" [366, с. 69]. В.Л.Рабинович добавляет: "Считается, что семь есть всемирное абсолютное число всех символов, ибо составлено из *тройки* и *четверки*. *Семерка* – знак полноты и совершенства, высшая степень восхождения к познанию и мудрости, свидетельство магического всемогущества, хранительница тайн. 3, 4, 7, 12 – классические числа магического

средневековья" [264, с. 105].

Если кого-то из современных читателей устраивают приведенные архаические толкования, то у него нет проблем с объяснением и действительным усвоением семерки. Меня же подобная аргументация затрагивает лишь по касательной, и я не вижу особо серьезных возможностей для кристаллизации в современных социуме и культуре ни семиричных, ни двенадцатиричных структур. Сходной оценки придерживается и В.Л.Рабинович: "Число в алхимии неряшливо, мозаично. Калейдоскоп чисел, возникающий от беспорядочных четырех арифметических действий над ними. Практически любое число скрывает легко распознаваемый признак сакральности. Произвол кабалы: перестановка слов, дробление слова на буквы, определение числового достоинства слова" [там же, с. 107]. Современный человек рационально более последователен, критичен и не столь легковерен, как прежний, поэтому отдает предпочтение пусть и более простым, зато более надежным, выдерживающим строгие испытания логическим формам.

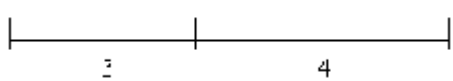
Семерки продуцирует в основном архаическая, а не современная культура: так, древние иранцы верили, что мир делится на семь областей [58, с. 14] и боги сотворили мир в семь приемов [там же, с. 20]; в приписываемом Гиппократу трактате "О седьмицах" утверждалось, что миром правит число семь, ибо "таково число мира, семичастна всякая структура в нем, семичастен порядок каждой из частей", и приводились подтверждающие медицинские, географические и астрономические примеры [370, с. 156-157]. В V в. до н.э. греки узнают от вавилонян о "семи планетах", т.е. пяти планетах, Солнце, Луне [там же]. Кто ныне готов придерживаться подобных представлений? Менделеев в своем периодическом законе феноменологически обнаруживает повторение химических свойств элементов с тем же шагом, но вскоре атомная теория дает объяснение этому и заодно указывает на не первичный, а логически производный характер данной семерки. Но продолжим экскурс.

Десятка – см., например, симметрии и законы сохранения в физике, заповеди Моисея – нередко предстает в логической форме 3 + 3 + 3 + 1, а девятка как 3 х 3, см. средневековая иерархия ангельских чинов. Восьмерка – это и удвоенный кватернион: восьмиконечная звезда, составленная из двух скрещенных квадратов, основные азимутальные направления на географических картах (с учетом северо-востока, юго-запада и т.д.), – и расширение на единицу семерки: семь гномов и Белоснежка, семь воронов-братьев и их сестра- Даже плюс и

минус единица – итог вычитания четверки и тройки (читатель самостоятельно построит их комбинацию, основанную на контрасте рационально "здравых", или "мужских", триад со "странными", "женскими" архаическими и авангардистскими кватернионами).

Самостоятельный интерес представляет пятисоставность (M = 5). Чаще всего она представляется плодом "полузаконного", не вполне оправданного расширения на единицу четверки, ср. пятый элемент, Испанию, на фоне "большой четверки" ЕС; "присоединенное" (и компактифицированное) пятое измерение пространства-времени в теории Калуцы – Клейна; героический век Гесиода, инсталлированный в самостоятельную мифологему четырех веков и т.д. В других случаях пятерка несет на себе печать логически составного характера: см., например, совокупность определенно-личных местоимений в единственном числе (я – ты – он – она – оно) или система сословий в царской России (дворянство – духовенство – купечество – мещанство – крестьянство), раздел 1.3. Древнекитайская натурфилософия предполагала наличие "пяти стихий": дерева, огня, земли, металла, воды. Однако при этом дерево и огонь, с одной стороны, и металл и вода, с другой, подводились под противоположные начала ян и инь, тогда как земля считалась нейтральной, т.е. 5 = 2 + 2 + 1. В современном Тайване скомпилированы три стандартные для Запада ветви государственной власти с традиционно-китайскими, в результате чего их оказалось пять: законодательная, исполнительная, судебная, контрольная, экзаменационная. Пятерки способны продуцироваться и совершенно отличным образом.

Только что мы совершали логические операции, которые с равным успехом выражаются как арифметически, так и геометрически. Так, сложению 3 и 4 в арифметике соответствует рядоположенность, однокритериальность обеих составных частей, а в геометрии – измерение общей длины расположенных в одну линию отрезков:



Умножение в арифметике применяется в случае взаимной независимости двух различных, но логически сопряженных величин, в геометрии – при вычислении площади соответствующего прямоугольника или треугольника:

Одной из стандартных геометрических операций является определение длины гипотенузы прямоугольного треугольника или, что то же, длины диагонали прямоугольника; треугольник со сторонами 3, 4, 5 – древнейшая иллюстрация троек так называемых "пифагоровых" чисел. Построить адекватный способ чисто логических рассуждений, без привлечения наглядности, в данном случае не так-то просто (мешает извлечение квадратного корня). Однако, во-первых, арифметический факт 32 + 42 = 52 был известен задолго до его геометрического истолкования, т.е. пятерка фигурирует в качестве своего рода "логической замыкающей" для триады и тетрады. Во-вторых, уже античность обнаружила эквивалентную извлечению корня форму логических размышлений, и впервые это произошло применительно как раз к пятиричности. Пентадромия круга скоординирована с самым совершенным из пяти платоновских тел, с отношением золотого сечения, но более подробный разговор об этом предстоит в главе 3. Такой скромный набор инструментов как дихотомия, трихотомия, квантиодромия представляется если не универсальным, то достаточно гибким по своим возможностям, что дает дополнительное основание ограничиться исследованием семантики преимущественно этих структур. Подавляющее большинство остальных выступает в культуре, особенно современной, как результат их логической композиции. Перед тем, как завершить настоящий раздел, проверим сказанное на материале одной из самых дифференцированных структур – вавилонской системе счисления.

Эта исторически одна из первых позиционных систем счисления (2000 г. до н.э.) шестидесятирична, т.е. ее логический шаг составляет M = 60. Несмотря на неясность происхождения, она подозрительно напоминает о более простых компонентах. Сейчас нас интересует не исторический, а логический генезис, поэтому связь с существовавшей ранее десятичной системой, с пальцевой техникой счета способна оказать в объяснениях лишь косвенную помощь.

Число 60 можно разложить на множители несколькими способами: 3 x 4 x 5, 2 x 3 x 10, 6 x 10, 12 x 5, – т.е. представить как композицию соответствующих элементарных и/или составных парадигм. Вариантов разложения не один, поэтому система полисемантична и удовлетворяет нескольким толкованиям. В свое время она казалась очень удобной, ибо позволяла

"естественно" делить любые измеренные вещи надвое, натрое, на четыре, на пять, шесть, десять, двенадцать частей, воплощая в себе достоинства практически всех известных систем счисления, систем мер и оттого кодифицировалась в качестве "универсальной". Но дело не только в практическом удобстве – древние придавали существенное значение и спекулятивной или мистической глубине, а арифметические и геометрические операции не отрывались от познания тайн сущего.

Двойка и тройка – индексы логически "фундаментальных" дихотомий и трихотомий, выше уже рассмотренных. Шестерка, во-первых, способна восприниматься как результат их совместно-независимого действия: М = 2 х 3 в этом смысле подобна еще более древним кватерниорным структурам М = 2 х 2, двум независимым дихотомиям. Во-вторых, той же шестерке вавилоняне – исходя уже из геометрических соображений(30) – придавали едва ли не магический смысл: окружность с помощью циркуля с раствором, равным радиусу, делится ровно на шесть частей, по-своему решая задачу квадратуры круга, раскрывая секрет мироздания (число π у вавилонян, соответственно, считалось равным точно трем, в отличие, скажем, от египтян, использовавших значение (16/9)2 , т.е. (4/3)4 □ 3,16). Правильный шестиугольник, составляющие его равносторонние треугольники почитались "священными" фигурами. До сих пор израильтяне, подвергшиеся сильнейшему культурному влиянию Междуречья, используют шестиконечную звезду в качестве религиозного и государственного символа. Объединение двух, трех, десяти – своеобразная объемная логическая фигура, содержащая в себе возможности каждого из компонентов.

Представление 60 как 3 х 4 х 5 показывает данное число под несколько иным углом. С триадами и тетрадами читатель уже знаком. Оставшаяся пятирица в эмпирической плоскости упиралась в архаический пальцевой счет, выступала в роли магического числа в ряде культов (например, древние левантийцы верили, что не только 3, но и 5 есть число Геи). Не обходилось и без попыток логических обоснований. Всем первым цивилизациям, включая вавилонян, задолго до Пифагора было известно равенство 32 + 42 = 52.(31) Такому факту придавалось существенное значение (в частности, египтяне при строительстве пирамид использовали отрезки длиной три, четыре и пять мер для отбивания прямых углов).(32) Любопытно, что обаянию пятирицы, пентаграммы поддались и пифагорейцы, с чем связано много легенд. Таким образом, произведение 3 х 4 х 5 – еще одна модификация "объемного", "трехмерного" способа размышлений.

Основание 60 объединило в себе свойства почти всех

логически "фундаментальных" и практически удобных принципов подразделения, конституирующих чисел: 2, 3, 4, 5, 10, 12.(33) Названная система счисления нашла широкое применение у математиков и астрономов разных стран, включая Грецию и средневековую Европу. До сих пор геометрия и счет циклического времени хранят память о той эпохе: мы полагаем, что угол равностороннего ("совершенного") треугольника составляет 600 и в полном круге шесть таких углов, 3600; способ разбиения часов на минуты, минут на секунды – наследие того же периода .(34) Шестидесятиричная система счисления, повторим, не поддается единственному толкованию, пребывая на пересечении многих дискурсивных мотивов. Вавилон – это не только один из географических центров, пересечение стратегических торговых магистралей, но и подлинное столпотворение разных образов мысли. Если названная система не дожила до наших времен, то, по всей видимости, из-за чрезмерной сложности в использовании. Таблица умножения занимала в ней не 9 x 9 строчек, как у нас, а 59 x 59 = 3481.

В том же духе может быть раскрыта культурно-логическая семантика других чисел. Скажем, 666 – трижды повторенная шестерка в десятичной системе счисления или сумма чисел от 1 до 36 (т.е. трижды 12 или шестерки в квадрате). Будучи священным в языческом Вавилоне, оно было объявлено в христианстве "числом зверя". Подобные изыскания, однако, не представляют особого интереса в нашем контексте. Ведь мы изучаем не то, каким кажется то или иное число определенным обществу и культуре, а по сути обратный процесс: каким образом числа и сопряженная с ними логика сказываются на социально-политической организации социумов, их научных, эстетических, философских и прочих продуктах. При этом особый акцент поставлен на современной эпохе, эпохе образованных масс, поскольку в ее границах сформировался влиятельный приводной механизм от элементарных логико-арифметических представлений, с одной стороны, к коллективной реальности, с другой, т.е. механизм рационального сознания и бессознательного. По той же причине предпочтение было отдано сравнительно малым числам, не превышающим 4 (или 5), а все остальные представлены как результат их композиции.

Примечания

1 Малое и большое тесно взаимосвязаны. Если отрезок или ограниченная фигура разбиваются на бесконечно малые части, количество таких частей оказывается бесконечно большим. О "бесконечности, которая размещается на ладошке младенца", говорится и в Каббале (см., напр., [334, с. 140]).

2 Ex nihilo nihil, из ничего ничто, – утверждали античные атомисты. А раз из ничего не только ничто не проистекает, но и не следует, то попросту не о чем говорить.

3 У ученых существуют и отличные мнения. Так, А.А.Вайман в книге о шумеро-вавилонской математике пишет: "В шестидесятиричной системе так и не появился специальный знак для нуля" [69, с. 14].

4 Историки математики находят и более ранние европейские истоки. Леонардо Пизанский, Фибоначчи (1180 – 1240), совершивший путешествие по Востоку, систематически излагает положения арабской математики, алгебры, у него впервые в Европе нуль встречается как настоящее число [142, с. 261]. Как бы там ни было, отрицательные числа и нуль вводились и понимались чисто формально – для того, чтобы придать универсальность операции вычитания [118, с.19]. Подлинный смысл у таких чисел, полагали, отсутствовал, не случайно их считал "искусственными", "ложными" даже Декарт. Трудно не согласиться с замечанием Ж.Пиаже и Б.Инельдер в работе "Генезис элементарных логических структур": "Нуль – последнее из чисел, открытых арифметикой" [248, с. 214]. А справочник Выгодского, передавая европейский опыт, утверждает: "Довольно поздно к семье чисел присоединился нуль. Первоначально слово "нуль" означало отсутствие числа (буквальный смысл латинского слова nullum – "ничего"). Действительно, если, например, от 3 отнять 3, то остается ничего. Для того, чтобы это "ничего" считать числом, появились основания лишь в связи с рассмотрением отрицательных чисел" [87, с. 59]. Эхом прошлого незнания европейцами числа нуль является, в частности, то, что, строго говоря, смену тысячелетий нам следовало бы праздновать не в 2000, а в 2001 г.: когда в VI в. монах Дионисий Малый готовил материалы для нового календаря, нулевой год от Р.Х. он просто не мог ввести и начал счет сразу с единицы.

5 Ср. также средневековых алхимиков, многое заимствовавших у античности: "Любое оперирование числом начинается с единицы. Неоплатоническое Единое. Единица – еще не число, но прародительница всех чисел" [264, с. 107].

6 Понятие "шунья", пустое, было переведено на арабский язык словом "сыфр", имеющим то же значение. Последующий перевод с арабского на латынь сохранил это имя без перевода в виде ciffra,

откуда происходят французское и английское zero, немецкое Ziffer, русское "цифра", первоначально означавшее "нуль". Сказанного, однако, этимологические изыскания не в силах отменить: нуль как интеллектуальная, даже духовная сущность до сих пор для нас – иностранец.

7 О.Шпенглер называет нуль "мечтательным творением, исполненным удивительной энергии обесчувствления и оказывающимся для индийской души, которая измыслила его в качестве основания для позиционной системы цифр, прямо-таки ключом к смыслу бытия" [380, с. 217].

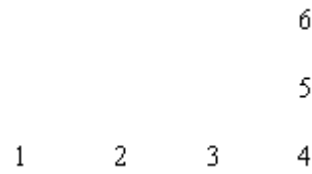
8 То, чем в литературе служит молчание на фоне слов, в изобразительном искусстве XX столетия выступает как отсутствие предмета. Изображение без предмета в XIX в. показалось бы нонсенсом, но в новейшую эпоху беспредметная живопись обретает вполне реальный смысл. Подпороговое некогда значение M = 0 материализуется, входит в сознание общества в разных конкретных обличьях.

9 "Естественность" не прививается к мироощущению Достоевского по всем азимутам. Если в "Войне и мире" Л.Толстого прекрасны и гармоничны "природные", непринужденные типы вроде Наташи Ростовой, Платона Каратаева, то у Достоевского "естественность" – обычно синоним скотства (например, Свидригайлов). На роль "прекрасных" скорее претендуют лишенные опоры под ногами мечтатели, но и в них нет гармонии, ибо возведенные ими здание жизни обязательно драматически рушится. По-своему "естественна" Соня Мармеладова из "Преступления и наказания", но она прекрасна исключительно благодаря добровольно принятому страданию, готовности к жертве и нравственному подвигу, что является атрибутом христианской, а не просветительской позиции. Что касается детства, как репрезентанта "естественности" и невинности, то Достоевский открыто отказывается от такого стандартного мнения. В "Братьях Карамазовых" гимназисты беспощадно жестоки, исходят из надуманных ценностей. Потребовалось вмешательство Алексея Карамазова – христианское! – чтобы в детях проснулись их лучшие нравственные качества (история с Колей Красоткиным).

10 Посредством рефлексии здесь выявляется отзвук деперсонализации, заключенной в неопределенно-личном местоимении man на фоне определенно-личных. Деперсонализация – экзистенциально враждебный акт, сравнимый с погибелью души; ср.: страх "потерять лицо" – один из сильнейших мотивов культуры Китая, Кореи, Японии.

11 Основанием для отнесения трех различных течений XX

века к одному и тому же, четвертому типу служит весьма простое соображение. Политические авангардисты кардинально изменили предшествующую политическую установку, создав принципиально новую. Если попытаться изобразить это геометрически, придется прибегнуть к ортогональному измерению:



Сколько бы элементов ни заполняло соответствующее четвертое место, все они – в ряду трех предыдущих – идентифицируются в качестве "четвертого". (Следующим подобным "поворотом", похоже, стал 1968 г., по крайней мере "зеленые" ФРГ, чьи духовные истоки – в молодежной революции 1968, объявляют себя "непартийной партией", пытаются создать исторически беспрецедентную идеологию, первую, которая соответствует наиновейшему постиндустриальному, информационному обществу.)

12 Ср. один из технологических приемов буддизма: "В буддийских писаниях мы иногда пользуемся обширными аналогиями, пытаясь описать пустой ум. Иногда мы употребляем для этого астрономически огромное число, такое большое, что оно не поддается подсчету. Это значит, что нужно прекратить счет, если оно столь велико, что вы не можете его сосчитать, тогда вы потеряете интерес к делу и, наконец, оставите все усилия. Описания подобного рода могут возбудить своеобразный интерес к бесконечно большим числам, что поможет нам остановить мыслительную деятельность нашего малого ума" [324, с. 166].

13 Образ сферы или шара, напомним, – один из излюбленных древними. Со времен Пифагора шарообразной стала считаться Земля, такая же форма присуща единому Сущему элеатов. У Эмпедокла космос то соединяется в единый бескачественный шар, то распадается. Сфера – наисовершеннейшая фигура у Платона и Аристотеля.

14 Соответственно, последним уделялось существенное внимание в эзотерических практиках Востока – режимам дыхания у йогов, "смеху от живота" в дзэн-буддизме.

15 В современной математике в качестве "точек" порой

выступают самые разные объекты (функции, классы и т.д.). Эти "точки" вовсе не обязаны обладать нулевыми размерами в обыденном смысле, и, скажем, в модели расщепленных, калибровочных пространств роль "точек" играют бесконечные n-мерные пространства. "Точка" может обладать развитою внутренней структурой. Но здесь вряд ли уместно вдаваться в детали; настоящая сноска призвана лишь "раскачать" воображение читателя.

16 Топология политической системы Италии – в связи с "размерностью" – была более детально рассмотрена в специальной статье [197]. Там же определено и конструктивное место мафии. Однако предпосылкой значимости подобного феномена в политической системе является "самоотрицание" последней, что описывается решением $M = -1$.

17 Парменид (в передаче Платона) описывал Единое как "беспредметное, не имеющее частей", которое "не движется и не стоит на месте", "не причастно времени и не существует ни в каком времени" и замечал: "Если Единое не существует, то ничего не существует" [251:II, 166, c].

18 Эту точку зрения разделяли не все. Так, возникший в VIII – IX вв. в странах Арабского халифата суфизм утверждал, что реально существует только Бог, а все окружающие вещи, явления – не более, чем Его эманация. Соответственно, высшей целью становилось соединение человеческой души с Богом, отрешение от всего земного. Можно заметить, в логико-философском аспекте суфизм – это "разбавленный", "ослабленный" вариант элеатской позиции, поскольку для "другого", для эманации, при всей ее призрачности, здесь все же находится место.

19 П.Сорокин приводит слова Бенджамина Франклина: "Помните, что время – деньги. Помните, что деньги имеют производящую, плодоносящую природу" [305, с. 492].

20 Подобный шаг совершает, в частности, А.С.Эддингтон. "Quis custodient ipsos costodes? Кто будет наблюдать за исследователями (наблюдателями)?" – спрашивает он в одной из работ [385, с. 129]. И хотя ответ был дан – "эпистемолог", но и сама физическая теория может быть также дополнительно "эпистемологизирована".

21 Наши предшественники были склонны гилозоистически толковать небесные светила. На языческой стадии и солнцу, и луне соответствовали собственные боги, звезды почитались обиталищем душ предков, а то и самими этими душами. На это обращает внимание К.Юнг: "Первобытного человека не удовлетворяет, что он просто видит солнце восходящим и заходящим; это внешнее наблюдение должно быть одновременно

и душевным событием, т.е. солнце в своей перемене должно являть судьбу какого-то бога или героя, который по сути обитает не где-нибудь в другом месте, а в душе человека" [430, S. 13f]. До сих пор астрология считывает с рисунка светил предначертания судеб людей и народов, а древние волхвы вычислили по звездам время и место рождения младенца Иисуса.

22 В других местах он был иным: восемь дней в раннем Риме, десять в Китае, пять или шесть в отдельных районах Африки и Центральной Америки.

23 В.Б.Иорданский солидарен с той же точкой зрения, что и К.Юнг: "Связь двух чисел – трех и четырех – с мужским и женским началами очевидна там, где преобладающее мужское влияние сомнений не вызывает, число "три" как по преимуществу число мужское играет первые роли. Напротив, оно отступает на второй план в культурах с отчетливой женской доминантой". При этом семерка превратилась в знак единства мужчины и женщины, в символ гармонической целостности вообще [там же].

24 Psychological Review, v. 63, 1956, № 2, pp. 81-97.

25 Дефиниция "крокодила", возможно, была бы корректной, если речь шла бы не об обществе, а о толпе, не о культуре, а о слепых импульсах, инстинктах. Вследствие социализации миллионы все же не опускаются до действительно звериного уровня; культура, не исключая и массовую, не без успеха обслуживает потребности индивидуального сознания. И действительно, в разделах 1.3 и 1.4 у нас была возможность на практике убедиться, что и политика, и культурные феномены эпохи масс руководствуются пусть и вполне элементарными (числа 3 и 4), но все же рациональными критериями. В скобках уместно заметить, что общество "проще" среднего человека не всегда – только в случае эгалитарности; в элитарных сообществах положение может быть и обратным, о чем, впрочем, ниже.

26 Сумма членов арифметической прогрессии, сказали бы ныне, а греки думали о треугольных числах, т.е. выражающих количество шаров, выложенных на плоскости в виде правильных треугольников:

27 У китайцев, в свою очередь, дроби появляются почти одновременно с целыми числами. "Первыми дробями были 1/2,

1/3 и 2/3, называвшиеся соответственно "половиной", "малой половиной", "большой половиной"" [там же, с. 162].

28 Ср. также 12 последовательных действий алхимика и венчающее Великое деяние тринадцатое – неназванное ничегонеделание, отсутствие какого-либо действия [264, с. 136]. Такое тринадцатое не нарушало гармонической целостности дюжины, ее священности.

29 В современных семиричных конструкциях обычно более прозрачен присущий им смысл, хотя по-прежнему прослеживаются следы упомянутой аддитивности. Так, президент В.В.Путин делит Россию на семь округов: Северо-Западный, Центральный, Северокавказский, Приволжский, Уральский, Сибирский, Дальневосточный. Читатель сразу заметит присутствие значимой семантической грани между "ближнею" европейской и психологически "дальней" частями. При этом первая образована четырьмя округами (Северо-Западный, Центральный, Северокавказский, Приволжский), вторая – только тремя (Дальневосточный, Сибирский, Уральский). Почему две части состоят из разного количества звеньев? – Оставив в стороне прагматику, допустимо примерить изучаемую схему. Собственно европейская и "азиатская" части занимают в общественном сознании существенно разное место – первая по традиции считается "главной". Ей, в частности, принадлежит культуро- и политикообразующая функция: соседствующий с Западной Европой, исторически более ранний район заселения и до сих пор намного более многолюдный, воспринимается россиянами как источник самых важных событий. Событий как прошлых, так и настоящих. Такое мнение у жителей не только самой европейской части, но и у всех. Обитателю российского Дальнего Востока мало что известно о ближайших соседях (китайцах, корейцах, японцах), они до сих пор для него – непонятные и "чужие". Географически его интересы – в "Европе". Наконец, центр политической власти – конечно, в ней же, в Москве. Итак, основной и культурный, и политический актор России – в ее западной части, тогда как восточная – "отдаленная" и зависимая, остающаяся объектом манипуляций. В разделе 1.3 установлено: классификации и деления, ведущие к целостности представлений, в простейшем случае тринитарны; критерий $n = 2$ приводит к $M = 3$. Напротив, если в процессе принимает участие действующий актор (наподобие "наблюдателя" релятивистской теории и "экспериментатора" квантовой), то ситуация трансформируется в модель $n = 3$, $M = 4$. Поэтому европейская часть и подведомственна квантиодромии. В итоге общая семиричность по округам представляется в виде $M = 4 + 3$.

30 В момент возникновения шестидесятиричной системы вавилоняне уже обладали довольно обширными познаниями в геометрии и астрономии.

31 То, что вавилоняне часто пользовались зависимостями, сводящимися в конечном счете к a2 + b2 = c2, отмечает А.А.Вайнман [69, с. 129].

32 Кстати, существует лишь еще одна тройка чисел, обладающая подобными "многозначительными" свойствами: числа культурно актуальны, взяты подряд и при этом являются "пифагоровыми", – это тройка (– 1, 0, 1). Но ни об отрицательных числах, ни о нуле в означенный период еще не знали.

33 Двенадцать – это и сумма трех, четырех, пяти, т.е. периметр соответствующего треугольника или композиция рядоположенных трихотомии, квантиодромии, пентадромии. Наши предки пристально следили за подобными обстоятельствами.

34 Определение времени по звездам обусловливало связь тригонометрии с хронологией. В древних календарях годовой цикл разбивался ровно на 360 частей, т.е. дней; позднее прагматические соображения заставили "подпортить" столь логичное число.

1.6. Итоги первой главы

Для удобства в процессе предшествующего изложения все поле культурно-психической жизни общества было разбито посредством двух оппозиций: "сознательное – бессознательное", с одной стороны, и "рациональное – иррациональное", с другой. Результат – образование четырех секторов: 1) сознательное рациональное, т.е. обычная рациональность, например научная, 2) сознательное иррациональное – к нему тяготеют многие положения искусства, религии, паранаук, в общем, наше знание об иррациональном, 3) иррациональное бессознательное, ставшее центральной темой, скажем, психоанализа, и, наконец, 4) рациональное бессознательное – то, что по природе рационально, но в нем не отдается отчет. Основное внимание было направлено на четвертый квадрант, к нему подбирались соответствующие ключи, хотя условность деления иногда побуждала пересекать демаркационные линии – тем более, что то же самое нередко происходит в реальности: иррациональное (к примеру мифологическое) обзаводится рациональным (в частности числовым) измерением, и наоборот, рациональное по содержанию догматизируется, стяжает мифологические функции или содержание (трехмерное пространство, тройки сказочных персонажей, рай-чистилище-ад-земля-). Еще Витгенштейн в работе "О достоверности" указывал, что все наши представления определяются некиими правилами игры: правилами, которые мы учили с детства и которые реализуются в повседневной, в том числе общественной, жизни. "Предложения, описывающие картину мира, можно было бы отнести к определенному роду мифологии. И их роль подобна правилам игры. Этой игре можно научиться чисто практически, без сформулированных (ausgesprochene) правил" [450, S. 486].

Вероятно, не вызвало возражений, что в итоге наши культура и общество подпадают под метафору айсберга, большая доля которого под поверхностью, и бессознательные импульсы и мотивы во многом влияют на сознание коллективов, их поведение. Выбор в пользу *рационального* бессознательного исходит из предпосылки, что рационален в массе прошедший сквозь школьные штудии человек, и позволяет применять при анализе точные методы. В центре внимания на протяжении всей главы оказывалась антропогенная реальность, ведь даже физика – это *образ* природы, самосогласованное и социально-исторически обусловленное знание о ней. Применительно к литературе,

политике, философии такое утверждение тем более справедливо. В конечном счете мы имеем дело с коллективным сознанием (в собирательном значении, т.е. вместе с бессознательным), которое в равной мере и апостериорно, и априорно. Наличие априорного компонента способно вызвать из памяти метафизические спекуляции, но это ложный ход – речь не шла о знаниях без основы. Для обоснования, во-первых, можно сослаться на один из эпистемологических тезисов Леви-Строса: социальные структуры относятся не к эмпирической действительности, а к *действительности сконструированных моделей*, цит. по: [434, S. 645], – то же, по всей видимости, справедливо и в проекции на структуры культурологические. Во-вторых, конечная эмпирическая основа в нашем случае все же присутствует, а именно как элементарно-математическая образованность тех, кто оперирует стереотипами, мифологемами, идеологемами – их создателей, с одной стороны, и перципиентов, с другой. Имеются в виду устойчивые интерсубъективные конструкты, которые потому и становятся "общим местом", что объединяют всех нас поверх индивидуальных, национальных, исторических особенностей. Психологи заверяют, что математические способности – самые распространенные. Но даже если кто-то изначально ими не обладает в полном объеме, в процессе социальной инициации ему все равно приходится овладеть простейшими арифметическими и арифметикоподобными истинами и операциями, или, если угодно, арифметика овладевает сознанием каждого из нас, согласно или вопреки нашей воле. Такой тривиальный и общеизвестный факт наделяет социум и культуру целым букетом специфических свойств, влечет за собой многообразные следствия, которые по разным причинам не принято замечать. В частности, простейшие навыки комбинирования, счета присущи даже животным, для людей же они – из области само собой разумеющегося. Именно это внушает уверенность в правомочности изучения коллективного сознания, бессознательного с помощью адекватных математических приемов.

Наряду с некорректным сравнением с метафизикой, налицо и другая опасность. Анализируемые закономерности – в языке, политике, философии, литературе, науке – действуют с неизбежностью механизма, школьной теоремы и оттого способны вызвать превратную ассоциацию с механицизмом. Подобное сходство тем более подозрительно, что предметом изучения служит в первую очередь сфера мышления и только через нее – порождаемая действительность (включая политическую). Наше мышление, наш политический выбор несвободны? Свобода,

впрочем, – атрибут индивида, по отношению же к большим коллективам ее наличие – под вопросом. Кроме того, во всех случаях приходится говорить о границах свободы, а также о ее объективных условиях.

В настоящем контексте полезно сослаться на работу Е.А.Седова "Информационно-энтропийные свойства социальных систем" [290]. "Возрастает или сокращается внутреннее разнообразие систем в процессе эволюции? – ставит задачу автор и отвечает: – Действительный рост разнообразия на высшем уровне обеспечивается ее эффективным ограничением на предыдущем уровне". Так как мы, в свою очередь, обращаемся к частично или полностью бессознательному подуровню современных культуры и социума, то естественно сталкиваемся с упомянутыми "эффективными ограничениями". Люди пользуются свободой там, где погружены в неканонизированные интеллектуальные реалии, специфически современного типа и стиля, но насколько действуют стереотипы, насколько признаются полномочия и авторитет архаического мышления, настолько свобода в значительной мере утрачивается. Вдобавок сама арифметика – продукт тех эпох, в чьи привычки не входила специальная забота о свободе – ни физической, ни духовной, – человек был предан во власть велений богов, звезд и судьбы, подчинялся диктату социальной иерархии, а догма и традиция всесторонне регламентировали как внешнюю, так и внутреннюю жизнь. На авторитете и подчинении правилам построено и изучение арифметики в школе. Соответствующие импликации, следовательно, пронизывают и нашу эпоху.

Е.А.Седов предпринимает более детальное исследование, устанавливая, что в реальных информационных системах – социальных, культурных – существует оптимальное соотношение между мерами детерминации и варьирования. Так, в языке на долю детерминации приходится около 80% информации; здесь хранятся правила, обусловливающие целостность языковой структуры, ее внутреннюю согласованность, правомочность. В оставшихся 20% содержатся те самые новости, ради которых составляется и прочитывается текст. Эти выводы пребывают в согласии с опытом: наша речь прежде всего автоматична, она опирается на свод грамматических и стилистических, прописанных и полугласных правил, и только на такой почве обретается языковая непринужденность, способность адекватного выражения соображений и чувств. Дефицит автоматизма и детерминации, напротив, – пусть каждый вспомнит о процессе изучения иностранного языка – сковывает нас по рукам и ногам. Не иначе обстоит и с науками, исходящими из набора

установленных и общепризнанных истин, или с обществом, политический выбор которого всякий раз отталкивается от гласных и негласных норм. Попытки обновить слишком много приносят разочаровывающие плоды – анархию, затем диктатуру. Только ограничение разнообразия обеспечивает надлежащую структуризацию системы, – резюмирует Седов, – и ограничению подвергается нижележащий уровень ради разнообразия функций и структур социальных систем более высоких уровней.

Если отталкиваться от цифр Е.А.Седова, то, скажем, политология, изучающая проблематику современных обществ посредством специфически современных же представлений и методов – зиждущаяся на предпосылках принципиальной альтернативности выбора поведения граждан, партийных руководителей и правительств, осуществляющая учет воздействий со стороны экономической конъюнктуры, масс-медиа и т.д., – по сути имеет дело лишь с 20% заключенной в социумах информации. Обязательная для сайентизма установка на новизну ведет к неизбежной неполноте, даже к скудости получаемых знаний об объекте и/или ненадежности результатов. Апелляция к нижележащему – генетически не новому и в корне более детерминированному – пласту предоставляет вчетверо большие возможности. Опираясь на этот резон, мы посчитали полезным изучать современные общества – см., например, разделы 1.4.2, а также главы 2 и 3 – посредством старинных аналитических методов, практически игнорируя современные. Избирая предметом язык, мы рассматриваем его грамматику, точнее, ее логико-числовые закономерности. Обращаясь к социуму, мы также заняты по существу его имплицитной "грамматикой" – что иное имелось в виду, когда осуществлялся подсчет социальных классов, политических течений, региональных ансамблей, геополитических блоков? Воспользовавшись терминологией М.Полани, это можно назвать неявным знанием, имперсональным и целостным по природе, которым человек обладает наряду с явным, личностным знанием и которое в силу своей неэксплицированности остается периферическим [254, с. 275]. Да, предложенный подход в свою очередь не исчерпывающ: 80% – это не 100. Но и не 20. Вероятно, со временем (уже за рамками книги) окажется целесообразным совместить "архаические" и новейшие установки. Однако прежде необходимо довести до кондиции оба эпистемологических компонента, ибо первый из них пока не достаточно разработан.

Число – протосмысл предметных представлений в различных областях. Оперируя единицами, выявляя их связь, удается многое узнать об организации и семантике социальных и культурных

систем. Переход от абстрактного числа к концептам тех или иных дисциплин требует осмотрительности; порой, несмотря на видимую простоту, не удается застраховаться от ошибок, особенно когда имеем дело с прогнозами. В самом деле, арифметика ахронична, однозначна по результатам и оттого в равной мере пригодна для анализа как прошлого, так и будущего. Зато не всегда однозначен акт опредмечивания единиц, т.е. облечения их в плоть конкретных понятий и стоящей за ними реальности. В частности, логико-числовые законы не полностью детерминируют даже конечные, устойчивые состояния соответствующих секторов культуры и социума, оставляя люфт для варьирования, задавая паттерн, но не расставляя всех акцентов. Последнее – компетенция прикладных наук, вопрос их такта и интуиции. По-видимому, и само общество, будучи образованным и оттого выступая в качестве своего рода "счетной машины", сохраняет за собой возможность определенного выбора, например, заменяя одну единицу другой, более или менее эквивалентной, а не то и – обычно в не очень важных для себя ситуациях- отступая от математически строгого правила. Именно по этой причине термину "законы" мы предпочли слово "закономерности". В связи с чем, возможно, допустимо позаимствовать красивую дефиницию у одной из паранаук, астрологии: "Звезды предупреждают, но не приказывают", – сходным образом "предупреждают" и арифметические закономерности, на сей раз, однако, с большей степенью обоснованности и достоверности, т.к. процесс подчиняется вполне реальным и верифицируемым факторам.

Упомянутая особенность применения логико-числового подхода роднит его со старой, досайентистской рациональностью: несмотря на математизацию, речь не идет о точной науке наподобие физики, химии, исчисляется не предметная реальность, а смыслы. Впрочем, и сама математика имеет предметом поле точных смыслов, и потому, во-первых, ее иногда называют "беспредметной" наукой (из-за отсутствия "материального" объекта) и, во-вторых, она становится аппаратом совершенно разных наук, с разными вещественными предметами ("универсальность" математики). Предложенный метод специфичен лишь в том, что в его прикладном аспекте не происходит полного перехода от смыслов к их денотатам: мы исследуем социальные и культурные реалии не как таковые, объективно и в качестве эмпирических данных, а преимущественно их семантику, т.е. проекцию на сознание (с тем же правом можно утверждать, что в роли самостоятельных изучаются *формы* явлений, более или менее автономные от их

содержаний). Перед нами определенная смесь, или взвесь, точных и гуманитарных наук, вернее реконструкция состояния до их разделения. Естественно, в данном случае игнорируется противопоставление наук о "мертвом" и о "живом" (математику современные гуманитары нередко квалифицируют как науку о "мертвой" природе, с чем сами математики вряд ли согласятся) или, в более новой транскрипции, наук о природе и о духе (прежде, пока не была "механизирована" природа, она также считалась причастной "духу" – в гилозоистическом варианте или в роли творения).(1) Но разве не соответствует подобному синкретизму общество в целом, самые первые, фундаментальные представления каждой из отраслей, разве допустимо пренебрегать комплементарным детским, школьным уровнем понимания? Обучая арифметике, в школе нас наделяют способностью и привычкой отождествлять себя с некиим искусственным субъектом, смотреть его глазами, занимать по отношению к миру особую – "объективированную" – позицию (позицию считающего). Исчезает ли в нас в дальнейшем подобный субъект, ракурс взгляда? Со временем нами осваиваются более сложные истины, но они нанизывается на исходные как на красную нить. И еще: массовый человек склонен перетасовывать, "приводить к общему знаменателю" в своей голове информацию из естественных и гуманитарных областей, используя перекрестные аналогии и термины и зачастую считая "мертвыми", "схоластическими" как раз гуманитарные знания и социальные институты (ср.: государство или бюрократический аппарат как "машина") – в отличие от "живого" телевизора, компьютера или чутко реагирующего на отношение к себе автомобиля (у этих устройств есть персональный "характер"). Обыденное сознание, как некогда магическое и натурфилософское, также оперирует сквозными смыслами – вопреки позиции узких специалистов.

Сходство с архаической установкой наблюдается и по другим критериям. Среди них – определенная "статичность". До Нового времени не было принято исповедовать историзм, принципиально ахронична, как сказано, и арифметика. В свою очередь, наша модель не содержит в качестве явного параметра время. Не покажется ли ложным подобный подход, особенно в случае современного, динамичного общества? – Такой упрек бьет мимо цели, ибо все дело – в выборе ракурса взгляда.

Ныне принято ставить акцент на динамизме, на преходящих аспектах действительности, а ведь инварианты никуда не исчезли. К примеру, динамичен ли стереотип? – Один из них сменяется другим, каждый в процессе функционирования

претерпевает известную эволюцию. В этом плане стереотип динамичен. Но является ли он динамичным по существу и строению, будучи взятым на каждом этапе, где сохраняется его идентичность, т.е. когда перед нами *один и тот же* стереотип? – По определению, нет. Значит, рассматривая стереотипы, которыми полна любая предметная область (политика, наука, искусство), под данным углом, от изменчивости допустимо отвлечься.

Названной чертой обладают не только стереотипы. Под знаком конечности и окончательности пребывает любой научный концепт – в противном случае им просто не удастся воспользоваться. Так, физики составляют для описания динамических случаев уравнения, содержащие определенное количество членов, выражающие исчерпывающий баланс отношений между ними. При этом переменные выступают в качестве заданных, пусть не по величине, а по смыслу. Таковы и гуманитарные объяснения, поскольку окончателен и конечен, "эсхатологичен" сам акт понимания.

Особый разряд – когда изучаются в принципе завершающиеся, так называемые терминальные, процессы. Формирование стереотипов – один из примеров, и, скажем, канонизации схемы трех ветвей государственной власти предшествовала страстная дискуссия просветителей о необходимости разделения полномочий между королем и парламентом (n = 2, M = 3). Терминальным, однако, может быть не только интеллектуальный, но и пребывающий под его крышей реальный процессс. К началу 1960-х гг. мировое сообщество разделилось на Запад, Восток и "неприсоединившийся мир" – таким был итог Второй мировой и начала холодной войны, многообразных событий на политической сцене; за каждой из единиц стояли политические и экономические организации. Спустя тридцать лет этот порядок подвергся ревизии, но внутри данных исторических рамок правомочно констатировать устойчивость, или "статичность".

Существуют процессы, завершение которых по существу гарантировано. В главе 2 в роли таковых выступят революции в массовых социумах. До сих пор любая из них рано или поздно приходила к концу, и общество вступало в постреволюционную, относительно стабильную стадию. Что воспрещает занять соответствующую исследовательскую установку, исследуя в первую очередь промежутки между революциями и ведя счет предшествующим революциям как данным, как завершенным? Вскоре увидим, что из этого получится. В еще большей мере терминальность присуща избирательным процессам, ведь каждая

из предвыборных гонок неизбежно заканчивается назначенным на определенную дату голосованием и подведением его итогов – это тема третьей главы.

Таким образом, в ряде случаев время как таковое удается вывести за рамки модели, что отнюдь не противоречит свойству динамичности. На том же основана возможность политических прогнозов. Арифметике безразлично, что просчитывать – прошлое, настоящее или будущее. Главное, что настоящие и будущие состояния некогда завершаются и могут быть рассмотрены "sub specie aeternitatis". Неважно, если эта "вечность", завершенность в настоящий момент отсутствует, во внимание принимается не столько фактическая, сколько логическая завершенность.

Последняя находит свое выражение в специфическом качестве исследуемого объекта – будь то культурный концепт, социальная или политическая структура, – а именно в его *внутренней обязательности*. Ее наличие или отсутствие в реальной системе обычно ощущается интуитивно. Так, сразу воспринимаются в качестве "обязательных" представления о "Третьем Риме", трехмерном физическом пространстве, наборе грамматических лиц или периодизации Древность – Средневековье – Новое время (см. раздел 1.3). Другим случаям, напротив, даже если есть возможность считать, недостает адекватного обязующего духа – вспомним, например, о совокупности падежей существительных. Последняя исторически изменчива, конвенциональна, изменяется от языка к языку: в современном русском 6 падежей, немецком – 4, английском – 2, венгерском – 36, абхазском – в районе шестидесяти. Такие системы не удовлетворяют какому-нибудь из ранее сформулированных требований, в частности сквозной логической связности, простоте (см. раздел 1.2), и оттого не поддаются расчету, по крайней мере посредством использованной модели. Аналогично, лишено перспектив пытаться подменить автономную, внутреннюю логическую обязательность какой-либо разновидностью внешней: будь то авторитет и традиция (7 металлов, 7 планет) или область эмпирики (планет на самом деле 9 или, согласно последней гипотезе астрономов, 10). Подобные источники обязательности выводят подчиненные им представления из сферы имманентной элементарно-математической необходимости и, если не подкрепляются-таки изнутри, то не служат достаточной базой для проведения вычислений. Впрочем, встречаются прецеденты, когда происхождение определенных образов и концептов первоначально восходит именно к внешним источникам, скажем

к голой догадке, подражанию и заимствованию, но впоследствии в них все же обнаруживается строгая логика. Так, четверки – 3 + 1 – главных героев романов Дюма ("Три мушкетера"), Достоевского ("Братья Карамазовы"), Ильфа и Петрова ("Золотой теленок") имели множество древних прообразов – см. весна-лето-осень-зима, восток-юг-запад-север и др., – запечатлевали новейшие стереотипы эпохи: релятивистское пространство-время, структура блоков двух мировых войн, Крымская война или (см. главу 2) продукт революций 1848 г. в Европе. Широкий ассоциативный контекст не препятствует здесь наличию точного логического стержня, а факт его безотчетности вполне отвечает статусу бессознательного.

Применительно к антиципативной возможности долженствование в социальных и культурных системах нередко связано с так называемыми *"самосбывающимися прогнозами"*. Таковые встречаются в экономике, пребывающей на границе материального и психологического миров, и, скажем, на курс национальной валюты влияют не только состояние производства и сбыта, объем денежной массы и т.п. объективные факторы, но и общественные *ожидания* (падения или роста). В еще большей мере психологические моменты сказываются на политических и культурных процессах, зачастую оказываясь основными. Упомянутое долженствование и привносит в коллективные настроения обязующую силу, когда оказывается, что создаваемая обществом реальность не в состоянии отступить от диктуемых форм: ожидания и их результат тавтологически совпадают.

Надеюсь, после множества приведенных примеров читатель научился ориентироваться в пространстве реальных семантических систем и отделять зерна от плевел. Долженствование архаической рациональности еще не отличалось тем духом безличной (и "бездушной") абстрактной необходимости, который она стяжала впоследствии. Уже в такой простой операции как счет латентно пребывает определенная доля условности, поскольку суммированию подлежат хотя и разные, но логически однородные предметы, и меру различий и сходства приходится определять "на глазок". В связи с чем уместно вспомнить об одном из высказываний Хейзинги: на дне всякого серьезного суждения присутствует осадок проблематичности, "любое высказывание решающего суждения признается собственным сознанием как неокончательное. В том пункте, где суждение колеблется, умирает понятие абсолютной серьезности" [361, с. 239] и, следовательно, вступает стихия игры. В нашем случае вариативное, игровое начало особенно заметно, поскольку речь идет о комбинаторных, перестановочных

операциях. Сочетание долженствования и игры придает числовой организации известный "гуманитарный" оттенок (ср., скажем, различие между научной необходимостью и судьбой). Ее, числовой организации, работа на гуманитарном материале (культура, общество) лишь подчеркивает данное обстоятельство, ощутимое и интуитивно: читатель, вероятно, почувствовал, что, например, количество ведущих персонажей в романе или региональных ансамблей в Европе – по своей модальности не совсем то, что число нуклонов в атомном ядре или планет в Солнечной системе. Архаическая рациональность инсталлирована в новое бессознательное, и математические представления используются отчасти "метафорически", ср. [222, с. 19].

Еще в древности образованный класс активно использовал формообразующую силу числа; в Новейшее время переживание и проживание комплексов, так или иначе родственных счету, числу, превратилось во всеобщее достояние, как и привычка объединять счетные объекты, понятия в своеобразные компактные группы, симплексы. Вместе с массовой образованностью, секуляризацией, отказом от авторитета традиций скачкообразно возрастает степень рациональности культуры и общества, числовые закономерности все более подчиняют себе и сферу политики. Без преувеличений, число, относимое некогда к natura naturata (созданной природе), превратилось под напором всевозрастающей виртуализации в natura naturans (творящую, действующую природу). Тот факт, что гуманитарные и социальные науки, как, впрочем, и естественные, исполняют в значительной мере *коммуникационную* функцию, в свою очередь увеличивает вес простейшей рациональности в представлениях о культуре и обществе. Чем более активно гуманитарии и социологи открещиваются от такого рода закономерностей, с тем большей степенью бессознательности, автоматизма они действуют. Вообще, сайентистам и прогрессистам присуще сосредоточиваться на *открытиях* каждой новой эпохи, подчас забывая о том важном, что они закрывают, утрачивают. Не стала исключением и числовая мудрость зари нашей цивилизации, средневековья и Возрождения, которую выплеснули вместе с грязной водой адепты новых течений вместо того, чтобы перевести ее на адекватный современному контексту язык. Она квалифицируется как наивная, тогда как наивность, если ее не признавать за собой, возводится в квадрат. И еще: если справедлива гипотеза, что мы стоим на пороге очередной радикальной смены научных парадигм, тем более целесообразно произвести инвентаризацию, выявив то, что выдержало испытание тысячелетиями.

Сказанное – не достаточное объяснение, почему числовые закономерности вытесняются за порог актуальной культуры. К списку причин следует, по-видимому, добавить и следующую. Как мы уже убедились, и в обыденности, и в науках ряд симплексов играет роль первичных, далее не анализируемых представлений или имагинативных конструкций. Подобно еще одному продукту коллективного бессознательного, символам,(2) они возникли стихийно и впоследствии работают автоматически; с опорой на них строятся предметные знания, систематизации. Если спросить у говорящего, почему он использует именно три грамматических лица или три времени, он будет поставлен в тупик и в лучшем случае сошлется на очевидность или школьный учебник. Трехмерность пространства проиллюстрируют с помощью пальцев. Выяснение предпосылок логического деления проблематизирует то, что прежде было выведено из зыбкой зоны условности и вопросов, т.е. деавтоматизирует автоматическое. Такая процедура не безобидна, ибо сродни выдергиванию стула, на котором сидишь, и человек, по всей видимости, инстинктивно воздерживается от столь чреватого акта. Коль все же мы отваживаемся на него, техника безопасности мышления требует, чтобы на место прежней – "выдергиваемой" – концептуальной опоры была подставлена другая. С этим, кажется, все в порядке: числовые и комбинаторные операции первичнее и древнее любого из канонических предметных представлений (той же модели трехмерного физического пространства, научной грамматики языка и т.д.). Подобные операции тоже в конечном счете не обоснованы, будучи, как и язык, тавтологическими, поясняющими сами себя. Остается разве что воспользоваться старым советом Б.Рассела: хотя наша рациональность не обоснована, наш долг состоит в том, чтобы действовать так, как будто она обоснована, – и удовлетворяться тем, что уменьшается "сумма необоснованности", т.к. необозримое многообразие предметных стереотипов заменяется унифицированной моделью.

Неохваченным остался психологический "хвост" – сила привычки: ведь для того, чтобы соответствующий концепт работал автоматически, он должен быть неоднократно повторен. Упомянутые предметные представления заведомо удовлетворяют этому условию, тогда как их объяснения еще не вошли в плоть и кровь. Проблему можно решить выработкой новой привычки, потому, в частности, выше было приведено так много примеров. Для простой иллюстрации модели это количество явно избыточно, но для создания наезженной колеи, для решения суггестивной задачи вариативное повторение нелишне. Как на аналогию, можно сослаться на количество упражнений,

потребовавшихся в детстве, чтобы научиться считать и писать или собирать из кубиков те или иные конструкции.

Предложенный подход невольно задел еще одно обыкновение современных наук, а именно их эмпиризм и детальность. Негласной предпосылкой этих наук служит гипотеза: чем больше собрано фактической информации о всех обстоятельствах того или иного процесса (социального или культурного), тем более полным и верным становится знание. Для прогнозирования состояний столь заведомо сложных систем значения характеристик должны быть взяты во времени. О сложном – исключительно сложно, но и это не предоставляет гарантий достоверности составленных прогнозов, особенно долгосрочных. Читатель, вероятно, заметил, что мы исходили из диаметрально противоположного.

Причиной ненадежности нам кажется именно сложность и стремление входить в детали каждого из промежуточных состояний. Рациональное бессознательное, напротив, является в сущности простейшим. Поскольку трудно предположить, что в обозримой перспективе социум перестанет быть образованным или кардинальным образом изменится характер образования (например, перестанут учить считать), постольку названное рациональное сохранит свою силу и в будущем. О сложном, оказывается, можно судить и совершенно просто, но для этого следует воздержаться от попыток вникать во все детали. Приходится отказываться от анализа переходных состояний в пользу конечных, а в рамках последних – от многих нюансов, обращая внимание главным образом на логический каркас. Так, занимаясь вопросом о лицах местоимений, мы интересовались только их конечным числом, закрепленным александрийской грамматикой. Эмпирический и исторический путь, используемый в современных науках, завел бы в полный тупик. Подход к количеству лиц через эволюцию языка столкнулся бы с практической невозможностью собрать необходимый набор фактических данных, с фантастической сложностью обобщения сомнительных по достоверности данных по разным языкам. Столь же малоперспективными выглядят варианты методически сходных политических прогнозов, особенно долгосрочных.

Наш подход перекликается с ясперсовской констатацией наличия "неисторического в истории", т.е. регулярно повторяющейся каузальности [404, с. 242], и в чем-то подражает досайентистским спекуляциям – с той разницей, что от эмпирической основы он не отказывается. Во-первых, эмпирической базой служит элементарно-математическая образованность современного социума, во-вторых, так или иначе

верифицируемыми оказываются и выводы. М.-Л. фон Франц указывала, что если нечто забывается на продолжительное время, то возвращается оно уже в измененном виде – более развитом или, напротив, регрессировавшем [349, с. 280]. Логико-числовой метод был надолго забыт репрезентативной наукой, но за этот латентный период он подвергся прогрессу, а не регрессу, т.к. его значение вместе с переходом ко всеобщему образованию и технологической эре лишь возросло (математический формализм относят к одной из разновидностей техники, технологии). Другой вопрос, что наука не всегда хочет признаваться в слишком элементарном происхождении своих центральных положений и в духе собственных ценностей предпочитает утверждать, что, скажем, деление на каменный-бронзовый-железный века обязано обстоятельному анализу обширного исторического материала. Аналогичную позу принимает и антипод науки, мистика, полагающая, например, свое учение о третьем царстве плодом боговдохновенных прозрений, но никак не тривиальным (вдобавок условным) рациональным соображением. Любая из отраслей знаний, базирующаяся на дистинктивной (различительной) функции, тем самым апеллирует к силе числа. Если при этом не наблюдается отказа от здравого смысла, простейшей логики, подведомственность числовым закономерностям гарантирована. В частности, трудно не согласиться с замечанием В.Б.Иорданского, что с древности "общественная мысль стала подчинять числовым моделям композицию вообще едва ли не всех своих творений. Во всяком случае, в архитектурных произведениях, в поэзии и сказках, в музыке и танцах, как правило, легко выявляется числовая основа их структуры, их внутреннего ритма" [141, с. 42].

Из характера предложенного метода вытекает и такая частная деталь. Если современная политология, социология, культурология всякий раз считают удачей открытие каких-то ранее неизвестных фактов и свойств своего объекта, а новые факты – основа новых выводов (установка на новизну), то наша установка прямо противоположна. Для выводов нам требуются не просто известные, а *общеизвестные* факты, трюизмы – по крайней мере для круга причастных заинтересованных лиц. Так, занимаясь политическими структурами, мы апеллировали к фактам, которые знакомы и подростку, которыми усеяны школьные курсы, романы и потоки масс-медиа. Коль социум современной эпохи является массовым, коль политика не обходится без сознания масс, материалом формообразования служит их достояние, т.е. общеизвестное. Чем близки русский и украинец, немец и австриец и что каждую из этих пар отличает от

казаха или француза, средний человек уверен, что знает. Эти знания и эта уверенность представляются более непреходящими и важными, чем очередная журналистская сенсация или новейшая научная информация об очередном шаге Кремля или рейхстага, выкладки рафинированных аналитиков. Мы работаем, повторим, внутри главной, 80%-ной доли реальности, а она подвержена крайне медленным изменениям и к тому же представляет собой самосогласованную рациональную систему. При этом систему предельно простую, ибо примитивность – атрибут сознания масс, в конечном итоге и масс-медиа. Роль исследователя в таком случае заключается в наведении элементарного порядка, в систематизации того, что все знают и без него. Трудно назвать новостью выявляемые числовые структуры – подспудно они прекрасно известны, ведь во всякой науке, культуре и обществе существуют не только явно высказываемые положения, но и подразумеваемые. Говорить о последних необходимо, ибо в охоте за новизной, в искусственных построениях политики и ученые порой забывают о непреложно-простом, сами того не ведая покушаются на негласные устои существующего социума, его идентичность и тем самым увеличивают издержки развития.(3) Помнить о рамках возможного, об инвариантах нелишне.

Упоминание об инвариантах заставляет вновь вернуться к привычкам, т.к. ряд элементарно-математических понятий и действий, несомненно, попадают в круг таковых. Привычка зачастую заменяет собой понимание, как узнавание (знакомого) заменяет знание. В ходе многократного повторения арифметических представлений и их эвфемизмов они обрастают живыми ассоциациями и приносят заметное удовлетворение: нас понимают и принимают. Акт подражания исключительно важен в социо-культурных процессах. В рамках традиционного, донаучного (т.е. до Древней Греции, а потом до Ренессанса) знания не требовалось доказательств – было достаточно сослаться на авторитет реального или мифологического Учителя. Этот момент не исчез и в жизни современного социума: мы пользуемся, скажем, некоей идеологемой только потому, что слышали ее по TV и в этом с нами солидарен сосед. Но сказанное не снимает вопроса, почему одна идеологема подхватывается, овладевает умами и сердцами, а другая отторгается и угасает. Мы выделяем в этом явлении рациональное измерение, наличие или отсутствие логического стержня, т.е. выясняем, подтверждает или, напротив, опровергает идеологема саму себя. Хотя не следует сбрасывать со счетов и эмпатический, суггестивный аспект: ведь мы имеем дело не столько с доказательностью, обоснованностью, сколько с *убеждениями*, обязанными, в

частности, количеству "рекламных" повторов. Как бы там ни было, в Новейшее время принято полагаться на собственный разум, реагировать на критику, и явные логические противоречия по существу приговаривают общественные концепты к скорому разрушению. Несмотря на прогрессивность современного социума, на быстроту перемен, он опирается на более глубокий, более незыблемый, чем прежде, фундамент – элементарное рациональное, имеющее дочеловеческие корни.(4) "Омассовление", демократизация, рост коммуникаций придают этому феномену тотальный характер: мы заражаем друг друга простейшими истинами поверх и помимо государственных, социальных, дисциплинарных границ, чем проще – тем безусловней, тогда как истины сложные большей частью не переступают порога кафедр и специализированных конференций. На этаж выше осуществляются вариации, например, солидарные переходы от $M = 3$ к $M = 4$ или обратно, однако и они зиждутся на той же почве. "Привычка – вторая натура", и мы строим "вторую природу" – культуру, общество – согласно врожденной и благоприобретенной привычке к простейшей рациональности. Соответствующие идеи давно овладели массами, превратившись тем самым в материальный фактор; каждый существенный акт идентификации и самоидентификации осуществляется в названных рамках, придавая числу экзистенциальную силу. Даже новое изобретается на той же интеллектуальной и имагинативной платформе. Кто или что в состоянии изменить подобную ситуацию и способны ли радикально повлиять на нее самые свежие новости? Другой вопрос, что коллективному бесознательному зачастую не сразу удается подняться до последовательного даже самого элементарного рационального уровня, и тогда ему приходится искать решения имплицитных (представленных в разделе 1.2) уравнений путем более или менее случайных аналогий, проб и ошибок (чему соответствует упомянутая бессознательность – как самих уравнений, так и процесса их решения), проходя через череду в конечном счете неприемлемых положений, например политических. Впрочем, и в самой математике метод итераций (последовательных приближений) признан одним из законных, в любом случае главный критерий – логическая оправданность конечного результата, чтобы концы сходились с концами.

Выше упоминался факт теоретической нагруженности впечатлений, с ударением на "теоретическую нагруженность", но справедлива и инверсная акцентировка: с учетом "переживания истины" сами коллективные эмоции текут по давно проложенным теоретическим знанием руслам. Когда приходит время, чтобы

общество изменило свою структуру, возникает настоящая психическая эпидемия, и в самых разных областях культуры и социальной организации практически синхронно формируются одни и те же паттерны (см. выше: в литературе, физике, политике, истории, философии"). Когда упоминают, например, новые страхи, обычно обращают внимание на их техногенность и техноморфность: страх ядерной войны, экологической катастрофы, НЛО, СПИДа, – то же относится и к коллективным утопиям: всеобщее благополучие, которое сулит технический прогресс. Но с неменьшим основанием можно отметить преломление даже иррационального сквозь призму образования и, не в последнюю очередь, элементарной математики. Число организует жизнь общества изнутри, посредством сознания и эмоций его членов (для более тщательного обоснования стоило бы, вероятно, взять утверждение Т.Адорно: "У общественного целого нет собственной жизни поверх жизни составных частей, из которых оно само состоит" [417, S. 599]). Критичность современного человека препятствует долговременной реализации вариантов, кричаще противоречащих простейшей логике.

В настоящей главе проанализирована лишь одна из разновидностей числовых закономерностей, опирающаяся на небольшой подраздел элементарной математики. В частности, полугласно была использована предпосылка взаимозаменимости (фунгибельности) составных частей. Взаимозаменяемы единицы в процессе счета, т.к. они идентичны друг другу. Среди вариантов комбинаторных операций также был выбран тот, который предполагает независимость результата от порядка следования элементов: сочетания, а не, скажем, размещения. Подобная предпосылка по сути заложена во множестве действующих представлений: так, например, модель трехмерного пространства предполагает, что разные измерения эквивалентны друг другу. Гипотезы фунгибельности зачастую придерживалась и древность, но в эпоху масс, в эпоху образованных обществ она превратилась в сквозную, захватив даже отношение к человеку. В общих вопросах современное мировоззрение отдает предпочтение функциональному ракурсу, в рамках которого господствует взаимная заменимость, и, как правило, оставляет за скобками уникальность, личностную незаменимость. Под такую шапку попадает и свободный выбор торгового партнера, его легкая и быстрая смена – вместо прежних длительных экономических связей с "данными Богом" соседями или традиционными, "от отцов", клиентами, – и демократический выбор партий, правителей. "Не боги горшки обжигают", и, мнится, чистильщик сапог или кухарка вправе претендовать на высший

государственный пост. С момента отмены сословий человек превратился в хозяина своего социального положения (рост социальной мобильности). Свободная вариация вторглась и в институт брака: супружеские пары образуются и распадаются добровольно, перегруппируясь без серьезных препятствий. Подобной ментальности вполне соответствуют и задействованные в модели понятия. Одна из альтернатив, также не чуждая нашей культуре, вынесена в Приложение (*Приложение 2*), однако с ним целесообразней знакомиться вместе с третьей главой.

Сказанное не исчерпывает списка попутных проблем, возникающих в связи с применением элементарно-математических методов к вопросам культуры и социума, но книга еще не закончена. Две следующие главы позволят точнее понять, с чем, собственно, мы столкнулись.

Примечания

1 См., напр., у Дж. Бруно: "Природа – это деяния Бога в вещах".

2 Как и символ [218, с. 17], число пребывает на стыке ноуменального и реального, горнего и дольнего. По словам С.С.Аверинцева, "сама структура символа направлена на то, чтобы погрузить каждое частное явление в стихию "первоначал" бытия и дать через это явление целостный образ мира" [5]. Аналогично, к стихии "первоначал" апеллирует и число – к началам если не бытия, то мышления.

3 Росту издержек способствуют и особенности новейшей культуры, в первую очередь ее гуманитарного и социального секторов. По словам Деррида, если модернистский проект еще претендовал на универсальную картину мира, рассчитывал, что ему удастся охватить, присвоить этот мир, то постмодернистский свободен от такой иллюзии. Ситуация напоминает картину с Вавилонской башней – та же разрозненность. Противовесом концептуальной дробности, антихолистичности высокой культуры, фрагментарности специализированных дисциплин служат восходящие объединительные тенденции на массовом уровне: унифицированность стандартов образования, планетарная клишированность поп-культуры и поп-сознания. В философии XX в. общепризнан факт "теоретической нагруженности впечатлений", т.е. восприятия реальности сквозь призму заранее известных теорий. В последние десятилетия

реальность еще более виртуализировалась, т.к. знание о ней мы черпаем не столько из собственного опыта, сколько из сообщений, средств массовой информации, которые и сами "теоретически нагружены". Такая "нагруженность", следовательно, "закольцована", возведена в квадрат, причем в первую очередь речь идет не о сложных теориях, а элементарных. Профаны в целом, таким образом, не страдают шизофренией интеллектуалов, для них этот мир стал только более постижимым, универсальным. И поскольку именно они в конечном счете делают погоду в современных обществах, остается дать специалистам толстовский совет "опроститься", не слишком мешать естественному ходу событий.

4 Ср. высказывание одного из Нобелевских лауреатов, Е.Вигнера: "Я убежден, что в эпистемологических дискуссиях полезно отказаться от представления об исключительно высоком положении человеческого интеллекта на абсолютной шкале. В ряде случаев полезно рассматривать достижения, доступные и при уровне развития, свойственном отдельным видам животных" [73, с. 195].

Начало формы
Конец формы

Глава 2. Революции, "революции", общество (Логические циклы новейшей политической истории)

Социально-политические революции индустриальной эпохи, хотя и разражаются порой неожиданно, как гроза, хотя и кажутся многим прорывом неуправляемых иррациональных стихий в дотоле заведенный порядок, тем не менее являются правилом, а не исключением, ибо ни одной из мало-мальски развитых стран их не удалось избежать. Вступив в эпоху масс, социумы переживают регулярные или спорадические взрывы в экономике, технике, науке, искусстве и т.д., но в данной главе сосредоточимся на политической сфере. Последняя достаточно автономна, и воздействия на нее процессов в других областях (например, смена технологических ступеней) в основном не будут рассматриваться. Синхронно с открывшейся полосой политических революций наблюдается экспансия светского просвещения, нетрадиционной трудовой деятельности, в связи с чем скачкообразно растет коллективная сознательная и

бессознательная рациональность.

Политические революции, по определению, разрушают прежний порядок, создавая на развалинах новый. Они всегда – дестабилизация, непримиримый конфликт, когда затруднительно предсказать победу одной из сторон. Если начало революции так или иначе поддается аналитическому предвидению (констатация революционной ситуации, кардинальных социально-экономических антагонизмов, присутствие субъективных предпосылок), то ее протекание и развязка то и дело посрамляют прогнозы. Причин тому много.

Во-первых, вообще под дискурсивное описание подпадают только сбалансированные в своих конструктивных аспектах процессы. Без этого не составить модели, не обнаружить инварианты и, значит, не удастся аргументированно судить и о будущем. Глубокая дестабилизация же препятствует формулировке транзитивных условий. Революция как событие обычно считается девиацией, производит на современников впечатление хаоса, иррационального приступа, что подтверждается противоречащим принятым нормам поведением активных участников. Отождествление с царством хаоса заведомо исключает внятные выводы, если не считать таковыми трюизмы о неприемлемости насилия.

Во-вторых, современники революций волей-неволей психологически вовлекаются в происходящее, сближая собственную концептуальную позицию с позицией одной из сторон, что означает идеологизированность. Последняя – смесь рационального и эмоционально-волевых предпочтений, что, конечно, противоречит "бесстрастности", которой пристало бы обладать теоретику. Не исключение и историки, которые настолько "вживаются" в свой предмет, что даже задним числом грешат против объективности, склоняясь к избранным идеологическим краскам (выдаваемым за "позицию" автора).

В-третьих, как сказано, революция – радикальное изменение, т.е. на ее входе действует один порядок, доминируют одни общественные критерии, а на выходе – другие. Если рассматривать сам ход революции, ее "тело", остается неясным, что брать в качестве методического инструмента: первые, вторые или нечто третье. Нередко на роль такового назначается позиция победителя: его подход, мол, на деле доказал свою правоту. Когда после очередной революции бывший победитель попадает в побежденные, его историческая правота оказывается "в конце концов" опровергнутой. Еще свежи в памяти отечественного читателя пропагандистские картинки вооруженной единственно верной теорией и уверенно ведущей сквозь коллизии революции

и Гражданской войны коммунистической партии, а затем, спустя 70 лет, ниспровержения этого "изначально лживого и неправедного тирана". Где верх берут либералы, там господствует их доктрина, преобладают их трактовки. Очевидна несостоятельность такого подхода, более напоминающего суггестивные акции, "промывку мозгов", чем научность, и явно непригодного для прогнозов.

В-четвертых, революция, как острый кризис, заставляет участников и свидетелей волноваться: враг силен, исход выверяется на тонких весах, результат до последнего момента неясен. Неясность – антипод как рациональности, так и прогностичности. При этом, поскольку во всякой политике задействованы волевые, эмоциональные факторы, групповые и личные представления, в момент революции же – особенно, постольку последняя "витализируется", ее исход кажется если не совсем случайным, то его объективная обусловленность адресуется чему угодно – сопряженным, но посторонним вещам: экономической ступени, социальным раскладам, характеру культуры, талантам и поведению лидеров, – но в объективности и рациональности отказывается сфере политики как таковой. Так собственное незнание выдается за неопределенность по существу.

Перечень причин можно продолжить, но в любом случае за ним стоит гипотеза об исключительной сложности, многофакторности революции как процесса, которые и ответственны за непредсказуемость. В подтверждение подобного отношения к революциям в последние десятилетия из естественных наук заимствовано понятие *бифуркации*, т.е. разветвления траектории возможного движения или развития. Вместе с "безобидным" термином в политологию переносится и его контекстуальный антураж, присущий неравновесной термодинамике, синергетике. Принципиальной вариативности, индетерминированности соответствует и пестуемое представление о принципиальной открытости социального будущего и, следовательно, его коренной зависимости от нас, ныне действующих, что согревает мыслью о собственной значимости и исторической свободе, которую ничто у нас не в силах отнять.

Как и обещано в первой главе, здесь будет опробована прямо противоположная установка. Согласно историческому опыту, любая из политических революций рано или поздно заканчивалась, и общество возвращалось к хотя бы условной стабильности (эволюции или стагнации). Вместе с тем сходила на нет феерия иррациональности, неопределенности: политическое устройство в эпоху относительно образованных обществ

непременно опирается на артикулированые рациональные начала. Рациональность, собственно, не гибла и в горниле революций, ибо революции эпохи масс тем и отличаются от "слепых" бунтов предшествующих столетий, что всякий раз прибегают к связным систематизированным формулировкам поставленных целей. Подобному свойству не чужда каждая из противоборствующих сторон – и пропаганда нового, и контрпропаганда. Народные массы ставятся перед контрастными альтернативами, которые эксплицитно апеллируют и к рассудку. Таким образом, все же удается найти транзитивное качество, присущее как революциям, так и промежуткам между ними, и это качество – рациональность, определенность. Если принимать за точки отсчета не сами революции, а состояния после них, данное утверждение тем более справедливо.

Упомянутая рациональность своеобразна. Тематику составляет, напомним, эпоха *масс*, когда именно этот актор превратился в творца истории, включая историю политическую. Без активного участия или, как минимум, санкции масс невозможны ни общественный порядок, ни революция. В таком случае тотальная рациональность может быть разве что наипростейшей, ибо большинству изыски невнятны. Эта предпосылка пребывает в явном противоречии с вышеупомянутой гипотезой о сложности социума и революций, но признаки простоты и сложности – не следствия фактов, а принадлежат к классу установочных. Здесь принимается установка простоты, именно на такие закономерности нацелен наш поиск; посмотрим, что в дальнейшем отсюда получится.

Из рациональности и простоты – читатель вправе вспомнить о роли простейшей рациональности, см. *Предисловие*, – вытекает еще одна черта коллективного сознания и его политических плодов: детерминация. Свобода имеет четкие ограничители, в частности, ни одна из влиятельных партий, ни одно из государств новейшей истории, несмотря на многообразие конкретных позиций, не в состоянии сколько-нибудь длительно пренебрегать элементарными логическими истинами. Солидарная верность последним диктует определенные исторические закономерности, действующие с неизбежностью шестереночной передачи, независимо от специфики стран и цивилизаций. Да, в момент революции перед обществом распахивается пространство выбора, но действительно ли выбор абсолютно свободен или все же заключен в известные рамки?

Как и в первой главе, речь пойдет о тривиальных структурах. На сей раз, однако, не синхронических, а диахронических, т.е. взятых в хронологической последовательности, конкретнее – в

последовательности революций как маркеров. Вновь в центре внимания окажутся не детали происходящего (они в самом деле чрезвычайно вариативны, непредсказуемы), а интегральная семантика результатов. В круг второстепенных при подобном подходе попадает даже "деталь", обычно считающаяся самой важной, – выявление победившей и побежденной сторон, выяснение коллизий их схватки. В разных случаях верх одерживают различные политические силы, но по признаку верности элементарным логическим истинам все они – независимо, повторим, от страны и от времени (в границах эпохи масс) – унифицированы. И значит, во многом объективными оказываются конечные итоги. Если угодно, по аналогии с прежним, предмет интереса – своеобразная грамматика революций, их линейного ряда. Каждый тезис должен быть проверен на репрезентативном эмпирическом материале. К счастью, дефицитом информации о революциях и их фактических результатах ни история, ни общественное сознание не страдают. Если факт детерминации подтвердится, это обстоятельство удастся использовать для прогнозов.

Итак, каждая революция есть конфликт, ситуация выбора между различными вариантами последующего исторического движения. Такие моменты кризиса, напряженной борьбы образно называют "развилками истории" или, как сказано, "точками бифуркации". Направление исторического и политического развития в этих точках подвергается расщеплению, что можно изобразить с помощью схемы:

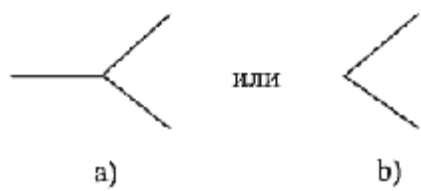


Рис. 2-1

Ситуация конфронтации, именно двойственного, а не более взвешенного тройственного и не более кратного выбора характерна для эпохи масс, для ее специфически партийного метода разрешения сложных интеллектуальных и ментальных проблем. Для решения судьбоносных вопросов общественного

бытия здесь сколачиваются партии, блоки, лагеря – идея непременно должна овладеть массами, физическая борьба которых определяет исход того или иного решения. Для победы необходимо количественное, силовое (в кавычках и без кавычек) превосходство, поэтому речь всякий раз идет о большинстве, об овладении критической половиной и, соответственно, о *бинарности* выбора. Реальное многообразие активного выбора при этом оказывается если не мнимым, то по существу сводимым к двум "генеральным" направлениям, по отношению к которым все прочие представляются "линейно зависимыми", отличающимися друг от друга лишь по степени и способу комбинации черт двух главных альтернатив (всем членам общества предлагается непременно "определиться", т.е. занять позицию в системе координат, заданной этими двумя альтернативами). Зоны утраты однозначности поэтому и изображаются схемой 2-1.

Едва ли уместно вдаваться в детальный анализ указанной особенности, хотя для контраста можно сослаться, например, на исследование Н.И.Николаева [228]. Разрабатывая гипотезу так называемой "кириллической цивилизации" (термин – производная от кириллического письма), географически простирающейся от Сербии до Тихого океана, автор оперирует ситуациями *тройственного* выбора. Это и избрание Киевской Русью религии в "Повести временных лет", и русский витязь на распутьи, и историческая развилка второй трети XVII в., для которой, согласно А.М.Панченко, характерно наличие трех главных альтернатив: западнической (позже петровской), грековосточной (впоследствии никонианской), самобытной (затем старообрядческой), – и др. Воздержимся от оценок, насколько адекватна подобная картина реальным процессам далекой истории, но для эпохи масс с ее количественным подходом (добиться большинства в вооруженной борьбе или на выборах) она, как сказано, нерелевантна. Так, скажем, хотя в Гражданской войне 1918 – 20 гг. в России задействованных сторон номинально было три: помимо "белых" и "красных", еще и "зеленые", – на деле ведущими были только первые две, тогда как крестьянские армии были плохо вооруженными и организованными, их действия нескоординированными, а главное – у них отсутствовала внятная идеология, программа и цель. Оттого в настоящем контексте предпочтение отдается схеме 2-1.

Сходной точки зрения придерживается и Ст.У.Ларсен, который, обсуждая политические и геополитические модели С.Роккана, замечает: "Значительная часть исторических "решений" и "изменений курса" действительно имеет форму выбора между "да" и "нет". Могут быть различные способы принятия решений, за

каждым конкретным из них стоять любого рода высказанные побуждения, однако результаты во многом дихотомичны и необратимы" [174, с. 41]. Дихотомия проще трихотомии и более кратных делений и оттого аутентичнее эпохе масс, в особенности ее революциям; в ходе революции каждому из активных коллективных фигурантов все просто и ясно: "кто прав, кто неправ". Дихотомическому расщеплению соответствует схема так называемых Т-бифуркаций (см., напр., [122]), т.е. рис. 2-1, которая в дальнейшем и будет задействована. Наиболее элементарное обычно связано с архаическим, и, в частности, Пифагор утверждал, что в жизни есть три пути, разделяющиеся наподобие греческой буквы ипсилон (см., напр., [360, с. 484]). Перефразируя Паскаля: "Бог Авраама, Исаака, Иакова, а не бог философов", – мы намерены изучать революции рядового человека, улицы, масс, а не революции кафедр политологии.

Наряду с бинарностью выбора, традиционным демократическим, партийным обществам, как известно, присуще наличие трех основных типов политических сил: либеральных, консервативных, радикальных (вар.: социалистических). Совокупность трех элементов обеспечивает своеобразную полноту, см. раздел 1.3. Чтобы подготовить поле для демократической, партийной жизнедеятельности, одной бифуркации поэтому недостаточно. Эпоха масс и в данном случае решает проблему количественно – путем повторения точек бифуркации. Нетрудно заметить, что две следующие одна за другой подобные точки обеспечивают надлежащую тринитарность:

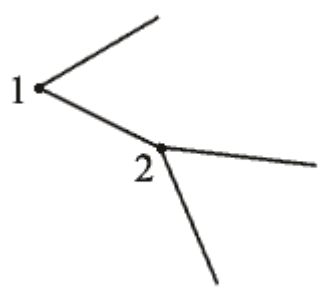


Рис. 2-2

Это не означает, что основных партий (блоков партий) в социуме в результате становится три, а не две. Всякий раз главный выбор осуществляется между двумя. Как отмечалось в одной из статей [312], массовому социуму для устойчивости, относительной равновесности должна быть присуща приблизительная симметрия политического строения, т.е. в нем должно существовать *четное* число наиболее активных и влиятельных политических сил. В противном случае система приобретает черты нестабильности и/или насильственности. Однако после двух следующих одна за другой бифуркаций две реальные партии (два блока партий) приобретают свободу маневра, присваивая себе лозунги, программы, элементы идеологии не двух вариантов, а трех, сочетая в себе либеральные, консервативные, радикальные черты в области стратегии, тактики, методов, целей, идеологии.

Обратимся к области фактов. Великая английская революция, заключавшаяся в борьбе сторонников Долгого парламента с роялистами, разрешилась в результате диктатурой Кромвеля и реставрацией Стюартов. Потребовалась еще одна, так называемая "Славная", революция, чтобы Британия пришла к той политической системе, которой отвечала свободная партийная деятельность и которая наблюдается и поныне. Схема данных событий, таким образом, подпадает под рис. 2-2, где первая точка бифуркации представляет Великую английскую революцию, а вторая – "Славную".

В войне за независимость Америки от Британии историки справедливо обнаруживают набор признаков антифеодальной, антимонархической революции, ибо здесь решались не только патриотические, национально-освободительные, но и внутренне-социальные, внутренне-политические вопросы, преодолевались соответствующие конфликты. В свою очередь, в ходе Гражданской войны в США остро встала задача не только сохранения территориального единства страны, но и выбора последующего направления развития. При этом Юг выступал в качестве представителя аграрно-рабовладельческого – едва ли не по образцу античного Рима – уклада, а Север олицетворял индустриально-демократическую альтернативу. Таким образом, и в истории США обнаруживаются две главные точки бифуркации, см. схема 2-2, где первая точка, соответственно, есть Война за независимость, вторая – Гражданская война. В результате двух бифуркаций в США утвердилась та политическая система, которая присуща им до сих пор. За современными Великобританией и США закреплена репутация канонически либеральных буржуазно-демократических государств. Вопреки

некогда ставшему расхожим мнению Черчилля: "Пропасть нельзя преодолеть в два скачка", – англосаксонский Запад преодолевал ее именно в два. Бросим беглый взгляд на результаты двух революций и в других странах.

Революция 1905 – 07 гг. в России, ставившая себе политически эмансипационные цели, имела важные, но все же ограниченные последствия. Провозглашен Манифест, появилась выборная Государственная Дума, легализованы партии, однако не введена конституция, практически отсутствуют приводные ремни от общественного мнения к решениям правительства. Позвоночник монархии, феодально-помещичьего, аграрного строя, хотя и приобрел б? льшую гибкость, но не получил переломов. В связи с чем вряд ли случайно, что в период очередного кризиса – на сей раз и мирового: 1 мировая война – в России состоялась еще одна, Февральская, революция 1917, т.е. произошла вторая бифуркация. По своим целям, задачам Февраль был вполне либеральным (либеральным в широком, а не узкопартийном смысле, т.е. в смысле той эры и того политического пространства, которые отпирают своим ключом либералы). Новый режим соответствовал, в общем, итогам вторых бифуркаций в Великобритании и США. Страна пользуется полным спектром политических свобод (печати, партий, шествий, собраний), под сенью Временного правительства идет подготовка к созыву Учредительного собрания, принятию конституции. Даже Ленин на том отрезке с удовлетворением признавал, что в России больше политических свобод, чем в любой европейской стране. Долго на этой ступени, как известно, удержаться не удалось, и через восемь месяцев начинается третья, Великая Октябрьская революция, в связи с чем необходимо одно замечание.

Как вытекает из сказанного, главное следствие двух появляющихся одна за другой точек бифуркации – установление такого политического климата, который, становясь осуществлением либеральных программ, расчищает почву для деятельности партий "традиционной" ориентации: либеральных, консервативных, радикальных. XX век, однако, представил прецеденты политических сил принципиально иного – "авангардистского" – сорта: коммунистических и фашистских (или нацистских). Принципиальное отличие нового класса партий от старого подчеркивалось в прежних работах, в частности [310], а также в разделе 1.4.2, здесь же существеннее другое. Количество актуальных типов политических сил оказалось в результате не три (либералы, консерваторы, радикалы),(1) а более. Соответственно, для поддержки такого политического, идеологического поля требуются не две бифуркации, а больше. В

тогдашней России, наряду с собственно либералами (кадетами), консерваторами (монархисты, октябристы), радикалами-социалистами (эсеры, меньшевики), выступала и такая гиперактивная, отлично организованная "авангардистская" сила как большевики. Третья революция, или бифуркация, не могла не состояться:

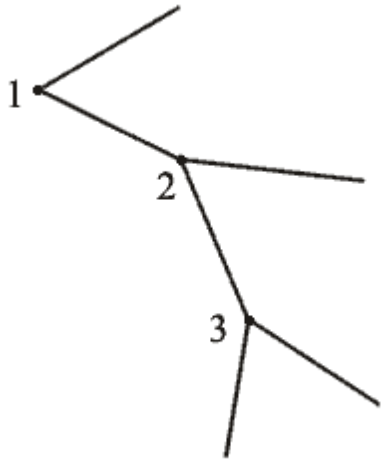


Рис. 2-3

Здесь первая точка бифуркации изображает революцию 1905 г., вторая – Февральскую 1917, а третья – Великую Октябрьскую 1917.

Повторим в новом контексте: главных реально противостоящих друг другу политических сил по-прежнему *две*, что и нашло отчетливое выражение в противоборстве "красных" и "белых" в Гражданской войне. Однако ментально-идеологическое, логико-политическое поле обрело четырехмерность. Узурпировавшие власть большевики успешно освоили не только специфически собственные лозунги и элементы идеологии (диктатура пролетариата, вернее, его авангарда, компартии), но и заимствовали их у партий традиционных типов. Большевики даже "развили" чужие лозунги и идеи, выступая одновременно за свободу, как либералы, за возвращение к "золотому веку" и к сильной руке, как ультраконсерваторы, и будучи радикальнее радикалов, т.е. своих предшественников социалистов ("Власть – советам, фабрики – рабочим, земля – крестьянам"). Об этом мне

уже доводилось писать в статье "Прекрасная политика", здесь же важнее сам факт возникновения третьей бифуркации в присутствии "авангардистской" политической силы. Конечным результатом третьей революции становится установление тоталитарного режима.(2)

Приведенная схема практически идентично воспроизведена и в Германии. Буржуазно-демократическая революция 1848 – 49 гг., хотя и потерпела видимое поражение, коренным образом изменила обстановку в стране. Исследователи правы: именно она подготовила историческую и общественно-психологическую почву для последующего бисмарковского объединения – создания Северо-Германского Союза в 1867 г. и провозглашения Германской империи в 1871 (18 мая 1848 г. во Франкфурте-на-Майне открывается общегерманское Национальное собрание, цель которого – объединение раздробленной Германии. 23 марта 1849 Франкфуртский парламент принимает конституцию единого германского государства. В апреле того же года корона германского императора присуждена прусскому королю Фридриху Вильгельму IV, который, однако, отказался ее принять. Реальное объединение состоялось несколько позже). Общественное устройство в этот период характеризуется сочетанием кайзеровского правления с наличием выборного парламента (рейхстага), с разрешением создавать политические союзы (а с 1900 г. – и общегерманские организации с региональными и местными подразделениями, с 1908 г. в них официально принимаются женщины). В ходе того же мирового процесса (Первой мировой войны) в ноябре 1918 г. в стране происходит вторая революция, приводящая к установлению Веймарской республики – типологически вполне либеральной, как и политические режимы Великобритании, США и постфевральской России. И аналогично России, весомое присутствие политических "авангардистов" на общественной сцене приводит к появлению третьей бифуркации: так называемой "национальной революции" 1932 – 33 гг. и последующему формированию тоталитарного, национал-социалистического государства. Логическую схему событий можно изобразить с помощью того же рис. 2-3. Все подробности выносим за скобки.

Интересный пример представляет собой и Италия. В рамках Рисорджименто она переживает две буржуазно-демократические революции – 1848 – 49 и 1859 – 60 гг., – которые привели к объединению страны(3) и установлению конституционной монархии. За руководство борются два основных течения: демократы-республиканцы (Дж. Мадзини, Дж. Гарибальди) и

либералы (К.Кавур). Верх одержали вторые. Монархическая форма правления в таких случаях не противоречит демократии, наличию развернутого правового поля (ср. современные Нидерланды, Великобритания, Испания, Япония и др.). Впрочем, двумя революциями Италия не ограничивается. Следующая бифуркация – "Поход на Рим" 1922 г. – обозначила переход к фашистской диктатуре Муссолини. Авангардистский характер политического режима и в данном случае соответствует трем революциям. История Италии, конечно, не закончилась вместе с фашизмом, и в дальнейшем еще придется обращаться к этой стране. Но пока, чтобы не путаться, мы будем заниматься в основном вторыми и третьими бифуркациями, вернее, политическими состояниями вслед за ними.

Дабы избежать подозрений в европоцентризме, взглянем на положение дел на Востоке. Турция в 1908 г. переживает первую буржуазную – младотурецкую – революцию, которая свергла деспотический режим султана Абдул-Хамида II и установила конституционную монархию, но при этом не изменила феодальный строй Османской империи. Вторая буржуазно-национальная революция под руководством М.Кемаля, протекавшая одновременно с национально-освободительной войной, завершается в 1923 г. провозглашением Турецкой республики. Турция с ее двумя революциями выглядит наиболее светско-либеральной страной исламского мира. Несколько позже в сходной ситуации оказывается и Египет. В 1919 – 21 гг. на подъеме национально-освободительного движения упраздняется английский протекторат, в 1922 г. создается независимое правительство. В июле 1952 начинается вторая революция: в 1953 г. провозглашается республика, в 1956 из страны выводятся английские войска (окончательное достижение независимости). Насколько значима светская образованность на фоне сохраняющихся патриархальных и религиозных традиций, настолько современному Египту, имеющему за спиной две революции, удается дефеодализация, движение по капиталистическому, демократическому пути.

В Японии незавершенная буржуазно-демократическая революция 1867 – 68 гг., Мэйдзи исин, свергла власть сёгунов и восстановила власть императоров. Правительство Мацухито приступило к капиталистическим социально-экономическим преобразованиям, сохраняя, впрочем, множество феодальных пережитков. После поражения Японии во Второй мировой войне американские оккупационные власти вместе с японским правительством проводят в стране настолько глубокие либеральные экономические и политические реформы, что они

равны по значению революции, *второй* революции. Состояние современной Японии предуведомлено, таким образом, двумя политическими бифуркациями, и кто скажет, что Япония – не либеральная страна, пусть и с восточным акцентом?

Впечатляющую иллюстрацию представляет собой и Китай. Синхайская революция 1911 – 13 гг., руководимая Сунь Ятсеном, свергает Цинскую династию, но не избавляет народ ни от феодальной, ни от империалистической зависимости. В 1925 г. начинается вторая национальная, буржуазно-демократическая революция, обеспечившая освобождение значительной части территории от захватчиков (Северный поход Национально-революционной армии в июле 1926 – апреле 1927) и разрешившаяся установлением в 1927 г. власти Гоминьдана. В 1946 – 49 гг. происходит третья, Народная, революция. В 1949 г. провозглашена КНР, тогда как политические противники Мао Цзэдуна, адепты предшествующего режима, вытеснены на Тайвань. С тех пор наблюдается наличие двух Китаев. Один из них – континентальный, коммунистический – является ярким продуктом трех революций. Второй – островной, гоминьдановский – также на протяжении десятилетий придерживается однопартийной системы (Гоминьдан, некогда пользовавшийся услугами советских советников, относили к жестким партиям, так называемого "ленинского типа"), однако в экономической сфере стремится удержать состояние после двух революций (капиталистическая экономика, частная собственность). С учетом восточного колорита, это достаточно наглядный тест для выявления формообразующей роли количества бифуркаций.

Современный Ирак, как и КНР, – продукт также трех политических бифуркаций: 1) освобождение от власти Османской империи в 1920 г. и образование королевства в 1921, 2) антифеодальная и антимонархическая революция 1958 г. (14.07.1958 – провозглашение республики, в том же году – выход из Багдадского пакта, ликвидация английской военной базы, с 1958-59 гг. – начало интенсивных социально-экономических реформ), 3) переворот-революция июля 1968 г., в результате которого к власти приходит Партия арабского социалистического возрождения, Баас). После третьей бифуркации осуществляется национализация нефтяной промышленности, ведутся войны с соседями (Иран, Кувейт). Современный журналист так описывает наличное состояние Ирака: «За последние годы процесс сращивания партии, армии и государства дошел уже практически до северокорейского абсолюта» [201a].

Мексика с ее двумя революциями: 1) войной за

независимость 1810 – 26 гг., провозглашением республики в 1824, отменой рабства в 1829 и 2) революцией 1910 – 17 гг., покончившей с клерикально-помещичьей диктатурой, – пример из Латинской Америки. Как и в Китае, первоначально еще недостаточно образованно население, состояние после двух революций отличается сильным автократическим акцентом, однако население пользуется экономическими свободами, действуют электоральная демократия, выборный президент, двухпалатный Национальный конгресс.

Настоящая схема, похоже, работает даже в случае формально не полностью независимых государств. Так, Канада прошла через две главные политические бифуркации: 1) в 1867 г. из колоний она превращается в доминион, 2) в 1931 г. по Вестминстерскому статуту радикально расширена компетенция национального правительства. В политическом либерализме Канады нет серьезных сомнений.

В Европе счет революциям эпохи масс открывают Нидерланды: буржуазная революция 1566 – 1609 гг. была первой по номеру. Национально-освободительная война против испанских Габсбургов, сочетавшаяся с антифеодальной борьбой, приводит к освобождению северной части страны и провозглашению Республики Соединенных провинций (южные провинции к 1585 г. отвоеваны Испанией). В ходе постнаполеоновской перекройки Европы (Венский конгресс) Голландия в 1815 г. вновь объединена с этими бывшими провинциями в Нидерландское королевство. Однако в 1830 г. в них вспыхивает революция, в результате которой отделяется занимавшая фактически подчиненное положение Бельгия. Современное королевство Нидерланды, таким образом, пережило две революции и является одной из канонических либеральных стран.

При сравнении итогов двух или трех политических бифуркаций не должна оставаться без внимания Франция, эта законодательница революционных мод. Ее примеру следовали, ей подражали, что подкреплялось тем положением, которое держава занимала на европейском континенте и в образованных умах. Впоследствии мы еще не раз обратимся к реалиям Франции, пока же из сокровищницы ее опыта извлечем только одно звено, а к более полной картине вернемся позже. Речь идет о революции 1848 – 51 гг.

1848 – год эпидемии революций: они состоялись не только во Франции, но и в Германии, Италии, Австрийской империи. Независимо от поражения или победы, революции оставили после себя самые глубокие последствия. Именно с этого момента

открывается дорога к объединению Италии в 1860 г. вокруг Сардинского королевства (с 1861 г. – Итальянское королевство). Без дружного воодушевления и координации 1848 – 49 гг., по мнению историков, было бы невозможно преодоление раздробленности Германии, "бисмарковское" объединение (Северо-Германский союз 1867, Германская империя 1871). Австрийская империя, которой, казалось бы, удалось подавить революцию, в 1850-х гг. вынуждена провести буржуазные реформы, а в 1867 г. заложить основы федерализма: переход к двуединой монархии, Австро-Венгрии. Для самой Франции, чей зажигательный пример и идеи служили высоким образцом для революционеров повсюду, эта революция была *третьей* – после Великой французской и после Июльской 1830. Каковы ее результаты?

24 – 25 февраля 1848 г. создается Временное правительство и провозглашается республика (так называемая Вторая республика). В июне того же года – восстание рабочих, вскоре подавленное. На выборах в Законодательное собрание в мае 1849 победу одерживает реакционно-монархическая "Партия порядка". В мае 1850 ликвидируется всеобщее избирательное право. 2 декабря 1851 г. президент Луи Бонапарт провозглашается императором, Наполеоном III. Традициям империи, необонапартизма отвечает не только внутренняя, но и внешняя политика, Франция в этот период ведет активные колониальные войны: в Индокитае 1852 – 62, Сирии 1860 – 61, Мексике 1862 – 67. Именно тогда Франция становится одним из главных организаторов и участников Крымской войны против России (1853 – 56).

На фоне политических режимов XX в., возникших после третьих революций (напомним, коммунистическая Россия, фашистская Италия, нацистская Германия, коммунистический Китай), не совсем корректно назвать режим Второй империи тоталитарным: еще не сложились надлежащие "авангардистские" партии, на которых зиждется "настоящий" тоталитаризм. Но то, что Вторая империя стала предтечей последнего и по многим признакам (сочетание революционности с диктатурой, подавление политических свобод, исключение состязательности и разногласий) его предвосхищала, вероятно, возражений не вызовет. Типологически "четвертые", они же "авангардистские", политические силы, повторяю, – плод более поздней исторической стадии (адепты теории модернизации отметили бы: и последующей технологической ступени), однако третьей французской бифуркации все же сопутствовало формирование аналогичного паттерна.

В пандан революции 1848 наблюдается взлет социалистического движения, отстаивающего, как тогда говорили, интересы *четвертого сословия*, т.е. рабочих, (тогда как на знаменах предшествующих революций было начертано имя третьего, буржуа). Франция – законодательница европейских революционно-идеологических мод, и социалистические поветрия захватывают соседние страны. В том же 1848 г. Маркс и Энгельс, всегда считавшиеся с авторитетом французского политического опыта, выпускают в свет "Манифест Коммунистической партии"; о ряде кватернионов марксизма (в частности, "рабовладение – феодализм – капитализм – коммунизм") шла речь в разделе 1.4.1. (4) На том же отрезке достигают зенита славы проникнутые сочувствием к пролетарским слоям романы Эжена Сю.

Аналогичная структура M = 4 находит место и во внешней политике. Так, в разделе 1.4.2.1 отмечалось, что основными участниками Крымской войны были четыре империи: Французская, Британская, Османская, с одной стороны, и Российская, с другой. Поражение России кардинально изменило политическую ситуацию в Европе (окончательный демонтаж устаревшей системы Священного союза) и серьезнейшим образом повлияло на саму Россию. Если ранее Николаю I удавалось пресекать всякие "якобинские" и социалистические поползновения внутри страны и соорудить заградительный барьер перед революцией 1848, то после войны Россия помимо своей воли оказалась вовлеченной в охвативший Европу процесс: поражение заставило пойти на глубокие внутренние реформы (Александр II), радикально гальванизировало общественный климат. На тот период – предваряя и/или следуя по стопам – приходились, напомним, и характерные феномены в культуре: появление трилогии А.Дюма о трех, вернее четырех, мушкетерах (отметим и бонапартистские симпатии автора, а также его связи с упомянутым Э.Сю) и венчающих творчество Достоевского "Братьев Карамазовых" (с четверкой же братьев, см. разд. 1.4.1). Общественное сознание претерпевало качественные изменения, следуя духу эпохи, во многом заданному третьей французской революцией. В ее итоге, как и в прочих случаях, сложился далекий от либерально-демократических стандартов политический режим, и этот факт, в свою очередь, должен быть внесен в графу третьих революций.

Не только отдельные государства, но и другие относительно автономные общественные системы можно подвергнуть подобному анализу. С XIX в. стремительно интенсифицируются процессы интернационального обмена, торговли, международного разделения труда, разнообразных контактов,

диффузии идей и идеологий. Концом XIX – началом XX вв. принято датировать окончательное формирование мировой системы как целого, в том числе политического целого. Эта система переживает собственные бифуркации, которых к середине XX века состоялось две: Первая и Вторая мировые войны. Опять-таки опуская детали: после Второй мировой войны, т.е. после второй глобальной бифуркации – как ее неизбежное следствие – мировое сообщество оказалось под знаком доминирующего либерализма. Обеспечена состязательность (деление Запад – Восток, ср. правящая партия и оппозиция), действует демократическая ООН, внедряются нормы международного права, протекает бурная деколонизация, либерально-капиталистический Запад экономически превосходит коммунистический Восток – чем не характерные признаки, свительствующие о преобладании либеральной окраски?

Любопытно, что в послевоенные десятилетия внутри Запада со временем вызревают три ведущие экономические и политические силы: наряду со сверхдержавой США, интегрирующаяся Европа и Япония. Однако помимо Запада на мировой арене весомо присутствует активный коммунистический лагерь во главе со второй сверхдержавой, СССР. Наличие четырех главных сил, как мы уже знаем, обусловливает недостаточность двух бифуркаций, и мировое сообщество подходит к порогу очередного структурного кризиса, к объективной необходимости очередной трансформации, свидетелями которой мы и являемся. Американские исследователи Алвин и Хайди Тоффлер в статье "Войны завтрашнего дня" констатируют: "Мы переживаем наиболее глубокую перегруппировку мировых сил со времени рождения индустриальной цивилизации" [333, A7], – и связывают этот факт с переходом от индустриальной эпохи к постиндустриальной. Цепь разрывается в слабом звене, и мощный толчок – едва ли не инициирующий – глобальным структурным переменам придали события в бывшем СССР, "перестройка". Третья бифуркация в мире, повторим, еще не закончена, и даже если на месте прежнего СССР в обозримый период не удастся возникнуть его представительному преемнику, то роль активистской "четвертой" геополитической силы сумеет сыграть и КНР.

Подробный анализ семантической окраски нового мирового порядка – отдельная тема, но одно его свойство стоит уже теперь подчеркнуть: из двух сверхдержав послевоенной эпохи, т.е. после двух бифуркаций, осталась *одна*. Американский политолог и видный функционер НАТО А.Л.Страус, упоминая обличения лидером КПРФ Г.А.Зюгановым современной глобальной

диктатуры Запада во главе со США, считает такое толкование конструктивно верным, хотя и облеченным в неприятную риторику [317, с. 43]. Читатель вправе сравнить подобное состояние с положением в отдельных странах после трех бифуркаций: в России после Великой Октябрьской революции 1917, в Италии после "Похода на Рим" 1922, в Германии после "национальной революции" 1932 – 33, в Китае после Народной революции 1946 – 49 и во Франции издания Второй империи. Один из ведущих признаков тоталитаризма – изгнание состязательности из политической жизни. Впрочем, чтобы лучше разобраться в оттенках, следует набрать побольше теоретического и экспериментального материала.

Было бы точнее, если последовательные развилки на рисунках 2-2, 2-3 удавалось изображать лежащими не в одной плоскости, а в разных. Ведь в каждой из точек бифуркации выбор осуществляется в своем собственном политическом ракурсе, отличном от предыдущих. Очередная бифуркация свидетельствует о появлении в идеологическом, политическом пространстве нового измерения, что означает увеличение размерности на единицу. После первой бифуркации речь идет о двумерном пространстве, после второй – о трехмерном (с тройкой направлений, определяемых, например, в рамках национальных обществ либералами – консерваторами – радикалами). Наконец, третья бифуркация в политико-идеологическом пространстве соответствует утверждению четвертого измерения, порой производящего странное впечатление на позитивистски настроенного наблюдателя.

Такая же схема находит широкое применение в естественных науках, например, при геометрическом описании фазовых превращений вещества. Переходы из твердого состояния в жидкое, из жидкого в газообразное, из газа в плазму представляют собой последовательную актуализацию поступательных степеней свободы частиц, составляющих тело. Если в твердом теле частицы зафиксированы, лишены возможностей независимых перемещений (число степеней свободы составляет $M = 0$, и твердое тело сохраняет свою внешнюю форму), то в жидкости с ее конститутивным свойством текучести беспрепятственно осуществимы сдвиги любых слоев друг относительно друга, но запрещены отрывы одного слоя от другого. Число внутренних степеней свободы при этом $M = 2$, ибо речь идет о *слоях*, т.е. двумерных поверхностях, и о *сдвигах*, т.е. плоских деформациях. Этим, собственно, и обусловлена способность жидкости свободно растекаться по горизонтальной поверхности в поле земного тяготения. Процесс плавления

изображается рис. 2-1b. В отличие от жидкостей, в газах дополнительно реализована третья поступательная степень свободы – отрыв частиц друг от друга, и газ занимает весь предоставленный ему объем. Вещество на этой ступени утрачивает характерную сплошность, "атомизируется". Переход от жидкости к газу (испарение) играет роль условного физического прообраза вторых точек бифуркации. Наконец, третья фазовая трансформация – из газа в плазму. Плазма – специфически "четвертый" элемент в последовательности фазовых состояний и занимает особое положение на фоне трех предыдущих – "классических" – агрегатных форм. В физическом плане образование плазмы связано со срывом электронов с внешних орбит атомов, появлением своеобразной поляризованной смеси ионов и электронов. Исчерпав список трех поступательных степеней свободы в "нормальном" трехмерном пространстве, плазма как бы вступает на территорию "четвертого" измерения, M = 4, начиная проникновение внутрь "неделимого" атома.

Аналогия между политическими революциями в массовом социуме и фазовыми превращениями, само собой, не прямая. Однако если искать в тех или иных сферах реальности иллюстрации одного и того же геометрического процесса – последовательного роста размерности пространства, увеличения степеней свободы, внутренней мобильности, – то в первую очередь напрашиваются именно два приведенных примера. Чтобы обогатить впечатление, воспользуемся еще одним физическим представлением.

В разделе 1.4.1 упоминалась совокупность четырех фундаментальных физических сил, или взаимодействий: трех квантовых (сильное, электромагнитное, слабое) и одного релятивистского (гравитационное). По мнению космологов, они появились в рождающемся мире не сразу, здесь также сработала цепь бифуркаций. На самой ранней стадии развития вселенной существовало некое единое синкретическое взаимодействие, которое разделилось затем на релятивистские (гравитационные) и квантовые силы. Второй этап – отделение сильного типа от двуединого электрослабого. Последними разделились слабое и электромагнитное. Рисунок, к которому прибегают космологи, выглядит следующим образом:

гравитационное
лептг.
1
кварг.
2
сильное
электрослабое
3
электромагнитное
слабое

Рис. 2-4

Специалисты по фазовым превращениям и эволюции вселенной заложили в свои модели представление о концептуальной "полноте" совокупности трех переходов. Списки четырех агрегатных состояний и четырех фундаментальных сил в своем роде исчерпывающи, и оттого третья бифуркация должна быть последней из возможных. Занятно, что сходного "эсхатологизма" не чужды и апологеты третьих политических революций.

Согласно большевистскому канону, Великая Октябрьская революция воплотила *вековые* чаяния человечества, создала предпосылки для окончательного утверждения социальной справедливости и создания наилучшего политического строя. Очередные революции бессмысленны и невозможны, ибо были бы путем не вперед, а назад. Борьба классов закончилась, в связи с чем привлекалось заимствованное Марксом у Гегеля понятие "конца истории". Аналогичной чертой отличалась и национал-социалистическая идеология. Была воскрешена древняя хилиастическая вера, тысячелетний "Третий рейх" полагался последним. Близкие представления использовались фашистской Италией, окончательно возрождавшей славу Древнего Рима, и империей Наполеона III, наконец, возвратившей Францию на вершину наполеоновского величия. В этом контексте симптоматичен и ажиотаж вокруг работы "Конец истории?" Ф.Фукуямы. В ходе последних мировых процессов враги либерализма и Запада повержены "навсегда", отныне ничто не в силах воспрепятствовать их вечному торжеству. Энтузиазм, с которым встречена названная статья, вряд ли объясним вне рамок третьей мировой бифуркации, ибо еще совсем недавно – после двух бифуркаций в странах-оплотах либерализма и в мировом сообществе в целом – либеральные теоретики были чужды эсхатологическим настроениям (в отличие от коллег-идеологов из СССР), отдавая предпочтение модели открытого будущего, нередуцируемой свободы выбора. Последний момент нельзя не учитывать при составлении реестра семантических особенностей третьих революций вообще и третьей мировой бифуркации в частности: список двух революций принципиально неполон, и следовательно, будущее открыто новациям, тогда как дополнение третьей его замыкает, ставит решительную точку и в осмыслении, и в реальной истории.

Параллели политики с физикой, разумеется, не буквальны. Вероятно, меньше протестов вызовет правомочность применения простейших логических схем в аналитике обеих областей. В отношении к политике эпохи масс такое применение даже более оправданно, чем к физике, т.к. здесь не только теоретик, но и предмет его изучения, массы, признают власть над своим сознанием элементарных логических истин: последние превратились в атрибут общественного сознания, бессознательного. То, что у коллективного человека в душах, в мозгах, накладывает глубокий отпечаток на политические процессы, поведение, организацию – см. в гл. 1 пассажи о субъект-объектной природе политики(5) . Восприятие революции как ситуации *выбора*, причем дихотомного, относится к разряду само собой разумеющегося. Дальнейшее становится тривиальным следствием подобного восприятия, и итоги различных по счету революций становятся закономерными. Не следует, конечно, игнорировать и феномен коллективной *памяти*: люди помнят, изучают в школах, черпают из масс-медиа информацию о пережитых их собственным социумом революциях, и каждая новая революция накладывается на это всеобщее знание, присоединяясь к уже наличному ряду. Всякий раз, когда народ поднимается на революцию, волей-неволей осуществляется апелляция к опыту, к сравнениям – контрастам и сходствам. В дальнейшем, по мере расширения привлеченной теоретической и эмпирической базы, у нас появится возможность для более точных суждений.

Тот же метод анализа в известной степени применим и к этапам пути такой общественной системы как христианская Церковь или, если угодно, к истории изменения сознания в христианском обществе. Схизму, т.е. разделение Церкви на Западную и Восточную (условная дата 1054 г.), тогда можно изобразить как первую точку бифуркации, а Реформацию XVI в., приведшую к расщеплению Западной Церкви на католическую и протестантскую ветви, – как точку вторую. Именно после Реформации стало возможным говорить о свободе совести, свободе вероисповедания. Именно Реформация, нанеся мощный удар по вертикальной иерархии Церкви, по коллективному характеру служения Богу, противопоставила личные усилия организованным совместным, тем самым "атомизировав" акт общения человека с Богом (на перекличку с "газообразным" состоянием указывает и исключительная дробность протестантизма, представленного более чем четырьмя сотнями номинаций). Протестантизм, согласно компетентному заключению М.Вебера, создал благоприятную почву для развития

капитализма, рождения либеральных, индивидуалистических обществ. Конфессиональная самоидентификация лишь косвенно связана с рациональной составляющей, прежде всего через посредство сознания верующих, которое не чуждо и светских мотивов, здравого смысла. Поэтому по длительности религиозные бифуркации обычно превосходят политические, и хронологические промежутки между бифуркациями естественно более протяженные, чем это наблюдается на политическом материале технологической эры. Как бы там ни было, с конца XIX столетия мы, похоже, превратились в свидетелей очередной ступени трансформации общественной религии – начиная с концептуальной и миссионерской деятельности новационных сект, модернистских включений в религиозную философию (см., в частности, раздел 1.4.1: попытки начала XX в. по возведению Софии, Богоматери в ранг самостоятельной, четвертой Божественной Ипостаси) и кончая формированием массовых "неоязыческих" течений: будь то "жесткие" индустриальной эпохи (коммунизм, национал-социализм, см. их квазирелигиозный аспект) или более "мягкие" эпохи постиндустриальной ("зеленые", рок-движение и т.д.).(6) Третья бифуркация сопряжена с разложением фундаментальных элементов системы, когда вера, в сущности, перестает быть таковой, утрачивает идентичность. К слову, три главные ветви христианства (католичество, православие, протестантство) сами почти не участвуют в бурном процессе третьего перехода, предоставив эту честь миру светскому и сектантам.

Н.Н.Моисеев в работе "Современный анропогенез и цивилизационные разломы" [215] применяет схему последовательных бифуркаций к пути человечества в целом. При этом указывается на наличие двух важнейших бифуркаций, предваряющих современное состояние. В качестве первой назван палеолит: утверждение системы табу (зачатков нравственности), ограничение действия биосоциальных законов (особое место отводится заповеди "не убий", т.к. она переключает развитие с канала биологической эволюции на канал общественной). Роль второй бифуркации исполняет неолит, ибо накануне или в начале голоцена происходит качественное расширение ареала homo sapiens: освоение земледелия, затем скотоводства. Тогда же происходит выделение кроманьонца как единственного представителя нашего биологического вида и формирование той экологической ниши, в которой живем и мы. Н.Н.Моисеев выдвигает гипотезу, что нынешнее человечество стоит на пороге третьей глобальной перестройки сходной глубины и масштаба. Мы подошли к пределу допустимого в отношениях с окружающей

природой. Человечество как бы предчувствует возможные трагические последствия происходящего – так массовое самоубийство леммингов предотвращает перенаселение и сохраняет популяцию в ее экологической нише, – и "феномен леммингов" не исключается из числа возможных сценариев ближайшей истории. Тотальная драма, по всей видимости, неизбежна, если наши взаимоотношения с окружающей природой не превратятся в последовательно нравственные. Так эсхатологизм – в катастрофическом или "окончательно моральном" обличии – внедряется в схему трех бифуркаций в экологическом ракурсе.

В дальнейшем еще придется вернуться к семантике вторых и третьих по счету революций, однако несправедливо обходить вниманием и первые.

В Британии первой по счету была Великая английская революция, в ходе которой силы парламента одерживают верх над королем, но это и период политической диктатуры – протекторат Кромвеля, затем реставрация. В Америке то же место принадлежит войне за независимость 1775 – 83 гг. В 1776 принята Декларация независимости, в 1787 Конвент разрабатывает конституцию. В стране действует Конгресс, к 1820-м гг. постепенно складывается двухпартийная система. Однако по итогам этой революции перед нами еще далеко не та Америка, которая сложилась после Гражданской войны. Не отменено рабство, не преодолены феодально-олигархические пережитки колониального прошлого, в расцвете разнообразные цензы, а в сфере высшей политики еще возможно всерьез обсуждать, кем объявить Дж.Вашингтона – президентом или королем. В пользу последнего варианта выдвигались весомые аргументы: состояние общественного сознания, необходимость пользоваться уважением со стороны руководителей иностранных держав (богопомазанные короли наверняка будут взирать свысока на избранного плебсом президента). С прицелом на будущее, Дж.Вашингтон отдал предпочтение первому варианту, хотя его власть по объему мало чем отличалась от монархической.

Во Франции череда революций начинается с Великой французской, завершившейся Термидором и провозглашением в 1804 г. Бонапарта императором. Страна по-прежнему несет на знаменах лозунги освобождения, чем качественно отличается от предшествующего королевства, видные посты все чаще занимают по заслугам, а не по рождению. Тем не менее, это империя, что и занесем в соответствующую графу.

Революция 1848 – 49 в Австрии была также первой. Судя формально, она подавлена. Однако в 1849 г. вводится, пусть и

"революционная", конституция, в 1850-х гг. проводятся буржуазные реформы, а в 1867 г. приходится пойти навстречу требованиям главного национального меньшинства: превращение монолитной Австрийской империи в двуединую Австро-Венгерскую. В стране отныне легальны и политические партии.

В Германии, как уже отмечалось, на подготовленной первой революцией почве интенсифицируются процессы национального самоопределения (преодоление зависимости от Австрии), создается Германская империя. Наличие рейхстага и официально зарегистрированных политических партий, наряду с кайзеровским правлением – характерные признаки.

В Италии революция 1848 – 49 гг. выводит на политическую сцену либеральную буржуазию. В 1848 в большинстве итальянских государств обнародованы конституции, проводятся частичные реформы. Но после интервенции франко-австрийских войск во всех государствах Италии, за исключением Сардинского королевства, конституционные порядки отменены, наступает период реакции. Лишь после второй революции 1859 – 60 гг. Италия добивается национального единства (плебисциты 1860 г.), уничтожает таможенные барьеры, разворачивает широкое железнодорожное строительство, проводит реформы, т.е. начинается ускоренное развитие капитализма. Первой же революции Рисорджименто, 1848 – 49 гг., удается лишь сдвинуть с мертвой точки процесс политической и экономической эмансипации, но ее реальные достижения, в общем, скромны.

В ходе революции 1905 – 07 гг. в России появляется выборная Государственная Дума, практически мгновенно возникает партийная система. Опубликован Манифест, возникает своего рода "предконституционное" состояние, но Николай II по-прежнему остается "Хозяином земли Русской", не сломлен дворянско-помещичий строй. Сами выборы в Думу многоступенчатые по четырем неравноправным куриям, половина населения лишена избирательных прав. "Квазипарламентаризмом" окрестил М.Вебер данный режим.

В Османской империи 1908 г. под руководством буржуазно-националистического "Единения и прогресса" начинается Младотурецкая революция. В июне 1908 провозглашена конституционная монархия, в апреле 1909 низложен султан Абдул-Хамид II, и у власти оказываются младотурки. Феодально-клерикальное устройство, однако, не демонтировано, одна форма национальной зависимости сменяется другой (от Германской империи).

Японскую Мэйдзи исин (1867 – 68) называют *незавершенной* буржуазной революцией. Восстановлена власть императоров.

Формируется буржуазно-дворянское правительство Мацухито, приступившее к серьезным социально-экономическим преобразованиям, но вплоть до Второй мировой войны в Японии открыто действуют феодальные нормы. В Китае первой была Синхайская революция 1911 – 13. Цинская династия свергнута, в 1913 г. проводятся свободные выборы в национальный парламент, но вместе с тем образуются всесильные олигархические клики, территориальные милитаристские кланы. Не уничтожен и империалистический гнет.

Индия, Пакистан, Бангладеш до сих пор пережили лишь одну, общую революцию: под давлением Индийского национального конгресса, М.Ганди, массовых кампаний неповиновения Британия была вынуждена уйти из своей крупнейшей колонии. В 1947 г. последняя разделена на Индийский союз и Пакистан, в 1950 г. Индийский союз стал республикой. Теперь Индию называют самой крупной демократией мира, но при этом она лишь с натяжкой удовлетворяет общепризнанным либеральным стандартам, до конца не изжиты пережитки феодально-кастовой системы, межобщинные – национальные и религиозные – антагонизмы, высока роль во внутренней политике трайбалистских и клановых факторов. Тем более трудно заподозрить в избытке демократизма Исламскую Республику Пакистан. Диктаторские и милитаристские тенденции, лимитация прав и свобод остаются неотъемлемыми компонентами общественной жизни. Возникшая в 1971 г. на базе Восточного Пакистана Народная Республика Бангладеш, аналогично, занимает лишь скромную ступень не только экономического, но и политического развития. Этот ареал бывших британских владений – особенно когда он только приступал к национально-освободительной, буржуазной революции – был в подавляющей массе неграмотным, что заставляет задуматься, насколько оправданно его включение в составляемый ряд. Однако вступление в эпоху масс, широких общественных движений с поставленными рациональными целями все-таки состоялось, европейски образованными были и вожди. Признак же непросвещенности (чуть больше, чуть меньше) – общий для всех государств, только вступающих на данную дорогу; лишь впоследствии, после революций, в этой области совершается качественный скачок. Наличную азиатскую специфику, конечно, не следует сбрасывать со счетов, однако она, представляется, не выбивает названные страны из ряда, а лишь по своему расставляет акценты.

Способен привнести новые краски корейский пример. По изгнании японцев, в 1945 г. Корея обретает независимость, и

практически тотчас начинается гражданская война (в которую вовлечены и другие державы). По-видимому, данный отрезок и следует считать первой бифуркацией эпохи масс в стране, до тех пор чисто феодальной, аграрной. Ее результатом стало разделение на два государства: в северной части, находившейся в зоне влияния СССР и КНР, была установлена коммунистическая диктатура; в южной, пребывавшей в ареале США, утвердилась диктатура военная. Затем обе республики – и КНДР, и РК – переживают интенсивную индустриализацию, вводят обязательное школьное образование. Каждое из двух соизмеримых по размерам государств считало себя единственно легитимным представителем всей Кореи, а состояние разделения – досадным и временным. Такая позиция внедрялась в общественное сознание, в связи с чем в послевоенный период допустимо говорить о Корее как *единой* системе с, так сказать, *двойственным* политическим режимом: одна из диктатур запрещает частную собственность, другая ее поощряет. Операция "осреднения" и приводит в настоящем случае к искомой семантике состояния после первой бифуркации.

Самостоятельный вопрос, что десятилетия раздельного существования не могли не привести к дивергенции обеих частей, к постепенному разделению Юга и Севера и в общественных умах (особенно это характерно для Юга, не стремившегося к объединению ценой любых жертв). Южная Корея, в отличие от Северной, добивается выдающихся экономических достижений, и в 1980-е гг. переживает глубокие политические перемены. Вводятся политические и гражданские свободы, возникают партии, проводятся первые демократические выборы. По всей видимости, следует говорить о второй политической бифуркации в Республике Корея, в результате которой она стремительно приблизилась не только к экономическим, но и политическим либеральным стандартам. В КНДР пока законсервировано прежнее состояние. Если и говорить о вероятном объединении двух Корей, оно, очевидно, не может быть ничем иным, чем фактическим поглощением КНДР (ср. процесс объединения двух Германий). Для Северной Кореи это, несомненно, будет означать очередную, вторую революцию, готовящую ментально-политический каркас для восприятия норм либеральной экономики и демократии. Последнее замечание, однако выходит за рамки темы одной бифуркации, а сейчас нас интересует только она.

Приведенный эмпирический ряд позволяет сформулировать определенные выводы. Если в результате вторых и третьих революций относительно полно реализуются, соответственно,

либеральная и тоталитарная (вариант: жестко-автократическая) парадигмы, то после первых обычно возникает, так сказать, "межеумочное" состояние, отвечающее незавершенной общественно-политической эмансипации. Регулярно воспроизводится смесь последующей либеральной и предшествущей абсолютистской (феодальной) моделей, революции нередко "начинаются во здравие и кончаются за упокой". Так во Франции великий порыв к свободе приводит к империи Наполеона I, затем к реставрации(7); в Германии на почве первой буржуазной революции (в которой приняли активное участие и социалисты) возводится также империя. Политические бифуркации – независимо от того, "кто победил", – всякий раз не остаются бесследными, неся с собой глубокие перемены, но в итоге первых из них – недо- или контрлиберальный акцент.

Как обстояло дело после первой *мировой* бифуркации? По окончании Первой мировой войны – см. Версальский договор 1919 и Вашингтонская конференция 1921 – 22 гг. – заложен фундамент Версальско-Вашингтонской системы. До биполярности еще далеко, и торжествует пир победителей-хищников, "олигархов". В расцвете и колониализм, равноправие в международных отношениях отсутствует. Существующие условия – благоприятная среда для создания первых (и самых ярких) тоталитарных режимов: в России, Италии, Германии, Испании. В 1920-х – 40-х гг. Европу охватывает подлинная эпидемия диктатур (Польша, Болгария, Греция, Латвия, Литва, Эстония и т.д.). В 1919 учреждена Лига Наций, предтеча ООН, но она качественно уступает последней по широте представительства и скорее служит орудием в руках тогдашних "сверхдержав", Великобритании и Франции. Читатель вправе самостоятельно дополнить картину другими деталями, но вывод в целом уже, кажется, ясен: сказанное о семантике первых революций в отдельных странах справедливо и здесь.

При описании пути общества от первой революции к третьей вовсе не обязательно использовать позитивистский язык: "частичная демократия / автократия – демократия – автократия", – с аксиологическим предпочтением среднего элемента. Хотя в послевоенной политологии доминируют как раз позитивистские, "либералоцентристские" взгляды и термины, в культурологии обстоит заметно иначе. Так, известный американский профессор К.Наранхо, изучая структуру мифов, сказок, легенд разных народов, поучительных историй о герое и его пути к обретению духовного и физического совершенства, выделяет следующие ключевые этапы. В результате первой инициации герой достигает

близости к Богу, на второй стадии претерпевает разлучение с ним (период отчаяния и испытаний), наконец, на третьей, заключительной ступени осуществляется их подлинное – прочное, вечное – воссоединение [223, с. 43]. Если прибегнуть к мифо-политической параллели, то, например, для Германии на первой позиции оказалась бы империя Вильгельма и Бисмарка, на второй – сопровождаемая физическими и нравственными страданиями, внушающая отчаяние Веймарская республика, на третьей – тысячелетний "Третий рейх". Ни в коем случае не хотелось бы вмешиваться в негласную полемику между политологами и культурологами, между позитивистской и иератической точками зрения, ведь в нашей работе речь идет не об оценках, а только о числах. В результате трех бифуркаций – в отдельных государствах или в мировом сообществе в целом – в общественном сознании возрастает удельный вес мифологического компонента ("золотой век" – коммунизм, милленаристский "Третий рейх", величественные античные герои фашистской Италии и т.д.) и присущих ему "телеологизма", "финализма". Соответственно, ныне (в рамках третьей бифуркации в мире) "хороший парень" – Америка, наконец, поколотил большинство "плохих парней", послав белозубый голливудский привет всем людям добра и света, и впредь они могут быть абсолютно уверены: теперь о них есть кому позаботиться, победу герой уже никогда не упустит из рук.

В мифо-культурологическом контексте, вероятно, уместно напомнить и о герменевтическом толковании чисел 1, 2, 3. В работе "О психологическом происхождении догмата о Троице" [394] К.Юнг ссылается на алхимиков. Целлер: "Единица есть Первое, из которого возникли все другие числа и в котором поэтому должны соединяться противоположные качества(8) ; двойка есть первое четное число(9); тройка – совершенное".(10) Не станем гадать, отчего реальный исторический путь столь тесно коррелирует с плодами визионерских концепций, хотя гипотеза, что в обоих случаях действует сочетание собственно рациональных и мифологических сил вполне имеет право на жизнь.

Одной, двумя или тремя революциями реальный список, разумеется, не исчерпывается, и вскоре мы обратимся к семантике и прецедентам последующих (там, где они состоялись). Пока же имеет смысл прояснить, какие факторы могут быть ответственны за то или иное количество бифуркаций. В одних случаях относительно малое число революций (скажем, одна) объясняется тем, что страна лишь недавно присоединилась к мировой магистрали эпохи масс, т.е. следующие по счету

революции просто не успели состояться. Однако в глаза бросается и иное – более важное – обстоятельство: даже в кругу развитых государств одни переживают лишь две революции и закрепляются на соответствующем либеральном этапе (Британия, США, Нидерланды, Япония), тогда как другие проходят транзитом через вторую ступень, попадая вначале на третью – условно говоря, тоталитарную, – затем на четвертую, пятую и т.д., о чем, впрочем, позже. Больше, чем у других, революций эпохи масс состоялось во Франции, третья из них, напомним, разрешилась режимом Наполеона III. В паттерн третьих революций попадает и Россия (Октябрь 1917), Италия ("Поход на Рим" 1922), Германия ("национальная революция" 1932 – 33), Китай (Народная революция 1946 – 49). Сходный вариант не обошел стороной и мировое сообщество в целом, по крайней мере нынешняя глобальная трансформация – третья по счету, после двух мировых войн, хотя самому феномену экономически и политически связного человечества всего сотня лет. Результатом современных глобальных процессов становится, как замечено, замена состязания двух лагерей, двух сверхдержав господством одного, или одной. Столь разные судьбы различных общественно-политических систем – две революции или три и более – заставляют поставить вопрос о причинах. Возможно, небесполезны следующие соображения.

В процессе прогрессивного развития (а Новое и Новейшее время, помимо расширяющейся образованности, деятельного подключения к активной истории народных масс, отличается и прогрессивным характером) постепенно, но неуклонно формируется магистральный путь такого развития. Если какая-то из стран не вполне отвечает соответствующим стадиальным технологическим, социально-экономическим, культурным требованиям и, что для нас важнее, требованиям политическим, она неизбежно сталкивается со сложными проблемами во внутренней и особенно во внешней политике (проблемы отсталости). При этом, наряду с механизмом политических бифуркаций, кардинально преобразующих общественную систему, ее организацию и позволяющих совершать "рывок вперед", следует принимать в расчет и такое ее качество, как постоянный потенциал модернизации, способность к текущей рациональной коррекции собственных свойств. Если страна внутренне статична, холистична, мало расположена к такого рода коррекции, она либо отстает от своих более адаптивных и динамичных соседей, либо – третьего не дано – ее развитие осуществляется не по эволюционному сценарию, а более драматично, посредством периодических скачков.

Некоторые исследователи, в частности Питирим Сорокин, С.Ю.Маслов, доминирование эволюционного или, напротив, революционного пути ставят в зависимость от преобладания левого или правого полушарий мозга в процессе функционирования социокультурной системы. Как отмечалось, все наиболее развитые общества при переходе от традиционалистской феодальной ступени пережили, как минимум, пару "скачков", или политических бифуркаций. В результате двух революций общественное сознание стяжает и эксплицирует по-своему устойчивую трехсоставную, трехмерную ментально-политическую парадигму (см. выше либералы – консерваторы – радикалы).(11) Каким-то из стран – условно говоря, "левополушарным" – этого оказывается достаточно, чтобы достигнуть удовлетворительной рациональной, динамичной ступени и, значит, перейти на эволюционные рельсы, в дальнейшем своевременно и даже превентивно внося надлежащие изменения в собственную организацию. У "левополушарников" – аналитическое и практичное (оно же: эклектичное и компромиссное) сознание, и для того, чтобы модернизировать тот или иной отдельный сектор, нет необходимости изменять все сразу и целиком. Частичные – зато постепенно накапливающиеся – изменения проходят сравнительно безболезненно и с минимальной конфликтностью. Исходя из фактов, к подобным странам, по-видимому, следует отнести Британию, Нидерланды, США и Японию. Функциональное преобладание правого – менее рационального, зато более образного, холистического – полушария, напротив, побуждает носителей этого качества до последнего момента упорствовать в отстаивании существующих форм: одни, более консервативные сектора сдерживают другие, ибо в рамках целого между ними прочная связь. Чтобы избежать фатального отставания и безнадежно не проиграть международную конкуренцию, не остается иного варианта, кроме очередной бифуркации: аналогично, скачками или толчками, движется по полу тяжело нагруженный шкаф. Можно сказать, что основной импульс развитию здесь придают внешние, а не внутренние, стимулы, бьющее по национальному самолюбию сравнение с более деятельными и динамичными международными конкурентами, а также реальное сужение собственной ниши под их непрестанным давлением. Судя по историческим материалам, к услугам третьей революции (а затем и последующих) прибегали Франция, Россия, Италия, Германия, Китай.

Тот же момент, помимо акцента на лево- или правополушарных тенденциях, можно выразить и с помощью

отличной терминологии. Так, в теориях модернизации выделяется специальная модель "догоняющего развития" – для тех государств, которым приходится спешить вслед за ушедшими вперед. Историческим Германии, России, Италии и Китаю, несомненно, приходилось пускаться вдогонку за европейскими и мировыми лидерами. Франция, несмотря на принадлежность к "первому эшелону модернизации", испытывала постоянный комплекс неполноценности перед более "продвинутыми" Англией, Голландией, затем США. Стремление во что бы то ни стало догнать, при дефиците текущей адаптивности, заставляет перенапрягать внутренние силы, истощать ресурсы и – когда и это не приносит успеха – разочаровываться в действующих в отечестве порядках. Тогда включается своеобразный "форсаж", т.е. через кризис происходит очередная бифуркация. При этом третья из них, соответствуя утверждению парадигмы M = 4, в политической сфере – появлению и победе "авангардистских" партий, также оказывается, как установлено в разделе 1.4, по-своему стабильной. Тоталитаризм, как и либерализм, самосогласован, становится носителем "высоких" эмансипационных и модернизационных идеалов. По итогам третьей революции Россия (СССР) достигает исторически беспрецедентной для себя ступени в мировой иерархии(12); гитлеровская Германия обретает такое могущество, что не только скомкала и выкинула на помойку систему Версаля, но и бросила перчатку-вызов всей Европе, СССР, США. Италия времен Муссолини не без резонов грезит о славе Древнего Рима, а Франция периода Второй империи, наконец, возрождает наполеоновское величие, приобретает множество колоний, наносит, вместе с союзниками, военное поражение России (в Крымской войне), взяв реванш за былое унизительное поражение и попутно демонтировав постнаполеоновский европейский порядок, Священный союз. По итогам третьей, Народной, революции Китай окончательно пробудился от многовековой феодальной спячки, стал на магистральный индустриальный путь, превратился в великую, ядерно-космическую державу. Так что вовсе не обязательно, как это порою делают, считать переход от либеральных режимов к тоталитарным "срывом модернизации" в политической плоскости. Возможно, мы сталкиваемся со своеобразным аналогом принципа Ле Шателье, согласно которому многие природные системы собственной реакцией стремятся минимизировать эффект внешних воздействий. Если основной внешний раздражитель – со стороны либеральных экономик и стран, то ответ на него имеет естественные резоны оказаться противоположным.

Из подобного применения модели "догоняющего развития",

кажется, несколько выпадает Япония, которой также пришлось настигать более "продвинутые" страны, но при этом она прошла лишь через две, а не три политические революции. Обе, вдобавок, произошли под давлением извне, т.е. за счет внешних, а не внутренних факторов. По сравнению с другими носителями стабильной парадигмы двух революций (Британия, Нидерланды, США), азиатской Японии длительное время недоставало собственного адаптивного потенциала. Однако она в полной мере приобрела его после двух революций, пусть и "навязанных", и закрепления их итогов под надзором "кураторов" из США. На фоне других азиатских стран Япония продемонстрировала более высокую внутреннюю мобильность (если вновь прибегнуть к естественнонаучным ассоциациям, то одни вещества, диамагнетики, уменьшают внешнее магнитное поле, другие же, ферромагнетики, его усиливают. Т.е. характер реакции зависит от собственных качеств системы, и Япония, по всей видимости, относится ко второму классу, способствуя утверждению мирового либерального климата).

Третий язык, позволяющий пролить свет на причины разного количества революций в относительно развитых государствах: "малого" (двух) и "большого" (трех и более), – также хорошо известен. Это противопоставление морских и континентальных стран или, по терминологии геополитиков начала XX в., талассократий и теллурократий. На паттерне двух революций удалось удержаться Британии, США, Нидерландам, Японии, т.е классическим морским государствам. Япония, которая не всегда в прошлом пользовалась преимуществами своего островного положения и отдавала предпочтение автаркической изоляции, сначала отставала от западных – европейских и американских – лидеров. Но все же она раньше других на азиатском континенте подключилась к мировой магистрали прогресса и выглядит, несомненно, "талассократией". Согласно точке зрения П.Савицкого, б? льшая внутренняя подвижность и, соответственно, выход талассократических стран в лидеры в рамках индустриальной эпохи объективны. Морская торговля – это не только открытость, возможность использовать достижения самых разных государств, но и свободный выбор партнеров. Превалирующая торговля по суше, напротив, в значительной степени привязана к соседям, которые даны от рождения. Указанное обстоятельство особенно существенно на ранних этапах индустриализации, когда сухопутные коммуникации были неразвиты (навигация же по рекам ограничивает грузоподъемность судов и, следовательно, увеличивает себестоимость перевозок); тогда как морские изначально –

"плыви, куда хочешь". То же относится и к выбору не только экономических, но и политических партнеров и сателлитов: так, практически чисто континентальная Германия прусских времен – Фридрих I, Фридрих II и далее – сосредоточивает внешнеполитические заботы на "округлении" (abrund) своих территорий, в то время как более "продвинутые" страны энергично захватывают заморские колонии. На этом отрезке индустриализации происходят первые политические революции. Свободный выбор партнеров, их комбинаторный перебор и позитивный расчет своих выгод оказывают глубокое влияние на коллективную психологию: читатель вправе вспомнить о существенности комбинаторных операций, в частности, в процессе идентификации и самоидентификации, формирования политических структур, см. гл. 1.

На то, что важны именно последние факторы, а не море как таковое, указывает прецедент Швейцарии. Эта страна пережила лишь две бифуркации: 1) долгую войну за независимость от имперских Габсбургов, международное признание – в 1648 г., по Вестфальскому миру и 2) ожесточенную борьбу между Зондербундом и Конкордатом семи в 1830 – 40-е гг., в результате которой в 1848 г. принимается Конституция ("за образец которой была взята американская" [236]), и Швейцария из непрочного союза кантонов превращается в единое союзное государство (в целях более тесного экономического сотрудничества кантонов отменена местная таможня, введены единая валюта – швейцарский франк, единые меры длины и веса). Швейцария с ее двумя революциями является устойчиво либеральной страной, что, на первый взгляд, противоречит ее физически континентальному положению. Во многих отношениях Швейцария действительно уникальна. Пребывая в "ничейной зоне" между двумя противоборствующими великими державами – Австрией и Францией – историческая Швейцария обладала заметной "свободой рук". Гранича почти со всеми ведущими странами,(13) она располагала и свободой выбора торговых партнеров (настолько полной свободой, что не прерывала экономических контактов со всеми сторонами и во время войн между ними). Швейцария – своеобразная "сухопутная морская держава", до сих пор остающаяся "политическим островом", не входящая даже в ООН; статус одного из мировых финансовых центров лишь подчеркивает сопутствующую "универсальность". По отношению к Швейцарии справедливо и сказанное ниже о государствах морских, но, конечно, нужно иметь в виду, что данный пример – исключение, обязанное уникальному сочетанию обстоятельств. Однако вернемся к действительно морским

государствам.

Культурологи, например Г.Померанц, отмечают важный сопряженный момент: культуры морских стран отличаются более практичным, "трезвым" характером по сравнению с более "идеалистическими", склонными к метафизике и мифам, континентальными странами. В подтвержение как раз и приводятся образцы Британии (английский эмпиризм на фоне континентального умозрения и спекуляции), США (прагматизм) (14) и Японии (в контрасте с центром конфуцианской зоны, Китаем). Сказанное в полной мере относится и к Швейцарии с ее "твердокаменным здравомыслием", успешно противостоящей подавляющему большинству идеологических обольщений. Речь, собственно, идет об одних и тех же вещах.

В этом контексте нельзя не заметить: к услугам третьих " более "сумасшедших", менее "здравомысленных" – революций прибегают в XIX – XX вв. преимущественно континентальные страны: Россия, Германия, Италия, Франция (чьи основные интересы – в отличие от Британии, США, даже Нидерландов – относятся более к европейскому *континенту*) или Китай. Их внутренние традиционалистские, в сущности феодальные, идеологические и политические силы явно превосходят таковые в странах морских. Психологическая направленность населения на "окончательные и вечные" истины, высшие идеалы (пусть займут место в темном углу бескрылые, лишенные благородства прагматики)(15) и обусловливает необходимость: чтобы подтянуться к мировым лидерам в практическом плане (а отставание всякий раз – это вселенская трагедия поражения заветных идеалов общественного добра от низкого, подлого зла, чистогана), приходится прибегать к ломке своих излюбленных идеологических ценностей. В этом, собственно, не было бы объективной потребности, если бы отсутствовала жесткая связка между коллективными идеалами и приземленными повседневными нормами, т.е. если бы идеалы (политические, идеологические, религиозные) существовали бы сами по себе, а конкретная жизнь – тоже, так сказать, два состава в разных флаконах. Так, кажется, и обстоит с либерализмом на практике: реальная выгода индивида прежде всего, а идеалы – факультативно по воскресеньям в церкви. Но – увы или к счастью – иначе происходит там, где люди привыкли поверять обыденную практику ригористическими коллективными эталонами. Подобная привычка, "верность общественным идеалам", обусловливает более драматический – прерывисто-скачкообразный, а не поступательно-плавный – сценарий развития, когда перед каждым очередным серьезным шагом в

модернизации приходится прибегать к идеологическому преображению, объявлять смену вех, т.е. вступать в политическую революцию.

Судя по тому, что и мировое сообщество в целом не удержалось на уровне двух бифуркаций, ныне вступив в зону третьей, в нем также, по всей видимости, возобладало "правополушарное", холистическое начало, оно же "мифологическое" или "метафизическое". Фактор былых преимуществ морских стран перед континентальными по мере развития сухопутных и воздушных коммуникаций теряет свое значение. Теперь не порты и привязанные к ним биржи (Лондон, Нью-Йорк), а универсальная, экстерриториальная сеть Internet готова превратиться в средоточие сделок и контактов. В результате третьей бифуркации в мире названные процессы в перспективе только ускорятся. Бывшие (Германия, Италия) и нынешние (КНР) тоталитарные государства, вообще ряд стран второго и третьего эшелонов модернизации стремительно догоняют или уже догнали прежних лидеров по уровню экономики, т.е. программа "догоняющего развития" так или иначе сработала .(16) Наконец, вместе с третьей бифуркацией в мире, кажется, на глазах происходит укрепление и упомянутой связки между "высокими и вечными" общественными идеалами и текущей политикой.

Как замечено, прежде этим страдали Франция, Германия, Италия, Россия, Китай, соответственно и пережившие по три и более революций, тогда как последовательно либеральные государства (США,Британия, Нидерланды, по азиатским меркам Япония) исповедовали более "гибкую" и практичную мораль, смотря сквозь пальцы на различные нарушения, если они не покушались на карман. В свою очередь, после двух бифуркаций и мировое сообщество в целом демонстрировало изрядную идеологическую толерантность, и, скажем, США коренные идеологические разногласия не мешали договариваться и сотрудничать с "империей зла", СССР, или с тоталитарной КНР. Теперь же, вместе с третьей бифуркацией, ситуация, похоже, кардинально меняется. Верность принятым идеалам и ценностям внедряется в международную практику, принцип "пусть погибнет мир, но торжествует закон, простите, идеал" на глазах превращается в один из ведущих. Так по крайней мере выглядят аргументы для войны с Югославией – "во имя прав человека". Когда, спрашивается, такое было возможным? Из одного из бастионов либерализма, Великобритании, гремит риторика Тони Блэра: "У Милошевича не должно быть иллюзий: мы не остановимся, пока дело не будет сделано. Теперь это уже не

военный конфликт. Это *битва между добром и злом, цивилизацией и варварством, между демократией и диктатурой*" [419; курсив мой. – *А.С.*]. Еще недавно подобные события были немыслимы, и не только из-за объективного расклада сил – биполярность мира после двух бифуркаций, – но и по причине психологического климата. Теперь же, в ходе третьей бифуркации, по справедливому замечанию В.Б.Пастухова [245, с. 117], Запад и "все прогрессивное человечество" оказались охваченными *эйфорией*. (17) Идеал становится высоким общественным мифом, а боги, герои умеют быть не только добрыми, но и сметающими все препятствия на пути.(18)

Симптоматично, что применительно к развязыванию балканского конфликта не сработали механизмы ООН – организации, возникшей после Второй мировой войны, т.е. после двух бифуркаций. Ведь переговорный подход, компромиссность, методы не прямого, а косвенного давления – не в духе третьих революций.

Факт, что мировой системе не удалось удержаться на этапе двух бифуркаций и в ней протекает третья, недвусмысленно свидетельствует и о другом: коли избран "революционный" путь развития, то третья бифуркация в мире – отнюдь не последняя. По крайней мере все бывшие тоталитарные страны: Германия, Италия, Россия, имперская Франция издания Наполеона III, не говоря о государствах Центральной, или Восточной, Европы, – рано или поздно отказываются от диктатуры, переживая следующую политическую революцию. Мало сомнений, что сходная перспектива ожидает и последний могущественный тоталитарный режим, КНР. Неконструктивным, малоприемлемым для большинства – теперь альтернатива отсутствует – спустя определенное время окажется и режим доминирования НАТО, США в управлении миром. Самые прозорливые наблюдатели уже фиксируют надлежащие признаки, и Г.Киссинджер в статье в "Ньюсуик" вынужден констатировать "интуитивно отрицательную реакцию почти всех стран мира на новую натовскую доктрину гуманитарного вмешательства", цит. по: [413].

До сих пор были рассмотрены результаты не более трех революций, этот материал осталось дополнить немаловажной деталью. Любая из революций – первая, вторая, третья – нередко оказывается внутренне неоднородной, разграничиваясь на качественно различные этапы. В таких случаях уместно говорить о дополнительных ступенях, или "подступенях", логического деления. Со сходными феноменами – пусть не в диахроническом, а синхроническом выражении – мы уже сталкивались в первой главе, анализируя систему трех лиц местоимений, в которой

третье лицо делится на три элемента (градация по родам), совокупность грамматических времен в немецком языке и территориально-политическое строение зрелого СССР или ЕС, когда каждый из региональных ансамблей представлен группой самостоятельных единиц ("подъединиц"). Не иначе дело обстоит и с некоторыми из революций, если они рассматриваются как составное целое. Для краткости ограничимся парой примеров.

Наиболее глубокая, коммунистическая революция в России – которой попутно пришлось решать серьезные задачи модернизации (дефеодализация, ликвидация неграмотности, индустриализация), – как мы помним, была третьей: после революции 1905 – 07 гг. и после Февральской 1917. В своем развитии она прошла через несколько ключевых этапов. Первым из них, согласно учебникам, оказался *"военный коммунизм";* вторым, после Гражданской войны, в 1922 г. вводится *НЭП*, предоставивший населению определенные экономические и культурные свободы (именно в этот период выдвигается бухаринский логунг "Обогащайтесь!"). Наконец, революция окончательно добивается своих целей в процессе так называемого *"Великого перелома",* ведущего отсчет с 1928 – 29 гг. В результате последнего сформировался "классический", сталинский СССР. Частная собственность полностью отменена, отсутствуют не только альтернативные партии, но и внутри правящей путем репрессий искоренена и тень возможных разногласий. Прежде таковые все же допускались, и дискуссии – как при Ленине, так и сразу после его смерти, в разгар НЭПа – протекали достаточно интенсивно. Вдобавок до "Великого перелома" сильны авторитет и влияние коллективной "ленинской гвардии", нескольких "вождей революции"; после него – под флагом борьбы с фракционностью – "лишние" вожди ликвидированы и установлено надлежащее единодушие под эгидой "Отца народов", единственного живого Вождя. Тогда окончательно канонизируется и большевистский миф. Третья революция в России, таким образом, привела к политически однородному, тоталитарному состоянию не сразу, а посредством последовательных скачков. Причем, именно третий по счету обеспечил радикальную унификацию, полностью лишив население реальных экономических и политических прав, заложив прочный фундамент великой коммунистической империи. Предшествующая ступень, НЭП, – которая, одно время казалось, введена "всерьез и надолго", – напротив, неизменно кодифицировалась как "либеральная", насколько вообще допустима речь о либерализме под сенью входящих во вкус большевиков. Первому же этапу, "военному коммунизму", при

всей его радикальности, не удалось в полном объеме достигнуть поставленных целей: в стране бушует Гражданская война ("белые" и "зеленые" не разделяют, разумеется, ценностей большевиков), по ее окончании поднимаются на сопротивление недавно опорные силы (напр., восстание в Кронштадте). Судя по всему, и на уровень "подбифуркаций" проникает та же логика, в которой задействованы текущие номера. Напомним: после одной бифуркации – в данном случае "подбифуркации" – следуют либо полумеры, либо не вполне определенный "межеумочный" статус. После двух верх берут атрибуты либерализма. По итогам трех устанавливается либо тоталитарный, либо "квазитоталитарный", имперский режим.

Сходным образом, и Великая французская революция не одним махом приходит к своему конечному состоянию. Вначале – созыв в мае 1789 г. Генеральных штатов, 17 июня 1789 г. депутаты из третьего сословия объявляют себя Национальным, а 9 июля – Учредительным собранием. Попытка его разгона приводит к восстанию и (14 июля 1789 г.) штурму Бастилии. 26 августа Учредительным собранием принимается Декларация прав человека и гражданина. Несмотря на столь серьезные достижения, на указанном первом этапе власть фактически принадлежит крупной буржуазии и либеральному дворянству (фельянам), Людовик XVI остается на троне, хотя и становится "ручным". В августе 1792 г. начинается второй этап – монархия в ходе восстания свергнута. 22 сентября 1792 г. Конвент провозглашает республику. Основная борьба в Конвенте в этот период разворачивается между умеренными жирондистами и радикалами – якобинцами. 2 июня 1793 г. власть переходит к последним. К достижениям якобинского правительства относят победу над вторгшимися во Францию войсками европейских монархических государств, подавление контрреволюционных мятежей, радикальное разрешение наиболее острого аграрного вопроса (уничтожение феодальных привилегий, крестьянам переданы общинные, а также конфискованные у эмигрантов земли, т.е. крестьяне превращаются в мелких собственников). Историки констатируют, что правительство выражает интересы городской мелкой и средней буржуазии, большей части крестьянства и плебейства, а выдвинутые им лозунги и поставленные цели впоследствии служат каноническим образцом для либералов во всем мире. "Издержки" второго этапа, однако, позволяют в июле 1794 г. произойти Термидору и, в конце концов, приводят к провозглашению Бонапарта императором. Т.е. происходит третья подбифуркация (которая, если угодно, поддается еще одной ступени логического дробления:

Директория, Консулат, Империя).

Ранее применительно к революциям приводилась физическая параллель – изменение фазовых состояний вещества. Но в том же разделе физики формулируется модель, позволяющая описывать и "подреволюции". Напомним сведения из школьного курса: классические переходы из твердого состояния в жидкое, из жидкого в газообразное и из газа в плазму именуются фазовыми превращениями *первого рода*, тогда как для более тонких скачков используется понятие превращений *второго рода*, в рамках которых осуществляется изменение уже не фаз, а только *фазовых модификаций*. Стандартной иллюстрацией двух различных фазовых модификаций химически одного и того же вещества, находящегося в одном и том же, твердом, состоянии, служат алмаз и графит. Трансформация первого во второй и есть пример превращения второго рода. Для строгости подобная терминология могла бы быть внедрена и в описание соотношения между революциями и "подреволюциями" – революции I и II родов, – однако это, боюсь, покажется чересчур педантичным. Как бы там ни было, постараемся запомнить вывод о том, что на практике революции могут выступать в форме своеобразного пакета "подреволюций", и о том, что закономерности упорядоченного ряда революций распространяются и на нижележащий логический уровень. Это еще пригодится впоследствии.

Первой страной, преодолевшей барьер трех революций и пережившей четвертую, оказалась, разумеется, Франция, застрельщица революционного духа. Вообще в ней к настоящему времени состоялось больше всех революций эпохи масс, что, вероятно, не должно удивлять. Вступив в первых рядах на индустриальный путь, будучи в авангарде народного просвещения, – отчего ее не без оснований относят к первому эшелону модернизации, – Франция все же ощутимо отставала по уровню развития от безусловных лидеров: вначале Нидерландов и Англии, затем США. Потребность в "догоняющем развитии" известна ей не по наслышке. Будучи, в отличие от трех упомянутых, очевидно более континентальной ("теллурократической") страной, Франция хронически задерживалась с проведением необходимых текущих буржуазных реформ, а затем, чтобы не отстать навсегда и не проиграть безнадежно международную конкуренцию, ей волей-неволей приходилось включать механизм "форсажа", прибегая к революционному способу разрешения назревших коллизий. Память о ярком феодальном и абсолютистском прошлом также способствовала определенной внутренней "косности", как и

приверженность католической вере, гораздо более традиционалистской и "инерционной" по сравнению с протестантизмом.(19) Франция, кроме того, – страна слов, ограненных и хлестких выражений-формул, которые впечатываются в сознание "навеки", отчего в своих целях ими любят пользоваться и другие народы.(20) Мир слов живет самостоятельной жизнью и зачастую заменяет реальность. Французов мало смущают то и дело возникающие "нестыковки", демонстрируется готовность перешагнуть границы любого интеллектуального эпатажа (читатель вправе вспомнить незабвенные образцы из XX в., слоганы студенческой революции 1968: "Будьте реалистами, требуйте невозможного!" или "Здесь запрещено только одно – запрещать!").(21) Эта черта – явный признак идеализма, и подобный фактор, как мы знаем, способствует преобладанию революционной парадигмы над эволюционной. Однако спустимся на землю, обратившись к фактам.

Под впечатлением поражений на полях франко-прусской войны и недостойного поведения недавнего кумира, победоносного императора Наполеона III, в сентябре 1870 г. во Франции происходит очередная – по-бухгалтерски зафиксируем, четвертая – революция. Император свергнут, провозглашена республика (по традиционной номинации: Третья республика). Страной отныне руководит президент. Новый режим просуществовал довольно долго, по местным меркам беспрецедентно – вплоть до Второй мировой войны. Чем он отличался?

Французов в этот период во многом не узнать: где развивающиеся знамена свободы и/или величия? Характерно засилье олигархии (пресловутые "двести семейств"), нормы внутренней политической жизни "эклектичны" – ни настоящей свободы, ни откровенной диктатуры. Один из современников, Салтыков-Щедрин в очерках "За рубежом" делится впечатлениями: "Многие в то время не без основания называли Францию страною капралов" [285, с. 116-117], но при этом "вы видите людей, которые поют "Марсельезу", – и им это сходит с рук" [там же, с. 119]. "Республика без республиканцев" – один из распространенных эпитетов, ибо велики ожидания, что возвратится монархия. Парламент в стране более чем уступчивый, буржуазно-мещанский, т.е. бессильный. Те, кто сумел или кому повезло, копят деньги (рантье), большинство же надрывается в тяжком труде. Салтыков-Щедрин добавляет: "Вообще француз-буржуа как нельзя больше доволен, что он занял "надлежащее" место в концерте европейских держав и твердо

верует, что французское благополучие гораздо успешнее покорит мир, нежели французское оружие" [там же, с.142]. К периоду после четвертой революции относятся и грандиозные экономические (Панамская афера) и политические (дело Дрейфуса) скандалы.

В сфере внешней политики поведение также небезупречно. Именно Третья республика подводит Францию к империалистически корыстной Первой мировой войне, установлению бессовестной Версальской системы, чтобы впоследствии попустительствовать началу Второй (Мюнхенский сговор 1938 – в надежде направить Гитлера на Восток, на никому не нужную Россию). Запомним впечатление от плодов этой первой во всемирной истории четвертой революции и обратимся к иным прецедентам.

После поражения гитлеровской Германии, под давлением победителей, в стране осуществляется денацификация. Прежние государственные институты отменены или радикально реформированы, изменяется политический строй. Независимо от источников, это несомненная политическая бифуркация, ведь посчитали мы таковой синхронный демонтаж милитаризма имперской Японии и последующие за ним преобразования. В отличие от Японии, для Германии это была уже не вторая (второй была Ноябрьская 1918 революция, установление Веймарской республики), а четвертая революция. На первый взгляд, в Германии устанавливается либеральный режим: внедрены последовательно-демократические нормы, функционируют партии, выборный парламент (Бундестаг), правительство большинства.(23) Проводятся успешные экономические реформы ("немецкое чудо"), о тоталитарном отрезке вспоминается как о страшном опьянении или сне. Я с чистым сердцем согласился бы с такой идиллической картиной, если бы не несколько "но".

Во-первых, на протяжении полувека страна остается фактически оккупированной и, соответственно, "ограниченно дееспособной" как во внутренней, так и – особенно – во внешней политике. Разве это признак либерализма, когда образованный крупный, осознающий себя самостоятельным целым народ на практике лишен суверенитета? Национальная эмансипация относится к коренным либеральным требованиям. Во-вторых, страна разделена на две или, с учетом Западного Берлина, на три части и насильственно удерживается от объединения, что также вряд ли согласуется со свободным волеизъявлением, проявлением политических свобод. Наконец, именно на рассматриваемом хронологическом отрезке в общественное сознание внедряется чувство неизбывной национальной вины, образ "гадкого немца". Принцип коллективной, передающейся по наследству

ответственности – норма родового или ветхозаветного общества и ни в коем случае не соответствует ни христианству, ни тем более либерализму, признающему исключительно личную ответственность. Даже в сфере экономики на государство извне наложены известные ограничения: еще недавно занимавшая пионерские позиции в авиа- и ракетостроении, ядерной индустрии, Германия в послевоенные десятилетия перестает производить собственные самолеты и ракеты, в том числе мирного назначения, оказавшись отрезанной от самых высокотехнологичных отраслей. Таким образом, в результате четвертой революции в Германии установился достаточно "странный" политический климат, с одной стороны, либеральный, с другой – с отчетливыми проявлениями пещерных норм, с действием жесткой руки сверхдержав на внутренней и внешней политической сцене. С учетом фактора коммунистической ГДР (ср. выше Южная и Северная Кореи), указанное впечатление лишь усиливается. Более подробный семантический анализ этого состояния вынесен в *Приложение 3*, здесь же достаточно констатировать одну из разновидностей симбиоза "полусвободы-полудиктатуры", что и следует занести в актив рассматривающихся четвертых революций.

Послевоенная Италия переживает сходный процесс, дефашизацию, отказавшись от услуг не только Муссолини, но и короля. Для нее это также четвертая революция (после революций 1848 – 49, 1859 – 60, "Похода на Рим" 1922). В отличие от Германии, Итальянская республика не оккупирована, пользуется полным набором экономических и политических свобод. Вслед за Германией, она переживает экономический расцвет ("итальянское чудо"). Неужели и здесь нельзя говорить о торжестве либерализма? – Увы, послевоенную картину на протяжении полувека – вплоть до недавней следующей, пятой революции, о чем, впрочем, позже – омрачает несколько обстоятельств. Масштабы самого важного из них раскрылись лишь в последние годы, в ходе "судебной революции", речь идет о месте мафии в политической системе.

Организованная преступность знакома множеству стран; например, с 1920-х гг. мафия существует и в канонически либеральной Америке. Однако ни в одном из развитых государств щупальца спрута доселе не раскидывались столь широко, не проникали так высоко, не превращали мафиозные кланы в самостоятельную и влиятельнейшую политическую силу. В послевоенной Италии в ее орбиту были вовлечены министры и премьер-министры. В одной из статей мне, в соавторстве с В.П.Любиным [197], довелось уделить специальное внимание

политической структуре послевоенной Италии, ее топологическим, числовым аспектам. Вывод оказался однозначным: феномен мафии занимал самое конструктивное место в этой системе, без него она не сумела бы сохраняться и действовать. Несколько странный довесок к либеральному климату, не правда ли? В чистоте последнего заставляет дополнительно сомневаться и наличие в тогдашней Италии очень сильной – второй по электоральной поддержке – коммунистической партии (ИКП). Так или иначе, названная модификация политического состояния, несомненно, должна быть занесена в графу плодов четвертых революций.

По мере роста порядковых номеров революций объем эмпирического материала будет снижаться – множество стран исторически еще не успели пройти через них. Наше дело обстояло бы неважно: три примера (Франция, Германия, Италия) – еще не репрезентативная база для выводов, – если бы не события последнего десятилетия: в Восточной Европе и России начинается настоящий пир четвертых революций. Учитывая гражданскую принадлежность автора, начнем "по блату" с последней, тем более что о ней у нас больше всего информации.

Нет сомнений, что со второй половины 1980-х гг. по настоящее время Россия переживает политическую революцию. Падение коммунистического режима, национальное самоопределение (распад СССР, выход из него РФ), принятие новой конституции, демократизация (многопартийность, свободные выборы, свобода печати, собраний) – характерные признаки. Для России это также четвертая революция: после революции 1905 – 07 гг., Февральской 1917 и Великой Октябрьской 1917. Каковы же ее плоды? Подводить окончательную черту пока преждевременно – акт перехода еще не завершен, – однако многое вполне уже проявилось.

Разочарованием охвачены политические круги всевозможных ориентаций – умеренные и радикальные демократы, националисты, коммунисты, минорны и общественные настроения. Если Франция времен Третьей республики, также после четвертой революции, страдала олигархичностью, то о засилье последней не устают повторять и в России. Если в Италии на логически сходном отрезке расцвело влияние мафии, то разветвленные метастазы коррупции, преступных кланов сверху донизу сегодня и русский недуг. На политической сцене послевоенной Италии, а с учетом ГДР, и Германии весомо представлены коммунисты; в современной России фракция КПРФ – самая крупная в Думе. Во Франции, Италии, Германии четвертые революции происходят на фоне поражений в войне:

соответственно, франко-прусской и Второй мировой. Сходным образом, Россия (тогда еще СССР) проигрывает "холодную войну" – или, по бытующему выражению, Третью мировую, – сдав все ключевые позиции своим недавним противникам. У руководителей послевоенной Германии во многом связаны руки во внутренней и особенно во внешней политике? – В вассальной зависимости части правящей элиты России от Запада, особенно от США, теперь уверены практически все. Послевоенным немцам внушалось чувство национальной вины? – Но и для русских сервируется перманентное покаяние. Смешно отрицать, что, порвав с тоталитаризмом, Россия совершила значительный шаг к демократии, однако весь букет "прелестей" четвертых революций, отличающих их от действительно либеральных, оказался здесь собранным воедино.(24) Демократические перемены в СССР начинались с кампаний против бюрократизма, ныне численность русских чиновников превзошла таковую во всем СССР. Дополнительную краску привносит и авторитарный акцент: по экспертной оценке бывшего мэра Москвы Г.Попова, президенту принадлежит до 80% решающих государственных полномочий, тогда как парламент остается по сути безвластным. Пресса также полусвободна, т.к. основными масс-медиа владеют государство и олигархи, что предоставляет широкий простор для бессовестной манипуляции общественным мнением. Не останавливается новый режим и перед откровенным насилием: будь то расстрел парламента в 1993 или войны в Чечне.

Как и в ряде других случаев, четвертая революция в России проходит через цепь ключевых этапов. Воспользуемся общепринятой периодизацией.

Горбачевская "перестройка" послужила первым звеном на пути демонтажа тоталитарной системы. Объявляется политика гласности и демократизации, на население обрушивается шквал ранее закрытой информации. "Перестройка" достигла своего апогея в 1989 г., когда проводятся первые после более чем семидесятилетнего перерыва общенародные альтернативные выборы высших органов власти (Съезд народных депутатов), на Съезде разворачиваются острые политические дискуссии, транслируемые по TV. Отменена статья Конституции о руководящей и направляющей роли КПСС, введен пост президента СССР. Это время массового энтузиазма и нетерпения. Названная первая ступень, однако, отличается тем же, чем и другие первые бифуркации и "подбифуркации" – "неокончательностью", полумерами. Гласность – еще не свобода печати, демократизация – не демократия, растущие, как грибы после дождя, кооперативы – не полноценная частная

собственность. Отката от социализма еще не произошло, речь только о придании ему "человеческого лица". Непрямые выборы президента СССР, неорганизованность и слабость независимых общественных движений и партий, сохранение "командных высот" в экономике и политике за КПСС довершают впечатление переходности этой ступени.

Потому, видимо, не случайно, что развитие революции проходит через следующий кризисный момент.(25) В августе 1991 г. у Белого дома в Москве демократические силы одерживают верх над сторонниками реванша и старых порядков. В октябре 1991 г. подвергается роспуску и запрету КПСС. По итогам встречи в Беловежской пуще в декабре объявляется о роспуске СССР, одна за другой союзные республики – в том числе и РФ – провозглашают независимость. Во главе РФ стоит всенародно избранный президент, с декабря 1991 г. формируется радикально реформаторское правительство Е.Гайдара, приступившее к либеральным экономическим преобразованиям. Август – декабрь 1991 г. – несомненная бифуркация, вернее, "подбифуркация", вторая по счету после "перестройки". Ее параметры перечислены: наличие всенародно избранных на альтернативной основе парламента (Верховный Совет РФ) и президента, наделенных примерно равным объемом государственных полномочий, устранение с политической сцены КПСС, национальное самоопределение народов (суверенизация бывших союзных республик), рост прав региональных властей (именно к этому периоду относится предложение Б.Н.Ельцина "Берите суверенитета, сколько сможете"). С учетом действий правительства Е.Т.Гайдара, ускоренного процесса образования политических партий, вывод ясен: вторая "подбифуркация" обладает недвусмысленно либеральным характером, как это и предписывается рассматривающейся закономерностью. "По сути августовская революция изначально имела буржуазно-демократический характер", – подтверждает впечатление В.Даниленко [116].

Однако свободы, казалось, не бывает в избытке, революционный запал еще не иссяк. Ускоренному темпу реформ, по мнению контролировавших правительство радикальных демократов и ведущих масс-медиа, мешал "хасбулатовский", консервативный Верховный Совет. В нем слишком много скрытых и явных коммунистов (вместо КПСС зарегистрирована КПРФ). Поэтому в октябре 1993 г. президент идет на открытый конфликт с Верховным Советом и, применив военную силу, разгоняет его. На референдуме в декабре принимается новая конституция, проводятся выборы в Государственную Думу. В очередной раз

политический строй претерпел качественные изменения, и, значит, начинается следующий, *третий* этап революции. Какие признаки его отличают?

По свежим следам, в октябре 1993 г. мне довелось делать доклад в Русском философском обществе Санкт-Петербурга о смысле недавних событий в Москве. После изложения теоретической схемы, с которой теперь знаком и читатель, о свойствах вторых и третьих бифуркаций и "подбифуркаций" был сформулирован вывод: демократы, или либералы, проиграли. Аудитория благосклонно восприняла анализ предшествующих исторических примеров (и сам "арифметический" подход), но заключение показалось эпатирующе парадоксальным. Верх в столкновении одержали сторонники Б.Ельцина и Е.Гайдара, докладчик же не считается с очевидным фактом. Но то, что полагалось эмпирически "очевидным" тогда, находится в явном противоречии с сегодняшней очевидностью. Теперь больше оснований судить, какие реальные плоды принесла с собой третья "подбифуркация" в России.

В декабре 1993 г. Ельцин отправляет в отставку правительство "героя-победителя" Е.Т.Гайдара, премьером становится выходец из номенклатуры, "умеренный" В.С.Черномырдин. На выборах в Госдуму в 1993 и в 1995 гг. большинство голосов получают антилиберальные "национал-патриотические" партии, включая коммунистов. Согласно Конституции 1993 г., ликвидирован баланс властных ветвей, новая президентская республика отличается откровенно авторитарным, волюнтаристским оттенком. А.Головков и Т.Мамаладзе из аналитического центра "Известий" несколько позже отмечали: "Авторитаризм в государственном управлении, разрушенный было в 1991 году, начал восстанавливаться в процессе создания структур сильной исполнительной власти и был оформлен Конституцией 12 декабря" [97]. Дефиниций сложившегося режима предложено много: "административно-бюрократическая система" [265], "номенклатурная демократия" [67, 341], "номенклатурный капитализм", "грабительский капитализм" (Дж.Сорос), "клиентелизм" [29], "коррумпированное олигархическое общество" (Г.Явлинский), "электоральная клановая система" [193, с. 152], "суперпрезидентская республика", "неопатримониальный режим" [126, с. 75], "административно-олигархический капитализм" [225], "криминократия" (вар.: "клептократия"), – любая из них слабо ассоциируется с либерализмом и демократией. К настоящему моменту создан фундамент, на котором власть, не нарушая буквы закона, в состоянии бросать открытый вызов общественному мнению без

соблюдения даже минимальных приличий. Именно к результатам третьей "подбифуркации" относится вышесказанное о плодах четвертой революции в России.

Имеет смысл повторить то, о чем говорилось вначале: какая именно из политических сил одерживает победу в том или ином конфликте – отнюдь не решающий фактор. Хотя главное внимание населения и политологов обычно приковано как раз к нему, за кулисами, вернее в тектонике коллективного бессознательного, происходит нечто куда более важное. Механизм рационального бессознательного, порядковый номер революции в частности, представляется, объективнее описывает семантику реальных процессов, чем наблюдение за динамикой калейдоскопически мелькающих событий и их развязок. Так или иначе, у нас есть право для внесения особенностей последней революции в России в актив четвертых революций вообще, равно как и превалирующей окраски ее "подреволюций".

Четвертая русская бифуркация радикально порвала с плодами третьей, с тоталитарным режимом. Остановившись пока на третьем этапе, она стяжает наиболее одиозные, далекие от действительных либерализма и демократизма черты. Если проэкстраполировать закономерности рассматриваемой модели, то некоторого политического прогресса можно было бы ожидать от следующей четвертой "подбифуркации", если бы она состоялась. Но и в этом случае не следует ожидать слишком многого: четвертые по счету революции и подреволюции приносят с собой лишь ограниченные достижения ("подпорченная" демократия). Гораздо оправданнее показались бы надежды на полноценную пятую революцию, но к анализу таковых мы обратимся ниже.

Вместе с Россией четвертую революцию переживают и другие части бывшего СССР. "Перестройка" послужила не только ее первым, вводным, но и общим для всех этапом (СССР тогда еще не распался). Хотя эпицентр второго толчка – 19 – 20 августа 1991 г. – находился в Москве, его влияние ощутили далеко за ее пределами. В декабре 1991 г. в Беловежской пуще встречаются лидеры РФ, Украины и Беларуси, которые объявляют о роспуске СССР и вскоре – об образовании независимых государств, тем самым выставляя веху второй синхронной "подбифуркации". В Украине с тех пор не было сопоставимого политического кризиса, не изменялся политический строй, и она – с ее относительным равновесием между исполнительной и законодательной ветвями власти – до сих пор пребывает в рамках рожденной тогда второй политической ступени (точнее сказать, "подступени"). Опыт Беларуси, напротив, свидетельствует об обратном. Подобно

России, она прошла через третий кризис, по итогам референдума поменяла конституцию, в результате чего перешла к практически авторитарному президентскому правлению с декоративным парламентом. За контрастным несходством периодов руководства Председателя Верховного Совета С.Шушкевича и президента А.Лукашенко стоят не только и, вероятно, не столько личные качества двух политических лидеров, сколько смена самой эпохи, режима: третья "подбифуркация". В России в процессе аналогичного перехода через третью "подбифуркацию" физическая персона лидера не изменилась (и на втором, и на третьем этапах ее возглавляет один и тот же президент), однако Ельцин у Белого дома на танке, назначающий правительство Е.Гайдара – это один человек, а отказавшийся от открытости, обросший подковерными и клановыми связями интриган и византийский деспот – другой. Отрезок октября – декабря 1993 г. служит межой, отделяющей одного от другого.

В отличие от России и Беларуси, но в пандан Украине, на типологически второй ступени четвертой революции продолжает пребывать Молдова. Для вторых, относительно либеральных ступеней характерна национальная эмансипация (напомним, СССР распался на логически сходном этапе), и Молдове по настоящее время не удается преодолеть сепаратизм Приднестровья. Возможно, более существенно то, что в системе власти Молдовы отсутствует специфически авторитарный акцент, свойственный третьим ступеням. До сих пор соблюдается известное равновесие между президентской и парламентской ветвями. Лишь весной 1999 г. П.Лучинский выносит на референдум вопрос о качественном расширении президентских полномочий, т.е. предпринимается попытка шагнуть на очередную, третью ступень. Подытоживая, можно сказать: до сих пор и Молдова, и Украина по сути топчутся на пороге третьих подбифуркаций, готовясь разрешить свои внутренне-политические проблемы в общем так же, как это произошло в России в типологически сходный момент.

В Азербайджане четвертая революция пребывает, похоже, на третьем, как и в России, Беларуси, этапе. По крайней мере смена руководителей республики – Муталибов перестроечных времен, Эльчибей из Народного фронта (политика подчеркнутого суверенитета, но при этом и внутренне-политическая конфронтация в республике), наконец, нынешний президент Алиев – всякий раз сопровождалась кардинальным изменением политического климата. Как и в прочих случаях, вместе с третьей "подбифуркацией" в государстве укрепляются автократические начала.

Едва ли целесообразно растекаться мыслью по древу, входя в обсуждение состояний в других бывших советских республиках – это затормозит изложение. Завершим же пассаж о четвертых революциях ссылкой на прецеденты из Центральной Европы.

Австрия, в то время еще империя, переживает в 1848 – 49 гг. революцию, открыв для себя счет таковым в эпоху масс. Поражение в Первой мировой войне приводит к распаду империи и провозглашению 12 ноября 1918 г. республики. Бифуркация вторая. "Аншлюс" 1938 г. становится очередной сменой политического режима, национал-социалистической: №3. Наконец, после поражения во Второй мировой войне тоталитарный режим демонтируется (бифуркация четвертая), и оккупированная Австрия делится на сектора между четырьмя великими державами-победительницами (ср. Германия). Однако, в отличие от Германии, оккупация не продлилась полвека: согласно договору 1955 г. между СССР, США, Великобританией и Францией, восстанавливается независимость Австрии, но при этом страна обязана превратиться в нейтральную. В октябре 1955 австрийский парламент принимает закон о постоянном нейтралитете, предполагающий запрет на вступление в любые блоки. Гарантами нейтралитета служили перечисленные державы. Четвертая бифуркация в Австрии привела, таким образом, к утверждению близкого к либеральному политического климата, хотя одновременно поставлены пределы внешнеполитической дееспособности страны: ограничения и самоограничения. Лишь в радикально изменившейся международной обстановке (третья бифуркация в мире, в ходе которой один из прежних гарантов австрийского нейтралитета, СССР, прекратил существование) перед Австрией открываются принципиально новые перспективы. Она присоединяется к ЕС, в стране разворачиваются дискуссии о возможности изменения Конституции, отказа от нейтралитета и о вступлении в НАТО. Впечатление, что начинается пятая бифуркация, но речь о пятых еще впереди.

Специфичен путь соседки Австрии, бывшей Чехословакии. Еще будучи в составе Австрийской империи, в 1848 – 49 гг. она проходит вместе с ней через революцию, первую. По итогам Первой мировой войны Чехословакия становится суверенной и 14 ноября 1918 провозглашается республикой. Бифуркация номер два. В 1938 г. – оккупация гитлеровской Германией. Поражение последней в войне приводит, однако, не к отмене в Чехословакии тоталитарного режима, а к замене одной его разновидности другой, коммунистической (ср. ГДР, *Приложение 3*). По всей видимости, следует говорить, что в 1938 – 45 гг. Чехословакия

испытывает третью бифуркацию, в рамках которой дополнительно состоялся "фазовый переход второго рода", замена одной "фазовой модификации" тоталитаризма, национал-социалистической, на смежную коммунистическую. Вслед за СССР, с 1989 г. в Чехословакии начинается следующая, на этот раз "полноценная" ("первого рода"), революция, четвертая по счету. При этом вскоре, согласно состоявшемуся референдуму, страна разделяется на две независимые составляющие: Чехию и Словакию (ср. распад СССР в процессе четвертой революции). То, что на фоне предшествующего коммунистического состояния оба государства делают огромный шаг в направлении либеральной демократии, неоспоримо. Однако номер переживаемой ими революции заставляет сомневаться в полноте внедрения либерально-демократических норм. Более восточная, менее модернизированная Словакия поначалу занимает несколько обособленную позицию по отношению ко всем внешним силам ("подчеркнутый суверенитет"): не только к Чехии, наследнику СССР – СНГ, но и к Западу (Европе и США). При этом в стране установлен "амбивалентный", полуавтократический режим Мечьяра. Более демократизированная и либерализованная Чехия с первых шагов устремляется из-под прежнего крыла (СССР) под сень другого: НАТО, ЕС. Учитывая уровень экономического развития (потребность в дотациях и кредитах) и внешнеполитический вес, Чехия не в состоянии обойтись без новых "кураторов". В тех союзах, в которые она вступает и стремится, у нее мало шансов говорить собственным голосом и волей-неволей придется подстраиваться под мнения и позиции новых, более сильных партнеров. Таким образом, фактическое "ограничение дееспособности" наблюдается и здесь, в полном согласии с семантикой четвертых революций. Едва ли приходится сомневаться, что в процессе дальнейшей демократизации Словакия также поступится заметной долей своего суверенитета, совершив выбор в пользу нового "старшего брата", Запада.

Насколько можно судить, четвертую же бифуркацию эпохи масс переживает и современная Югославия. По крайней мере, если считать тремя предыдущими: 1) поэтапное достижение независимости от Османской империи (после русско-турецкой войны 1877 – 78 Сербия и Черногория получают полную независимость, подтвержденную решениями Берлинского конгресса 1878), 2) образование Королевства сербов, хорватов и словенцев в 1918 г., после распада Австро-Венгерской империи (с 1929 г. – Югославия), 3) события Второй мировой войны, в результате которых устанавливается коммунистический режим И.Б.Тито (29 ноября 1945 г. Учредительная скупщина

окончательно ликвидирует монархию и принимает декларацию о провозглашении ФНРЮ; в 1946 г. утверждена конституция ФНРЮ; в 1963 – переименование в СФРЮ). Текущая, т.е. четвертая, революция еще не завершена, но в ее ходе, как и в случаях СССР, Чехословакии, осуществляется распад федерации, и в странах бывшей Югославии устанавливаются "амбивалентные" политические режимы, не совпадающие с коммунистическими, но и не удовлетворяющие по ряду критериев либеральным стандартам.

Сходный анализ может быть проведен по отношению и к другим странам региона. Однако предметом настоящей главы является не страноведение, а определение особенностей плодов политических бифуркаций. Сказанного, вероятно, достаточно, чтобы сформулировать вывод: по итогам четвертых революций эпохи масс в общественных системах устанавливается так или иначе "подпорченный" либерально-демократический климат. Различаются конкретные сферы, в которых наблюдается названная "порча": это может быть олигархичность, глубокая коррупция и существенное участие преступных кланов в управлении государством, автократический акцент, сверхбюрократизация, фактический дефицит суверенности и т.д., " однако в самом факте "омраченности" либерально-демократических идеалов и ценностей на практике мы имели возможность убедиться. В этом плане результаты четвертых революций напоминают достижения первых (см. выше). В обоих случаях новый – более свободный – политический режим приходит на смену предшествующим патриархальным, претендующим на "метафизическую вечность" режимам: абсолютистскому или тоталитарному. В обоих случаях населению не удается сразу взойти на ступень свободного и ответственного распоряжения самим собой, явно или завуалированно людьми во многом по-прежнему руководят и манипулируют извне: из других ли стран, из ориентирующихся главным образом на себя чиновничьих аппаратов и высших кабинетов (бюрократизм, авторитаризм), из убежищ мафии или олигархических офисов. Единственной реальной альтернативой такому положению дел – в условиях не вполне состоявшегося внутреннего раскрепощения большинства и формирования твердой личной ответственности, имманентной законности – является разве что хаос. Чуть позже мы постараемся развить тезис о параллелизме между результатами первых и четвертых революций, пока же обратимся к пятым.

Как предупреждалось, по мере роста порядковых номеров политических бифуркаций происходит снижение объема

эмпирического материала: все меньше стран успели к ним подойти. Тем не менее с пятыми бифуркациями дело теперь обстоит не так уж и плохо. Первой в мире рубеж пятой революции преодолела, разумеется, Франция.

Президентский режим Третьей республики (напомним, он был установлен по стопам четвертой революции 1870 – 71 гг.), не проявивший достаточной воли к сопротивлению немецко-фашистским захватчикам и пошедший на унизительное сотрудничество, был полностью дискредитирован в глазах населения. В 1946 г. на его развалинах принимается новая конституция, положившая начало очередной, в традиционной номинации Четвертой, республике.

Хотя формально главой государства в то время по-прежнему считался президент, фактическая власть принадлежала двухпалатному парламенту, состоявшему из наделенного самыми широкими полномочиями Национального собрания и Совета республики. Согласно констатации политологов, был установлен режим *парламентской* республики. Франция не только добилась освобождения от внешних захватчиков, но на гребне эйфории победы раскрепостилась и внутренне. В расцвете многоголосица различнейших партий, фейерверк всевозможных призывов, риторики. О былой олигархии и не слышно – не только из-за того, что бывшие толстосумы изрядно потрепаны в течение оккупации и войны, но и само население сбросило шоры и узы и отныне ни за что не позволит обращаться с собой как со стадом. Пятая революция возводит, наконец, на престол "его величество народ", митинговые страсти и методы воцарились в стенах парламента и даже правительства. Сложившаяся обстановка заставляет вспомнить о либеральных режимах в других континентальных странах: в России после Февраля 1917, в Германии периода Веймарской республики. По итогам пятой революции во Франции, таким образом, утвердился доминирующе либеральный политический климат.

О ситуации тех лет позволяет судить и более поздняя критика. Политического либерализма оказалось "слишком много", он лишен тормозов. Чрезмерная партийная фрагментация препятствует дееспособности как парламента, так и формируемых им правительств. Все тонет в декламациях, спорах и ссорах, что исключает возможность выработки общей осмысленной линии и даже достижения устойчивого большинства. Правительства калейдоскопически сменяют друг друга, курс исполнительной власти лишен надлежащей преемственности. "Без руля и ветрил", анархия, разброд и раскол – подобные эпитеты сыпались со стороны оппонентов режима. "Режимом партий" впоследствии

окрестил де Голль существовавшее тогда состояние. Франция недолго удержалась на этой ступени, в 1958 г. произошла очередная политическая бифуркация, очередная смена режима. Однако сейчас нас интересует именно пятая революция и тот факт, что после нее установился недвусмысленно либеральный климат. Сравнительно недавно появились и другие прецеденты.

Демократия послевоенной Италии (после четырех бифуркаций), как мы помним, была изрядно "подпорчена" проникновением в высшие сферы мафии, а также присутствием сильной коммунистической партии. В конце 1980-х гг., однако, начинается "судебная революция". Ее невозможно свести исключительно к акциям, пусть и масштабным, правоохранительных органов, она обусловливает самые глубокие *политические* последствия. Во-первых, на сей раз удается отсечь мафиозные кланы от участия в управлении государством. Во-вторых, рухнула, как карточный домик, и существовавшая почти полвека система партий, в частности объявляет о самороспуске ИКП, а ее наследница уже лишена тоталитарных поползновений.

В статье [197] отмечалось, что феномен конструктивной политической роли мафии был призван в Италии по-своему компенсировать наличие ИКП (для отсечения второй по силе партии от реальной власти; та же функция объясняет, почему в раскинутые криминальные сети были вовлечены главным образом *некоммунистические* силы) и что без мафии действовавшая структура оказалась бы неустойчивой и неработоспособной. Разоблачение и падение коммунизма в СССР выбили почву из-под ИКП, но вместе с тем в Италии и из-под объективной потребности в услугах мафии. Падение одной было невозможно без другой. В той же статье констатировалось, что ныне кардинально изменяется сама топология политической системы Италии, но сейчас нас интересует иное: состоялась очередная, *пятая* политическая бифуркация. В ее результате итальянская демократия лишается прежних генетических пороков, и либеральная модель на практике добивается "чистоты". Внесем в соответствующую графу: пятая революция в Италии, как и во Франции, последовательно либеральна.

В зону пятой бифуркации, похоже, вошла и современная Германия (четвертой, напомним, служила послевоенная денацификация). Невозможно расценить иначе, чем эпохальное, событие объединения Германии в 1990 г., включая демократизацию бывшей ГДР. Из страны выведены советские войска, резко сокращен контингент американских, остающихся на правах не оккупационных, а натовских. Экономический колосс совершает качественный скачок и в политическом

самоутверждении, играя все более самостоятельную роль на международной арене, становясь одним из столпов ЕС и проектирующихся собственно европейских военных структур. Таким образом, если после четвертой бифуркации Германия была ограничена в реальном суверенитете, находилась под прессом великих держав (прежде всего США и СССР), то теперь данный фактор истаивает на глазах. Полувековой демократический стаж снимает с немцев клеймо "брутальной" нации, повсеместно выходит из моды стереотип "гадкого немца". О преодолении комплекса национальной вины, вероятно, свидетельствует и первое участие бундесвера в военных акциях за пределами собственной территории. Так или иначе, новый статус Германии, не ставя под угрозу внутренних либерально-демократических достижений, уже не предполагает наличия тех "но", о которых недавно шла речь: ни преград к национальному самоопределению (раскола Германии), ни фактических поражений в политических правах (жестких пределов внешнеполитического суверенитета), ни печати неизбывной коллективной вины. Но сказанное означает, что либеральная демократия становится полноценной, и это происходит в результате пятой бифуркации.

Выше отмечалось, что к подобному порогу подходит и Австрия. Навязанный великими державами и закрепленный в Конституции вечный нейтралитет теперь не помешал Австрии стать членом ЕС – не только экономического, но и политического союза. На повестке дня присоединение к НАТО и/или европейской оборонной организации. Если это произойдет, придется однозначно констатировать, что Австрия перешагнула порог пятой политической бифуркации. При этом вряд ли приходится всерьез ожидать демонтажа существующих либерально-демократических институций.

Не только на уровне бифуркаций, но и "подбифуркаций", прослеживается сходная закономерность. По крайней мере об этом свидетельствует опыт СССР. Последний был образован на гребне третьей революции в России и, соответственно, здесь поддерживался тоталитарный режим. Внутри подобной "большой парадигмы" наблюдаются и отчетливые внутренние логико-хронологические членения. О трех первых ступенях ("подступенях"): "военном коммунизме", НЭПе и сталинской эре, начавшейся с "Великого перелома", – речь уже шла. Однако этим история СССР не закончилась.

"Хрущевская оттепель" положила начало очередному, четвертому периоду. XX съезд КПСС 1956 г., кампания против "культа личности" нанесли серьезный удар по наиболее ригористической разновидности тоталитаризма. Основа

тоталитарности, монополия КПСС не отменена, но почти мгновенно преображается моральный и идеологический климат. После почти тридцатилетнего перерыва впервые появляется возможность пусть не свободной, но менее дозированной и догматической информации, разворачиваются широкие дискуссии. Прекращаются массовые репрессии, отныне коммунистическое государство в состоянии обращаться лишь к штучным. Экономическое благосостояние населения в целом (в противоположность предосудительному прежде "потребительству") переходит на качественно более высокий уровень. Авторитаризм становится менее твердым, фигура Первого секретаря ЦК КПСС уже не обладает харизматическим ореолом. Но это все же авторитаризм, хотя и "просвещенный" по-своему, и Н.С.Хрущев энергично подавляет разногласия, если они выходят за приемлемые, с его точки зрения, рамки (именно в "волюнтаризме" обвиняли Хрущева сместившие его преемники). Не правда ли, вполне характерные черты логически четвертых этапов, порывающих с кристально тоталитарным прошлым, но при этом останавливающихся на полумерах?

"Хрущевской оттепели" в историографии принято противопоставлять последующую "эпоху застоя" Л.И.Брежнева. Несмотря на очевидные различия между реформаторским динамизмом первой и консервативным стилем второй, я не готов солидаризироваться с этим мнением. Историографию пишут интеллигенты, которые склонны мерять на свой аршин и подгонять картину под собственное восприятие. Да, стремлению окрыленной интеллигенции двигаться быстрее и дальше по дороге реформ был действительно поставлен предел (особенно после событий в Чехословакии 1968)(26), но при этом отката к предшествующей сталинской ступени не произошло. Массовые репрессии не были возобновлены, и хотя цензура стала строже, "между строк" дозволялось писать многое (как и при Хрущеве, "в меру"). Жизненный уровень продолжил свой рост. Если претерпел известный ущерб процесс демократизации в низах, то в высших эшелонах он, напротив, активизировался и продолжился. "Коллективное руководство", реальное снижение власти первого лица (особенно в условиях его физической и умственной деградации) – не измышление. Авторитарная разновидность по существу сменялась "сглаженной" олигархической, что нашло отражение и в росте влияния коммунистических руководителей в союзных республиках, в областях (пунктирные контуры регионального самоуправления). Сказанное позволяет объединить два названных подпериода в типологически общий – "хрущевско-брежневский" – и заодно присоединить к нему не

успевшие определиться короткие отрезки правления Ю.В.Андропова и К.У.Черненко. Для такого четвертого этапа характерно то же, что и для других: политические "полумеры", пребывание в промежуточном – между истинным авторитарным и "либерализованным" – состоянии.

Действительно решительный шаг в направлении к демократизации и либерализации СССР совершил М.С.Горбачев. Его "перестройка", начавшаяся с лозунга "больше социализма", послужила последним, *пятым* по счету этапом советской истории. Подобно НЭПу, второму этапу, она придала советскому тоталитаризму либеральный оттенок.

Как отмечалось в разделе 1.4.3, пятые звенья зачастую оказываются неустойчивыми. Не составила исключения и вышедшая из-под контроля Кремля "перестройка", которая переросла в настоящую революцию и похоронила и коммунистический режим, и СССР вообще. Т.е. "перестройка", будучи последним звеном советской истории (плода трех революций), в процессе развития перерастает в первый этап начавшейся полноценной четвертой, нынешней революции в России. Пятые бифуркации и "подбифуркации" несут на своих погонах либерально-демократические знаки отличия, однако сталкиваются с проблемой стабильности. Так было и в додеголлевской Франции: парламентская республика, "режим партий" плохо поддавались управлению, и оттого им был положен конец. В современной Италии, пребывающей на логически сходном этапе, правительства едва успевают сменять друг друга.

Еще рано ставить окончательный диагноз плодам пятых революций в Германии и Австрии (переходные процессы только начались), однако появляющиеся симптомы, похоже, свидетельствуют о той же опасности. Скажем, в ФРГ наблюдаются эскалация партийно-идеологической фрагментации, немыслимая еще вчера шокирующе высокая доля голосов на земельных выборах у экстремистских партий, а в ныне действующее правительство вошли недавние маргиналы, "зеленые", лишенные наработанных навыков трезвого и реалистического руководства. Ограниченный объем эмпирических данных о пятых революциях – не достаточная база для надежных прогнозов, поэтому ниже мы обратимся к теоретическим выкладкам. Здесь же остается выразить надежду, что немецкая элита в целом продемонстрирует б? льшую осмотрительность, чем другие, и хрестоматийная приверженность немцев к обстоятельности и порядку побудит их двигаться по маршруту пятой революции осторожно и медленно, дабы предотвратить наиболее нежелательные сценарии. (Для

сравнения: Франция в 1946 г. буквально нырнула в новое состояние; Италия с ее "судебной революцией" не избежала сходного варианта. Подобной коллективной порывистостью отличаются не только южане: СССР устремился в пятую подбифуркацию, "перестройку", с энергией подслеповатого атакующего носорога.)

Будем считать, что с пятыми революциями, насколько позволяет имеющийся материал, удалось разобраться. Но и они еще не предел: порождаемая ими неустойчивость должна способствовать очередной смене вех. История предоставляет пока единственный пример страны, у которой пятая революция за спиной и которая пережила и шестую. Это, как всегда, шествующая в авангарде по революционной стезе Франция. Рассмотрим ее переход от Четвертой республики к Пятой.

К концу 1950-х гг. стала очевидной неудовлетворительность status quo IV республики: парламентский режим продемонстрировал явные признаки неуправляемости и ущербной эффективности. Калейдоскопическая смена кабинетов, опирающихся на ускользающе-зыбкое и идеологически неоднородное парламентское большинство, при сравнительно низком объеме полномочий президента обусловливали неработоспособность исполнительной власти. Данный отрезок к тому же совпал с глобальным процессом деколонизации, в полной мере затронувшим и систему французских колоний. Особо остро сказался на Франции Алжирский кризис. В этих условиях и был призван к власти символ французского освобождения и достоинства, генерал де Голль.

На референдуме 1958 г. подавляющим большинством голосов была принята новая конституция, резко расширившая права президента за счет парламента. С тех пор Францию называют президентской (вариант: президентско-парламентской) республикой. Изменившиеся избирательный закон и правила игры в парламенте привели, как и было задумано, к снижению фрагментации партийной системы, этого бича IV республики. Одновременно аналитики обращают внимание на высокую степень бюрократизированности современной Франции.(27) Так или иначе, рубеж 1958 г. – точка качественного изменения политической системы, переход от парламентской к более автократической президентской, т.е. полноценная политическая бифуркация.

Для сравнения, студенческую революцию 1968 г. с эпицентром в Париже не удастся причислить к цепочке политических бифуркаций. Будучи стихийной и "анархической", она не сформулировала связных программ по изменению

конструкции власти, и политический режим не изменил своей формы. Иной вопрос, что охватившие половину цивилизованного мира молодежные волнения конца 1960-х – начала 70-х гг. оставили глубокий след в других областях: социальной, экономической (исследователи называют этот период воротами из индустриального общества в постиндустриальное, информационное), даже "антропологической" (скачкообразные перемены в модели отношений между поколениями, удар по "патриархальности"). Мы, однако, рассматриваем исключительно *политические*, а не социально-экономические бифуркации, сколь бы важными ни были последние сами по себе. 1968 – 69 годы отправили де Голля в отставку, но не сокрушили фундамент V республики, заложенный в 1958 г. – Франция до сих пор живет под знаком шести бифуркаций. В лучшем случае 1968 год вправе претендовать на статус "подбифуркации" в политической сфере.

Настало, кажется, время систематизировать собранный материал и внести в него концептуальный порядок. Каким причинам удастся взять на себя ответственность за определенность семантических свойств следующих друг да другом революций?

В целом изучался достаточно длительный отрезок истории, в течение которого социумы переходят от аграрной стадии к индустриальной и постиндустриальной и патриархально-традиционалистские устои заменяются модернистскими. Одновременно наблюдаются качественные перемены в характере коллективного сознания: его религиозно-мифологическое ядро последовательно замещается рациональным и светским. В условиях ускоряющегося прогресса во многом захлебывается старый механизм культурной трансляции (естественная передача знаний и навыков от отцов к детям), возрастает значение обезличенной технологии обучения индивидов у общества в целом: распространяющееся школьное образование, чтение книг, контакты с масс-медиа. Трансформируется и среда обитания: урбанизация, развитие коммуникаций; человека все более окружают предметы не природного, а искусственного происхождения (опять-таки рационализация). На фоне интенсификации внешних контактов происходит внутреннее отчуждение людей друг от друга (вместо конкретного живого соседа, который знаком с рождения, мы имеем дело с функциональным коллегой, конвейером, офисными бумагами, в часы досуга общаемся не с родственниками и друзьями, а с телевизором, WEB-сетью и т.п.). Все эти факторы не могут не сказываться и на политической организации социумов.

Во-первых, как сказано, коллективная конфессиональная и

мифологическая идентификация замещается секулярной и рациональной (по крайней мере, не столь откровенно иррациональной) идеологической. Десакрализуется и политическая организация, власть, ее оказывается возможным менять, если, согласно интуитивной или аналитической оценке, она уже не отвечает запросам времени. Человек становится мобильным физически и психологически, легче срываясь с места, меняя профессию, взгляды. – В подобное "перекати-поле" превращается и общество в целом, перепрыгивая, подчиняясь внутреннему зову и потребностям, с одной политической кочки на другую.

Во-вторых, процесс взаимного отчуждения коснулся не только межличностных отношений, но и взаимодействия людей с государством. Давно минули те времена, когда монарх уже по одному только праву рождения занимал место в сердце где-то по соседству с Богом. Мы имеем дело с отлаженной бюрократической машиной, с партиями – носителями определенных лозунгов и программ, и если и испытываем подобие человеческих чувств к их лидерам (симпатию-антипатию), то вскоре выясняется, что перед нами, собственно, не человек, а сконструированный с применением новейших технологий имидж. При этом нет иного способа выразить свои политические эмоции, кроме как опустив бюллетень на выборах за первого, второго или третьего, более опосредованно – ответив на пункты социологической анкеты или, в особенно острых случаях, присоединившись к одному из противоборствующих лагерей в ходе вооруженной борьбы. Всякий раз, таким образом, "запрос-ответ" подчиняется вполне рациональным правилам, к тому же наипростейшим.

Рост городов и сети коммуникаций, оторванность от корней спорадически сбивает нас в группы, самыми сильными из которых оказываются, естественно, самые крупные. Изучаемый отрезок истории называют эпохой масс, подразумевая под этим, в частности, примитивный характер последних. Я, однако, не склонен присоединяться ни к позиции консервативно-аристократической критики, наделяющей нас, т.е. массы, исключительно "слепыми", пещерно-инстинктивными атрибутами, ни к мнению напуганного зверствами национал-социалистического режима К.Юнга, говорившего в связи с тем же об "интеллигентности крокодила" (см. в разделе 1.5 цитату из [237, с. 361]). Это выглядит преувеличением, и высокомерным. Да, массовое сознание и поведение заведомо не в состоянии исходить из сложных интеллектуальных мотивов, зато оно практически не совершает и простейших логических ошибок, которыми нередко

грешат и самые рафинированные мыслители, в особенности гуманитарного склада. В гл. 1 мы постарались раскрыть прецеденты политических и геополитических конструкций, за строительство которых ответственны массы – результат, кажется, свидетельствовал в пользу достаточно высокой степени рациональности. Материалы настоящей главы, надеюсь, убеждают в систематичности результатов даже таких "иррациональных" вспышек, как революции. Систематичность – признак рациональности, даже если ее носители не вполне отдают себе в этом отчет (речь по-прежнему – о рациональном *бессознательном*). Механизм рационального бессознательного опирается на простейшую логическую, математическую базу, значит, в рамках такого же подхода следует искать предпосылки систематичности политических состояний, следующих за бифуркациями под соответствующими номерами. При этом не стоит сбрасывать со счетов и выводы первой главы: ведь в процессе революций общество совершает выбор и перебор вариантов, т.е. в конечном счете комбинаторные операции.

Соберем под одну шапку положения проведенного эмпирического анализа. В итоге первых бифуркаций, т.е. первых шагов от традиционно-монархического уклада к демократии, обычно устанавливается "полу- или квазидемократический" режим. Этот результат не зависит от того, какая именно из политических групп одержала победу. Так, в Австрийской империи революция 1848 – 49 гг. подавлена, но несмотря на это страна вскоре преображается: проводятся буржуазные экономические реформы, возникает система политических партий, осуществляется трудный сдвиг от унитарного устройства к федеративному (превращение Австрии в Австро-Венгрию). Напротив, Великая французская революция торжествует: свержение и казнь короля. Спустя совсем короткое время она, однако, приходит к империи. Последняя качественно отличается от предыдущей монархии, не признавая старых сословий, выступая под флагом свободы, отстаивая законность ("Кодекс Наполеона"), но при этом отрицает и "крайности" либеральных принципов, которые стремился внедрить, скажем, Робеспьер.

Вторым по счету бифуркациям эпохи масс обыкновенно уже удается создать либерально-демократическую в целом среду. Примеры Британии после "Славной революции", США после Гражданской войны, России периода Временных правительств, Веймарской Германии, послевоенной Японии и т.д. иллюстрируют настоящее положение. Вслед за Второй мировой войной в мировом сообществе возникает доминирующе либеральный политический климат (принцип состязательности:

силовой паритет капиталистического и коммунистического блоков, демократическая ООН, экономическое и идеологическое превосходство либерального Запада над комунистическим Востоком).

Пакет из двух бифуркаций способствует утверждению трехчастного, или трехмерного, ментально-политического поля (см. рис. 2-2). В рамках отдельных стран оно репрезентируется, скажем, либералами – консерваторами – социалистами, в более широком масштабе – Западом, Востоком и "третьим миром", институциализировавшимся в Движении неприсоединения. Последняя составляющая, несмотря на неумолкающие разговоры о поиске "третьего пути", оставалась наиболее рыхлой – идеологически и организационно, но это вовсе не означало элиминации третьего измерения. Так и в национальных государствах основное противостояние обычно осуществляется между двумя партиями или блоками партий ("правыми" и "левыми"), но при этом актуальное количество типов партий и идеологий три, а не два. В Европе за голоса избирателей борются главным образом консерваторы и социалисты, а либеральные ценности "растворены" в программных положениях обеих сторон. В США, по мнению политологов, речь идет о выборе между двумя разновидностями либерализма: консервативного республиканского и левого демократического, – однако и классические требования социалистов (ослабление контраста между богатством и бедностью, социальное обеспечение и т.д.) находят отражение в риторике и тех, и других. Трехчастный, или трехмерный, паттерн, таким образом, налицо.

В разделе 1.3 установлено, что логически он по-своему самосогласован. Если общество мыслит просто и "здраво", т.е. в тривиальных оппозициях "да-нет", $n = 2$, то форма $M = 3$, в общем, удовлетворительно соответствует существующему положению дел. Внутри нее допустимо менять акценты, вводить усовершенствования и "довески", но нет необходимости отказываться от трехчастности как таковой. Либерализм, реальный продукт двух революций – воплощенный здравый смысл, в целом ему давно удалось избавиться от идеалистических крайностей и превратиться в носителя рассудочной трезвости и практичности. Он даже обывательски скучен, поскольку сыплет трюизмами. Ему не откажешь в последовательности, и, скажем, в политической сфере он отводит место не только правящей партии (блоку партий) и оппозиции, но и "независимым" или группе воздерживающихся от голосования, $M = 3$. Аналогично, он настаивает на балансе трех властных ветвей, системе сдержек и противовесов между ними.

Вероятно, немаловажно, что либеральное общество непременно становится и правовым. Во-первых, тем самым органическое течение жизни максимально подгоняется под общепринятый рациональный стандарт (закон). Во-вторых, даже в случае конфликта включается рациональный же механизм суда, в котором выступают две состязующиеся стороны и "арбитр", вновь М = 3.

Даже с точки зрения культурных особенностей вряд ли случайно, что первые успешные, закрепившиеся либеральные революции произошли в англосаксонских странах: вначале в Британии, позже в США. Стереотипное представление об англичанине – ходячее здравомыслие, за что он становится предметом постоянных насмешек со стороны жителей континента. Там же английский эмпиризм вызвал протесты, пока не был заслонен еще более "грубым" американским прагматизмом. По мнению Хёйзинги, повседневной английской культуре – затем, крещендо, и американской – в наибольшей мере присущи агональные мотивы (к примеру, именно Англии мы обязаны возрождению в Новейшее время спорта. Классический агон – две соревнующиеся стороны и судья – обладает той же структурой М = 3). На необходимости конкуренции во всех областях, как в экономике, так и в политике, настаивает и либерализм.

Независимо от причин (ранее они уже обсуждались), ряд стран остановился, по крайней мере пока, на двух революциях, что в немалой, по-видимому, степени обязано укорененности трехчастного паттерна (М = 3) в общественном сознании. Но так произошло далеко не везде.

Третьи по счету бифуркации – очередной шаг в модернизации, однако в политике – шаг прочь от либеральных стандартов. В связи с этим сторонники диалектического метода имеют основание вспомнить о гегелевской схеме "тезис – антитезис – синтезис", согласно которой третья историко-логическая ступень частично, "на более высоком уровне" воспроизводит черты первой. Во Франции империя Наполеона III открыто апеллирует к образцу Наполеона I. В Германии нацисты восстанавливают и "возводят в степень" империю Вильгельмов. "Советская империя" по территории почти не уступает империи Николая II, а по могуществу и развитию превосходит ее (модернизация продекларирована и во внутренне-политической области: принимаются отсутствовавшие ранее конституции; практически унитарное, губернское, устройство заменено федеративным – союзом суверенных республик, с зафиксированным в Конституции правом выхода из него; высшим

органом государственной власти считается парламент, выборный Верховный Совет; всеобщим становится и избирательное право. Иное дело, как это работало в действительности, но ведь и после первой революции тогдашний парламент, Государственная Дума, был по существу отодвинут от процесса реального руководства). Подобное – более или менее артикулированное – повторение третьими бифуркациями качеств первых, похоже, есть отпечаток значимости трехчастного паттерна, M = 3, для общественного сознания, на сей раз в диахронической проекции. "Целостность", "завершенность" структуры M = 3 находит выражение и в укоренившихся представлениях, что третья революция должна быть окончательной и последней. "Третий рейх" – на тысячу лет, и после него "ничего не будет". Русский коммунизм навсегда открыл новую эру человечества и стал могильщиком капитализма. "Конец истории", "окончательная" победа западных принципов ныне, по стопам третьей мировой бифуркации, грезятся и апологетам нового мирового порядка. Как бы то ни было, третьи политические революции, согласно свидетельствам опыта, несут с собой укрепление автократических, тоталитарных тенденций.

Третьи радикальные повороты, или развилки, истории предполагают, кроме того, утверждение в различных областях четырехчастного ментально-политического поля, воплощение четырехчастных паттернов, M = 4, см. рис. 2-3. Так, в итоге Великой Октябрьской революции торжествуют большевики, эта авангардистская партия нового, четвертого типа – контрастная трем "пассеистическим": либералам, консерваторам, социалистам традиционного толка. В территориально-политическое устройство СССР – см. раздел 1.4.2- имплицитно закладывается логически четырехсоставная же модель. Европа, переживающая сейчас, вместе с мировым сообществом, также третью бифуркацию, структурируется согласно еще более последовательным кватерниорным началам, см. раздел 1.4.2--. Сама упомянутая третья глобальная бифуркация начинается в условиях, когда на фоне полувекового противостояния Востока и Запада последний расщепляется на три центра силы: США, объединяющаяся Европа, Япония, – т.е. всего M = 4 (M = 3 + 1).

Как можно было убедиться в разделе 1.4, кватерниорный паттерн является не только устойчивым, самосогласованным, но и не менее характерным для общественного сознания и культуры, чем тринитарный. За каждым своя логика, свои резоны, свои идеалы. "Игра" двух соизмеримых по значимости целостных форм по существу исключает создание логически однородного мировоззрения, любое из них заведомо эклектично. Если

фактический перевес в какой-то период на стороне одного из начал, то подспудно бродят и накапливаются силы и у "несправедливо забытого", "подавленного" другого. Поскольку главным творцом истории в рассматриваемую эпоху служат массы, постольку их представления, на почве которых и протекает упомянутая "игра", делают невозможной остановку в развитии. Эпоха масс – это и эпоха прогресса, эпоха революций. В частности поэтому социумам, вопреки декларациям, не удается навсегда остаться на этапе третьих революций, тоталитарных ступеней. Советский режим начинает постепенно разлагаться, отказавшись от последовательного образа мыслей, присущего третьей, "сталинской" подбифуркации, и перейдя к следующему, "хрущевско-брежневскому" периоду с более эклектичным и "здравомысленным" мировоззрением. Дальнейшее движение приводит к полноценной четвертой революции, закрывшей коммунистический режим вообще.

При этом любопытно: Россия отказывается от однопартийности, тоталитаризма, гомогенности общества, а ее недавний оппонент, Запад, десятилетиями жестко критиковавший СССР за подавление конкуренции в экономической и политической сферах, буквально окрыляется надеждой на свое монопольное господство в масштабах мирового сообщества. Принцип однополюсности превращается в idée fixe, мировое сообщество вплотную приближается к идеологической унификации (по крайней мере, теперь не стесняются выставлять ее как желательную). Уровень конкурентности скачкообразно снижается и в экономике, начинается эпидемия поглощений и слияний крупнейших мировых компаний, рождения сверхмонополий [227], с чем не справиться созданным в прежние времена национальным законодательствам. История любит шутить, и если Россия под огнем яростной либерально-демократической критики недавно разрушила подавляющее большинство своих экономических монстров – централизованных отраслевых министерств, то на Западе – см. только что упомянутый бег наперегонки в сколачивании сверхмонополий – создаются сходные единицы.(28) С нашей позиции, такое положение объективно: Россия переживает либерализацию, четвертую революцию, тогда как мировое сообщество в целом – только третью.

Впрочем, и четвертые революции, в чем мы убедились, приносят с собой лишь демократизацию, но не полнокровную демократию, либерализацию, но не либеральный режим. Франция времен Третьей республики, послевоенные Германия и Италия, современная Россия – иллюстрации этого положения. После

автократического, тоталитарного строя приходится в сущности заново начинать процесс гражданской эмансипации, внедрения свободных и ответственных норм поведения – как некогда при разрушении абсолютизма, в ходе первых революций. Чем более яркой и длительной была тоталитарная стадия, тем сложнее выходить из нее. По признаку "полусвободы" четвертые бифуркации напоминают первые. Чтобы избежать голословности, обратимся к примерам.

Четвертая революция в России началась с "перестройки", и этот первый этап заставил целый ряд аналитиков вспомнить о революции первой. "Горбачевская перестройка эквивалентна революции 1905 – 07 годов. Тогда, как и теперь, все начиналось с гласности", – констатирует проф. В.И.Старцев [308]. Гласность не совпадала со свободой печати, представляя собой плановый, регулируемый процесс, и кремлевский политический механизм подразумевал глухую борьбу "под ковром", отголоски которой доносились до общества в искаженном, "подправленном" виде. В статье "Первый апокалипсис двадцатого века" [280] А.А.Савельев фиксирует более точные родственные черты. "Так, деятельный участник ряда сатирических журналов 1905 – 07 гг. Е.Е.Лансере уже в советское время вспоминал: "Мы тогда революцию не воспринимали еще как борьбу класса против класса, а как борьбу "всего народа" против самодержавного строя"". "Какие же идеи объединяли тогда русское общество? – задает вопрос А.А.Савельев. – Основная тема журналов – сатира на "тысячеголовую гидру " русскую бюрократию- – от городового до премьер-министра и самого императора. – И продолжает цитатой: "Вся Россия объединилась в одном чувстве, – пишет В.В.Розанов, – Это чувство – негодование, презрение к бюрократии"". Центральная проблематика "перестройки", сходным образом, сводилась к борьбе всего общества с "номенклатурой", "административно-командной системой", той же "бюрократией".

Не только на своем начальном этапе четвертая революция ассоциируется с первой, но и на нынешнем – после событий сентября – декабря 1993 г. Вместо "всесильного" Верховного Совета, согласно Конституции 1993 г., создается Государственная Дума – не только тезка русского парламента начала XX в. (после революции 1905 – 07), но и его преемник. Новая Дума по сути столь же бесправна, как и ее прототип (в ее распоряжении опять лишь два варианта: принимать угодные исполнительной власти решения или оказаться под угрозой разгона). Как и девяносто лет назад, Дума времен правления Ельцина требует создания "правительства национального доверия, или согласия", настаивает на необходимости учета общественного мнения, в чем

ей неизменно отказывается. Почти вся полнота власти принадлежит президенту (по внутрикремлевскому жаргону, "царю"), и дефиниция "вялый авторитаризм" [415] в равной мере относится как к режиму после Манифеста 1905, так и к новейшей России. Запомним эпитет "полусвободы", так или иначе подходящий ко всем четвертым революциям.

Волна пятых революций – см. Франция периода IV республики, сегодняшние Италия, Германия, Австрия – приносит всесторонне либерально-демократический режим. По этому признаку пятые бифуркации ассоциируются со вторыми. Насколько можно судить по пока единственному прецеденту революции шестой – переходу от IV республики к V во Франции, на этом этапе общественные системы избавляются от "эксцессов" либерализма, вновь востребуя известные авторитарные принципы. В 1958 г. парламентская республика во Франции заменена президентской, или президентско-парламентской. Таким образом, по крайней мере в тенденции, наблюдается перекличка с опытом третьих революций. Президент де Голль апеллирует к оскорбленному чувству величия французского народа (ср. с за сто лет до него Наполеоном III), но восстановление национального достоинства он видит уже не в удержании и, тем более, не в реставрации колониалистского прошлого, а в настоящем и будущем. По мере возможности Франция занимает независимую позицию по отношению к США, выдвигается идея "Европы от Атлантики до Урала", с тех пор страна превращается в стартовый механизм и главный мотор европейской интеграции, призванной качественно повысить международный вес и влияние континента и Франции в нем.

Итак, четвертые революции напоминают по смыслу первые, пятые – вторые, шестые – третьи. Подобное повторение свойств расположенных в ряд элементов через два заставляет еще раз вспомнить о значимости кватерниорных паттернов, M = 4, на сей раз в диахронии. Последнее звено каждой из четверок (1 – 2 – 3 – 4), (2 – 3 – 4 – 5), (3 – 4 – 5 – 6) возвращает к началу, по-своему замыкает последовательность.(29) Чуть иначе: указанный факт корреляции позволяет представить цепочку из шести бифуркаций в виде двух циклов:

Каждый из них – путь от достигнутой "полусвободы" через либеральный этап к утверждению авторитарных начал. Первые революции эпохи масс, открывающие и первый цикл, представляют собой отказ от предшествующего абсолютистского состояния и лишь частично преуспевают в этом. Четвертые революции отталкиваются от предыдущего тоталитарного режима и, аналогично, добиваются лишь ограниченного успеха. Таким образом, "задачи" двух циклов перекликаются, закономерно повторяются и свойства их последовательных ключевых компонентов. Замечание Ф.Броделя: "Даже революции не бывают полным разрывом с прошлым" [62, с. 56], – уместно дополнить: сами революции во многом и составляют наше прошлое. В качестве организующих вех, задающих "систему координат", они формируют коллективное представление о нем и тем самым не столько отделяют нас от предшествующего, сколько психологически соединяют с ним в рамках общей ментальной, логической структуры.

Несмотря на подобие двух троек, они не полностью эквивалентны. Обе реализуются на фоне сквозной, идущей по нарастающей модернизации, причем, не только революционной, но и эволюционной, чем обусловливается снижение, так сказать, "амплитуды колебаний" (диапазона скачкообразных изменений политических свойств общества в результате революции). Так, советских людей в процессе свержения коммунистического режима, т.е. в ходе четвертой революции, уже не приходилось убеждать в правомерности власти конституции и закона, необходимости выборности исполнительных и законодательных органов и т.д., что коренным образом отличало их от соотечественников начала XX в., периода революции первой. Поэтому четвертые революции имеют шансы протекать "более гладко", чем первые – ср. серию "поющих", "бархатных" революций, "революцию гвоздик". Сходным образом, если третьи бифуркации приводят к достаточно ярким автократическим, тоталитарным режимам, то шестые (насколько позволяет судить прецедент V республики Франции) лишь ставят легкий авторитарный акцент, не отказываясь от большинства достижений предшествующей либеральной ступени. В среднем, революции становятся все менее "резкими", что, похоже, свидетельствует о возрастании значения эволюционной

составляющей модернизации и относительном снижении революционной. При этом общая тенденция – "тренд" или "мода" – ориентирована на либеральный стандарт.

Одни страны (морские) ограничиваются двумя революциями, другие (континентальные) переживают более дробную серию, но в обоих случаях речь идет об одном и том же процессе – исторической трансформации партиархальных социумов аграрной эпохи в модернистские индустриальные, постиндустриальные. На протяжении последних веков человек все более отчуждается от природы, растет степень рациональности и информационной насыщенности, степень "переделанности" как самого человека, так и его среды. Если считать подобную трансформацию одной большой бифуркацией (см., напр., Н.Н.Моисеев), тогда рассматриваемые революции попадают в ранг "подбифуркаций", "фазовых переходов второго рода". Воспользовавшись еще одной естественнонаучной параллелью, здесь можно увидеть единый переходный процесс – перемещение социумов с одного энергетического уровня на другой. В зависимости от собственных качеств, системы переходят с одной ступени на другую либо по более "плавному" сценарию, либо посредством серии колебаний. Колебаний, однако, *затухающих*. Путь развития континентальных стран тяготеет ко второму варианту. Явление затухания колебаний, по-видимому, и ответственно за то, что второй цикл – совокупность революций под номерами 4, 5, 6 – оказывается менее "резким", менее "амплитудным" по сравнению с первым.

В ходе предшествующего изложения, впрочем, использовались не подобные континуальные, а дискретные представления (номера революций). Насколько возможно, мы старались оставлять в стороне национальные и цивилизационные особенности государств, переживающих революционные потрясения. Разумеется, не потому, что национальная специфика не важна, а для решения все той же задачи – как можно отчетливее подчеркнуть значение универсальных элементарно-математических сил. Не знаю, насколько удачной показалась читателю такая попытка, но тему составлял поиск очередной иллюстрации механизма рационального бессознательного и его экспликаций в сфере политики.

Вероятно, мы по-прежнему вправе говорить не столько о строгом законе, сколько о более или менее явно выраженной *закономерности*, хотя и не лишенной серьезных предпосылок. Из этого, в частности, вытекает: последствия одинаковых по номеру революций в разных странах иногда могут столь существенно отличаться друг от друга, что их затруднительно объединить в

рамках одного и того же паттерна. Например, были рассмотрены примеры политических режимов, устанавливающихся после двух бифуркаций: в Британии после "Славной революции", в США после Гражданской войны, в России периода Временных правительств, Веймарская республика в Германии, Нидерланды после 1830 г., послевоенная Япония, мировое сообщество в целом после Второй мировой войны, – которые ассоциируются друг с другом по признаку превалирования либерализма и демократии. Однако при этом, скажем, во Франции второй бифуркацией послужила Июльская революция 1830 г. Действительно ли к либерально-демократическому обществу пришла Франция по ее стопам? – Июль положил конец периоду Реставрации, возвел на трон младшую ветвь Бурбонов (Луи-Филипп), но усмотреть в данном случае не частичную демократизацию, а демократию, пожалуй, непросто. Главное, что подпадает под родственный другим вторым революциям стандарт – это откровенное господство банков и денег: у власти финансовая аристократия. (30)

Не менее щекотливые вопросы возникнут и по итогам второй революции в Югославии. Напомним, 1 декабря 1918 г. образовано Королевство сербов, хорватов, словенцев, с 1929 г. превратившееся в Югославию. Доминирующее положение принадлежит сербской буржуазии, с января 1929 г. устанавливается военно-монархическая диктатура. Т.е если в экономике (рыночное хозяйство, частная собственность, конкуренция) еще различимы ведущие признаки либерализма, то аналогичная атрибуция в сфере политики едва ли выглядит правомерной. – Впрочем, по контрасту с плодами третьих революций в тех же странах – империей Наполеона III, коммунистической Югославией И.Б.Тито – итоги вторых революций все же ассоциируются, пусть авансом, условно, с либерально-демократическим паттерном. Югославии 1920-30-х гг. свойственна капиталистическая система и преимущественно этническая (но не конфессиональная) самоидентификация: *югославянское единство*, либерализм не только здесь, но и повсюду сопряжен с утверждением *национального* государства. Т.е в диахроническом срезе оба последних примера не находятся в антагонистических отношениях с историческим маршрутом других общественных систем.

Недавно названы два наиболее заметных цикла в исследуемом ряду революций. Первый из них – отпечаток структуры M = 3, т.е. в хронологическом ракурсе сходство революций через одну (гегелевская перекличка синтезиса с тезисом). Результат третьей революции во Франции, империя

Наполеона III, взывал к образцу империи Наполеона I, вершины первой, Великой французской, революции. "Национальная революция" 1932 – 33 гг. в Германии (третья по счету) похоронила режим Веймарской республики, чтобы, как и после первой революции, создать империю. "Советская империя", продукт третьей, Великой Октябрьской, революции, по изрядному числу параметров перекликается с империей Николая II после революции 1905 – 07: обе партийно активированы (до 1905 г. любые политические партии запрещены); в обеих существуют парламенты (Государственная Дума и Верховный Совет), фактические полномочия которых, однако, скромны, и реальная власть принадлежит одному лицу, не прошедшему через всенародные выборы; наконец, похожи и исторические задачи: наращивание внешнеполитического могущества, ускоренная модернизация, индустриализация недостаточно образованной и технологически отсталой крестьянской страны. Наряду с повторением свойств политических режимов через одну бифуркацию, наблюдается и более крупный логический шаг – через две, диахронический парафраз структуры $M = 4$. Еще раз, теперь более обстоятельно, попробуем прояснить причины возникновения обоих циклов.

Ответственны за тот и другой, как уже известно, особенности общественного сознания. Во-первых, население в новейшую эпоху становится грамотным и, что не менее важно, "своевольным". Все труднее обнаружить в массах готовность подчиняться узкому кругу поставленных "от Бога" власть имущих, историческую судьбу берет в свои руки активное большинство, самостоятельно создавая себе вождей и кумиров. Рост своеволия подчеркивается революционным методом решения назревших социальных проблем: эпоха масс – это и эпоха революций. Во-вторых, помимо "эндогенности" (политические режимы создаются и/или санкционируются самим социумом), наблюдается скачок в направлении к рациональности. Революции формулируют программы, выдвигают лозунги, без убеждения масс невозможно общественное управление. В дополнение, наблюдается резкое ослабление религиозно-мифологических форм коллективного сознания: от религии либо вовсе отказываются, либо прибегают к ее рациональным трактовкам, ограничивают сферу ее компетенции. Секуляризация – спутник рационализации. В-третьих, если отныне за политическую историю не в последнюю очередь ответственно коллективное рациональное – сознательное и бессознательное, – то в своем массовом, "профаническом" варианте оно не может не быть тривиальным. И в-четвертых, каждая революция несет в себе огромный заряд отрицания,

представляя собой категорический отказ населения жить по старым порядкам. Всякий отказ подразумевает *сравнение* с предыдущими политическими состояниями и тем самым – с результатами прежних революций. О последних массы в целом достаточно информированы – из личного и семейного опыта, из школьных программ, произведений искусства, масс-медиа. Однако сравнения бывают разными по логической конструкции.

Если большинство населения обладает относительно короткой оперативной памятью и предпочитает исходить из персонального опыта, то акт отрицания обращается лишь на непосредственно предшествующий революции политический режим: его далее не желают терпеть, и с новых позиций ему говорится решительное "нет". Это типичный образец наипростейшего, бинарного отношения, n = 2, приводящий в конечном счете к M = 3, классическая база для гегелевской исторической схемы "тезис – антитезис – синтезис". Антитезис – отрицание тезиса, "нет" ему. Но тогда следующая революция, очередное по времени отрицание – когда синтезис отрицает антитезис – приводит к воспроизводству ряда признаков предпредыдущей, пусть и "на новом витке". Об этом и шла речь, когда упоминалась перекличка политических режимов, скажем, после третьих и первых революций. Закон отрицания отрицания по-своему вполне логичен (см. раздел 1.3), отвечает здравому смыслу.

Ситуация в корне меняется, если в массовом сознании активнее задействован не тринитарный, а кватерниорный паттерн (M = 4). В этом случае в процессе революции отрицанию подвергается не только непосредственно предыдущий, знакомый по недавнему личному опыту политический режим, но и предшествующий ему. Т.е. здесь по сути реализуются сразу два отрицания, два "нет". Возможно потому, что в коллективной памяти еще не стерлись следы соответствующей предпредыдущей революции и помнится о неудобоваримости ее плодов. Возможно, вспомнить о ней заставили новые обстоятельства или повышение актуальной информированности социума. Также не исключено, что ведущие слои задают себе естественный вопрос: да, мы видим, что недавно существовавший политический режим неприемлем, оттого мы и совершили революцию, но что-то ведь заставило наших предков к нему прийти, поднявшись на свою революцию; не означает ли это, что и более раннее политическое состояние не подходит народу? Вне зависимости от причин, ситуация двойного "нет" соответствует более широкой оперативной памяти: вместо n = 2, M = 3 задействована схема n = 3, M = 4. В этом случае следует ожидать повторения свойств

революций, порождаемых ими режимов уже не через одну, а через две.

Диалектический закон отрицания отрицания был выведен в первой половине XIX в., когда наиболее актуальным для коллективного сознания был "здравомысленный" трехчастный паттерн, M = 3. Здравомыслие излучала и тогдашняя наука (простые опыты и внятные рассудочные выводы на их основе), моральная правота во многом принадлежала позитивизму и наступавшей либеральной идеологии, зиждущейся на декларации в сущности незамысловатых, "самоочевидных" вещей. Не случайно, что наиболее точное подобие плодов третьей революции и первой обеспечено двумя французскими империями, двух Наполеонов, т.е. историческими продуктами до середины XIX в. Но именно с этого времени начинается интенсивное накопление потенциала эксплицированных четырехчастных структур, захватывающих и политическую сферу. В XX столетии указанный процесс лишь усиливается (см. раздел 1.4). Вместе с тем наблюдается и рост значения воспроизводства свойств революций через две. В целях наглядности полезно проиллюстрировать, как запускается механизм двойного "нет" на практике.

Четвертая революция в России началась после семидесятилетнего засилья тоталитаризма, в условиях начавшегося широкого противопоставления несвободной и недостаточно зажиточной жизни в коммунистическом обществе богатому либеральному Западу. В ходе "перестройки" и политики гласности подверглась явной дискредитации коммунистическая власть и идеология с ее исторической виной, ставшей очевидной для всех казуистикой, ложью, кричащими противоречиями реальному опыту (ср. как живут на Западе и у нас), а также здравому смыслу. Момент истины, как казалось большинству, наступил, и решение всех проблем исключительно просто: достаточно отказаться от социализма, от монополии КПСС, и государство подымется на ту же ступень, что и Запад. Трюизмы сыпались с трибун и журнальных страниц, с экранов TV как из рога изобилия, и только им был обеспечен успех, тем более что армия новоявленных "демократов" пользовалась поддержкой из-за рубежа, из ставшей на этом этапе лучшим другом Америки, которая в качестве либеральной и прагматичной страны и сама склонна к тривиальным политическим выводам и решениям. Незатейливо-элементарное противопоставление "коммунизм – либерализм", решительное "нет" коммунизму с новых для России позиций означают, конечно, бинарное отношение n = 2. Из этого, в частности, вытекало, что после нынешней (четвертой по номеру) революции должно наступить полноценное либеральное

состояние, сходное с результатом Февральской революции, второй по порядку. Большевикам был выставлен исторический счет за устроенный в октябре 1917 г. путч, за разгон всенародно избранного Учредительного собрания, собиравшегося принять первую демократическую конституцию, за отмену частной собственности. Уничтожительной критике подверглось абсолютно все (произносимое "нет" весьма радикально), вплоть до отсутствия в СССР безработицы, т.к. без нее, мол, нет отбора достойнейших. Апогеем осуществления новых чаяний стал август 1991 г., нанесший поражение силам коммунистического реванша, осенью КПСС запрещена. Август – декабрь 1991 г. открыл второй, после "перестройки", этап четвертой революции в России, наиболее либеральный (периодизация выше рассматривалась).

В стране существуют всенародно избранные парламент (Верховный Совет РФ) и президент, обладающие широкими, примерно равными полномочиями, призвано правительство Е.Т.Гайдара, развернувшее интенсивные экономические реформы по рафинированно либеральным рецептам. Вскоре, однако, выясняется, что дальнейшее развитие систематически тормозит недавний бастион борьбы с коммунистическим режимом – Верховный Совет, возглавляемый Р.И.Хасбулатовым. Т.е. президента и правительство, стоящих за ними радикальных "демократов" и масс-медиа категорически не устраивает не только потерпевший поражение коммунистический режим, но и последовавший вслед за ним. Формируется второе активное "нет", сосуществующее с непрекращающейся борьбой с наследниками КПСС, с угрозой коммунистического заговора. В этом духе газеты, радио и TV каждодневно обрабатывают общественное мнение.

Два синхронных "нет", как уже известно, – экспликация структуры M = 4, более "ненормальной", чем "здравомысленная", традиционно-либеральная M = 3. Таким образом, сходство с вариантом демократической революции Февраля 1917 (по счету второй) в сущности уже потеряно, хотя сами вожди "демократов" – ни Б.Ельцин, ни Е.Гайдар – еще не знают об этом. Характерно, что в укор Верховному Совету демократы 1993 г. ставили то же, что в свое время большевики Временному правительству, Учредительному собранию: низкая дееспособность, нерешительность в развитии успеха революции, в их составе слишком много представителей старых политических классов и сил. И вывод созрел тот же самый: разогнать. Несмотря на скорую руку заимствованные, поверхностно понятые атрибуты либеральных целей и ценностей, новейшие русские демократы оставались большевиками по масти, по образу мысли: нетерпение, отсутствие минимальной толерантности и

способности считаться с иными точками зрения, утопизм в равной мере свойствен и тем, и другим, как и готовность к насилию, неуважение к собственному народу – носителю "пережитков прошлого" (будь то отсталый патриархальный крестьянин начала XX в. или "совок" его конца), а также твердое убеждение, что во имя прогресса общество нуждается в коренной идеологической "перековке" и "твердой руке". "Двоюродными братьями большевиков" назвал А.И.Солженицын российских либерал-реформаторов.

В октябре 1993 г. Верховный Совет расстрелян из танков. Демократия победила? – Нет, проиграла, и в результате установлен тот далекий от действительно либеральных стандартов режим, который жив до сих пор. Запуск механизма двойного "нет" обусловил семантическое сходство плодов четвертой революции первой (автократизм, полубесправный парламент, атмосфера афер, интриг, воровства), а не либеральной второй. Образцами, достойными подражания, теперь признаются фигуры С.Ю.Витте, А.П.Столыпина, т.е. относящиеся к эпохе первой революции и сочетающие верноподданность, держание народа в узде с глубокими экономическими преобразованиями (чуть раньше радикальные "демократы" рисовали в розовых красках Аугусто Пиночета).(31) В нынешнем массовом восприятии оценивается как антигерой не только плод третьей революции, коммунистический тоталитаризм, но и либеральная демократия, спутник второй. Если оба варианта приносят беду, "не подходят" России, то ей, стало быть, необходимо искать свой, "третий" путь (ср. Ю.М.Лужков [212]). Которого в реальности не существует, но идеологеме которого, по-видимому, предстоит пленять общественное сознание в ближайший период, пока на собственном опыте не будет понято, что он только иллюзия. Но понимание последнего, вероятно, мотив уже следующей, пятой революции – если судить по образцам Франции, Италии, Германии, Австрии, последовательно либеральной.

Нам ни в коем случае не хотелось бы свести проблему "плохой", полулиберальной, четвертой революции в России исключительно к ошибкам ее недавних вождей, "демократов". Сами такие "ошибки" во многом запрограммированы в недрах коллективного бессознательного, включая и его рациональный сектор. Структура M = 4 в XX в. чрезвычайно сильна, в том числе и на евразийском пространстве (см. параграф 1.4.2.1), ее перенос в плоскость диахронии – подобие результатов четвертой революции "квазипарламентаризму" первой – по всей очевидности, объективен. Впрочем, ответственности с русских

"демократов" за дефицит политических знаний и чутья, за разверзание пропасти между политическими посулами и их воплощением это не снимает.

К теме соотношения двух циклов – повторение характера политических систем через одну бифуркацию или через две – тяготеет и дискуссия, каким быть новому мировому порядку. В итоге первой бифуркации мирового сообщества, I мировой войны, Германская империя терпит поражение и создается система Версаля, основанная на изъятии у Германии колоний и части ее собственной территории, на подавлении ее военного потенциала, всемерном снижении международной политической роли. Страна обложена репарациями, выплачивать которые пришлось бы на протяжении полувека ценой огромных лишений. Аналогично, в ходе нынешней, третьей бифуркации в мире терпит поражение СССР. Если исходить из "здравой" логики M = 3, т.е. повторения свойств системы через одну бифуркацию, то наследника СССР следовало бы подвергнуть той же участи, как и некогда Германию (вновь проигнорировав, что страна стала иной: в 1918 г. Германия из империи превратилась в Веймарскую республику, в 1991 г. в России пал тоталитарный режим). Максимально связать руки потенциально опасной России, загнать медведя в берлогу, чтобы он "никогда" или хотя бы по возможности долго не смог показывать когти и зубы – лейтмотив предложений западных "ястребов", в первую очередь американских. Среди последних – самые несгибаемые апологеты идеологического либерализма и демократии. Убедившись, что современная Россия не пришла к приемлемым политическим и экономическим нормам и их утверждения на ближайшую перспективу не видно, пускается в ход аргумент "горбатого могила исправит", и русским (по-видимому, правы коммунисты и ультраконсерваторы) в самом деле чужды и честный рынок, и демократия. В таком случае не остается альтернативы давлению на Россию, занесению над ней экономической, политической и военной палки. Перекличка этого варианта с системой Версаля лишь усиливается, если иметь в виду огромный финансовый долг России, выплачивать который придется и детям, и внукам.

Если пользоваться такой по-своему не лишенной резонности логикой, развязка, боюсь, напомнит ту, которую история уже проходила. Немецкое общество устало терпеть перманентное унижение и на выборах 1932 г. привело к власти реваншистские силы. Откуда уверенность в том, что сходным образом не отреагирует и Россия? С учетом ее потенциала, национальных особенностей (в спокойной ситуации в России обычно застой, а в условиях острого внешнего вызова население способно к

сверхмобилизации материальных и психологических ресурсов), (32) обладания ядерным арсеналом вряд ли стоит повторять, mutatis mutandis, проект Версальской системы, т.е. обеспечивать подобие третьей бифуркации первой.

Пока у ответственных западных политиков хватает чутья, чтобы играть на грани фола, не переступая невидимую черту. Напротив, Россия приглашается на заседания современного мирового "Политбюро", "большой семерки" (то по формуле 7+1, то на правах полноценного восьмого члена), задействована программа ее сотрудничества с НАТО ("Партнерство во имя мира"). Таким образом, "нет" произносится не только недавней эпохе двух сверхдержав, ялтинско-потсдамскому миру, но и аналогу системы Версаля. Т.е. в большой политике реализуется отрицание плодов как второй, так и первой мировой бифуркации. Подобное "double-no" способствует корреляции складывающегося глобального порядка с состоянием мирового сообщества *не после* I мировой войны, а *до* нее, т.е. на этапе "нулевой бифуркации".

В то время безусловно первенствующий Запад (в контемпоральной редакции: Европа) оплел мировое сообщество сетью колониальной зависимости, теперь из того же (плюс США) безальтернативного источника исходит система глобального экономического и политического подчинения. Самой могущественной империей мира – "страной, в которой никогда не заходит солнце" – была талассократическая Британия, сейчас это место принадлежит преемнику, вездесущим США. Как и прежде, для лидеров существуют лишь ограниченно доступные зоны, главным образом на континентах. Гаагские конвенции 1899 и 1907 гг. сформулировали положения о мирном разрешении международных споров, уважении нейтралитета, цивилизованных правилах ведения войн. Недостатка в декларациях добрых намерений не испытывает и нынешняя эпоха. Россия после поражения в Крымской войне перестала быть одним из краеугольных столпов большой, тогда европейской, политики, одним боком примыкая к концерту ведущих держав, другим – будучи погруженной в собственные, прежде всего экономические, проблемы. Не в сходном ли положении она оказалась теперь? Список общих черт мирового политического режима после третьей бифуркации и "нулевой" можно продолжить, но это не входит в нашу нынешнюю задачу.

Осталось заметить, что не только на почве отдельных государств, но, по всей видимости, и в глобальном масштабе по мере увеличения последовательных номеров политических бифуркаций происходит снижение их остроты (см.: снижение амплитуды колебаний). Уже третья бифуркация в мире, в отличие

от двух предыдущих, прошла по руслу лишь "холодной" войны, а не "горячей". Так что неизбежный последующий передел мира, четвертая глобальная бифуркация, вовсе не обязательно разыграется по сценарию первой, т.е. I мировой войны: переход, мы вправе надеяться, окажется "мягче", чем даже нынешний.

Рассмотрен ряд из шести бифуркаций, из чего, конечно, не следует, что шестые – последние. За ними, вероятно, последуют седьмые, восьмые и т.д. Если тенденция выявлена правильно, то седьмые должны начать очередной, третий цикл и привести к недостаточно последовательному, но заметному ослаблению авторитарных начал, свойственных шестым революциям, в пользу парламентских. Продолжая экстраполяцию, от восьмых следует ожидать установления "чистого" либерального режима, а от девятых – акцентуации автократического. Кроме того, третий цикл должен стать менее "резким", чем второй, т.е. бифуркации под номерами 7 – 9 покажутся менее яркими, чем переходы 4 – 6. Эволюционный компонент развития, повторим, наращивает свою актуальность, но при этом вряд ли оправданно рассчитывать на полную элиминацию рассмотренных дискретных механизмов. Они значимы в культуре – см. гл. I, – и, насколько можно судить, останутся в истории, в том числе политической.

В заключение полезно в очередной раз подчеркнуть одну из принципиальных особенностей использованного аналитического метода. Если историки и политологи существующих школ стремятся обнаружить и ввести в научный обиход как можно больше неизвестных фактов, деталей, попутно определяя степень их достоверности, то в нашем случае подход прямо противоположный. Придерживаясь неоригинального мнения, что главным творцом истории и политики Новейшего времени являются массы, мы ориентируемся прежде всего на общеизвестную информацию – по крайней мере, для тех регионов, которые служат ареной исследуемых событий. Общеизвестное – для формообразования самое значимое, и при этом нет необходимости отделять коллективные заблуждения от реальности, ибо мифы – такой же конструктивный материал, как и объективная действительность, для политики в равной степени актуально и то, и другое. Поскольку политический процесс рассматривается в его ментальной, культурной проекции, постольку невозможно игнорировать взаимодействие общеизвестного в политической сфере с еще более общеизвестным – с кругом стереотипов, знаний и навыков, свойственных подавляющему большинству населения. Новейшее время – эпоха грамотных обществ, и школьное образование есть атрибут социально инициированного гражданина. Поэтому

механизм рационального бессознательного и берет на себя изрядную долю ответственности за характер ступеней развития, по которым движется социум. Его первейший компонент – элементарно-математический сектор, но к нему же принадлежит и расхожий набор знаний о пережитых ранее революциях. Мы отвлекаемся от неизбежной неполноты и искаженности общественных сведений о предшествующем историческом пути (всякий курс истории заведомо идеологизирован и "подправлен", кроме того, коллективные представления складываются под влиянием романов, кинофильмов, журналистских эрзацев). Вне фальсификации, однако, остается количество революций – по этому критерию общественные представления совпадают с реальностью.

Вновь уместно вспомнить мнение К.Юнга, что в последние века Европа, а вслед за ней и другие части света, разбудили энергию бессознательного, коллективного бессознательного. "Разряжение сдерживаемой энергии коллективного бессознательного обычно принимает форму массовых психозов, которые, в силу вызванной Просвещением секулярной ориентации европейского общества, заявляют о себе в виде политических движений" [237, с. 43]. Сочетание бессознательности с массовой образованностью (рациональностью), точнее – их политические экспликации и обусловливают возникновение обнаруженных закономерностей. Извлечение их на поверхность полезно хотя бы для того, чтобы получить информацию об общих рамках возможного для социумов после каждой из революций и с ее помощью избежать завышенных ожиданий. Последние уже не однажды сослужили дурную службу как действующим политикам, так и широким группам населения: реальность все равно "отбрасывала назад", но за избавление от иллюзий приходилось платить высокую материальную и гуманитарную цену.

Всякая теория не только открывает (нечто новое в предмете), но и закрывает: имплицитная "законченность" концептов, в результате которой отсекается все, что в них не укладывается. Не иначе обстоит с числом вообще и с количеством революций в частности: после каждой состоявшейся революции вплоть до последующей, т.е. на относительно стабильном этапе, число оказывается заданным, не поддающимся произвольным воздействиям. Влияет ли этот неоспоримый факт на состояние социумов – ведь они во многом конституируются посредством собственного сознания и самосознания и в качестве образованных являются рациональными? – Если ответ положительный (а я не вижу, какое из звеньев настоящего силлогизма в Новейшее время сомнительно), то по выходе из каждой политической бифуркации

пережитый исторический опыт кристаллизуется в "застывших" формах идентификации и самоидентификации социума, в количестве состоявшихся революций. Под знаком последнего общество и пребывает вплоть до следующей революции, т.е. настоящее число играет роль, так сказать, индекса, инварианта или, пользуясь одним из лингвистических терминов, ***детерминатива***. (33) Детерминатив, конечно, не задает весь набор обстоятельств, деталей (в противном случае пришлось бы прийти к абсурдному заключению, что от революции до революции общество вообще не переживает изменений, история для него останавливается), но становится своеобразным ключом, задающим общую смысловую тональность, "дух", "стиль". Значимость такого факта, его влияние на семантику последовательности политических состояний (надеюсь, в этом удалось убедиться) прослеживается и на опыте.

Искушенный читатель, вероятно, обратил внимание на коренное отличие использованной бифуркационной модели от более изощренных и употребительных, пришедших из точных наук: теории бифуркаций и малого параметра Пуанкаре и Тихонова, теории систем, неравновесной термодинамики, синергетики. Это стало уже общим местом: в момент бифуркации с общественной системой могут происходить самые неожиданные вещи, и любой случайный фактор способен оказать решающее влияние на итог событий. В статье "Тектология Богданова – современные перспективы" Н.Н.Моисеев говорит о "принципиальной непредсказуемости результата преодоления кризиса и посткризисной структуры организации" [216, с. 10], в работе "Логика динамических систем и развитие природы и общества" подтверждает: "Процесс бифуркации – это всегда процесс катастрофической перестройки системы. Его последствия практически непредсказуемы, поскольку память системы оказывается ослабленной, а роль случайных факторов резко усилена" [217, с. 5]. С.Дубовский в статье "Прогнозирование катастроф" [122] придерживается идентичного теоретического канона: "В моменты катаклизмов, когда социально-экономические системы теряют устойчивость, даже малые воздействия могут вызвать резонанс и катастрофу или скачок в одно из возможных новых состояний". И чуть ниже: "Формальное описание такого катаклизма с участием множества субъективных факторов дается в виде веера или дерева возможных сценариев. Поэтому в окрестности точки бифуркации в лучшем случае можно сделать лишь вероятностный прогноз, т.е. указать лишь вероятности возможных исходов".

С нашей точки зрения, настороженность вызывают положения

не естественных отраслей, а их некритический перенос на социально-политическую почву. При этом практически полностью игнорируется специфика предмета исследования: социум обладает *сознанием*, в Новейшее время он элементарно *рационален*, даже когда не отдает себе в этом отчет (рациональное бессознательное). Что касается упомянутой Н.Н.Моисеевым ослабленной в момент бифуркации памяти общественной системы, то место старых норм и традиций постепенно занимают новые и, что важнее для нас, в общественном сознании ярко запечатлевается само событие революции ("еще одной революции"), и что в конце концов прочнее запоминается социумом, чем факты пережитых крупных конфликтов (войн и тех же революций)? Поэтому в оценке результатов политических бифуркаций наша модель диаметрально противоположна ныне принятым, она апеллирует к логической детерминированности (пусть не в деталях, а в целом). Как соотносятся между собой два типа моделей?

Во-первых, в отличие от общепринятого стандарта, мы всякий раз занимаем мысленную позицию, относящуюся к состоянию социума не до, не во время, а *после* каждой из бифуркаций, рассматривая последовательность революций, вернее складывающихся вслед за ними режимов, как уже *состоявшийся* ряд – даже когда речь заходит о будущем. Мы не предпринимали попыток проникнуть "внутрь" бифуркации, выяснить ее латентный механизм. Соответственно, после состоявшегося испытания любое событие превращается в достоверное, будь оно изначально вероятностным или детерминированным. Во-вторых, в рамках предложенной модели не задаются вопросы о точной траектории развития социума в результате бифуркации – количество вариантов действительно неисчислимо. Мы интересовались лишь самыми общими семантическими, "интегральными" свойствами обществ, абстрагируясь от многочисленных нюансов. За скобки вынесена даже "самая важная" деталь: какая из противоборствующих политических сил одерживает победу в революции.(34)

В-третьих, о чем, впрочем, шла уже речь, диаметрально разнятся исходные установки: сложен ли социум и его исторический путь или, напротив, исключительно прост. Первого варианта придерживаются практически все науки, исследующие феномен бифуркаций, в частности, синергетика. Так, на состоявшемся в январе 1996 г. Московском синергетическом форуме, собравшем плеяду блестящих ученых из разных стран, упомянутая наука была определена как междисциплинарное направление поиска, захватывающее и объясняющее не только

природу, но и культуру и общество. "Синергетика – новый синтез человеческого знания и мудрости. Синергетика – новый подход к познанию эволюционных кризисов, нестабильности и хаоса, к овладению методами нелинейного управления сложными системами, находящимися в состоянии неустойчивости" [156, с. 148]. Она "имеет глубокие мировоззренческие следствия , не просто меняет понятийный строй мышления, но отчасти перестраивает и наше мироощущение, восприятие пространства и времени, наше отношение к жизни, жизненную позицию. Синергетика открывает другую сторону мира: его нестабильность, нелинейность, открытость (различные варианты будущего), возрастающую сложность формообразований и их объединений в эволюционирующие целостности". "Синергетика – наука о сложном". По словам проф. Г.Шефера из Гамбурга, синергетика "строит новую метанауку сложных систем" [там же].

За исключением междисциплинарности, которой и мы заплатили определенную дань, все остальное в предложенной нами модели обстоит ровным счетом наоборот. Мир, в частности общество, нестабильны? – Мы искали инварианты развития массового социума, т.е. предпосылки стабильности, апеллируя к состояниям социумов *после* революций. Эволюция принципиально непредсказуема? – Мы старались показать, что человеческие сообщества в разных концах земли на протяжении последних столетий воспроизводят одни и те же семантические паттерны, пусть не в деталях, а в общем и целом. Синергетика перестраивает мироощущение человека? – Мы апеллировали к самым элементарным, известным всем и каждому положениям, не требующим ни малейшей перекройки мозгов. Исходя при этом из кажущегося небезосновательным предположения, что если кому уже и удалось радикально преобразить свое мировоззрение, то в первую очередь уважаемым профессорам, но никак не миллиардам обывателей. Голосов вторых (на выборах) несопоставимо больше, чем первых, да и в ходе революций винтовку в руках тверже держат не профессора. Общество – нелинейная система? – Мы, напротив, придерживались банальной линейности (алгебра сложения бифуркаций, т.е. "развилок"). Социум – исключительно сложный объект, вобравший в себя необъятное количество разнообразнейших факторов? – Нам, напротив, он представлялся до неприличия простым. Пианист играет как умеет, и общество, чью судьбу в новейшую эпоху определяют массы, их разумение, подчиняется закономерностям, для выяснения которых и пальцев на руках слишком много. Даже междисциплинарность, которая, вроде бы, роднит предложенный подход с синергетикой, скорее их противопоставляет. Если

синергисты, по крайней мере лучшие из них, – разностороннейшие специалисты, которым внятны нюансы и тонкости передовых рубежей как точных наук, так и гуманитарных, умеющие сложно мыслить о сложном, то мы обращались не к сверхинтеллектуалам, а к обывателю с аттестатом об окончании неполной средней школы – точнее, к тем началам каждого из нас, которые адекватны подобному уровню. (Сдается, что даже представителям суперэлиты, чей "ай кью" зашкаливает за принятую градацию, чаще, чем восходить на интеллектуальные вершины, приходится совершать самые нехитрые операции наподобие опускания жетона в прорезь автомата в метро.) Синергетика – "метанаука", наша модель – из области "донауки", т.е. вместо "наддисциплинарности" исповедуется "инфрадисциплинарная" позиция.

"Новое мироощущение" синергетики – принципиальная нестабильность мира, его открытость, непредсказуемость – похоже, есть во многом хорошо забытое старое. Не так ли и неандерталец переживал "необеспеченность" окружающего мира, свою острую зависимость от "неожиданностей", ведь за каждым кустом прятался либо кровожадный хищник, либо, напротив, что-нибудь убегающее и съедобное? Лишь тысячелетия спустя (условно говоря, к античности) человек обрел не только инструментальную силу, но и психологическую уверенность, запечатлев и природу, и общество в неких "незыблемых" ("статичных") логических формах. Ныне, на новом витке, выбор между двумя типами отношения к миру: его открытостью, немыслимой сложностью и преисполненностью "сюрпризами", с одной стороны, или обеспеченной замкнутостью, логической простотой и стабильностью, с другой, – есть выбор и психологической, исследовательской установки, т.е. является априорным. Мы отдали предпочтение второй позиции.

Избранная автором точка зрения, конечно, может быть признана эпатажной, между тем она ничуть не менее оправданна, чем синергетическая. Альтернатива в изрядной степени совпадает со второй антиномией Канта. Напомним: "*Тезис*: Всякая сложная субстанция в мире состоит из простых частей, и вообще существует только простое или то, что сложено из простого. *Антитезис*: Ни одна сложная вещь в мире не состоит из простых вещей, и вообще в мире нет ничего простого" [148, с. 272-273]. Для того Кант и строил свои антиномии, чтобы показать: утверждения подобного сорта в равной мере обоснованы и недоказуемы. В том числе, считать общество сложным объектом или, напротив, элементарно простым – вопрос рационально неразрешимый, и выбор осуществляется посредством волевого, логически

произвольного акта. Однако после того, как выбор совершен, тем самым избрана установка последующего исследования. После Канта ссылаться на "очевидную" сложность современного социума, как минимум, неприлично – в неменьшей мере "очевидно" диаметрально противоположное.

Читателя мог также насторожить использованный способ оперирования с революциями как с чем-то само собой разумеющимся и рядовым, тогда как они – всегда "особые точки истории", всегда – "исключение". Такой способ отчасти обусловлен принятой точкой зрения: всякий раз мы занимали мысленную позицию, соответствующую уже состоявшейся ("законченной") революции, даже при прогнозировании (что будет, если произойдет еще одна?). То, что уже произошло – автоматически "само собой разумеющееся".

Надеюсь, не вызвало недоумений, почему закономерности означенного типа включаются лишь в период новейшей истории. На предшествующих этапах государство и власть еще мифологизированы, отсутствует и самостоятельный феномен общественного мнения, самосознания. Напротив, в последние века наблюдается стремительный рост образованности населения (грамота, счет), приобретают активность и массы, перерезавшие пуповину своей психологической зависимости от традиционных, "данных Богом" порядков. Возрастает самомнение научившегося рассуждать большинства, которое отныне считает возможным и даже необходимым не безоговорочно подчиняться, а выстраивать общество под себя ("народ – суверен"). "Под себя" означает "под свои представления", а таковые обладают выраженным рациональным компонентом, наипростейшим при этом. На патриархальной стадии подобные условия еще не существовали. Время от времени разражались бунты, но, во первых, они обычно оказывались далеки от рационально поставленных целей, во-вторых, коллективная память о них обретала форму преданий, почти сказок и мифов. У рациональной, прогрессивно рядоположенной последовательности в таком контексте практически не было шансов возникнуть. Новейшее время – это эра не только революций, но и идеологий. Более детальный анализ заставил бы упомянуть и об индустриализации (переходе от традиционного крестьянского труда к рациональному фабричному), об урбанизации (росте очагов с высокой плотностью населения, оторванного от корней), о росте коммуникаций и т.д.

Подход к политической истории через числа, через имплицитную логику, конечно, не претендует на исчерпывающую полноту. Однако если он, хотя бы отчасти, работает, это

позволяет по иному взглянуть на движущие механизмы общественной саморегуляции и внести еще одну рациональную краску в представления о природе современного общества. Предметом настоящей главы, как и первой, служила одна из разновидностей закономерностей, относящихся к "внутренней грамматике" модернистского социума, т.е. к той области коллективного рационального бессознательного, которая в целом – см. раздел 1.6 – на 80% предопределяет состояние социума.

Перед тем, как поставить окончательную точку в главе, напомним и об идущей несколько веков острой дискуссии о функции общих законов в истории. Две крайние позиции: 1) такие общие законы отсутствуют, ибо объекты истории единичны и уникальны (см. раздел 1.4), 2) по степени обязательности и универсальности исторические законы не уступают таковым в естественных областях (см., напр., [94]), – в равной мере не подходят к материалу, рассмотренному в настоящей главе. Прежде всего, в качестве предмета исследования были избраны не столько исторические *события*, сколько *состояния*, т. е. обобщенные характеристики социумов, переживших то или иное количество бифуркаций. Состояния лишь косвенно связаны с группой событий, описывая их "интегральные", осредненные семантические свойства. Подобная операция осреднения (наряду с генерализацией) априори лишает исследуемые объекты – социумы и их революции – единичности и уникальности, т.е. первая из упомянутых точек зрения превращается в заведомо нерелевантную. При этом, однако, мы вряд ли попадаем и в поле действия второй, ей полярной: полной детерминации, аналогичной естественным отраслям. Дело не только в принципиальной ограниченности объема исторического материала: прецедентов социумов эпохи масс, их революций, – и в невозможности ставить искусственные эксперименты. Выборку из полутора десятков примеров едва ли признает репрезентативной практически любая из естественных наук. Причины, по которым обнаруженные закономерности не вправе претендовать на полностью необходимый, общеобязательный статус, заключаются и в другом. Будучи простейшими рациональными по существу (натуральные числа), приведенные закономерности попадают в генетически архаическую область, заставляющую вспомнить о науке на самых ранних этапах развития – еще дескриптивной, только систематизирующей видимые феномены. Оттого мы настаиваем не на законах, а на закономерностях, правилах, из которых, вообще говоря, допустимы исключения. Впрочем, на таком же эпистемологическом уровне останавливается и то, что часто

принято считать общими историческими законами: будь то историческая диалектика Гегеля (тезис – антитезис – синтезис, закон отрицания отрицания) или марксистский список четырех формаций цивилизованного общества (рабовладение – феодализм – капитализм – коммунизм). В гл. 1 мы постарались показать имманентно-логический, до- и внеэмпирический и, значит, спекулятивный характер подобных трехчастных и четырехчастных концептуальных схем. Их главная функция – облегчать процесс систематизации и описания разнообразного эмпирического материала. В конечном счете сходная функция и у закономерностей с последовательными номерами революций, помогающих совладать с той "миллионноголовой гидрой эмпирики", о которой, вслед за Гете, говорил Х.-Г.Гадамер [89, с. 120]. Числовые структуры неразлучны с сознанием исследователей, но также и с их предметом – политическим процессом эпохи масс.

Примечания

1 См. и другие эквивалентные классификации: либерализм – консерватизм – социализм, либерализм – марксизм – национализм.

2 Большевистская пропаганда не уставала напоминать о количественном факторе: см., напр., закрепленное за бывшей столицей Санкт-Петербургом /Петроградом/ Ленинградом гордого звания "город трех революций".

3 Окончательное завершение – 1870 г., когда к Итальянскому королевству присоединяется Рим.

4 Хронологическое замечание: напомним, что юноша Достоевский посещает социалистические собрания, кружок М.В.Петрашевского практически синхронно с французской революцией (в 1847 – 49 гг.), и именно с этих пор соответствующая тема отбрасывает тень на все его творчество.

5 Физические же объекты, явления – если они не интерпретированы в духе маховских "элементов" – лишены психической составляющей, способности представлений. Логика накладывается на них извне: таков способ нашего отношения к физической реальности, упорядочивания эмпирического материала.

6 Едва ли пристало повторять то, что общеизвестно: "зеленые" имплицитно воскрешают пантеон дохристианских божеств, духов рек, озер, морей, лесов и полей, местностей и растительности, а рок-культура корреспондирует с оргиастическими культами, дожившими до современности, скажем, в Африке.

7 Фактически Реставрация мало что изменила во Франции. Воспользуемся словами Е.Тарле: "Все осталось на месте – так, как учредил Наполеон . Полиция в Париже доносила в своих тайных рапортах Людовику XVIII, что, по общему мнению, Наполеону, когда он вернется, решительно ничего не надо будет менять; он застанет все в порядке, только пусть захватит с собой в Тюильри свой ночной колпак".

8 В нашем случае: и демократические, и авторитарные.

9 Макробий, со своей стороны. добавляет: "С появлением числа два рядом с Единым появляется Иное". Ср. "правящая партия – оппозиция" в отдельных странах или "Запад – Восток" в мировом сообществе после двух бифуркаций.

10 "Совершенством" после трех революций объявляли себя СССР, нацистская Германия, Италия Муссолини и Франция

Наполеона III. По итогам нынешней глобальной трансформации весь мир, как полагают нынешние властители умов, должен слиться в тотальном консенсусе, горячо благодаря своих бесстрашных и бескорыстных освободителей.

11 Об устойчивости, самосогласованности модели М = 3 см. раздел 1.3.

12 По отзыву Черчилля, Сталин принял Россию с сохой, а оставил с атомной бомбой.

13 Ныне это Германия, Австрия, Италия, Франция, Лихтенштейн.

14 К упоминаниям, часто критическим, "англосаксонского позитивизма" прибегают многие авторы, в частности Х.-Г.Гадамер [89].

15 Почти по Пушкину: "Тьмы низких истин мне дороже нас возвышающий обман".

16 Теперь, похоже, включился ее комический перевертыш. Былой пионер промышленных и политических революций, британский лев, постарев, выдохся и поотстал, нуждаясь в буксире со стороны США и ЕС. Даже сохраняющие пока самые передовые позиции США вынуждены опасливо озираться на наступающую на пятки континентальную Европу или, еще обиднее, на несущуюся на всех парах КНР, еще недавно абсолютного аутсайдера. Сформулированная несколько десятилетий назад в англосаксонских странах снисходительная модель "догоняющего развития" (догонять-то приходится "им" – скажем, Германии, России, Китаю, даже французам, – а не "нам", англосаксам) теперь на деле оборачивается необходимостью "убегающего развития". Соперники дышат в затылок, и приходится прибегать к искусственным, государственным (строго говоря, нелиберальным, нерыночным) мерам, прикладывать все больше замысловатых усилий, чтобы сохранить некогда завоеванные рубежи. Нидерланды же с их двумя революциями теперь не без зависти смотрят на соседку Германию, не мысля себя вне континента ЕС. Изменение обстановки не может не сказываться на общественных настроениях.

17 Обсуждая злободневную тему, В.Б.Пастухов также отмечает: "Запад любит не албанцев, а себя, а еще больше – либерализм в себе. Недаром новое издание крестового похода против "зла и варварства" возглавили "принципиальные" либералы Клинтон и Блэр", – и цитирует вопрос Н.Фергюссона в "Файнэншл Таймс": "Почему именно возвышенные либералы постоянно вовлекают нас в мессианские войны?" [там же, с. 119]. Или: "Похоже, что "мировые светила" забыли о "больном". Дело уже не в косоварах, а в принципе" [с. 118]. По словам Т.Блэра из

той же статьи в "Санди Телеграф": "Мы должны иметь железную волю, чтобы пройти это до конца."

18 Еще в 1993 г., упреждая упомянутые события, авторы аналитического доклада Института США и Канады РАН утверждали: "Переставший быть биполярно зарегулированным мир 90-х годов, по-видимому, испытывает потребность в силовом управлении едва ли не в большей мере, чем нуждался в нем "ялтинско-потсдамский порядок" с 1962 по 1991 год" [332].

19 По признаку предрасположенности к своевременной модернизации иерархию христианских конфессий обычно выстраивают так: наиболее высокую адаптируемость, потенциал перемен демонстрирует протестантизм (М.Вебер), исторически новый продукт; на втором месте – католичество, которому неоднократно приходилось прибегать к новациям, в частности к введению новых догматов. Наиболее трудно реформируемым на их фоне считается православие, которое в качестве "ортодоксии" сознательно ставит задачу соблюдения в чистоте завещанных Отцами Церкви устоев веры.

20 Например, недавний канцлер Германии Г.Коль так описывал современное международное разделение ролей: "Итальянцы придумывают новые политические идеи, французы их формулируют, а немцы блюдут".

21 Конечно, не только французы, но и представители других континентальных государств демонстрируют способность создавать дистанцию между идеальным миром и приземленным реальным. Чего стоит, к примеру, предложенное глубокомысленным М.Хайдеггером противопоставление истины результатам науки. Но в данном случае речь все же о Франции.

22 При этом, правда, ограничены институты прямой демократии: референдумы в масштабах страны, в отличие от Веймарской республики, не допускаются.

23 В совпадениях доходит до комизма. Так, Франция после четвертой революции (см. выше Салтыков-Щедрин) довольна, что заняла "надлежащее" место в концерте европейских держав, но предмет вожделений и современной России – "надлежащее" место в концерте держав мировых. Француз-буржуа был твердо уверен, что национальное экономическое благополучие успешнее покорит мир, чем французское оружие, таково же кредо и новых русских. Россия ныне погружена в атмосферу афер и скандалов, ничуть не уступающих по масштабу Панамскому. "Республикой без республиканцев" именовали тогдашнюю Францию? Но Россия сегодня – "демократия без демократов".

24 В обоих названных государствах, как и в России в 1993 г., наблюдается острый системный конфликт между президентом и

парламентом. Подоплекой очередного правительственного кризиса в Молдове наблюдатели считают "намерение Петра Лучинского изменить ныне действующую конституцию и перевести республику из режима полупрезидентской в президентскую" [82]. По итогам майского референдума 1999 упомянутая трансформация с одновременным сокращением объема полномочий парламента приблизилась как никогда (речь идет об увеличении срока правления президента с четырех лет до пяти, о наделении президента исключительным правом назначения и увольнения главы правительства и министров, роспуска парламента, плюс о сокращении количества депутатов со 101 до 70 [408]). В свою очередь, в Украине избранный на второй президентский срок Л.Кучма вскоре назначает референдум по недоверию парламенту. Гражданам Украины предлагается высказаться по вопросу существенного расширения полномочий президента, ограничения таковых у парламента, а также об изменении формы принятия конституции [266]. Любопытно, что параллельно европейское сообщество предпринимает попытку остановить обладающую характерным душком третью подбифуркацию в Украине. На сессии Парламентской ассамблеи Совета Европы в начале апреля 2000 г. Украине выносится строгое предупреждение, граничащее с ультиматумом: если в результате референдума 16 апр. 2000 г. будет изменена конституция страны, Киеву грозит исключение из Совета Европы. "Что такого криминального, антидемократичного предусматривает задуманная президентом реформа конституции? Что так возмутило депутатов ПАСЕ? Усиление полномочий главы государства? Сокращение числа парламентариев с 450 до 300? Отмена депутатского иммунитета? Право президента при определенных условиях распускать Верховную раду?" – прибегает к вопрошающей риторике русский журналист, не усматривающий в победе авторитарности, ущемлении прав парламента ничего ненормального и предосудительного [400]. 80% украинских избирателей одобрили на референдуме приоритет президентской власти над парламентской [302], т.е. зеленый свет перед третьей подбифуркацией все же загорелся. Читателю не составит труда сравнить тенденции в двух названных странах с результатами третьей подбифуркации в России: радикальным перераспределением власти в пользу президента в ущерб законодательной ветви.

25 Не следует сбрасывать со счетов, что – в отличие от радикальной интеллигенции – большинство населения не так быстро избавлялось от ортодоксально-коммунистических настроений и взглядов. На Хрущева многие были в обиде за

"несправедливые" разоблачения, стало стереотипным представление о нем как о поверхностном, своевольном лидере, что подпитывалось и его действительными поступками. Ностальгия по "порядку", "твердой руке" и по "вере" давала в массах знать о себе. Смена Хрущева была воспринята большинством с облегчением, и, поскольку мы заняты климатом в обществе в целом, а не только в узких интеллигентских кругах, переход к "консервативному" этапу соответствовал наличному момент состоянию, был шагом навстречу советскому большинству.

26 На 56 млн. населения здесь приходится 4 млн. госслужащих (т.е. один на 14 человек). Для сравнения, в Швейцарии 25 тыс. федеральных чиновников при населении немногим более 6 млн. (один на 240 человек); в Японии – менее 500 тыс. госслужащих на 124 млн. населения (один на 248 чел.); цифры взяты из работы [423, S. 131]. Не станем выяснять, какой из факторов в таких случаях является ведущим: количество пережитых революций оказывает влияние на размеры административного аппарата или, наоборот, укорененные этатистские традиции (при известной самоценности и консерватизме госаппаратов) сказываются на том, что страна переживает одну революцию за другой, будучи не в состоянии их остановить. Возможно, это задача "о курице и яйце", т.е. следует говорить о положительной обратной связи. Наши цели ограничиваются исключительно констатацией.

27 Акт смены мышления и установок, как всегда, не остается в рамках собственно политики, проникая во множество специализированных областей, и вот уже, скажем, управляющий директор Software AG в России и СНГ С.Е.Сигарев говорит о наблюдающемся в мире возврате к старой идеологии в сфере информационных технологий: от PC и сетей к сверхбольшим ЭВМ, адаптированным к работе с колоссальными базами данных (на последнее делали ставку Госплан и отраслевые гиганты бывшего СССР, но нарастающая потребность в этом – и у новейших западных монополий) [293].

28 Третья политическая бифуркация в мире, по-видимому, закрепляет итоги идущей глобализации экономики, унификации информационного пространства, а также падения значения национальных границ (национальное самосознание, самоопределение – достижение исторического либерализма). Напротив, в период четвертой революции на пространствах бывшего СССР, в Чехословакии, Югославии проходит процесс национального самоопределения.

29 Для сравнения, см. выше, тринитарный паттерн служил

предпосылкой повторения свойств бифуркаций через одну, согласно схеме "тезис – антитезис – синтезис", 1 – 2 – 3.

30 Луи-Филипп, сын Филиппа Эгалите, ставшего во время Великой революции "народным герцогом" и отказавшегося от титула, в молодости вел трудовую жизнь учителя, отправил своих детей в коллеж вместе с детьми третьего сословия. Король проводил большую часть времени в рабочем кабинете, в свободное время прогуливался по Парижу, болтал с рабочими за стаканом вина. Свои деньги он вкладывал в британские ценные бумаги, убежденный в непреходящей крепости экономики Англии. К сороковым годам во Франции заканчивался промышленный переворот. Таким образом, в "некоролевском" образе короля, в возросшей степени уверенности французской буржуазии в будущем находила-таки отражение специфика вторых революций, пусть и не столь отчетливо, как в других государствах.

31 Политические процессы обладают своей жесткой, не зависящей от времени логикой, и Николай II, как и Б.Ельцин, опасался сильных премьер-министров: Витте был отправлен в отставку из-за подозрений, что он хочет стать первым президентом России, сгущались тучи и над Столыпиным перед тем, как тот был убит.

32 Вряд ли случайно то, что Россия еще не проигрывала крупных войн, хотя нередко начинала с поражений. Проигрыш "холодной войны" объясняется тем, что она была "холодной" и всерьез ее население не воспринимало. Напротив, не было благодушнее в целом обстановки в стране, чем в разгар "холодной войны", в период "брежневского застоя".

33 Детерминативы активно использовались в ряде древних систем письма, см., напр., [350]. В египетской и хеттской иероглифике, шумерийской и хеттской клинописи детерминатив – не произносимый при чтении знак, являющийся показателем класса, к которому принадлежит слово. В нашем случае речь также идет об архаических по генезису сущностях (счет, число); "непроизносимости" соответствует то, что знание о порядковом номере революции обычно остается за порогом сознательного внимания. В явном виде детерминативы до сих пор сохранились, например, в нотной грамоте: музыкальные ключи. Без подразумеваемой апелляции к детерминативам не обходится и в современных языках: так, без них не удалось бы различать омонимы (ср.: "три" – число и "три" – повелительное наклонение глагола "тереть"). В настоящем контексте имеются в виду политические детерминативы, относящиеся к грамматике политической истории как "текста" и задающие стиль

политического режима вплоть до момента, пока не состоится еще одна революция, т.е. не будет выставлен другой детерминатив.

34 Такие вещи действительно выглядят не столь уж и важными: революции начинаются, когда у сторонников нового есть шанс победить, т.е. в условиях примерного равенства сил между революционерами и контрреволюционерами. Если верх одерживают сторонники нового, они развивают свой успех до той грани, пока не почувствуют глухого, но твердого отпора со стороны общества, иначе вновь поднимет голову контрреволюция. Если же властям удастся подавить революционеров, то практически сразу приходится идти на реформы – в противном случае вспыхнет рецидив революции (ср. известное правило королей: "бунтовщиков – повесить и выполнить то, что они требовали"). Таким образом, конечный результат революции – для общества в целом, а не для самих "игроков" – не так уж существенно зависит от того, какой из лагерей надел на себя венок победителя. Всякий раз находится равновесие между старым и новым, – то равновесие, которого не хватало политическому режиму в самый канун революции. Поэтому, в частности, не стоит строить иллюзий, что если бы знамя победы в Гражданской войне в России перешло от "красных" к "белым", страна избежала бы ужасов тоталитаризма. Третьи революции "мазаны одним миром", и для подавления восставшего плебса и примкнувших к нему левой интеллигенции, "инородцев" пришлось бы развязать белый террор. Россия все равно получила бы кровавую диктатуру, пусть и выкрашенную в другие идеологические тона, например, как в Германии, националистические. Главная беда, как не раз было замечено, в том, что революции начинаются, что до них доводят, а последствия во многом предопределены.

Начало формы
Конец формы

Глава 3. Золотое сечение и другие пропорции

В настоящей главе предстоит проверить гипотезу об еще одном проявлении элементарно-математических навыков социума в современной, или относительно современной, политике. На сей раз предметом исследования станет численное соотношение между "размерами" – "объемами" или "весами" –

таких парных субъектов как послевоенные Запад и Восток (США и СССР), РСФСР и группа нерусских республик в бывшем СССР, Англия и неанглийская часть Соединенного королевства Великобритании и Северной Ирландии, электораты правящей партии и оппозиции в биполярных партийных системах и ряд других.

В данном случае, в отличие от закономерностей двух предыдущих глав, речь пойдет не о целых числах, а о дробных, и в обращении не обязательно точных, а приближенных. Два класса таких величин умели различать еще в древности. Скажем, площадь комнаты: 22 м2, точнее 22,35 м2, еще точнее 22,347 и т. д., – не может быть абсолютно точно измерена, что, однако, не мешает на практике. Совершенно иначе обстоит, например, с размерностью физического пространства: в классических рамках она равна трем, и не приблизительно, а абсолютно строго (не 3,1, не 3,01 и т.д.). Следуя пифагорову различению, можно сказать, что в центре внимания настоящей главы не арифметический ("логистический"), а геометрический аспект реальности, хотя, как минимум, со времен Леонардо Пизанского (XIII в.) над логической пропастью между арифметикой и алгеброй, с одной стороны, и геометрией, с другой, возведены довольно прочные, хотя и висячие, мосты.

3.1 Теоретическая модель. Послевоенное мировое сообщество: США и СССР

Послеялтинский мир отличался, как известно, биполярной структурой. К 1960-м гг. в нем установился военно-стратегический паритет, политическое и идеологическое равновесие между демократическим, капиталистическим Западом, с одной стороны, и тоталитарно-коммунистическим Востоком, с другой. Вслед за Второй мировой войной, помимо формирования двух названных лагерей, состоялся процесс бурной деколонизации, приведший к образованию новых независимых государств и организации в 1961 г. Движения неприсоединения. Несмотря на перманентную "холодную войну" между двумя активистскими блоками, это было достаточно стабильное, устойчивое устройство, позволившее не только избежать глобальной катастрофы, но и на протяжении полувека поддерживать приемлемый порядок в реальности и в умах. Каждая из двух сверхдержав стремилась расширить свою зону влияния за счет другой, но вскоре установился относительный гомеостаз, или динамическое равновесие. Какие факторы ответственны за результат "дележа"?

На первый взгляд, подобных факторов множество, и позитивная мысль предложит сложную комбинацию из экономических, технологических, природных (географическое положение, сырьевые запасы, климат, почва), демографических показателей, состояния вооруженных сил и степени эффективности дипломатии. Мы же попробуем испытать совсем другую – значительно более элементарную, "редукционистскую" – гипотезу. А именно используем предположение, что итог разделения сфер влияния между двумя активистскими субъектами зависит главным образом от свойств их *базовых ценностей, целей*, от того, что они *на самом деле* (а не только декларативно) хотят. Что произойдет, если механизм деления окажется таковым? Здесь, к счастью, возможна количественная оценка.

Введем обозначения. Пусть a – характеристический объем первого из акторов, или субъектов, b – второго. Пусть, кроме того, c – суммарный объем. В данном случае под ним понимается полная совокупность стран, вовлеченных в процесс разделения.(1) Автоматически справедливо: $a + b = c$.

Вопрос о выборе конкретных критериев, согласно которым

определяются величины характеристических объемов (т.е. что именно признается такими объемами), должен решаться отдельно для каждой задачи (для каждой пары акторов, каждой эпохи), и такой выбор должен отвечать сути происходящего. В качестве руководящего принципа можно принять: критерии таковы, какими их считают оба действующих субъекта, в их основе – ведущие ценности, предмет стремлений обоих активных участников. Подобное правило, заметим в скобках, созвучно пушкинскому предложению судить художника по законам, им самим над собой поставленным и признанным, т.е. сводится к требованию *имманентности* упомянутых законов, критериев. Сходным образом мы собираемся судить тех, кто задает правила игры в политическом мире.

Так, в аграрную эпоху, когда базовой ценностью, главным предметом политических и экономических вожделений стран служили земля и рабочие руки, за характеристические объемы должны быть приняты площадь территории и численность населения. Затем центр тяжести интересов стал смещаться в сторону источников сырья, рынков сбыта, объема промышленной продукции. В статье "Неясность национального интереса" Ф.Фукуяма отмечает: "В начальные периоды промышленной революции мощь государства в основном определялась территорией, ресурсами и населением. Было естественным для того времени, чтобы борьба в мире шла за обладание именно этими вещами ‹…›. Однако в условиях современной постиндустриальной глобальной экономики основной источник добавленной стоимости заключается в технологических нововведениях и человеческом материале ‹…›. Природные ресурсы, численность населения и размеры территории играют крайне незначительную роль для способности современной экономики производить огромные объемы материальных благ ‹…›. Сегодня основной "национальный интерес" буквально любой страны заключается в поддержании уровня роста производительности труда и дохода на душу населения".(2) Итак, всякий раз – в зависимости от конкретного исследуемого явления или самостоятельного аспекта явления, от особенностей принятой к исследованию эпохи – характеристические объемы обладают своей собственной "физической" размерностью, различны и способы их определения. К данному вопросу придется еще не раз возвращаться.

Рассматривая величины a и b (для краткости будем использовать те же обозначения и для действующих субъектов, а не только описывающих их значений), обратим внимание на следующее. Во-первых, a и b должны мыслиться и ими самими, и

нами, исследователями, не только как оппозиционная, конфронтирующая, но и как *неразрывная* пара. Нечто общее им обоим – в актуальных ценностях, интересах – должно обеспечивать их прочное единство, невозможность оторвать один от другого.

Ситуация не надуманная. Так, коммунистическая Россия с тех пор, как рухнули надежды на скорую всемирную революцию, противопоставляла себя всему капиталистическому окружению – в полном соответствии с марксистской доктриной: пролетарская идеология антибуржуазна, это идеология *борьбы*, а всякой борьбе без противника не обойтись. Аналогично, и реальный феномен, и понятие "Запад" – результат противостояния красной угрозе и ее основному очагу, Советской России. Т.е. Запад, в свою очередь, исходно идентифицировал себя, обосновывал свою межнациональную солидарность на базе антикоммунизма, антисоветизма; любое "анти" предполагает наличие отрицаемого. (3) Таким образом ни Запад, ни Восток не мыслили себя тогда друг без друга. Пара представлялась неразрывной, ее объединял не только общий индустриализм (в буржуазной или пролетарской модификации), но и прочная сочлененность во взаимном отрицании, в самой дихотомности.

Во-вторых (второе условие настоящей модели), пусть оба субъекта – a и b – обладают отчетливыми экспансионистскими намерениями, стремлением, насколько возможно, расшириться за счет другого. (Говоря об экспансионизме, мы по-прежнему имеем в виду определенное качество общественных ценностей, целей, наступательность идеологий, а не военную агрессию, которая может быть лишь второстепенным, вспомогательным средством, а то и вовсе отсутствовать. В рассматриваемом сейчас случае одновременное обладание двумя сверхдержавами, двумя лагерями огромными арсеналами ракетно-ядерного оружия как раз и служило взаимному сдерживанию, внушало обоюдную ответственность, т.е. являлось еще одной – "негативной" – предпосылкой взаимной неразделимости и зависимости.) Применительно к Западу и Востоку корректность этого условия очевидна. Восток был не чужд глобализма, ибо не предал забвению идеалы мировой революции, усматривая свою всемирно-историческую цель в осуществлении предсказаний Маркса о конечном коммунистическом будущем всего человечества. Запад (в послевоенный период прежде всего США) представлял свою миссию в активном отстаивании ценностей либерализма, демократии, свободного рынка по всей планете. Расширение ареала свободы, утверждение идеалов американской революции, отцов-основателей Америки в возможно большем

количестве стран казалось достойной задачей.

Поскольку субъекты *a* и *b* не мыслили себя в отрыве друг от друга, постольку каждый из них не мог получить в той ситуации действительно всё, т.е. "весь мир" *c*. Приближение к единоличному мировому господству в том историческом контексте означало бы не только истощение потенциала борьбы, но и поставило бы под вопрос смысл каждого из двух блоков, его идентичность. Противостояние должно было оставаться достаточно острым – во имя как поддержания тонуса обоих соперников, так и сохранения лидирующего положения каждой из сверхдержав в собственном блоке в роли основного гаранта его безопасности. Итак, каждый из участников *a, b* получает в свое распоряжение отнюдь не весь объем *c*, а только некую его часть. Но какую?

Для определенности будем считать, что *a* – это Запад, или США, а *b* – Восток, или СССР, и повторим вышевыдвинутую гипотезу: каждый получает согласно своим действительным, а не декларативным, намерениям. При этом важно заметить: США и СССР стремились к мировому господству существенно по-разному. Нет, речь не о степени серьезности таких устремлений (мы полагаем их вполне серьезными у обеих сторон), а несколько о другом – об отношении каждого из субъектов, или акторов, *к самому себе* в процессе проведения экспансионистской политики.

Если послевоенному Западу вообще и США в частности отвечали демократические режимы, то в каждый избирательный цикл властям приходилось как бы заново завоевывать население собственных стран, бороться за симпатии и доверие избирателей. В промежутках между выборами также немыслимо игнорировать общественное мнение, позицию свободной прессы. Иная ситуация типична для тоталитарного Востока. "Исторический выбор" народов был совершен здесь "раз и навсегда". Единоличная власть КПСС была "навечно" закреплена сначала фактически, а затем и конституционно. Таким образом, в "государствах рабочих и крестьян", "народных демократиях" не было необходимости ставить на карту политических выборов вопрос о принадлежности власти в стране. Соответственно, не было необходимости всякий раз заново добиваться доверия собственного населения, считаться с неартикулированным и невнятным общественным мнением. Если поведение политической элиты руководствуется формулой "что мое, то мое, и навеки", это означает очевидное пренебрежение собственным населением; страна, получается, как бы не ценит сама себя, не является для себя желанной, вожделенной. Совсем иначе, повторим, обстояло в США, интересы населения которых вполне реально, а не декларативно, ставились

выше любых других интересов и ценностей; страна была неизменно любимой собой, желанной для своей политической элиты, ее электорат – наградой для ведущих политических группировок.

Если воспользоваться житейской параллелью, сравнительное положение в двух лагерях было следующим. Пусть два физически здоровых мужчины делят в своем специфическом внимании ограниченную группу женщин (чтобы не задеть феминисток, они вправе зеркально перевернуть ситуацию). Вообще говоря, каждый из активных мужчин стремится одержать как можно больше побед. Но при этом один просто хочет получить в свое распоряжение как можно больше, а другой не без известных резонов считает: "Нужно покорить как можно больше *новых* женщин. Зачем мне тратить лишние силы и продолжать ухаживать, например, за собственною женой, ведь она и так уже есть?" К чему приводит подобная самонадеянность? – Приступим к расчетам.

Субъект a, в данном случае США, действительно получает сообразно собственным экспансионистским намерениям, т.е. величина a прямо пропорциональна c ("Америка хочет подмять под себя весь мир"). Величина b также определяется экспансионизмом, но привычка не ценить то, что уже имеется, не включать обладаемое в состав вожделенного приводит к тому, что b прямо пропорционально не c, а только $(c - b)$. То, что уже захвачено, исключено из круга фактических целей. Итак, что у нас есть в итоге?

$$a \sim c$$
(1)

$$b \sim (c - b)$$
(2)

$$a + b = c$$
(3)

Значком тильда ($\sim$) обозначен факт прямой пропорциональности одной величины другой. В простейшем случае одинаковой связи между результатом и целью для двух субъектов a, b из выражений (1), (2) может быть составлена пропорция:

$$a / b = c / (c - b)$$
(4)

С учетом условия (3), т.е. $a = c - b$, получим:

$a2 = b\,c$

(5)

Математики в таких случаях говорят: величина *a* есть среднее геометрическое от величин *b* и *c*.

Исключим величину *b* из уравнения (5) с помощью подстановки $b = c - a$:

$a2 = (c - a)\,c.$

Раскроем скобки и перенесем все члены в левую часть:

$a2 + ac - c2 = 0.$

Разделив правую и левую части уравнения на *c 2*, получим

$(a/c)2 + (a/c) - 1 = 0.$

(6)

Для удобства обозначим отношение *a/c* через *x*. Уравнение (6) тогда перепишется в форме:

$x2 + x - 1 = 0$

(7)

Решениями квадратного уравнения являются

$x\,1, 2 = (- 1 \pm \sqrt{5}) / 2$

(8)

Один из двух корней *x*1, *x*2 по модулю больше единицы, а по знаку отрицательный ($x = - 1, 618$), т.е. в данном случае не имеет реального смысла: часть *a* не может быть больше целого *c*, их отношение всегда меньше единицы. Этому отношению запрещено быть и отрицательным, ибо все характеристические объемы, а значит, и частные от их деления, величины заведомо положительные. В таком случае остается лишь один значимый для нас корень:

$x = a / c = (\sqrt{5} - 1) / 2$

(9)

Доля величины *a* в составе целого *c* выражается величиной (9), что отвечает золотому сечению [199, с. 123] и приблизительно составляет 0,62, точнее, 0,618.

Условие (5) может быть также представлено в виде

$a / c = b / a,$

(10)

что означает: отношение характеристического объема актора

a к объему целого *c* равно отношению объемов *b* и *a*. Т. е. величина *b* должна составлять 61,8% от величины *a* или 38,2% от целого *c*. Таким образом, хотя мы еще не знаем сами характеристические объемы *a, b, c*, численные соотношения между ними определены. Геометрическая схема выглядит следующим образом:

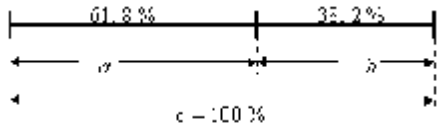


Рис. 3-1

где *a* составляет примерно 62% (точнее, 61,8%), а *b* – 38% (точнее, 38,2%) от целого.

Итак, выяснилось, что обыкновение одного из двух активных субъектов не ценить самого себя, вернее, то, что он уже имеет, не включать наличное в состав реально значимых целей, стремлений, приводит к тому, что он обречен отставать от соперника. Численное соотношение приведено. Это иллюзия – предполагать, будто мы экономим собственные силы, время, ресурсы, внимание, избегая "ухаживаний" за самими собой, за собственным – уже завоеванным – ареалом, будто в этом случае появляется больше возможностей, высвобождается больше средств для разного рода внешних, новых приобретений. Это явное заблуждение; такая стратегия, как мы убедились, проигрышна. К счастью, данный вопрос – не предмет зыбких гуманитарных дискуссий, в нашем распоряжении количественные оценки.

Интерпретацию исследуемой ситуации вовсе не обязательно проводить на языке игры с нулевой суммой: выигрыш одного равнозначен проигрышу другого. Тем более, что "проигрыш" второго субъекта в рассматриваемой модели не является полным, ему достается 38%- ная доля от целого. В данном случае, возможно, более адекватен несколько иной язык.

Психологи уверяют, что союз двух людей (семейный, дружеский, деловой) оказывается наиболее прочным, если, во-первых, их объединяют общие интересы и ценности. Во-вторых, если в рамках каждого общего дела, каждой общей ценности и задачи одна из сторон (не обязательно одна и та же во всех

вопросах) демонстрирует способность к уступкам, добровольную готовность принести в жертву конкретный собственный интерес, проявляя таким образом известное "самопожертвование". Нет, это не сумасшедший виктимологический альянс насильника и его жертвы, но скорее выверенная и выношенная внутренняя готовность "отдать свое" во имя ценности более высокого рода – прочности союза. "Самопожертвование" в данном случае, повторим, непринужденно, его главный мотив – не страх, а, наоборот, порой отчаянная, безрассудная смелость, граничащая с самозабвением. Подобная ситуация по-своему выгодна всем вместе и каждому в отдельности. Первому субъекту потому, что в результате он больше получает материально. Но и второй находит здесь повод для самоосуществления – не только получая свою конкретную, совсем не малую долю, но и приобретая право считать себя "великодушным".

Психологический язык всегда многозначен, и, чтобы рельефнее обозначить упомянутую особенность, воспользуемся все той же аналогией двух мужчин в ограниченной группе женщин. Состоявшееся там разделение, возможно, на самом деле наиболее удовлетворительно для обоих мужчин. Первый покоряет больше женщин, чем второй. Но и второго ситуация, в общем, устраивает, ибо по-настоящему его интересуют не все женщины, а только *новые*. Он и получает то, что действительно, а не декларативно, хочет. Способы толкований таких явлений могут быть разнообразными, но возвратимся для определенности к категории самопожертвования одной из активных сторон. В отношениях Востока и Запада наблюдалось нечто подобное.

Исповеданием коммунистического Востока был марксизм. Согласно аутентичным марксистским канонам, социализму предстояло прийти на смену капитализму прежде всего в промышленно развитых государствах, т.е. в Европе и США. Социализм – это общественный строй для стран самых развитых. Ленин привнес в это кредо кардинальные стратегические коррективы: пролетарская революция происходит вначале в "слабом звене", России, а затем перекидывается на более продвинутый Запад. Россия служит своеобразным "запалом", и перед лицом гигантских всемирно-исторических задач не столь существенно, что страна может "сгореть".

Наибольшим авторитетом в мировом рабочем движении до 1917 г. пользовались социалисты Германии, Австрии, Франции, Англии, но никак не России. Этот приоритет был признан и их русскими единоверцами. Сам Маркс полностью разделял распространенное тогда в Европе – в радикальных, либеральных, консервативных кругах – пренебрежительное отношение к

"азиатской" России и даже ненависть к ней ("реакционная нация"). И, что трогательно, марксизм был принят в России целиком, особенно большевистскою ветвью (включая и указанное отношение к стране). Россия была наделена самыми одиозными эпитетами: "жандарм Европы", "тюрьма народов", "шовинист и держиморда – чиновник", "азиатский способ торговли", неизжитая веками "татарщина". Благом для России стало считаться поражение в войнах: русско-японской, первой "империалистической". Даже среди "лучших", т.е. революционеров, привились идеи самопожертвования, собственной гибели ("Смело мы в бой пойдем за власть Советов И *как один умрем* в борьбе за это"). Впоследствии предстоит еще возвращаться к названной конститутивной особенности, пока же достаточно констатировать, что Ленин и Троцкий умело разыгрывали карту самопожертвования не только со стороны собственной партии, но и полагали вполне допустимым принести свою родную страну на алтарь социалистической революции, т.е. тому, что считалось благом для промышленно развитых стран. Для большевиков была абсолютно неприемлемой, например, точка зрения Бисмарка, который, хотя и прислушивался к голосу социалистических идей, полагая их не чуждыми интересам государства, но, познакомившись с работами Маркса, заметил: "Пусть этот эксперимент пройдет не в Германии, а в стране, которую не жалко". Напротив, в СССР и после Ленина высокие коммунистические идеалы и цели были приоритетными перед национальными, перед повседневными запросами населения. И страна, и люди служили средством, инструментом по отношению к поставленной сверхзадаче, сверхценности.

Таким образом, поставлен математический эксперимент. Всякая теоретическая модель требует эмпирической проверки, чтобы проконтролировать степень ее соответствия реальности, выяснить, справедливы ли лежащие в ее основании предпосылки. К этой процедуре теперь и приступим, сопровождая контроль комментариями.

Несмотря на достигнутый военно-стратегический паритет между Западом и Востоком, известный политический и идеологический баланс, Запад все же превосходил по реальному весу Восток: количество подведомственных Америке государств превосходило количество просоветских, первые в целом были богаче вторых. Даже в идеологическом плане – в мире больше стран склонялось к либеральной доктрине, а коммунистическая воспринималась как оппозиция. Приблизительное, качественное соответствие теоретической модели реальности, таким образом, обеспечено, но вряд ли это можно признать полноценной

верификацией модели. Для более репрезентативного, количественного сравнения уже не обойти стороной вопрос о конкретных характеристических объемах.

Предложенная теоретическая модель, как, вероятно, замечено читателем, является "статичной", или "квазистатичной", описывая конечное состояние гомеостаза логически однородной двухкомпонентной системы. Какому периоду отвечает фактическое равновесие между двумя сверхдержавами, блоками? – Военно-стратегический паритет был достигнут к концу пятидесятых – началу шестидесятых годов. К этому же времени послевоенное мировое сообщество приблизилось к своей политической зрелости: в частности, в 1961 г. образовано Движение неприсоединения, поддержавшее надежный глобальный баланс (см., напр., [312]). Значит, для наиболее адекватной проверки модели следует использовать данные с нижней хронологической границей конца 1950-х – начала 1960-х гг.

С другой стороны, в конце шестидесятых – начале семидесятых годов ведущие западные страны начинают переживать коренную трансформацию: в сфере экономики (структурная перестройка, обращение от экстенсивной к интенсивной программе, технологическая революция), политики (результат "студенческих революций" 1968 г., антивоенного, антирасистского, экологического движений), культуры (поп- и рок-культура, разнообразные молодежные течения – хиппи, панки и т.п.), в социальной области ("социальное государство", "народный капитализм", начало радикальных сдвигов в отношениях между поколениями и полами). Запад решительно вступал на дорогу от индустриального к постиндустриальному, "информационному" обществу, к новому образу жизни, к новой шкале целей и ценностей, тогда как Востоку удалось "подморозить" процесс собственной экономической, политической, социо-культурной трансформации (срыв экономической – "косыгинской" – реформы, "брежневская реакция", особенно после событий в Чехословакии 1968 г.). Таким образом, в конце 1960-х гг. индустриальный мир подспудно, но стремительно утрачивает свою недавнюю качественную, логическую однородность: одна его ветвь устремляется по постиндустриальному пути, другая остается в прежней индустриалистской, "экстенсивной" парадигме. Еще вчера единая система по существу переживает распад, вплоть до почти полного расхождения целей и ценностей двух ведущих частей. Следовательно, в качестве верхней хронологической границы для проверки модели целесообразно принять конец 1960-х гг.

Промежуток между двумя названными пределами отличается как относительной логической однородностью системы (и Запад, и Восток придерживаются индустриалистской, экстенсивной установки), так и ее зрелости, балансу.

Одним из наиболее строгих критериев национальной мощи в то время считался объем промышленного производства, его и уместно принять на роль характеристического объема. К сожалению, под рукой нет вполне надежной информации о соотношении объемов промышленного производства Запада и Востока в их целом в первой половине 1960-х гг., зато именно в этот – для СССР "хрущевский" – период было широко объявлено об экономическом соревновании двух сверхдержав и оказываются доступными соответствующие фактические данные.

Согласно цифрам Ежегодника Большой советской энциклопедии [125-63], объем промышленной продукции СССР составил в 1962 г. около *63%* от объема промышленной продукции США – при теоретическом значении (9): *62%*. В 1963 г. реальное соотношение возросло до 65% [125-64]. Абсолютное отклонение опытной величины от теоретической в первом случае составляет 1%, во втором – 3%, относительные, соответственно, 1,6% и 4,8%, что, согласно даже инженерным критериям, вполне удовлетворительно для натурного эксперимента. В последующих выпусках Ежегодника ни подобных соотношений, ни того, что позволило бы их вычислить, не приведено: вместе с началом брежневского периода экономическое соревнование СССР со США, очевидно, "закончилось".

На полях отметим: приближение послевоенной мировой системы к состоянию равновесия (к значениям, диктуемым законом золотого сечения) было буквально стремительным. Так, в 1953 г. объем промышленной продукции СССР составлял 33% от США, в 1957 – 47%, а в 1962, как сказано, – 63%. Т.е. несмотря на то, что в одной стране господствовала неэффективная государственно-социалистическая экономика, а в другой – частнопредпринимательская рыночная, СССР поразительно высокими темпами догонял США. Однако происходило это лишь до строго определенной границы, до названного соотношения между ними. Вскоре после этого мировая система вошла в полосу качественной трансформации: ее пик оказался и началом конца, что заставляет задуматься о силе и специфике действующих регулирующих механизмов. И заодно начать избавляться от ходульных идеологических клише: вроде того, что тотальная государственная собственность, плановая экономика априори уступают капитализму. Напротив, в конце 1950-х – начале 1960-х годов в либерально-консервативной среде на Западе начиналась

настоящая паника: коммунисты догоняют и вскоре обещают перегнать (судя по фактам, им можно верить), – а в интеллектуальных кругах Европы и Америки было модно щеголять левыми убеждениями (так продолжалось до 1968 г., до ввода советских войск в Чехословакию, через десятилетие – в Афганистан). В точке утраты впечатления морально-идеологической правоты СССР начинается его путь под уклон, впоследствии приведший к крушению. Однако в пик зрелости мировой биполярной системы и до начала ее кризиса ситуация отличалась своеобразной гармонией, что, в частности, и нашло отражение в ее подведомственности принципу золотого сечения.

Рассматриваемая теоретическая модель позволяет также прийти к определенным качественным выводам о предпосылках некоторых событий. Коснемся одного обстоятельства, а именно вопроса о Китае. В 1949 г. в этой стране победила коммунистическая революция – не без поддержки северного соседа. Почему же в конце 1950-х гг. были испорчены, а затем и разорваны отношения между СССР и КНР?

Невообразимо огромный Китай (по данным 1951 г. его население составляло 509 млн. чел. [388:II, с. 80]), присоединенный к любому из двух лагерей, резко изменил бы соотношение сил в его пользу. В качестве не только огромной, политически амбициозной, но и *аграрной*, страны, Китай нарушал и преимущественно индустриальный характер того блока, в который входил. Пребывание КНР в составе единого коммунистического лагеря вносило существенные искажения в организацию мировой системы, стержень которой составляло полярное противостояние двух *индустриальных* гигантов. Отличаясь крайне низким уровнем образованности населения (большинство было неграмотным, не говоря об отсутствии школьного математического образования),(4) вошедший в эпоху масс Китай не только контрастировал с государствами западного и советского блоков, но и опирался в процессе выработки собственной политики на совершенно иную систему мотивов, критериев. То есть к моменту достижения биполярной системой состояния зрелости, равновесия Китай должен был быть исключен из состава обеих ведущих сил: и Востока, и Запада. Случайна ли согласованность исторических сроков: обеспечение военно-стратегического паритета между СССР и США (баланс подтвержден завершившимися "вничью" Берлинским и Карибским кризисами 1961 – 62 гг.), образование Движения неприсоединения в 1961 г., приближение СССР по объему выпуска промышленной продукции к 62% от США, принятие принципа мирного сосуществования двух систем и разрыв политических

связей СССР с КНР происходят практически *одновременно*? В КНР в 1958 – 60 гг. осуществляется программа "большого скачка", нанесшая исключительный вред ее экономическому развитию, а в 1966 – 76 гг. протекает "культурная революция", отбросившая страну далеко назад (лишь позже, в совершенно изменившихся мировых условиях, в контексте нарастающего перерождения и кризиса биполярной системы – см. выше – Китай выходит на магистраль впечатляющего экономического развития).

На наш взгляд, вряд ли справедливы популярные обвинения в адрес Хрущева в будто бы присущем ему "волюнтаризме" в сфере советско-китайских отношений конца 50-х – начала 60-х годов (в том числе по поводу "неожиданного" отзыва из Китая советских специалистов в 1960 г.). В свое время разрыв был не только оправдан, но и необходим. Когда речь идет о судьбе и устройстве мира, о решающем соотношении сил между двумя ведущими блоками, вопросы такого значения и масштаба не могут зависеть от одного человека, независимо от его поста. (Отношения с Югославией у СССР в тот же период, напротив, нормализовывались, но это страна с другим весом, другой экономикой (индустриальной), с пристойным уровнем образованности населения.) Точно так же могут служить факультативными иллюстрациями, но никак не объяснением, свидетельства об изначально недоброжелательных настроениях Мао Цзэдуна в адрес СССР или о коллизиях борьбы за лидерство в мировом коммунистическом движении после смерти Сталина. Высшим политическим руководителям удается сделать лишь то, что им диктует и позволяет система, в противном случае им ничто не удается и/или они лишаются полномочий.

Конечно, по-своему знаменательной выглядит та исключительная легкость, с которой СССР пошел на разрыв с КНР. Всякому другому государству потеря столь сильного союзника предстала бы истинной трагедией, и было бы сделано все для ее предотвращения. Но обыкновение не ценить то, что имеется, служило, как мы помним, конструктивной, формообразующей чертой коммунистического СССР. КНР выпал из разделения сфер влияния между Западом и Востоком, что в конечном счете было выгодно тогда США, СССР, мировому сообществу в целом. Целевая, "финалистская" интерпретация необходимости и неизбежности разрыва связей между СССР и КНР зиждется, повторим, на известной общности типов общественного сознания в рамках западного и советского блоков, на определенном единстве критериев и оценок, на имманентности массовому сознанию элементарно-математических структур.

В заключение раздела целесообразно дополнить теоретическую модель. В математике задачи обычно решаются множеством способов, теоремы имеют несколько доказательств. Зачем их искать, ведь результат все равно один? – Дело в том, что каждый новый способ решения, доказательства, вывода позволяет понять нечто новое в задаче, теореме, формуле, обнаружить их прежде незамеченный смысл.(5) Сходным образом поступим и мы, приведя еще один вывод отношения золотого деления.

Вернемся к примеру капиталистического и коммунистического лагерей. С XVII – XVIII вв. свободный рынок, индустриальное производство, новая техника, интенсивный товарно-денежный оборот, изменившиеся общественные отношения – вся целостная система, впоследствии названная капиталистической, – активно распространялись из своего центра, Западной Европы, на другие страны. В XIX в. у Маркса этот строй обретает концептуально строгую дефиницию, и одновременно выдвигается задача его преодоления. Марксистский проект был изначально нацелен на промышленные страны, обладающие многочисленным пролетариатом, отличающиеся относительно высокой образованностью населения, изживанием патриархальности. Таким образом, если естественной целью капитализма являлось освоение всего мира c , то социализм выбрал в качестве мишени его капиталистическую часть (общее правило: социалистические революции происходят *после* буржуазных, в странах с развитой капиталистической экономикой).

Используя прежние обозначения: a – характеристический объем капиталистического мира, b – социалистического, c есть целое, – и опираясь на прежний ход рассуждений, приходим к следующему описанию результирующего равновесного состояния:

$$a \sim c$$
(11)

$$b \sim a$$
(12)

Откуда вытекает пропорция

$$b / a = a / c,$$

полностью повторяющая условие (10). Поскольку речь идет о разделе мира между двумя системами, постольку $a + b = c$. Налицо все условия для вывода уравнений (6), (7), соответствующих закону золотого сечения.

В данном случае оказалось достаточно предпосылки об

идеологической, целевой зависимости, *производности, вторичности* социалистического строя от капиталистического. Вторичности не только исторической (социализм возникает позже капитализма), но и по существу (отправной базой социалистических преобразований служит "переделка" капиталистических обществ). При таком способе вывода удается обойтись без категории "жертвы" (хотя латентно она все же присутствует, на что указывает прежний вывод). Таким образом, исходная доктринальная, политическая нацеленность социализма не на освоение новых областей (неидустриальные, феодальные страны), а на трансформацию индустриальных, обусловливает появление гармонической пропорции.

Это коррелирует и с раскрытым Ф.Хайеком контрастом в социально-экономических установках двух систем: либерально-капиталистической, с одной стороны, и коммунистической, с другой. Если в первой главный акцент ставится на производстве *нового* продукта, то во второй – на распределении и перераспределении *уже существующего.* Ситуация переносится, как мы видели, и на геополитику: социализм ориентировался на перераспределение зон влияния в мире, придав новый смысл и новые формы былому колониальному разделу (периферические попытки внедрения социалистической модели в таких доиндустриальных странах, как Монголия или Эфиопия, приводили к маловразумительным результатам; и даже официальная советская пропаганда не очень настаивала на новации о "прыжке из феодализма в социализм, минуя капиталистическую ступень", как все же противоречившей фундаментальным постулатам марксизма).

Доктринальной особенности социализма вполне отвечала и политическая стратегия СССР в мировой системе. Если США была присуща установка на "естественное" мировое господство, то СССР стремился догнать США, не уступить им. Не без резонов Мао Цзэдун упрекал Хрущева, что тот смотрит на Америку снизу вверх; упреки имели реальное основание. Другой вопрос, сколько в этой позиции СССР было личного, субъективного, и не коренились ли ее причины в объективном положении дел (еще Ленин любил пользоваться нормативным образцом США). Как бы то ни было, целевая "подражательная" привязанность обусловливала отношение $b \sim a$, в то время как главный лидер, США, был свободен от потребности подражания и шел к своей глобальной цели, так сказать, непосредственно: $a \sim c$, ср. условия (11) и (12).

Уже покидая послеялтинский биполярный мир и обращаясь к униполярному, Айра Л. Страус рассматривает соотношение ядра

экономической мир-системы и ее периферии. При этом на долю ОЭСР (Организации по экономическому и социальному развитию, состоящей из наиболее развитых государств) приходится *свыше 60%* мировой суммы ВНП [317, с. 38]. Ведущее положение ОЭСР в глобальной экономике на фоне менее продвинутой части, в свою очередь стремящейся подтянуться к лидерам, подтверждается и в цифровом выражении.

Для разнообразия элементы, подобные субъекту a из целого c, можно условно номинировать в качестве *доминантных*, а элементы b – *рецессивных*. Имеющий вкус к математике читатель без труда запишет все производные соотношения, эквивалентные пропорциям (4), (10), каждый раз обнаруживая очередные семантические оттенки систем данного класса.

Примечания

1 Nota bene: c – характеристический объем не всего мирового сообщества, а только той его части, которая была вовлечена в процесс разделения между двумя сверхдержавами, ибо некоторым государствам удавалось избежать опеки и той, и другой.

2 Независимая газета от 16 окт. 1992., цит. по: [144].

3 Ср. сходные явления: движение Контрреформации XVI в. отлично от предшествующего "нерасколотого" католичества; исторический консерватизм – продукт противостояния либерализму, реакция на его появление.

4 Вновь, как и в предшествующих главах, мы апеллируем к регулятивному статусу элементарных математических познаний, см. Предисловие.

5 Как писал Аристотель, доказательство выявляет сущность вещей, при этом вторая функция доказательства (выявление связей) не менее важна, чем первая, т.е. установление истины (см., напр., [142, с. 60]); новое доказательство нацелено на высвечивание новых граней, дополнительных связей.

3.2 Российская федерация в СССР. Англия в Соединенном королевстве Великобритании и Северной Ирландии. Чехия в Чехословакии

Не менее любопытный пример пропорциональности представляет собой бывший СССР. В этом случае также возможна количественная проверка модели.

В ходе революций, разрушивших Российскую империю, наблюдалось резкое повышение значения национального фактора. К империи был привит ярлык "тюрьма народов", на окраинах развернулись национально-освободительные движения, и существенная часть "инородцев" принимала активное участие в вооруженной борьбе в самой метрополии. СССР изначально устраивался и переустраивался согласно национально-федеративному ("союзному"), а не унитарно-губернскому принципу. Графа дореволюционных анкет "вероисповедание" в атеистическом государстве была заменена "пятым пунктом" – "национальность", внесенным и в гражданские паспорта. В отличие от самодержавной и постфевральской (после Февральской революции 1917) стадий, "национальное самоопределение" стало неотъемлемым компонентом официальной идеологии. Признак национальности, таким образом, превратился в один из ключевых в процессе государственно-политического строительства в СССР. При этом кампания против "великодержавного хамства", "великорусского шовинизма", характеризовавшая первый, "ленинский", этап революции, сошла вскоре на нет, сменившись более трезвыми представлениями .(1) Не секрет, что в "семье братских народов" один из них, а именно русский, оказался, по словам Сталина, "старшим братом" и что становым хребтом Союза служило его собственное государственно-политическое образование – Российская Федерация. Подобной внутренне-советской идентификации соответствовало восприятие извне: для Запада Советский Союз неизменно оставался "Россией" и "империей". В связи со сказанным, вероятно, не вызовет недоумений, что для советской государственной конструкции соотношение русского и нерусского, РСФСР и суммы остальных союзных республик являлось исключительно важным параметром, во многом ответственным за устойчивость всей системы в целом.

Здесь вряд ли конструктивно идти по тропе риторики, вступая в заведомо скользкие дискуссии о наличии или отсутствии национальной дискриминации в СССР, а если да, то в каких конкретных аспектах. Не отвечает нашим задачам и детальная оценка кремлевской национальной политики, ее специфических приемов, изгибов на протяжении десятилетий. Мы по-прежнему отдаем предпочтение "интегрально-аксиологическому" подходу, будучи убеждены: в эпоху масс политика делается главным образом массами, их фундаментальными ценностями, настроениями. Руководителям и вождям не остается ничего иного, как опираться на них или, если удастся, пытаться на них воздействовать.

Да, это деликатный и исключительно важный вопрос, особенно для нацменьшинств, – ощущение собственной полноценности, возможность или невозможность считать *своим* государство, в котором они проживают. Всему населению, независимо от национальности, был присвоен единый статус советских людей, и гражданство было общесоветским. В строительстве нового государства с самого начала приняли деятельное участие представители самых разных народов, и в дальнейшем в СССР одну из первостепенных ролей играло согласие, гласная и негласная санкция со стороны как рядового населения на местах, так и региональных властных элит. При этом внимание к фактору "русский – нерусский" никогда не исчезало. Стандартным бытовым наименованием для РСФСР в других союзных республиках служило слово "Россия", под этим подразумевалось нечто отдельное от них, источник силы и власти. В свою очередь, Кремль, проводя кадровую политику, исходил в первую очередь не из критерия квалификации и личных качеств и, как правило, назначал на посты первых руководителей в нацреспубликах представителей коренной нации, а их заместителями – русских или приравненных в конкретных условиях к таковым (этот принцип выдерживался последовательно сверху донизу: от республиканских ЦК до средних школ). Владение русским языком являлось непременным условием приличного образования, карьеры, возможности выбора места проживания в рамках Союза, для мужчин – успешной службы в армии, т.е. для достижения мало-мальски приемлемого социального статуса.

Итак, Советский Союз опирался как на русских, так и нерусских, был плодом их совместных усилий. Однако со стороны нацменьшинств требовались определенные "шаги навстречу", известные жертвы: в языковой, культурной, политической сферах. Многие из местных традиций превратились в предмет насмешек,

считались признаком "дикости". От всех требовалось признание нерушимости Союза, что для нацменьшинств означало согласие с пребыванием центра власти в "России", с тем, что назначение и утверждение кадров, ключи от важнейших вопросов – прерогатива Москвы. Взамен все вместе получали огромное и могучее государство, широкое реальное и психологическое пространство возможностей. Представитель меньшинства, ощущая, возможно, некоторую ущемленность, компенсировал ее чувством принадлежности к советскому целому, к сверхдержаве, испытывал своеобразную гордость – сначала: "мы – первое в мире государство трудящихся", затем: "в мире есть только две силы – мы и американцы".

При этом в целом, представляется, более существенным для самоопределения являлся признак не столько биологической национальности, сколько факт проживания в районе той или иной титульной нации, т.е. фактор "политической национальности". Не только в РСФСР нацменьшинства не подвергались официальной дискриминации (за единственным исключением, не обладавшим собственной союзной республикой), но и русские проживали в нацреспубликах без особых проблем. Русский в Ташкенте был для узбеков "своим", близким соседом, тогда как московский узбек – прежде всего "москвичом", "обрусевшим", дистанцированным от соплеменников. Это наделяет нас правом оперировать понятиями "русский" и "представитель национального меньшинства" прежде всего в территориально-политическом плане.

Так или иначе, при построении теоретической модели будем исходить из относительной стабильности и саморегулируемости системы СССР, что, на наш взгляд, отвечало действительности на протяжении десятилетий. Обозначим характеристический объем РСФСР через a, а суммарный характеристический объем "нерусских" республик через b. Латинское c по-прежнему соответствует объему целого, в данном случае всего СССР. Очевидно, что $a + b = c$.

Если для русских, для РСФСР Советский Союз являлся автоматически "своим" государством, чья реальность "естественна", чьи корни – еще в дореволюционном периоде, в "вековой дружбе народов", то нацменьшинства приносили, как сказано, на алтарь общего могущества и единства определенные ментальные жертвы: историческую память о периоде политической независимости,(2) стремление к полноценному национально-политическому самоопределению, первородство собственного языка и традиций, т.е. то политическое и культурное достояние, которое воспринималось в качестве

самобытного, истинно *собственного*. С учетом того, что СССР был принципиально полиэтничен и "нерушим" именно в виде союза, рассматриваемая пара "русские – нерусские" представлялась неразрывной. Мало того, ведущие нацменьшинства имели все основания стремиться к тому, чтобы все государство было бы "их", имперские настроения отличали не только русских, но и украинцев, белорусов, азиатов, кавказцев. Таким образом, мы попадаем практически в ту же логическую ситуацию, что и в предыдущем разделе (США и СССР в послевоенной мировой системе), и можно повторить вывод той же пропорции – золотого сечения.

Если настоящая модель верна, то доля РСФСР в общем объеме СССР должна была составлять около 62%, а суммарная доля остальных союзных республик – 38%. Здесь, конечно, требуется предварительно уточнить, что имеется в виду под характеристическими объемами.

СССР образован в 1922 г., его устройство и переустройство в основном завершено к 1940 г. Значит, характеристические объемы следует брать не только исходя из данных классического – сталинского – периода, но и их "физический смысл" должен быть адекватным той эпохе, отвечать ее аутентичным критериям. Последние тогда были превалирующе экстенсивными, что, как известно, сохранялось вплоть до "перестройки", до распада СССР. Мало того, согласно рабочей гипотезе, в основу строительства "советской империи" были заложены традиционно-имперские цели и ценности, а именно количество земли и работников. В своих истоках СССР был аграрной, крестьянской страной, новое государство создавалось исходя из существовавших реалий, из особенностей наличного общественного сознания. И в дальнейшем огромные регионы (наподобие Средней Азии) сохраняли аналогичные свойства. В таком случае за характеристические объемы следует принять площади территорий и численность населения, причем, соответствующие сталинскому периоду.

Открываем энциклопедический словарь 1953 – 55 гг. издания [388]. В 1940 г. население СССР составляло 193 млн. чел.; по данным переписи 1939 г. в РСФСР проживало 108,8 млн. чел. Отношение численности населения РСФСР к СССР – 56,4%, что несколько меньше 62%, диктуемых теоретической моделью. Площадь территории РСФСР – 16,9 млн. км2, СССР – 22,4 млн. Отношение площадей – 75,4%, что превышает те же 62%. Таким образом, по численности населения РСФСР была несколько меньше значения, соответствующего золотому сечению, а по площади территории – больше. Проанализируем ситуацию далее.

Вывод формулы политического золотого сечения, как мы помним, основан на особенностях базовых ценностей населения, на присущих ему целевых, психологических установках. Поэтому и характеристические объемы, строго говоря, должны определяться согласно коллективно-психологическим критериям. В данном случае – насколько большой по размеру представлялась населению Российская Федерация на фоне СССР, на фоне прочих союзных республик. Во-первых, общественные представления о "величине", об "объеме" могут несколько отличаться от физических величин и объемов, и во-вторых, что важнее, воспринимаемый объем есть некая интегральная, *одна* величина, а не разные две, по которым только что осуществлялась проверка. С последним обстоятельством справиться не так уж и трудно – для этого достаточно предположить, что при оценке размеров РСФСР одновременно по двум разным критериям (территории, населению) итоговой единой оценкой естественно служит их среднее арифметическое.

Среднее арифметическое между 56,4% и 75,4% составляет 65,9%, что с абсолютной погрешностью в 3,9% отвечает теоретической величине 62%. Для натурного эксперимента удовлетворительное соответствие. Значит, в конструкции СССР была достаточно действенной гармоническая пропорция (10). Если названия территориально-политических единиц понимать как их размеры, то упомянутая пропорция может быть записана в следующей форме:

РСФСР / СССР □ (Σ нацреспублик) / РСФСР
(11)

Равенству (3) отвечает само собой разумеющееся условие РСФСР + Σ нацреспублик = СССР.

Согласно данным на 1985 г. [300], аналогичные цифры составляют: РСФСР по населению – 52,5%, по территории – 76,3% от СССР. Среднее арифметическое – 64,4%, что еще ближе к правилу золотого сечения.

Чтобы убедиться в эффективности счета, целесообразно, помимо СССР, взглянуть и на какую-нибудь иную страну со значимым бинарным строением, например, на Соединенное королевство Великобритании и Северной Ирландии.

Сроком образования современной модификации названного государства условно может считаться 1921 г., когда по итогам гражданской войны Ирландия (за исключением Северной) получила статус доминиона, а в 1949 г. провозглашена республикой, т.е. добилась уже и формальной независимости. Таким образом, наличная форма Соединенного королевства

сложилась примерно в тот же период, что и СССР (1922 – 1940).

Соединенное королевство состоит из трех исторических национальных областей: Англии, Шотландии, Уэльса, – одной автономной части, Северной Ирландии, а также небольших, находящихся на особом режиме острове Мэн и Нормандских островов. Перечисленные территориальные субъекты обладают собственными административно-политическими институтами, пользуются известным самоуправлением. Нас по-прежнему интересуют проблемы не межнациональных отношений как таковых (старинные счеты шотландцев, валлийцев и ирландцев к англичанам), а лишь те, которые обладают заметным политическим выражением. Помимо актуального национально-политического деления, в данном случае уместно упомянуть о существовании региональных политических партий: Шотландской национальной партии (ок. 80 тыс. членов, основана в 1928 г., выступает за предоставление независимости Шотландии), "ПладКамри" ("Свободный Уэльс", ок. 30 тыс. членов, основана в 1925 г.), организации Северной Ирландии (от военной ИРА до политической "Шинн фейн"). Итак, оппозиция "англичанин – не англичанин" конструктивно существенна для Соединенного королевства. (Как и в случае с СССР, извне идентифицировавшегося как "Россия", Великобританию зачастую метонимически именуют Англией). Подсчет характеристических объемов Англии и неанглийской части имеет практически те же основания, что и в примере с СССР. При этом, учитывая период формирования современного Соединенного королевства (1921 г.), значимость для этой страны традиционно-имперских ценностей, на функцию характеристических объемов, сходным образом, претендуют размеры территории и численность населения.

Площадь территории Англии составляет 131 тыс. км2, т.е. 54% площади государства в целом; население (1981 г.) – 46,2 млн. чел., или 83% от населения всей страны. Ситуация почти зеркальная по сравнению с РСФСР, которая по территории (75,4%) превосходила величину, диктуемую правилом золотого сечения, а по населению – отставала от нее (56,4%). Среднеарифметическое значение английской доли в Британии равно 68,5%, что отклоняется от теоретических 62% на 6,5%. Формула золотого деления по-прежнему адекватно описывает качественное соотношение, и даже в количественном плане соответствие, по-видимому, может быть признано приемлемым для натурного эксперимента.

Конечно, нуждается в специальном исследовании вопрос о степени чувствительности бинарных территориально-политических систем к отклонениям от строго гомеостазных

величин, т.е. к "возмущениям". Пока же этот вопрос не изучен и если полагать значимым абсолютное отклонение в 6,5%, то можно сделать предварительный вывод, что доля Англии в Соединенном королевстве "слишком большая", что означает одно из двух. Либо у Англии в известной степени остаются свободные "имперские" силы для выхода за пределы Британских островов (для расширения характеристического объема целого *c* и снижения удельного веса собственно Англии), либо – для достижения более полного гомеостаза, чтобы несколько уменьшить удельный вес Англии в существующих рамках Соединенного королевства, требуется уменьшение ее абсолютного "веса": демографического или территориального. Третьей – не упомянутой, но, скорее всего, наиболее реальной – возможностью является снижение степени саморегулируемости системы за счет более глубокого погружения Британии в Европейский союз.(3)

Степень соответствия фактического и теоретического значений в Великобритании может считаться даже более высокой, чем только что констатировано, если иметь в виду ряд рациональных дробей, предлагаемых математиками в качестве приближений к строгому значению золотого сечения. Упомянутый ряд имеет следующий вид [329]:

$x \approx 1/2, 2/3, 3/5, 5/8, 8/13, 13/21, 21/34, 34/55, 55/89, \ldots$ (12)

где цифры 1, 2, 3, 5, 8, 13, 21, 34, 55, 89, – - так называемые числа Фибоначчи (1225 г.),(4) в которых каждый последующий член равен сумме двух предыдущих. Дроби настоящей последовательности – наилучшие из возможных приближений, каждая последующая дробь ближе к точной величине, чем предшествующая. В первом приближении золотому сечению отвечает значение 1/2, во втором – 2/3, в третьем – 3/5 и т.д. Реальное британское отношение 68,5% отклоняется от второго теоретического члена 2/3 (66,7%) лишь на 1,8%.

В отличие от СССР и Соединенного королевства, бывшая Чехословакия не нуждается в искусственной дихотомизации: республика и без того состояла ровно из двух частей, Чехии и Словакии. Размер территории федерации – 127,9 тыс. км2, население – 15,4 млн. чел. (1983) [300, с. 1496]. При этом площадь Чехии составляла 78,9 тыс. км2, в ней проживало 10,3 млн. (1980). На долю Чехии приходилось по территории 61,7%, по населению – 66,9%. Среднее арифметическое – 64,2%, что, как и в предыдущих случаях, сравнительно незначительно отклоняется от золотого сечения. В образованном сразу после Первой мировой

войны государстве в первую очередь чехи задавали общий тон, что и нашло отражение в цифрах.

Получив еще одно подтверждение работоспособности теоретической модели, вернемся к СССР, попутно затрагивая и некоторые методологические проблемы.

Для достижения стабильности системой "Запад – Восток", Советскому Союзу, как мы помним, пришлось пожертвовать альянсом с Китаем. Конструктивно сходные (по критерию "жертвенности") процессы наблюдались и на внутренней арене в период строительства СССР. Об образовании РСФСР было объявлено в 1917 г. В процессе "сталинской перекройки границ" от РСФСР были отрезаны огромные площади, прежде всего Туркестан. Вопрос политической целесообразности этого акта косвенно уже затрагивался в разделе 1.4.2.1, исходя из логико-цифровых структур (в результате "отрезания" Средняя Азия обрела собственную государственность, а СССР, затем СНГ в целом приобрели строгое логическое строение, отвечающее духу эпохи). Теперь произведем оценку в рамках текущей модели.

Территория РСФСР и без Туркестана составляла более 75% от территории СССР, т.е. существенно превосходила равновесные 62%. Бурное освоение Севера, Дальнего Востока, Сибири сопровождалось включением этих земель в общественно-психологический обиход, способствовало представлению о необъятно-огромной России. Для обеспечения стабильности СССР в таком случае было необходимо либо увеличить площадь нацреспублик, либо – уменьшить РСФСР (или то и другое одновременно). Первая возможность означала бы расширение СССР за счет сопредельных стран и даже выход за естественные границы Российской империи, что вряд ли отвечало реалистическим целям советского государства 30-х годов. Следовательно, оставалась вторая возможность – решение внутренних проблем за счет внутренних же ресурсов, отчего "сталинская перекройка границ", передача Туркестана среднеазиатским республикам представляется рациональной – с точки зрения требуемого приближения к золотому сечению. По-прежнему речь идет о специфически коммунистической разновидности рациональности, о принятии решений на базе оппозиции "русский – не русский", а также о формообразующей готовности к "жертве" (см. "рецессивность").

С позиции банального здравого смысла кремлевская стратегия могла казаться несколько странной, но тем не менее она обладала обязательной собственной логикой, направленной на обеспечение стабильности СССР. На первом этапе от РСФСР отрезаются огромные территории, на которых образуются новые

союзные республики (в данном случае среднеазиатские). Затем эти новые нацреспублики приносят ранее упоминавшуюся политическую, культурную жертву в копилку СССР. И то, и другое служило сбалансированности, прочности общесоюзной конструкции.

Любопытны и некоторые нюансы. Если в основу строения советского государства были заложены территориально-демографические критерии (точнее, их общественно-психологическое восприятие), то в сфере экономики происходило нечто совсем непохожее. В отличие от морских колониальных империй, где неравноправность торговых обменов означала ограбление колоний, способствовала первоначальному накоплению капитала в метрополии, объектом экономической дискриминации в СССР оказывалась сама "метрополия". По иному поводу, в разделе 1.4.2 уже обращалось внимание на факт неэквивалентности экономических связей РСФСР с нацреспубликами (выраженных в нормальных, т.е. мировых рыночных ценах). Видимая невооруженным глазом, пребывающая на поверхности культурно-политическая жертва нацреспублик в пользу РСФСР, СССР и обусловленный ею принцип золотого деления сопровождались материально-финансовым "противотоком", встречным подводным течением. В этом смысле можно говорить об "оплаченной жертве". Искусственная деформация цен, данные официальной статистики обманывали и позволяли обманываться – рядовым гражданам, экспертам, правительству. В последние десятилетия население нацреспублик было даже уверено, что "Россия" их "объедает и обирает", что не могло не подтачивать здание.

По мере социально-экономического развития представления о "мощи", "величине" разных стран решительно смещались от размеров территории и численности населения в пользу финансово-экономических факторов, уровня жизни (на сравнительную производительность труда массам смотреть обычно не так интересно). Не представлял собой исключения и СССР.

"Россия" постепенно, а вместе с "перестройкой" обвально превращалась из большой и сильной в бедную и слабую в глазах всего населения, не исключая властных элит. Предпосылки стабильности, золотого деления, следовательно, были фатально нарушены, и – по приближении к критическому порогу – последовал мгновенный отказ нацреспублик жертвовать своим культурно-политическим достоянием в пользу Союза, т.е. распад СССР.(5) Главным виновником этого акта представляется следующее.

Плоды технического прогресса, НТР, интенсивных образовательных программ привели в позднем СССР к качественным переменам в общественном сознании. Оно превратилось в индустриальное, даже в гипериндустриальное, и значит, центр тяжести основных социальных ценностей, целей сместился в сторону финансово-экономических, потребительских критериев. Количество земли, численность населения на этом фоне значительно поблекли, переставая играть ведущую социально-психологическую роль. Новому общественному сознанию и оценкам противоречили наличные уровень и качество жизни, особенно когда сравнение с Западом стало общеизвестным, наглядным. Россия неуклонно, а затем скачкообразно превращалась из гиганта Союза (теоретические 62%, фактические 64,4%) в анемичного, комично-претенциозного карлика. Сами ее физические размеры становились предметом насмешек, синонимом неуклюжести. То есть в процессе развития из-под СССР был в сущности выдернут его ценностно-целевой фундамент. На очередном историческом этапе, в новых условиях блоковое объединение стран, в том числе евразийских, возможно лишь при наличии серьезной экономической платформы, а принцип золотого деления реализуем прежде всего именно на экономической основе: объемов ВВП, уровня и качества жизни, точнее, интегральной социально-психологической оценки комбинации этих факторов.(6)

В заключение раздела приведем еще одну разновидность геометрических иллюстраций для политических конструкций исследуемого типа. Принимая во внимание, что совокупность нацреспублик была возведена на фундаменте РСФСР, как один этаж над другим, наглядный образ системы предстает в форме двухступенчатой пирамиды:

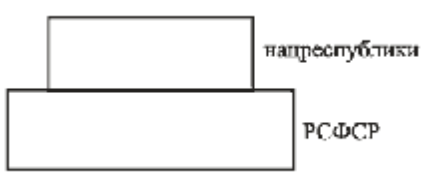


Рис. 3-2

Если же целое, т.е. СССР, изобразить в виде самостоятельного "этажа", то у пирамиды окажется три ступени:

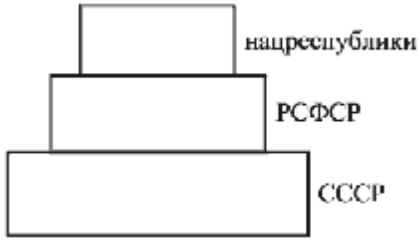


Рис. 3-3

В парадигме золотого деления размер каждого последующего "этажа" составляет примерно 62% от предыдущего.

На полях теоретической модели стоит отметить, что математики видят наглядный, геометрический смысл не только в положительном корне (8) уравнения (7), но и в отрицательном ($x = -1,618$). Последний соответствует не внутреннему, как на рис. 3-1, а *внешнему* делению [86, с 116]:

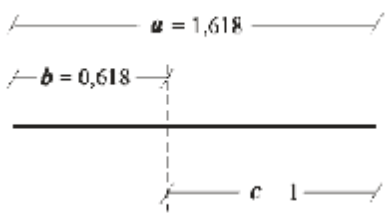


Рис. 3-4

При этом "часть" a, очевидно, больше "целого" c, и пропорция (10) имеет эквивалентную форму $a / c = c / b$.

Отвечает ли отрицательный корень, или его геометрическая интерпретация, каким-либо общественно-политическим явлениям? – Не исключено. Переход от положительной к отрицательной величине в состоянии описывать процессы, связанные со стремительным выходом составных частей за

пределы прежнего целого *c*, т.е. процессы, сходные с теми, что наблюдались, например, в эпоху бурной колонизации (великие европейские державы, до того занятые почти исключительно разделением сфер влияния на европейском континенте, во-первых, резко расширили горизонты собственного зрения и, во-вторых, осуществили реальную экспансию за прежде существовавшие общие пределы). У автора твердое впечатление, что подобное спонтанное, скачкообразное расширение былых горизонтов по существу наблюдается и в современной геополитике (особенно в конце 1980-х – начале 1990-х гг.): мы стали свидетелями открытия качественно новых источников общественно-политической, экономической жизни. Этот феномен имеет элементарное математическое толкование, но останавливаться на нем означало бы выйти за естественные рамки главы. Далее – вплоть до *Приложения 2* – не будут затрагиваться явления, описываемые корнем - *1,618* и комплементарным ему *2,618*, изучение ограничится лишь "нормальными" (положительными, по модулю меньше единицы) значениями.

Примечания

1 Первоначальная большевистская постановка вопроса, хотя и исходила, возможно, из благих намерений справедливости, в сущности лишь закрепляла оппозицию "русский – нерусский", т.к. осуществляла ее "возгонку" с глухого бытового уровня на принципиально-идеологический, политический, тогда как в прежней системе подобная "биологическая" проблематика официальными лицами не рассматривалась и не ставилась.

2 Хотя прошлая "независимость" зачастую заключалась в пребывании вне протектората России, но не других держав, а то и в полном отсутствии собственной государственности.

3 Приведенные положения зиждутся на предпосылке сохранения значимости территориально-демографического фактора в процессе политического формообразования. Если же в современных условиях этот фактор вытесняется критерием размера ВВП, уровня жизни населения, то вычисления, очевидно, необходимо произвести заново.

4 Тот самый Фибоначчи, который в Европе впервые стал обращаться с нулем как с настоящим числом (см. раздел 1.5).

5 "Революцией завышенных ожиданий" назвал начало

данного процесса Д.В.Ольшанский в связи с тем, что все ждали от своих республик "большого скачка" [239, с. 12].

6 Поскольку в нашей модели политические конструкции зиждутся на общественных представлениях, в том числе о "величинах" стран, о значимых соотношениях сил, "весов", постольку целесообразно привлечение социальных психологов. С помощью несложных опросов, сопоставления балльных оценок возможно оценить действующие соотношения. Это же свидетельствует об эффективности и активной стратегии, т.е. управлении общественным сознанием во имя создания и укрепления блоков (хотя внушенные отношения не должны существенно отличаться от реальных, в противном случае манипуляция рано или поздно провалится).

3.3 Краткая историческая справка

Рассматриваемая пропорция получила название "золотое деление" от Леонардо да Винчи, искавшего гармонические отношения в живописи, архитектуре, строении человеческого тела, всерьез интересовавшегося и математикой. Другие названия: золотое сечение, гармоническое деление, деление в крайнем и среднем отношении [199]. Один из близких друзей Леонардо, крупнейший европейский алгебраист XV в. итальянец Лука Пачоли,(1) написал по его настоянию книгу *"О божественной пропорции"* (De divina proportione, 1497, изд. в Венеции в 1509 г.), увидев в золотом сечении божественные черты. Такая пропорция лишь одна, а единственность – высочайшее свойство Бога. В ней воплощено святое триединство. Эта пропорция не может быть выражена доступным числом, остается скрытой и тайной и самими математиками называется иррациональной (так и Бог не может быть ни определен, ни разъяснен словами). Бог никогда не изменяется и представляет всё во всем и всё в каждой своей части, так и золотое сечение для всякой непрерывной и определенной величины (независимо от того, большая она или малая) одно и то же, не может быть ни изменено, ни по иному воспринято рассудком. Бог вызвал к бытию небесную добродетель, иначе называемую пятой субстанцией, с ее помощью и четыре других простых тела (четыре стихии – землю, воду, воздух, огонь), а на их основе вызвал к бытию всякую другую вещь в природе; так и наша священная пропорция, согласно Платону в "Тимее", дает формальное бытие самому небу, ибо ему приписывается вид тела, называемого додекаэдром, который невозможно построить без золотого сечения. Таковы аргументы Пачоли [329].

Но само золотое сечение было известно задолго до Ренессанса. В работе Пачоли изложение велось по так называемой XIV книге "Начал" Эвклида (на самом деле Гипсикла). В книге II "Начал" встречается построение, равносильное уравнению (4). В книгах IV и XIV золотое деление применяется для построения правильных пяти- и десятиугольников; в стереометрии – правильных двенадцатигранников (додекаэдров) и двадцатигранников (икосаэдров). Считают, такие геометрические процедуры были известны еще пифагорейцам,(2) далее след золотого сечения теряется, возможно, в Египте. Многомудрые греки сочли разумным возвести генезис пропорций к самим истокам вселенной: "По Ферекиду, Зевс связал определенными

пропорциями то, что прежде было хаотично" [370, с. 159].

По традиции, золотое сечение вводится в геометрии через построение правильных пятиугольников, как выпуклых, так и звездчатых (т.е. пятиконечной звезды). Придерживается этой тактики и немецкий профессор Г.Е.Тимердинг, написавший в первой четверти XX века книгу о золотом сечении. Он констатирует: "У пифагорейцев ‹…› с правильным пятиугольником была связана мысль о таинственных силах и свойствах, но эти свойства обнаруживаются лишь тогда, когда рядом с обыкновенным правильным пятиугольником будет рассматриваться та звезда, которая получается при последовательном соединении через одну всех вершин обыкновенного пятиугольника, составленная диагоналями пятиугольника" [329, с. 11; см. рис. 5], – и далее отмечает: пентаграмма играла большую роль во всех магических науках. "Во многих местностях она употреблялась народом в виде "ведьминой стопы" (Drudenfuss), как средство защиты от злых духов, в частности, для охраны спящего от ведьм и от производимого ими кошмара" [там же]. Пентаграммой пользовался и Фауст в трагедии Гёте.

Рис. 3-5

Пятиконечная звезда, как показывает Тимердинг, буквально нашпигована пропорциями золотого сечения. Пифагореец Тимей в одноименном диалоге Платона говорит: "Невозможно, чтобы две вещи совершенным образом соединились без третьей, так как между ними должна появиться вещь, которая скрепляла бы их. Это наилучшим образом может выполнить пропорция, ибо если три числа обладают тем свойством, что среднее так относится к

меньшему, как большее к среднему, и, наоборот, меньшее так относится к среднему, как среднее к большему, то последнее и первое будет средним, а среднее – первым и последним. Таким образом, все необходимое будет тем же самым, а так как оно будет тем же самым, то оно составит целое". Земной мир Платон строит, используя треугольники двух сортов: равнобедренные и неравнобедренные. Прекраснейшим прямоугольным треугольником он считает такой, в котором гипотенуза вдвое больше меньшего из катетов (такой прямоугольник является половиной равностороннего, основной фигуры вавилонян, в нем выступает отношение 1 : √3, отличающееся от золотого сечения примерно на 1/25, и называемое Тимердингом *"соперником золотого сечения"*). С помощью треугольников Платон строит четыре правильных многогранника, ассоциируя их с четырьмя земными элементами (землей, водой, воздухом и огнем). И лишь последний из пяти существующих правильных многогранников – додекаэдр, всеми двенадцатью гранями которого служат правильные пятиугольники, претендует на символическое изображение небесного мира.

Честь открытия додекаэдра (или, как полагалось, самой Вселенной, этой квинтэссенции четырех стихий, символизируемых, соответственно, тетраэдром, октаэдром, икосаэдром и кубом) принадлежит Гиппасу, впоследствии погибшему при кораблекрушении.(3) В этой фигуре действительно запечатлено множество отношений золотого сечения, поэтому последнему отводилась главная роль в небесном мире [329, с. 53], на чем впоследствии и настаивал брат минорит Лука Пачоли.

В средние века пентаграмма подверглась демонизации(4) (как, впрочем, и многое, что почиталось божественным в античном язычестве) и нашла приют в оккультных науках. Однако Возрождение вновь выносит на свет и пентаграмму, и золотое сечение. Так, широкое хождение в тот период утверждения гуманизма обрела схема, описывающая строение человеческого тела:

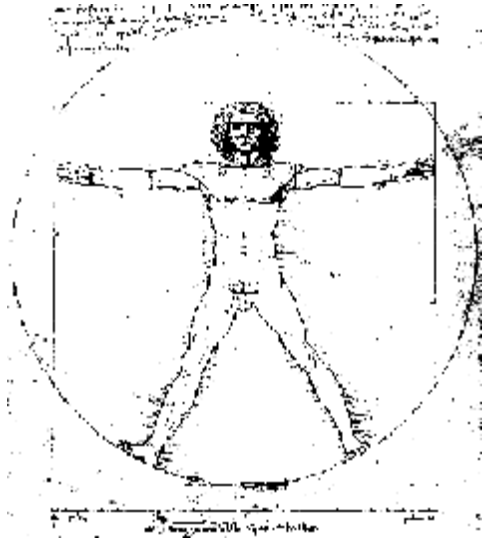


Рис. 3-6

К такой картинке, по сути воспроизводящей пентаграмму 3-5, неоднократно прибегал и Леонардо да Винчи. Ее интерпретация: тело человека обладает *божественным* совершенством, ибо заложенные в нем пропорции – такие же, как в главной небесной фигуре.(5)

Так как я не числю себя экспертом ни в тайных науках, ни в теологии, ни в метафизике, в дальнейшем не будут затрагиваться "трансцендентные" интерпретации пентаграмм, их связь с небесным или инфернальным мирами. В центре внимания останутся куда более обыденные, позитивные свойства пропорции, ее связь с массовым сознанием и политикой XX в. Хотя в государственную символику двух сверхдержав и входили пятиконечные звезды, оставим историкам честь возводить их генезис к масонам, т.е. к паранаукам; у нас же вопрос о влиянии этого факта на коллективное сознание или о том, какие черты последнего нашли воплощение в данном геометрическом символе, оставлен за скобками.

В очередной раз интерес к золотому сечению вспыхнул во второй половине XIX – начале XX вв. Тот же Тимердинг ссылается на предшественников: на Цейзинга,(6) полагавшего, что построение частей в отношении золотого сечения есть "вообще основной принцип всякого созидания, стремящегося к красоте и цельности, как в царстве природы, так и в области искусства" [329,

с. 57], на Франса Ксавера Пфайфера,(7) приводившего фотографические снимки объектов природы и результаты их измерений, на Г.Т.Фехнера,(8) а также на опыты Витмера (Witmer, 1894) и Сегала (Segal, 1906). "Для картин с ясно изображенным горизонтом, у которых расстояние между двумя параллельными линиями, а именно между верхним и нижним краем картины, должно быть разделено третьей параллелью – горизонтом, с давних пор установлено правило, что это деление должно производиться по золотому сечению" [329, с. 66]. Например, если на картине изображены море и небо (следовательно, и разделяющий их горизонт), то одно должно перевешивать, т.к. видовое различие между ними влечет за собой подчеркивание одной или другой части. Одному отдается предпочтение, но избегая преувеличения. Поиск среднего пути между равенством и преувеличением приводит к определенной пропорции, в результате чего мы обретаем спокойствие, уверенность, впечатление чего-то закрепленного в самом себе. Форматам книг, картинам, входным билетам, бумажникам, сундукам, шоколадным плиткам, пересказывает Тимердинг, часто придается форма, соответствующая золотому сечению (отношение сторон прямоугольника равно соответствующей величине). Опыты с людьми по выбору из десяти прямоугольников разной формы показывали заметное предпочтение золотого сечения.

Впрочем, сам Тимердинг, как рациональный ученый, значительно осторожнее: "Гораздо более правдоподобным является предположение, что золотому сечению первоначально было отдано предпочтение по рассудочным соображениям. Но вследствие того, что это отношение было избрано нормой для бесчисленного множества употребляемых форм и что его приближения, естественно получающиеся путем выбора удобных близких численных соотношений, в общем и целом выдвигаются снова, оно в конце концов так утвердилось в представлении, что даже бессознательный выбор отношения размеров тоже тяготеет к нему" [329, с. 73].

Древние принципы соразмерности действуют как в живописи, так и в архитектуре: от Вавилона (в котором, напомним, роль главной фигуры играл равносторонний треугольник и благодаря ему отношение 1 : √3), Малой Азии, Греции, через искусство рисования и архитектурную готику европейских Средних веков до эпохи Леонардо да Винчи и Дюрера.(9) У египтян и вавилонян соотношение размеров в храме имело священное значение. Витрувий (III, гл.1), которому следовал Лука Пачоли в изложении архитектурных вопросов, выдвигал требование "симметрии" (теперь это слово употребляется в совсем другом смысле).

Симметрия происходит от пропорции, которая по-гречески называется "аналогией". Пропорциональность означала при этом "согласованность соответствующих частей постройки между собой и целым". Архитекторам надлежит в совершенстве владеть учением о симметрии. При построении отдельных частей пользуются одним и тем же отношением, обнаруживающимся у целого.

Тимердинг приводит математическую расшифровку: части постройки должны быть членами геометрической прогрессии

c, cx, cx2, cx3, cx4, cx5, …

(13)

Ее графическое изображение:

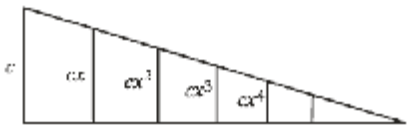


Рис. 3-7

В частном случае, когда прогрессия (13) является возвратной, т.е. когда первый член и, следовательно, каждый другой равен сумме двух последующих,(10) получаем $c = cx + cx2$, или $1 = x + x2$, что повторяет уравнение для золотого сечения (7).

Сходным образом, отталкиваясь от Цейзинга, Тимердинг интерпретирует и природные явления, в частности закон листорасположения:

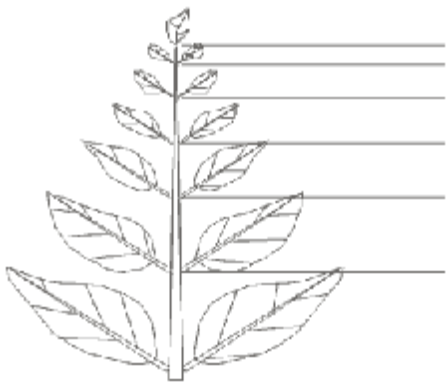


Рис. 3-8

Так, Тимердинг утверждает: "К тому же в природе, по-видимому, действительно выполняется некоторый закон пропорций, не совпадающий, правда, с отношением золотого сечения, но, так сказать, одного с ним направления. Этот закон можно так сформулировать: когда однородные части следуют друг за другом в порядке убывания величины, если нет возмущающих влияний, уменьшение происходит в геометрической прогрессии; так же происходит и увеличение там, где величина частей возрастает" [329, с. 58]. Направление в природных объектах задано ростом, и более старые части, из которых вырастают новые, оказываются либо самыми маленькими, либо, наоборот, самыми большими. Этот закон назвали законом натурального роста. Там, где он соблюдается, может встретиться и отношение золотого сечения, если не точное, то приближенное.

Выше уже упоминалось о связи золотого сечения с числами Фибоначчи. Н.Н.Воробьев уточняет и дополняет сказанное Тимердингом: "Природа дает нам многочисленные примеры расположения однородных предметов, описываемых числами Фибоначчи. В разнообразных спиралевидно расположенных мелких частях растений обычно можно усмотреть два семейства спиралей. В одном из этих семейств спирали завиваются по часовой стрелке, в другом – против. Числа спиралей того и другого типов часто оказываются соседними числами Фибоначчи. Так, взяв сосновую веточку, легко заметить, что хвоины образуют две спирали, идущие справа внизу налево вверх. Вместе с тем они же составляют три спирали, идущие слева снизу направо вверх. На многих шишках семена (т.е. "чешуйки") расположены в трех спиралях, полого навивающихся на стержень шишки. Они же расположены в пяти спиралях, круто навивающихся в противоположном направлении. В крупных шишках удается наблюдать 5 и 8 и даже 8 и 13 спиралей. Хорошо заметны такие спирали и на ананасе: обычно их бывает 8 и 13. У многих сложноцветных (например, у маргаритки или ромашки) заметно спиральное расположение отдельных цветков в соцветиях-корзинках. Число спиралей бывает здесь 13 в одном направлении и 21 в другом и даже соответственно 21 и 34. Особенно много спиралей можно наблюдать в расположении семечек крупного подсолнуха. Их число в каждом из направлений может достигать соответственно 55 и 89" [86, с. 122].

В книге Н.Н.Воробьева обсуждается вопрос и непосредственно о золотом сечении. Приведем две цитаты: "Выдающийся геометр и астроном XVII века И.Кеплер (известный, впрочем, в свое время больше как астролог) отваживался даже ставить формулировку

закономерности золотого сечения на один уровень с таким фундаментальным математическим фактом, как теорема Пифагора" [там же, с. 123]. И на той же странице: "Различными философами древности и средневековья внешняя красота прямоугольников и треугольников золотого сечения, а также других фигур, в которых наблюдается деление в среднем и крайнем отношении, возводилась в эмпирический и даже философский принцип. Золотым сечением и еще некоторыми отношениями пытались не только описывать, но и объяснять явления природы и даже общественной жизни, а с самим числом α (11) и его подходящими дробями производились разного рода мистические операции. Важную роль в таких рассмотрениях играла фигура, изображенная на рис. 3-5, которая при этом называлась пентаграммой". Далее Н.Н.Воробьев говорит о современном возрождении интереса к золотому сечению, в целом оценивая данный факт как негативный (что, впрочем, не помешало автору уделить значительное внимание этой теме в собственной брошюре). В России вопрос о золотом сечении, помимо Н.Н.Воробьева, затрагивался, например, в книге Е.И.Игнатьева "В царстве смекалки, или Арифметика для всех" [136].

Не следует полагать, что значение закономерности золотого сечения сводится исключительно к миру природы или изобразительных искусств. Так, Р. Якобсон обнаруживает образцы той же формы в литературе. Анализируя стихотворение Гельдерлина, он пишет о "многостороннем противопоставлении трех заключительных строк пяти предшествующим – одном из показателей сложного и преднамеренного формообразования. В последнем "Die Aussicht" Гельдерлина с полной отчетливостью представлено то самое золотое сечение, которое установилось со времен Леонардо. Меньший отрезок (Minor) относится к большему (Major) как больший к целому. Золотое сечение (8 : 5 = 5 : 3) противопоставляет неравные отрезки восьмистишия ‹…›" [402, с. 376]. Таким образом, попутно Якобсон использует и представление гармонической пропорции через числа Фибоначчи: здесь 3, 5, 8, см. ряд (12). Исследованию смысла той же пропорции, ее роли в искусстве, в частности, в музыке, уделял внимание и А.Ф.Лосев, см. [190, с. 356-368].(12) О "стремлении к гармонии имеющихся соотношений целого и его составных частей", о регулирующем правиле золотого сечения, последовательности Фибоначчи начинают говорить и современные политологи, см., напр., [330, с. 55].

На этом ограничим исторический экскурс. По-видимому, он полезен не только из прагматических соображений ("оживление

материала"), но так или иначе обозначает позиции, которым придется следовать или, напротив, от которых отталкиваться в процессе дальнейшего изложения. Так, в целом для нас неприемлем, как сказано, ореол "духоведческих", оккультных истолкований, которыми оброс или из которых еще не окончательно вычленился рациональный феномен золотого сечения. Подобные коннотации, если и значимы в настоящем контексте, то лишь настолько, насколько массовым представлениям вообще присуще смешивать здравые начала с "загадочными", непросветленными критическим рассудком. Неудовлетворителен, на наш взгляд, и чисто позитивистский, голо-эмпирический путь, скажем, Цейзинга, Фехнера. Сами по себе опытные измерения не в состоянии подтвердить актуальности золотого сечения в природных явлениях, искусстве, в коллективных предпочтениях, ибо отсутствует действительно строгий критерий для того, чтобы отличить гармоническую пропорцию от других, ей близких. В результате выбор авторами именно золотого деления оставляет впечатление произвольности, недосказанности. Только соединение теории с опытом способно дать то сочетание логической обязательности и фактической подтвержденности, которое отличает науку в собственном смысле.

И в двух первых разделах главы, и в нижеследующих мы стараемся придерживаться именно этой линии. Очень важно, чтобы закономерность золотого сечения (или некие другие, ибо золотым сечением, в чем позже предстоит убедиться, существо вопроса не ограничивается) не оказывалась навязанной какими-то посторонними соображениями, а была необходимым, последовательным результатом содержательной теоретической модели политических систем, отчего в наше распоряжение автоматически попадал бы и ответ на вопрос "почему". (Очевидно, потому, что составные элементы системы обладают сформулированными в теории свойствами.) Теория, конечно, должна проверяться на практике, и в этом мы полностью солидарны с Цейзингом, Фехнером.

Вызывает интерес упомянутый Тимердингом "закон натурального роста". Не берусь судить о его общей формулировке, но в социально-политической сфере он находит определенные выражения. Так, если считать направлением исторического развития, или роста, движение от аграрных обществ к индустриальным, затем к разделению последних на капиталистические и социалистические, то каждая последующая ступень должна быть меньше предыдущей, образуя нечто вроде ступенчатой пирамиды:

Рис. 3-9

В послевоенном мировом сообществе отношение характеристических объемов четвертой ступени к третьей и, соответственно, третьей ко второй составляли значения, близкие к золотому делению. При этом, правда, остается неясным, существовали ли общие критерии оценки, вернее самооценки, у индустриального мира в целом, с одной стороны, и аграрного, с другой (признак объема промышленной продукции аутентичен лишь для индустриальных государств, но не для аграрных), поэтому трудно сказать что-либо конкретное о числовом соотношении между ними и даже о том, уместны ли вообще в данном случае количественные сравнения. Поэтому на стыке двух первых ступеней названный закон носит лишь описательный, полуметафорический характер.

Однако строение СССР (рис. 3-2, 3-3) в более строгом смысле соответствует названному закону. Именно вокруг РСФСР были объединены национальные окраины, ставшие, таким образом, следующей ступенью социалистического роста или процесса. Впоследствии отношение характеристических объемов "нацреспублики / РСФСР" установилось, как мы помним, вблизи значения, соответствующего золотому сечению. В свою очередь, если общим фундаментом или "корнем" обеих ступеней – и РСФСР, и нацреспублик – считать СССР ("идею СССР"), то и его объем удовлетворял условию (10). Обозначив характеристический объем СССР через *c*, придем к последовательности типа (13):

(14)

где $x \approx 0{,}62$ – величина, отвечающая золотому сечению, *сх* – объем РСФСР, *сх*2 – нацреспублик.

Такие соображения наводят на мысль, что конструктивно-технологические начала в политике, возможно, не столь далеко отстоят от "органических", или естественно-исторических. Природа тоже строит свои "пирамиды".

Примечания

1 После вступления во францисканский монашеский орден получил имя брата Луки из Борго Сан Сепольеро. Профессор математики в университете и других учебных заведениях Рима, Неаполя, Милана, Флоренции, Болоньи [142, с. 286].

2 "Интерес пифагорейцев к симметрии, гармонии, числовым пропорциям привел их к занятиям "золотым делением" (выяснение правильных количественных соотношений между различными частями зданий или скульптурных фигур)", – пишет К.Куманецкий [169, с. 77].

3 В поздней древнегреческой легенде его смерть считалась наказанием за раскрытие тайны богов, "поскольку несказанное и безобразное всегда должны пребывать сокрытыми". Ямвлих: "О Гиппасе говорят, что он был из числа пифагорейцев; за то, что разгласил и построил впервые сферу из двенадцати пятиугольников, он погиб в море как нечестивец, зато снискал славу первооткрывателя" [347, с. 152].

4 Чтобы подчеркнуть демоническое происхождение звездчатой пентаграммы, ее переворачивали "вверх ногами", в результате чего ее очертания напоминали два рога, два уха и козлиную бороду сатаны (этой разновидностью пользуются и современные сатанисты).

5 Хвост возрожденческой метафизики дотягивается до современности, и новейшие, насквозь коммерциализированные и абсолютно далекие, казалось бы, от высоких соображений модельно-подиумные стандарты диктуют для женской фигуры цифры 90 : 60 : 90, т.е. окружность талии должна составлять 2/3 от окружности бедер и груди. Как мы помним, 2/3 – второе из

наилучших приближений к золотому сечению, см. ряд (12).

6 Zeising. Neue Lehre von den Proportionen des menschlichen Korpers. Leipzig, 1854 (Новое учение о пропорциях человеческого тела).

7 Franz Xaver Pfeifer. Der Goldene Schnitt. Augsburg, 1885 (Золотое сечение).

8 G.Th.Fechner. Vorschule der Aesthetik. 12A. 1897 (Введение в эстетику).

9 Основоположник живописи немецкого Возрождения А.Дюрер одновременно был и теоретиком искусства. В "Четырех книгах о пропорциях человека" (1528), составившим итог, или венец, его творчества, указано множество соотношений размеров правильных человеческих тел и лиц, совпадающих с пропорцией золотого сечения.

10 Или предыдущих – в зависимости от порядка расположения членов прогрессии.

11 Такой буквой здесь обозначена величина $\alpha = (1 + \sqrt{5})/2$

12 В примечаниях к работе А.Ф.Лосева приведены ссылки на некоторую литературу, например, [201], [202] и о "золотом делении" у И.С.Баха: [439], [440]

3.4. Биполярные партийные системы

Двухпартийные или двухблоковые системы весьма распространены в современных демократических государствах. Республиканцы и демократы в США, консерваторы и лейбористы в Британии, коалиция "ХДС/ХСС – СвДП", с одной стороны, и "СДПГ – зеленые", с другой, в ФРГ, "правые" и "левые" во Франции – лишь некоторые из примеров. Речь идет об отчетливо выраженной дихотомности, основных политических акторов два. Каждый из них участвует в энергичной борьбе за электорат, стремясь привлечь на свою сторону максимальную долю политически активного населения, что удовлетворяет условию "экспансии" рассматриваемой модели.

При этом ни для политической системы в целом, ни для каждого из двух основных политических субъектов в отдельности не представляется возможным окончательное устранение соперника. Обратное означало бы изчезновение главной мишени для критики, конец политической конкуренции, отказ от принятых правил игры. Поэтому в устойчивых либеральных системах один актор не мыслится без другого, условие их "неразрывности" также выполнено.

Те же правила игры диктуют на каждом отдельном этапе разделение на *правящую партию* (коалицию, блок) и оппозицию. Последняя в демократических государствах, разумеется, не третируется; в одной из старейших демократий, английской, она даже находится под покровительством короны, нося наименование "оппозиции Ее величества". Но при этом, согласно "цивилизованным правилам", от оппозиции ожидается признание за собой статуса проигравшей стороны (пусть временно, до следующих выборов). От нее требуется согласие со статус-кво, как с фактом, соответствующие "сдержанность и смирение", понимание того, что не только в общих, но и в собственных интересах целесообразно придержать до поры реальные претензии на власть. А последняя, строго говоря, есть главная ценность и цель политической партии как таковой. Таким образом выходит, что оппозиция в названных политических системах как бы приносит в жертву свои главные интересы и ценности, не без оснований полагая, что точно так же поступит и противоположная сторона, если после будущих выборов роли поменяются на противоположные. В парламенте меньшинство считает необходимым подчиняться решениям большинства, и эти решения принимаются в качестве общих, исходящих от

парламента в целом. Оппозиционное меньшинство, таким образом, демонстрирует готовность принести свои наличные голоса на алтарь действующих демократических правил, впоследствии солидаризируясь с теми законами, которые были приняты – быть может, вопреки конкретному несогласию. Т.е. удовлетворено и третье условие модели.

Обозначим электорат правящей партии или блока через a, оппозиции – через b. За объем целого *c* примем суммарную численность политически активного населения, отдающего свои голоса за одну из двух политических сил (применительно к таким ситуациям политологи говорят о парадигме "двухпартийного вотума" – см., напр., [68]). Очевидно, что $a + b = c$. Характеристическими объемами можно также считать размеры фракций в парламенте.

Официально для победы на мажоритарных выборах достаточно 50% плюс один голос, т.е. первое приближение к теоретическим 62 – 38%% начинается с этого значения.(1) Но обычно наибольшая фактическая стабильность отвечает тем странам и тем ситуациям, когда у правящей партии (коалиции) более заметное преимущество, чем единицы голосов или процентов. Если разрыв в количестве голосов или парламентских мест слишком мал, его зачастую оказывается недостаточно, чтобы внушить оппозиции должное "смирение". Малейшие колебания политической конъюнктуры грозят ее бунтом, парламентским и/или правительственным кризисом, угрожают парализовать власть, лишить ее дееспособности. Поэтому требуемые по юридическому закону 50% в стабильных случаях (а именно таковые прежде всего и имеются в виду) практически возрастают.

При этом президентские республики отличаются определенной спецификой. В отличие от парламентских, в которых руководители исполнительной власти назначаются законодательными органами и впоследствии зависят от распределения в них голосов, в президентских республиках (США, Франция, Россия) осуществляются независимые выборы законодательной и глав исполнительной ветвей. Поэтому нередко складывается ситуация, что президент оказывается представителем одной политической силы, а парламентское большинство принадлежит другой. В таких случаях, очевидно, политические пропорции должны определяться *для каждой ветви отдельно*. На оппозицию здесь не накладывается требование всесторонне жертвовать своими интересами и целями: например, оппозиция подвергается ограничениям и самоограничению в исполнительных функциях государственной власти, тогда как правящей партии приходится проявлять надлежащую

"скромность" в законодательной сфере. Подобная "перекрестность" представляет собой более сложную разновидность политического баланса, что не отменяет, однако, рассуждений в духе золотого сечения для каждой из ветвей в отдельности.

Для проверки возьмем страну с наиболее строгой двухпартийной системой, США. Сейчас нас интересует распределение мест в американском конгрессе, при этом предпочтение будет отдано данным конца 50-х – начала 60-х гг. Такое предпочтение не случайно, поскольку на внутренне-политических процессах в США могло сказываться состояние и контемпоральной мировой системы, достигшей зрелости именно к этому сроку, но уже к концу 60-х годов началось ее "разложение". В конце 1960-х гг. и в самих США началась заметная трансформация: экономическая, социальная, культурная, политическая, – что сопровождалось нестабильностью общественных настроений. Мы же, напротив, опираемся на презумпцию стабильности.

Выборы в Конгресс 86-го созыва состоялись 4 ноября 1958 г. В сенате 65 мест принадлежит демократам и 35 республиканцам, т.е. распределение 65% и 35%. В палате представителей из 436 депутатов 283 демократа и 153 республиканца, т.е., аналогично, 65% и 35% [125-60]. Среднее арифметическое по сенату и палате представителей составляет те же 65% и 35, что в целом удовлетворительно соответствует теоретическим 62% и 38%.

Конгресс 87-го созыва, избранный 8 нояб. 1960 г.: в сенате из 100 мест 64 у демократов и 36 у республиканцев, т.е. 64% и 36%; в палате представителей из 437 мест – 259 у демократов и 178 у республиканцев, т.е. 59,3% и 40,7% [125-61]. Средние арифметические, соответственно, – 61,7% и 38,3%, что с точностью до одной десятой процента совпадает со значениями для золотого сечения.

Конгресс 88-го созыва после выборов 6 нояб. 1962 г.: в сенате 68 демократов и 32 республиканца, в палате представителей – 259 демократов и 176 республиканцев [125-63]. Искомые среднеарифметические величины – 63,8% и 36,2%.

Конгресс 89-го созыва (выборы 3 нояб. 1964 г.): сенат – 68 демократов и 32 республиканца, палата представителей – 295 демократов и 140 республиканцев [125-65], т.е. 68% и 32%. Конгресс 90-ого созыва (1966 г.): в сенате 64 места у демократов и 36 у республиканцев (64% и 36), в палате представителей 248 демократов и 187 республиканцев [125-67] – 57% и 43%. Средние на 1966 г.: 60,5% и 39,5%.

Вслед за этим, как и ожидалось, появляются заметные

отклонения от равновесных значений. Конгресс 91-го созыва (1968 г.): средние 57% и 43% [125: 1969, вып. 13]. Конгресс 92-го созыва (1970 г.): в сенате 53 демократа, 45 республиканцев и 2 независимых [125-71]. В пересчете только на ведущую пару "демократы – республиканцы": 54% и 46. В палате представителей 255 демократов и 180 республиканцев, т.е. 58,6% и 41,2. Средние – 56,3% и 43,7%. Столь существенное несовпадение данных 1968 и 1970 гг. с цифрами из золотого сечения, по-видимому, служит объективным выражением действительной дестабилизации, перемен в общественных настроениях (как раз на эти годы приходится пик протестов против войны во Вьетнаме, разгар молодежных и антирасистских волнений).

Для полноты картины приведем результаты последующих выборов. В Конгрессе 93-го созыва (1972 г.): в верхней палате 57% демократов и 43% республиканцев, в нижней – 56% и 44 [125-74]. Средние – 56,5% и 44,5%. Конгресс 94-го созыва (1974 г.): в сенате 61% демократов и 39% республиканцев, в палате представителей – 67% и 33 [125-75]. Средние – 64% и 36%. Конгресс 95-го созыва (1976 г.): в сенате 61 демократ, 38 республиканцев, 1 независимый. Соотношение между двумя партиями: 61,5% и 38,5%. В палате представителей – 67 и 33% [125-77]. Средние: 64 и 36%. 1978 г. [125-79]: в сенате 59% демократов и 41% республиканцев, в палате представителей – 63 и 37%. Средние: 61% и 39%.

Конгресс 97-го созыва избран 4 ноября 1980 г. В сенате 47 демократов и 53 республиканца, в палате представителей 243 демократа и 192 республиканца [125-81]. Таким образом, по критерию большинства места в двух палатах распределены взаимно противоположно, что дополнительно – еще более твердо, чем ранее – позволяет констатировать наличие дестабилизации или переходного процесса в настроениях общества в начале президентства Р.Рейгана. Конгресс 98-го созыва (1982 г.): в сенате 46% демократов и 54% республиканцев, в палате представителей – 61,6% демократов и 38,4% республиканцев [125-83], та же картина. 1984 г., Конгресс 99-го созыва: 47% демократов и 53% республиканцев в сенате, 58% демократов и 42% республиканцев в палате представителей [125-85]. Ситуация прежняя. Конгресс 100-го созыва, 1986 г. [125-86]: в сенате 55% демократов, 45% республиканцев; в палате представителей – 59% демократов и 41% республиканцев. Средние – 57 и 43%.

Несколько позже мы научимся более тонким расчетам, однако уже сейчас, по-видимому, оправдан следующий вывод. В период стабильного состояния американского общества распределение голосов между двумя партиями (здесь:

опосредованно через места в конгрессе) с удовлетворительной степенью точности отвечает закону золотого сечения, а после вступления США в переходную стадию наблюдаются заметные возмущения. Известны и причины этого положения. В процессе предвыборной борьбы между партиями одна из них занимает психологическую позицию лидера, тогда как другой достается роль догоняющей, или ведомой: $a \sim c$, $b \sim a$ и, разумеется, $a + b = c$. Каждый из акторов получает сообразно собственной установке. Однако названная "сообразность" реализуется лишь в относительно устойчивой общественной обстановке. К переходным процессам такой подход адаптирован сравнительно слабо. В нашу задачу не входит специальное исследование США, но их пример служит неплохим подтверждением правомочности теоретической модели.

Ранее, в разделе 1.4.2, затрагивался вопрос о конфессиональной структуре США, поэтому небезынтересно взглянуть на нее под углом и нынешнего исследования. Согласно цифрам Ежегодника Большой советской энциклопедии [125-74], в США, по оценкам 1973 г., проживают 72 млн. протестантов и 48 млн. католиков, не считая значительно меньших по численности групп. В дихотомизированной системе "протестанты – католики" на долю первых приходится 60%, что сравнительно незначительно отличается от 61,8% золотого сечения. В выделенном аспекте ситуация в Америке представляется количественно гармонизированной, при этом место ведущего элемента принадлежит протестантам.

Тестируемая пропорция значима, кажется, не только для США. Так, по итогам выборов 15 сент. 1957 г. в ФРГ фракция ХДС/ХСС в бундестаге составила 270 депутатов, СДПГ – 169, СвДП – 41, Немецкой партии – 17 [125-59]. Подсчет процентного распределения между двумя ведущими силами – ХДС/ХСС, с одной стороны, и СДПГ, с другой, – приводит к следующим результатам: 61,5% у первой и 38,5% у второй, – что лишь на три десятых процента отличается от теоретических значений 61,8 и 38,2%. Впоследствии веса двух названных "народных партий" начинают выравниваться, зато образуются коалиции, формируются многопартийные кабинеты. После выборов 1965 г., на которых ХДС/ХСС получили 245 мест в бундестаге, СДПГ – 202, СвДП – 49 [125-67], правительство было составлено из представителей ХДС/ХСС и СвДП. На долю правящего блока пришлось почти 60%, оппозиции – 40%. (Для сравнения, ХДС/ХСС без альянса со свободными демократами располагали бы поддержкой только 49%.) Вступление ФРГ, как и многих других западных стран, в полосу трансформации, начиная с конца 1960-х

гг., нарушил замеченную "стройность" деления. Но вот, например, попались под руку данные о выборах в баварский ландтаг (сентябрь 1998): у ХСС – 52,9%, у главного соперника, социал-демократов – 28,7% [80]. В парадигме двухпартийного вотума процентное целое здесь c = 52,9 + 28,7 = 81,6%, следовательно, интересующее нас отношение a/c = 52,9 / 81,6 = 63,8%. (Для сравнения, четырьмя годами раньше у ХСС – 52,8%, у СДПГ – 30,1%, откуда a/c = 63,7%.) С учетом того, что в 1998 г. союзникам христианских демократов, свободным демократам, не удалось попасть в земельный парламент, в то время как второй представитель левых сил, "Союз-90 / зеленые" вновь преодолел квалификационный барьер, процентное соотношение между правыми и левыми еще ближе подходит к золотому сечению.

По результатам выборов в Европарламент в 1999 г., у СДПГ – 33 места, у ХДС/ХСС – 53 (у остальных значительно меньше: у "зеленых" – 7, у ПДС – 6). Удельный вес победителей ХДС/ХСС в паре с главными соперниками, социал-демократами, составляет a/c = 53 / (53 + 33) = 61,6%.

В мае 1999 г. проходят выборы в шотландский парламент. От их результатов зависело, какая из политических сил возглавит первое в истории правительство самоуправляющейся Шотландии, и оттого одержать победу на них – дело принципа. Интрига закручивалась в еще более тугую спираль, если учесть состав основных соперников. С одной стороны, это лейбористы, за которыми – большинство в общебританском парламенте и центральное правительство; правительство Тони Блэра – проводник идеи так называемой деволюции, т.е. передачи более широких полномочий шотландцам и валлийцам, что призвано надолго, если не навсегда, покончить с угрозой сепаратизма. В амплуа главного противника лейбористов выступила Национальная партия с лозунгом полной независимости от Лондона. Вторые проиграли: по итогам выборов лейбористы должны были получить 57 мест, националисты – 37 [295]. Таким образом, доля победителей в рамках ведущей пары составила a/c = 57 / (57 + 37) = 60,6%.

По результатам выборов 1993 г. в Канаде удельный вес правящей партии, либералов, составил в парламенте 60,2%; в Нидерландах 1994 г. на долю правительственной коалиции пришлось 61,3%, см. [167, с. 167]. В австралийском парламенте в 1996 г. либералы получили 75 мест, их основные соперники, лейбористы – 49. Соотношение в рамках двухпартийного вотума a/c = 75 / (75 + 49) = 60,5%. Однако в правительственную коалицию, помимо либералов, вошла Национальная партия, у коалиции – 62,8% от общего количества мест [там же].

Без сходной закономерности не обходится и на постсоветском пространстве. Так, в Грузии, по завершении короткой гражданской войны и относительной стабилизации, проводятся парламентские выборы 1995 г. Явным фаворитом считался Союз граждан Грузии, возглавлявшийся руководителем страны Э.А.Шеварднадзе, тогда как организационные, политические, финансовые ресурсы остальных отличались ограниченностью, если не скудостью (большинство партий-конкурентов заслужили наименование "диванных"). Соответственно, в пересчете на пропорциональную систему Союзу граждан Грузии удалось собрать 61,6% голосов [99, с. 111], ср. с 61,8% теории.(2)

В первом туре выборов президента в Литве, состоявшемся в декабре 1997 г., выстраивается чуть не целая "пирамида". На высший государственный пост претендовало три основных кандидата: бывший генеральный прокурор Артурас Паулаускас, набравший свыше 45 процентов голосов, американский литовец, эколог по профессии, Вальдас Адамкус (у него было более 27 процентов) и председатель сейма страны Витаускас Ландсбергис, на счету которого оказалось чуть больше 15 процентов [176]. Проанализируем каждую из смежных пар. В паре "Паулаускас – Адамкус" величина c составляет 45 + 27 = 72%. Тогда a/c = 45 / 72 = 62,5%. В паре "Адамкус – Ландсбергис" значение c равно 27 + 15 = 42%, и a/c = 27 / 42 = 64,3% . Обе цифры, в общем, недалеки от 61,8%.

По мере повышения уровня образованности населения к той же пропорции, похоже, подключаются и развивающиеся государства. Так, на первых за полстолетия свободных парламентских выборах в Индонезии победа досталась оппозиционной Демократической партии, возглавляемой дочерью отца-основателя страны Сукарно, Мегавати. Партия Мегавати набрала 33,7 процента голосов, тогда как у главного соперника, правящего блока Голкара – только 22,4% [281]. Произведем пересчет на двух основных конкурентов. Целое c в данном случае составляет c = 33,7 + 22,4 = 56,1%. Соответственно, a/c (a – объем электората лидера) оказывается равным 33,7 / 56,1 = 60,1%. Величина, недалекая от теоретических 61,8%.

Не только парламентские, но зачастую и президентские и губернаторские выборы подпадают под ту же самую процентную парадигму. Этой разновидности будет уделено специальное внимание (раздел 3.7), но небесполезно уже сейчас воспользоваться хотя бы несколькими примерами. По итогам мартовских 1999 г. выборов в Сальвадоре президентом стал кандидат от правящей партии Националистический республиканский союз Франциско Флорес. Он выиграл у главного

конкурента, лидера оппозиционного Фронта национального освобождения имени Фарабундо Марти, Факундо Гуардадо. При этом первому отдали предпочтение 52% избирателей, второму – 29% [2]. Под углом "двухпартийного вотума" у победителя a/c = 52 / (52 + 29) = 64,2%. Флорес играл незначительную роль в недавних кровавых конфликтах, тогда как с Фронтом национального освобождения ассоциировались двенадцать лет ожесточенной партизанской войны. Первый пользовался очевидным преимуществом в глазах избирателей (настолько очевидным, что выборы прошли в спокойной обстановке и к урнам пришло на удивление мало людей).

На президентских выборах в Австрии в апреле 1998 г. уверенную победу одерживает прежний президент Томас Клестиль, собравший более 63 процентов голосов и оставивший далеко позади своих четырех соперников [405]. Судя по ситуации (один против группы остальных), вопрос стоял главным образом в плоскости "Клестиль – не Клестиль", цифровой итог – красноречив.

Выборы по одномандатным округам во многом схожи с президентскими или губернаторскими выборами. В 1998 г. бывший руководитель Федеральной пограничной службы России генерал Андрей Николаев баллотируется в Думу по Орехово-Борисовскому округу г. Москва (взамен перешедшей в правительство И.Хакамады). Николаев – отнюдь не последний персонаж электронных и печатных масс-медиа, с репутацией интеллигентного и честного политика (по журналистским слухам, его отставка с поста главного пограничника была вызвана решительной борьбой со спиртовой мафией на южных рубежах России, что не устроило определенные круги кремлевского истеблишмента, но не могло не прибавить симпатий к нему со стороны избирателей). За его кандидатуру высказались 63 процента от пришедших к избирательным урнам [283].

К.Ф.Вайцзеккер некогда связал метод выборов с "самым низким уровнем понимания" [70, с. 124]. Нисколько не замахиваясь на то, чтобы оспаривать подобное мнение – сложение голосов не очень компетентных людей действительно вряд ли вправе претендовать на "высшую истину", – стоит, однако, соблюдать справедливость. "Самый низкий уровень понимания" – это все же понимание, и по-школьному образованные массы ведут свои игры, подчиняясь пусть и элементарным, но логически строгим законам. На этом закончим беглый обзор классических двухпартийных или двухблоковых систем и уделим внимание одному своеобразному случаю.

Примечания

1 50%, или 1/2, служит первым рациональным приближением к точной величине, см. ряд (12).

2 Необходимость принимать в расчет результаты именно по пропорциональной системе характерна особенно для новых демократий. У подавляющего большинства партий пока отсутствуют разветвленные низовые структуры, сложившаяся репутация. В этих условиях конкуренция осуществляется между провозглашенными на всю страну идеями, образами партийных лидеров, довести же принцип партийной определенности до каждого отдельного кандидата, до каждого округа еще не удается.

3.5. Особые случаи бинарных систем: партийная система послевоенной Италии, процент участвующих в голосовании

В статье "Европейские партийные системы со значительным коммунистическим компонентом" [197] нам (в соавторстве с В.П.Любиным) уже доводилось обращаться к анализу политической системы Италии, прийти к выводу о ее принципиальном – "топологическом" – отличии от канонических биполярных систем. На протяжении послевоенных десятилетий самыми крупными итальянскими партиями были христианские демократы (ХДП) и коммунисты (ИКП), хотя на политической сцене присутствовало и много других, менее многочисленных партий. Активное противостояние ХДП и ИКП ("правых" и "левых") не привело, однако, к формированию двухпартийной, или квазидвухпартийной, структуры; вторую по значению партию удалось в целом надежно изолировать от принятия наиболее важных решений. Была названа и цена подобного успеха антикоммунизма: одну из конструктивных политических ролей в стране стала играть "топологическая дыра", т.е. мафия. Однако сейчас нас интересует другое.

В той же статье была констатирована "двухэтажность" итальянской партийной системы. Но первом уровне, или этаже, решалась задача противостояния коммунистам, победы над ИКП, на втором – обычная для двухпартийных стран задача формирования правительственной коалиции, "нормального" управления. Поэтому речь шла о "дважды биполярной системе". Какими явлениями должна сопровождаться подобная расщепленность политических задач, целей, критериев? С одной стороны, Италию всегда приводят в качестве образца политической неустойчивости: правительственный кризис, быстрый распад коалиций, роспуск парламента, досрочные выборы – обыденные здесь события. С другой – это не приводило к параличу социально-политической, экономической жизни, в самой неустойчивости присутствовал известный момент стабильности и постоянства. Именно к последнему и хотелось бы обратиться.

Прежде всего, повторим поставленный выше вопрос: что должно происходить, если в общественном сознании и головах

ведущих политиков одновременно или вперемежку сосуществуют сразу две разнородные цели – противостояние коммунистам и надежное управление? Не вызывает сомнений, что это две принципиально разные установки: либо силы сосредоточены на борьбе с коммунизмом, либо на конкретных текущих потребностях, – и при наличии на политической арене мощной "антисистемной партии" (таким ярлыком была награждена ИКП) по внутренней политике пробегает ощутимая трещина.

Числовой характеристикой биполярной структуры под знаком борьбы с ИКП служит соотношение сил между правящей коалицией и ИКП, а в проекции на государственное управление – соотношение сил той же правящей коалиции уже не только с ИКП, а со *всей оппозицией*. Два количественных отношения при наличии множества партий, очевидно, различны, и – в зависимости от того, что в данный момент представляется главной задачей, – преимущественное значение принадлежит либо одному, либо другому. Если же однозначный выбор не осуществлен, если общество и политики пытаются решить обе задачи одновременно (так сказать, усесться на двух стульях), то показательны сразу оба критерия. Это необычное общественно-психологическое состояние, не без признаков шизофренического, и вообще говоря, резонен вопрос, существует ли в таком социуме сколько-нибудь надежная внутренняя мера. Впрочем, в ряде случаев, как мы надеемся показать, таковая наличествует и выступает в виде среднеарифметических величин.

Начнем с состава итальянского парламента 1956 г. В палате депутатов из 590 мест 261 принадлежало христианским демократам, 143 – коммунистам, 75 – социалистам, 29 – национальным монархистам, 10 – народным монархистам, 25 – Итальянскому социальному движению, 19 – социал-демократам, 12 – либералам и 16 – смешанной группе [125-57]. В сенате из 243 мест у христианских демократов 111, коммунистов 50, социалистов 29, у национальных монархистов 13, ИСД – 9, у либералов, социал-демократов, республиканцев – 11, демократических левых независимых – 7, у смешанной группы – 13. В правительство (Совет Министров) входили представители христианских демократов, социал-демократов и либералов. Таким образом, правящей коалиции в палате депутатов принадлежало 292 места, или 51% от общего количества. Если брать соотношение сил между правящей коалицией и ИКП, то мы имеем дело с числами 292 и 143 (сумма – 435). На долю правящей коалиции в этой паре приходится 67%. Следовательно, перевес над коммунистами был надежным, даже "с запасом", тогда как парламентское большинство – в сущности,

символическим. Вычисление среднеарифметических величин из-за качественного расхождения двух критериев, величин вряд ли корректно. По сенату проценты мы не вычисляем, ибо в *Ежегоднике* для одного из членов правящей коалиции, Либеральной партии, отсутствуют цифры, отдельные от социал-демократов и республиканцев.

Аналогичные подсчеты по результатам выборов 25 мая 1958 г. [125-59] приводят к следующим величинам. С 1 июля 1958 г. до 26 янв. 1959 г. правительство состояло из представителей ХДП и СДП, и правящей коалиции в палате депутатов принадлежало 296 мест из 592, т.е. 50%. В аспекте противостояния ИКП фигурируют абсолютные цифры 296 и 140 (сумма 436), т.е. удельный вес правящей коалиции в такой паре 67,9%, что не совсем совпадает с точным значением золотого сечения, но близко ко второму его приближению, см. ряд (12). Данные по сенату: у правящей коалиции 127 мест из 243, примерно 52% от общего состава. В паре "правящая коалиция – ИКП" (127 и 60 мест) у первой те же 67,9%. С 1959 по 1962 гг. правительства составлялись только из представителей ХДП, доля ХДП в паре "ХДП – ИКП" равна 65,9% [125-62]. В феврале 1962 г. сформирован многопартийный Совет Министров из представителей ХДП, социал-демократов и республиканцев. В нижней палате у правящей коалиции 297 мест, т.е. около 50% от общего состава и чуть меньше 68% в аспекте противостояния коммунистам. В верхней палате: правящая коалиция – 127 мест из 253 (чуть больше половины), ее удельный вес в паре "коалиция – ИКП" – 61%.

В январе 1963 г. в Италии принимается закон об изменении отдельных статей конституции, затронувший обе палаты, в апреле состоялись парламентские выборы [125-63]. У правящей коалиции (по-прежнему ХДП, социал-демократы, республиканцы) в палате депутатов 296 мест, у коммунистов 166, т.е. доля первой в настоящей паре составила 64,1%, что еще меньше, чем прежде, отклоняется от теоретической величины. В сенате – 63,4%, также неплохое приближение.

После выборов 19 – 20 мая 1968 г. выступают следующие значения [125-68]. В июле сформировано правительство из представителей только ХДП. В палате депутатов у ХДП – 266 мест, в сенате – 135. У ИКП, соответственно – 177 и 87. Доля правящей ХДП в этой паре по палате депутатов – 60%, по сенату – 60,8%. Затем для формирования надежного парламентского большинства в правительство, помимо ХДП, включены представители ИСП и ИРП. В палате депутатов у коалиции 366 мест из 630, т.е. 58,1%, в сенате – 183 места из 320, т.е. 57,2%. Таким образом, можно констатировать перемещение центра

внимания с первого "этажа" (борьба с ИКП) на второй, на управляемость политической системы в целом. Но этой ситуации не удалось устоять, и уже в августе 1969 г. правительство вновь составлено из членов одной ХДП. Здесь мы встречаемся с характерным порогом во внутренне-политической жизни Италии.

Известно, что не только итальянское правительство, но и ИКП осудила советское вторжение в Чехословакию. В начале 1970-х гг. (особенно, когда лидером ИКП стал Энрико Берлингуэр) ИКП отказывается от ряда фундаментальных постулатов марксизма, включая принцип диктатуры пролетариата и требование общественной собственности на средства производства. Затем ИКП рвет связи с режимом Чаушеску, в 1980-е гг. налаживает связи с западногерманскими социал-демократами. В тот же период разворачивается движение "еврокоммунизма". Изменение политической линии ИКП отчасти снимает с нее подозрения в глазах государственных деятелей и некоммунистического электората, острая конфронтация с ИКП перестает быть главной политической целью. Нет, полной реабилитации не происходит, но отныне предпринимаются попытки *совмещения* двух главных политических целей, т.е. иногда удается *одновременно* (а не попеременно) уделять внимание одной и другой. В частности, становится актуальным создание более широких правительственных коалиций. Именно с этого момента обоснованно и вычисление среднеарифметических значений между двумя парадигмами: противостояние правящего блока и ИКП и соотношение правящей коалиции и оппозиции в целом.

Совет Министров, составленный 6 авг. 1970 г., включал в себя представителей ХДП, ИСП, УСП(1) и ИРП. В палате депутатов из 630 мест правящей коалиции принадлежит 366 [125-70], т.е. 58,1%. В плане противостояния с ИКП (177 мест) – 67,4%. Эти величины качественно отвечают друг другу, и потому становится оправданным вычисление средних значений. Последнее составляет 62,8%, что лишь на 1% отличается от золотого сечения. В сенате у правящего блока 183 мандата из 315, т.е. также 58,1%. Пара с ИКП (87 мандатов) дает 67,8%. Среднеарифметическое – 63%.

В феврале 1971 г. представители ИРП вышли из состава правительства [125-71]. В палате депутатов у правящей коалиции осталось 357 голосов из 630, т.е. 56,7%. Удельный вес коалиции в паре с ИКП составляет 66,9%. Среднеарифметическое – 61,8%, точная модельная цифра. В сенате у коалиции 181 из 315 мест, т.е. 57,5%. При анализе пары "коалиция – ИКП" (у ИКП 87 мест) доля первой – 67,5%. Среднее: 62,5%. Удовлетворительное совпадение с нормативным значением.

7 – 8 мая 1972 г. в Италии состоялись досрочные выборы [125-72]. 26 июня образовано правительство из представителей ХДП, ИСДП, ИЛП (под председательством Дж. Андреотти, ХДП). В нижней палате в распоряжении коалиции 316 мест из 630, т.е. 50,2%. Столь незначительное большинство заставляет говорить о рецидиве антикоммунистической линии. И действительно, в паре "правительственная коалиция – ИКП" (у последней – 179 мест) на долю коалиции приходится близкие к равновесному значению 63,8%. Среднеарифметическое, ввиду качественного несоответствия двух показателей, вновь не имеет реального смысла. В сенате у коалиции 155 мест из 315, т.е. меньше половины. Но в отношениях с ИКП (83 места) – 65,1%. Та же картина.

8 июля 1973 г. формируется новый, более представительный кабинет из ХДП, ИСП, ИСДП, ИРП (под председательством М.Румора, ХДП). В палате депутатов у правительственной коалиции 372 места из 630, т.е. 59,0%. В оппозиции с ИКП (179 мест) – 67,5%. Показатели вновь обрели качественное соответствие друг другу, что позволяет говорить об одновременном решении двух главных политических задач и вычислять среднеарифметическое. Оно составляет 63,3%. В сенате у коалиции 185 мест из 315, т.е. 58,7%. Пара с ИКП дает 69,0%. Среднее – 63,9%.

Любопытным эпизодом политической жизни Италии являлось правительство из представителей ХДП (Председатель Совета Министров Дж.Андреотти), опиравшееся с марта 1978 г. на абсолютное парламентское большинство, в которое входили фракции ХДП, ИСП, ИСДП, ИРП и, как ни удивительно, ИКП [125-78; 79]. В нижней палате этому большинству принадлежало 570 голосов из 630, в сенате – 283 из 315. Подобный расклад не соответствует не только "двухэтажному" партийно-политическому строению (ИКП здесь поддерживает правительство), но даже обычной биполярной системе, что, по-видимому, свидетельствовало о попытке стабилизировать политическую систему посредством минимизации уровня конфронтации. Под нашу схему такая ситуация, разумеется, не подпадает. Впрочем, продолжалась она недолго – из-за назревших противоречий правительство подало в отставку 31 янв. 1979 г., 3 – 4 июня прошли внеочередные парламентские выборы, – и, очевидно, предвещала надвигавшийся кризис итальянской политической системы в целом (в два следующих многопартийных кабинета были даже введены по несколько беспартийных).

Эту систему, как известно, спасти так и не удалось. Несмотря на неординарные меры (например, в июне 1981 г. правительство

возглавил представитель сравнительно небольшой республиканской партии, Дж.Спадолини, в августе 1983 – председатель немногим более многочисленной социалистической партии, Б.Кракси), вместе с "перестройкой" в СССР, трансформацией Европы и мирового сообщества, послевоенная партийная система Италии рухнула и погребла под собой ведущих субъектов национального политического истеблишмента. Волна "судебной революции" нанесла решительный удар не только непосредственно по мафии, без которой не могла существовать политическая система [197], но и бросила на скамью подсудимых самых видных политиков прошлого. Италия вступила в бурную фазу политических перемен, но это уже обсуждалось в главе 2.

Что касается прошлого, кажутся правомочными следующие выводы. Оригинальность партийного строения послевоенной Италии не помешала реализации в ней – как и в классических биполярных системах – действующей пропорции золотого сечения. При этом поскольку, в отличие от обычных биполярных стран, Италия была дважды биполярна и поскольку в ней оказались значимыми не одна, а две логические оппозиции, постольку это находило выражение в перемежаемости или сосуществовании двух различных критериев. Практически в каждый момент итальянцы знали или ощущали, что конкретно они имеют в виду. Благодаря этому, вопреки видимой нестабильности, итальянской политической системе удавалось на протяжении десятилетий не только выстоять, но и в целом успешно справляться с управлением государством.

Норберто Боббио, крупнейший политический философ Италии, утверждал: "Итальянские политики изобрели не перманентную революцию, а перманентный кризис. Итальянская демократия постоянно в кризисе. Италия – слабая демократия, демократическая машина в нашей стране обладает слабым мотором, но я все же не считаю, что этот "вечный кризис" является предвестником катастрофы". И далее: "Итальянская демократия слаба, но устойчива. Итальянцы, может быть, не демократы по убеждению, но они между тем привыкли к демократии. Наша страна является демократической по привычке", цит. по: [56]. Остается лишь задаться вопросами, что в конечном счете удерживало Италию от перерастания хронических кризисов в обвал, что ответственно за упомянутую "привычку", и не взяла ли на себя функцию предохранителя, внутренней опоры и костяка исследуемая сила рационального бессознательного.

Приведенные расчеты имеют характер предварительных, ибо опираются исключительно на формальные данные. В них не

учтена ни кулуарная, ни закулисная деятельность, исключительно важная для Италии. Так, правительства меньшинства или незначительного большинства в действительности могли опираться, благодаря неафишируемым договоренностям, на более значительные части парламента, что не может не повлиять на арифметику, на пропорции. Но в нашу задачу не входит анализ, пусть и важных, деталей. Уточнение расчетов – дело специалистов. Целью настоящего раздела, да и главы в целом, является не исчерпывающее исследование, не закрытие вопросов, а, напротив, их постановка, открытие.

Сделав шаг назад, к стандартной дихотомной ситуации, нелишне обратить внимание, что в разных странах к подведомственности золотому сечению в той или иной мере тяготеет процент явки избирателей к урнам для голосования. В данном случае, соответственно, речь идет о естественном разделении полной группы населения, наделенного избирательным правом (c), на две самостоятельные подгруппы: 1) тех, кто считает необходимым принять участие в процессе голосования, и 2) тех, кто воздерживается от реализации этого права. Далее следует выяснить, какова в среднем оценка каждой подгруппой акта явки на избирательный участок. В первом случае перед нами гражданси активная и ответственная установка, восприятие акта голосования как выражения собственной позиции. Я прихожу на участок, чтобы определить политическое лицо общества, тогда как отказ от подобной возможности означал бы ущемление моих личных прав, ничтожность моих убеждений. Не придя на участок, я пожертвовал бы своим голосом в пользу тех, кто не придерживается моей точки зрения. Образ мысли второй группы, напротив, предполагает восприятие необходимости куда-то ходить, тратить личное время как лишнего бремени. Почему и ради чего я, собственно, должен жертвовать персональными планами, подстраиваясь под срок, на который кому-то было угодно назначить дату голосования? Зачем мне следить за предвыборной кампанией, за дебатами, когда я точно знаю, что все участники стремятся заморочить мне голову? Пусть они сами решают собственные проблемы, а я займусь своими.

На следующей ступени анализа придется постараться понять, какой из двух типов настроений в настоящий момент доминирует в обществе. Если социум находится в политически активном режиме, если неучастие в голосовании воспринимается большинством как ущерб самим себе, то процент явки должен составить величину, близкую к 60%, точнее, к 61,8%. Если обстановка противоположная, т.е. спокойная и "рутинная", на

первый план выходит отношение к визиту на избирательный участок как к бремени, как к принесенной жертве. Тогда от процента явки следует ожидать значения, тяготеющего ко второму устойчивому варианту – 38,2%.

Непременно стоит отметить, что настоящий случай – деление целого на две группы: активную и пассивную, – довольно существенно отличается по характеру от ранее изучавшейся ситуации межпартийной (вар.: межблоковой) борьбы. В последнюю вступают только заведомо активные части электората, принимающие участие в *одних и тех же* соревновании или игре, их соперничество оказывается принципиальным и острым. Напротив, когда решается, приходить на участок или нет, две позиции – активная и пассивная – за редкими исключениями контактируют друг с другом будто сквозь вату. Стандартные призывы к выполнению гражданского долга доходят до сердца и разума лишь части потенциальных избирателей, в то время как остальные не посещают участок главным образом не по принципиальным мотивам (если бы по принципиальным, то сценарий по-прежнему отличался бы концептуальной контрастностью), а из элементарного *равнодушия*. Подобный индифферентизм заставляет усомниться, действительно ли две упомянутые группы принимают участие в одной и той же игре. Одни относительно точно знают, чего хотят, установка других грешит "аморфностью и размытостью". По этой причине "зацепление" между активным и пассивным электоратами может оказаться не очень прочным, и названные проценты могут соблюдаться с меньшей степенью обеспеченности (так, кстати, и происходит в реальности, ибо приходится сталкиваться с самыми разными цифрами).(2) Поэтому в данном случае мы предпочитаем говорить лишь о сравнительно мягкой *тенденции* (вернее, тенденциях, т.к. перед нами, напомним, по сути *две* парадигмы: 61,8% и 38,2%), о прямой или косвенной *склонности, тренде*, а не высказываться столь определенно, как ранее.

По сообщению обозревателя "Известий" в канун очередных выборов в палату представителей США, в среднем в этой стране к избирательным урнам приходят около 39% обладающих правом голоса [323]. Достаточно близкая цифра к 38,2%, свидетельствующая, во-первых, об относительной стабильности американской политической системы по означенному признаку и, во-вторых, о доминировании в США стереотипа воспринимать голосование за конгрессменов как излишнее бремя (тревожащий многих аналитиков абсентеизм). Напротив, в ходе одной из последних предвыборных кампаний в России (выборы в Государственную Думу 19 дек. 1999) включившимся в

ожесточенную информационную войну масс-медиа удалось довести обстановку чуть ли не до вселенского скандала, резко поднять общественно-политический градус, вызвав из спячки недавно разочарованное и не верящее никаким политикам население. Процент явки на избирательные участки в результате составил 61,85% [151] – еще более близкая к одному из теоретических вариантов величина.

Осредненная оценка степени важности личного участия в выборах может пребывать в естественной зависимости от того, формирование каких конкретно органов власти поставлено на повестку дня. Еще в 1996 г. аналитиками администрации российского президента подмечена следующая закономерность: "Если на федеральных выборах (президента, депутатов Госдумы и проч.) о своем гражданском долге вспоминают 65 процентов избирателей, то выборы местного значения или, как их еще называют, "точечные выборы" (губернаторов, мэров, местных законодательных собраний и проч.) собирают едва 35 – 40 процентов граждан" [153]. Таким образом, уже на относительно раннем этапе развития российской демократии установились значения, недалекие от тех, что диктуются нормативным расчетом. Повторим: если доминирует мнение "коль мой голос не вольется в определяющий хор, я от этого потерплю несомненный ущерб", то доля участвующих, согласно теории, должна составить 61,8% (ср. 65%); если поход на избирательный участок считается не столь уж и важным, воспринимается как личная жертва, то типичная величина – 38,2% (ср. 35 – 40% в реальности).

Информация по несколько иному, но сопряженному критерию содержится в работе американского политолога. Э. Бьюэлл: "Процентная доля тех потенциальных избирателей, которые отказываются идентифицировать себя, хотя бы нетвердо, с какой-либо из двух партий, увеличилась с 26% в 1952 г. до 39% в 1992" [68:3, с. 101]. Сравнение фактических 39% с теоретическими 38,2% позволяет предположить, что к 1992 г. электоральная система США вышла, согласно названному признаку, на один из устойчивых уровней. При этом тревогу бить рано: репрезентативное большинство (реальные 61%, теоретические 61,8%) по-прежнему за теми, кто принимает предложенные правила игры. Небезынтересны цифры и по идеологическому членению групп активистов двух главных партий. Из результатов опроса среди участников партийных съездов 1988 г. вытекало, что "свыше 39% всех делегатов съезда демократической партии идентифицировали себя как либералов; как консервативные собственные взгляды охарактеризовали 60% республиканцев" [там же, с. 98]. В обоих случаях перед нами уже известные характерные

величины.

Не хотелось бы вдаваться в детальное исследование вопроса. Не только потому, что – по сравнению с долями проголосовавших за ту или иную партию, за тот или другой блок – данный момент оказывает меньшее влияние на политическую структуру социума. И не только потому, что в текущей главе, как и в книге в целом, ставится задача не исчерпать вопрос, а только поставить. В процессе дальнейшего изложения читатель познакомится и с другими, отличными от названной, политическими пропорциями – в зависимости от актуальных целей и ценностей главных действующих групп. Даже такие частные вопросы, как процент явки на выборы, как присоединение или неприсоединение к одной из ведущих идеологических групп, целесообразнее исследовать *после* того, как в распоряжение будет получен более широкий набор теоретических инструментов. Пока же еще рано покидать семантическое поле закономерности золотого сечения: еще не затронуты многие любопытные случаи.

Рациональное бессознательное в связке с ценностно-целевыми установками актуально не только в сфере политики. Приведем несколько образцов из комплементарных ей областей.

Под используемую схему подпадают некоторые экономические процессы. Здесь надлежит соблюдать осторожность: модель затрагивает исключительно завершающиеся, так называемые терминальные, процессы, поэтому и интересующие нас экономические показатели должны относиться к по-своему завершенным, самодовлеющим состояниям, а не описывать текущий процесс. Чтобы избежать голословности – конкретный пример.

Объемы внутренней и внешней торговли – сопряженная пара a, b , для которой справедливо $a + b = c$, где c – общий объем торговли. В конце 1950-х годов Европа находилась в разрозненном состоянии, и входящие в нее страны торговали с кем угодно, согласно классическому либеральному идеалу free market. Напротив, в последующие десятилетия были предприняты целенаправленные усилия на переориентацию торговли стран-членов ЕС друг с другом, в результате чего сложилось принципиально новое состояние: "ЕС – бастион". Соответственно, в газете "Нойе цюрихише цайтунг" от 17 апр. 1991 г. читаем: "Доля торговли двенадцати стран-членов ЕС с третьими странами составляла в 1958 г. 63% от ее общего объема, а к 1989 г. снизилась до 40%", цит. по: [423, S. 130].

Характерными представляются обе цифры. До конца 1950-х годов главные цели и ценности европейских стран в отдельности и всех вместе заключались в стремлении завоевать и освоить

внешние рынки, а торговля друг с другом занимала в умах населения и политиков подчиненное место. Впоследствии стратегический вектор развернулся на 1800: центральной задачей стал обмен друг с другом, тогда как связи с прочим миром значимы лишь постольку, поскольку им не препятствуют. К концу 1980-х годов хозяйственная интеграция продвинулась так далеко, что упомянутая сознательная установка пришла к своему логическому завершению. Читатель самостоятельно справится с сопоставлением реальной величины 63% с теоретической 61,8% и реальных 40 процентов с 38,2. Для нас же важнее в очередной раз подчеркнуть: оба – и исходное, и конечное – положения воплощали в себе самосогласованные, "терминальные" установки, и мы не анализировали динамику цифр в период трансформации первой из них во вторую.

К той же гармонической пропорции недвусмысленно тяготеет и стандартное представление об "обществе двух третей". Непосредственно оно обязано канонизированному различению в развитых социумах трех классов: богатого, среднего и бедного (о предпосылках этого см. раздел 1.3), – а также тому прозаическому факту, что общество потребления нацелено на обслуживание интересов прежде всего первых двух. В результате трехсоставная схема редуцируется по этому критерию до двухсоставной: альянс богатого и среднего классов, с одной стороны, и бедный класс, с другой. Соперничество двух групп и приводит в общественных представлениях к величине 2/3, т.е. ко второму из приближений к золотому сечению, см. ряд (12). Развитые государства обеспечивают не только моральное, но и количественное преимущество обладателям денег. Зеркально-обратная ситуация в мировом сообществе в целом. Опираясь на модель трех миров: первого (Запада), второго (Востока) и третьего, – мир-системные аналитики обращали настойчивое внимание, что материальное преимущество здесь принадлежит меньшинству, тогда как 2/3 людей лишены и элементарных удобств. В человечестве в целом превалирует бедность. Даже не относясь к поклонникам такого рода подсчетов (хотелось бы оставить приоритет за более позитивно вычисляемыми величинами), нельзя не заметить, что и эта дескриптивная модель имеет логической подкладкой ту же закономерность золотого сечения.

Чтобы развлечься, можно взглянуть на цифры и из такой экзотической области жизни, как выборы римских пап. Согласно данным, приводимым в "Социальной и культурной мобильности" Питирима Сорокина, доля пап, выдвинутых из знатных и богатых общественных слоев, составляет 61,8%, точный признак золотого деления [305, с. 390]. (Для полноты упомянем и остальные цифры:

из беднейших слоев – 19,4%, из средних – 18,6%). Католические синклиты поддерживали преимущество богатых перед консолидированным слоем средних и бедных с исключительной логической строгостью, они состояли из неоспоримо разумных персон. Чтобы не оставлять экзотику в одиночестве (рассудительность – не монополия кардиналов): когда проводился матч за шахматную корону ФИДЕ между Анатолием Карповым и Гатой Камским, общий призовой фонд в $1,5 млн. был разделен организаторами в следующей пропорции: 62,5% – победителю, 37,5% – проигравшему (см. "Аргументы и факты", 1996, № 27).

Заключая короткий пассаж об экономических и социально-экономических (классовых) пропорциях, необходимо не упустить из внимания, что в обоих случаях активно задействована сила *идеологии*: массового сознания и коллективного настроя. На протяжении десятилетий в психику европейцев последовательно внедрялась цель единства Европы, начиная с экономического. Не менее долгая история и у идеологии консюмеризма. Без этого, как без окружающих плод зародыша вод, не могли бы созреть и сработать закономерности рационального бессознательного.

Примечания

1 Унитарная социалистическая партия, основана в июле 1969 г. социал-демократическим крылом ИСП.

2 Тот, кто немного разбирается в статистике, вправе использовать такие выражения как "большая дисперсия", "высокое среднее квадратическое отклонение".

3.6. Кватерниорные партийно-политические системы

Теперь речь пойдет об одной из специфических модификаций партийно-политических систем и, соответственно, схемы золотого деления. Возьмем для образца результаты выборов в Государственную Думу России в 1995 г.

В работах [312], [313] в виде прогноза, а в разделе 1.4.2 постфактум высказывалась гипотеза о существующих тенденциях постепенного формирования в России не канонической для политической теории и ряда западных стран биполярной (двухпартийной или двухблоковой) системы, а кватерниорной, т.е. *четырех*партийной, *четырех*блоковой. В главе 2 этот тезис подкреплен констатацией, что к настоящему моменту переживающая глубокие перемены Россия пережила три ярких "подбифуркации": 1) "перестройку", 2) кризис августа – декабря 1991 г. и 3) кризис сентября – декабря 1993. Каждая из "подбифуркаций" стала точкой ключевого выбора, поворота во внутренне-политической жизни страны, оказав кардинальное влияние на общественно-политическое строение. Именно такое количество бифуркаций и "подбифуркаций", как мы помним, создает особо благоприятную почву для утверждения четырехсоставности. В настоящем контексте уместно также напомнить, что тривиальной предпосылкой корректности натурального счета – раз, два, три – является *соизмеримость* главных элементов, в данном случае ведущих политических партий и избирательных объединений. Теперь предстоит уточнить, каким конкретно должно быть соотношение между удельными весами составных частей в относительно равновесной четырехпартийной системе.

Итак, рассмотрим партийно-политическую систему, включающую в себя не два, как ранее, а четыре главных компонента. Если в первых разделах речь шла о балансе *пар* элементов и взаимодействии внутри пары по одному обобщенному параметру (рис. 3-1), то теперь таких параметров (и пар) два. В отличие от раздела 3.5 (послевоенная Италия), изучению подвергаются не "расщепленные" ("двухэтажные") партийно-политические структуры, для которых характерно наличие мощной "антисистемной партии", а, напротив, достаточно интегрированные, когда даже коммунисты придерживаются принятых правил игры, от них зависит принятие

или непринятие важных парламентских решений, т.е. они служат неотъемлемым звеном реальной политической конструкции. Из того, что пар отныне две и они координированы, вытекает, что у системы в наличии не одна, а две степени свободы, система регулируется и саморегулируется не по одному, а по двум обобщенным критериям. Если за установление политического гомеостаза ответственен прежний логический механизм и если два упомянутых критерия относительно независимы друг от друга, то золотое деление должно быть повторено дважды по взаимно ортогональным направлениям:

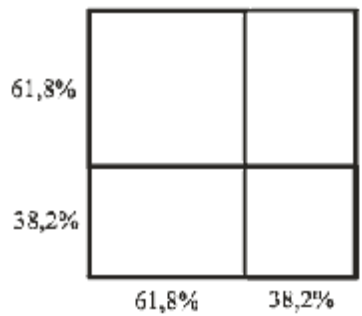


Рис. 3-10

К совершенно тому же результату мы могли бы прийти, составив два условия вида (1) – (3) или, что то же, (11), (12), однако этот путь идентичен прежнему и его вряд ли имеет смысл повторять. Поэтому позволим себе небольшой логический скачок, обратившись к услугам геометрической схемы – в духе так называемой геометрической алгебры.

На рис.3-10 большой квадрат со сторонами 1, т.е. по 100%, и площадью в 100% изображает характеристический объем: сумарный электорат четырех ведущих партий или блоков. Пунктирными линиями обозначены границы между парциальными электоратами (между электоратами разных партий). Каков удельный вес каждого из четырех секторов?

Задача для третьего класса школы: процентное содержание каждой из частей равно произведению сторон соответствующих прямоугольников. В результате получим:

Рис. 3-11

От двух из четырех партий (двух из четырех политических блоков) следует, согласно модели, ожидать опоры на одинаковые доли суммарного электората – по 23,6%; одна из партий должна пользоваться наибольшей поддержкой избирателей – 38,2% и еще одна – наименьшей: 14,6%. Сравним теоретические значения с реальными.

На выборах в декабре 1995 г. в Государственную Думу по партийным спискам прошли четыре избирательных объединения, сумевшие преодолеть пятипроцентный барьер: Коммунистическая партия (КПРФ), "Наш дом – Россия" (НДР), Либерально-демократическая партия Жириновского (ЛДПР) и "Яблоко". По количеству составных частей реальность полностью соответствует изучаемой схеме. Каково соотношение компонентов между собой?

Согласно данным Центральной избирательной комиссии (1), по спискам коммунисты получили 22,3% голосов от общего числа избирателей, "Наш дом – Россия" – 10,13%, либеральные демократы – 11,18% и объединение "Яблоко" – 6,89%. Поскольку в теории фигурировали не абсолютные доли каждой из четырех политических единиц, а *их отношение между собой*, перед сравнением следует произвести перерасчет (2). Суммарный процент голосов, поданных за четыре названных партии, составляет 50,5%. Для того, чтобы получить долю каждой из них в отношении только между собой, необходимо абсолютные доли разделить на 50,5%. В результате получаем: на долю КПРФ приходится 44,2%, НДР – 20,1%, ЛДПР – 22,1%, "Яблока" – 13,6%. Для наглядности изобразим это на схеме, поставив рядом с

теоретической (рис. 3-11):

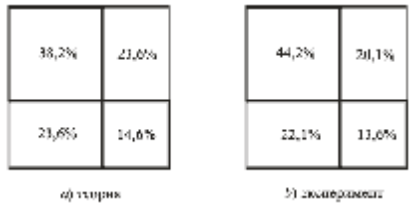


Рис. 3-12

Согласно модели, электоральные веса двух из четырех политических единиц должны быть равны: по 23,6%. Фактический разрыв между ними оказался не очень значителен; превышение теоретического значения над реальным составляет для НДР – 3,5%, для ЛДПР – 1,5%. Одна из партий, в данном случае КПРФ, как и предполагает модель, получила заметное преимущество над остальными: 44,2% (при теоретических 38,2%). И, наконец, четвертая, "Яблоко" – 13,6%, при теоретических 14,6%.

Как, надеюсь, удалось убедиться, теоретическая модель качественно оказалась достаточно адекватной фактическому положению, да и количественные расхождения, по-видимому, не выходят за рамки приемлемых для натурного эксперимента. Это тем более любопытно, что теория исходит из предпосылки политически устойчивого социума, т.е. достигшего состояния известного гомеостаза, в то время как ведущие масс-медиа и официальные аналитики наперебой твердили о наличии угрожающей политической нестабильности. Цифровые критерии, согласованность действительных данных с теоретическими для кватерниорных общественных систем, представляется, – более надежная основа для оценок, чем идеологизированные мнения не всегда заинтересованных в объективной истине и/или подчиненных стадным стереотипам журналистов и политологов. Сполох одного из вариантов относительно устойчивой четырехсоставной партийно-политической системы уже промелькнул в России, и теперь не выглядит неправдоподобным, что реализация аналогичной структуры не исключена и в будущем, по окончании пока еще турбулентного или перемежающегося переходного политического процесса.

При этом вовсе не обязательно, чтобы установленные проценты соответствовали всегда одним и тем же политическим

акторам. Одна партия на политической сцене может вытеснять или заменять другую (например, некоторые предпочли бы, чтобы место ЛДПР Жириновского заняла не столь циничная, менее экстремистская консервативно-националистическая сила), а сохранившие свое ведущее положение партии могут попасть в другие числовые ячейки (скажем, КПРФ по мере естественного уменьшения своего преклонного по возрасту электората могла бы переместиться сначала в ячейку 23,6%, а затем и 14,6%). Но мы не склонны заниматься зависящими от вкусов упражнениями, нас интересуют исключительно числа и их связь с политической семантикой, в данном случае семантикой одной из разновидностей кватерниорных партийных систем.

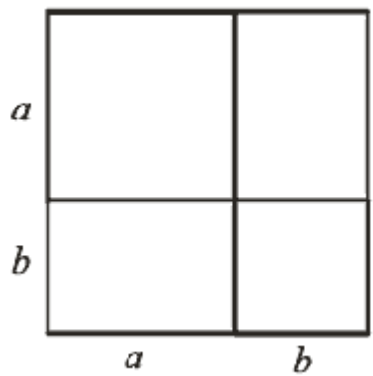
И еще одно. До настоящего времени логика кватерниорных партийных систем (или моделей), в отличие от биполярных, остается малоизученной. Над политической теорией довлеют дихотомные стереотипы. Это обусловлено не только тем, что последние представляются более простыми как для исследователей, так и общественного сознания. Пионерами и лидерами модернизации оказались англосаксонские государства, и потому именно их политический опыт был выбран в качестве образцового, а применительно к Британии и особенно США двухпартийная модель действительно работоспособна. Вообще для стран, переживших в своей истории лишь по две ключевых политических бифуркации, наличие пары ведущих политических сил – достаточно характерная черта, см. главу 2. Идеологическому доминированию биполярной модели на протяжении послевоенных десятилетий способствовал и мировой политический климат, который зиждился на аналогичных началах. Иная ситуация может возникнуть в странах с более выраженными континентальными признаками, особенно когда и мировое сообщество вступило в полосу третьей бифуркации. Поэтому мысленная апелляция к англосаксонскому эталону зачастую скорее дезориентирует, чем помогает реальному осмыслению.

Отлично помню комментарии, сопровождавшие подведение итогов голосования в Думу 1995 г. "Неожиданность", "избирателям чужд здравый смысл, элементарная логика" – не самые сильные из бытовавших оценок. Мне же казалось, что со здравым смыслом больше проблем у аналитиков, которые не в силах отступить от ходульных схем биполярности и сопряженных с ними критериев, "неожиданность" – из того же источника. Если коллективное поведение электората с достаточно высокой степенью точности подпадает под один из теоретически строгих паттернов, это, по-видимому, должно быть расценено как его

рациональность, пусть до конца и неосознанная (вновь, как в *Предисловии,* апеллируем к рациональному бессознательному). Просто это другая модификация рациональности, непривычная для тех, кто привык плестись в хвосте морально устаревших теорий. Чтобы не попадать всякий раз в подобное положение, стоит продолжить анализ кватерниорных систем.

Прежде всего, несколько слов о формальном аспекте. Выше результаты расчетов были представлены в наглядном виде, соответствующем древней геометрической алгебре, разрабатывавшейся еще пифагорейцами. Тем, кто отдает предпочтение принятым ныне формально-символическим методам, нетрудно предложить краткий перевод с одного языка на другой.

Так, квадрат двучлена *(a + b)* пифагорейцы изображали с помощью следующего чертежа:



В "Началах" Эвклида (кн.II, 4) приведена эта схема (см., [142, с. 79]), из которой непосредственно следует, что площадь квадрата, построенного на стороне *a + b*, равна сумме площадей четырех прямоугольников: двух квадратов с площадями *a2* и *b2* и двух равных между собой прямоугольников с площадями *ab :*

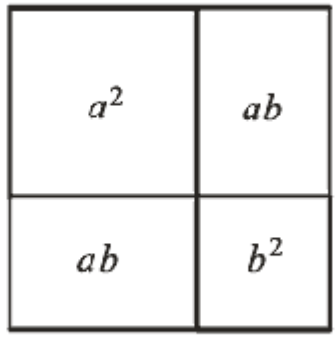


Рис. 3-13

Символическая запись более лаконична и незабываема со средней школы: *(a + b)2 = a2 + 2ab + b2*. Обычному, т.е. ординарному, золотому сечению соответствует рис. 3-1, условие *a + b = c* , в относительных долях – уравнение (7), т.е. *x + x2 = 1*. Если возвести правую и левую части последнего выражения в квадрат, это не нарушит справедливости равенства:

*(x + x*2 *)*2 = 1 2.

Или, раскрыв скобки:

*x*2 + *x*3 + *x*3 + *x*4 = 1.

Последнее, как нетрудно убедиться, и отвечает четырем процентным компонентам используемой теоретической схемы, при этом *x* = 0,618. Таким образом, все прежние рассуждения сводятся к возведению в квадрат уравнения, описывающего золотое сечение.

Чтобы получить более отчетливое представление о принципах работы настоящей разновидности кватерниорной системы, приведем несколько пояснений. В качестве иллюстрации по-прежнему воспользуемся ситуацией в России в 1995 г. Пусть в общественной системе происходит разделение политических пристрастий в зависимости от подхода к паре самых злободневных и ключевых вопросов: например, в зависимости от отношения к проводящимся энергичным реформам (приятие их или неприятие), а также к новому месту страны на международной арене. Стремительная утрата положения сверхдержавы, распад СССР не могли не нанести психической травмы, и люди разбились на тех, кто принял новое состояние

("демократия важнее национального величия"), и тех, кто с ним категорически не согласен, полагая новый политический курс ошибкой или предательством. Сначала для простоты рассмотрим каждый вопрос, или каждый аспект, политического разделения в отдельности – как будто они полностью независимы друг от друга.

Сторонники и противники проводящихся экономических реформ образуют неразрывную пару, ибо наступление реформаторов продолжается до тех пор, пока не сформируется адекватное организованное сопротивление (без чего невозможно говорить о гомеостазе, о равновесии сил). Первое условие модели, таким образом, выполнено. Каждая из двух групп стремится максимально распространить свои убеждения и влияние, т.е. условие экспансии тоже удовлетворено. Наконец, третий вопрос: какая из двух групп стяжает обыкновение не ценить то, что имеется, то есть занимает позицию "жертвенности".

Если в период горбачевской "перестройки" такая роль была принята коммунистической партией, то впоследствии ситуация вывернулась наизнанку. Дело реформ, начиная с Е.Т.Гайдара, попало в руки явных "западников", которым всегда, еще с XIX века, было свойственно презирать то, что у России реально есть здесь и сейчас. Каковы конституирующие признаки идеологии команды Гайдара тех лет? – Во-первых, все, что было прежде в стране, громогласно объявлялось безусловно неприемлемым, недостойным, и оттого оно должно быть без сожалений отброшено. Во-вторых, романтическая поза жертвы была принята и самим Гайдаром: да, он пошел на неблагодарное дело реформ, хотя отдает себе отчет, что вскоре будет грубо отвергнут. Реформаторы – это герои, приносящие свои если не жизни, то кресла и уважение населения на алтарь эпохально великих свершений. Сторонники Гайдара переняли данную позу: быть непризнанной солью русской земли. Таким образом, и реальное поведение лагеря реформаторов (разрушение хотя и отставшей, но все же работавшей промышленности, не последних в мире образования и науки, мгновенное обсценивание денежных вкладов населения ,(3) "даровая" приватизация, создание предпосылок для массового бегства капиталов), и идеологическая самооценка реформаторов вполне соответствовали их "рецессивности". Все три условия закономерности золотого сечения налицо, и когда система по означенному признаку (отношение к экономической реформе) приходит к состоянию равновесия, на долю сторонников реформ должны приходиться теоретические 38,2%, а их противников – 61,8%.

Не иначе дело обстоит и при делении социума по другому

критерию: определения надлежащей международной роли России, т.е. быть ей "великой" или "невеликой". Вместе с осознанием состоявшейся исторической потери, ничем не скомпенсированными щелчками по национальному самолюбию, вслед за добровольной сдачей былых международных позиций либеральным русским правительством именно демократический лагерь стал связываться с принесением жертвы, обыкновением не ценить того, что реально имеется и имелось. Соответственно, по достижении гомеостаза в рамках последнего параметра удельный вес "патриотов" (они же – "державники") должен составить теоретические 61,8%, а "демократов" – 38,2%.

Если бы в России формировалась двухпартийная (двухблоковая) система, то по всем канонам лагерь, которому принадлежит большинство по каждому из двух наиболее волнующих общество вопросов, одержал бы убедительную победу. Иначе в кватерниорной системе. Здесь два золотых сечения не накладываются друг на друга по одной оси, не подтверждают одно другое, а выступают независимо. Это свидетельствует о том, что в коллективном сознании оба вопроса разделены, образуя четыре комбинации по принципу: да-да, да-нет, нет-да, нет-нет. Ни одной из групп не принадлежит абсолютное большинство, каждая обречена на ведение переговоров, на компромисс. На рис. 3-14 представлена схема, иллюстрирующая конкретный паттерн на выборах 1995 г.

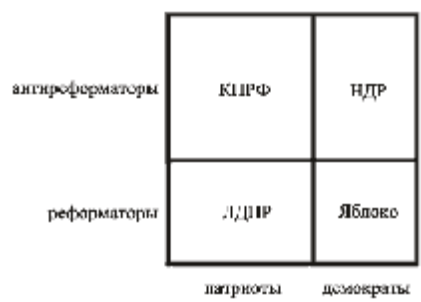


Рис. 3-14

Следует заметить, что общественная оценка каждого из четырех идеологических элементов несла на себе значительный груз прошлого: коллективное сознание довольно инерционно и не

чутко ко многим нюансам. Так, позиция Г.А.Явлинского, или "Яблока", в целом идентифицировалась как реформаторская и антипатриотическая, хотя сами руководители блока не давали к последнему повода. (Явлинский, похоже, занял тогда былую нишу Гайдара, но при этом не "плохого", а "хорошего" Гайдара.) Антиреформаторская и ярко выраженная патриотическая кодификация КПРФ не нуждается в дополнительных пояснениях. Либеральные демократы В.В.Жириновского выступали в общественных представлениях в образе сторонников принципиальных реформ и решительных патриотов. Наконец, что априори не вполне ожидаемо, "Наш дом – Россия" В.С.Черномырдина попадал в ячейку демократов, но антиреформаторов – очевидно, по контрасту солидного по возрасту и виду выходца из номенклатуры премьера Черномырдина с его предшественником на посту, "чикагским мальчиком", "завлабом" Е.Т.Гайдаром. О степени работоспособности предложенного деления читатель может судить, обратившись к количественному сравнению теоретических данных с действительными, которое представлено на рис. 3-12.

Оставаясь в пределах той же разновидности кватерниорных партийных систем, со временем может меняться конкретный состав конституирующих идеологических штампов. В частности, в состоянии переходить от одного актора к другому подразумеваемая позиция "жертвы" (например, коммунисты играли эту роль в горбачевский период, а к 1995 г. обрели уверенность и вальяжность). Таким образом, значение паттерна шире, чем одного предложенного образца. Впоследствии будут представлены прецеденты иных кватерниорных систем, но пока еще рано покидать настоящую модификацию: единственный пример – не доказательство.

Не лишено занятности, что след сходных пропорций можно обнаружить уже в итогах первых в новой России парламентских выборов. Принятие новой конституции, избрание только что созданной Государственной Думы состоялись в декабре 1993 г., т.е. на волне острейшей политической конфронтации, сопровождавшейся выстрелами танков в Москве (см. в главе 2 о третьей "подбифуркации" в России). До настоящей стабильности было еще далеко, и более поздняя кватерниорная система еще не сложилась. Тем не менее акт выборов обладает определенной устойчивостью, поэтому попробуем проверить количественные соотношения.

В число лидеров парламентской гонки попали три партии или избирательных объединения: "Выбор России" Гайдара,

получивший по спискам 17,8% голосов, ЛДПР Жириновского с 26,2% и КПРФ – 14,2% [99, с. 111]. Скелет четырехпартийности еще не успел полностью сложиться, но реальное на тот момент положение все же похоже на ее первое, еще грубое, приближение. В системе выделился превалирующий элемент – ЛДПР. Оставшиеся два добились примерно одинаковых результатов. Чтобы снизить влияние политической нестабильности на оценку, целесообразно вычислить их среднее значение. Среднее арифметическое 17,8 и 14,2 равно 16,0%.

В модели двойного золотого сечения отношение любого из двух одинаковых средних элементов к главному должно составлять – см. выше – 0,618, или 61,8%. Проверим, какой оказалась эта величина в действительности. Частное от деления 16,0% на 26,2% равно 0,611, или 61,1%, т.е. с неплохой степенью точности совпадает с 61,8%. Такой факт позволяет предложить некоторые выводы.

На первых этапах реформ, до осени 1993 г. включительно, основная интрига внутренней политической жизни России заключалась в конфронтации рефоматорских сил, "демократов", с одной стороны, и коммунистов (в тогдашней этикеточной терминологии "патриотов"), с другой. Результаты борьбы этой пары негативно отразились на положении большинства населения, а в апогее привели к вооруженным беспорядкам в Москве, к безудержной истерической кампании в масс-медиа. Полностью солидаризируюсь с оценками, некогда данными выборам 1993 г., – голосование было протестным, и массовый протест нашел выражение в снижении влияния как реформаторов, так и КПРФ. На политическую арену устремилась совершенно новая сила, продекларировавшая активное неприятие обоих недавних властителей общественных умов и сердец, ей и досталось больше всех голосов. В настоящем случае нас не интересует тот факт, что "третяя сила" оказалась абсолютно неконструктивной, представив скорее пародию на новую идеологию и программу. Для нас важнее, что она воспринималась в качестве *другой*, не связанной со скомпрометировавшими себя лагерями. Именно так в политическое тело России впервые вошло второе, независимое измерение, второй конституирующий признак деления. По мере стабилизации, к 1995 г., это и привело к формированию четырехпартийного варианта. Его корни, однако, – в 1993 году, у самых истоков современной российской республики. Характерно и то, что уже в 1993 г. приобрело актуальность отношение 61,8% (на практике 61,1%).

Впрочем, вниманию читателей можно предложить и более непосредственные, а значит, и более убедительные иллюстрации

четырехчастного разделения электорального поля.

У Красноярского края в глазах политологов сложилась репутация своеобразной "России в миниатюре", полномочного репрезентанта существующих политических настроений по стране в целом. Там и там примерно одинаковы демографическая и социальная карты, до самого последнего времени красноярские электоральные показатели почти всегда совпадали с общероссийской статистической нормой (4). Вдобавок выборы в краевое законодательное собрание проводятся по той же смешанной мажоритарно-пропорциональной системе, как и в Государственную Думу, принят аналогичный 5%-й барьер. На состоявшихся в 1997 г. региональных выборах из множества избирательных объединений этот барьер преодолели также четыре: блок "коммунисты и аграрии" собрал 24% голосов, движение "Честь и Родина. Александр Лебедь" – 14%, возглавляемый заместителем губернатора "Союз дела и порядка" – 13%, "Яблоко" – 7% [30].

Заслуживает внимания не только типологическая идентичность состава ведущих объединений общероссийским: 1) коммунисты, 2) националисты (в нише ЛДПР здесь расположилось патриотическое движение генерала Лебедя), 3) партия власти (вместо общероссийского НДР, возглавлявшегося "заместителем Ельцина", премьером Черномырдиным, перед нами партия местных начальников во главе с заместителем губернатора), 4) то же самое "Яблоко". Больше всего нас волнуют цифры.

Как и на выборах в Думу 1995 г., националистам и "партии власти" отдало предпочтение почти одинаковое число избирателей, коммунисты – безусловные лидеры, у "Яблока" – роль "младшего брата". По-прежнему предмет исследования составляют не абсолютные доли, а отношение ведущих акторов между собой. Поэтому сравнению с теорией должно предшествовать приведение экспериментальных данных к нормативному виду. Суммарный процент голосов, поданных за четыре объединения, составляет 58%. Чтобы привести их к 100%, необходимо использовать переводной коэффициент 100 / 58. Для удобства представим результаты в таблично-графической форме:

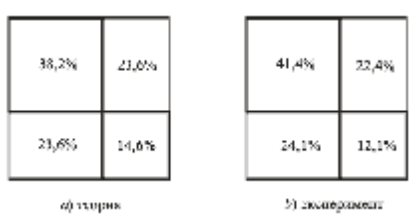


Рис. 3-15

Соответствие теоретических значений реальным вновь, по всей видимости, следует признать удовлетворительным.(5)

Чтобы не сложилось превратное впечатление, что ареалом указанной разновидности кватерниорных систем служит только Россия, рассмотрим еще хотя бы парочку прецедентов: из современной Молдовы и из бывшей Восточной Германии.

По результатам выборов 21 марта 1998 г. в Молдове в парламент сумели пройти четыре партии и движения (остальные пятнадцать не преодолели 4%-ный барьер). Согласно сообщению "Известий" [287], на первое место, как и в России, вышла Коммунистическая партия, руководимая Владимиром Ворониным, с 30 процентами голосов. Второе место – у правой Демократической конвенции, глава – бывший президент Мирча Снегур, 18,5%. Центристское "Движение за независимую и процветающую Молдову" собрало 18,1%. Правой прорумынской Партии демократических сил (лидер – Валериу Матей) отдало предпочтение 8,4%. В данном случае c = 30 + 18,5 + 18,1 + 8,4 = 75,0%. Нормировка на 100% приводит к следующему распределению долей (вновь прибегаем к таблично-графической форме, для удобства поставив рядом цифры из двойного золотого сечения):

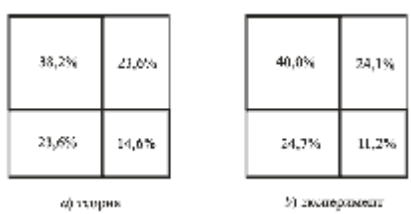


Рис. 3-16

В специальных комментариях сопоставление, по-видимому, не нуждается. В очередной раз у двух политических акторов (в данном случае у Демократической конвеции и Движения за независимую и процветающую Молдову) – примерно одинаковые

электоральные базы. В четверке выделяется лидер (Коммунистическая партия Молдовы) и аутсайдер (Партия демократических сил). Количественное соответствие цифр свидетельствует о дескриптивной состоятельности модели двойного золотого сечения.

Последний пример – удобный повод, чтобы подчеркнуть одну из особенностей кватерниорных систем: безусловного победителя в таких системах, как правило, нет. Для того, чтобы добиться количественного перевеса в парламенте и проводить свои законодательные инициативы, всем приходится вступать в коалиции, и это еще открытый вопрос, какая из них будет сильней. Так, в молдовском парламенте коммунистам не удалось блокироваться ни с одним из объединений (надежды возлагались на центристов из блока "За демократическую и процветающую Молдову"), – блок Мирчи Снегура предпочел вступить в правый альянс [288]. Как итог, в парламенте сложилось правое большинство из трех некоммунистических партий, а золотым призерам, коммунистам, пришлось удовольствоваться ролью оппозиции. Однако главный наш интерес – не политическая комбинаторика или механика, а цифры.

Результаты региональных выборов 1998 г. в земле Саксония-Анхальт повергли в шок сообщество журналистов и аналитиков. "Неблагодарные" восточные немцы, которым в последние годы были сделаны колоссальные финансовые инъекции, показали свои истинные настроения, разочарование контрастом реальности и обещаний (безработица здесь в два раза выше, чем в западных землях и достигает двадцати пяти процентов, экономический подъем, о котором столько говорили в 1990 и в 1994 гг., по-прежнему заставляет себя ждать). Соответственно, помимо традиционных фаворитов всех избирательных кампаний – христианских демократов (ХДС) и социал-демократов (СДПГ), – пятипроцентный барьер удалось преодолеть расценивавшейся как однозначный маргинал наследнице восточногерманских коммунистов, Партии демократического социализма (ПДС), а также националистическому Немецкому народному союзу. Кватерниорная схема налицо. За СДПГ проголосовало 35,9% избирателей, за ХДС – 22,0%, за ПДС – 19,6% и за ННС – 12,9% [453].

Знакомая качественная картина: одной из партий принадлежит абсолютное лидерство, электораты двух других примерно равны между собой, и замыкает список четвертая. Проведем количественное сравнение. Обработка экспериментальных данных проводится по прежней процедуре. Суммарный процент голосов, поданных за четыре партии,

составляет 90,4%. Следовательно, для выяснения соотношений этих электоральных групп между собой необходимо воспользоваться переводным коэффициентом 100 / 90,4. Результаты представляем в графической форме:

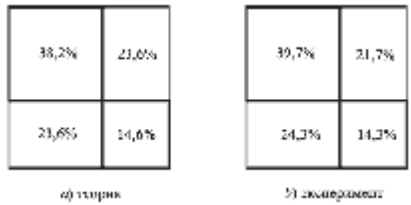


Рис. 3-17

Сравнение двух групп цифр позволяет сформулировать несколько выводов. Во-первых, реальные показатели в настоящем случае еще ближе к модельным, чем в предыдущих примерах, что свидетельствует о превалирующей организованности, систематичности коллективных сознания и бессознательного в Германии. Заключение о действенности закономерности двойного золотого сечения и стоящем за ней политическом механизме, по-видимому, не покажется преувеличением. Лишь некритическая приверженность либеральным стереотипам заставила немецких журналистов и политологов повергнуться в состояние, близкое к обмороку, восприняв представшую реальность как признак слабого здравомыслия избирателей на Востоке ("Коричневый рай" озаглавил свою патетическую статью журналист "Зюддойче цайтунг", начав с риторической фразы: "Какая коллективная мудрость может заключаться в таком результате выборов?" [431]). Напротив, с точки зрения нашей модели электоральное поведение земли Саксония-Анхальт вполне логично и последовательно (категория мудрости не поддается верификации и подсчету, поэтому оставим ее в распоряжении тех, кто знаком с ней накоротке).(6) Критерию логичности и последовательности коллективного бессознательного отвечает и количество пришедших на избирательные участки – 36%, "что считается нормальным для Германии" [79], ср. с 38,2% модели "неохотной явки", раздел 3.5. Во-вторых, вероятно, настала пора детальнее разобраться в предпосылках партийно-политической кватерниорности как таковой.

Каковы вообще причины возникновения четырехпартийных

систем? В разделе 1.4 была предпринята попытка выяснить логическую подоплеку модернистской парадигмы M = 4: основная ответственность за ее утверждение в обществе пала на виртуализацию. Ни один из современных значимых социально-политических процессов не обходится без участия масс-медиа, без их сопровождения события не только неполноценны, но и не оцениваются как реальные, как *политически* реальные. Обычная бинарная логика (бинарные отношения) n = 2 дополняется третьим элементом (своеобразным "наблюдателем"), n = 3. Но тогда, если совокупность партий воспринимается в качестве автономной и целостной, то M = 4, см. раздел 1.4. Всякая избирательная кампания – время и место картинных ристалищ, месяцами не покидающих экранов и печатных страниц, отчего в появлении четырехпартийной модели трудно усмотреть что-либо нелогичное и неестественное. Таковы рамочные предпосылки, однако хотелось бы уяснить и более предметные, специфические, поскольку по ряду привходящих обстоятельств кватерниорная схема реализуется в партийно-политической сфере далеко не везде и не всегда.

Напротив, биполярная конструкция: республиканцы и демократы в США, консерваторы и лейбористы Британии, христианские демократы и социал-демократы послевоенной ФРГ, "правые" и "левые" во Франции и т.д., – не только признана типичной, но и канонизирована в политических теориях. Коли социуму надлежит делиться согласно политическим предпочтениям,(7) дихотомия действительно наиболее проста и становится первым шагом (ведь речь идет об овладении большинством, т.е. как минимум половиной плюс один голос, следовательно, сил, которые вправе рассчитывать на победу, и должно быть две). Тот же вариант стихийно сложился в СССР периода "перестройки". Как только были сняты ограничения на деятельность общественно-политических объединений, в противовес недавнему монополисту КПСС был образован нацеленный на перемены "Народный фронт", который на первых альтернативных выборах 1989 г. провел изрядное число своих кандидатов в Верховный Совет (а пресса тех лет взапой эксплуатировала интригу титанической битвы "реформаторов" и "антиреформаторов"). С 1991 г. эта пара трансформировалась в лагеря "демократов" и "патриотов" (соответственно, сторонников президента и Верховного Совета РФ), т.е. бинарность сохранилась. Однако после третьей "подбифуркации" – событий сентября-декабря 1993 г. в Москве – такое деление утратило адекватность карте общественных предпочтений. После главы 2 нам известно, что третьи бифуркации и "подбифуркации" создают

благоприятную почву для рождения четырехсоставных структур, но небезынтересно взглянуть, как этот процесс развивается на деле.

Как отмечалось, конфронтация "демократов" и "патриотов" в новой России привела к вооруженному конфликту, в основном негативно воспринятому населением, дискредитировавшему и тех, и других. На состоявшихся вслед выборах в Государственную Думу (декабрь 1993 г.) лидерство по партийным спискам захватила дотоле никому не известная ЛДПР, подчеркнуто дистанцировавшаяся от обоих недавних властителей душ и умов ("коммунисты и демократы – враги России") и предложившая качественно отличную от них идеологию. Так впервые в стране образовалось второе, независимое политическое измерение, не подстраивающееся к предшествующей линии "демократы – патриоты" (последний лагерь – главным образом коммунисты), см. выше. Двумерность при сохранении борьбы за большинство, т.е. бинарного принципа, означает M = 2 x 2 = 4. И действительно, на состоявшихся через два года (в декабре 1995 г.) очередных выборах в Думу 5%-й барьер удалось преодолеть четырем партиям и объединениям, отлично укладывавшимся в схему M = 2 x 2.

Вовсе не обязательно, чтобы настоящий паттерн был обязан той паре признаков, которая реализовалась в конкретных условиях тогдашней России ("реформаторы – антиреформаторы", "демократы – патриоты"), в другой обстановке они могут оказаться совершенно иными. Позже мы убедимся, что не обязательно и формообразующее действие закономерности золотого сечения (двойного золотого сечения). Сам факт двумерности, удвоенной биполярности представляется более общим. Тогда неплохо бы понять его предпосылки. Не претендуя на полный список причин, выскажем несколько вероятных гипотез.

Прежде всего, кватерниорные партийно-политические системы служат немаловажной характеристикой состояния общественного сознания. Оно не поддается редукции до банальной одномерности, дихотомности, а оказывается носителем сразу двух ведущих пар оппозиций.

Во-вторых, в уже рассмотренных случаях – современная Россия, Молдова, бывшая ГДР – мы имели дело с *посттоталитарными* странами, т.е. находящимися на пути трансформации. В дальнейшем к ним добавится пример постфранкистской Испании. Прошлое нелегко отпускает людей, и в посттоталитарных социумах сосуществуют старое и новое, еще отстутствует консенсус по коренным, наиболее фундаментальным

идеологическим вопросам. Специалисты по теории конфликтов утверждают, что тогда начинаются столкновения на почве расхождений не только позитивных *интересов* (по поводу них в принципе можно прийти к компромиссу), но и базовых *ценностей* (в последнем случае компромисс невозможен, ибо квалифицируется каждой из сторон как предательство). Согласия не удается добиться как раз по самым актуальным проблемам. Степень различия взглядов столь высока, что ведущие противоборствующие силы приписывают друг другу все смертные грехи и отказывают в самом праве на существование – под знак вопроса поставлены сами основы государства и власти. В чем причины идейной несовместимости старого и нового?

Тоталитарным идеологиям и режимам, несмотря на вхождение в урбанистическую, индустриальную фазу, удалось сохранить целый ряд особенностей из домассовой эпохи, в частности, патернализм (патриархальность), коллективизм, представление о государственной власти как носителе высших ценностей и морали. Конечные основания государства трансцендентны по отношению к частным интересам и индивидам, а коллектив – выше личности (за единственным исключением – харизматического вождя, сменившего в этой функции прежних монархов). Тоталитарная форма легитимации – по существу парафраз древнейшего принципа "власть – от Бога", где место Бога занимают доктринальные исторические идеалы, высшая финалистская целесообразность – будь то коммунизм, "Третий рейх" и т.д. "Нет власти, как не от Бога", – полагали наши предки, и значит, право любой власти опирается уже только на то, что она – реальная власть. Если власть сменится, она вновь законна, не нам обсуждать, такова Божья воля. Согласно социо-культурной принадлежности, эту форму легитимации обычно именуют *средневековой, азиатской, или восточной,* она не предполагает непосредственного активного участия масс в процессах государственного управления и формирования институтов власти (созерцательное "недеяние" выдвигается в качестве духовной добродетели на Востоке, "терпение" считают собирательным достоинством русских).(8) Таким образом, и домассовые социумы, и тоталитарные – живое олицетворение существовавшей на протяжении тысячелетий веры в трансцендентную по отношению к большинству граждан природу политического управления.

Альтернатива подобного убеждения, хотя и обладает почтенными историческими корнями, наиболее яркое воплощение обрела в либерализме: "власть – от народа". В данном случае и с последнего снимаются мифологические,

метафизические облачения, и на смену им приходят позитивные технологии, процедуры формирования государственных и политических органов. Во главу угла поставлены индивид и закон. Настоящая установка не предполагает априорного доверия к государству (антиэтатистский акцент), скорее, наоборот, оно воспринимается как нечто заведомо подозрительное (удобная почва для злоупотреблений, необходимое зло), на него накладывается требование открытости, прозрачности ("транспарентности"), признается необходимость непрестанного бдительного контроля за ним со стороны негосударственных организаций и частных лиц. Согласно времени и месту рождения, описанную форму легитимации называют модернистской, демократической, или западной. Поддержание ее работы требует от репрезентативной части населения активной и практически непрестанной работы (государство здесь – не самопричинная субстанция и не посол "надмирных" сил наподобие Бога или высшего исторического идеала, а всего лишь служебная функция общества).

Вслед за падением тоталитаризма не происходит дружного поворота на 1800 (дружный поворот характерен не для демократий), и в коллективном сознании сосуществуют оба начала: старое и новое, патриархальное и модернистское, коллективистское и индивидуалистическое, значит, и обе формы легитимации. Они настолько переплетены, что, в сущности, не могут быть отделены одно от другого. Это неприемлемое упрощение – утверждать, будто социум строго делится на "закостеневших" защитников старого и высокопросвещенных носителей новых, демократических ценностей. *Одним и тем же* людям и группам присуще смешивать разнородные взгляды, априорные установки. Идеологически коллективистские, в частности бывшие тоталитарные, партии полагают своим естественным правом пользоваться плодами демократии (свобода печати, организаций, участие в выборах), а апологеты демократических преобразований настолько далеки от трезвой, самокритической позиции, что для ускорения движения считают целесообразным установить патронаж над "полувменяемым, отсталым, неразвитым" большинством, внедрить авторитарные методы руководства. (Так, в России представители демократических сил, неоднократно входившие в правительство, на практике подставили плечо и полудемократической конституции с почти диктаторскими полномочиями президента, и созданию экономической олигархии, в основе же – не однажды продекларированное недоверие и даже презрение к "совкам", т.е. к подавляющему большинству соотечественников.)

Сосуществованием двух альтернативных начал пронизан чуть не каждый общественный атом, и продолжает процветать тоска по харизматическому лидеру, который должен привести страну к светлому демократическому будущему, к государству всеобщего благоденствия (опять высший исторический идеал, и опять не здесь и сейчас, а где-то там, где нас нет, зато жертв этот идеал требует уже сегодня, и вполне реальных).

Итак, на посттоталитарной ступени наблюдается симбиоз двух качественно разнородных систем коллективных базовых ценностей, что сопровождается присущим демократиям принципом политической состязательности, следовательно, делением ведущих политических групп на пары, стремящиеся завоевать большинство. Но в итоге тогда М = 2 х 2 = 4, обстановка предрасполагает к формированию четырехчастного партийно-идеологического паттерна. Чтобы избежать голословности, воспользуемся иллюстрациями.

В четверке партий и объединений, прошедших в Государственную Думу России в 1995 г., выделяются следующие подгруппы. "Яблоко" Г.Явлинского и НДР В.Черномырдина представляли собой две разновидности сил, с той или иной степенью отчетливости отстаивавших либеральные, демократические (они же – индивидуалистические, свободнорыночные) ценности. НДР – "партия власти", "Яблоко" – в оппозиции, подвергающей власть позитивной и конструктивной критике, разрабатывающей альтернативные экономические программы, проекты бюджетов, как это и происходит во многих странах на Западе. ЛДПР В.Жириновского – националистическая сила, придерживающаяся коллективистских лозунгов и идей ("русский народ"). КПРФ – коммунисты с их полуклассовой-полудержавной, т.е. опять же коллективистской, идеологией. Коммунисты и "соколы Жириновского" – в открытой вражде между собой, как и полагается марксистам и националистам. Однако канонада ожесточенной критики – не только внутри каждой из упомянутых пар, но и между ними. "Демократы (читай: НДР и "Яблоко") продали Россию" – по утверждению ЛДПР и КПРФ; "коммунисты и националисты – это пещерный век, кровь и насилие" – не лезут за словом в карман "Яблоко" и НДР. Естественный конфликт интересов совмещается с непреодолимым конфликтом по поводу ценностей, бинарная ситуация удваивается, М = 4.

Где источник законной власти? – "Демократы – явные узурпаторы", посредством манипуляции общественным мнением создавшие и поддерживающие "антинародный режим", – на всех углах выкликают коммунисты. "Демократы – враги России" –

провозглашает ЛДПР. Вождь жириновцев без стеснения заявляет, что по его приходе к власти демократия будет отменена. "Такая" демократия нам не нужна, советская власть – вот действительно народная форма правления, – вторят им коммунисты. Из демократического лагеря, в свою очередь, разносятся призывы к законодательному запрету компартии и националистических организаций как очевидной и "наглой" угрозы молодой русской демократии. Таким образом, одна пара (НДР и "Яблоко") почитает пусть, возможно, несовершенными, но все же законными новые демократические институты, другая пара (КПРФ и ЛДПР) борется за "высшее благо" страны, фундаментальные интересы которой не совпадают с принципами "западной" демократии ("демократы" разрушили и поставили на колени великое государство, они – предатели). На первый взгляд парадоксальная, неразделимая двойственность (ср. теория двойственности истины в другую переходную эпоху – в период смены религиозного мировоззрения на секулярное) сквозит буквально во всем, и население, убежденное, что от него ничего не зависит и даже результаты выборов будут заведомо такими, какие нужны Кремлю и олигархам, достаточно дружно ходит на эти самые выборы, особенно на самые идеологизированные федеральные.

Подобные качества присущи, разумеется, не только России, шире – постсоветскому ареалу (см., в частности, пример Молдовы). Насколько позволяют судить прецеденты земли Саксония-Анхальт (см. выше), а также постфранкистской Испании (см. раздел 3.9), им не чужд и географический Запад. На территории бывшей ГДР – по сравнению с западными землями традиционно менее индустриально развитой, вестернизированной – сохранились пережитки "средневековой", "азиатской", "восточной" легитимации, мировоззренческих патернализма и коллективизма? – Вероятно. Но разве и на нынешней стадии массы восточных немцев, вкусившие плодов демократии, не получили возможность дополнительно убедиться, что основной источник власти – не в них самих, а вовне? Раньше ими управляли монархи, национал-социалистические и коммунистические вожди, рука Кремля, но и теперь им диктуют свою волю немцы западные, а через их посредство и Вашингтон. В данном случае неважно, как конкретно люди оценивают подобный факт – принимают его за благо (в восточные земли вложены огромные инвестиции, жизнь стала несопоставимо свободней) или относятся с раздражением (уровень жизни существенно ниже, чем в западных землях, высока безработица, ряд обещаний, розданных перед объединением, до сих пор не выполнен), – более существенным представляется сама

ментальная расщепленность, двойственность и, как следствие, М = 2 х 2 = 4. Восточным немцам авторитетно внушают: чтобы быть подлинными демократами, нужно отбросить коммунистические предрассудки, думать так-то и так-то, – но разве это свобода мысли? В занесенных извне идеалах демократии заключается нечто противоположное им самим. Contradictio in adjecto.

На выборах 1998 г. в земле Саксония-Анхальт население проголосовало за совершенно тот же список идеологий, что в России и Молдове: за правую и левую разновидности демократов (христианских демократов и социал-демократов), с одной стороны, и за двух репрезентантов коллективистов, патерналистов (ПДС, наследницу восточногерманских коммунистов, и националистический ННС), с другой. Забегая вперед, практически идентичная схема характеризовала и Испанию 1977 г. – На состоявшихся вслед за падением франкистского режима выборах в парламент попали четыре общефедеральные партии: две демократические (Союз демократического центра и его левые оппоненты, социалисты из ИСРП) и две тоталитарные, или посттоталитарные (коммунисты КПИ и преемник "Национального движения" Франко Народный альянс). В разных странах, в разных условиях различаются логически-цифровые ячейки, в которые попадают упомянутые силы из списка (перекомбинация), вариациям подвержен и конкретный логико-числовой паттерн (не обязательно двойное золотое сечение, см. раздел 3.9), однако поле действия самой четырехчастности представляется более широким.

Мало того, впоследствии предстоит убедиться, что модель партийно-политической кватерниорности присуща не только посттоталитарным государствам, т.е. ее предпосылки – не исключительно в переходе от политических диктатур к плюрализму. Но обсуждение этого лучше отложить до тех пор, пока не будет расширено пространство концептуального и фактического материала, и провести его в более конкретном контексте (см. раздел 3.10). Пока же направим усилия на обогащение арсенала формообразующих пропорций.

Примечания

1 "Аргументы и факты", 1997, № 29; см. также [435, S. 4].

2 Мотивом подобного перерасчета служит и то, что процесс

реального политического конструирования, определение количества мест в парламенте у каждой фракции опирается на относительные процентные соотношения между избирательными объединениями, сумевшими преодолеть квалификационный барьер, тогда как голоса, поданные за мелкие партии, "пропадают": соответствующие парламентские места пропорционально делятся между победившими партиями.

3 Что их ценить? – они же в среднем малы, наш народ беден по сравнению с Западом. Вскоре обнищавшее большинство населения стало тем более неинтересным для "прогрессивных" предпринимателей и политиков (всякое, в том числе пренебрежительное, отношение имеет обыкновение тавтологически себя подтверждать).

4 Исходя из того, что аналогичные отношения существуют между США в целом и одним из их штатов, Красноярскому краю была присвоена кличка "русский Нью-Хемпшир".

5 Подчеркивая значение фактора "Красноярск – Россия в миниатюре", ради контраста приведем данные по Санкт-Петербургу и Ленинградской области – кому было отдано предпочтение на думских выборах 1995 г. В Санкт-Петербурге пятипроцентный барьер удалось преодолеть трем партиям и объединениям: больше всех голосов набрало "Яблоко" (16,0%), затем КПРФ (13,2%) и "Наш дом – Россия" (12,8%). В менее четко политически ориентированной Ленинградской области успешных партий оказалось шесть: КПРФ (18,2%), НДР (11,0%), "Яблоко" (8,3%), ЛДПР (8,0%), "Женщины России" (6,3%) и блок "Коммунисты – за СССР" (6,1%), см. [443, S. 5]. Помимо отличий в количестве партий – не четыре общероссийские, а три или шесть, – здесь нет и двойного золотого сечения. Выявленная закономерност требует соблюдения определенных условий, в частности, известная "самодовлеемости" региона, его восприятия самого себя как самостоятельной целостности.

6 Отставив иронию: Мехтхильд Кюпер, автор только что процитированной статьи, также пишет: "Лишь немногие политики находят мужество признаться, что ныне происходящее на Востоке – то, что Западу еще предстоит. Они составляют меньшинство в ХДС и едва слышны в СДПГ" [idem]. Согласно опубликованным ПДС исследованиям, 60% опрошенных на Востоке и 33% на Западе согласны с лозунгом "Немецкие рабочие места – для немцев".

7 Без этого массовому обществу с наличным разделением на классы (например, на богатый, средний и бедный) не удастся достигнуть стабильности, см. [311] или [313].

8 Так, применительно к буддийскому ареалу А.С.Агаджанян

прибегает к следующему описанию: "Имманентная сакральность власти и государства свойственна духу буддийской реформы классической индийской традиции. Но корни этой особенности, по-видимому, древнее прихода буддизма в этот регион. Власть концентрирует в себе почти всю энергию социальных связей. Еще одна тема буддийской политической традиции связана с ожиданием "миллениума", идеального земного порядка, когда изначальное тождество святости и царства будет в полной мере восстановлено. Буддийское государство оказывается в идеале ничем иным, как коллективным предприятием по всеобщему спасению, а царь – высшим гарантом успеха на этом пути" [9, с. 42-44]. В свою очередь, для формирования национального сознания русских различные писатели полагают важным проживание в зоне рискованного земледелия (будет урожай или нет – на то Божья воля), регулярные опустошительные набеги кочевников, а затем и нравы собственной власти, казнящей и милующей по собственному (невнятному большинству) произволу. "Все под Богом ходим", коллективный фатализм – их истоки в веках.

3.7 Президентские и губернаторские выборы, иные сопутствующие отношения

Хотя золотому сечению принадлежит довольно важное место среди формообразующих факторов как в организации современных социальных систем, так и (если читатель заглянул в *Приложение 2*, он уже знает об этом) в повседневном и гуманитарном мышлении, воздержимся от завышенных оценок его значения. В конечном счете таинственная "мистическая" сила этой социально-политической пропорции зиждется на простейших логических основаниях, которые, с одной стороны, оказываются в определенных условиях обязательными, "неотменимыми", а с другой – по механизму действия большинству неизвестными. Сочетание "принудительной" обязательности (ученые в таких случаях говорят: аподиктичности) и неосознанности способно производить впечатление некоей могущественной "потусторонней" стихии ("незримый архитектор"), тогда как на самом деле источник ее сил не где-то вовне, а в нас самих, в по-школьному образованных массах. Затевая различного рода политические соревнования, "игры", мы не можем избавиться от современной разновидности здравого смысла, от привычек элементарно-логического мышления, а поскольку мы – массы активные, уверенные в собственной дееспособности, постольку наши замыслы, цели и ценности оказываются тесно связанными с конечными результатами деятельности. Это и находит выражение в фактах пропорциональности. Здесь вновь, как и на протяжении всей книги, речь идет о проявлениях *рационального бессознательного*. Коллективная природа последнего предполагает апелляцию к области, где субъект и объект совпадают если не полностью, то пребывают в очень близком соседстве. Так общественные настроения, цели и ценности материализуются в объективных процентах: будь то количество поданных за партии голосов, распределение мест в парламенте или территориально-демографические разделения. Если бы мы ограничились в настоящей главе только гармонической пропорцией, то невольно подыграли бы мнению о ее исключительности. Чтобы этого избежать, обратимся к другим, ничуть не менее значимым для социумов.

В разделе 3.4 выяснялось отношение между численностями

голосов, поданных за две партии или два избирательных блока. Модель по существу – mutatis mutandis – совпадала с ситуацией послевоенного соревнования двух сверхдержав (раздел 3.1). Если один из акторов, обычно более уверенный в себе, непосредственно стремится к овладению максимально большим количеством голосов (в пределе – всеми), а другой мысленно привязывается к лидеру, ориентируется на его реальные или ожидаемые достижения, т.е. избирает его в качестве образца, и если в игре происходит совместное осуществление установок обоих главных участников, то соотношение "весов" в итоге приближается к золотому сечению, см. система (11) – (12). Обратим внимание на одну особенность процесса. Электоральные доли двух акторов распределяются в согласии с предвыборными симпатиями и склонностями избирателей. Акт выборов (опускание бюллетеней в урны, подсчет голосов, проверка и утверждение результатов) превращает проценты поданных голосов в проценты парламентских мест. С минимальными оговорками, какова доля электоральной поддержки, такова и удельная численность фракции в парламенте. Акт выборов не изменяет соотношений, он изменяет лишь их "физический смысл": электоральный расклад претворяется во фракционный. Фатального количественного разрыва не происходит.

Принципиально иная ситуация в случае президентских выборов. По-прежнему продолжаем рассматривать борьбу лишь двух главных соперников, что достаточно корректно либо для стран с биполярным политическим строением (скажем, США), либо для государств, где выборы проходят в два тура: во второй тур попадают два кандидата, и нас будет интересовать процентное распределение в нем. Победитель такого соревнования становится президентом, проигравший же, как выражался XIX век, "остается при своих интересах", даже если за него подано всего на один голос меньше. Склонные к броским этикеткам американцы окрестили принцип мажоритарности "системой добычи": победитель получает всё, проигравший – ничего. Нетрудно сообразить, что подобные правила игры способны сообщать президентской гонке гораздо большую жесткость по сравнению с парламентской. Перед угрозой потери всего аутсайдер подталкивается к тому, чтобы значительно более ревниво следить за лидером. Как это схватывается математически?

По-прежнему обозначим лидера, или фаворита, и его электоральную базу через a, а электоральный объем преследователя – через b. В рамках так называемого "двухпартийного вотума"(1) сумма голосов, поданных за обоих

претендентов, составляет полную численность активных избирателей: $a + b = c$. Каким должно оказаться численное соотношение между a и b ? – Вначале напомним читателю один из видов рассматривавшихся прежде условий:

$a \sim c$

$b \sim a$

$a + b = c.$

Субъект a уверен в себе и своих возможностях, психологически нацелен не только на победу, но и на целое c, умея внушить подобную уверенность и своим сторонникам. Иначе обстоит дело с субъектом b, который в глубине души сомневается в собственной силе. Ему тоже, в общем, хотелось бы победить, однако не удается полностью овладеть собой, приобрести "безоглядную" уверенность и решительность, вдохновить ею своих избирателей. Он смотрит в широкую спину лидера, психологически оказываясь зависимым от него, производным. Оттого характеристическая величина актора b прямо пропорциональна уже не c, а только a. Расчеты, как мы убедились, приводили к модели золотого деления и удовлетворительному совпадению с рядом экспериментальных данных, в частности по парламентским выборам. Что должно измениться в случае президентских? -

Об этом недавно упоминалось: гонка становится более жесткой, нелицеприятной. Преследователь, т.е. актор b, хотя и сохраняет психологическую зависимость от фаворита a , но одновременно форсирует свои усилия. Зная, что поражение воистину фатально, равносильно потере всего, он начинает следить не только за актором a как таковым (за численностью его сторонников), но и за *разрывом* между ним и собой, ощутимым интуитивно, известным по результатам опросов, прогнозов. Стремясь во что бы то ни стало преодолеть отставание, овладеть недостающими голосами, актор b включает тем самым соответствующий разрыв в состав своих целей и ценностей. Чему равняется названный разрыв? – Очевидно, величине $(a - b)$. Таким образом, пользуясь прежним предположением, что каждый из участников процесса получает сообразно своим истинным ценностям и целям, получаем:

$b \sim [a + (a - b)]$.

Величина b прямо пропорциональна величине a плюс $(a - b)$, т.к. в намерение субъекта b входит уже не только преследование лидера a, но и овладение разрывом между ним и собой. Соберем, что получилось в итоге:

$a \sim c$

(14)

$b \sim [a + (a - b)]$

$a + b = c.$

С учетом того, что сумма $a + (a - b)$ равняется $2a - b$, составляем пропорцию:

$b / a = (2a - b) / c.$

То есть $bc = 2a2 - ab.$

Подставив сюда условие $b = c - a$, после тривиальных преобразований получим:

$3a2 = c2$

или

$a / c = 1/ \sqrt{3}$.

(15)

Десятичное приближение величины $1/ \sqrt{3}$ равно 0,577, или 57,7%. Доля голосов, поданных за лидера *a*, согласно модели должна составлять около 57,7%.

Прежде всего, обратим внимание на занятное культурологическое обстоятельство: отношение $1/\sqrt{3}$ представляет собой *"соперника золотого сечения"*, названного так Тиммердингом, см. раздел 3.3. Эта пропорция фигурировала и у Платона применительно к не вполне совершенным, но фундаментальным "земным элементам". Пропорция (15) представлялась, таким образом, важнейшей еще в античности (с истоками в Вавилоне). Если в мире воцаряются ревность и жадность, на смену одному отношению приходит второе. Автор настоящего текста – не поклонник столь широких метафизических толкований, но элементарная справедливость требует хотя бы пунктирно обозначить историю вопроса и отдать должное приоритету предшественников.

Платоновское различение небесной фигуры (додекаэдра, со его сквозной пропорцией золотого сечения) и земных (в частности, с отношением $1/\sqrt{3}$) трансформировалось у ученика Платона, Аристотеля, в противопоставление физики небесной и физики земной. Если небеса – воплощение совершенства, то тела движутся там, как выразились бы сейчас, без трения, свободно и вечно. Совсем иначе, по свидетельствам опыта, обстоит на земле. Для поддержания движения тут необходимо приложение силы. На фоне непринужденности и гармонии перемещений небесных тел,

аналогичные процессы на земле протекают более "надрывно": для поддержания движения тела приходится "подгонять" (прикладывать силу).

Концепция Аристотеля господствовала в средневековой Европе вплоть до Галилея. Последний был истинным адептом и одним из титанов революции Возрождения. В духе ренессансного гуманизма полагать: природа человека божественна, и земное не менее прекрасно и совершенно, чем небеса. Это мнение в духе возрожденческого пантеизма и гнозиса: "Что внизу, то и вверху; что наверху, то и внизу".(2) Галилей, сформулировав принцип инерции, по сути свел небесную механику Аристотеля на землю [307]. "Оказалось", что не только небесным телам присуще стремиться к свободному и вечному движению, но и земным. В незатейливых курсах физики принято утверждать, что Галилей доказал это экспериментально, хотя экспериментальное доказательство в реальных земных условиях могло быть обязано разве что неточности измерений и обработки результатов: трение (диссипация энергии) в нашем мире присутствуют везде и всегда. Нет, обоснование Галилея зижделось не столько на физическом опыте, сколько на его особой интерпретации. В конце концов заранее предполагалось: "Что вверху, то и внизу", там и там справедливы одни и те же стройные закономерности. Их искали тогда повсюду. Так, один из самых выдающихся астрономов, И.Кеплер, "преувеличивал", по словам Н.Н.Воробьева [86], значение закономерности золотого сечения; Леонардо да Винчи и Дюрер, как типичные представители Ренессанса, обнаруживали проявления "божественной пропорции" в строении человеческих тел.

Если пользоваться современными категориями применительно к данному кругу процессов, то Аристотель по существу противопоставлял обратимые процессы необратимым. Обратимые (следовательно, логически симметричные) – прерогатива небес, тогда как необратимые (логически несимметричные и в этом ракурсе "несовершенные") – удел грешной земли. Галилей решительно распространил принцип обратимости на всю физическую реальность,(3) и с тех пор все фундаментальные уравнения современной – "постгалилеевской" – физики являются обратимыми во времени: и в классической механике, и в релятивистской, и в квантовой. Единственное исключение – родившаяся в первой четверти XIX в. и стоящая особняком от других фундаментальных теорий термодинамика (и последовавшие за ней статистическая физика и синергетика). Оппозиция обратимости и необратимости вновь дала знать о себе – пока с некоторым перевесом в пользу первой.

Мы не ставим в настоящей работе слишком широких задач и потому ограничимся сказанным о культурных ассоциациях, прямо или косвенно связанных с "духом" разных пропорций, с инсталлированным в них мировоззрением. Возвращаясь к непосредственной теме раздела нельзя, однако, не заметить следующее.

Если в парламентских выборах, на которые примеривалась пропорция золотого сечения, сам акт выборов в основном не изменяет процентов (какими они были на пороге голосования, такими же претворяются и во фракциях), то случай президентских, как сказано, кардинально отличен. До выборов и в их канун действует один процентный расклад – согласно теории: $a/c = 57{,}7\%$, $b/c = 42{,}3\%$, – а сразу после выборов совершенно другой: "победитель получает всё", $a/c = 100\%$, $b/c = 0\%$. В этом смысле можно говорить о *количественной обратимости* игры первого сорта и, напротив, принципиальной *количественной необратимости* второго. В первом случае речь шла о пропорции золотого сечения, во втором – о "сопернике золотого сечения", т.е. условии (15). Но не станем заострять на этом внимание, а обратимся к более актуальной задаче – экспериментальной проверке модели.

8 ноября 1960 г. состоялись президентские выборы в США, где в роли основных соперников выступали демократ Дж.Кеннеди и республиканец Р.Никсон. Это была исключительно острая борьба, без заранее известного фаворита. В скобках укажем, что гонка без фаворита описывается парадигмой с идентичными целями обоих участников, например:

$$a \sim c$$
(16)

$$b \sim c$$

$$a + b = c,$$

откуда нетрудно вывести, что оба актора должны получить теоретически одинаковые проценты: $a/c = b/c = 50\%$.(4) Соответственно, Дж.Кеннеди добился лишь чисто символического перевеса над Р.Никсоном (около ста тысяч голосов). Однако тем самым, хотя бы постфактум, лидер все же определился.

В США, как известно, принята двухступенчатая система. 6 января 1961 г. были объявлены окончательные итоги подсчета голосов выборщиков. За Дж.Кеннеди было подано 303 голоса, за Р.Никсона – 219, за сенатора Г.Бирда (хотя он и не выставлял

свою кандидатуру, за него высказались представители нескольких южных штатов) – 15 [125-62]. При определении соотношения только между двумя главными участниками эти последние 15 голосов, очевидно, должны быть исключены из расчета. Тогда общее количество проголосовавших за двух главных кандидатов составляет $c = 303 + 219 = 522$. На долю Кеннеди приходится $a/c = 303 / 522 = 58{,}0\%$. Сравнение с теоретическими 57,7% демонстрирует вполне приличное совпадение вычисленного значения с реальным.(5)

Теперь обратимся к более животрепещущим для нас прецедентам из новейшей русской истории. Согласно данным Центральной избирательной комиссии РФ о результатах второго тура президентских выборов 3 июля 1996 г., за Б.Н.Ельцина было опущено 40 млн. 208 тыс. 384 бюллетеня, за Г.А.Зюганова – 30 млн. 113 тыс. 306.(6) Вариант "против всех" предпочло 3 млн. 604 тыс. 505 человек. Стандартное представление результатов заключается в определении процентных долей голосов, взятых от *общего количества* действительных бюллетеней. При таком способе представления у Ельцина – 53,82%, у Зюганова – 40,31%, против всех – 5,87%. В таком виде обычно и приводится информация. Однако наша теоретическая модель определяет соотношение лишь между *двумя* вариантами: в данном случае между Ельциным и Зюгановым, т.е. в ракурсе "двухпартийного вотума". В ту же форму, значит, должны быть облечены и фактические данные.

Вначале определим общее количество голосов, поданных только за двух кандидатов: $c = 40\,208\,384 + 30\,113\,306 = 70\,321\,690$. Итог же оказывается следующим: у Ельцина – 57,2% (у Зюганова – 42,8%). Теоретическая величина 57,7% расходится с фактическими 57,2% всего на 0,5%.

Предшествующие президентские выборы в России, 1991 года, проходили в совершенно других условиях. Если в 1996 г. состоялась действительно острая борьба между двумя кандидатами, и масс-медиа удалось внушить населению, что государство находится перед воистину судьбоносной развилкой: возврат к коммунизму или же вперед к демократии, возрождение прошлого или рождение будущего, – то предвыборная кампания 1991 г. протекала в несравнимо менее конкурентных условиях. Вопрос о лидере, или фаворите, по существу не стоял, настолько все выглядело очевидным. Ельцин одержал верх уже в первом туре. На первый взгляд, испытываемая модель неприменима к подобному случаю. Но стоит вспомнить существовавшую обстановку в стране, доминировавшие общественные настроения.

Главный претендент на высший пост считался, как сказано,

определенным, тогда как остальное множество кандидатов воспринималось скорее в качестве общего фона ("без альтернативности нет демократии"). Этот "фон" по сути сливался в обобщенного "коллективного соперника", и центральный вопрос на выборах стоял практически так: "Ельцин или не Ельцин".

Подобной "дихотомизации" в тот период соответствовала и коллективно-психологическая оппозиция "Ельцин – Горбачев" (М.С.Горбачев занимал в тот период пост президента СССР и непосредственно в выборах президента РФ не участвовал, но над всеми событиями ощутимо нависала его "тень"). Против Ельцина Горбачев категорически возражал,(7) поэтому всё, что не Ельцин, казалось креатурами Горбачева или просто выгодными для него людьми. В такой подразумеваемой, но отчетливо ощутимой конфронтации первому, т.е. Ельцину, массовая мифология отводила место "героя", бескомпромиссного и решительного демократа и реформатора, мужественного поборника справедливости, тогда как во втором, т.е. "не-Ельцине", читай: Горбачеве, большинство уже явно разочаровалось. Его политическое поведение производило впечатление нерешительного и непоследовательного, его слова грешили дистанцированностью от дел. В такой проекции предвыборная кампания выглядела как борьба Ельцина с "тенью Горбачева".

За схваткой стояли и более мощные общественные реалии. СССР находился на грани распада, что сопровождалось подъемом национального самосознания не только в нацрепубликах, но и в самой РСФСР. С подавляющим перевесом Верховный Совет РСФСР принимает декларацию о суверенитете Российской республики, оглашение результатов голосования сопровождается ликующими овациями и вставанием. Национальное государство Россия и ее решительный демократический лидер, с одной стороны, и коммунистический СССР, завязший в вялотекущих реформах, с другой, – во многом таким представлялся центральный нерв коллизии.

Если допустить оправданность подобной "дуализации", или "дихотомизации", президентских выборов 1991 г., – а нам она представляется достаточно адекватной, – то сравнение с теоретической схемой все же возможно. Ельцин или "не-Ельцин", Ельцин или "тень Горбачева", энергичная национально-демократическая идея или одряхлевший, полуанемичный СССР – вполне бинарная действующая конструкция. В таком случае допустимо сравнение доли поданных голосов за реального фаворита, с одной стороны, и теоретического субъекта *a* из нашей модели, с другой.

За Б.Н.Ельцина на выборах 1991 г. отдали голоса 57,3%

избирателей [244], что лишь на 0,4% отличается от теоретических 57,7%.

Это довольно любопытный и по-своему знаменательный результат: несмотря на множество перемен, пережитых страной за пять лет, несмотря на кардинальное, казалось бы, преображение общественных настроений и обстановки, на качественное изменение личного образа Ельцина (катастрофическое падение его популярности), параметр a/c – равный 57,7% в теории, 57,3 и 57,2% на практике – остался по существу неизменным. Прежде всего, это явно противоречит единодушной констатации политологов, что политическая ситуация в стране и в 1991, и в 1996 гг. характеризовалась коренной нестабильностью, отражая качество переходности. Если она действительно нестабильна, то следовало бы указать, в каком именно смысле, в каких конкретных аспектах. Гуманитарная политология то и дело грешит неточными, многозначительными выражениями, которые каждый волен понимать, как заблагорассудится. Напротив, элементарный подсчет демонстрирует, что параметр a/c остался по сути инвариантным. Мало того, с высокой степенью точности он совпадает с теоретической величиной 57,7%, полученной из предпосылки как раз принципиальной стабильности. Этот результат согласуется и с результатом американских выборов (см. Дж.Кеннеди). Россия – особенная страна, которую "умом не понять" и в которой всё не так, как на Западе? – Типологически одинаковые процессы повсюду в образованных странах приводят к одним и тем же итогам. Реальная действительность предпочитает, чтобы ей задавали строго сформулированные вопросы, тогда она и отвечает на них конкретно и точно.

Настоящая работа не посвящена специально проблеме президентских выборов, поэтому воздержимся от ее многосторонней разработки. Однако уместно, быть может, привести цифры по выборам президента в родственной нам по СНГ стране – Армении, которые состоялись в сентябре 1996 г. На высший пост претендовали два главных кандидата: действующий президент Левон Тер-Петросян и лидер объединенной оппозиции Вазген Манукян. Согласно сообщению "Известий", предпочтение первому отдало 52,09% избирателей, второму – 41,07%.(8) По-прежнему перед нами стандартный вид представления информации: проценты отнесены к *общему* числу голосов, а не только к тем, что поданы за двух главных участников. Поэтому прямое сравнение с теорией некорректно. Пересчет очень прост. В сумме на долю двух кандидатов приходится $c = 52{,}09 + 41{,}07 = 93{,}16$ процентов голосов от общего числа пришедших на избирательные участки. Поскольку нас интересует соотношение

только между двумя кандидатами – без учета испорченных бюллетеней или опущенных за второстепенные независимые фигуры, постольку наличные 93,16% необходимо привести к 100% и определить новые цифры Тер-Петросяна и Манукяна. Тогда процент Тер-Петросяна составляет (52,09 / 93,16)· 100% = 55,9%, что несколько расходится с теоретическим значением 57,7%, но, в общем, удовлетворительно для натурного эксперимента. В марте 1998 г. в той же Армении в президентской схватке сошлись Роберт Кочарян и Карен Демирчян. Под рукой лишь предварительные данные (по результатам обработки 96%-ного массива бюллетеней), но они достаточно красноречивы: за Кочаряна проголосовало 59,68% избирателей, за Демирчяна-40,32% [31]. Здесь уже пересчета не требуется (сумма и так равна 100%); цифра 59,68% – по абсолютной величине примерно такое же отклонение от 57,7% теории, как и в 1996 г., но противоположное по знаку.

В мае 1999 г. прошли первые прямые выборы президента Словакии. "Как и ожидалось, они превратились в дуэль кандидата от правящей колиции Рудольфа Шустера и бывшего премьер-министра Владимира Мечьяра, безраздельно правившего страной вплоть до осени прошлого года", – сообщают с места событий "Известия" [121]. В результате у Шустера – более 47% голосов, Мечьяр отстал на 10%. Доля лидера вычисляется, как обычно: $a/c = 47 / (47 + 37) = 56{,}0\%$. (Любопытно, что по прежнему закону словацкий президент избирался парламентом, но для этого требовалось согласие трех пятых голосов: $3/5 = 60\%$, третье из наилучших приближений к золотому сечению, см. ряд (12). На этот раз столь значительного перевеса не удалось добиться никому, отчего и обратились к открытым выборам, на которых реализовалась "жесткая гонка".)

Ранее теоретическая парадигма $a/c = 61{,}8\%$ была отнесена к ситуации парламентских выборов, а $a/c = 57{,}7\%$ – президентских. Такое деление, разумеется, условно. Ничто в проведенных выкладках не указывает на строгую соотнесенность. Главное – в другом: в обстановке, в которой протекает предвыборная кампания, в способе борьбы двух ведущих соперников. Если один из акторов преследует другого, одновременно ориентируясь на него, характерна первая цифра. Если подключается дополнительное стремление во что бы ни стало ликвидировать отставание от лидера, в качестве имплицитного образца выступает цифра вторая. Ничего специфически президентского или парламентского в такого рода установках нет. Другой вопрос, что мажоритарность, "система добычи" (победитель получает все, проигравший – ничто)

способствуют материализации второго варианта, однако речь не более, чем о тенденции, но не безусловном законе.

В Дании 28 мая 1998 г. состоялся референдум по вопросу присоединения страны к одному из основополагающих документов Евросоюза – Амстердамскому договору, затрагивающему такие проблемы, как создание новых рабочих мест, экология, иммиграционная политика. Хотя опросы общественного мнения свидетельствовали о некотором преимуществе сторонников дальнейшей интеграции, исход референдума до последнего момента оставался неясен. Борьба между сторонниками и противниками отличалась достаточной остротой, тем более, что в 1992 г., на предшествующем референдуме, большинство уже высказывалось против других интеграционных соглашений, Маастрихтских. Перед нами ситуация разделения общества на две группы, борьба которых могла разрешиться только двумя взаимоисключающими вариантами "да" или "нет" ("система добычи"). За присоединение к Амстердамскому договору проголосовало 55,1% датчан, против – 44,9% [133]. Цифра 55,1% существеннее отличается от 57,7%, чем предыдущие, тем не менее одного с ней порядка (выяснение причин расхождения потребовало бы более детальной социально-психологической картины референдума).

Под знаком явной мажоритарности протекают и губернаторские выборы. На прошедших в октябре 1996 г. выборах губернатора в Краснодарском крае РФ лидер народно-патриотических сил, трибун Н.Кондратенко получил 57,14% голосов [11], [12]. Судя по цифре, перед нами вторая из перечисленных парадигм, и вопрос перед избирателями по сути встал так: Кондратенко или не Кондратенко (ср. в 1991г.: "Ельцин или не-Ельцин"). Разогретое тогда в федеральном масштабе противостояние "демократов" и "патриотов" претворилось на принадлежащей к "красному поясу" Кубани в лидерство кандидата вторых. Другой пример. Высший государственный пост одной из российских национальных республик, Удмуртии, – председатель Госсовета, которого избирают на сессии. На последних выборах (апрель 1999) в роли главных соперников выступили действующий председатель Госсовета, А.Волков, поддержанный движением "Отечество", и председатель правительства Удмуртии П.Вершинин. Из ста возможных, за Волкова отдано 55 голосов, за Вершинина – 42 [63]. В пересчете на основную пару $c = 55 + 42 = 97$. Тогда отношение a/c (a – количество "волковских" голосов) равно 56,7%, что всего на 1,0% отличается от теоретических 57,7%.

На губернаторских выборах в ноябре 1996 г. в

Ставропольском крае главными претендентами считались А.Черногоров и П.Марченко. По сообщению НТВ, за первого проголосовало 55% избирателей, за второго – 40%. Пересчет на *c* = 55 + 40 = 95% дает следующую цифру для доли победителя Черногорова: *a/c* = 57,9%.(9) В последний раз (19 сент. 1999 г.) губернаторские выборы в Ленинградской области прошли в один тур. Наиболее непримиримая борьба развернулась между двумя кандидатами: действующим хозяином области, и.о. губернатора В.Сердюковым, и возвратившимся из федерального правительства бывшим губернатором В.Густовым, – набравшими 30,3 и 22,68% [326]. Пересчет на данную пару (*c* = 30,3 + 22,68 = 52,98%) приводит к значению *a/c* = 30,3 / 52,98 = 57,2%. (Любопытно, что у следующего за названными двумя кандидатами, В.Ковалева – около 17% [165]. Следовательно, в паре "Густов – Ковалев" у первого *a/c* = 22,68 / (22,68 + 17) = 57,2% – ровно та же величина, отличающаяся от теории всего на 0,5%.) В 1998 г. Чукотку возглавил В.Бабичев, собравший 58% голосов [145]. По сообщению ИТАР-ТАСС, в 1997 г. "в Самаре на выборах мэра города убедительную победу одержал заместитель председателя губернской Думы Георгий Лиманский. При явке на участки более 40 процентов избирателей он опередил своего соперника – вице-мэра Анатолия Афанасьева на 16 процентов голосов (54,6 против 38)" [406]. Значит, величина *a/c* = 54,6 / (54,6 + 38) = 59,0%.

Возможны варианты, когда в промежутках между двумя турами голосования лидер и преследователь меняются местами. Так, на губернаторских выборах в Калининградской области в 1996 г. основная конкуренция развернулась между действующим губернатором Ю.Маточкиным и начальником рыбного порта Л.Горбенко, разыгрывавшим образ "крепкого мужика". После первого тура у Маточкина – 30%, у Горбенко – 22% [175]. Удельный вес лидера в названной паре *a/c* = 30 / (30 + 22) = 57,7%, точная модельная величина. Во втором туре ситуация радикально переворачивается: Горбенко набирает почти 50%, тогда как Маточкин чуть более сорока. Удельный вес нового лидера *a/c* = 50 / (50 + 40) = 55,6% – сравнительно недалекое от теоретического норматива значение.

В других случаях, напротив, хотя речь по-прежнему – о выборах первого лица, о мажоритарности, априорное преимущество одного из кандидатов таково, что надеяться его догнать – заведомо нереалистическая задача. Максимум, что остается конкурентам, – постараться по возможности не потерять лица, стремясь подражать победному шествию лидера. Тогда реализуется парадигма золотого сечения. К примеру, на выборах губернатора в Туле 23 марта 1997 г. всероссийски известный

В.Стародубцев получил 62,75% голосов избирателей (ср. теоретические 61,8% для пары "Стародубцев – не Стародубцев") или в Свердловской области по итогам второго тура в сентябре 1999 г. губернатором вновь становится Э.Россель с 63 процентами [4]; в Калининграде после выборов 25 октября 1998 г. пост мэра занимает Ю.Савенко с 62,6 процентами [410]. Аналогично, в Болгарии 1996 г. кандидату Объединения демократических сил Петру Стоянову во втором туре президентских выборов отдало предпочтение "более 60 процентов избирателей – примерно на 20 процентов больше, чем за его соперника социалиста Ивана Маразова" [407]. Опять-таки перед нами – парадигма золотого сечения, хотя обсуждается второй тур президентских выборов.(10) В июне 1999 г. в Мюнхене прошли выборы бургомистра. Победа досталась кандидату от СДПГ Кристиану Уде, которому противостоял депутат бундестага, представитель ХДС Ариберт Вольф. У Уде – 61,0%, у Вольфа – 37,4% [451]. В пересчете на ведущую пару (буквой *a* обозначим процент голосов за Уде): $a/c = 62{,}0\%$, ср. 61,8% из золотого деления.

На президентских выборах в России 26 марта 2000 г. ступень очевидного и по существу недосягаемого фаворита занимал В.В.Путин. Его единственным соперником из сравнимой весовой категории был кандидат от наиболее влиятельной оппозиционной партии, председатель КПРФ Г.А.Зюганов. Путин одержал окончательную победу уже в первом туре, при этом ему было отдано 52,94% голосов, Зюганову – 29,21% [150]; т.е. соотношение в данной паре составило $a/c = 52{,}94 / (52{,}94 + 29{,}21) = 64{,}4\%$ – сравнительно недалеко от золотого сечения. (Если учесть дополнительно фактор руководителя "Яблока" Г.А.Явлинского, второго видного представителя оппозиции с ясно сформулированной платформой, не объявлявшего заранее о своем гарантированном проигрыше и поддержке Путина, – у Явлинского 5,80%, – то та же величина составляет $a/c = 52{,}94 / (52{,}94 + 29{,}21 + 5{,}80) = 60{,}2\%$).(11) При этом в Санкт-Петербурге, родном городе Путина, коммунистам традиционно не удается серьезно противостоять ни "партии власти", ни демократам, в последние годы резко упало и влияние "Яблока", поэтому здесь не могла повториться предвыборная интрига, сработавшая во всей стране, и вопрос стоял в плоскости "Путин или не Путин". Путину высказало предпочтение 62,4% избирателей [166] – еще более близкая к золотому сечению величина, подтвердившая его фактическое превосходство.

Ряд открыт для практически неограниченного продолжения, достаточно лишь внимания к сообщениям прессы. На президентских выборах 21 июня 1998 г. в Бурятии триумфальную

победу одерживает прежний президент Л. Потапов с 63% голосов [61]. У ближайших конкурентов – депутата Народного хурала В.Саганова и бывшего мэра Улан-Удэ В.Шаповалова – 6 и 5 процентов народной поддержки, что делает очевидным, что реальные соперники – не они, а центральный вопрос – "Потапов или не Потапов". 63% – недалеко от 61,8%. На досрочных выборах мэра в Тамбове в тот же день побеждает А.Ильин с теми же 63% [411].(12)

К Красноярскому краю – особенное внимание (напомним о его роли "России в миниатюре", см. раздел 3.6). Главные конкуренты на последних губернаторских выборах – действующий глава края А.Зубов и один из излюбленных персонажей центральных масс-медиа генерал Александр Лебедь (кстати, на президентских выборах 1996 последнему удалось занять третье место, уступив лишь Ельцину и Зюганову). По итогам первого тура (26 апр. 1998 г.) у Лебедя – 45% голосов, у Зубова – 35%. Следовательно, на долю Лебедя в названной паре пришлось $a/c = 56{,}3\%$ – модель "жесткой гонки". Во втором туре у Лебедя – 57%, у Зубова – 38% [328]. Величина a/c равна $57 / (57 + 38) = 60{,}0\%$. В промежутке между двумя турами сторонники Зубова оказались во многом деморализованными, лишились серьезных надежд догнать фаворита, и максимум, на что оставалось рассчитывать, – на сохранение лица. Модель золотого сечения: ср. реальные 60,0% с 61,8% теории. Итак, в рамках исследуемой пары произошло переключение с одной парадигмы на другую. Но это вовсе не означало, что борьба превратилась в окончательно пресную. Если взглянуть теперь на пару "Лебедь – не Лебедь", то у первого, см. выше, – 57%, та же "жесткая гонка", что и в первом раунде схватки. Во втором туре избиратель в значительной мере перестал оглядываться конкретно на Зубова, однако вопрос, устраивает ли лично Лебедь, вызывал немало сомнений и качался на более тонких весах.

Аналогичная картина – на последних, 1999 года, президентских выборах в Украине. Во втором туре действующий президент Леонид Кучма вышел победителем из схватки с лидером коммунистов Петром Симоненко со счетом почти 57% против 37% [303]. По вопросу "Кучма – не Кучма" в душах украинского избирателя развернулась действительно острая борьба (57% – "жесткая гонка"). Напротив, в границах конкретной пары "Кучма – Симоненко" расклад превращался в совершенно иной. Значение a/c в этой проекции составляет $57 / (57 + 37) = 60{,}6\%$, недалеко от пропорции золотого деления. Для всех – и для жителей Украины, и для независимых наблюдателей – не составляло загадки, кому достанется венок по итогам второго

тура голосования, однозначный приговор журналистов звучал: "Симоненко – самый выгодный для Кучмы соперник".

Навряд ли в носящем семантический характер исследовании есть смысл умножать количество образцов. Попробуем вместо этого дополнительно разобраться с теоретической схемой.

Частое обращение математики и других точных наук к различным способам вывода одних и тех же уравнений и формул обязано не бескорыстной любви к манипуляции значками и цифрами. Поиск новых путей к одним и тем же результатам служит более многостороннему раскрытию смысла последних, выяснению предпосылок и логических сил, которые за ними стоят. Поэтому небезынтересно познакомить читателя с еще одним выводом пропорции (15), поскольку это способствует лучшему пониманию коллективно-психологических процессов, отвечающих за конкуренцию двух политических акторов, их аттитюды.

Предположим, что мы имеем дело с несколько отличным, чем прежде, составом действительных целей и ценностей субъектов *a, b*. Пусть актор *a* , с одной стороны, как и ранее, стремится к овладению целым *c* (условие "экспансии"), а с другой – не только уверен в себе, но и подчеркнуто ценит, любит свое наличное достояние, свое благополучие. Сам по себе второй аспект означал бы, что главной целью и ценностью актора *a* является *он сам* и в ходе предвыборной гонки он занят сохранением достигнутых рубежей, удержанием собственной идентичности. В этом смысле актор *a* стремится к самому себе, т.е. к *a*. Следовательно, речь идет уже не о посвящении всего себя без остатка борьбе, а в известном плане – о почивании на лаврах, когда ни на минуту не забывается собственная высокочтимая персона. Допустим, кроме того, что субъект *a* внутренне не вполне определился, что составляет главный предмет его вожделений: то ли овладеть целым *c*, то ли, как сказано, "не забыть о себе" (поскольку априори он – лидер, постольку "я" и "победа" едва не синонимы, настолько они неразделимы). Если однозначный выбор между двумя целями не совершен, на практике выступает нечто среднее, в простейшем случае среднее арифметическое. По-прежнему имеется в виду психологическая установка не только самого претендента *a*, но и его электората. Последний несколько снисходительно, иронически взирает на соперников: куда уж им, как бы они ни старались. Среднее арифметическое от двух целей *c* и *a* составляет $(c + a)/2$, и если придерживаться прежней гипотезы, что каждый получает сообразно своим фактическим целям и ценностям, величина *a* должна быть прямо пропорциональна значению $(c + a)/2$.

Субъект b пусть, как и в самом начале (разделы 3.1 – 3.6), психологически ориентирован на фаворита, т.е. величина b прямо пропорциональна a. Второе условие совпадает с таковым из игры, приводящей к золотому сечению, но отличается от недавнего условия жесткой, "ревнивой" гонки, см. (14). Стремиться преодолеть разрыв, отделяющий от фаворита, в существующей обстановке по сути бессмысленно, настолько безнадежной, практически неразрешимой представляется такая задача, и субъект b ограничивается подражанием. Описанный случай отвечает в целом более благодушной обстановке предвыборного соревнования. Первый субъект, со своей стороны, не стремится "выскочить из собственной кожи", не рвется к электоральному целому c ("абсолютному результату"); нет, он, как сказано, не забывает и себя, вносит ноту уверенности, самообладания и спокойствия. Но и второй претендент не пытается "вывернуть себя наизнанку", чтобы во что бы то ни стало наступить на пятки соперника, овладеть разрывом между ним и собой. Поскольку, как всегда, $a + b = c$, выпишем все условия:

$a \sim (c + a) / 2$
(17)

$b \sim a$

$a + b = c.$

Процесс решения аналогичен прежнему. Сначала составляем пропорцию:

$b / a = a / [(c + a)/2]$.

После перекрестного умножения числителей и знаменателей:

$2a2 = b (c + a)$.

Подстановка в правую часть выражения $b = c – a$ и простейшие алгебраические преобразования приводят к равенству

$3a2 = c2$, т.е. $(a/c)2 = 1/3$.

Тогда a/c = $1/\sqrt{3}$.

Таким образом, мы пришли к той же величине (15), исходя из кардинально отличных предположений об актуальной обстановке предвыборного соревнования. Что это может означать? – Лишь то, что указанное соотношение действительно не только при ранее рассмотренном сочетании целевых установок основных участников, но и при только что названном. Это расширяет наше представление о психо-логическом фундаменте, на который оно опирается. Новый математический вывод равносилен новому варианту "герменевтического" толкования. Но не станем далее

коллекционировать выводы (хотя два приведенных не исчерпывают списка возможных, и значит, аналитику президентских и т.п. выборов еще есть где развернуться).

Возможно, назрел момент для маленького шага назад, чтобы попытаться яснее представить, каковы резоны у расчетов подобного сорта: приводящих к золотому сечению, к пропорции 1 : √3, впоследствии и к другим. В конце концов на что опирается право брать за основу цели и ценности политических акторов, т.е. вещи *идеальные*, и выводить из них *реальные*, *"физические"* проценты? Не возникает ли тогда своеобразный аналог алхимии, также любившей подмешивать к вполне материальным химическим веществам и реакциям различного рода психические факторы, наподобие духовной установки человека, проводящего опыты, произнесения заклинаний, черчения графических символов, привлечения магических формул? И тоже, кстати, придававшей важное значение числам и цифрам. Вместо того, чтобы поступать как все нормальные исследователи, т.е. объяснять позитивную реальность позитивными же факторами (истоки действительных процентов партий и лидеров – в классовой структуре, экономической и социальной обстановке, сложившихся репутациях партий, степени удачности подбора риторики"), автор рисует едва ли не мистическую, вдобавок подозрительно примитивную картину. – Ответы, к счастью, лежат совсем рядом и в принципе давно и отлично известны. Дело прежде всего – в специфике природы политики.

В "Нулевой степени письма" Ролан Барт отмечал, что в случае "политического письма задача состоит в том, чтобы в один прием соединить реальность фактов с идеальностью целей" (курсив мой. – А.С.). На аналогичные особенности указывали Б.Рассел, К.Поппер ("language of political demands and proposals"), в сходной плоскости ссылается на них и С.Золян [132, с. 96]. Но только ли письмо обладает в политике указанной чертой, не свойственна ли она политическим процессам по существу? – В избирательных кампаниях обещания, программы, намерения политических субъектов настолько тесно сливаются с реальными действиями, что одно практически невозможно отделить от другого. Значит, и у соответствующего теоретического сцепления – надежная объективная платформа, не нуждающаяся в услугах "алхимического" ракурса. Анализируя сказки, М.-Л. фон Франц замечала, что психическая реальность является ни внешней, ни внутренней, но тем и другим одновременно [349, с. 97], аналогично дело обстоит и с политической реальностью, когда перед нами – виртуальная действительность, среда политических сказок.

При этом наша модель оперирует не политическими

ценностями, целями как таковыми, во всей их сложности и нюансах, а только их *мерами*. Мерами арифметически и алгебраически простейшими. Во многом таковы аутентичные критерии сознания современного, элементарно образованного общества, именно такая гипотеза подвергается испытаниям на протяжении всей книги. Пусть создатели идеологических доктрин закладывают в свои творения изощренную философию, не всегда понимаемую и обладателями элитарных дипломов, пусть нобелевские лауреаты пишут экономические программы, исходя из многоэтажных систем уравнений, а сонмы вдохновенных имиджмейкеров и спичрайтеров заворачивают VIP- клиента в созданные по хай-технологиям изысканные фантики, – коллективное восприятие конечного продукта в любом случае оказывается до обидного тривиальным. Исход же в эпоху масс определяется массами – такими, каковы они есть. Поэтому не целям эпатажа служит настоящий "редукционистский" подход, он, представляется, отвечает сути происходящего. Иными словами, "урезана" не модель, а фактические механизмы современного социума; о простых же вещах и говорить подобает просто.

Однако возвратимся к конкретной теме. Как и в случае с золотым сечением, у пропорции 1 : √3 отсутствует какая-либо жесткая привязка к взаимодействию исключительно электоральных групп. В качестве комплементарной иллюстрации можно использовать, например, межнациональную ситуацию в Бельгии. Выбор этого государства объясняется просто: его демографическая структура практически идеально укладывается в дихотомную модель. Согласно данным энциклопедии, в Бельгии проживает около 56% фламандцев и 42% валлонов [300, с. 126], и отношения между двумя языковыми, демографическими общинами, особенно в последний период, предстают не вполне идиллическими.

Как определяется их количественное соотношение между собой? Величина *c* в данном случае составляет c = 56 + 42 = 98%. Тогда на долю ведущей группы, фламандцев, приходится *a/c* = 56/98 = 57,1%, достаточно близкое к парадигме 57,7% значение.

Демографические пропорции не подведомственны столь быстрым и "произвольным" изменениям, как политические. Однако гибким вариациям подвержена *политическая интерпретация* роли фактора языка и/или национальности. Надеюсь, не будет расценено как неполиткорректное утверждение: на протяжении последних десятилетий мы стали свидетелями коренного преображения взаимоотношений между общинами. Если ранее они отличались известным "благодушием",

то теперь произошло существенное обострение. Насколько можно судить, в Бельгии произошло переключение с одной имплицитной коллективно-психологической подкладки пропорции 1:√3 на другую, см. выше: с обстановки "благодушного соревнования" на "жесткую гонку". Сама пропорция количественно не изменилась, зато кардинально трансформировалась ее семантико-политическая подоплека. Это дополнительно поясняет, зачем требуются различные математические выводы одних и тех же соотношений: реальный смысл вполне идентичных цифр может быть кардинально различным. Для контраста со всей парадигмой 1:√3 читатель может вспомнить об отношениях между лингвистическими группами в Швейцарии: немецкий признают родным языком 65% швейцарцев, см. выше золотое сечение (61,8%), и редуцированная до бинарности ситуация ("немецкий – не немецкий") выглядит значительно более гармонизированной.

Коль упомянута Швейцария, с ее помощью удобно продемонстрировать еще один феномен. Не только золотое сечение, но и отношение 1 : √3 в состоянии становиться формообразующим началом в организации двумерных, т.е. кватерниорных (M = 4), политических систем (ср. раздел 3.6). По результатам выборов в Палату представителей Швейцарии в 1995 г. ведущие позиции заняли представители четырех политических сил: социал-демократов (54 места), радикальных демократов (45 мест), христианских демократов (количество мест – 34), Швейцарской народной партии (29 мандатов), см. [167, с. 167]. Названным партиям удалось существенно оторваться от преследователей, завоевать подавляющее большинство (162 места из 200). Проведем сравнение реального распределения мест (в рамках четырехпартийного вотума) с двойной пропорцией 1 : √3. Основанием для последней может служить в данном случае одна из интепретаций игры между политическими акторами – вероятно, ситуация "благодушного соревнования". На эту мысль наводит, в частности, факт, что четырем перечисленным партиям удается пребывать в одной коалиции (правительственной), значит, отношения между ними не отличаются напряженностью, антагонистическая непримиримость не наблюдается. Партий не две, а четыре: M = 2 x 2. Аналогично разделу 3.6 (рис. 3-10), двойную пропорцию 1 : √3 можно изобразить в виде разделенного на четыре части квадрата со сторонами по единице (по 100%):

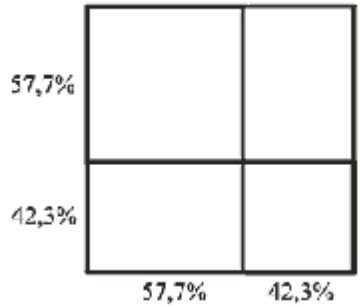


Рис. 3-18

В свою очередь, реальное распределение определяется исходя из целого *c*, представляющего собой сумму мест четырех означенных партий ($c = 54 + 45 + 34 + 29 = 162$), а затем вычисления относительных долей, приходящихся на каждую из них. Для удобства приведем модельные и фактические результаты в графической форме:

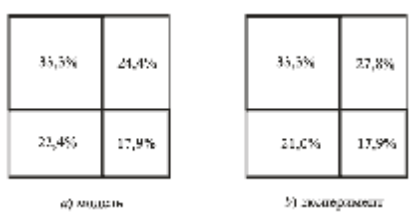


Рис. 3-19

Цифры на рис. 3-19a получены путем вычисления площадей четырех прямоугольников из рис. 3-18 и перевода соответствующих произведений сторон в проценты (вновь пользуемся услугами геометрической алгебры). На рисунке 3-19b верхняя левая цифра отвечает фактической доле социал-демократов, верхняя правая – радикальных демократов, нижняя слева – процент мест христианских демократов, справа – Швейцарской народной партии.

Из сопоставления непосредственно следует, что модельные показатели практически идеально описывают действительные веса социал-демократов и Народной партии. Реальные значения для двух других партий несколько отличаются от теоретических. Согласно модели, они должны составлять по 24,4%, тогда как в действительности – 27,8 и 21,0%. При этом, однако, их среднее арифметическое равно 24,4%, т.е. точно ложится на модельную величину. Иными словами, используемая модель в целом удовлетворительно справляется с описанием эмпирических данных; образованным массам удается провести в жизнь свои ценностно-целевые установки и в настоящем случае. В который раз швейцарцы подтверждают репутацию "непробиваемо здравомыслящей" нации.

Здесь уместно воздержаться от обсуждения причин обнаруженных расхождений (чтобы вынести квалифицированное суждение, необходима более полная информация об обстановке выборов в Швейцарии 1995 г.), – расстановкой акцентов, внесением уточнений удобней заняться специалистам. На вводном этапе, на котором находится наше исследование, вдаваться в детали, пожалуй, даже контрпродуктивно. Зато швейцарский пример – неплохая иллюстрация того, что пропорция 1 : √3 может быть актуальной не только для президентских или губернаторских выборов ("система добычи", "жесткая гонка"), но и для парламентских: при теоретических расчетах определяющим фактором служит не столько тип выборов, сколько сопутствующая им конкретная общественно-психологическая обстановка .(13)

В подтверждение – еще примеры. На парламентских выборах в Чехии в июне 1998 г. развернулось впечатляющее сражение между множеством партий, при этом наблюдателей и участников занимал главный вопрос: кто победит, правые или левые. Ведущий представитель левых, Чешская социал-демократическая партия, завоевала 74 депутатских мандата (32,3% полученных голосов, первое место), в распоряжении правых, в случае объединения, – 102 мандата [163]. В целом, борьба отличалась такой остротой, что по существу завершилась вничью: ведь к левым, вообще говоря, следует отнести и коммунистов, собравших немалое количество голосов – 11,1%. Однако Чехия – не Франция, где социалисты не считают зазорным вступать в коалицию с коммунистами. У Чехии другая история, и после десятилетий тоталитаризма у коммунистов настолько подмочена репутация, что с ними не сядет пить чай ни одна из демократических партий. Поэтому слева – по сути один полноправный боец, социал-демократы. В таком случае удельный

вес правых в паре "правые – левые" составил $a/c = 102 / (102 + 74) = 58{,}0\%$ – "жесткая гонка".

В ФРГ, после того, как правая коалиция проиграла на федеральном уровне ("закат эры Коля"), едва ли не каждая избирательная кампания становится настоящим сражением, в котором христианские демократы делают ставку на реванш. В июне 1999 г. состоялись выборы в европейский парламент, на которых социал-демократы, СДПГ, получили 30,7% голосов, христианские демократы, ХДС, – 39,3%, у их баварских близнецов, ХСС, – 9,4%, у союзников СДПГ по левому лагерю "зеленых" – 6,4% [452].

Удельный вес победителей-правых вычисляется просто, для этого достаточно консолидированный процент ХДС/ХСС разделить на сумму процентов всех перечисленных партий: $a/c = (39{,}3 + 9{,}4) / (39{,}4 + 9{,}4 + 30{,}7 + 6{,}4) = 56{,}8\%$. Чуть меньше, но довольно близко к 57,7%, отвечающим нормативу "жесткой гонки". Зато если учесть вклад свободных демократов, СвДП, недавних партнеров ХДС/ХСС по коалиции (у СвДП – 3,0%), то величина a/c принимает значение 58,2%, т.е. даже несколько превосходит те же 57,7%. (Нынешний статус СвДП для многих в Германии не вполне ясен: то ли ее по-прежнему следует числить в связке с ХДС/ХСС, то ли теперь она – независимая сила, уже не имеющая отношения к раскладу между объединениями правых и левых.(14) Любители скрупулезности для описания реального распределения долей в общественном сознании могут взять среднее арифметическое между приведенными цифрами 56,8 и 58,2. Оно составляет 57,5%, что еще ближе к нормативным 57,7%, чем каждая из величин в отдельности. Для нас же важен сам факт актуальности парадигмы "жесткой гонки" применительно к парламентским выборам.

В разделе 3.5, обсуждая золотое деление, мы не ограничивались сферой политики, поступим так же и здесь, но на почве новых пропорций. Везде, где существенно задействован массовый человек, его сознание, его предпочтения, появляется место для закономерностей изучаемого рода. Важно только, чтобы хотя бы относительно соблюдалось условие терминальности, т.е. "законченности" процесса. В разделе 3.6 фигурировал пример экономики единой Европы (соотношение внутренней и внешней торговли накануне и после объединения), коснемся экономической ипостаси общественной жизни и здесь.

На старых рынках, давно не переживавших революций, где действует сравнительно небольшое количество производителей, основной раздел уже (и конечно, пока, но от последнего мы отвлекаемся) совершен. Каковы соотношения между ведущими

фирмами? На долю автомобильного гиганта США, "Дженерал моторс", пришлось в 1997 г. 31% продаж новых машин, у компании "Форд" – 24%, у "Крайслера", переживающего не лучшие времена, – 16% [208]. Вычислим пропорции между разными парами соперников. В паре "Дженерал моторс – Форд" доля первого составляет $a/c = 31 / (31 + 24) = 56{,}4\%$, что недурно походит на ситуацию "жесткой гонки". Агрессивно-наступательная политика "Форда", десятилетиями стремящегося во что бы то ни стало догнать главного конкурента, дает знать о себе. Во второй паре, "Форд – Крайслер", удельный вес первого равен $a/c = 24 / (24 + 16) = 60{,}0\%$ – скорее золотое сечение. "Крайслер", как сказано, переживал не лучшие времена и боролся, по-видимому, "без огонька", по крайней мере, не рассчитывая всерьез, что ему удастся настигнуть ушедших вперед конкурентов. Вскоре "Крайслер" сделал выводы и пошел на слияние с немецким концерном "Даймлер-Бенц", однако процесс перестраивающегося рынка нашими пропорциями не описывается – разрабатываемому подходу подведомственны только интенции, исключительно "конечные состояния". Последние, судя по сравнению цифр теории и реальности, описываются в целом неплохо.

Возвращаясь к теме президентских и губернаторских выборов и заключая раздел, уместно сделать одно замечание. Разумеется, было бы опрометчивым настаивать, что все реальные выборные кампании протекают согласно изложенной схеме и должны демонстрировать указанные проценты. Читатель приведет немало выпадающих случаев, будь то референдум в пользу продления полномочий "отца всех туркменов" ("туркменбаши") Сапармурата Ниязова, триумфальные выборы мэра Москвы Ю.М.Лужкова в 1995 г., губернатора Курска В.Руцкого осенью 1996 и т.д. Восемьдесят, девяносто и даже 99,9 процентов поданных голосов – не столь часто встречающийся, но и не уникальный достигнутый результат. Что это может означать? Провал изложенной модели? Ее необязательный " окказиональный, эвентуальный – характер? Этот вопрос заслуживает хотя бы страницы, коль в наши собеседники попадет политолог.

Что, собственно, предлагается на всем протяжении настоящей главы? – Не более, чем способ подсчета процентов в играх по заданным правилам. Сама по себе математика, ее методы для описания реальной действительности недостаточны. Так, физик, хорошо подготовленный к использованию того или иного математического аппарата, прежде полагает необходимым выяснить структуру изучаемого процесса, явления, его *физический смысл*. Математика для него – инструмент (хотя под него заранее подстраиваются физические данные, вернее, форма, в которую

они облекаются). Не иначе обстоит и с изучением политических процессов. Всякий раз расчетам должно предшествовать выяснение картины происходящего, выявление *политического смысла* – как его ни назови: психологического, ценностного, рационально-логического. На следующей ступени зафиксированная политическая констелляция может быть подвергнута формализации, как? – образцы показаны выше. За логическую обязательность выводов всегда заплачена некоторая цена: они действительны лишь в заданных рамках, а именно там, где заложенные в расчет предпосылки не нарушены и на практике.

Если, скажем, инженер-механик вычисляет передаточное число шестеренчатого или ременного механизма, его расчет опирается на предпосылку надежного зацепления зубьев, плотного соприкосновения поверхностей приводного ремня и барабана. Всегда ли эти условия выполнены? – Понятно, что нет. Ремни могут проскальзывать, зубья – выпадать из захвата, тем самым гарантируя сбой идеальной картины. Но вытекает ли отсюда неверность проведенного расчета, его бесполезность? – Навряд ли. Если в расчете не допущены принципиальные или арифметические ошибки, его результат обладает *нормативно-обязательным* статусом. Другой вопрос, что практические инженеры (чем они и отличаются от чистых теоретиков) не ограничиваются *только* расчетами, но привлекают знания из собственного опыта, целый ряд сопутствующих соображений, а в формулы, когда требуется, вводят корректирующие коэффициенты, полученные на основании лабораторных или натурных испытаний.

Сходная ситуация – и с практической политологией, политинженерией. Приходится специально оговаривать столь очевидные вещи – из-за особенностей восприятия иными из гуманитариев математизированных теорий вообще.(15) Их восприятие колеблется между равно неприемлемыми полюсами: от некритической завороженности числом до априорно-ехидного неприятия (см. *Предисловие*). Если расчеты оправдываются, в них *верят*, как едва ли не в чудо или пророчество, в блестящую манипуляцию фокусника. Если нет – кумир низвергается в Днепр, жрецов изгоняют, фокусника со свистом изгоняют со сцены. Беда даже не в том, что между "загипнотизированностью" математикой и сардоническим остракизмом почти не остается места "золотой середине". Главное – не достает действительного понимания сути числа: его заведомо условного, но в пределах этих условий строго обязательного характера.

Вернемся к президентским и губернаторским выборам. Всегда

ли игра ведется по тем правилам, из которых проистекает значение 1/√3 (57,7%)? Во всех ли случаях на деле происходит взаимный "захват", надежное "зацепление" между парой главных соперников, заложенные в теоретическую модель? – "Проскальзывание ремней", "выпадение зубьев" порой наблюдаются, конечно, и тут. В ходе предвыборной гонки в отношения между фаворитом и преследователем, между их электоральными группами вполне могут вторгаться неучтенные факторы. Иногда и вовсе не удается говорить о "настоящем" преследователе, и конкуренция в сущности лишь имитируется. (16) Сходным образом, могут быть нарушены предпосылки и второго приведенного толкования. Самой модели – в ее нынешнем виде – нет дела до этого. На то и необходимы специалисты, чтобы не терять реальный контроль. А если возникнет потребность, модель – не догма, она допускает совершенствование и коррекцию. Кроме того, что не менее, вернее даже более, важно, пока рассмотрены лишь две разновидности действующих пропорций, и свет клином на них не сошелся. По-прежнему полагая главной задачей этой книги экспликацию рационального бессознательного, мы вдохновляемся тем, что даже простейшим теоретическим схемам во многих случаях удается удовлетворительно справиться с описанием действительности. Жизнь общества, согласен, многофакторна, что и полезно учесть при решении ряда прикладных задач. Однако и в них закономерностям исследуемого сорта придется занять центральное место, сыграть роль той самой печки, от которой начинается танец.

Занятно, что реальный избирательный процесс иногда протекает так, что в нем совмещаются обе рассмотренные парадигмы: "гармонического соревнования" (приводящего к золотому сечению) и "жесткой гонки". Например, в Чеченской республике после вывода федеральных войск в 1996 г. состоялись президентские выборы. Фаворитом на них был Аслан Масхадов, начальник штаба повстанческих войск в период военных действий. Репутация главного победителя на волне национального воодушевления обеспечивала ему заведомое преимущество. Но он не был единственным кандидатом, на президентский пост претендовали и такие заметные фигуры как и.о. президента, поэт Зелимхан Яндарбиев, а также самый яркий из полевых командиров, руководитель рейда в Буденновск, считавшийся национальным героем Шамиль Басаев.

Действующая элита Чечни не могла в тот период позволить себе признаться собственному народу и всему миру в наличии антагонизмов в своем кругу, стояла задача во что бы то ни стало

сохранить впечатление невозмутимости и единства горцев. "Русские ушли, и теперь у нас все будет в порядке. Развития событий по афганскому сценарию мы никогда не допустим" – рефрен практически всех заявлений. "Мы – демократическое государство, и альтернативность выборов вполне естественна. Однако разногласий по самым важным вопросам среди чеченцев нет".

Что должно произойти, когда главные кандидаты стремятся во что бы то ни стало сдерживаться в процессе предвыборного соревнования, отказавшись от нормальной в таких случаях перекрестной ожесточенной критики? При этом степень интегрированности чеченского электората на гребне эйфории победы казалась действительно и неподдельно высокой.

Итак, фаворит известен, остальные стремятся "подтянуться" к нему: парадигма золотого сечения. С другой стороны, на карту поставлено слишком многое: это все же *президентские* выборы, и, значит, победителю достается все, а проигравшим – ничего. Могли ли с этим смириться остальные кандидаты, мечтавшие о более справедливом распределении почестей и полномочий в новой республике? – Борьба за президентский пост была исполнена скрытой напряженности, в глухих интонациях просачивалась ревность: "Почему всё Масхадову и никому другому?" В результате оппозиция "Масхадов – не Масхадов" подпадала и под правила "жесткой гонки", возникла смесь двух парадигм.

Если в процессе предвыборного соревнования у главных участников наблюдается совмещение двух групп целей и ценностей, причем, не удается точно выяснить, какая из них превалирует, на практике фигурирует нечто среднее, в простейшем случае среднее арифметическое. Чтобы произвести расчет расклада внутри пары "Масхадов – не Масхадов", необходимо взять средние арифметические от правых частей пропорций (11) – (12), с одной стороны, и (14), с другой. Два первых условия в обеих парадигмах выглядят одинаково: $a \sim c$. Среднее арифметическое от c и c равно c. Второе условие в парадигме золотого сечения имеет вид $b \sim a$; второе условие в констелляции "жесткой гонки": $b \sim [a + (a - b)]$. Среднее арифметическое от a и $[a + (a - b)]$ составляет $(3a - b)/2$. Выпишем получившиеся соотношения:

$a \sim c$
(18)

$b \sim (3a - b) / 2$

$a + b = c$.

Тогда

$b / a = (3a – b) / 2c$.

После элементарных преобразований придем к квадратному уравнению

$4 (a/c)2 + (a/c) – 2 = 0$.

Его положительный корень

$a/c = (\sqrt{33} – 1) / 8 \approx 0{,}593 = 59{,}3\%$.

(19)

Если в ходе предвыборного соревнования складывается обстановка, предполагающая совмещение установок двух известных нам парадигм, на долю ведущего актора должно прийтись 59,3% поданных голосов.

Каковы фактические результаты выборов президента в Чечне? Согласно сообщению р/с "Свобода", за Яндарбиева проголосовало 10% избирателей, за Басаева – 23,5%, за Масхадова – 59,3%. Теоретический расчет производился для пары "Масхадов – не Масхадов", следовательно, нас интересует последняя цифра. Она совпадает с вычисленной величиной. Для сравнения, в соседней, этнически родственной Ингушетии на выборах президента в 1998 г. Руслан Аушев с первой попытки набрал 66,5% голосов, что ближе к одному из приближений золотого сечения: 2/3, см. ряд (12). "Жесткой гонкой", пусть и скрытой, подавленной, даже не пахло, у ближайших преследователей Костоева и Мухарбека Аушева, соответственно, 13,3 и 9,1% [127].

Примечания

1 Т.е. когда все голоса, поданные за независимых кандидатов и за кандидатов третьих партий, сбрасываются со счетов.

2 Вот точные слова Гермеса Трисмегиста из "Изумрудной скрижали": "То, что внизу, подобно тому, что вверху, а то, что вверху, подобно тому, что внизу", см. [264, с. 369]. (Первая публикация "Изумрудной скрижали" – в своде "Alchemia", Нюрнберг, 1541; известные упоминания относятся к XIII в. Согласно преданию, ее текст по повелению Александра Македонского был выбит на гранитном надгробии ее легендарного автора, близ Хеброна.)

3 Его "доказательство" закона инерции заключалось в сравнении движений твердого шарика вниз и вверх по наклонной плоскости. В первом случае тот двигался с постоянным положительным ускорением, во втором – с постоянным отрицательным. Следовательно, заключил Галилей, по строго горизонтальной поверхности шарик должен двигаться с ускорением, равным нулю, т.е. с постоянной скоростью и неограниченно долго. Обоснование, таким образом, опиралось на логическое обращение физического процесса (движение вниз по склону и движение вверх).

4 К тому же результату приведет и "гонка преследования", когда каждый из двух кандидатов ориентируется на другого:

$$a \sim b$$
$$b \sim a$$
$$a + b = c\,.$$

Примеров, когда соперники идут к финишу голова в голову, не счесть. Скажем, на губернаторских выборах 1996 г. за пост санкт-петербургского губернатора сошлись не на жизнь, а на смерть действующий губернатор (тогда он назывался мэром) А.А.Собчак и один из его заместителей В.А.Яковлев. За плечами обоих стояли мощные московские кланы, приоритета не наблюдалось ни у одного, ни у другого, и отрыв во втором туре Яковлева от Собчака составил столь малую величину, что наличная теория ее не в состоянии объяснить.

5 Учитывая, что проценты вычисляются по сравнительно небольшому числу выборщиков, в котором один голос составляет примерно 0,2% от целого, расхождение и вовсе равно по сути одному голосу.

6 "Известия" № 125 от 10 июля 1996 г.

7 "Таких, как Ельцин, на пушечный выстрел нельзя подпускать к большой политике", – краткая формулировка его позиции.

8 "Известия" № 181 от 26 сент. 1996 г.

9 Уже в первом туре реализовалась по сути та же пропорция. У А.Черногорова – 48%, у П.Марченко – 37,6% [107]. Величина с в пересчете на ведущую пару: с = 48 + 37,6 = 85,6%. Тогда а/с = 48/ 85,6 = 56,1%.

10 В первом туре борьба отличалась значительно большею остротой. Расклад в пользу Стоянова был 40% против 30 у Маразова [32]. Таким образом, значение а/с составляло 40/70 = 57,1% – очевидная "жесткая гонка". После того, как будущий победитель был выявлен, произошел переход к "гармоническому соревнованию".

11 Перед выборами это был по сути открытый вопрос: считать ли демократическую оппозицию, ее единственно сильного кандидата Явлинского серьезным соперником выдвиженца "партии власти" Путина или нет (сомнения в том, кто одержит победу, повторяю, отсутствовали у всех, и вопрос стоял только так: является ли демократическая альтернатива Кремлю заметной или она вообще недостойна внимания. Два главных канала TV – ОРТ и РТР – настаивали на второй точке зрения, канал НТВ – на первой). В подобных случаях неопределенности – образ в коллективном сознании двоится: то ли одно, то ли другое, – на деле срабатывает нечто среднее. Среднее арифметическое от 64,4% и 60,2% равно 62,3%, т.е. лишь на 0,5% отличается от значения золотого деления.

12 Процент явки избирателей составил при этом 36,7% [там же], недалеко от одного из теоретических значений 38,2% – возможно, потому, что речь идет о муниципальных выборах (менее важных в сознании избирателя, чем федеральные), а возможно, ввиду явного преимущества главного кандидата: большинство заранее знало, кто станет мэром, и визит на избирательный участок воспринимался как лишенная серьезного смысла обуза.

13 Если бы в круг наших забот входило "разложить по косточкам" конкретный швейцарский пример, стоило бы обратить внимание и на следующие обстоятельства. Прежде всего, внутри правящей коалиции различаются левое и правое крылья (первое образовано социал-демократами и радикальными демократами, второе – христианскими демократами и Швейцарской народной партией). Доля левого – а/с = 33,3 + 27,8 = 61,1%, т.е. подозрительно напоминает закономерность золотого деления. Помимо этого, судя по цифрам, упорное соревнование наблюдалось между вторым и третьим элементами четверки: радикальными и христианскими демократами. В отличие от чистой двойной пропорции 1 : √3, их удельные веса оказались не совсем равны. Каково же их реальное соотношение? Доля радикальных демократов в этой паре составляет а/с = 27,8 / (27,8 + 21,0) = 57,0%, что вновь переносит нас в зону отношения 1 : √3, т.е. 57,7%. Таким образом, на общем фоне двойной пропорции 1 : √3 фигурирует еще одна такая же закономерность. Но не хотелось бы слишком вдаваться в детали. Два названных мотива представляются скорее дополнительными, второстепенными – так сказать, вариациями на тему главного смысла, т.е. модели двойной пропорции 1 : √3.

14 "Либералы теперь видят себя свободными от необходимости какой-либо коалиции", – пишет, например, Удо

Бергдол в "Зюддойче цайтунг" [418].

15 Благосклонное исключение сделано в основном лишь для социальной статистики, обладающей позитивистской, индуктивной природой, чуждой всякой дедукции.

16 Так, 26 марта 2000 г., одновременно с президентскими выборами, состоялись выборы губернаторов в семи российских регионах. Во всех случаях победу одержали действующие главы областных администраций. При этом губернатор Ханты-Мансийского автономного округа Александр Филипенко собрал 91% голосов, губернатор Ямало-Ненецкого округа Юрий Неелов – 87%; в Алтайском крае у Александра Сурикова – 77% [162]. О чем это свидетельствует? – Разумеется, об отсутствии настоящей борьбы, голосование вырождается до акта одобрения. Напротив, в Кировской области у Владимира Сергеенкова – 58,5%, в Еврейской автономной области у Николая Волкова – 56,8%: здесь вопрос, поддержать губернатора или нет, был поставлен действительно остро, ср. с 57,7% "жесткой гонки". Согласно сообщению "Известий" [там же], Владимиру Сергеенкову в течение предыдущего срока не удалось добиться видимых результатов в улучшении жизни населения, и предвыборный слоган ставил в основную заслугу главе администрации, что "тот искренне пытается – пусть и не очень удачно – заниматься какими-то реальными вещами". Такая обстановка, само собой, внушает сомнения в достоинствах выдвинутого кандидата, способствует возникновению ситуации "жесткой гонки" в альтернативе, отдать ему свой голос или нет.

3.8 Национальные большинство и меньшинство, национальные автономии и т.д.

Если, помимо золотого сечения и "соперника золотого сечения", т.е. условия (15), мы не указали бы больше ни одной пропорции, действующей в нынешних социумах,(1) то невольно воспроизвели бы их античную апологизацию. Ср. у Платона и комментаторов: формообразование "земных элементов" происходит под знаком одной, а "небесной фигуры" – другой. В данной работе не предполагается обсуждать столь высокие материи, как земля и небеса. Чтобы вывести разговор за рамки античных по генезису идей, стоило бы назвать и иные соотношения, актуальные для современных политических конструкций. Вначале, как обычно, математический эксперимент.

На этот раз он будет, так сказать, "двухэтажным": чтобы упростить изложение, сначала найдем одно соотношение, а затем, отталкиваясь от него, другое, которое нас главным образом и интересует. По-прежнему остаемся в границах дихотомной задачи, т.е. апеллируем к феноменам, в которых основную роль играет пара главных участников.

Первая типовая задача

Для конкретности возьмем одну из разновидностей государств, для которых характерно устойчивое и "нормальное" сосуществование национального большинства с достаточно значительным меньшинством (вариант: группой меньшинств). Обозначим характеристический объем первого, в данном случае его численность, через a, а совокупный характеристический объем второго (суммарную численность нацменьшинств) – через b. Пусть при этом для общественного восприятия важно, принадлежит человек к большинству или же к меньшинству, т.е. означенный признак является формообразующим. Общую численность населения обозначим через c: $a + b = c$.

В описанных условиях национальное большинство без надрыва, но как нечто само собой разумеющееся, полагает страну

"своей". Нет, речь не о дискриминации нацменьшинств – повторяю, сейчас мы рассматриваем вполне "нормальную", непатологическую ситуацию, – но, согласитесь, многим из нас присуще, не мудрствуя лукаво, полагать, что, скажем, Франция – страна французов, Германия – немцев, а всех жителей СССР до недавних пор было принято за рубежом называть "русскими" (намеренно, чтобы не забегать вперед, здесь названы не те страны, которые затем будут анализироваться). Подобное мнение в известном смысле естественно и зачастую представляется наследием тех времен, когда моноэтничность, хотя бы относительная, общественно-идеологическая, ценностная, действительно обеспечивалась. Если субъект a преисполнен названным взглядом и чувствами, то в его голове – образ целого, т.е. c, целого, которому, "конечно", полагается принадлежать ему. Таким образом, при прежних допущениях величина a прямо пропорциональна c ("каждый получает сообразно собственной вере").

Какова при этом позиция нацменьшинств? – В очередной раз напомним, прожектор внимания направлен на "здоровый", "естественный" случай, без выраженной дискриминации нацменьшинств и, соответственно, без болезненной обратной реакции. С одной стороны, субъект b признает авторитет "большого и старшего" (субъекта a), стремится ему подражать, сравняться с ним по статусу. С другой – меньшинство не хочет ассимилироваться, ценя свою принадлежность пусть к малому, но гордому народу, т.е. в цели актора b входит намерение сохранить свою идентичность, самого себя, т.е. b. Субъект b, таким образом, оказывается в двойственном положении: то ли ему хотеть стать таким, как ведущая национальная группа a, давшая имя общему государству, то ли внутренние усилия сосредоточить на самосохранении. Предположим, однозначный выбор не осуществлен, два мотива сосуществуют, выступая как "результирующее среднее", в простейшем варианте – среднее арифметическое. Тогда реальная величина b прямо пропорциональна среднеарифметическому $(a + b)/2$. Запишем все три условия:

$$a \sim c$$
(20)

$$b \sim (a + b) / 2$$

$$a + b = c.$$

Из первых двух строчек составляем пропорцию

$b / a = (a + b) / 2c$.

Тогда

$2bc = a (a + b) = a2 + ab$.

После подстановки $b = c – a$ и нескольких преобразований получим

$3ac = 2c2$.

Откуда

$a/c = 2/3$

(21)

Доля национального большинства в рассмотренном случае должна составлять 2/3, или 66,7%, от общей численности населения (доля меньшинства, автоматически, $b/c = 1/3$). Теоретическую величину необходимо сравнить с экспериментальной.

Один из релевантных образцов устойчивого, "здорового и естественного" сосуществования различных этнических групп, на наш взгляд, – Швейцарская Конфедерация. Разделение в ней осуществляется не по крови, а по языку. В Швейцарии три государственных языка: немецкий, французский, итальянский, – которым отвечают самые многочисленные лингвистические группы. Наряду с ними, присутствует и уступающая по численности коренная группа, говорящая на ретороманском. В связи с этим в разделе 1.4 отмечалось, что Швейцария, если судить по официальному статусу, трехсоставна, однако с фактической подкладкою четырехсоставности. Но сейчас нас занимает редуцированная дихотомная схема: большинство в Швейцарии принадлежит немецкоязычному населению, и оно составляет 65% от общего [300, с. 1513]. На таком, в частности, основании Швейцария в разделе 1.4.2.2 была отнесена к германскому региональному ансамблю. Насколько эта страна подводима под общественно-психологическую градацию "немецкий – не немецкий", настолько цифра 65% представляется характерной и значимой. Она, похоже, удовлетворительно соответствует величине 2/3, или 66,7%.

В качестве другого примера возьмем одно из государств бывшего СССР, ныне СНГ – Грузию. Для нас это тем более любопытно, поскольку ранее, в разделе 1.4.2, она уже становилась предметом исследования в плане государственного устройства: наряду с основной территорией Грузии, в ней существуют три

автономии (Южная Осетия, Абхазия и Аджария), итого M = 4. Теперь попробуем взглянуть на объект под иным углом – как на полиэтническое сообщество, в котором грузинам принадлежит большинство, но тем не менее всей пестрой палитре народов на протяжении веков (включая советский отрезок) удавалось находить общий язык, неплохо ладить друг с другом. Вновь примерим дихотомную аналитическую конструкцию: "грузин – не грузин".

Согласно данным Советского энциклопедического словаря [300, с. 345], в 1985 г. население Грузии составляло 5201 тыс. чел., из них грузин (перепись 1979 г.) – 3433 тыс. чел. На национальное большинство приходится a/c = 3433 / 5201 = 66,0%. Еще более точное приближение к теоретическому значению 66,7%. Если руководствоваться данным критерием, в Грузии была актуальной и по завершении кризиса в состоянии вновь утвердиться испытываемая модель здорового и естественного сосуществования национального большинства и меньшинств.

Несколько слов о нормативной величине a/c = 2/3. Во-первых, если бы в выкладках вместо национальных групп фигурировали, скажем, социальные, а все сопутствующие условия отношений сохранились, на сами цифры a/c и b/c это никак бы не повлияло. В частности, если в качестве системы такого рода взять "общество потребления", в котором инструментом классового разделения служит уровень дохода, но при этом отсутствует ожесточенная конфронтация между богатством и бедностью, царит относительный социальный мир, мы пришли бы к тому же результату (21). На него идеально точно ложится ранее упоминавшаяся идеологема "общества двух третей": альянс богатого и среднего классов, с одной стороны, и класс бедный, с другой. Это может показаться парадоксальным: бедные не только стремятся к повышению своего достатка, тем самым подражая богатым и "миддлу", но и оберегают свою идентичность в статусе бедных, не в силах отдать окончательное предпочтение ни одному из альтернативных мотивов. Кто, даже в глубине души, желает себе прозябания в бедности? Но парадокс тут лишь мнимый. В рассуждениях повсюду использовались не отвлеченные, декларативные цели (наподобие: вот здорово, если бы я выиграл миллиард, или: неплохо бы побродить по Луне), а практически значимые, подкрепленные реальными действиями. Всегда ли бедные готовы на деле изменить образ жизни, свою психологию, принести в жертву букет асоциальных привычек во имя того, чтобы взойти на более высокую иерархическую ступень? – Внутри исследуемой устойчивой парадигмы практически

никогда; есть непренебрежимая доля истины в эпатажной максиме консюмеризма: "Бедные остаются бедными, потому что не хотят быть иными". Идеологема "двух третей" поэтому и оказывается работоспособной и жизненной, соответствующей по-своему естественному распределению ролей .(2)

Во-вторых, величина $a/c = 2/3$ является вторым из приближений закономерности золотого сечения, см. ряд (12). Сравнительно незначительное отличие двух теоретических значений 61,8% и 66,7% – нередко в пределах точности натурного эксперимента – не всегда позволяет на основании только экспериментальных цифр осуществить однозначный выбор между двумя моделями. Подлежит дополнительному изучению, не происходит ли смешения двух групп мотиваций, двух парадигм и на практике, т.е. в массовой психологии (ее полисемантизм). Так, в частности, пока для меня затруднительно отдать предпочтение одной из двух интерпретаций идеологемы "общества двух третей" и национальных соотношений в Швейцарии: то ли в духе золотого сечения, то ли под знаком последней пропорции. Не иначе обстоит и с затрагивавшейся в разделе 3.2 Великобританией.

Фактическое значение параметра a/c в Великобритании составляло 68,5%,(3) что, конечно, ближе к 2/3, чем к 61,8%. Судить о реальной картине межнациональных отношений удобнее жителям Соединенного королевства, за ними и право окончательного выбора между двумя конкурирующими парадигмами. Со своей стороны заметим, что – как и в случаях Швейцарии, Грузии – Британия XX в. не осталась глухой к кватерниорному принципу $M = 4$, см. раздел 1.4.2: Англия, Шотландия, Уэльс, Северная Ирландия. По состоянию на настоящий момент неизвестно, сопряжены ли между собой разнородные по качеству модели $M = 4$ и $a/c = 2/3$. Для меня лично первая играет роль скорее лакмусовой бумажки: если образованный социум подчиняется простейшим математическим закономерностям в одном ракурсе, то правомерно ожидать, что он продемонстрирует подобающую логичность и в другом.

Как всегда, одной и той же пропорции, в данном случае $a/c = 2/3$, могут отвечать разные толкования и, соответственно, разный климат, в котором она реализуется. По-своему "здоровой" моделью сосуществования большинства с меньшинством была бы, скажем, и следующая.

Пусть решение вопроса сохранения меньшинства, его идентичности берет на себя большинство, а само меньшинство не ставит себе такой специальной задачи. Большинству *a* из горького чужого опыта отлично известно, что если заранее не озаботиться

проблемами меньшинства, осложнения не преминут возникнуть. Поэтому наряду с сохранением целого *c*, актор *a* предусмотрительно ставит себе дополнительной целью поддержку существования меньшинства *b*, а также сохранения его в составе единого государства. Наличие одновременных и независимых целей *c* и *b* предполагает соблюдение пропорции $a \sim (c + b)$. Специальную заботу о меньшинстве, как сказано, взяло на себя большинство, причем, не только в красивых словах, но и на деле. Поэтому у меньшинства не возникает желания сосредоточиваться на той же задаче, и в качестве естественного образца для подражания оно избирает для себя *a*. Тогда $b \sim a$. Соберем условия вместе:

$a \sim (c + b)$

$b \sim a$

$a + b = c$.

Тогда

$a / b = (c + b) / a$.

Откуда

$a2 - b(c + b) = 0$.

После подстановки $b = c - a$ и нескольких преобразований получим

$a/c = 2/3$.

То есть мы пришли к тому же количественному результату, что и ранее, см. (21).

Обычно мы избегали приводить слишком много разных выводов одной и той же пропорции, но в данном случае допустимо сделать исключение – ввиду лапидарности третьей версии. Пусть по-прежнему большинство *a* придерживается задачи овладения целым *c*, т.е. $a \sim c$. У меньшинства *b* нет оснований всерьез рассчитывать на тот же результат (с чего бы вдруг большинство позволило собой управлять?), зато надеяться на достижение равноправия, стремиться к максимально полному балансу влияния – отнюдь не противопоказано. Реальному балансу отвечало бы, если политически актуальные численности двух существующих групп были бы равны между собой, следовательно, составляли бы по $c / 2$, у каждой по 50% голосов. Указанное положение – не действительность, а только *цель* группы *b*, по своему естественная. Тогда $b \sim c / 2$. Соберем в кучку названные условия:

$a \sim c$

$b \sim c / 2$

$a + b = c$.

Откуда вытекает $b = a/2$, $a/c = 2/3$. Выбор из разных герменевтических вариантов одной и той же формы $a/c = 2/3$

осуществляется в зависимости от конкретных политических условий (реальных доминант общественного сознания). На этой ноте оставим парадигму $a/c = 2/3$ и, отталкиваясь от нее, обратимся к иной.

Вторая типовая задача

По-прежнему рассматривается система, состоящая из двух основных частей: национального большинства и меньшинства. Характеристический объем первого – a, второго – b. Целое c равняется сумме частей: $a + b = c$.

В предыдущей задаче характеристический объем большинства составлял $a/c = 2/3$, следовательно, на долю меньшинства приходилось

$b/c = 1/3$.

(22)

Теперь обратимся к более проблемному случаю, когда в стране существуют ощутимые трудности в отношениях автономий с центральным правительством ("государством в целом"). На этот раз речь идет не о "здоровом и естественном" взаимодействии групп, как прежде, а о наличии известного "надрыва", обид. Как всегда, занимаем отстраненную аналитическую позицию, не вдаваясь в замешенный на маловразумительных эмоциях вопрос, "кто прав, кто неправ". Возможно, действительно, большинство и вместе с ним столичные власти исповедуют несколько высокомерный взгляд на меньшинство, не признают резонности законных интересов последнего. Возможно, наоборот: меньшинство страдает комплексом неполноценности, неоправданной подозрительностью и, как следствие, непомерными притязаниями. Наша цель – не судить, а проводить расчеты.

Большинство a, как и ранее, связывает существование общего государства c прежде всего с самим собою. Именно оно, субъект a, служит главным гарантом единства и целостности государства; на фоне обостренных угроз этой целостности последняя представляется большинству тем более вожделенной и ценной. Значит, по-прежнему величина a прямо пропорциональна c: $a \sim c$.

Меньшинству – в данном случае административно организованным нацменьшинствам – присуще считать, что большинство подменило собой общее государство, подмяло его

под себя. Поэтому столичным узурпаторам стоит дать достойный отпор. "У большинства есть все, у нас – почти ничего, мы настаиваем на внедрении политически нормальных и гармонических отношений между этническими группами". Что, в сущности, означают такие "нормальные" отношения? – В этом редко отдается отчет, но позитивные ощущения оказываются имплицитно направленными на утверждение недавно изложенной модели "нормальных отношений", т.е. на соотношение (22), $b/c = 1/3$. Вдобавок в странах, где "всё нормально", большинство не выдает себя за полномочного репрезентанта целого c , а в настоящем случае подтасовка осуществилась, меньшинство абсолютно уверено в этом. Повторяю, мы не касаемся вопроса, насколько справедливо, оправданно это мнение, главное – что оно явственно существует, и каждому в конечном счете дается по вере. Если в глазах меньшинства большинство a подменило собой целое c, то в формуле (21) в роли c должно выступить a. Если в тех же глазах в действительности пока не существует "здорового и естественного" сообщества, а к нему надлежит только стремиться, то вместо равенства фигурирует пропорциональность. Таким образом, $b/a \sim 1/3$, или $b \sim (1/3)a$. Сведем три условия воедино:

$$a \sim c$$

(23)

$$b \sim (1/3)a$$

$$a + b = c.$$

Составляем пропорцию

b / a = (1/3)a / c.

Тогда

$a2 = 3bc$.

После подстановки $b = c - a$ и переноса всех членов в левую часть:

$a2 + 3\,ac - 3\,c2 = 0$.

Деление на $c2$ приводит к квадратному уравнению

$(a/c)2 + 3(a/c) - 3 = 0$.

Его корни составляют

$(a/c)1,2 = (- 3 \pm \sqrt{21}) / 2$.

Выбираем положительный корень, отвечающий реальному смыслу величины (a/c):

$(a/c) = (\sqrt{21} - 3) / 2 \approx 0{,}791 = 79{,}1\%$.

На долю большинства в этом случае должно прийтись

примерно 79,1% от целого. Доля меньшинства, соответственно, описывается значением

$b/c \approx 20{,}9\%$.

(24)

Для проверки выберем три страны с типологически сходным строением: Испанию, Грузию и Канаду. В каждой из них стоит ребром проблема отношений с организованными нацменьшинствами, автономиями.

Вначале посмотрим на Испанию. Большинство ее населения – испанцы, другие значительные, компактно проживающие группы: каталонцы, баски, галисийцы. О территориально-этническом строении Испании согласно принципу М = 4 упоминалось в разделе 1.4.2, но в ней, кроме того, – что сейчас важнее – болезненно заострен вопрос сепаратизма провинций. Поскольку в данном случае речь идет не о чисто межнациональных проблемах, а о *национально-государственных*, постольку при определении характеристических объемов следует принимать в расчет не только демографическое распределение, но и площади земель. Согласно данным энциклопедического словаря [300, с. 508], численность населения Испании составляет 38,2 млн. чел. (1981), площадь территории – около 505 тыс. км2.

Каталония – автономная историческая область на северо-востоке Испании. Ее население – 6 млн. чел. (1981), территория – 32 тыс. км2. Баскония, она же Страна Басков, Эускади, – автономная историческая область на севере государства; население – 2,1 млн. чел. (1981), территория – 7,3 тыс. км2. Галисия – автономная историческая область с населением в 2,8 млн. чел. и территорией 29 тыс. км2.

Теоретическая модель отличается дихотомностью, поэтому и реальные цифры необходимо привести к сопоставимому виду. Общая площадь территории автономий равняется 68,3 тыс. км2. Суммарное население – 10,9 млн. чел. Соответственно, в территориальном аспекте доля автономий составляет 13,5% от целого, $b/c = 13{,}5\%$, в демографическом $b/c = 28{,}5\%$. Первая величина уступает теоретической 20,9%, вторая ее превосходит. Мы знаем, как в таких случаях поступать, см. раздел 3.2. Поскольку теоретическое значение b/c базируется на интегральной оценке размеров формообразующих субъектов, постольку из двух экспериментальных значений следует составить среднее. Среднеарифметическое от 13,5% и 28,5% равно $b/c = 21{,}0\%$, что с точностью до одной десятой процента совпадает с диктуемой моделью величиной (23).

В Грузии, как и в Испании, – три автономии: Южная Осетия,

Абхазия и Аджария. Выше Грузия была испытана с помощью двух расчетных моделей: зафиксировано территориально-политическое строение М = 4 и выявлены характеристические соотношения в плане этно-демографического состава, безотносительно к государственному устройству. Однако в последнее десятилетие в Грузии, даже еще драматичнее, чем в Испании, обострилась проблема сепаратизма, поэтому проверке подлежат и национально-государственные пропорции. Согласно данным того же энциклопедического словаря, население Грузии – 5201 тыс. чел. (1985), площадь территории – 69,7 тыс. км2.

Южная Осетия: население – 99 тыс. чел. (1985), территория – 3,9 тыс. км2. Абхазия: население – 526 тыс. чел. (1985), территория – 8,6 тыс. км2. В Аджарии в тот же период проживало 379 тыс. чел., размер территории – 3 тыс. км2.

Суммарная численность населения автономий равняется 1004 тыс. чел. Суммарная площадь территории – 15,5 тыс. км2. Доля автономий по отношению к Грузии в целом: по населению 19,3% и по территории 22,2%. Среднеарифметическая величина b/c = 20,8%, что также лишь на 0,1% отличается от нормативных 20,9%.

Пример Грузии полезно прокомментировать. Рассматривая в предыдущий раз эту страну под знаком полиэтнизма, мы игнорировали "государственный" аспект, нас занимали политические, бытовые, культурные отношения между народами ("грузин – не грузин") – независимо от привязки последних к выделенным территориям, в которых соответствующие нации становятся титульными. В той парадигме приходящиеся на грузин 66,0% оказались близки к 66,7% теории, тем самым отвечая модели "естественных и здоровых" межнациональных отношений. Совсем иная ситуация, в чем пришлось убедиться теперь, коль речь заходит об отношениях федеральных властей с автономиями. Здесь фигурирует не только структурно-логическая конструкция М = 4 (М = 3 + 1, или 1 +3), зачастую брутально ведущая себя при внедрении, см. раздел 1.4, но и цифра 20,9% (на деле – 20,8%), описывающая конфронтационное взаимодействие автономий со столичными властями. Кто же прав: федеральные политики, президент Э.А.Шеварднадзе, утверждающие, что для обострения межнациональных отношений в стране отстутствуют объективные предпосылки, а наличное обострение – результат чисто привходящих причин (таких, как несуразные личные амбиции руководителей автономий и коварная "рука Москвы"), или правомерны доводы лидеров автономий, усматривающих в поведении Тбилиси унизительные великодержавные нотки? Числовые данные, похоже, свидетельствуют: объективные резоны

– у обеих сторон. Если бы не было компактного проживания нацменьшинств и политически организованных автономий, то межнациональная ситуация, по всей видимости, была бы лишена остроты и болезненности (модель $a/c = 2/3$, $b/c = 1/3$). Однако попытки ущемить и тем более отменить автономии, предпринимавшиеся высокопоставленными апологетами унитарного государства, автоматически запускают конфронтацию, создают климат взаимных претензий (модель $a/c = 70{,}1\%$, $b/c = 20{,}9\%$). Здесь не место для рекомендаций, поэтому перейдем к следующему примеру – Канаде.

В Канаде две основных этнолингвистических группы: англо- и франко-канадцы, – и два государственных языка. Согласно энциклопедии, доля первых составляет 45% от всего населения, вторых – 30% [300, с. 535]. Таким образом, доля ведущей, англоязычной, группы в рамках бинарной альтернативы составляет $a/c = 45 / (45 + 30) = 3/5$, или 60%. Цифра 3/5 – третье из приближений золотого сечения, см. ряд (12), что на практике, как мы знаем, может означать модель гармонических отношений между двумя общинами. Но сейчас нас интересует другое.

В последние десятилетия во франкофонном Квебеке предпринимаются все более настойчивые попытки отделения. В 1970-х годах тут действовал террористический "Фронт освобождения Квебека", прибегавший к захватам в заложники федеральных министров и британских чиновников [322]. В 1980 г. вопрос о самостоятельности выносится на референдум. В его канун Квебеку пообещали статус "особого общества" [44], и 60% жителей сказали "нет" суверенитету для своей провинции, а 40% его поддержали [там же]. Итоги референдума заставили сторонников сепаратизма снизить планку притязаний, требуя лишь гарантий для своего языка и культуры (до 1970 г. даже преподавание французского языка в государственных школах считалось незаконным). Такие гарантии были включены в специальное соглашение 1987 г., но не были ратифицированы канадским парламентом. В 1992 г. Оттава отвергла еще одно, Шарлоттаунское, соглашение, в котором говорилось не о полной независимости Квебека, а о культурной автономии. Последовал взрыв национальных чувств, и очередной референдум, 30 октября 1995 г., принес настораживающие результаты: на сей раз против отделения высказалось только 50,6%, и 49,4% – "за" (при этом 60% франкоязычного населения Квебека отдало предпочтение независимости) [320]. Таким образом, налицо натянутые отношения между центральной властью и провинцией Квебек. Исходя из этого и произведем расчет.

Впрочем, ранее было дано обещание назвать черты типологического сходства не только между Испанией и Грузией (их территориально-государственное устройство согласно принципу М = 1 + 3), но между ними и Канадой. Для этого придется вспомнить материал раздела 1.4.2.

В Испании и Грузии корни их внутригосударственного, межнационального членения уходят в седую древность.(4) При этом наличное государственное устройство Грузии, современный состав и границы – плод века XX, точнее – сталинского периода. В Испании республиканская революция предоставляет самоуправление Басконии, а Франко его ликвидирует. Существующее на настоящий момент строение Испанского королевства – новейший продукт эпохи дефранкизации. Что же в Канаде?

Канадская федерация образована в 1867 г., тогда же Квебек, бывшая колония Франции, становится одной из канадских провинций. В нынешних границах Квебек существует с 1912 г. Наиболее настойчивые попытки его суверенизации предпринимаются теперь, в канун и в момент третьей мировой бифуркации, третьей структурной трансформации мирового сообщества, см. главу 2. По-видимому, не будет преувеличением утверждать, что исследуемая проблема отношений центральных властей с автономиями, в том виде, в каком она выступает ныне, – специфически новый, даже новейший процесс, не только в Канаде, но и в Испании и Грузии. Историческая память, языковые и культурные различия здесь скорее лишь повод, строительный материал для более общих процессов политического структурирования, действующих поверх и помимо национальных особенностей, а также истории прошлого. Если истоки и причины "неразумных" конфликтов всегда гнездились во многом в бессознательной сфере, в пучинах коллективного бессознательного, то теперь самые мощные импульсы исходят из области *рационального* бессознательного, по крайней мере в государствах с образованным населением, см. *Предисловие*.

Та же Канада – вполне цивилизованная, высокоиндустриальная и постиндустриальная держава, типичный представитель развитой части мирового сообщества, которой присуща высокая степень толерантности.(5) Твердое впечатление, что нерв конфликта со сторонниками независимости Квебека следует искать не в последнюю очередь в современном глобальном блокообразовании. В последнем, как мы помним из раздела 1.4.2, одна из центральных ролей принадлежит Североамериканскому блоку, НАФТА, состоящему из трех государств: США, Канады и Мексики. Если в мировом сообществе

почти повсюду утверждается структура М = 4 (как модификация: М = 3 + 1) – в Европе (ЕС), Евразии (СНГ), АТР, континентальной Азии, – для чего есть объективные основания, то непонятно, почему эти тенденции должны обойти стороной североамериканский континент. В случае, если произойдет "самый большой геополитический сдвиг в Северной Америке" [319] и Квебек добьется превращения в независимое государство, не существует никаких причин для его выхода из состава НАФТА. Логическое строение последней тогда окажется М = 4. Чтобы безболезненно для себя реализовать этот принцип в североамериканских условиях, Канаде следовало бы желать либо разделения Мексики (которой также знакома проблема сепаратизма), либо приема в НАФТА как минимум еще одного государства (вариант разделения США на настоящем этапе заведомо нереалистичен). Пока же "крайней", или "слабым звеном", остается Канада.

Однако пора приступить к расчетам. По данным энциклопедического словаря [300, с. 535], численность населения Канады – 25,4 млн. чел. (1985), площадь территории – 9976 тыс. км2. Население Квебека – 6470 тыс. чел. (1982), территория – 1540,7 тыс. км2. По количеству жителей Квебек составляет около 25,5% от Канады в целом, по размеру территории – чуть больше 15,4%. Среднее арифметическое равно 20,5%, что лишь на 0,4% отклоняется от теоретической величины 20,9%.

Психологическая подпочва соответствующего национально-территориального членения, его конструктивных пропорций может дремать до поры, не находя брутальных выражений в политике, но на очередном вираже истории, в момент кризиса она в состоянии вырываться на поверхность. Коллективное рациональное бессознательное подыскивает себе подходящую опору в реальности: под актуальные позитивные соотношения подводится релевантный общественно-психологический, ментальный фундамент. "Вдруг" дотоле невнятные групповые эмоции обретают "безупречное" логическое основание, все глухие, маловнятные подозрения разом оправдываются. Подсчетов как таковых, разумеется, никто не проводит, миссию его заместителя исполняет коллективный здравый смысл. Последний густо замешен на рациональной, элементарно-математической субстанции. Встреча эмпатической энергии ("хочу – не хочу" плюс воля их проведения в жизнь) с духом высшей, безусловной обязательности, присущей всему, что имеет математическую природу, порою оказывается взрывоопасной. В этом, в частности, убеждают примеры Испании, Грузии и Канады. Вот почему так важно исследование семантики различных цифровых парадигм:

она помогает лучше понять подспудную подоплеку конфликтов, в ряде случаев их прогнозировать, а после того, как пламя уже разгорелось, найти относительно приемлемое решение, направить течение событий по предпочтительному руслу (мы уже знаем: одним и тем же объективным величинам могут отвечать разные расстановки позиций ведущих участников).

И на закуску пассажа об отношениях с организованными нацменьшинствами, воспользуемся более необычным примером – Кипром.

В нем две главных общины – греки и турки, которых вдобавок разделяет конфессиональная грань: православие у одних, ислам у других. Численность первой общины – 78% от всех киприотов, второй – 18% [300, с. 577]. После путча греческих офицеров, желавших присоединить Кипр к Греции, на северную часть острова были высажены турецкие войска, и здесь провозглашено новое государство – Турецкая Республика Северный Кипр. Последняя официально не признана, и в глазах мирового сообщества Кипр остается единой страной. Площадь территории северной части Кипра составляет 37% от общей [213].

Итак, по признаку численности населения доля турецкого меньшинства в паре "греки – турки" равна $b/c = 18 / (78 + 18) = 18{,}8\%$, что всего на 2,1% меньше, чем 20,9%. До начала конфликта у двух общин существовала возможность, пусть и небезоблачного, но все же не столь конфронтационного сосуществования, когда меньшинство имело основания стремиться к сформулированному выше идеалу отношений с большинством. Пропорция, как мы помним, предполагает и высокий уровень подозрений со стороны меньшинства в том, что большинство подменяет своими интересами интересы всего государства, однако процесс тлеющего, или скрытого, горения мог длиться без испепеляющих вспышек довольно долго (ср. Испанию, Грузию и Канаду). Так, вероятно, и было, но вместе с акцией офицеров – этнических греков по присоединению республики к Греции подозрение превратилось в уверенность: у турок никто ни о чем не собирается спрашивать. Позже, с интервенцией Турции, маятник качнулся в противоположную сторону – от "дискриминации меньшинства" к захвату непропорционально обширных земель. 37% у турок означает 63% у греков, что практически совпадает с парадигмой золотого деления. Таким образом, ныне Кипр пребывает под знаком двух кардинально разных рациональных мотивов: расколот не только сам остров, но и коллективное сознание.

Здесь не место для более подробных исследований, поскольку, в дополнение ко всему, регион попал в зону действия

и совсем другой рациональной закономерности. Об этом шла речь в разделе 1.4.2 : региональные ансамбли Европы выстраиваются согласно строгому кватерниорному принципу, M = 4, и для Турции исключительно важно не выпасть из строя. Она и собирает, а если нужно, и сама создает грядущих партнеров по исламско-европейскому ансамблю, которые в дефиците. И если Албания – хотя и несколько "дикое", но уже существующее государство, то недостает еще двух. Поэтому геополитический интерес Турции к таким мусульманским территориям как Северный Кипр, Босния и Герцеговина, край Косово (и даже Азербайджан, которому турецкие политики с подмигиванием намекают на помощь, чтобы попасть в Европейский союз) не случаен и по-своему даже оправдан. Но вряд ли в настоящем тексте целесообразно вдаваться в сложное взаимодействие разнородных рациональных парадигм, дай Бог разобраться с куда более простыми вещами.

Примерно двадцатипроцентная численность нацменьшинств присуща также Великобритании (англичан – 4/5), ФРГ, современной России, но оставим эти страны для самостоятельных упражнений. Подводя же черту под разделом, – приведенными пропорциями, конечно, не исчерпывается список возможностей в отношениях между национальными общинами, изложение, в который раз повторим, – не более, чем *введение* в проблематику.

Примечания

1 Группу соотношений (18), представляющую собой обычную смесь, мы не относим к концептуально самостоятельным.

2 Привлечение в качестве предмета анализа идеологемы ("общество двух третей"), а не реальных численностей обеспеченных классов, с одной стороны, и бедного, с другой, объясняется отчетливо идеологизированным характером как феномена консюмеризма как такового, так и вытекающего из него социального структурирования. Функцию характеристических объемов в таком случае берут на себя коллективные представления в чистом виде, без надежной корреляции с "объективной реальностью" (последней оперируют главным образом на кафедрах социологии, широким общественным фактом она не становится): каждый класс выступает в роли самостоятельной единицы. Всего их три, c = 3. Обеспеченных два, a = 2. Итого, a/c = 2/3.

3 На сей раз уже не по чисто этническому, а по смешанному этно-территориальному критерию, что объясняется, возможно, традиционно-исторической английской ориентацией на захват и передел земель (ср. для контраста Швейцарию и Грузию, где основная задача издавна заключалась в сохранении собственной земли от экспансии агрессивных соседей и достижении межнационального мира в географически заданных границах, без обращения к внешним завоеваниям): наследие веков накладывает отпечаток и на современное общественное сознание.

4 Грузинская государственность изначально опиралась на объединение феодальных княжеств, при этом, скажем, Абхазское царство существовало, как минимум, с VIII – IX вв. На территории Испании после Реконкисты, в свою очередь, находился целый ряд самостоятельных королевств.

5 Так, за последние 27 лет все канадские премьеры, за исключением трех, были квебекцами [320].

3.9 Несколько чуть более сложных случаев. Варианты кватерниорных систем

Различных сочетаний ценностно-целевых установок политических акторов и вытекающих из них пропорций столь много, что нет возможности вместить их в границы одной главы. Тем не менее, постараемся пополнить их список – конечно, не с целью объять необъятное, но чтобы помочь читателю обрести бóльшую свободу движения в последующем самостоятельном плавании. Один из незамысловатых случаев – следующий.

Речь снова о соревновании двух субъектов a и b, составляющих в сумме целое c. Пусть рецессивный субъект b, как бывало и прежде, стремится настигнуть своего более удачливого соперника a , в известном смысле подражая ему, т.е. $b \sim a$. Субъекту a , однако, представляется уже недостаточным поставить себе предельную цель – овладение целым c. Это может показаться неожиданным: что большего, казалось бы, можно желать, чем получить все 100 процентов? Ведь большее в принципе недостижимо. – На практике это действительно так, но не в сфере ценностей, целей. Ничто, кроме добровольно взятых на себя обязательств сдержанного и, значит, неокрыленного здравого смысла, не препятствует нам мысленно выйти за пределы целого c и захотеть овладеть всем. Актор a, повторяю, не покидает пределов рассудка, напротив, он – серьезнейший претендент на победу. Возможно, предвыборные обстоятельства сложились так, что каким-то образом выбили из колеи и его самого, и его избирателей, "раскачали" их актуальное воображение. Чтобы избежать голословности – иллюстрация.

На выборах мэра Москвы в декабре 1999 г. место безусловного фаворита принадлежало действующему мэру, Ю.М.Лужкову. Он тогда – один из крупнейших политиков, оппозиционных Кремлю, еще недавно располагавший серьезными шансами стать следующим президентом страны. За несколько месяцев до одновременных выборов Государственной Думы и московского мэра Лужков создает политическое движение "Отечество", объединяет его с движением губернаторов "Вся Россия" и вместе с Е.М.Примаковым становится лидером нового блока. Рейтинг движения настолько высок, что журналисты сулят абсолютную победу. Тем более сомнения в успехе отсутствуют на

собственном поле Лужкова, в Москве. Ряд местных каналов TV – под контролем Лужкова, за его спиной – внушительные финансовые ресурсы. Так что вопрос, кому быть мэром – собственно, и не вопрос, претендент имеет все основания стремиться к абсолютному результату: $a \sim c$.

Однако сказанным предвыборная интрига не исчерпывалась. Начиная с осени и вплоть до самых выборов руководители ОВР ("Отечества – Всей России") превращаются в мишень беспрецедентной по ожесточенности критики со стороны прокремлевских масс-медиа. Сейчас нас интересуют аксессуары борьбы за мэрское кресло, поэтому дискредитация, которой подвергся только Лужков. Кремлевские политтехнологи стремились во что бы то ни стало выбить почву у него из-под ног, лишить уверенности в победе, и нельзя сказать, что им это полностью не удалось. Атака велась с разных фронтов. У Лужкова – репутация демократа? – На дистанцию гонки выпущен записной демократ, бывший премьер С.В.Кириенко: критика справа, под либеральным углом. Лужков – олицетворение успешного практика, "крепкого хозяйственника"? – А что найдет возразить избиратель против другого "крепкого хозяйственника", руководителя Управления делами президента П.П.Бородина? С состоянием экономики Кремля все в порядке, в чем нет сомнений; Бородин намекает на подъем хозяйства Москвы до кремлевских высот. На фоне конкретных выставленных альтернатив два центральных канала TV ни на день не прекращают разбора личного досье Лужкова, не жалея усилий на все новые инсинуации. Натиск настолько бурный, что, казалось, был в состоянии свалить любые авторитеты. Лужкова, однако, он только ранил, но не поверг. Главный претендент на победу, убедившись в угрозе, начал всерьез опасаться потери своих былых преимуществ, стал бояться утратить *то, что у него уже есть*. Противодействие такой перспективе, естественно, заключается во всемерном удержании достигнутого, в превращении в самостоятельную ценность того, что у актора уже есть (т.е. своего собственного электората). Но тогда к прежней максимальной цели и ценности c добавляется и другая, более скромная – сама величина a. Насколько обе установки определенно воплощены, действуют одновременно и относительно независимо друг от друга, происходит их сложение: $a \sim (c + a)$.

Ранее мы встречались с внешне похожим условием $a \sim (c + a)/2$, которое в совокупности с $b \sim a$ приводило к $a/c = 1/\sqrt{3} \approx 57{,}7\%$. Двойка в знаменателе появлялась за счет ситуации неопределенности: актор a стремится то ли к овладению целым c, то ли к самосохранению a (то, что у актора a уже есть в наличии,

его в общем устраивало, т.к. заведомо обеспечивало победу; речь шла, напомним, об известном "благодушии" в настрое лидера), – поэтому фигурировало их среднее арифметическое. Теперь же на подобных "самоуспокоенности", "благодушии", неопределенности невозможно остановиться: и сам встревоженный политический лидер, и его взведенный электорат (победу, того и гляди, буквально выхватят изо рта) желают большей надежности, довольно твердо знают, чего хотят, а именно достижения двух целей одновременно. У операции взятия среднего арифметического тогда нет резонов, достаточно суммы.

С другой стороны, несмотря на то, что масс-медиа удалось внедрить в сознание Лужкова и его избирателей чувство тревоги за исход выборов, сильных соперников у него все-таки не было. Те же Кириенко и Бородин прекрасно отдавали себе отчет: несомненный фаворит – конечно, Лужков; максимум, на что им можно надеяться, – это постараться по возможности близко к нему подтянуться, подражая его успеху. Т.е. для собирательного конкурента Лужкова по-прежнему справедливо $b \sim a$. Сведем все условия воедино:

$$a \sim (c + a)$$

(25)

$$b \sim a$$

$$a + b = c.$$

Откуда вытекает

$b / a = a / (c + a)$.

После подстановки $b = c - a$ и простейших преобразований

$2(a/c)2 = c2$

Или

$$a/c = 1 / \sqrt{2} \approx 0{,}707 = 70{,}7\%.$$

(26)

На долю лидера при таком сочетании установок должно прийтись 70,7% голосов избирателей.

Согласно сообщению одной из московских газет [39], Ю.М.Лужкову отдало предпочтение более семидесяти процентов москвичей. Победа убедительная, но она вовсе не означает, в чем только что удалось убедиться, что конкуренция на самом деле отсутствовала (так было во время предыдущих выборов мэра, но не теперь). И если у лидера не было состоятельных конкретных соперников, то часовой механизм под креслом все же, казалось,

запущен, угрозы воспринимались ведущим кандидатом и его избирателем как нешуточные.

Приведем и другие примеры, когда реальное жесткое соревнование отсутствует, зато в сознании лидера, его электората поселилось ощущение преследования, сомнения в конечном успехе, отчего установка обогащается дополнительным мотивом. В Болгарии к 1997 г. наследник коммунистов, Болгарская социалистическая партия, ее экономическая политика настолько дискредитировали себя в глазах избирателей, что моральное преимущество явно перешло к оппонентам. Демократам, однако, еще не полностью удалось проникнуться чувством уверенности в победе, внушить его своему электорату: ведь прежде коммунисты Болгарии, несмотря на падение тоталитаризма и в отличие от восточноевропейских соседей, удерживали рубежи, оставались у власти. На парламентских выборах Союз демократических сил получает 52% голосов, БСП – 22% ("Известия" 1997, № 75). Следовательно, доля лидера в паре "СДС – БСП" составила $a/c = 52 / (52 + 22) = 70{,}3\%$.

В Таджикистане в феврале 2000 г. состоялись первые в истории страны многопартийные выборы. Наряду с тем, что все ключи от успеха – у правящей Народно-демократической партии, сам этот фактор – первые выборы на конкурентной основе, да еще после гражданской войны, создавал определенные опасения не только у независимых наблюдателей, но и у партии-лидера. По сообщению "Известий", НДПТ набрала свыше 70 процентов голосов [173].

Результаты не только выборов, но и референдумов в состоянии подпадать под означенную схему. Так, 22 мая 1998 г. в Северной Ирландии прошел референдум по такому актуальному и болезненному вопросу как принятие четырехстороннего договора между протестантской и католической общинами, правительствами Лондона и Дублина. Прежде не удавалось найти точек соприкосновения между враждующими сторонами, и неодобрение означало бы продолжение четвертьвекового кровопролития. Столь высокая цена вопроса не могла не внушать тревогу за его судьбу, несмотря на фиксированную опросами готовность общественного мнения, массированную поддержку печати. "За" высказался 71% жителей провинции [209].

Не изменяя традиции приводить по возможности хотя бы два толкования каждой пропорции, можно заметить, что такой же процент реализуется в следующей парадигме:

$a \sim c$

$b \sim (a - b)$

$a + b = c.$

В данном случае субъект *a*, не оглядываясь на соперника, стремится к полной победе, тогда как преследователь *b*, не желая принимать лидера *a* за образец ("никакой он не авторитет, подражать ему – ниже достоинства"), лишь ревниво следит за разрывом между ним и собой. Алгебра абсолютно элементарная, как и прежде, $a/c = 70{,}7\%$.

В разделе 3.7, применительно к президентским выборам в Чеченской республике в 1996 г., была проанализирована пара "Масхадов – не Масхадов" (парадигма "сдержанного соревнования"), для которой оказалась характерной теоретическая и действительная цифра $a/c = 59{,}3\%$, см. (19). Но всякая реальная ситуация полисемантична, и ничто не препятствует взять за основу борьбу двух основных *конкретных* кандидатов, т.е. Масхадова и Басаева. Хотя более умеренный и "солидный" первый считался недвусмысленным фаворитом, второй (радикальный "молодой герой") составлял ему не мнимую конкуренцию. При этом Басаеву казалось зазорным брать даже скрытый пример с Масхадова ("чем хуже я, Басаев, – по уму, квалификации, военным заслугам?"), зато следить за разрывом между ним и собой – естественно для большинства мажоритарных выборов с их "системой добычи". Масхадов, напомним, собрал 59,3% голосов, Басаев – 23,5%. То есть в гонке двух главных претендентов $a/c = 59{,}3 / (59{,}3 + 23{,}5) = 71{,}6\%$, сравнительно недалекая от 70,7% величина.

Различных сочетаний ценностно-целевых установок пар главных политических конкурентов слишком много, чтобы исчерпать их в рамках одной главы (по-видимому, заморить насмерть читателя, к сожалению, не удастся). Тем не менее, множество вероятных вариантов не является необозримым, ибо заведомо ограничена списочная номенклатура концептуальных единиц, которые в состоянии воспринимать коллективные акторы и из которых осуществляется актуальный выбор. Каков, собственно, исходный материал? – Это непосредственно участвующие величины *a, b* и *c*, о которых у участников – наиболее свежие и острые впечатления, простейшие комбинации из них (у избыточно сложных практически нет шансов реализоваться, ибо массам вряд ли их удастся "схватить"). Социум, его ведущие группы в процессе политического формообразования оперируют главным образом представлениями о самих себе и друг друге, в связи с чем и принято говорить о *самоорганизации* социума, в том числе посредством инструмента выборов. Результат самоорганизации, согласно рабочей гипотезе, должен быть простым, ведь, как и прежде, рассматривается механизм *рационального бессознательного*. Но существует также и

компактная совокупность, так сказать, производных, или "вторичных", парадигм. О последних стоит хотя бы кратко сказать.

Выше наиболее пристальное внимание было уделено двум формообразующим парадигмам: приводящим к золотому делению и к пропорции 1 : √3. Это не случайно. Дело не только в их преимущественной элементарности, древности происхождения (родом они, самое позднее, из античности) или в поддержке со стороны встречающихся почти на каждом шагу графических символов (например, золотое сечение, см. раздел 3.3, подпирается пятиконечными звездами, отношение 1 : √3 – равносторонними треугольниками, шестиконечными звездами"). Наряду с частотой повторяемости, речь, судя по всему, должна идти о своеобразной укорененности образов данных пропорций (плюс нескольких других), их аксессуаров в культуре, не исключая и современную. Без преувеличения, подобные, в той или иной мере отчетливые, образы давно превращены в атрибут коллективного сознания и бессознательного, составляют неотъемлемые детали его фундамента. Но над всяким фундаментом могут надстраиваться дополнительные этажи.

Собственно, нам уже довелось встретиться с прецедентом появления "второго этажа". Когда рассматривалась одна из разновидностей связки национального большинства с меньшинством, роль отправной, "базовой" парадигмы сыграли близкие к золотому сечению отношения $a/c = 2/3$, $b/c = 1/3$, см. (21), (22), а производное условие (23) как бы вырастало, отталкивалось от них. Теперь предстоит обратиться к примерам, в которых аналогичная базовая функция исполняется золотым делением и 1 : √3. При этом, чтобы не скучать, будут сразу предложены относительно сложные случаи, а именно, когда социум отличается не биполярной, а кватерниорной партийно-политической структурой. К кватерниорности мы уже успели привыкнуть – см. Россия в целом, Красноярский край, Молдова, земля Саксония-Анхальт, Швейцария, – так что ничто совершенно незнакомое читателя не заставит споткнуться.

Начнем с результатов выборов в парламент Испании в 1977 г. Такой выбор не произволен: до сих пор в нашей коллекции четырехпартийных систем явно превалировали посттоталитарные страны и регионы (см. список несколькими строчками выше: все, за исключением Швейцарии), не станем пока нарушать эту тенденцию и здесь: в Испании указанного периода только что завершилась сорокалетняя полоса франкистского режима; каудильо, вождь фалангистов умер в 1975 г. В ноябре того же года восходит на королевский трон Хуан Карлос, вскоре

добровольно ограничивший собственные права, начинаются демократические преобразования (легализация партий, профсоюзов, в 1976 г. – замена корпоративных кортесов на двухпалатный парламент, в апреле 1977 г. – роспуск фашистского "Национального движения", в декабре 1978, немного забегая вперед, принятие новой конституции).

Каковы результаты выборов 1977 г.? Больше всех голосов набрал Союз демократического центра, СДЦ, во главе с премьер-министром А.Суаресом, так называемая центристская сила, в риторике которой преобладали темы, связанные с процессом демократизации страны, – 34,8%. Вслед за Союзом – ИСРП, Испанская социалистическая рабочая партия, – 30,3%. Третье и четвертое места поделили две разновидности тоталитаристов, или посттоталитаристов: вышедшие из подполья извечные враги франкизма, коммунисты (у КПИ – 9,3%) и занимавшая правые позиции по социально-экономическим вопросам партия-наследник "Национального движения" – Народный альянс (у НА – 8,4%). Кроме того, часть населения отдала предпочтение различным национальным партиям: за каталонские партии опустили бюллетени 4,5% избирателей, за баскские – 2,0%, за другие региональные – 10,6%, см., напр., [101, с. 112] со ссылкой на источник [433].

В данном случае нас прежде всего занимает состояние общества в целом, т.е. *общенациональный* политический расклад. Поэтому последнюю группу (политических сторонников регионалов и национальных меньшинств) из расчета следует исключить. Эта процедура оправданна вдвойне из-за раздробленности названной группы на множество мелких фрагментов, которым удалось собрать относительно незначительное количество голосов: в поддержку общенациональных партий высказалось подавляющее большинство, 82,8%. "Подлинный вес – у четырех партий: СДЦ, ИСРП, КПИ и НА", – подтверждает исследователь [340]. Итак, система общенациональных партий состояла из четырех единиц, перед нами кватерниорный паттерн. Каковы отношения между его элементами?

Судя по цифрам и гуманитарным политологическим описаниям Испании той поры, порыв к демократии оказался достаточно сильным. Успехи европейских соседей, особенно романских же Франции и Италии, производили должное впечатление, и испанцы с самых первых шагов обновления отдали приоритет носителям демократических идеологий: СДЦ и ИСРП. Тоталитарное прошлое, естественно, пока давало знать о себе: сравнительно приличным весом обладал наследник бывшей

правящей партии Национальный альянс, а также зеркальная антитеза фашизма, КПИ (кстати, в Италии и Франции того периода коммунисты добивались еще больших электоральных успехов). В контексте абсолютно недостаточного опыта как у политических объединений, так и у избирателей – как работать в новых условиях, за кого голосовать (например, за кого именно из демократов), известная общая растерянность – ни одна из партий в отдельности не могла рассчитывать на исчерпывающий успех, не могла ни самостоятельно представить его, ни внушить в качестве цели своему избирателю. Поэтому об условии, подобном $a \sim c$, когда один из акторов, не оглядываясь ни на кого, стремится к полной победе (к овладению целым c), не могло быть и речи.(1) При этом население Испании отличалось к тому времени достаточной образованностью, т.е. одна из ключевых ролей должна была принадлежать импульсам рационального бессознательного.

Если один из акторов стремится пусть к небезоговорочной, но все же убедительной победе над своим главным соперником и при этом несет в своем сердце образ гармонии, политического мира (не дай Бог снова сорваться в гражданскую войну), то в качестве естественного варианта поставленной самому себе цели выступает условие из золотого сечения: $a/c = 0{,}618$. Оно удовлетворяет большинству требований противоречивой мотивации: если пожелать большего, то в чем же тогда кардинальное отличие от тоталитарной партии (диктатурой все сыты), если меньшего, то никого не удастся убедить в том, что ты по-настоящему прав. Кроме того, меньший процент свидетельствовал бы об острой борьбе (уже 57,7%, напомним, – "жесткая гонка"), а "гнать волну", устраивать ожесточенную предвыборную баталию в обстановке, когда тоталитаристы (фалангисты, армейские офицеры), воспользовавшись предлогом дестабилизации, того и гляди возвратятся, – попросту небезопасно. Распределение голосов согласно гармонической пропорции – самое желательное из возможных, стремиться к нему особенно пристало далеким от крайностей центристам, для "приличных" стран оно также типично.

Если таков или примерно таков ход рассуждений, вернее, стоящих за ними общественных настроений ("будь осторожен", "постарайся сделать так, как в нормальных демократических государствах", если угодно, им подражай), то золотое сечение как цель становится влиятельным формообразующим фактором. Но при одной оговорке: величина из этой пропорции, в отличие от действительно демократических стран, не боящихся потерять свои политические завоевания, фигурирует в качестве не

реальной, а *желательной*, она описывает не саму действительность, а *намерение, цель*. Поэтому вместо равенства должен быть поставлен знак пропорциональности: *(a/c)* ~0,618, т.е. *a* ~0,618 *c*. Запомним это условие, "надстроенное" над золотым сечением.

В отличие от фаворита, его главному конкуренту – ИСРП – уже не приходится опасаться призрака единоличной узурпации власти (в любом случае она будет разделена, как минимум, между двумя). Напротив, постараться не очень отстать от лидера – только на пользу демократии, соразмерного разделения голосов и мест в парламенте. Разумеется, устраивать тяжелую драку в ходе предвыборной кампании неуместно (не только центристам приходится не упускать из поля зрения недремлющих фалангистов: они изрядно напугали за десятилетия всех), поэтому внедрять, скажем, "жесткую гонку" ни к чему. Она вообще не особенно типична для парламентских выборов: "система добычи" здесь не действует, каждому достается по куску пирога. Поэтому стандартное условие $b \sim a$, преследователь b хочет догнать идущего впереди a, оказывается здесь и уместным, и правдоподобным. Соберем приведенные условия вместе:

$a \sim 0,618\ c$
(27)

$b \sim a$

$a + b = c.$

Поскольку речь пока о распределении голосов только между парой акторов, прежде всего между СДЦ и ИСРП, то под целым *c* подразумевается только их совместный, т.е. совокупный демократический, электорат. Процесс решения идентичен прежним: необходимо составить пропорцию и с помощью подстановки $b = c - a$ исключить одну из неизвестных, в результате чего придем к квадратному уравнению

$(a/c)2 + 0,618\ (a/c) - 0,618 = 0.$

Его положительный корень

$a/c \approx 0,536 = 53,6\%.$
(28)

Союз демократического центра, напомним, набрал 34,8% голосов, социалисты – 30,3%; следовательно, доля первого в рамках "двухпартийного вотума" – $a/c = 34,8 / (34,8 + 30,3) = 53,5\%$. Расхождение с теоретической цифрой всего в одну десятую

процента.

Достаточно схожая пропорция и между количествами голосов, поданных за две разновидности тоталитаристов (точнее, "посттоталитаристов", поскольку, например, большинство в КПИ уже придерживалось позиций "еврокоммунизма" и обе партии согласились на игру по демократическим правилам). У КПИ – 9,3%, у НА – 8,4%; доля первой внутри пары a/c = 9,3 / (9,3 + 8,4) = 52,5%. Общий климат в голосующем социуме был задан доминирующей первой парой (для сравнения, в ФРГ, где христианские демократы и социал-демократы набирают примерно такой же процент голосов, что и СДЦ и ИСРП в Испании, их называют "народными партиями"). При необходимости комплементарную пару "КПИ – НА"(2) можно рассмотреть и подробнее, однако остановимся на таком объяснении, чтобы больше внимания уделить соотношению между демократами в целом и адептами тоталитаризма, или посттоталитаризма.

Как сказано, во второй половине 1970-х годов Испании был сообщен настолько мощный импульс в направлении к демократии, что вопрос, двигаться к ней или от нее, в сущности, не стоял. Если каждая из соразмерных демократических партий в отдельности, из-за боязни дестабилизировать общество и спровоцировать представителей старого режима на перехват инициативы, не шла на острую взаимную конфронтацию, следовательно, не делала заявку на полную победу, то совсем иначе обстояло с демократическим лагерем в целом, т.е. с двумя его партиями в совокупности. В этой плоскости у морально-политического лидера не существовало сомнений: Испания просто обязана жить по демократическим правилам, альтернатива прекрасно известна. Обозначив через a суммарный демократический электорат, а через c – общую численность избирателей, можно смело записать условие $a \sim c$, имея в виду, что демократы поставили твердой целью овладеть обществом в целом. А что же с оставшейся парой?

И фалангисты, и коммунисты, конечно, не могли не видеть идущих процессов и не отдавать себе отчет, что вряд ли реалистично надеяться на слишком многое. Однако каждый из двух акторов рассчитывал на справедливость, вернее, на то, что он под ней понимал. Фалангисты десятилетиями ставили себе в заслугу, что некогда остановили вакханалию, начавшуюся из-за левых радикалов – коммунистов и анархистов, поддержанных авантюристами со всего мира, – и полагали, что их исторический вклад по-прежнему должен цениться. По мнению сторонников франкистской идеологии, за сорок лет страна проделала

значительный путь к прогрессу, о чем нельзя забывать. Наконец, окружение Франко после его смерти добровольно согласилось на преобразования, т.е. отдало власть ("попробовали бы ее взять без нашей доброй воли, без нашей заботы о благе страны"). К категории справедливости апеллировали и коммунисты. Кто в течение десятилетий диктатуры был самым непримиримым и стойким ее противником, кто, не щадя живота своего, шел на бой, погибал в тюрьмах, ни на день не прекращая подпольной борьбы? Где были тогда многие из сегодняшних реформаторов? Подобная апелляция к справедливости со стороны обеих тоталитаристских партий сопровождалась, повторим, трезвым пониманием, что преимущество все равно у демократов, и, как бы ни хотелось обратного, последние – впереди по признаку симпатии граждан. Совмещение двух разнонаправленных мотивов означает, что и фалангистов, и коммунистов, в общем, устроило бы "соразмерное" количество голосов, т.е. если бы реализовался вариант золотого сечения, при котором ведущее место принадлежит демократам, но и альтернативным партиям отдано должное. Реализация такого варианта в чистом виде означала бы $b = 0{,}382\ c$, или, что то же, $b = 0{,}618\ a$. Стремление к нему, как к цели, трансформирует равенство в пропорциональность: $b \sim 0{,}618\ a$.

Но у тоталитаристов есть еще одна качественная особенность, указанная в разделе 3.1 на материале русских большевиков. Идеологии такого рода требуют от своих сторонников *преданности*, *верности, стойкой приверженности*, *неколебимости*, не зависящих от внешних обстоятельств (такие идеологии, как отмечалось множеством авторов, сродни *вере*, имеют фидеистическое основание). Не проголосовать за "свою" партию равносильно предательству, а так как предательство партийцам не свойственно, их голоса – автоматически в родной электоральной копилке. Специально заботиться о них не надо. Что это означает на практике? – Именно за собственный электорат тоталитаристы не считают нужным бороться (что-то объяснять следует неофитам и колеблющимся, но никак не верным сторонникам), т.е. в состав поставленных целей аутентичная группа не входит. "Не ценят то, что имеют" – так говорилось о русских большевиках, но это верно по отношению к любым тоталитаристам. Уже известно, как в таком случае поступать: объем b следует исключить, вычесть (знак минус) из характеристического объема ценностно-целевой установки актора b. Но тогда $b \sim (0{,}618\ a - b)$. Соберем все условия вместе.

$a \sim c$

$b \sim (0{,}618a - b)$

$a + b = c$.

После стандартных преобразований получим теоретическую цифру $a/c \approx 0{,}786 = 78{,}6\%$.

На деле представители демократических партий в Испании собрали 34,8 + 30,3 = 65,1% голосов. У сторонников тоталитарных партий – 9,3 + 8,4 = 17,7%. Следовательно, доля первой группы составляет $a/c = 65{,}1 / (65{,}1 + 17{,}7) = 78{,}6\%$, полное соответствие теории.

Теперь сравним полные кватерниорные паттерны: расчетный и действительный, – как это уже делалось ранее. Для получения теоретической картины необходимо взять две формообразующие пропорции: $a/c = 53{,}6\%$ (соответственно, $b/c = 46{,}4\%$) и $a/c = 78{,}6\%$ ($b/c = 21{,}4\%$), – и построить из них разделенный на четыре части квадрат со сторонами по 100%:

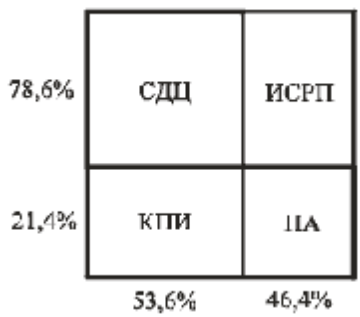


Рис. 3-20

Площади четырех прямоугольников – образы электоральных объемов поименованных партий, выраженных в процентах. Для адекватного представления того, что получилось на практике, следует взять реальные цифры (их сумма, см. выше, равна 82,8%) и произвести нормировку к 100% (действительные величины – разделить на 0,828). Как и прежде, воспользуемся графическим способом представления данных по правилам геометрической алгебры:

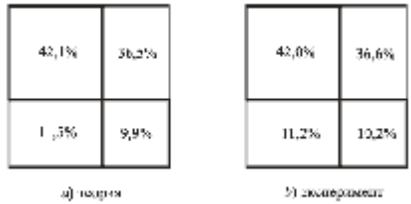


Рис. 3-21

Соответствие расчетных величин реальным, по-видимому, удовлетворительно: расхождения – в десятых долях процента. Если согласиться, что в 1977 г. Испании еще не хватало непосредственного политического опыта в новых условиях, то здравый смысл ей был присущ в полной мере, включая сферу политики, – не только на сознательном, но и бессознательном уровне. Рациональное бессознательное сработало с точностью калькулятора. В подобных случаях в политологии говорят об установлении политического равновесия, или баланса, дискутируя лишь о его природе: равновесие то ли устанавливается автоматически, то ли обязано целенаправленной деятельности заинтересованных политических лидеров [198, с. 151]. К счастью, в рамках нашего подхода такая разграничительная линия не востребована: рациональные сознание и бессознательное в социуме действуют солидарно и неразрывно. Испания в 1977 г. представила один из интересных образцов самосогласованного (а значит, устойчивого) демократического паттерна, когда определенные начала гармонии воплотились в народной душе как идеал, к которому следует последовательно стремиться. По замечанию исследователя, парламентские выборы, состоявшиеся через два года, в 1979 г., "почти ничего не изменили ни в расстановке политических сил, ни даже в объемах голосования за отдельные партии" [101, с. 111], что избавляет нас от необходимости новых расчетов.

Чтобы убедиться, что феномен "производных" пропорций, надстроенных над каноническими, – не случайность, полезно воспользоваться еще одной иллюстрацией. Конечно, не только золотому сечению, но и пропорции 1 : √3 иногда удается сыграть роль отправной, или исходной. Что произойдет, если один из членов конкурирующей политической пары имплицитно выберет для себя в качестве образца лидера из "жесткой гонки" (или, что численно то же, "благодушного соревнования", любого другого

подходящего герменевтического варианта), тогда как второй займет самую распространенную из установок преследователя: *b* тянется за фаворитом *a* ? В этом случае, очевидно

$$a \sim (1/\sqrt{3})\, c$$
(29)

$$b \sim a$$

$$a + b = c.$$

Чтобы сэкономить место, пропустим алгебраические преобразования и приведем окончательный результат:

$$a/c \approx 0{,}524 = 52{,}4\%.$$
(30)

Соответственно, *b/c* составляет 47,6%.

Первая строчка (29) – очередная разновидность так называемых сложных, или производных, условий, берущая истоки в школьной математике. Возможно, это еще не забыто: если *z* есть функция от *y*, а *y*, в свою очередь, – функция от *x*, то функция *f(x) = z* [*y(x)*] называется *сложной функцией* или *композицией* функций от *x* . В конкретном случае, определенная совокупность условий, например (14) или (17), приводила к решению 1 : √3. Это отношение – один из самых прочных и ключевых атрибутов коллективного сознания или бессознательного. Отталкиваясь от него как от основы, надстраивается второй этаж, т.е. берется функция от функции, равенство превращается в пропорциональность. Выше аналогичной процедуре были подвергнуты и золотое сечение, и величина 1/3.

Как и обещано, не станем препарировать самые тривиальные случаи соревнований двух акторов (процент, близкий к 52,4, встречается вовсе не редко)(3) и сразу обратимся к политическому кватерниону. Заодно разбавим стройный ряд, составленный из посттоталитарных социумов, и взглянем на Нидерланды.

По результатам выборов в нижнюю палату парламента в 1994 г. ведущие позиции достались четырем партиям: Рабочей партии (37 мест), христианским демократам (34 места), либералам (21) и "Демократам- 66" (24 места), см. [167, с. 167]. Ближайшие преследователи четверки заметно отстали: у "Старшего поколения" – всего 7 мандатов, у "зеленых" – 5, у остальных – еще меньше. Этот факт, а также репрезентативность четверки (она покрывала собой более трех четвертей общего состава

парламента) позволяют предположить, что политическое лицо голландского общества в данный период определяла именно она. Рабочая партия, либералы и "Демократы' 66" объединились в правительственную коалицию (у коалиции, кстати, – 61,3% от общего количества мест, ср. золотое деление, но это вряд ли в состоянии удивить, поэтому на сей раз занимаемся более тонкими соотношениями). Выясним пропорции внутри ведущей четверки.

Четыре фактические цифры: 37, 34, 24, 21 (количества мандатов), – могут быть представлены тем же способом, что и прежде. Целое *c* равно их сумме: *c* = 116. Распределение процентных долей имеет следующий вид:

Рис. 3-22

Верхняя левая цифра отвечает удельному весу Рабочей партии, правая – христианских демократов. Внизу слева – относительный электоральный объем "Демократов- 66" и справа – либералов. В одном из планов картина довольно типичная для Европы: основная борьба за голоса избирателей развернулась между разновидностью социалистических сил, Рабочей партией, и представителями умеренно правых, христианскими демократами. Они заняли в общем зачете первое и второе места, оторвавшись от остальных. Однако, в отличие от тривиальной биполярности, названной оппозиции принадлежит здесь хотя и доминирующая, но не подавляющая роль. На долю двух ведущих партий пришлось 31,9 + 29,3 = 61,2% голосов в составе ведущей четверки, что вновь заставляет вспомнить о закономерности золотого сечения и позволяет предположить: население действительно полагало Рабочую партию и христианских демократов "главными"

партиями, но при этом и совокупности остальных (либералам и "Демократам- 66") удавалось составить конкуренцию первым, следуя за ними пусть не по пятам, но и без фатального отставания. С подобными ситуациями мы уже знакомы, и более любопытным кажется соотношение между парами в другом направлении.

Например, если исследуется оппозиция "Рабочая партия – христианские демократы", на долю лидера в ней приходится a/c = 31,9 / (31,9 + 29,3) = 52,1% – величина, недалекая от теоретических 52,4%. Сходным образом, в рамках второй пары "Демократы- 66 – либералы" на долю первых выпадает a/c = 20,7 / (20,7 + 18,1) = 53,4%. Ничто не препятствует проверить гипотезу, что в 1994 г. общественное сознание голландцев находилось под знаком двух независимых формообразующих парадигм: золотого сечения и производной пропорции 52,4% (подражание "жесткой гонке"):

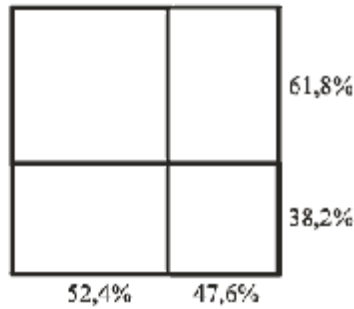


Рис. 3-23

Сравним вычисленные цифры с реальными:

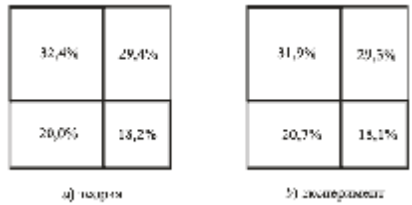


Рис. 3-24

Результаты сопоставления оставляют благоприятное впечатление и свидетельствуют о правдоподобности использованной гипотезы.

Ранее фигурировал пример Швейцарии, в которой – см. рис. 3-14 и 3-15 – в процессе парламентских выборов актуализировалась двойная пропорция 1 : √3. В Голландии, судя по полученным данным, наряду с отношением золотого сечения, реализовался и вариант *подражания* пропорции 1 : √3. Как и в случае с Испанией 1977 г., по двум направлениям действовали *различные* формообразующие начала. Таким образом, рассмотрена еще одна модификация сложных, или композиционных, закономерностей. И для Швейцарии, и для Нидерландов характерными оказались не абсолютно "чистые", но все же рельефно проступающие кватерниорные партийно-политические модели, подчиненные элементарно-математическим правилам. Что заставляет по-новому поставить вопрос, почему.

Для начала зададимся вопросом, в чем принципиальное отличие четырехполюсных систем от двухполюсных. В разделившемся на крупные политические (идеологические, программные) группы социуме уже в случае биполярности осуществляется поиск организационных форм, обеспечивающих как его самосохранение (стабильность, самосогласованность), так и динамичность. Инструмент выборов с последующим формированием представительных органов власти удовлетворяет обоим условиям. Во-первых, определение состава парламентов осуществляется по итогам *совместного* решения ведущих групп населения (у нас, соответственно, фигурировали *системы* условий). У одной группы – одна установка, у другой – иная, и результирующие процентные доли – продукт их *взаимодействия*. Таким образом, на первом этапе – формирование органов власти – само разделенное на части население определяет действующие пропорции, попутно отвечая, какие из подходов оно поддерживает при решении наиболее волнующих вопросов. В одних случаях – главным образом в коллективных органах, в парламентах – пропорции и после выборов сохраняются в целом такими же, как накануне, т.е. в составе парламента закрепляется карта общественных предпочтений. В других случаях – исполнительная власть, мажоритарный критерий – отбор осуществляется по принципу большинства, по признаку "нуль – единица": у проигравшего – ничего, у победителя – все. Однако и

там и там (вопрос только в степени точности приближения) пропорция, выражающая волю народа, претворяется, так сказать, в волевой, властный градиент.

Во-вторых, после того, как орган власти сформирован, он начинает действовать в соответствии со своим составом. В каком направлении двигаться обществу, в какую сторону совершать шаги и насколько решительные? – На этом этапе и проявляет себя на практике упомянутый градиент. У парламентского большинства шире возможности проводить в жизнь собственные идеи, реализовывать свои предложения, чем у меньшинства, и чем значительнее численный перевес большинства над меньшинством, тем в меньшей мере первому приходится оглядываться на второе. Парламентская пропорция, следовательно, ведет себя аналогично градиенту силового поля: чем выше ее величина, тем ближе направление общественного движения к предложениям большинства и тем интенсивнее само движение.

Сказанное справедливо применительно как к биполярности, так и к кватерниорности. Однако на почве последней возникает существенное отличие: у градиента не одна, а *две* составляющих, см. две независимые координаты на схемах, описывающих четырехэлементную констелляцию. Вместо линейного политического движения перед нами плоское, вторая, дополнительная степень свободы – со всеми вытекающими преимуществами и недостатками. С одной стороны, у власти качественно возрастает свобода маневра (например, не греша против логики, можно проводить сразу две "генеральные линии", так сказать, работать сразу двумя руками, а не одной). С другой – обостряется проблема управляемости, устойчивости и последовательности курса: правая рука может упустить то, что творит левая, прогрессирующий социум в состоянии двигаться по кругу без видимых признаков отступления. Подводя итог, кватерниорный политический механизм – качественно сложнее и гибче биполярного, но требует более совершенных навыков управления, а при их дефиците представляет собой источник опасности как для управляющих, так и ведомых.

Однако не этот вопрос составлял наш первоначальный интерес, а причины возникновения кватерниорных партийно-политических систем. О предпосылках четырехсоставности применительно к посттоталитарным социумам речь уже шла. Добавим лишь, что подобная структура – не только следствие относительной "отсталости" (в частности, сохранения в коллективном сознании влиятельных пережитков патриархальности – "средневековой", или "азиатской",

легитимации), но и форма ответа общества на исторический вызов. Все посттоталитарные страны, чтобы войти в сообщество развитых государств, нуждаются в ускоренном развитии, и траектории "догоняющей модернизации" не совпадают с таковыми стран "первого эшелона". Поэтому повторение пути и институтов последних – не только малореалистично, но и *нецелесообразно*. Упомянутая специфика кватерниорных систем (двухкомпонентность движущего градиента) – один из возможных залогов действительно ускоренного исторического движения. Правда, при этом и почти стопроцентная гарантия *неполной поступательности* такого движения, а также того, что политическое и экономическое тело социума в результате окажется *неоднородным*: одни его сектора обретают шансы дотянуться до самых высоких уровней, соседние лишь частично подвергнутся трансформации, сохранив отсталость (итог: "общество ярких контрастов"). Такова плата за "догоняющую модернизацию" вообще и за инструмент четырехпартийности в частности: для обеспечения высоких темпов развития целый ряд насущных проблем придется не решать, а только огибать. Конкретное обсуждение случаев Швейцарии и Нидерландов, исходя из композиционных мотивов, отложим до следующего раздела.

На практике встречаются прецеденты и более фрагментированных партийных систем, чем кватерниорные. Надеюсь, не покажется избыточно смелой гипотеза, что в ряде случаев их можно редуцировать до четырехсоставных, для чего в качестве конструктивных элементов придется рассматривать не отдельные партии (которых, повторим, больше, чем четыре), а их типологические совокупности, "кластеры". По разным поводам исследователи прибегают к разбивке на "ячейки", да и в рамках обыденного восприятия одни партии представляются "родственными", принадлежат одной группе, а другие – антагонистами, чьи позиции несовместимы. В результате такой процедуры удастся сохранить логику четырехсоставных систем и использовать уже известные методы анализа. Впрочем, оставим изучение настоящего вопроса за рамками книги, зато в разделе 3.10 обратимся к примеру, когда порог четырехсоставности был пересечен не только на практике, но и в теории, и сведение совокупности партий к четырем является гарантийно неправомерным.

К настоящему разделу тяготеет еще одна иллюстрация композиционных установок действующих политических лиц. Речь – о последних президентских выборах в России (26 марта 2000 г.). Выше они уже были затронуты в аспекте соревнования Путина с

главными *конкретными* соперниками: Зюгановым, отчасти Явлинским (получились значения, недалекие от золотого сечения), теперь подготовлена почва для анализа и в иной проекции.

Повторим: в канун выборов ни у кого – ни у аналитиков, ни у масс-медиа, ни у рядового населения – не существовало сомнений, что следующим президентом страны станет Председатель Совета министров, и.о. президента В.Путин. Хотя в избирательных бюллетенях, помимо Путина, фигурировали десять фамилий (за вычетом выбывшего Е.Севостьянова – девять), было ясно, что реального соперника, способного поколебать весы, – ни одного. Не считая упомянутых Зюганова и Явлинского, все остальные кандидаты заранее сдались на милость фаворита, объявив о своем с ним сотрудничестве, и даже Зюганов и Явлинский вели предвыборную борьбу "без вдохновения и огонька", не в состоянии внушить ни своим избирателям, ни самим себе хотя бы гран надежды и веры. Поэтому в действительности на повестку дня был вынесен вопрос "Путин или все же не Путин", – при такой "редуцированной" постановке в борьбе обнаруживались, наконец, зерно известной интриги. В таком ракурсе предвыборная кампания в целом прошла под диктовку Кремля.

Какие цели были поставлены перед кремлевской командой? Если бы стояла задача любыми путями набрать максимально возможное количество голосов, то, учитывая подавляющее преимущество Кремля во всех видах ресурсов – информационных, административных, финансовых, – соперникам (каждому в отдельности и всем вместе) можно было бы устроить вторую Цусиму, учинить настоящий погром – например, как в ходе декабрьских 1999 г. парламентских выборов, подключив "черный PR". Но поскольку сомнения в благоприятном исходе голосования по сути отсутствовали, необходимости в радикальных мерах не было. Путин публично наставил свой штаб, всех чиновников провести избирательную кампанию "достойно", отставив в сторону грязные технологии, липовый компромат. Вполне правдоподобно, что Кремль – ориентируясь как на российского, так и внешнего потребителя (Запад) – вознамерился создать впечатление честных демократических выборов (авторитет, легитимность главы государства от этого только возрастут). Со страниц газет, экранов TV интервьюируемый Путин подчеркивает уважение к соперникам, утверждает, что не считает их несерьезными, а результат борьбы – автоматически предрешенным. Что будет, когда обстановка именно такова?

Обозначим первого актора, Путина, и объем его электората

через a , а его собирательного конкурента, "не-Путина", через b . Как всегда, $a + b = c$, где c - общая численность принявших участие в выборах.

Хотя фаворит заранее известен и "жесткой гонки" ничто не предвещает, происходит имитация настоящей борьбы. Внимание действительного соперника Путина – т.е. "не-Путина", – как завороженное, приковано к яркому лидеру, этот соперник стремится подтянуться к нему, но без особых надежд (дай Бог не потерять лица, набрав непристойно малого числа голосов). Условие $b \sim a$, подражание фавориту уже неоднократно встречалось.

В свою очередь, Путину отлично известно о собственном преимуществе. Недвусмысленны и претензии на достижение "всенародной поддержки". Если бы подобная установка реализовывалась, то оказалось бы $a \sim c$, что, в совокупности с остальными – см. выше – условиями, должно было бы привести к значению золотого сечения: $a/c \approx 0{,}618 = 61{,}8\%$. Однако борьба, как сказано, лишь *имитируется* согласно сценарию, предложенному Кремлем. Поэтому у гармонической пропорции – статус не реальности, а только *цели*. В таких случаях знак равенства заменяется знаком пропорциональности: $a \sim 0{,}618\ c$. Собирая все вместе, получим:

$a \sim 0{,}618\ c$

$b \sim a$

$a + b = c$.

Система полностью совпадает с системой (27), ее решение – выражение (28), т.е. $a/c = 53{,}6\%$. Если бы ситуация президентских выборов была бы такой, как описано, у Путина оказалось бы около 53,6% поддержки.

Однако сказанное, на наш взгляд, не исчерпывает семантику происходившего. Настолько ли "невозмутимыми" были и.о. президента и его штаб, чтобы стремиться исключительно к "гармонической" цели ($a \sim 0{,}618\ c$)? Легкий "мандраж", представляется, все же присутствовал, объясняясь такими деталями, как угроза "неполного успеха" (в качестве такового расценивалась необходимость второго тура, если бы с первого захода не удалось набрать более половины голосов) или озвученными в масс-медиа полуанонимными призывами бойкотировать голосование (если бы явка составила менее 50%, выборы, согласно закону, пришлось бы признать недействительными). В случае подлинной угрозы речь шла бы о "жесткой гонке", т.е. о варианте $a/c = 1/\sqrt{3} \approx 0{,}577{,}(4)$ а с учетом ее имитации, как и раньше, вместо знака равенства появляется символ пропорциональности: $a \sim (1/\sqrt{3})\ c$. С последней

парадигмой мы уже знакомы, см. систему (29), ей отвечает решение (30), т.е. $a/c \sim 52{,}4\%$. Если бы обстановка полностью совпадала с только что описанной, за Путина проголосовало бы 52,4% избирателей.

Но дело в том, что путинские политсценаристы вкупе со своим шефом, похоже, сами не совершили однозначного и четкого выбора между двумя указанными установками. Стремясь к максимальному подобию действительно демократическим президентским выборам, какой образец лучше взять: то ли вариант "гармонического соревнования" (победа "с запасом") или эффект реализма лишь возрастет, если нормой будет "жесткая гонка"? По крайней мере, у ряда независимых наблюдателей создалось именно подобное впечатление. Когда цель, или изображение, "двоится", на практике выступает нечто среднее. Среднеарифметическое от 53,6% и 52,4% составляет 53,0%. Фактически же Путин получил на выборах 52,94% – расхождение в сотые доли процента.

Строго говоря, когда перед нами смешение двух различных систем мотивов, двух установочных целей, то операции усреднения надлежит подвергать не сами решения, а упомянутые цели. Тогда из двух систем (27) и (29) следовало бы составить одну осредненную (попутно выражение $1/\sqrt{3}$ в системе (29) заменим на его десятичное приближение 0,577):

$a \sim [(0{,}618 + 0{,}577)/2\ ]\ c$

$b \sim a$

$a + b = c.$

Решение в этом случае составляет a/c □ 52,9995%, т.е. практически совпадает с более "грубым". Стремление к полной корректности не приносит в данном случае ощутимых дивидентов. Теоретические 53,0% практически совпадают с реальными 52,94%, свидетельствуя, во первых, о "логичности" рассмотренного политического процесса и, во-вторых, о значимости композиционных пропорций.

Примечания

1 Для контраста ср. коммунистов России, которые на думских выборах 1995 г. призывали к борьбе с "антинародным режимом", а такая задача, конечно, – общенародное дело. Здесь нет и тени собственной деморализации, замах поистине богатырский, поэтому условие а ~ с в российских условиях предстало одним из

рабочих, см. раздел 3.6.

2 Их комплементарность особенно ясна в Испании, поскольку фалангисты и левые радикалы – две стороны в Гражданской войне 1936 – 39 гг.

3 Воспользуемся примером Испании. По окончании переходного этапа в ней сложилась практически двухпартийная система. Скажем, по итогам парламентских выборов 1996 г. в значительный отрыв от остальных ушли умеренно правая Народная партия и умеренно левая Социалистическая рабочая, получившие, соответственно, 156 и 141 мандатов в Палате представителей [167, с. 166]. Следовательно, в рамках двухпартийного вотума на долю первой пришлось а/с = 156 / (156 + 141) = 52,5%. Для сравнения, в 1982 г. соревнование между двумя крупнейшими партиями – правой и левой, НА и ИСРП – дало цифры 25,8% и 46,5% [101, с. 112]. В тех же рамках двухпартийного вотума удельный вес ИСРП составил а/с = 46,5 / (46,5 + 25,6) = 64,3%, что, по-видимому, свидетельствовало о действии закономерности золотого сечения.

4 Численные соотношения не изменятся, если приведенные рассуждения в духе "жесткой гонки" будут заменены на "благодушное соревнование", см. (17) из разд. 3.7. Там и там – одна и та же количественная пропорция, а я, к сожалению, не настолько внимательно следил за всеми предвыборными перипетиями, чтобы отдать предпочтение одному из этих вариантов. К счастью, на конечный результат, как уже говорилось, это не оказывает ровно никакого влияния.

3.10 Выборы в Государственную Думу России 19 декабря 1999 г. Замечания о Европе

Данный случай обладает некоторыми особенностями по сравнению с прежними, поэтому выделен в самостоятельный подраздел. При голосовании по партийным спискам преодолеть 5%-й барьер и пройти в Думу удалось шести партиям и объединениям: 1) победителю предыдущих парламентских выборов Коммунистической партии, КПРФ, 2) открыто поддержанному Председателем Правительства В.В.Путиным объединению "Единство", возглавлявшемуся действующим министром С.К.Шойгу, 3) блоку "Отечество – Вся Россия", ОВР, во главе с бывшим премьер-министром Е.М.Примаковым и мэром Москвы Ю.М.Лужковым, 4) образованному молодыми либеральными реформаторами "Союзу правых сил", СПС, первую строчку в федеральном списке которого занимал также бывший премьер, С.В.Кириенко, 5) националистическому "Блоку Жириновского", т.е. временно переименованной Либерально-демократической партии, ЛДПР, 6) избирательному объединению "Яблоко" Г.А.Явлинского и С.В.Степашина.

До сих пор нам доводилось оперировать максимум четырьмя политическими акторами; работоспособен ли используемый подход, когда их количество – *шесть*? Согласно данным Центральной избирательной комиссии, распределение между перечисленными единицами оказалось следующим: за КПРФ было подано 24,29% голосов, за "Единство" – 23,32%, ОВР – 13,33%, СПС – 8,52%, "Блок Жириновского" – 5,98%, у "Яблока" – 5,93% [151]. Эти цифры образуют основу для последующего анализа.

Прежде всего, постараемся разобраться в смысле происходившего. На протяжении нескольких предшествовавших 19 декабря месяцев в масс-медиа была развязана беспрецедентная по ожесточенности информационная война, кардинально изменившая недавнюю политическую карту. Еще летом корпорация аналитиков и подавляющее большинство населения придерживались твердого мнения: у ельциновского Кремля и пребывающих рядом с ним сил нет ни малейшей возможности добиться симпатии избирателей и собрать серьезное количество голосов. Однако атака со стороны ведущих масс-медиа (прежде

всего подконтрольных Кремлю каналов TV) оказалась феерически успешной; неоспоримую роль сыграл и фактор достигнутой на военных успехах в Чечне популярности В.В.Путина (его растущий, как на дрожжах, рейтинг приблизился к 50%, а затем и превзошел этот порог [314]). Состояние общественного сознания в целом в течение нескольких месяцев перед выборами создавало впечатление дезорганизации и хаоса, но тем не менее в нем можно выделить достаточно четкие закономерности. Во всех странах с образованным населением – а Россия входит в их круг – не бывает иначе (см. рациональное бессознательное), не составили исключения и исследуемые события.

Первое, что бросается в глаза – это разделение шести основных политических сил по признаку поддержки или неподдержки существующей исполнительной власти, президента Ельцина и премьера Путина, в канун парламентских выборов. При этом проправительственный пул был составлен блоками "Единство", СПС и В.В.Жириновского. Их руководители буквально не сходили с экранов двух главных каналов TV: ОРТ и РТР. В чем, кажется, ни у кого нет сомнений: без подобной информационной стратегии ни один из трех названных блоков не мог бы рассчитывать на успех.

Блок "Единство" был создан специально под выборы и номинально возглавлялся новичками публичной политики (его первая тройка – дотоле самый деполитизированный из всех министров, глава Министерства по чрезвычайным ситуациям С.К.Шойгу, чемпион мира по греко-римской борьбе А.А.Карелин, специалист по проблемам организованной преступности А.И.Гуров). Состоящий из "младореформаторов" СПС, согласно солидарным отзывам журналистов и политологов, был дикредитирован предшествующим пребыванием своей верхушки у власти и плачевными для большинства населения результатами экономических реформ. Еще осенью в предвыборном тотализаторе на него не ставили ни копейки. Наконец, сокрушительный провал предрекался и временно перелицованной ЛДПР, "Блоку Жириновского", поскольку, вопреки собственной риторике, в предшествующей Думе ЛДПР всегда вела себя сервилистски по отношению к Кремлю (по подозрению, небескорыстно).

В качестве действительно оппозиционных идентифицировались КПРФ, ОВР и "Яблоко". КПРФ и "Яблоко" – ветераны российской политической сцены с довольно устойчивым составом постоянных сторонников. С ветеранством – и по биологическому возрасту, и по политическому стажу – ассоциировались и руководители относительно нового

объединения ОВР: Е.М. Примаков и Ю.М.Лужков. Еще за месяц-два до выборов от ОВР ожидалась оглушительная победа.

Три против трех, три проправительственных богатыря и три оппозиционных – таков резюмирующий расклад. Обращает на себя внимание и приблизительная симметрия: у лидера проправительственных сил, "Единства", практически столько же голосов, сколько у самого сильного из оппозиционеров, КПРФ (соответственно, 23,32 и 24,29%), чрезвычайно близки показатели у националистов "Блока Жириновского" и у демократов из "Яблока" (соответственно, 5,98% и 5,93). Если бы мы имели дело с действительно устойчивой партийно-политической структурой, то, по всей видимости, оказались бы и более близкими друг к другу электоральные веса и средних из каждой тройки "богатырей": СПС и ОВР (8,52 и 13,33%). Такую гипотезу косвенно подтверждает состав комиссии, созданной для подготовки к первым заседаниям новой Думы. В этот состав были включены представители шести преодолевших квалификационный барьер политических объединений: по 4 от "Единства" и КПРФ, по 3 от СПС и ОВР, по 2 от "Блока Жириновского" и "Яблока".

Поскольку, как всегда, предмет интереса составляют не абсолютные проценты полученных голосов, а распределение исключительно между победителями,(1) постольку эмпирические данные необходимо привести к нормативному виду. Процедура знакомая. В сумме шесть главных партий набрали 81,37% голосов. Т.к. нас занимает относительное распределение, то эту цифру необходимо превратить в 100%: каждая из цифр Центризбиркома должна быть разделена на 0,8137. Результаты пересчета сведем в таблицу 1:

КПРФ
29,85%
28,66%
Единство
ОВР
16,38%
10,47%
СПС
Яблоко
7,29%
7,35%
Блок Жириновского

Строение "три против трех" сложилось в результате эксплуатации как проправительственными, так и оппозиционными группировками специфических идеологем.

Наиболее привычный и к 1999 г. превратившийся в постоянный рефрен – призыв к борьбе с коррумпированным Кремлем и связанными с ним олигархами, по журналистской кличке, с "Семьей". Упомянутого мотива так или иначе придерживались КПРФ, ОВР и "Яблоко". При этом блок "Единство", СПС и "Блок Жириновского" все вкупе были поименованы креатурами "Семьи", или Кремля. Три первых "богатыря" выступали против консолидированных сил зла, хотя и многоликих, но чья сущность, собственно говоря, едина. Тройка "богатырей" против трехголового дракона, или проще: три против одного.

Противоположная сторона выстроила альтернативную идеологему, также исходящую из разочарованности населения итогами проводимых реформ. В качестве ключевого был пущен в оборот критерий энергичности, молодости и практичности. "Что принесли вам предшествущие политики? – Одни обещания и слова. Они – болтуны и снова обманут. Напротив, на нашей стороне соответствие слова и дела. Дал обещание Путин наказать террористов в Чечне – и он его выполняет. Мы все – люди дела. Мы знаем, чего хотим, мы знаем, как этого добиться". Масс-медиа помогли связать с радикальной решительностью "Единство", СПС и "Блок Жириновского". Трое против консолидированных надоевших старых политиков, явных или скрытых коммунистов, против трескунов, против анемичных, с позволения сказать, деятелей. Мы построим новую Россию, тогда как коммунисты, ОВР и иже с ними "Яблоко" по сути зовут нас в прошлое. Все трое – злобные заговорщики, вынашивающие коварные планы сразу после думских выборов проголосовать за отставку правительства, лично Владимира Владимировича Путина.

Таким образом, вопреки видимому несходству двух главных идеологем, обеими был использован один и тот же цифровой, логический код: М = 3 + 1, трое праведников против невообразимо одиозного, втайне объединившегося(2) одного. Политико-идеологическая структура М = 3 + 1 – достаточно характерная для России, см. раздел 1.4.2.1. Наложение двух таких структур друг на друга в процессе сокрушительного лобового столкновения и ответственно за результат "три против трех", М = 6.

Но, несмотря на привлекательность означенного направления дискурса, дальше мы по нему не пойдем. Дело даже не в том, что на этом пути ожидает мало закономерностей, – существует небезосновательное подозрение, что на итогах последних выборов в Думу сказалось нестабильное состояние общественных умов. Недавнее чуть не тотальное разочарование в российской политике как таковой в процессе предвыборных баталий

сменилось оживлением и воодушевлением (см. приведенное в разделе 3.5 количество пришедших на избирательные участки – 61,85%, что с точностью до 0,05% отвечает модели, когда неучастие в выборах воспринимается как личная жертва). Поднятому до высот градусу коллективного энтузиазма соответствует скорее переходное состояние социума, почувствовавшего себя на пороге очередного преображения – "закат эпохи Ельцина", – и существует небезосновательное подозрение, что в относительно долговременной перспективе партийно-политической схеме M = 6 вряд ли удастся устоять (обоснование этого увело бы нас слишком далеко от непосредственной темы главы).(3) На некоторую искусственность (см. применение изощренных политических технологий), не вполне запечатленную систематичность результатов указывает не только во многом хаотизированное состояние общественных умов, но и относительно большое количество политических новичков среди победителей, а также то, что всеобщее идеологическое сражение по существу распалось на серию отдельных схваток. Неравенство электоральных процентов у двух средних из троек "богатырей" – у ОВР и СПС, см. табл. 1 – послужило частным выражением этого, расчет в таких условиях не всегда плодотворен.

При этом всякие выборы – терминальный процесс (т.е. заведомо завершающийся: предвыборная кампания заканчивается актом голосования и подведением его итогов). Сочетание терминальности с фактором образованности социума (рационального даже на уровне бессознательного) не может приводить к совершенно алогичным итогам, пусть и в условиях переходности. Поэтому попробуем испытать несколько иной концептуальный подход.

Прежде всего, снова зададимся вопросом: почему преодолеть квалификационный барьер и попасть в Думу по партийным спискам удалось именно *шести* партиям и избирательным объединениям (M = 6)? Перед ответом – несколько шагов в теорию и недавнее российское прошлое.

Это общее место – на политической арене многих развитых стран выступают по *две* ведущие политические силы: две партии или два блока, зачастую различающиеся посредством этикеток "правый" и "левый". Конфронтация между ними ответственна за центральную коллизию, к которой приковано внимание населения и масс-медиа, особенно в разгар предвыборных кампаний, и которая служит перманентным источником будоражащих новостей. Линия, по которой осуществляется столкновение пары ведущих сил, и составляет, так сказать,

позвоночник политического тела социума, коллективного сознания вместе с ним. При двух партиях, блоках такая линия, очевидно, одна, что для математиков служит очевидным признаком одномерности. Постараемся запомнить этот вывод: биполярные системы отличаются *одномерностью*.

По сути аналогичная ситуация наблюдалась в России со времен горбачевской "перестройки" до 1993 г. Противостояние лагерей "реформаторов" и "консерваторов", затем "демократов" и "патриотов" определяло внутренне-политическую обстановку в стране, служило неиссякающей жилой для армии журналистов и публицистов. Таким образом, вплоть до последней четверти 1993 г. российское идеологическое поле характеризовалось той же биполярностью и одномерностью, как и во многих других государствах. Что произошло затем?

К 1993 г. уже успел поостыть дружный энтузиазм по поводу необходимости реформ: см. их первые результаты – лавинообразная инфляция, невиданное падение уровня жизни. Соответственно, сумели сорганизоваться и накопить силы противники реформ, по крайней мере "таких". В сложившихся условиях руководители "демократов", они же главные "реформаторы", президент Б.Н.Ельцин и исполняющий обязанности Председателя Правительства Е.Т.Гайдар сочли допустимым пойти на предельно жесткий вариант борьбы с "патриотическим", "консервативным" Верховным Советом. Октябрьская стрельба в Москве, штурм телестудии "Останкино", залпы из танковых орудий по зданию парламента не произвели, конечно, благоприятного впечатления на граждан России. Скачкообразно возросшее разочарование в обоих главных участниках конфликта, в обоих политических лагерях – по всей видимости, объяснимое следствие. Итак, линия противостояния "демократы – патриоты" (в тот период она же: "реформаторы – консерваторы") в значительной мере дискредитировала себя. Возник объективный запрос на принципиально иные политические силы и идеологии.

Первым, кто почувствовал подобный запрос и предложил конкретный и экспрессивный ответ, стал В.В.Жириновский. Широко допущенный на телеэкраны в период предвыборной кампании к выборам в новую Государственную Думу, он дал волю своим незаурядным дарованиям шоумена. Напропалую клеймя и "демократов", и "патриотов", т.е. как носителей уже опробованного нового, так и защитников старого (коммунистов, отождествлявшихся с лагерем "патриотов"), Жириновский, не скупясь, сыпал немыслимыми обещаниями (к примеру, "Каждой женщине – по мужу"), попутно предложив вниманию публики

радикально великодержавную, националистическую идеологию ("Последний бросок на юг" – "Русский солдат будет мыть сапоги в Индийском океане"). Это было нечто необычное для России, тем более в столь заметных масштабах. На декабрьских выборах 1993 г. по партийным спискам за партию Жириновского, ЛДПР, было опущено больше всех бюллетеней, что было справедливо расценено аналитиками как выражение *протестного* голосования.

Для нас же важнее другое. На фоне сохранившейся-таки оппозиции "демократов" ("реформаторов") и "патриотов" (коммунистов) на политической карте России образовалось место для новой политической силы, не укладывающейся в линию между ними. Она решительно вышла за рамки бытовавших идеологических клише, предложив кардинально отличные. Так впервые в посттоталитарной России образовалось *второе политическое измерение*.

Сейчас нас не особенно занимает, что парламентские выборы 1993 г. протекали в переходных условиях (смена смешанной парламентско-президентской республики на президентскую, см. о второй политической подбифуркации в главе 2). В обстановке широкого недовольства недавними властителями душ и типом решений, которые они предлагают, у общественного воображения появилась возможность двигаться в принципиально ином направлении. Если в политически одномерном социуме количество основных партий или блоков составляет *два*, то сколько их должно стать с появлением второго, дополнительного измерения? – Читатель легко справится с задачей: $M = 2 \times 2 = 4$. На состоявшихся в 1995 г. очередных выборах в Госдуму 5%-й барьер удалось преодолеть четырем блокам и партиям, произошла актуализация четырехсоставной парадигмы.

В разделе 3.6 эта ситуация была изучена более подробно. Поскольку переходный процесс уже успел прийти к завершению (президентская республика относительно устоялась), постольку вполне логичными оказались и полученные проценты. Модель двойного золотого сечения запечатлела достигнутый результат, удовлетворительно совпадая с натурными данными, см. рис. 3-12. В настоящем же контексте мы сосредоточиваем внимание на самом факте *двумерности* (что отражено на том же рисунке).

В каком состоянии подошло российское общество к парламентским выборам 1999 г.? – Мягко выражаясь, разочарованном (более ученые авторы предпочитают термин "фрустрация"). Уровень жизни продолжает снижаться, банковский кризис 1998 г. открыл дорогу бурной инфляции. Безработица, организованная и уличная преступность, поразившая высшие сферы коррупция – у всех на устах. Если главным виновником

признается президентская ветвь (рейтинг Б.Н. Ельцина упал до единиц процентов), то раздражение вызывает и бессильный парламент ("даже импичмент не смогли провести, обещают, а на уме только личные интересы"). Идеологическая дезориентация широких кругов населения – естественный спутник подобных условий.

Первыми практические выводы из складывавшейся обстановки сделали некоторые губернаторы. Баллотироваться от любой из существующих партий – быть обреченным на проигрыш. Вслед за мэром Москвы Ю.М.Лужковым начинает активно разрабатываться идеал "беспартийного руководителя", стоящего вне и выше любых идеологий и организаций. "Дело – прежде всего. Хватит болтать. Проболтали Россию. Я представляю интересы не партий, а всех обычных людей" – такой лейтмотив начинает пронизывать доминирующую фразеологию задолго до 1999 г. Нельзя похвастаться, что это чисто российское изобретение: уже давно к нему апеллируют популисты всевозможных мастей, начиная с Латинской Америки и кончая Европой. Некоторой национальной спецификой являлся лишь до поры сугубо немилитаристский образ энергичного "человека дела", всех подражателей "человеку в кепке", т.е. Лужкову, "мэру – читай: отцу – всех москвичей". Производство уменьшенных копий Лужкова было буквально поставлено на поток, причем не только на губернаторских, но и любых региональных выборах.

В большой политике, однако, без партий не обойтись. Поэтому разочарование в существующих партиях нашло выражение в призывах к заполнению пустующей ниши в средней части политического спектра, к созданию так называемых "центристских" партий. Все старые идеологии и партии объявляются "крайностями" и для людей настоящего дела, а не слов, неприемлемыми. Пионером движения в означенном направлении стал тот же Лужков. Заслуженно претендуя на повышение своего политического веса, т.е. рассчитывая выйти на федеральный уровень, и на первых ролях, он предпринимает усилия по созданию собственной партии. Одновременно не остается без внимания и забота о международном имидже. Во время визита 1998 г. в Великобританию он объявляет себя сторонником социал-демократических, лейбористских взглядов [212]. Всё, казалось, благоприятствует провозглашенной идентификации: левая волна накрыла и Америку (замена республиканцев на демократов на президентском посту с 1992 г.), и Европу (длинная фаза правления консерваторов завершилась, практически всюду на выборах побеждают социалисты и социал-демократы). Такая декларация, однако, небезобидна: если есть

левый центр, то в противовес не только может, но и обязан возникнуть правый.

На роль руководителя блока ОВР (образованного из лужковского "Отечества" и объединения лидеров некоторых регионов "Вся Россия") был приглашен Е.М.Примаков, который по рейтингу в тот момент опережал всех прочих политиков. Тем самым оказалась окончательно обозначенной и ориентация блока: в нем собрались опытные "люди дела", далекие от идеологических крайностей (государственники и "центристы"), наконец, этот центр несколько кренится на левый бок ("левый центр"). Согласно всем опросам, ОВР был практически обеспечен внушительный успех. Подача, таким образом, состоялась, и ответный удар не заставил себя долго ждать.

Кремлевское окружение озабочено вопросом "преемственности", и срочно нанятые им талантливые политтехнологи всего за несколько месяцев до выборов инициируют создание альтернативного объединения, опирающегося на по сути те же главные импульсы. Население устало надеяться на старые партии? – Вот, пожалуйста, новая. Выражаются симпатии "людям дела", а не идеологий, т.е. ничем не обеспеченных слов? – Как угодно, вы их получите. Лидеры ОВР – государственники? – Простите, существуют и те, кто заботится о державной чести порешительнее (см. удары по мятежной Чечне). На протяжении последних лет масс-медиа пугали жупелом Березовского (символ коррупции в высших сферах)? – С.К.Шойгу: "А кто такой Березовский?"; В.В.Путин: "Бойтесь данайцев, дары приносящих". Так был создан блок "Единство", он же "Медведь", во главе с названным С.К.Шойгу.

Выбор, следует признать, был отменным. Единственный из многолетних министров с незапятнанной репутацией, державшийся подчеркнуто в стороне от любых политических деклараций и за которым настоящее дело – спасение жизней людей. Созданное им министерство – исключение, не вызывающее публичных нареканий. Не беда, что лидер нового блока несколько косноязычен (журналисты злословят: не может связать пары слов). Не златоуста, а деятеля предстоит выбирать (на экранах – сплошные репортажи о герое-спасателе). Второй в партийном списке, А.И.Карелин, долгие годы одерживает блестящие победы на борцовском ковре также не языком. Пусть интеллигенты смущаются почти воинственным антиинтеллектуализмом блока, большинство – за простыми людьми. Зато за прямую поддержку ему высказался В.В.Путин, восстанавливающий веру России в саму себя, решительно бьющий террористов в Чечне ("мочит в сортире"). В отличие от левого

центра, ОВР, данный блок был идентифицирован в качестве правого (задача продолжения либеральных реформ, "должный противовес").(4)

На минуту возвращаясь к схеме "три против трех", не случайны и взаимные тяготения. В прокремлевском лагере, помимо правоцентристского "Единства", – откровенно ассоциирующий себя с западными неоконсерваторами (пользуясь аутентичными аналогиями, британскими) "Союз правых сил". Наряду с бескомпромиссным экономическим либерализмом, на знамена выносится и политическая решительность, включая военную (один из столпов СПС А.Б.Чубайс: "В Чечне возрождается российская армия", "Бить террористов до полной победы"). Радикально правым характером изначально славится и партия ультранационалистов В.В. Жириновского. Таким образом, все без исключения прокремлевские силы отличались той или иной "правизной". В оппозиционной Кремлю группе ситуация зеркально противоположная. Коммунисты КПРФ, левоцентристы ОВР и издавна ассоциируемое с социал-демократией "Яблоко" (см., напр., [301]) – прямая иллюстрация этому. Подспудно в России наблюдалось столкновение правого и левого лагерей. Но речь сейчас не об этом.

Как и в 1993 г., на фоне моральной усталости и дезориентации избирателей, под гром призывов к сплочению под флагами совершенно новой идеологической силы в 1999 г. в России произошло рождение очередного политического измерения. Два главных центриста – ОВР и "Единство" – заполнили пустое пространство, опираясь на мифологему "политика без идеологии",(5) или почти без идеологии. "Хватит болтать, пора дело делать" – таков новомодный императив.

Если с 1993 – 95 гг. в России уже существовало двумерное политическое пространство (М = 2 х 2, см. выше), то что происходит, когда появляется еще одна политическая координата? – Читатель не ошибется: М = 3 х 2. Трехмерное политическое пространство подразумевает наличие шести ведущих политических сил. Как раз такому количеству блоков и удается преодолеть квалификационный барьер. Рациональное бессознательное, по крайней мере в этом аспекте, сработало как прецизионный механизм. На сей раз, надеюсь, удалось лучше понять, почему в новую Думу попало шесть политических акторов.(6) На этом закономерности, разумеется, не заканчиваются.

Если новое политическое измерение составила пара "центристских", в значительной мере деидеологизированных политических сил (повторим, ОВР и "Единство"), то что

наблюдалось в остатке? – Тут же обращает на себя внимание: сплошь идеологизированные партии, т.е. обычного, хорошо знакомого типа. Перечислим их для наглядности: коммунисты КПРФ, либерал-консерваторы из рядов СПС, радикальные националисты – "соколы Жириновского" и, наконец, тяготеющее к социал-демократии "Яблоко", M = 4. Ситуация, не вызывающая удивления. На выборах 1995 г. фигурировал почти тот же состав главных участников: и коммунисты, и партия Жириновского, и "Яблоко". Единственное изменение – вместо впавшего в дистрофию НДР в Думу попал нагулявший бока СПС (преемник более ранней "партии власти" – "Выбор России"). При этом обеими партиями – и СПС, и НДР – ныне провозглашена по сути одна и та же, с точностью до неразличимых нюансов, номинальная идеология: правые европейского типа, на манер британских консерваторов или немецкого ХДС. Не лишено любопытства, что и в другом из рассматривавшихся выше примеров кватерниорных систем (M = 4), в германской земле Саксония-Анхальт победу одержал типологически тот же реестр участников, см. раздел 3.6. Либерал-консерваторов там представлял ХДС (в России ср. СПС), социал-демократы выступали под собственным именем (у нас под вывеской "Яблока"), ПДС – наследница компартии ГДР (ср. КПРФ, выросшая из КПСС), националисты из Немецкого народного союза – кузены последователей Жириновского.

Теперь мы, кажется, достаточно подготовлены, чтобы приступить к подсчету процентов. Как отмечено, главным театром информационной войны стала борьба за "центр". Идейные партии уже давно навербовали сторонников, и в массе их вряд ли удастся отнять. Напротив, целинная нива аполитичного, дезориентированного населения выглядела вожделенной и благодатной. Таких людей и нужно "окучивать". В сражении за эту часть электората приняли участие ОВР и "Единство" – два популистских объединения, лево- и правоцентристское, выступающие под лозунгом "Хватит болтать и обманывать, пора дело делать". Обе возглавляются недавним или настоящим начальством, представляют собой альянс президентов национальных республик и губернаторов, прилагают неутомимые старания приклеить друг другу ярлык "партии власти". Почти две трети экранного времени посвящено коллизиям их столкновения.

Рассмотрим соотношение между членами указанной пары, образовавшей новое, третье политическое измерение. За характеристический объем целого *c* в данном случае следует, очевидно, принять численность относительно аполитичного, идейно не определившегося населения, в упованиях на чудо готового отдать голоса партиям популистского,

"государственнического", "центристского" типа, а не старым, доверие к которым в значительной мере утрачено. Перед стартом предвыборной кампании несомненным фаворитом в названной паре считался, разумеется, ОВР (по некоторым оценкам, его рейтинг доходил до 50 – 55 процентов [241]). Победа, казалось, автоматически обеспечена – у большинства журналистов и аналитиков сомнения в этом отсутствовали. Что произошло затем?

ОВР, так сказать, почил на лаврах и напрочь упустил инициативу. Главные телеканалы, ориентированные на массовую, не вполне просвещенную аудиторию (т.е. два первых центральных канала, в отличие от апеллирующего к более "продвинутым" зрителям НТВ), развернули фронтальную атаку на лидеров ОВР. И Ю.М.Лужков, и Е.М.Примаков были поставлены в позицию защищающихся, оправдывающихся перед бурным потоком обрушившегося на них компромата. Политстратегами "Единства" была выбрана исключительно выигрышная линия поведения (как всегда, мы отвлекаемся от моральных оценок). Вместо того, чтобы пытаться догнать первоначально находившееся далеко впереди ОВР, подражая его сложившемуся коллективному образу, репутации (воспроизводство знакомой нам по первым разделам схемы $b \sim a$), они перехватывают инициативу и вынуждают ОВР подчиниться правилам чужой игры. А это означает, что два претендента по сути поменялись местами.

В чем, на наш взгляд, заключалась главная ошибка ОВР? – Именно в изначальной уверенности, что в борьбе за свою, "центристскую", часть электората у него нет серьезных соперников. Подобная уверенность тождественна самоуспокоенности или, что то же, *неумению ценить то, что имеешь* (помните, в разделе 3.1 приводился аналогичный пример? – мужчина не ухаживает за женщинами, которых уже покорил. Зачем, если они и так уже есть?). Дескриптивной моделью для такой ситуации являются группы условий (1) – (3) или (11) – (12), и, значит, характеристической цифрой должно послужить значение из закономерности золотого сечения: a/c = 61,8%. В данном случае буквой a обозначено количество голосов, поданных за "Единство".

Всякая теория должна быть испытана на практическом оселке, и для проверки обратимся к данным эксперимента. За "Единство" было опущено 23,32% бюллетеней, за ОВР – 13,33%. Таким образом, целое c в настоящем случае составляет с = 23,32 + 13,33 = 36, 65%. Отношение a/c равняется 23,32 / 36,65 = 0,636. Т.е. a/c = 63,6%. В целом удовлетворительное совпадение с теоретической цифрой 61,8%.

Помимо только что указанного, главного сектора сражения (за без- или слабоидейный электорат), менее масштабные, но ничуть не менее занимательные схватки развернулись и на других фронтах. Так, известное интеллектуальное удовольствие принес очередной раунд борьбы между двумя представителями "демократов" – "Яблоком" и "Союзом правых сил". Эта противостояние имеет довольно долгую предысторию, уходящую корнями к истокам новой, демократической России.

Собственно говоря, у обоих объединений практически один и тот же по убеждениям и настрою избиратель. За них голосуют люди, придерживающиеся демократических взглядов в политике и либерализированных в экономике, чаще всего с образованием, превышающим средний уровень. Размежевание осуществляется по нюансам. Выше уже отмечалось: политологи традиционно относят "Яблоко" к левой разновидности (на манер европейских социал-демократов), СПС – к правой, неоконсервативной. Однако то, что в Европе признается за принципиальное противоречие, в сознании российского избирателя, чей мерный аршин настроен на качественно более амплитудный разброс, на развернутый в размах рук политический спектр, обращается в сравнительно мелкие расхождения.

Наряду с маловнятным для неспециалистов различием конкретных экономических программ, центральным мотивом, по которому осуществлялось столкновение двух демократических толков, в российских условиях служило отношение к существующей власти. Ведущие представители СПС фактически без перерывов с начала правления Ельцина занимали высшие посты в исполнительной власти и, следовательно, по мнению "Яблока", должны нести ответственность за то, что получилось в стране. Не изменило своей тяге к "хождению во власть" СПС и теперь, полностью поддерживая в канун выборов политику Путина, включая вторую войну в Чечне. "Яблоко", наоборот, традиционно в оппозиции, и его фракция в Думе последовательно голосует против большинства предложений правительств ("Мистером Нет" окрестили ироничные журналисты лидера "Яблока" Г.А.Явлинского, воспользовавшись прозвищем министра иностранных дел СССР застойных лет А.А.Громыко). "Яблоко" оказалось единственной партией, не постеснявшейся открыто призвать к необходимости переговоров с лидерами Чечни, хотя, вероятно, отдавало себе ясный отчет, скольких голосов за это придется недосчитаться (клеймом "предателя" с пафосом наградил перед телекамерами Г.А.Явлинского один из главных деятелей СПС А.Б.Чубайс).

Теперь представим себя на месте политтехнологов СПС в

канун старта избирательной кампании. На что вправе рассчитывать объединение? Его рейтинг катастрофически низок, на прошлых выборах его предшественнику, ДВР, не удалось преодолеть 5%-ю планку, и хор прогнозистов язвительно предрекает такой исход и теперь. Навряд ли могли выглядеть оправданными надежды и на общее расширение демократически настроенного электората. С чего бы? Реальными достижениями реформаторам не удается похвастаться; отобрать голоса у коммунистов, популистов, националистов – об этом лучше заранее забыть. Вообще, последняя избирательная кампания отличалась кардинально более адресной работой политических партий с различными группами населения, и СПС в основном апеллировал к демократически окрашенной части электората. Роль морального лидера "демократов" очевидно принадлежит "Яблоку", еще в летних опросах в его поддержку высказывалось до 15% потенциальных избирателей. За этой группой и стоит охотиться.

Малообещающей и рискованной оказалась бы игра, если бы СПС пустился вдогонку за "Яблоком" ($b \sim a$). Велики шансы, что все равно не удастся перешагнуть 5%-й барьер (общие 15%, согласно опыту прежних выборов, в состоянии и "подтаять", соответственно, на долю b придется меньше, чем критические 5%). Да и в случае успеха упомянутой стратегии ожидаемая доля b не вызывает горячего энтузиазма. Заставить неподатливого Явлинского перейти в защиту, навязать ему собственные правила (как это произошло в "рокировке" ОВР и "Единства") – также неверный расчет: Явлинского ничем не свернуть, чужую игру он просто не примет, что доказано всеми предшествующими годами. Его позиция "твердокаменна", и если уж он не без оснований нацелился на весь демократический электорат ($a \sim c$), то это вряд ли кому по силам изменить. А что если использовать сам факт неизменности установки $a \sim c$? Фактор Явлинского, если ему так хочется, пусть остается инвариантным.

Запомним соотношение $a \sim c$, где a обозначает характеристический объем, т.е. электоральную базу "Яблока", а c " общую численность демократически настроенных избирателей.

Работу политтехнологов СПС в данном случае нельзя не признать сверхпродуктивной и в высшей степени профессиональной. Поскольку СПС высказывается за поддержку и Кремля, и правительства и пользуется ответной поддержкой, постольку в его распоряжении такой ресурс, как основные масс-медиа. Обозначим характеристический объем СПС через b. В последние годы в глазах широкого избирателя сложился образ "Яблока" как авторитетного морального лидера демократов? – Что

ж, это факт, и полностью от уважения к заслугам Явлинского не стоит отказываться, подражание a (тогда, соответственно, было бы $b \sim a$) – небесполезное свойство. Формальный лидер СПС, по-кошачьи вкрадчивый С.В.Кириенко ("рафинированный интеллигент") отпускает перед телекамерами комплименты Явлинскому, доверительно сообщает, что прежде и сам голосовал за него.

Но единственно такая игра, как сказано, не сулит приемлемых дивидентов, и параллельно ей проводится совершенно иная. Устами Чубайса "Яблоко" полностью отвергается (вплоть до ярлыка "предатель", см. выше), и выражаются претензии на весь демократический электорат. "Явлинский – болтун, а мы – люди дела. Мы с Путиным, а Явлинский, как всегда, себе на уме. Подлинные, а не декларативные, демократы – разумеется, мы, а не он".(7) Поддержка всех каналов TV (на два первые Явлинского практически не пускают) позволяют СПС довести до сознания избирателей *обе* своих установки: и уважения к "Яблоку", с одной стороны (озвучивающий актер – С.В.Кириенко), и предельно агрессивного, психологически полностью независимого стремления овладеть всеми демократически настроенными избирателями (значит, $b \sim c$), с другой. Удачное распределение ролей – "добрый следователь" Кириенко и "злой" Чубайс, однако цель у обоих одна, – наряду с многократными повторениями и вариациями на TV, позволяет внедрить в коллективное сознание *обе цели одновременно*. Но ведь тогда $b \sim (a + c)$. В отличие от многих предыдущих примеров, здесь актор не колеблется в выборе между одной установкой или другой (если бы колебался, то сработало бы нечто среднее, среднеарифметическое), а последовательно проводит в жизнь и первую, и вторую. Это следует отчетливо различать: в случае отношений "или – или" (избирателю не вполне понятно: то ли одно, то ли другое) мы используем в процессе расчета среднеарифметическое, при отношениях "и – и" (и то, и другое одновременно) – сумму двух величин.

Выше уже доводилось встречаться с ситуацией, когда целевая установка одного из акторов превышает по своему характеристическому объему целое c (см. в разделе 3.9 о выборах мэра Москвы в 1999 г.), и читателю известно, что это вовсе не обязательно противоречит здравому смыслу. Различны лишь конкретные мотивы, ведущие к подобному превосходству. В примере с Лужковым за него, как мы помним, был ответственен вселившийся страх упустить победу, на которую, еще недавно казалось, не в силах покуситься никто (прокремлевским силам

удалось-таки изрядно напугать Юрия Михайловича призраком конкуренции). В настоящем же случае причиной стала, так сказать, "целеустремленная гиперактивность" объединения СПС и стоящих у него за спиной прокремлевских масс-медиа.

Для надежности еще раз: резонно ли со стороны одного из участников распространять свои амбиции на кусок, превышающий целое *c*? – Ну, во-первых, целое – а в данном ракурсе, напомним, за него принята общая численность демократически настроенного электората – в принципе может быть и расширено (в общем итоге демократам по каким-то неясным причинам может отдать предпочтение неожиданно большое количество людей). Но это в принципе, а в наличных российских условиях, когда зримыми достижениями демократам трудно похвастаться, надежды на это, как сказано, были бы явной утопией. Во-вторых, что важнее, часть *b* в реальности и не становится больше, чем *c*, она только *пропорциональна* сумме (*a* + *c*), т.е. *стремится* стать таковой. Подобное желание здравому смыслу не противоречит, и если его удается подобающе довести до сознания и подсознания социума, может оказаться весьма плодотворным.(8) Приступим к подсчету процентов.

Вначале соберем вместе полученные результаты с учетом естественного условия $a + b = c$:

$$a \sim c$$
(28)

$$b \sim (a + c)$$

$$a + b = c.$$

Откуда сразу вытекает пропорция

$$b / a = (a + c) / c,$$
или

$$bc = a\,(a + c).$$
После подстановки $b = c - a$ и раскрытия скобок

$$a2 + 2ac - c2 = 0.$$
Деление на $c2$ приводит к квадратному уравнению с неизвестной (a/c)

$$(a/c)2 + 2(a/c) - 1 = 0.$$
Его корни составляют

$(a/c)_{1,2} = -1 \pm \sqrt{2}$.

Выбирая положительное значение (только оно и имеет реальный смысл) и прибегая к более удобному, десятичному приближению, получаем

$(a/c) \approx 0{,}414 = 41{,}4\%$.

Таким образом, на долю "Яблока" должно прийтись около 41,4% от общей численности демократического электората, на долю СПС, соответственно, – 58,6%.

Теперь сравним теоретические величины с реальными. За "Яблоко" на выборах 1999 г. проголосовало 5,93%, за СПС – 8,52%. За интересующее нас целое c (c – относительная численность демократического электората) должна быть принята сумма $5{,}93 + 8{,}52 = 14{,}45\%$. Пересчет на такое c приводит к $a/c = 41{,}0\%$. Удовлетворительное соответствие теоретическим 41,4%. Реальная доля СПС – 59,0%, при теоретической 58,6%. Модель неплохо сработала, каждый из двух главных представителей демократических сил добился на выборах результатов сообразно собственным, реализованным в предвыборной стратегии установкам.

В предшествующем изложении этот мотив еще почти не звучал: тому, кто считается фаворитом, не всегда удается подтвердить свое преимущество. В паре "Яблоко – СПС" до выборов приоритет практически единогласно отдавался первому, из чего отнюдь не автоматически вытекает фактическое процентное превосходство. "Яблоко" и получило меньшее количество голосов. Конечный расклад зависит от сочетания целевых установок оппонентов, и если прежде в книге не фигурировали варианты, когда терпит поражение как раз не аутсайдер, а фаворит, то это, конечно, не означает, что такие варианты отсутствуют. На последнем примере мы и постарались продемонстрировать такую возможность – как в реальности, так и в расчетах.

В роли следующей арены сражения оказались сразу два очага межпартийной борьбы. Рассмотрим политическую, общественно-психологическую схватку, состоявшуюся между сторонниками твердых идеологических убеждений, с одной стороны, и носителями более аморфных, менее вербализованных политических взглядов, с другой. Такая борьба, на наш взгляд, протекала на двух уровнях.

Первый и главный из них обязан столкновению группы "старых", хорошо знакомых избирателю партий и блоков, обладающих достаточно разработанными и артикулированными

программами, с группой новейших, для которых характерны дефицит или размытость политических принципов, аморфность, "амебообразность" идеологии. Вторая группа образована популистами, или "центристами", ОВР и "Единства"; первая – совокупностью КПРФ, СПС, "Блока Жириновского" и "Яблока". Почему приобрела актуальность столь странная, на первый взгляд, оппозиция? – Причина не только в том, что и ОВР, и "Единство" пребывали под знаком детерминативов "партий власти", "партий губернаторов", тогда как все остальные воспринимались в качестве представителей рядовой общественности, обычных людей. Выше уже отмечалось: на фоне климата недоверия к старым политикам в масс-медиа развернулась ожесточенная кампания критики партий как таковых ("мы – не за своекорыстные партии, а за ваши интересы, т.е. за большинство" – лейтмотив популистов). Соответственно, в канун выборов означенная оппозиция оказалась достаточно "разогретой", существенной для процесса политического формообразования.

Ко второму уровню в сущности того же сражения следует отнести противостояние внутри группы идеологических партий. Самой старой и организованной среди них являлась, разумеется, КПРФ. Помимо солидного стажа, за ней признавалось наличие строго сформулированной и твердой идеологии (независимо от отношения к ней). О своей неприемлющей коммунизма позиции неоднократно объявляли лидеры "Блока Жириновского", СПС и "Яблока". Существуют ли общие черты у членов столь разнородной тройки? – Конечно, а именно относительная новизна (на фоне КПРФ с почти столетней историей) и не до конца откристаллизованная идеологическая ориентация.

Политологи ассоциируют "Яблоко" с европейской социал-демократией? – Но все же оно не вполне социал-демократично. Вдобавок до сознания российского избирателя пока отчетливо не доведены ключевые особенности программ и целей социал-демократии. В результате – некоторая идейная "туманность" образа "Яблока". СПС продекларировал себя стоящим на одной идеологической доске с английскими консерваторами? – Но такой аналогии недостаточно для формирования строгих концептуальных границ блока, и, кроме того, СПС буквально на глазах перекрасился: еще недавно его ведущие представители пользовались репутацией записных либералов, космополитичных "чигагских мальчиков". Силуэт снова расплывается и двоится. У лидера "Блока Жириновского" и вовсе репутация всероссийского шута, страдающего бесстыдной противоположностью слов и дела. Итог – все три антикоммунистических партии в глазах общества

отличаются известной "неподлинностью": 1) они относительно недавно образовались и, не исключено, скоро сойдут на нет, 2) никак не удается ясно понять, каковы в конечном счете поставленные ими цели, действительные программы.

Таким образом, будированное предвыборной пропагандой и TV противостояние носителей идей и политического стажа, с одной стороны, и многообещающих политических "новоделов", с другой, привело к расщеплению общего политического поля на двух означенных уровнях. Рассмотрим их по отдельности.

Старые партии во многом дискредитированы, а новые не скупятся на щедрые обещания. От первых уже более-менее понятно, чего ожидать (но эти ожидания, учитывая реальные результаты, избирателей не вполне вдохновляют), вторые – во многом "кот в мешке", зато льстят тлеющим, готовым вспыхнуть надеждам. В какой парадигме протекало соревнование между ними?

Оно, как сказано, отличалось психологической остротой. Когда группа новых партий взирает на былые и ожидаемые грядущие (предсказанные опросами) успехи старых, она стремится их воспроизвести, старается быть не хуже: $b \sim a$, где a – характеристический, т.е. электоральный, объем совокупности старых партий, а b – аналогичная величина совокупности новых. В масс-медиа львиная доля внимания – образованиям новым (прежде всего "Единству" и ОВР), что не может не внушать их оппонентам стремления поменяться ролями. Вдобавок и ОВР, и "Единство", как сказано, – "партии власти", а таковой втайне мечтает стать и любая из старых (доступ к фактически неограниченным ресурсам). Но тогда $a \sim b$. В рузультате перед нами своеобразная "гонка преследования", когда каждый орентируется на другого:

$$a \sim b$$
(31)

$$b \sim a$$

$$a + b = c.$$

Но только ли под такою звездой осуществлялась конкуренция между двумя названными группами? – Несмотря на пропагандистскую громогласность, на распоряжение ресурсами исполнительной власти (федеральной и/или региональной) политические новички, без сомнения, испытывали известный комплекс неполноценности перед лицом старых партий. За

последними – превосходящий опыт борьбы за места в парламенте (до сих пор – и в 1993, и в 1995 гг. – "партиям власти" по спискам удавалось завоевывать лишь вторые места, уступая первенство оппонентам). Власть в целом в России не очень-то любят, поэтому было бы неплохо, если бы на сей раз удалось очаровать избирателя не меньше, чем "партиям низов". Последним следует дать решительный бой, опираясь на разжигаемую разочарованность избирателя в деятельности парламента вообще, в старых парламентских партиях в частности. Условия "жесткой гонки" нам хорошо знакомы, см. (14) из раздела 3.7. Для удобства перепишем их заново, сохранив прежний номер:

$a \sim c$
(14)

$b \sim [a + (a - b)]$

$a + b = c.$

Поскольку, как и в предыдущем случае (соревнование СПС и "Яблока"), мы имеем дело с *одновременно* проводящимися в жизнь установками, постольку цели и ценности каждого из участвующих акторов, т.е. правые части пропорций, следует просуммировать:

$a \sim (b + c)$
$b \sim [a + a + (a - b)]$
$a + b = c.$
То есть

$a \sim (b + c)$
(32)

$b \sim (3a - b)$

$a + b = c.$

После составления и раскрытия пропорции приходим к квадратному уравнению
$3(a/c)2 + 2(a/c) - 2 = 0.$
Его положительный корень составляет
$(a/c) = (\sqrt{7} - 1)/3 \approx 0{,}549 = 54{,}9\%.$
Если игра двух политических акторов протекает по описанным правилам, то, согласно теории, на долю первого из них должно прийтись 54,9%, а второго – 45,1% голосов. Сравним

эти цифры с реальными, воспользовавшись данными таблицы 1.

Вначале возьмем группу относительно старых, идеологических партий (совокупность КПРФ, "Яблока", "Блока Жириновского" и СПС) и новых, популистских (ОВР и "Единства"). Доля первой группы составила: *(a/c)* = 29,85 + 7,29 + 7,35 + 10,47 = 54,96%. Расхождение с теоретическими 54,9% всего в шесть сотых процента. Расчет, опирающийся на гипотезу, что конечные достижения каждого из политических акторов сообразны реализованным установкам, привел к цифре, на удивление близкой к действительной. Как обстоит дело с семантически изоморфным соревнованием внутри системы идеологических партий?

Последняя, как сказано, образована совокупностью КПРФ, СПС, "Блока Жириновского" и "Яблока". При этом КПРФ противостоит трем антикоммунистическим остальным по признаку превосходящего стажа и наличия твердой, последовательной идеологии. Согласно теории, на долю КПРФ должны прийтись те же 54,9%.

Роль целого *c* в настоящем случае переходит к суммарной численности электората всех идеологических партий. Мы только что встречались с этой величиной: *c* = 54,96%, где за 100% принята численность избирателей всех прошедших в Думу объединений, см. табл. 1. Эмпирическая величина *a* должна быть взята из той же таблицы: у КПРФ – 29,85%. Тогда *(a/c)* = 29,85 / 54,96 = 0,543 = 54,3%. Несколько более значительное, чем ранее, расхождение с цифрой 54,9% теории (разница – 0,6%), однако для условий натурного эксперимента удовлетворительное соответствие. Использованная гипотеза показывает неплохую работоспособность и здесь.

Итак, в развернувшейся накануне и в ходе выборов политической баталии были выделены три основных зоны сражения. Повторим: 1) в борьбе за голоса политически дезориентированного избирателя сошлись две разновидности популистов – "Единство" и ОВР, 2) внутри лагеря "демократов" произошло нелицеприятное столкновение СПС и "Яблока", наконец, 3) имплицитно протекала борьба носителей достаточно твердых и сформулированных политических взглядов (независимо от окраски), с одной стороны, и более размытых, аморфных, с другой. Третья арена сражения, в свою очередь, расщепилась на две относительно автономные части. В каждом из аспектов игра протекала по своим собственным правилам, поэтому каждому присущи свои закономерности. Рационален ли подобный процесс? – Без сомнения, количественное соответствие теории и реальности дает однозначный ответ. Российское

общество, его коллективное сознание и бессознательное сохранили верность рациональным мотивам, как это и диктуется его образованностью. Но рациональность в настоящем случае проявляет себя исключительно по частям, оказывается "раздробленной", "парциальной", не позволяя составить, на наш взгляд, единой и связной концептуальной картины.

В этом смысле произошла даже некоторая деградация по сравнению с предшествующими парламентскими выборами. Если в 1995 г., при реализации четырехсоставной, т.е. двумерной, парадигмы в рамках каждого из двух измерений действовала *одна и та же* закономерность (золотое сечение), то на сей раз наблюдалась не только более высокая партийная фрагментация (что естественно: трехмерность, значит, M = 6), но и настоящая *эклектика* формообразующих принципов. Общество в целом в таких случаях практически невозможно собрать, впечатление хаоса, беспорядка в головах избирателей выглядит недалеким от истины. Трехмерные случаи, ввиду присущей им сложности, и без того не вполне благоприятны для достижения политической интеграции. Когда же в каждой подобласти действует свой собственный, отличный от других, закон – это почти сумасшедший дом. Данные обстоятельства внушают дополнительную уверенность, что у шестисоставной политической структуры в России вряд ли имеются серьезные шансы на долгосрочное закрепление и сохранение. Она – плод переходной эпохи, информационной войны и специальных политтехнологий.(9)

На существенно переходный характер, по всей видимости, указывает и отмеченная неизотропность – разнородность формообразующих принципов по разным политическим измерениям, – тогда как в последовательно устойчивых случаях естественно ожидать изотропности (так, прибегая к физической параллели, в конце концов равномерно распределяется по различным степеням свободы частиц кинетическая энергия. В нашем случае неравноценность трех политических измерений, когда вдоль каждого из них разворачиваются свои собственные игры, со своими закономерностями, – свидетельство неокончательно устоявшегося общественного сознания, отсутствия в нем общего, интегрированного, как итог – самосогласованного, образа мыслей и чувств).(10) Однако даже наличный "беспорядок", его "моментальный снимок", повторим, все же подчиняется простейшим математическим правилам, регулируется ими. В отечественной литературе не без кокетства то и дело приводится одно из высказываний Черчилля: "Предсказать, как поведет себя Россия, – это всегда настоящая

головоломка, нет – тайна за семью печатями", – что представляется сильным преувеличением. Уже не раз на протяжении книги приходилось убеждаться: Россия ничуть не в меньшей степени, чем другие, подчиняется рациональным закономерностям элементарного типа, что создает предпосылки для анализа не только задним числом, но и заранее.

В заключение раздела воспользуемся еще несколькими соображениями. В разделе 3.6 была предпринята попытка обсудить причины появления в современных партийно-политических системах более чем одного политического измерения. Если еще три-пять, даже одно десятилетие назад считалось типичным существование в развитых странах биполярности (двухпартийности или двухблоковости: правые и левые силы) и признавалась желательность подобного положения, то в последние десятилетия аккумулируются исключения. В разделе 3.6 в нашем распоряжении побывал материал некоторых посттоталитарных социумов (Россия в целом, Красноярский край, Молдова, земля Саксония-Анхальт в Германии), с тех пор в обиход введен дополнительный материал (посттоталитарная Испания и не имеющие ничего общего с тоталитарными пережитками Швейцария и Нидерланды). В связи с этим в реестр причин необходимо внести дополнения.

Поскольку Швейцария и Нидерланды – две кальвинистские страны, постольку трудно избавиться от искушения обнаружить в коллективном сознании соответствующих народов черты, ведущие к двойной, или двойственной, легитимации (см. раздел 3.6). Хрестоматийной особенностью кальвинизма принято считать моральный ригоризм, а также, что здесь важнее, учение о предестинации. Модернистские, демократические формы общественного сознания характеризуются очевидным антропоцентризмом (человек – хозяин своей судьбы, народ – суверен), их атрибутом служит модель рукотворного, значит открытого, будущего? – Швейцария и Нидерланды – одни из старейших демократий, которым, конечно, не чужд подобный рациональный мотив. Но наряду с ним, глубокие корни и у ощущения предопределенности (кальвинизм), т.е. будущего по сути закрытого. Кроме того, два немногочисленных народа неоднократно становились объектом экспансии, и даже в отсутствие прямых военных вторжений им нередко приходилось переживать нависшую угрозу, зависимость от расклада могущественных внешних обстоятельств, прихотей сильных держав. Такие факторы, разумеется, слабо согласуются с мотивом "народ – суверен", но возможно ли от них избавиться или пренебречь ими?

Именно сложным историческим обстоятельствам Швейцария и Нидерланды могут быть обязаны двойственной легитимацией: идущей от подчиненного только самому себе, самостоятельно определяющего собственные политические формы общества, во-первых, и от веры в свою коренную зависимость от высших или внешних обстоятельств, во-вторых. Два названных направления мысли существуют во многом независимо друг от друга. В посттоталитарных государствах две разновидности легитимации объясняются переходным статусом коллективного сознания: уже введены демократические институты (народ самостоятельно управляет самим собой), однако еще не полностью вытеснено из сердец и умов ощущение того, что вся власть – у сильных мира сего и с этим трудно что-либо поделать. Поэтому ни один из двух главных принципов легитимации: 1) экстериорный: власть – от Бога, судьбы или иных внешних источников (наиболее древняя, она же "азиатская", форма), 2) интериорный: власть – от народа (конечное основание демократии, прогрессистского мироощущения), – не в состоянии вытеснить другой. В случае кальвинистских стран поддержку "архаическому" мотиву оказывают религиозные и национально-исторические особенности.

При известной правдоподобности таких объяснений, я не склонен преувеличивать их значение. Обратимся к более приземленным, позитивным версиям, ибо сказанное о посттоталитаризме и кальвинизме производит впечатление скорее сопутствующих или благоприятствующих обстоятельств, чем репрезентативных причин. Сам феномен относительно высокой политической размерности социума (дву- и трехмерности) производит впечатление более общего. Начнем от противного, т.е. с биполярных систем.

В учебнике социологии Антони Гидденса читаем: "Двухпартийные системы имеют тенденцию к концентрации "на мели посреди фарватера", где находится большинство избирателей (за исключением радикальных). Обычно в этом случае партии культивируют образ умеренности, и иногда они столь похожи друг на друга, что предлагаемый выбор едва заметен ‹…›. Многопартийные системы позволяют более непосредственно выражать различные интересы и взгляды, предоставляют простор для представительства радикальных альтернатив", цит. по: [95a, с. 94]. Заходя с несколько иной стороны, с позиции теории конфликтов, А.Аг приводит мнение Аптера: "Американская политическая система чаще всего критикуется за то, что две крупные политические партии декларируют одни и те же ценности, следовательно, невозможен истинный конфликт.

Максимум, о чем идет речь, – это конкуренция, конфликт интересов" [8]. Четырехпартийные системы, напротив, позволяют запечатлеть и тем самым эксплицировать, канализировать обе ведущие разновидности общественных разногласий: как "горизонтальную" (столкновение интересов), так и "вертикальную" (столкновение по поводу ценностей). Применительно к подобным социумам в равной мере правы сторонники и функционалистских, и структуралистских теорий конфликтов, и, в отличие от систем двухпартийных, удается выразить позиции более разнородного, менее "приглаженного" состава общественных классов. По мнению Аптера, в США – более рыхлая классовая структура по сравнению с более зрелой европейской [там же], следовательно, в первую очередь в Европе должна оказаться востребованной четырехсоставная модель. Все наши примеры и относились к упомянутому региону.

Кроме того, существуют основания полагать, что современные условия – в отличие от послевоенных десятилетий – особенно благоприятны для формирования четырехпартийных систем и способствуют расширению списка стран, которые ею обладают. Что здесь имеется в виду? – В главе 2 констатировано, что мировое сообщество в целом переживает сейчас *третью* политическую бифуркацию (после двух мировых войн), и это приводит к соответствующим переменам как в коллективном сознании, так и в политике. Во-первых, помимо непосредственной корреляции третьих бифуркаций с четырехсоставными политическими структурами (см. главу 2), им свойственно активировать *финалистские, эсхатологические* начала в общественных настроениях, в отличие от революций вторых, способствующих преобладанию картины открытого будущего. Не становится исключением и современная третья бифуркация: вслед за крушением мощного противника Запада, восточного блока, кажется, уже ничто не в состоянии воспрепятствовать победному шествию западного образа жизни, политической монополии Запада в мире. Возбуждение, вызванное работой "Конец истории?" Ф.Фукуямы – лишь частная метонимическая деталь, подтверждающая энтузиазм новейших западных идеологов и политических деятелей. Эсхатологизм, финализм, напомним, – родовые атрибуты отнюдь не либеральной установки, а скорее ее давнего патерналистского антагониста.

Во-вторых, поскольку вместо двух сверхдержав, двух суперблоков остался один – США, шире: НАТО, – постольку у большинства человечества исчезает выбор. Современная мировая власть безальтернативна, согласно предложению, от которого невозможно отказаться, бессменна и при этом не избрана. Ее

остается принять просто как данность и согласиться с ее законностью на том основании, что она есть. Знакомая форма легитимации и опять-таки не из арсенала либеральных канонов.

Итак, на первый взгляд парадоксально, но логически вполне мотивированно идеологическое и политическое господство либерального Запада способствует утверждению в мировом сообществе не только либеральных коллективных ценностей, но и их диаметральной противоположности: стремлению к торжеству высшего исторического идеала (в данном случае – вселенского американизма), физического и духовного подчинения неизбранным руководителям (принадлежность власти в мире не подлежит ни обсуждению, ни переменам), упомянутого исторического эсхатологизма ("конец истории" – в теории навсегда, а на практике, всегда вносящей коррективы в аппетиты доктрин, – в перспективе десятилетий). Совмещение двух разнородных систем базовых ценностей, двух форм легитимации ("архаической" экстериорной и "модернистской" интериорной), как установлено в разделе 3.6, при обсуждении посттоталитарных социумов, способствует формированию четырехсоставной политической структуры, М = 4. Постлиберальность отличается от посттоталитарности лишь по направлению вектора движения и в обертонах, но не по "скелету", не по структуре.

Пока речь шла о мировой системе в целом, следовательно, и о политической кватерниорности скорее глобальной ("геополитической"), чем национальной. Но мировые начала организации, мировые идеи заразительны, обладают тенденцией проникать на нижележащие уровни. Так, послевоенное мировое сообщество, располагавшее структурой "Запад – Восток – третий мир", способствовало формированию изоморфных строений в пределах отдельных стран: "правые – левые – не поддерживающие ни тех, ни других". Мировая биполярность индуцировала национальную. Теперь такая структура должна вытесняться кватерниорной.

На материале постттоталитарных государств, в частности России, выше была отмечена характеристическая особенность: носителями одновременно обеих форм легитимации, обоих типов общественных ценностей являются *все* противостоящие друг другу политические силы (былые тоталитаристы – например, коммунисты и националисты – осваивают плоды и инструментарий демократии, а "демократы" разных толков страдают генетическими болезнями патернализма, авторитарности, олигархичности). Не иначе – и в складывающемся мировом сообществе. Былые либералы (носители "западной" идеологии) окрыляются возможностью

бесконтрольных экспансии и контроля, стремясь внушить дух безоговорочного подчинения и смирения остальным, и напротив, более "отсталые" народы и политические движения взывают к необходимости разделения власти, к учету мнения менее сильных, да и просто численного большинства, т.е. к тому, что прежде считалось атрибутами либеральной позиции. Поскольку подобной "двойственностью" отличаются все влиятельные политические движения, постольку кватерниорная структура с уровня мирового сообщества распространяется на уровень отдельных государств .(11)

Почему именно Европе (плюс ее соседу и кузену России, Евразии), согласно гипотезе, предстоит постепенно, но неизбежно превращаться в одну из главных арен четырехсоставных партийно-политических систем? – Не только из-за того, что в настоящее время здесь разворачивается одна из самых впечатляющих кватерниорных территориально-политических конструкций (см. строение ЕС по региональным ансамблям, раздел 1.4.2.1), и из-за естественного феномена "индукции". Априори двойственен сам статус Европы: с одной стороны, входящей в круг правящей мировой элиты ("Запад", НАТО), а с другой – вопреки историческому первородству, занимающей в этом кругу не главное место (последнее, конечно, у США). Поэтому общественному сознанию европейцев свойственны как верность устоявшимся либеральным, демократическим ценностям, так и переживание своей зависимости от внеположных источников власти. Для каждой отдельной страны Евросоюза роль этих внешних источников исполняют США и общеевропейские (над- и вненациональные) бюрократические институты. Такая ситуация, как мы знаем, способствует формированию неодномерного политического поля и, как следствие, последовательному вытеснению биполярности (одномерности) более дифференцированными политическими паттернами.

Соответствующая трансформация протекает практически на наших глазах. Недавно неоспоримо ведущие пары – социалисты и социал-демократы (умеренно левые силы), с одной стороны, и либерально настроенные консерваторы (неоконсерватизм, блок правый), с другой – переживают всевозрастающий кризис доверия, все более широкие круги населения выражают сомнение, что старые партии способны к адекватным ответам на вызовы новейшей эпохи. Не станем гадать, почему. Возможно потому, что старые партии попросту "надоели" за минувшие десятилетия, и в социумах усиливается порыв сбросить старую кожу. Возможно, причины следует искать в идущей интеграции Европы: теперь уже

не только малые страны, вроде Швейцарии и Голландии, ощущают себя объектом манипуляции со стороны могущественных внешних сил (к примеру, неизбранных брюссельских чиновников), но и самые крупные. Независимо от эмоциональной оценки, перемены в коллективном мироощущении не могут не наступить. Но тогда перед нами вновь двойственная легитимация: традиционно-национальная, во-первых, и над-, транснациональная, во-вторых. Ergo: M = 4.

Какие силы дополнят традиционных умеренно правых и умеренно левых? – Список возможных идеологий исключительно короток, а выбор осуществляется из него. Популисты разных мастей, "зеленые", националисты, кое-где неисчезнувшие коммунисты – вот, собственно, все. И если в ближайшее время трудно ожидать в Европе выхода на сцену влиятельных религиозных экстремистов (фундаменталистов), то со временем – когда, скажем, в Европе накопится критическая масса мусульман – и этот компонент в состоянии превратиться в "живой".(12) Пока же нельзя не заметить почти повсеместного укрепления позиций националистов и популистов. Кто-то не без оснований видит в этом болезненный отклик на последствия глобализации (в каждой стране становится все больше иностранцев, особенно из менее развитых стран, которым чужд местный уклад), а с точки зрения рационального бессознательного придется констатировать рождение второго политического измерения. Так и в России в 1993 г. на политическую сцену буквально ворвалась такая экстремистская, демагогическая партия как националистическая ЛДПР Жириновского (выдававшая себя за "третью силу") – и именно после скачкообразной дискредитации предыдущих властителей душ и умов: лагерей "демократов" и "патриотов". Просто в России, подвергающейся интенсивной массовой "перетряске", подобный переход происходит быстрее, а кризис в Европе – не столь острый, обвальный.

Националисты упрочивают свои позиции во Франции (фронт Ле Пена), Италии (Берлускони) и Германии (см. Немецкий народный союз). Недавно европейский и мировой истеблишмент вводил санкции по отношению к Австрии за включение в правительство националистов (представителей Партии свободы Йорга Хайдера). Но резкие меры не в силах отменить положение, а скорее подливают масло в огонь (любые националисты буквально взрастают на дрожжах всевозможных кризисов и ультиматумов). Это более чем убеждение: Австрия – лишь один из пионеров начавшегося движения, по ее стопам последуют и другие. Вместе с мировым сообществом Европа переживает третью политическую бифуркацию(см. главу 2), параллельно

протекают бифуркации и в отдельных странах (Италии, Германии, Австрии); рождение дополнительного политического измерения – не случайный, а объективный процесс, к которому надо морально и концептуально готовиться.

В книге не ставилась задача привести полный реестр прямых или косвенных образцов четырехсоставных (т.е. двумерных) партийных систем, так что ряд можно пополнить. Так, на парламентских выборах в Чехии в июне 1998 г. пятипроцентный барьер удалось преодолеть двум представителям левых сил (Чешская социал-демократическая партия и коммунисты) и трем правым партиям (Гражданская демократическая партия Вацлава Клауса, Союз свободы и Народно-христианская партия) [163]. С учетом того, что Союз свободы – не более, чем отколовшаяся часть ГДП, дублирующий экземпляр той же самой идеологии, всего существенных разновидностей M = 4. Политической кватерниорностью беременна и Франция, в которой левому лагерю: социалисты и коммунисты, – противостоит лагерь правый: помимо традиционных голлистов, националисты Ле Пена (если коммунистам придется все же растаять в горниле неумолимой истории, в освободившейся нише радикальной разновидности "левых" с удобством сумеют расположиться "зеленые"). На пороге структурно сходного варианта пребывает и ФРГ, где левый альянс (социал-демократы и "зеленые") борется с правым (христианские демократы и либералы из Свободной демократической партии). Последняя неуклонно теряет свой вес и, возможно, со временем будет вытеснена подходящей разновидностью популистских, националистических сил, приблизительно того же сорта, что и Немецкий народный союз. (13) Конкретный состав четверок может варьироваться при переходе от одной страны к другой, от одного хронологического отрезка к другому, но у самой конструкции – более прочные перспективы.

Современные политологи уже повернулись лицом к фактору многомерности. Так, в статье В.М.Сергеева и др. можно прочесть: "Традиционный подход к изучению поведения парламентских фракций и депутатских групп заключается в распределении их вдоль некой абстрактной оси, соединяющей две полярные позиции (например, "консерватизм" и "радикализм" или "коммунизм" и "реформаторство"). Корни такого "одномерного" восприятия кроются в исторически сложившейся практике размещения депутатов в зале заседаний в зависимости от политических предпочтений, позволяющей зрительно выделять "правое" и "левое" крылья, а также "центр". Будучи скорее метафорой, подобная схема неплохо описывает политическую

реальность в тех случаях, когда на политической сцене идет борьба двух основных сил. Однако в более сложных ситуациях, в частности, если общество расколото по нескольким существенным направлениям, позиция каждой политической группы и взаимоотношения между ними оказываются гораздо сложнее, чем может выразить одномерная модель. Это ставит перед исследователем задачу разработки аналитической модели, которая, как минимум, учитывала бы возможную многомерность пространства политических проблем, а еще лучше – позволяла бы определять его истинную размерность" [292, с. 51- 52]. Сказанное о парламенте относится и к политической структуре общества в целом.

Примечания

1 Зачем считать тех, кому в Думу пройти не удалось? Поданные за них голоса "пропали".

2 Будь то закулисно управляемые олигархами, кукловодом Б.А.Березовским, "Семьей" блок "Единство", СПС и заслуживший их циничное доверие Жириновский, т.е. правые силы, или же лелеющие корыстные планы устранения общего любимца В.В.Путина силы левые – КПРФ, ОВР и "Яблоко".

3 В сноске допустимо привести одно из побочных соображений. До сих пор Кремль под каждые выборы в Думу создавал новую "партию власти": в 1993 г. – "Выбор России", в 1995 г. – НДР, в 1999 – "Единство". Помимо не нуждающейся в комментариях безответственности подобной политики (в еще не окончательно сложившуюся систему партий вносятся дополнительные искажения и возмущения), справедливо отмечается ее тупиковость в долговременном плане. Дальнейшая фрагментация неизбежно ведет к неуправляемости и неработоспособности парламента.

4 К моменту выборов у "Единства" нет ни сформулированной идеологии, ни программы, за что их укоряют представители старых партий. Зато есть "порыв". Ср. Муссолини: "Наша программа очень проста: мы хотим править Италией. Нас постоянно спрашивают о наших программах. У нас их уже слишком много. Для спасения Италии нужны не программы, а люди и сила воли" [437, S. 105].

5 Вот каково, уже после выборов, описание позиции "Единства" (оно же: "Медведь") аналитиком из "Аргументов и

фактов": "Идеология: прагматизм, если это можно назвать идеологией. Некоторые эксперты также называют "медведей" центристами и государственниками" [367].

6 Стоит сказать, что предварительная примерка третьего политического измерения в России состоялась еще в 1996 г. В ряду наиболее серьезных кандидатов на пост президента фигурировали не только формальные или фактические лидеры четырех крупнейших парламентских партий: Б. Ельцин (ср. в Думе НДР, "партия власти"), Г.Зюганов (КПРФ), Г.Явлинский ("Яблоко"), В.Жириновский (ЛДПР), – но также и беспартийный пятый, А.Лебедь, занявший в общем зачете третье место после Ельцина и Зюганова (за каждого из остальных кандидатов – С.Федорова, М.Горбачева, М.Шаккума, В.Брынцалова – проголосовало около одного процента избирателей и менее, следовательно, их можно не принимать в расчет). Интенсивно раскрученный средствами массовой информации Лебедь – "государственник, не обремененный никакой партийной идеологией" – послужил прообразом для более поздних В.Путина с партией "Единство" у подножия и Е.Примакова с ОВР, а также являлся наследником успеха В.Жириновского образца 1993 г. Подобные явления вовсе не редкость, у следящего за политическими процессами читателя есть возможность сравнить с небезуспешной попыткой покушения на основы американской двухпартийной системы (следовательно, одномерной) со стороны Росса Перо (1992 и 1996 гг.). Энергичному популисту чуть было не удалось дать начало новому для Америки политическому измерению.

7 А.Б.Чубайс, еще в президентской гонке 1996 г. возглавлявший предвыборный штаб Б.Н.Ельцина и уже тогда сумевший продемонстрировать настоящие чудеса манипуляции общественным мнением посредством атаки в масс-медиа, и на сей раз заслужил от журналистов звания "главного архитектора победы СПС на выборах".

8 В настоящую книгу не вошли и уже не войдут другие образцы конкурентной борьбы, когда один из участников стремится к овладению тем, что больше целого c . Например, если актор b не желает подстраиваться под соперника a, поставив себе целью овладеть целым c, то, очевидно, b ~ c . Однако, вообще говоря, у a существуют запасные ресурсы. Аналогично стремясь к c , у него есть возможность дополнительно подключить подчеркнутое внимание к себе самому, вернее, к своему наличному достоянию. Так, скажем, если некоей партией, наряду с обычным экпансионистским намерением овладеть симпатиями вообще всех возможных избирателей (a ~ c),

одновременно и независимо разрабатывается мотив подчеркнутой ценности уже существующих сторонников (a ~ a), то при убедительной реализации обеих таких установок окажется a ~ (c + a). Решение совместно с условиями b ~ c и a + b = c приведет, в чем нетрудно убедиться, к модели золотого сечения, т.е. (a/c) = 61,8%. Но, поскольку настоящая работа представляет собой лишь введение в проблематику рационального бессознательного, этот и многие другие вопросы оставлены за рамками текста.

9 Пока пишутся эти строки, идущая по пятам действительность, похоже, уже начинает их подтверждать. Во-первых, два из шести прошедших в Думу политических объединений, "Яблоко" и СПС, берут курс на объединение (единые кандидаты на региональных и муниципальных выборах, задача формирования коалиции демократических сил к следующим федеральным выборам). Во-вторых, еще один из блоков, ОВР, сталкивается с кардинальными внутренними проблемами, ставящими под вопрос само его сохранение: составные компоненты ОВР – "Отечество" и "Вся Россия" – разделяются под давлением Кремля, "Вся Россия" перебегает под крыло прокремлевского "Единства", а лидер "Отечества" Ю.М.Лужков отказывается от самостоятельности политической позиции. Доведение до конца каждого из вариантов означает уменьшение количества ведущих партий.

10 Если бы ставилась задача более детального описания, пришлось бы обратить внимание и на коррелят политической дезорганизации – на особенности наличной социальной структуры. С одной стороны, не только не исчезли, но в новой обстановке и обрели дополнительную питательную почву старые марксистские представления об антагонистических общественных классах (прежде всего, эксплуатируемом и обманываемом пролетариате, "трудящихся" вообще, и жирующей буржуазии, плюс о "прослойке", т.е. интеллигенции). С другой стороны, все последние годы в общественное сознание внедряется каноническая западная модель трех классов: богатого, среднего и бедного. Специфика современного этапа в России – сосуществование двух картин в коллективных мозгах, их взаимное наложение. В результате чего возникла исключительно дробная ("шизофреническая") социальная фрагментация. Во многом именно ей обязана высокая и политическая фрагментация. В прежних статьях [311], [197] нам уже доводилось приводить математическую связь между кратностями социального и политического деления (в "нормальных" случаях они равны между собой), но здесь отметим другое. Поскольку

сосуществование двух названных альтернативных социальных моделей – вообще говоря, нонсенс, ничем не оправданная эклектика, постольку у этого сосуществования, по-видимому, нет шансов сохраниться в расчете на долговременную перспективу (такой задачи, разумеется, никто и не ставит, состоявшееся сцепление – "несчастный случай", "прискорбный побочный продукт" переходного процесса). Но тогда такие же шансы и у наличной политической констелляции.

11 Настоящий фрагмент посвящен не специально геополитике, но, чтобы избежать недоразумений, полезно сделать шаг в сторону. Как согласуются между собой политическая унитарность (одна сверхдержава, один могущественный блок, НАТО), с одной стороны, и четырехсоставная политическая структура, с другой? Ведь единица, разумеется, не равна четырем. Но это лишь мнимое противоречие, и читатель вправе воспользоваться примером, скажем, России образца 1995 – 99 гг. Всесильный президент и четыре ведущие партии ("большая четверка"), заседающие в обладающем относительно узким объемом реальных полномочий парламенте, – по-своему жизнеспособная конструкция, хотя и вызывающая множество нареканий. Аналогично, и в складывающемся мировом сообществе основная "исполнительная" власть может принадлежать одному геополитическому субъекту, тогда как значительно более скромная "законодательная" (в ООН или, что точнее, в плане репрезентации ведущих идеологий, позиций) – многим. Поэтому споры об одноплюсности или многополюсности современного мира – в значительной мере схоластические: два принципа отнюдь не исключают друг друга. Нетрудно сообразить, что если бы в послевоенном соревновании Запада и Востока по каким-то странным причинам верх одержал второй, то третьей мировой бифуркации соответствовала бы победа откровенного тоталитаризма, а не "стыдливого", непоследовательного, "лицемерного", как теперь. Западные лидеры, с молоком матери впитавшие либеральный образ мыслей, испытывают, так сказать, неловкость от своей современной исторической роли, ощущают ее внутреннюю фальшь и поэтому "мнутся" (возможно, временно), тогда как откровенным тоталитаристам не были бы присущи ни "раздвоение личности", ни "муки совести" – ведь своим внутренним идеалам и ценностям в случае мирового господства им изменять не пришлось бы. Кватерниорность в рамках последнего варианта оказалась бы не позитивной "физической", а только "идеальной" – см. в главах 1 и 2 о различии между количественным и порядковым числительными, о том, что политические "авангардисты", в частности коммунисты,

представляют собой специфически "четвертый" тип политических сил, – зато политический монополизм отличался бы тогда жесткостью и буквальностью.

12 Речь может зайти не только об исламском фундаментализме, но и, как реакции на него, о ныне экзотическом христианском.

13 Собственно говоря, Германия практически никогда не переставала ходить по краю четырехчастного паттерна, до поры с переменным успехом редуцируя его до биполярного, или квазибиполярного. Так, фракционный состав бундестага в 1957 г.: ХДС/ХСС – 270 мест, СДПГ – 169 мест, СвДП – 41, Немецкая партия – 17. Помимо рассмотренного в разделе 3.6 примера Саксонии-Анхальт, четырем партиям удалось перешагнуть пятипроцентный порог на выборах 1994 г. в ландтаги Саксонии и Тюрингии (там и там – христианским демократам, социал-демократам, наследникам восточногерманской СЕПГ – Партии демократического социализма, и "зеленым"). В 1999 г. Германия выдвинула в Европарламент представителей также четырех политических сил: ХДС/ХСС, СДПГ, "зеленые", ПДС [452]. Описывая современную ситуацию в ФРГ, С.А.Леванский констатирует: "Тенденции к формированию в стране двухпартийной системы стали противодействовать тенденции к некоторому росту многопартийности и к созданию более широких и разносоставных коалиций" [177, с. 165].

3.11 Подводим итоги

Наверное, было бы несправедливо, если хотя бы вдогонку проведенным расчетам не сказать нескольких слов об уже существующих методах, т.е. о действующих электоральных теориях. Конечно, на сей раз затрагиваются лишь партийно-политические распределения, а не территориально-политические и геополитические. В статьях Г.В.Голосова [100] и Ю.Д.Шевченко [376] приведены краткие, но содержательные обзоры наличных подходов и результаты их испытаний на современном российском материале.

У Г.В.Голосова теории электорального поведения разделены на три основных группы. Первую образует так называемый "социологический подход", усматривающий механизм формирования партийных систем и соответствующих им карт избирательских предпочтений в типичных коллективных конфликтах, расколах, например, в оппозиции рабочего класса и буржуазии, в разделении по этническому и конфессиональному признакам, противоречиях между жителями центра и периферии и т.д. Среди разработчиков упомянуты такие видные фигуры как П.Лазарсфельд, С.М.Липсет, С.Роккан. "Теоретические основания "социологического подхода" разработаны весьма тщательно. Однако его эмпирическая адекватность – в частности, способность предсказывать исходы выборов в Западной Европе и, в особенности, в США – оказалась не очень высокой", – резюмирует автор.

Ко второй группе отнесен "социально-психологический подход" Э.Кэмпбелла и др. Здесь по-прежнему поведение избирателей рассматривается как преимущественно экспрессивное, но объектом, с которым они солидаризируются, считается уже не большая социальная единица, а партия. Признак партийной идентификации и самоидентификации считается в значительной мере инвариантным. Несмотря на несомненные успехи подобных теорий, они сталкиваются с трудностями при объяснении массовых сдвигов в избирательских предпочтениях. Это обстоятельство поставило под сомнение репутацию гипотезы об экспрессивности электорального поведения,(1) и в противовес ей были сформулированы предпосылки более рациональной мотивации.

Третья группа – "рационально-инструментальный подход". Э.Даунс, автор классической работы "Экономическая теория демократии", заложил в основу электорального поведения

категорию выгоды: "Каждый гражданин голосует за ту партию, которая, как он полагает, предоставит ему больше выгод, чем любая другая". Впрочем, ведущую роль в оценках играют идеологические соображения. "Подобная трактовка расчета избирателей противоречила данным эмпирических исследований, отнюдь не свидетельствовавшим о высоком уровне идеологической ангажированности массовых электоратов. Да и в целом представление о рядовом избирателе, тщательно просчитывающем возможные результаты своего выбора на основе анализа огромного объема информации о партийных программах, с трудом согласовывалась со здравым смыслом", – отмечает со своей стороны Г.В.Голосов. М.Фиорина вносит важные коррективы, подставляя вместо сложной детальной оценки избирателем собственных выгод более интегральную и простую: люди твердо знают, как им жилось при действующей администрации. Жилось хорошо – голосуй за правительство, плохо – за оппозицию. Теория "экономического голосования" Фиорины предоставляет достаточно убедительную картину на материале американских и западноевропейских выборов, но сопровождается значительными разночтениями и разногласиями. Не вполне ясно, скажем, отталкивается ли выбор от оценки избирателями *собственного* экономического положения или важнее результаты работы экономики *в целом* (на почве США и Западной Европы вторая гипотеза удачнее согласуется с эмпирическими данными). Не решен также вопрос, что существеннее для избирателя – итоги прошлой деятельности правительства ("ретроспективное голосование") либо ожидания на будущее ("голосование перспективное").

Все перечисленные подходы были так или иначе опробованы и на почве восточноевропейских стран, включая Россию. К сожалению, они не внушили особого оптимизма по поводу их правомочности в случае переходных, не устоявшихся демократий. Социальный расклад на глазах изменяется, и об устойчивой социальной идентификации говорить затруднительно. Еще более переменчивы и "капризны" партийные предпочтения. Наконец, в период слома доминирующей идеологии население еще не овладело навыками надежного и оправданного учета собственных экономических выгод, да и сам экономический характер коллективной мотивации далеко не сформирован (то и дело дают знать о себе "идеальные" мотивы: так, в России до сих пор не остывает вопрос, стремиться ли к "величию" государства).

Вероятно, небесполезно провести хотя бы пунктирное сравнение с использованным нами подходом. Во-первых, в рамках последнего не возникает проблема, какова окраска сил, которые

движут электоратом: экспрессивная или рациональная. В рациональном бессознательном сплавлены воедино оба компонента – и эмпатический (из-за бессознательности), и рациональный (из-за элементарной математичности). Во-вторых, отсутствует необходимость в априорных (по отношению к расчету) данных о социальной и партийной идентификации, тем более в оценке такой неоднозначной категории как экономическая выгода (насколько можно судить, даже среди профессионалов практически никогда не удается добиться единодушия в прогнозах, что принесет та или иная политика конкретным социальным группам: прогнозы всегда несут на себе печать партийной принадлежности или "школы" и вдобавок имеют обыкновение не оправдываться, о чем массам прекрасно известно).(2) Несмотря на дифференциацию, социум, вернее его сознание, в значительной мере холистичен, о чем, в частности, свидетельствует феномен "универсальных" масс-медиа (общенациональных телеканалов, газет и т.д.). За представителей разных партий нередко голосуют похожие по социальному составу группы избирателей, их финансирование зачастую осуществляется из близких, если не одних и тех же источников ("не класть яйца в одну корзину" советуют практичные американцы). Единственное, что выглядит инвариантным как для одного и того же социума на разных хронологических отрезках, так и для столь непохожих друг на друга обществ, как американское и западноевропейские, с одной стороны, и восточноевропейские, с другой, – это их давняя образованность. Поэтому механизм рационального бессознательного, с моей точки зрения, производит впечатление более универсального и предпочтительного в ходе расчетов, см. сравнение теоретических цифр с реальными. Кроме того, он отличается простотой, что обычно относят к достоинствам ("ничего лишнего" рекомендуется со времен Оккама).

Ни в коем случае я не хочу отказаться без разбора от всех упомянутых электоральных теорий, напротив, некоторые из них представляются обещающими и полезными. Возможно, если импульсы рационального бессознательного рассматривать не только как синкретическое общее достояние, а дополнительно учесть специфику их действия в различных подгруппах избирателей, привнести и иные мотивации, концептуальная картина от этого только выиграет. Такой путь, однако, отвечал бы специализированным политологическим разработкам (наша книга к таковым не относится). К подобным синтетическим средствам целесообразно прибегать уже после того, как будет всесторонне изучен более тривиальный (пусть и более бедный)

подход, предложенный в настоящей главе. Пока же этого не произошло, пока апробации не подвергнут более широкий спектр социумов и их состояний и, соответственно, не составлен репрезентативный список актуальных установочных парадигм, говорить об этом всерьез еще рано.

На основании цифр можно выявлять сюжеты, или фабулы, драматических историй борьбы: психологических атак, бегства и жертв. Для этого требуется гораздо меньше дарований, художественного воображения и интеллектуальных усилий, чем, скажем, для реконструкции древней истории по найденным археологическим памятникам или раскрытия картины преступления по оставленным материальным уликам. Кстати, можно надеяться и на б? льшую надежность итогового описания, поскольку мы сами принадлежим той же культуре, тому же роду сознания и в силу того неплохо застрахованы от ошибок неаутентичной интерпретации. Одна из главных целей настоящего исследования – превратить социально-политические цифры в "говорящие", ибо их семантика – одновременно "очеловечивание". На нервно подрагивающем сплетении эмоций, надежд и страхов каждого из нас сидит эдакий раскачивающий ногами калькулирующий бесенок, заполняющий графы "дебет" и "кредит", во всех нас вместе он превращается в легион. Истоки рационального бессознательного, напомним, – еще в дочеловеческой природе; чем ближе к верхним слоям сознания и к современности, тем более мощным, накачанным энергией, организованным становится этот пласт.

Какова обычная стратегия точных наук? – Они выдвигают какую-либо выглядящую правдоподобной гипотезу о механизме исследуемого процесса, явления и прогоняют ее сквозь расчет. Если результаты вычислений удовлетворительно накладываются на реальность, то гипотеза, по мере привыкания к ней, удостаивается звания подтвержденной, ей присваивают статус теории. Когда величины несколько расходятся с экспериментом, ответственность за расхождение возлагается на совокупность дополнительных, пока не учтенных факторов. Не вижу оснований поступать иначе и нам. Вклад факторов, не входящих в рациональное бессознательное, в исследованных случаях ровно таков, чтобы запечатлеть "вилку" между теоретическими значениями и действительными. "Вилка" невелика? – Значит, суммарная роль неучтенного большего и не стоит, укладывается в узкие рамки. В кругах ученых, литераторов, журналистов расцветает риторика об исключительно важных национальных и цивилизационных особенностях, о значении денег, экономической конъюнктуре, о цвете галстуков у политиков и т.п.

материях? – Всем требуется о чем-нибудь говорить. Но лично я поверю, что это не лирика и не мифы, только после того, как мне дадут их пощупать, когда из цвета галстука будет выведена правдоподобная цифра. Напротив, истины вроде 2 х 2 = 4 справедливы во всех концах света, независимо от разреза глаз и богатства, от того, добр человек или зол. Достаточно посещать в детстве школу. Оттого механизм рационального бессознательного и представляется подходящим для объяснения многих социальных процессов.

Ни в книге в целом, ни в этой главе не ставилось целью хотя бы в минимальной степени исчерпать бескрайнее разнообразие закономерностей, происходящих из импульсов рационального бессознательного. В частности, весьма далек от полноты список предложенных вашему вниманию пропорций. Чтобы довести его до пристойной репрезентативности, потребовались бы тома подобных книг, а наши силы ограничены. Не знаю, насколько удалось в настоящем вводном курсе заразить читателя открывающимися возможностями, привить вкус к соответствующим расчетам и наделить необходимыми навыками. Вместо того, чтобы удлинять цепь образцов, здесь представляется целесообразным еще раз, теперь кратко, обсудить, что же в сущности происходит со всеми нами, т.е. с современным, образованным обществом, когда мы, не сговариваясь между собой, выстраиваем те или иные организационные формы, приводим в соответствие с ними свои представления. Разве мы – муравьи, каждому виду которых инстинктивно присуще придерживаться определенной архитектуры муравейника и поведения? Наша свобода, конечно, несопоставимо огромней, чем у насекомых, но врожденность, а также негласная координация все же присутствуют.

Да, мы не знаем, что в праистории побудило нас научиться считать. Зато в нашей памяти зафиксирована полоса рождения и становления элементарной математики, период введения обязательного образования, в котором этой науке отведено самое обширное и центральное место. Никто не заставлял нас закладывать основы современного технологического общества, кроме нас же самих и нашей трансформировавшейся патриархальности. Авторитет и сила закона, родителей гонят ребенка за парту. Учитель с указкой вбивает в его голову знания. Попутно за годы удается внушить, что пережитые томительные страдания и веселые школьные игры не были бесцельными, и повзрослевший выпускник направляет затем по той же стезе и своих детей. Задавать вопрос, хорошо это или плохо, бессмысленно: "назад, к природе" – лозунг тех, кто в полной мере

уже "испорчен" образованием и о "природе" имеет самое приблизительное и превратное представление. Вообще на протяжении книги мы старались воздерживаться от оценочных категорий "хорошо или плохо", оставив их священникам и писателям. В первую очередь нас интересовало то, что есть.

А есть то, что наше сознание в результате оказалось "расчерченным". Мы буквально напичканы всевозможными готовыми рациональными блоками и конструкциями, а если нам чего-то из них вдруг не хватит или мы подзабыли подходящий образец, мы тут же выдадим его на гор?, настолько сильна в нас привычка решения простейших задач. Поскольку в совокупности мы все таковы и быть иными не в состоянии, постольку общество и движется в сущности по шахматным клеткам. Вопрос только в выборе той или другой.(3) В этом колоссальное отличие от упоминавшихся насекомых: у нас есть выбор, и даже значительно более широкий, чем 8 х 8. Если шахматы – такая неисчерпаемая игра, то разве не еще интересней и "непредсказуемей" наши игры? Беда только в том, что, когда говорят о возможностях шахмат, обычно имеют в виду таких умниц как Г.Каспаров или Р.Фишер, а когда речь заходит о политике, первичных нормах языка, группах популярных киногероев и т.д. приходится пикировать на уровень пресловутого среднего, если не сказать определеннее, человека (массовое общество, массовое производство, масс-медиа, демократия диктуют законы). Я не хочу его оскорбить (в каждом из нас он живет), но если "среднего человека" посадить за шахматный стол, боюсь, ему не удастся никого обмануть насчет своих интеллектуальных талантов. Оттого не стоит строить иллюзии и по поводу "невообразимо сложного, воплотившего в себе множество новейших выдающихся достижений современного общества". Такое мнение лестно, но и в лести полезно знать меру. Современное общество в сущности проще, чем когда-либо прежде. Именно потому и рациональней. Сложностью отличается наша техника, ибо она – плод усилий специалистов, результат аккумуляции мысли, но никто не заподозрит в сложности потребителя. А, скажем, на выборах его голос, его разумение – решающие.

Находим ли мы, т.е. общество в целом, удовлетворение от своих незатейливых игр? – Несомненно. Без него, собственно, ничего бы и не получилось. Проголосовав, например, за свои любимые партии, мы иногда говорим себе, как Бог, "хорошо" – в том случае, если паттерн получился достаточно стройным. Если нет – уныние побоку, не станем же мы рыдать, проиграв гейм компьютеру. У рационального человека, у рационального общества нет греха и нет смерти, ибо поле его бытия –

вневременно и аморально (это в личной жизни порой приходится посетовать и порыдать, но затем мы стараемся "привести себя в порядок", "почистить перышки", т.е. присоединиться к здоровому, то бишь разумному, большинству).

Нельзя пройти мимо и более специфического удовлетворения – от рациональности как таковой. Когда мы встречаемся с явно или неявно рациональными вещами и так или иначе их чувствуем, понимаем, происходит своеобразный "катарсис". Об этом шла уже речь. Это прекрасно, когда в культуре, социуме "сходятся концы с концами", когда они не противоречат сами себе. В школе за правильно решенную задачку ставили пятерку, а мама покупала конфеты, мы и теперь непрестанно жмем на клавишу удовлетворения, не в состоянии, как наркоманы, обойтись без него. Отставив иронию, здесь присутствует и неподдельно высокий аспект: так Архимед с криком "эврика" в экзальтации несся по улице. Правда, в отличие от Архимеда, открывшего новый закон, "средний человек" питается удовлетворением от решения задач, внятных и школяру, но по Сеньке и шапка. По-видимому, занятное и способное даже растрогать зрелище – наблюдать нас с небес: нам тоже мило, когда собака гоняется за собственным хвостом. Примерно это, вероятно, имеют в виду, когда упоминают о комичности современного общества. Но и трагичности: нет зрелища печальнее на свете, чем белка, постоянно бегущая в колесе. Однако в самом ли деле мы готовы себе в этом признаться: я имею в виду в нашей комичности и трагичности?

Вместе с вычислением цифр, процентов они не только накачивались теорией (в процессе, так сказать, математизированного психоанализа социума), но параллельно происходил сдвиг в их когнитивном роде. Они лишались своего чисто акциденциального, эмпирического статуса, в чем-то уподобляясь семантическим, "ранговым" числам древних эпох (в первой главе таковые упоминались: помните, звание "сотника" вовсе не означало, что под его началом находится сотня людей, из определения боевой единицы как "тьмы" не следовало, что воинов на самом деле 10000? Аналогично, алхимикам принцип тройственности казался настолько прочным, что не нарушался и при прибавлении единицы). К подобным "говорящим", организующим идеальную сферу относятся и числа из закона золотого деления, $1/\sqrt{3}$ и т.д. Особенностью современной эпохи является то, что в социальной жизни семантические, "ранговые" числа имеют тенденцию претворяться в реальность, т.е. становиться одновременно и буквальными, эмпирическими числами (см. соответствие расчетов действительным данным).

Седая древность сплетается с позитивизмом Нового времени; посредством тотального школьного образования архаика пронизывает модернистские феномены (эпоха осуществления архаических смыслов).

До недавней поры маячило намерение написать еще один раздел – заключение к книге в целом, прицепив целый блок рассуждений и философии (о "субъект-объектности", о пограничности переживания пропорциональности не только с собственно рациональной, но и с эстетической сферой, с человеческой волей и т.д.), был подобран претендующий на пристойность материал. Потом стало понятно, что этого делать не нужно. Если в книге, несмотря на ее длину, удалось затронуть лишь малую толику существующих закономерностей рационального бессознательного, т.е. книга – не более чем *введение* в проблему, то, пожалуй, было бы курьезно писать заключение к введению. Цыплят по осени считают, а на дворе поднятой темы – ранняя весна. Тут не до философии, не до итогов, в самый раз порезвиться на солнышке да на траве. Пусть книга остается композиционно открытой, каковой она и является по существу…

Примечания

1 Ю.Д.Шевченко [376], исходя из наличия общих черт у социального и социально-психологического подходов, объединяет их в одну группу: теории экспрессивного поведения, – но в нашем контексте нет необходимости вдаваться в нюансы классификации.

2 В связи с этим уместно вспомнить знаменитый афоризм Черчилля: "Искусство политика заключается в том, чтобы уметь убедительно объяснять, что произойдет, а после того, как это не произошло, объяснить, почему".

3 Оставим в стороне ситуации, когда фигура уже поднята, но еще не поставлена: рано или поздно ее все равно придется поставить.

ПРИЛОЖЕНИЯ

П.1. Вывод и решение уравнения из первой главы

П.1.1 Несколько иной вывод основного уравнения из главы 1

Вновь, как и в разделе 1.2, рассматриваем целостные (полные, замкнутые, связные) простые системы S, состоящие из M элементов и k отношений, с заданною кратностью отношений n. На этот раз, однако, попробуем вывести дескриптивное уравнение чуть по-другому.

Каждое отдельное отношение в системе заключается в одновременном взаимодействии n различных элементов. Чтобы пересчитать суммарное количество таких отношений k, необходимо определить общее число всевозможных групп, состоящих из n элементов. Всего в системе M элементов, значит

$$k = C_M^n,$$

(П.1)

где Cmn – как и в разделе 1.2, число сочетаний из M элементов по n.

Если каждое отношение в системе S представляет собой объединение n элементов, то каждый элемент может быть описан через совокупность отношений, в которых он принимает участие, а именно как пересечение таких отношений. Всего отношений в системе – k, а число способов, которыми они пересекаются, т.е общее число элементов, равно

$$M = C_k^n,$$

(П.2)

где Ckn- число сочетаний из k элементов по n.

Из выражений (П.1) и (П.2) можно составить систему уравнений – двух уравнений с двумя неизвестными M и k, при этом кратность отношений n, как и в разделе 1.2, играет роль задаваемого исходя из внешних условий параметра.

Ввиду симметричности выражений (П.1) и (П.2) относительно

величин M и k, можно было бы сразу прийти к выводу M = k, т.е. к исходному условию (1) раздела 1.2, и далее пойти по тому же пути, что и в корпусе первой главы. Однако в приложении допустимо прибегнуть к более формальному и пространному варианту, попутно проверив, не удастся ли извлечь какую-то дополнительную информацию.

Раскроем формулы для числа сочетаний:

$$k = M! / (M - n)! n !,$$
$$M = k! / (k - n)! n !,$$

(П.3)

где знак факториала (!), как всегда, означает перемножение всех чисел от единицы до стоящей перед ним величины.

Начнем анализ с первого значения параметра n, рассмотренного в первой главе: n = 2 (в системе S заданы бинарные отношения). Подставив данное значение в систему уравнений (П.3) и произведя сокращения , получим:

$$k = M (M - 1) / 2$$
$$M = k (k - 1) / 2$$

Чтобы избавиться от одной из неизвестных, подставим выражение для k во второе уравнение. После нескольких преобразований останется:

$$8M = M (M3 - 2M2 - M + 2)$$

Наличие решений M = 0 и M = ∞ (за счет сомножителя M в обеих частях) отсюда вытекает автоматически, как это и было в самой главе 1. Если же M не равно нулю или бесконечности, есть возможность его сократить:

$$M3 - 2M2 - M - 6 = 0.$$

Это кубическое уравнение, левую часть которого можно разложить на сомножители:

$$(M - 3) (M2 + M + 2) = 0.$$

Третье (после M = 0 и M = ∞) решение: M = 3, – полностью совпадает с таковым из раздела 1.3, но, кроме того, появляются два новых корня (из-за присутствия квадратного трехчлена в левой части):

$$M = (- 1 \pm i \sqrt{7}) / 2,$$

где i – мнимая единица.

Таким образом, удалось-таки извлечь дополнительную информацию из такого вывода и решения дескриптивного

уравнения для систем S, хотя я не уверен в ее практической пользе. Беда в том, что два последних корня, о которых ранее нам было неизвестно, выглядят странно: мало того, что у них отрицательная и дробная вещественная часть, они еще содержат и мнимую составляющую, которая, в свою очередь, включает в себя иррациональную величину. Комплексное количество элементов в системе? – Нет, с такими вариантами мы отказываемся здесь работать, так как абсолютно неясно, какой реальный смысл может им соответствовать, и даже после внимательного изучения не удается обнаружить его следов ни в одной из культурных систем, с которыми довелось иметь дело. Поэтому мы, подражая обыкновению естественных наук и не мудрствуя лукаво, отодвигаем в сторону два эти решения как не имеющие физического, простите, культурного смысла. Оставшиеся решения $M = 0$, $M = \infty$, $M = 3$ полностью совпадают с теми, что уже фигурировали в разделе 1.3.

Ситуация не изменится, если взять теперь в качестве значения параметра $n = 3$ (в системе S действуют тринитарные отношения). Проделав то же, что и в предыдущем случае, придем к уравнению девятой степени. Наряду со стандартными корнями $M = 0$, $M = \infty$, среди "приличных" фигурируют $M = 4$, $M = -1$, что совпадает с совокупностью решений в тексте раздела 1.4. Остальные – комплексные, т.е. не способные бросить разумный дополнительный свет на семантику рассматривающихся культурных и эпистемологических систем. Поэтому, чтобы не городить огород и не вносить избыточной сложности, в основном тексте главы и был использован более простой вариант дескриптивного уравнения: все, что нам требовалось, удается извлечь и из него. Вдобавок в реальной культуре для выбора подходящего значения количества элементов M не решается вообще никаких уравнений, процесс сводится к прямому или косвенному перебору вариантов, так что о появлении комплексных величин (даже в виде более или менее глухих коннотаций) говорить не приходится. Настоящий раздел *Приложения* - только для любителей скрупулезности.

П.1.2 Как мы узнаём об общих решениях основного уравнения из первой главы?

Чтобы не решать всякий раз заново (с каждой новой величиной n) уравнение (5) раздела 1.2, мы воспользовались в

разделе 1.4.1 общими выражениями для его корней (для тех из них, которые нас интересуют, т.е. для вещественных). В их правильности можно удостовериться непосредственной подстановкой. Наличие вариантов M = 0 и M = ∞ вытекает из того, что и в правой, и в левой частях уравнения (5) фигурируют сомножители M. Остается разобраться с корнями M = n + 1 и M = – 1 (см. выражения (9) и (10) раздела 1.4.1).

Возьмем первый из них и подставим в уравнение (5). В левой части вместо M окажется n + 1, в правой – частное от деления (n + 1)! на произведение 1! n !. После сокращения одинаковых сомножителей в числителе и знаменателе в правой части останется n + 1, т.е. уравнение обращается в тождество. Значит, такое решение действительно существует.

Подстановка значения M = – 1 в уравнение приводит к условию

– 1 = (– 1)! / (– 1 – n)! (– 1)!.

Под знаком факториала стоят отрицательные величины, и набор школьных знаний не всем позволяет ими оперировать. Для математиков, однако, затруднений тут нет. Стандартное представление факториалов через Г- функцию и последующее раскрытие неопределенности с помощью вычетов быстро приводит к искомому результату: дробь правой части принимает значение минус единица при всех *нечетных* n , т.е. уравнение превращается в тождество. Четные n проверяемому условию не удовлетворяют. Поэтому решение M = – 1 и было отнесено только к нечетным n.

Вообще говоря, не очень хорошо, что при проверке последнего общего решения нам пришлось выйти за рамки школьной математики (Г- функция, раскрытие неопределенностей, вычеты), ведь установка на поиск коллективного по природе рационального бессознательного предполагала опору как раз на общераспространенные знания. Но в конечном счете это не так и страшно, поскольку в процессе собственно культурологического анализа решение M = – 1 использовалось главным образом как спутник ситуации n = 3, M = 4 , и для того, чтобы справиться с ней, хватает и обыкновенного квадратного уравнения (см. раздел 1.4.1), с которым умеют или в детстве умели оперировать практически все. Привлечение высшей математики потребовалось лишь для проверки корня M = – 1 в качестве *общего* (для всех нечетных n), в конкретных же *культурных* операциях к формальной общности обычно не стремятся, вполне удовлетворяясь тем, что удается подыскать значение, подходящее к конкретному

рассматриваемому случаю. Следовательно, на деле элементарной математики оказывается вполне достаточно.

П. 2 Системы со значимым порядком размещения элементов.

П.2.1 Золотое сечение: западная и восточная парадигмы

На протяжении всей первой главы использовалась одна важная предпосылка, которая упоминалась лишь мимоходом. В приложении нас менее жестко связывает требование не тормозить и не усложнять изложение, поэтому теперь уместно сказать и о ней.

Каким образом подсчитывалось количество отношений, или связей, в системе? Элемент a1 связан с элементом a2 , и без специальных оговорок предполагалось, что это *то же самое* отношение, что и связь элемента a2 с элементом a1. В случае бинарных отношений пара (a1 , a2), таким образом, считалась тождественной паре (a2 , a1). В курсах комбинаторики в таких случаях говорят о независимости групп элементов от порядка их размещения, т.к. во внимание принимается только списочный состав элементов. Во многих ситуациях такое предположение вполне оправданно. Так, при рассмотрении модели трехмерного физического пространства на роль элементов могут быть назначены координатные оси *x, y, z*, а отношениями становятся координатные плоскости (см. раздел 1.3). Каждая координатная плоскость описывается совокупностью пары осей, при этом плоскость (*x , y*) – та же самая плоскость, что (*y, x*); плоскость (*x , z*) совпадает с (*z , x*), а плоскость (*y , z*) – с плоскостью (*z , y*). Порядок размещения тут роли не играет.

Аналогично, при исследовании совокупности трех хронологических областей – прошлого, настоящего, будущего – привлекалось представление о бинарном отношении предшествования: прошлое раньше настоящего, настоящее раньше будущего и прошлое раньше будущего. Если вместо отношения "раньше" мы возьмем противоположное ему "позже", мы не получим дополнительной информации: например, из того, что прошлое раньше настоящего, вытекает, что настоящее позже прошлого. Отношения "раньше" и "позже" абсолютно

симметричны.

На первый взгляд покажется неожиданным, что гипотеза сходной симметричности имплицитно заложена и в представлении о системе лиц местоимений. Конституирующей для нее, как мы помним (см. раздел 1.3), служила ситуация диалога. Если, скажем, первое лицо, Я, фиксирует непосредственно говорящего, то Ты – ведущий адресат сообщения, или реплики. Отношение Я к Ты – отношение говорящего к слушающему, активного к пассивному, тогда как деятельность Ты здесь сводится к восприятию и пониманию. Поостережемся полагать как в предыдущем примере, что из одного сразу же следует другое. Пара (Я, Ты), повторим, – суть говорение, пара (Ты, Я) – слушание, т.е. принципиально разные типы активности, следовательно, разные отношения. Из факта, что Я высказывается, отнюдь не само собой разумеется, что Ты его действительно слушает. В языке, однако, оказался зафиксированным не гипотетически допустимый ущербный и "больной" диалог, когда адресат сообщения имеет возможность пропускать мимо ушей ему сказанное, а диалог настоящий, "здоровый", при котором из того, что Я говорит, твердо вытекает, что Ты слушает. Такая негласная предпосылка, по всей видимости, заложена и в теоретическую модель грамматиков, заведомо отказавшихся рассматривать диалог слепого с глухонемым или его аналог из сумасшедшего дома или парламента. После сделанной оговорки мы уже вправе констатировать наличие логической симметрии: подобно тому, как утверждение "настоящее раньше будущего" эквивалентно истине "будущее позже настоящего", пропозиция "Я говорит" с несомненностью означает "Ты слушает". Подобному представлению, вероятно, также способствует и то, что Я и Ты в перемежающихся репликах диалога постоянно меняются местами (говорящий превращается в слушающего и наоборот). Ученые грамматики создавали по возможности универсальную модель, и свойство инверсивности взяло на себя функцию симметричности.

На протяжении всей первой главы мы и ограничивались подобными случаями, не без оснований полагая, что они являются самыми распространенными, особенно в современной культуре. Однако было бы опрометчивым утверждать, что упомянутое условие справедливо всегда и альтернатива ему в культуре начисто игнорируется. Какие изменения необходимо внести в нашу модель, если возникнет необходимость учесть порядок размещения элементов: если, скажем, отношение первого элемента ко второму не равносильно отношению второго к первому и т.д.? – Учебники комбинаторики рекомендуют вместо

количества сочетаний воспользоваться количеством размещений.

Нет нужды заново выводить дескриптивное уравнение, ведь требуется всего одно изменение, которое мы уже обсудили. Новое уравнение примет следующий вид:

M = A м n ,

(П.4)

где A Mn – число размещений из M элементов по n, а остальные обозначения прежние.

Выпишем формулу для числа размещений (см., например, [235, с. 525]) и подставим ее в правую часть:

M = M! / (M – n)!

(П.5)

При n = 2 (в системе заданы бинарные отношения) уравнение (П.5) превращается в

M = M (M – 1).

Помимо уже привычных решений M = 0 и M = ∞, существует еще одно, так сказать, позитивное и содержательное: M = 2. Два первых полностью совпадают с таковыми из прежней модели и ничего нового об их интерпретации у нас нет сообщить, последнее же существенно отличается. Если в простой целостной системе со значимым порядком размещения элементов заданы бинарные отношения, то в этой системе должно присутствовать всего *два* элемента.

Как и прежде, результат очень просто проверить. Если в системе два элемента, то и возможных отношений (т.е. пар) также два – (a1 , a2) и (a2 , a1). Пары признаются различными, т.к. мы договорились учитывать порядок размещения, или следования. Например, если мы возьмем два города A и B, а отношением между ними будем считать путь из одного в другой (очевидно, это бинарное отношение), то во внимание в настоящем случае принимается не только объективное и обезличенное расстояние между ними (в противном случае мы оказались бы отброшенными в нашу прежнюю модель), но и *направление* движения. Путь из города A в город B – не то же самое, что из B в A, различаются прямой и обратный, это отношение, как выразились бы математики, некоммутативно. Нетрудно заметить, что такие случаи достаточно распространены в нашей культуре.

Подобная логическая ситуация, похоже, по существу заложена в дуальной логике как таковой. Наличие двух возможных ответов "да" и "нет" (одновременно с принципом исключенного третьего) соответствует бинарности как элементов,

так и отношений, а с учетом того, что настоящая система полагается полной, замкнутой, связной, простой, она удовлетворяет всем необходимым условиям. Под той же крышей пребывает и представление о *добре* и *зле*. Их отношения, разумеется, дуальны: соревнование, спор, борьба. При этом значим порядок их размещения: добро относится к злу не так же, как зло к добру, а восхождение от зла к добру, конечно, не эквивалентно обратному движению, т.е. нисхождению: n = 2, M = 2. Сейчас для нас, однако, важно и другое. Нашей прежней модели, если это еще не забыто, не удавалось справиться с ситуацией M = 2 (такое решение никак не хотело появляться, а при наиболее подходящем для него значении n = 1 дескриптивное уравнение обращалось в тождество, т.е. ему удовлетворяло не только M = 2, но и любая величина M, см. раздел 1.5), зато настоящая модель его уверенно схватывает.

Зато, коль скоро мы вознамерились учитывать порядок размещения элементов, то, не считая тривиального случая n = 2, M = 2, нам придется навсегда забыть о "хороших", т.е. целочисленных, решениях для числа элементов M. Уже при n = 3, в чем вскоре предстоит убедиться, число элементов превращается в иррациональное, со всеми вытекающими отсюда последствиями для возможности его логического представления и актуализации в реальной культуре.

Анализ целостных систем с заданными тринитарными отношениями, когда значим порядок размещения элементов, представляет, однако, самостоятельный интерес, пусть и далекий от непосредственного предмета первой главы, зато тесно примыкающий к теме третьей. Поэтому стоит все-таки решить уравнение (П.5) при n = 3. Подставив последнюю величину в уравнение, после надлежащих сокращений получим:

$$M = M (M – 1) (M – 2).$$

К вариантам M = 0, M = ∞ мы уже успели привыкнуть. Процесс поиска остальных корней заключается в решении оставшегося (после сокращения одинаковых сомножителей M в правой и левой частях) квадратного уравнения

$$M2 – 3M + 1 = 0.$$

Значение корней составляет

$$M = (3 \pm \sqrt{5}) / 2.$$

(П.6)

Число элементов выражается здесь хотя и вещественной, но *иррациональной* величиной. В рамках первой главы мы избегали

работать с такими, т.к. трудно сообразить, что вообще это может означать: система состоит из иррационального количества элементов. Проще всего было бы поступить так и в настоящем случае, однако на сей раз попробуем вглядеться более пристально.

Знатокам элементарной математики вид решений (П.6) покажется очень знакомым. Поскольку мы привыкли иметь дело с десятичными представлениями, воспользуемся приближениями:

M1 ≈ 2, 618
M2 ≈ 0, 382
(П.7)

Сумма двух корней составляет 3, а сами они находятся во взаимно обратном соотношении: M2 = 1 / M1 . Те, кто успели прочитать главу 3 (а настоящее *Приложение* полезнее читать после знакомства с ней), легко узнают эти величины – они являются характерными для задачи о *золотом сечении*.

Надеюсь, не приводит в смущение факт, что количество элементов в системе оказалось дробным, а не целым. Такие вещи с детства привычны: мы говорим, например, что перед нами два с половиной яблока, хотя "кусков", очевидно, три. Запомним этот промежуточный результат: если мы рассматриваем некую целостную и простую систему с заданными тринитарными отношениями и хотим при этом учитывать порядок размещения элементов, то в итоге приходим к значениям M, равным (П.6) или в десятичном приближении (П.7).

Данная констатация пока не о многом свидетельствует, хотя ситуация тринитарности отношений применительно к целостным системам, как мы помним, в культуре исключительно важна. Чтобы извлечь более интересную информацию, рассмотрим еще одну разновидность систем – целостных и простых, со значимым порядком размещения элементов, однако на сей раз уже не с тринитарными отношениями. Это может показаться неожиданным: в качестве кратности отношений выберем величину n = – 1.

Ранее мы избегали проникать в область отрицательных значений n. Причиной тому служили очевидные сложности с интерпретацией: что реальное может стоять за кратностью отношений, фиксирующей, как мы помним, характер логики систем, если эта кратность отрицательная? В первой главе мы так или иначе научились справляться с ситуацией M = – 1. Это решение сопровождало все нечетные n , в частности, n = 3 (система с тринитарными отношениями), а в семантическом плане оно коррелировало с наличием негативации. Например,

размерность *пустого* множества равна минус единице, упоминалось об используемых в новейшей культуре сопряженных понятиях *ничто* (скажем, у экзистенциалистов), *паники* (французская философия последних десятилетий), о недвусмысленно просвечивающем аспекте самоотрицания, "самоуничтожения" в ряде политических констелляций XX в. (например, феномены большевизма, нацизма и проч.). Кроме того (зайдем теперь с другой стороны), речь шла о том, что в процессе последовательного развития культуры наблюдается тенденция по *интериоризации* действовавшего прежде количества элементов: былое M превращается в n, проникает на уровень логики, а для M подыскивается соответствующее новое значение.(1) Сходное превращение допустимо представить и здесь: значением минус единица будет описываться не количество элементов M, а кратность отношений n.

В каких случаях это может стать актуальным? – К примеру, если мы еще более кардинально, чем прежде, начнем мыслить упомянутую негативацию и, скажем, категорию *ничто* применим не к системе в целом, а к ее отношениям (инсталляция *ничто* в логику). Новых изобретений, собственно, и не требуется, достаточно вспомнить об одной из древневосточных традиций. На протяжении столетий в ареале буддизма практиковались упражнения не только на представление пустоты, но и еще более радикальная версия: так называемое *пустотное мышление* как метод, считавшееся в некоторых школах дзэна наиболее адекватным для постижения сущности бытия и сознания. В Новейшее время положения буддизма (в частности, дзэна) становятся достоянием мыслителей и на Западе, а начиная с 1960-х гг. оказываются одним из компонентов поп-культуры. Но прежде, чем идти дальше, стоит выяснить, что будет, если мы подставим величину $n = -1$ в дескриптивное уравнение (П.5):

$$M = M! / (M + 1)!$$

После простых преобразований приходим к квадратному уравнению

$$M2 + M - 1 = 0.$$

Его решениями являются

$$M = (-1 \pm \sqrt{5}) / 2,$$

(П.8)

или в десятичном приближении

$$M1 \approx -1,618$$

M2 □ 0, 618.

(П.9)

Искушенный в элементарной математике и/или в теории искусств читатель тут же опознает два приведенных решения – они из той же задачи о золотом сечении, как и в случае n = 3.

Если мы возьмем отрезок длиной в единицу и разделим его в гармоническом отношении (один из синонимов золотого сечения), то длина большей части составит 0, 618, а меньшей 0, 382. Если речь зайдет о так называемом внешнем делении того же отрезка, то длины соответствующих частей описываются значениями – 1, 618 и 2, 618 (авторы, популярно излагающие природу золотого сечения, обычно призывают читателей не смущаться знаком минус, стоящим перед первой величиной. Он отражает тот факт, что рассматривается *внешнее* деление, сама же длина отрезка, конечно, остается положительной).

Сумма двух корней (П.9) составляет минус единицу, они по-прежнему (как и при n = 3) находятся между собой во взаимно-обратном отношении: M2 = – 1 / M1. Одновременно обращаем внимание, что, если избрать в качестве точки отсчета золотое сечение, то корни (П.7) и (П.9) взаимно дополняют друг друга. 0, 382 и 0, 618 – из задачи о внутреннем делении; 2, 618 и – 1, 618 относятся к комплементарной задаче о делении внешнем.(2)

Если имеет какой-нибудь смысл изучать простые целостные системы, полагая, что в отношениях между их элементами существенную роль играет направление отношений (порядок размещения), то в случае тринитарности логики и в случае логики пустотной приходим к значениям M, совпадающим с числами из золотого сечения. При этом парадигма тринитарности и парадигма пустотности оказываются сопряженными: чтобы получить полное золотое, или гармоническое, деление (будь то внутреннее или внешнее), нужно взять по одному корню из тринитарной парадигмы и из пустотной.

Случай тринитарности издавна разрабатывался в Европе; более непривычный для нас, кажущийся менее позитивным взгляд со стороны пустотности – продукт Востока. В новейшие времена они имеют тенденцию объединиться, и тем интереснее, что они в сущности *взаимодополнительны*, по крайней мере если брать за точку отсчета гармоническое соотношение, золотое сечение. Вероятно, нет нужды пояснять, какое значение для культуры имеет последнее (кое-что приведено в главе 3, там же мы постарались показать, что эта пропорция играет выдающуюся роль не только в искусстве, но и в политике). Ни на Западе, ни на Востоке в рамках гуманитарных и социальных дисциплин не принято работать с числами полностью открыто и сознательно; в

очередной раз напомним, речь идет хотя и о рациональных, но обыкновенно *бессознательных* содержаниях. Зато корпус элементарной математики, простейшей логики издавна значим во всех частях света, люди стремятся к правильному и строгому мышлению, какими бы конкретными вопросами ни занимались. Правильное мышление принято считать заодно и *красивым*; эстетическая мотивация, эстетические критерии играли одну из заглавных ролей во всех областях человеческих знаний. В *Предисловии* приводилась цитата из Пуанкаре, в которой подчеркивалась конструктивная функция эстетических моментов в науке, о критериях простоты и красоты в теориях не раз напоминал Эйнштейн. То же стремление, характерное и для философов Древней Греции, и для самых продвинутых современных ученых, в полной мере присуще и мыслителям Востока (возможно, в этом они дадут нам еще сто очков вперед).

Независимо друг от друга, на почве совершенно различных цивилизаций в Европе и на Востоке разрабатывались, на первый взгляд, кардинально разные интеллектуальные подходы (в частности, тринитарный и пустотный), но, опираясь, в сущности, на один и тот же фундамент строгого, последовательно правильного мышления, развивая интенцию красоты, они пришли к результатам, если не непосредственно схожим, то несомненно сопряженным: так сказать, к утверждению имплицитного золотого сечения с двух разных сторон. Именно это и имелось в виду, когда в *Предисловии* упоминалась одна из разновидностей коллективного рационального бессознательного – *межцивилизационная*. В каждой цивилизации разрабатывалась своя парадигма; чисто внешне, они ставили, казалось бы, принципиально разные задачи, использовали несхожие категории, и все же полученные результаты ассоциируются поверх географических и хронологических границ. Не оттого ли, что у нас в конечном счете одна и та же элементарная математика, одни и те же врожденные привычки мышления? Теперь, в условиях вавилонского смешения культур, когда Запад все больше узнает о Востоке, а Восток – о Западе, появилась материальная возможность обнаруживать зоны их корреляции, а аппарат элементарной математики издавна и заранее готов.

Впрочем, прежде чем пускаться в далекоидущие рассуждения, было бы неплохо получше представить, какие смыслы могут стоять за имплицитными корнями (П.6) и (П.8) или, что то же, (П.7) и (П.9). Ведь речь идет не о геометрии и не об искусствах, апеллирующих к зрению (живописи, архитектуре, дизайне), с которыми прежде всего и принято связывать закон золотого сечения,(3) а о самой логике (насколько она схватывается

арифметикой, алгеброй). Хотя в главе 3 мы уже коснулись проявлений названного закона на политическом материале (заведомо не геометрическом), на сей раз от нас требуется качественно иное: необходимо исходить из дискретных систем, из их логики и семантики. Размашистыми мнениями в духе Возрождения (например, Кеплер в составе учения о гармонии мира считал закон золотого деления одним из самых фундаментальных, который Бог заложил в Свое Творение) не хотелось бы ограничиваться. Рассмотрим несколько примеров.

В качестве первого возьмем хорошо знакомую ситуацию с лицами местоимений. Их три, о чем известно очень давно, и мы начнем именно с этого. Но теперь попробуем немного переосмыслить систему (т.е. совокупность лиц). Она по-прежнему мыслится в качестве полной, замкнутой, связной, простой, ибо таковым представляется диалог в его целостности и самосущности. В отличие от прежней интерпретации, однако, постараемся учесть дополнительные семантические оттенки.

Когда Я обращается к Ты, рядом находится и Он. Так ли безразлично присутствие третьего лица для содержания и характера речи лица первого? Да, роль непосредственного адресата реплики играет второе лицо, Ты, на него направлен и взгляд говорящего. Но из поля зрения не упускается и Он: его позиция, его реакция (пусть пока и безмолвная) принимаются во внимание (мы опять-таки хотим рассматривать только полноценный акт диалога, когда двое не поворачиваются спиной к третьему лицу, когда нет подчеркнутого его игнорирования). Но в таком случае в отношении говорения – восприятия задействованы *три* стороны, n = 3. Вдобавок, поскольку функции каждого из трех лиц существенно различны, стоит учесть и порядок их размещения, направление речи (от Я прежде всего к Ты, но и не без ответвления к Он). Но тогда M = 2, 618, см. модель.

Что же может означать нецелое количество элементов? – В сущности, вещь чрезвычайно простую: если два первых лица являются самыми важными и активными участниками диалога, то третье выглядит несколько *второстепенным*. Т.е. если мы вознамерились пересчитать все действующие лица не формально по головам, а по их семантическому весу, то без Я и Ты диалогу совершенно не обойтись и аксиологический вес каждого из них, как и прежде, по единице. Зато третье лицо, как сказано, "вспомогательное", "дополнительное", и этот факт находит отражение в его оценке: только 0, 618. Наличие третьего лица, повторим, не игнорируется, но справедливость и здравый смысл требуют, чтобы оно было поставлено на более скромную

семантическую ступень.

Читатель, знакомый с третьей главой, без труда опознает эту величину: 0, 618. Мало того, что она из закона золотого деления, но и призвана описывать превалирующую, ведущую часть такого деления (например, если весь принимающий участие в голосовании электорат принять за 100%, то на долю лидирующей партии, или блока партий, в соответствующей ситуации приходится около 61,8% голосов, см. главу 3). Т.е. роль 0, 618, без сомнений, пристойная.

В случае тринитарности отношений сумма двух решений составляет 3, номинально трое и логических участников диалога. Однако учет их реального вклада в процесс приводит к гармоническому описанию M = 2, 618.

Ситуация практически калькируется, если мы рассмотрим строение мирового сообщества в послевоенные десятилетия. Представление о первом (капиталистическом Западе), втором (коммунистическом Востоке) и третьем мирах тогда было всем отлично знакомо. Между двумя первыми существовал военно-стратегический паритет, каждый из них обладал хорошо сформулированной и жестко отстаиваемой идеологией. "Третий мир", он же "неприсоединившийся", несмотря на свою преобладающую численность, отличался лишь вспомогательной ролью в поддержке стабильности мировой системы и в умах народных масс. С ним заигрывали и Запад, и Восток (для успеха голосований в ООН, для расширения своего влияния), т.е. Запад и Восток не зацикливались в своих отношениях исключительно друг на друге, принимая во внимание присутствие "третьего мира", и все же последний был отодвинут несколько в сторону от основных силовых линий интересов и противоречий. Согласно модели, семантический вес Запада и Востока мог быть описан значениями по единице, тогда как "неприсоединившийся мир" только 0, 618. В таком описании важно не только то, что последнее значение уступает двум первым по арифметической величине, но и то, что оно выражается числом *иррациональным*: 0, 618, напомним, – десятичное приближение, а исходно ему соответствует величина (П.8). У рациональных и иррациональных чисел нет общей меры (об этом шла речь в разделе 1.3): у индустриально развитых двух первых миров, с одной стороны, и у страдающего феодальными пережитками аграрного "третьего мира", с другой, по сути отсутствовала единая система критериев и оценок. Числовой семантике удается запечатлеть и этот момент. Повторяю, ситуация M = 2, 618 мыслится по-своему гармонической, и миллионы людей во всех концах света, включая журналистов и политологов, считали возможным придерживаться

упомянутого представления на протяжении полувека.

Несложным покажется теперь пример одного из архаических представлений о размерности физического пространства. Это Новое время сформулировало тезис о равноценности всех трех измерений, М = 3 (для чего заодно потребовалась и ньютонова теория гравитации и вообще эпохальный переворот в умах), для человека же древнего и даже античного, средневекового было само собой разумеющимся, что третье направление принципиально отличается от двух других. Земля является плоской или шарообразной, в любом случае мы живем на двумерной поверхности, перемещаться вперед-назад, вправо-влево нам по сути ничто не мешает. Движение же по вертикали крайне затруднено, в практическом плане это направление не так актуально и даже отчасти табуировано.(4) Итак, существуют два равноценных направления и одно – венцу творения, человеку, менее подведомственное, в сумме М = 2, 618. Нет, это вовсе не означало, что вертикаль подвергалась аксиологической дискриминации. Напротив, оппозиция "верх-низ" играла ключевую роль в религиозной картине (рай на небе и ад под землей), в представлениях социальных (классы высшие и низшие), эстетических (высокое и низкое в искусстве). Однако сейчас мы рассматриваем не фигуральные смыслы, а буквальный, речь идет о *физическом* пространстве. Значит, М = 2, 618.

Читатель самостоятельно справится с числовой семантикой грамматической структуры предложения, в котором, согласно утвердившемуся представлению, зарезервированы места для двух *главных* и совокупности *второстепенных* членов, всего М = 2, 618. Специфическая особенность заключается в том, что величиной 0, 618 описывается целый букет разнородных "подэлементов" (определения, обстоятельства времени, места, образа действия"), что, конечно же, не должно удивлять: та же черта присуща системе личных местоимений (составной характер третьего лица, включающего в себя Он, Она и Оно) и строению послевоенного мирового сообщества (самый многочисленный "третий мир" отличался исключительной пестротой).

Экспликацию сходного феномена удается обнаружить и в некоторых группах фольклорных героев. В тройке богатырей русских былин – Илья Муромец, Добрыня Никитич, Алеша Попович – третий уступал двум первым по физическим данным и возрасту, из-за чего боролся с врагами не столько силой, сколько лукавством и выдумкой. Не следует игнорировать и социальный момент: по происхождению из духовного звания ("Попович"), Алеша служил воплощением двойственной природы, между земным и небесным служением, что контрастно выделяло его в

кругу остальных. M = 2, 618. Как и прежде, оценка третьей фигуры в виде 0, 618 отражает не только ее более скромную величину, но и иррациональность, некую несоизмеримость с двумя первыми.

Возможно, уместно поделиться одним предварительным впечатлением, или выводом, которому со временем (по мере роста количества примеров) предстоит укрепляться. Для архаических форм сознания не характерно, в отличие от новых, столь же радикально мыслить в полностью отвлеченных, абстрактных категориях. В процессе понимания у подвергающихся логическим операциям элементов сохраняются следы индивидуальных особенностей, их *поименованность*. В этом случае, конечно, не уместна гласная или негласная предпосылка о взаимной заменимости (фунгибельности) элементов, о конструктивной нечувствительности системы к порядку их размещения. Но тогда мы сразу попадаем в рамки модели из *Приложения*, а не из первой главы. Из n = 2 следует M = 2, а не M = 3; из n = 3 вытекает M = 2, 618, а не M = 4. Зарезервируем данное замечание на потом, проверив его и на других образцах культурных паттернов: даже в доживших до настоящего дня представлениях об M = 2, 618 то и дело обнаруживаются генетически древние, "архаические" корни. А в примере с тремя богатырями все достаточно просто: русские былины – продукт тех времен, когда действовало старое мировоззрение, и имплицитный учет порядка размещения элементов в отношениях между ними в тот период был само собой разумеющимся.

Тем более любопытно, что ухо авторов новейших романов улавливает отголоски подобных же смыслов, давая почувствовать их и читателям. В трилогии А.Дюма в рамках базовой тройки мушкетеров Атоса, Портоса, с одной стороны, и Арамиса, с другой, разделяет та же семантическая ступень: хитрость последнего, его аббатские устремления не оставляют поводов для разночтений. Идентичный прием и в "Братьях Карамазовых" Достоевского: в тройке законных сыновей один из них, Алексей, получает монастырское воспитание и в дальнейшем предпринимает попытки остановить самое интересное для нас – стихию бурных страстей Дмитрия и Ивана.(5) В свою очередь, в "Золотом теленке" Ильфа и Петрова среди трех характеристически традиционных персонажей – Балаганов, Паниковский, Козлевич – последнему по праву достается самое скромное место: единственный не мошенник, он не принимает прямого участия в плутовских подвигах, неизбежно оказываясь самым бледным, "невзрачным" героем. В разделе 1.4.1 отмечалось: во всех этих романах имплицитно инсталлирована

тринитарная логика, n = 3 (третье звено, напомним, появлялось за счет психологического вовлечения читателя в происходящее, за счет превращения его в "соучастника" действия: благодаря авантюрности, как в первом и третьем романах, или увлекательно-напряженному описанию "злобы дня", как в третьем и втором). На поверхности это приводило к значению M = 4 (всего главных героев четыре), однако не смазывалась и интересующая нас сейчас коннотация: M = 2, 618.

Отголоски ситуации n = 3, M = 2, 618 различимы и в других областях. В разделе 1.4.2 – рассматривался процесс последовательного утверждения тринитарных отношений (n = 3) в структурировании современной Европы .(6) В современном мировоззрении доминирует предпосылка эквивалентности и взаимной заменимости всех основных элементов (привычка так думать в полной мере присуща демократии, в зависимости от переменчивого настроения ставящей во главе то одну партию, то другую, сменяющей главу правительства или президента каждые несколько лет, например, оттого, что старый уже надоел, а государства не считают зазорным менять по ходу дела союзников). Но тогда M = 4, нынешняя Европа стремится к структурированию согласно кватерниорному принципу. Однако единственен ли этот принцип? Не удастся ли разглядеть в симфонии культурно-политических коннотаций и иные мотивы?

В разделе 1.3 упоминалось, на этнической карте Европы принято выделять три основных группы народов: *германскую, романскую*, а также *славянскую*, точнее, третью пеструю группу, в которую, помимо славян, входят греки, угро-финны, тюрки и пр. Складывающаяся Европа – очень плотное, целостное образование, со всесторонними связями, и ныне уже неприлично полагать, что основным средоточием коллизий являются отношения между парами: например, между германским и романским ареалами, а остальные при этом остаются на обочине. Нет, отношения в ЕС действительно всесторонни. Групп три, значит n = 3, для новейшего общественного сознания в высшей степени характерна тринитарность (о чем шла речь в разделе 1.4). Однако, коль рассматриваются межэтнические отношения, затруднительно исходить из гипотезы полной эквивалентности составляющих, взаимной заменимости. Характер отношений меняется в зависимости от направления (европейские славяне, скажем чехи и поляки, не чужды подозрений, что немцы взирают на них свысока, в свою очередь, немцы считают, что те лентяи и не знают порядка). Но тогда из n = 3 следует M = 2, 618. В Европе есть две "главных" группы народов (германская и романская) и третья, несколько второстепенная. Внутри своей парадигмы это вполне

логично.

Ситуация по существу повторяется в конфессиональной проекции. Католичество и протестантизм – две ведущие и равноправные веры, тогда как место православия (румынов, болгар, сербов, греков) "по справедливости" должно быть более скромным, сумма M = 2, 618. В ту же третью корзину попадают теперь и европейские мусульмане, как очередная разновидность синкретизированной *восточной* религии (православие и ислам – прибежище, так сказать, "недоразвитых"). Как это часто бывает, третьи звенья оказываются не только "смутными", но и составными. Надеюсь, читатель нас не осудит, что анализу подвергнут тот комплекс бытующих смыслов, который принято именовать предрассудками (этническими и конфессиональными). Предрассудки призывал исследовать и Гадамер, а перед числом равно практически всё: и "прогрессивные", и "пещерные" мнения.

Чтобы не оставлять европейцев одинокими перед лицом упомянутого мотива массового сознания, стоит упомянуть о параллельном феномене из соседней Евразии: из трех братских славянских народов – русских, украинцев, белорусов – роль третьей позиции достается самому малому (по численности, территории, богатству) последнему. Установка n = 3, способствующая формированию постсоветского пространства на кватерниорных началах (M = 4, см. раздел 1.4.2.1), в этно-политическом ядре СНГ приводит к имплицитному значению M = 2,618.

Такое дескриптивное решение, в качестве более или менее глухого подтона, является, пожалуй, одним из самых распространенных, и обнаруживается в самых разных культурных, политических, социальных понятиях. В фигурировавшей в разделе 1.3 тройке мировых религий – христианство, ислам, буддизм – европейцам присуще принимать за 0,618 последний. Его географический ареал далеко, на протяжении столетий он стоял в стороне от оставившей глубокое впечатление напряженной вооруженной борьбы между христианством и исламом. В отличие от двух других, буддизм – не монотеистическая конфессия и для нас, европейцев, несомненно "экзотическая" ("несоизмеримая"). Тот же феномен и в восприятии тройки религий монотеистических – христианство – ислам – иудаизм: третья, самая малочисленная по числу приверженцев, единственная из трех является племенной, а не мировой. В картине трех средневековых европейских сословий дворянство и духовенство почитались главными, тогда как наиболее пестрое по составу третье сословие оценивалось как не вполне полноценное и ущемлялось в правах. В рамках современного консервативного

мировоззрения третье, аксиологически не вполне эквивалентное место достается бедному классу, а в левой, социалистической идеологии, напротив, богатому. Аналогично, в системе трех властных ветвей судебная воспринимается не столь притягательной, как исполнительная и законодательная, ибо в известной мере удалена от активного творческого порождения и игры и призвана служить "скучным" сторожем или арбитром. В биполярных партийных системах на фоне двух главных партий или блоков (правые – левые) сходным образом идентифицируется группа независимых (вар.: "индифферентных"). Даже математики не удерживаются от подспудных оценок, и, скажем, среди трех основных разновидностей вещественных чисел: рациональных, алгебраических иррациональных и трансцендентных (см. раздел 1.3), – самый мощный как множество третий класс был не только открыт на тысячелетия позже остальных, но и единственный из всех оказывается полностью "нелогичным" (числа *неалгебраические*), становится источником логических парадоксов. Различны поводы, по которым человек относит к несколько "странному" третьему месту те или иные элементы, однако сама процедура такого отнесения выглядит скорее правилом, чем исключением. И еще одно: в системах n = 3, M = 2,618 эффективное количество элементов оказывается меньше формальной суммы частей (2,618 ‹ 3), т.е. семантическое целое как бы "съедает" известную долю суммы (0,382). Физики в подобной ситуации сказали бы о своеобразном "дефекте масс" (часть суммарной массы перетекает в энергию внутренних связей в системе), философы – о том, что целое отличается от суммы частей, не сводимо к их механической совокупности.

Сходным образом проявляется дополнительный смысл системы трех времен: прошлого, настоящего, будущего. Прошлое – протяженно, будущее – тоже, в школе нас приучили изображать их в виде полубесконечных областей на хронологической оси. Настоящее же есть мгновение, точка, т.е. логически несоизмеримо с двумя другими. Если рассматривать систему трех времен, попутно оценивая их значение, то прошлое (акт Божьего Творения, заветы предков, традиции, невероятные свершения мифологических или реальных героев) и будущее (жизнь будущая, т.е. вечная,(7) великие задачи, стоящие перед человечеством, притягательный и прекрасный коммунистический строй) могут показаться ощутимо более весомыми, чем серое, ничем не примечательное настоящее, в котором даже хорошее обычно замешено на какой-нибудь гадости. Нет, настоящее некорректно признать совсем уж не важным, но приписать ему более низкий аксиологический коэффициент вполне допустимо.

M = 2,618.

Такое подразумеваемое значение – достаточно типичная, но, конечно, не единственная интерпретация. Альтернативой ей может послужить диаметрально противоположное представление, имплицитно присущее некоторым версиям позитивистского, "трезвого", "реалистического" мировоззрения (tough-minded), претендующего в наши дни на роль властителя душ и умов. В его рамках в центре внимания оказывается как раз настоящее, оно признается наиболее (и даже единственно) подлинным: человек живет здесь и сейчас.(8) Все, что нам говорят о прошлом и будущем – это "лирика", зачастую небескорыстная. Какие-то люди – священники, писатели, историки – рассказывают нам сказки о прошлом, подстраивая повествование под собственные интересы. Какие-то другие люди – те же священники, философы, политики – стремятся запугать или заманить нас будущим, по-прежнему не забывая о своих личных, вполне сегодняшних нуждах. Истинность всего того, что они говорят, проблематична, а главное, из их тезисов не следует абсолютно ничто: человек в силах влиять только на настоящее, а что было и что будет – все это в тумане. Итак, на место подлинного здесь поставлено настоящее, его семантический индекс, соответственно, – единица. Прошлое и будущее в совокупности – миф или ложь, и здравому, практически настроенному человеку не пристало совсем всерьез к ним относиться. Что-то такое в них, возможно, и есть, но стоять на одной ступени с настоящим они не заслуживают. Подвергшееся синкретизации и частичному остракизму представление о прошлом и будущем приводит к их объединению в рамки одного элемента ("миф"), обладающего более низкой семантической валентностью, чем настоящее. В сумме M = 1, 618. Будущее и прошлое в совокупности спроецированы на смысловую ось, совпадающую по направлению с настоящим: будущее и прошлое суть внутренние аспекты настоящего, а вкупе берется своеобразное "обогащенное", "расширенное" настоящее.

Читатель тут же опознает первое из решений (П.9). Знаком минус у последнего, согласно трактатам о золотом сечении, смущаться не следует (см. выше), это побочные эффекты математического формализма. Итак, время состоит из 1, 618 частей, и по-своему это логично. Интереснее другое: решение 1, 618 относится к ситуации n = – 1, т.е. к отношениям "пустотным", и, судя по полученному результату, в только что рассмотренном варианте толкования хронологической картины актуализировано именно оно. Каковы его конкретные проявления? – Не знаю, как на чей вкус, но лично мне сдается, что авторы упомянутого мировоззрения (ради справедливости сознаемся, что для

увеличения контрастности изображения мы его слегка подретушировали, изложив, так сказать, "голливудскую" версию позитивизма, в трактовке простого и честного техасского парня) вмонтировали в свои силлогизмы довольно мощный заряд негативации. Хотя мы по-прежнему не считаем зазорным изучать не только образцово-элитарные, но и массовые культурные феномены, на сей раз прибегнем к помощи гарантийно более продуманного случая, описываемого тем же значением M = 1, 618.

Ранее уже упоминалось, что для буддийского Востока типичны упражнения на представление пустоты, направленные на выработку пустотного мышления (последний термин – не мой, он фигурирует в ряде современных книг на европейских языках). Ученик по имени Тоё обратился за уроком к настоятелю монастыря Кэннин Мокураю (Безмолвному Грому) и получил следующий ответ: "Ты можешь слышать звук двух хлопающих ладоней. Покажи мне, как звучит одна" ("Сто одна история о дзэн", 21 [252, с. 44]). Тоё достиг беззвучного звука, т.е. постиг звучание одной ладони. Это очень знаменитый, повторявшийся неоднократно коан.

Зачастую его принято понимать в ключе парадокса или абсурда. Не отказываясь от этой версии, попробуем испытать более формальный подход. Честно говоря, без его костылей мне самому здесь практически нечего делать, попытки въяве представить хлопок одной ладони рождают в моей голове лишь мутный и ускользающий образ, которым не удастся похвастаться. Поэтому для храбрости вооружимся теорией.

С хлопком двух ладоней, кажется, достаточно просто, проведем калькуляцию. Ладоней две, обе одинаково значимы. Запишем двойку для памяти на бумажку. Кроме ладоней, есть звук, третий участник акта, хотя и не вполне полновесный. Во-первых, ладони могут не хлопать, т.е. звука может не быть, он – акциденция. Во-вторых, ладони более материальны и не столь краткоживущи по сравнению со звуком. Теперь нам известно, как учесть подобную второстепенность: припишем звуку семантический коэффициент 0, 618 (ведь не станем же мы считать его чем-то совершенно не значимым). Сумма равняется 2, 618. Убрав одну из ладоней, получим 1, 618.

Ситуация, таким образом, оказывается представимой и по-своему даже логичной. Нет, по всей видимости, мы были бы глубоко не правы, если бы попытались свести цель настоящего упражнения исключительно к материализации абсурда. Не будет избыточно смелым предположить, что мастер дзэна отлично продумал предложенное упражнение, за ним стоит железная

логика. Не собирался он и морочить голову ученику, сообщая о чем-то несуществующем и/или заведомо противоречащем образу человеческих мыслей. Скорее речь шла именно о реальности и логичности (кстати, ранний буддизм, как и дзэн, не призывал принимать свои положения на веру, в этом смысле он не религия. Понимание, аргументированная критика – из главных его орудий). Просто на действительность предлагалось взглянуть под необычным углом (особенно непривычным для нас, европейцев, отдающих предпочтение более позитивным ситуациям и описаниям).(9) При этом учителя японского дзэна и китайского чаня отводили огромную роль и эстетической ипостаси мышления. Ну, это нам вполне по силам понять, а также с удовлетворением констатировать, что и они, по крайней мере в рассмотренном упражнении, по сути пришли к значению из закона золотого сечения, знакомого и грекам, и европейцам.(10)

Интенция пустотности, повторяем, – одна из самых мощных в буддизме. В книге "Бездверная дверь" Мумон призывал: "Вы ‹…› должны работать каждым суставом своего тела, каждой порой своей кожи, наполняя их вопросом: что есть Му? (по-китайски "му" значит отказ, отрицание, "ничто", "нет", "не-сущее") – и делать это днем и ночью. Не подумайте, что это обычный отрицательный символ, означающий ничто. Это [вовсе] не небытие, не противоположность существованию. Если вы действительно хотите эту преграду одолеть – вы должны чувствовать, словно глотнули раскаленного железа, которое нельзя ни проглотить, ни выплюнуть обратно. Тогда ваше прежнее, малое знание пропадет. Словно плод, созревший в срок, ваши субъективность и объективность станут одним" ("Сто одна история о дзэн", 36 [там же, с. 105]). А в тексте "Цветочный дождь" говорится: "Субхути был учеником Будды. Он смог постичь всеобъемлемость пустоты – точку зрения, что ничто не существует иначе, как во взаимосвязи субъективного и объективного. Как-то находясь в состоянии возвышенной пустоты Субхути сидел под деревом. Вдруг на него посыпались цветы.

– Мы благодарим тебя за беседу о пустоте, – шепнули ему боги.

– Но ведь я же ничего не говорил о пустоте, – сказал Субхути.

– Ты не говорил о пустоте, мы не слышали пустоты, – ответили боги. " Это и есть истинная пустота" [там же, с. 53].

В таких формах сознания восточные философы пытались реализовать один из непреходящих идеалов мышления: так называемое "беспредпосылочное мышление" (действительно, если n = – 1, то отправной точкой служит *отсутствие* отношений между элементами, вернее, отношения такого характера, что по

критерию размерности они соответствуют пустому множеству). Если мы не пользуемся в процессе представления и рассуждений "никакими" позитивными гипотезами о механизме действующих отношений (ведь любая из них заведомо условна или взята из "обманчивого" опыта), то полученные результаты должны оказаться безусловными и в высшей степени истинными. Оставим без обсуждения, в какой мере восточным мудрецам удалось воплотить названный идеал,(11) но направление их поиска в самом деле весьма своеобразно. По-прежнему, пустотное мышление как метод, как тип логики (n = – 1) очень трудно вербализуемо, для него как бы не хватает слов. Но это у обыденного и даже у философского языка. Зато для языка математики описание не встречает особых препятствий (напомним, что счет древнее человека, посредством числа удается забраться даже туда, где непосредственный разум пасует).

Остается лишь подчистить хвосты и отдать должное вышеупомянутому голливудскому парню: если его поскрести, он, возможно, не так и глуп, по крайней мере, его примитивная версия позитивизма на поверку оказывается также внутренне последовательной и логичной. Если берешься подвергать критике и сомнению ("негативации") значение самых "очевидных" вещей (наподобие прошлого и будущего), если под знак отрицания ставишь наличные отношения между ними, то на выходе, если не сделано ошибок в рассуждениях, окажется то же самое значение 1,618, что и у рафинированно изысканного буддийского философа. Или не напрасно околоинтеллектуальные круги Америки прошли в 1960-е гг. через повальное увлечение Востоком, не в последнюю очередь и буддизмом, а современные голливудские звезды обзавелись личными гуру?

Семантическое значение 1,618 в нашей культуре присутствует чаще, чем может показаться на первый взгляд. В разделе 1.4 мимоходом упоминались ходульные двойки литературных и, шире, культурных героев: рыцарь и его оруженосец (комический вариант: Дон Кихот и Санчо Панса), Шерлок Холмс и доктор Ватсон (Пуаро и Гастингс), Остап Бендер и И.М.Воробьянинов, Мастер и его верная спутница Маргарита из самого знаменитого романа М.Булгакова, Данте и Беатриче, Петрарка и Лаура, тот же Данте и его проводник по кругам ада Вергилий, Маркс и Энгельс из советского мифотворчества и даже, возможно, Бог-Отец и Бог-Сын (Слово, Логос) времен раннего христианства. Общим для них является некоторая "несоизмеримость", "вспомогательность" второй фигуры, а иногда ее "производность". Во-первых, такая ситуация явственно отличается от случаев действительного равноправия персонажей

(например, Ромео и Джульетта представлены Шекспиром с одинаковой степенью проработки, масштабы их личностей, их внутренние драмы, в сущности, одинаковы). Во-вторых, энергетика и логика суммарного образа были бы совершенно иными, если бы отношения между неразрывными персонажами не отличались бы подобным характером. Поэтому мы и отдаем предпочтение иррациональному "гармоническому" значению 1,618, а не лобовому формальному M = 2.

Читатель вправе спросить: а где же здесь n = – 1, где след той специфической "негативации", или "пустотности", о которых недавно шла речь? – Поскольку приведенные пока образцы – из европейского, вдобавок в основном не новейшего ареала, постольку вряд ли естественно ожидать непосредственных проявлений "пустотности". Зато европейцам отлично известна задача золотого деления, включая и внешнее, а также тот комплекс идей и переживаний, который за ней стоит (по-видимому, мы не погрешим против истины, если скажем, что прежними европейцами этот ментальный круг был освоен даже лучше, чем современными, предавшими частичному забвению – в стремнине более позитивных проблем – соответствующую семантику, или "метафизику"). Кроме того, в ходе беглого обзора, надеюсь, не покажется неоправданным наблюдение: практически всякий раз, как в поле нашего зрения попадает паттерн названного типа (пары с суммарным весом 1,618), одновременно имеется в виду нечто необусловленно исходное, своеобразное чудо рождения "из ничего". Применительно к образцу "Бог-Отец и Бог-Сын", комментарии излишни, но в принципе аналогично обстоит и в остальных прецедентах. Социалистические Орест и Пилад, т.е. Маркс и Энгельс, напряжением собственной воли сотворяют космос новой доктрины, выведя из бурлящего горнила истории луч-магистраль к великой и последней утопии. Гуманистическое Возрождение в лице Данте и Петрарки практически заново создает вселенную любовной лирики, и возвышенная любовь низводит на землю небесную твердь. "Мастер и Маргарита" Булгакова – роман о написании, "рождении из ничего" романа, в процессе которого Мастеру (который "не в себе", "не от мира сего") приходится сталкиваться с силами, существовавшими до сотворения мира. И Дон Кихот с Санчо Пансой, и Бендер с Воробьяниновым по сути живут как в пустыне, стремясь воскресить дух и ценности навсегда погибшего прошлого (атмосферу ли рыцарских подвигов и приключений или мир чистогана, дотла сгоревший в горниле Великой революции и абсолютно анахроничный советской эпохе). Если прибегать при анализе упомянутых случаев к инструменту математического

формализма, то скорее всего уместнее говорить о реализации не вышеуказанной прямой задачи – из факта n = – 1 вытекает в виде варианта M = – 1,618, см. (П.9), – а по существу об обратной: величина 1,618 латентно подразумевает n = – 1. Гармонический союз рассматриваемой разновидности предполагает в качестве своей подкладки присутствие известной "негативации", мысленную апелляцию к бытию до его рождения и/или, что в данном контексте практически то же, после гибели. Впрочем, детективным парам (Холмс-Ватсон, Пуаро-Гастингс") удается решение двуединой задачи: не только открытие абсолютно неожиданной истины событий (ср. "рождение из ничто"), но и параллельное освещение процесса такого открытия (ср. "наблюдатель").

Мимо подобной, лежащей буквально под ногами экспрессии не мог, конечно, пройти и Голливуд. В таких незатейливых, но приобретших популярность сериалах как "Удивительные странствия Геракла", его феминизированного дубликата "Зена – королева воинов" действуют аналогичные пары центральных персонажей: Геракл – Эолай, Зена – Габриэль. Структура M = 1,618 в таких случаях обязана целому букету взаимосогласованных обстоятельств. Во-первых, здесь трудно не заметить нечто аналогичное "позитивистской" системе времен (см. выше: "настоящее превыше всего, тогда как прошлое с будущим – во многом иллюзия", M = 1,618). Во-вторых, время действия в фильмах – "давным-давно, до начала времен", когда реальность современного типа только складывалась (собственно говоря, главные герои как раз и заняты утверждением американских ценностей в мире олимпийских богов, великанов, горгон, злых разбойников). В-третьих, тесно связанное с "во-вторых", – в качестве адресата подобной продукции выбрана тинэйджерская аудитория. "Юноше, обдумывающему житье", не страдающему избытком знаний, всё внове. "Всё с начала" – ср. создание с нуля, сотворение из ничто…

На этом стоит завершить *Приложение*, иначе придется написать параллельную книгу (для систем со значимым порядком размещения). В заключение отметим, что закон золотого сечения позволил по-своему соединить дискретный (как в первых двух главах, как в настоящем *Приложении*) подход с континуальным (как в главе 3), комбинаторику с теорией пропорций. Несмотря на то, что это два принципиально разных раздела элементарной математики (арифметики или алгебры), в них есть общие точки соприкосновения, и наша культура их воплощает и схватывает.

П.2.2. Системы, в которых роль отношений играет порядок следования элементов: унитарность и бинарность

Осталось рассмотреть еще один вариант, который выглядит едва ли не тривиальным, но при этом обладает, по-видимому, немаловажным значением.

Сохраним все прежние предпосылки, т.е. по-прежнему будем исследовать холистические системы, однако характер отношений на сей раз пусть несколько отличается от вышерассмотренных, т.е. от описываемых формулами для числа сочетаний (CMn, см. гл.1) или размещений (AMn, см. разд. П.2.1). А именно предположим, что в каждом из отношений системы задействованы сразу все ее элементы (а не только количество n) и что роль этих отношений играет порядок следования элементов. Конкретный смысл такого предположения станет яснее чуть позже, в примерах, пока же займемся чисто формальным аспектом.

По-прежнему справедливо исходное условие M = k (количество элементов равно количеству отношений, см. (1) из раздела 1.2) – вследствие холистичности: полноты, замкнутости, связности. Общее же количество отношений k определяется согласно стандартной формуле для числа перестановок, см., напр., [235, с. 521]:

$$k = M!,$$
(П.10)

где M! – как всегда, факториал, т.е. произведение всех чисел от единицы до M.

Подставив выражение (П.10) в условие M = k, получим

$$M = M!,$$
(П.11)

После сокращения сомножителя M в правой и левой частях остается

$$(M - 1)! = 1,$$

Единице по отдельности равны как 0!, так и 1! . Следовательно, (M – 1) может принимать значение либо 0, либо 1. Тогда решениями уравнения (П.11) являются

$$M = 1 \quad M = 2.$$
(П.12)

Итак, если мы берем холистическую систему, отношениями в которой служит порядок следования элементов, то она может состоять либо из одного, либо из двух элементов. Никаких других решений нет (в частности, отсутствует и прежде привычный вариант M = 0).

На первый взгляд, это какой-то уж слишком бедный случай – всего два решения, вдобавок выглядящие тривиально. Однако при этом в любом курсе комбинаторики ситуация с числом перестановок (M!) методически предшествует всем остальным – в частности, ранее опробованным CMn и AMn. Сами формулы для числа сочетаний и размещений выводятся на основе формулы для числа перестановок. Таким образом, видимая тривиальность здесь означает не столько незначимость, сколько своего рода "фундаментальность". Чтобы избежать голословности, воспользуемся иллюстрациями.

Одним из очевидных и наиболее важных случаев, когда в системе определяющая роль принадлежит порядку следования элементов, может послужить пример со временем. Сама идея времени – это идея последовательности: что предшествует чему, а что, наоборот, следует за другим. При этом концепт времени как *самостоятельной* сущности предполагает, что мы берем эту сущность как некий отдельный, особый аспект реальности, т.е. независимый от других. А это, в свою очередь, означает, что мы априори конституируем холистическую систему: 1) полную, ибо целью является "схватить" время целиком – так, чтобы никакие другие гипотетические элементы не имели отношения к делу, 2) замкнутую, ибо мы не хотим, чтобы на реальную хронологию оказывали влияние какие-то посторонние, неучтенные вещи, и, наконец, 3) связную, т.е. чтобы в модели были заведомо учтены все возможные отношения (связи) между элементами.

Мы выделяем отдельный момент времени a1 и из решения (П.12) видим, что для выражения логической сути времени достаточно всего еще одного момента a2, итого M = 2. Для выражения идеи времени оказывается достаточно всякий раз, в каждом отдельном логическом акте (отдельном – т.е., целостном) брать в расчет всего два момента. Значимость порядка следования при этом не требует специальных доказательств: (a1, a2) – момент a1 предшествует моменту a2, а (a2, a1) – наоборот, a1 следует за a2.

Это самая начальная ситуация, которой мы пользуемся, чтобы выразить хронологические отношения: один момент предшествует второму, а второй, напротив, наступает позже другого. Чтобы учесть какой-то третий момент времени, скажем a3, мы должны вернуться к исходной логической ситуации,

например, принять к рассмотрению пару a1 и a3 в качестве опять-таки самостоятельной, целостной, и выяснить отношения между этими a1 и a3 (что раньше, что позже), т.е. снова M = 2. Таким образом мы должны поступать применительно к каждой паре моментов.

Ничего нового о времени, без сомнения, читатель таким образом не узнал, зато мы проверили работоспособность модели на конкретном примере. Кроме того, попутно получено обоснование, что больше, чем пара моментов в рамках подобной элементарной установки не требуется: решения, большие чем 2, просто отсутствуют.

Немаловажное замечание, которое пригодится впоследствии: исследуемые семантические числа, как всегда, весьма чувствительны к конкретному аналитическому аспекту, который мы выделяем, к конкретной логике, которой мы пользуемся.

Скажем, о том же времени мы говорили в разделе 1.3, – но под знаком n = 2 и беря отношения, выражаемые формулой для числа сочетаний. Соответственно, получалось M = 3: наличие трех областей – прошлое, настоящее, будущее. В Приложении П.2.1 изучались отношения между упомянутыми областями, и в зависимости от нюансов (n = 3 или n = -1) получались решения M = 2,618 (например, настоящее как ускользающее мгновение, точка на фоне полубесконечных, более "весомых" прошлого и будущего) или M = 1,618 (наиболее значимо как раз данное нам в управление и реально воздействующее на нас настоящее, тогда как прошлое с будущим в совокупности – "полухимеры"). В текущем же разделе разобрана куда более незамысловатая ситуация, роль элементов в которой принадлежит уже отдельным моментам, и всякий раз их оказывается достаточно M = 2.

Решения (П.12) корреспондируют, конечно, не только с хронологическими отношениями. В качестве следующего примера возьмем совокупность основных персонажей каких-либо художественных произведений, мифов, сказок, былин.

Случаи, когда главный герой только один и произведение посвящено раскрытию его характера или описанию подвигов, – вероятно, самые часто встречающиеся, см., например, львиную долю героического эпоса. Теперь мы знаем, что творцы этих историй имели полное право придумывать повествование со всего одним центральным персонажем – такая группа (M = 1) по-своему целостна и вполне в состоянии передавать впечатление соответствующей "компактности" и рациональной "законности" ("самосогласованности") и читателю.

Аналогично, логически ("алгебраически") обоснованной является и ситуация двойки героев (M = 2) – Орест и Пилад,

Филемон и Бавкида (комическая параллель – Афанасий Иванович Товстогуб и Пульхерия Ивановна Товстогубиха из "Старосветских помещиков" Гоголя), Ромео и Джульетта и мн. др. У двойки, по-прежнему, есть все возможности выступать в качестве целостной группы.

По-своему любопытен факт наличия у уравнения (П.11) одновременно *двух* решений. Одна конкретная холистическая система может описываться значением M = 1, другая – M = 2, но существуют и разнообразные "смешанные" варианты. Во-первых, одно из решений в какой-то ситуации может пребывать на первом плане, а второе выступать в качестве более или менее явной или глухой коннотации. Во-вторых, допустим вариант, когда система "скачет" от унитарности к бинарности и обратно, не теряя при этом необходимого качества холистичности.

На этом свойстве основан, в частности, общеизвестный способ развития историй: главный герой, допустим, один (M = 1), но для того, чтобы его описать, его прогоняют через цепочку событий и испытаний, в которых он встречается с кем-то (или чем-то) другим: чудовищем, колдуном, коварным и сильным врагом, союзником, обольстительною особой и пр. В каждом отдельном акте подобного взаимодействия значение M превращается в M = 2, затем, по расставании, вновь M = 1, и такие трансформации ничуть не нарушают сквозной холистичности. Аналогично, если главных героев двое, то в каких-то эпизодах они могут выступать и по отдельности – по-прежнему без нарушения холистичности.

Иллюстрацией сказанного может служить необозримое множество романов, эпосов разных народов. Даже если перед нами чисто рефлексивное произведение с еднинственным главным героем (M = 1), то в процессе повествования он общается со своим внутренним миром – таким образом, перед нами как бы "два экземпляра" одного и того же героя, его внешнее и внутреннее Я: M = 2.

Почему, скажем, в двойке героев важен порядок следования элементов? (a1, a2) – воздействие первого на второго, (a2, a1) – наоборот, воздействие второго на первого, и эти два вида воздействий, вообще говоря, не совпадают. К примеру, в случае битвы пары противников удары одного в конечном счете оказываются более смертоносными, чем удары другого, т.е. направление – значимо.

На протяжении книги рассматривались различные логически компактные группы главных героев: тройки – M = 3, скажем тройка былинных богатырей; четверки – M = 4, "Три мушкетера" Дюма; M = 1,618 – один из двух героев "важнее" второго: рыцарь

и его оруженосец (Дон Кихот и Санчо Панса), Шерлок Холмс и доктор Ватсон; M = 2,618 – два соизмеримых героя и один им несколько уступающий, например, исходная сказочная ситуация с двумя нормальными братьями и третьим ущербным: Иван-дурак. (12) (О ситуациях с M = 5, M = 7 и т.д. см. разд. 1.5.) Теперь наш список пополнился также элементарными и часто встречающимися структурами M = 1 и M = 2.

Исходной логической простотой и "фундаментальностью" структур, описываемых уравнением (П.11), по-видимому, объясняется распространенность оппозиций вообще, ставших основой даже специального метода анализа – так называемого метода оппозиций. Какие логические операции там всякий раз производятся?

Вначале мы выделяем некий отдельный аспект действительности, который нас конкретно интересует. Упомянутый отдельный аспект дескриптивно ценен только в том случае, если в его рамках нам удается провести самодостаточный анализ, т.е. объяснить процесс или явление исходя из того, что в этом аспекте содержится: из его составных элементов и отношений между ними. Таким образом, мы накладываем на систему условия полноты, замкнутости и связности. Если затем мы полагаем, что в каждом реальном и, значит, логическом акте должны одновременно участвовать сразу все элементы, при этом важен порядок следования элементов ("направление"), то вариант M = 2 оказывается вполне подходящим.

Если мы вычленим каузальный аспект действительности – что является производящим, а что производным, – то перед нами появляется пара "причина и следствие". Логическое направление тут исключительно важно: причина реально обусловливает следствие, тогда как при известном следствии причина может быть восстановлена лишь ментально, да и то зачастую гадательно.

Если выделяется моральный аспект, то возникает пара "добро – зло". Направление опять-таки важно, т.к. воздействию добра на зло присваивается положительная аксиологическая валентность, а обратному – зла на добро – отрицательная, т.е. они принципиально различны. Не иначе дело обстоит с такими оппозициями как "верх – низ", "право – лево", "перед – зад", "длинный – короткий", "узкий – широкий", "сильный – слабый", "быстрый – медленный" и т.д.

Выше рассматривался хронологический аспект, с той же логической структурой. Очевидно, что именно из-за изоморфности понимания вещей посредством метода оппозиций, с одной стороны, и времени, с другой, обретается возможность

исследования этих вещей во времени, т.е. их изменений, процессов.

Ситуация M = 2, рассмотренная под данным углом, как нетрудно заметить, практически совпадает с ситуацией n = 2, M = 2 из предшествующего раздела. Но в этом конкретном случае размещения и перестановки – одно и то же, так что все сказанное в разделе П.2.1 об M = 2 остается справедливым и тут.

Неоправданно смелым, конечно, было бы заявление, что здесь раскрыта сама сущность метода оппозиций. В процессе всех рассуждений, при выводе уравнений этот метод имплицитно уже использовался. Зато согласованность названного метода с конкретною "алгеброй" и попутно отсутствие необходимости и даже возможности вводить больше, чем два элемента – в рамках сформулированных предпосылок, – надеюсь, проиллюстрированы.

На этой ноте стоит и завершить "комбинаторную" часть Приложений, в противном случае пришлось бы написать еще одну книгу.

П. 3 Германия на послеялтинском отрезке и ныне.

Рассматривая четвертые политические революции в разных странах: во Франции, Италии, России, Германии, – в качестве представителя последней в главе 2 мы выбрали послевоенную ФРГ, не включив анализ ситуации в ГДР. Это не случайно: исследование потребовало бы известного расширения модели, что связано с дополнительными сложностями и нарушило бы ход изложения. Ради полноты, однако, стоит сказать кое-что и о Восточной Германии.

Прежде всего, придется еще раз уточнить использованное понятие политической революции (бифуркации). Если в пережившей денацификацию и демократизацию ФРГ таковая, несомненно, произошла, то в ГДР наблюдалось нечто иное. Несмотря на демонтаж институтов национал-социалистического государства, в советской зоне оккупации одна разновидность тоталитаризма, нацистская, была заменена другой, коммунистической (т.е. отсутствовал второй компонент синхронного процесса в ФРГ: демократизация). Нет, едва ли корректно – ставить знак равенства между национал-социализмом и коммунизмом как политических течений и исторических государств. Хотя у двух "авангардистских"(13) политических феноменов действительно много общего,

пренебречь их различием невозможно. Коммунистический СССР и нацистская Германия, будучи плодами третьих революций, далеко не тождественны. Аналогично, коммунистический режим ГДР существенно отличался от предшествующего гитлеровского. Качественную политическую трансформацию после войны пережила не только Западная, но и Восточная Германия. Но не стоит спешить присваивать ей номер "четыре". В чем же дело?

Процедура счета, несмотря на тривиальность, крайне чувствительна к роду фигурирующих в ней предметов: пересчету подлежат лишь качественно однородные объекты (совет "не складывать корову с лошадью" напоминает об этом). Если три предшествующие революции в Германии (а в Западной – и послевоенная) действительно стали "поворотными моментами" и, судя по всему, удовлетворяют названному условию, то процесс образования ГДР в общий ряд не укладывается. Некоторые западногерманские политологи и журналисты даже отказывали своей восточной сестре в "настоящей" денацификации. Не обязательно прибегать к столь сильным полемическим утверждениям, но учесть специфику происходившего, вероятно, необходимо.

Политология – не первая из наук, сталкивающаяся с подобными логическими затруднениями, значительно раньше со сходными явлениями столкнулась физика. Изучая процесс фазовых превращений вещества и приняв модель трех или четырех агрегатных состояний (твердого, жидкого, газообразного плюс плазма), соответствующих фазовых скачков, физики со временем обнаружили, что не всё из данной сферы реальности укладывается в такую простую и стройную схему. Выяснилось, что одно и то же вещество, пребывающее, казалось бы, в одной и той же агрегатной форме, может соответствовать качественно разным состояниям. Так – этот пример из школьных учебников физики уже приводился – твердый углерод способен представать и как графит, и как алмаз. Тогда же в теорию было введено понятие *фазовой модификации* (графит и алмаз суть разные модификации). Превращение одной фазовой модификации в другую – тоже фазовый переход, но, так сказать, "неканонического" характера. Поэтому классификация обогатилась различением фазовых переходов первого рода (т.е. обычных, типа плавления, парообразования) и второго (смена фазовой модификации).

Согласен, что и политологии полезно заглядывать в концептуальные наработки естественных наук. В частности, послевоенную трансформацию национал-социалистического политического режима в режим коммунистической ГДР, по-

видимому, допустимо описывать с помощью термина "революция, или бифуркация, второго рода", поскольку национал-социализм и коммунизм – две разновидности одного и того же, объемлющего их феномена: тоталитаризма. В этом случае мы не игнорируем очевидной существенности состоявшихся в Восточной Германии перемен, однако и не ставим их на одну доску с синхронными переменами в Западной. Логическая конструкция политических процессов в Германии в целом претерпевает тогда своеобразное разветвление: в западной зоне осуществляется бифуркация первого рода, в восточной – второго. Именно поэтому мы исключили пример ГДР из основного корпуса главы 2: ведь процесс счета "линеен" (не исключая, разумеется, и определения количества революций), а появление разветвления усложняет систему. Так как книга – лишь *введение* в арифметику, или алгебру, политики, воздержимся от детальной обработки данного направления, но тему Германии все же продолжим.

Когда расматривался послевоенный политический режим ФРГ (глава 2), была затронута проблема внешних влияний: в какой степени их необходимо учитывать. Был применен специальный и общеизвестный прием "теоретического расширения" исследуемой системы,(14) но такой путь – не единственный из возможных. Да, ни одну из частей разделенной Германии было нельзя признать достаточно автономной, "самоорганизующейся". Однако, если допустимо говорить в тот период о Германии *в целом*, положение кардинально меняется. Именно по территории Германии проходил самый важный отрезок демаркационной линии между двумя враждующими лагерями. В той мере, в какой в Европе существовал политический паритет, направленные друг против друга политические и военные силы двух блоков, двух сверхдержав взаимно компенсировались! Ситуация исключительно своеобразная: каждая из частей – и ФРГ, и ГДР в отдельности – не автономны, они вместе обладают упомянутым логическим свойством.

Это, конечно, самостоятельный и сложный вопрос, насколько релевантен концепт "Германии в целом" до воссоединения 1990 г., и мы не располагаем возможностью вступать в его полновесное обсуждение. Но лично я склонен считать и названный концепт, и стоящий за ним феномен достаточно адекватными фактам. До сих пор при выяснении свойств социумов в зависимости от количества революций мы неизменно ссылались на общественное сознание. Справедливо ли констатировать в эпоху разделенной Германии наличие единого сознания и самосознания немцев? "Мне кажется, справедливо, хоть трещина и прошла сквозь души, умы. Коллективно-психологическая связь двух Германий

окончательно не обрывалась, немцы по обе стороны рубикона не прекращали мысленно обращаться друг к другу, вести между собой полускрытый, но не теряющий актуальности диалог. Свидетельств тому немало: от перманентного ревнивого соревнования(15) до приема восточными немцами радио- и телепрограмм ФРГ. Если гипотеза о "единой Германии" в тот период верна, на такую систему допустимо примерить стандартную модель социально-политических бифуркаций.

В этом случае отсутствует необходимость различать революции первого и второго родов и следует говорить об *одной* революции, а именно о четвертой, в концептуально единой Германии. Каковы ее результаты?

Коль речь идет о Германии в целом, перед нами должен предстать некий общий, "осредненный" политический режим. Конечно, не "среднеарифметический", т.к. ФРГ превосходила ГДР по всем параметрам: экономическим, площади территории, численности населения. Однако удельный вес восточногерманского политического режима отнюдь не пренебрежимо мал.(16) К чему мы в итоге пришли?

Выбор в качестве объекта исследования "Германии в целом" в основном избавляет от необходимости учитывать внешние политические воздействия, в частности, фиксировать дефицит самостоятельности тогдашней ФРГ (как, конечно, и ГДР). Но произошли ли в подобном ракурсе коренные изменения в окрасе, стиле четвертой революции? Не приносит ли она, как и прежде, амбивалентные политические плоды? Если в превалирующей западной части страны утверждена демократия, то в восточной действует тоталитарный режим. Сходные "хвосты" от третьих революций: маргинальность, брутальность, полупубличность, – наблюдались в послевоенной Италии (сила коммунистов и мафии), в современной России (описание ее политических нравов известно), во Франции времен Третьей республики ("страна капралов", олигархия). Повсюду четвертые революции приводят к конкретно различным, но перекликающимся по семантике результатам.

Вслед за историческим объединением ФРГ и ГДР понятие "Германия в целом" стремительно изживает черты фигуральности, превращаясь в бесспорно реальное. По моему убеждению, процесс воссоединения отнюдь не сводится к простому механическому смешению: вся страна вступает в период качественных, коренных перемен. Германия переживает ныне пятую в своей истории революцию, от которой – см. главу 2 – следует ожидать последовательно демократических, либеральных плодов. Такой результат повторяет режим предшествующей ФРГ? – Сдается, это

обманчивое и, по всей видимости, неверное впечатление.

Если либеральная демократия послевоенной ФРГ (после четвертой революции) в значительной мере опиралась на американское военное и политическое присутствие, то революция пятая обеспечивает "либеральность", полностью исходя из собственных предпосылок. Новейшая ФРГ отныне не нуждается в услугах посторонних во имя сохранения и развития демократии, страна уверенно вступает на почву самостоятельной внутренней и внешней политики. Рост соответствующих тенденций происходит, кажется, на глазах, хотя бифуркация еще не завершена.(17) Не приходилось встречать серьезных сомнений, что в кратчайшей исторической перспективе окрепшая в своей демократичности ФРГ обретет окончательно независимое политическое лицо, опираясь на чувство уверенности в себе и ответственности за положение дел в Европе и мире.

В скобках отметим, что пятые революции – во Франции, Италии, Австрии и Германии – протекают не столь остро, как предыдущие (описание причин см. в тексте), поэтому не все аналитики их сразу фиксируют. Впрочем, изоморфный переход к Четвертой республике во Франции был четко отрефлексирован французскими политологами, нынешняя "судебная революция" в Италии также констатирована с достаточной ясностью. Когда будут расставлены точки над i в Германии? Ждать, по-видимому, осталось недолго, ибо бифуркация вскоре выйдет на финишную прямую.

Ситуацию послевоенных десятилетий (расколотая Германия) можно проанализировать и с помощью совершенно иной модели. В статье [197] исследовалась топология партийно-политической системы послевоенной Италии. В Италии того периода, наряду с традиционными политическими силами (консервативными, либеральными, социалистическими), действовала весьма сильная ИКП (Итальянская коммунистическая партия). Подобная система описывается значением $M = 4$ (или $M = 3 + 1$). При этом ИКП была оттеснена от процесса реального управления, и политологи наградили ее наименованием "антисистемной партии", см., напр., [195]. В итоге политическая система функционировала как будто биполярная, двухблоковая .(18) Подобное сочетание четырех- и двухсоставности неизбежно приводит к образованию своеобразной социально-политической "дыры" – в доказательстве этого, собственно, и заключалась одна из главных тем статьи. Роль упомянутой политической "дыры" исполняла в послевоенной Италии мафия. Вряд ли имеет смысл повторять аналогичный анализ на немецком политическом материале, поэтому ограничимся краткими указаниями.

Говоря о послевоенной Германии, мы имеем в виду уже не партийно-политическое, а *территориально-политическое* строение. На выводы топологического (значит, абстрактного) анализа эта замена решающего влияния не оказывает. Но тогда приходится обратить внимание на наличие в послевоенной Германии четырех зон оккупации (M = 4, или M = 3 + 1), а также на разделение ее на Западную и Восточную. Таким образом, и здесь наблюдалось наложение друг на друга одновременно действующих четырех- и двухсоставных структур. Следовательно, и в данном случае во имя стабильности и управляемости системы в целом должна была наличествовать "дыра", на сей раз территориально-политическая. Таковая действительно существовала: Западный Берлин. После четырех революций и в Италии, и в Германии реализовались конкретно различные, но сходные по своей политической семантике системы, в обоих случаях революции пятые приводят к кардинальной трансформации политико-топологических свойств (в частности, к элиминации "дыры").(19) Не исключено, что последний пассаж покажется читателю избыточно сложным и в таком изложении не вполне убедительным. Тогда его можно опустить или обратиться к тексту статьи, на которую мы опирались.

Примечания

1 Так, первоначальное M = 2 (например, антропоморфическая пара "тело – душа", архаическая космологическая оппозиция посю- и потустороннего миров) впоследствии трансформируется в n = 2 , M = 3 ("тело – душа – дух", "земля – рай – ад"). Тринитарность, в свою очередь, переходит снаружи вовнутрь (когда наступает исторический срок, M = 3 превращается в n = 3, следовательно, M = 4), скажем, в результате принятия тринитарной логики, см. основной корпус главы 1.

2 У задачи золотого сечения много интересных свойств, и читатель может убедиться, что, скажем, суммы перекрестных корней (0, 382 + 0, 618) и (2, 618 – 1, 618) составляют по единице.

3 Впрочем, упоминались образцы и из поэзии, музыки (см. раздел 3.3: Гельдерлин, Бах).

4 Древнейшей версией имплицитной трехмерности

пространства являлось представление о наличии у тел длины-ширины-высоты. Таковыми обладают геометрически правильные фигуры или сводимые к ним, и человек с помощью своего сознания вычленял их из природы, но еще более – создавал. В процессе землеотвода, строительства мелиоративных систем автоматически господствовала двумерность. В других случаях – в жилых постройках, культовых сооружениях – каждый метр вверх давался с огромным трудом. Угроза обрушения висела постоянно, и вариант с Вавилонской башней – один из глубинных ночных кошмаров, порою выныривающих на поверхность и днем.

5 Сменив ракурс взгляда, мы могли бы поставить на выделенное третье место и Дмитрия, ибо он является родным Ивану и Алексею только по отцу, но не по матери, однако здесь не литературоведческое сочинение, чтобы вскрывать все детали.

6 Третья сторона отношений, как мы помним, появляется вследствие неустранимого участия в актах общественно-политического формообразования коллективного актора, масс, что для демократической Европы является само собой разумеющимся.

7 Вот как описывает один из ученых средневековое восприятие времени: "Время – это ожидание, постоянное, напряженное ожидание конца земного, человеческого времени (и ожидание собственного конца как завершения земного существования) и наступления нового состояния, когда времени не будет, а будет вечность" [218, с. 19].

8 Ср. Франклин: "Одно сегодня стоит двух завтра".

9 Возможно, читатель еще не забыл (см. раздел 1.5): и древним грекам, и европейцам долгое время не удавалось выработать собственное представление и о нуле (зачем считать то, чего нет?) и пришлось через арабов заимствовать его у индийцев (по другим версиям, еще раньше оно появилось у китайцев).

10 Об исключительной точности в дзэне не только логики, но и чувства пропорций свидетельствует, например, текст "Точная пропорция" ("Сто одна история о дзэн", 48). "Сен но Рикю, мастер чайной церемонии, решил однажды повесить на колонну корзинку с цветами. Обратившись к помощи плотника, он указывал ему приподнять корзинку выше, опустить ниже, сдвинуть ее вправо или влево, пока точно не нашел нужного места.

– Вот здесь, – сказал Сен но Рикю наконец.

Плотник заметил место, но потом, решив проверить мастера, сказал, что потерял метку.

– Тут? А может быть, здесь? – спрашивал он, указывая на

разные точки колонны.

Но чувство пропорциональности было у мастера чайной церемонии настолько верным, что он одобрил лишь ту же самую точку, которую указывал прежде" [там же, с. 53; курсив мой. – А.С.].

11 Мое личное мнение: не удалось. Представление пустотности в качестве формообразующей и логически законченной приводит к значению n = – 1. И отрицательные числа, и нуль представимы только на фоне и после величин положительных, посредством радикальной операции абстрагирования. В частности, в коане о хлопке одной ладонью описание ситуации начинается с вполне позитивного случая хлопка двух ладоней, а в другом из приведенных пассажей говорится о наличии предварительного "малого знания". Позитивные предпосылки просто спрятаны, но, увы, не отсутствуют.

12 Другой вопрос, что затем этот третий "убогий" перемещается в центр внимания и чудесным образом превосходит остальных: "Конек-горбунок", "Кот в сапогах", "Иван-царевич и Серый волк"; женские аналоги: "Золушка" (победу одерживает третья – младшая, сводная, третируемая – сестра), "Сказка о Царе Салтане" (триумф в конце истории оклеветанной третьей сестры) и т.д. Доля 0,618 в сказках имеет тенденцию одерживать верх над полноценными единицами, но для этого требуется вмешательство волшебства. Раскрытие механики подобных превращений, впрочем, выходит за границы настоящего Приложения, да и книги в целом.

13 На фоне традиционно-демократических, "пассеистических".

14 Вместо ФРГ изучалась система, включающая в себя как ФРГ, так и совокупность внешних политических воздействий на нее.

15 Так разделенные супруги или друзья пристально следят за достижениями друг друга, будучи по-прежнему связаны прочной, пусть и невидимой, нитью.

16 Точные науки в подобных случаях часто используют понятие "средневзвешенного", но для нас это, пожалуй, чересчур педантично.

17 Так же, как и в мировом сообществе в целом, в Италии, России и других государствах.

18 Точнее, "дважды биполярная", "двухэтажная биполярная" (M = 2 x 2): на первом уровне, или "этаже", союз партий традиционного типа сдерживал ИКП и одерживал верх над ней, отсекая от власти; на втором уровне, в процессе дележа

министерских портфелей, происходило то же, что и в классически биполярных странах.

19 В геометрических прообразах названных политико-топологических форм аналогичная трансформация требует рассечений и склеек.

ЛИТЕРАТУРА

Принятые сокращения:

Изв. – Известия

Финанс. изв. – Финансовые известия

АиФ – Аргументы и факты

ВФ – Вопросы философии

SüdZ – Süddeutsche Zeitung

BfOIS – Bundesinstitut für ostwissenschaftliche und internationale Studien

PhL'3 – Philosophen Lesebuch. Berlin: Dietz Verlag, 1991. Bd. 3

Braud. Cent. – Fernand Braudel Center for the Study of Economics, Historical Systems and Civilizations

1. Абаринов В. Сокровища рейха: вопрос без окончательного решения //Изв. 1998. 2 дек.

2. Он же. Партизанский кандидат не прошел //Изв. 1999. 10 марта.

3. Августин. Исповедь Блаженного Августина, епископа Иппонского / Пер. с лат. // Августин Аврелий. Исповедь; Абеляр П. История моих бедствий. М.: Республика, 1992. С. 7-222.

4. Авдеев С. Уральцы решили не рисковать: На выборах губернатора Свердловской области снова победил Эдуард Россель //Изв. 1999. 14 сент.

5. Аверинцев С.С. Символ // Краткая литературная энциклопедия. М., 1971. Т.6. Стб. 827.

6. Он же.Примечания [к публ. работы П.А.Флоренского "Строение слова"] // Контекст. 1972. М., 1973. С. 369-375.

7. Он же.Поэтика ранневизантийской литературы. М., 1977.

8. Аг А. Введение в теорию конфликтов // Политология вчера и сегодня. М.: АОН, 1991. Вып. 3.

9. Агаджанян А.С. Буддизм и власть: Политическая традиция в буддизме тхеравады // Восток. 1992. №1. С. 39-50.

10. Он же.Буддизм и власть в XX веке: Новая жизнь политической традиции // Восток. 1992. № 4. С. 69-81.

11. Адерехин А. Коммунисты наступают с юга: Кубань //Изв.

1996. 29 окт.

12. Он же.Николай Егоров пытается отсудить право еще покомандовать Кубанью //Изв. 1996. 20 дек.

13. Адлер А. Теория геометрических построений / Пер. с нем. Л., 1940.

14. Александров П.С. Введение в общую теорию множеств и функций. М.; Л., 1948.

15. Алиев Р. В ближайшие годы трудно ожидать заметного роста торговых обменов между Россией и ее юго-восточными соседями // Финанс. изв. 1997. 8 апр.

16. Алимов Г. "Домашняя встреча" пяти лидеров в Ашхабаде //Изв. 1998. 6 янв.

17. Он же. Вперед от СНГ? //Изв. 1998. 9 янв.

18. Он же. Саммит СНГ перенесен. Почему? ////Изв. 1998. 21 янв.

19. Он же. Центральная Азия ждать не будет //Изв. 1998. 28 марта.

20. Алимов Г., Иванов Г. Россия и Грузия теряют друг друга: Интервью с В.Лордкипанидзе //Изв. 1998. 30 сент.

21. Аналитический отдел газеты "Аргументы и факты". Будет ли конец света? //АиФ. 1999. № 4. янв.

22. Арзаканян М.Ц. Де Голль и голлисты на пути к власти. М., 1990.

23. Аристархов Н. Социал-демократы объединяются ////Изв. 1998. 18 дек.

24. Аристотель. Поэтика. М., 1957.

25. Он же. Сочинения. В 4 т. М., 1981. Т. 3.

26. Арон Р. Демократия и тоталитаризм. М., 1993.

27. Аронзон Л. Стихотворения. Л., 1990.

28. Арсеньева М.Г. [и др]. Грамматика немецкого языка. Изд. 2-е. М., 1963.

29. Афанасьев М.Н. Клиентелизм: Историко-социологический очерк // Полис. 1996. № 6. С. 97-108.

30. Афанасьев М. Голос гражданского общества становится все тише // Изв. 1997. 25 дек.

31. Баблумян С. Карен Демирчян остается в оппозиции //Изв. 1998. 2 апр.

32. Бай Е. Болгарам больше нравится "синий фрак" президента //Изв. 1996. 29 окт.

33. Бай Юй Цзин. (Сутра ста притч) / Пер. с кит. М., 1986.

34. Бандуровский К.В. Проблемы этики в "Сумме теологии" Фомы Аквинского //ВФ. 1997. №9. С. 156-162.

35. Барг М.А. Великая английская революция в портретах ее деятелей. М., 1991.

36. Барт Р. Основы семиологии // Структурализм "за" и "против". М., 1975.

37. Он же. Нулевая степень письма // Семиотика. М., 1983. С. 306-349.

38. Он же. Избранные работы: Семиотика. Поэтика / Пер. с франц. М., 1989.

39. Баталова Н. Юрий Лужков снова обрел законные права // Моск. правда. 1999. 30 дек.

40. Бахтин М.М. Проблемы творчества Достоевского. Л., 1929.

41. Он же. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1965.

42. Он же. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975.

43. Он же. Автор и герой в эстетической деятельности // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979.

44. Белецкая Л. Канаду потянуло вправо //Изв. 1997. 4 июня.

45. Она же. Станет ли Квебек страной без разрешения Канады? //Изв. 1997. 30 авг.

46. Она же. Будет ли в Квебеке революция? //Изв. 1997. 20 сент.

47. Она же. У квебекских сепаратистов появился новый план //Изв. 1997. 19 дек.

48. Беме Я. Аврора, или Утренняя заря в восхождении. М.: Мусагет, 1914 (репринтное переиздание: М.: Политиздат, 1990).

49. Бергсон А. Творческая эволюция / Пер. с франц. СПб., 1914.

50. Он же. Здравый смысл и классическое образование //ВФ. 1990. № 1. С. 163-168.

51. Он же. Смех / Бергсон А. Смех. Сартр Ж.-П. Тошнота: Роман. Симон К. Дороги Фландрии: Роман / Пер. с франц. М.: Панорама, 2000 (Б-ка "Лауреаты Нобелевской премии"). С. 5-114.

52. Березовская Ю. Бельгийское государство трещит по швам //Изв. 1999. 6 марта.

53. Она же. Другая Европа //Изв. 1999. 23 июля.

54. Благоволин С.Е. Национальные интересы России: Геостратегические и внешнеполитические ориентиры // Полис. 1994. № 4.

55. Блауберг И.И. Откуда мы пришли? Кто мы? Куда мы идем? // ВФ. 1990. № 1. С. 155-162.

56. Боббио Н. Левые в 2000 г.: По материалам интервью, данному теоретическому журналу немецкой СДПГ "Neue Gesellschaft", а также римскому еженедельнику "Экспрессо" / Реферат. обзор В.П.Любина. М.: ИНИОН, 1990.

57. Бовин А. Азиатские мотивы //Изв. 1998. 21 июля.

58. Бойс М. Зороастрийцы: Верования и обычаи / Пер. с англ.

М., 1987.

59. Бонк Н.А., Котий Г.А., Лукьянова Н.А. Учебник английского языка. Изд. 4-е. М., 1962. Ч. 1.

60. Борн М. Атомная физика / Пер. с англ. Изд. 3-е. М., 1970.

61. Бородин В. Победа партии власти или победа оппозиции //Изв. 1998. 23 июня.

62. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV – XVIII вв. [В 3 т.]. М., 1992. Т. 3: Время мира.

63. Бронштейн Б. Сам себе преемник //Изв. 1999. 22 апр.

64. Бруберг Г. Шведско-петербургские связи в XVIII в. // Труды второго научного семинара "Швеция и Санкт-Петербург" 3 мая 1996. СПб.: Изд. Чернышева, 1996. С. 29-40.

65. Булгаков С.Н. Свет Невечерний. М., 1917.

66. Он же. Философский смысл троичности //ВФ. 1989. № 12. С. 90-96.

67. Буртин Ю., Водолазов Г. В России построена номенклатурная демократия //Изв. 1994. 1 июня.

68. Бьюэлл Э. Архаичны, но адаптивны: О политических партиях США (Сверяясь с "классическими" оценками) // Полис. 1996. №№ 1-3.

69. Вайман А.А. Шумеро-вавилонская математика III – I тысячелетия до н.э. М., 1961.

70. Вайцзеккер К.Ф. Физика и философия // ВФ. 1993, № 1. С. 116-125.

71. Введенский А.И. Логика как часть познания. Изд. 3-е. Пг., 1917.

72. Вебер М. Избранные произведения. М., 1990.

73. Вигнер Е. Этюды о симметрии / Пер. с англ. М., 1971. – *Оригинал*: Wigner E.P. Symmetries and Reflections. Bloomington; London, 1970.

74. Вильнер Б.Я., Пешес Л.Я. Очерки по биологической кибернетике. Минск, 1977.

75. Виндельбанд В. История и естествознание: Речь, произнесенная 1 мая 1894 г. на торжественном собрании Страсбургского университета. М., 1901.

76. Виноградов Б. Гульбеддин Хекматиар объявил войну талибам //Изв. 1996. 7 дек.

77. Он же. Украина и Грузия за СНГ без фаворитов //Изв. 1997. 26 янв.

78. Он же. Талибы откатились к Кабулу и готовятся к осаде // Изв. 1997. 22 июля.

79. Он же. Гельмут Коль теряет Восток //Изв. 1998. 28 апр.

80. Он же. Последняя проба сил в Баварии //Изв. 1998. 15 сент.

81. Он же. Граждан ФРГ станет больше //Изв. 1998. 6 нояб.

82. Он же. Январские бури в Молдавии: Противостояние парламента и президента вступает в новый этап //Изв. 2000. 13 янв.

83. Виноградов В.В. О языке художественной прозы. М., 1980.

84. Волошинов В.Н. [Бахтин М.М.]. Марксизм и философия языка. Л., 1929.

85. Он же. О границах поэтики и лингвистики // В борьбе за марксизм в литературной науке: Сб. ст. Л., 1930. С. 203-240.

86. Воробьев Н.Н. Числа Фибоначчи. Изд. 6-е. М., 1992.

87. Выгодский М.Я. Справочник по элементарной математике. Изд. 14-е. М.,1962.

88. Выжутович В. Искусство требовать жертв //Изв. 1994. 6 дек.

89. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики / Пер. с нем. М., 1988.

90. Галазов А. Смотреть на Кавказ только через призму нефтяной трубы – ошибка // Изв. 1998. 23 апр.

91. Гегель. Работы разных лет. В 2 т. М., 1973. Т. 2.

92. Геккель Э. Чудеса жизни: Общедоступные очерки биологической философии. Изд. 2-е. СПб., 1908.

93. Гельбрас В.Г. Китай в восточной политике России // Полис. 1997, № 4. С. 166-173.

94. Гемпель К.Г. Функция общих законов в истории //ВФ. 1998, № 10. С. 88-97.

95. Генон Р. Кризис современного мира. М.: Арктогея, 1991.

95а. Гидденс А. Политика, управление и государство // Рубеж: Научный альманах. 1992. № 3. С. 79-107.

96. Гоготишвили Л. Хронотоп // Русская философия: Малый энциклопедический словарь. М., 1995. С. 574-576.

97. Головков А., Мамаладзе Т. Вперед, к прошлому вновь призвали поборники державности //Изв. 1995. 21 янв.

98. Головнин В. Россия закрепляется на Тихом океане //Изв. 1997. 27 нояб.

99. Голосов Г.В. Пределы электоральной инженерии: "Смешанные несвязанные" избирательные системы в новых демократиях // Полис. 1997. № 3. С. 102-113.

100. Он же. Поведение избирателей в России: Теоретические перспективы и результаты региональных выборов // Полис. 1997. №4. С. 44-56.

101. Он же. Форматы партийных систем в новых демократиях: Институциональные факторы неустойчивости и фрагментации // Полис. 1998. № 1. С. 106-129.

102. Голосовкер Я.Э. Логика мифа. М., 1987.

103. Горелик Г.Е. Почему пространство трехмерно? М., 1982.

104. Горичева Т.М. От страха к панике // Час пик. [Газета]. СПб., 1990. № 28, 3 сент.

105. Грач А.Д. Центральная Азия – общее и особенное в сочетании социальных и географических факторов // Роль географического фактора в истории докапиталистических обществ. Л., 1984. С. 113-125.

106. Григорьева Т.П. Синергетика и Восток // ВФ. 1997. № 3. С. 90-102.

107. Гритчин Н. Коммунисты наступают с юга: Ставрополье // Изв. 1996. 29 окт.

108. Гройс Б. Русский авангард по обе стороны "черного квадрата" //ВФ. 1990. № 11. С. 67-73.

109. Гроф С. Области человеческого бессознательного: Опыт исследования с помощью ЛСД. М.: МТМ, 1994.

110. Губин В.Б. О связи стилей математического и физического мышления с природой задач математики и физики //ВФ. 1998. № 11. С. 142-148.

111. Гуревич А.Я. Средневековый мир: Культура безмолвствующего большинства. М., 1990.

112. [Гусейнов Г.]. Человек, который потерял одну империю и нашел другую: Интервью с Г. Гусейновым // Смена. [Газета]. СПб., 1995. № 9/10, 14 янв.

113. Гусейнов Г.Ч. Ложь как состояние сознания // ВФ. 1989. № 12. С. 64-76.

114. Гусейнов Э. Франция и Германия выстраивают ось, вокруг которой будет собрана Европа //Изв. 1998. 3 окт.

115. Гуссерль Э. Логические исследования. Т. 1.

116. Даниленко В. Год после августа //Изв. 1992. 18 авг.

117. Данилова Е. Д'Артаньян на русской службе // Общая газета. 1994. № 13. 1-7 апр.

118. Данциг Т. Символы // Математики о математике. М., 1967. С. 16-23.

119. Депман И.Я. История арифметики. М., 1959.

120. Динглер Г. Эксперимент: Его сущность и история //ВФ. 1997. № 2. С. 96-134.

121. Добер Э. Мечьяр еще надеется на реванш //Изв. 1999. 18 мая.

122. Дубовский С. Прогнозирование катастроф (на примере циклов Н.Кондратьева) // Общественные науки и современность. 1993. № 5.

123. Дунаев В. "Худой мир" перед новой ссорой //Изв. 1999. 16 марта.

124. Дюкас Э., Хофман Б. Альберт Эйнштейн как человек /

Пер. с англ. //ВФ. 1991. № 1. С. 61-100.

125. Ежегодники Большой советской энциклопедии [1957-1990]. М., 1958 – 1991.(1)

126. Елизаров В.П. Элитистская теория демократии и современный российский политический процесс // Полис. 1999. № 1. С. 72-78.

127. Ермоленко Е., Каковкин Г. Ингушетия: Победил тот, кто и должен //Изв. 1998. 3 марта.

128. Зайцев А.И. Культурный переворот в Древней Греции VIII – V вв. до н.э. Л., 1985.

129. Захаров А.А. Причуды истории: Восток на Западе или Запад на Востоке?: [Обзор] // Кризис современной ивилизации. М.: ИНИОН, 1992. С. 71- 81.

130. Зелинский Ф.Ф. Памяти И.Ф.Анненского // Зелинский Ф.Ф. Из жизни идей. Изд. 3-е. СПб., 1911. Т. 2.

131. Зиммель Г. Индивидуальный закон: К истолкованию принципа этики // Логос. 1914. Т. 1. Вып. 2. С. 201-249.

132. Золян С. Проблема и конфликт: Опыт логико-семантического анализа // Полис. 1996. № 4. С. 96-105.

133. Зубко М. Датчане проголосовали за дальнейшую интеграцию Европейского союза //Изв. 1998. 30 мая.

134. Иванов В.В. Поэтика Романа Якобсона // Якобсон Р. Работы по поэтике: Переводы. М., 1987. С. 5-22.

135. Игнатий (Брянчанинов), еп. Избранные изречения святых иноков и повести из жизни их… (Отечник). Изд. 3-е, испр. СПб., 1891 (репринтное издание: М., 1993).

136. Игнатьев Е.И. В царстве смекалки, или Арифметика для всех. Кн. 2. Изд. 2-е. М., Госиздат, [б.г.].

137. Ильин И.А. О монархии и республике //ВФ. 1991. № 4. С. 107-151.

138. Он же. Сущность государства // Рубеж. 1992. № 2. С. 39-50.

139. Ильин М.В. Хронополитическое измерение: За пределами Повседневности в Истории // Полис. 1996. № 1. С. 55-77.

140. Ильинский М. Майя считали, что конец света следует ожидать в 2012 году //Изв. 1997. 7 авг.

141. Иорданский В.Б. О едином ядре древних цивилизаций // ВФ. 1998. №12. С. 37-49.

142. История математики с древнейших времен до начала Нового времени / Под ред. А.П.Юшкевича. М., 1970.

143. История французской литературы. М.; Л., 1946. Т.1.

144. Кандель П. "Второй закон Фукуямы" // Независимая газета. 1992. 25 дек.

145. Каковкин Г. Для победы не хватило надежды //Изв. 1998. 2 июня.

146. Кандинский В. О духовном в искусстве. Л., 1989.

147. Кант И. Сочинения. В 6 т. М., 1963. Т. 1.

148. Он же. Критика чистого разума. М., 1994.

149. Карабчиевский Ю. Воскресение Маяковского. М., 1990.

150. Катанян К. Победителю чужого не надо: ЦИК утвердил избрание президента //Изв. 2000. 6 апр.

151. Катанян К., Садчиков А. Результаты окончательные. Но обжалованию подлежат //Изв. 1999. 30 дек.

152. Катасонов В.Н. Аналитическая геометрия Декарта и проблемы философии техники //ВФ. 1989. № 12. С. 27- 40.

153. Киселев С. Состоится ли осенний переворот? //Изв. 1996. 31 июля.

154. Клейн Ф. Элементарная математика с точки зрения высшей / Пер. с нем. М.,1935. Т. 1.

155. Клемперер В. Язык Третьего рейха: Записная книжка филолога / Пер. с нем. М., 1998. – *Оригинал*: Klemperer V. LTI. Notizbuch eines Philologen. Berlin, 1947.

156. Князева Е.Н. Международный Московский синергетический форум: Некоторые итоги и перспективы // ВФ. 1996. № 11. С. 148-152.

157. Коваленко Ю. Европа движется на Восток: К 2000 году ЕС объединит 30 государств //Изв. 1994. 9 июня.

158. Козенко А.В. Философия науки А.С.Эддингтона //ВФ. 1997. № 9. С. 118-126.

159. Колесников А. Подземная операция: Российские войска заняли господствующие высоты на территории Чечни. Или не заняли? //Изв. 1999. 1 окт.

160. Кон И. Общая эстетика. М.,1921.

161. Кондрашов С. Россия, Америка и динамичный фактор Китая //Изв. 1997. 27 нояб.

162. Коптев Д. Неприкасаемые губернаторы. Регионы проголосовали за стабильность //Изв. 2000. 28 марта.

163. Корнилов Л. Выборы в Чехии не дали власти никому // Изв. 1998. 23 июня.

164. Корявин Л. Сплав нации: Как складываются этнические отношения в США //Изв. 1990. 28 июля.

165. Костров В. Сердюковых на переправе не меняют //Изв. 1999. 21 сент.

166. Костров В., Стрельникова В. 62 процента избирателей поддержало Путина //Изв. 2000. 28 марта.

167. Коукли Дж. Двухпалатность и разделение властей в современных государствах // Полис. 1997. № 3. С. 148-168.

168. Ксенофонтова Н.А. Пространство и время в архаических культурах // Восток. 1992. № 3. С. 137-147.

169. Куманецкий К. История культуры Древней Греции и Рима / Пер. с польск. М., 1990.

170. Кун Н.А. Легенды и мифы Древней Греции. Изд. 4-е. М., 1957.

171. Курант Р., Роббинс Г. Что такое математика? М.; Л., 1947.

172. Кутузов Б.В. Геометрия. М., 1955.

173. Лариохин Т. Демократия по-таджикски: На парламентских выборах лидирует партия власти //Изв. 2000. 1 марта.

174. Ларсен Ст. У. Моделирование Европы в логике Роккана // Полис. 1995. № 1. С. 39-57.

175. Лашкевич Н. Российский запад голосует за крепких мужиков //Изв. 1996. 22 окт.

176. Он же. Литва предпочла новых политиков //Изв. 1997. 23 дек.

177. Леванский С.А. ФРГ: умеренный партийный плюрализм // Полис. 1998. № 2. С. 158-171.

178. Леви-Строс К. Структура и форма. Размышление об одной работе Проппа // Семиотика. М., 1983. С. 400-428.

179. Левяш И.Я. Средняя Европа: структура и геополитический выбор // Полис. 1995. № 1. С. 58-67.

180. Лезов С.В. Миф о правовом государстве // Октябрь. 1991. № 3. С. 137-147.

181. Леонтьев К. Восток, Россия и славянство. [В 2 т.]. М., 1885-1886.

182. Лившиц А. Куда мы идем?: Экономика России в 2000 г. //Изв. 1994. 11 нояб.

183. Липсет С.М. Третьего пути не дано // Полис. 1991. №6.

184. Литовкин В. Геноцид в Афганистане //Изв. 1998. 20 авг.

185. Лоренц К. Агрессия (так называемое зло) //ВФ. 1992. № 3. С. 5-38.

186. Он же. Восемь смертных грехов цивилизованного человечества //ВФ. 1992. № 3. С. 39-53.

187. Лосев А.Ф. Логос // Философская энциклопедия. М., 1964. Т. 3. С. 246.

188. Он же. Статьи по истории античной эстетики для IV – V томов "Философской энциклопедии". М., 1965.

189. Он же. Проблема символа и реалистическое искусство. М., 1976.

190. Он же. Из ранних произведений. М., 1990. (В том числе: Диалектика мифа, С. 393-599.)

191. Он же. Логическая теория числа //ВФ. 1994. № 11. С. 82-134.

192. Лосева И.Н. Миф и религия в отношении к рациональному познанию // ВФ. 1992. № 7. С. 64-76.

193. Лукин А.В. Переходный период в России: демократизация и либеральные реформы // Полис. 1999. № 2. С. 134-154.

194. Лукьянов А.Е. Истоки дао: Древнекитайский миф. М.: ИНСАН, 1992.

195. Любин В.П. ИСП в партийно-политической жизни Италии: Научно-аналитический обзор. М.: ИНИОН, 1990.

196. Он же. Политические партии на Западе и в России: сопоставимы ли понятия? – *В печати.*

197. Любин В.П., Степанов А.И. Европейские партийные системы со значительным коммунистическим компонентом. Политическая асимметрия в современном мире // Партии и партийные системы современной Европы. – М.: ИНИОН, 1994. С. 24-51.

198. Макарычев А.С. Стабильность и нестабильность при демократии: Методологические подходы и оценки // Полис. 1998. №1. С. 149-157.

199. Мантуров О.В. [и др.]. Толковый словарь математических терминов. М., 1965.

200. Манхейм К. Диагноз нашего времени / Пер. с нем. и англ. М.: Юрист, 1994.

201. Марутаев М.А. О гармонии как закономерности // Принцип симметрии. М., 1978. С. 363-395.

202. Он же. Приблизительная симметрия в музыке // Проблемы музыкальной науки. Вып. 4. М., 1979. С. 306-343.

203. Матейко А. Условия творческого труда. М., 1970.

204. Медведев П.Н. [Бахтин М.М.]. Ученый сальеризм: О формальном (морфологическом) методе // Звезда. 1925. № 3. С. 264-276.

205. Мигдал А.Б. Физика и философия //ВФ. 1990. № 1. С. 5-32.

206. Милюков П. Очерки по истории русской культуры. Изд. 4-е. СПб., 1905. Ч. 2.

207. Михайлова О.Э., Шендельс Е.И. Справочник по грамматике немецкого языка. М., 1981.

208. Михеев В. "Даймлер-Бенц" и "Крайслер" создают автомобильную империю // Изв. 1998. 8 мая.

209. Он же. Северная Ирландия готова прощаться с оружием: В провинции прошли первые за 30 лет выборы в местный парламент //Изв. 1998. 27 июня.

210. Он же. Британские тори доверяют только фунту стерлингов //Изв. 1998. 7 окт.

211. Он же. Прибавление в семействе ЕС ожидается не ранее 2004 года //Изв. 1999. 23 июня.

212. Михеев В., Скосырев В. Юрий Лужков в Британии подал заявку на 2000 год //Изв. 1998. 1 окт.

213. Михеев В., Чародеев Г. Визового режима с Россией не будет: Признания посла Республики Кипр в Москве "Известиям" // Изв. 2000. 12 мая.

214. Моисеев Н.Н. Сумерки России: Рассвет или закат? Россия на перепутье // Полис. 1993. № 1.

215. Он же. Современный антропогенез и цивилизационные разломы // Зеленый мир. [Газета]. 1994. № 21.

216. Он же. Тектология Богданова – современные перспективы //ВФ. 1995. № 8. С. 8-13.

217. Он же. Логика динамических систем и развитие природы и общества //ВФ. 1999. № 4. С. 3-10.

218. Мудрагей Н.С. Средневековье и научная мысль //ВФ. 1989. № 12. С. 16-26.

219. [Мулдашев Э.Р.]. От кого мы произошли?: Интервью с Э.Р.Мулдашевым //АиФ. 1996. № 45.

220. Надеин В. Конгресс США ратифицирует договор, изменяющий лицо континента //Изв. 1993. 19 нояб.

221. Назарбаев Н. Союза нет, все свободны, но обречены решать все сообща //Изв. 1994. 11 марта.

222. Налимов В.В. Спонтанность сознания: Вероятностная теория смыслов и смысловая архитектоника личности. М.: Прометей, 1989.

223. Наранхо К. Песни просвещения: Эволюция сказания о герое в западной поэзии / Пер. с англ. К.Бутырина. СПб.: Б.С.К., 1997.

224. Нейгебауэр О. Точные науки в древности / Пер. с англ. М., 1968.

225. [Немцов Б.Е.]. Интервью с Б.Немцовым //АиФ. 1998. № 12.

226. Нестик Т.А. Тема внутреннего слова у Августина: Мышление и время // ВФ. 1998. № 10. С. 112-125.

227. Николаев Г. Я тебя съем: Рекордный рост слияний и поглощений в мировой экономике //Изв. 2000. 21 февр.

228. Николаев Н.И. Православный фундаментализм как филологическая утопия // Русские утопии. СПб.: Corvus, 1995. С. 55-95.

229. Он же. Примечания // Бахтин М. М. Собрание сочинений. В 7 т. М.: Русские словари. Т. 1. – *В печати*.

230. Николай Кузанский. Сочинения. В 2 т. М., 1979.

231. Никонов В. Югославия и новый европейский порядок // Изв. 1998. 13 окт.

232. Он же. Расширение Запада //Изв. 1998. 17 нояб.

233. Новопрудский С. Пространственное воображение //Изв. 1999. 27 февр.

234. Он же. Бег от барьеров: Россия все-таки надеется создать зону свободной торговли СНГ //Изв. 1999. 15 сент.

235. Новоселов С.И. Специальный курс элементарной алгебры. Изд. 7-е. М., 1965.

236. [Оги А.]. Хорошие отношения с большим потенциалом: Президент Швейцарской Конфедерации Адольф Оги отвечает на вопросы "Известий" //Изв. 2000. 13 мая.

237. Одайник В. Психология политики: Политические и социальные идеи Карла Густава Юнга / Пер. с англ. К.Бутырина. СПб.: Ювента, 1996. – *Оригинал*: Odainyk V. W. Jung and Politics: The Political and Social Ideas of C.G. Jung. N.Y., 1976).

238. Окунев Л.Я. Высшая алгебра. М., 1958.

239. Ольшанский Д.В. Массовые настроения переходного времени // ВФ. 1992. № 4. С. 3-15.

240. Орлова М.Е. Модернизация и мирный процесс в Северной Ирландии // Полис. 1998. № 2. С. 172-182.

241. Отраднов С. Кто нам заменит Примакова? //АиФ. 2000. №7.

242. Павич М. Хазарский словарь: Роман-лексикон в 100000 слов. СПб.: Азбука; Терра, 1997.

243. Панарин А.С. "Вторая Европа" или "Третий Рим"? // ВФ.1996. № 10. С. 19-31.

244. Пархоменко С. Триста шестьдесят пять дней правления в событиях и документах // Независимая газета. 1992. 11 июня.

245. Пастухов В.Б. Балканский синдром: История болезни // Полис. 1999. № 2. С. 114-121.

246. Першиц А.И. Предисловие // Тайлор Э.Б. Первобытная культура. М., 1989. С.5-16.

247. Пиаже Ж. Избранные психологические труды. М., 1969.

248. Пиаже Ж., Инельдер Б. Генезис элементарных логических структур: Классификации и сериации / Пер. с франц. М., 1963.

249. Пивоваров Ю.С. Может ли спасти Россию самодержавная монархия: (О чем думается после прочтения книги Ив. Ильина "О монархии и республике") //ВФ. 1991. № 6. С. 76-84.

250. Платковский А. Русский бизнес не выдержит встречи с Азией //Изв. 1995. 23 сент.

251. Платон. Собрание сочинений. В 3 т. М., 1972.

252. Плоть и кость дзэн / Пер. с англ. В.И.Нелина. Калининград: Росийский Запад, 1992.

253. Повесть временных лет. В 2 ч. М.; Л., 1950.

254. Полани М. Личностное знание. М., 1985.

255. Политковская А. Интервью с Мурадом Заргишевым // Сегодня. 1993. 18 мая.

256. Поляков Л.В. Консерватизм в России – время пришло? // ВФ. 1998. № 10. С. 138-144.

257. Померанц Г. Долгая дорога истории //Знамя. 1992. № 11.

258. Понтрягин Л.С. Основы комбинаторной топологии. М., 1947.

259. Попов Г. Точка зрения социал-демократии // Гражданское общество. [Газета]. М. 1999. № 5 /14, май.

260. Поппер К. Открытое общество и его враги. [В 2 т.] / Пер с англ. М., 1992.

261. Портанский А. Председатель Европарламента предпочитает Россию Америке //Изв. 1998. 22 апр.

262. Пуанкаре А. Математические открытия // Математики о математике. М., 1967. С. 24-32.

263. Пшизова С.Н. "Два тела" президента: Модели репрезентации власти на пороге третьего тысячелетия // Полис. 1999. № 2. С. 122-133.

264. Рабинович В.Л. Алхимия как феномен средневековой культуры. М., 1979.

265. Радзиховский Л. Номенклатура обменяла "Капитал" на капитал //Изв. 1995. 7 марта.

266. Райхель Ю. Победитель диктует условия: Референдум наставит на путь истинный украинский парламент //Изв. 2000. 19 янв.

267. Рампа Т. Лобсанг. Третий глаз. Л.: Лениздат, 1991.

268. Рассудова Р.Я. Естественные условия и система хозяйственно-социальных отношений в позднефеодальный период в истории народов Средней Азии // Роль географического фактора в истории докапиталистических обществ. Л.,1984. С. 144-166.

269. Раушенбах Б.В. Пространственные построения в древнерусской живописи. М., 1975.

270. Он же. Пространственные построения в живописи. М., 1980.

271. Он же. Системы перспективы в изобразительном искусстве. Общая теория перспективы. М., 1986.

272. Он же. О логике триединости //ВФ. 1990. № 11. С. 166-169.

273. Он же. Письмо в редакцию // ВФ. 1992. № 3. С. 179.
274. Он же. Логика троичности // ВФ. 1993. № 3. С. 62-70.
275. Он же. Письмо в редакцию // ВФ. 1993. № 8. С. 180.
276. Риккерт Г. Границы естественнонаучного образования понятий: Логическое введение в исторические науки. СПб., 1904.
277. Он же. Науки о природе и науки о культуре. СПб., 1911.
278. Рормор К. Математика, фундаментализм и герменевтика // ВФ. 1997. № 2. С. 82-92.
279. Рябушкин А. Средняя Азия и Казахстан, не слишком надеясь на СНГ, укрепляют региональное сотрудничество // Изв. 1992. 24 апр.
280. Савельев А.А. Первый апокалипсис двадцатого века // Санкт-Петербургский университет. [Газета]. СПб., 1993. 15 сент.
281. Савенков Ю. Партия Мегавати победила. Но это не значит, что дочь основателя Индонезии поведет страну в XXI век //Изв. 1999. 17 июля.
282. Савинио А. Вся жизнь: Эссе. Рассказы. М.: Известия, 1990.
283. Садчиков А. Безграничная победа генерала Николаева: Она может привести к изменению баланса сил в Государственной Думе //Изв. 1998. 14 апр.
284. Салмин А.М. Россия, Европа и новый мировой порядок // Полис. 1999. №2. С. 10-31.
285. Салтыков-Щедрин М.Е. За рубежом // Салтыков-Щедрин М.Е. Собрание сочинений. В 20 т. М., 1972. Т. 13. С. 5-243.
286. Самошкин В. В Румынии раскол //Изв. 1998. 20 янв.
287. Он же. Молдавии коммунисты победили, но нуждаются в союзниках //Изв. 1998. 24 марта.
288. Он же. Правящая коалиция обошлась без коммунистов // Изв. 1998. 24 апр.
289. Свасьян К.А. Судьбы математики в истории познания нового времени //ВФ. 1989. № 12. С. 41-54.
290. Седов Е.А. Информационно-энтропийные свойства социальных систем // Общественные науки и современность. 1993. № 5.
291. Семененко И.С. Перспективы социального партнерства в России и опыт Запада // Полис. 1998. № 4. С. 125-127.
292. Сергеев В.М. и др. Становление парламентских партий в России: Государственная Дума в 1994 – 1997 годах // Полис. 1999. №1. С. 50-71.
293. Сигарев С.Е. Между прошлым и будущим информационных технологий в России //Изв. 1999. 12 нояб.
294. Скосырев В. Шотландия проголосовала за самоуправление //Изв. 1997. 13 сент.

295. Он же. Шотландцы решили остаться в Британии. Но сепаратисты не считают себя побежденными //Изв. 1999. 8 мая.

296. Словарь античности / Пер. с нем. М., 1989.

297. Словарь по этике / Под ред. А.А.Гусейнова и И.С.Кона. Изд. 6-е. М., 1989.

298. Слонимский А.Л. По поводу "кризиса критики" // Книга и революция. 1922. № 4 (16). С. 16-18.

299. Смирнов А.А. Пути и задачи науки о литературе // Литературная мысль: Альманах. Пг., 1923. Вып. 2. С. 91-109.

300. Советский энциклопедический словарь. Изд. 4-е. М.: Сов. энциклопедия, 1987.

301. Соколов М. Либералы и фрукт //Изв. 1998. 2 дек.

302. Соколовская Я. Хмуриться не надо, Рада!: Леонид Кучма торопится пожать плоды своей победы на референдуме //Изв. 2000. 27 апр.

303. Соколовская Я., Райхель Ю. Украина против коммунистов: Леонид Кучма такой безоговорочной победы не ожидал //Изв. 1999. 16 нояб.

304. Сорокин К.Э. Россия и игра геополитических интересов в ареале Великого океана // Полис. 1994. № 4.

305. Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. – М., 1992.

306. Соссюр Ф. де. Заметки по общей лингвистике / Пер. с франц. М., 1990.

307. Спасский Б.И. История физики: Учебное пособие для вузов. Изд. 2-е. М., 1977.

308. [Старцев В.И.]. Интервью с В.Старцевым // Смена. [Газета]. СПб., 1993. 18 авг.

309. Степанов А.И. Главы о поэтике Леонида Аронзона // Памяти Леонида Аронзона: 1939-1970-1985. Л., 1985, окт. (Лит. прилож. к журн. "Часы"). С. 5-99 (*То же*: Митин журнал. № 4. Л., 1985. С. 110-200).

310. Он же. "Прекрасная политика" // Логос: С.-Петербургские чтения по философии культуры. СПб.: СПбГУ, 1992. Кн. 2. С. 89 -103.

311. Он же. Углы структурной политологии // Лабиринт/ Эксцентр. Екатеринбург, 1993. № 3. С. 5-24.

312. Он же. Структурная политология о Евразии и мировом сообществе // Политическая наука в России: История, современность, модели будущего. М.: ИНИОН, 1994. С. 7-38.

313. Он же. Двадцатый и двадцать первый века глазами структурной политологии. – *Не опубл.*

314. Степанов Андр. У Зюганова – маленький рост //Изв. 2000. 17 янв.

315. Степанов Ю.С. Семиотика. М., 1971.

316. Он же. Имена, предикаты, предложения. М., 1981.

317. Страус А.Л. Униполярность: Концентрическая структура нового мирового порядка и позиция России // Полис. 1997. № 2. С. 27- 44.

318. Страхов Н.Н. Мир как целое. СПб., 1872.

319. Стуруа М. Мост через реку Оттава, которая уже сегодня может стать пограничной и разделить Канаду на две страны // Изв. 1995. 31 окт.

320. Он же. Независимость – за углом //Изв. 1995. 1 нояб.

321. Он же. Раскол Канады не состоялся, однако сепаратисты из Квебека близки к цели как никогда //Изв. 1995. 1 нояб.

322. Он же. Впереди третий тайм: Послесловие к референдуму в Квебеке //Изв. 1995. 4 нояб.

323. Он же. Соединенные Штаты голосуют: Итоги выборов определят судьбу Клинтона //Изв. 1998. 4 нояб.

324. Судзуки Д.Т. Наука Дзен – Ум Дзен. Киев, 1992.

325. [Судзуки Д.Т.] Дзэн буддизм. Избр. работы Д.Т.Судзуки / Под ред. В.Баррета. Пер. с англ. – *Не опубл.*

326. Сысоев Д. Область осталась в прежних руках //АиФ: Петербург. 1999. № 38, сентябрь.

327. Тайлор Э.Б. Первобытная культура / Пер. с англ. М., 1989.

328. Тарасов А. Новую политическую карту страны начали рисовать в Красноярске //Изв. 1998. 19 мая.

329. Тимердинг Г.Е. Золотое сечение. Петроград: Науч. изд. Петроград, 1924.

330. Тихомиров В.Б. "Глобальное супружество": Разумное единство противоположностей в мировой системе государств // Полис. 1997. №2. С. 53-76.

331. Тодоров Ц. Понятие литературы // Семиотика. М., 1983.

332. Томление по недосягаемому будущему: Фрагменты доклада Института США и Канады РАН "Положение России и ее национальные интересы" // Россия. 1994. № 1 (29 дек. 1993 – 4 янв. 1994).

333. Тоффлер А., Тоффлер Х. Войны завтрашнего дня // Нью-Йорк Таймс: Недельное обозрение. М., 1993. № 23 (42). 23 нояб. – 6 дек.

334. Троицкий В.П. О неединственности натурального ряда чисел: Кантор plus Лосев //ВФ. 1994. № 11. С. 135-140.

335. Уайт Д. От философии к всеобщей организационной науке: источники-предшественники тектологии А.Богданова // ВФ. 1995. № 8. С. 38-49.

336. Уайтхед А.Н. Избранные работы по философии / Пер. с англ. М., 1990.

337. Уиттерстен Дж. Рассел и проблема рациональности сегодня // ИНИОН: Реферат. журнал. Серия 8: Науковедение. 1986. № 6. С. 58-61.

338. Урманцев Ю.А. Тектология и общая теория систем //ВФ. 1995. № 8. С. 14-23.

339. Фадеев В.И. Проблема власти: политологические аспекты // Политическая наука в России / Под ред. Ю.С.Пивоварова. Вып.1. М.: ИНИОН, 1993.

340. Фадеев Д.А. Опыт политики переходного периода. Испания после Франко // Полис. 1991. № 5.

341. Фадин А. Плюрализм элит и/или номенклатурная демократия // Общая газета. 1994. № 24/49, 17 – 23 июня.

342. Философия и социология науки и техники: Ежегодник. 1984-1985. М., 1986.

343. Фихтенгольц Г.М. Основы математического анализа. Изд. 5-е. М., 1964. Т. 1.

344. Флоренский П.А. Закон иллюзий // Труды по знаковым системам. Т. V. Тарту, 1971 (Уч. зап. Тартусского ун-та, вып. 284). С. 513-521.

345. Он же. Столп и утверждение истины // Флоренский П.А. [Сочинения. В 2 т.]. М., 1990. Т. 1. [Кн. I – II].

346. Он же. Сочинения. В 4 т. М., 1996. Т. 2.

347. Фрагменты ранних греческих философов. Ч.1. От эпических космогоний до возникновения атомистики. М., 1989.

348. Франк А.Г. Экономические парадоксы в мировой политике // Восток. 1992. № 6. С. 8-26. – *Оригинал*: Frank A.G. Economic Ironies in World Politics: A Sequel to Political Ironies in World Economy. – Economic and Political Weekly. Vol. 26. Bombay, 1991. No. 30. P. 93-102.

349. Франц М.-Л. фон. Психология сказки: Толкование волшебных сказок. Психологический смысл мотива искупления в волшебной сказке / Пер. с англ. Р.Березовской и К.Бутырина. СПб.: Б.С.К., 1998.

350. Фридрих И. История письма. М., 1979.

351. Фролов Б.А. "Магическая" семерка // Природа. 1972. № 5. С. 52-59.

352. Фукуяма Ф. Конец истории? //ВФ. 1990. № 3. С. 134-148.

353. Фурсов А.И. Школа мир-системного анализа: Основные положения концепции И. Валлерстайна // Восток. 1992. № 1. С. 19-38.

354. Он же. Мир-системный анализ: Интерпретация И.Валлерстайном периода 1945 -1990 гг. (основные идеи и оценки) // Восток. 1992. № 3. С 32- 55.

355. Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге / Пер. с

нем. М., 1991.

356. Хайек Ф.А. Дорога к рабству //ВФ. 1990. №№ 11-12.

357. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? // Полис. 1994. № 1.

358. Харди Г. Исповедь математика // Математики о математике. М., 1967. С. 4-15.

359. Хеберер Т. Угрожает ли китайской империи распад?: Угроза со стороны растущих национальных волнений // Россия и современный мир. Вып. 1. М.: ИНИОН, 1993. С. 152-159.

360. Хейзинга Й. Осень средневековья: Исследование форм жизненного уклада и форм мышления в XIV и XV веках во Франции и Нидерландах / Пер. с нидерл. М., 1988.

361. Он же. Homo ludens. В тени завтрашнего дня / Пер. с нидерл. М., 1992.

362. Хомяков А. Сочинения. В 2 т. М., 1994.

363. Хоружий С.С. София – Космос – материя: Устои философской мысли отца Сергия Булгакова // ВФ. 1989. №12. С. 73-89.

364. Христиансен Б. Философия искусства. СПб., 1911.

365. Цветов П. Принц на все времена // 24 часа. [Газета]. СПб., 1993. № 9.

366. Цейтлин З.А. Алхимия и религия: Исторический очерк // Воинствующий атеизм. 1931. № 10.

367. Цепляев В. "Медведь" в думской берлоге //АиФ. 2000. № 4, январь.

368. Цымбурский В.Л. Сверхдлинные военные циклы и мировая политика // Полис. 1996. № 3. С. 27-55.

369. Он же. Как живут и умирают международные конфликтные системы: Судьба балтийско-черноморской системы в XVI – XX вв. // Полис. 1998. № 4. С. 52-73.

370. Чайковский Ю.В. Фалесова наука в историческом контексте // ВФ. 1997. № 8. С. 151-165.

371. Чародеев Г. Флаг Ичкерии на Босфоре? //Изв. 1996. 4 дек.

372. Черепанов Е. "Москали" ни в чем не виноваты //АиФ. 1994. № 26.

373. Черная Л. Коричневые диктаторы: Гитлер, Геринг, Гиммлер, Геббельс, Борман, Риббентроп. М., 1992.

374. Черников Г. Наука найдет опору в корпорациях // Финанс. изв. 1994. 15 нояб.

375. Чучин-Русов А.Е. Политика как макрофеномен культуры // Полис. 1997. № 4. С. 97-116.

376. Шевченко Ю.Д. Между экспрессией и рациональностью: Об изучении электорального поведения в России // Полис. 1998.

№ 1. С. 130-136.

377. [Шельхаз И. и др.]. Флоренский сегодня: три точки зрения //ВФ. 1997. №5. С. 125-157.

378. Шиллер Ф. Собрание сочинений. В 8 т. Л., 1936. Т. 1.

379. Шопенгауэр А. Избранные произведения. М., 1992.

380. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. 1. Гештальт и действительность. М., 1993.

381. Шпет Г.Г. Эстетические фрагменты. Пб., 1922. Вып. 1.

382. Эвола Ю. Империя: (Выдержки из книги "Языческий империализм", 1928) // Наш современник. 1992. № 9. С. 112-121.

383. Эггерт К. В НАТО вступят все, но по очереди //Изв. 1997. 5 июля.

384. Он же. Талибы за мир с Ираном //Изв. 1998. 16 сент.

385. Эддингтон А.С. Селективный субъективизм //ВФ. 1997 № 9. С. 126-132.

386. Эйнштейн А. Собрание научных трудов. В 4 т. М., 1966. Т. 2.

387. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М., 1980.

388. Энциклопедический словарь. В 3 т. М.: Изд. Большая сов. энциклопедия, 1953 – 1955.

389. Эренфест П. Относительность. Кванты. Статистика. М., 1972.

390. Эстетика. Словарь / Под общ. ред. А.А.Беляева. М., 1989.

391. Юнг К.Г. Архетип и символ. М.: Renaissance, 1991.

392. Он же. Психологические типы / Пер с нем. Томск: Водолей, 1993.

393. Он же. О психологии восточных религий и философий. М.: Медиум, 1994.

394. Он же. Ответ Иову. М.: Канон, 1995.

395. Юсин М. Аджария начинает словесную войну против Грузии //Изв. 1998. 24 июня.

396. Он же. Президент Хорватии на операционном столе: Эпоха Франьо Туджмана, похоже, подходит к концу //Изв. 1999. 3 нояб.

397. Он же. Киев определился с ориентацией: Украина хочет в Европу, ЕС не спешит раскрывать объятия //Изв. 1999. 6 нояб.

398. Он же. Европа не спешит наказывать Россию: На саммите в Хельсинки чеченская тема была одной из главных //Изв. 1999. 11 дек.

399. Он же. Хорватия прощается с тоталитаризмом: Во второй тур президентских выборов вышли два демократа //Изв. 2000. 26 янв.

400. Он же. ПАСЕ находит новую жертву: В роли России

временно оказалась Украина //Изв. 2000. 6 апр.

401. Якобсон Р. Поэзия грамматики и грамматика поэзии // Семиотика. М., 1983. С. 462-482. – *Оригинал*: Jakobson R. Poetry of Grammar and Grammar of Poetry. The Hague, 1961.

402. Он же. Работы по поэтике: Переводы. М., 1987.

403. Ярошевский М.Г. Психология в XX столетии: Теоретические проблемы развития психологической науки. М., 1971.

404. Ясперс К. Смысл и назначение истории / Пер. с нем. М., 1991.

405. [Без подписи]. Будет президентом еще шесть лет //Изв. 1998. 21 апр.

406. [Без подписи]. Главным в Самаре стал Лиманский //Изв. 1997. 15 июля.

407. [Без подписи]. Заздравная бутылка за себя //Изв. 1996. 5 нояб.

408. [Без подписи]. Молдова превращается в президентскую республику //Изв. 1999. 5 авг.

409. [Без подписи]. Молодые англичане не считают себя британцами //Изв. 1997. 25 сент.

410. [Без подписи]. Мэром Калининграда избран Юрий Савенко //Изв. 1998. 27 окт.

411. [Без подписи]. Мэром Тамбова стал дипломированный историк //Изв. 1998. 23 июня.

412. [Без подписи]. На границах между Казахстаном, Киргизией и Узбекистаном сняты все таможни //Изв. 1994. 2 февр.

413. [Без подписи]. Новый мировой беспорядок: Генри Киссинджер критикует Белый дом //Изв. 1999. 26 мая.

414. [Без подписи]. По шелковому пути //Изв. 1999. 2 февр.

415. [Без подписи]. При каком режиме мы живем сегодня и будем жить завтра? // Общая газета. 1993. № 16/48, 5 – 11 нояб.

416. Admoni W. Der deutsche Sprachbau. Изд. 3-е. Л., 1972.

417. Adorno Th.W. Zur Logik der Sozialwissenschaften //PhL'3. S. 595-611.

418. Bergdoll U. In Zukunft "FDR pur". Liberale sehen sich von den Zwängen einer Koalition befreit //SüdZ. 1998. Nr. 224, 29. Sept. S. 2.

419. Blair T. We Must Keep Bombing to Save the Refugees // Sunday Telegraph. 1999. 4. Apr. P.1.

420. Boyer C. History of Mathematics. N.Y.; London, 1968.

421. Böhme J. Aurora oder Morgenröte im Aufgang: Ausgewählte Texte. Leipzig: Verlag Philipp Reclam jun., 1979.

422. [Duden der]. Das Standartwerk zur deutschen Sprache. In 12

Bänden / 5. Auflage. Mannheim [et. al.], 1995. Bd. 4.

423. Futterknecht W. Das EG – Trugbild: Dokumente und Analysen eines Machtkampfes. [S. l.]: Novalis Verlag, 1992.

424. Gehlen A. Das Bild des Menschen im Lichte der modernen Anthropologie // PhL'3. S. 614-627.

425. Grimm H.- J. Lexikon zum Artikelgebrauch. 3., durchgesehene Ausgabe. Leipzig [et. al.]: Langenscheidt-Verlag Enzyklopädie, 1992.

426. Heberer T. Droht dem chinesischen Reich der Zerfall? : Bedrohung durch wachsende Nationalitatenunruhen. Köln, 1991. (Berichte des *BfOIS.* Nr. 46.)

427. Huntington S.P. Conservatism as an Ideology // The American Political Science Review. No. 51, 1957.

428. Idem. Political Modernization: America vs. Europe / Bendix R., (ed.). Berkley, 1973 (State and Society: A Reader in Comparative Political Sociology).

429. Jakobson R. On Russian fairy tales // Selected Writings. Vol. IV. The Hague; Paris, 1966.

430. Jung C. G. Über die Archetypen des kollektiven Unbewußten // Yung C.G. Bewußtes und Unbewußtes. Beitrage zur Psychologie. Frankfurt/M., 1957.

430. Küpper M. Das braune Paradies // SüdZ. 1998. Nr. 97. 28. April. S. 4.

432. Laakso M., Taagepera R. Effective Number of Parties: A Measure with Application to West Europe // Comparative Political Stadies. 1979. Vol. 12.

433. Leonard D., Natkiel R. World Atlas of Elections: Voting Patterns in 39 Democracies. London, 1986.

434. Lévi-Strauss C. Strukturale Anthropologie I. 15. Kapitel: Der Strukturbegriff in der Ethnologie // PhL'3. S. 643-654.

435. Ljubin V.P. Die russische Parteienlandschaft vor den Parlamentswahlen (I) // Aktuelle Analysen. Köln, 1999. Nr. 6, 8. März (*BfOIS*).

436. Mittenzwei J. Friedrich II von Preußen: Eine Biographie. Berlin: Deutscher Verlag der Wissenschaften, 1990.

437. Mussolini B. Reden. Leipzig: Hrsg. Meyer, 1925.

438. Schwark B. Claude Lévi – Strauss *//PhL'3.* S. 642.

439. Siegele U. Erfahrungen bei der Analyse Bachscher Musik // Bachforschung und Bachinterpretation heute. Bericht über das Bachfest-Symposium 1978 der Philipps-Universität Marburg. S. 137-145.

440. Idem. Bachs theologischer Formbegriff und das Duett F-Dur. Neuhausen; Stuttgart, 1978.

441. Taagapera R., Shugart M. Seats and Votes. The Effects and

Determinates of Electoral Systems. New Haven; London, 1989.

442. Timmermann H. Wird Rußlands Hegemoniestreben die GUS zerstören? // Frankfurter Rundschau. 1996. Nr. 73. 26. März.

443. Trautmann L. St. Petersburg – eine demokratische Hochburg: Ergebnisse einer Beobachtermission anlässlich der Staatsdumawahlen im Dezember 1995 // Aktuelle Analysen. Köln, 1996. Nr. 16, 3. März (*BfOIS*).

444. Wallerstein J. The Modern World-System. N.Y., 1974. Vol. 1; N.Y., 1980. Vol. 2; San Diego, 1989. Vol. 3.

445. Idem. Development: Lodestar or Illusion? // Economic and Political Weekly. 1988. Vol. 23. Bombay. № 39. P. 2018-2023.

446. Idem. The French Revolution as a World Historical Event // Social Research. Vol. 56. London, 1989. № 1. P. 33-52.

447. Idem. Who Exluds Whom? Or the Collaps of Liberalism and the Dilemmas of Antisystemic Strategy // Braud. Cent. Binghampton (N.Y.), 1990.

448. Watts A.W. The Way of Zen. Harmondworth, 1978.

449. Wettersten J. Russel and Rationality Today // Methodology and science. Haarlem, 1985. Vol. 18, No. 2. P. 140-163.

450. Wittgenstein L. Über Gewißheit // *PhL'3*. S. 478-505.

451. [S. n.]. 61 Prozent für Christian Ude // SüdZ. 1999. Nr. 134. 14. Yuni. S. 1.

452. [S. n.]. Endergebnis der Europawahl für Deutschland // *SüdZ*. 1999. Nr. 134. 15. Jun. S. 7.

453. [S. n.]. Schwierige Vorlage //Focus. 1998. Nr. 19. S. 21.

Примечания

1 Ссылки на Ежегодники приводятся следующим образом: вначале в квадратных скобках стоит порядковый номер по списку , т.е. 125, затем через дефис – последние две цифры года. Например: [125-61] – Ежегодник за 1961 год.

А.И. Степанов

Социальная стратификация и массовое сознание

(*Докл. на конф. "Историческая память и социальная стратификация. Социокультурный аспект", СПб, 16 мая 2005, организаторы: Международная ассоциация исторической психологии – отделение С.-Петерб. Ассоциации философов Российского философского общества; кафедра философии культуры и культурологии филос. ф-та СПбГУ; кафедра истории С.-Петерб. гос. политехн. ун-та; изд-во "Нестор".*

Публ.: *Степанов А.И. Социальная стратификация и массовое сознание // Историческая память и социальная стратификация. Социокультурный аспект: Материалы XVII Междунар. научн. конф., Санкт-Петербург, 16-17 мая 2005 / Под. ред. д-ра ист. наук, проф. С.Н.Полторака. СПб.: Нестор, 2005. Ч.2. С.310-314.*)

Социум современного типа делится на крупные группы согласно целому ряду критериев: размеру собственности и дохода, политической ориентации, роду занятий и уровню образованности, этнической и конфессиональной принадлежности, гендерному и возрастному признакам, проживанию в различных географических зонах и др. Социология и политология выясняют границы соответствующих групп, их свойства и динамику. Не отрицая значения подобной объективной стратификации, мы, однако, сосредоточим внимание на достаточно специфичном аспекте: на преломлении реальной социальной картины в массовом сознании, т.е. на наиболее элементарных формах представлений общества о себе самом. Такие представления могут служить предметом разных наук, в частности социальной психологии, но настоящий доклад в большей мере относится к культурологии.

В действительности предмет исследования здесь еще уже: мы рассматриваем массовые представления о социальной структуре не во всем их реальном многообразии и изменчивости, а только господствующие *стереотипы*, которые, во-первых, просты по строению, во-вторых, относительно устойчивы на определенном хронологическом отрезке. К таковым принадлежит, например, деление социума на три класса: богатый, средний и бедный, – а также деление на основные политические группы (электоральный расклад, зафиксированный актом выборов). Причиной того, что, по крайней мере в первом приближении, за рамки исследования вынесен ряд других факторов – таких как этнический, конфессиональный, географический, гендерный, возрастной, –

является то, что в настоящем случае нас интересует связь с *социально-политическими доктринами*, которые в современных демократиях объявляют о равенстве всех граждан независимо от национальности, религии, пола, места проживания, возраста (начиная с совершеннолетия). Социальные классы, декларируемые ведущими идеологиями в индустриальных странах, после всесторонней эмансипации безотносительны к упомянутым факторам. Поэтому в фокус внимания в данном случае попадает исключительно классовое и политическое (партийно-политическое) деление, причем в генерализированном выражении (например, в США это богатый-средний-бедный классы, во-первых, и электораты республиканской, демократической партий плюс группа «неприсоединившихся», включающая как политически неактивное население, так и сторонников мелких партий, во-вторых). Представленный материал привязан к условиям постсоветской России.

На протяжении последних полутора десятилетий трехчастная схема богатого, среднего и бедного классов широко пропагандируется и в нашей стране. Каковы результаты? Средний класс, который, по общему мнению, должен составлять большинство и служить опорой социально-политической системы, в России явно недостаточно многочислен. Ввиду особенностей отечественной экономики, ширина этой страты вдобавок существенно зависит от волн мировой конъюнктуры, и в случае падения цен на сырье, банковского кризиса и т.д. угрожающе сузится. Количество российских бедных, напротив, превышает рамки приемлемого, а при вероятной рецессии превысит всякие допустимые нормы. На фоне развитых государств уникальна и структура российского бедного класса, поскольку в него попадает значительная доля социально вменяемого населения (ряд бюджетников, пенсионеры и др.). Имплицитная трехчастной схеме аксиологическая шкала («чем богаче, тем выше») автоматически относит бедных к социальному низу, и, например, школьные учителя, врачи, ученые, работники многих заводов, большинство пенсионеров попадают в аутсайдерский слой вместе с люмпенизированной частью населения. Подобные явления провоцируют фрустрацию, политически деструктивное поведение (в частности, голосование за популистские партии), в виновники попадают богатые («олигархи»), государство («режим», «оккупанты»), «мафия», нацменьшинства. Поле масс-медийных публикаций на эту тему необозримо – см., например, [Тихонов 2004], [Тимофеева 2004], [Ильичев 2005], – что оказывает влияние на коллективное сознание и, в свою очередь, обязано его состоянию. Причины болезни обычно принято видеть в первую

очередь в экономике и прописывать экономическое же лекарство, но для достижения ощутимого эффекта требуются значительные материальные и временные ресурсы, и совсем не факт, что их удастся изыскать, поскольку социальное напряжение продолжает аккумулироваться.

Со своей стороны, мы выделяем в данном явлении идеологическую составляющую, ведь именно из-за нее происходит по сути удвоение давления на, скажем, тех же бюджетников: они подвергаются не только собственно материальной, но и автоматически привязанной к ней социально-престижной дискриминации. Поэтому возникает задача устранить подобную однозначно-жесткую связку, тем самым ослабив один из двух видов пресса. На каких путях следует искать решение?

В конечном счете паллиативны, с нашей точки зрения, меры по непосредственному разубеждению, «успокоению» населения. Фактор социального унижения воздействует не в последнюю очередь по *бессознательным* каналам, ибо оценка «бедный, значит, недостойный» работает во многом имплицитно. Механизмы бессознательного требуют аналогичных же, косвенных методов. Еще менее перспективными стали бы попытки снижения психологического давления за счет релятивизации признака дохода – к примеру, путем пропаганды старинных сентенций вроде «беден не тот, у кого мало, а тот, кому мало», «достаточно у того, кому достаточно». Модель общества потребления, консюмеристская идеология неэлиминируемы на современном этапе и служат вдобавок немаловажным стимулом экономического развития. Необходима коррекция самой классовой идеологемы, и в том ключе, который предполагает разрядку социальной обстановки, движение в сторону классового, политического и межнационального мира.

Одним из возможных вариантов тут может служить структурное объединение ныне действующей идеологемы «богатый – средний – бедный классы», во-первых, и трансформированной позднесоветской схемы «интеллигенция (вар.: служащие) – рабочие – крестьяне», во-вторых. Стереотип «средний класс» здесь заменяется совокупностью трех названных групп согласно роду занятий, и общая классовая картина в глазах масс окажется состоящей из пяти элементов: богатые – интеллигенция (вар.: служащие) – рабочие – крестьяне – бедные.

Подобным образом деверсифицированный «средний класс» составит общественное большинство, коррелирующее с былым советским клише «трудящиеся». Класс бедных, напротив, идеологически сузится, поскольку отныне в него будут попадать не все граждане со скромным достатком, а только принципиально

не работающие бедные, т.е. люмпенизированные слои. Бюджетники, пенсионеры, временно безработные и т.д. окажутся идеологически приписанными к тем классовым группам, которые отвечают их профессии, образованию. Идеологический, морально-психологический статус значительных масс населения в результате будет повышен, а государство, партии, масс-медиа, которые включатся в пропаганду подобной более комплиментарной идеологемы, предстанут более «дружелюбными» в глазах ныне ущемленных слоев.

Подобная процедура имеет исторические паралелли. Если в абсолютистской Европе действовала схема трех сословий (дворянство, духовенство, «третье сословие»), то в России в середине XVIII в. была учреждена система пяти основных: дворянство, духовенство, купечество, мещанство, крестьянство. Референциально неоднородное, семантически размытое звено – «третье сословие» – было заменено, таким образом, совокупностью трех единиц. Аналогия, разумеется, не буквальна, поскольку в нашем случае речь идет о социуме не закрытого, а открытого типа и, соответственно, не о сословиях, а лишь о классах, фигурирующих в идеологии и массовых представлениях.

На чем основано настоящее предложение? Проведенное исследование включает математическую модель, согласно которой социально-политические системы современного типа (продекларированное «общество равных возможностей») подчиняются достаточно строгим закономерностям. Допустимость математических методов при анализе социокультурной среды обязана тому, что, во-первых, и идеологические, и математические объекты обладают воображаемой, «виртуальной» природой, во-вторых же, тем и другим присуща рациональность. Массовым стереотипам свойственна простейшая рациональность в частности потому, что индустриальные общества – одновременно и образованные [Степанов 2004: 9-43].

Требование социально-политической устойчивости в результате оказалось равносильным следующему условию: количество основных классовых групп в доктрине (и отвечающих ей массовых представлениях) и количество основных политических групп должны совпадать. Такое условие выполняется в современных западных странах: три класса (богатый-средний-бедный) и три основные политические группы (республиканцы-демократы-неприсоединившиеся в США; правые-левые-неприсоединившиеся в Европе). В довоенном СССР было объявлено о создании рабоче-крестьянского государства (интеллигенция в тот период считалась не классом, а лишь

прослойкой), т.е. основных классов – два. Политическое поле было представлено партийными и беспартийными, т.е. политических групп тоже две. В послевоенный период произошла определенная реабилитация интеллектуальных профессий, и в обиход был запущен штамп «советская интеллигенция». Однако при этом, согласно тезису, звучавшему рефреном с высоких трибун, интеллигенция была лишена собственных классовых целей, поскольку ее призвание – «служить простому народу», т.е. классам рабочих и крестьян. Таким образом, идеологическая двухчастность так или иначе поддерживалась.

В современной России – в отличие от США (республиканцы-демократы), более косвенно от Европы (правые-левые) – сложилась не биполярная, а фактически кватерниорная партийно-политическая модель. На выборах 1995 г. в Думу по партийным спискам прошли четыре партии и объединения: КПРФ, «Наш дом – Россия», ЛДПР и «Яблоко»; на выборах 2003 г. – «Единая Россия», КПРФ, «Родина», ЛДПР. Ввиду последствий кризиса 1998 г. и широкомасштабного применения грязных политических технологий на электоральной сцене возник определенный хаос, и на думских выборах 1999 г. преодолеть 5%-ный барьер удалось не четырем, а шести партиям и избирательным объединениям: КПРФ, «Единству», «Отечеству – Всей России», Союзу правых сил, ЛДПР и «Яблоку». Однако несмотря на это, конституирующая четырехчастность, как показал анализ [Степанов 2004: 714], оказалась ненарушенной, и избирательная борьба протекала согласно сценарию «три против одного».

Позиционировавшаяся как оппозиция тройка левых партий (КПРФ, ОВР, «Яблоко») направляла критические стрелы против консолидированного прокремлевского альянса (активно звучала тема борьбы за социальную справедливость, попранной «антинародным режимом», кремлевской «Семьей»). Тройка сил правых («Единство», СПС, ЛДПР) выражала поддержку Кремлю и видела в противниках объединение прокоммунистических сил, неспособных к конструктивной работе и даже зовущих страну в кровавое прошлое. Каждая из сторон, таким образом, воспользовалась в своей предвыборной риторике, сознательно или нет, по-прежнему кватерниорной конструкцией. А исторические предпосылки политической, идеологической четырехчастности сложились в России значительно раньше, еще в начале XX в. [Степанов 1992: 89-103].

Четырем ведущим силам, т.е. разновидностям партийных идеологий, вместе с многочисленной, как и везде, группой «неприсоединившихся» отвечает наличие пяти основных политических групп. Следовательно, – во имя стабильности,

самосогласованности социально-политической системы, см. выше – точно таким же должно быть количество доктринальных классовых групп. В противном случае возникает целый ряд негативных процессов, которые, впрочем, также схватываемы моделью. Именно по этой причине выше рассматривалась именно пятеричная классовая идеологема.

Названная разновидность идеологемы, разумеется, не единственная из возможных, и в работе были рассмотрены и другие. Кроме того, анализу подвергнуты структурные свойства различных классовых идеологем в общекультурном контексте.

–

Ильичев Г. 2005. «Доведете – вилы в руки возьмем!». – Известия. №29.

Тимофеева О. 2004. Как повысить пенсию до трех тысяч евро. – Известия. № 217.

Тихонов А. 2004. Бедность как норма. – Известия. № 176.

Степанов А.И. 1992. «Прекрасная политика» // Логос: С.-Петербургские чтения по философии культуры. Кн.2. СПб. С. 89 – 103.

Степанов А.И. 2004. Число и культура: Рациональное бессознательное в языке, литературе, науке, современной политике, философии, истории. М.

А.И. Степанов

Если не средний класс, то что?

Введение

Трудно преувеличить значение для социума принятой в нем классовой модели. Во-первых, такая модель служит формой представления общества о себе самом, т.е. поддерживает его самоидентификацию. Во-вторых, в той системе координат, которая задается совокупностью классов, осуществляется позиционирование ведущих политических сил, принимаются те или иные программы развития, осуществляется выбор социальной, да и далеко не только собственно социальной, политики. В свою очередь, сами классовые модели практически

всегда несут на себе отпечаток тех политических сил, которые их предлагают и "продвигают" в соответствии с поставленными стратегическими задачами. В результате социально-классовая и политическая структуры оказываются теснейшим образом взаимосвязанными, на основании чего, в частности, и говорят о социально-политической системе как едином целом.

История классовых моделей уходит в праисторические глубины. Так, легендарному герою и царю Тезею приписывалось не только объединение дотоле разрозненных поселений и городов в мощный полис Афины (синойкизм), но и разделение граждан на три основные группы: евпатридов (родовая землевладельческая знать), геоморов (землевладельцев) и демиургов (ремесленников и торговцев, а также лиц свободных профессий – врачей, поэтов, философов и др.).

Согласно реформе Солона (ок. 640 – 560 до н.э.), архонта Афин, впоследствии включенного в список семи греческих мудрецов, все граждане были разделены на четыре группы согласно имущественному цензу: пентакосиомедимнов, всадников, зевгитов и фетов /1/. Реформа была направлена против привилегированного положения родовой аристократии (препятствовавшего, пользуясь современным языком, социальной мобильности, динамизму), поэтому в основание классовой модели был заложен *имущественный* критерий. При этом политике поощрения развития ремесла и торговли на фоне традиционного земледелия служили не только прямые меры - такие как приглашение из других городов в Афины ремесленников и торговцев, – но и эволюция имущественного ценза в направлении усиления роли денежной меры: вначале деление на классы осуществлялось по количеству земли, потом по годовому доходу от урожая, а затем и просто по денежному доходу, независимо от источника.

Афинская история буквально насыщена разнообразными проявлениями политической борьбы, при этом партии отстаивали интересы разных групп, различались во взглядах на желательное будущее государства и в соответствии с этим проводили реформы в классовой сфере. К примеру, виднейший государственный деятель Аристид (530 – 467 до н.э.) содействовал вождю афинян Клисфену в изменении законодательства. Будучи принципиальным противником лидера демократов Фемистокла (528 – 462 до н.э.), он критиковал проекты последнего, ставившие целью превращение Афин в морскую державу, – из опасения, что становой землевладельческий класс может быть вытеснен безответственной массой безземельных людей и лишенными корней, равнодушными к благу отечества чужестранцами. Чтобы

этого избежать, Аристид предоставляет доступ к государственным должностям так называемому четвертому классу, т.е. простым земледельцам, тем самым отойдя от практиковавшейся дотоле тезеевской (отчасти и солоновской) системы трех полноправных сословий.

Уже по таким разрозненным эпизодам, наверное, понятно, что с давних пор установлению надлежащего классового членения уделялось самое пристальное внимание со стороны правителей и законодателей и в видоизменениях классовой структуры виделся мощный инструмент для проведения той или иной политики.

Со времен освободительных революций, т.е. со вступлением в эпоху масс, стандарты классового деления за редкими исключениями уже не подразумевают юридического закрепления граждан или подданных за определенным социальным местом и тем более их неравенства перед законом (на социологическом языке: произошел переход от закрытых обществ к открытым). Однако это не отменяет как фактической социальной стратификации (ввиду неодинакового положения различных больших общественных групп), формирования общепринятых общественных представлений о действующей классовой модели, так и использования этих моделей, или представлений, в целях проведения определенной политики. Современные классы, так же как партии, имеют нередуцируемое идеологическое измерение и в этом смысле "виртуальное" (позже данное положение мы обсудим подробнее).

Впрочем в цели настоящей работы не входит составление сколько-нибудь репрезентативного обзора известных классовых схем, поставленная задача значительно уже – выяснение определенных систематических закономерностей, связывающих между собой социальную и политическую структуры главным образом в Новейшее время. Чем обусловлен подобный выбор?

Не только тем, что период новейшей истории – специфически наша эпоха и оттого теоретическая ("академическая") картина включает в себя и вопросы актуальной политики. Новейшее время – это период массовой образованности населения, расцвета той специфической простейшей, но строгой рациональности, включая ее элементарно-математическую разновидность, различные проявления которой послужили главным предметом работы "Число и культура" [1]. Если и в прежние исторические эпохи рациональный компонент коллективного сознания и самосознания обладал немалым значением, то в эпоху нынешнюю, согласно гипотезе, он превратился по сути в ведущий. Современное коллективное сознание и самосознание

пронизано тем духом внутренней точности и логической обязательности, которое традиционно принято относить к сфере математических истин. В результате, по отношению к социумам новейшей эпохи становится допустимым применение подобных же методов исследования: с точки зрения простейшей рациональности, с использованием средств элементарной математики.

Наш дискурс, конечно, не исходит из сомнительной предпосылки, будто массовый социум самостоятельно осуществляет развернутый анализ, проводит последовательную "калькуляцию", в том числе на материале собственного классового, политического строения . Однако в условиях, когда репрезентативная часть населения пропущена через горнило школьного образования, любая из классово-идеологических моделей, которая содержит серьезные логические противоречия, по сути обречена. Подобная обреченность находит различные выражения. Можно говорить, например, об исторической обреченности, т.е. о том, что у "неподходящей" модели практически нет шансов выжить, по крайней мере в достаточно длительной перспективе. С неменьшим основанием можно использовать понятие несправедливости, поскольку логическая несправедливость на классовой почве предстает как несправедливость и социальная, что инициирует эффект отторжения. "Неправильные" классово-идеологические модели, кроме того, обусловливают ту "разруху в головах", которая затем неизбежно влечет за собой дестабилизацию и другие негативные явления также в реальности.

Теперь, кажется, получен минимальный объем предварительной информации, который позволяет приступить к конкретному исследованию. Начать придется с небольшой порции математических выкладок.

1. Теоретическая модель (начало)

Предположим, что все члены некоей стабильной и относительно самоуправляемой социально-политической системы разделены по двум главным признакам: социальному (по принадлежности тому или иному социальному слою, или классу) и политическому (согласно выраженным, например в процессе голосования, симпатиям к той или иной идеологической, политической группе: партии или блоку). Для последующего

анализа важно, что здесь рассматриваются исключительно крупные, идеологически значимые классы (к примеру, богатый, средний, бедный классы современной западной идеологемы) и крупные политические группы, носящие общенациональный, а не, скажем, региональный, характер, т.е. репрезентативно представляющие картину основных политических пристрастий населения в целом (на данном хронологическом отрезке). Позднее будут даны более точные разъяснения, пока же достаточно ограничиться примером американских республиканцев, демократов, а также третьей, значительной по численности группой "остальных", в которую включается как аполитичное население, так и сторонники мелких партий. В дальнейшем в качестве синонимов "остальных" будут употребляться также наименования "неприсоединившиеся", "независимые" или "индифферентные".

Введем следующие обозначения. Пусть r – количество основных социальных классов (упомянутая совокупность богатого, среднего, бедного классов описывается, соответственно, значением $r = 3$); m – число основных активных политических групп (в системе "республиканцы-демократы" $m = 2$); n – общее число ведущих политических групп, включая "неприсоединившихся". Очевидно, что $n = m + 1$ (в приведенном примере $n = 3$).

Деление системы по двум признакам означает, что она представляется в виде совокупности социально-политических групп (ячеек) в количестве nr: например, "богатые республиканцы" (т.е. представители богатого класса, голосующие за республиканскую партию), "бедные демократы", "независимые представители среднего класса" и т.д., здесь всего 9.

Корректно заметить, в настоящей работе мы намерены изучать не самый общий случай социально-политических систем, а только тот, который складывается в наиновейший исторический период и характерен для обществ, прошедших через процесс революционного и эволюционного социального освобождения. Таким образом, имеется в виду наличие специфического политического, идеологического климата, который оказывает непосредственное влияние и на классовую идеологию. В результате, коль речь идет о *целостной* социально-политической системе и *идеологическом* делении на партии и классы, то в рамках общественных представлений каждая социально-политическая группа (ячейка) должна быть связана с каждой. Это очень сильное логическое условие, но, как мы сейчас увидим, оно справедливо для всех относительно развитых стран. Необходимо, разумеется, пояснить.

В политическом плане названному условию отвечает идеологическое (обычно закрепленное и в конституции) право каждого гражданина не только свободно выбирать свою политическую ориентацию, но точно так же произвольно ее менять ("в прошлый раз я голосовал за демократов, а сейчас предпочитаю республиканцев или вообще все надоели, не пойду голосовать"). В классовом аспекте с ним корреспондирует, во-первых, качественно возросшая в новейший период реальная – горизонтальная и вертикальная (последняя: восходящая и нисходящая) – социальная мобильность (т.е. интенсификация социальных перемещений как в рамках одного социального уровня, так и переходов из более низких социальных слоев в более высокие и обратно); по П.Сорокину [2]. Во-вторых, что в данном случае еще важнее, в идеологическую систему заложена неограниченная мобильность ментальная: убежденность населения в свободе выбора и смены рода занятий, принципиальной открытости любых социальных перспектив, что подогревается и циркулирующими мифами (к примеру, о чистильщике сапог, превратившемся в миллионера, или кухарке, которой доверили управлять государством). Такие предпосылки служат отражением стандартной парадигмы демократии и "общества равных возможностей", и в результате освободительных революций все массовые социумы так или иначе ее воплощают, по крайней мере декларируют, так что "в теории", идеологически она представляется справедливой.

Следует сказать даже большее. Допустим, что у некоего представителя бедного класса, наделенного, как и все, упомянутыми объявленными свободами, есть, значит, возможность разбогатеть, т.е. попасть в класс богатый. Однако это может происходить по-разному. Если у него есть возможность скапливать состояние только постепенно, упорным трудом, то, прежде чем попасть в богатый класс, в промежутке неизбежно придется пройти через средний. Таким образом, в пределах подобного варианта бедный класс связан с богатым не напрямую, а лишь через посредника – класс средний. Однако не таков сложившийся климат в социумах современного типа, ибо тут общественная психология обзавелась интересным качеством, которое трудно назвать иначе, чем имманентным "авантюризмом".

Ментальная открытость действительно *всех* перспектив включает, в частности, и вариант внезапного обогащения. Масс-медиа с наслаждением муссируют истории "чудесных превращений", будь то о колоссальном выигрыше в лотерее, на телеконкурсе, фондовой бирже, о браке с принцессой или

миллионером, о безвестном пареньке из простой рабочей семьи, наутро проснувшемся богатым и знаменитым (музыкальный хит, спортивный рекорд…) или даже успешном ограблении банка. Не следует полагать, что подобный "волшебный" мотив присущ только западным обществам. Ничуть с неменьшей силой (разумеется, с поправками на конкретную идеологию) он звучал и в советском, и сюжетами про героев, стахановцев, про нежданное попадание ивановской ткачихи в Верховный Совет или ЦК была переполнена коммунистическая пропаганда, а в современной России вчерашние комсомольцы из "хрущоб" внезапно обернулись долларовыми миллиардерами. "Мы рождены, чтоб сказку сделать былью" – это про все социумы, в которых прошли великие эмансипационные революции.

Помимо того, бульварная пресса непрестанно держит население в курсе "жизни высшего света", что способствует дополнительному психологическому контакту всех даже с самыми элитарными социальными стратами. И хотя на практике вероятность сказочных превращений, конечно, исчезающе мала, однако любая классовая идеология, которая их заведомо исключает, была бы воспринята как вызывающе несправедливая. Идеология не должна рубить крылья воображения, крылья мечты, воспринимающихся в качестве чистой монеты. "Открыты все горизонты, и сумеешь ли ты пройти, зависит исключительно от тебя". Это весьма резко контрастирует с социальным сознанием в былых патриархальных, сословных социумах – "коль родился ты крестьянином, то крестьянином и помрешь" – и даже в исторически переходных, которым отвечала довольно жесткая реальная и психологическая классовая закрепленность и вытекающее ощущение безысходности в социальных низах.

Пока в демонстрации того, что каждая социально-политическая группа связана с каждой, был рассмотрен идеологический вариант главным образом восходящей социальной мобильности, поскольку альтернатива нисходящего движения очевидна: вчерашний миллионер назавтра может очнуться вчистую разорившимся, опутанным долгами нищим, а не то и осесть на тюремных нарах. Однако теоретическая вероятность и подобной альтернативы способствует всесторонним контактам каждой социально-политической группы с каждой в общих рамках общественного сознания. Для всех, повторяю, открыты все пути: "по горизонтали", наверх или вниз, – и в головах населения расцветает подобная вера.

Но что означает описанная ситуация в логическом, математическом выражении? Такой вопрос становится релевантным, поскольку общества, стяжавшие перечисленные

свойства, являются одновременно и *образованными*, т.е. по отношению к ним справедливо все сказанное о механизме коллективного рационального бессознательного [1]. Поэтому "мифологичность" современного общественного сознания отнюдь не противоречит его строгой логичности, по крайней мере, если под последнею понимать глубоко укоренную привычку считаться с силой элементарных логических законов, ходить по накатанным рельсам школьных стереотипов.

Даже мало того, последовательному сращиванию современных социально-политических представлений с математическими способствует и сам статус исследуемых здесь реалий. Ведь речь идет об идеологических, т.е. воображаемых, *идеальных*, общественных представлениях, что по сути полностью соответствует идеальности объектов математических. При этом те и другие подведомственны элементарной логичности. Теперь настала пора для формальных выкладок.

В результате деления социально-политической системы по двум означенным признакам (социальному и политическому) она оказывается, как сказано, разделенной на совокупность социально-политических групп (ячеек), которые можно пронумеровать, и каждый член этой системы (в данный момент) обязательно попадает в одну и только одну из ячеек. Введем дополнительные обозначения.

Пусть *xik* – доля членов *i*-той политической группы в *k*-том социальном слое (например, доля республиканцев среди бедного класса). Эту величину можно вычислить по следующей зависимости:

xik = Nik / Sum Nik

(1)

(Суммирование в знаменателе осуществляется по *i* от 1 до *n*),

где *Nik* - число членов *i*-той политической группы в *k*-том социальном слое (например, количество бедных республиканцев).

Очевидно, что сумма названных долей по всем основным политическим группам равна единице (например, доли республиканцев, демократов и "независимых" среди бедного класса в сумме составляют единицу):

Sum xik = 1,

(2)

(Суммирование – по *i* от 1 до *n*).

Соотношение (2) накладывает одно связывающее условие, и тогда число независимых долей в каждом социальном слое

составляет (n – 1). На r социальных слоев приходится, соответственно, (n – 1)r свободных параметров.

Не все из названных параметров являются действительно свободными. Потребуем теперь от системы способности обрести политическую стабильность. Это означает, что на границах всех социально-политических групп должен (хотя бы потенциально) существовать определенный общественно-психологический баланс, что бы конкретно под ним ни понимать. Тогда на социально-политическую систему оказываются дополнительно наложенными $n(r - 1)$ условий (минус единица появляется за счет того, что если рассматривается, например, баланс между *двумя* социальными группами, то условие баланса – *одно*, т.е. на единицу меньше).

В результате число свободных параметров (его также называют числом степеней свободы) в системе составит

$$N = (n - 1)r - n(r - 1) = n - r .$$

(3)

В настоящем случае, как было сказано, мы рассматриваем стабильную и относительно самоуправляемую социально-политические систему, оставляя пока, таким образом, за бортом тот случай, когда этой системой манипулируют откуда-то снаружи, например из неподконтрольных никому государственных кабинетов (определяя, скажем, кому быть богатым, а кому пора победнеть, а также "вручную" формируя основные политические партии – их списочный состав и даже количество). Хотя, как мы позже увидим, если в социально-политическую идеологию заложена системная "ошибка", то другого конструктивного варианта, помимо манипулятивного, по сути не остается. Однако в настоящий момент наше внимание сосредоточено на нормальном случае, когда не общество для государства, а государство для общества, т.е. государственное управление подчинено социально-политической системе, а не наоборот. Тогда условие стабильности и самоуправляемости означает, что $N = 0$, и значит

$$n = r$$

(4)

Количество определенных в общественной идеологии классов и количество основных партийно-политических групп должны совпадать.

Условие (4) является идеологическим и в этом смысле культурологическим по содержанию ввиду того, что мы рассматривали исключительно идеологические социальные классы, т.е. те, которые отвечают наличным массовым

представлениям (а не те, которые фигурируют в социологических работах, малопонятные всем, кто не принадлежит профессиональному сообществу, и вдобавок варьирующиеся от автора к автору). Основные политические группы также характеризуют состояние убеждений, склонностей репрезентативного большинства населения, составляя вместе, так сказать, карту ведущих идеологических, политических предпочтений социума на данном хронологическом отрезке. Использованные в процессе математического вывода предпосылки также обладают массовой идеологической природой, и оставалось только их аккуратно учесть.

При этом мы не вдавались ни в конкретный состав названных социальных классов, ни в характер конкретных позиций, занимаемых ведущими партиями. Тем не менее даже в подобном отвлеченном контексте удалось получить определенную математическую зависимость.

На этом временно оставим разработку математической модели, поскольку уже на достигнутом концептуальном уровне удастся прийти к определенным практическим выводам, а в этом разделе добавим несколько небольших замечаний.

Нетрудно заметить, что условие (4) внешне напоминает условие M = k (число элементов равно числу отношений), выведенному в книге "Число и культура" для простых холистических систем, часто встречающихся в культуре разных народов [1, с.72]. Можно было бы даже попробовать провести более глубокую аналогию, использовав, например, известное утверждение о классовой природе политических партий ("они выражают отношения между классами"), но последний тезис трудно верифицируем и, кроме того, другие предпосылки, лежащие в основании равенства M = k, здесь удовлетворяются лишь гадательно (прибегая к терминологии упомянутой книги, в общем случае социально-политическая система – не симплекс). Поэтому мы воспользовались совершенно иным способом вывода.

При этом, на наш взгляд, по-прежнему правдоподобно, что формула (4) относится к области коллективного рационального бессознательного. При этом, впрочем, может возникнуть сомнение: само условие (4) отличается приемлемой для этой области простотой, однако его математический вывод выглядит несколько сложнее, поэтому действительно ли подобные логические цепочки способны поддерживаться механизмами рационального бессознательного? Такое сомнение, однако, обязано недоразумению, т.к. относительная сложность приведенного вывода обусловлена только тем, что его целью

было получение отвлеченной, общей зависимости (для любых n и r), тогда как в реальности коллективное сознание, во-первых, гораздо конкретнее, охватывая главным образом собственный социум, во-вторых же, на практике и классово-идеологическая, и основная партийно-политическая структура отличаются предельной элементарностью (мы вскоре увидим, что величины n и r обычно очень невелики). А справляться с конкретными и элементарными случаями коллективному сознанию вполне по силам.

И последнее замечание. С формальной точки зрения, приведенный вывод практически повторяет вывод термодинамического правила Гиббса для равновесной среды, неоднородной в двух отношениях: фазовом и химическом (см., напр., [3, с.119-120]), – из-за чего в предшествующих публикациях мы называли выглядящую аналогично зависимость для общественных систем, неоднородных в классовом и политическом отношении, "правилом Гиббса". Однако теперь, чтобы не дезориентировать читателя, мы предпочитаем отказаться от подобного именования, поскольку математические совпадения не означают тождества реального содержания полученных формул и аргументации в процессе их вывода. Гиббс занимался анализом физико-химических систем, мы – систем социально-политических, идеологических, а математика, ввиду ее абстрактной природы, предоставляет средства равным образом для того и другого.

2. Предварительная верификация модели на реальных системах

Начиная со второй половины XX в. в американском обществе, как сказано, принято массовое деление на богатый, средний и бедный классы. Именно в этот же период в США удалось добиться соблюдения тех высоких демократических и социальных стандартов, к которым впоследствии подтягивался ряд европейских стран и которые теперь приводятся в качестве эталонных и для России. Проведем анализ.

Во-первых, идеологема трех классов, построенная на элементарном признаке уровня доходов, отличается простотой и имплицитной логичностью. Об этом нам уже доводилось писать: если некая система представлений конституирована посредством бинарных логических отношений (а в данном случае это так: в

процессе сравнения "выше/ниже" всякий раз фигурируют пары, например, по уровню дохода богатые выше, чем бедные) и если она претендует на то, чтобы быть простым холистическим представлением, то она должна состоять из трех элементов [1, разд.1.3], и классов в данном случае именно три: $r = 3$. Подобное деление на три класса вполне отвечает модели общества потребления, консюмеристской идеологии.

Во-вторых, для политической системы США характерна достаточно строгая двухпартийность, и совокупность "демократы-республиканцы" ($m = 2$) покрывает собой практически все активное политическое поле. С учетом многочисленной политически "индифферентой" группы $n = 3$. Условие $n = r$, таким образом, выполняется, что, с одной стороны, становится свидетельством последовательной логичности американской системы и в данном аспекте (см. выше о важности этого в любом образованном обществе), а с другой – сопровождается значительной социально-политической устойчивостью и успешным существованием и развитием демократии.

Послевоенная Европа, идущая в кильватере США, постаралась перенять паттерн $n = 3$, $r = 3$. Несмотря на то, что здесь (особенно в континентальных странах) столь явная двухпартийность – скорее исключение, чем правило, реальные партийные системы под нее по сути подверстываются, и массы воспринимают политическую картину прежде всего как борьбу правых и левых (правого и левого блоков), т.е. косвенно опять же $m = 2$, $n = 3$. С намного большим трудом Европе далось и внедрение идеологемы трех классов, поскольку значительная часть населения предпочитала держаться более привычных марксистских представлений.

Даже мало того, в некоторых странах, особенно в Италии, как мы позже убедимся, внедрение модели трех классов привело к совершенно непредусмотренным и остро негативным побочным эффектам (см. об этом также [4]). Однако в целом проект внедрения в общественное сознание трехчастной социальной идеологемы в Европе сработал все же успешно. Вскоре мы вернемся к массовому представлению о богатом, среднем и бедном классах, сейчас же совершим экскурс в СССР.

Наша страна, как известно, отличалась тоталитарным, т.е. однопартийным, политическим режимом, что описывается значением $m = 1$. Декларировавшемуся же "нерушимому блоку коммунистов и беспартийных" отвечала величина $n = 2$. При этом в "классический", сталинский период рабоче-крестьянское государство идеологически представлялось в виде союза двух

классов: пролетариата и крестьянства, $r = 2$. А интеллигенция в то время считалась не более чем социальной прослойкой, лишенной самостоятельной классовой определенности. Таким образом, и в данном случае выполнялось ключевое условие равенства количеств основных политических и классовых групп ($n = r$).

Таким образом, результаты настоящей модели согласуются с той точкой зрения, что СССР едва ли удалось бы просуществовать в течение столь длительного периода, если бы в советской идеологической системе не были реализованы многие важнейшие особенности социумов современного типа (другие примеры см., напр., в [1, разд. 1.4.2, 3.2]).

У читателей может возникнуть недоумение: а как же тут обстояло с демократией, которая по сути отсутствовала? – В таком случае придется задать встречный вопрос: отсутствовала *где*? Если в реальности ее существование вызывает обоснованные возражения, то в сфере идеологии, напротив, была провозглашена "демократия высшего типа", а предметом настоящей работы является структура именно идеологических систем. Разве существовали идеологические запреты, к примеру, на перемещение из деревни в город и обратно, на получение образования, на вступление в партию или даже выход из нее? Всеобщие и тайные выборы государственных органов (в частности, Верховных Советов СССР, союзных республик) также объявлялись свободными, и за гражданином было закреплено прописанное право голосовать "за", "против" или вовсе не приходить на выборы. Под всеми предпосылками, использованными в процессе вывода условия (4), в СССР лежала прочная идеологическая платформа.

Даже требование относительной самоуправляемости партийно-политической системы (а не, скажем, манипуляция ею из государственных кабинетов) выполнялась по сути автоматически: генеральный (первый) секретарь партии, Политбюро, ЦК были властными распорядителями дел в стране. По отношению же к государству постоянно подчеркивался его служебный характер, и рефреном звучал марксистский тезис об исторической неизбежности отмирания государства вообще. Широкие программы обучения (начиная со стремительной ликвидации безграмотности), в свою очередь, способствовали движению общества к состоянию *образованного*, что не могло не вести к изменениям в характере сознания масс.

В послевоенный период в советской классово-идеологической доктрине происходят знаменательные изменения – по достижении определенного порога общественной образованности

и в особенности после осознания властями значения НТР (взрывы американских атомных бомб послужили убедительным аргументом). В таких условиях становилось нецелесообразным продолжать именовать интеллигенцию лишь прослойкой, был запущен в обиход идеологический штамп "советская интеллигенция", а на плакатах тех лет замаячили фигуры мужественного рабочего в спецовке, миловидной колхозницы в косынке, а также интеллигента с сосредоточенно-ясным лицом, в костюме с галстуком и в очках. И в кадровых анкетах в графе "социальное происхождение" предлагались три варианта: рабочий, крестьянин и служащий. Такой системе уже, по-видимому, отвечала идеологическая классовая трехчастность ($r = 3$), а не двухчастность ($r = 2$). В то же время политическая система, как и прежде, оставалась однопартийной ($m = 1$, $n = 2$). Удавалось ли в таком случае обеспечить соответствие классово-идеологической системы, с одной стороны, и партийно-политической, с другой?

Профессионалы из идеологических отделов нашли неординарное решение. У советской интеллигенции, как и у советских служащих вообще, как утверждалось на политинформациях и с трибун, *нет собственных целей*, отличных от таковых двух главных классов. Подобная социальная альтруистичность, как ни странно, находила сочувственный отклик и у самой интеллигенции, поскольку та почитала себя преемницей демократической интеллигенции XIX в., полагавшей "служение (простому) народу" своей высшей задачей, ради которой можно пожертвовать любым своим благом. Т.е. в данном аспекте спущенная сверху идеологическая директива в значительной степени совпадала с собственной установкой интеллигенции. Однако, несмотря на подобное "хитрое" решение коренной структурной задачи (как идеологически простимулировать интеллигенцию, чтобы поддержать прогресс, и при этом сохранить однопартийность), советское идеологическое здание начало необратимо подтачиваться изнутри, и ведущим средоточием и источником проблем становилась в первую очередь интеллигенция, ее специфические интересы, неудовлетворенные классовые амбиции. К чему это привело, хорошо известно, теперь перейдем к современной России.

3. Современная Россия, часть первая

Вместе с активной фазой реформ, т.е. с начала 1990-х гг., в России через масс-медиа и устами высоких чиновников внедряется идеологема богатого, среднего и бедного классов. Резоны радикальной переориентации классовой идеологии очевидны. Во-первых, ставилась задача как можно скорее порвать с коммунистическим наследием. Во-вторых, в стране произошли реальные перемены: на фоне коммерциализации общественного сознания и общественной жизни образовалась группа богатых со своими особыми интересами, образом жизни, сознанием, а также по факту широкие круги населения оказались вытесненными на грань нищеты. Таким образом, идеологическое утверждение наличия богатых и бедных означало не более, чем признание статус кво. Однако если в стране теперь строится капитализм, т.е. денежный критерий помещен во главу угла, и если у всех перед глазами образцы богатства и бедности, то для достижения классовой идеологемой логической целостности, убедительности необходимо наличие третьего элемента, среднего класса. Подобные тройки издавна формируются в самых различных областях культуры (в математике, например, отношения "больше", "меньше", а также "равно"). Об этом см. в начале разд.1 и подробнее в книге [1, разд.1.3].

Третьим мотивом принятия данной классовой идеологемы послужило обыкновенное подражание: если в Америке и Европе она так или иначе работает, то и России не нужно изобретать велосипед. Возможно, следует указать и на то, что всерьез об этом вопросе у нас просто никто не думал, ибо в пылу экономических преобразований и "пожарного" реагирования на спорадические политические кризисы последовательная идеологическая работа воспринималась как нечто малосущественное, как пережиток достопамятной коммунистической эры. Отсутствие продуманности коррелирует в данном случае с природой идеологем или мифологем вообще: они принадлежат области коллективного хотя и рационального, но *бессознательного*. Поэтому работают они как бы исподволь, автоматически, воспринимаясь как нечто само собой разумеющееся. А конструктивно работать с элементами общественно-бессознательной сферы в самом деле умеют немногие. Существовали и другие мотивы, но они будут затронуты в ходе дальнейшего изложения.

К настоящему моменту у пропаганды идеологемы трех классов в России накопился стаж в полтора десятилетия, поэтому есть возможность подвести предварительные итоги.

В развитых странах к среднему классу относится до 70%

граждан, и общепринято мнение, что он служит залогом национальной стабильности. Но в России, по последним исследованиям, средний класс составляет всего 20-25%. "Это при условии, что в средний класс входят граждане, чей ежемесячный доход превышает 7 тысяч рублей на члена семьи. Согласно же другой точке зрения, к среднему классу может причислять себя тот, у кого уже есть квартира, дача, машина и при этом доход на члена семьи от 10 тысяч рублей в месяц" [5]. Разные эксперты пользуются разнящимися количественными критериями при проведении границ между классами, поэтому цифры "гуляют" в значительном диапазоне, однако даже в самых комплиментарных правительству оценках "толщина" российского среднего класса обычно далека от золотого стандарта.

Непростая ситуация, с другой стороны, и с классом бедным. А.Тихонов в газете "Известия" цитирует из доклада Отдела по борьбе с бедностью и управлению экономикой Всемирного банка: "Россия – уникальная страна, потому что подавляющее количество бедных в ней – это нормальные люди, которые имеют образование, семью, детей и (что самое поразительное) место работы" [6]. Хотя непосредственно к бедным по состоянию на 2004 г. относят 20% населения (в 1999 г. было 40%), но огромное количество людей просто балансирует на грани бедности. "По расчетам Всемирного банка, при падении доходов граждан в национальном масштабе на 10% количество бедных увеличится сразу на 50%. Российская бедность чрезвычайно чувствительна к любым шокам" [там же]. Отмечается также угроза пауперизации: "Если ситуация не изменится, необеспеченные люди могут превратиться в профессиональных бедняков – люмпенов", лишенных каких бы то ни было социальных перспектив и окончательно утративших даже малейшее желание заняться чем-то полезным.

В докладе "Богатые и бедные в современной России" Института комплексных социальных исследований (ИКСИ РАН), в свою очередь, отмечается, что бедными зачастую считают себя и те, кто не относится к таковым по официальной статистике. При этом "две трети бедных постоянно испытывают ощущение несправедливости от всего происходящего вокруг, более половины полагают что так жить нельзя" [6а]. А согласно данным "Левада-центра", "личная материальная недостаточность служит основной причиной того, что 67% россиян не чувствуют уверенности в завтрашнем дне, а 56% считают, что дела в стране 'идут по неверному пути'" [там же].

Если же дополнительно вспомнить о том, что доходы значительной части российских бедных находятся за порогом

прожиточного минимума, а также об отношении доходов 10% самых богатых и 10% самых бедных (около 15, и это отношение, несмотря на усилия правительства, продолжает расти), трудно не заключить, что наша страна, если исходить из лекала трех классов, выглядит явно "ненормальной". Такие оценки (и намного более резкие) – общее место в России, но при этом страна все же сохраняет относительную социальную и политическую стабильность. Тогда напрашивается вопрос о причинах.

Расхожие ссылки на национальную терпеливость (сюда же бисмарковское "русские долго запрягают") не в состоянии послужить, на наш взгляд, удовлетворительным объяснением. Если страну считают настолько специфичной, то почему полагают, что для нее аутентичны те же, что и на Западе, формы социального сознания (богатый, средний и бедный классы)? Эти формы создавались Западом (прежде всего Америкой) под себя, на вполне определенном этапе исторического и экономического развития. Там всегда почитали собственные страны в целом "нормальными", и нормы формулировали исходя из собственных условий. Возможно, в России просто складывается другое лекало, по крайней мере на настоящем этапе развития? Попробуем более детально рассмотреть данный вопрос, попутно глубже заглянув в основания, на которых зиждутся различные классовые идеологемы.

Итак, на данном этапе экономического развития российский средний класс недостаточно многочислен, чтобы служить гарантом стабильности. Мало того, преимущественно сырьевая ориентация отечественной экономики обусловливает уязвимость к неблагоприятным переменам мировой конъюнктуры цен на эти продукты, и в случае рецессии средний класс еще более "похудеет". Тогда крайне немногочисленный класс богатых окажется по сути лицом к лицу (уже без "прокладки") с обнищавшими массами. Хорошо известны сценарии, по которым в таких случаях обычно разворачиваются события – всем памятны примеры как из отечественной истории, так и, скажем, латиноамериканской: хаос и/или диктатура. Неужели целесообразно ставить отечественную демократию и социально-политическую стабильность в подобную зависимость от внешних, неконтролируемых изнутри факторов?

Нелишне также заметить, что идеологема богатого, среднего и бедного классов, как и все идеологемы, содержит очевидную аксиологическую оценку: "чем богаче, тем лучше" (чем выше доход, тем более высокая социальная ступень). Таким образом, вопрос *социального престижа* здесь жестко завязан на материальное благосостояние. При этом обедневшие в наличных

российских условиях многомиллионные группы вполне дееспособных и квалифицированных людей (преподаватели, врачи, ученые, ряд чиновников, бывшие квалифицированные рабочие и др.) подвергаются в рамках данной идеологемы по сути *двойной* дискриминации: не только материальной, но и *социально-моральной*. Сопутствующая фрустрация не служит, конечно, социальной стабильности, утверждению классового мира. Собственно экономическая составляющая этого явления выходит за рамки настоящего исследования, посвященного механизмам общественной идеологии. Но с такой точки зрения целесообразность сливания вопросов дохода и социально-идеологического престижа "в один флакон" выглядит тем более сомнительной.

Естественно, что правительство ставит задачу повышения среднего уровня доходов населения, включая и наиболее проблемные слои. Однако ощутимые сдвиги в выполнении этой задачи, согласно прогнозам, – дело не совсем близкого будущего, а с учетом неисключенной рецессии, возможно, и совсем не близкого. Тогда ради чего продолжать *идеологическое* унижение значительных кругов населения, исключительно из-за присяги на верность стереотипу богатого, среднего и бедного классов? Традиция принесения общественных жертв ради высокой идеи, казалось бы, уже достояние прошлого. Вдобавок идет ли речь в данном случае о действительно *высокой* идее, которая стоит жертв? Является ли идеологема трех классов "Святой Троицей", которой надлежит поклоняться и которая действительно неотрывна от нового исторического пути, включающего и признание частной собственности? При этом наблюдаемое сегодня морально-идеологическое унижение, как сказано, не способствует ни классовой солидарности, ни политической стабильности, а это, в свою очередь, оказывает негативное влияние на характер и темпы экономического развития. Порочный круг.

При этом слабым звеном, как мы надеемся показать, тут представляется как раз идеологема трех классов. Ее изменение не требует существенных ни материальных, ни временных затрат, тогда как в результате следует ожидать положительных сдвигов в социально-политической обстановке. Но чтобы найти конструктивное направление подобного изменения, необходимо продолжить исследование на конкретном материале России.

Прежде всего, какова основная политическая структура современного российского социума? Как отмечалось в наших предыдущих работах, для России характерна

четырехкомпонентность партийно-идеологической системы, что отвечает значению $m = 4$.

На парламентских выборах 1995 г. в Думу прошли КПРФ, "Наш дом – Россия", ЛДПР и "Яблоко"; на выборах 2003 г. – "Единая Россия", КПРФ, "Родина", ЛДПР. Ввиду последствий кризиса 1998 г. и широкомасштабного применения грязных политических технологий на электоральной сцене возник определенный хаос, и на думских выборах 1999 г. преодолеть 5%-ный барьер удалось не четырем, а шести партиям и избирательным объединениям: КПРФ, "Единству", "Отечеству – Всей России", Союзу правых сил, ЛДПР и "Яблоку". Однако несмотря на это, конституирующая логическая четырехчастность, как показал анализ [1, с.714], оказалась ненарушенной, и избирательная борьба протекала согласно сценарию "три против одного". Во-первых, тут следует говорить о тройке позиционировавшихся в качестве оппозиции левых сил (КПРФ, ОВР, "Яблоко"), выступавших против консолидированного прокремлевского альянса (при этом активно разрабатывалась тема борьбы за социальную справедливость, попранной "антинародным режимом", кремлевской "Семьей"). Во-вторых, тройка сил правых ("Единство", СПС, ЛДПР) выражала поддержку Кремлю и видела в политических противниках объединение прокоммунистических сил, неспособных к конструктивной работе и даже зовущих страну в кровавое прошлое. Каждая из сторон, таким образом, воспользовалась в своей предвыборной риторике, сознательно или нет, по-прежнему кватерниорной конструкцией. А исторические предпосылки политической, идеологической четырехчастности сложились в России значительно раньше, еще в начале XX в. [7].

Осознание значения политически четырехсоставного модуля, о котором мы писали начиная с конца 1980-х гг., постепенно проникает в головы и самих политиков. Так, один из руководителей "Яблока" С.Иваненко на заседании клуба "Открытый форум" в канун последних думских выборов утверждал, что не так важно, как будут называться партии, преодолевшие 5%-ный барьер, в любом случае в парламенте будут представлены четыре политические силы [8].

Величине параметра $m = 4$ соответствует значение $n = 5$ – с учетом "неприсоединившейся" группы ($n = m + 1$). При этом, согласно нашей модели, в стабильной социально-политической системе необходимо соблюдение равенства количеств главных партий (вернее, партийно-идеологических позиций), с одной стороны, и основных социальных классов, с другой, т.е. должно выполняться условие (4). Тогда и количество социально-

идеологических классов в стране в "нормальном" случае должно составлять, в свою очередь, $r = 5$.

О каких пяти классах тут следует говорить? Напомним, по-прежнему речь идет о классовых *идеологемах*, т.е. широких общественных представлениях о строении социума. Массовые же представления отличаются заметной инерционностью, а их радикальное изменение сопровождается социальными и политическими потрясениями (достаточно вспомнить о революциях 1917 г. или недавнем переходе от системы советских классов к тройке "капиталистических"). Поэтому, чтобы не наступать вновь на грабли, в процессе социально-идеологического конструирования целесообразно бережно относиться к уже наличному идеологическому достоянию, ибо общественные стереотипы суть столь же драгоценный ресурс, как и материальные ресурсы.

Кроме того, Россию относят к числу образованных стран, а значит, возможные кандидаты на новый классовый стереотип должны обладать той имплицитной логичностью внутреннего строения, которая отвечает большинству современных стереотипов вообще. Наконец, не вполне желательно, чтобы новая классовая идеологема была действительно новой по своей структуре, поскольку процесс распространения общественных штампов обычно осуществляется не столько через понимание массами логических аргументов и выкладок, сколько через обыкновенное *подражание*. Если нечто является давно привычным, в таком случае только полезно: процесс мышления по аналогии запускает механизм самовоспроизводства и трансляции штампа. Вооружившись подобными правилами, попробуем поискать наиболее приемлемых кандидатов.

Прежде всего, мы не намерены отрицать, что идеологема богатого, среднего и бедного классов сама по себе обладает неподдельными достоинствами: как простотой, так и имплицитной логичностью (см. выше: и заложенный в нее элементарный критерий уровня доходов, и производная троичность строения). Кроме того, эта идеологема отвечает, как сказано, модели общества потребления, консюмеристской идеологии, и, по-видимому, показалось бы эксцентричным, если бы вдруг в настоящей работе была выдвинута задача вступить в решительную идеологическую борьбу с "психологией потребительства и стяжательства": в сфере классовых стереотипов эксцентричность малоуместна. К достоинствам "американской" идеологемы, несомненно, относится и ее исторический стаж – как на Западе, так и, что особенно важно, уже и в России. Полтора

десятка лет пропаганды – то достояние, с которым стоит считаться. Таким образом, данную идеологему было бы целесообразно использовать в качестве отправной, а затем, если удастся, внести в нее подобающие изменения.

На фоне упомянутых "плюсов" у схемы богатого, среднего и бедного классов присутствуют и кардинальные недостатки, о которых частично уже сказано: она, по-первых, не очень удачно ложится на современную диспозицию классов в России и, во-вторых, отличается тройственностью строения ($r = 3$), а, как только что установлено, сложившаяся политическая структура требует пятеричности ($r = 5$). Это серьезные недостатки, ставящие под вопрос саму возможность ее адаптации на отечественной почве. Однако ситуация отнюдь не выглядит тупиком; попробуем поискать прецеденты в культуре, когда тройственные структуры превращаются в пятеричные. Поиск прецедентов тем более плодотворен, поскольку на искомую идеологему выше было наложено требование ее подобия вполне привычным структурам.

То, что сразу бросается в глаза, – это пример из языка, вернее, всем известной грамматики. Личные местоимения делятся на три грамматические лица, однако при этом третье лицо (в единственном числе) дополнительно подразделяется по признаку грамматического рода. В итоге пять местоимений "я, ты, он, она, оно" взрастают на троичной логической почве, но при этом как бы "дважды троичной" (подробнее об этом см. [1, с.75-82]). Для того чтобы из тройки получить пятерку, один из элементов необходимо представить в виде совокупности также трех. Для наших целей это удача, поскольку подобный опыт входит в культурное достояние образованных масс, и хотя не все отдают себе ясный отчет в присутствии подобной структуры, но на подсознательном, интуитивном уровне для всех тут всё совершенно прозрачно.

Аналогичное строение встречается в ряде сказок. Царь с царицей (вар.: купец, крестьянин, мельник с их женами) и три их сына или дочери – одна из привычнейших фольклорных конструкций. В данном случае также исходно троичная структура моногамной семьи ("муж-жена-дети") трансформируется в пятеричную за счет дополнительного деления одной из позиций ("дети") на три элемента. С такими сказками мы все познакомились в детстве, и даже если кое-что подзабылось, то в подсознании они прочно закреплены. Не менее полезен для нас и факт, что речь тут о *сказках*. При выводе формулы (4) уже отмечалась коренная особенность классовых идеологий современного типа – то, что было названо вмонтированной в них

"авантюристичностью", верой в возможность "чуда" (см. "из чистильщиков сапог в миллионеры" или "кухарка у руля государства"). Сюжет сказок данного цикла, кстати, тоже включает огромный бонус для героя в конце: несметное богатство, пол-царства, рука прекрасной принцессы. Поэтому применительно и к искомой классовой идеологеме мифологические коннотации не вредят.

Возможно, целесообразно вспомнить и о реальном историческом опыте нашей страны, причем как раз в области социального конструирования. Во второй половине XVIII в. в России, уже тогда развивавшейся по сценарию догоняющей модернизации, учреждается система сословий. Если в Европе с XIV – XV вв. была принята схема трех сословий: дворянство, духовенство и неоднородное так называемое третье /2/, – то в России вместо трех вводится пять: дворянство, духовенство, купечество, мещанство, крестьянство (речь тут идет только об общенациональных, т.е. значимых для социума в целом, сословиях). Нетрудно заметить, что названная пятичастная схема оказалась логически производной от европейской трехчастной, поскольку совокупность "купечество, мещанство, крестьянство" выступала в качестве группового репрезентанта и заместителя "третьего сословия". Такой системе удалось просуществать в России вплоть до 1917 г.

Путь превращения тройки в пятерку в культуре, очевидно, хорошо проторен, однако пока не вполне очевидно, какое именно из звеньев исходной триады необходимо подвергнуть дополнительному тройственному членению. На минуту вернемся к только что приведенным примерам.

Почему в системе лиц местоимений дополнительно подразделяется именно третье лицо? Деление на грамматические лица происходит на базе типизации позиций в диалоге, в котором два первые лица – "я" и "ты" – всякий раз однозначно определены, тогда как "третье лицо" может описывать весьма разных людей; в реальном диалоге третьего человека может и вовсе не быть. Таким образом, грамматики подвергли повторному членению логически наименее определенный элемент. Не иначе обстоит и с семьями в сказках. Муж с женой уже суть семья, а детей в принципе может быть любое количество, т.е. и здесь дополнительному подразделению подвергнута наименее определенная позиция. Аналогично и в русской схеме сословий: дополнительному "растроению" подверглось наиболее неоднородное и концептуально расплывчатое звено.

Но что является наименее определенным звеном в схеме богатого, среднего и бедного классов? Богатство и бедность

имеют кричащие проявления, и коллективным представлениям о них уже не одно тысячелетие; любому кажется ясным, что означает быть богатым и бедным. Класс же средний в коллективных представлениях – главным образом "не богатый" и "не бедный", один из образчиков "ни рыбы, ни мяса", "ни того, ни сего". В истории мысли апофатическим определениям подвергалось прежде всего нечто невидимое, неощутимое и по природе немыслимое, чему оттого и невозможно дать дефиниций в положительных терминах, например Господь Бог. Глубины духа живут по собственным законам, и мифологема "среднего класса" превратилась в ангажированных кругах едва ли не в идола, или кумира, которому готовы поклоняться и приносить реальные жертвы. Догматизация "среднего класса" по существу выводит его из сферы всякой рациональности.

Однако, как, вероятно, догадался читатель, мы, даже рискуя прослыть еретиками, собираемся резать на три концептуальные части именно эту "священную корову". Референциальная размытость понятия "средний класс" превращает его в главного и по сути единственного кандидата на логическое "заклание" в рамках классовой идеологемы.

Для корректности стоит проверить и альтернативные варианты, например, разделив класс богатых. Отечественным историческим прецедентом тут могло бы служить, скажем, принятое с 1775 г. деление привилегированного купечества согласно размеру капитала на три гильдии. Однако значимость подобных членений обычно не покидает границ того конкретного класса, сословия, к которому они непосредственно применены. Они не становятся, таким образом, достоянием общества в целом, так как для былого крестьянина, что десять тысяч рублей, что пятьсот тысяч – в равной мере поражающие воображение и выходящие за грань понимания суммы. В качестве другого аналога можно было бы сослаться на принятое в марксистской науке деление прототипа богатого класса, буржуазии, на крупную, среднюю и мелкую. Однако это осуществлялось в марксистской *социологии*, т.е. *науке*, тогда как в идеологической плоскости, т.е. для широких масс, разумно оставляли "голую" буржуазию в роли главного идеологического "пакостника".

Не более конструктивным стало бы членение и бедного класса, предлагающего ценные дефиниции наподобие "просто бедного, как Акакий Акакиевич", "бедного как церковная крыса", "нищего подобно бомжу" (вар.: "гол как сокол"). Не уверен, что поддержка умений проводить столь изысканные границы принесла бы большую пользу общественной идеологии, как и вообще наделение общества способностью разбираться в оттенках

разновидностей нищеты, так что дробные градации и бедного класса лучше оставить специалистам в экономике и социологии. Итак, даже методом исключения, помимо среднего класса, не обнаруживается других кандидатов на логическое разделение. В противном случае пришлось бы целиком отказаться от идеологемы трех классов, выбросив за борт и представления о богатых и бедных.

Впрочем, хотя объектом изучения у нас является идеология, это не снимает требования научной добросовестности. Поэтому прежде, чем провести терминологическое рассечение стереотипа "средний класс", необходимо внимательнее рассмотреть, какие реалии за ним стоят.

4. Средний класс

Модель трех классов по критерию богатства имеет долгую предысторию. У нее много отцов, как и в подавляющем большинстве идеологем, она вынашивается в лоне коллективного бессознательного, становясь плодом совместных усилий. У историков происхождение понятия "средний класс" принято возводить к Аристотелю. В "Политике" (кн.4) Аристотель писал: "В каждом государстве есть три части: очень состоятельные, крайне неимущие и третьи, стоящие посредине между теми и другими. Так как, по общепринятому мнению, умеренность и середина – наилучшее, то, очевидно, и средний достаток из всех благ всего лучше. При наличии его легче всего повиноваться доводам разума; напротив, трудно следовать этим доводам человеку сверхпрекрасному, сверхсильному, сверхзнатному, сверхбогатому или, наоборот, человеку сверхбедному, сверхслабому, сверхуниженному по своему общественному положению. Люди первого типа становятся по преимуществу наглецами и крупными мерзавцами. Люди второго типа часто делаются злодеями и мелкими мерзавцами. А из преступлений одни совершаются из-за наглости, другие – вследствие подлости" [9, с.504]. И далее: "‹…› государство, состоящее из средних людей, будет иметь и наилучший государственный строй. Эти граждане по преимуществу и остаются в государствах целыми и невредимыми. Они не стремятся к чужому добру, как бедняки, а прочие не посягают на то, что этим принадлежит, подобно тому как бедняки стремятся к имуществу богатых ‹…› Поэтому прекрасное пожелание высказал Фокилид: "У средних множество благ, в

государстве желаю быть средним". Итак, ясно, что наилучшее государственное общение – то, которое достигается посредством средних, и те государства имеют хороший строй, где средние представлены в большем количестве, где они – в лучшем случае – сильнее обеих крайностей или по крайней мере каждой из них в отдельности. Соединившись с той или другой крайностью, они обеспечивают равновесие и препятствуют перевесу противников. Поэтому величайшим благополучием для государства является то, чтобы его граждане обладали собственностью средней, но достаточной; а в тех случаях, когда одни владеют слишком многим, другие же ничего не имеют, возникает либо крайняя демократия, либо олигархия в чистом виде, либо тиранния, именно под влиянием противоположных крайностей. Ведь тиранния образуется как из чрезвычайно распущенной демократии, так и из олигархии, значительно реже – из средних видов государственного строя и тех, что сродни им" [там же, с. 507].

Обращаясь к менее отдаленному прошлому, историки проводят генеалогическую линию среднего класса через те социальные слои, которые занимали промежуточное положение между аристократией, дворянством, с одной стороны, и работниками, с другой, т.е. через часть третьего сословия. Насыщенная история у феномена и понятия "средний класс" и в новейший период.

Так, в начале XX в. У.Уэйл, ученый-социолог, видная фигура прогрессизма, полагал одним из национальных приоритетов достижение "новой демократии", носителями идеалов которой служили бы средние слои американского народа. С ним солидаризировался У.Липпман, сторонник прогрессизма и социального фрейдизма. Уже в 1980-е гг. американский публицист и социолог Алан Вульф в книге "Американский тупик: политический и экономический рост от Трумэна до Рейгана" писал: "Политика роста в послевоенной Америке базировалась на предположении, что рабочий класс будет постепенно трансформироваться в средний класс" (цит. по отрывку "После Рейгана". – Working papers new society, дек. 1981). В послевоенной американской социологии получила широкое хождение стратификационная схема по уровню доходов, но обычно более дробная, чем троичная. В массовых представлениях, однако, прижилась элементарная разновидность.

Поле исследований проблематики среднего класса необозримо, и в разных работах используются критерии выделения среднего класса не только по деньгам или собственности, но и по образованию, условиям воспитания, по

рождению и т.д. В широком диапазоне, соответственно, варьируются характер и размеры такой социальной страты. Однако в настоящей работе рассматривается только тривиальная классовая идеологема, и здесь нет ни возможности, ни необходимости поднимать тяжелые пласты невероятно разросшегося понятия, которое фигурирует в трудах историков, экономистов, философов, политологов, социологов. Для наших целей вполне достаточно того незамысловатого содержания, которое соответствует массовым представлениям.

Современные теории политической экономии рассматривают широкий средний класс как фактор благоприятного, стабилизирующего воздействия на общество, поскольку он не является носителем ни взрывных революционных тенденций низшего класса, ни неограниченного стяжательства класса высшего. В такой функции он выглядит особенно полезным, но исходя из того, что, за исключением сравнительно узкого круга развитых стран, средний класс более нигде не составляет общественное большинство, в науке наблюдается явная тенденция расширять это "эпистемологически ценное" понятие до уже окончательной неопределенности, а значит, лишать его дистинктивной силы.

Нельзя не упомянуть и о мощном течении, противодействующем апологизации среднего класса. Поскольку речь идет об идеологеме, т.е. стереотипе массового сознания, у многих интеллектуалов она вызывает чувство протеста (ведь сравнительно редкие интеллектуалы любят клише и массовое сознание, и в головах далеко не только наших соотечественников при упоминании "идеологии" зачастую возникает образ чего-то пустого, а не то и брутального, что, впрочем, не мешает им самим использовать целый ряд других стереотипов, ничуть не рефлексируя по этому поводу). Поэтому без сильного преувеличения можно сказать, что в Америке, Европе, а теперь и в России только ленивый не ставил под сомнение идеологему трех классов и в особенности состоятельность термина "средний класс". Хотя справедливее применять эту констатацию главным образом к тем, кто занимается проблемой *специально*, тогда как подавляющее большинство остальных продолжает автоматически пользоваться трехчастной классовой идеологемой – не вдаваясь в детали (см. выше о специфике работы всех рационально-бессознательных схем).

В дезавуировании понятия "средний класс" принимают участие:

– историки (у среднего класса как самостоятельного целого нет глубоких исторических корней, он результат разложения

третьего сословия);

– философы-постмодернисты (деконструкция оппозиции "богатый/бедный" приводит к практически полному исчезновению реального референта и среднего класса, как и большинство идеологем, это понятие имеет симулятивный характер);

– социологи, особенно позитивистски-номиналистического направления (за понятием среднего класса в действительности не стоит никакое концептуально единое целое, на деле он распадается на множество разнородных групп /3/);

– эпистемологи (за выделением трех таксономических единиц, границы между которыми условны и определяются произвольными цифрами доходов, стоит в лучшем случае голая конвенциональность, а если учесть варьирование конкретного деления от исследователя к исследователю, перемещение разделительных линий вместе с экономической конъюнктурой, то "средний класс" превращается в нечто почти мистическое);

– моралисты (филистерская природа среднего класса плюс критика общества потребления; не забываются и христианские максимы: "Он не холоден и не горяч, о, если бы он был холоден или горяч").

Даже то, что одним представляется главным достоинством среднего класса – его стабилизирующая роль в развитых странах, у других вызывает иную оценку: конформизм, инертность (а главными двигателями социального прогресса являются богатый и бедный классы – соответственно, через борьбу политических элит, во-первых, и чреватость бунтом и революцией, во-вторых). В результате можно констатировать значительную уязвимость понятия "средний класс", повсеместно оказавшегося очень легкой мишенью для критики. Тем более это относится к России.

В нашей стране у этого понятия еще меньший исторический стаж, чем на Западе. На настоящий момент относительно невелика и реальная численность среднего класса (см. выше), он до сих пор не обзавелся самостоятельным классовым самосознанием, в связи с чем некоторые публицисты еще только ставят задачу внятно сформулировать его политические запросы, социальные интересы и этим пробудить средний класс от политической спячки. Поэтому вышеупомянутая функция стабилизатора общества в России является не более чем надеждой, отнесенной к предположительно светлому будущему. Историки и культурологи отмечают также отличие российских культурных традиций от западных.

Об этом много писалось. Во-первых, если на Западе, особенно в протестантском ареале, материальный достаток издавна

воспринимался в значительной мере в "ветхозаветном" ключе – как результат труда в поте лица и даже как божье благословение (признание праведности), то в ареале православия возобладали существенно более идеалистические, оторванные от земных реалий тенденции: "нельзя служить Богу и маммоне", "не собирай богатств на земле", "легче верблюду пройти сквозь игольное ушко, чем богатому попасть в Царствие Небесное" или "трудом праведным не возведешь палат каменных". Помимо религиозного фактора, причины укоренения таких настроений усматриваются как в проживании русских в зоне рискованного земледелия, набегах кочевников, частых войнах, так и в многовековых нарушениях сильными мира сего неприкосновенности частной собственности и прав личности граждан ("от сумы да тюрьмы не зарекайся"). В результате простому признаку размера дохода, на котором построена идеологема богатого, среднего и бедного классов, в России труднее служить надежным идеологическим компасом, подводят итог аналитики.

Во-вторых, если и в западных странах нередко звучит мотив сравнения среднего класса с удушающим филистерским болотом, то в России термин "мещанство" оброс ворохом еще более негативных ассоциаций. Наконец, образец "добропорядочного гражданина с определенным материальным достатком", по мнению некоторых публицистов, – просто тесен и скучен, и требующая "разгула" душа скорее отдаст предпочтение крайностям (несметному богатству ли, как у Ротшильда, – см. "Подросток" или "Игрок" Достоевского, – а если "карта бита", то лучше бедность: "бедный, но честный", не говоря о юродивых). По крайней мере, истории о купцах, за неделю спускавших в страшном запое все состояние, ибо "тоска" и "душа широка", одобрительно оценивают у нас, а не на Западе.

Со своей стороны, мы, впрочем, не стали бы преувеличивать значение таких национальных особенностей для современной эпохи, ведь несмотря на многодесятилетние попытки коммунистического режима эксплуатировать мотив "нестяжательства", все же "джинсы", "салфетка на абажуре", "машины и дачи" себе дорогу пробили. Кроме того, в глобализирующемся мире необратимо нивелируются и ценности, и в настоящее время вирус "денежной лихорадки" вполне заразил и нашу страну. На таком, в частности, основании мы и не отказались от использования идеологемы трех классов как исходного пункта. Однако все сказанное, по-видимому, в состоянии лишь укрепить впечатление, что особенно в российских условиях в эту идеологему целесообразно внести коррективы.

5. Современная Россия, часть вторая

Итак, простейший путь превращения идеологемы богатого, среднего и бедного классов в искомую пятеричную ($r = 5$) – это деление натрое имагинативно наименее определенной в рамках массовых представлений и аксиологически амбивалентной позиции "средний класс". Казалось бы, наиболее естественный вариант – разделить ее по тому же признаку, который конституирует и исходную идеологему, т.е. по размеру собственности и дохода: верхняя часть среднего класса, средняя, низшая. В социологии так иногда и поступают /4/, но для наших целей это малоприемлемо.

Во-первых, на таком пути не происходит расширения объема понятия "средний класс", а в наличных российских условиях одна из острых проблем – как раз слабость, недостаточная численность среднего класса, оттого не способного ни выполнить миссию стабилизатора, ни послужить надежной социальной базой реформ. Такие классификации удобны лишь при научном шкалировании, но практически ничего не дают для улучшений в социально-политической области.

Во-вторых, вызывает сомнения и имагинативная ценность новых терминологических единиц: как станет отличать рядовой человек, например, верхнюю часть среднего класса от средней? Наводить справки в специальной литературе? Мало что дадут и публичные разъяснения, ибо, скажем, для бедного две названных группы выглядят почти богачами и для него что "Лексус", что подержанный "Опель" – в равной степени "иномарка". А богатый склонен смотреть на представителей тех же групп с изрядной долей иронии – как на комичных субъектов, тщащихся натянуть на себя шкурку тушкана, "как у Вандербильдши". Как и в случае ранее упоминавшихся градаций богатого класса (три купеческих гильдии, крупная-средняя-мелкая буржуазия) или бедного, подобные таксономии заведомо обречены оставаться в пределах только науки или только тех общественных групп, на которые они непосредственно обращены и которые поэтому в состоянии оценить значение проведенных разграничительных линий, но никак не подходят для конструирования классовой идеологии общества в целом. Можно указать и другие недостатки подобного варианта, но и названных, вероятно, достаточно.

Ранее было приведено методическое правило бережного

отношения к уже сложившемуся классово-идеологическому достоянию: общественные представления – столь же ценный ресурс, как материальные ресурсы. В целом, этого правила мы и намерены придерживаться. Также упоминалось негативное побочное следствие идеологемы трех классов в России: широкие круги социально вменяемого и экономически ценного населения, обеднев, одновременно подверглись и моральной дискриминации. Ведь принадлежность бедному классу имеет не только собственно экономическое выражение, но и социально-престижное, и попадание, скажем, университетского профессора в один класс с бомжом – как минимум нонсенс.

Выход из такого идеологического тупика, собственно говоря, отлично известен. Еще М.Вебер подчеркивал, среди прочего, значение престижной шкалы, фактора рода занятий в процессе организации социума; такой подход, по всей видимости, полезен при построении и классовой идеологемы (позже подход Вебера будет рассмотрен подробнее). В связи с этим попробуем поискать в наличных общественных представлениях то, что отвечает "веберовскому" фактору. К счастью, в поисках не приходится ходить далеко: позднесоветское социальное разделение на служащих (вар.: интеллигенцию), рабочих и крестьян отвечает многим теоретическим требованиям. Прежде всего, дополнительных групп здесь ровно три, т.е. именно то количество, на которое надлежит разделить "средний класс" для итоговой пятеричности ($r = 5$). Кроме того, принцип деления тут – как раз род занятий.

Таким образом, по крайней мере согласно первым прикидкам, для конструирования искомой классовой идеологемы достаточно сохранить представления о богатых и бедных в том виде, в каком они фигурируют в трехчастной идеологеме, а вместо позиции "средний класс" подставить ее расшифровку: интеллигенция (служащие), рабочие и крестьяне:

интеллиг. (служ.)
богатые
– --
рабочие
– --
бедные
крестьяне

Рис. 1

Поскольку идеологические представления всегда связаны с официальной риторикой, сделаем краткое замечание и о ней. Перечисление классов в доктрине вполне допустимо и в ряд, через запятую, например: "представители богатых, интеллигенция (вар.: служащие), рабочие, крестьяне (вар.: работники села), бедные – все российское общество", – структурная двухступенчатость, так же как и внутренняя логичность конструкции, будут все равно, по всей видимости, восприняты большинством. Хотя при освещении специальных проблем средних слоев в риторике окажутся уместны обороты наподобие "все представители среднего класса, т.е. российская интеллигенция, наши рабочие, работники села". Нетрудно заметить, приведенная на рис.1 конструкция mutatis mutandis воспроизводит структуру системы лиц местоимений, а также исторической системы российских сословий.

Осуществленная таким образом трансформация классовой идеологемы обладает рядом достоинств. Во-первых, здесь устраняется, наконец, семантическая и имагинативная расплывчатость общественного концепта "средний класс", т.к. массовые представления об интеллигенции (служащих), рабочих и крестьянах по-прежнему содержательно внятны. Попутно идеологема "среднего класса" обретает не только "апофатическое" ("ни богатый, ни бедный"), но и позитивное ("катафатическое") определение. Во-вторых, что как минимум не менее важно, в коллективных представлениях автоматически расширяются границы "среднего класса", он в самом деле становится репрезентантом общественного большинства (параллельным, заметим в скобках, приснопамятному стереотипу "трудящиеся").

На чаше весов такого варианта и то, что наиболее впечатляющей социальной переменой по сравнению с прежним периодом в глазах населения является образование групп богатых и бедных, возможность существования которых в советском государстве решительно отрицалась. Напротив, былые "трудящиеся" – в нашей терминологии это переинтерпретированный средний класс – по сути остались. Прежде быть "трудящимся" предписывалось государственными законами (см. судебное преследование тунеядства). Теперь место юридической обязательности занимают менее жесткие по модальности общественно-моральные предписания ("надо работать"). Возрастает и социальная мобильность.

У подобного варианта классовой идеологемы существуют, разумеется, и недостатки. Один из них – возможно негативная реакция в "прогрессивных кругах", а не то и подозрения в

коммунистическом реванше. Впоследствии будут рассмотрены и другие кандидаты на искомую классовую идеологему, но данный пример удобен для демонстрации особенностей пятеричных социальных схем вообще, поэтому пока мы будем пользоваться им как рабочим. Касательно же указанного недостатка, вероятно, нелишне напомнить, что когда затрагиваются идеологемы, т.е. объекты рационально-бессознательной области, всегда есть шанс столкнуться с реакцией далекой от собственно рациональной. Вспомнив же о ранее упоминавшемся статусе мифологемы среднего класса как "священной коровы", при его рассечении действительно присутствует риск оказаться на какое-то время зачисленным в святотатцы. По нашему мнению, такую опасность, впрочем, не стоит преувеличивать, ведь речь в конечном счете идет не о внесении в сословные списки и предписаниях, а всего лишь о государственной пропаганде, и если каким-то группам приятнее продолжать идентифицировать себя в качестве "просто среднего класса" (нерасчлененного), да хоть императоров, то препятствий им в этом в демократическом обществе никто не станет чинить.

Чтобы лучше разобраться с мотивом коммунистического реванша, по-видимому, нельзя не заметить, что на деле обстоит ровно наоборот. Значительная часть ныне незаслуженно классово оскорбленных миллионов займет в рамках рассматриваемой идеологемы психологически приемлемое место представителей "нормального большинства". Переосмысленный в новом ключе средний класс составит действительно репрезентативную общественную середину, по краям которой, как и положено, располагаются полюса богатых и бедных. А вот база бедного класса, напротив, стремительно идеологически сузится, ибо в него отныне будут попадать не все бедные, а только принципиально не работающие бедные, т.е. люмпены. При этом временно безработным и пенсионерам, как в советские времена, окажутся отведенными ниши согласно роду занятий ("коль был интеллигентом, им останется и на пенсии или пока ищет работу"). Тогда как сейчас, к примеру, бюджетников, которым государство платит оскорбительно низкое жалование, оно же затем дополнительно помещает под морально-психологический пресс, идеологически относя этих людей к социальному низу. Отчуждение значительных масс населения от государства в таких случаях становится неизбежным, в ответ государство награждается ярлыками "режим", "оккупанты" и проч.

В рамках настоящей работы, однако, едва ли уместно вступать в основанные на вкусах и политических убеждениях идеологические дискуссии, которые редко имеют на выходе

конструктивный продукт. Более целесообразно – продолжить наше исследование, поскольку предстоит обнаружить еще множество логических черт пятичастной социальной идеологемы, которые позволят определить, способствует ли она решению, а если да, то каких, действительных проблем, присущих наличной социально-политической системе. Однако перед тем, как перейти к такой конструктивной части, обратим внимание на несколько немаловажных нюансов.

Прежде всего, как, вероятно, заметил читатель, в трансформированной классовой схеме имплицитная шкала престижа, соответствующая делению "среднего класса" на интеллигенцию, рабочих и служащих, ставит на первое аксиологическое место интеллигенцию, второе – рабочих, третье – крестьян. В этом явное отличие от советской идеологии, ибо в последней, в соответствии с марксистскими постулатами, идеологический приоритет отдавался "самому передовому классу", пролетариату. Кроме того, как мы помним, в первые десятилетия СССР интеллигенция объявлялась вообще не классом, а лишь прослойкой, а позднее, хотя и был признан ее более полноценный статус, официальная доктрина отказывала ей в наличии самостоятельных классовых интересов. Совершенно иная ситуация в рассматриваемой, т.е. деверсифицированной, идеологической конструкции.

На сей раз интеллигенция превращается не только в полноценную классовую единицу, но даже в известном смысле идеологически приоритетную. Во-первых, это, с нашей точки зрения, более соответствует сложившейся фактической ситуации, ибо уже не одно десятилетие стремление к "умной и чистой" работе составляет одну из заметных общественных мотиваций. Во-вторых, такое положение благоприятствует развитию России в направлении постиндустриального (высокотехнологичного, информационного) общества.

Прав также тот, кто заметит, что расположение классов по роду занятий повторяет последовательность основных историко-технологических стадий: стадия аграрного общества, индустриального, постиндустриального. Каждая последующая стадия не отвергает предшествующие ведущие занятия (индустриальная эпоха сохраняет и сельскохозяйственный труд, постиндустриальная – и заводской, и сельский), однако переставляет логические акценты. На нынешней исторической ступени значение промышленного труда снижается за счет интеллектуального.

Обратим внимание и на следующий нюанс. В приведенной классовой схеме наблюдается некоторое терминологическое

"мерцание": высший класс по роду занятий выступает под именами то "интеллигенции", то "служащих", – и это намеренно. "Служащие" – обычно более значительное по объему понятие, включающее представителей не только интеллектуальных профессий. Однако в культурной традиции термин "интеллигенция" окружен более комплиментарными ассоциациями. Поэтому в процессе функционирования идеологемы, по-видимому, целесообразно сохранять оба термина, а выбор осуществлять всякий раз в зависимости от конкретной задачи, от аудитории /5/. Одновременно не стоит сбрасывать со счетов, что в постиндустриальную эру на первый план выходят не только наукоемкие сектора, но и сектора управления и обслуживания. Известная путаница, когда, к примеру, бармен окажется идентифицированным в форме "интеллигенции", в таком контексте даже уместна, ибо это бармену лишь польстит, а одна из главных задач конструируемой идеологемы – повышение оценки и самооценки различных слоев.

И, наконец, последнее в этом блоке. Вскоре мы вернемся к более строгим предпосылкам значения трансформации классовой идеологемы для стабильности и демократичности социума, пока же поделимся одним предварительным соображением. Некоторым читателям, возможно, по-прежнему кажется странным тезис, что изменение идеологемы, на деле выливающееся не более чем в словесную манипуляцию (вместо "среднего класса" – интеллигенция, рабочие и крестьяне), в состоянии оказать серьезное влияние на социально-политическую обстановку.

Воспользуемся небольшой бытовой аналогией. Допустим, кто-то заплатил вам за сделанную работу заметно меньше, чем вы считаете справедливым. Такое и само по себе, конечно, вызывает досаду, но мало того, названный "кто-то" после выдачи денег вас еще и оскорбил, и как раз по поводу мизерности вашего заработка. Это несущественный фактор для вас ("подумаешь, всего-то слова" /6/)? А если подобное происходит годами, какие чувства возникнут в ответ? Однако по сути именно это происходит в России, поскольку государственные чиновники, масс-медиа, употребляя идеологему трех классов, исподволь указывает миллионам достойных людей место в самом низу, там, где "отбросы". Государство совершает это без умысла? Но разве неумышленность оскорбления уменьшает обиду? При этом верх наивности полагать, что последствия массового психологического унижения касаются только самих униженных. Ответная реакция – недоверие, раздражение, даже ненависть – обращается на богатых, на само государство, на нацменьшинства, все замыкается в порочный круг, растет как снежный ком, затрагивая всех и

каждого. Общий климат в обществе становится далеким от социального и политического мира. Так что классовая идеология, которая "не более чем слова", по-видимому, все же в состоянии претендовать на роль немаловажного социально-политического фактора.

После сделанных замечаний пора возвратиться к структурной части анализа.

6. Характеристики пятикласовой идеологемы

Рассматриваемая социальная идеологема согласуется со сложившейся в России партийно-политической системой не только в отношении количества основных составных элементов (см. выше: $n = r = 5$). Не менее важен и другой аспект, а именно сопоставление структур партийно-политической системы, с одной стороны, и классово-идеологической, с другой, по отдельности.

Выше было сказано, что активной партийно-политической, партийно-идеологической системе современной России свойственна четырехсоставность ($m = 4$), тогда как для ряда западных стран (особенно морских, в частности англосаксонских) характернее биполярность ($m = 2$). Такие системы принципиально отличаются друг от друга не только в плане количества составных элементов, но и по критерию так называемой *размерности*. Это уже отмечалось в наших предыдущих работах [1, с.627-628], но несколько тезисов полезно и повторить.

Биполярные схемы квалифицируются в качестве одномерных, поскольку главная линия политического противостояния тут проходит всего через два политических лагеря, или полюса: например, "республиканцы-демократы", "правые-левые". Основное содержание активной политической жизни в глазах большинства сводится к борьбе двух партий, двух лагерей. Иначе в четырехпартийных политических системах ($m = 4$). Здесь, как показывает анализ, подобных линий становится *две*. Последнее же означает *двумерность*.

С точки зрения логики это тривиально: четверка раскладывается как $m = 2 \times 2$ (каждому измерению соответствует пара партий, или блоков). Однако, наверное, стоит проиллюстрировать, как формируется второе политическое измерение на практике. Напомним несколько эпизодов.

В период горбачевской "перестройки" на нашей политической

сцене столкнулись две главных идеологических силы: "реформаторы" и "антиреформаторы" ($m = 2$). В начале 1990-х гг. они трансформировались в лагеря "демократов" и "патриотов" (тоже m = 2). При этом любопытно, что в сознании масс закрепились *обе* оппозиции, или идеологические этикетки. На парламентских выборах 1995 г. в Думу проходят четыре политические партии (m = 4), при этом в массовых представлениях они по сути раскладывались по двум означенным признакам, или оппозициям [1, с.620], см. рис.2:

Рис.2

Позднее менялся конкретный состав и наименование пар конституирующих оппозиций, однако признак размерности, т.е. факт $m = 2 \times 2$, сохранялся и продолжает сохраняться в современной России. Подробности можно найти в книге [1, гл.2,3].

Итак, российская партийно-политическая система характеризуется двумерностью. А как в этом плане выглядит сопряженная с ней классовая система? В рамках идеологемы трех классов – богатого, среднего, бедного – классы выстроены по сути в одном направлении – по линейной шкале дохода (как области на числовой оси, на которой задано отношение "больше/ меньше"). Напротив, в пятеричной классовой идеологеме основных конституирующих признаков становится не один, а два: по-прежнему размер дохода, с одной стороны, и род занятий, ассоциированный с ним престиж, с другой.

Логической двумерностью, как нетрудно заметить, отличается и вышеупомянутая система личных местоимений (деление на собственно грамматические лица, во-первых, и по грамматическому роду, во-вторых, рис.3a). Та же двумерность присуща и исторической сословной системе в России (рис.3b), что качественно отличает ее от схемы трех сословий в Европе.

он

купечество
я
– -
ты
– -

она

дворянство
– -
духовенство
– -
мещанство

оно

крестьянство

Рис.3

Таким образом, пятеричный вариант современной классовой идеологемы соответствует существующей в России партийно-политической системе по признаку не только кратности ($n = r = 5$), но и имплицитной размерности. Отсутствие же такого соответствия, как мы позже увидим, приводит к крайне негативным явлениям (впрочем, и последние удастся "схватить" в математической форме).

Коль затронута тема размерности социального пространства (вернее, массовых представлений о нем), нельзя не сказать об еще одной особенности. Идеологема богатого, среднего и бедного классов выстраивает аксиологическую иерархию этих классов по размеру дохода: от низшего (бедного) через средний к высшему (богатому), и быть богатым считается, конечно, лучше всего. А в пятеричной идеологеме таких иерархий не одна, а две. Первая, очевидно, как и ранее, по признаку дохода. Вторая же – по роду занятий: на верхней ступени – интеллигенция, второй – рабочие, третьей – крестьяне. И две иерархии не совпадают, воспринимаясь населением как самостоятельные ("богатство – это одно, род занятий – нечто другое"). То же самое на чуть другом языке: в пятеричной социальной системе действует не одна, а две отдельных шкалы престижа. Точно так же можно говорить и о двух "степенях свободы".

Собственно говоря, отмеченные особенности вполне отвечают уже сложившемуся на настоящий момент положению, и идеологии лишь остается это признать. Ведь по сути любому в России известно, что размер дохода гражданина у нас – параметр практически независимый от степени образованности и квалификации. Эти два признака и в западных странах совпадают не полностью (хотя там у богатого, например, больше шансов получить элитарное образование, а вслед за ним – высокооплачиваемую работу, т.е. корреляция между доходами и образованием, несомненно, присутствует). Однако в российских условиях два данных критерия разведены кардинально, и

высококвалифицированные рабочие или ученые сплошь да рядом влачат существование на грани нищеты. Можно сколько угодно говорить о необходимости исправления ситуации, однако применение одних экономических методов потребует, возможно, десятилетий, а последние еще нужно как-то прожить. Идеологические же средства уже под рукой, и их применение требует не столько финансовых средств, сколько перемен в официальной фразеологии (желательно и в мозгах).

Позднее мы дополнительно убедимся, хотя это, возможно, ясно и так, что позитивные сдвиги в социальном климате создают благоприятные предпосылки и для экономического развития. А сейчас уместно отметить, что корни разделения социально-престижной шкалы на две – во многом еще в советском периоде. Как известно, в те годы партия, исходя из своих идеологических соображений, искусственно ограничивала заработки представителей ряда интеллектуальных профессий – во имя того, чтобы подчеркнуть заботу о приоритетном классе, рабочем. При этом были материально ущемлены и крестьяне, т.е. картина распределения доходов между классами кардинально отличалась как от западной, так и от дореволюционной российской. Для нас же тут важен сам факт принципиального разведения двух шкал престижа, а в современной России – тем более.

Теперь, как ранее было обещано, дадим хотя бы краткое сравнение пятеричной классовой конструкции с веберовской теорией. При этом с самого начала следует отдавать себе ясный отчет, что речь у нас, с одной стороны, и у Вебера, с другой, идет о принципиально разных вещах. М.Вебер, в качестве ученого-социолога, исследовал организацию социальной реальности "так как она есть". Мы же, как не раз отмечалось, рассматриваем не сам социум, а доминирующие *общественные представления* о нем, т.е. идеологемы. Таким образом предметы исследования относятся к областям совершенно разных наук: в случае Вебера это социология, в нашем случае – культурология. Тем не менее общая почва для сопоставлений все-таки существует.

В отличие от Маркса, М.Вебер учитывал не только экономический аспект социальной стратификации, но и такие актуальные моменты как власть и престиж (см., напр., [10]). Собственность, власть и престиж, с его точки зрения, суть три отдельных, хотя и взаимодействующих, фактора, лежащих в основе иерархий в любом обществе. Различия в собственности порождают экономические классы; различия, имеющие отношение к власти, порождают политические партии, а престижные различия дают статусные группировки, или страты.

Отсюда он сформулировал представление о "трех автономных измерениях стратификации". При этом подчеркивалось, что "классы", "статусные группы" и "партии" – явления, относящиеся к сфере распределения власти внутри сообщества.

В таком случае нельзя не заметить, что наша культурологическая модель в значительной степени коррелирует с социологической веберовской, и в коллективных представлениях о социуме фигурируют все три "веберовских" фактора. "Партийный" аспект у нас описывается параметрами *m* и *n*; "экономический" и "престижный" – двумя шкалами, или измерениями, присущими пятеричной классовой идеологеме.

Присутствуют, конечно, различия в терминологии (речь все же о разных науках), несколько по-разному и сгруппированы факторы (ибо реальное строение социума и массовые представления о нем не обязаны во всем совпадать). Мы, кроме того, ввели в модель определенные математические выкладки, однако это, как не раз сказано, отвечает статусу России как страны образованной. Полученное в нескольких поколениях школьное образование, несомненно, накладывает отпечаток на общественное сознание, и элементарная логичность становится его неотъемлемым атрибутом. Поскольку объектом нашей модели служат коллективные представления, постольку экономический и престижный критерии не разводятся столь же строго, как у Вебера, и пятеричная идеологема характеризуется двумя отдельными престижными шкалами: считается "лучше всего" как быть богатым, так и заниматься интеллигентным трудом.

Исследователи наследия М.Вебера, опираясь на его методологические принципы и обобщая его исторические, экономические и социологические работы, реконструируют типологию классов при капитализме (по состоянию на конец XIX – начало XX вв.). Список классов оказывается следующим: 1) рабочий класс, лишенный собственности (он предлагает на рынке свои услуги и дифференцируется по уровню квалификации), 2) мелкая буржуазия (класс мелких бизнесменов и торговцев), 3) лишенные собственности "белые воротнички" (технические специалисты и интеллигенция), 4) администраторы и менеджеры, 5) собственники /7/.

Описывая особенности таких социальных групп, Вебер называл собственников "позитивно привилегированным классом". На другом полюсе – "негативно привилегированный класс", в который включались те, кто не имеет ни собственности, ни квалификации, которую можно предложить на рынке. Однако здесь для нас наиболее интересны не специальные характеристики, а тот факт, что количество основных классов у

Вебера составляет именно пять, т.е. ровно столько же, сколько предусматривает анализируемая классовая идеологема ($r = 5$). Концептуальная параллельность подходов приводит к сходству и результатов в разных науках.

Конкретные списки классов – в нашей модели и веберовской – разнятся, что, вероятно, неудивительно, учитывая как то, что со времен веберовских разработок прошел уже век, так и то, что классовая идеологема изначально ориентирована на массовую, а не научную аудиторию. Кроме того, наша социальная схема адаптирована к современной России и выстроена из уже наличествующих "идеологических кирпичей": из уже успевшей внедриться у нас идеологемы богатого, среднего и бедного классов, во-первых, и укорененных с еще более давних времен представлений об интеллигенции, рабочих, крестьянах, во-вторых.

Теперь мы достаточно подготовлены для того, чтобы поднять еще одну тему, вернее, еще один аспект прежней темы, без уяснения которого останется непонятным многое из того, что происходит в социально-политической системе современной России. В ходе анализа вновь придется прибегнуть к помощи математических средств (по-прежнему элементарных).

7. Развитие теоретической модели

Чтобы с самого начала не утратить связи с реальностью, воспользуемся конкретным примером, иллюстрирующим то, о чем пойдет речь. Начнем с общей экспозиции, т.е. с того, что в Европе внедрение в массовое сознание идеологемы богатого, среднего и бедного классов столкнулось с более сильным сопротивлением, чем в Америке. Причин тому много. Среди таковых, в частности, называют "пережитки феодализма", побуждающие людей в их представлениях о социальной структуре принимать в расчет не только собственно деньги, но и разного рода идеальные, включая престижные, соображения. Феодальным наследием, напомним, часто объясняют и факт, что в Европе сложились широкие социалистические течения, тогда как неведавшей феодализма Америке это не свойственно [11]. Социалистическая традиция – преимущественно марксистская по идеологии, и немало европейцев до сих пор предпочитает держаться марксистских представлений о социальных классах, не переходя к богатому, среднему, бедному. В некоторых же

европейских странах при смене доминирующей классовой идеологемы не обошлось без серьезных побочных эффектов. Рассмотрим послевоенную Италию.

Вопрос о ней уже затрагивался в одной из наших статей (совместно с В.П.Любиным) [4], но здесь придется кое-что повторить, попутно внеся изменения и дополнения (кроме того, в печатный вариант статьи вкрались досадные опечатки, так что лучше смотреть сетевую копию: http://www.alestep.narod.ru/adds/euro_party.htm).

Италию, как и Россию, относят ко "второму эшелону модернизации". Это означает, что ее экономическое, технологическое развитие осуществлялось по сценарию догоняющей модернизации. На фоне наиболее развитых европейских стран и особенно США, Италия середины XX в. страдала целым букетом болезней – экономических, политических, социальных, культурных, – которые в целом идентифицировались как "отсталость".

В пятидесятые-шестидесятые годы в Италии бросались в глаза следы недавнего кризиса: последствия войны, тоталитарного режима. На политической сцене, как ныне и в России, присутствовали пользовавшиеся широкой электоральной поддержкой коммунисты, что служило симптоматичным признаком состояния общественных умов. Почти полвека, вплоть до недавнего времени, Итальянская коммунистическая партия, ИКП, – вторая по силе в стране (после христианских демократов). Несмотря на это, альянсу прочих политических сил удавалось последовательно (с эпизодическими исключениями) отодвигать коммунистов от государственной власти, от участия в коалиционных правительствах.

В тот же период Италия встает на путь глубоких экономических преобразований. Процесс превращения технологически и социально отсталой страны в современную развитую осуществлялся под американским политическим и идеологическим влиянием (Италия – член западного блока, включая НАТО). Поэтому итальянские элиты принялись, в частности, энергично внедрять в общественное сознание идеал "общества потребления", "американскую" идеологему богатого, среднего и бедного классов ($r = 3$). Что получилось в итоге? Бросим взгляд на социально-политическую констелляцию, по-прежнему ставя акцент на ее идеологическом выражении, т.е. общественных представлениях.

Итальянский политический спектр отличался значительной пестротой, совсем не характерной для случая США (там, напомним, господствует биполярность: "республиканцы-

демократы", $m = 2$). При всем разнообразии тогдашних итальянских партий, их совокупность, однако, может быть описана согласно общепринятым типам: консерваторы (с ними ассоциировались, в частности, национальные и народные монархисты и в немалой степени христианские демократы), либералы (ИЛП), социалисты (ИСП, ИСДП, УСП) и уже упоминавшиеся коммунисты (в глазах сторонников ИКП социалисты смотрелись "оппортунистами"). В действительности, конечно, позиции конкретных партий отнюдь не полностью укладывалась в точные рамки классических представлений о политических типах (наблюдались своеобразные смеси), но этого и не требуется, для наших целей достаточно и значимой представленности данных типов в реально существовавшем политическом спектре. Но отсюда вытекает вывод, что партийно-идеологическое поле послевоенной Италии описывалось значением $m = 4$. С учетом многочисленной, как и везде, "неприсоединившейся" группы населения $n = 5$.

Италия в этот период – парламентская республика, правительства формируются партиями и партийными коалициями (через депутатов), что свидетельствует о высокой степени независимости партийно-политической системы от влияния из высоких государственных кабинетов. Население, по крайней мере задающих правила игры севера и центра Италии, уже отличалось и массовой образованностью, т.е. выполнялась еще одна предпосылка нашей модели. В Италии тех лет, наконец, становятся массовыми настроения, которые выше именовались "авантюристичностью". Ведь старым политическим и экономическим элитам был нанесен серьезный урон во времена Муссолини, войны, последующей дефашизации, прежние классовые барьеры ослабли и "растворились", и многие люди почувствовали, что распахнуты двери небывалых экономических и социальных возможностей. Новые технологии, в свою очередь, способствовали образованию новых экономических и социальных ниш. Таким образом, по отношению к послевоенной Италии справедливо все то, что отвечает специфически современным социально-политическим системам и что было заложено в основание используемой теоретической модели.

Тогда, казалось бы, должно удовлетворяться условие (4), т.е. $n = r$, однако в Италии по каким-то причинам оно не срабатывало. Ведь число основных политических групп здесь, напомним, составляло по существу $n = 5$, тогда как число фигурирующих в массовом сознании ведущих групп социальных, согласно идеологеме богатого, среднего и бедного классов, $r = 3$. В результате в общественных представлениях зазияла явная

"щель", которой предстояло чем-то заполниться. Возможность стабильности подобного варианта ранее нами не учитывалась, теперь модель требует дополнений. И здесь приходится вспомнить о таком специфическом феномене как итальянская мафия.

Явление организованной преступности знакомо множеству стран. Однако дотоле практически нигде и никогда данный спрут не раскидывал щупальца столь широко и не забирался столь высоко, как в послевоенной Италии. Значительно позже, в конце 1980-х гг., в ходе так называемой "судебной революции", получило официальное подтверждение то, о чем раньше говорилось на каждом углу: целые поколения самых видных итальянских политиков, включая всех сменявших друг друга на протяжении десятилетий премьер-министров, были уличены в связях с мафией. Такое положение выглядит беспрецедентным: в стране невероятно разрослись нелегальные экономика и политика.

С точки зрения ходячих либеральных мифов это может выглядеть неожиданным, ведь во времена Муссолини могуществу мафиозных кланов был во многом положен конец. Большое количество членов "семей" было физически уничтожено, попало в тюрьмы или вынужденно эмигрировало в Новый свет, в поисках более удобной среды для своих занятий. Демократический же, казалось бы, "просвещенный", режим, напротив, привел к невероятному разрастанию метастазов экономических преступлений и административной коррупции. Подобная неожиданность, впрочем, как предстоит убедиться, лишь выглядит таковой в глазах тех, кто предпочитает смотреть на реальность сквозь призму расхожих идеологических предрассудков, тогда как в действительности, в определенном системном контексте, истоки могущества соответствующего феномена коренятся в особенностях самого социально-политического механизма.

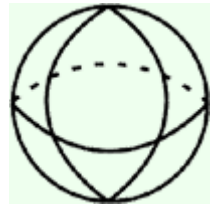
Чтобы с самого начала не пойти по ложному пути, следует также оговорить, что "мафия", по крайней мере, обладающая столь же безграничным экономическим и политическим влиянием, как в послевоенной Италии, – отнюдь не закономерный продукт и политической демократии как таковой. Ведь даже в тех демократических странах, которые столкнулись с этой проблемой (напр., в тех же США, в которые переехали итальянские "семьи"), "мафии" обычно не удается участвовать в управлении государством в целом. Негативный феномен остается локальным. В большинстве же остальных демократических стран под словом

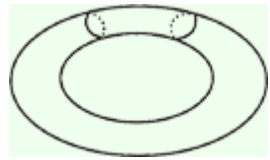
"мафия" имеется в виду не более чем ординарная организованная преступность, для борьбы с которой достаточно арсенала полицейских мероприятий. Причины, следовательно, стоит искать не в демократии самой по себе, а в определенной специфике ее строения, или особом состоянии общественного сознания.

С точки зрения теории, "мафия" (для конкретности пока имеется в виду одноименное итальянское явление) представляет собой одну из социально-политических групп. Она является самостоятельной *социальной* группой, например, потому, что занимается специфической деятельностью и попутно идентифицирует себя отдельно от остальных членов общества (эти остальные вполне соглашаются с подобной "отдельностью"). Ее следует считать также значимой *политической* группой, если в ее орбиту вовлечены влиятельные государственные и политические деятели. То есть, несмотря на официальное отсутствие на политической сцене, такая группа служит важным политическим фактором. В той же Италии, напомним, в активных контактах с мафией вначале (неофициально) подозревались, а позже были следственно уличены даже премьер-министры.

Обладая статусом значимой социально-политической группы, мафия, однако, отличается и качественной спецификой. Тут важны сразу два обстоятельства. Во-первых, она нелегальна, т.е. не принадлежит открытым общественным институтам – ни политическим партиям, ни социально-идеологическим классам. Во-вторых, о ее существовании *знают все*. Впрочем, для последующего анализа вполне достаточно наличия и общей *убежденности, веры* в то, что она существует, ибо мы по-прежнему имеем дело с *общественным сознанием*, а оно совсем не обязано строго соответствовать действительности. Да и что в таких вопросах удается реально проверить? Так вот, описанный статус рассматриваемой социально-политической ячейки достаточно точно соответствует понятию *топологической "дыры"*, а в нашем случае "дыры" социально-политической.

На всякий случай напомним, что называется "дырой" в топологии. Математики различают поверхности разного рода – в зависимости от так называемой связности. В качестве образца поверхности без "дыр" можно привести, скажем, сферу (рис.4a), с одной "дырой" – поверхность тора, т.е. "бублика" (рис.4b), с двумя "дырами" – поверхность "кренделя" (рис.4c):





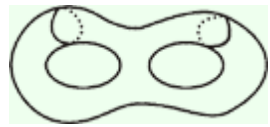


Рис.4

В отличие от остальных социально-политических ячеек, или групп, мафия по сути не участвует в общих процессах социального обмена. Мафия – изолированное, закрытое образование, далеко не всякому удастся в нее попасть, а выходят из нее обычно вперед ногами. Это резко контрастирует с легальными социально-политическими группами, ибо любой гражданин вправе в любой момент сменить свои политические симпатии, нет никаких – по крайней мере, принципиальных, идеологических – препятствий для изменений и его материального благосостояния, отвечающих переходам из класса в класс. Именно поэтому по отношению к мафии оказывается уместным применение концепта "дыры".

В общем случае "дыр" может быть сколько угодно, обозначим их количество через p. Вывод формулы (4) был проведен без учета наличия "дыр", если пользоваться геометрической иллюстрацией, для случая рис.4a., что отвечает величине $p = 0$. (Случай рис.4b описывается значением $p = 1$, случай рис.4c – величиной ‹I›$p = 2$ и т.д.) Как изменится наша формула, если "дыры" в социально-политической системе все-таки существуют?

Математики, к счастью, давно придумали, как поступать в таких случаях. За ними и последуем, лишь адаптируя терминологию к случаю социально-политической системы. Подробности вывода, чтобы не сбивать с толку гуманитариев, перенесем в *Приложение*, здесь же приведем окончательный результат:

$$n = r + 2p. \qquad (5)$$

Послевоенной итальянской структуре отвечали, напомним,

значения $n = 5$, $r = 3$. Фактору "мафии" (социально-политической "дыры") соответствует $p = 1$. Таким образом, описание подобной системы сводится к незамысловатому арифметическому равенству $5 = 3 + 2$.

Итак, если в социально-политической системе современного типа, точнее в массовых представлениях о ней, изначально не обеспечено условие (4), $n = r$ (т.е. если между ведущими политическими представлениями, с одной стороны, и социально-идеологическими, с другой, образуется "щель"), то еще одним вариантом достижения ее внутренней согласованности является формирование коллективных представлений о наличии "дыры". Последнюю производит система в целом, даже мало того, система просто нуждается в ней – для того, чтобы в головах населения "концы сошлись с концами".

Воображаемый большинством продукт неизбежно находит и реальное воплощение (без него не обеспечить стабильности социально-политической системы в целом), в связи с чем появляются основания утверждать, что не только разруха, но и мафия "начинается в головах". Там же она, кстати, имеет тенденцию и заканчиваться. Напомним, что миф о неуязвимости мафии в Италии спустя почти полвека был все же развеян, однако в ходе "судебной революции" рухнула и вся наличная партийно-политическая система. Конкретно это выглядело как необратимая потеря репутации прежних партий, их распад и вытеснение на обочину, а в рамках нашей модели – как кардинальная трансформация политической идеологии общества.

Не лишен любопытства и следующий момент. Речь здесь идет об особенностях массовых представлений, и вопрос реферирования таких представлений явлениями реальной действительности производен, вторичен. Так, для ученых-историков, политологов, социологов остается до сих пор дискуссионным вопрос о релевантности концепта единой "мафии" при наличии множества "семей", между которыми вдобавок периодически вспыхивали кровопролитные войны. Однако поскольку механизмами общественного сознания послевоенной Италии предусматривалось структурное место всего для одной "дыры" ($p = 1$), постольку население было убеждено, что "многоголовая гидра" имеет единое тело. Предметом же нашего изучения служит как раз массовое сознание.

В данном контексте нелишне обратить внимание и на нюанс, также отмеченный в работе [4]. Роль социально-политической "дыры" в общественных представлениях может брать на себя не только мафия, но и другие нелегальные организации, воспринимающиеся в качестве "неуловимых и всемогущих", к

примеру, масоны. На почве послевоенной Италии достаточно вспомнить о знаменитом скандале с ложей П-2, предположительно связанной с ЦРУ.

Впрочем, так как в системах, описывающихся паттерном $n = 5$, $r = 3$, отведено логическое место опять-таки лишь для одной "дыры" ($p = 1$), то обычно подобные скандалы либо относительно быстро затухают, не превращаясь в устойчивый компонент широких общественных представлений, либо же в воображении масс не только разные "мафии", но и могущественные тайные организации других разновидностей сливаются в синкретическую одну. Тогда приходится говорить о контаминированных монстрах в форме альянса мафии, масонов, спецслужб, секретных клубов толстосумов и проч. В нормальной социально-политической среде подобные представления обречены оставаться лишь медицинской проблемой или фигурантами фантастических романов, но если к тому предрасполагают реальные социально-политические условия, ночные монстры выступают из зазеркалья.

Коль здесь пришлось коснуться не совсем обычных предметов, то, возможно, уместно еще раз сказать, за счет чего, казалось бы, строгим, не допускающим фривольности математическим моделям удается работать с "экзотическими" коллективными представлениями. Причина проста: во-первых, сфера идеологических представлений составлена из воображаемых, идеальных объектов (например, "на самом деле" никаких трех классов, разумеется, нет, это лишь идеологема, стереотип); во-вторых же, подобные объекты, прежде чем распространиться, т.е. стать значимыми объектами, вынуждены получить санкцию со стороны элементарных логических законов, поскольку общества – образованные. При этом как математика не обязана искать реальных референтов в окружающем мире (предметная верификация, референция – занятие прикладных наук), так и сфера идеологии в состоянии утверждать вполне "виртуальные" образы. Однако став достоянием масс, ipso facto они обретают реальность.

Начиная со статей А.Гурова в "Литературной газете" – "Лев готовится к прыжку" и "Лев прыгнул", т.е. с конца 1980-х – начала 1990-х гг., тема "мафии" становится одной из расхожих и в России. Истории про киллеров, "братков", рэкет, "крыши", коррупцию высших чиновников не сходят со страниц тиражных изданий. Позднее их список пополнился неумолкавшими на протяжении ряда лет разговорами о кремлевской "Семье", сравнительно недавно отечественная конспирология обогатилась "заговором олигархов" (С.Белковский) и "заговором силовиков"

(Г.Павловский). С позиций нашей модели, вполне характерно, что практически любая из них находит широкий сочувственный отклик.

Вопрос о достоверности, как сказано, в таких случаях по существу не стоит, зато и тень подтверждения воспринимается как убедительное доказательство. Причина тому практически та же, что в послевоенной Италии: сочетание ноуменальной четырехпартийности ($m = 4$, $n = 5$), с одной стороны, и идеологемы трех классов ($r = 3$), с другой. "Дыра" в таких случаях должна быть чем-то заполнена, наличная социально-политическая констелляция снабжает ее "внутренней правдой".

Исходя из настоящей модели, представляется заблуждением полагать, что систему мафии, широкой коррупции, вообще всех образований, соответствующих упомянутой "дыре", возможно победить исключительно с помощью государственных и, в частности, правоохранительных органов. "Мафиозность" становится продуктом общества в целом и в качестве такового поражает и государство, и правоохранительные органы, а в связи с надеждами на последние обычно напоминают старые истины наподобие "врач, ‹сначала› исцели себя сам" или "Quis custodiet ipsos custodes?" ("Кто будет охранять самих стражей?" – Ювенал, Сатиры, VI, 347-348).

Несмотря на генетическую виртуальность "дыры", тщетно пытаться ее закрыть путем непосредственного разубеждения населения. Тот, кто возьмется за такую задачу, например, начнет отрицать сквозную коррумпированность российских чиновников, мгновенно попадет под подозрение, что он их бессовестный адвокат или платный агент (аналогично и с "заговором олигархов", "заговором силовиков"). Кроме того, необоснованно полагать, что общественные предрассудки, стереотипы обходят стороной представителей любого из классов, и идти "с пустыми руками" в высокий кабинет тогда превращается в синоним бессмысленной траты времени. Все замыкается в порочный круг, разорвать который возможно лишь на пути смены всей парадигмы.

Механизм работы упомянутого порочного круга (больные представления рождают реальную болезнь, болезнь подкрепляет нездоровые представления) очень просто проиллюстрировать. Каким образом навязчивые мысли о "мафии", ее неуязвимости и могуществе, приводят к материализации призрака?

Тут вмонтирована чистой воды тавтология. Если бы все вдруг поверили, что я всесилен, почти мгновенно я бы и стал таковым, ибо куда ни приду, передо мной распахнутся все двери (как из страха перед моим "могуществом", так и из-за ожидаемых

бонусов), и я получу, что хочу. Но тогда я могу действительно "все", и это воспринимается как реальное подтверждение моего "могущества" ("вот видите, мы так и знали"), что заставляет вспомнить об истине, что общественное убеждение является вполне действительной силой. Напротив, если вера в мои неуязвимость и могущество исчезает, то чтобы справиться со мной, достанет и милицейского сержанта. "Эффект Березовского".

Таким образом, для эффективной борьбы с разветвленной коррупцией вначале представляется необходимым упразднить ее структурное место в *общественных головах*. Но для этого предназначены как раз *идеологические* средства. Мотив "так делают все", "не мы первые, не мы последние" при совершении должностных преступлений, превратившийся в своеобразную норму, если не вовсе исчезнет, то, по крайней мере, утратит конструктивное место в коллективном сознании. "Сопротивляться мафии – сущее безумие", она "бессмертна", в определенный период полагали в Италии. В России любят ссылаться на Карамзина, на экспрессивную дескрипцию отечественного состояния как "крадут". С позиций же нашей модели, демон "мафии" силен лишь до тех пор, пока социум испытывает в нем обоснованную психологическую и имплицитно-логическую потребность.

8. Альтернативы для России

После сказанного нетрудно перечислить наличные социально-политические альтернативы России, хотя на практике, конечно, встречаются и их сочетания. Тут все проще, чем в алгебре.

Первый вариант состоит в сохранении идеологемы богатого, среднего и бедного классов вместе со всеми последствиями. Недостаточная численность среднего класса, его неспособность подставить плечо политически умеренным, демократическим по характеру партиям преодолеваются главным образом экономическими методами и непосредственной социальной политикой (повышение зарплат бюджетникам, пенсий, пособий). Ощутимые сдвиги при этом требуют значительного времени и поступательного экономического роста, а вероятная рецессия (например, при неблагоприятном изменения мировых цен на сырье, банковском кризисе) приводит к деоптимизации и классовых пропорций. Надежды на социально стабилизационную

роль исключительно экономических мер представляются преувеличенными и по иной причине. Повышение материального благосостояния бедных ведет прежде всего к изменению конкретных критериев бедности, но само по себе не достаточно для уменьшения численности бедного класса. Широкий социальный слой остается по-прежнему психологически униженным. "Бег за собственной спиной" или "бой с тенью", см., напр., [1, с.101].

Задача развития экономики при таком варианте возлагается прежде всего на государство, правительство. При этом мало востребован потенциал, заключенный в самом обществе, в оздоровлении морально-психологического климата. О последнем, если и вспоминают, то разве что в декларациях о необходимости создания новой национальной идеологии ("великой" /8/). Чтобы сдерживать социальный протест, к услугам патернализма приходится прибегать не только в экономической, но и политической сфере (образцы Чили времен Пиночета, Тайваня, Сингапура, Китая, с поправками на время – России при Столыпине).

Неоправданно высокая численность бедного класса, когда под идеологическую рубрику "социального низа" подверстываются миллионы образованных и дееспособных людей, не остается без последствий. В обстановке фрустрации и в поиске виновных разрастается пятно негативного образа богатых ("олигархов"), что подавляет потенциал развития частного сектора (возвращаемся – см. выше – к надеждам на патерналистскую линию). Помимо "олигархов", в виновники попадают как само государство, с его прозвищами "режим", "оккупанты", так и демонизированные нацменьшинства (см., к примеру, [12]). Слияние мифологем дает контаминированные разновидности "олигархов-инородцев", "инородцев у власти".

На то, что именно социальные факторы становятся одной из ключевых причин обострения межнациональных противоречий, указывает и следующее. Если в социально-политической системе, вернее в массовом представлении о ней, число социальных классов меньше количества основных политических групп ($r < n$), то система в процессе стихийного саморегулирования стремится "добрать" недостающие элементы. Помимо социального (классового), другими действенными признаками, которые в состоянии повысить степень дифференциации общества, служат национальные и конфессиональные. Россия – полиэтническая и поликонфессиональная страна, так что "подручного материала" достаточно. Однако, скажем, на настоящий момент, судя по прессе, наибольшей актуальностью и остротой отличаются

отношение к выходцам из южных республик бывшего СССР (прежде всего кавказских), во-первых, и проявления антисемитизма, во-вторых. Таким образом, число основных элементов в рамках таких представлений оказывается три ("титульная нация" и две группы "вирулентных" нацменьшинств), т.е. ровно то количество, которого недостает для превращения официальной трехчастной классовой идеологемы ($r = 3$) в пятеричную ($r = 5$) /9/.

С нашей точки зрения, правы те, кто утверждает, что межнациональные противоречия в значительной степени – превращенная форма, "свое другое" социальных. Результатом социального унижения широких масс становится формирующаяся потребность поставить какие-то группы еще ниже себя. При этом идеологическая роль "нормального большинства" (в здоровом случае это функция среднего класса – терминологически монолитного или же составного) переходит к национальному большинству. Читатель в состоянии самостоятельно оценить, насколько подобные процессы отвечают задачам построения современного, постиндустриального общества, но таковы объективные последствия указанной социально-политической констелляции.

Как было сказано, совершенно неоправданно полагать, что коллективные идеологемы, имплицитные им оценки оставляют незатронутым какой-либо из социальных слоев; и высший класс, в свою очередь, не обладает специальным иммунитетом. И вот вполне респектабельные граждане на телеэкранах и печатных страницах настойчиво повторяют высокомерную кличку "совки" по отношению к массам менее состоятельных. В принятой позе волей-неволей читается: "Если бедные, значит, недостойные, не имеют мозгов". За психологический дискомфорт от массовой неприязни богатые платят презрением к социальным низам. Образуется порочный круг, и мысли материализуются в поведении (одни настаивают на скорейшем переделе богатств и голосуют за популистские партии, другие "от греха подальше" уводят капиталы на Запад и тратят деньги в первую очередь там, вдали от недоброжелательных взглядов). Каждая из сторон находит реальные подтверждения наихудшим из подозрений.

Второй вариант связан с первым – классовая идеологема сохраняется в прежнем виде, т.е. трехчастной, и приходится мириться с репутацией России как "мафиозной страны" (в глазах как собственного населения, так и "на экспорт"). Остается прибегать к самоутешениям: "Что же делать, не мы первые, а со временем (спустя десятилетия) все образуется" (эпизодические процессы против коррупционеров – см. разд.7 – лишь

подкрепляют уверенность как в коррумпированности верхов, так и в неуязвимости центральных фигур). Правда, как свидетельствуют наша модель и опыт Италии, в будущем неизбежно обрушится вся наличная партийная система, но в контексте распространенного нигилистического отношения к партиям вообще ("кому нужны эти партии") такая перспектива не расценивается многими как неприемлемая.

Укоренение образа "мафии" в общественном сознании психологически коррелирует с чувством "униженности и обманутости" миллионов. Переживание "враждебности, чуждости" государства и социальной среды требует актуализации образа, мифологема "мафии" предлагает по-своему исчерпывающее объяснение. При этом дело даже не в объяснениях как таковых, а в глубокой ментальной потребности (ведь речь по-прежнему идет хотя и о рациональной, но при этом *бесознательной* сфере), которая по настоятельности сродни наркотической зависимости.

Учитывая сказанное в первом пункте, в рамках данной парадигмы нетрудно заметить и следы контаминации мифологем "мафии" и "вирулентных нацменьшинств", тогда стереотипы "мафий" отдельных национальностей, их скрытого альянса входят в набор устоявшихся общественно значимых представлений /10/. Впрочем, для специфически заряженной части интеллигенции взамен простонародной и несколько отдающей портянками "мафии" подходит и разновидность "заговор КГБ", служащая решению тех же структурных проблем.

Третий вариант, признаки относительной работоспособности которого также заметны, состоит в искусственном управлении политико-идеологическим спектром. Отчасти это сопрягается с установкой на политический патернализм (см. вариант первый), но наблюдаются различия в степени и дополнительные нюансы. Для реализации данной альтернативы необходим строгий контроль из закрытых государственных кабинетов над наиболее влиятельными масс-медиа, ключевыми вопросами партстроительства и функционирования ведущих партий. В таком случае социально-политическая система лишается автономии и, следовательно, исчезает необходимость согласования партийной системы, с одной стороны, и классовой идеологемы, с другой. Ограничивающее условие $n = r$ по сути снимается, социум утрачивает самоуправляемость (переход на "ручной режим" управления). К несомненным минусам такой альтернативы относят ограничение демократии (свободы слова, независимости партий), но перед лицом первого и второго вариантов такая цена во многих глазах не выглядит слишком высокой.

Присутствует еще один минус – современные общества

слишком сложны, чтобы ими удалось успешно управлять в подобном режиме в течение длительного периода. Во-первых, сбои практически неизбежны, во-вторых, такая система недостаточно устойчива к потрясениям. Под давлением массовых манифестаций соответствующие режимы зачастую сыплются как карточный домик, однако пока широких протестных движений нет, о них можно не думать, а если возникнут – будут думать уже другие /11/. При этом не следует полагать, что рассматриваемый вариант "ущемления демократии" (дело не в этикетках, вполне подойдет и "преодоление крайностей демократии") – социальный заказ только низов: под надежной политической крышей удобнее проводить не всегда популярные экономические реформы. Тогда отпадает необходимость в постоянной оглядке на позицию "безответственных партий", на социальные последствия новых шагов. У реформаторов развязаны руки. Возникают, правда, проблемы во внешней политике, в отношениях с развитыми демократическими государствами, оказывается подпорченным международный имидж страны, тормозятся иностранные инвестиции, России противодействуют в СНГ, но у страны за плечами богатый исторический опыт противостояния.

Вариант четвертый ассоциирован с предыдущим и заключается в "директивном" утверждении в России биполярной политической системы ($m = 2$, $n = 3$, две партии или два блока партий: "правые-левые"). Такая система, как известно, в стране ныне отсутствует, однако если есть мощные инструменты и политическая воля властей, ее, допустим, можно установить. В таком случае отпадает потребность в смене ведущей классовой идеологемы ($r = 3$), она остается "как в развитых странах". Определенным преимуществом по сравнению с третьим вариантом тут кажется "однократность" вмешательства в партийно-политическую систему: "один раз установили, потом все будет работать само", – исчезает необходимость в постоянном кураторстве над масс-медиа, партиями. Такое преимущество, однако, существует лишь на бумаге.

Во-первых, на нынешней ступени развития экономики у системы трех классов в России нет реальных возможностей стать действительно полноценной (см. выше, в частности, о немногочисленности среднего класса). Во-вторых, бросим взгляд на конкретную политическую констелляцию. Какие именно две партии вправе претендовать на роль костяка российской биполярной системы? Если исходить из существующего состояния, то первую двойку составляют "Единая Россия" и КПРФ. Последняя пока не выражала намерений перекраситься в социал-демократов ("как в Европе"), в этом смысле скорее напоминая

итальянских коммунистов после войны. Попыткам же создать серьезную социал-демократическую организацию, миссией которой стало бы значительное сокращение коммунистического электората, до сей поры не удавалось продемонстрировать выдающихся достижений. Порой раздаются голоса за запрещение КПРФ. Но освободившееся место мгновенно займет та же самая, просто переименованная, или новая радикальная сила, ибо массовый запрос на радикализм в наличных экономических и социальных условиях не может быть элиминирован. Читатель, впрочем, в состоянии самостоятельно справиться с оценкой степени реалистичности и качества любой из российских политических двоек.

Поэтому на деле попытка внедрения биполярной модели неизбежно выливается в перспективу еще более жесткого и не менее перманентного прессинга со стороны неподконтрольных властей. Поэтому сторонникам позиции, чтобы в России все до деталей было "как на Западе" остается только надеяться, что со временем политическая биполярность установится и у нас. Такая позиция отчасти даже и лицемерна, ибо в жертву будущей демократии здесь волей-неволей приносится демократия нынешняя, однако давление на сегодняшнюю демократию – дело властей, а стремление к будущей – "прогрессивной общественности", остающейся в белых перчатках.

Наконец, последний вариант – все же вносятся изменения в действующую классовую идеологему, и взамен схемы трех классов ($r = 3$) принимается пятеричная ($r = 5$).

В пользу трансформации свидетельствуют, кажется, все структурные аргументы: отпадает нужда в системных ограничениях демократии, снимается настоятельная потребность во всемогущей "мафии", снижается социальная напряженность, классовое ядро общества составляет репрезентативное большинство, уменьшается зависимость внутренней социально-политической обстановки от неблагоприятных внешних воздействий. Пятеричная идеологема ориентирована на движение в сторону социального мира, на утверждение климата классового, а вместе с ним и межнационального сотрудничества (а значит, и на рост социальной мобильности, внутреннего динамизма).

Поскольку пятеричной идеологеме, в отличие от троичной, присуще наличие не одномерной, а двумерной престижной шкалы (см. разд.6), постольку возрастает социальная мотивация на получение образования, повышение квалификации, на инновации. Вслед за утверждением идеологической престижности "интеллигентных" занятий оправданно ожидать и интенсификации процессов перераспределения национального

дохода. И не по примитивному деструктивному сценарию "отнять и поделить" (нигилизм в отношении к собственности и без того порождает много проблем), а посредством перемен в межклассовых отношениях. Ведь величина вознаграждения за труд определяется, как известно, не только количеством и качеством этого труда, но и социально-психологическими факторами: "уважаемым людям" платят больше. (В частности, подобному фактору обязана своим успехом историческая борьба западных профсоюзов за повышение прав и заработной платы работников: последние "заставили себя уважать".)

Аксиологический градиент в пятичастной классовой идеологеме, если взглянуть на рис.1, направлен по диагонали из нижнего правого угла в левый верхний (от бедного класса и крестьян к богатому классу и интеллигенции). Ввиду того, что деньги по-прежнему во многом служат мерилом человеческих отношений, то не только престиж идет вслед за ними, но и они за престижем. Снижение неравномерности распределения национального дохода, в свою очередь, оказывает благоприятное влияние на развитие национальной экономики, поскольку корзина потребления богатых состоит в значительной части из эксклюзивной зарубежной продукции, тогда как корзина менее обеспеченных слоев включает б**о**льшую долю продукции массовой и отечественной.

Движение денег вслед за престижем поддерживается и другими механизмами. Вместе с повышением социального авторитета "интеллигентных" занятий возрастает цена интеллектуального капитала, растет доверие богатых к соответствующему источнику инноваций, а значит, интенсифицируются инвестиции в новые технологии. Повышается и самооценка дополнительного идеологически "высшего" класса (интеллигенции), а вместе с ней и апелляция к собственным силам (установка создать что-то свое, "как Билли Гейтс", тем самым образовав совсем новую нишу). Если идеологема трех классов, как было сказано, запускает в России механизм порочного круга, работающего на общее понижение, то в данном случае обратная связь также присутствует, но меняет знак на противоположный /12/.

Наконец, у рассматриваемого варианта пятеричной классовой идеологемы есть еще одно, пока не упоминавшееся, достоинство. Речь пойдет о зрительном ряде, или визуальной суггестии. Специалисты по рекламе, разработчики фирменной символики, идеологи прежних времен всегда понимали важность данного фактора. Поскольку целевой аудиторией всякой классовой

идеологемы является общество в целом, постольку здесь изначально следует ориентироваться на особенности массового восприятия. "Креатив" в данном случае – не салонный изыск, а подчиняется критериям простоты, яркой наглядности и доходчивости для практически любого из членов социума.

XX век, включая отечественную историю, предоставляет нам незабвенные образцы социально-визуальной продукции. У всех в памяти "иконографические" изображения самодовольного пузатого богача-капиталиста во фраке, цилиндре и с сигарой в зубах, а рядом с ним небритого, сутулого, изможденного бедняка в лохмотьях. Идеологический союз двух главных классов сталинского СССР нашел гениальное выражение в монументе Мухиной "Рабочий и колхозница", производившем яркое впечатление не только на миллионы соотечественников, но и левых европейских интеллектуалов той эпохи /13/.

В позднесоветский период, вместе с распространением образования и официальным признанием роли НТР, коммунистические идеологи отказываются от пренебрежительного ярлыка для интеллигенции как прослойки и вводят в оборот более комплиментарный штамп "советская интеллигенция". Общим местом плакатов тех лет становится тройка смотрящих в одну сторону (возможно, в ту, где маячил коммунизм) мужественного рабочего в синей спецовке, с гаечным ключом или штангенциркулем /14/, смахивающей то ли на Любовь Орлову, то ли на Мерилин Монро колхозницы с серпом и в красной косынке, а также облаченного в костюм и галстук сосредоточенного интеллигента в очках. Можно сколько угодно иронизировать над незамысловатостью подобных средств воздействия на массовое сознание, однако с той поры едва ли что изменилось по сути (достаточно взглянуть на мир "пиара" и "попсы").

Тривиально просты, если угодно примитивны, любые стереотипы, включая и классовые, и исключительно в этом качестве они достигают цели. Если ноуменальному массовому восприятию пятиклассовой идеологемы способствуют прецеденты из языка (система лиц местоимений), фольклора (сказочные семьи) и проч., то эффект "схватывания" лишь усиливается, будучи подкреплен в визуальной проекции.

Нетрудно заметить, что рассматриваемая разновидность пятисоставной классовой идеологемы позволяет не изобретать ничего принципиально нового – образы богатых, бедных, интеллигенции, рабочих, крестьян уже давным-давно заготовлены, разве что художники внесут без труда подобающие поправки на время (так, по эксклюзивному социальному заказу

богатых, толстяка с сигарой можно заменить, например, по-спортивному стройной фигурой с теннисной ракеткой и нефтяной вышкой подмышкой, а крестьянин может предстать не в виде колхозницы в комсомольской косынке, а в виде фермера, по-рыцарски горделиво оседлавшего трактор).

Разумеется, совершенно ошибочно полагать, что классово-визуальные средства – из арсенала лишь коммунистической пропаганды. Самое позднее, со Средневековья "простой народ" опознавал социальную структуру, разглядывая картинки в календарях. В XVIII-XIX вв. в России становятся традиционными изображения фигур крестьянина в перепоясанной веревкой холщевой рубахе, онучах и лаптях, купца с лопатообразной бородой, в сапогах и кафтане, мещанина в мешковатом сюртуке, хлыщеватого бритого дворянина в мундире и тучного попа в рясе и с крестом на брюхе. Меняются времена, меняются и клише, однако сам принцип плакатности пережил все эпохи. Таким фактором, по-видимому, не стоит пренебрегать при оценке любых кандидатов на классовую идеологему.

Теперь прислушаемся к голосам потенциальных критиков классовой идеологемы, состоящей из богатых, интеллигенции, рабочих, крестьян и бедных.

Первая группа контраргументов исходит из того, что вообще отсутствует необходимость отказываться от добившейся высокой репутации на Западе трехчастной классовой идеологемы. Численность среднего класса в последние годы растет и в России, поэтому требуется лишь "потерпеть", пока удастся приблизиться к европейским экономическим и социальным стандартам, а тем временем сосредоточить усилия на повышении темпов роста ВВП. Уже сейчас в стране все обстоит не так уж и плохо, и, согласно данным некоторых опросов, к среднему классу в 2003 г. относило себя до половины российского населения [13].

С точки зрения нашей модели, такая позиция представляется недостаточно продуманной, если не лукавой. Начнем с того, что продемонстрировано весьма избирательное отношение к цифрам опросов: например, ряд берется исключительно за самые последние годы и игнорируется, что нынешняя численность среднего класса только вернулась к состоянию перед кризисом 1998 г. Застрахована ли страна от повторения экономических и финансовых спадов? Или российская классовая система так и будет дышать, в том числе коллапсировать, в унисон экономической, следуя за волнами мировой конъюнктуры?

Август 1998 г. резко дестабилизировал и политическую систему, подтолкнув общественные настроения к "наведению

порядка" в стране. Если и прежде российские выборы не всегда удавалось назвать действительно честными, то процесс преодоления кризиса актуализировал, согласно распространенному мнению, вариант "всегда нечестных". Подобные сдвиги принято персонифицировать посредством указания на отдельных "недемократических" политических деятелей и их окружение, а с точки зрения теории, тут просматриваются следы давно известных объективных закономерностей. В период острого кризиса – одновременно экономического, социального и политического – не остается иного серьезного варианта, кроме усиления авторитарных начал. Альтернативой этого является хаос.

Перспектива потерпеть, пока Россия экономически подтянется к странам Европы volens nolens предполагает, что ей не стоит торопиться и с процессами демократизации (см. выше о последствиях трехчастной классовой идеологемы). Параллельно упорно не уменьшаются влияние и размеры административного аппарата (а может ли быть иначе в авторитарной среде?), сопутствующее взяточничество, с чем тоже придется мириться как с "неизбежным злом". Проблема лишь в том, что такой ход событий, как заверяют политологи, нередко заканчивается массовыми протестами, сменой элит, причем как раз не в нижней точке экономической кривой, а в начале подъема.

Что же касается самих данных приведенного социологического опроса, то он, во-первых, вызвал немалое удивление экономистов и социологов, поскольку цифры доходов тех, кто объявил себя представителями среднего класса, плохо согласуются с их анкетной самоидентификацией, во-вторых, политические взгляды подобным образом выделенного "среднего класса" оказались во многом близки к радикальным, что обычно считается признаком класса бедного, и в-третьих, данные таких опросов зависят от перемен в общем политическом настроении. Если же следовать нашей модели, то стремление "нормальных" граждан не числить себя в среде социальных аутсайдеров, маргиналов является не только естественным, но и безотлагательным, и у граждан отсутствует желание ждать, пока реальный семейный бюджет подтянется к объективным стандартам среднего класса.

Претензии к идеологеме "богатый класс, интеллигенция, рабочие, крестьяне, бедный класс" могут заключаться и в другом – например, в том, что в одной из двух своих конструктивных частей она составлена из стереотипов, доставшихся от советского прошлого, пусть и деверсифицированных. Такой факт сам по себе,

конечно, не служит достаточным основанием для приговора: разделение на интеллигенцию, рабочих, крестьян типологически относится к разновидностям *техники*, в данном случае социальной, а технику принято считать в высокой степени независимой от характера политического режима /15/. Кроме того, стремление сразу обновить слишком много в ряде случаев чревато провалом проекта обновления в целом (см. известные срывы модернизации). Перед лицом подобной угрозы "шаг назад" начинает означать "шаг вперед".

Хотя, оставаясь в границах науки, неуместно руководствоваться любыми субъективными, чисто оценочными суждениями, вероятно, все же нельзя априори исключать, что использование элементов старых общественных представлений в каких-то случаях может создавать препятствия на пути к модернизации социума. При этом мы полагаем уже установленным факт, что, во-первых, условия современной России требуют структурной пятичастности классовой идеологемы и что, во-вторых, наиболее слабым звеном исходной трехчастной является средний класс. В таком случае постараемся выполнить давнее обещание, обратившись к анализу иных разновидностей пятичастных идеологем.

Другими претендентами на роль пятисоставной идеологемы, соответственно, станут те, которые уже не оборачиваются в прошлое, а устремили взор исключительно в будущее. Допустим, в процесс идеологического проектирования закладывается забота об отношениях к собственности, вернее, об актуализации этого отношения в коллективных умах. В таком случае средний класс может быть разделен, к примеру, на собственников, менеджеров и рядовых работников – исходя из старых марксистских и по-прежнему остающихся в обращении представлений о трех основных отношениях к собственности: обладание (владение) средствами производства, управление ими, а также отчужденность от них. Отношение к собственности – критерий, который непосредственно не совпадает с критерием уровня доходов, поэтому сформулированное выше требование имплицитной двумерности классовой идеологемы удовлетворяется и в данном случае.

В роли "собственников" в рамках настоящей разновидности, по-видимому, станут фигурировать владельцы мелкого и среднего бизнеса, ибо трудно предположить, что обладатели крупного уже не ангажированы классом богатых. Подобная специальная ориентированность на мелкий и средний бизнес (упоминание его владельцев "отдельной строкой"), на первый взгляд, должна соответствовать повышенному общественному

вниманию к ним, чего в принципе нынешней экономике не хватает, и это является "плюсом". Зато у такой разновидности, на наш взгляд, есть и довольно серьезные недостатки.

Во-первых, собственник мелкий и средний в данном случае искусственно отделен от крупного – не вполне понятно, на каком основании. Во-вторых, в хитросплетениях современных форм собственности разберется разве что искушенный экономист или юрист (например, если работникам принадлежит определенная доля акций предприятия, то кем их считать: собственниками или работниками?). В-третьих, подобную разновидность классовой схемы непросто визуализировать; нам, по крайней мере, не вполне ясно, как тут изображать того же собственника: то ли в виде вальяжного мужика, развалившегося за рулем джипа (собственник средний), то ли в виде нагруженной тюками как ишак женщины-челнока (индивидуал-предприниматель)? Итог – недостаточная определенность, в значительной мере смазанный образ и, значит, сомнительная работоспособность такой разновидности классовой идеологемы.

В качестве еще одного кандидата на классовую идеологему можно рассмотреть деление натрое логического места среднего класса согласно позиции, занимаемой человеком на службе. Так, при заполнении анкет, рассылаемых американскими корпорациями, нередко приходится выбирать между тремя вариантами положения в собственной фирме лица, которое заполняет анкету: *final* authority level, *senior*, *law*, – в известной степени напоминающими высшее, среднее и низовое звенья советских классификаций (в более бытовой терминологии: высшее начальство, средняя ступень управления, исполнители). Не отрицая значения такого критерия для самоопределения людей в рамках отдельных предприятий и организаций, все же кажется затруднительным корректно распространить его на общество в целом. Так, в глазах большинства хозяин мелкой фирмы (final authority level) занимает более низкое социальное положение, чем средний чиновник министерства или гигантской корпорации. Хотя с возможностью визуализации в данном случае обстоит вполне благополучно: картинка багроволицего начальника, который энергично распекает стоящего перед ним сгорбившегося и смиренно скрестившего руки подчиненного, легко предстанет перед мысленным взором. Однако по совокупности факторов настоящая разновидность все же кажется не вполне перспективной.

Еще один вариант – это, скажем, деление позиции "средний

класс" на следующие группы: 1) работодатели (employers, имеются в виду мелкие и средние собственники), 2) работники (employees), 3) самонанятые, т.е. работодатели самим себе (в частности, представители так называемых свободных профессий). Такой вариант легко поддается "иконографической" трансляции: например, надменный и подозрительный работодатель, пришибленный изможденный работник (можно пририсовать коричневые нарукавники) и "расхристанный" представитель свободных профессий с выражением на лице "а мне все до лампочки, я сам по себе" (не исключено, с пестрым панковским гребнем на голове).

Настоящая разновидность, возможно, когда-то окажется в состоянии всерьез претендовать на место в классовой идеологеме, но предварительно критерий социальных отношений на базе распорядительных функций должен занять то ключевое место в общественной психологии и образе жизни в общенациональном масштабе, которое способно стать конституирующим в процессе классообразования. Но при наличном состоянии экономики и общественного сознания подобное деление выглядит преждевременным, хотя партии "прогрессивной" направленности при желании имеют возможность взять такую или аналогичную схему на вооружение в своей пропаганде ("внутри Садового кольца").

Подводя итог настоящей части исследования, необходимо отметить следующее. Если требование пятичастности искомой классовой идеологемы ($r = 5$) и путь ее достижения посредством деления позиции "средний класс" на три крупные социальные группы представляются в целом обоснованными в рамках настоящей модели, то вопрос о конкретном составе таких трех групп остается дискуссионным. Были рассмотрены следующие варианты: "высшая, средняя, низшая часть среднего класса", "служащие (интеллигенция), рабочие и крестьяне", "собственники, менеджеры, рядовые работники", "final authority level, senior, law", "работодатели, работники, представители свободных профессий" и по совокупности обстоятельств наиболее перспективным пока выглядит второй вариант.

Упомянутое "пока" здесь принципиально. Во-первых, преимущества данной разновидности идеологемы отнюдь не в последнюю очередь обязаны сегодняшнему состоянию социально-политической системы, наличной ступени развития экономики. Если, скажем, через 10-20 лет поступательного роста ВВП произойдут социально значимые перемены в уровне жизни, общественном сознании, и средний класс в западном понимании

составит действительное большинство, то необходимость в подобной идеологеме может отпасть /16/.

Так, в 1999 г. Ю.Н.Солонин и С.И.Дудник писали: "В нашей стране, лишенной в нынешнем ее виде органической социальной связи, и определяемой в значительной мере детерминантами политического происхождения, в ней имеются ли предпосылки единого среднего класса? Пока мы видим более выраженную динамику обособления, особенно по этническому признаку. Следовательно, требуется некая особая мера социального времени в пределах которого, возможно, снимется острота обособляющих тенденций и скажется унифицирующий социальный эффект. Им на смену должна придти социальная политика создания таких социальных структур, в которых основную массу должны составить люди обеспеченные в удовлетворении своих основных притязаний и потребностей, имеющих надежные гарантии стабильности своего существования и претендуемого улучшения благополучия. Их мировоззрение можно было бы определить как консервативный оптимизм" [15, с.21]. Когда такая перспектива реализуется, возможно, станет целесообразным вновь скорректировать идеологический курс. Таким образом, наш дискурс во многом следует отнести к той ветви науки, которая называется *транзитологией* и занимается поиском оптимальных маршрутов развития на этапе перехода от тоталитарных обществ к современным демократическим.

Приведенный список возможных разновидностей классовых идеологем не является, конечно, исчерпывающим. Эту часть мы предлагаем в качестве предмета дискуссии – как для специалистов, так и широкого круга заинтересованных лиц, поскольку при любом раскладе классовая идеологема, во-первых, должна отличаться логической простотой, и во-вторых, должна опираться на общественное согласие.

При этом согласие, разумеется, не означает единогласия. Если исходить из нашей модели, то принципиальным по отношению к классовым идеологемам является вопрос не столько их конкретного состава, сколько структурной кратности (величина *r*). Поэтому если разные социальные группы будут придерживаться предметно различных представлений о классовом составе, однако при этом структурно гомологичных (одинаковые *r*), то по-прежнему удастся избежать тех негативных последствий, которые связаны с несоответствием партийно-идеологической и классово-идеологической систем (*n* не равно *r*). Так, в Европе до сих пор в широком хождении не только схема богатого, среднего и бедного классов, но и традиционно

марксистская: буржуазия, пролетариат и крестьянство, – обладающая той же кратностью.

Заключение

В процессе проведения экономических, политических, социальных реформ российские власти систематически пренебрегали социально-идеологической работой. Такое положение объясняют, во-первых, реакцией на засилье пропаганды при тоталитарном режиме, во-вторых, акцентом на экономических мерах (и тон в правительствах задавали в первую очередь экономисты, а не идеологи), в-третьих же, разобщенностью российских элит, неспособных прийти к содержательным формулировкам своих интересов и целей. Сейчас отношение к идеологическим инструментам отчасти меняется, однако по-прежнему предпочтение отдается решению текущих задач, а не стратегической линии. Результат – борьба лишь с последствиями, а не причинами негативных явлений.

При превалирующем позитивистском взгляде на социум как прежде всего "экономическую машину" происходит недооценка духовных, социально-психологических факторов. До сих пор встречается мнение, будто на Западе, в частности в США, наблюдается нечто подобное. Американские элиты в свое время приложили незаурядные усилия, чтобы добиться перемен в классовом сознании и самосознании масс. О необходимости государственной пропаганды не забывается и теперь, вплоть до скандальных проявлений (см., напр., [14] /17/). Даже курс в кильватере западных стран (догоняющая модернизация) предполагает обращение к аналогичным же средствам. К слову, предмет настоящей статьи безотносителен к чисто вкусовым спорам славянофилов и западников, особенно если принять во внимание аргумент, что одна из конечных целей вестернизации состоит в усвоении главного западного образца – привычки жить собственным, а не чужим умом, по крайней мере, отказа от роли троечника, заглядывающего в рот учителю и почитающего за последнюю истину всякое его слово.

Использующиеся в России пропагандистские приемы порой выглядят просто наивными. Из соображений тактичности воспользуемся старым примером: в ответ на программное заявление Е.Т.Гайдара, что он, вместе с командой, заполнил полки магазинов продуктами, оппонентами было тут же

добавлено: "но опустошил животы". А с точки зрения настоящей модели, одной из важных причин фатального падения популярности властей того времени и этого политика в частности стало то, что именно тогда, т.е. на старте реформ, в России началось интенсивное внедрение идеологемы богатого, среднего, бедного классов и вместе с экономическим спадом миллионы людей оказались морально унижены, т.к. им было указано место в идеологически-социальном низу.

Сказанное, конечно, не означает, будто одни грамотные идеологические средства в состоянии решить все проблемы, в том числе в социальной сфере. Однако тезис, что без таких средств проблемы решаются сложнее, наверное, трудно оспорить. Кроме того, если выше отмечалось, что в зону действия классовой идеологемы попадают все без исключения социальные слои, то можно добавить: и правительство, как часть общества, тоже. А если оно обратится в риторике и повседневной работе к более адекватным социальным представлениям (перестав с настойчивостью, достойной лучшего применения, преследовать мираж "среднего класса"), то от этого останется в выигрыше вся система. Абсурдным, разумеется, стал бы вывод, будто отпадает необходимость в социологических данных, отражающих более детальную картину социальных процессов, чем культурологическая модель, однако от идеологической установки зависит также немало, особенно если учесть, что с социологическими цифрами и диаграммами имеют дело главным образом те, кому положено по непосредственной службе, тогда как идеологема проникает в сознание всех.

При этом мы далеки, конечно, от утверждения, будто одно изменение классовой идеологемы в состоянии навести порядок во множестве областей жизни нашего общества. Хотя, как мы постарались показать, наличие цепочек взаимозависимостей связывает классовые идеологемы со сферами реальной социальной среды, политики, экономики, национального самосознания, однако регуляция перечисленных сфер требует и самостоятельных средств. При этом характер классовой идеологемы по-своему задает направление необходимых воздействий – повышение оценки и самооценки широких социальных слоев, повышение степени самостоятельности социально-политической, экономической систем по отношению к государству, декриминализация, утверждение более здоровых межнациональных отношений. Такое направление, по всей видимости, отвечает задачам построения постиндустриального общества.

Одна из подразумеваемых предпосылок настоящей работы

заключается в том, что идеологическим разработкам следует опираться на научные критерии. В настоящей работе мы старались придерживаться подобного требования, хотя конечная оценка – задача уже не наша. Практическая верификация модели, в силу особенностей предмета, возможна лишь вместе с внедрением, однако здесь удалось применить математические методы, результаты которых не требуют экспериментальной проверки. Вообще, для нас это удача, что идеологические конструкты современного общества поддаются математической формализации (см. выше о воображаемом и при этом рациональном характере объектов как математики, так и идеологии образованного социума). Насколько в представленной работе, помимо собственно изучения идеологических объектов, происходит и их конструирование, настолько справедлива речь о своеобразной культурологической инженерии.

И, наконец, последнее. Если озаботиться поиском места на карте различных течений в культурологии, то представленная работа тяготеет к структурному направлению. Поскольку последнее в глазах поклонников постмодернизма выглядит устаревшим, возможно, уместно сказать по этому поводу несколько слов.

Всякое исследование выбирает методы в зависимости от предмета анализа и от поставленных целей. Предметом в настоящем случае служили классовые идеологемы. При этом ставилась задача не разрушать их, а выявлять их строение и на этой базе проектировать новые (для адаптации к российским условиям). Если немного поиграть с постструктуралистской терминологией, проводилась не деконструкция, а реконструкция. Почему?

Любые идеологемы, включая стереотип богатого, среднего и бедного классов, являются, конечно, легкой мишенью для критики. Этот вопрос частично уже затрагивался. Трудно не согласиться, что в такой идеологеме, если на нее посмотреть сквозь окуляр микроскопа, сомнение вызывает едва ли не все. Очевидна, скажем, референциальная размытость каждого из составляющих терминов: начиная с отсутствия строгих границ между ними и заканчивая разнонаправленностью, многомерностью сопряженных культурно-языковых ассоциаций. Для иллюстрации можно напомнить старинные сентенции "беден не тот, у кого мало, а тот, кому мало", "достаточно у того, кому достаточно", ergo: "богатый беднее, чем бедный". Процедуре релятивизации может быть подвергнуто само семантическое ядро соответствущих массовых представлений.

Критические стрелы могут быть пущены и в дистинктивный

признак, лежащий в основании идеологемы трех классов, – размер богатства. Такой критерий незамысловат и экзистенциально малосущественен, тогда как "единственное, что действительно принадлежит человеку, – это его душа". Имплицитной оценочной шкале ("богатым быть лучше, чем бедным") противоречат широко известные утверждения, скажем, Диогена или Христа. Наконец, определенным вызовом интеллектуалам становится не только конкретный характер идеологемы, но и ее статус стертого и бездумного клише, а также принадлежность идеологической сфере (в то время как мы, согласно постмодернистской точке зрения, вступили в эру "конца идеологий"). В общем, классовый стереотип буквально напрашивается на деконструкцию.

Тем не менее в настоящей работе было оставлено в неприкосновенности по сути все, что "требует деконструкции", и даже, что почти неприлично, не поставлена под вопрос вся вульгарная парадигма капитализма и его наиболее пошлого порождения – общества потребления. Напротив, идеологема трех классов сыграла роль одного из строительных кирпичей. Аналогично мы обошлись и с тремя "советскими" классами, хотя коннотации здесь не менее амбивалентны. Противоположность двух подходов объясняется различием установок и целей.

В нашу задачу входило не расшатать идеологические стереотипы о строении социума, а напротив, использовать их более полный набор, тем самым их укрепив. Да, всякий объект масскульта, если его подвергнуть интеллектуальной рефлексии, расползается как ветхая ткань. Однако об альтернативе – лишить социум определенности его простых представлений – на практике лучше не думать, ибо люди станут внимать сонмам прожектеров, предлагающих уже совершенное безумие (вспомним "перестройку"), на поверхность выползут и пещерные представления о строении социума. Как ни прискорбно существующее положение в этой области, правила игры уже заданы, и, с нашей точки зрения, остается лишь их придерживаться.

Аксиологически амбивалентен, разумеется, и весь наш предмет – идеология, которая, как известно, есть власть, значит, насилие. Власть, насилие, вероятно, в самом деле не самые почтенные вещи, если не считать безвластия и расцветающего при нем откровенного произвола сильных и хитрых. Что касается конкретно пятичастной идеологемы (в разных вариантах), то ее интенцией становится, кажется, как раз более полный учет наличной позиции населения, повышение степени самоуправляемости социума и, стало быть, рост общественных

свобод /18/. Поэтому речь шла не о борьбе с подобной властью и идеологией, а лишь о совершенствовании их структуры.

Не исключено, прием сочленения двух разнородных идеологем ("богатого, среднего, бедного классов", с одной стороны, и, к примеру, трех "советских" классов, с другой) может производить впечатление "поп-артистского" монтажа. Однако в настоящем случае главной целью служит не эпатаж, а работоспособность конструкции, которая, помимо рассмотренных рациональных, имеет, конечно, и эстетические измерения (см., например, природа метафоры по Ломоносову: "сопряжение далековатых идей"). Эстетический анализ, впрочем, остался за пределами проведенного исследования.

И в качестве финальной черты – приглашение всем желающим поучаствовать в дискуссии, ибо поднятые вопросы, надеемся, интересны не только для автора.

Приложение

Если для случая односвязности, т.е. без "дыр", справедлива формула (3), т.е. $N = n - r$, то случай с одной "дырой" может быть к нему искусственно приведен. Для этого необходимо мысленно разрезать тело социально-политической системы. Геометрическая иллюстрация приведена на рис.5 (для наглядности края разреза на схеме немного разведены):

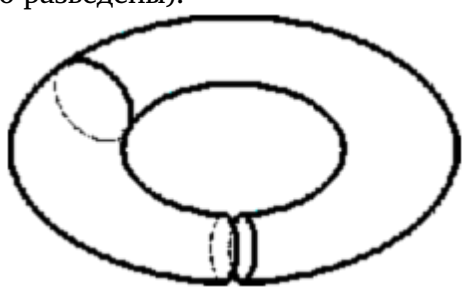


Рис.5

Полученная система, если ее замкнуть, в результате станет вновь односвязной, и, значит, для нее окажется справедливой формула (3). Однако не следует забывать о произведенных изменениях в системе. В результате рассечения и последующего

замыкания системы, в нее по сути добавлены две дополнительные социально-политические ячейки ("на торцах"). Таким образом, чтобы вернуться к исходному случаю до рассечения, эту двойку следует вычесть из условия $N = n - r$. В результате получим: $N = n - r - 2$.

Приравняв, как и прежде, величину N нулю (это, напомним, служит условием определенности и самоуправляемости социально-политической системы), получим $n = r + 2$.

Когда "дыр" в общем случае не одна, а p, процедуру рассечения и, соответственно, добавления двойки необходимо повторить p раз. Тогда

$$n = r + 2p,$$

(5)

Полезно сделать методологическое замечание. Визуализация (рис.5) в трехмерном геометрическом пространстве в данном случае лишь условная и носит исключительно иллюстративный характер. В социологии широко используются "пространственные" представления, социальные пространства даже метризуют (вводимые процедуры шкалирования позволяют определять "расстояния" между "точками" такого пространства, например, разницу доходов между различными социальными группами – соответственно, по финансовой координате; балльным измерениям поддаются дистанции по признаку престижа и т.д.). В рамках настоящей модели речь идет о пространстве социально-политическом. Вопрос о его метрике и даже размерности не ставится (хотя при желании можно было бы пойти и по этому пути). Для вывода зависимости (5), однако, оказывается достаточно самых общих топологических представлений, во-первых, о замкнутости исследуемого объекта (с самого начала социально-политическая система у нас предполагается, напомним, относительно автономной) и, во-вторых, разбиении его по двум признакам (социально-классовому и партийно-политическому) на совокупность непересекающихся групп, или ячеек.

Автор признателен проф., засл. деят. науки М.С.Кагану, засл. раб. культуры Н.И.Николаеву, Б.Е.Лихтенфельду за ценные замечания, сделанные по прочтении рукописи, а также сотрудникам кафедры философии культуры и культурологии философского факультета Санкт-Петербургского госуд. университета за плодотворное обсуждение доклада на данную тему.

Литература

1. Степанов А.И. Число и культура: Рациональное бессознательное в языке, литературе, науке, современной политике, философии, истории. – М., 2004.

2. Сорокин П. Социальная стратификация и мобильность // Человек. Цивилизация. Общество. – М., 1992.

3. Румер Ю.Б, Рывкин М.Ш. Термодинамика, статистическая физика и кинетика. М.,1972.

4. Любин В.П., Степанов А.И. Европейские партийные системы со значительным коммунистическим компонентом. Политическая асимметрия в современном мире // Партии и партийные системы современной Европы. – М.: ИНИОН, 1994. – С. 24-51. (Сетевой вариант: http://www.alestep.narod.ru/adds/euro_party.htm)

5. Тимофеева О. Как повысить пенсию до трех тысяч евро. – Известия. 20 нояб. 2004.

6. Тихонов А. Бедность как норма. – Известия. 23 сент. 2004.

6а. Ильичев Г. "Доведете – вилы в руки возьмем!" – Известия. 18 февр. 2005.

7. Степанов А.И. "Прекрасная политика" // Логос: С.-Петербургские чтения по философии культуры. – СПб., 1992. Кн.2. – С. 89-103.

8. Ильичев Г. Разделка шкуры неубитого медведя. Эксперты сочиняют сценарии для будущей Думы. – Известия. 14 нояб. 2003.

9. Аристотель. Политика // Сочинения: В 4 т. Т. 4. – М., 1983. – С. 376-644.

10. Вагимов Э.К. Вызовы современности и ответственность философа: Материалы "Круглого стола", посвященного всемирному Дню философии. Кыргызско-Российский Славянский университет / Под общ.ред. И.И. Ивановой. – Бишкек, 2003. – С.43-53.

11. Липсет С.М. Третьего пути не дано // Полис. 1991. №6.

12. Ильичев Г. "Очень много развелось южных национальностей". – Известия. 28 янв. 2005.

13. [Без подписи]. Половина россиян считают себя средним классом. – Известия. 13 нояб. 2003.

14. [Без подписи]. Джордж Буш организовал "черный пиар" образования. – Известия. 28 янв. 2005.

15. Солонин Ю.Н., Дудник С.И. Общество в поисках стабильности: от социальной однородности к среднему классу // Средний класс в России: прошлое, настоящее, будущее (Материалы научно-практической конференции 9-10 декабря 1999 г. Серия "Symposium". Вып.2. СПб. 2000.). С. 13-21.

СНОСКИ

1. Учитывая, что занимать высокие государственные посты имели право представители только трех первых групп, а за фетами было зарезервировано лишь право участвовать в народном собрании и народном суде, структура классов тут, если угодно, может быть описана формулой 3 + 1.

2. В X – XIII вв. главных сословий было также три: духовенство, дворянство, крестьянство.

3. Ср. ситуацию в антропологии: влиятельная часть ученых утверждает, что в действительности нет никаких трех "больших человеческих рас" (европеоидной-монголоидной-негроидной, в повседневной терминологии: белой-желтой-черной), "на самом деле" человеческих рас десятки и сотни [1, с.131-132].

4. К примеру, в американской социологии, начиная с 1940-х гг., фигурируют типологии, основанные на дроблении любого из уровней: высшего, среднего, низшего. Так, Ллойд Уорнер предлагал различать верхний-верхний класс, представленный наиболее преуспевающими бизнесменами и высокодоходными профессионалами из так называемых "старых семей", проживавших в привилегированных частях города, с одной стороны, и нижний-верхний класс, не уступающий первому по материальному благополучию, но не включающий старые родовые семьи, с другой. Средний класс, в свою очередь, подразделялся на верхний-средний (в него включались те, кто принимал активное участие в общественной жизни города и проживал в благоустроенных городских районах) и нижний-средний (состоявший из низших служащих и высококвалифицированных рабочих). Аналогично, верхний-нижний класс представлялся низкоквалифицированными рабочими, занятыми на местных фабриках и пребывавшими в относительном достатке, тогда как нижний-нижний класс заполнялся представителями "социального дна", обитателями подвалов, чердаков и трущоб. Предлагались и другие схемы, например, верхний-верхний, верхний-нижний, верхний-средний, средний-средний, нижний-средний, рабочий, низшие классы. Или же, что имеет уже самое непосредственное отношение к рассматриваемому ныне варианту: высший класс, верхний-средний, средний и нижний-средний класс, верхний рабочий и нижний рабочий класс, андеркласс.

5. Грубо говоря, если требуется б**о**льшая задушевность, предпочтительнее вариант "интеллигенция", если контекст требует официальности – то "служащие".

6. "Брань на вороту не виснет".

7. В некоторых вариантах "веберовского" списка вместо пятой позиции – собственники – фигурируют три разновидности: а) собственники, которые стремятся через образование к тем преимуществам, которыми владеют интеллектуалы, б) собственники, которые получают ренту от владения землей, шахтами и т.д., в) "коммерческий класс", то есть предприниматели [10]. Номинально в таком случае список оказывается представленным не пятью, а семью наименованиями, однако нетрудно заметить, что они логически сводимы к пяти основным, но при этом один из элементов ("собственники") подвергнут дополнительному делению натрое.

8. При этом если не забывается, то отодвигается на второй план тот факт, что любая "великая" национальная, воодушевляющая идея предполагает и социальное единение, что заведомо противоречит идеологическому унижению многомиллионных социальных слоев.

9. Насколько можно доверять телерепортажам и прессе, такое же число основных "злокозненных" этнических групп насчитывается и в Украине, только вместо кавказцев там фигурируют "москали".

10. "Мафиозизации" в рамках массового сознания отдельных национальных и конфессиональных групп способствует, в частности, их "закрытость". Если политическая и классовая принадлежность, согласно действующей идеологеме, изменяется в зависимости от желания и личных усилий, частично удачи, то национальность, особенно если ее признаки "написаны на лице", – практически неизменяемый атрибут. Высокой резистентностью обладает и конфессиональная принадлежность. Актуализация национального или конфессионального признаков по сути исключает соответствующих субъектов из общих процессов мобильности, загоняя их в идеологическую нишу, напоминающую по своему образу "мафию".

11. Ср. знаменитое суждение античных стоиков: смерть не имеет отношения к человеку, ибо пока он жив, смерти еще нет, когда умер – нет самого человека.

12. Такие вещи просто проиллюстрировать. Если, скажем, предприниматель априори не доверяет отечественному ученому, инженеру, то он изначально настроен на отказ от большинства его предложений, тем самым упуская потенциальную прибыль. В свою очередь, тот же инженер и ученый, если видит в предпринимателе главным образом алчного, наворовавшего толстосума, не только не воспринимает повышение прибыли предпринимателя как свою собственную цель, но и по сути

заранее обрекает себя на отказ как в инвестициях, так и кредитах. Напротив, рост взаимного доверия и уважения интересов друг друга переводит взаимодействие в более конструктивное русло. И трансформированная классовая идеология меняет климат именно в таком направлении.

13. Чтобы мухинский символ глубже запал в душу масс, его сделали эмблемой "Мосфильма".

14. Как раз в тот же период городской фольклор обогащается и выразительными частушками "Прихожу домой с работы, ставлю рашпиль у стены…".

15. Так, в нацистской Германии были проведены первые эффективные разработки в области ракетостроения, реактивной авиации и ядерного оружия, что отнюдь не стало препятствием для усвоения таких достижений демократическими Соединенными Штатами, а денацифицированная Германия не разрушила, например, автобанов, "построенных Гитлером".

16. Россия – во многом уникальная страна по критерию неоднородности. Гетерогенность наблюдается сразу по многим параметрам: географическому (включая климатический, часовой), национальному, конфессиональному и культурному. Колоссальны различия в уровнях экономического развития регионов, сопутствующего образа жизни. Дважды за столетие страна пережила и глубокие исторические разрывы, что оставило свой отпечаток во многих сферах. Без сглаживания ряда контрастов, по-видимому, окажется затруднительным и социальная гомогенизация, т.е. переход от пятичастной к трехчастной классовой идеологеме.

17. "… за четыре года пребывания в Белом доме администрация Буша выплатила рекордную сумму – более $250 миллионов частным пиар-компаниям для ведения скрытой государственной пропаганды в американских СМИ", круглые суммы получали также известные телеведущие, журналисты.

18. Хотя ценность и последних при желании может быть поставлена под вопрос, достаточно вспомнить пушкинские строки: "Мне дела нет, свободно ли печать морочит олухов иль чуткая цензура в журнальных замыслах смиряет балагура".

Европейские партийные системы со значительным коммунистическим компонентом. Политическая асимметрия в современном мире. (1)

1.

После Бёрка, де Местра, Ортега-и-Гассета эпоха масс становилась предметом многих философских и научных исследований. В данной работе мы исходим из ранее установленного формального, «термодинамического» условия стабильности и управляемости стратифицированных массовых обществ, социальная и политическая структура которых тесно взаимосвязаны. В частности, существует весьма полная корреляция между числом основных социальных слоев, или классов, с одной стороны, и числом наиболее значительных политических групп, с другой. Характер этой взаимосвязи столь четок и строг, что позволяет применить определенную математическую зависимость, которая именуется «правилом Гиббса» и имеет следующий вид:

$$N = 2 + n - r,$$

(1)

где n – общее число наиболее значительных политических групп в общественной системе; r – число основных, наиболее крупных социальных слоев, или классов; N – количество степеней свободы общественной системы в целом, т.е. число ее свободно изменяемых параметров (2).

Величины N, n и r суть натуральные числа. При этом среди основных, наиболее значительных политических групп в общественной системе различимы две составляющие. Это прежде всего m – количество ведущих *активистских* политических групп, обладающих отчетливыми организациями, сформулированными программами и выраженной волевой направленностью. Подобные активистские группы представлены в социумах главными партиями или блоками партий. Кроме того, в каждом из социумов существует достаточно обширная группа населения, не присоединившаяся ни к одному из крупных активистских объединений, индифферентная по отношению к выбору между ними (включая сюда и электораты мелких партий, не входящих в основные блоки). В результате

$$n = m + 1$$

(2)

В стабильном и управляемом социуме величина N должна быть равна двум (N = 2), где первый свободно изменяемый

параметр системы в целом, условно говоря, представляет степень накала общественной обстановки или, что то же, интенсивность общественного брожения, а второй отражает величину воздействия или, если угодно, давления государственных властей на общество. Нас не интересуют здесь ни величины этих параметров, ни способы определения этих величин, но только факт, что они существуют и что их именно два: N = 2.

«Правило Гиббса» не позволяет судить, сколько именно социальных слоев и партий должно быть в той или иной общественной системе, но оно отражает такое соотношение между их числами, при нарушении которого общественная система дестабилизируется, теряет управляемость, устойчивость, ее постигают кризисы или даже катастрофы.

Поскольку величина N = 2, постольку «правило Гиббса», условие стабильности и управляемости массовых социумов (1) может быть переписано в следующем виде:

n = r

(3)

Общее число наиболее значительных политических групп в общественной системе и число основных социальных слоев, или классов, должны совпадать друг с другом.

Чтобы дать представление об относительно стабильных социумах и показать действие «правила Гиббса», приведем следующие примеры. Так, политической системе США присуще наличие двух основных партий: республиканской и демократической, т.е. величина m = 2. С учетом «неприсоединившейся», «индифферентной» группы населения, общее число основных политических групп n = 3. Наиболее распространенная и принятая общественным сознанием социальная картина подразумевает членение американского общества на три основные класса: богатый, средний и бедный, – т.е. число r = 3. Величины n и r совпадают, как это и предусматривается "правилом Гиббса". В СССР вплоть до последних лет существовала лишь одна значительная организованная и активная политическая сила: КПСС, т.е. m = 1. С учетом беспартийных: n=2. СССР в его классический период господствовала двухклассовая модель: рабочие и крестьяне в идеологии или управляющий и управляемый классы (по М.Джиласу) на практике, – т.е. в любом случае r = 2. Числа n и r совпадают друг с другом и в данном примере, хотя имеют другие, чем в США, конкретные значения.

На политической арене ФРГ наиболее заметны ХДС, ХСС,

СвДП, СДПГ, ПДС, "Зеленые" и "Республиканцы". Однако при этом в процессе избирательной борьбы, формирования правительств партии образуют сравнительно устойчивые коалиции, или блоки. Таких блоков, способных реально претендовать на государственную власть, преодолев пятидесятипроцентную планку, всего два (3), из которых в настоящий момент наверху находится блок ХДС/ХСС и свободных демократов. В итоге политическая структура ФРГ с должными оговорками и поправками несмотря на видимую многопартийность, может быть описана теми же значениями, что и США: m = 2. n = 3. По образцу США, целенаправленная и преемственная деятельность правительств по обращению общественного внимания прежде всего на экономику, по выращиванию среднего класса привела социальную структуру Германии к той же трехсоставности: богатый, средний и бедный классы, r = 3 (4).

Предметом настоящей работы, однако, не является анализ «нормальных» – стабильных и управляемых – массовых социумов в связи "правилом Гиббса". Мы хотим обратить внимание как раз не на типичные, а на особенные случаи, которыми представляются, в частности, европейские политические системы со значительным коммунистическим компонентом, т.е. системы послевоенной Франции и Италии. При этом итальянской политической структуре будет отведено особое место не только вследствие специального интереса авторов, но и ввиду ее принципиальной "топологической" оригинальности.

В работе "Прекрасная политика" [18] была предпринята попытка показать, что большевизм (а вслед за ним и другие канонические коммунистические партии) – по своей организации, целям, морали – представляет собой типологически новый исторический продукт на фоне традиционных движений и партий. Вслед за «традиционными» либералами, консерваторами, социал-демократами (5), которых подарили XVIII-XIX столетия, на общественной арене XX века взошел прежде невиданный феномен, вполне оправдывающий ленинское самоназвание "партия нового типа». Политико-культурный, общественно-ментальный статус этого яркого феномена позволил сравнить его с «пассеистическими», революционными явлениями в других сферах культуры, например, с релятивистской теорией в физике и авангардизмом в искусстве. Если в СССР и других государствах восточного блока коммунистам в свое время удалось устранить альтернативные политические течения, то во Франции и Италии достаточно мощные "авангардистские" коммунистические партии сосуществовали на протяжении ряда десятилетий с партиями "традиционного" типа (см., например: [6], [9], [23], [25], [31],

[33], [34]).

Исходя из приведенного типологического деления, многопартийным политическим системам при наличии электорально влиятельных коммунистов должны отвечать следующие основные значения:

m = 4 (либералы, консерваторы, социал-демократы, коммунисты)
n = 5 (плюс "индифферентная" группа)

(4)

В таком случае, во имя стабильности и управляемости социума число основных социальных слоев r, согласно "правилу Гиббса", также должно быть равно 5 (r = 5), что явно противоречит канонической буржуазно-демократической парадигме:

m = 2 (биполярная система: две партии или два блока партий)
n = 3 (плюс "индифферентная" группа)
r = 3 (классы: богатый, средний, бедный)

(5)

Таким образом, деление общества на классы исходя из чисто "коммерческого" критерия (уровень доходов), довлеющая роль экономических факторов в классообразовании (а через него и в политике), вообще сам характер сознания "общества потребления" в случае подъема влияния коммунистов оказываются под угрозой.

Коренная установка "общества потребления" предполагает определяющую роль экономических факторов в процессе функционирования общественной системы, общественного сознания. Наличие на общественной арене мощных коммунистических сил по существу ставит под вопрос сам фундамент капиталистического общества, и это находит свое отражение в "нестыковке" между собой политической и социальной структур (n = 5, но r = 3). Альтернатива представляется острой: либо коммунисты тем или иным образом исключаются из системы разделения власти (вопреки тому, что в качестве самостоятельной политической организации они сильны), либо же под угрозой оказываются сами основы капиталистического общества. Вопрос о существовании капитализма в стране с мощным коммунистическим движением является весьма "неудобным", в известном смысле" проклятым" вопросом, не предусмотренным канонической буржуазной

ситуацией.

Но тем не менее известны примеры двух демократических стран Европы, в которых на протяжении десятилетий послевоенной истории коммунисты пользовались весьма заметной поддержкой избирателей, и несмотря на это данным странам вполне удалось применение капиталистической модели. Эти страны – Франция и Италия.

В некоторые периоды IV республики ФКП оказывалась самой многочисленной политической организацией и располагала наиболее обширным электоратом. ИКП, в свою очередь, была после 1947 г. главным образом второй после христианских демократов политической силой на итальянской арене.

Коммунисты в двух названных странах подвергались согласованной изоляции со стороны других политических сил. Будучи "несистемными", т.е. действительно "выступающими" из наличной системы, они в основном выталкивались из процедур построения государственной власти и последующего государственного управления (6). При этом процесс формирования выборных государственных органов, механизм разделения власти оказывался как бы "двухэтажным". На первом этапе, или "этаже", все некоммунистические партии объединялись единым фронтом во имя победы над коммунистами. На втором – эти партии делили правительственные портфели между собой в соответствии с различием собственных весов и позиций. Благодаря этому и удавалось практически полностью вытеснять сами по себе мощные коммунистические силы, лишая их пропорционально причитавшейся им доли государственной власти.

Французская и итальянская политические системы оказывались в результате как бы "дважды биполярными". Первый уровень биполярности, повторим, воплощался в заведомой оппозиции коммунистов и антикоммунистического блока, второй – в практическом противостоянии сил внутри антикоммунистического блока (например, "левых" и "правых" во Франции). Вышеуказанное значение $m = 4$ в данном случае может быть представлено как $m = 2 \times 2$, отражая "расщепленность" партийно-политической системы на два относительно самостоятельных уровня. Биполярность ($m = 2$) на каждом из этих уровней, или "ярусов", все-таки позволяет устранить очевидное противоречие с установками "общества потребления" ($r = 3$), но "расщепленность", в свою очередь, становится источником многих принципиальных и практических проблем в государственном управлении, общественной психологии. Следы "однородной", "нерасщепленной*

четырехчастности (m = 4) при этом никогда полностью не исчезают, не позволяя забывать о себе, оказывая очевидное влияние на ход политической жизни.

Факты крайней политической нестабильности Франции времен IV республики, а также Италии, достаточно известны. Правительства нередко существовали лишь месяцами, неделями, угрожая самому существованию государств. Возможно, это и отражало глубокое противоречие в самом типе социально-политической системы, конечное несоответствие политической и социальной структур: неравенство n и r (напомним, n = 5, но r = 3). Тем не менее программа вытеснения коммунистов из системы власти удалась в обеих названных странах, хотя и с помощью существенно разных методов. Но прежде, чем назвать природу этих методов, необходимо предварительное отступление.

К семейству решений, относящихся к четырехполюсной политической системе (т.е. m = 4), принадлежат еще два решения: m = 0 и m = -1 (7). Решение m = 0 при этом сопровождает все формально возможные структурные ситуации (т.е. соседствует не только с решением m = 4, но и со всеми остальными). Решение же m = -1 появляется лишь вместе с четными т.е. вместе с m = 4, m = 6 и т.д. По-видимому, стоит сказать несколько слов об указанных "дополнительных" решениях.

Ситуация m = 0 отвечает отсутствию активистских политических групп на политической арене. Например, в допартийных социумах, в частности с абсолютными монархиями, величина m и была равной нулю. Прибегая к геометрической интерпретации величины m как размерности политического пространства, следует заметить, что случай m = 0 соответствует пространству нульмерному, т.е. точке или дискретному множеству точек. Партии здесь пребывают, так сказать, как бы в зародыше, политическое пространство является лишь потенциальным, неразвернутым. Что при этом можно сказать о ситуации m = -1?

Отрицательное число активистских политических групп – партий или блоков партий – на первый взгляд это нонсенс. В математике, однако, размерность минус единица обладает вполне определенным смыслом и описывает так называемое пустое множество. Если структура m = 0 отвечает отсутствию партий, но в то же время предполагает наличие неких "протопартийных" образований, т.е. "точек", то структура m = -1 выражает отсутствие не только партий, но и названных протопартийных образований. По сравнению с ситуацией m = 0 структура m = -1 накладывает более сильный запрет на партийность. С ее помощью можно описать не только отсутствие партий, но и отрицание как

их самих, так и того, из чего они возникают, их исходных предпосылок.

В связи с данной прикладной задачей стоило бы, возможно, обсудить существенно разный смысл категории небытия, а именно как простом отсутствии чего-то и как запрете на присутствие, радикальном отрицании присутствия. Многие авторы не очень четко разделяют два подобных существенно разных смысла: более слабый и более сильный, в процессе рассуждений подменяя один смысл другим и приходя, таким образом, к не вполне достоверным результатам. Между тем указанные значения отличаются друг от друга столь же остро, как ноль и минус единица. Недостаток места, однако, заставляет отложить данное обсуждение, тем более, что разговор на эту тему получится более конструктивным в ином контексте: при специальном изложении формальных оснований различных числовых структур, описывающих социумы и при более полном обсуждении реального смысла, стоящего за названными числовыми структурами.

Так или иначе, вновь отметим, что четырехполюсную политическую систему (m = 4), описывающую плюралистическое общество с весомым коммунистическим элементом, сопровождают два дополнительных решения: m = 0 и m = -1. Общество, в котором наряду с движениями традиционного типа присутствуют и значительные коммунистические силы, предполагает и самоотрицание партийно-политической системы как таковой. Подобное самоотрицание, так сказать, имплицитно названной политической системе, активно продуцируется ею самой. Какими могут быть формы указанного самоотрицания, рассмотрим на примерах Франции и Италии.

Радикальная реформа политической системы во Франции, связанная с именем де Голля и обозначившая переход от IV к V республике, предполагала трансформацию парламентского правления в президентское, отказ от пропорциональной избирательной системы в пользу теоретически менее демократичной мажоритарной, а также введение процентных барьеров, ограничивших самостоятельность мелких партий. Генеральной задачей реформы при этом было известное отключение так называемого "режима партий" от процесса государственного управления. Массовое общество не способно существовать без партий. Многопартийность по-прежнему играла важную роль, обеспечивая стабильность и управляемость общественной системы. Ключевым, так сказать, теоретическим достижением реформы де Голля можно считать разделение категорий *управляемости* и *управления*. Функционирование

многопартийной системы способствовало надлежащей политической дифференциации социума, его стабильности и управляемости. Сама же функция управления принадлежала уже не партиям, а через их голову непосредственно государственным органам. Если прибегнуть к сравнению, партии в данном случае играют роль автомеханика, обеспечивающего работоспособность и исправность социально-политической машины; водитель же, выбирающий курс и осуществляющий конкретное управление, – другое лицо. Сам де Голль опирался да созданное им движение “непартийного” (тогда), государственнического типа ("Объединение в поддержку республики") и манифестировал себя в качестве "президента всех французов", независимо от их политических взглядов. И впоследствии созданная им модель функционировала, в общем, согласно заданному образцу (см.: [2], [6], [14], [15], [24]).

Самоотрицание "режима партий" здесь заключается, таким образом, в заведомом ограничении партийного влияния на деятельность государственных органов. Переход к данной модели произошел после длительного кризиса при единодушном согласии почти всех политических сил (исключая коммунистов и немногих социалистов) и был утвержден посредством убедительной победы на референдуме.

Напомним, однако, что новая французская республика сложилась и существовала на фоне согласованной изоляции коммунистов, и впоследствии государственная власть проводила в целом последовательный курс, добившись разделения французского общества на три основных класса: богатый, средний и бедный ($r = 3$), а также, как и было задумано, вплотную приблизившись к биполярной политической модели ($m = 2$, $n = 3$).

В Италии социально-политическая обстановка относительно стабилизировалась и без перехода от парламентской республики к президентской, вполне при сохранении "режима партий", пропорциональной избирательной системы и без введения процентных барьеров. Частичное самоотрицание партийно-политической системы здесь осуществилось в принципиально иных формах: стихийных, а не сознательных по своему характеру и достаточно, если можно так выразиться, "экзотических". Попробуем пояснить этот механизм. Но прежде потребуется еще одно отступление.

В данном случае нам придется обобщить "правило Гиббса", внеся в него определенные дополнения. Зададимся вопросом: как, по сравнению с классической, изменится ситуация, если в общественной структуре существенно присутствуют некие хотя и

значительные в политическом, социальном (и, следовательно, экономическом) отношении элементы, но в то же время не входящие в официальную систему социальных классов и политических партий или, может быть, даже запрещенные ею? Речь здесь идет о того рода элементах, которые могут быть представлены определенныеми неофициальными, герметическими, если угодно, тайными образованиями, например, организациями мафии и/или нелегальных масонов. Подобного рода элементы не входят в систему партий и классов, но в то же время способны играть весьма существенную организующую, конструктивную роль, демонстрируя собой значимое – так сказать, "зияющее" – отсутствие в открытой системе партий и классов, выступая в качестве своего рода "дыры" (или "дыр") в социально-политическом континууме.

Обратим внимание на двупараметричность ситуации, описываемой формулой Гиббса. Число степеней свободы N должно быть равно двум. Общественная система может быть разбита с помощью сетки по двум критериям: социальному (или классовому) и политическому (или партийно-идеологическому). Зависимость от двух параметров в геометрическом плане означает, что здесь мы имеем дело с двумерным пространством, т.е. с поверхностью.

Для замкнутой, выпуклой, ориентируемой поверхности, разбитой линиями на ячейки, известна классическая формула Декарта-Эйлера (см., напр., [12, с.394]):

$$В + Г – Р = 2,$$

(6)

где В – число вершин, Г – число граней, а Р – число ребер. Формула Гиббса, в свою очередь, может быть переписана подобным же образом:

$$N + r – n = 2$$

(7)

Если опустить ряд математических подробностей, то можно констатировать сходство двух ситуаций.

Формула Декарта-Эйлера справедлива для, так сказать, "нормальных" замкнутых поверхностей, нулевого рода, т.е. без "дыр" в них. В топологии получено и обобщение формулы Декарта-Эйлера на поверхности с "дырами".

В качестве простейшего примера замкнутой поверхности без "дыр" можно привести сферу (рис. 1), с одной "дырой" –

поверхность тора (т.е. "бублика", рис. 2), с двумя "дырами" – поверхность "кренделя" (рис. 3) и т.д.

Рис. 1

Рис. 2

Рис. 3

Исходя из обобщения формулы Декарта-Эйлера [12, с. 394] и из аналогии с социально-политическими системами, обобщенное "правило Гиббса" может быть представлено в следующем виде:

$$N + r - n = 2(1 - p),$$

(8)

где p – натуральное число (или ноль), описывающее род "поверхности" и равное числу "дыр" в этой поверхности (числу "дыр" в социально-политической системе). Или, возвращаясь к привычной записи:

$$N = 2 + n - r - 2p.$$

(9)

Учитывая, что в стабильном, управляемом социуме $N = 2$, получим условие стабильности и управляемости в следующей форме:

$$n = r + 2p.$$

(10)

Обратим внимание на отличие этой формулы и этой ситуации от предшествующей (3), т.е. от $n = r$.

Каноническому буржуазному случаю – “обществу потребления” – напомним, отвечает значение $r = 3$ (богатый, средний и бедный классы). Многопартийной системе со значительным коммунистическим элементом – величина $r = 5$ (выражение (4)). При наличии в социально-политической системе некоей страны "дыры", т.е. при $p = 1$, эта система обретает стабильность:

$$5 = 3 + 2.$$

(11)

Как ни парадоксально, но наличие влиятельной мафии и масонства в послевоенной Италии обеспечивало социально-политическую устойчивость, управляемость этого общества. Если бы в рассмотренной ситуации нашлась некая всеведущая и всемогущая сила, разом устранившая влиятельные тайные силы Италии и связанные с ними политические круги, то данная страна подверглась бы глубокому социально-политическому кризису и даже потрясениям (8).

Следовало бы, конечно, детальнее раскрыть значение и статус социально-политической "дыры", ее конструктивную роль в функционировании общественного механизма. Но ограничимся здесь лишь замечанием, что в указанном случае в равной степени важны как сам факт наличия тайных организаций, так и актуальное знание общества об их существовании в качестве тайных, периодические скандальные кампании разоблачений. Населению не следовало "забывать" о данных организациях, так же как было нецелесообразно их действительное и полное устранение. Не раз, когда Италия оказывалась в сложной политической обстановке, проводились шумные кампании разоблачений, предпринималось публичное усиление борьбы с мафией. В результате достигалась консолидация общества, и кризис преодолевался. Последние события в Италии требуют отдельной оценки, здесь же обратим внимание на любопытный нюанс.

Сочетание плюралистической политической системы с мощным коммунистическим движением ($m = 4$, $n = 5$), с одной стороны, и "общества потребления" ($r = 3$), с другой, предполагает – как следует из выражений (10), (11) – наличие только одной "дыры" ($p = 1$). В топологическом плане мы имеем здесь дело с поверхностью именно первого рода. Но в итальянском обществе, по сообщениям прессы, значительную роль играли тайные организации двух весьма разных типов: мафии и масонства. Поскольку обобщенное "правило Гиббса", условие стабильности и управляемости социума, отводит в данном случае место лишь для одной "дыры" ($p = 1$), постольку либо одна из этих организаций должна быть вытеснена, либо же они должны координировать свои действия, выступая в качестве своего рода "тайного блока". Насколько позволяют судить весьма ограниченные (даже скудные) эмпирические данные (пример ложи П-2), в послевоенной Италии реализовался именно второй вариант. Результат весьма неожиданный, если учесть, что по принципам организации, целям, методам и ментальности масоны

и мафия разнятся примерно в той же степени, как нейрохирург и мясник. Но факт, что для влиятельных организаций подобных модификаций было отведено лишь одно структурное место (p = 1), лишь одна "лакуна", объективно вынуждал их к сотрудничеству.

Возвращаясь в выводам из формулы (10), отметим следующее. Ситуация с двумя "дырами" (p = 2), т.е. социально-политическая система с двумя независимыми типами влиятельных тайных организаций, на фоне "общества потребления" (r = 3) предполагает стабильность и управляемость социума при значении n равном семи (n = 7). При этом количество активистских элементов должно быть равно шести: n = 6, см. выражение (2).

Социум с шестью мощными активистскими политическими силами теоретически представлен в работе [19]. Он вероятен, например, если наряду с тремя традиционными типами политических сил (либеральных, консервативных, социал-демократических) на общественной арене зримо выступают не один, а сразу три типа сил "авангардистских": скажем, коммунистических, "неонацистских", “неофундаменталистских". Однако подобный вариант сосуществования не только не реализован до сих пор ни в одной стране, но его возможная реализация в будущем, как представляется, будет происходить в обстановке уже отнюдь не "общества потребления", т.е. при значении r не равном трем: при r большем трех. Поэтому перспектива социума с двумя "дырами" является, на наш взгляд, лишь теоретически абстрактной, но не вполне актуальной. Небезынтересно, может быть, заметить, что при тоталитарных режимах, исходя из формулы (10), категорически исключается существование мафии. Наличие лишь одной организованной и активной политической силы (m = 1) означает n = 2. Присутствие влиятельных тайных сил в общественной системе (даже всего одной "дыры": p = 1) привело бы к значению r = 0, т.е. не только к ликвидации каких бы то ни было социальных различий (эта ситуация описывается величиной r = 1 или один класс, "единый народ"), но и вообще к небытию, "аннигиляции" социума. Не оттого ли при режимах Сталина, Гитлера и Муссолини в кратчайшие сроки было одержана победа над организованной преступностью? Демократические авторы иронизируют: мафия у власти не терпит конкурентов. Но ирония обоюдоостра, и оппоненты парируют: зато демократические вожди порой вынуждены призывать себе в союзники мафию, без чего им не справиться с государственным управлением.

Теперь настала пора высказаться о последних важнейших

событиях в Италии. Современные мировые процессы существенно затронули и эту страну. Удар, который перенесли советские, а вместе с ними и европейские, коммунисты, не обошел стороной и ИКП. Данная партия за последние годы не только лишилась своего специфического "авангардистского" характера, вполне присущего ей в эпоху Берлингуэра, но и вовсе была вынуждена переменить название, превратившись в Демократическую партию левых сил. И дело здесь, на наш взгляд, отнюдь не в простой смене декораций, а в преобразованиях значительно более существенных и глубоких. Трансформация ИКП в данном случае выдержана даже в более "оппортунистическом" духе, чем предполагали установки недавнего еврокоммунизма [11]. Отныне на итальянской политической арене по существу исчезла влиятельная "авангардистская" сила, превратившись хотя и в левую, но типологически "традиционную" [33]. Ценности буржуазной демократии, "общества потребления" теперь не подвергаются фундаментальному отрицанию. Бывшие коммунисты утрачивают свой прежний "несистемный" статус, инкорпорируясь в реальную обстановку (в частности, впервые с 1947 г. в кабинет Чампи входили три министра от бывшей ИКП). И это радикальным образом изменяет итальянскую ситуацию.

Если на предыдущей стадии необходимость "дыры" в итальянском обществе диктовалась именно наличием влиятельных коммунистов, потребностью "свести концы с концами" в социально-политическом устройстве, то теперь этот фактор утрачивает прежнее влияние. Италия вступает в зону глубокой "топологической" перестройки, по существу разрывая с предшествующими послевоенными десятилетиями. Перед ней раскрываются перспективы перехода к канонической буржуазной, в целом биполярной структуре ($m = 2$). В связи с этим весьма симптоматично хронологическое совпадение сразу нескольких процессов.

Во-первых, масштабы нынешнего наступления на мафию, на коррупцию в итальянской политике и бизнесе беспрецедентны и заставляют считать, что на этот раз все "всерьез", что на повестке дня действительная ликвидация так называемой "раковой опухоли". Во-вторых, перемены коснулись и официального политического устройства. В июне 1993 г. был выставлен на референдум и победил вариант замены пропорциональной избирательной системы на мажоритарно-пропорциональную (лишь 25% мандатов приходится на долю пропорциональности). А мажоритарность, как известно, способствует формированию биполярной модели.

В-третьих, в нынешнем политическом скандале в Италии,

когда разоблачения в коррупции, связях с мафией коснулись деятелей всех крупных политических партий, относительно "незапятнанной" вышла лишь бывшая ИКП (нынешняя ДПЛС). Этот факт кажется действительно странным на фоне исповедовавшейся морали. Однако можно заметить, что согласно предложенной теоретической модели, мафия приобрела свою исключительную роль в итальянской социально-политической системе хотя и не как противовес, разумеется, коммунистам, но как необходимый структурный компенсатор, позволявший существовать парламентаризму и "обществу потребления" несмотря на значительное влияние коммунистов. Статус ИКП как "несистемной" партии и названная роль мафии в подобном контексте суть явления одного семантического, структурного ряда. Поэтому мы здесь более чем далеки от того, чтобы – вслед за многими итальянцами – как "разочаровываться" в действиях традиционных партий, так и подпадать под "новое очарование" былых коммунистов. Воздерживаясь вообще от каких бы то ни было нравственных оценок, констатируем лишь, что наличие мафии, система коррупции были той ценой, которую платило итальянское общество за демократию и экономические достижения в присутствии ИКП. Обладая ответственным и реалистическим мышлением, власть имущие прежней Италии не могли сознательно или бессознательно не учитывать роль данного фактора. Поэтому указанное частное обстоятельство рассматривается нами лишь в структурном контексте.

В-четвертых, в Италии ныне весьма настоятельно поставлены вопросы о прямых выборах главы правительства, о переходе от парламентской республики к президентской. Если пройдет один из этих вариантов, то Италия, по существу, вплотную приблизится к французскому пути, ведущему в конце концов к биполярной политической модели (а заодно, кстати, и к классической ситуации, описываемой обычным, необобщенным "правилом Гиббса"). Одновременно происходит интенсивная денационализация предприятий, снижение численности бюрократии. Значительность же доли государственной собственности, согласно Хайеку [22], является предпосылкой либо национализма, либо тоталитарности в политической сфере и сопровождалась в Италии (и Франции) влиятельностью коммунистов.

Если характер современных итальянских перемен действительно таков, то речь в данном случае идет о принципиальном, "топологическим" преображении. Исчезновение "дыры" в итальянской социально-политической системе означает изменение ее топологического рода, означает переход к

односвязности, т.е. от p = 1 к p = 0. Однако известен математический факт, что не существует непрерывного и взаимнооднозначного отображения столь разных систем друг в друга, т.е. отображения без "разрывов" и "склеек". В хронологическом плане это свидетельствует о неизбежности зоны кризиса, потрясений в процессе трансформации. А в плане синхроническом подобной "пространственной" трансформации могут сопутствовать важные "подвижки" – "разрезы" и новые "склейки" – в политико-территориальном устройстве. В связи с этим нам не представляется случайным нынешнее резкое усиление "территориальных" партий Италии (в частности, Северной лиги), других новых политических группировок, рост центробежных тенденций [9]. Все названное суть совокупность симптомов одного и того же процесса; их хронологическое совпадение не случайно, а является следствием системности осуществляющихся перемен.

Вплоть до последнего времени, по свидетельству аналитиков, нормы "общества потребления" (r = 3) отнюдь не полностью вытеснили из общественной реальности и общественного сознания Италии предшествующую "марксистскую" социальную картину. Самостоятельный и активный пролетариат, крестьянство, буржуазия, класс управленцев (государственных чиновников и менеджеров), интеллектуалы обеспечивали пятичастность социальной структуры (r = 5), согласуясь с влиятельностью ИКП, с политической структурой m = 4, n = 5. Количественный критерий уровня доходов отнюдь не полностью заменял собой предыдущий функциональный, качественный фактор в классообразовании. Оттого в Италии, в частности, интеллектуалы действительно представляли из себя отдельную, самостоятельную социальную группу, не только выполнявшую свою специальную – интеллектуальную, культурную – общественную функцию, но и обладавшую самостоятельным самосознанием, занимавшую свое, отдельное место на социально-политической арене. Интеллигенция в Италии была действительно классом, – повторим мы вслед за Н. Боббио [5].

Стандарты биполярности (m = 2, n = 3), "общества потребления" (r = 3) подразумевают в конце концов "изживание" предшествующей социальной картины. Наступление качественно недифференцированного среднего класса ломает прежние социальные перегородки; и для интеллигенции как отдельной, самостоятельной социальной группы уже не остается структурного места в общественной жизни. Вслед за этим осуществляется и "растворение" специфической самоидентификации интеллигенции, ее социально-

психологического самоопределения. Если действительно в целом таков смысл осуществляющихся в Италии социально-политических перемен, то нельзя не выразить сожаления по поводу утраты ментального "первородства" интеллигенции, по поводу "растворения" ее ограненных форм и твердого позвоночника в составе "амебообразного" среднего класса. Здесь небезосновательно, вероятно, и опасение за судьбу точной, пронзительной, некомплиментарной итальянской политической мысли (независимой политической мысли интеллигенции), обладавшей до сих пор таким особенным шармом и представленной такими именами, как Кроче, Гобетти, Грамши, Боббио и др. Вследствие подобного рода "американизации" (m = 2, n = 3, r = 3) интеллектуальную самобытность подстерегают проблемы.

Попробуем подытожить сказанное. Если послевоенные Италия и Франция в одном плане, в одном аспекте своего бытия – соответствующем биполярности каждого из ранее названных "ярусов", соответствующем представлению m = 2 x 2 – существовали как процветающие буржуазно-демократические государства американского типа (m = 2, n = 3), опиравшиеся на благополучие "общества потребления" (r = 3) и успешно строившие это благополучие, то параллельно в этих странах протекала и вполне другая, "вторая" жизнь, отвечавшая весьма отличной логике, иным онтологическим и жизненным началам. На этом "втором" (по счету, но, может, не по значению) плане выступали совсем другие реальности, обретали плоть другие "духи истории". Если структурно-политическое описание подобного "другого" плана внешне просто (m = 4), то за ним стоят принципиальные – фундаментальные, экзистенциальные – противоречия, если не сказать драмы. Здесь по необходимости призывалось и самоотрицание собственного общественного бытия (m = -1), и неотъемлемое беспокойство, сопутствующее всяким неразрешимым общественным конфликтам (n не равно r), инфернальные страхи и даже элементы некоей неосуществимой утопической мечты, согласующиеся с присутствием коммунистов – "авангардистов" на политической сцене. В отличие от простых арифметических правил, 2 x 2 не вполне здесь равно 4. Необходимость отказываться от себя, "наступать на горло собственной песне", иногда предавать дорогое и близкое и несмотря на это (а, может, благодаря) все-таки мечтать, обусловливало латентную трагичность послевоенной Европы (не только Франции и Италии). По уровню коллективной тревоги, по своей специфической ментальной окраске, по мучительной – "расщепленной" – тонкости общественного бытия и сознания

континентальные европейцы никогда особо не походили на жителей Северной Америки. И к причинам того относятся не только слишком живая до поры память о двух мировых катаклизмах, в эпицентре которых побывала Европа, не только географическая "зажатость" между двумя вооруженными до зубов сверхдержавами и вероятная перспектива стать главным театром третьего, "последнего" катаклизма. Особенности социально-политической, идеологической – и шире: коллективно-человеческой, – природы послевоенных Франции и Италии позволяют заглянуть в горнило исторических коллизий и драм.

2.

Во второй части статьи имеет смысл затронуть еще один комплекс вопросов, непосредственно относящихся к ближайшим перспективам партийных систем стран Европы и других континентов, а также касающихся новых геополитических тенденций.

Изучая структуру живого вещества, Луи Пастер открыл такое его свойство как дисимметрия, т.е. дополнительная, углубленная асимметрия. В. И. Вернадский считал это свойство фундаментальным признаком пространственного строения живого вещества [21, с.91] и связывал его с необратимостью времени. "Дисимметрический характер жизненного материала обусловливает вечное ‘падение’, ‘дление’ времени. Этот термин Бергсона Вернадский расширяет на всякую жизнь…" [21, с.94]. Наличие существенной связи пространственной дисимметрии с необратимостью времени подчеркивал в одном из своих последних писем с Соловков и П. Флоренский [21, с.93-94]. В термодинамическом плане дисимметрия суть неравновесность. Любая частица живого как бы поднята на некую высоту, с которой под воздействием энтропии непрерывно "падает", производя в своем движении внешнюю работу. Принцип устойчивого неравновесия Эрвина Бауэра фиксирует аналог дисимметрии и гласит: "Все и только живые системы никогда не бывают в равновесии и исполняют за счет своей свободной энергии постоянно работу против равновесия, требуемого законами физики и химии при существующих внешних условиях". Бауэр показал, что "вся энергия организма идет не на внешнюю работу, а на поддержание неравновесности, *работа* же *совершается спонтанно*” [4, с.92] (курсив наш. – В.Л., А.С.). Системы с

подобными свойствами исследует в своих работах и И.Пригожин [13].

Черты существенной асимметричности присущи не только биологическим, но и социально-политическим системам. Наряду с равновесной, рацемической составляющей политические структуры обладают признаками неравновесности, дисимметрии. Даже в странах с канонической биполярной (m = 2) и, следовательно, в принципе симметричной политической структурой в большинстве исторических моментов наблюдается эмпирическое преобладание одной политической стороны над другой. Целому же ряду других стран присуще наличие не только переменного, но и постоянного ингредиента асимметрии в их политическом строении. Нет нужды специально доказывать принципиальную асимметрию однопартийных режимов (r = 1), отвечавшим на протяжении десятилетий коммунистическим государствам или таким странам, как Южная Корея, Тайвань, Сингапур, колониальный Гонконг. Для "полуторапартийной" системы Японии, существовавшей вплоть до августа 1993 г., было характерно постоянное преобладание правящей либерально-демократической партии над всеми оппозиционными вместе взятыми, включая основную из них – социалистическую (это выражалось в непреходящем электоральном перевесе ЛДП, в распределении мест в парламенте, в партийной принадлежности фигуры премьер-министра). В послевоенный период дисимметричны и политические структуры ведущих стран континентальной Европы.

Так, политическая система Италии, начиная с 1947 г., была “двукратно несимметричной", что проявлялось, во-первых, в постоянном превосходстве партий коалиции над ИКП и, во-вторых, в доминировании христианских демократов внутри правящего блока [9], [23]. Наличие устойчивого антикоммунистического блока и распределение мест в правительствах исключительно среди его сторонников было актуально и для Франции [2]. В скобках заметим, что в присутствии мощных коммунистических сил любая политическая система дисимметрична: даже в случае демократических, многопартийных режимов коммунисты по своей организации, целям, морали качественно отличаются от традиционных политических партий (см. вышеупомянутый "авангардистский" характер данного движения) [18].

Дисимметричность порой принимает и весьма тонкие, "изощрённые" формы. Так, в послевоенной ФРГ, наряду с политической биполярностью и отсутствием значительных "авангардистских" сил на внутренней политической арене, мы

замечаем такой специфический перманентный процесс, как денацификация. Т.е., несмотря на отсутствие реальных и весомых национал-социалистических сил, непрестанная борьба с тенью прошлого приводила к своеобразному блокированию основных участников политического процесса на антифашистской основе. Кроме того, для политического поведения и общественного сознания ФРГ был существенен и такой фактор, как существование ГДР, конкурирующий диалог с которой обладал важным социально-психологическим и внутренне-политическим значением. Перманентная денацификация и наличие ГДР, таким образом, создавали конструктивные предпосылки "двойной" политической дисимметрии ФРГ на протяжении нескольких десятилетий.

Если биологическую дисимметрию исследователи связывают с необратимостью времени, то дисимметрия социально-политическая, по-видимому, аналогично, имеет непосредственное отношение к необратимому поступательному движению социума. Потенциал модернизации, заключенный в тех или иных политических системах, явно зависит от их структурной асимметрии. При этом мы выделяем страны с циклической, переменной асимметрией, наиболее яркими представителями которых являются англосаксонские, "талассократические" США и Британия. В результате каждого избирательного цикла на политическом верху оказывается наиболее весомая, влиятельная в тот момент политическая сила. Если возвратиться к сравнению необратимого времени с "вечным падением", а поступательного прогресса, модернизации – с непрестанным движением, то в данном случае каждый избирательный цикл ставит на верх "политического колеса" наиболее весомую партию, тем самым создавая предпосылки движения – движения общества в целом, возглавляемого указанной партией. Биполярная политическая система в совокупности с институтом свободных выборов демонстрирует пример простейшего и в своем роде совершенного двигателя и движителя, способствующего непрерывному прогрессу страны. В то же время здесь предусмотрен и механизм противовеса, предохраняющий общественную систему от политической узурпации, чрезмерной неравновесности и обеспечивающий циклическую возобновляемость вышеупомянутого потенциала модернизации. Вместе с уменьшением противовеса "политическое колесо", названные "двигатель и движитель" в течение ограниченного исторического периода способны сообщать более интенсивное продвижение, однако рано или поздно неизбежно достижение низшей ("мертвой") точки, истощение потенциала этого продвижения.

С этой точки зрения любопытно, что наиболее впечатляющих успехов – так называемого "экономического чуда" – добивались в послевоенный период именно те страны, для которых было характерно наличие постоянного ингредиента асимметрии: Япония, Южная Корея, Тайвань, Сингапур, Гонконг в азиатско-тихоокеанском регионе, ФРГ и Италия в Европе. Тоталитарная (политически, разумеется, асимметричная) система в СССР вплоть до конца пятцдесятых – начала шестидесятых годов демонстрировала очевидный динамизм, добившись значительных результатов в индустриализации и модернизации экономики, которые вывели страну на второе место в мире по объему ВНП. В период войны, несмотря на неблагоприятные условия, был в сверхсжатые сроки осуществлен перевод экономики на военные рельсы. Но, по-видимому, не менее типично, что спустя приблизительно 40 лет названные страны по разным видимым поводам либо вступают в период коренных политических преобразований, либо переживают состояние экономического застоя. Срыв экономической реформы середины шестидесятых годов в Советском Союзе, пропуск целых стадий структурных экономических преобразований, важнейших технологических революций исследователи однозначно объясняют косностью однопартийной политической системы страны, истощением ее потенциала модернизации. Постоянный ингредиент политической дисимметрии оказывается способным обеспечить ускоренное развитие на протяжении лишь ограниченного срока, в отличие от дисимметрии живого, обусловливающей необратимость времени на существенно более протяженных отрезках.

Примерно синхронно значительные политические перемены коснулись сейчас целого ряда стран. Помимо глобальных геополитических факторов, обратим здесь внимание на изменение характера региональных дисимметрий. Так, в Италии и во Франции коммунисты в значительной мере лишились своих специфических "авангардистских" признаков и переживают существенные внутренние трудности. Применительно к ФРГ можно констатировать, с одной стороны, окончательное завершение процесса денацификации, подтвержденное признанием этого факта со стороны мирового сообщества, и, с другой, акт присоединения ГДР. "Полуторапартийная" система Японии неожиданно прервалась, разрешившись победой оппозиционной коалиции. (При этом политические перемены в Японии, возможно, наиболее парадоксальны. Во-первых, удивителен сам факт перемен на фоне устойчивых выдающихся достижений этой страны. Во-вторых, в результате выборов,

приведших оппозицию к победе, укрепились именно те самые – консервативные – тенденции, которые всегда отстаивала ЛДП. Это, возможно, лишний раз заставляет задуматься: не обусловлено ли исчезновение постоянной политической дисимметрии в национальных государствах более глубокими, типологически более общими причинами, чем конкретная неудовлетворительность положения в самих этих государствах). Еще раньше Южная Корея прервала автократический путь и вступила в зону политических преобразований. В канун передачи Гонконга Китаю осуществляется демократизация этой колонии, а в Сингапуре впервые за 38 лет зашла речь об альтернативности при выборах президента. Процессы демократизации обрели активность и на Тайване. Наиболее же яркими примерами нарушения прежней асимметрии являются, конечно, революционные перемены в бывшем СССР и странах восточного блока. Нас здесь, однако, интересуют прежде всего процессы в Западной Европе.

Исчезновение постоянного ингредиента дисимметрий в политических системах в аксиологическом плане амбивалентно. Если к положительным моментам в европейском контексте с определенной долей условности относят завершение денацификации и объединение Германии, определенную "декоммунизацию" Франции, "декоммунизацию" и ликвидацию особой роли мафии в политической и экономической системе Италии, то неизбежно встает вопрос и о моментах отрицательных. Речь здесь идет не столько о том, что политические системы основных стран континентальной Европы скачкообразно приближаются по своему типу к биполярности американского вида и связанной с ней "коммерциализацией" социума (деления общества на богатый, средний и бедный классы, $r = 3$), что эти страны тем самым как бы лишаются самобытности своего социального и политического устройства.

Обратим внимание на другой аспект. Несмотря на "коммерциализацию", "экономизацию" общественного сознания, вероятно, неизбежно возникнут проблемы именно в экономическом развитии. Истощение потенциала модернизации, обязанного постоянной дисимметрии политического строения, затрудняет возможность очередных экономических прорывов, в которых страны ЕС нуждаются для успешной конкуренции с североамериканским и азиатско-тихоокеанским блоками. Новое политическое строение стран континентальной Европы едва ли не исключает вероятность нового "экономического чуда", источником которого была бы политическая организация каждого из национальных государств. Национальное государство,

политическая организация национальных обществ перестает быть источником ускоренной экономической модернизации, и в связи с этим приходится обратить внимание на потенциал новых политических и экономических общностей, а именно блоков – Европейского, Североамериканского, Азиатско-Тихоокеанского, Евразийского (m = 4, n = 5 в мировом сообществе, см.: [19], а также Приложение в конце данной статьи).

Выдающиеся достижения социумов с постоянным ингредиентом дисимметрии в их политической (и, следовательно, идеологической) структуре имеют, похоже, определенные предпосылки и в области общественной психологии. Насколько позволяет судить эмпирический материал, постоянная политическая дисимметрия в каждой из стран сопровождается феноменами массовых фобий: будь то страх перед вполне вероятным наступлением коммунистической диктатуры во Франции и Италии, перед материализацией нацистских или милитаристских теней прошлого в послевоенных Германии и Японии, очевидной для масс угрозой со стороны коварных внутренних врагов в сталинском СССР или страх перед кровожадной мафией в той же Италии. Внутренние опасности подкрепляются внешними, особенно в случаях расколотых стран: двух Германий, двух Корей, трех Китаев (КНР, Тайвань, Гонконг). Жизнь в условиях постоянного стресса мобилизует резервные возможности не только индивидуального, но и общественного организма. Активизации скрытых резервов способствует также наличие постоянной целеустремленности, даже если соответствующая цель главным образом отрицательна и заключается в том, чтобы защититься от жестоких опасностей. Исчезновение постоянной дисимметрии в данном случае означает более спокойную, психологически более комфортную жизнь. Общественное сознание покидают могущественные враги, но вместе с тем теряется и ряд мощных стимулов активной индивидуальной и, главное, коллективной деятельности. "Нет вызова – нет развития", – можно повторить вслед за Тойнби. Раскомплексованность нередко приводит к ущербу для производящих интеллектуальных способностей, в данное случае для творческого духа целых наций и стран. То, что раньше пугало и спасало, начинает вызывать в основном разочарование и скуку. Так или иначе, утрата постоянного ингредиента дисимметрии в политическом строении национальных государств вызывает целый комплекс проблем, неизбежно сопровождающих всякую сложную перестройку в политике и психологии масс. Поиск новых интересов и стимулов согласованной коллективной деятельности относится здесь отнюдь не к последнему ряду

задач.

Почему все-таки иссякает потенциал модернизации политических структур с постоянным ингредиентом дисимметрии? Данный потенциал был бы практически неистощим, если бы опирался на более глубокий и прочный фундамент: в конечном счете на коренную дисимметрию человека, живого вообще (что станет возможным лишь в так называемых "органических" обществах). В данном же случае мы имеем дело, по-видимому, с не вполне глубокими основами, на которых зиждется общество и которые оттого и подвергаются эрозии, размыванию со стороны современного исторического процесса. Однако вернемся на более твердую структурную почву (9).

Рассмотрим регионально-политическую структуру ЕС. В его составе из остальных европейских стран очевидно выделяются четыре члена "большой семерки", обладающие наибольшим объемом ВВП и политическим влиянием в мире: ФРГ, Франция, Италия, Великобритания (m = 4), – а с учетом остальных членов сообщества n = 5. В рамках СНГ, или Евразии, параллельно складывается подобная регионально-политическая структура: Россия, Украина, Белоруссия, Казахстан (m = 4) плюс "остальные" (n = 5). Повторив ранее высказанный тезис, что на каждой исторической стадии в мировом сообществе определенные преимущества приобретают те страны и блоки, внутреннее политическое строение которых гомологично мировому [19], мы предполагаем, что ЕС в целом будет находиться в стратегически достаточно выгодном положении (что пока что трудно предположить для такой неустойчивой структуры как СНГ). Подобное стратегическое преимущество в немалой степени обязано наличию постоянного ингредиента дисимметрии в политической организации блока.

Так, в числе четырех ведущих стран ЕС одна из этих стран, а именно Великобритания, стоит несколько особняком по отношению к континентальным ФРГ, Франции, Италии. "Талассократичность" Великобритании, ее "амфифильный" (европейский, но и проамериканский, "атлантический") характер обусловливает качественную неоднородность ядра ЕС, которую можно изобразить схемой: ФРГ, Франция, Италия | Великобритания. В скобках заметим, что Евразии, аналогично, отвечает схема: Россия, Украина, Белоруссия | Казахстан (10). Четырехчастная структура применительно к основным составным элементам блоков (m = 4) и, соответственно, пятичастная применительно к каждому блоку в целом (n = 5) обусловливает наличие постоянного ингредиента дисимметрии, а вместе с ним и

обладание дополнительным потенциалом модернизации. Поэтому перспективное экономическое и политическое будущее Европы видится действительно лишь в рамках ее объединения, тогда как каждое из национальных государств в отдельности, их политическое устройство как бы покидает тот движущий, творческий "дух", который ответствен за добавочный динамизм развития и успешную конкуренцию в мире.

Поскольку блоковая структура Европы на стадии m = 4, n = 5 асимметрична, постольку высокий эффект регуляции здесь вероятен и без обращения к экстраординарным мерам. Несмотря на сход с арены западной континентальной Европы крупных "авангардистских" политических движений (коммунистов Италии и Франции) и движений "антиавангардистских" (антинацистская и антикоммунистическая направленность ведущих партий ФРГ), способных к реализации чрезвычайных мер, эффект регуляции в рамках ЕС может быть не менее значительным, чем в случае принятия подобных мер. Несмотря на исчезновение постоянных ингредиентов дисимметрии в политической организации национальных обществ (11), мобилизуется новая – надгосударственная, блоковая – асимметрия, а вместе с нею и присущий ей потенциал модернизации.

В заключение можно отметить, что постоянный ингредиент дисимметрии присутствовал в послевоенный период в политическом устройстве и мирового сообщества в целом. Послевоенной эпохе отвечало наличие двух основных активистских сил: капиталистического Запада и коммунистического Востока (m = 2), а с учетом третьего, неактивистского блока, организационно оформленного в Движении неприсоединения, n = 3. Наряду с военно-стратегическим паритетом между двумя сверхдержавами, между двумя главными активистскими блоками, наряду с определенным идеологическим равновесием, мы наблюдали также и очевидную несимметричность, поскольку Запад превосходил Восток по экономическому весу и политическому влиянию. Вслед за постоянной асимметрией в данном случае мы говорим и о потенциале модернизации мирового сообщества в целом. Существование положительного потенциала было обязано в значительной мере тому, что наверху "политического колеса" неизбывно пребывал именно наиболее весомый элемент, который вдобавок и сам по себе являлся источником в целом более динамичных технологических и социальных начал. Ныне послевоенный порядок подвергается значительной трансформации. Какими при этом представляются перспективы мирового сообщества?

Если на промежуточной, существенно нестабильной стадии, отвечающей всякому переходу от одной зоны устойчивости к другой, всякой глобальной структурной трансформации, мы наблюдаем единоличное лидерство США, то вместе с тем мы констатируем и явную асимметрию данного состояния. Асимметрия в мировом политическом устройстве подобного типа – столь резкая, без надлежащих сдерживающих механизмов и противовесов – весьма ускоряет движение, но при этом сопровождается такой степенью угрожающей нестабильности во многих регионах планеты, что навряд ли стратегически терпима со стороны большинства членов мирового сообщества. Поэтому в данном случае мы говорим лишь о существенно переходном процессе, отвечающем ограниченному историческому отрезку. Анализ ближайших перспектив [19] позволяет констатировать наступление значительно более устойчивой и более длительной стадии, которой отвечает формирование на мировой политической и экономической арене четырех основных активистских, соизмеримых по своему весу и влиянию блоков: Европейского, Североамериканского, Азиатско-тихоокеанского и Евразийского ($m = 4$), – а с учетом остальных блоков и стран $n = 5$. Каковы динамические параметры этого периода, как обстоит здесь дело с развитием? Со ссылкой на предшествующую публикацию [19], мы отмечаем качественную неоднородность основной активистской четверки. Североамериканскому, Азиатско-Тихоокеанскому, Европейскому блокам отвечает социально-политическая ориентация традиционного типа, в определенной мере аналогичная принятому делению традиционных политических сил на либералов, консерваторов и социал-демократов. Четвертый, Евразийский, блок в этом плане существенно отличается от остальных, стоит как бы особняком, поскольку ему присуще наличие весомой коммунистической компоненты в общественном сознании и конкретном внутреннеполитическом раскладе. Постоянная дисимметрия в ядре нового мирового устройства может быть изображена с помощью схемы: Северная Америка, Западная Европа, Азиатско-Тихоокеанский регион | Евразия. Т.е. и в данном масштабе воспроизводится членение подобного же типа, как в вышеупомянутых блоковых ситуациях: ядро ЕС (три континентальных страны и Британия), ядро Евразии (три славянских государства и Казахстан) (12). Потенциал ускоренного развития, обязанный постоянному ингредиенту структурной дисимметрии, таким образом, присущ мировому сообществу и на данной исторической стадии. Вероятно, указанный потенциал, в свою очередь, будет вновь исчерпан спустя приблизительно 40

лет после своего утверждения. Осуществится накопление энтропии, негативных последствий, и на смену снова придет очередная эпоха, геополитическая структура которой также отличается наличием постоянного ингредиента дисимметрии (хотя и другого характера). Этот вопрос, однако, уже выходит за рамки настоящей статьи. Наша работа, разумеется, наделена признаками промежуточного исследования. Вероятно, не всем высказанным здесь тезисам отвечает равная степень убедительности. В процессе изложения одних из них приходилось опираться на разработанные, но еще не опубликованные материалы, другие же сами по себе обладают статусом лишь более или менее вероятных гипотез. Поэтому должное освещение комплекса поднятых здесь вопросов нуждается как в последующих публикациях, так и в продолжении надлежащих исследований.

ПРИЛОЖЕНИЕ (список обозначений)

m – число основных активистских политических групп в общественной системе (партий или блоков партий в региональной общественной системе; активистских геополитических блоков на мировой арене),

n – общее число основных политических групп в общественной системе (включая "индифферентную" политическую группу в региональной общественной системе, "неприсоединившийся мир" в глобальной системе),

r – число основных социальных групп (классов) в общественной системе,

N – число степеней свободы общественной системы в целом, т.е. количество ее свободно изменяемых параметров,

p – род социально-политической системы; число, указывающее количество "дыр" в этой системе.

СНОСКИ

1. Статья написана совместно с В.П. Любиным. Опубл. в: Партии и партийные системы современной Европы. Проблемно-тематический сборник. М. ИНИОН РАН. 1994. С. 24 – 51.

2. Вывод указанной формулы был сделан в книге А. Степанова «XX и XXI века глазами структурной политологии»

(1990), его формальная часть – см. А.Степанов «Углы структурной политологии». – Лабиринт/Эксцентр. №3. 1991. Екатеринбург. С. 5 – 24. Вообще-то, все очень просто. Пусть некоторая саморегулирующаяся, относительно замкнутая система (в частности и социально-политическая, т.е. массовый социум) разделена по двум основным конструктивным признакам – например социальному (классовому) и политическому (партийно-идеологическая ориентация). Каждый элемент системы, соответственно, описывается в рамках двойственной принадлежности – классовой и партийной: к примеру, я рабочий и сторонник коммунистической партии. Как связаны между собой количество основных классов, с одной стороны, и количество ведущих политических групп, с другой?

Из условия «замкнутости» (саморегулируемости) системы, собственно, и вытекает приведенное соотношение. Оно имеет простейшую «топологическую», или комбинаторную, природу. Поскольку исторически данное соотношение было выведено в естественных науках (рассматривались термодинамические системы, состоящие из некоторого количества химических составляющих, которые, в свою очередь, могли пребывать в различном фазовом состоянии, например, твердом, жидком, газообразном) , постольку мы посчитали справедливым сохранить за ним традиционное название: «правило Гиббса». Хотя ничего исключительно «физического», повторяю, в данном соотношении нет, оно основано на простейшем факте смежности («состыкованности») различных структурных ячеек в системе: будь то ячейки, отвечающие неким химическим компонентам и их фазовым состояниям (собственно правило Гиббса), или же ячейки, соответствующие разным социальным классам и политическим группам. Подробности, к сожалению, потребовали бы слишком много времени.

3. Также всего две и так называемые "народные" партии, т.е. с достаточно обширным электоратом, репрезентативным относительно социального среза немецкого общества: ХДС и СДПГ.

4. Понимая, что социальная структура современного западного общества гораздо сложнее, авторы прибегают к сознательному упрощению, сводя ее к трем крупным и главным, на их взгляд, компонентам. (О социальном строения нынешнего социума, см., например, у Р.Дарендорфа: 16, с.314-317).

5. Общая характеристика политической направленности составляющих компонентов партийных систем дана в работе В.П.Любина "Политические партии на Западе и в России: возможно ли сопоставление понятий?", опубликованной в

предшествующем выпуске данной серии (ранее более полный вариант статьи опубликован в Италии). Наиболее устойчивые формы левого направления представлены на европейской арене умеренным крылом левых, т.е. в основном социалистическими и социал-демократическими движениями. Например, распределение вышеупомянутых партий в ФРГ по типам таково: позиции ХДС, ХСС и “Республиканцев" соответствует более или менее правому консерватизму, СвДП наиболее последовательно представляет либерализм, а ПДС, СДПГ и "Зеленые" тяготеют к левизне. В Италии типологически консервативная тенденция отстаивалась христианскими демократами и ИСД (ныне: Национальный альянс), либеральная – либералами и республиканцами, а умеренно левая – социалистами (см.: [29]).

6. В Италии все же представители ИКП, начиная с послевоенного Учредительного собрания, нередко занимали видные места. В том числе пост спикера Палаты депутатов – от У.Террачини до Л.Йотги и Дж-Наполитано – занимали коммунисты, тем самым как бы принимая на себя некоторую долю ответственности за осуществление в стране государственной власти. Сказанное, впрочем, не отменяет фактов, что коммунисты, со своей стороны, подвергали радикальной критике сами основы политической системы Италии, а их противники прикладывали все усилия, чтобы "изолировать" и "нейтрализовать" коммунистов.

7. Доказательство этого вынесено за рамки настоящей статьи. (Читатель же интернет-версии может справиться с разделом 1.4 книги «Число и культура…» – см. выражения (7), (8). Единственная сложность – несколько различные системы обозначений: обозначению m в настоящей статье [и в данном контексте] соответствует M в книге.)

8. Подобного рода потрясения происходили и продолжают происходить в итальянском социуме в начале 90-х годов после резкого качественного прорыва в борьбе с коррумпированными элементами общества, наводнявшими его верхи. Сама политическая система страны подверглась существенной ломке и перестройке, было объявлено о переходе от I ко II республике.

9. Не только собственно постоянный ингредиент дисимметрии, но даже в принципе переменный способен демонстрировать определенные признаки постоянства. 12-летнее пребывание у власти президентов-республиканцев в США (правда, при демократическом большинстве в Конгрессе); 15-летнее преобладание консерваторов и соответственная партийная принадлежность премьер-министра в Великобритании; 12 лет превосходства блока ХДС/ ХСС/СвДП в ФРГ – отнюдь не

исчерпывающий список примеров. При этом рейтинг правительств и возглавляющих их партий нередко резко падает к середине срока правления, становясь заметно меньше критической половины, поскольку руководство прибегает к непопулярным мерам. Однако к очередным выборам этот рейтинг вновь возрастает, свидетельствуя, что за период полномочий правительства "политическое колесо" совершило не пол-оборота, а целый оборот.

Старые порядки и старые лидеры в конце концов надоедают – этот массовопсихологический фактор характерен для многих стран, обусловливая истощение общественно-политического потенциала, необходимость последующего обновления. Любопытно, что процесс политических реформ в ряде государств с убывающей постоянной асимметрией протекает при этом под знаком "нравственного очищения": как, например, в Японии, Италии, Южной Корее или – в начале "перестройки" – в СССР.

10. В отличие от европейского, в формирующемся евразийском блоке структура $m = 4$, $n = 5$ отвечает не только регионально-политическому, но и партийно-политическому устройству: либералы, консерваторы, социал-демократы, коммунисты ($m = 4$) плюс "индифферентная" группа ($n = 5$).

11. Биполярная партийно-политическая модель значительно укрепляет свои позиции, как мы знаем, в Европе и Азиатско-тихоокеанском регионе. Из ведущих геополитических блоков на ближайшей стабильной исторической стадии ($m = 4$, $n=5$ в мировом сообществе) лишь в Евразии подобная перспектива, как минимум, проблематична [19].

12. Такая структура может быть записана в форме 1, 2, 3 | 4. Образование СССР в 1922 г., осуществленное под руководством коммунистической, т.е. типологически "четвертой" партии, представляло собой также объединение четырех республик, три из которых: РСФСР, УССР, БССР сходны по этническим, конфессиональным и историческим признакам, а четвертая – ЗСФСР занимала особое, отличительное положение.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Андерсон П. Размышления о западном марксизме: На путях исторического материализма. – М., 1991. – 267 с.

Арзаканян М.Ц. Де Голль и голлисты на пути к власти. – М., 1990.- 240с.

Арон Р. Этапы развития социологической мысли. – М.,1993. –

607 с.

Бауэр Э. Теоретическая биология. М. – Л., 1935. – 206 с.

Боббио Н. Интеллектуалы и власть // Вопр. философии. – М., 1992. – №8. – С.96-120.

Бунин И.М. Социалисты и общественно-политическая борьба во Франции в 80-е годы. – М., 1989. – 215 с.

Бурдье П. Социология политики. – М., 1993. – 334 с.

Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А. Современный Левиафан. – М., 1985. – 384 с.

Лисовский Ю.П., Любин В.П. Политическая культура Италии. – В кн.: Политическая культура современности. – М., Фонд "Культурная инициатива", 1994. В печати.

Любин В.П. Общественно-политические взгляды Норберто Боббио. – М., 1991. – 78 с.

Любин В.П. Последняя вспышка "коммунизма" на Западе: еврокоммунизм и его идеи. – М., 1993 (рукопись, 85 с.).

Мантуров О.В. и др. Толковый словарь математических терминов. – М., 1965. – 539 с.

Пригожин И. Философия нестабильности // Вопр. философии. – М., 1991. – №6. – С.46-52.

Салмин А.М. Промышленные рабочие во Франции: К изучению сдвигов в политическом поведении. – М., 1984. – 286с.

Смирнов В.П. Новейшая история Франции. – М., 1979. – 376с.

Современная буржуазная политическая наука: проблемы государства и демократии. – М., 1982. – 335 с.

Социал-реформизм и трудящиеся. – М., 1986. – 400 с.

Степанов А.И. "Прекрасная политика" // Логос: С.-Петербургские чтения по философии культуры. – СПб., 1992. – Кн. 2. – С.89-103. – см. здесь.

Степанов А.И. Структурная политология о Евразии и мировом сообществе // Политическая наука в России (история, современность, модели будущего) – М.:ИНИОН, 1994. – С.7-38.

Он же. Углы структурной политологии // Лабиринт / Эксцентр. – Екатеринбург, 1993. – №3. – С.5-24.

Туровский М.Б. , Туровская С.В. Концепция В.И.Вернадского и перспективы эволюционной теории // Вопр. философии. – М., 1993. – №6. – С.88-104.

Хайек Ф. Дорога к рабству // Там же. – 1990. – №10. – С.113-151; №11. – С.123-165; №12. – С.103-149.

Холодковский К.Г. Италия: Массы и политика. – М., 1989.- 256 с.

Чернега В.Н. Политическая борьба во Франции и эволюция голлистской партии в 60-70-е годы XX в. – М., 1984. – 237с.

AlthusserL. Ce qui ne peut plus durer le parti communiste – P.,

1978. -125p.

Baurlein H. Der Eurokommunismus – ein abgoschlossenes Kapitel // Europa-Arch. – Bonn, 1992. – №22 – S.653-663.

Bobbio N. Il futuro della democrazia. – Torino, 1984. – XIII, 170 p.

Kellmann K. Die Kommunistischen Parteien in Westeuropa: Entwicklung zur Sozialdemokratie oder Sekte? – Stuutgart, 1988.- 284 S.

Ljubin V. I partiti politici in Occidente e in Russia: e possible un confronto? // CIRSS, – 1993. – №2. – P. 5-16.

Eurokommunismus/ Timmermann H. (Hrsg.) – Frankfurt a. Main, 1978. – 204 S.

Die Kommunistischen Parteien Suedeuropas/ Timmermann H. (Hrsg.) – Baden Baden, 1979. – 600 S.

Timmermann H. Wohin marschiert die Linke in Europa: Demokratische Sozialisten, Eurokommunisten und der Wesren, – Freiburg, 1979. – 128 S.

Timmermann H. Zur Metamorphose des PCI: ein sozialdemokratischen Standpunkt. – Koeln, 1990. – 7 S.

Urban J.B. Moscow and the Italian Communist Party: From Togliatti to Berlinguer. – Ithaka; L., 1986. – 370 p.

Urban J.B. Moscow and the Global Left in the Gorbachev Era. – Ithaka; L.,1992. – 204p.

Vogt H. Eurokommunismus: Ein Reader. – B., 1978. – 224 S.

Территориально-политическое строение новейшей Европы / 1 /

Европа еще не сказала последнего слова насчет своей архитектуры на новом этапе. Демонтаж политического фронта между Западом и Востоком в этой части света вызвал перегруппировку, объединение и распад государств. Не могло не претерпеть изменений и начатое ранее строительство Евросоюза. Завершение исторического перехода потребует до нескольких десятилетий. Мы не ставим цели предвосхитить строение ЕС как организации, займемся вопросом о структуре Европы как политического, экономического, культурного целого, в рамках которого существуют другие национально-культурные, политико-экономические целостности.

1.

Начнем с Восточной Европы. Польша, Чехия, Венгрия – тройка стран, вплоть до 1989 г. принадлежавших по уровню

жизни к форпосту социалистического лагеря, теперь же возглавивших движение в направлении к НАТО, ЕС. В журналистике и политологии за Польшей, Чехословакией, Венгрией было закреплено название «Вышеградской тройки», используем его как отправное. Пребывая в промежуточной зоне между Западной Европой и Россией, эти государства испытали влияние обеих сторон. До 1918 г. Венгрия, Чехословакия, часть Польши входят в состав Австро-Венгерской империи и по окончании I мировой войны синхронно обретают независимость. По итогам II мировой войны установлены коммунистические режимы. 1989 г. – дружное участие в распаде социалистического лагеря, демократические революции.

Важное уточнение: после референдума 1993 г. Чехословакия разделяется на два государства, и отныне о Вышеградской группе говорят как о *четверке*, а не тройке. Словакия, как и Чехия, до 1989 г. – часть социалистического лагеря, а до 1918 г. – Австро-Венгерской империи. Традиционны ее связи и с Венгрией: 10% населения Словакии – этнические венгры. Приведем краткий перечень доминант, отвечающих региональному ансамблю в целом / 2 /.

Географическая компактность. Исповедуемый большинством населения католицизм. Формирующее влияние Австрийской империи и одновременный выход из нее. В промежутке между мировыми войнами – националистические правительства, роль «санитарного кордона» вокруг Советской России. II мировая война – оккупация или подчинение фашистской Германией, затем полвека коммунистических режимов, принадлежность советскому блоку. 1989 г. – освобождение от тоталитаризма. Нынешний экономический статус – среднеразвитые индустриальные страны («полупериферия» современной мир-экономики). Общность географического положения и исторических судеб обусловливает двойственный «западно-восточный» национальный характер; гордость малых, испытавших покушения на свою идентичность наций (национальному сознанию поляков, венгров, чехов, словаков присуще настороженно-соревновательное отношение как к русскому, так и к немецкому мирам, что является предпосылкой контрастной самоидентификации). Наконец, ныне – период надежд («Назад, в Европу!») и однотипность проблем: коллизии демократизации, смены планового хозяйства на рыночное, необходимость глубокой модернизации промышленности и инфраструктуры, переориентация торговли с Востока на Запад. Сказанного, вероятно, достаточно, чтобы облечь в плоть представление о Вышеградском региональном ансамбле.

2.

Южную часть Восточной Европы занимают православные государства. Следуя по карте: Румыния, Болгария, Греция, Кипр / 3 /. Казалось бы, что, кроме религии, способно объединять эти страны? Еще десятилетие назад Румыния и Болгария – части восточного блока, тогда как Греция – член НАТО, ЕС. Формально Кипр – вообще не Европа, а Азия. Вплоть до самого последнего времени здесь было невозможно говорить о серьезных проявлениях регионального ансамбля. Но переходные эпохи порой до неузнаваемости меняют политическую карту, взглянем на ситуацию внимательнее.

Румыния и Болгария, пережившие на рубеже 1980-90-х гг. демократические революции, выбрали европейский политический и экономический курс. Они – кандидаты в ЕС и НАТО, пусть и из «второй очереди», в отличие от северных соседей. Со своей стороны, Греция, полноправный член ЕС и НАТО, лишь четверть века назад (1974 г.) избавилась от диктатуры «черных полковников», позднее других (с 1981 г.) вошла в ЕС. «Проблемность» политического наследия объединяет Румынию, Болгарию с Грецией, а прежний геополитический барьер уже не стоит между ними.

Пусть географы относят Кипр к Западной Азии, но в политико-экономическом плане он в европейской орбите, его заявка на вступление в ЕС принята. Кипр подчеркнуто в стороне от ближневосточных конфликтов, а его главный конфликт – по поводу его северной части – в сущности, проблема отношений между Грецией и Турцией, двух членов НАТО, действительного и ассоциированного членов ЕС. 78% населения Кипра – греки.

Хрестоматийная оппозиция «Север – Юг» не так остра на европейской арене, как в мире, но не до конца стерта и здесь. Болгария и Румыния – менее модернизированы, чем страны Вышеградского ансамбля; в свою очередь, Грецию относят к «бедным» Европы, направляя в нее субсидии по программам ЕС. Тип хозяйства в Болгарии, Румынии, Греции, не владеющих оригинальными наукоемкими технологиями, не отличающихся высоким научным потенциалом, во многом схож; удельный вес аграрного сектора, по меркам развитых стран, непропорционально велик. Климатические условия трех государств благоприятствуют как сельской индустрии, так и туризму («страны-курорты»). Сказанное справедливо и применительно к Кипру. Общность положения, интересов, задач (модернизация промышленности и инфраструктуры, инвестиции, интеграция в ЕС) – по-видимому, главная предпосылка

формирования юго-восточного регионального ансамбля. При этом не стоит сбрасывать со счетов и культурно-психологические факторы, перекличку исторических путей. Следующий фрагмент дадим в изложении.

Важнейшие факторы прошлого, общие для всех четырех государств: определяющее влияние Византии (которой регион и обязан православием), затем – турецкое иго. Историческое наследие юго-восточного регионального ансамбля резко контрастирует с Вышеградской четверкой, вызревавшей, как сказано, под сенью не Османской, а Австрийской империи: во-первых, не иноверной (Венгрия, Польша, Чехия, Словакия – также католические), во-вторых, оставившей после себя заметно более высокий уровень промышленного развития, просвещения, трудовой морали.

Составим сводку доминант юго-восточного регионального ансамбля. Общая дислокация в исторически «греческом» ареале – Восточном Средиземноморьи и бассейне Черного моря. Близкие климатические условия. Специфически «южный» тип хозяйств: высокая доля аграрного сектора, дефицит высокотехнологичных производств («отсталость»). Сохранение реликтов традиционного общества («народной культуры»). Единая конфессиональная принадлежность: православие. Общая историческая судьба: факторы Византии и Османской империи, сравнительно позднее для Европы обретение независимости. Демократические режимы установлены лишь одно или несколько десятилетий назад. Сходство проблем, интересов, ближайших задач и, по всей видимости, перспектив (ЕС, НАТО). Не достаточно ли сказанного для манифестации единства группы, состоящей из Румынии, Болгарии, Греции, Кипра (М = 4), и, соответственно, формирующегося здесь – по мере осознания и институализации единства – регионального ансамбля?

3.

Следующий пример значительно проще. Речь о расположенной на юге Европы полосе романских государств: Италия, Франция, Испания, Португалия.

Каковы их главные особенности? Общие география, климат. Лингвистическое родство (романская группа языков). Доминирующее католичество. Все четыре страны – ареал Римской империи; это, несомненно, Западная, а не Восточная, Европа (имеется в виду не тривиальная географическая, а историко-культурная принадлежность). В прошлом все четыре страны – бастион Контрреформации (если Реформация, согласно М.Веберу, дала толчок развитию капитализма, то какова роль

Контрреформации?). Благоприятные условия для сельского хозяйства и туризма. Одинаковые задачи преодоления традиционных укладов (для Испании и Португалии – целиком, для Италии и Франции – на юге). В XX в. – наличие мощных тоталитарных движений (фашистских и/или коммунистических). Великое историческое наследие (все – империи, и все – в прошлом), энергичное содействие единству Европы («евроэнтузиазм») . Членство в ЕС и НАТО. Возникают ли сомнения, что это региональный ансамбль?

К нему следует отнести еще три страны: Андорру, Монако и Сан-Марино. Численность населения Андорры составляет 40 тыс. чел. (1982 г.), денежные единицы – испанские песеты и французские франки, верующие – католики. В Новое и Новейшее время Андорра – под протекторатом Франции и Испании. В Монако проживает 27 тыс. чел. (1982), из них подданных Монако 5 тыс., остальные – французы, итальянцы. В 1524 – 1641 гг. княжество Монако – под испанским господством, затем под французским протекторатом; современная денежная единица – французский франк. Сан-Марино – 20 тыс. населения (1983), религия – католичество, официальный язык – итальянский, денежная единица – итальянская лира, территория окружена Италией. Столь небольшие и не вполне независимые государства, на наш взгляд, не способны нарушить ведущую четырехсоставность романского ансамбля и входят в него на правах «остальных» / 4 /.

4.

Теперь поднимемся на северо-запад европейского континента. Бенилюкс, экономический союз Бельгии, Нидерландов и Люксембурга, образованный в 1958 г., – один из классических региональных ансамблей.

Значение ансамблей не сводится к их размерам, чему данный пример – яркая иллюстрация. С IX – X вв. здесь располагался один из двух полюсов (наряду с Северной Италией) европейской экономической жизни; с 1500 г. Антверпен, с 1600 г. (до XVIII в.) Амстердам – главные центры европейской мир-экономики [1]. В настоящее время Маастрихт – место пребывания Еврокомиссии, Гаага – Международного суда, в Брюсселе базируется штаб-квартира НАТО.

Рассматриваемые территории издавна связаны тесными политическими и экономическими узами. Наряду с современной Голландией, Бельгия и Люксембург – части исторических Нидерландов. Революция 1566 – 1609 гг. приводит к независимости только северные провинции, т.е. нынешние

Нидерланды, а земли Бельгии и Люксембурга остались у Габсбургов. В 1815 – 30 гг. Голландия с Бельгией вновь в составе единого Нидерландского королевства. До 1980 г. Великое герцогство Люксембург в личной унии с Нидерландами. Итак, перед нами прежде единое государство, части которого разведены, но поддерживают особо доверительные отношения.

Все три высокоразвитые конституционные монархии – члены НАТО, ЕС. Кто-то, возможно, обрадуется: наконец-то мы встретились не с четверкой, а с тройкой. Но радость преждевременна.

Население Бельгии делится почти пополам: 56% фламандцев и 42% валлонов, которых разделяет языковой барьер – соответственно, нидерландский и французский языки, оба со статусом государственных. Компактное проживание групп – почва для сепаратистских тенденций. Уже три десятилетия в Бельгии не прекращается процесс конституционного переустройства, и на настоящий момент унитарное государство превратилось в федерацию, состоящую из Фландрии, Валлонии плюс столицы Брюсселя. «Следующий этап конституционной реформы стартует в 1999 г. Фламандцы выдвинули условия, заведомо неприемлемые для валлонов. По сути Фландрия требует налоговой самостоятельности, а также передачи регионам полномочий в области здравоохранения, социального страхования, занятости, внешней торговли, сельского хозяйства и даже железнодорожного сообщения. В этом случае, по мнению экспертов, Бельгия фактически становится конфедерацией» [2]. Существуют и другие свидетельства обострения противоречий между общинами, т.е. потенциально данный ансамбль четырехсоставен: Нидерланды, Люксембург, Фландрия и Валлония.

Если разделение Бельгии на два государства состоится, это позволит констатировать срабатывание тетрарного принципа / 5 /; если нет, я, честно говоря, не увижу существенного ущерба изучаемой схеме. По другому конкретному поводу, – анализируя одну из рациональных структур в поэзии, параллелизмы, – Р.Якобсон замечал: «Любые формы параллелизма есть некоторое соотношение инвариантов и переменных. Чем строже распределение инвариантов, тем более заметны и эффективны вариации» [3, с. 121-122]. Переводя в политическую плоскость: если инвариантом считать кватерниорность структур, то его оправданная вариация лишь увеличит экспрессивность картины. Если Бельгия не разделится, тем самым внеся вариацию в транзитивно тетрарную схему, для нашей концепции не будет особого вреда, достаточно и тенденции. На этой ноте оставим

региональный ансамбль Бенилюкс и обратимся к следующему – Скандинавии.

5.

Под скандинавской шапкой выступают Дания, Швеция, Норвегия, Исландия и Финляндия, т.е. пять государств, а не четыре, поэтому требуется осторожность. Какова диспозиция в этом северном регионе? Вначале сравним участников по демографическому критерию.

Население Швеции – 8,5 млн. чел. (1985 г.), Дании – 5,1 млн., Финляндии – 4,9 млн., Норвегии – 4,1 млн., тогда как в Исландии проживает всего 230 тыс. Четыре члена ансамбля демографически соизмеримы, а пятый, Исландия, уступает самому меньшему из них почти в 20 раз. Наряду с островным расположением Исландии, это семантически отдаляет ее от остальных, ставит в неравное фактическое положение.

Небольшое замечание. Действительно ли с «физическими» – демографическими, территориальными, экономическими – единицами мы имеем дело в текущем анализе? Он имеет логико-семантическую направленность и оперирует со «значениями» элементов. Простейшие политические формы выстраиваются из материала этих «значений». Поскольку речь об эпохе масс, об образованных обществах, постольку прорабом оказывается элементарная логика и информация об элементах, т.е. государствах. Последняя должна быть общеизвестной – как о прошлом стран, так и настоящем, – общеизвестной для населений тех государств, которые принимают участие в создании регионального ансамбля, его перестройке согласно современным критериям. Но главное даже не это: подобная информация не обходится без оценки значения стран.

Влияют ли на результат коллективной оценки «физические» факторы: демографические, территориальные, экономические? – Несомненно. В среднем, чем больше государство, тем значимее. Строение ансамблей задается главным образом крупными, «заметными» странами, тогда как малым чаще достается второстепенная роль «остальных». Но это лишь «в среднем». Поскольку строительным материалом в данном случае служат коллективные представления о «значениях», они могут иногда далеко отходить от «физического» веса государства. Подобное может возникать по разным причинам. Например, малая страна может стать соизмеримой с более крупными в воображении народов, ответственных за политическое формотворчество в регионе.

На минуту вернемся к ситуации в Бенилюксе. В Люксембурге

проживает всего 400 тыс. чел. (1983). Для сравнения, в Нидерландах – 14,5 млн., в Бельгии – 9,9 млн. Несмотря на столь существенное отличие, Люксембург, на наш взгляд, занимает «полноправное» место в ансамбле (что косвенно подтверждается и составным названием последнего). Исторический опыт региона таков, что заставил ценить физически меньшего партнера не менее остальных. Не исключено, что Люксембург, подобно «дяде честных правил» у Пушкина, просто заставил себя уважать: в 1842 – 1919 гг. он состоял в таможенной унии с Германией (в Люксембурге, кстати, два государственных языка: немецкий, французский), вероятность аналогичной «потери» и в будущем повышает его ценность в глазах партнеров по нынешнему ансамблю. Но область причин (которые почти всегда неоднозначны) – не наша стезя, для нас существенны следствия, факты. Поэтому мы, включая Люксембург в соответствующий ансамбль на правах полноценного члена, постарались избегать лишних деталей. В Скандинавии – применительно к Исландии – ситуация явно иная.

Численность населения Исландии, повторим, не достигает 1/20 средней величины по ансамблю. Исландия могла бы произвести более глубокое впечатление на других участников и тем самым войти в ряды компактной четверки, если бы она, например, предъявила соизмеримый с остальными объем ВВП. Но это означало бы, что по производству на душу населения Исландия должна была бы превзойти высокоразвитые Швецию, Данию, Норвегию, Финляндию как минимум на порядок! Напомним, что географические, демографические, экономические аргументы интересуют нас не столько в их собственном значении, сколько в проекции на политику, на сознание обществ, определяющих облик и «внутренний смысл» ансамбля. Непосредственное отношение к этому имеет и историческая память народов.

Все пять стран побывали в составе общих государств. Кальмарская уния 1397 г. объединила под властью датских королей Швецию (с Финляндией) и Норвегию (с Исландией). Финляндия принадлежала Швеции с XII – XIV вв. до 1809 гг.; по Кильскому договору 1814 г. Швеции передана и Норвегия (шведско-норвежская уния просуществовала до 1905 г.). Исландия с IX в. заселяется норвежцами, в XIII в. став владением Норвегии. В 1918 г. заключается датско-исландская уния, которая была расторгнута в 1944 г.: согласно результатам референдума, Исландия становится суверенной. В Финляндии же, обретшей независимость в 1917 г., два государственных языка – финский и шведский. Столь тесная переплетенность историй скандинавских

народов – залог их единства, но какое место в этой истории занимает Исландия? – Трудно удержаться от вывода: второстепенное / 6 /.

Исландия никогда не была активным самостоятельным игроком (фактор силы не должен сбрасываться со счетов). Она позже всех провозгласила независимость, при этом будучи занятой американскими войсками. Все вкупе сказанное – о географии, демографии, экономике и истории – позволяет отнести Исландию к структурной позиции «остальных», а к Скандинавскому ансамблю применить схему «4 и остальные». Принципиальная кватерниорность, таким образом, наблюдается и здесь. Для полноты отметим, что во всех государствах ансамбля большинство населения – лютеране.

6.

Теперь замкнем кольцо региональных ансамблей, опоясывающее Европу, обратившись к Балтии. О том, что три балтийские республики – Латвия, Литва и Эстония – представляют собой отдельный ансамбль, уже упоминалось. Эти государства, в течение веков испытавшие влияние германского, российского и отчасти скандинавского миров, окончательно добились суверенитета в 1991 г., вместе с распадом СССР. Теперь в них проводятся интенсивные реформы, взят курс на вступление в НАТО, ЕС. В предъявленном виде ансамбль представляет собой, конечно, тройку, а не четверку. Отклонение от правил? – Опять постараемся не спешить.

В результате распада СССР на берегах Балтийского моря образовался российский эксклав – Калининградская область, бывшая Восточная Пруссия. Ее население – русское, или «русскоязычное». Экономика страдает всем букетом российских болезней, что контрастирует с ситуацией как у непосредственных соседей – в Польше, Балтии, – так, тем более, и в Германии. Железнодорожные и автомобильные коммуникации Калининградского эксклава с «материковой» Россией пролегают через балтийские территории. Прибалты (и немцы) пристально следят за ходом калининградских дел. Вероятно, не преувеличение, что балтийские политики отдают себе ясный отчет: совокупный политический вес их государств, заинтересованность в них со стороны ведущих европейских игроков резко повысятся, если они выступят «в одном пакете» с Калининградской областью.

Далее обсуждается видимое противоречие между принадлежностью Калининградской области РФ и ее тяготением к балтийскому ансамблю, которому предстоит членство в ЕС.

Вывод – на самом деле противоречие отсутствует, двойственная принадлежность различных систем имеет прецеденты в истории, речь, кроме того, – о логике не государств, а региональных ансамблей. В интересах самой России – чтобы ее субъект стал полноценным участником процессов на европейской арене. На одной из встреч в Евросоюзе В.В.Путин назвал Калининградскую область полигоном для отработки механизмов вступления России в ЕС.

С учетом этих поправок оправданно говорить о Балтийском ансамбле, состоящем из Латвии, Литвы, Эстонии и Калининградской области (М = 4).

7.

›Не охваченным пока остался центр Европы, южную часть которого занимают государства бывшей Югославии, а северную – германоязычные страны.

С 1945 г. социалистическая Югославия состояла из шести союзных республик: Сербии, Хорватии, Словении, Македонии, Черногории и Боснии и Герцеговины. Падение коммунистического режима в начале 90-х гг. сопровождалось распадом страны. При этом Сербия и Черногория остались в одном государстве, сохранившем название Югославия, тогда как всеми другими объявлен суверенитет. Запомним этот наличный на настоящий момент результат – существование пяти элементов: Югославии, Хорватии, Македонии, Боснии и Герцеговины, а также Словении.

Перечисленные земли заселены славянами с VI – VII вв. Сербы, хорваты, черногорцы и боснийцы-мусульмане говорят на одном языке – сербскохорватском (хорватскосербском), а у двух географических полюсов бывшей Югославии – юго-восточного, Македонии, и северо-западного, Словении, – свои языки, принадлежащие той же лингвистической группе. Единое государство объединяло народы и до 1945 г.: с 1918 г. они входят в Королевство сербов, хорватов и словенцев, с 1929 г. – в Югославию (часть населенных словенцами земель, впрочем, оставалась у Австрии, другая часть в 1918 – 47 гг. – у Италии). Совокупность географических, этнолингвистических и исторических фактов позволяет констатировать определенное единство всего региона, но все же исторические пути его разных частей не полностью повторяют друг друга.

Обратим внимание на две доминанты, оставившие глубокий след в национальном сознании и в других, уже рассмотренных региональных ансамблях: юго-восточном (Румыния, Болгария, Греция, Кипр) и Вышеградском (Польша, Венгрия, Чехия,

Словакия). А именно: народы первого из них пережили турецкое иго, за спиной второго – пребывание в Австрийской империи. Для бывшей Югославии значимы оба фактора.

В 1389 г. Сербия попадает в вассальную зависимость от Османской империи, с 1459 г. включена в ее состав. В 1463 г. та же участь постигает значительную часть Боснии, а в 1482 г. Герцеговину. На Черногорию тень легла с 1499 г. Однако Словения с начала XVI в. – под эгидой австрийских Габсбургов. Хорватия, согласно такому критерию, занимает промежуточное положение. В 1102 г. она входит в Венгерское королевство, с 1526 г. – под Габсбургами. При этом с конца XVI в. до начала XVIII б(льшая часть ее территории побывала во власти Османской империи. До сих пор сербы, македонцы, черногорцы, боснийцы, окончательно добившиеся свободы лишь в последней четверти XIX в., хранят память о турецком владычестве. Словенцы не сбрасывают со счетов свое габсбургское прошлое. Хорваты помнят о том и другом. Такие факторы нельзя не учитывать при изучении региона, где сегодня история вновь ожила, при анализе настоящего новых независимых государств и их перспектив.

Упомянем и о конфессиональной окраске. Нынешняя Югославия (Сербия с Черногорией) и Македония преимущественно православны, большинство населения Словении и Хорватии исповедует католичество, в Боснии и Герцеговине проживают православные сербы, католики-хорваты и соизмеримая по численности мусульманская община. Согласно религиозному признаку, сквозь регион пролегает культурный фронт между Западным Римом и Византией, не считая более позднего исламского анклава. Как и во всех постсоциалистических государствах – в качестве реакции на десятилетия засилья интернационалистской атеистической идеологии – общественно-психологическое и политическое значение национальной и религиозной принадлежности возрастает.

На фоне соседнего, юго-восточного ансамбля (Румыния, Болгария, Греция, Кипр), культурная идентичность которого опирается на общую веру, православие, но этнически разнородного, в югославском ансамбле обратная картина – относительная этнолингвистическая однородность и конфессиональная пестрота. В таком контексте едва ли случайны как объединение южнославянских народов в одно государство в 1918 г., так и его распад в 1991. Впрочем, нас по-прежнему занимает лишь числовой аспект.

Взоры всех новых независимых государств после крушения коммунизма обращаются в сторону Запада, его наиболее развитой

части. Еще ранее миллионы югославских рабочих побывали на заработках в ФРГ (ныне в ФРГ проживает 850 тыс. югославов), немецкая марка имеет широкое хождение в регионе в качестве эталонного платежного средства. Поэтому обозреватели говорят о «второй волне германизации» – после упоминавшейся первой, австрийской.

Все страны региона сталкиваются с острыми экономическими проблемами, обязанными как характеристически «южному» (плюс «восточному») типу хозяйства, так и социалистическому наследству. Перед всеми стоят задачи ускоренной модернизации. Ансамбль, кроме того, отличается высоким конфликтным потенциалом. Война в Боснии, Сербии с Хорватией, события в Косово не покидали телеэкранов и газет всего мира. У Македонии возникает спор с Грецией по поводу собственного названия, и, поскольку на территории Македонии проживает крупная община албанцев, угроза межнациональных столкновений существует и здесь. Лишь одной стране бывшей Югославии удалось продемонстрировать надежный иммунитет к насильственным методам – Словении. Ее стычка с армией Сербии продлилась всего неделю, после чего нет причин для новых конфликтов. В Словении осуществляются наиболее успешные экономические и демократические реформы, она в первых рядах на вступление в ЕС и НАТО.

По совокупности параметров современная Словения занимает очевидно отличительное положение по сравнению с остальными четырьмя странами субрегиона. Но, по всей видимости, было бы опрометчиво применять тут знакомую схему «4 и остальные»: Словения явно не «остальная», чему препятствуют ее позиция и значение. На время оставим Югославский ансамбль на нынешней дискурсивной ступени, т.е. с номинальным наличием *пяти* элементов: Югославии, Хорватии, Македонии, Боснии и Герцеговины, а также ускоренно выпадающей из общего фона Словении, – и обратим взгляд на их северных соседей.

8.

Здесь расположены высокоразвитые ФРГ, Австрия, Швейцария и Лихтенштейн, т.е. германоязычные страны / 7 /. Ансамбль – кватернион? – Такая гипотеза малоправдоподобна: крошечный Лихтенштейн с населением в 26 тыс. чел. (1982) едва ли вправе претендовать на самостоятельную конституирующую позицию. Напомним, что в аналогичном случае, разбирая романский ансамбль, мы отнесли к основным единицам лишь Италию, Францию, Испанию и Португалию, а Монако, Андорру и Сан-Марино поместили в более скромную ячейку «остальных».

Так что пока в нашем распоряжении тройка, а не четверка.

Если в экономической сфере у рассматриваемого ансамбля отсутствуют патологии: все его участники – в авангарде мирового развития, то в политической -ситуация не безоблачна. Вплоть до недавнего времени у ФРГ отсутствовала возможность проводить полностью независимую внешнюю политику, отчего к ней, как к Японии, применялся эпитет «экономический гигант, но политический карлик». В последнее десятилетие положение быстро меняется, ФРГ играет во все более самостоятельную игру, центр тяжести ее политики все больше смещается к защите собственных интересов, а не абстрактных общих интересов западного лагеря в целом.

Послевоенная Австрия – с тех пор, как в 1955 г. восстановлена ее независимость, – нейтральное государство: бывшие союзники СССР, США, Великобритания, Франция служили гарантами нейтралитета, закрепленного и в Конституции страны. Поэтому Австрия последовательно воздерживалась от вступления в НАТО и ЕС (в Европейское объединение угля и стали, в ЕЭС). Теперь лед сломан, уже несколько лет Австрия – член ЕС, в масс-медиа дискутируется вопрос о подключении к НАТО.

Традиции швейцарского нейтралитета еще глубже. Венский конгресс 1814-15 гг., установив близкие к современным границы Швейцарии, гарантировал ей «вечный нейтралитет». Страна не принимала участия ни в одной из мировых войн, до сих пор не входит даже в ООН. Занятая Швейцарией позиция позволила ей не только на протяжении почти двух веков избегать военных действий на собственной территории, но и извлекать экономические дивиденды из своего общепризнанного положения. Поэтому сейчас, когда в Европе по пальцам перечесть те страны, которые не вступили или не выразили намерения вступить в ЕС, Швейцария переживает мучительные колебания. На нее, во-первых, оказывают согласованное давление европейские политики, ее искушают участием в выгодных общих проектах. Во-вторых, остаться одной, когда все объединяются, когда консолидация охватывает мировую политическую и экономическую сферы и транснациональные экономические гиганты диктуют все более жесткие правила игры – над своим будущим в такой ситуации, согласитесь, стоит задуматься. По-видимому, не требуется пророческой прозорливости для прогноза: лед будет сломан и в этом случае (президент Швейцарской Конфедерации Адольф Оги: «Стратегической целью Федерального Совета является присоединение к ЕС, но в настоящее время это оценивается нашим народом все еще весьма

неоднозначно» [4]).

Политико-идеологические проблемы германского ансамбля объясняются не только нейтралитетами, но и известными историческими коллизиями. С одной стороны, на протяжении веков эти территории были объединены в рамках Священной Римской империи (с конца XV в. – Священной Римской империи германской нации). Но каково отношение к ней современного местного населения? Если значение исторических противоречий между Австрией и Пруссией в борьбе за лидерство в империи для современных австрийцев и немцев едва ли стоит преувеличивать, то в самосознании швейцарцев акт обретения независимости от империи до сих пор – предмет гордости. Нельзя игнорировать и последующий опыт региона, когда гитлеровская Германия, злоупотребив памятью о Священной Римской империи, бросила тень на ее восприятие со стороны даже нынешних немцев, австрийцев. Поэтому древо единства германского ареала, обладающее глубокими историческими корнями, испытывает затруднения в росте.

Такие проблемы обычно именуются кризисом идентичности. Подобный кризис в послевоенные полвека переживала Германия. Тем же термином можно воспользоваться для описания ситуации в ансамбле в целом, которому было непросто прийти к осознанию общности интересов, необходимости их последовательного отстаивания, непросто настроить общественное мнение составных единиц (прежде всего ФРГ, Австрии, Швейцарии) на фактическую, пусть и непродекларированную, интеграцию и политическую активность. Но все же мы уверенно говорим о складывающемся региональном ансамбле – апеллируя к географической и культурно-языковой общности, как минимум полувеку безусловно-демократической традиции, высокому экономическому рангу трех стран.

Названные проблемы германского ансамбля либо решаются, либо будут решены в обозримый период, но пока речь шла о трех его основных участниках, а не четырех. Исключение из правил? – Навряд ли. Сквозной мировой и европейский принцип формообразования, если и способен допускать исключения, то их естественнее ожидать там, где это не столь уж и важно, на экономической и/или политической периферии, в «медвежьем углу», но не в самом сердце такого значимого образования как ЕС. Возвратимся к бывшей Югославии.

Как мы помним, одно из пяти новых независимых государств, Словения, оказалось в южной системе, так сказать, выпадающим звеном, почти «белой вороной»: доказанный иммунитет к силовым методам решения вопросов, успешные экономические и

политические реформы, скорое членство в ЕС и НАТО. Если учесть, что эта самая западная часть бывшей Югославии с начала XVI в. по 1918 г., в период владычества Австрии, уже побывала в ареале германского мира, что она исповедует одну из западных разновидностей христианства, а не восточную и не ислам / 8 /, что она – вместе с остальными республиками – испытала «вторую волну» германского влияния, то не лишено резонов допущение, что Словения в состоянии перейти из югославского регионального ансамбля в германский. Ведь в первом из них – один на глазах превращающийся в инородный «лишний» элемент, во втором, напротив, – недостающий. Воспользовавшись физической аналогией, мы сказали бы об отрицательно и положительно заряженных «ионах» и о захвате одним у другого избыточного «электрона», если бы слово «захват» не ассоциировалось в политике с насилием. В настоящем же случае подавляющее большинство населения и руководства Словении выражает волю вступить в ЕС и завязать теснейшие связи с его самыми развитыми членами.

Европейские перспективы Словении представляются даже более благоприятными, чем у ряда других, ранее состоявшихся членов ЕС. Скажем, Греция и Португалия, уже два десятилетия входящие в Союз, до сих пор во многом «проблемные». Польша, Чехия, Венгрия, оказавшиеся в «первой очереди» на прием в НАТО и ЕС, образуют вместе со Словакией свой собственный ансамбль, страдающий как целое генетическими болезнями недавнего социализма и своего восточного, «полупериферийного» экономического положения. У Словении же возникает исторический шанс оказаться в германском ансамбле, все остальные участники которого – элита европейской и мировой экономики. То есть, наряду с преимуществами членства в ЕС, Словения вправе рассчитывать на плоды той менее формальной, зато «особой» близости, которая устанавливается в границах ансамблей. Разве не лестно для Словении сесть за один стол с такими партнерами? Разве не вспыхивает в словенских душах надежда, что и их страна, как новый союзник, взойдет на ту же ступень, которую занимают ФРГ, Австрия и Швейцария? Со своей стороны, германский ансамбль не менее заинтересован в «расширении», в обретении, как и у всех, необходимого четвертого звена / 9 /. Попутно с ансамбля снимается печать исключительно национальной интеграции, до сих пор вселяющей некоторые подозрения со стороны чутких соседей, да и самих демократически настроенных немцев, австрийцев, швейцарцев.

В связи со сказанным естественно предположить, что в ближайшей перспективе Словении предстоит быть «втянутой» в

складывающийся германский ансамбль, тривиальным следствием чего станет кватерниорность строения как югославского, так и германского ансамблей. В контексте происходящего нелишне напомнить о давнем предупреждении К.Юнга: если сознание упорно не принимает во внимание опыт архетипов, архетипические образы могут вторгаться в реальность катастрофическим образом (а в ряду архетипов он числил и четверичные формы).

Затем следует обсуждение ряда «ошибок» со стороны мировых, европейских и русских политиков в решении проблем региона и констатировано, что постепенно все входит в надлежащее русло.

Попутно отметим, что нынешняя Союзная Республика Югославия состоит из Сербии и Черногории (вероисповедание – православие), однако в Сербии вплоть до недавнего времени существовали две автономии: северная Воеводина, на территории которой компактно проживает венгерское меньшинство (католическое), и на юге – край Косово, населенный преимущественно албанцами-мусульманами. Бывшие автономии заявляют о себе и в новых условиях, $M = 4$. Подведем итоги.

В центре Европы на глазах складываются два региональных ансамбля, каждый из которых обладает четырехсоставным строением. Югославский ансамбль: Югославия, Хорватия, Македония, Босния и Герцеговина. Германский ансамбль: ФРГ, Австрия, Швейцария и Словения (плюс крошечный Лихтенштейн на правах «остальных»). На этом анализ структуры Европы не завершен.

9.

Турция, член НАТО с 1952 г., ассоциированный член ЕС, уже десятилетиями заявляет о желании стать действительным членом. На хельсинкском саммите ЕС 1999 г. она официально признана кандидатом в члены Союза. Другие мусульманские субъекты также ищут место в Европе. Это вышедшая из самоизоляции Албания, менее десяти лет назад избавившаяся от коммунистического режима, еще не полностью преодолевшая полосу вооруженных волнений. Это Северный Кипр, с 1974 г. занятый турецкими войсками и в 1975 г. провозгласивший себя независимым (что, впрочем, до сих пор не признано международным сообществом). Наконец, это упоминавшееся Косово, большинство населения которого составляют мусульмане-албанцы, ожесточенно борющиеся за суверенитет. Трудно избежать впечатления, что в Европе – под прямой или косвенной эгидой Турции – стремится образоваться исламский ансамбль,

который в потенции располагает кватерниорной структурой / 10 /. Не вполне компактный, находящийся на юго-восточной периферии Европы, он отличается несколько вирулентным оттенком. Турция прикладывает все мыслимые и немыслимые усилия, чтобы закрепить свой европейский статус, не отстать от остальных в поиске естественных – или искусственно созданных – союзников. Касательно судьбы этого ансамбля – удастся ли ему легитимизироваться? будет ли он принят в ЕС? – на настоящей ступени анализа трудно прийти к обоснованным выводам. Поэтому прежде составим перечень европейских региональных ансамблей – быть может, «с высоты птичьего полета» ситуация станет яснее?

10.

В западной части европейского континента обнаружены следующие ансамбли: германский, романский, Скандинавия и Бенилюкс, – всего четыре. В более проблемной восточной: Балтия, Вышеградский ансамбль, юго-восточный, югославский и исламский, – т.е. пять. Неохваченными остались Британия и Ирландия.

Почему в этом случае нарушается общее правило: отсутствует не только тетрада, но даже триада? – Возможно, из-за географической изолированности Британских островов: не хватает соседей, нет и «полнокровного» ансамбля? Сравнительно недавно здесь существовала всего одна страна. Бросим взгляд на исторический ряд.

В конце XII в. Ирландия завоевана Англией, в 1801 г. в англо-ирландской унии ликвидированы остатки ее автономии. Волнения 1919 – 21 гг. приводят к заключению договора, Ирландии предоставляется статус доминиона. В 1949 г. в Ирландии провозглашена республика. С тех пор на Британских островах два государства, а не одно.

Отделенность проливом – не достаточное условие для семантического обособления островов (сходные географические обстоятельства не мешают включению Кипра в юго-восточный ансамбль, Исландии – в скандинавский, не говоря о том, что территория Турции разделена Босфором и Дарданеллами и ее ансамбль разбросан по мусульманским анклавам). В данном контексте, вероятно, уместно вспомнить об английской традиции последних веков – служить главным образом «балансиром» в континентальных европейских делах, попеременно присоединяясь то к одной, то к другой из коалиций. Со времен Столетней войны 1337 – 1453 гг. и войн с Голландией XVII в. Англия последовательно воздерживалась от серьезных самостоятельных

акций на континенте, ставя акцент на военно-морском предотвращении возможной высадки сухопутных сил европейских противников, а также на расширении владений в других частях света. Ей действительно удалось добиться исторической «равноудаленности» от любой из стран европейского континента, от складывающихся здесь долгосрочных альянсов. Политико-психологический интерес Британии до сих пор в значительной мере направлен не внутрь ЕС, а вовне.

Далее, с привлечением мнения Ф.Броделя, обсуждаются обстоятельства «отдаления» Британии от альянсов на континенте. Нередко в Британии говорят о «третьем пути» в вопросе европейской интеграции.

Как сказано, в позиции Британии до сих пор заметны как определенная настороженность к европейскому континенту, так и живой политический интерес, направленный далеко за его границы.

Последнее относится не только к Британии. В Ирландии проживает 3,5 млн. чел. (данные 1983 г.), тогда как в США – 50 млн. ирландцев. Когда диаспора более, чем в 14 раз превосходит по численности оставшихся, где тогда «настоящая» Ирландия? Гордость достижениями своей эмиграции (например, к ирландцам по происхождению относятся клан Кеннеди, Б.Клинтон) – важнейший компонент национального сознания, особенно если учесть, что сама Ирландия принадлежит к «бедным» Европы.

Находят ли такие моменты выражение в современной политике? – Сошлемся на декларируемые британскими официальными лицами «особые отношения» со США и на последовательную сдержанность британцев в вопросах формирования общеевропейских институтов, независимых от США.

Знаменателен и следующий факт. Почему в по-прежнему влиятельную Организацию по безопасности и сотрудничеству в *Европе*, ОБСЕ, входят – наряду с собственно европейскими странами, государствами бывшего СССР (более половины географической Европы – его территория) – также США (пусть на правах сверхдержавы) и дополнительно Канада? Канада формально остается доминионом Британии, поэтому? Но тогда отчего не плюс и Австралия, другой «белый» англоязычный доминион? И здесь мы неизбежно должны обратиться к понятию «расширенной Европы», поскольку ни один политико-экономический блок в современных условиях, включая ЕС, не является строго изолированным. В границах такого расширенного понятия оказываются несколько родственных политико-

экономических блоков в собственном, т.е. узком, значении: наряду с ЕС, также СНГ и «белая», англоязычная часть Северной Америки, НАФТА.

Аргументация может быть и конкретнее. «США должны оставаться европейской державой в самом широком смысле, в политическом, военном и экономическом отношениях», – сказал президент Буш» (цит. по: [5, с. 22]). Британии же Ла Манш зачастую кажется шире, чем Атлантический океан.

Опираясь на сказанное, займемся подсчетом «околобританских» элементов в упомянутой расширенной системе. В ОБСЕ входят два члена ЕС Британия и Ирландия, а также два представителя североамериканского континента: США и Канада. Всем им знаком опыт пребывания под британской короной, ныне все они – члены НАТО. Вновь четыре элемента! Конечно, трудно говорить в этом случае о региональном ансамбле в строгом смысле, но тенденцию нельзя не заметить. Несмотря на географическую, политическую «полуизолированность» Британских островов, не позволяющую сформироваться такому же ансамблю, как на континенте везде, на западных рубежах Европы формируется «квазиансамбль», по-своему связывающий ЕС и Америку. Возможно, к нему следует отнести и одного из членов Британского Содружества Мальту (в ней, кстати, два государственных языка: мальтийский, английский), но, имея в виду незначительность ее размеров – 318 тыс. чел. – только в функции «остальных».

Теперь накоплено достаточно информации, чтобы подойти к вопросу об общей ансамблевой архитектуре Европы, о контурах будущего ЕС. Возвратимся к реестру ансамблей. На западе: германский, романский, Скандинавия, Бенилюкс, а также британский «квазиансамбль», лишь наполовину (по списочному составу) принадлежащий Европе и обеспечивающий своеобразную «полуоткрытость» ЕС на Западе. На востоке: Балтия, Вышеградский ансамбль, юго-восточный, югославский и лишь отчасти европейский по характеру исламский. Несмотря на то, что в каждой из половин Европы формально по пять элементов, один из них обладает отчетливой спецификой «полу», принимая на себя роль, так сказать, посредника в контактах с Северной Америкой, НАФТА, с одной стороны, и еще неустоявшимся исламским миром, с другой. Я не хочу сказать, что по отношению к обоим географически крайним полюсам-ансамблям уместна категория «остальных» (ведь Британия, не будем забывать, – одна из вершин «большой европейской четверки»), но изобрести сходный термин, вероятно, уместно.

В следующем пассаже обсуждаются различные термины, которые помогли бы понять роль британского и исламского ансамблей.

В нашем случае, возможно, целесообразнее применить распространенное и нейтральное понятие «лимитроф», учитывая, что два интересующих нас ансамбля представляют собой воплощенную функцию пограничности. Тогда два региональных ансамбля: британский и исламский, – в дальнейшем будут выступать под именем ансамблей-лимитрофов.

Соберем урожай. Европа делится на две части: Западную и Восточную. Первая – преимущественный ареал германских и романских народов, бастион геополитического Запада и, если пользоваться категориями мир-системного анализа, принадлежит ядру капиталистической мир-системы, КМС. Вторая – зона славян, греков, угров, румын, в последние века находившихся в колониальной зависимости от соседствующих великих империй; эта зона более удалена от мировых финансовых центров и ныне стоит на более низкой ступени модернизации, относится к полупериферии КМС. Каждая из двух частей включает в свой состав четыре легитимных региональных ансамбля и один лимитрофный, т.е. может быть описана формулой «4 плюс лимитроф». Формула Европы в целом тогда:

лимитроф

+

четыре

|

четыре

+

лимитроф

Структура Европы оказывается в логико-числовом отношении зеркально-симметричной (хотя в экономическом плане есть градиент: от более высокого уровня жизни на Западе к более скромному на Востоке; о полной симметрии речь, разумеется, не идет).

Обратим внимание на один частный момент. В той мере, в какой мы рассматриваем европейскую систему, ее западную и восточную половины в качестве «самодовлеющих», относительно замкнутых единиц, их ансамблевое строение строго кватерниорно. Однако в действительности современная Европа – не замкнутая, а *открытая* система, и это находит выражение в ее архитектуре: функция открытости реализуется в дополнительных, лимитрофных звеньях, чья роль – быть преимущественным носителем связи ЕС со смежными блоками. Складывающаяся Европа включает в свои рамки не только собственное «ядро», но и «оболочку». Физик в сходной ситуации мог бы вспомнить о феномене «присоединенной массы», лингвист – о приращении тезаврического значения слова благодаря контексту.

О причинах, по которым Европа структурируется именно таким свозным – сверху донизу – образом, см. в книге.

Литература

Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV – XVIII вв. М., 1992. Т.3: Время мира.

Березовская Ю. Бельгийское государство трещит по швам // Известия. 1999. 6 марта.

Якобсон Р. Работы по поэтике. М., 1987.

[Оги А.]. Хорошие отношения с большим потенциалом: Президент Швейцарской Конфедерации Адольф Оги отвечает на вопросы «Известий» // Известия. 2000. 13 мая.

Франк А. Г. Экономические парадоксы в мировой политике. Пер. с англ. // Восток. 1992. №6.

ПРИМЕЧАНИЯ

Журнальный вариант части книги *«Число и культура. Рациональное бессознательное в языке, литературе, науке, современной политике, философии, истории»*.

Региональными ансамблями называют группы родственных стран (в культурно-историческом, политическом, экономическом отношениях), например: Скандинавия, Кавказ, Средняя Азия, Прибалтика.

О православных государствах бывшей Югославии, географически более западных, речь пойдет ниже, поскольку там, на наш взгляд, существует самостоятельный региональный ансамбль. В современных условиях не только (и не столько) общая конфессиональная принадлежность ответственна за интеграцию в государства и ансамбли.

Здесь и далее термином « остальные» описываются относительно второстепенные члены соответствующих групп. Например, общим местом является выражение « большая четверка» применительно к ФРГ, Франции, Великобритании, Италии в ЕС (наиболее населенные и богатые страны, резко выделяющиеся на фоне других). В таком случае для описания Европы в целом в этом аспекте может быть использована формула «4 и остальные». Аналогично, в широкой Антигитлеровской коалиции основной вклад – у великих держав: США, Великобритании, Франции, СССР, – они же после победы делят Германию на четыре зоны. Значит, та же формула уместна и здесь: «остальные» – собирательное название для более скромных по значению игроков.

Слова «тетрарность» и «кватерниорность», пришедшие из специальной литературы, – синонимы «четырехсоставности», т.е. выражают факт $M = 4$.

Подобное не выглядящее политкорректным выражение

употребляется безо всякого пренебрежительного оттенка. Все государства – члены ЕС равноправны, в том числе в рамках ансамблей. Другой вопрос, что на фоне формального равноправия разные страны обладают различным фактическим весом, в разной степени влияя на реальное положение дел. Только такая тривиальная градация и имеется в виду.

В Швейцарии, хотя и проживают четыре этнолингвистические общины, но по-немецки говорит 65% населения.

Для сравнения, другая республика бывшей Югославии, – также исповедующая католичество и побывавшая под австрийским крылом, – Хорватия, в отличие от Словении, пребывает с конца XVI по начало XVIII в. под османским игом, несколько лет назад ведет кровопролитную войну с соседями, на протяжении почти десятилетия поддерживает сомнительный, с точки зрения европейских стандартов, политический режим (националистический авторитаризм Ф.Туджмана).

Не говоря о старых аргументах геополитиков: коренной интерес Германии в выходе к Средиземному морю, обретении независимого пути к ближневосточной нефти.

В рамках такой трактовки Косово отличается двойственной принадлежностью: не только к только что названному исламскому ансамблю, но и – в качестве края Сербии – к Югославии (см. выше тамошний кватернион). О прецедентах двойственной принадлежности ранее упоминалось; ср. также современное Соединенное королевство Великобритании и Северной Ирландии, состоящее из Англии, Шотландии, Уэльса и Северной Ирландии, M = 4, при этом в управлении Северной Ирландией с 1998 г. принимает участие Ирландская республика.

"ПРЕКРАСНАЯ ПОЛИТИКА" / 1 /

Известны революции XX века в различных областях культуры и общественной жизни: в науке (физике, математике, биологии, психологии, филологии и др.), технике, философии, искусстве (возникновение модернизма и авангарда), а также социальные и национально-освободительные революции. Не менее важно понять, что произошло в другой специальной области: собственно в политике.

В июле-августе 1903 г. на втором съезде РСДРП возникла принципиально новая по концептуальным основам и методам, менталитету и морали партия. Благодаря найденным и реализованным этой партией эвристическим принципам

(организационно-эстетическим, структурно-идеологическим), ей удалось не просто прийти к власти, опрокинув и уничтожив многочисленных соперников, но и создать первый в мире тоталитарный политический режим. Что же, собственно, произошло?

В традиционных демократических обществах, с открытой сферой социально-политической жизни, практически неизменно складываются три основные группы политических сил, называемые соответственно консервативными, радикальными и либеральными. Они могут выступать в своей чистой, генетической форме (что, впрочем, бывает не столь часто), могут заимствовать друг у друга те или иные признаки (тем не менее сохраняя свой господствующий центр в одном из секторов указанного размежевания), представляясь обществу в конкретном фенотипическом разнообразии (в свою очередь поддающемся классификации). Так, среди консерваторов различают этно- (или националистическую), социо- (или государственную), этно-социальную, конфессиональную, идеологическую модификации; известны и другие, более дифференцированные подразделения. В абсолютных монархиях, где открытая политическая жизнь практически отсутствует, три указанных основных типа существуют в виде более или менее скрытых тенденций, в виде противостоящих друг другу сил и мнений в придворно-правительственном окружении.

В 1905 г., после дарования *Манифеста*, в нашей стране впервые началась легальная общественно-политическая жизнь. Размежевание по трем основным политическим группам произошло практически мгновенно, При этом скамью консерваторов заняли монархисты (в этно-социальной модификации «Союз русского народа», «Союз Михаила Архангела») и умеренные, но проникнутые охранительными чаяниями октябристы (которых в общем устраивал достигнутый постманифестационный уровень); скамью радикалов – эсеры и социал-демократы (меньшевики), а скамья либералов принадлежала кадетам. Большевики имели своих представителей во второй – четвертой государственных думах, но о них речь впереди.

Социально-исторические теории различают рассматриваемые политические группы по признаку репрезентации, т. е. по тому, интересы каких конкретных общественных сил они представляют и защищают. Отнюдь не отказываясь от результатов подобного анализа, обратим также внимание на особенности аксиологических структур и предлагаемых социальных проектов, носителями которых они оказываются. Консерватор придает

статус высшей – идеальной, а то и сакральной – ценности существующему или даже минувшему. Источником основных социальных бед ему представляются перемены, измена священным традициям, а наиболее важными общественными задачами – соответственно противостояние переменам, консолидация общества под флагом добрых старых традиций, защита их от разного рода коварных или безответственных лиц. Радикалу, напротив, свойственно считать, что социальные несчастья обязаны недостаточной решительности в утверждаемых переменах. Идеал он видит не в прошлом, но крайней мере не столько в прошлом, сколько в будущем. Рассудок, энергия, оптимизм (или героический пессимизм), нетерпеливость и нетерпимость (последнее, впрочем, присуще и консерваторам), братство с товарищами по борьбе, готовность жертвовать собой и другими ради заветных идеалов будущего, новая и строгая корпоративная этика – вот те карты, которые разыгрывают радикалы.

На либерала настороженно, а то и снисходительно взирают как консерваторы, так и радикалы (характерная метафора: «деревянный меч фальшивого либерализма»). Обладая определенными социально-аксиологическими предпочтениями, либерал, однако, с определенного исторического момента лишен так называемых «твердых» общественных идеалов, склонен к пространным обсуждениям, широким компромиссам, не считает возможным приносить в жертву глобальным планам не только человеческие жизни, но и ряд обыденных интересов людей. Либеральная позиция, в отличие от консервативной и радикальной, лишена, так сказать, внутренней, политической чистоты, обладает заведомой раздвоенностью: между политикой и здравым смыслом, между политикой и «не идущим к делу» гуманизмом, между политикой и другими, «посторонними», интересами. Этой платформе свойственна терпимость к чужим («чуждым») взглядам, поэтому она плохо терпима в обществе последовательных консерваторов и радикалов. Принципиальная двойственность либерала заставляет подозревать его в определенном лукавстве и робости, что, впрочем, иногда не столь уж не соответствует истине. От открытого противостояния консерваторов и радикалов либерал стоит в стороне, то подвизаясь в роли посредника между ними, то соглашаясь в чем-то с одной из сторон, а в целом имея какие-то «побочные» интересы.

По мере изменения конкретных условий симпатии общества попеременно обращаются то к консерваторам, то к радикалам, то к либералам. Сами данные группы не остаются глухими к

изменению своих личных и общественных обстоятельств и, соответственно, трансформируются, заимствуют друг у друга те или иные признаки / 2 /.

Политические позиции консерватизма, радикализма и либерализма известным образом напоминают трех богатырей русских былин. При этом роль старшего, наиболее корневого типа, Ильи ближе всего соответствует консерватизму; среднего, великодушного и идеалистически настроенного, полного благородства и чести, Добрыни – радикализму; а младшего, не лишенного лукавства и хитрости, естественных человеческих слабостей, Алеши Поповича – либерализму. Коллективное сознание не отделяло их друг от друга, поскольку при всех различиях каждый из них не является самодостаточным и только всем вместе дано совершать наиболее трудные и опасные дела.

Илья изначально лишен движения, будучи скован параличом и лежа на печи. Но когда приспевает критический момент, его призывает сама святая земля, исцеляют и благословляют «калики перехожие», и нет ему тогда равных по силе и твердости. Илья простодушен, прям, лишен сантиментов и двойственности. И совсем не случайно – как не без иронии отмечают исследователи – именно ему народная молва приписала победу над Соловьем, этим традиционным образом поэзии и поэта, а в данной былине представшего в виде разбойника. Илья связал злокозненную силищу и доставил ее ко двору великого князя. А когда и там она проявила свой нрав, тогда отсек ей Илья голову. «Когда говорят пушки, музам молчать!..» Аналогично и с остальными. Так, Алешу Поповича фольклор наделил двойной – и военно-богатырской, и смиренно-клерикальной – природой. По происхождению из духовного звания, он и смотрит на сторону, отнюдь не исключая для себя перспективы покинуть ратное дело. Будучи более других богатырей не лишен человеческих слабостей, он и врагов одолевает порой не столько силой, сколько лукавством и выдумкой.

Любопытно, что в «Трех мушкетерах» Дюма представлены образы, аналогичные архетипической тройке богатырей (при этом Портос оказывается семантической параллелью Ильи, Атос – Добрыни, Арамис же – Алеши). Однако при этом в романе появляется и четвертая главная фигура. Тип Д'Артаньяна был еще неведом народной традиции, но он прочно вписался в исходную архаическую тройку.

Рассматривая различные области мышления, мифологии и

культуры, Карл Юнг сделал вывод о фундаментальности четырехчастного строения. «Кватерность» (или «кватерниорность»), согласно Юнгу, является неотъемлемой логической основой любого целостного суждения. При этом структура указанной четверки выражается формулой 3+1: ее последний член занимает особое, отличительное положение. Он делает три предшествующие члена одним, символизирует их сумму целиком, так сказать, замыкает ее и придает ей новое качество. Пример четырех канонических Евангелий, из которых первые три в заметной степени сходны между собой и потому называются «синоптическими», а последнее, четвертое, значительно отличается по своему характеру от предшествующих, – отнюдь не единственный из разобранных Юнгом / 3 /. Но здесь для нас существенней то, каким образом указанная «кватерниорность» работает в области политического мышления, в области политической реальности.

Вспомним, что, кроме трех традиционных – консервативных, либеральных, радикальных – сил, в России к 1905 г. существовала и четвертая политическая сила – большевики, – хотя поначалу ее мало кто воспринимал всерьез и ее удельный вес был весьма незначителен. «Выскочки», «парвеню» проявляли, однако, незаурядное упорство и последовательность, уверенность и точный расчет, смелость и самообладание. Тем более, что руководила ими такая харизматическая фигура, как Ленин.

В октябре 1917г. состоялся вооруженный переворот, движущими силами которого были, кроме большевиков, левые эсеры и анархисты, Этот переворот, первоначально обладая всеми признаками обыкновенного путча (насилие со стороны явного меньшинства, как политического, так и морального), в составе последующих событий, гражданской войны, утвердил за собой статус великой революции, какой еще не бывало (посрамив при этом однозначные и дружные прогнозы насчет быстрого падения нового режима). В 1918 г. большевики избавились от своих последних союзников и потенциальных соперников, а в 1921 г. запретили фракции и внутри собственной партии, надолго «закрыв» свободу политической жизни российского общества.

Большевизм заимствовал у каждого члена традиционной политической тройки самые сильные моменты и вдобавок развил их. Консерваторы идеализируют прошлое? – У большевиков «*вековые* чаяния человечества» (в них сливается и тянущаяся через тысячелетие мечта о «царствии Божием на земле», и еще более древняя тоска об утраченном «золотом веке» / 4 /, о всеобщем братстве, об общине). Радикалы требуют активных действий для решительных перемен в общественном устройстве?

– Но большевики радикальнее любых радикалов и предлагают сделать беспрецедентную череду шагов: «коммунизм – светлое будущее человечества», и оно совсем близко. Либералы настаивают на демократии? – Но кто же отрицает, напротив, даешь не просто демократию, а «демократию высшего типа». В. И. Ленин утверждал: «Советская власть в *миллион раз* демократичнее любой самой демократичной буржуазной республики» / 5 / (курсив мой.- А. С.).

С точки зрения традиционно-трехмерного, классического политического мышления совместить позиции консерваторов, радикалов и либералов (да еще раскалив их до крайней точки) попросту невозможно. Но большевизм был явлением *авангардным, авангардистским*. Поэтому он не просто совместил традиционную тройку, придал ей психологическую, эстетическую и концептуальную завершенность, а семантически замкнул сферу политической жизни и «закрыл» ее, ибо после него, как после явления высшего типа, явления низшие «не нужны». Трехмерная политическая вселенная бесконечна, поскольку лишена исчерпывающей самопричинности: без постороннего участия ей ни возникнуть, ни исчезнуть. Другое дело, если в нее внести еще одно измерение. Теперь, если здесь еще будут и силы взаимного притяжения (а они есть: коллективизм, пролетарская солидарность / 6 /), она становится по-фридмановски конечной в пространстве и времени и обретает невиданные дотоле совершенство и самодостаточность. Нет, совсем не случайно релятивистские и большевистские принципы формировались практически одновременно; одни и те же семена, одни и те же начала давали всходы на разных полях: на научном и на политическом, на философском и эстетическом. Авангардное мышление наступало широким фронтом. В физике – Эйнштейн, в политике – Ленин.

Синтагматическое замыкание политической вселенной, возможность ее расширения и коллапса позволили являть истинные чудеса, совершенно неведомые классическому мышлению. Общество, наконец, обрело конкретный политический инструмент для прохождения через порог собственной гибели и нового рождения. На этом пороге, в этом узле метаморфоз то, что казалось и было – в той, прежней реальности – противоположным, становится единым и неразличимым (ср. «энантиодромию» Гераклита, complexio oppositorum Николая Кузанского, диалектический принцип единства, хотя и борьбы, противоположностей). Ты хочешь свободы? – Пожалуйста, получай, и не какую-нибудь мнимую, буржуазную, а высшую и подлинную. Если для тебя она неотличима от жесточайшего

гнета, значит, ты не понимаешь знаменательный смысл эпохи, значит, ты внутренне чужд партии и народу, значит, ты – враг или перерожденец и должен быть «редуцирован». И миллионы с воодушевлением пели: «Я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит человек». Как это совместить с архипелагом концлагерей, с грохотом кованых сапог на лестницах по ночам, со «сроками» за десятиминутные опоздания на работу, с истреблением оппозиции и разномыслия, с крепостным, беспаспортным крестьянством? Если не понимаешь, то ты – не «диалектик», товарищ. В 30-х же годах это понимал практически каждый, и до сих пор многие вспоминают о тех временах с пронзительной ностальгией и твердо (хотя и безо всяких «тонких» доказательств) настаивают: «Это и было счастьем». А разве счастье доказуемо?

Сталин в восприятии многих современников и в нынешних их оценках выступает едва ли не как космическая сила, сделавшая дни светлее, а ночи темнее. Без ночного страха нет настоящей радости светлого дня. Общие идеалы и страх заставляли людей теснее прижаться друг к другу, позволяли живее ощутить общее, коллективное тепло (хотя и приходилось отшатываться в ужасе от политически прокаженных). Контраст света и тени создавал ощущение духовного богатства. Переносимые беды и трудности при наличии заветной цели обеспечивали многим особое жизнелюбие, которое не растрачивалось даже к преклонным годам. Довольно типичны и следующие отзывы: «У многих, правда, из простых, даже страха не было (интеллигенты те все трепетали). Если человек прост – он открыт, у него нет ни задних мыслей, ни заднего страха, ни особых желаний. Но видно такова жизнь, что на одной простоте далеко не уедешь. Или кто-то нас расколол, порушил?».

Повторяю, классические, «эвклидовы» критерии неприменимы к политической логике большевиков, к созданной ими реальности. Новая, четырехмерная – почти по Минковскому – политическая вселенная, так же, как и физическая, не нуждалась в ньютоновском первотолчке или в некоей высшей, трансцендентной опеке, а существовала и двигалась самостоятельно, будучи в полной мере самодостаточной. В частности, у нее не было никакой потребности принимать внушенные откуда-то свыше и пестуемые «религиозными мракобесами» моральные правила; она рождала собственную мораль. Причем, в полном соответствии с диалектическими и релятивистскими началами, образ нравственности существенно зависел от системы отсчета. Раз политически главное – интересы рабочего класса, то и мораль должна быть классовой,

пролетарской, а точнее – партийной. То, что традиционные политические деятели в силу своих «предрассудков» не могли переступить (или медлили переступать, теряя время), большевики переступали, не сомневаясь, едва ли не с молодечеством. Вооруженный грабеж банков, поражение Отечества, связи с Вильгельмом, сонмы трупов – да, если нужно. Главное – цель, а она ведь чиста, свята и велика.

Нередко большевиков обвиняют в том, что они разрушили традиционную иерархию этических ценностей, поставив классовые ценности выше общечеловеческих и «божиих» (последние они как материалисты не признают). Это не совсем так. Всякие иерархии – в том числе аксиологические – прерогатива метафизиков, большевики же – «диалектики». Они никогда не отрицали общечеловеческих ценностей, но всегда утверждали, что использование этических элементов того или иного уровня зависит от конкретных задач, от хронологического этапа, от системы отсчета. «Критерием истины является практика»; следовательно, каковы потребности практики, таковы и взгляды на истину. Так, в надлежащий момент Горбачев объявил о приоритете общечеловеческих ценностей. И остальное партийное руководство это допустило, исходя из «конкретных задач» и понимая, что завтра, если надо, вновь можно нажать на классовые или национальные.

Всякий профессионал считает свое дело самым важным. Таковы профессиональные художник, токарь, священник; таков же, конечно, и профессиональный политик. Однако, быть может, ни у кого еще в мире политическая субстанция не представала в столь рафинированном, самоценном значении, как у Ленина с его соратниками и последователями. Наполеон, Цезарь хоть молились (даже если и напоказ), так или иначе вынужденные считаться с наличием чего-то «самого великого», что важнее и их самих, и их конкретного дела. Коммунистические вожди оказались политиками par excellence, почитающими сферу своей деятельности выше любой земной и – отсутствующей – небесной. «Красота спасет мир», – уверял Достоевский (красота, а не добро и не Бог, как требовали, казалось, его этические и религиозные убеждения). «Спасение миру – в социалистической революции и политике», – всем существом собственной деятельности утверждал Владимир Ильич. Политическая вселенная тогда в России замкнулась, обрела самодостаточность, которая впоследствии ограждалась партией от каких бы то ни было посторонних влияний, народной молвы, экономических неурядиц, недовольной критики, от всяких не идущих к делу сомнений и соображений.

Конечный, замкнутый мир обладает неэвклидовой кривизной, он способен почти абсолютно сжаться, а затем снова расшириться. Этот мир принципиально эсхатологичен: заканчивается один гераклитов эон, начинается другой. Социалистическая революция и замышлялась рубиконом эпох. Многие не могут простить Ленину и его «гвардии» гражданскую, братоубийственную войну, насилие. Но если у общества и были другие- нереволюционные -альтернативы (кто-то говорит: «Февраль», а кто-то и «самодержец»), то кто же виноват, что большевики оказались политически жизнеспособнее, *талантливее*, чем их оппоненты и соперники?

Именно в большевиках – соответственно, на политическом поприще – весьма адекватным образом выразилось то, что, по-видимому, считается наиболее ценным в русской культуре и русской душе: то дополнительное ментальное измерение, тот глубокий эсхатологизм, тревожная неудовлетворенность любым конкретным, «обыденным» результатом (соответственно настойчивое желание его разрушить ради чего-то неведомого и великого, пусть даже и невозможного), тот дух коллективного мессианства, насквозь пронизывающий так называемую «русскую идею». Ленин вполне искренне и сознательно шел на эсхатологическую перспективу. На рукотворный социально-политический апокалипсис. И себя при этом не щадил: «Какой дурак из нас доживет до пятидесяти лет».

Утверждают, что при испытании атомной бомбы Ферми воскликнул: «Прекрасная физика!». Когда вникаешь в большевистскую деятельность, тоже напрашивается: «Прекрасная политика!». Ведь как изобретательна и мощна!

Замкнутая политическая вселенная способна изменить свое строение, только если вне ее обнаружится нечто важное для самого же политического дела. Начиная с 50-х годов и в науке отмечались аналогичные явления: манифест Рассела-Эйнштейна, Пагуошское движение. Готовность считаться с неслужебными, несобственно политическими факторами (экономическими, моральными, культурными, национальными, правовыми) приводит политику к структурной «двойственности», к схожести с политикой либеральной. Генеральной линии КПСС с 1985 г. также была присуща некоторая «двойственность». Но означало ли это перерождение «партии нового типа», приближение ее к одной из традиционных (в данном случае к либеральной)? Подобное заключение представляется необоснованным. За длительную историю КПСС мы были свидетелями стольких метаморфоз ее лица (та же либеральная карта разыгрывалась уже в третий раз), что нам не показалась бы странной любая новая перемена. В

связи с этим необходимо продолжить структурный анализ «партии нового типа» и выяснить, за счет чего ей удавалось в произвольном, ей одной подведомственном порядке менять маски с консервативной на либеральную и обратно, с радикальной на консервативную и обратно и т. д., а не то и одновременно совмещать в себе черты всех трех, оставаясь при этом вполне самой собой.

Структурная аналогия коммунистической реформы политики с релятивистской теорией в науке представляется столь плодотворной, что ее стоит раскрыть и детальнее (по-видимому, не случайно В. И. Ленин проявлял повышенный интерес к диалектичности этой теории). Если положение события в пространстве-времени Минковского задается четырьмя координатами – тремя пространственными и одной временн**о**й (роль последней играет произведение $i\ c\ t$, где t – время, а i – мнимая единица), то и в поле действий большевиков положение события задается сходно.

Хотя консерватизм, радикализм или либерализм и подвержены влияниям общественно-исторических перемен (так сказать, перемещаются, трансформируются во времени и пространстве), но тем не менее время для них является чем-то внешним, именно влияющим. Их самоидентификации и самовыражению свойственно придерживаться определенных «непреходящих», «пространственных» принципов и идей. Так, если изменение текущих условий требует для достижения максимального практического эффекта мобильной внутренней переориентации, то любая из традиционных политических позиций испытывает значительную неловкость: ей быстро не перестроиться, не начать сегодня говорить прямо противоположное вчерашнему, для этого требуется время, иногда довольно значительное. Поэтому консерваторы, радикалы и либералы и уходят попеременно в тень, сменяют друг друга на посту властителя общественных умов и сердец, поэтому и непреодолимо принципиальное размежевание между ними.

Иное дело в большевистском политическом пространстве-времени. Большевики, в соответствии с диалектизмом марксистской теории, и в руководящих принципах своей конкретной практической деятельности отказались от традиционных, «метафизических» представлений о сугубо «пространственном», синхроническом характере политических позиций. Сама внутренняя сущность, образ и природа политических феноменов приобретают здесь коренную зависимость от хронологического фактора, время здесь имманентно процессу политической самоидентификации. Если,

например, сторонники этносоциального консерватизма *одновременно* в качестве своей платформы признают социально-ретардационные принципы, определенные этнические традиции и даже, может быть, некие высшие, абсолютные ценности (их сочетание создает прочный идеологический костяк и, соответственно, обусловливает заметную неповоротливость), то большевики не нуждаются в подобных сковывающих ограничениях. Одновременность для них относительна, она есть и ее нет: все зависит от выбранной точки зрения. А точка зрения выбирается, конечно, наиболее *выгодная* для конкретных условий, для конкретных политических задач по укреплению собственной власти. Внимание одних можно обращать на одно, других – на другое; через неделю или через год – сказать прямо противоположное; и всякий раз каждое из подобных утверждений будет относительно (в данных условиях) верным и отнюдь не будет противоречить соседнему или предшествующему. Диалектический метод «с одной стороны… но, с другой стороны…» – воистину волшебная палочка-выручалочка. Большевики свободно странствуют по различным идеям и ценностям, для них нет барьеров между ними. Именно благодаря этому им и удается внутренне и внешне совместить разнородные утверждения консерваторов, радикалов и либералов, несовместимые в традиционном политическом пространстве, в рамках обыденного здравого смысла. Причем на помощь здесь приходит арсенал риторических и театральных приемов.

Член РСДРП Фарандзем Кнукянц рассказывает о заседаниях Бакинского партийного комитета в 1905 г.: «Вот время уже начинать, а Кобы все нет, он всегда опаздывал. Немного, но постоянно. Казалось, что часы у него существуют лишь затем, чтобы вычислить необходимое для опоздания время… Коба входил с книгой, которую прижимал левой, укороченной рукой к груди. Сев в угол, он слушал каждого выступающего молча. Высказывался последним, не спеша, сравнивая взгляды, мнения, аргументы. Выбрав самые перспективные и дельные, он вносил свое предложение, как бы подводя черту. Отсюда – впечатление особой значительности каждого произносимого им слова. Таким способом он достигал большого театрального эффекта» / 7 /. Приемы опоздания, «последнего» слова, сравнений (с одной стороны… но, с другой стороны…) повторялись на конференции в Ялте с Черчиллем и Рузвельтом, а также постоянно во внутренней политике.

Подобные незатейливые, но безотказно действующие приемы превратились в риторико-политический атрибут советских коммунистов. Кто-то суетится, стремится нечто предложить, а

дело совсем не в том, насколько верны и плодотворны высказываемые предложения, а в том, за кем последнее слово. Оно, кстати, учтет и то, что предлагалось ранее, но учтет не только это. Выступать в качестве распорядителя чужих мнений значит одновременно занимать место высшего судьи, арбитра, место последней, наиболее весомой инстанции. Советские коммунисты совсем не случайно в свое время монополизировали печать и другие средства массовой информации. Если целесообразно, они давали высказаться на своих страницах посторонним лицам (разумеется, в рамках допустимого), но последнее слово, да и само дозволение исходили, конечно, от них.

Основным инвариантом политики являются не слова, не идеи, не какие-то мифические и высокие ценности, а *власть*. Большевики как политики par excellence не только поняли это первыми, но и сумели по-настоящему осуществить на практике. Я, разумеется, весьма далек от того, чтобы считать большевиков чем-то вроде шайки карнавальных разбойников. Они – плоть от плоти народа, дух от духа, даже, вероятно, от лучшего, наиболее страстного, правдолюбивого, жертвенного, что только было в стране. Но в таком случае когда и по каким причинам возникло у них гипертрофированное влечение к власти, привычка к тотальному насилию и почти невероятный политический цинизм? И почему большевизм впервые победил именно в России, за что ей такая участь и честь?

Если бы в марксизме не содержалось своеобразной, но несомненной правды, он не сумел бы, конечно, оказать столь существенного влияния на Россию. Также невозможно отрицать моральности побудительных импульсов, лежащих в основе этого учения: надежно защитить слабых от сильного, эксплуатируемое большинство от эксплуатирующего меньшинства, навеки установив всеобщую социальную справедливость. Однако если нравственные акценты изначально сосредоточиваются на ценностях общего (коллективного) в ущерб индивидуальному, на далеких (будущего) в ущерб близким (настоящего), на идеальных в ущерб конкретным человеческим, если, таким образом, нарушается внутренняя гармония, уравновешенность, то социальный механизм, построенный на подобных эксцентричных началах, неизбежно идет вразнос. Именно нескомпенсированный избыток социальной моральности, страстность и нетерпеливость желания добиться – чего бы это ни стоило – всеобщей заветной цели вселяли в большевиков твердое убеждение в своем праве и даже долге принудительно вести общество к заветному благу. «Железной рукой загоним человечество к счастью», – гласил

лозунг на одном из московских зданий в 1919 г. / 8 /

Социальный экстремизм был также отзывом на консервативность самодержавной политики. Ведь после революции 1905 г., после объявления Манифеста, уже с 1907 г. центральное правительство вновь обратилось к политически ретардационной, репрессивной линии, стремясь направить основную энергию неизбежных реформ по экономическому руслу. «Столыпинская реакция» и «столыпинские реформы» – тот двуликий Янус официального курса, который, принеся скорые плоды, в то же время встал мертвым барьером на пути развития демократических свобод.

В нормальных условиях социальная мысль, открыто выступая на общественной арене, сравнивая свои замыслы с их конкретными результатами, вскоре бывает вынуждена сглаживать крайности собственных утверждений. Напротив, будучи отрезанной от возможности «обкатки» в реальности, социальная мысль необычайно заостряется, выступает в своей абстрактной, логической чистоте. Возможно, это увеличивает ее концептуально-эвристические способности, однако в неменьшей степени увеличивает и пропасть между нею и здравым смыслом, придает ей жесткость, нелицеприятность и даже антигуманность. Поэтому печать экстремизма отличала в России не одних только большевиков.

Итак, уже в 1918 г. революция, выступившая под лозунгами социального освобождения, широких политических свобод, оказалась (по закону отрицания отрицания) наследницей самодержавия, новой модификацией последнего – самодержавием партии, ее верхушки. Время расцвета мирового империализма требовало не отказа от него, а напротив, возведения его в новую и более сильную степень. Так сложился пролетарский, вернее, партийный империализм (т. е. тоталитаризм). «Рабство есть высшая свобода» – данный парадокс многократно обыгрывался в антиутопиях Замятина, Оруэлла, Набокова и др. Но речь сейчас не об этом.

Что происходит с политической вселенной, когда не остается ни консерваторов, ни радикалов, ни либералов, и «всё» становится «одним»? Очевидно, все «пространственные» координаты полностью замещаются одной «хронологической». Возникает эффект, подобный действию кумулятивного заряда, концентрации взрыва в одном направлении. Именно таким импульсивным методом и можно пробивать бронированные барьеры истории, решать великие социальные, политические и экономические задачи.

Метод, конечно, не нов. Тот же Столыпин сочетал реактивную

силу наступления на демократию, нагнетания политического давления с освобождением путей развития капиталистической экономики. Но большевики внесли еще один – мощнейший и важнейший – фактор: актуализацию взрывной, революционной энергии общества, когда сила внешнего, правительственного давления многократно умножена силами внутреннего давления. Высвобождаемая внутренняя энергия по своим размерам оказалась беспрецедентной, ибо небывалые по своей радикальности и глубине социальное размежевание и конфронтация затронули само «неделимое» ядро общественного бытия. Предваряя революционные события, Ленин писал: «Мы сначала поддерживаем до конца, всеми мерами, до конфискации, – крестьянина вообще против помещика, а потом (и даже не потом, а в то же самое время) мы поддерживаем пролетариат против крестьянина вообще» / 9 /. Путь пролетарской, социалистической революции проходил через раскол двух основных трудящихся классов, через разжигание острейших, антагонистических противоречий между ними, тогда как именно их совместная деятельность представляет базу социальной и экономической жизни любого общества.

Открытия в 1898 г. явления естественной радиоактивности П. и М. Кюри, а в 1938 г. явления искусственного расщепления ядра Ф. и И. Жолио-Кюри были предварены аналогичными открытиями в сфере социологии, в первую очередь марксистской. Неотъемлемой заслугой большевиков оказалось не только опытное доказательство возможности получения и использования в своих целях связанной энергии общественного ядра (путем его расщепления), но и создание конкретного политического устройства, способного реализовать цепную реакцию деления социума (натравливания одних слоев на другие), в форме взрыва чудовищной силы. «Партия нового типа» объективно оказалась социально-политическим аналогом атомной бомбы, предварившим последнюю почти на полвека; а Ленину по праву принадлежит честь считаться не только Эйнштейном, но и Оппенгеймером в политике.

Как бы ни были сильны политические противники большевиков, как бы ни превосходили они их численно и по репрезентации интересов основного населения, исход борьбы был предрешен. Если пассеистические политики располагали набором лишь традиционных средств и приемов (так сказать, «кавалерией», «пехотой», «окопным противостоянием»), то у большевиков в запасе были политические «ядерные устройства». Борьба заведомо оказалась неравной.

В конечном счете произошло то, что не могло не произойти:

если не раньше, то позже, если не в одном, так в другом регионе. Та легкость и быстрота, с которой тоталитарные принципы распространились на другие страны, доказывает, что в этих странах существовали могучие «встречные влияния» (излюбленный термин В. М. Жирмунского), что идея, как говорится, «висела в воздухе». И именно Ленину, вопреки изобретению и применению адской политической машины (а, может быть, как раз благодаря этому изобретению и применению), принадлежали с 1921 г. лихорадочные, страстные попытки остановить ее взрывное антигуманное действие, перевести механизм в режим управляемого реактора, утвердив нэп. Но механизм уже зажил самостоятельной жизнью, подчиненной своим жестким, объективным законам.

Что испытывают различные частицы среды, различные члены общества, когда эту среду, это общество сжимают со всех сторон и одновременно дают выход в виде мощной «кумулятивной струи»? Тяжелый гнет или свободу? Когда Столыпин открыл дорогу капиталистическому предпринимательству, определенные социальные круги, безусловно, испытывали чувство освобождения. Политический гнет казался им, по-видимому, не столь уж высокой (тем более, что необходимой) платой за предоставленную свободу. Сходные переживания испытывали и многие рабочие в период пролетарской диктатуры. Но этого мало.

Когда путем идеологической и политической бомбардировки разрушались внутриядерные, близкодействующие связи между основными трудящимися классами: положительно заряженным пролетариатом и нейтральным в социалистической революции крестьянством (не говоря об отрицательно заряженной, вьющейся вокруг трудящегося ядра буржуазии и нэпманах), – то высвобождались не только огромные запасы социальной энергии, но и извечные противоречия между классами. Тем более, что взаимная обособленность пролетариата и крестьянства возросла в процессе нарастающей индустриализации и урбанизации общественной жизни. Ремесленник и крестьянин, горожанин и сельчанин – подобные размежевания возникли с тех пор, как произошло разделение общественного труда, как нарушилось первоначальное родоплеменное единство со свойственным ему «равенством первобытного коммунизма». Новое, коммунистическое течение стремилось преодолеть противоречия между умственным и физическим, квалифицированным и неквалифицированным, городским и деревенским трудом, восстановить древнее, утраченное в процессе развития общества и культуры равенство, зарядив извечный, но прежде вытесненный из сферы сознательного внимания, психический комплекс новой

эмоциональной и интеллектуальной энергией. Новейший виток социального равенства мог реализоваться, однако, уже не на крестьянском фундаменте (со старым, как цивилизованный мир, подозрительным отношением крестьянина к «погрязшему во зле и разврате» городу), а на пролетарском: «поднять» деревню до города, внедрить там индустриальные отношения, нимало не сообразуясь с коренными интересами и желаниями крестьян.

В результате был возрожден древний, дотоле подспудный, в значительной степени вытесненный в общественное подсознание комплекс социальной эгалитарности. На службу данному комплексу оказалось возможным призвать политические формы, свойственные в первую очередь городам. Крестьянин – в силу условий жизни и деятельности – обычно далек от политики, по крайней мере от политической инициативы, выступая чаще всего (как справедливо замечено еще со времен Великой французской революции) в качестве реакционной силы. Самые передовые достижения цивилизации – как технические, так и социально-политические – направлялись большевиками, таким образом, на обслуживание древнейших, до- и антикультурных эмоционально-идеологических комплексов. А политически самая совершенная в мире партия и ее «самая передовая» идеология оказались активным проводником самых первобытных, варварских тенденций. «Цивилизованное варварство» – это выражение нам привычно по отношению к национал-социалистам. Но оно в неменьшей степени применимо и к их предшественникам, т. е. к большевикам.

Социально-идеологическая истерия бушевала в 30-х годах не только в Германии, но и в России, создавая у населений обеих стран массовое впечатление осуществления вековечных надежд и небывалого собственного могущества. Общей была ненависть к традиционным демократиям. Общим был и политически авангардистский характер режимов. Однако разные школы новаторов враждуют между собой нередко еще более остро, чем с традиционалистами. И тщетно Сталин стремился установить близкие, «родственные» отношения с германским фашизмом, на время «по-братски» разделив сферы влияния. Бой не на жизнь, а на смерть был предрешен. Столкнулись между собой уже не только политические режимы, социально-политические системы, но и народы. Народы, которых обуял политический дух социализма или национал-социализма.

Будет неточно назвать соответствующие внутренние режимы социально-политическим гнетом: слишком далеки они от традиционных, действующих «сверху» диктатур. Им свойственно, скорее, великое иррациональное тождество между крайними

формами рабства и свободы, великое и заветное слияние противоположностей, достигшее ранга велений Истории и Судьбы. Большевики и стали судьбою нашего народа, прочно (казалось, навеки) оседлав девятый вал Истории, надежно овладев ее скрытой сущностью и тайным для других именем.

Природа времени – в отличие от синхронической природы пространства – диахронична. В ней реализуется взаимоисключающая логическая операция «или – или» (в отличие от пространственной «и – и») / 10 /. Каждый последующий момент отменяет предыдущий, чтобы в свою очередь быть отмененным последующим. Происходит как бы непрерывная череда исчезновений и появлений, смертей и новых рождений («Нельзя войти в одну реку дважды»). Большевики являются верными и последовательными приверженцами диалектики. Если время как таковое не терпит сосуществования, то для того, чтобы в нем полноценно пребывать, исполняя *высшие веления Истории*, необходимо полностью истреблять как синхроническое иное, так и свое предшествующее, чему соответствует и марксистский тезис о непримиримости классовой борьбы. «Жизнь – это борьба» (и при благоприятных условиях *только* борьба). Стихия борьбы – родная для большевиков. Они начали борьбу с политическими и классовыми соперниками, а когда те «закончились» – принялись за изведение собственных соратников. Для любой другой партии подобная деятельность оказалась бы самоубийственной, партию же большевиков она только укрепляла.

За диахроническую, чисто историческую форму политического бытия большевиков, которой приносились вполне реальные, человеческие жертвы, время отвечало милостью («время работает на нас»). Сверхбыстрые темпы индустриализации и невиданные успехи в деле консолидации общества побивали любые карты нерешительных и врагов / 11 /. Однако свертывание трех пространственных, синхронических координат общественной жизни и акцентирование только одной, диахронической, неизбежно приводит к *мнимости* политического бытия (ср. множитель *i*, мнимую единицу на четвертой оси координат). Но то, что является мнимостью, фикцией, наваждением, миражом в одном (в данном случае политическом) пространстве, то способно быть вполне реальным в другом. С 1918 г. действительно прекратилось существование политики-для-общества, политики как свободного соревнования, искусства, игры, эстетики. Так сказать, «особая точка» истории, переход в инобытие, на дорогу судьбы. Физиологически необходимая общественному организму политическая функция при этом стала секреторной.

Если естественным атрибутом диалектического партбытия большевиков является его диахронический характер, т. е. полное исчезновение в предыдущем мгновении и столь же полное воссоздание в последующем, то в случае необходимости ничто не мешало подобной партии «между» этими мгновениями, в ничтожно малый отрезок политического времени, воссоздаться в совершенно другом виде. Процедура проста: Политбюро собралось и тут же решило. Не требовалось ни митингов, ни полемик в печати, ни борьбы за голоса избирателей – все эти манифестации и кампании проходили потом, «массово одобряя и поддерживая». На протяжении всего существования большевики отличались редким свойством, еще вчера категорически что-то отвергая, сегодня (коль необходимость созрела) многоголосо и дружно столь же категорически это что-то доказывать. Большинству здравомыслящих людей кажется весьма неуместным, мелочным, невеликодушным начинать тяжбу с большевиками по поводу данных внезапных перемен, ибо на обвинения в свой адрес коммунисты отвечают: «Мы решительно отмежевались от прошлых ошибок» (а «ошибки» – это жизни, судьбы людей). Диалектики-большевики прекрасно поняли и научились использовать время как решающую силу, энергию, композиционно-эстетический фактор. Их хронологическое чутье, полководческое умение в нужный момент и в наиболее ключевом, уязвимом месте собрать необходимые силы и нанести резкий удар, опередив при этом противника, едва ли не превышают границы всякого вероятия. В предоктябрьский период гениальный Ленин *по часам* чувствовал изменение политической обстановки и вносил соответствующие коррективы.

«Старик меняет пространство на время», – выражал формулу Брестского мира персонаж романа Кестлера «Слепящая тьма». «Выиграть время», – объясняли пропагандисты основную задачу пакта Молотова-Риббентропа. А разве не был аналогичной уступкой экономического и идеологического пространства, до того полностью занятого большевиками, переход к нэпу? (Сохранялись стратегические командные высоты», а на прочую экономическую территорию допускались «капиталистические враги», нэпманы. Маневры едва не кутузовские). Однако выигрывая время, они затем отыгрывали и подминали под себя пространство.

Завершить настоящую статью мне представляется важным, однако, на несколько другой ноте. В отношениях

традиционализма и авангардизма, в том числе в политической сфере, различима оппозиция гармонического, гуманистического сознания с эсхатологическим, пограничным. Не только отдельному человеку, но и обществу в целом в обычном состоянии не дано постичь тайну своего рождения и смерти. Для этого нужно некое откровение. Таким откровением стала социалистическая революция, знаменующая собой смерть старого и рождение нового мира.

Феномен авангарда – как в политике, так и в других областях познания и деятельности, – расширяя рамки прежних представлений, отличается от традиционного мышления тем, что проникает в пограничные, крайние состояния бытия, о которых не дано знать в обыкновенной жизни. Здесь активизируются и архаически глубокие, и концептуально высокие уровни сознания. Исторически авангардное мышление всходило на фоне разложения прежней, «классической гармонии». Интенсивное изменение условий жизни, стремительный распад многих традиционных социально-психических комплексов, образование новых нарушили былую уравновешенность отношений человека и мира. Разрежение, вакуум в одних областях общественного сознания и нагнетание давления в других вызывали «ветер перемен», порой перераставший в бурю. Культурно-историческая энергия, эксцентричность авангарда вызваны эксцентричностью же окружающей реальности.

В каких отношениях находятся между собой традиционное и авангардное мышление? Новая физика осветила движение со скоростями, близкими к предельным, поведение макро- и микрообъектов. При этом ньютоновская физика удержала свои позиции в области «срединного», соразмерного рядовому человеку опыта, естественного здравого смысла, утратив при этом, однако, статус универсальной. Подобным же образом литературный, художественный авангард «не закрыл» искусство классическое, хотя на ранних стадиях и выдвигались лозунги вроде «Пушкина – с парохода современности». Сложнее дело обстояло с политическим авангардом, которому удался широкомасштабный и длительный отрыв от традиционных политических реалий.

Раскрытие загадок пограничных областей бытия связано для человека и общества с яркими, необычными переживаниями и со значительным риском. Вторжение в эти области можно сравнить с интереснейшим и опасным экспериментом. Все последствия глобального исторического эксперимента и связанных с ним угроз советское общество испытало на себе. Заметные параноидальные, шизофренические и истерические черты

массовой психологии XX в. неоспоримы, так же как ее тревожность, подвижность, стремление к новому. Но, несмотря ни на что, взвешенная оценка все же далека от чрезмерно осторожной, обывательской или обскурантистской реакции на авангард, в том числе политический. Если полностью присоединиться к осторожным, тогда уменьшится разнообразие мира, будет сделан шаг к унификации, т. е. произойдет именно то, чего большевики добивались внутри советского общества и культуры. Несмотря на все внутренние антиномии и неотъемлемые угрозы коммунизма, полный отказ от него означал бы обеднение политического генофонда, а значит и гарантию проигрыша. Хотя нужда в соответствующих мерах безопасности и очень остра, «закрыть» авангардистское сознание, одновременно отказавшись от его несомненных достижений и потенций, морально безответственно и практически невозможно. Это означало бы отрезать человечество от еще ненайденных источников жизни, сделать его беспомощным перед угрозой вероятных катаклизмов. Вдобавок, это означало бы не искупить, а обессмыслить все принесенные на прежнем пути жертвы – именно не искупить. Значит путь к общественному здоровью лежит не через отказ от знания пограничных ситуаций, а через достижение более широкой, чем прежняя, – «новой гармонии». И одновременно через определение места любых авангардистских тенденций, в том числе политических, как явлений хотя и необходимых, но крайних. Роль «золотой середины» должна быть возвращена традиционным – соразмерным человеку, его здравому смыслу и естественным потребностям – образованиям. Без риска обществу не жить; достижение «новой гармонии», в свою очередь, невозможно без духовного и экзистенциального риска; должны быть только выверены его здоровые и естественные масштабы и мера.

.

С Н О С К И

Статья написана в 1989 г. Опубликована в: *Логос*. Санкт-Петербургские чтения по философии культуры. Кн. 2. Российский духовный опыт. Изд. СПБГУ. 1992. С. 89 – 103.

Так, современные западные и консерваторы, и радикалы ассимилировали в собственных позициях основные принципы исторического либерализма: защиту парламентского строя,

демократических свобод и свободы предпринимательства. Так, неоконсерватизм, отчасти уподобившись радикализму, принял теоретически разработанную модель будущего экономического и социального устройства («народный капитализм») и проявил изрядную решительность при ее реализации. Наиболее значительные ветви радикализма, в свою очередь, отказались от «разрушения до основанья» существующих структур и отношений, ограничившись на практике и в намерениях частными реформами. Несмотря на размытость границ, три названные группы сил не утратили до конца собственных родовых особенностей, сохраняя их в форме доминирующих тенденций и склонностей, а в иных странах являясь и в своем первозданном обличии.

Важная деталь: перу автора четвертого Евангелия, Иоанна, принадлежит также, согласно церковной традиции, завершающая книга Нового Завета – *Откровение*, или *Апокалипсис*, – формулирующая учение о конце света.

«Да здравствует золотой век!» – такой плакат несли демонстранты в Петрограде 7 ноября 1918 г.

Этот «миллион», кажется, и должен был насторожить – именно своей непомерностью. Но нет, в ноябре 1937 г. в Большом театре на собрании избирателей Сталинского округа Москвы И. В. Сталин под несмолкающий гром оваций подтвердил: «Никогда в мире еще не бывало таких действительно свободных демократических выборов, никогда. История не знает такого примера».

В. М. Молотов на торжественном заседании в честь двадцатилетия Октября в Большом театре констатировал: «В нашей стране создалось невиданное раньше моральное и политическое единство народа. Моральное и политическое единство социалистического общества». С тех пор рост консолидации и единства фиксировали многие.

Театр. 1988. № 8. С. 128.

Подобный взгляд не нов для России. Еще Белинский в одном из своих писем утверждал: «Люди так глупы, что их насильно надо вести к счастью. Да и что кровь тысяч в сравнении с унижением и страданием миллионов?»

Ленин В. И, Полн. собр. соч. Т. 11. С. 222.

Характерно, что дизъюнктивное отношение «или – или» свойственно также и обостренному морализму, разжигающему непримиримый антагонизм между добром и злом.

Каковы бы ни были нравственные, социальные и просто человеческие оценки ленинской и сталинской эпох, к каждой из них применима эстетическая дефиниция грандиозности, ибо,

наряду с ужасом и отвращением, они вполне способны вызывать и восхищение.

А.И. Степанов

Социальная стратификация и массовое сознание

(*Докл. на конф. "Историческая память и социальная стратификация. Социокультурный аспект", СПб, 16 мая 2005, организаторы: Международная ассоциация исторической психологии – отделение С.-Петерб. Ассоциации философов Российского философского общества; кафедра философии культуры и культурологии филос. ф-та СПбГУ; кафедра истории С.-Петерб. гос. политехн. ун-та; изд-во "Нестор".*

Публ.: *Степанов А.И. Социальная стратификация и массовое сознание // Историческая память и социальная стратификация. Социокультурный аспект: Материалы XVII Междунар. научн. конф., Санкт-Петербург, 16-17 мая 2005 / Под. ред. д-ра ист. наук, проф. С.Н.Полторака. СПб.: Нестор, 2005. Ч.2. С.310-314.*)

Социум современного типа делится на крупные группы согласно целому ряду критериев: размеру собственности и дохода, политической ориентации, роду занятий и уровню образованности, этнической и конфессиональной принадлежности, гендерному и возрастному признакам, проживанию в различных географических зонах и др. Социология и политология выясняют границы соответствующих групп, их свойства и динамику. Не отрицая значения подобной объективной стратификации, мы, однако, сосредоточим внимание на достаточно специфичном аспекте: на преломлении реальной социальной картины в массовом сознании, т.е. на наиболее элементарных формах представлений общества о себе самом. Такие представления могут служить предметом разных наук, в частности социальной психологии, но настоящий доклад в большей мере относится к культурологии.

В действительности предмет исследования здесь еще уже: мы рассматриваем массовые представления о социальной структуре не во всем их реальном многообразии и изменчивости, а только господствующие *стереотипы*, которые, во-первых, просты по строению, во-вторых, относительно устойчивы на определенном хронологическом отрезке. К таковым принадлежит, например, деление социума на три класса: богатый, средний и бедный, – а также деление на основные политические группы (электоральный расклад, зафиксированный актом выборов). Причиной того, что, по крайней мере в первом приближении, за рамки исследования

вынесен ряд других факторов – таких как этнический, конфессиональный, географический, гендерный, возрастной, – является то, что в настоящем случае нас интересует связь с *социально-политическими доктринами*, которые в современных демократиях объявляют о равенстве всех граждан независимо от национальности, религии, пола, места проживания, возраста (начиная с совершеннолетия). Социальные классы, декларируемые ведущими идеологиями в индустриальных странах, после всесторонней эмансипации безотносительны к упомянутым факторам. Поэтому в фокус внимания в данном случае попадает исключительно классовое и политическое (партийно-политическое) деление, причем в генерализированном выражении (например, в США это богатый-средний-бедный классы, во-первых, и электораты республиканской, демократической партий плюс группа «неприсоединившихся», включающая как политически неактивное население, так и сторонников мелких партий, во-вторых). Представленный материал привязан к условиям постсоветской России.

На протяжении последних полутора десятилетий трехчастная схема богатого, среднего и бедного классов широко пропагандируется и в нашей стране. Каковы результаты? Средний класс, который, по общему мнению, должен составлять большинство и служить опорой социально-политической системы, в России явно недостаточно многочислен. Ввиду особенностей отечественной экономики, ширина этой страты вдобавок существенно зависит от волн мировой конъюнктуры, и в случае падения цен на сырье, банковского кризиса и т.д. угрожающе сузится. Количество российских бедных, напротив, превышает рамки приемлемого, а при вероятной рецессии превысит всякие допустимые нормы. На фоне развитых государств уникальна и структура российского бедного класса, поскольку в него попадает значительная доля социально вменяемого населения (ряд бюджетников, пенсионеры и др.). Имплицитная трехчастной схеме аксиологическая шкала («чем богаче, тем выше») автоматически относит бедных к социальному низу, и, например, школьные учителя, врачи, ученые, работники многих заводов, большинство пенсионеров попадают в аутсайдерский слой вместе с люмпенизированной частью населения. Подобные явления провоцируют фрустрацию, политически деструктивное поведение (в частности, голосование за популистские партии), в виновники попадают богатые («олигархи»), государство («режим», «оккупанты»), «мафия», нацменьшинства. Поле масс-медийных публикаций на эту тему необозримо – см., например, [Тихонов 2004], [Тимофеева 2004], [Ильичев 2005], – что оказывает

влияние на коллективное сознание и, в свою очередь, обязано его состоянию. Причины болезни обычно принято видеть в первую очередь в экономике и прописывать экономическое же лекарство, но для достижения ощутимого эффекта требуются значительные материальные и временные ресурсы, и совсем не факт, что их удастся изыскать, поскольку социальное напряжение продолжает аккумулироваться.

Со своей стороны, мы выделяем в данном явлении идеологическую составляющую, ведь именно из-за нее происходит по сути удвоение давления на, скажем, тех же бюджетников: они подвергаются не только собственно материальной, но и автоматически привязанной к ней социально-престижной дискриминации. Поэтому возникает задача устранить подобную однозначно-жесткую связку, тем самым ослабив один из двух видов пресса. На каких путях следует искать решение?

В конечном счете паллиативны, с нашей точки зрения, меры по непосредственному разубеждению, «успокоению» населения. Фактор социального унижения воздействует не в последнюю очередь по *бессознательным* каналам, ибо оценка «бедный, значит, недостойный» работает во многом имплицитно. Механизмы бессознательного требуют аналогичных же, косвенных методов. Еще менее перспективными стали бы попытки снижения психологического давления за счет релятивизации признака дохода – к примеру, путем пропаганды старинных сентенций вроде «беден не тот, у кого мало, а тот, кому мало», «достаточно у того, кому достаточно». Модель общества потребления, консюмеристская идеология неэлиминируемы на современном этапе и служат вдобавок немаловажным стимулом экономического развития. Необходима коррекция самой классовой идеологемы, и в том ключе, который предполагает разрядку социальной обстановки, движение в сторону классового, политического и межнационального мира.

Одним из возможных вариантов тут может служить структурное объединение ныне действующей идеологемы «богатый – средний – бедный классы», во-первых, и трансформированной позднесоветской схемы «интеллигенция (вар.: служащие) – рабочие – крестьяне», во-вторых. Стереотип «средний класс» здесь заменяется совокупностью трех названных групп согласно роду занятий, и общая классовая картина в глазах масс окажется состоящей из пяти элементов: богатые – интеллигенция (вар.: служащие) – рабочие – крестьяне – бедные.

Подобным образом деверсифицированный «средний класс» составит общественное большинство, коррелирующее с былым советским клише «трудящиеся». Класс бедных, напротив,

идеологически сузится, поскольку отныне в него будут попадать не все граждане со скромным достатком, а только принципиально не работающие бедные, т.е. люмпенизированные слои. Бюджетники, пенсионеры, временно безработные и т.д. окажутся идеологически приписанными к тем классовым группам, которые отвечают их профессии, образованию. Идеологический, морально-психологический статус значительных масс населения в результате будет повышен, а государство, партии, масс-медиа, которые включатся в пропаганду подобной более комплиментарной идеологемы, предстанут более «дружелюбными» в глазах ныне ущемленных слоев.

Подобная процедура имеет исторические паралелли. Если в абсолютистской Европе действовала схема трех сословий (дворянство, духовенство, «третье сословие»), то в России в середине XVIII в. была учреждена система пяти основных: дворянство, духовенство, купечество, мещанство, крестьянство. Референциально неоднородное, семантически размытое звено – «третье сословие» – было заменено, таким образом, совокупностью трех единиц. Аналогия, разумеется, не буквальна, поскольку в нашем случае речь идет о социуме не закрытого, а открытого типа и, соответственно, не о сословиях, а лишь о классах, фигурирующих в идеологии и массовых представлениях.

На чем основано настоящее предложение? Проведенное исследование включает математическую модель, согласно которой социально-политические системы современного типа (продекларированное «общество равных возможностей») подчиняются достаточно строгим закономерностям. Допустимость математических методов при анализе социокультурной среды обязана тому, что, во-первых, и идеологические, и математические объекты обладают воображаемой, «виртуальной» природой, во-вторых же, тем и другим присуща рациональность. Массовым стереотипам свойственна простейшая рациональность в частности потому, что индустриальные общества – одновременно и образованные [Степанов 2004: 9-43].

Требование социально-политической устойчивости в результате оказалось равносильным следующему условию: количество основных классовых групп в доктрине (и отвечающих ей массовых представлениях) и количество основных политических групп должны совпадать. Такое условие выполняется в современных западных странах: три класса (богатый-средний-бедный) и три основные политические группы (республиканцы-демократы-неприсоединившиеся в США; правые-левые-неприсоединившиеся в Европе). В довоенном СССР было

объявлено о создании рабоче-крестьянского государства (интеллигенция в тот период считалась не классом, а лишь прослойкой), т.е. основных классов – два. Политическое поле было представлено партийными и беспартийными, т.е. политических групп тоже две. В послевоенный период произошла определенная реабилитация интеллектуальных профессий, и в обиход был запущен штамп «советская интеллигенция». Однако при этом, согласно тезису, звучавшему рефреном с высоких трибун, интеллигенция была лишена собственных классовых целей, поскольку ее призвание – «служить простому народу», т.е. классам рабочих и крестьян. Таким образом, идеологическая двухчастность так или иначе поддерживалась.

В современной России – в отличие от США (республиканцы-демократы), более косвенно от Европы (правые-левые) – сложилась не биполярная, а фактически кватерниорная партийно-политическая модель. На выборах 1995 г. в Думу по партийным спискам прошли четыре партии и объединения: КПРФ, «Наш дом – Россия», ЛДПР и «Яблоко»; на выборах 2003 г. – «Единая Россия», КПРФ, «Родина», ЛДПР. Ввиду последствий кризиса 1998 г. и широкомасштабного применения грязных политических технологий на электоральной сцене возник определенный хаос, и на думских выборах 1999 г. преодолеть 5%-ный барьер удалось не четырем, а шести партиям и избирательным объединениям: КПРФ, «Единству», «Отечеству – Всей России», Союзу правых сил, ЛДПР и «Яблоку». Однако несмотря на это, конституирующая четырехчастность, как показал анализ [Степанов 2004: 714], оказалась ненарушенной, и избирательная борьба протекала согласно сценарию «три против одного».

Позиционировавшаяся как оппозиция тройка левых партий (КПРФ, ОВР, «Яблоко») направляла критические стрелы против консолидированного прокремлевского альянса (активно звучала тема борьбы за социальную справедливость, попранной «антинародным режимом», кремлевской «Семьей»). Тройка сил правых («Единство», СПС, ЛДПР) выражала поддержку Кремлю и видела в противниках объединение прокоммунистических сил, неспособных к конструктивной работе и даже зовущих страну в кровавое прошлое. Каждая из сторон, таким образом, воспользовалась в своей предвыборной риторике, сознательно или нет, по-прежнему кватерниорной конструкцией. А исторические предпосылки политической, идеологической четырехчастности сложились в России значительно раньше, еще в начале XX в. [Степанов 1992: 89-103].

Четырем ведущим силам, т.е. разновидностям партийных идеологий, вместе с многочисленной, как и везде, группой

«неприсоединившихся» отвечает наличие пяти основных политических групп. Следовательно, – во имя стабильности, самосогласованности социально-политической системы, см. выше – точно таким же должно быть количество доктринальных классовых групп. В противном случае возникает целый ряд негативных процессов, которые, впрочем, также схватываемы моделью. Именно по этой причине выше рассматривалась именно пятеричная классовая идеологема.

Названная разновидность идеологемы, разумеется, не единственная из возможных, и в работе были рассмотрены и другие. Кроме того, анализу подвергнуты структурные свойства различных классовых идеологем в общекультурном контексте.

–

Ильичев Г. 2005. «Доведете – вилы в руки возьмем!». – Известия. №29.

Тимофеева О. 2004. Как повысить пенсию до трех тысяч евро. – Известия. № 217.

Тихонов А. 2004. Бедность как норма. – Известия. № 176.

Степанов А.И. 1992. «Прекрасная политика» // Логос: С.-Петербургские чтения по философии культуры. Кн.2. СПб. С. 89 – 103.

Степанов А.И. 2004. Число и культура: Рациональное бессознательное в языке, литературе, науке, современной политике, философии, истории. М.

Что, собственно, произошло 11 сент. 2001 г.?

Умозаключений о случившемся столь же много, сколь практически любое из них мало может устроить, за исключением, пожалуй, пары простых утверждений, мгновенно превратившихся в общее место: последствия террористического акта самым непосредственным образом коснутся всего мирового сообщества и что началась совершенно новая эпоха.

Кто знаком с книгой "*Число и культура. Рациональное бессознательное в языке, литературе, науке, современной политике, истории*" хотя бы до второй главы, в объяснениях смысла события, вероятно, уже не нуждается, и эта статья адресована в первую очередь тем, кому еще не удалось ознакомиться. Поэтому предварительно придется обрисовать контуры главных тезисов.

Что управляет современными социумами? Как известно, общества современного типа отличаются массовостью и относительной образованностью. Качество массовости ("эпоха масс", т.е. период, когда главным творцом истории становятся миллионы) означает, что причины основных социально-политических процессов лежат в поведении этих масс и, что особенно важно, их эмоциях и представлениях. Широкие общественные движения, по крайней мере в течение последних столетий, подчиняются идеологиям, неся в себе собственные оправдания и *объяснения*. Свойство же относительной образованности – тривиальный факт обязательности школьного образования, даже в неразвитых странах.

Что прежде всего изучается в школе? – Арифметика и письмо, т.е. науки, которые – само воплощение простейшей рациональности. Рациональности в подавляющей части элементарно-математического – если угодно, "архаически-математического", схваченного, самое позднее, античностью – типа: использование условных обозначений (например, для звуков – буквы, для количеств – цифры), счет, элементарные комбинации, подчинение строгим правилам и т.д. (подробнее об этом см. раздел "*Вместо Предисловия, или Новое бессознательное*"). Превалирование "математикообразных" дисциплин (помимо арифметики, алгебры, геометрии – физика, химия, даже грамматика…) характерно для всего школьного курса. Освоение каждым из нас подобных истин и операций продолжается на протяжении лет, вдобавок в самом нежном и

восприимчивом возрасте, когда складываются первые и наиболее прочные представления об окружающем мире и о самом себе.

Многое из пройденного в школе впоследствии забывается, но школьные годы не пропадают бесследно, и сам характер упомянутых мыслительных операций, имманентные критерии "верности и неверности" ("логичности") остаются неотменимыми – независимо от страны, где мы живем, нашей национальности, пола, профессии, социального положения, политических убеждений, конфессии. В этом мы все одинаковы, и ни одна из идеологий, ни одна из сколько-нибудь значимых общественных мотиваций не в состоянии пренебрегать простейшими рациональными истинами, а напротив, волей-неволей опирается на них, из них исходит (в противном случае ей никто *не поверит* и не станет ей руководствоваться в практических действиях) .

На основании этого в книге было сформулировано понятие *рационального бессознательного*, коллективного по природе, оно и было предложено на роль ведущего регулирующего механизма в современной культуре, социальной организации, политике. Системы, все члены которых по отдельности и все вместе подвержены силе простейших логических законов, в свою очередь можно исследовать посредством элементарно-математических методов – здесь метод анализа и его предмет идентичны.

Одним из выражений упомянутого рационального бессознательного служит формообразующее значение количества политических революций ("бифуркаций"), которые пережил в своей истории тот или иной массовый социум. Дело в том, что знание о наличии этих революций в своем собственном обществе, значит, подспудно и об их их количестве, является общим достоянием этого общества, также налицо и ставшая нашей второй натурой готовность подчиняться обязательным следствиям из факта того или иного количества. Как это сказывается на характере социума, являющегося продуктом соответствующего числа революций, на его, если угодно, "семантической окраске"? – Такому вопросу посвящена вся вторая глава ("*Революции, "революции", общество*"), приведем несколько положений.

Вот примеры массовых социумов, прошедших через две политические бифуркации. Великобритания до сих пор пребывает под знаком двух революций – *Великой английской* и "*Славной*". Аналогично со США – *Война за независимость*, послужившая, согласно единодушному мнению историков, одновременно и антифеодальной революцией, и *Гражданская война*, в рамках которой решались ключевые вопросы социально-политической жизни страны: территориальное единство, отмена рабства, выбор

индустриального или, напротив, аграрного (“плантационного”) пути развития. Оба государства почитаются в качестве образцово либеральных.

В России второй по счету была *Февральская революция* 1917 (после революции 1905-07 гг.). “Буржуазно-демократическая” в марксистской терминологии, она, несомненно, утверждала либеральные начала: непререкаемость частной собственности, гражданские свободы, многопартийность, подготовка к созыву Учредительного собрания, которому предстояло разработать первую конституцию.

В Германии вторая по номеру – *Ноябрьская революция* 1918 г. (после революции 1848). Свергнута монархия, учреждена Веймарская республика, страной управляет многопартийный парламент, цветет риторика самых разных сортов. Это ли не либерализм?

У современной Японии за спиной также две основных политических бифуркации: революция Мэйдзи исин 1867-68 гг. и проведенные после Второй мировой войны столь глубокие социально-экономические и политические реформы (в частности, отстранен от реальной власти император), что они равны по значению революции, *второй* революции. Кто скажет, что нынешняя Япония – не либеральная страна, пусть и с восточным колоритом?

Для краткости ограничимся только этими примерами. А что происходило с общественными системами после *трех* революций?

Одним из первых образцов подобной системы стала Россия, в которой в 1917 г. наступил Великий Октябрь – третья по счету русская революция в эпоху масс. Всем известно, что она принесла с собой тоталитаризм.

В Германии в 1932-33 гг. происходит так называемая “национальная революция” (№3), кардинально перекроившая внутренне-политическую карту. Гитлеровский режим – второй яркий пример тоталитаризма.

“Поход на Рим” 1922 г. в Италии приводит к власти Муссолини – сходным образом, третья политическая бифуркация в истории страны (после революций 1848-49 и 1859-60 гг., “буржуазно-демократических”). Итальянский фашизм – очередной вариант продукта трех революций.

“Народная революция” 1946-49 гг. в Китае, в результате которой власть завоевывают коммунисты, Мао Цзэдун, аналогично, третья по номеру (после Синхайской революции 1911-13 гг., руководимой Сунь Ятсеном, и буржуазно-демократической революции 1925 г., поставившей к рулю

Гоминьдан). По-видимому, не нуждается в доказательствах, что китайский коммунистический режим – тоталитарный.

У морального лидера всех революций, во Франции третьей по порядку была революция 1848 (две первые – Великая французская и революция 1830 г.). Уже в 1849 г. на выборах в Законодательное собрание победу одерживает реакционно-монархическая “Партия порядка”. В мае 1850 ликвидируется всеобщее избирательное право. 2 декабря 1851 г. президент Луи Бонапарт провозглашается императором, Наполеоном III. На фоне политических режимов XX в., возникших после третьих революций, возможно, не совсем корректно называть режим Второй империи тоталитарным: в XIX в. еще не сложились надлежащие “авангардистские” партии, на которых зиждется “настоящий” тоталитаризм. Но то, что Вторая империя стала предтечей последнего и по многим признакам (сочетание революционности с диктатурой, подавление политических свобод, исключение состязательности и разногласий) его предвосхищала, по-видимому, возражений не вызовет.

На основании сказанного и некоторых дополнительных соображений в книге “*Число и культура…*” был сформулирован вывод, что номер революции играет роль своеобразного *детерминатива*, определяющего наиболее общие черты политического режима, его семантическую окраску. Иллюстраций, вероятно, достаточно для статьи, а более подробная информация – в книге.

Теперь мы подходим к главному. С конца XIX – начала XX вв. качество массовости обретается и такой системой как мировое сообщество в целом. Об этом много написано: развитие коммуникаций, экономическая взаимозависимость, интенсификация обмена товарами и идеями… В данном случае основными бифуркациями, радикально изменявшими глобальное политическое устройство, послужили мировые войны. Какой режим сложился после двух мировых войн?

Устанавливается военно-политическое равновесие между двумя сверхдержавами, двумя лагерями – "Запад-Восток", – носителями альтернативных идеологий. Согласно структурному признаку это можно сравнить с двухпартийностью в отдельных государствах, скажем, в США и Британии. Формируется влиятельная ООН, резолюций которой стараются придерживаться все державы, – своеобразный аналог “мирового парламента”. Сравнительно редкие нарушения *международного права* вызывают активный протест, а вообще-то оно поддерживается авторитетом и силой сверхдержав, становится общепризнанным. Невольно напрашивается сравнение с либеральным идеалом “правового

государства”. Один из ключевых исторических лозунгов либерализма – право наций на самоопределение? – После Второй мировой войны наблюдается лавинообразное крушение колониализма, подавляющее большинство недавних колоний обретает суверенитет. Не правда ли, трудно воздержаться от вывода, что мировое сообщество в целом в отмеченные десятилетия отличало доминирование именно *либеральных* начал? А если дополнительно принять во внимание, что на фоне военно-стратегического паритета между капиталистическим и социалистическим лагерями очевидный перевес – по количеству государств-сторонников, экономическому потенциалу, моральному авторитету, влиянию – был все-таки на стороне Запада (Восток – лишь “оппозиция”), то впечатление об общелиберальности мирового климата в ту эпоху только укрепится.

Однако с конца 1980-х гг. в мировом сообществе начинается очередная глобальная трансформация, или бифуркация в текущей терминологии. Очередная – стало быть, *третья* по счету. Некоторые склонные к драматическим метафорам аналитики окрестили ее “третьей мировой”. Какой тип режима должен ей отвечать? – Теперь читателя, наверно, трудно сбить с толку: по всей видимости, следует ожидать качественного усиления авторитарных, или тоталитарных, начал.

И действительно, вместо двух сверхдержав остается одна – ср. с однопартийностью в отдельных государствах. С еще недавно авторитетнейшей ООН оказывается возможным уже не считаться – причем, добро бы, если пренебрежение выказывали какие-то маргиналы, но тут подобное “девиационное” поведение – со стороны ведущих и “просвещенных” держав. Центр принятия ключевых для мира решений на глазах перемещается в такой международно нелегитимный орган как “большая семерка” (“семерка с половиной”) плюс, конечно, НАТО – ср. узкий круг “посвященных” советского Политбюро, не обладавшего легитимными государственными полномочиями, однако самые важные решения кристаллизовались как раз в нем, тогда как парламенту (Верховному Совету) оставалось лишь “проштамповывать” то, что прописано до и помимо. Общепризнанное международное право? – В ходе стремительно изменяющихся условий его фундаментальные принципы рушатся один за другим, и становится, скажем, возможной карательная военная акция НАТО против суверенной Югославии. Что-то все это сильно напоминает, не так ли? Продукт третьей бифуркации в мире имеет очевидную склонность к повторению генетических черт режимов, пришедших вместе с третьими революциями в

отдельных государствах.

Немаловажен и следующий аспект. В ряде стран революции под соответствующими номерами отнюдь не сразу, не одним скачком добиваются своих актуальных целей, а проходят через четко выраженные этапы. Границы переломов, переходы от одного этапа к другому носят название “подбифуркаций”. Это, полагаю, ясно: в рамках, допустим, третьей бифуркации происходят подбифуркации № 1, №2 и т.д. Так вот, закономерности последовательности подбифуркаций недвусмысленно повторяют таковые для “больших бифуркаций” (подробнее об этом – в книге).

Проиллюстрируем, о чем идет речь. По стопам третьей бифуркации – Великой Октябрьской революции 1917 в России – отнюдь не в одночасье устанавливается классический тоталитарный режим. Для наших целей не требуется изобретений, будем придерживаться того, что в Советском Союзе знали практически все. №1 – период “военного коммунизма”, №2 – НЭП, №3 – “Великий перелом” 1928-29 гг. Вслед именно за третьей подбифуркацией в СССР установилось то, что впоследствии было названо сталинизмом. Тогда как №2, НЭП, как известно, отличался заметным “либеральным” оттенком (разумеется, под однопартийным коммунистическим контролем, ибо рамочная бифуркация – третья по номеру, т.е. тоталитарная). В стране, пусть и в ограниченном объеме, возрождаются частная собственность, свободное предпринимательство, “главный теоретик партии” Н.Бухарин выкидывает лозунг “Обогащайтесь!”. В сфере культуры – одно за другим открываются частные и кооперативные издательства, выпускающие “произвольную”, далеко не всегда пролетарски-правильную литературу, в многочисленных клубах проводятся мероприятия, индифферентные постулатам официальной идеологии. Вторые и третьи подбифуркации очень похожи по смыслу и по характеру на бифуркации с теми же номерами.

Пока мы ничего не сказали о бифуркациях с номерами 1. Сославшись на книгу, на гл.2, ограничимся лишь немногим: первые революции – всегда не вполне последовательные по результатам и/или переменчивые, выглядят на фоне последующих “эклектическими”, смесью разнородных идеологических принципов. Во Франции Великая революция, начавшаяся под знаменами политического освобождения, разрешилась империей. Наполеоновский режим – уже, конечно, не былой феодальный французского королевства, но еще и мало походит на воплощение либеральной модели. В Британии после первой революции установилась диктатура Кромвеля, в Германии

последствием революции №1, 1848 г., пусть не мгновенным, становится создание империи Вильгельма, в которой утверждены, однако, определенные политические свободы. В России в ходе революции 1905 г. высочайше дарован “Манифест”, учреждена выборная Государственная Дума, разрешена деятельность партий и общественных объединений, однако позвоночник абсолютизма не переломлен, выборы – сословные, полномочия Думы ограничены, до настоящих свобод еще далеко.

Сходным образом и с первыми подбифуркациями. Скажем, в той же России большевиками проводится политика “военного коммунизма” , но при этом бушует Гражданская война. Какая идеология в целом в стране, в которой дерутся “красные” (большевики, левые эсеры, часть анархистов) с “белыми” (весь спектр от монархистов до правых эсеров), да еще и “зеленые”? – И одна, и другая, и третья, каждой твари по паре. Это ли не эклектика? Когда же Гражданская война завершается, практически сразу вводится НЭП, начинается совсем новый этап.

Если нынешнее мировое сообщество переживает третью в истории политическую бифуркацию, то не проходит ли и оно через подбифуркации, а если да, то какие? Вопрос тем более актуален, что затрагивает любого из нас.

Первым шагом по деконструкции послевоенного (“ялтинского”) биполярного мира послужила горбачевская “перестройка”, сопутствующие энергичные международные инициативы. Двум сверхдержавам, Западу и Востоку, как выяснялось, не обязательно враждовать. Мир в целом един, и идеология в нем должна быть созидательной и единой. Был выдвинут тезис “*общечеловеческого мышления*”. Социализм советского образца, которым пугали детей во всех западных странах, внезапно обрел “человеческое лицо”, отнюдь не лишенное симпатичности. “Горбимания” овладела и США, и Европой. СССР и США вступают на дорогу разоружения, пытаются обсуждать, не направить ли часть освободившихся от гонки вооружений средств на помощь “третьему миру”. Наблюдается скачкообразное снижение военных угроз, снижается до неуловимого минимума политическая и идеологическая конфронтация.

Энтузиазм, очарование охватили едва ли не всех, что, впрочем, характерно и для первых больших бифуркаций (ср. ликование французов на развалинах Бастилии 1789 или воодушевление русских, когда был дарован Манифест 1905). Однако СССР, несмотря на добровольные внешнеполитические потери, по-прежнему всеми считается сверхдержавой. Какому идеологическому, политическому статусу отвечает подобное

состояние мирового сообщества? – По всей видимости, “межеумочному”. Кем были мы, люди земли, припавшие к чистому роднику идей “общечеловеческого мышления” – либералами, традиционалистами-консерваторами, коммунистами? – Нет, на время мы стали всем вместе и никем в отдельности, ибо привычно “человеческое” лицо мировой демократии срослось с внезапно очеловечившимся лицом коммунизма в некоего странного Януса. “Бархатные” и “поющие” революции протекают в недавних бастионах тоталитаризма, и их никто не подавляет.

Такая эклектика (“каша в головах”), разумеется, долго существовать не могла. Принципиально новая веха, на наш взгляд, была поставлена распадом СССР, один их мировых полюсов внезапно исчез. Практически на всем постсоветском пространстве разражается затяжной экономический кризис, падение чуть не до африканского уровня; самобичевание аборигенов, присущее уже предшествующему периоду, достигло по сути истерической стадии: “Мы, русские, – рабы, насильники и убийцы и такими были в веках”. Таким образом, из-под разделения сил в мире был выдернут всякий фундамент, вплоть до морально-идеологического дезавуирования подобного разделения даже в прошлом.

Данный этап – второй по счету, и вопроса, какой же должна быть господствующая идеология в мире теперь уже не стояло: разумеется, *либеральной*, демократической, ибо она единственная доказала эффективность и жизнеспособность. Рамочная бифуркация, повторим, – №3, соответственно, в мире остался один хозяин: США (шире: Запад). Однако подбифуркация – вторая, поэтому идеологический климат преимущественно либеральный (таксономическая параллель – НЭП в СССР).

Совершенно очевидно, что и в описанном состоянии было слишком много непоследовательного. Роль единственной (следовательно, типологически авторитарной) руководящей и направляющей политической силы в мире досталась либеральным по своей идеологии странам. Наряду с упоением от торжества, им было, так сказать, неловко брать на себя роль глобального полицейского, тогда как вообще-то, как говорят, “назвался груздем – полезай в кузов”. Сидеть на двух идеологических стульях всегда неудобно, что, кстати, в свое время прекрасно почувствовал Сталин, свернув НЭП и перейдя к “Великому перелому”.

Американцам с их впитанным с молоком матери либеральным сознанием, с сильными изоляционистскими предрассудками достаточно трудно, признаемся, было полностью

осознать новейшие мировые реалии и согласиться, без особых смущений, с рядом сторон своей новой объективной функции (звание “мирового жандарма”, согласитесь, не всем приятно носить). Поэтому, для того, чтобы мировому сообществу последовать необходимым законам рационального бессознательного (см. обязательные особенности всех бифуркаций №3), с Америкой просто обязано было случиться нечто столь убедительное, что заставило бы ее отбросить всякие колебания и сомнения, оказавшиеся неуместными в наличных условиях . 11 сентября это, кажется, произошло. Отныне не только в Америке, но практически и никто в мире не нуждается в специальных объяснениях и оправданиях, почему мировые порядки должны сдвинуться к установлению полицейского режима. “Момент истины” наступил, на террор кишащих повсюду тайных и злобных врагов надо ответить своим, прогрессивным террором. Мне представляется правдоподобной гипотеза, что в мировом сообществе, уже больше десятилетия переживающем третью бифуркацию, началась третья и подбифуркация . Таксономическая аналогия – СССР после “Великого перелома”.

Да простят меня за невольную иронию, она, конечно, относится не к крови невинных жертв, а исключительно к той размеренной “механичности”, с которой история современных – образованных, массовых – обществ воспроизводит свои логически обязательные циклы. Механизм рационального бессознательного сработал как часы и в настоящем случае. Механизм этот безличный, вне всякой морали. В различных конкретных случаях разнятся специфические мотивы перехода общественных систем из одного политического состояния в другое, но всегда неизменна их логика, их рациональный смысл.

Не лишен любопытства, наверное, и феномен идеологических параллелизмов в различных системах, переживших одинаковое число бифуркаций. Так, в России после Великой Октябрьской революции (№3) “*окончательно*” установился коммунистический режим, принесший с собой осуществление *вековых* чаяний человечества. Романтическая часть революционеров провозгласила было наступление “золотого века”, более обстоятельное большинство предпочитало прибегать к марксистско-гегелевской идеологеме “*конца истории*” (в самом деле, если движущий механизм истории – борьба классов, а в государстве рабочих антагонистические классы исчезли, то о какой дальнейшей истории речь?). В Германии после “национальной революции” 1932-33 гг. (№3) утвердился *тысячелетний* Третий рейх, после которого *“ничего не будет”*, осуществилась мечта средневековых прозорливцев и мистиков. В

Италии Муссолини окончательно возродилась слава Древнего Рима. Еще на заре третьей мировой бифуркации американский политолог Ф.Фукуяма пишет статью “Конец истории?”, мгновенно с энтузиазмом подхваченную по свету. И действительно, если коммунизм почил навсегда и у мирового либерализма не осталось врагов, то история, продвигающаяся вперед посредством противоречий (тот же Гегель), попросту останавливается, наступает вечное торжество либеральных принципов и идей.

На днях, на гребне третьей подбифуркации в мире президент Дж.Буш произносит сакраментальную фразу: у зарубежных государств есть только два пути – “или быть с Америкой, или с террористами”, перифраз библейского “кто не с нами, тот против нас”. У тертого русского при этом спазматически сжимается сердце: ведь последнее служило одним из главнейших лозунгов в СССР 1930-х гг., периода бескомпромиссной борьбы с кишащими повсюду скрытыми диверсантами, заговорщиками и врагами.

Допустима досада при обнаружении типологического сходства наступившей мировой политической ступени со сталинизмом, но это, к сожалению, верно помимо всяческих ламентаций. Чисто рационально, это необходимый этап в развитии большинства общественных систем. В книге об этом речь также шла: мировое сообщество в целом пошло по пути развития не стран “морских”, “талассократических” (США, Британия, Нидерланды, Япония), ограничившихся в своей истории лишь двумя бифуркациями, а вместе с началом третьей бифуркации вступило на дорогу стран “континентальных”, “теллурократических” (Франция, Россия, Германия, Италия, Китай…), вслед за второй переживающих третью политическую бифуркацию, затем четвертую, пятую… “Тоталитарный” этап (№3) в последнем классе систем неизбежен.

Повторяю, поскольку наш анализ – исключительно рационально-типологический, постольку любые аксиологические (моральные, идеологические) критерии тут абсолютно не при чем. Как говорят в таких случаях, истина не ведает ни смеха, ни слез, аналогично и с истинами рационального бессознательного. Поэтому хотя всякий язык, на котором обсуждаются политические проблемы, традиционно идеологизирован, следовательно, преисполнен имплицитных оценок, я бы очень просил постараться понять все вышесказанное без любых “хорошо или плохо”.

В связи с этим, наверно, полезно хладнокровно взглянуть на наличное состояние мирового сообщества. В нем в самом деле резко доминируют по численности континентальные по типу народы, культуры. То либерализирующее историческое

воздействие широкой торговли, активных контактов, которое произвело “смягчающий”, “цивилизующий” эффект на морские страны и превратило их в пионеров модернизации, подавляющее большинство народов обошло стороной. Мир в целом, в чем мало сомнений, преимущественно “континентален”. Он как целое, вдобавок, фатально отстал от заданных передовых рубежей (см. неприемлемо колоссальный контраст в уровнях модернизации в мире), по-прежнему слишком далек от тех внутренних критериев и мотивов, которыми пользуется узкий слой развитых стран. 4/5 мирового сообщества – бедные. Но главная загвоздка даже не в этом, а в том, что в своем нынешнем состоянии последние попросту неспособны и/или “не хотят” развиваться, т.к. в их коллективном сознании в зияющем дефиците те начала, которые и придают динамизм, сообщают импульс прогрессу. Поэтому проблемы в мире накапливаются несопоставимо быстрее, чем решаются. Полагаться на *саморазвитие* каждой страны (пуристически либеральная идея) в таких условиях стало и недальновидно, и опасно.

В облике современного глобализма очень много несимпатичных черт, его единственным преимуществом служит, пожалуй, что альтернативы ему – реалистичной, мало-мальски приемлемой – пока не предложено. Та же Россия в начале XX в. и особенно после Первой мировой, Гражданской войн объективно нуждалась в “большом скачке”, и исторически ждать уже было нельзя (в чем можно согласиться с советскими обществоведами). Модель ускоренной, “догоняющей модернизации” практически всегда ассоциируется с политическим насилием над населением, ибо запрос на повышение темпов, на мобилизацию сил значительно превосходит собственные возможности социума, его “хочу” (цена развития – в частности, жертва многим привычным). “Континентальный” консерватизм, если не сказать косность, в мировом сообществе в целом, как показал предшествующий опыт, слишком силен, чтобы продолжать упорно держаться старого предрассудка о “саморазвитии”. Трудность и в том, что большинство в развивающихся государствах хочет продолжать жить как прежде, согласно старым общественным нормам, а потреблять – по-западному. Неконтролируемый демографический рост (очередное следствие “полуцивилизованного” статуса: медицина уже предотвращает высокую смертность, но еще не включены механизмы регулирования семьи) только усугубляет положение, готовя почву надвигающемуся “глобальному взрыву” (об этом достаточно сказано и без нас). Не ждать, а упреждать – насущнейшая задача, если мировое сообщество не собирается смириться с грядущим самоуничтожением.

Упоминавшийся Сталин в России (третья подбифуркация в рамках третьей бифуркации) прибегнул к крупномасштабной индустриализации, модернизации. По словам Черчилля, “принял Россию с сохой, а оставил с атомной бомбой”. К объективно сходной ступени подошло ныне и мировое сообщество в целом (опять-таки третья подбифуркация под знаком третьей бифуркации).

Кроме того, естественное саморазвитие в России, Германии, других государствах на сходном этапе модернизации привело к совершенно малотерпимым, агрессивным формам тоталитаризма. Теперь к подобной ступени подходит намного более многочисленный следующий эшелон. Так что же, пустить все на самотек и ожидать, пока в процессе “свободного саморазвития” не народятся Гитлеры, Сталины сначала исламского региона, затем африканского? Если на индустриализации как процессе в континентальных культурах лежит подобная “каинова печать” и обойтись без насилия все равно невозможно, то не целесообразнее ли применить превентивные меры, и в более приемлемых, чем “естественные”, формах?

Некоторым утешением при наблюдении наступающего в мире “тоталитаризма в квадрате” (третьи и бифуркация, и подбифуркация) может послужить, что на сей раз роль авторитарного лидера досталась либеральной по внутренней природе силе, т.е. США, – в отличие от коммунистов в СССР, нацистов в Германии, фашистов в Италии, фанатично веривших в собственную абсолютную правоту и в свое ничем не ограниченное право запугивать и убивать. А значит, в чем, по-видимому, затруднительно усомниться, США исторически скоро просто “устанут” от миссии “мирового шерифа” и с облегчением сложат неприятные полномочия. Впрочем, если добровольный отказ задержится дольше, чем подобает, ему поспособствует, скажем, растущий Китай, а разделенная власть уже, само собой, не авторитарна. Вдобавок третья бифуркация в мире – разумеется, не последняя, а далее начинаются более приемлемые по своим свойствам политические ступени (о четвертых, пятых и т.д. бифуркациях и подбифуркациях см. в книге).

Моя лично забота как раз не о конечной судьбе мировой демократии, скорее напротив. Представляется критически важным, чтобы за относительно короткий исторический срок (согласно нынешним заявлениям американских лидеров, 10 лет, и по объективным причинам не более 20) нынешние “полицейские” успели осуществить надлежащую цивилизующую миссию, чтобы в развивающихся странах, пусть и под давлением, успели сложиться внутренние предпосылки конструктивного

саморазвития. Спустя годы, с высоты своего нового состояния большинство народов, конечно, не скажет спасибо недавним “насильникам”, зато самый опасный этап развития (недоразвития) для всех будет уже позади.

Есть еще многое, что сказать на полях событий 11 сентября, той эпохи, которая ими открыта. Так, выглядит едва ли не провиденциальным, что вызов Америке брошен со стороны именно Афганистана (на самом ли деле это правда – лишь отвлеченный академический вопрос, ибо в нашем виртуальном мире виноват тот, кто во всеуслышание объявлен таковым).

Итак, почему же именно Афганистан и почему именно Америка? – Две эти страны, пользуясь той же терминологией, как бы два полюса, между которыми натянуты линии наиболее острых современных коллизий: Север-Юг, культуры морские и континентальные. Находящийся в самом сердце крупнейшего материка Афганистан – само воплощение континентальности. Легальной внешней торговли практически нет, коммуникации – считай что отсутствуют. Автаркия. Другой полюс – квинтэссенция “талассократичности” и открытости. Первый полюс – символ недоразвития, посредством политики отбрасывающий сам себя к уродливой карикатуре на средневековые нормы (настоящее средневековье хотя бы не взрывало статую Будды, да еще под объективами видеокамер). Полюс второй – острие авангарда, живое воплощение будущего. Так обстоит в глазах большинства, и значит, тавтологически, по-виртуальному верно.

Оба полюса по праву гордились своей “неприступностью”. Согласно старым геополитикам, Афганистан – воплощенный heartland, его сердцевина, “естественная крепость”. Опыт великих держав – Британии в XIX в. и СССР в XX – как будто подтверждал означенную неприступность. С другой стороны, отделенные ото всех океанами США, с их более чем внушительной мощью почитались неприступными тоже. Теперь миф рассеян сразу в обоих компонентах (и континентальной, и морской), но главное, кажется, даже не в этом. Наконец, поставлена последняя точка в вопросе о глобализации: отныне все зависимы от всех, все уязвимы, ни одного исключения не осталось. Теперь уже вне обсуждения, “хотеть или не хотеть” развитым странам “навязывать” свои ценности развивающимся: “не навязывать” стало совсем *невозможно*. Если по долгу самого сильного, самого развитого и динамичного Соединенные Штаты недостаточно шли по направлению к развивающимся странам, к квинтэссеции их вопиющих проблем – тому же Афганистану, то сам Афганистан пришел к США. Настало время встречного визита, начала активной фазы модернизаторской миссии. И, заметим, если

тоталитарные режимы в отдельных странах никогда не проигрывали внутренним оппонентам, то превратившееся в тоталитарное мировое сообщество навряд ли станет “белой вороной”.

Пройдет 20-30 лет, и по территории Афганистана застучат поезда, спешащие из Индии в постсоветскую Центральную Азию, протянутся нитки нефте- и газопроводов, горизонт ощетинится частоколом фабричных труб. В городах распахнутся стеклянные двери филиалов транснациональных кампаний, придется обсуждать проблемы автодорожных пробок и переполненности международных аэропортов. Часть кочевников переквалифицируется в коммивояжеров, другая осядет, для третьей окажутся востребованными целевые программы ООН по сохранению традиционной культуры. Дети сядут за парты и за телеэкраны. Соответственно, “успокоятся” прилегающие регионы, ныне нервирующие правительства, например, Индии и Китая. Скажете, утопия? – Если да, то значит, что втуне пропала военная акция, которая сейчас ожидает Афганистан, что политически-авторитарная сила в нынешнем мировом сообществе, помимо горького насилия, не принесла полезных плодов, как пристало. Это означало бы также, что невинные жертвы 11 сентября пропали напрасно…

16 сентября 2001.
А.И. Степанов

Если не средний класс, то что?

Введение

Трудно преувеличить значение для социума принятой в нем классовой модели. Во-первых, такая модель служит формой представления общества о себе самом, т.е. поддерживает его самоидентификацию. Во-вторых, в той системе координат, которая задается совокупностью классов, осуществляется позиционирование ведущих политических сил, принимаются те или иные программы развития, осуществляется выбор социальной, да и далеко не только собственно социальной, политики. В свою очередь, сами классовые модели практически всегда несут на себе отпечаток тех политических сил, которые их предлагают и "продвигают" в соответствии с поставленными стратегическими задачами. В результате социально-классовая и политическая структуры оказываются теснейшим образом взаимосвязанными, на основании чего, в частности, и говорят о социально-политической системе как едином целом.

История классовых моделей уходит в праисторические глубины. Так, легендарному герою и царю Тезею приписывалось не только объединение дотоле разрозненных поселений и городов в мощный полис Афины (синойкизм), но и разделение граждан на три основные группы: евпатридов (родовая землевладельческая знать), геоморов (землевладельцев) и демиургов (ремесленников и торговцев, а также лиц свободных профессий – врачей, поэтов, философов и др.).

Согласно реформе Солона (ок. 640 – 560 до н.э.), архонта Афин, впоследствии включенного в список семи греческих мудрецов, все граждане были разделены на четыре группы согласно имущественному цензу: пентакосиомедимнов, всадников, зевгитов и фетов /1/. Реформа была направлена против привилегированного положения родовой аристократии (препятствовавшего, пользуясь современным языком, социальной мобильности, динамизму), поэтому в основание классовой модели был заложен *имущественный* критерий. При этом политике поощрения развития ремесла и торговли на фоне

традиционного земледелия служили не только прямые меры - такие как приглашение из других городов в Афины ремесленников и торговцев, – но и эволюция имущественного ценза в направлении усиления роли денежной меры: вначале деление на классы осуществлялось по количеству земли, потом по годовому доходу от урожая, а затем и просто по денежному доходу, независимо от источника.

Афинская история буквально насыщена разнообразными проявлениями политической борьбы, при этом партии отстаивали интересы разных групп, различались во взглядах на желательное будущее государства и в соответствии с этим проводили реформы в классовой сфере. К примеру, виднейший государственный деятель Аристид (530 – 467 до н.э.) содействовал вождю афинян Клисфену в изменении законодательства. Будучи принципиальным противником лидера демократов Фемистокла (528 – 462 до н.э.), он критиковал проекты последнего, ставившие целью превращение Афин в морскую державу, – из опасения, что становой землевладельческий класс может быть вытеснен безответственной массой безземельных людей и лишенными корней, равнодушными к благу отечества чужестранцами. Чтобы этого избежать, Аристид предоставляет доступ к государственным должностям так называемому четвертому классу, т.е. простым земледельцам, тем самым отойдя от практиковавшейся дотоле тезеевской (отчасти и солоновской) системы трех полноправных сословий.

Уже по таким разрозненным эпизодам, наверное, понятно, что с давних пор установлению надлежащего классового членения уделялось самое пристальное внимание со стороны правителей и законодателей и в видоизменениях классовой структуры виделся мощный инструмент для проведения той или иной политики.

Со времен освободительных революций, т.е. со вступлением в эпоху масс, стандарты классового деления за редкими исключениями уже не подразумевают юридического закрепления граждан или подданных за определенным социальным местом и тем более их неравенства перед законом (на социологическом языке: произошел переход от закрытых обществ к открытым). Однако это не отменяет как фактической социальной стратификации (ввиду неодинакового положения различных больших общественных групп), формирования общепринятых общественных представлений о действующей классовой модели, так и использования этих моделей, или представлений, в целях проведения определенной политики. Современные классы, так же как партии, имеют нередуцируемое идеологическое измерение и

в этом смысле "виртуальное" (позже данное положение мы обсудим подробнее).

Впрочем в цели настоящей работы не входит составление сколько-нибудь репрезентативного обзора известных классовых схем, поставленная задача значительно уже – выяснение определенных систематических закономерностей, связывающих между собой социальную и политическую структуры главным образом в Новейшее время. Чем обусловлен подобный выбор?

Не только тем, что период новейшей истории – специфически наша эпоха и оттого теоретическая ("академическая") картина включает в себя и вопросы актуальной политики. Новейшее время – это период массовой образованности населения, расцвета той специфической простейшей, но строгой рациональности, включая ее элементарно-математическую разновидность, различные проявления которой послужили главным предметом работы "Число и культура" [1]. Если и в прежние исторические эпохи рациональный компонент коллективного сознания и самосознания обладал немалым значением, то в эпоху нынешнюю, согласно гипотезе, он превратился по сути в ведущий. Современное коллективное сознание и самосознание пронизано тем духом внутренней точности и логической обязательности, которое традиционно принято относить к сфере математических истин. В результате, по отношению к социумам новейшей эпохи становится допустимым применение подобных же методов исследования: с точки зрения простейшей рациональности, с использованием средств элементарной математики.

Наш дискурс, конечно, не исходит из сомнительной предпосылки, будто массовый социум самостоятельно осуществляет развернутый анализ, проводит последовательную "калькуляцию", в том числе на материале собственного классового, политического строения . Однако в условиях, когда репрезентативная часть населения пропущена через горнило школьного образования, любая из классово-идеологических моделей, которая содержит серьезные логические противоречия, по сути обречена. Подобная обреченность находит различные выражения. Можно говорить, например, об исторической обреченности, т.е. о том, что у "неподходящей" модели практически нет шансов выжить, по крайней мере в достаточно длительной перспективе. С неменьшим основанием можно использовать понятие несправедливости, поскольку логическая несправедливость на классовой почве предстает как несправедливость и социальная, что инициирует эффект отторжения. "Неправильные" классово-идеологические модели,

кроме того, обусловливают ту "разруху в головах", которая затем неизбежно влечет за собой дестабилизацию и другие негативные явления также в реальности.

Теперь, кажется, получен минимальный объем предварительной информации, который позволяет приступить к конкретному исследованию. Начать придется с небольшой порции математических выкладок.

1. Теоретическая модель (начало)

Предположим, что все члены некоей стабильной и относительно самоуправляемой социально-политической системы разделены по двум главным признакам: социальному (по принадлежности тому или иному социальному слою, или классу) и политическому (согласно выраженным, например в процессе голосования, симпатиям к той или иной идеологической, политической группе: партии или блоку). Для последующего анализа важно, что здесь рассматриваются исключительно крупные, идеологически значимые классы (к примеру, богатый, средний, бедный классы современной западной идеологемы) и крупные политические группы, носящие общенациональный, а не, скажем, региональный, характер, т.е. репрезентативно представляющие картину основных политических пристрастий населения в целом (на данном хронологическом отрезке). Позднее будут даны более точные разъяснения, пока же достаточно ограничиться примером американских республиканцев, демократов, а также третьей, значительной по численности группой "остальных", в которую включается как аполитичное население, так и сторонники мелких партий. В дальнейшем в качестве синонимов "остальных" будут употребляться также наименования "неприсоединившиеся", "независимые" или "индифферентные".

Введем следующие обозначения. Пусть r – количество основных социальных классов (упомянутая совокупность богатого, среднего, бедного классов описывается, соответственно, значением $r = 3$); m – число основных активных политических групп (в системе "республиканцы-демократы" $m = 2$); n – общее число ведущих политических групп, включая "неприсоединившихся". Очевидно, что $n = m + 1$ (в приведенном примере $n = 3$).

Деление системы по двум признакам означает, что она представляется в виде совокупности социально-политических групп (ячеек) в количестве nr: например, "богатые республиканцы" (т.е. представители богатого класса, голосующие за

республиканскую партию), "бедные демократы", "независимые представители среднего класса" и т.д., здесь всего 9.

Корректно заметить, в настоящей работе мы намерены изучать не самый общий случай социально-политических систем, а только тот, который складывается в наиновейший исторический период и характерен для обществ, прошедших через процесс революционного и эволюционного социального освобождения. Таким образом, имеется в виду наличие специфического политического, идеологического климата, который оказывает непосредственное влияние и на классовую идеологию. В результате, коль речь идет о *целостной* социально-политической системе и *идеологическом* делении на партии и классы, то в рамках общественных представлений каждая социально-политическая группа (ячейка) должна быть связана с каждой. Это очень сильное логическое условие, но, как мы сейчас увидим, оно справедливо для всех относительно развитых стран. Необходимо, разумеется, пояснить.

В политическом плане названному условию отвечает идеологическое (обычно закрепленное и в конституции) право каждого гражданина не только свободно выбирать свою политическую ориентацию, но точно так же произвольно ее менять ("в прошлый раз я голосовал за демократов, а сейчас предпочитаю республиканцев или вообще все надоели, не пойду голосовать"). В классовом аспекте с ним корреспондирует, во-первых, качественно возросшая в новейший период реальная – горизонтальная и вертикальная (последняя: восходящая и нисходящая) – социальная мобильность (т.е. интенсификация социальных перемещений как в рамках одного социального уровня, так и переходов из более низких социальных слоев в более высокие и обратно); по П.Сорокину [2]. Во-вторых, что в данном случае еще важнее, в идеологическую систему заложена неограниченная мобильность ментальная: убежденность населения в свободе выбора и смены рода занятий, принципиальной открытости любых социальных перспектив, что подогревается и циркулирующими мифами (к примеру, о чистильщике сапог, превратившемся в миллионера, или кухарке, которой доверили управлять государством). Такие предпосылки служат отражением стандартной парадигмы демократии и "общества равных возможностей", и в результате освободительных революций все массовые социумы так или иначе ее воплощают, по крайней мере декларируют, так что "в теории", идеологически она представляется справедливой.

Следует сказать даже большее. Допустим, что у некоего представителя бедного класса, наделенного, как и все,

упомянутыми объявленными свободами, есть, значит, возможность разбогатеть, т.е. попасть в класс богатый. Однако это может происходить по-разному. Если у него есть возможность скапливать состояние только постепенно, упорным трудом, то, прежде чем попасть в богатый класс, в промежутке неизбежно придется пройти через средний. Таким образом, в пределах подобного варианта бедный класс связан с богатым не напрямую, а лишь через посредника – класс средний. Однако не таков сложившийся климат в социумах современного типа, ибо тут общественная психология обзавелась интересным качеством, которое трудно назвать иначе, чем имманентным "авантюризмом".

Ментальная открытость действительно *всех* перспектив включает, в частности, и вариант внезапного обогащения. Масс-медиа с наслаждением муссируют истории "чудесных превращений", будь то о колоссальном выигрыше в лотерее, на телеконкурсе, фондовой бирже, о браке с принцессой или миллионером, о безвестном пареньке из простой рабочей семьи, наутро проснувшемся богатым и знаменитым (музыкальный хит, спортивный рекорд…) или даже успешном ограблении банка. Не следует полагать, что подобный "волшебный" мотив присущ только западным обществам. Ничуть с неменьшей силой (разумеется, с поправками на конкретную идеологию) он звучал и в советском, и сюжетами про героев, стахановцев, про нежданное попадание ивановской ткачихи в Верховный Совет или ЦК была переполнена коммунистическая пропаганда, а в современной России вчерашние комсомольцы из "хрущоб" внезапно обернулись долларовыми миллиардерами. "Мы рождены, чтоб сказку сделать былью" – это про все социумы, в которых прошли великие эмансипационные революции.

Помимо того, бульварная пресса непрестанно держит население в курсе "жизни высшего света", что способствует дополнительному психологическому контакту всех даже с самыми элитарными социальными стратами. И хотя на практике вероятность сказочных превращений, конечно, исчезающе мала, однако любая классовая идеология, которая их заведомо исключает, была бы воспринята как вызывающе несправедливая. Идеология не должна рубить крылья воображения, крылья мечты, воспринимающихся в качестве чистой монеты. "Открыты все горизонты, и сумеешь ли ты пройти, зависит исключительно от тебя". Это весьма резко контрастирует с социальным сознанием в былых патриархальных, сословных социумах – "коль родился ты крестьянином, то крестьянином и помрешь" – и даже в исторически переходных, которым отвечала довольно жесткая

реальная и психологическая классовая закрепленность и вытекающее ощущение безысходности в социальных низах.

Пока в демонстрации того, что каждая социально-политическая группа связана с каждой, был рассмотрен идеологический вариант главным образом восходящей социальной мобильности, поскольку альтернатива нисходящего движения очевидна: вчерашний миллионер назавтра может очнуться вчистую разорившимся, опутанным долгами нищим, а не то и осесть на тюремных нарах. Однако теоретическая вероятность и подобной альтернативы способствует всесторонним контактам каждой социально-политической группы с каждой в общих рамках общественного сознания. Для всех, повторяю, открыты все пути: "по горизонтали", наверх или вниз, – и в головах населения расцветает подобная вера.

Но что означает описанная ситуация в логическом, математическом выражении? Такой вопрос становится релевантным, поскольку общества, стяжавшие перечисленные свойства, являются одновременно и *образованными*, т.е. по отношению к ним справедливо все сказанное о механизме коллективного рационального бессознательного [1]. Поэтому "мифологичность" современного общественного сознания отнюдь не противоречит его строгой логичности, по крайней мере, если под последнею понимать глубоко укоренную привычку считаться с силой элементарных логических законов, ходить по накатанным рельсам школьных стереотипов.

Даже мало того, последовательному сращиванию современных социально-политических представлений с математическими способствует и сам статус исследуемых здесь реалий. Ведь речь идет об идеологических, т.е. воображаемых, *идеальных*, общественных представлениях, что по сути полностью соответствует идеальности объектов математических. При этом те и другие подведомственны элементарной логичности. Теперь настала пора для формальных выкладок.

В результате деления социально-политической системы по двум означенным признакам (социальному и политическому) она оказывается, как сказано, разделенной на совокупность социально-политических групп (ячеек), которые можно пронумеровать, и каждый член этой системы (в данный момент) обязательно попадает в одну и только одну из ячеек. Введем дополнительные обозначения.

Пусть x_i^k – доля членов i-той политической группы в k-том социальном слое (например, доля республиканцев среди бедного класса). Эту величину можно вычислить по следующей

зависимости:

$$x_i^k = N_i^k / Sum\ N_i^k$$

(1)

(Суммирование в знаменателе осуществляется по i от 1 до n),

где N_i^k - число членов i-той политической группы в k-том социальном слое (например, количество бедных республиканцев).

Очевидно, что сумма названных долей по всем основным политическим группам равна единице (например, доли республиканцев, демократов и "независимых" среди бедного класса в сумме составляют единицу):

$$Sum\ x_i^k = 1,$$

(2)

(Суммирование – по i от 1 до n).

Соотношение (2) накладывает одно связывающее условие, и тогда число независимых долей в каждом социальном слое составляет $(n - 1)$. На r социальных слоев приходится, соответственно, $(n - 1)r$ свободных параметров.

Не все из названных параметров являются действительно свободными. Потребуем теперь от системы способности обрести политическую стабильность. Это означает, что на границах всех социально-политических групп должен (хотя бы потенциально) существовать определенный общественно-психологический баланс, что бы конкретно под ним ни понимать. Тогда на социально-политическую систему оказываются дополнительно наложенными $n(r - 1)$ условий (минус единица появляется за счет того, что если рассматривается, например, баланс между *двумя* социальными группами, то условие баланса – *одно*, т.е. на единицу меньше).

В результате число свободных параметров (его также называют числом степеней свободы) в системе составит

$$N = (n - 1)r - n(r - 1) = n - r\ .$$

(3)

В настоящем случае, как было сказано, мы рассматриваем стабильную и относительно самоуправляемую социально-политические систему, оставляя пока, таким образом, за бортом тот случай, когда этой системой манипулируют откуда-то

снаружи, например из неподконтрольных никому государственных кабинетов (определяя, скажем, кому быть богатым, а кому пора победнеть, а также "вручную" формируя основные политические партии – их списочный состав и даже количество). Хотя, как мы позже увидим, если в социально-политическую идеологию заложена системная "ошибка", то другого конструктивного варианта, помимо манипулятивного, по сути не остается. Однако в настоящий момент наше внимание сосредоточено на нормальном случае, когда не общество для государства, а государство для общества, т.е. государственное управление подчинено социально-политической системе, а не наоборот. Тогда условие стабильности и самоуправляемости означает, что $N = 0$, и значит

$$n = r \quad (4)$$

Количество определенных в общественной идеологии классов и количество основных партийно-политических групп должны совпадать.

Условие (4) является идеологическим и в этом смысле культурологическим по содержанию ввиду того, что мы рассматривали исключительно идеологические социальные классы, т.е. те, которые отвечают наличным массовым представлениям (а не те, которые фигурируют в социологических работах, малопонятные всем, кто не принадлежит профессиональному сообществу, и вдобавок варьирующиеся от автора к автору). Основные политические группы также характеризуют состояние убеждений, склонностей репрезентативного большинства населения, составляя вместе, так сказать, карту ведущих идеологических, политических предпочтений социума на данном хронологическом отрезке. Использованные в процессе математического вывода предпосылки также обладают массовой идеологической природой, и оставалось только их аккуратно учесть.

При этом мы не вдавались ни в конкретный состав названных социальных классов, ни в характер конкретных позиций, занимаемых ведущими партиями. Тем не менее даже в подобном отвлеченном контексте удалось получить определенную математическую зависимость.

На этом временно оставим разработку математической модели, поскольку уже на достигнутом концептуальном уровне удастся прийти к определенным практическим выводам, а в этом разделе добавим несколько небольших замечаний.

Нетрудно заметить, что условие (4) внешне напоминает условие M = k (число элементов равно числу отношений), выведенному в книге "Число и культура" для простых холистических систем, часто встречающихся в культуре разных народов [1, с.72]. Можно было бы даже попробовать провести более глубокую аналогию, использовав, например, известное утверждение о классовой природе политических партий ("они выражают отношения между классами"), но последний тезис трудно верифицируем и, кроме того, другие предпосылки, лежащие в основании равенства M = k, здесь удовлетворяются лишь гадательно (прибегая к терминологии упомянутой книги, в общем случае социально-политическая система – не симплекс). Поэтому мы воспользовались совершенно иным способом вывода.

При этом, на наш взгляд, по-прежнему правдоподобно, что формула (4) относится к области коллективного рационального бессознательного. При этом, впрочем, может возникнуть сомнение: само условие (4) отличается приемлемой для этой области простотой, однако его математический вывод выглядит несколько сложнее, поэтому действительно ли подобные логические цепочки способны поддерживаться механизмами рационального бессознательного? Такое сомнение, однако, обязано недоразумению, т.к. относительная сложность приведенного вывода обусловлена только тем, что его целью было получение отвлеченной, общей зависимости (для любых n и r), тогда как в реальности коллективное сознание, во-первых, гораздо конкретнее, охватывая главным образом собственный социум, во-вторых же, на практике и классово-идеологическая, и основная партийно-политическая структура отличаются предельной элементарностью (мы вскоре увидим, что величины n и r обычно очень невелики). А справляться с конкретными и элементарными случаями коллективному сознанию вполне по силам.

И последнее замечание. С формальной точки зрения, приведенный вывод практически повторяет вывод термодинамического правила Гиббса для равновесной среды, неоднородной в двух отношениях: фазовом и химическом (см., напр., [3, с.119-120]), – из-за чего в предшествующих публикациях мы называли выглядящую аналогично зависимость для общественных систем, неоднородных в классовом и политическом отношении, "правилом Гиббса". Однако теперь, чтобы не дезориентировать читателя, мы предпочитаем отказаться от подобного именования, поскольку математические совпадения не означают тождества реального содержания полученных формул и

аргументации в процессе их вывода. Гиббс занимался анализом физико-химических систем, мы – систем социально-политических, идеологических, а математика, ввиду ее абстрактной природы, предоставляет средства равным образом для того и другого.

2. Предварительная верификация модели на реальных системах

Начиная со второй половины XX в. в американском обществе, как сказано, принято массовое деление на богатый, средний и бедный классы. Именно в этот же период в США удалось добиться соблюдения тех высоких демократических и социальных стандартов, к которым впоследствии подтягивался ряд европейских стран и которые теперь приводятся в качестве эталонных и для России. Проведем анализ.

Во-первых, идеологема трех классов, построенная на элементарном признаке уровня доходов, отличается простотой и имплицитной логичностью. Об этом нам уже доводилось писать: если некая система представлений конституирована посредством бинарных логических отношений (а в данном случае это так: в процессе сравнения "выше/ниже" всякий раз фигурируют пары, например, по уровню дохода богатые выше, чем бедные) и если она претендует на то, чтобы быть простым холистическим представлением, то она должна состоять из трех элементов [1, разд.1.3], и классов в данном случае именно три: $r = 3$. Подобное деление на три класса вполне отвечает модели общества потребления, консюмеристской идеологии.

Во-вторых, для политической системы США характерна достаточно строгая двухпартийность, и совокупность "демократы-республиканцы" ($m = 2$) покрывает собой практически все активное политическое поле. С учетом многочисленной политически "индифферентой" группы $n = 3$. Условие $n = r$, таким образом, выполняется, что, с одной стороны, становится свидетельством последовательной логичности американской системы и в данном аспекте (см. выше о важности этого в любом образованном обществе), а с другой – сопровождается значительной социально-политической устойчивостью и успешным существованием и развитием демократии.

Послевоенная Европа, идущая в кильватере США, постаралась перенять паттерн $n = 3$, $r = 3$. Несмотря на то, что здесь (особенно в континентальных странах) столь явная

двухпартийность – скорее исключение, чем правило, реальные партийные системы под нее по сути подверстываются, и массы воспринимают политическую картину прежде всего как борьбу правых и левых (правого и левого блоков), т.е. косвенно опять же $m = 2$, $n = 3$. С намного большим трудом Европе далось и внедрение идеологемы трех классов, поскольку значительная часть населения предпочитала держаться более привычных марксистских представлений.

Даже мало того, в некоторых странах, особенно в Италии, как мы позже убедимся, внедрение модели трех классов привело к совершенно непредусмотренным и остро негативным побочным эффектам (см. об этом также [4]). Однако в целом проект внедрения в общественное сознание трехчастной социальной идеологемы в Европе сработал все же успешно. Вскоре мы вернемся к массовому представлению о богатом, среднем и бедном классах, сейчас же совершим экскурс в СССР.

Наша страна, как известно, отличалась тоталитарным, т.е. однопартийным, политическим режимом, что описывается значением $m = 1$. Декларировавшемуся же "нерушимому блоку коммунистов и беспартийных" отвечала величина $n = 2$. При этом в "классический", сталинский период рабоче-крестьянское государство идеологически представлялось в виде союза двух классов: пролетариата и крестьянства, $r = 2$. А интеллигенция в то время считалась не более чем социальной прослойкой, лишенной самостоятельной классовой определенности. Таким образом, и в данном случае выполнялось ключевое условие равенства количеств основных политических и классовых групп ($n = r$).

Таким образом, результаты настоящей модели согласуются с той точкой зрения, что СССР едва ли удалось бы просуществовать в течение столь длительного периода, если бы в советской идеологической системе не были реализованы многие важнейшие особенности социумов современного типа (другие примеры см., напр., в [1, разд. 1.4.2, 3.2]).

У читателей может возникнуть недоумение: а как же тут обстояло с демократией, которая по сути отсутствовала? – В таком случае придется задать встречный вопрос: отсутствовала *где*? Если в реальности ее существование вызывает обоснованные возражения, то в сфере идеологии, напротив, была провозглашена "демократия высшего типа", а предметом настоящей работы является структура именно идеологических систем. Разве существовали идеологические запреты, к примеру, на перемещение из деревни в город и обратно, на получение образования, на вступление в партию или даже выход из нее?

Всеобщие и тайные выборы государственных органов (в частности, Верховных Советов СССР, союзных республик) также объявлялись свободными, и за гражданином было закреплено прописанное право голосовать "за", "против" или вовсе не приходить на выборы. Под всеми предпосылками, использованными в процессе вывода условия (4), в СССР лежала прочная идеологическая платформа.

Даже требование относительной самоуправляемости партийно-политической системы (а не, скажем, манипуляция ею из государственных кабинетов) выполнялась по сути автоматически: генеральный (первый) секретарь партии, Политбюро, ЦК были властными распорядителями дел в стране. По отношению же к государству постоянно подчеркивался его служебный характер, и рефреном звучал марксистский тезис об исторической неизбежности отмирания государства вообще. Широкие программы обучения (начиная со стремительной ликвидации безграмотности), в свою очередь, способствовали движению общества к состоянию *образованного*, что не могло не вести к изменениям в характере сознания масс.

В послевоенный период в советской классово-идеологической доктрине происходят знаменательные изменения – по достижении определенного порога общественной образованности и в особенности после осознания властями значения НТР (взрывы американских атомных бомб послужили убедительным аргументом). В таких условиях становилось нецелесообразным продолжать именовать интеллигенцию лишь прослойкой, был запущен в обиход идеологический штамп "советская интеллигенция", а на плакатах тех лет замаячили фигуры мужественного рабочего в спецовке, миловидной колхозницы в косынке, а также интеллигента с сосредоточенно-ясным лицом, в костюме с галстуком и в очках. И в кадровых анкетах в графе "социальное происхождение" предлагались три варианта: рабочий, крестьянин и служащий. Такой системе уже, по-видимому, отвечала идеологическая классовая трехчастность ($r = 3$), а не двухчастность ($r = 2$). В то же время политическая система, как и прежде, оставалась однопартийной ($m = 1$, $n = 2$). Удавалось ли в таком случае обеспечить соответствие классово-идеологической системы, с одной стороны, и партийно-политической, с другой?

Профессионалы из идеологических отделов нашли неординарное решение. У советской интеллигенции, как и у советских служащих вообще, как утверждалось на политинформациях и с трибун, *нет собственных целей*, отличных от таковых двух главных классов. Подобная социальная

альтруистичность, как ни странно, находила сочувственный отклик и у самой интеллигенции, поскольку та почитала себя преемницей демократической интеллигенции XIX в., полагавшей "служение (простому) народу" своей высшей задачей, ради которой можно пожертвовать любым своим благом. Т.е. в данном аспекте спущенная сверху идеологическая директива в значительной степени совпадала с собственной установкой интеллигенции. Однако, несмотря на подобное "хитрое" решение коренной структурной задачи (как идеологически простимулировать интеллигенцию, чтобы поддержать прогресс, и при этом сохранить однопартийность), советское идеологическое здание начало необратимо подтачиваться изнутри, и ведущим средоточием и источником проблем становилась в первую очередь интеллигенция, ее специфические интересы, неудовлетворенные классовые амбиции. К чему это привело, хорошо известно, теперь перейдем к современной России.

3. Современная Россия, часть первая

Вместе с активной фазой реформ, т.е. с начала 1990-х гг., в России через масс-медиа и устами высоких чиновников внедряется идеологема богатого, среднего и бедного классов. Резоны радикальной переориентации классовой идеологии очевидны. Во-первых, ставилась задача как можно скорее порвать с коммунистическим наследием. Во-вторых, в стране произошли реальные перемены: на фоне коммерциализации общественного сознания и общественной жизни образовалась группа богатых со своими особыми интересами, образом жизни, сознанием, а также по факту широкие круги населения оказались вытесненными на грань нищеты. Таким образом, идеологическое утверждение наличия богатых и бедных означало не более, чем признание статус кво. Однако если в стране теперь строится капитализм, т.е. денежный критерий помещен во главу угла, и если у всех перед глазами образцы богатства и бедности, то для достижения классовой идеологемой логической целостности, убедительности необходимо наличие третьего элемента, среднего класса. Подобные тройки издавна формируются в самых различных областях культуры (в математике, например, отношения "больше", "меньше", а также "равно"). Об этом см. в начале разд.1 и подробнее в книге [1, разд.1.3].

Третьим мотивом принятия данной классовой идеологемы послужило обыкновенное подражание: если в Америке и Европе она так или иначе работает, то и России не нужно изобретать велосипед. Возможно, следует указать и на то, что всерьез об этом вопросе у нас просто никто не думал, ибо в пылу экономических преобразований и "пожарного" реагирования на спорадические политические кризисы последовательная идеологическая работа воспринималась как нечто малосущественное, как пережиток достопамятной коммунистической эры. Отсутствие продуманности коррелирует в данном случае с природой идеологем или мифологем вообще: они принадлежат области коллективного хотя и рационального, но *бессознательного*. Поэтому работают они как бы исподволь, автоматически,

воспринимаясь как нечто само собой разумеющееся. А конструктивно работать с элементами общественно-бессознательной сферы в самом деле умеют немногие. Существовали и другие мотивы, но они будут затронуты в ходе дальнейшего изложения.

К настоящему моменту у пропаганды идеологемы трех классов в России накопился стаж в полтора десятилетия, поэтому есть возможность подвести предварительные итоги.

В развитых странах к среднему классу относится до 70% граждан, и общепринято мнение, что он служит залогом национальной стабильности. Но в России, по последним исследованиям, средний класс составляет всего 20-25%. "Это при условии, что в средний класс входят граждане, чей ежемесячный доход превышает 7 тысяч рублей на члена семьи. Согласно же другой точке зрения, к среднему классу может причислять себя тот, у кого уже есть квартира, дача, машина и при этом доход на члена семьи от 10 тысяч рублей в месяц" [5]. Разные эксперты пользуются разнящимися количественными критериями при проведении границ между классами, поэтому цифры "гуляют" в значительном диапазоне, однако даже в самых комплиментарных правительству оценках "толщина" российского среднего класса обычно далека от золотого стандарта.

Непростая ситуация, с другой стороны, и с классом бедным. А.Тихонов в газете "Известия" цитирует из доклада Отдела по борьбе с бедностью и управлению экономикой Всемирного банка: "Россия – уникальная страна, потому что подавляющее количество бедных в ней – это нормальные люди, которые имеют образование, семью, детей и (что самое поразительное) место работы" [6]. Хотя непосредственно к бедным по состоянию на 2004 г. относят 20% населения (в 1999 г. было 40%), но огромное количество людей просто балансирует на грани бедности. "По расчетам Всемирного банка, при падении доходов граждан в национальном масштабе на 10% количество бедных увеличится сразу на 50%. Российская бедность чрезвычайно чувствительна к любым шокам" [там же]. Отмечается также угроза пауперизации: "Если ситуация не изменится, необеспеченные люди могут превратиться в профессиональных бедняков – люмпенов", лишенных каких бы то ни было социальных перспектив и окончательно утративших даже малейшее желание заняться чем-то полезным.

В докладе "Богатые и бедные в современной России" Института комплексных социальных исследований (ИКСИ РАН), в свою очередь, отмечается, что бедными зачастую считают себя и те, кто не относится к таковым по официальной статистике. При

этом "две трети бедных постоянно испытывают ощущение несправедливости от всего происходящего вокруг, более половины полагают что так жить нельзя" [6а]. А согласно данным "Левада-центра", "личная материальная недостаточность служит основной причиной того, что 67% россиян не чувствуют уверенности в завтрашнем дне, а 56% считают, что дела в стране 'идут по неверному пути'" [там же].

Если же дополнительно вспомнить о том, что доходы значительной части российских бедных находятся за порогом прожиточного минимума, а также об отношении доходов 10% самых богатых и 10% самых бедных (около 15, и это отношение, несмотря на усилия правительства, продолжает расти), трудно не заключить, что наша страна, если исходить из лекала трех классов, выглядит явно "ненормальной". Такие оценки (и намного более резкие) – общее место в России, но при этом страна все же сохраняет относительную социальную и политическую стабильность. Тогда напрашивается вопрос о причинах.

Расхожие ссылки на национальную терпеливость (сюда же бисмарковское "русские долго запрягают") не в состоянии послужить, на наш взгляд, удовлетворительным объяснением. Если страну считают настолько специфичной, то почему полагают, что для нее аутентичны те же, что и на Западе, формы социального сознания (богатый, средний и бедный классы)? Эти формы создавались Западом (прежде всего Америкой) под себя, на вполне определенном этапе исторического и экономического развития. Там всегда почитали собственные страны в целом "нормальными", и нормы формулировали исходя из собственных условий. Возможно, в России просто складывается другое лекало, по крайней мере на настоящем этапе развития? Попробуем более детально рассмотреть данный вопрос, попутно глубже заглянув в основания, на которых зиждутся различные классовые идеологемы.

Итак, на данном этапе экономического развития российский средний класс недостаточно многочислен, чтобы служить гарантом стабильности. Мало того, преимущественно сырьевая ориентация отечественной экономики обусловливает уязвимость к неблагоприятным переменам мировой конъюнктуры цен на эти продукты, и в случае рецессии средний класс еще более "похудеет". Тогда крайне немногочисленный класс богатых окажется по сути лицом к лицу (уже без "прокладки") с обнищавшими массами. Хорошо известны сценарии, по которым в таких случаях обычно разворачиваются события – всем памятны примеры как из отечественной истории, так и, скажем, латиноамериканской: хаос и/или диктатура. Неужели

целесообразно ставить отечественную демократию и социально-политическую стабильность в подобную зависимость от внешних, неконтролируемых изнутри факторов?

Нелишне также заметить, что идеологема богатого, среднего и бедного классов, как и все идеологемы, содержит очевидную аксиологическую оценку: "чем богаче, тем лучше" (чем выше доход, тем более высокая социальная ступень). Таким образом, вопрос *социального престижа* здесь жестко завязан на материальное благосостояние. При этом обедневшие в наличных российских условиях многомиллионные группы вполне дееспособных и квалифицированных людей (преподаватели, врачи, ученые, ряд чиновников, бывшие квалифицированные рабочие и др.) подвергаются в рамках данной идеологемы по сути *двойной* дискриминации: не только материальной, но и *социально-моральной*. Сопутствующая фрустрация не служит, конечно, социальной стабильности, утверждению классового мира. Собственно экономическая составляющая этого явления выходит за рамки настоящего исследования, посвященного механизмам общественной идеологии. Но с такой точки зрения целесообразность сливания вопросов дохода и социально-идеологического престижа "в один флакон" выглядит тем более сомнительной.

Естественно, что правительство ставит задачу повышения среднего уровня доходов населения, включая и наиболее проблемные слои. Однако ощутимые сдвиги в выполнении этой задачи, согласно прогнозам, – дело не совсем близкого будущего, а с учетом неисключенной рецессии, возможно, и совсем не близкого. Тогда ради чего продолжать *идеологическое* унижение значительных кругов населения, исключительно из-за присяги на верность стереотипу богатого, среднего и бедного классов? Традиция принесения общественных жертв ради высокой идеи, казалось бы, уже достояние прошлого. Вдобавок идет ли речь в данном случае о действительно *высокой* идее, которая стоит жертв? Является ли идеологема трех классов "Святой Троицей", которой надлежит поклоняться и которая действительно неотрывна от нового исторического пути, включающего и признание частной собственности? При этом наблюдаемое сегодня морально-идеологическое унижение, как сказано, не способствует ни классовой солидарности, ни политической стабильности, а это, в свою очередь, оказывает негативное влияние на характер и темпы экономического развития. Порочный круг.

При этом слабым звеном, как мы надеемся показать, тут представляется как раз идеологема трех классов. Ее изменение не

требует существенных ни материальных, ни временных затрат, тогда как в результате следует ожидать положительных сдвигов в социально-политической обстановке. Но чтобы найти конструктивное направление подобного изменения, необходимо продолжить исследование на конкретном материале России.

Прежде всего, какова основная политическая структура современного российского социума? Как отмечалось в наших предыдущих работах, для России характерна *четырехкомпонентность* партийно-идеологической системы, что отвечает значению $m = 4$.

На парламентских выборах 1995 г. в Думу прошли КПРФ, "Наш дом – Россия", ЛДПР и "Яблоко"; на выборах 2003 г. – "Единая Россия", КПРФ, "Родина", ЛДПР. Ввиду последствий кризиса 1998 г. и широкомасштабного применения грязных политических технологий на электоральной сцене возник определенный хаос, и на думских выборах 1999 г. преодолеть 5%-ный барьер удалось не четырем, а шести партиям и избирательным объединениям: КПРФ, "Единству", "Отечеству – Всей России", Союзу правых сил, ЛДПР и "Яблоку". Однако несмотря на это, конституирующая логическая четырехчастность, как показал анализ [1, с.714], оказалась ненарушенной, и избирательная борьба протекала согласно сценарию "три против одного". Во-первых, тут следует говорить о тройке позиционировавшихся в качестве оппозиции левых сил (КПРФ, ОВР, "Яблоко"), выступавших против консолидированного прокремлевского альянса (при этом активно разрабатывалась тема борьбы за социальную справедливость, попранной "антинародным режимом", кремлевской "Семьей"). Во-вторых, тройка сил правых ("Единство", СПС, ЛДПР) выражала поддержку Кремлю и видела в политических противниках объединение прокоммунистических сил, неспособных к конструктивной работе и даже зовущих страну в кровавое прошлое. Каждая из сторон, таким образом, воспользовалась в своей предвыборной риторике, сознательно или нет, по-прежнему кватерниорной конструкцией. А исторические предпосылки политической, идеологической четырехчастности сложились в России значительно раньше, еще в начале XX в. [7].

Осознание значения политически четырехсоставного модуля, о котором мы писали начиная с конца 1980-х гг., постепенно проникает в головы и самих политиков. Так, один из руководителей "Яблока" С.Иваненко на заседании клуба "Открытый форум" в канун последних думских выборов утверждал, что не так важно, как будут называться партии, преодолевшие 5%-ный барьер, в любом случае в парламенте

будут представлены четыре политические силы [8].

Величине параметра $m = 4$ соответствует значение $n = 5$ – с учетом "неприсоединившейся" группы ($n = m + 1$). При этом, согласно нашей модели, в стабильной социально-политической системе необходимо соблюдение равенства количеств главных партий (вернее, партийно-идеологических позиций), с одной стороны, и основных социальных классов, с другой, т.е. должно выполняться условие (4). Тогда и количество социально-идеологических классов в стране в "нормальном" случае должно составлять, в свою очередь, $r = 5$.

О каких пяти классах тут следует говорить? Напомним, по-прежнему речь идет о классовых *идеологемах*, т.е. широких общественных представлениях о строении социума. Массовые же представления отличаются заметной инерционностью, а их радикальное изменение сопровождается социальными и политическими потрясениями (достаточно вспомнить о революциях 1917 г. или недавнем переходе от системы советских классов к тройке "капиталистических"). Поэтому, чтобы не наступать вновь на грабли, в процессе социально-идеологического конструирования целесообразно бережно относиться к уже наличному идеологическому достоянию, ибо общественные стереотипы суть столь же драгоценный ресурс, как и материальные ресурсы.

Кроме того, Россию относят к числу образованных стран, а значит, возможные кандидаты на новый классовый стереотип должны обладать той имплицитной логичностью внутреннего строения, которая отвечает большинству современных стереотипов вообще. Наконец, не вполне желательно, чтобы новая классовая идеологема была действительно новой по своей структуре, поскольку процесс распространения общественных штампов обычно осуществляется не столько через понимание массами логических аргументов и выкладок, сколько через обыкновенное *подражание*. Если нечто является давно привычным, в таком случае только полезно: процесс мышления по аналогии запускает механизм самовоспроизводства и трансляции штампа. Вооружившись подобными правилами, попробуем поискать наиболее приемлемых кандидатов.

Прежде всего, мы не намерены отрицать, что идеологема богатого, среднего и бедного классов сама по себе обладает неподдельными достоинствами: как простотой, так и имплицитной логичностью (см. выше: и заложенный в нее элементарный критерий уровня доходов, и производная троичность строения). Кроме того, эта идеологема отвечает, как сказано, модели общества потребления, консюмеристской

идеологии, и, по-видимому, показалось бы эксцентричным, если бы вдруг в настоящей работе была выдвинута задача вступить в решительную идеологическую борьбу с "психологией потребительства и стяжательства": в сфере классовых стереотипов эксцентричность малоуместна. К достоинствам "американской" идеологемы, несомненно, относится и ее исторический стаж – как на Западе, так и, что особенно важно, уже и в России. Полтора десятка лет пропаганды – то достояние, с которым стоит считаться. Таким образом, данную идеологему было бы целесообразно использовать в качестве отправной, а затем, если удастся, внести в нее подобающие изменения.

На фоне упомянутых "плюсов" у схемы богатого, среднего и бедного классов присутствуют и кардинальные недостатки, о которых частично уже сказано: она, по-первых, не очень удачно ложится на современную диспозицию классов в России и, во-вторых, отличается тройственностью строения ($r = 3$), а, как только что установлено, сложившаяся политическая структура требует пятеричности ($r = 5$). Это серьезные недостатки, ставящие под вопрос саму возможность ее адаптации на отечественной почве. Однако ситуация отнюдь не выглядит тупиком; попробуем поискать прецеденты в культуре, когда тройственные структуры превращаются в пятеричные. Поиск прецедентов тем более плодотворен, поскольку на искомую идеологему выше было наложено требование ее подобия вполне привычным структурам.

То, что сразу бросается в глаза, – это пример из языка, вернее, всем известной грамматики. Личные местоимения делятся на три грамматические лица, однако при этом третье лицо (в единственном числе) дополнительно подразделяется по признаку грамматического рода. В итоге пять местоимений "я, ты, он, она, оно" взрастают на троичной логической почве, но при этом как бы "дважды троичной" (подробнее об этом см. [1, с.75-82]). Для того чтобы из тройки получить пятерку, один из элементов необходимо представить в виде совокупности также трех. Для наших целей это удача, поскольку подобный опыт входит в культурное достояние образованных масс, и хотя не все отдают себе ясный отчет в присутствии подобной структуры, но на подсознательном, интуитивном уровне для всех тут всё совершенно прозрачно.

Аналогичное строение встречается в ряде сказок. Царь с царицей (вар.: купец, крестьянин, мельник с их женами) и три их сына или дочери – одна из привычнейших фольклорных конструкций. В данном случае также исходно троичная структура моногамной семьи ("муж-жена-дети") трансформируется в

пятеричную за счет дополнительного деления одной из позиций ("дети") на три элемента. С такими сказками мы все познакомились в детстве, и даже если кое-что подзабылось, то в подсознании они прочно закреплены. Не менее полезен для нас и факт, что речь тут о *сказках*. При выводе формулы (4) уже отмечалась коренная особенность классовых идеологий современного типа – то, что было названо вмонтированной в них "авантюристичностью", верой в возможность "чуда" (см. "из чистильщиков сапог в миллионеры" или "кухарка у руля государства"). Сюжет сказок данного цикла, кстати, тоже включает огромный бонус для героя в конце: несметное богатство, пол-царства, рука прекрасной принцессы. Поэтому применительно и к искомой классовой идеологеме мифологические коннотации не вредят.

Возможно, целесообразно вспомнить и о реальном историческом опыте нашей страны, причем как раз в области социального конструирования. Во второй половине XVIII в. в России, уже тогда развивавшейся по сценарию догоняющей модернизации, учреждается система сословий. Если в Европе с XIV – XV вв. была принята схема трех сословий: дворянство, духовенство и неоднородное так называемое третье /2/, – то в России вместо трех вводится пять: дворянство, духовенство, купечество, мещанство, крестьянство (речь тут идет только об общенациональных, т.е. значимых для социума в целом, сословиях). Нетрудно заметить, что названная пятичастная схема оказалась логически производной от европейской трехчастной, поскольку совокупность "купечество, мещанство, крестьянство" выступала в качестве группового репрезентанта и заместителя "третьего сословия". Такой системе удалось просуществать в России вплоть до 1917 г.

Путь превращения тройки в пятерку в культуре, очевидно, хорошо проторен, однако пока не вполне очевидно, какое именно из звеньев исходной триады необходимо подвергнуть дополнительному тройственному членению. На минуту вернемся к только что приведенным примерам.

Почему в системе лиц местоимений дополнительно подразделяется именно третье лицо? Деление на грамматические лица происходит на базе типизации позиций в диалоге, в котором два первые лица – "я" и "ты" – всякий раз однозначно определены, тогда как "третье лицо" может описывать весьма разных людей; в реальном диалоге третьего человека может и вовсе не быть. Таким образом, грамматики подвергли повторному членению логически наименее определенный элемент. Не иначе обстоит и с семьями в сказках. Муж с женой уже суть семья, а детей в

принципе может быть любое количество, т.е. и здесь дополнительному подразделению подвергнута наименее определенная позиция. Аналогично и в русской схеме сословий: дополнительному "растроению" подверглось наиболее неоднородное и концептуально расплывчатое звено.

Но что является наименее определенным звеном в схеме богатого, среднего и бедного классов? Богатство и бедность имеют кричащие проявления, и коллективным представлениям о них уже не одно тысячелетие; любому кажется ясным, что означает быть богатым и бедным. Класс же средний в коллективных представлениях – главным образом "не богатый" и "не бедный", один из образчиков "ни рыбы, ни мяса", "ни того, ни сего". В истории мысли апофатическим определениям подвергалось прежде всего нечто невидимое, неощутимое и по природе немыслимое, чему оттого и невозможно дать дефиниций в положительных терминах, например Господь Бог. Глубины духа живут по собственным законам, и мифологема "среднего класса" превратилась в ангажированных кругах едва ли не в идола, или кумира, которому готовы поклоняться и приносить реальные жертвы. Догматизация "среднего класса" по существу выводит его из сферы всякой рациональности.

Однако, как, вероятно, догадался читатель, мы, даже рискуя прослыть еретиками, собираемся резать на три концептуальные части именно эту "священную корову". Референциальная размытость понятия "средний класс" превращает его в главного и по сути единственного кандидата на логическое "заклание" в рамках классовой идеологемы.

Для корректности стоит проверить и альтернативные варианты, например, разделив класс богатых. Отечественным историческим прецедентом тут могло бы служить, скажем, принятое с 1775 г. деление привилегированного купечества согласно размеру капитала на три гильдии. Однако значимость подобных членений обычно не покидает границ того конкретного класса, сословия, к которому они непосредственно применены. Они не становятся, таким образом, достоянием общества в целом, так как для былого крестьянина, что десять тысяч рублей, что пятьсот тысяч – в равной мере поражающие воображение и выходящие за грань понимания суммы. В качестве другого аналога можно было бы сослаться на принятое в марксистской науке деление прототипа богатого класса, буржуазии, на крупную, среднюю и мелкую. Однако это осуществлялось в марксистской *социологии*, т.е. *науке*, тогда как в идеологической плоскости, т.е. для широких масс, разумно оставляли "голую" буржуазию в роли главного идеологического "пакостника".

Не более конструктивным стало бы членение и бедного класса, предлагающего ценные дефиниции наподобие "просто бедного, как Акакий Акакиевич", "бедного как церковная крыса", "нищего подобно бомжу" (вар.: "гол как сокол"). Не уверен, что поддержка умений проводить столь изысканные границы принесла бы большую пользу общественной идеологии, как и вообще наделение общества способностью разбираться в оттенках разновидностей нищеты, так что дробные градации и бедного класса лучше оставить специалистам в экономике и социологии. Итак, даже методом исключения, помимо среднего класса, не обнаруживается других кандидатов на логическое разделение. В противном случае пришлось бы целиком отказаться от идеологемы трех классов, выбросив за борт и представления о богатых и бедных.

Впрочем, хотя объектом изучения у нас является идеология, это не снимает требования научной добросовестности. Поэтому прежде, чем провести терминологическое рассечение стереотипа "средний класс", необходимо внимательнее рассмотреть, какие реалии за ним стоят.

4. Средний класс

Модель трех классов по критерию богатства имеет долгую предысторию. У нее много отцов, как и в подавляющем большинстве идеологем, она вынашивается в лоне коллективного бессознательного, становясь плодом совместных усилий. У историков происхождение понятия "средний класс" принято возводить к Аристотелю. В "Политике" (кн.4) Аристотель писал: "В каждом государстве есть три части: очень состоятельные, крайне неимущие и третьи, стоящие посредине между теми и другими. Так как, по общепринятому мнению, умеренность и середина – наилучшее, то, очевидно, и средний достаток из всех благ всего лучше. При наличии его легче всего повиноваться доводам разума; напротив, трудно следовать этим доводам человеку сверхпрекрасному, сверхсильному, сверхзнатному, сверхбогатому или, наоборот, человеку сверхбедному, сверхслабому, сверхуниженному по своему общественному положению. Люди первого типа становятся по преимуществу наглецами и крупными мерзавцами. Люди второго типа часто делаются злодеями и мелкими мерзавцами. А из преступлений одни совершаются из-за наглости, другие – вследствие подлости" [9, с.504]. И далее: "‹…› государство, состоящее из средних людей, будет иметь и наилучший государственный строй. Эти граждане по преимуществу и остаются в государствах целыми и невредимыми. Они не стремятся к чужому добру, как бедняки, а прочие не посягают на то, что этим принадлежит, подобно тому как бедняки стремятся к имуществу богатых ‹…› Поэтому прекрасное пожелание высказал Фокилид: "У средних множество благ, в государстве желаю быть средним". Итак, ясно, что наилучшее государственное общение – то, которое достигается посредством средних, и те государства имеют хороший строй, где средние представлены в большем количестве, где они – в лучшем случае – сильнее обеих крайностей или по крайней мере каждой из них в отдельности. Соединившись с той или другой крайностью, они обеспечивают равновесие и препятствуют перевесу противников. Поэтому величайшим благополучием для государства является

то, чтобы его граждане обладали собственностью средней, но достаточной; а в тех случаях, когда одни владеют слишком многим, другие же ничего не имеют, возникает либо крайняя демократия, либо олигархия в чистом виде, либо тиранния, именно под влиянием противоположных крайностей. Ведь тиранния образуется как из чрезвычайно распущенной демократии, так и из олигархии, значительно реже – из средних видов государственного строя и тех, что сродни им" [там же, с. 507].

Обращаясь к менее отдаленному прошлому, историки проводят генеалогическую линию среднего класса через те социальные слои, которые занимали промежуточное положение между аристократией, дворянством, с одной стороны, и работниками, с другой, т.е. через часть третьего сословия. Насыщенная история у феномена и понятия "средний класс" и в новейший период.

Так, в начале XX в. У.Уэйл, ученый-социолог, видная фигура прогрессизма, полагал одним из национальных приоритетов достижение "новой демократии", носителями идеалов которой служили бы средние слои американского народа. С ним солидаризировался У.Липпман, сторонник прогрессизма и социального фрейдизма. Уже в 1980-е гг. американский публицист и социолог Алан Вульф в книге "Американский тупик: политический и экономический рост от Трумэна до Рейгана" писал: "Политика роста в послевоенной Америке базировалась на предположении, что рабочий класс будет постепенно трансформироваться в средний класс" (цит. по отрывку "После Рейгана". – Working papers new society, дек. 1981). В послевоенной американской социологии получила широкое хождение стратификационная схема по уровню доходов, но обычно более дробная, чем троичная. В массовых представлениях, однако, прижилась элементарная разновидность.

Поле исследований проблематики среднего класса необозримо, и в разных работах используются критерии выделения среднего класса не только по деньгам или собственности, но и по образованию, условиям воспитания, по рождению и т.д. В широком диапазоне, соответственно, варьируются характер и размеры такой социальной страты. Однако в настоящей работе рассматривается только тривиальная классовая идеологема, и здесь нет ни возможности, ни необходимости поднимать тяжелые пласты невероятно разросшегося понятия, которое фигурирует в трудах историков, экономистов, философов, политологов, социологов. Для наших целей вполне достаточно того незамысловатого содержания,

которое соответствует массовым представлениям.

Современные теории политической экономии рассматривают широкий средний класс как фактор благоприятного, стабилизирующего воздействия на общество, поскольку он не является носителем ни взрывных революционных тенденций низшего класса, ни неограниченного стяжательства класса высшего. В такой функции он выглядит особенно полезным, но исходя из того, что, за исключением сравнительно узкого круга развитых стран, средний класс более нигде не составляет общественное большинство, в науке наблюдается явная тенденция расширять это "эпистемологически ценное" понятие до уже окончательной неопределенности, а значит, лишать его дистинктивной силы.

Нельзя не упомянуть и о мощном течении, противодействующем апологизации среднего класса. Поскольку речь идет об идеологеме, т.е. стереотипе массового сознания, у многих интеллектуалов она вызывает чувство протеста (ведь сравнительно редкие интеллектуалы любят клише и массовое сознание, и в головах далеко не только наших соотечественников при упоминании "идеологии" зачастую возникает образ чего-то пустого, а не то и брутального, что, впрочем, не мешает им самим использовать целый ряд других стереотипов, ничуть не рефлексируя по этому поводу). Поэтому без сильного преувеличения можно сказать, что в Америке, Европе, а теперь и в России только ленивый не ставил под сомнение идеологему трех классов и в особенности состоятельность термина "средний класс". Хотя справедливее применять эту констатацию главным образом к тем, кто занимается проблемой *специально*, тогда как подавляющее большинство остальных продолжает автоматически пользоваться трехчастной классовой идеологемой – не вдаваясь в детали (см. выше о специфике работы всех рационально-бессознательных схем). В дезавуировании понятия "средний класс" принимают участие:

– историки (у среднего класса как самостоятельного целого нет глубоких исторических корней, он результат разложения третьего сословия);

– философы-постмодернисты (деконструкция оппозиции "богатый/бедный" приводит к практически полному исчезновению реального референта и среднего класса, как и большинство идеологем, это понятие имеет симулятивный характер);

– социологи, особенно позитивистски-номиналистического направления (за понятием среднего класса в действительности не стоит никакое концептуально единое целое, на деле он

распадается на множество разнородных групп /3/);

– эпистемологи (за выделением трех таксономических единиц, границы между которыми условны и определяются произвольными цифрами доходов, стоит в лучшем случае голая конвенциональность, а если учесть варьирование конкретного деления от исследователя к исследователю, перемещение разделительных линий вместе с экономической конъюнктурой, то "средний класс" превращается в нечто почти мистическое);

– моралисты (филистерская природа среднего класса плюс критика общества потребления; не забываются и христианские максимы: "Он не холоден и не горяч, о, если бы он был холоден или горяч").

Даже то, что одним представляется главным достоинством среднего класса – его стабилизирующая роль в развитых странах, у других вызывает иную оценку: конформизм, инертность (а главными двигателями социального прогресса являются богатый и бедный классы – соответственно, через борьбу политических элит, во-первых, и чреватость бунтом и революцией, во-вторых). В результате можно констатировать значительную уязвимость понятия "средний класс", повсеместно оказавшегося очень легкой мишенью для критики. Тем более это относится к России.

В нашей стране у этого понятия еще меньший исторический стаж, чем на Западе. На настоящий момент относительно невелика и реальная численность среднего класса (см. выше), он до сих пор не обзавелся самостоятельным классовым самосознанием, в связи с чем некоторые публицисты еще только ставят задачу внятно сформулировать его политические запросы, социальные интересы и этим пробудить средний класс от политической спячки. Поэтому вышеупомянутая функция стабилизатора общества в России является не более чем надеждой, отнесенной к предположительно светлому будущему. Историки и культурологи отмечают также отличие российских культурных традиций от западных.

Об этом много писалось. Во-первых, если на Западе, особенно в протестантском ареале, материальный достаток издавна воспринимался в значительной мере в "ветхозаветном" ключе – как результат труда в поте лица и даже как божье благословение (признание праведности), то в ареале православия возобладали существенно более идеалистические, оторванные от земных реалий тенденции: "нельзя служить Богу и маммоне", "не собирай богатств на земле", "легче верблюду пройти сквозь игольное ушко, чем богатому попасть в Царствие Небесное" или "трудом праведным не возведешь палат каменных". Помимо религиозного фактора, причины укоренения таких настроений усматриваются

как в проживании русских в зоне рискованного земледелия, набегах кочевников, частых войнах, так и в многовековых нарушениях сильными мира сего неприкосновенности частной собственности и прав личности граждан ("от сумы да тюрьмы не зарекайся"). В результате простому признаку размера дохода, на котором построена идеологема богатого, среднего и бедного классов, в России труднее служить надежным идеологическим компасом, подводят итог аналитики.

Во-вторых, если и в западных странах нередко звучит мотив сравнения среднего класса с удушающим филистерским болотом, то в России термин "мещанство" оброс ворохом еще более негативных ассоциаций. Наконец, образец "добропорядочного гражданина с определенным материальным достатком", по мнению некоторых публицистов, – просто тесен и скучен, и требующая "разгула" душа скорее отдаст предпочтение крайностям (несметному богатству ли, как у Ротшильда, – см. "Подросток" или "Игрок" Достоевского, – а если "карта бита", то лучше бедность: "бедный, но честный", не говоря о юродивых). По крайней мере, истории о купцах, за неделю спускавших в страшном запое все состояние, ибо "тоска" и "душа широка", одобрительно оценивают у нас, а не на Западе.

Со своей стороны, мы, впрочем, не стали бы преувеличивать значение таких национальных особенностей для современной эпохи, ведь несмотря на многодесятилетние попытки коммунистического режима эксплуатировать мотив "нестяжательства", все же "джинсы", "салфетка на абажуре", "машины и дачи" себе дорогу пробили. Кроме того, в глобализирующемся мире необратимо нивелируются и ценности, и в настоящее время вирус "денежной лихорадки" вполне заразил и нашу страну. На таком, в частности, основании мы и не отказались от использования идеологемы трех классов как исходного пункта. Однако все сказанное, по-видимому, в состоянии лишь укрепить впечатление, что особенно в российских условиях в эту идеологему целесообразно внести коррективы.

5. Современная Россия, часть вторая

Итак, простейший путь превращения идеологемы богатого, среднего и бедного классов в искомую пятеричную ($r = 5$) – это деление натрое имагинативно наименее определенной в рамках массовых представлений и аксиологически амбивалентной позиции "средний класс". Казалось бы, наиболее естественный вариант – разделить ее по тому же признаку, который конституирует и исходную идеологему, т.е. по размеру собственности и дохода: верхняя часть среднего класса, средняя, низшая. В социологии так иногда и поступают /4/, но для наших целей это малоприемлемо.

Во-первых, на таком пути не происходит расширения объема понятия "средний класс", а в наличных российских условиях одна из острых проблем – как раз слабость, недостаточная численность среднего класса, оттого не способного ни выполнить миссию стабилизатора, ни послужить надежной социальной базой реформ. Такие классификации удобны лишь при научном шкалировании, но практически ничего не дают для улучшений в социально-политической области.

Во-вторых, вызывает сомнения и имагинативная ценность новых терминологических единиц: как станет отличать рядовой человек, например, верхнюю часть среднего класса от средней? Наводить справки в специальной литературе? Мало что дадут и публичные разъяснения, ибо, скажем, для бедного две названных группы выглядят почти богачами и для него что "Лексус", что подержанный "Опель" – в равной степени "иномарка". А богатый склонен смотреть на представителей тех же групп с изрядной долей иронии – как на комичных субъектов, тщащихся натянуть на себя шкурку тушкана, "как у Вандербильдши". Как и в случае ранее упоминавшихся градаций богатого класса (три купеческих гильдии, крупная-средняя-мелкая буржуазия) или бедного, подобные таксономии заведомо обречены оставаться в пределах только науки или только тех общественных групп, на которые они непосредственно обращены и которые поэтому в состоянии оценить значение проведенных разраничительных линий, но никак не подходят для конструирования классовой идеологии общества в целом. Можно указать и другие недостатки подобного

варианта, но и названных, вероятно, достаточно.

Ранее было приведено методическое правило бережного отношения к уже сложившемуся классово-идеологическому достоянию: общественные представления – столь же ценный ресурс, как материальные ресурсы. В целом, этого правила мы и намерены придерживаться. Также упоминалось негативное побочное следствие идеологемы трех классов в России: широкие круги социально вменяемого и экономически ценного населения, обеднев, одновременно подверглись и моральной дискриминации. Ведь принадлежность бедному классу имеет не только собственно экономическое выражение, но и социально-престижное, и попадание, скажем, университетского профессора в один класс с бомжом – как минимум нонсенс.

Выход из такого идеологического тупика, собственно говоря, отлично известен. Еще М.Вебер подчеркивал, среди прочего, значение престижной шкалы, фактора рода занятий в процессе организации социума; такой подход, по всей видимости, полезен при построении и классовой идеологемы (позже подход Вебера будет рассмотрен подробнее). В связи с этим попробуем поискать в наличных общественных представлениях то, что отвечает "веберовскому" фактору. К счастью, в поисках не приходится ходить далеко: позднесоветское социальное разделение на служащих (вар.: интеллигенцию), рабочих и крестьян отвечает многим теоретическим требованиям. Прежде всего, дополнительных групп здесь ровно три, т.е. именно то количество, на которое надлежит разделить "средний класс" для итоговой пятеричности ($r = 5$). Кроме того, принцип деления тут – как раз род занятий.

Таким образом, по крайней мере согласно первым прикидкам, для конструирования искомой классовой идеологемы достаточно сохранить представления о богатых и бедных в том виде, в каком они фигурируют в трехчастной идеологеме, а вместо позиции "средний класс" подставить ее расшифровку: интеллигенция (служащие), рабочие и крестьяне:

интеллиг. (служ.)

богатые
– --
рабочие
– --
бедные

крестьяне

Рис.1

Поскольку идеологические представления всегда связаны с официальной риторикой, сделаем краткое замечание и о ней. Перечисление классов в доктрине вполне допустимо и в ряд, через запятую, например: "представители богатых, интеллигенция (вар.: служащие), рабочие, крестьяне (вар.: работники села), бедные – все российское общество", – структурная двухступенчатость, так же как и внутренняя логичность конструкции, будут все равно, по всей видимости, восприняты большинством. Хотя при освещении специальных проблем средних слоев в риторике окажутся уместны обороты наподобие "все представители среднего класса, т.е. российская интеллигенция, наши рабочие, работники села". Нетрудно заметить, приведенная на рис.1 конструкция mutatis mutandis воспроизводит структуру системы лиц местоимений, а также исторической системы российских сословий.

Осуществленная таким образом трансформация классовой идеологемы обладает рядом достоинств. Во-первых, здесь устраняется, наконец, семантическая и имагинативная расплывчатость общественного концепта "средний класс", т.к. массовые представления об интеллигенции (служащих), рабочих и крестьянах по-прежнему содержательно внятны. Попутно идеологема "среднего класса" обретает не только "апофатическое" ("ни богатый, ни бедный"), но и позитивное ("катафатическое") определение. Во-вторых, что как минимум не менее важно, в коллективных представлениях автоматически расширяются границы "среднего класса", он в самом деле становится репрезентантом общественного большинства (параллельным, заметим в скобках, приснопамятному стереотипу "трудящиеся").

На чаше весов такого варианта и то, что наиболее впечатляющей социальной переменой по сравнению с прежним периодом в глазах населения является образование групп богатых и бедных, возможность существования которых в советском государстве решительно отрицалась. Напротив, былые "трудящиеся" – в нашей терминологии это переинтерпретированный средний класс – по сути остались. Прежде быть "трудящимся" предписывалось государственными законами (см. судебное преследование тунеядства). Теперь место юридической обязательности занимают менее жесткие по модальности общественно-моральные предписания ("надо работать"). Возрастает и социальная мобильность.

У подобного варианта классовой идеологемы существуют, разумеется, и недостатки. Один из них – возможно негативная

реакция в "прогрессивных кругах", а не то и подозрения в коммунистическом реванше. Впоследствии будут рассмотрены и другие кандидаты на искомую классовую идеологему, но данный пример удобен для демонстрации особенностей пятеричных социальных схем вообще, поэтому пока мы будем пользоваться им как рабочим. Касательно же указанного недостатка, вероятно, нелишне напомнить, что когда затрагиваются идеологемы, т.е. объекты рационально-бессознательной области, всегда есть шанс столкнуться с реакцией далекой от собственно рациональной. Вспомнив же о ранее упоминавшемся статусе мифологемы среднего класса как "священной коровы", при его рассечении действительно присутствует риск оказаться на какое-то время зачисленным в святотатцы. По нашему мнению, такую опасность, впрочем, не стоит преувеличивать, ведь речь в конечном счете идет не о внесении в сословные списки и предписаниях, а всего лишь о государственной пропаганде, и если каким-то группам приятнее продолжать идентифицировать себя в качестве "просто среднего класса" (нерасчлененного), да хоть императоров, то препятствий им в этом в демократическом обществе никто не станет чинить.

Чтобы лучше разобраться с мотивом коммунистического реванша, по-видимому, нельзя не заметить, что на деле обстоит ровно наоборот. Значительная часть ныне незаслуженно классово оскорбленных миллионов займет в рамках рассматриваемой идеологемы психологически приемлемое место представителей "нормального большинства". Переосмысленный в новом ключе средний класс составит действительно репрезентативную общественную середину, по краям которой, как и положено, располагаются полюса богатых и бедных. А вот база бедного класса, напротив, стремительно идеологически сузится, ибо в него отныне будут попадать не все бедные, а только принципиально не работающие бедные, т.е. люмпены. При этом временно безработным и пенсионерам, как в советские времена, окажутся отведенными ниши согласно роду занятий ("коль был интеллигентом, им останется и на пенсии или пока ищет работу"). Тогда как сейчас, к примеру, бюджетников, которым государство платит оскорбительно низкое жалование, оно же затем дополнительно помещает под морально-психологический пресс, идеологически относя этих людей к социальному низу. Отчуждение значительных масс населения от государства в таких случаях становится неизбежным, в ответ государство награждается ярлыками "режим", "оккупанты" и проч.

В рамках настоящей работы, однако, едва ли уместно вступать в основанные на вкусах и политических убеждениях

идеологические дискуссии, которые редко имеют на выходе конструктивный продукт. Более целесообразно – продолжить наше исследование, поскольку предстоит обнаружить еще множество логических черт пятичастной социальной идеологемы, которые позволят определить, способствует ли она решению, а если да, то каких, действительных проблем, присущих наличной социально-политической системе. Однако перед тем, как перейти к такой конструктивной части, обратим внимание на несколько немаловажных нюансов.

Прежде всего, как, вероятно, заметил читатель, в трансформированной классовой схеме имплицитная шкала престижа, соответствующая делению "среднего класса" на интеллигенцию, рабочих и служащих, ставит на первое аксиологическое место интеллигенцию, второе – рабочих, третье – крестьян. В этом явное отличие от советской идеологии, ибо в последней, в соответствии с марксистскими постулатами, идеологический приоритет отдавался "самому передовому классу", пролетариату. Кроме того, как мы помним, в первые десятилетия СССР интеллигенция объявлялась вообще не классом, а лишь прослойкой, а позднее, хотя и был признан ее более полноценный статус, официальная доктрина отказывала ей в наличии самостоятельных классовых интересов. Совершенно иная ситуация в рассматриваемой, т.е. деверсифицированной, идеологической конструкции.

На сей раз интеллигенция превращается не только в полноценную классовую единицу, но даже в известном смысле идеологически приоритетную. Во-первых, это, с нашей точки зрения, более соответствует сложившейся фактической ситуации, ибо уже не одно десятилетие стремление к "умной и чистой" работе составляет одну из заметных общественных мотиваций. Во-вторых, такое положение благоприятствует развитию России в направлении постиндустриального (высокотехнологичного, информационного) общества.

Прав также тот, кто заметит, что расположение классов по роду занятий повторяет последовательность основных историко-технологических стадий: стадия аграрного общества, индустриального, постиндустриального. Каждая последующая стадия не отвергает предшествующие ведущие занятия (индустриальная эпоха сохраняет и сельскохозяйственный труд, постиндустриальная – и заводской, и сельский), однако переставляет логические акценты. На нынешней исторической ступени значение промышленного труда снижается за счет интеллектуального.

Обратим внимание и на следующий нюанс. В приведенной

классовой схеме наблюдается некоторое терминологическое "мерцание": высший класс по роду занятий выступает под именами то "интеллигенции", то "служащих", – и это намеренно. "Служащие" – обычно более значительное по объему понятие, включающее представителей не только интеллектуальных профессий. Однако в культурной традиции термин "интеллигенция" окружен более комплиментарными ассоциациями. Поэтому в процессе функционирования идеологемы, по-видимому, целесообразно сохранять оба термина, а выбор осуществлять всякий раз в зависимости от конкретной задачи, от аудитории /5/. Одновременно не стоит сбрасывать со счетов, что в постиндустриальную эру на первый план выходят не только наукоемкие сектора, но и сектора управления и обслуживания. Известная путаница, когда, к примеру, бармен окажется идентифицированным в форме "интеллигенции", в таком контексте даже уместна, ибо это бармену лишь польстит, а одна из главных задач конструируемой идеологемы – повышение оценки и самооценки различных слоев.

И, наконец, последнее в этом блоке. Вскоре мы вернемся к более строгим предпосылкам значения трансформации классовой идеологемы для стабильности и демократичности социума, пока же поделимся одним предварительным соображением. Некоторым читателям, возможно, по-прежнему кажется странным тезис, что изменение идеологемы, на деле выливающееся не более чем в словесную манипуляцию (вместо "среднего класса" – интеллигенция, рабочие и крестьяне), в состоянии оказать серьезное влияние на социально-политическую обстановку.

Воспользуемся небольшой бытовой аналогией. Допустим, кто-то заплатил вам за сделанную работу заметно меньше, чем вы считаете справедливым. Такое и само по себе, конечно, вызывает досаду, но мало того, названный "кто-то" после выдачи денег вас еще и оскорбил, и как раз по поводу мизерности вашего заработка. Это несущественный фактор для вас ("подумаешь, всего-то слова" /6/)? А если подобное происходит годами, какие чувства возникнут в ответ? Однако по сути именно это происходит в России, поскольку государственные чиновники, масс-медиа, употребляя идеологему трех классов, исподволь указывает миллионам достойных людей место в самом низу, там, где "отбросы". Государство совершает это без умысла? Но разве неумышленность оскорбления уменьшает обиду? При этом верх наивности полагать, что последствия массового психологического унижения касаются только самих униженных. Ответная реакция – недоверие, раздражение, даже ненависть – обращается на богатых, на само государство, на нацменьшинства, все замыкается

в порочный круг, растет как снежный ком, затрагивая всех и каждого. Общий климат в обществе становится далеким от социального и политического мира. Так что классовая идеология, которая "не более чем слова", по-видимому, все же в состоянии претендовать на роль немаловажного социально-политического фактора.

После сделанных замечаний пора возвратиться к структурной части анализа.

6. Характеристики пятикласовой идеологемы

Рассматриваемая социальная идеологема согласуется со сложившейся в России партийно-политической системой не только в отношении количества основных составных элементов (см. выше: $n = r = 5$). Не менее важен и другой аспект, а именно сопоставление структур партийно-политической системы, с одной стороны, и классово-идеологической, с другой, по отдельности.

Выше было сказано, что активной партийно-политической, партийно-идеологической системе современной России свойственна четырехсоставность ($m = 4$), тогда как для ряда западных стран (особенно морских, в частности англосаксонских) характернее биполярность ($m = 2$). Такие системы принципиально отличаются друг от друга не только в плане количества составных элементов, но и по критерию так называемой *размерности*. Это уже отмечалось в наших предыдущих работах [1, с.627-628], но несколько тезисов полезно и повторить.

Биполярные схемы квалифицируются в качестве одномерных, поскольку главная линия политического противостояния тут проходит всего через два политических лагеря, или полюса: например, "республиканцы-демократы", "правые-левые". Основное содержание активной политической жизни в глазах большинства сводится к борьбе двух партий, двух лагерей. Иначе в четырехпартийных политических системах ($m = 4$). Здесь, как показывает анализ, подобных линий становится *две*. Последнее же означает *двумерность*.

С точки зрения логики это тривиально: четверка раскладывается как $m = 2 \times 2$ (каждому измерению соответствует пара партий, или блоков). Однако, наверное, стоит проиллюстрировать, как формируется второе политическое измерение на практике. Напомним несколько эпизодов.

В период горбачевской "перестройки" на нашей политической сцене столкнулись две главных идеологических силы: "реформаторы" и "антиреформаторы" ($m = 2$). В начале 1990-х гг.

они трансформировались в лагеря "демократов" и "патриотов" (тоже m = 2). При этом любопытно, что в сознании масс закрепились *обе* оппозиции, или идеологические этикетки. На парламентских выборах 1995 г. в Думу проходят четыре политические партии (m = 4), при этом в массовых представлениях они по сути раскладывались по двум означенным признакам, или оппозициям [1, с.620], см. рис.2:

Рис.2

Позднее менялся конкретный состав и наименование пар конституирующих оппозиций, однако признак размерности, т.е. факт *m* = 2 x 2, сохранялся и продолжает сохраняться в современной России. Подробности можно найти в книге [1, гл.2,3].

Итак, российская партийно-политическая система характеризуется двумерностью. А как в этом плане выглядит сопряженная с ней классовая система? В рамках идеологемы трех классов – богатого, среднего, бедного – классы выстроены по сути в одном направлении – по линейной шкале дохода (как области на числовой оси, на которой задано отношение "больше/ меньше"). Напротив, в пятеричной классовой идеологеме основных конституирующих признаков становится не один, а два: по-прежнему размер дохода, с одной стороны, и род занятий, ассоциированный с ним престиж, с другой.

Логической двумерностью, как нетрудно заметить, отличается и вышеупомянутая система личных местоимений (деление на собственно грамматические лица, во-первых, и по грамматическому роду, во-вторых, рис.3a). Та же двумерность присуща и исторической сословной системе в России (рис.3b), что качественно отличает ее от схемы трех сословий в Европе.

он

купечество

я
– -
ты
– -
она

дворянство
– -
духовенство
– -

мещанство

оно

крестьянство

a)

b)

Рис.3

Таким образом, пятеричный вариант современной классовой идеологемы соответствует существующей в России партийно-политической системе по признаку не только кратности ($n = r = 5$), но и имплицитной размерности. Отсутствие же такого соответствия, как мы позже увидим, приводит к крайне негативным явлениям (впрочем, и последние удастся "схватить" в математической форме).

Коль затронута тема размерности социального пространства (вернее, массовых представлений о нем), нельзя не сказать об еще одной особенности. Идеологема богатого, среднего и бедного классов выстраивает аксиологическую иерархию этих классов по размеру дохода: от низшего (бедного) через средний к высшему (богатому), и быть богатым считается, конечно, лучше всего. А в пятеричной идеологеме таких иерархий не одна, а две. Первая, очевидно, как и ранее, по признаку дохода. Вторая же – по роду занятий: на верхней ступени – интеллигенция, второй – рабочие, третьей – крестьяне. И две иерархии не совпадают, воспринимаясь населением как самостоятельные ("богатство – это одно, род занятий – нечто другое"). То же самое на чуть другом языке: в пятеричной социальной системе действует не одна, а две отдельных шкалы престижа. Точно так же можно говорить и о двух "степенях свободы".

Собственно говоря, отмеченные особенности вполне отвечают уже сложившемуся на настоящий момент положению, и идеологии лишь остается это признать. Ведь по сути любому в России известно, что размер дохода гражданина у нас – параметр практически независимый от степени образованности и квалификации. Эти два признака и в западных странах совпадают не полностью (хотя там у богатого, например, больше шансов получить элитарное образование, а вслед за ним – высокооплачиваемую работу, т.е. корреляция между доходами и образованием, несомненно, присутствует). Однако в российских условиях два данных критерия разведены кардинально, и

высококвалифицированные рабочие или ученые сплошь да рядом влачат существование на грани нищеты. Можно сколько угодно говорить о необходимости исправления ситуации, однако применение одних экономических методов потребует, возможно, десятилетий, а последние еще нужно как-то прожить. Идеологические же средства уже под рукой, и их применение требует не столько финансовых средств, сколько перемен в официальной фразеологии (желательно и в мозгах).

Позднее мы дополнительно убедимся, хотя это, возможно, ясно и так, что позитивные сдвиги в социальном климате создают благоприятные предпосылки и для экономического развития. А сейчас уместно отметить, что корни разделения социально-престижной шкалы на две – во многом еще в советском периоде. Как известно, в те годы партия, исходя из своих идеологических соображений, искусственно ограничивала заработки представителей ряда интеллектуальных профессий – во имя того, чтобы подчеркнуть заботу о приоритетном классе, рабочем. При этом были материально ущемлены и крестьяне, т.е. картина распределения доходов между классами кардинально отличалась как от западной, так и от дореволюционной российской. Для нас же тут важен сам факт принципиального разведения двух шкал престижа, а в современной России – тем более.

Теперь, как ранее было обещано, дадим хотя бы краткое сравнение пятеричной классовой конструкции с веберовской теорией. При этом с самого начала следует отдавать себе ясный отчет, что речь у нас, с одной стороны, и у Вебера, с другой, идет о принципиально разных вещах. М.Вебер, в качестве ученого-социолога, исследовал организацию социальной реальности "так как она есть". Мы же, как не раз отмечалось, рассматриваем не сам социум, а доминирующие *общественные представления* о нем, т.е. идеологемы. Таким образом предметы исследования относятся к областям совершенно разных наук: в случае Вебера это социология, в нашем случае – культурология. Тем не менее общая почва для сопоставлений все-таки существует.

В отличие от Маркса, М.Вебер учитывал не только экономический аспект социальной стратификации, но и такие актуальные моменты как власть и престиж (см., напр., [10]). Собственность, власть и престиж, с его точки зрения, суть три отдельных, хотя и взаимодействующих, фактора, лежащих в основе иерархий в любом обществе. Различия в собственности порождают экономические классы; различия, имеющие отношение к власти, порождают политические партии, а престижные различия дают статусные группировки, или страты.

Отсюда он сформулировал представление о "трех автономных измерениях стратификации". При этом подчеркивалось, что "классы", "статусные группы" и "партии" – явления, относящиеся к сфере распределения власти внутри сообщества.

В таком случае нельзя не заметить, что наша культурологическая модель в значительной степени коррелирует с социологической веберовской, и в коллективных представлениях о социуме фигурируют все три "веберовских" фактора. "Партийный" аспект у нас описывается параметрами *m* и *n*; "экономический" и "престижный" – двумя шкалами, или измерениями, присущими пятеричной классовой идеологеме.

Присутствуют, конечно, различия в терминологии (речь все же о разных науках), несколько по-разному и сгруппированы факторы (ибо реальное строение социума и массовые представления о нем не обязаны во всем совпадать). Мы, кроме того, ввели в модель определенные математические выкладки, однако это, как не раз сказано, отвечает статусу России как страны образованной. Полученное в нескольких поколениях школьное образование, несомненно, накладывает отпечаток на общественное сознание, и элементарная логичность становится его неотъемлемым атрибутом. Поскольку объектом нашей модели служат коллективные представления, постольку экономический и престижный критерии не разводятся столь же строго, как у Вебера, и пятеричная идеологема характеризуется двумя отдельными престижными шкалами: считается "лучше всего" как быть богатым, так и заниматься интеллигентным трудом.

Исследователи наследия М.Вебера, опираясь на его методологические принципы и обобщая его исторические, экономические и социологические работы, реконструируют типологию классов при капитализме (по состоянию на конец XIX – начало XX вв.). Список классов оказывается следующим: 1) рабочий класс, лишенный собственности (он предлагает на рынке свои услуги и дифференцируется по уровню квалификации), 2) мелкая буржуазия (класс мелких бизнесменов и торговцев), 3) лишенные собственности "белые воротнички" (технические специалисты и интеллигенция), 4) администраторы и менеджеры, 5) собственники /7/.

Описывая особенности таких социальных групп, Вебер называл собственников "позитивно привилегированным классом". На другом полюсе – "негативно привилегированный класс", в который включались те, кто не имеет ни собственности, ни квалификации, которую можно предложить на рынке. Однако здесь для нас наиболее интересны не специальные характеристики, а тот факт, что количество основных классов у

Вебера составляет именно пять, т.е. ровно столько же, сколько предусматривает анализируемая классовая идеологема ($r = 5$). Концептуальная параллельность подходов приводит к сходству и результатов в разных науках.

Конкретные списки классов – в нашей модели и веберовской – разнятся, что, вероятно, неудивительно, учитывая как то, что со времен веберовских разработок прошел уже век, так и то, что классовая идеологема изначально ориентирована на массовую, а не научную аудиторию. Кроме того, наша социальная схема адаптирована к современной России и выстроена из уже наличествующих "идеологических кирпичей": из уже успевшей внедриться у нас идеологемы богатого, среднего и бедного классов, во-первых, и укорененных с еще более давних времен представлений об интеллигенции, рабочих, крестьянах, во-вторых.

Теперь мы достаточно подготовлены для того, чтобы поднять еще одну тему, вернее, еще один аспект прежней темы, без уяснения которого останется непонятным многое из того, что происходит в социально-политической системе современной России. В ходе анализа вновь придется прибегнуть к помощи математических средств (по-прежнему элементарных).

7. Развитие теоретической модели

Чтобы с самого начала не утратить связи с реальностью, воспользуемся конкретным примером, иллюстрирующим то, о чем пойдет речь. Начнем с общей экспозиции, т.е. с того, что в Европе внедрение в массовое сознание идеологемы богатого, среднего и бедного классов столкнулось с более сильным сопротивлением, чем в Америке. Причин тому много. Среди таковых, в частности, называют "пережитки феодализма", побуждающие людей в их представлениях о социальной структуре принимать в расчет не только собственно деньги, но и разного рода идеальные, включая престижные, соображения. Феодальным наследием, напомним, часто объясняют и факт, что в Европе сложились широкие социалистические течения, тогда как неведавшей феодализма Америке это не свойственно [11]. Социалистическая традиция – преимущественно марксистская по идеологии, и немало европейцев до сих пор предпочитает держаться марксистских представлений о социальных классах, не переходя к богатому, среднему, бедному. В некоторых же европейских странах при смене доминирующей классовой идеологемы не обошлось без серьезных побочных эффектов. Рассмотрим послевоенную Италию.

Вопрос о ней уже затрагивался в одной из наших статей (совместно с В.П.Любиным) [4], но здесь придется кое-что повторить, попутно внеся изменения и дополнения (кроме того, в печатный вариант статьи вкрались досадные опечатки, так что лучше смотреть сетевую копию: http://www.alestep.narod.ru/adds/euro_party.htm).

Италию, как и Россию, относят ко "второму эшелону модернизации". Это означает, что ее экономическое, технологическое развитие осуществлялось по сценарию догоняющей модернизации. На фоне наиболее развитых европейских стран и особенно США, Италия середины XX в. страдала целым букетом болезней – экономических, политических, социальных, культурных, – которые в целом идентифицировались как "отсталость".

В пятидесятые-шестидесятые годы в Италии бросались в глаза следы недавнего кризиса: последствия войны, тоталитарного режима. На политической сцене, как ныне и в России, присутствовали пользовавшиеся широкой электоральной поддержкой коммунисты, что служило симптоматичным признаком состояния общественных умов. Почти полвека, вплоть до недавнего времени, Итальянская коммунистическая партия, ИКП, – вторая по силе в стране (после христианских демократов). Несмотря на это, альянсу прочих политических сил удавалось последовательно (с эпизодическими исключениями) отодвигать коммунистов от государственной власти, от участия в коалиционных правительствах.

В тот же период Италия встает на путь глубоких экономических преобразований. Процесс превращения технологически и социально отсталой страны в современную развитую осуществлялся под американским политическим и идеологическим влиянием (Италия – член западного блока, включая НАТО). Поэтому итальянские элиты принялись, в частности, энергично внедрять в общественное сознание идеал "общества потребления", "американскую" идеологему богатого, среднего и бедного классов ($r = 3$). Что получилось в итоге? Бросим взгляд на социально-политическую констелляцию, по-прежнему ставя акцент на ее идеологическом выражении, т.е. общественных представлениях.

Итальянский политический спектр отличался значительной пестротой, совсем не характерной для случая США (там, напомним, господствует биполярность: "республиканцы-демократы", $m = 2$). При всем разнообразии тогдашних итальянских партий, их совокупность, однако, может быть описана согласно общепринятым типам: консерваторы (с ними ассоциировались, в частности, национальные и народные монархисты и в немалой степени христианские демократы), либералы (ИЛП), социалисты (ИСП, ИСДП, УСП) и уже упоминавшиеся коммунисты (в глазах сторонников ИКП социалисты смотрелись "оппортунистами"). В действительности, конечно, позиции конкретных партий отнюдь не полностью укладывалась в точные рамки классических представлений о политических типах (наблюдались своеобразные смеси), но этого и не требуется, для наших целей достаточно и значимой представленности данных типов в реально существовавшем политическом спектре. Но отсюда вытекает вывод, что партийно-идеологическое поле послевоенной Италии описывалось значением $m = 4$. С учетом многочисленной, как и везде, "неприсоединившейся" группы населения $n = 5$.

Италия в этот период – парламентская республика, правительства формируются партиями и партийными коалициями (через депутатов), что свидетельствует о высокой степени независимости партийно-политической системы от влияния из высоких государственных кабинетов. Население, по крайней мере задающих правила игры севера и центра Италии, уже отличалось и массовой образованностью, т.е. выполнялась еще одна предпосылка нашей модели. В Италии тех лет, наконец, становятся массовыми настроения, которые выше именовались "авантюристичностью". Ведь старым политическим и экономическим элитам был нанесен серьезный урон во времена Муссолини, войны, последующей дефашизации, прежние классовые барьеры ослабли и "растворились", и многие люди почувствовали, что распахнуты двери небывалых экономических и социальных возможностей. Новые технологии, в свою очередь, способствовали образованию новых экономических и социальных ниш. Таким образом, по отношению к послевоенной Италии справедливо все то, что отвечает специфически современным социально-политическим системам и что было заложено в основание используемой теоретической модели.

Тогда, казалось бы, должно удовлетворяться условие (4), т.е. $n = r$, однако в Италии по каким-то причинам оно не срабатывало. Ведь число основных политических групп здесь, напомним, составляло по существу $n = 5$, тогда как число фигурирующих в массовом сознании ведущих групп социальных, согласно идеологеме богатого, среднего и бедного классов, $r = 3$. В результате в общественных представлениях зазияла явная "щель", которой предстояло чем-то заполниться. Возможность стабильности подобного варианта ранее нами не учитывалась, теперь модель требует дополнений. И здесь приходится вспомнить о таком специфическом феномене как итальянская мафия.

Явление организованной преступности знакомо множеству стран. Однако дотоле практически нигде и никогда данный спрут не раскидывал щупальца столь широко и не забирался столь высоко, как в послевоенной Италии. Значительно позже, в конце 1980-х гг., в ходе так называемой "судебной революции", получило официальное подтверждение то, о чем раньше говорилось на каждом углу: целые поколения самых видных итальянских политиков, включая всех сменявших друг друга на протяжении десятилетий премьер-министров, были уличены в связях с мафией. Такое положение выглядит беспрецедентным: в стране невероятно разрослись нелегальные экономика и

политика.

С точки зрения ходячих либеральных мифов это может выглядеть неожиданным, ведь во времена Муссолини могуществу мафиозных кланов был во многом положен конец. Большое количество членов "семей" было физически уничтожено, попало в тюрьмы или вынужденно эмигрировало в Новый свет, в поисках более удобной среды для своих занятий. Демократический же, казалось бы, "просвещенный", режим, напротив, привел к невероятному разрастанию метастазов экономических преступлений и административной коррупции. Подобная неожиданность, впрочем, как предстоит убедиться, лишь выглядит таковой в глазах тех, кто предпочитает смотреть на реальность сквозь призму расхожих идеологических предрассудков, тогда как в действительности, в определенном системном контексте, истоки могущества соответствующего феномена коренятся в особенностях самого социально-политического механизма.

Чтобы с самого начала не пойти по ложному пути, следует также оговорить, что "мафия", по крайней мере, обладающая столь же безграничным экономическим и политическим влиянием, как в послевоенной Италии, – отнюдь не закономерный продукт и политической демократии как таковой. Ведь даже в тех демократических странах, которые столкнулись с этой проблемой (напр., в тех же США, в которые переехали итальянские "семьи"), "мафии" обычно не удается участвовать в управлении государством в целом. Негативный феномен остается локальным. В большинстве же остальных демократических стран под словом "мафия" имеется в виду не более чем ординарная организованная преступность, для борьбы с которой достаточно арсенала полицейских мероприятий. Причины, следовательно, стоит искать не в демократии самой по себе, а в определенной специфике ее строения, или особом состоянии общественного сознания.

С точки зрения теории, "мафия" (для конкретности пока имеется в виду одноименное итальянское явление) представляет собой одну из социально-политических групп. Она является самостоятельной *социальной* группой, например, потому, что занимается специфической деятельностью и попутно идентифицирует себя отдельно от остальных членов общества (эти остальные вполне соглашаются с подобной "отдельностью"). Ее следует считать также значимой *политической* группой, если в ее орбиту вовлечены влиятельные государственные и политические деятели. То есть, несмотря на официальное

отсутствие на политической сцене, такая группа служит важным политическим фактором. В той же Италии, напомним, в активных контактах с мафией вначале (неофициально) подозревались, а позже были следственно уличены даже премьер-министры.

Обладая статусом значимой социально-политической группы, мафия, однако, отличается и качественной спецификой. Тут важны сразу два обстоятельства. Во-первых, она нелегальна, т.е. не принадлежит открытым общественным институтам – ни политическим партиям, ни социально-идеологическим классам. Во-вторых, о ее существовании *знают все*. Впрочем, для последующего анализа вполне достаточно наличия и общей *убежденности, веры* в то, что она существует, ибо мы по-прежнему имеем дело с *общественным сознанием*, а оно совсем не обязано строго соответствовать действительности. Да и что в таких вопросах удается реально проверить? Так вот, описанный статус рассматриваемой социально-политической ячейки достаточно точно соответствует понятию *топологической "дыры"*, а в нашем случае "дыры" социально-политической.

На всякий случай напомним, что называется "дырой" в топологии. Математики различают поверхности разного рода – в зависимости от так называемой связности. В качестве образца поверхности без "дыр" можно привести, скажем, сферу (рис.4a), с одной "дырой" – поверхность тора, т.е. "бублика" (рис.4b), с двумя "дырами" – поверхность "кренделя" (рис.4c):

a)

b)

c)

Рис.4

В отличие от остальных социально-политических ячеек, или групп, мафия по сути не участвует в общих процессах социального обмена. Мафия – изолированное, закрытое образование, далеко не всякому удастся в нее попасть, а выходят из нее обычно вперед ногами. Это резко контрастирует с легальными социально-политическими группами, ибо любой гражданин вправе в любой момент сменить свои политические симпатии, нет никаких – по крайней мере, принципиальных, идеологических – препятствий для изменений и его материального благосостояния, отвечающих переходам из класса в класс. Именно поэтому по отношению к мафии оказывается уместным применение концепта "дыры".

В общем случае "дыр" может быть сколько угодно, обозначим их количество через p. Вывод формулы (4) был проведен без учета наличия "дыр", если пользоваться геометрической иллюстрацией,

для случая рис.4a., что отвечает величине p = 0. (Случай рис.4b описывается значением p = 1, случай рис.4c – величиной ‹Ір = 2 и т.д.) Как изменится наша формула, если "дыры" в социально-политической системе все-таки существуют?

Математики, к счастью, давно придумали, как поступать в таких случаях. За ними и последуем, лишь адаптируя терминологию к случаю социально-политической системы. Подробности вывода, чтобы не сбивать с толку гуманитариев, перенесем в *Приложение*, здесь же приведем окончательный результат:

$$n = r + 2p.$$

(5)

Послевоенной итальянской структуре отвечали, напомним, значения $n = 5$, $r = 3$. Фактору "мафии" (социально-политической "дыры") соответствует $p = 1$. Таким образом, описание подобной системы сводится к незамысловатому арифметическому равенству $5 = 3 + 2$.

Итак, если в социально-политической системе современного типа, точнее в массовых представлениях о ней, изначально не обеспечено условие (4), $n = r$ (т.е. если между ведущими политическими представлениями, с одной стороны, и социально-идеологическими, с другой, образуется "щель"), то еще одним вариантом достижения ее внутренней согласованности является формирование коллективных представлений о наличии "дыры". Последнюю производит система в целом, даже мало того, система просто нуждается в ней – для того, чтобы в головах населения "концы сошлись с концами".

Воображаемый большинством продукт неизбежно находит и реальное воплощение (без него не обеспечить стабильности социально-политической системы в целом), в связи с чем появляются основания утверждать, что не только разруха, но и мафия "начинается в головах". Там же она, кстати, имеет тенденцию и заканчиваться. Напомним, что миф о неуязвимости мафии в Италии спустя почти полвека был все же развеян, однако в ходе "судебной революции" рухнула и вся наличная партийно-политическая система. Конкретно это выглядело как необратимая потеря репутации прежних партий, их распад и вытеснение на обочину, а в рамках нашей модели – как кардинальная трансформация политической идеологии общества. Не лишен любопытства и следующий момент. Речь здесь идет об особенностях массовых представлений, и вопрос реферирования таких представлений явлениями реальной действительности

производен, вторичен. Так, для ученых-историков, политологов, социологов остается до сих пор дискуссионным вопрос о релевантности концепта единой "мафии" при наличии множества "семей", между которыми вдобавок периодически вспыхивали кровопролитные войны. Однако поскольку механизмами общественного сознания послевоенной Италии предусматривалось структурное место всего для одной "дыры" ($p = 1$), постольку население было убеждено, что "многоголовая гидра" имеет единое тело. Предметом же нашего изучения служит как раз массовое сознание.

В данном контексте нелишне обратить внимание и на нюанс, также отмеченный в работе [4]. Роль социально-политической "дыры" в общественных представлениях может брать на себя не только мафия, но и другие нелегальные организации, воспринимающиеся в качестве "неуловимых и всемогущих", к примеру, масоны. На почве послевоенной Италии достаточно вспомнить о знаменитом скандале с ложей П-2, предположительно связанной с ЦРУ.

Впрочем, так как в системах, описывающихся паттерном $n = 5$, $r = 3$, отведено логическое место опять-таки лишь для одной "дыры" ($p = 1$), то обычно подобные скандалы либо относительно быстро затухают, не превращаясь в устойчивый компонент широких общественных представлений, либо же в воображении масс не только разные "мафии", но и могущественные тайные организации других разновидностей сливаются в синкретическую одну. Тогда приходится говорить о контаминированных монстрах в форме альянса мафии, масонов, спецслужб, секретных клубов толстосумов и проч. В нормальной социально-политической среде подобные представления обречены оставаться лишь медицинской проблемой или фигурантами фантастических романов, но если к тому предрасполагают реальные социально-политические условия, ночные монстры выступают из зазеркалья.

Коль здесь пришлось коснуться не совсем обычных предметов, то, возможно, уместно еще раз сказать, за счет чего, казалось бы, строгим, не допускающим фривольности математическим моделям удается работать с "экзотическими" коллективными представлениями. Причина проста: во-первых, сфера идеологических представлений составлена из воображаемых, идеальных объектов (например, "на самом деле" никаких трех классов, разумеется, нет, это лишь идеологема, стереотип); во-вторых же, подобные объекты, прежде чем распространиться, т.е. стать значимыми объектами, вынуждены получить санкцию со стороны элементарных логических законов, поскольку общества – образованные. При этом как математика не

обязана искать реальных референтов в окружающем мире (предметная верификация, референция – занятие прикладных наук), так и сфера идеологии в состоянии утверждать вполне "виртуальные" образы. Однако став достоянием масс, ipso facto они обретают реальность.

Начиная со статей А.Гурова в "Литературной газете" – "Лев готовится к прыжку" и "Лев прыгнул", т.е. с конца 1980-х – начала 1990-х гг., тема "мафии" становится одной из расхожих и в России. Истории про киллеров, "братков", рэкет, "крыши", коррупцию высших чиновников не сходят со страниц тиражных изданий. Позднее их список пополнился неумолкавшими на протяжении ряда лет разговорами о кремлевской "Семье", сравнительно недавно отечественная конспирология обогатилась "заговором олигархов" (С.Белковский) и "заговором силовиков" (Г.Павловский). С позиций нашей модели, вполне характерно, что практически любая из них находит широкий сочувственный отклик.

Вопрос о достоверности, как сказано, в таких случаях по существу не стоит, зато и тень подтверждения воспринимается как убедительное доказательство. Причина тому практически та же, что в послевоенной Италии: сочетание ноуменальной четырехпартийности ($m = 4$, $n = 5$), с одной стороны, и идеологемы трех классов ($r = 3$), с другой. "Дыра" в таких случаях должна быть чем-то заполнена, наличная социально-политическая констелляция снабжает ее "внутренней правдой".

Исходя из настоящей модели, представляется заблуждением полагать, что систему мафии, широкой коррупции, вообще всех образований, соответствующих упомянутой "дыре", возможно победить исключительно с помощью государственных и, в частности, правоохранительных органов. "Мафиозность" становится продуктом общества в целом и в качестве такового поражает и государство, и правоохранительные органы, а в связи с надеждами на последние обычно напоминают старые истины наподобие "врач, ‹сначала› исцели себя сам" или "Quis custodiet ipsos custodes?" ("Кто будет охранять самих стражей?" – Ювенал, Сатиры, VI, 347-348).

Несмотря на генетическую виртуальность "дыры", тщетно пытаться ее закрыть путем непосредственного разубеждения населения. Тот, кто возьмется за такую задачу, например, начнет отрицать сквозную коррумпированность российских чиновников, мгновенно попадет под подозрение, что он их бессовестный адвокат или платный агент (аналогично и с "заговором олигархов", "заговором силовиков"). Кроме того, необоснованно

полагать, что общественные предрассудки, стереотипы обходят стороной представителей любого из классов, и идти "с пустыми руками" в высокий кабинет тогда превращается в синоним бессмысленной траты времени. Все замыкается в порочный круг, разорвать который возможно лишь на пути смены всей парадигмы.

Механизм работы упомянутого порочного круга (больные представления рождают реальную болезнь, болезнь подкрепляет нездоровые представления) очень просто проиллюстрировать. Каким образом навязчивые мысли о "мафии", ее неуязвимости и могуществе, приводят к материализации призрака?

Тут вмонтирована чистой воды тавтология. Если бы все вдруг поверили, что я всесилен, почти мгновенно я бы и стал таковым, ибо куда ни приду, передо мной распахнутся все двери (как из страха перед моим "могуществом", так и из-за ожидаемых бонусов), и я получу, что хочу. Но тогда я могу действительно "все", и это воспринимается как реальное подтверждение моего "могущества" ("вот видите, мы так и знали"), что заставляет вспомнить об истине, что общественное убеждение является вполне действительной силой. Напротив, если вера в мои неуязвимость и могущество исчезает, то чтобы справиться со мной, достанет и милицейского сержанта. "Эффект Березовского".

Таким образом, для эффективной борьбы с разветвленной коррупцией вначале представляется необходимым упразднить ее структурное место в *общественных головах*. Но для этого предназначены как раз *идеологические* средства. Мотив "так делают все", "не мы первые, не мы последние" при совершении должностных преступлений, превратившийся в своеобразную норму, если не вовсе исчезнет, то, по крайней мере, утратит конструктивное место в коллективном сознании. "Сопротивляться мафии – сущее безумие", она "бессмертна", в определенный период полагали в Италии. В России любят ссылаться на Карамзина, на экспрессивную дескрипцию отечественного состояния как "крадут". С позиций же нашей модели, демон "мафии" силен лишь до тех пор, пока социум испытывает в нем обоснованную психологическую и имплицитно-логическую потребность.

8. Альтернативы для России

После сказанного нетрудно перечислить наличные социально-политические альтернативы России, хотя на практике, конечно, встречаются и их сочетания. Тут все проще, чем в алгебре.

Первый вариант состоит в сохранении идеологемы богатого, среднего и бедного классов вместе со всеми последствиями. Недостаточная численность среднего класса, его неспособность подставить плечо политически умеренным, демократическим по характеру партиям преодолеваются главным образом экономическими методами и непосредственной социальной политикой (повышение зарплат бюджетникам, пенсий, пособий). Ощутимые сдвиги при этом требуют значительного времени и поступательного экономического роста, а вероятная рецессия (например, при неблагоприятном изменения мировых цен на сырье, банковском кризисе) приводит к деоптимизации и классовых пропорций. Надежды на социально стабилизационную роль исключительно экономических мер представляются преувеличенными и по иной причине. Повышение материального благосостояния бедных ведет прежде всего к изменению конкретных критериев бедности, но само по себе не достаточно для уменьшения численности бедного класса. Широкий социальный слой остается по-прежнему психологически униженным. "Бег за собственной спиной" или "бой с тенью", см., напр., [1, с.101].

Задача развития экономики при таком варианте возлагается прежде всего на государство, правительство. При этом мало востребован потенциал, заключенный в самом обществе, в оздоровлении морально-психологического климата. О последнем, если и вспоминают, то разве что в декларациях о необходимости создания новой национальной идеологии ("великой" /8/). Чтобы сдерживать социальный протест, к услугам патернализма приходится прибегать не только в экономической, но и политической сфере (образцы Чили времен Пиночета, Тайваня, Сингапура, Китая, с поправками на время – России при

Столыпине).

Неоправданно высокая численность бедного класса, когда под идеологическую рубрику "социального низа" подверстываются миллионы образованных и дееспособных людей, не остается без последствий. В обстановке фрустрации и в поиске виновных разрастается пятно негативного образа богатых ("олигархов"), что подавляет потенциал развития частного сектора (возвращаемся – см. выше – к надеждам на патерналистскую линию). Помимо "олигархов", в виновники попадают как само государство, с его прозвищами "режим", "оккупанты", так и демонизированные нацменьшинства (см., к примеру, [12]). Слияние мифологем дает контаминированные разновидности "олигархов-инородцев", "инородцев у власти".

На то, что именно социальные факторы становятся одной из ключевых причин обострения межнациональных противоречий, указывает и следующее. Если в социально-политической системе, вернее в массовом представлении о ней, число социальных классов меньше количества основных политических групп ($r < n$), то система в процессе стихийного саморегулирования стремится "добрать" недостающие элементы. Помимо социального (классового), другими действенными признаками, которые в состоянии повысить степень дифференциации общества, служат национальные и конфессиональные. Россия – полиэтническая и поликонфессиональная страна, так что "подручного материала" достаточно. Однако, скажем, на настоящий момент, судя по прессе, наибольшей актуальностью и остротой отличаются отношение к выходцам из южных республик бывшего СССР (прежде всего кавказских), во-первых, и проявления антисемитизма, во-вторых. Таким образом, число основных элементов в рамках таких представлений оказывается три ("титульная нация" и две группы "вирулентных" нацменьшинств), т.е. ровно то количество, которого недостает для превращения официальной трехчастной классовой идеологемы ($r = 3$) в пятеричную ($r = 5$) /9/.

С нашей точки зрения, правы те, кто утверждает, что межнациональные противоречия в значительной степени – превращенная форма, "свое другое" социальных. Результатом социального унижения широких масс становится формирующаяся потребность поставить какие-то группы еще ниже себя. При этом идеологическая роль "нормального большинства" (в здоровом случае это функция среднего класса – терминологически монолитного или же составного) переходит к национальному большинству. Читатель в состоянии самостоятельно оценить, насколько подобные процессы отвечают задачам построения

современного, постиндустриального общества, но таковы объективные последствия указанной социально-политической констелляции.

Как было сказано, совершенно неоправданно полагать, что коллективные идеологемы, имплицитные им оценки оставляют незатронутым какой-либо из социальных слоев; и высший класс, в свою очередь, не обладает специальным иммунитетом. И вот вполне респектабельные граждане на телеэкранах и печатных страницах настойчиво повторяют высокомерную кличку "совки" по отношению к массам менее состоятельных. В принятой позе волей-неволей читается: "Если бедные, значит, недостойные, не имеют мозгов". За психологический дискомфорт от массовой неприязни богатые платят презрением к социальным низам. Образуется порочный круг, и мысли материализуются в поведении (одни настаивают на скорейшем переделе богатств и голосуют за популистские партии, другие "от греха подальше" уводят капиталы на Запад и тратят деньги в первую очередь там, вдали от недоброжелательных взглядов). Каждая из сторон находит реальные подтверждения наихудшим из подозрений.

Второй вариант связан с первым – классовая идеологема сохраняется в прежнем виде, т.е. трехчастной, и приходится мириться с репутацией России как "мафиозной страны" (в глазах как собственного населения, так и "на экспорт"). Остается прибегать к самоутешениям: "Что же делать, не мы первые, а со временем (спустя десятилетия) все образуется" (эпизодические процессы против коррупционеров – см. разд.7 – лишь подкрепляют уверенность как в коррумпированности верхов, так и в неуязвимости центральных фигур). Правда, как свидетельствуют наша модель и опыт Италии, в будущем неизбежно обрушится вся наличная партийная система, но в контексте распространенного нигилистического отношения к партиям вообще ("кому нужны эти партии") такая перспектива не расценивается многими как неприемлемая.

Укоренение образа "мафии" в общественном сознании психологически коррелирует с чувством "униженности и обманутости" миллионов. Переживание "враждебности, чуждости" государства и социальной среды требует актуализации образа, мифологема "мафии" предлагает по-своему исчерпывающее объяснение. При этом дело даже не в объяснениях как таковых, а в глубокой ментальной потребности (ведь речь по-прежнему идет хотя и о рациональной, но при этом *бесознательной* сфере), которая по настоятельности сродни наркотической зависимости.

Учитывая сказанное в первом пункте, в рамках данной парадигмы нетрудно заметить и следы контаминации мифологем

"мафии" и "вирулентных нацменьшинств", тогда стереотипы "мафий" отдельных национальностей, их скрытого альянса входят в набор устоявшихся общественно значимых представлений /10/. Впрочем, для специфически заряженной части интеллигенции взамен простонародной и несколько отдающей портянками "мафии" подходит и разновидность "заговор КГБ", служащая решению тех же структурных проблем.

Третий вариант, признаки относительной работоспособности которого также заметны, состоит в искусственном управлении политико-идеологическим спектром. Отчасти это сопрягается с установкой на политический патернализм (см. вариант первый), но наблюдаются различия в степени и дополнительные нюансы. Для реализации данной альтернативы необходим строгий контроль из закрытых государственных кабинетов над наиболее влиятельными масс-медиа, ключевыми вопросами партстроительства и функционирования ведущих партий. В таком случае социально-политическая система лишается автономии и, следовательно, исчезает необходимость согласования партийной системы, с одной стороны, и классовой идеологемы, с другой. Ограничивающее условие $n = r$ по сути снимается, социум утрачивает самоуправляемость (переход на "ручной режим" управления). К несомненным минусам такой альтернативы относят ограничение демократии (свободы слова, независимости партий), но перед лицом первого и второго вариантов такая цена во многих глазах не выглядит слишком высокой.

Присутствует еще один минус – современные общества слишком сложны, чтобы ими удалось успешно управлять в подобном режиме в течение длительного периода. Во-первых, сбои практически неизбежны, во-вторых, такая система недостаточно устойчива к потрясениям. Под давлением массовых манифестаций соответствующие режимы зачастую сыплются как карточный домик, однако пока широких протестных движений нет, о них можно не думать, а если возникнут – будут думать уже другие /11/. При этом не следует полагать, что рассматриваемый вариант "ущемления демократии" (дело не в этикетках, вполне подойдет и "преодоление крайностей демократии") – социальный заказ только низов: под надежной политической крышей удобнее проводить не всегда популярные экономические реформы. Тогда отпадает необходимость в постоянной оглядке на позицию "безответственных партий", на социальные последствия новых шагов. У реформаторов развязаны руки. Возникают, правда, проблемы во внешней политике, в отношениях с развитыми демократическими государствами, оказывается подпорченным международный имидж страны, тормозятся иностранные

инвестиции, России противодействуют в СНГ, но у страны за плечами богатый исторический опыт противостояния.

Вариант четвертый ассоциирован с предыдущим и заключается в "директивном" утверждении в России биполярной политической системы ($m = 2$, $n = 3$, две партии или два блока партий: "правые-левые"). Такая система, как известно, в стране ныне отсутствует, однако если есть мощные инструменты и политическая воля властей, ее, допустим, можно установить. В таком случае отпадает потребность в смене ведущей классовой идеологемы ($r = 3$), она остается "как в развитых странах". Определенным преимуществом по сравнению с третьим вариантом тут кажется "однократность" вмешательства в партийно-политическую систему: "один раз установили, потом все будет работать само", – исчезает необходимость в постоянном кураторстве над масс-медиа, партиями. Такое преимущество, однако, существует лишь на бумаге.

Во-первых, на нынешней ступени развития экономики у системы трех классов в России нет реальных возможностей стать действительно полноценной (см. выше, в частности, о немногочисленности среднего класса). Во-вторых, бросим взгляд на конкретную политическую констелляцию. Какие именно две партии вправе претендовать на роль костяка российской биполярной системы? Если исходить из существующего состояния, то первую двойку составляют "Единая Россия" и КПРФ. Последняя пока не выражала намерений перекраситься в социал-демократов ("как в Европе"), в этом смысле скорее напоминая итальянских коммунистов после войны. Попыткам же создать серьезную социал-демократическую организацию, миссией которой стало бы значительное сокращение коммунистического электората, до сей поры не удавалось продемонстрировать выдающихся достижений. Порой раздаются голоса за запрещение КПРФ. Но освободившееся место мгновенно займет та же самая, просто переименованная, или новая радикальная сила, ибо массовый запрос на радикализм в наличных экономических и социальных условиях не может быть элиминирован. Читатель, впрочем, в состоянии самостоятельно справиться с оценкой степени реалистичности и качества любой из российских политических двоек.

Поэтому на деле попытка внедрения биполярной модели неизбежно выливается в перспективу еще более жесткого и не менее перманентного прессинга со стороны неподконтрольных властей. Поэтому сторонникам позиции, чтобы в России все до деталей было "как на Западе" остается только надеяться, что со временем политическая биполярность установится и у нас. Такая

позиция отчасти даже и лицемерна, ибо в жертву будущей демократии здесь волей-неволей приносится демократия нынешняя, однако давление на сегодняшнюю демократию – дело властей, а стремление к будущей – "прогрессивной общественности", остающейся в белых перчатках.

Наконец, последний вариант – все же вносятся изменения в действующую классовую идеологему, и взамен схемы трех классов ($r = 3$) принимается пятеричная ($r = 5$).

В пользу трансформации свидетельствуют, кажется, все структурные аргументы: отпадает нужда в системных ограничениях демократии, снимается настоятельная потребность во всемогущей "мафии", снижается социальная напряженность, классовое ядро общества составляет репрезентативное большинство, уменьшается зависимость внутренней социально-политической обстановки от неблагоприятных внешних воздействий. Пятеричная идеологема ориентирована на движение в сторону социального мира, на утверждение климата классового, а вместе с ним и межнационального сотрудничества (а значит, и на рост социальной мобильности, внутреннего динамизма).

Поскольку пятеричной идеологеме, в отличие от троичной, присуще наличие не одномерной, а двумерной престижной шкалы (см. разд.6), постольку возрастает социальная мотивация на получение образования, повышение квалификации, на инновации. Вслед за утверждением идеологической престижности "интеллигентных" занятий оправданно ожидать и интенсификации процессов перераспределения национального дохода. И не по примитивному деструктивному сценарию "отнять и поделить" (нигилизм в отношении к собственности и без того порождает много проблем), а посредством перемен в межклассовых отношениях. Ведь величина вознаграждения за труд определяется, как известно, не только количеством и качеством этого труда, но и социально-психологическими факторами: "уважаемым людям" платят больше. (В частности, подобному фактору обязана своим успехом историческая борьба западных профсоюзов за повышение прав и заработной платы работников: последние "заставили себя уважать".)

Аксиологический градиент в пятичастной классовой идеологеме, если взглянуть на рис.1, направлен по диагонали из нижнего правого угла в левый верхний (от бедного класса и крестьян к богатому классу и интеллигенции). Ввиду того, что деньги по-прежнему во многом служат мерилом человеческих отношений, то не только престиж идет вслед за ними, но и они за престижем. Снижение неравномерности распределения национального дохода, в свою очередь, оказывает благоприятное

влияние на развитие национальной экономики, поскольку корзина потребления богатых состоит в значительной части из эксклюзивной зарубежной продукции, тогда как корзина менее обеспеченных слоев включает б**о**льшую долю продукции массовой и отечественной.

Движение денег вслед за престижем поддерживается и другими механизмами. Вместе с повышением социального авторитета "интеллигентных" занятий возрастает цена интеллектуального капитала, растет доверие богатых к соответствующему источнику инноваций, а значит, интенсифицируются инвестиции в новые технологии. Повышается и самооценка дополнительного идеологически "высшего" класса (интеллигенции), а вместе с ней и апелляция к собственным силам (установка создать что-то свое, "как Билли Гейтс", тем самым образовав совсем новую нишу). Если идеологема трех классов, как было сказано, запускает в России механизм порочного круга, работающего на общее понижение, то в данном случае обратная связь также присутствует, но меняет знак на противоположный /12/.

Наконец, у рассматриваемого варианта пятеричной классовой идеологемы есть еще одно, пока не упоминавшееся, достоинство. Речь пойдет о зрительном ряде, или визуальной суггестии. Специалисты по рекламе, разработчики фирменной символики, идеологи прежних времен всегда понимали важность данного фактора. Поскольку целевой аудиторией всякой классовой идеологемы является общество в целом, постольку здесь изначально следует ориентироваться на особенности массового восприятия. "Креатив" в данном случае – не салонный изыск, а подчиняется критериям простоты, яркой наглядности и доходчивости для практически любого из членов социума.

XX век, включая отечественную историю, предоставляет нам незабвенные образцы социально-визуальной продукции. У всех в памяти "иконографические" изображения самодовольного пузатого богача-капиталиста во фраке, цилиндре и с сигарой в зубах, а рядом с ним небритого, сутулого, изможденного бедняка в лохмотьях. Идеологический союз двух главных классов сталинского СССР нашел гениальное выражение в монументе Мухиной "Рабочий и колхозница", производившем яркое впечатление не только на миллионы соотечественников, но и левых европейских интеллектуалов той эпохи /13/.

В позднесоветский период, вместе с распространением образования и официальным признанием роли НТР, коммунистические идеологи отказываются от

пренебрежительного ярлыка для интеллигенции как прослойки и вводят в оборот более комплиментарный штамп "советская интеллигенция". Общим местом плакатов тех лет становится тройка смотрящих в одну сторону (возможно, в ту, где маячил коммунизм) мужественного рабочего в синей спецовке, с гаечным ключом или штангенциркулем /14/, смахивающей то ли на Любовь Орлову, то ли на Мерилин Монро колхозницы с серпом и в красной косынке, а также облаченного в костюм и галстук сосредоточенного интеллигента в очках. Можно сколько угодно иронизировать над незамысловатостью подобных средств воздействия на массовое сознание, однако с той поры едва ли что изменилось по сути (достаточно взглянуть на мир "пиара" и "попсы").

Тривиально просты, если угодно примитивны, любые стереотипы, включая и классовые, и исключительно в этом качестве они достигают цели. Если ноуменальному массовому восприятию пятиклассовой идеологемы способствуют прецеденты из языка (система лиц местоимений), фольклора (сказочные семьи) и проч., то эффект "схватывания" лишь усиливается, будучи подкреплен в визуальной проекции.

Нетрудно заметить, что рассматриваемая разновидность пятисоставной классовой идеологемы позволяет не изобретать ничего принципиально нового – образы богатых, бедных, интеллигенции, рабочих, крестьян уже давным-давно заготовлены, разве что художники внесут без труда подобающие поправки на время (так, по эксклюзивному социальному заказу богатых, толстяка с сигарой можно заменить, например, по-спортивному стройной фигурой с теннисной ракеткой и нефтяной вышкой подмышкой, а крестьянин может предстать не в виде колхозницы в комсомольской косынке, а в виде фермера, по-рыцарски горделиво оседлавшего трактор).

Разумеется, совершенно ошибочно полагать, что классово-визуальные средства – из арсенала лишь коммунистической пропаганды. Самое позднее, со Средневековья "простой народ" опознавал социальную структуру, разглядывая картинки в календарях. В XVIII-XIX вв. в России становятся традиционными изображения фигур крестьянина в перепоясанной веревкой холщевой рубахе, онучах и лаптях, купца с лопатообразной бородой, в сапогах и кафтане, мещанина в мешковатом сюртуке, хлыщеватого бритого дворянина в мундире и тучного попа в рясе и с крестом на брюхе. Меняются времена, меняются и клише, однако сам принцип плакатности пережил все эпохи. Таким фактором, по-видимому, не стоит пренебрегать при оценке любых кандидатов на классовую идеологему.

Теперь прислушаемся к голосам потенциальных критиков классовой идеологемы, состоящей из богатых, интеллигенции, рабочих, крестьян и бедных.

Первая группа контраргументов исходит из того, что вообще отсутствует необходимость отказываться от добившейся высокой репутации на Западе трехчастной классовой идеологемы. Численность среднего класса в последние годы растет и в России, поэтому требуется лишь "потерпеть", пока удастся приблизиться к европейским экономическим и социальным стандартам, а тем временем сосредоточить усилия на повышении темпов роста ВВП. Уже сейчас в стране все обстоит не так уж и плохо, и, согласно данным некоторых опросов, к среднему классу в 2003 г. относило себя до половины российского населения [13].

С точки зрения нашей модели, такая позиция представляется недостаточно продуманной, если не лукавой. Начнем с того, что продемонстрировано весьма избирательное отношение к цифрам опросов: например, ряд берется исключительно за самые последние годы и игнорируется, что нынешняя численность среднего класса только вернулась к состоянию перед кризисом 1998 г. Застрахована ли страна от повторения экономических и финансовых спадов? Или российская классовая система так и будет дышать, в том числе коллапсировать, в унисон экономической, следуя за волнами мировой конъюнктуры?

Август 1998 г. резко дестабилизировал и политическую систему, подтолкнув общественные настроения к "наведению порядка" в стране. Если и прежде российские выборы не всегда удавалось назвать действительно честными, то процесс преодоления кризиса актуализировал, согласно распространенному мнению, вариант "всегда нечестных". Подобные сдвиги принято персонифицировать посредством указания на отдельных "недемократических" политических деятелей и их окружение, а с точки зрения теории, тут просматриваются следы давно известных объективных закономерностей. В период острого кризиса – одновременно экономического, социального и политического – не остается иного серьезного варианта, кроме усиления авторитарных начал. Альтернативой этого является хаос.

Перспектива потерпеть, пока Россия экономически подтянется к странам Европы volens nolens предполагает, что ей не стоит торопиться и с процессами демократизации (см. выше о последствиях трехчастной классовой идеологемы). Параллельно упорно не уменьшаются влияние и размеры административного аппарата (а может ли быть иначе в авторитарной среде?), сопутствующее взяточничество, с чем тоже придется мириться как

с "неизбежным злом". Проблема лишь в том, что такой ход событий, как заверяют политологи, нередко заканчивается массовыми протестами, сменой элит, причем как раз не в нижней точке экономической кривой, а в начале подъема.

Что же касается самих данных приведенного социологического опроса, то он, во-первых, вызвал немалое удивление экономистов и социологов, поскольку цифры доходов тех, кто объявил себя представителями среднего класса, плохо согласуются с их анкетной самоидентификацией, во-вторых, политические взгляды подобным образом выделенного "среднего класса" оказались во многом близки к радикальным, что обычно считается признаком класса бедного, и в-третьих, данные таких опросов зависят от перемен в общем политическом настроении. Если же следовать нашей модели, то стремление "нормальных" граждан не числить себя в среде социальных аутсайдеров, маргиналов является не только естественным, но и безотлагательным, и у граждан отсутствует желание ждать, пока реальный семейный бюджет подтянется к объективным стандартам среднего класса.

Претензии к идеологеме "богатый класс, интеллигенция, рабочие, крестьяне, бедный класс" могут заключаться и в другом – например, в том, что в одной из двух своих конструктивных частей она составлена из стереотипов, доставшихся от советского прошлого, пусть и деверсифицированных. Такой факт сам по себе, конечно, не служит достаточным основанием для приговора: разделение на интеллигенцию, рабочих, крестьян типологически относится к разновидностям *техники*, в данном случае социальной, а технику принято считать в высокой степени независимой от характера политического режима /15/. Кроме того, стремление сразу обновить слишком много в ряде случаев чревато провалом проекта обновления в целом (см. известные срывы модернизации). Перед лицом подобной угрозы "шаг назад" начинает означать "шаг вперед".

Хотя, оставаясь в границах науки, неуместно руководствоваться любыми субъективными, чисто оценочными суждениями, вероятно, все же нельзя априори исключать, что использование элементов старых общественных представлений в каких-то случаях может создавать препятствия на пути к модернизации социума. При этом мы полагаем уже установленным факт, что, во-первых, условия современной России требуют структурной пятичастности классовой идеологемы и что, во-вторых, наиболее слабым звеном исходной трехчастной является средний класс. В таком случае постараемся

выполнить давнее обещание, обратившись к анализу иных разновидностей пятичастных идеологем.

Другими претендентами на роль пятисоставной идеологемы, соответственно, станут те, которые уже не оборачиваются в прошлое, а устремили взор исключительно в будущее. Допустим, в процесс идеологического проектирования закладывается забота об отношениях к собственности, вернее, об актуализации этого отношения в коллективных умах. В таком случае средний класс может быть разделен, к примеру, на собственников, менеджеров и рядовых работников – исходя из старых марксистских и по-прежнему остающихся в обращении представлений о трех основных отношениях к собственности: обладание (владение) средствами производства, управление ими, а также отчужденность от них. Отношение к собственности – критерий, который непосредственно не совпадает с критерием уровня доходов, поэтому сформулированное выше требование имплицитной двумерности классовой идеологемы удовлетворяется и в данном случае.

В роли "собственников" в рамках настоящей разновидности, по-видимому, станут фигурировать владельцы мелкого и среднего бизнеса, ибо трудно предположить, что обладатели крупного уже не ангажированы классом богатых. Подобная специальная ориентированность на мелкий и средний бизнес (упоминание его владельцев "отдельной строкой"), на первый взгляд, должна соответствовать повышенному общественному вниманию к ним, чего в принципе нынешней экономике не хватает, и это является "плюсом". Зато у такой разновидности, на наш взгляд, есть и довольно серьезные недостатки.

Во-первых, собственник мелкий и средний в данном случае искусственно отделен от крупного – не вполне понятно, на каком основании. Во-вторых, в хитросплетениях современных форм собственности разберется разве что искушенный экономист или юрист (например, если работникам принадлежит определенная доля акций предприятия, то кем их считать: собственниками или работниками?). В-третьих, подобную разновидность классовой схемы непросто визуализировать; нам, по крайней мере, не вполне ясно, как тут изображать того же собственника: то ли в виде вальяжного мужика, развалившегося за рулем джипа (собственник средний), то ли в виде нагруженной тюками как ишак женщины-челнока (индивидуал-предприниматель)? Итог – недостаточная определенность, в значительной мере смазанный образ и, значит, сомнительная работоспособность такой разновидности классовой идеологемы.

В качестве еще одного кандидата на классовую идеологему можно рассмотреть деление натрое логического места среднего класса согласно позиции, занимаемой человеком на службе. Так, при заполнении анкет, рассылаемых американскими корпорациями, нередко приходится выбирать между тремя вариантами положения в собственной фирме лица, которое заполняет анкету: *final* authority level, *senior*, *law*, – в известной степени напоминающими высшее, среднее и низовое звенья советских классификаций (в более бытовой терминологии: высшее начальство, средняя ступень управления, исполнители). Не отрицая значения такого критерия для самоопределения людей в рамках отдельных предприятий и организаций, все же кажется затруднительным корректно распространить его на общество в целом. Так, в глазах большинства хозяин мелкой фирмы (final authority level) занимает более низкое социальное положение, чем средний чиновник министерства или гигантской корпорации. Хотя с возможностью визуализации в данном случае обстоит вполне благополучно: картинка багроволицего начальника, который энергично распекает стоящего перед ним сгорбившегося и смиренно скрестившего руки подчиненного, легко предстанет перед мысленным взором. Однако по совокупности факторов настоящая разновидность все же кажется не вполне перспективной.

Еще один вариант – это, скажем, деление позиции "средний класс" на следующие группы: 1) работодатели (employers, имеются в виду мелкие и средние собственники), 2) работники (employees), 3) самонанятые, т.е. работодатели самим себе (в частности, представители так называемых свободных профессий). Такой вариант легко поддается "иконографической" трансляции: например, надменный и подозрительный работодатель, пришибленный изможденный работник (можно пририсовать коричневые нарукавники) и "расхристанный" представитель свободных профессий с выражением на лице "а мне все до лампочки, я сам по себе" (не исключено, с пестрым панковским гребнем на голове).

Настоящая разновидность, возможно, когда-то окажется в состоянии всерьез претендовать на место в классовой идеологеме, но предварительно критерий социальных отношений на базе распорядительных функций должен занять то ключевое место в общественной психологии и образе жизни в общенациональном масштабе, которое способно стать конституирующим в процессе классообразования. Но при наличном состоянии экономики и общественного сознания подобное деление выглядит

преждевременным, хотя партии "прогрессивной" направленности при желании имеют возможность взять такую или аналогичную схему на вооружение в своей пропаганде ("внутри Садового кольца").

Подводя итог настоящей части исследования, необходимо отметить следующее. Если требование пятичастности искомой классовой идеологемы ($r = 5$) и путь ее достижения посредством деления позиции "средний класс" на три крупные социальные группы представляются в целом обоснованными в рамках настоящей модели, то вопрос о конкретном составе таких трех групп остается дискуссионным. Были рассмотрены следующие варианты: "высшая, средняя, низшая часть среднего класса", "служащие (интеллигенция), рабочие и крестьяне", "собственники, менеджеры, рядовые работники", "final authority level, senior, law", "работодатели, работники, представители свободных профессий" и по совокупности обстоятельств наиболее перспективным пока выглядит второй вариант.

Упомянутое "пока" здесь принципиально. Во-первых, преимущества данной разновидности идеологемы отнюдь не в последнюю очередь обязаны сегодняшнему состоянию социально-политической системы, наличной ступени развития экономики. Если, скажем, через 10-20 лет поступательного роста ВВП произойдут социально значимые перемены в уровне жизни, общественном сознании, и средний класс в западном понимании составит действительное большинство, то необходимость в подобной идеологеме может отпасть /16/.

Так, в 1999 г. Ю.Н.Солонин и С.И.Дудник писали: "В нашей стране, лишенной в нынешнем ее виде органической социальной связи, и определяемой в значительной мере детерминантами политического происхождения, в ней имеются ли предпосылки единого среднего класса? Пока мы видим более выраженную динамику обособления, особенно по этническому признаку. Следовательно, требуется некая особая мера социального времени в пределах которого, возможно, снимется острота обособляющих тенденций и скажется унифицирующий социальный эффект. Им на смену должна придти социальная политика создания таких социальных структур, в которых основную массу должны составить люди обеспеченные в удовлетворении своих основных притязаний и потребностей, имеющих надежные гарантии стабильности своего существования и претендуемого улучшения благополучия. Их мировоззрение можно было бы определить как консервативный оптимизм" [15, с.21]. Когда такая перспектива реализуется, возможно, станет

целесообразным вновь скорректировать идеологический курс. Таким образом, наш дискурс во многом следует отнести к той ветви науки, которая называется *транзитологией* и занимается поиском оптимальных маршрутов развития на этапе перехода от тоталитарных обществ к современным демократическим.

Приведенный список возможных разновидностей классовых идеологем не является, конечно, исчерпывающим. Эту часть мы предлагаем в качестве предмета дискуссии – как для специалистов, так и широкого круга заинтересованных лиц, поскольку при любом раскладе классовая идеологема, во-первых, должна отличаться логической простотой, и во-вторых, должна опираться на общественное согласие.

При этом согласие, разумеется, не означает единогласия. Если исходить из нашей модели, то принципиальным по отношению к классовым идеологемам является вопрос не столько их конкретного состава, сколько структурной кратности (величина r). Поэтому если разные социальные группы будут придерживаться предметно различных представлений о классовом составе, однако при этом структурно гомологичных (одинаковые r), то по-прежнему удастся избежать тех негативных последствий, которые связаны с несоответствием партийно-идеологической и классово-идеологической систем (n не равно r). Так, в Европе до сих пор в широком хождении не только схема богатого, среднего и бедного классов, но и традиционно марксистская: буржуазия, пролетариат и крестьянство, – обладающая той же кратностью.

Заключение

В процессе проведения экономических, политических, социальных реформ российские власти систематически пренебрегали социально-идеологической работой. Такое положение объясняют, во-первых, реакцией на засилье пропаганды при тоталитарном режиме, во-вторых, акцентом на экономических мерах (и тон в правительствах задавали в первую очередь экономисты, а не идеологи), в-третьих же, разобщенностью российских элит, неспособных прийти к содержательным формулировкам своих интересов и целей. Сейчас отношение к идеологическим инструментам отчасти меняется, однако по-прежнему предпочтение отдается решению текущих задач, а не стратегической линии. Результат – борьба лишь с последствиями, а не причинами негативных явлений.

При превалирующем позитивистском взгляде на социум как прежде всего "экономическую машину" происходит недооценка духовных, социально-психологических факторов. До сих пор встречается мнение, будто на Западе, в частности в США, наблюдается нечто подобное. Американские элиты в свое время приложили незаурядные усилия, чтобы добиться перемен в классовом сознании и самосознании масс. О необходимости государственной пропаганды не забывается и теперь, вплоть до скандальных проявлений (см., напр., [14] /17/). Даже курс в кильватере западных стран (догоняющая модернизация) предполагает обращение к аналогичным же средствам. К слову, предмет настоящей статьи безотносителен к чисто вкусовым спорам славянофилов и западников, особенно если принять во внимание аргумент, что одна из конечных целей вестернизации состоит в усвоении главного западного образца – привычки жить собственным, а не чужим умом, по крайней мере, отказа от роли троечника, заглядывающего в рот учителю и почитающего за последнюю истину всякое его слово.

Использующиеся в России пропагандистские приемы порой выглядят просто наивными. Из соображений тактичности воспользуемся старым примером: в ответ на программное

заявление Е.Т.Гайдара, что он, вместе с командой, заполнил полки магазинов продуктами, оппонентами было тут же добавлено: "но опустошил животы". А с точки зрения настоящей модели, одной из важных причин фатального падения популярности властей того времени и этого политика в частности стало то, что именно тогда, т.е. на старте реформ, в России началось интенсивное внедрение идеологемы богатого, среднего, бедного классов и вместе с экономическим спадом миллионы людей оказались морально унижены, т.к. им было указано место в идеологически-социальном низу.

Сказанное, конечно, не означает, будто одни грамотные идеологические средства в состоянии решить все проблемы, в том числе в социальной сфере. Однако тезис, что без таких средств проблемы решаются сложнее, наверное, трудно оспорить. Кроме того, если выше отмечалось, что в зону действия классовой идеологемы попадают все без исключения социальные слои, то можно добавить: и правительство, как часть общества, тоже. А если оно обратится в риторике и повседневной работе к более адекватным социальным представлениям (перестав с настойчивостью, достойной лучшего применения, преследовать мираж "среднего класса"), то от этого останется в выигрыше вся система. Абсурдным, разумеется, стал бы вывод, будто отпадает необходимость в социологических данных, отражающих более детальную картину социальных процессов, чем культурологическая модель, однако от идеологической установки зависит также немало, особенно если учесть, что с социологическими цифрами и диаграммами имеют дело главным образом те, кому положено по непосредственной службе, тогда как идеологема проникает в сознание всех.

При этом мы далеки, конечно, от утверждения, будто одно изменение классовой идеологемы в состоянии навести порядок во множестве областей жизни нашего общества. Хотя, как мы постарались показать, наличие цепочек взаимозависимостей связывает классовые идеологемы со сферами реальной социальной среды, политики, экономики, национального самосознания, однако регуляция перечисленных сфер требует и самостоятельных средств. При этом характер классовой идеологемы по-своему задает направление необходимых воздействий – повышение оценки и самооценки широких социальных слоев, повышение степени самостоятельности социально-политической, экономической систем по отношению к государству, декриминализация, утверждение более здоровых межнациональных отношений. Такое направление, по всей видимости, отвечает задачам построения постиндустриального

общества.

Одна из подразумеваемых предпосылок настоящей работы заключается в том, что идеологическим разработкам следует опираться на научные критерии. В настоящей работе мы старались придерживаться подобного требования, хотя конечная оценка – задача уже не наша. Практическая верификация модели, в силу особенностей предмета, возможна лишь вместе с внедрением, однако здесь удалось применить математические методы, результаты которых не требуют экспериментальной проверки. Вообще, для нас это удача, что идеологические конструкты современного общества поддаются математической формализации (см. выше о воображаемом и при этом рациональном характере объектов как математики, так и идеологии образованного социума). Насколько в представленной работе, помимо собственно изучения идеологических объектов, происходит и их конструирование, настолько справедлива речь о своеобразной культурологической инженерии.

И, наконец, последнее. Если озаботиться поиском места на карте различных течений в культурологии, то представленная работа тяготеет к структурному направлению. Поскольку последнее в глазах поклонников постмодернизма выглядит устаревшим, возможно, уместно сказать по этому поводу несколько слов.

Всякое исследование выбирает методы в зависимости от предмета анализа и от поставленных целей. Предметом в настоящем случае служили классовые идеологемы. При этом ставилась задача не разрушать их, а выявлять их строение и на этой базе проектировать новые (для адаптации к российским условиям). Если немного поиграть с постструктуралистской терминологией, проводилась не деконструкция, а реконструкция. Почему?

Любые идеологемы, включая стереотип богатого, среднего и бедного классов, являются, конечно, легкой мишенью для критики. Этот вопрос частично уже затрагивался. Трудно не согласиться, что в такой идеологеме, если на нее посмотреть сквозь окуляр микроскопа, сомнение вызывает едва ли не все. Очевидна, скажем, референциальная размытость каждого из составляющих терминов: начиная с отсутствия строгих границ между ними и заканчивая разнонаправленностью, многомерностью сопряженных культурно-языковых ассоциаций. Для иллюстрации можно напомнить старинные сентенции "беден не тот, у кого мало, а тот, кому мало", "достаточно у того, кому достаточно", ergo: "богатый беднее, чем бедный". Процедуре релятивизации может быть подвергнуто само семантическое ядро

соответствующих массовых представлений.

Критические стрелы могут быть пущены и в дистинктивный признак, лежащий в основании идеологемы трех классов, – размер богатства. Такой критерий незамысловат и экзистенциально малосущественен, тогда как "единственное, что действительно принадлежит человеку, – это его душа". Имплицитной оценочной шкале ("богатым быть лучше, чем бедным") противоречат широко известные утверждения, скажем, Диогена или Христа. Наконец, определенным вызовом интеллектуалам становится не только конкретный характер идеологемы, но и ее статус стертого и бездумного клише, а также принадлежность идеологической сфере (в то время как мы, согласно постмодернистской точке зрения, вступили в эру "конца идеологий"). В общем, классовый стереотип буквально напрашивается на деконструкцию.

Тем не менее в настоящей работе было оставлено в неприкосновенности по сути все, что "требует деконструкции", и даже, что почти неприлично, не поставлена под вопрос вся вульгарная парадигма капитализма и его наиболее пошлого порождения – общества потребления. Напротив, идеологема трех классов сыграла роль одного из строительных кирпичей. Аналогично мы обошлись и с тремя "советскими" классами, хотя коннотации здесь не менее амбивалентны. Противоположность двух подходов объясняется различием установок и целей.

В нашу задачу входило не расшатать идеологические стереотипы о строении социума, а напротив, использовать их более полный набор, тем самым их укрепив. Да, всякий объект масскульта, если его подвергнуть интеллектуальной рефлексии, расползается как ветхая ткань. Однако об альтернативе – лишить социум определенности его простых представлений – на практике лучше не думать, ибо люди станут внимать сонмам прожектеров, предлагающих уже совершенное безумие (вспомним "перестройку"), на поверхность выползут и пещерные представления о строении социума. Как ни прискорбно существующее положение в этой области, правила игры уже заданы, и, с нашей точки зрения, остается лишь их придерживаться.

Аксиологически амбивалентен, разумеется, и весь наш предмет – идеология, которая, как известно, есть власть, значит, насилие. Власть, насилие, вероятно, в самом деле не самые почтенные вещи, если не считать безвластия и расцветающего при нем откровенного произвола сильных и хитрых. Что касается конкретно пятичастной идеологемы (в разных вариантах), то ее интенцией становится, кажется, как раз более полный учет

наличной позиции населения, повышение степени самоуправляемости социума и, стало быть, рост общественных свобод /18/. Поэтому речь шла не о борьбе с подобной властью и идеологией, а лишь о совершенствовании их структуры.

Не исключено, прием сочленения двух разнородных идеологем ("богатого, среднего, бедного классов", с одной стороны, и, к примеру, трех "советских" классов, с другой) может производить впечатление "поп-артистского" монтажа. Однако в настоящем случае главной целью служит не эпатаж, а работоспособность конструкции, которая, помимо рассмотренных рациональных, имеет, конечно, и эстетические измерения (см., например, природа метафоры по Ломоносову: "сопряжение далековатых идей"). Эстетический анализ, впрочем, остался за пределами проведенного исследования.

И в качестве финальной черты – приглашение всем желающим поучаствовать в дискуссии, ибо поднятые вопросы, надеемся, интересны не только для автора.

Приложение

Если для случая односвязности, т.е. без "дыр", справедлива формула (3), т.е. $N = n - r$, то случай с одной "дырой" может быть к нему искусственно приведен. Для этого необходимо мысленно разрезать тело социально-политической системы. Геометрическая иллюстрация приведена на рис.5 (для наглядности края разреза на схеме немного разведены):

Рис.5

Полученная система, если ее замкнуть, в результате станет вновь односвязной, и, значит, для нее окажется справедливой формула (3). Однако не следует забывать о произведенных изменениях в системе. В результате рассечения и последующего замыкания системы, в нее по сути добавлены две дополнительные социально-политические ячейки ("на торцах"). Таким образом, чтобы вернуться к исходному случаю до рассечения, эту двойку следует вычесть из условия $N = n - r$. В результате получим: $N = n - r - 2$.

Приравняв, как и прежде, величину N нулю (это, напомним, служит условием определенности и самоуправляемости социально-политической системы), получим $n = r + 2$.

Когда "дыр" в общем случае не одна, а p, процедуру рассечения и, соответственно, добавления двойки необходимо повторить p раз. Тогда

$$n = r + 2p,$$

(5)

Полезно сделать методологическое замечание. Визуализация (рис.5) в трехмерном геометрическом пространстве в данном случае лишь условная и носит исключительно иллюстративный характер. В социологии широко используются "пространственные" представления, социальные пространства даже метризуют (вводимые процедуры шкалирования позволяют определять "расстояния" между "точками" такого пространства, например, разницу доходов между различными социальными группами –

соответственно, по финансовой координате; балльным измерениям поддаются дистанции по признаку престижа и т.д.). В рамках настоящей модели речь идет о пространстве социально-политическом. Вопрос о его метрике и даже размерности не ставится (хотя при желании можно было бы пойти и по этому пути). Для вывода зависимости (5), однако, оказывается достаточно самых общих топологических представлений, во-первых, о замкнутости исследуемого объекта (с самого начала социально-политическая система у нас предполагается, напомним, относительно автономной) и, во-вторых, разбиении его по двум признакам (социально-классовому и партийно-политическому) на совокупность непересекающихся групп, или ячеек.

Автор признателен проф., засл. деят. науки М.С.Кагану, засл. раб. культуры Н.И.Николаеву, Б.Е.Лихтенфельду за ценные замечания, сделанные по прочтении рукописи, а также сотрудникам кафедры философии культуры и культурологии философского факультета Санкт-Петербургского госуд. университета за плодотворное обсуждение доклада на данную тему.

Литература

1. Степанов А.И. Число и культура: Рациональное бессознательное в языке, литературе, науке, современной политике, философии, истории. – М., 2004.

2. Сорокин П. Социальная стратификация и мобильность // Человек. Цивилизация. Общество. – М., 1992.

3. Румер Ю.Б, Рывкин М.Ш. Термодинамика, статистическая физика и кинетика. М.,1972.

4. Любин В.П., Степанов А.И. Европейские партийные системы со значительным коммунистическим компонентом. Политическая асимметрия в современном мире // Партии и партийные системы современной Европы. – М.: ИНИОН, 1994. – С. 24-51. (Сетевой вариант: http://www.alestep.narod.ru/adds/euro_party.htm)

5. Тимофеева О. Как повысить пенсию до трех тысяч евро. – Известия. 20 нояб. 2004.

6. Тихонов А. Бедность как норма. – Известия. 23 сент. 2004.

6а. Ильичев Г. "Доведете – вилы в руки возьмем!" – Известия. 18 февр. 2005.

7. Степанов А.И. "Прекрасная политика" // Логос: С.-Петербургские чтения по философии культуры. – СПб., 1992. Кн.2. – С. 89-103.

8. Ильичев Г. Разделка шкуры неубитого медведя. Эксперты сочиняют сценарии для будущей Думы. – Известия. 14 нояб. 2003.

9. Аристотель. Политика // Сочинения: В 4 т. Т. 4. – М., 1983. – С. 376-644.

10. Вагимов Э.К. Вызовы современности и ответственность философа: Материалы "Круглого стола", посвященного всемирному Дню философии. Кыргызско-Российский Славянский университет / Под общ.ред. И.И. Ивановой. – Бишкек, 2003. – С.43-53.

11. Липсет С.М. Третьего пути не дано // Полис. 1991. №6.

12. Ильичев Г. "Очень много развелось южных национальностей". – Известия. 28 янв. 2005.

13. [Без подписи]. Половина россиян считают себя средним классом. – Известия. 13 нояб. 2003.

14. [Без подписи]. Джордж Буш организовал "черный пиар" образования. – Известия. 28 янв. 2005.

15. Солонин Ю.Н., Дудник С.И. Общество в поисках стабильности: от социальной однородности к среднему классу // Средний класс в России: прошлое, настоящее, будущее (Материалы научно-практической конференции 9-10 декабря 1999 г. Серия "Symposium". Вып.2. СПб. 2000.). С. 13-21.

СНОСКИ

1. Учитывая, что занимать высокие государственные посты имели право представители только трех первых групп, а за фетами было зарезервировано лишь право участвовать в народном собрании и народном суде, структура классов тут, если угодно, может быть описана формулой 3 + 1.

2. В X – XIII вв. главных сословий было также три: духовенство, дворянство, крестьянство.

3. Ср. ситуацию в антропологии: влиятельная часть ученых утверждает, что в действительности нет никаких трех "больших человеческих рас" (европеоидной-монголоидной-негроидной, в повседневной терминологии: белой-желтой-черной), "на самом деле" человеческих рас десятки и сотни [1, с.131-132].

4. К примеру, в американской социологии, начиная с 1940-х гг., фигурируют типологии, основанные на дроблении любого из уровней: высшего, среднего, низшего. Так, Ллойд Уорнер предлагал различать верхний-верхний класс, представленный наиболее преуспевающими бизнесменами и высокодоходными профессионалами из так называемых "старых семей", проживавших в привилегированных частях города, с одной стороны, и нижний-верхний класс, не уступающий первому по материальному благополучию, но не включающий старые родовые семьи, с другой. Средний класс, в свою очередь, подразделялся на верхний-средний (в него включались те, кто принимал активное участие в общественной жизни города и проживал в благоустроенных городских районах) и нижний-

средний (состоявший из низших служащих и высококвалифицированных рабочих). Аналогично, верхний-нижний класс представлялся низкоквалифицированными рабочими, занятыми на местных фабриках и пребывавшими в относительном достатке, тогда как нижний-нижний класс заполнялся представителями "социального дна", обитателями подвалов, чердаков и трущоб. Предлагались и другие схемы, например, верхний-верхний, верхний-нижний, верхний-средний, средний-средний, нижний-средний, рабочий, низшие классы. Или же, что имеет уже самое непосредственное отношение к рассматриваемому ныне варианту: высший класс, верхний-средний, средний и нижний-средний класс, верхний рабочий и нижний рабочий класс, андеркласс.

5. Грубо говоря, если требуется б**о**льшая задушевность, предпочтительнее вариант "интеллигенция", если контекст требует официальности – то "служащие".

6. "Брань на вороту не виснет".

7. В некоторых вариантах "веберовского" списка вместо пятой позиции – собственники – фигурируют три разновидности: а) собственники, которые стремятся через образование к тем преимуществам, которыми владеют интеллектуалы, б) собственники, которые получают ренту от владения землей, шахтами и т.д., в) "коммерческий класс", то есть предприниматели [10]. Номинально в таком случае список оказывается представленным не пятью, а семью наименованиями, однако нетрудно заметить, что они логически сводимы к пяти основным, но при этом один из элементов ("собственники") подвергнут дополнительному делению натрое.

8. При этом если не забывается, то отодвигается на второй план тот факт, что любая "великая" национальная, воодушевляющая идея предполагает и социальное единение, что заведомо противоречит идеологическому унижению многомиллионных социальных слоев.

9. Насколько можно доверять телерепортажам и прессе, такое же число основных "злокозненных" этнических групп насчитывается и в Украине, только вместо кавказцев там фигурируют "москали".

10. "Мафиозизации" в рамках массового сознания отдельных национальных и конфессиональных групп способствует, в частности, их "закрытость". Если политическая и классовая принадлежность, согласно действующей идеологеме, изменяется в зависимости от желания и личных усилий, частично удачи, то национальность, особенно если ее признаки "написаны на лице", – практически неизменяемый атрибут. Высокой резистентностью обладает и конфессиональная принадлежность. Актуализация национального или конфессионального признаков по сути исключает соответствующих субъектов из общих процессов мобильности, загоняя их в идеологическую нишу, напоминающую по своему образу "мафию".

11. Ср. знаменитое суждение античных стоиков: смерть не имеет отношения к человеку, ибо пока он жив, смерти еще нет, когда умер – нет самого человека.

12. Такие вещи просто проиллюстрировать. Если, скажем, предприниматель априори не доверяет отечественному ученому, инженеру, то он изначально настроен на отказ от большинства его предложений, тем самым упуская потенциальную прибыль. В свою очередь, тот же инженер и ученый, если видит в предпринимателе главным образом алчного, наворовавшего толстосума, не только не воспринимает повышение прибыли предпринимателя как свою собственную цель, но и по сути заранее обрекает себя на отказ как в инвестициях, так и кредитах. Напротив, рост взаимного доверия и уважения интересов друг друга переводит взаимодействие в более конструктивное русло. И трансформированная классовая идеология меняет климат именно в таком направлении.

13. Чтобы мухинский символ глубже запал в душу масс, его

сделали эмблемой "Мосфильма".

14. Как раз в тот же период городской фольклор обогащается и выразительными частушками "Прихожу домой с работы, ставлю рашпиль у стены…".

15. Так, в нацистской Германии были проведены первые эффективные разработки в области ракетостроения, реактивной авиации и ядерного оружия, что отнюдь не стало препятствием для усвоения таких достижений демократическими Соединенными Штатами, а денацифицированная Германия не разрушила, например, автобанов, "построенных Гитлером".

16. Россия – во многом уникальная страна по критерию неоднородности. Гетерогенность наблюдается сразу по многим параметрам: географическому (включая климатический, часовой), национальному, конфессиональному и культурному. Колоссальны различия в уровнях экономического развития регионов, сопутствующего образа жизни. Дважды за столетие страна пережила и глубокие исторические разрывы, что оставило свой отпечаток во многих сферах. Без сглаживания ряда контрастов, по-видимому, окажется затруднительным и социальная гомогенизация, т.е. переход от пятичастной к трехчастной классовой идеологеме.

17. "… за четыре года пребывания в Белом доме администрация Буша выплатила рекордную сумму – более $250 миллионов частным пиар-компаниям для ведения скрытой государственной пропаганды в американских СМИ", круглые суммы получали также известные телеведущие, журналисты.

18. Хотя ценность и последних при желании может быть поставлена под вопрос, достаточно вспомнить пушкинские строки: "Мне дела нет, свободно ли печать морочит олухов иль чуткая цензура в журнальных замыслах смиряет балагура".

ОБ АВТОРЕ

Степанов Александр Игоревич, 1952 г.р., к.т.н., проживает в Санкт-Петербурге. С конца 1970-х и в 1980-ые годы – один из авторов самиздатских журналов "Часы", "Обводный канал", "Митин журнал" (по разделу литературная критика; темы – советский авангард 50-х – 80-х гг.). Входил в объединение литераторов "Клуб-81". С 1990 г. – в составе редколлегии журнала "Вестник новой литературы". С конца 1980-х круг интересов смещается в сторону политологии. Публикации: журнал "Логос" (С.-Петербургские чтения по философии культуры, СПб гос. ун-т), выпуски ИНИОНа (Институт научной информации по общественным наукам РАН), журнал "Лабиринт/Эксцентр". В 1990-х состоял в общественно-политическом объединении "Свободная Россия", в "Философском обществе Санкт-Петербурга". В настоящее время занимается вопросами на стыке культурологии и политологии, см., напр., книгу "Число и культура. Рациональное бессознательное в языке, литературе, науке, современной политике, философии, истории".

Адрес электронной почты Александра Степанова: alestep@mail.ru

СПИСОК ЗАМЕЧЕННЫХ ОПЕЧАТОК В КНИГЕ:

Степанов А.И. «Число и культура: Рациональное бессознательное в языке, литературе, науке, современной политике, философии, истории». – М.: Языки славянской культуры, 2004.

Стр.
Абзац, строка, формула
Напечатано
Следует читать
6
4 стр.
миро-системный
мир-системный
38
1 абз., 4 стр. снизу
Нуминозность или, комизм
Нуминозность ли, комизм
46
7 стр.
недвусмысленноцифровое
недвусмысленно цифровое
65
1 абз., 2 стр.

дефиницией Шпенглера
номинацией Шпенглера
80
2 абз., начиная с 5 стр.
Начиная со слов «Можно сказать, что» до конца абзаца

Более точную информацию можно почерпнуть у лингвистов: «Индоевропейская трехродовая система трактуется как результат преобразования более древней двухклассовой системы; А.Мейе полагал, что род развивался из оппозиции одушевленность-неодушевленность, К.К.Уленбек – из оппозиции активность-пассивность» (Виноградов В.А. Род // Языкознание. Большой энциклопедический словарь. – М., 2000; с. 418). Кроме того, сообщается, что категорию рода считают «'палеонтологической' категорией, уходящей корнями в особенности древнего мифологического мышления», а также то, что «в современных языках встречаются как трехродовые системы ‹…›, так и двухродовые (в романских, иранских)». Здесь не место для обсуждения конкретных причин реализации двухродового деления в определенных группах языков (один из вариантов логики двухчастности – см. Приложение П.2.1, с. 763-764), ведь мы заняты исключительно числами, и всего родов, как и полагается, в лингвистических теориях абз., 1-2 стр.

отсутствие
отсутствующий
97
2 абз. снизу, 2 стр. снизу
специфическ ой «логичности»
специфической «логичности»
98
1 абз. снизу, 3 стр. снизу
оппозиции «тело – душа – дух»
триады «тело – душа – абз. снизу, 7 стр. снизу
в прошлом веке
в XIX веке
124
2 абз., 3 стр. снизу
позитивный закон
позитивный закон
146
2 абз., 2 стр.
M = 3, (см. модель)
M = 3 (см. модель)
158
ф. (10), третья строка

M = l + = l + 1 («эль» курсивное)
165
2 абз., 5 стр.
в частности, синергетика
в частности синергетика
295
1 абз., 3 стр.
между Западным Римом и Византией
между Западным Римом и Восточным (Византией)
326
13-14 стр.
верим мы с середины прошлого века
верим мы с середины XIX века
360
1 абз. снизу, 1-2 стр. снизу
отсутствующий,

деленный, определенный
отсутствующий, определенный, неопределенный
369
2 абз., 4 стр. снизу
стереоскопический слух
стереофонический слух
390
3 абз., 2 стр.
пятиричный
пятеричный
397
2 абз., 1 стр. снизу
плечо к плечу
плечом к плечу
408
2 абз., 6 стр.
7 2 [354]
7 2 [354]
423
15 стр. снизу
не отдается отчет.
не отдается отчета.
425
3 абз., 4 стр.
в процессе эволюции» – ставит задачу
в процессе эволюции?» – ставит задачу
428

1 абз., 5 стр.
красивую дефиницию
красивую фразу
436
2 абз., 10 стр. снизу
каменный, бронзовый и железный век
каменный, бронзовый и железный века
446
1 абз., 4-6 стр.
личные представления (в момент революции же – особенно, постольку последняя «витализируется)
личные представления (в момент революции же – особенно), постольку последняя «витализируется»
452
2 абз., 8 стр.
бульшую
большую
464
2 абз., 12-13 стр.
наконец, возвратившей
наконец возвратившей
487
сноска 19, 3 стр.
адаптируемость
адаптивность
513
2 абз., 4 стр.
либералами – консерваторами – социалистами
либералами-консерваторами-социалистами
527
3 абз., 10 стр.
успеха революции а также то
успеха революции, а также абз., 5-6 стр.
четвертой революции плодами первой
четвертой революции с плодами первой
551
ф. (9)
x – a/c
x = абз., 7 стр.
русско-японской, первой мировой
Русско-японской, Первой мировой
558
1 абз. снизу, 4 стр. снизу
какой бы пост он не занимал

какой бы пост он ни занимал
560
1 абз. снизу, 3 стр.
Проиводности
Производности
628
2 абз., 3 стр. снизу
см. выше).
см. выше.
740
1 абз. снизу, 4-5 стр. снизу
самовольной
добровольного
756
формула (П.2)
M = CMl
M = Ckl
(т.е. в правой части выражения должно быть k, а не абз., 9 стр. снизу
(см. раздел 1.4.1), с которым
(см. раздел 1.4.1), которым
784
2 абз., 6 стр. снизу
и Энгельс напряжением
и Энгельс, напряжением
786
2 абз., 2 стр. снизу
есть общие точки соприкосновения
есть точки соприкосновения

This file was created

with BookDesigner program

bookdesigner@the-ebook.org

02.10.2008